

Н. ЛЕНИН
/ В. УЛЬЯНОВ /

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

IX

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

В

Т

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевики)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. IX

АГРАРНЫЙ ВОПРОС
1899—1913 гг.

70—85 тыс.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

*Печатается по постановлению
IX съезда РКП (б.)*

ЧАСТЬ I

АГРАРНЫЙ ВОПРОС И МАРКСИЗМ

КАПИТАЛИЗМ
В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

(О КНИГЕ КАУТСКОГО
И О СТАТЬЕ Г-НА БУЛГАКОВА)

Написано в 1899 году

*Напечатано в журнале „Жизнь“
январь—февраль 1900 г.*

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

В номере 1—2 «Начала» ¹⁾ (отд. II, стр. 1—21) помещена статья г. С. Булгакова ²⁾: «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия», посвященная критике сочинения Каутского ³⁾ об аграрном вопросе. Г. Булгаков совершенно справедливо говорит, что «книга Каутского представляет собою целое миросозерцание», что она имеет крупное и теоретическое, и практическое значение. Это—едва ли не первое систематичное и научное исследование вопроса, который вызывал и продолжает вызывать горячие споры во всех странах даже между писателями, солидарными в общих воззрениях и признающими себя марксистами. Г. Булгаков «ограничивается негативной критикой», критикой «отдельных положений книги Каутского» (которую он «кратко»—мы увидим, что слишком кратко и очень неточно излагает для читателей «Начала»). «Со временем» г. Булгаков надеется «дать систематическое изложение вопроса о капиталистической эволюции сельского хозяйства» и таким образом противопоставить Каутскому «также целое миросозерцание».

Мы не сомневаемся, что и в России книга Каутского вызовет не мало споров между марксистами, что и в России одни из них будут против Каутского, другие за него. По крайней мере, пишущий эти строки самым решительным образом расходится с мнением г. Булгакова, с его оценкой книги Каутского. Оценка эта,—несмотря на то, что г. Булгаков признает «Die Agrarfrage» «замечательным произведением»,—поражает своей резкостью и необычным в полемике между близкими по направлению писателями тоном. Вот образчики выражений г. Булгакова: «чрезвычайно поверхностно».. «одинаково мало и настоящей агрономии, и настоящей экономии»... «серьезные научные проблемы Каутский обходит *фразой*» (курсив г. Булгакова) и т. д., и т. д. Присмотримся же хорошенько к выражениям строгого критика, знакомя вместе с тем читателя с книгой Каутского.

I.

Еще прежде, чем г. Булгаков добрался до Каутского, от него достается мимоходом Марксу. Само собой разумеется, что г. Булгаков подчеркивает громадные заслуги великого экономиста, но замечает, что у Маркса «частью» попадаются даже «ошибочные представления... уже достаточно опровергнутые историей». «К числу таких представлений принадлежит, например, то, по которому в земледелии переменный капитал так же убывает относительно постоянного, как в обрабатывающей промышленности, так что органический состав земледельческого капитала все повышается». Кто ошибается здесь, Маркс или г. Булгаков? Г. Булгаков имеет в виду тот факт, что в земледелии прогресс техники и увеличение интенсивности хозяйства ведет часто к *увеличению* количества труда, необходимого для обработки данной площади. Это бесспорно, но отсюда еще далеко до отрицания теории об уменьшении переменного капитала *относительно* постоянного, в *пропорции* к постоянному. Теория Маркса утверждает лишь, что отношение $\frac{v}{c}$ (v = переменный капитал, c = постоянный капитал)

имеет в общем тенденцию уменьшаться, хотя бы даже v возрастало на единицу площади,—разве это опровергает теорию Маркса, если при этом c возрастает еще быстрее? По отношению к сельскому хозяйству капиталистических стран, взятому в общем и целом, мы видим уменьшение v и увеличение c . Сельское население и число сельских рабочих убывает и в Германии; и во Франции, и в Англии, между тем как число машин, употребляемых в сельском хозяйстве, растет. В Германии, например, сельское население с 1882 по 1895 г.г. убыло с 19,2 милл. до 18,5 (число сельских наемных рабочих с 5,9 милл. до 5,6), тогда как число машин, употребляемых в сельском хозяйстве, возросло с 458.369 до 913.391 *); число паровых машин, употребляемых в сельском хозяйстве, поднялось с 2.731 (1879 г.) до 12.856 (1897 г.); при чем число паровых лошадиных сил увеличилось еще больше. Количество рогатого скота поднялось с 15,8 милл. до 17,5, а свиней с 9,2 до 12,2 (1883 и 1892 г.г.). Во Франции сельское население уменьшилось с 6,9 милл. чел. («самостоятельных») в 1882 г. до 6,6 милл. в 1892 году, а число сельско-хозяйственных машин росло так: в 1862 г.—132.784; в 1882 г.—278.896; в 1892 г.—355.795; число рогатого скота: 12,0—13,0—13,7 милл., лошадей—2,91—2,84—2,79 милл. (уменьшение числа лоша-

*) Сосчитаны вместе различные машины. Все цифры, когда нет особых указаний, взяты из книги Каутского.

дей за 1882—1892 г. г. менее значительно, чем уменьшение сельского населения). Итак, в общем и целом по отношению к современным капиталистическим странам история подтвердила применимость закона Маркса к земледелию, а отнюдь не опровергла его. Ошибка г. Булгакова состоит в том, что он слишком поспешно возвел отдельные агрономические факты, не всмотревшись в их значение, на степень общих экономических законов. Мы подчеркиваем «общих», потому что пи Маркс, ни его ученики не смотрели никогда иначе на данный закон, как на закон общих тенденций капитализма, отнюдь не закон всех отдельных случаев. Даже по отношению к промышленности сам Маркс указал, что периоды технических преобразований (когда отношение $\frac{v}{c}$ уменьшается) сменяются периодами прогресса на данном техническом основании (когда отношение $\frac{v}{c}$ неизменно, а в отдельных случаях

может и увеличиваться). Мы знаем в промышленной истории капиталистических стран такие случаи, когда по отношению к целым отраслям промышленности этот закон нарушается. Например, когда крупные капиталистические мастерские (неточно называемые фабриками) разлагаются, чтобы уступить место капиталистической работе на дому. Относительно же земледелия не подлежит никакому сомнению, что процесс развития капитализма в нем неизмеримо сложнее и принимает несравненно более разнообразные формы.

Перейдем к Каутскому. Очерк сельского хозяйства в феодальную эпоху, с которого начинается Каутский, оказывается будто бы «очень поверхностно составленным и излишним». Трудно понять мотивы такого вердикта. Мы уверены, что если г. Булгакову удастся осуществить свой план и дать систематическое изложение вопроса о капиталистической эволюции земледелия, то ему необходимо придется обрисовать основные черты докапиталистической экономики сельского хозяйства. Иначе нельзя понять и характера капиталистической экономики и тех переходных форм, которые связывают ее с феодальной. Сам же г. Булгаков признает громадное значение «той формы, которую земледелие имело в начале (курсив г. Булгакова) своего капиталистического бега». Каутский именно с «начала капиталистического бега» европейского земледелия и начинается. Очерк феодального земледелия составлен у Каутского, по нашему мнению, превосходно: с той замечательной отчетливостью, с тем умением выбрать главное и существенное, не теряясь во второстепенных деталях, которые свойственны вообще этому писателю. Каутский прежде всего дает в введении в выс-

шей степени точную и правильную постановку вопроса. Он самым решительным образом заявляет: «Не подлежит никакому сомнению,—мы готовы принять это *a priori* (von vornherein) доказанным,—что сельское хозяйство не развивается по тому же шаблону, как и индустрия: оно подчиняется особым законам» (S. 5—6). Задача состоит в том, чтобы «исследовать, овладевает ли капитал сельским хозяйством и как именно овладевает он им, как он преобразует его, как именно делает он несостоятельными старые формы производства и формы собственности и создает необходимость новых форм» (S. 6). Такая и только такая постановка вопроса и может привести к удовлетворительному выяснению «развития сельского хозяйства в капиталистическом обществе» (заглавие первого, теоретического, отдела книги Каутского).

В начале «капиталистического бега» земледелие было в руках *крестьянина*, подчиненного, по общему правилу, феодальному режиму общественного хозяйства. И Каутский характеризует прежде всего *строй* крестьянского хозяйства, соединение земледелия с домашней промышленностью, затем элементы разложения этого парадиза мелкобуржуазных и консервативных писателей (*à la* Сисмонди), значение ростовщичества, постепенное «проникновение в деревню, в недра самого крестьянского хозяйства, классового антагонизма, разрушающего старинную гармонию и общность интересов» (S. 13). Этот процесс начался еще в Средние века и не завершился окончательно еще и в настоящее время. Мы подчеркиваем это заявление, потому что оно сразу показывает всю неправильность утверждения г. Булгакова, будто Каутский даже не ставил вопроса о том, кто был носителем технического прогресса в земледелии. Каутский совершенно определенно поставил и выяснил этот вопрос, и всякий, внимательно прочитавший его книгу, усвоит ту (часто забываемую народниками, агрономами и многими другими) истину, что носителем технического прогресса в современном земледелии является *сельская буржуазия*, как мелкая, так и крупная, при чем крупная (как показал Каутский) играет в этом отношении более важную роль, чем мелкая.

II.

Обрисовав затем (в III главе) основные черты феодального земледелия — господство трехполья, этой консервативнейшей системы земледелия; угнетение и экспроприацию крестьянства крупным помещичьим дворянством; организацию этим последним феодально-капиталистического хозяйства; превращение крестьянина в голодаю-

щего нищего (Hungerleider) в течение XVII и XVIII веков; развитие буржуазного крестьянства (Grossbauern, не обходящихся без найма батраков и поденщиков), для которого не годились старые формы сельских отношений и поземельной собственности; ниспровержение этих форм, расчистку пути для «капиталистического, интенсивного сельского хозяйства» (S. 26) силами развившегося в недрах индустрии и городов класса буржуазии,—обрисовав это, Каутский переходит к характеристике «современного (moderne) сельского хозяйства» (IV глава).

Эта глава дает замечательно точный, сжатый и ясный очерк той гигантской революции, которую произвел в земледелии капитализм, превратив рутинное ремесло забытых нуждой и задавленных темнотой крестьян в научное применение агрономии, нарушив вековой застой сельского хозяйства, дав (и продолжая давать) толчок быстрому развитию производительных сил общественного труда. Трехполье заменилось плодопеременной системой, улучшилось содержание скота и обработка почвы, повысились урожай, сильно развилась специализация земледелия, разделение труда между отдельными хозяйствами. Докапиталистическое однообразие сменилось все усиливающимся разнообразием, сопровождающимся техническим прогрессом всех отраслей сельского хозяйства. Создалось и стало быстро расти применение машин к сельскому хозяйству, применение парз; начинается применение электричества, которому,—как указывают специалисты,—суждено сыграть еще более крупную роль в этой отрасли производства, чем пару. Развилось применение подъездных дорог, мелиорации, употребление искусственных удобрений, сообразно с данными физиологии растений; стала применяться к сельскому хозяйству бактериология. Мнение г. Булгакова, будто Каутский «не сопровождает эти сведения *) *экономическим анализом*»,—совершенно неосновательно. Каутский точно указывает связь этого переворота с ростом *рынка* (в частности с ростом городов), с подчинением сельского хозяйства *конкуренции*, *вынудившей* преобразование земледелия и специализа-

*) «Все эти сведения,—полагает г. Булгаков,—можно почерпнуть из всякого (sic!) руководства по экономии сельского хозяйства». Мы не разделяем этого розового взгляда г. Булгакова на «руководства». Возьмем из числа «всяких» русские книги г.г. Скворцова («Паровой транспорт») и Н. Каблукова ⁴⁾ («Лекции», наполовину перепечатанные в «новой» книге: «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России»). Ни у того, ни у другого читатель не мог бы почерпнуть картины того переворота, который произвел *капитализм* в земледелии, потому что ни один из них не задается даже целью представить общую картину перехода от феодального к капиталистическому хозяйству

цию его. «Этот переворот, исходящий от городского капитала, усиливает зависимость сельского хозяина от рынка и, кроме того, постоянно изменяет существенные для него рыночные условия. Та отрасль производства, которая была доходна до тех пор, пока ближайший рынок соединялся с мировым рынком лишь шоссейной дорогой, становится бездоходной и необходимо должна быть заменена другой отраслью производства, когда местность прорезывается железной дорогой. Если, например, железная дорога подвозит более дешевый зерновой хлеб, производство зерна становится безвыгодным, но в то же время создается возможность сбыта для молока. Рост товарного обращения дает возможность переносить в страну новые, улучшенные сорта растений», и т. д. (S. 37—38). «В феодальную эпоху, — говорит Каутский, — не было иного земледелия, кроме мелкого, ибо помещик обрабатывал свои поля тем же крестьянским инвентарем. Капитализм впервые создал возможность крупного производства в земледелии, технически более рационального, чем мелкое». Говоря о сельскохозяйственных машинах, Каутский (мимоходом сказать, точно указавший особенности земледелия в этом отношении) выясняет *капиталистический* характер их употребления, влияние их на рабочих, значение машин, как фактора прогресса, «реакционную утопичность» проектов об ограничении употребления сельскохозяйственных машин. «Сельскохозяйственные машины будут продолжать свою преобразовательную деятельность: они будут выгонять сельских рабочих в города, служа таким образом могучим орудием, с одной стороны, повышения заработных плат в деревне, с другой стороны, дальнейшего развития применения машин к сельскому хозяйству» (S. 41). Добавим, в особых главах Каутский подробно выясняет и капиталистический характер современного земледелия, и отношение крупного производства к мелкому, и пролетаризацию крестьянства. Утверждение г. Булгакова, будто Каутский «не ставит вопроса, почему были необходимы все эти чудодейственные перемены», как мы видим, совершенно неверно.

В V главе («Капиталистический характер современного сельского хозяйства») Каутский излагает теорию стоимости, прибыли и ренты Маркса. «Без денег современное сельскохозяйственное производство невозможно, — говорит Каутский, — или, что то же, оно невозможно *без капитала*. В самом деле, при современном способе производства всякая денежная сумма, не служащая целям личного потребления, может превратиться в капитал, т. е. в стоимость, порождающую прибавочную стоимость, и, по общему правилу, действительно превращается в капитал. Современное сельскохозяйственное производство представляет из себя, следовательно, капиталистическое

производство» (S. 56). Это место дает нам, между прочим, возможность оценить следующее заявление г. Булгакова: «Я употребляю этот термин (капиталистическое земледелие) в обычном смысле (в том же смысле употребляет его и Каутский), т.-е. в смысле крупного хозяйства в земледелии. На самом же деле (sic!) при капиталистической организации *всего* народного хозяйства вообще нет *некапиталистического* земледелия, которое *все* определяется общими условиями организации производства, и лишь в пределах его следует различать крупное, предпринимательское и мелкое земледелие. Для ясности и здесь нужен новый термин». Выходит ведь, что г. Булгаков *поправил* Каутского... «На самом же деле», как видит читатель, Каутский *вовсе не употребляет* термин «капиталистическое земледелие» в том «обычном» неточном смысле, в котором употребляет его г. Булгаков. Каутский прекрасно понимает и очень точно и ясно говорит, что при капиталистическом способе производства всякое земледельческое производство является «по общему правилу» капиталистическим. В основание этого мнения приводится тот простой факт, что для современного земледелия необходимы деньги, а деньги, не идущие на личное потребление, становятся в современном обществе капиталом. Нам представляется, что это немного пояснее «поправки» г. Булгакова, и что Каутский вполне показал возможность обойтись и без «нового термина».

В V главе своей книги Каутский утверждает, между прочим, что и арендная система, которая так полно развилась в Англии, и гипотечная система, которая с поразительной быстротой развивается в континентальной Европе, выражают собою в сущности один и тот же процесс, а именно: *процесс отделения сельского хозяина от земли* *). В капиталистической системе фермерства это отделение ясно как день. В гипотечной системе оно «менее ясно, и дело обстоит не так просто, но в сущности сводится к тому же» (S. 86). Очевидно, в самом деле, что залог земли есть залог или продажа поземельной ренты. Следовательно, и при гипотечной системе, как и при арендной системе, получатели ренты (=землевладельцы) отделяются от получателей предпринимательской прибыли (=сельских хозяев, сельских предпринимателей). Г. Булгакову «вообще неясно значение этого утверждения Каутского». «Едва ли можно считать доказанным, чтобы ипотека выражала собой отделение земли от сельского хозяина». «Во-1-х, нельзя

*) В третьем томе «Капитала» Маркс указал на этот процесс (не разбирая его различных *форм* в разных странах) и отметил, что это «отделение земли, как условия производства, от землевладения и от землевладельца» есть «один из великих результатов капиталистического способа производства» (III, 2, S.156—157. Русск. перев., стр. 509—510).

доказать, чтобы задолженность поглощала собой *всю* ренту, это возможно лишь как исключение...» Мы отвечаем на это: нет никакой надобности доказывать, что проценты по гипотечным долгам поглощают *всю* ренту, точно так же, как нет надобности доказывать, что *действительная* арендная плата совпадает с рентой. Достаточно доказать, что гипотечная задолженность растет с гигантской быстротой, что землевладельцы стараются заложить всю свою землю, стремятся продать всю ренту. В наличности этой тенденции—теоретический экономический анализ может вообще иметь дело только с тенденциями—пельзя сомневаться. Следовательно, несомненен и процесс отделения земли от сельского хозяина. Соединение в одном лице получателя ренты и получателя предпринимательской прибыли есть «с исторической точки зрения, исключение» (*ist historisch eine Ausnahme*, S. 91)... «Во-2-х, нужно проанализировать в каждом данном случае причины и источники задолженности, чтобы понять ее значение». Это, вероятно, либо опечатка, либо обмолвка. Г. Булгаков не может требовать, чтобы экономист (трактующий притом о «развитии сельского хозяйства в капиталистическом обществе» *вообще*) должен был или хотя бы мог исследовать причины задолженности «*в каждом данном случае*». Если г. Булгаков хотел сказать о необходимости анализировать причины задолженности в разных странах в разные периоды, то мы не можем согласиться с ним. Каутский совершенно прав, что монографий по аграрному вопросу накопилось слишком много, что насущная задача современной теории—вовсе не добавление новых монографий, а исследование основных тенденций капиталистической эволюции сельского хозяйства в ее целом» (*Vorrede*, S. VI). К числу этих основных тенденций, несомненно, принадлежит и отделение земли от сельского хозяина в форме роста гипотечной задолженности. Каутский точно и ясно определил настоящее значение гипотек, их прогрессивный исторический характер (отделение земли от сельского хозяина есть одно из условий обобществления сельского хозяйства, S. 88), их необходимую роль в капиталистической эволюции земледелия*). Все рассуждения Каутского по этому вопросу чрезвычайно ценны теоретически и дают сильное оружие против столь распространенных (особенно во «всяких руководствах по экономии сельского хозяйства») буржуазных

*) «Увеличение гипотечной задолженности отнюдь не всегда указывает на угнетенное состояние сельского хозяйства... Прогресс и процветание сельского хозяйства равным образом (как и его упадок) должны выражаться в росте гипотечных долгов—во-1-х, вследствие растущей потребности прогрессирующего сельского хозяйства в капитале; во-2-х, вследствие роста поземельной ренты, дающего возможность расширить сельско-хозяйственный кредит» (S. 87).

разглагольствований о «бедствиях» задолженности и о «мерах помощи»... «В-3-х,—заключает г. Булгаков,—сдаваемая в аренду земля может быть, в свою очередь, заложена и в этом смысле стать в положение земли не арендуемой». Станный довод! Пусть укажет г. Булгаков хоть одно экономическое явление, хоть одну экономическую категорию, которые бы не переплетались с другими. Случаи совмещения аренды с ипотекой не опровергают и даже не ослабляют того положения теории, что процесс отделения земли от сельского хозяина выражается в двух формах: в арендной системе и в ипотечной задолженности

«Еще более неожиданным» и «вполне неверным» объявляет также г. Булгаков положение Каутского, что «страны развитой арендной системы суть также страны с преобладанием крупного землевладения» (S. 88). Каутский говорит здесь о концентрации землевладения (при арендной системе) и концентрации ипотек (при системе собственного хозяйства землевладельцев), как об условии, облегчающем уничтожение частной поземельной собственности. По вопросу о концентрации землевладения,—продолжает Каутский,—нет такой статистики, «которая бы позволяла проследить соединение нескольких владений в одних руках», но «в общем можно принять», что увеличение числа аренды и площади арендованной земли идет рядом с концентрацией землевладения. «Страны развитой арендной системы суть также страны с преобладанием крупного землевладения». Ясно, что все это рассуждение Каутского только и относится к странам развитой арендной системы, а г. Булгаков ссылается на восточную Пруссию, где он «надеется показать» рост аренды на-ряду с раздроблением крупного землевладения,—и хочет этим отдельным примером опровергнуть Каутского! Напрасно только забывает г. Булгаков сообщить читателю, что Каутский сам указывает раздробление крупных имений и рост крестьянской аренды в Ост-Эльбии, выясняя при этом, как мы увидим ниже, настоящее значение этих процессов.

Концентрацию землевладения в странах ипотечной задолженности Каутский доказывает концентрацией ипотечных учреждений. Г. Булгаков это находит недоказательным. «Легко может быть,—по его мнению,—что происходит децентрация капитала (путем акций) на-ряду с концентрацией кредитных учреждений». Ну, по этому вопросу мы уже не станем спорить с г. Булгаковым.

III.

Рассмотрев основные черты феодального и капиталистического земледелия, Каутский переходит к вопросу о «крупном и мелком про-

изодстве» (гл. VI) в сельском хозяйстве. Эта глава—одна из лучших в книге Каутского. Он рассматривает здесь сначала «техническое превосходство крупного производства». Решая вопрос в пользу крупного производства, Каутский дает отнюдь не абстрактную формулу, игнорирующую гигантское разнообразие сельско-хозяйственных отношений (как полагает в высшей степени неосновательно г. Булгаков), а, напротив, ясно и точно указывает на необходимость принимать во внимание это разнообразие для применения закона теории к практике. Превосходство крупного производства в земледелии над мелким неизбежно—«*само собой разумеется*» лишь «*при прочих равных условиях*» (S. 100. Курсив мой). Это во-первых. И в промышленности ведь закон превосходства крупного производства вовсе не так абсолютен и так прост, как иногда думают: и там лишь равенство «*прочих условий*» (далеко не всегда имеющее место в действительности) обеспечивает полную применимость закона. В земледелии же, которое отличается несравненно большей сложностью и разнообразием отношений, полная применимость закона о превосходстве крупного производства обставлена значительно более строгими условиями. Например, Каутский замечает очень метко, что на границе между крестьянским и маленьким помещичьим имением происходит «превращение количества в качество»: крупное крестьянское хозяйство может быть «если не технически, то экономически выше» мелкого помещичьего. Содержание научно-образованного управляющего (одно из важных преимуществ крупного производства) чересчур обременительно для мелкого помещика, а собственное заведывание самого хозяина бывает часто лишь «юнкерским», но вовсе не научным. Во-вторых, превосходство крупного производства в земледелии имеет место лишь до известного—предела. Каутский подробно исследует эти пределы в дальнейшем изложении. Само собой разумеется также, что эти пределы не одинаковы для различных отраслей сельского хозяйства и при различных общественно-экономических условиях. В-третьих, Каутский несколько не игнорирует того, что «*пока*» есть и такие отрасли сельского хозяйства, в которых мелкое производство специалисты признают способным к конкуренции, например: огородничество, виноградарство, культура торговых растений и т. п. (S. 115). Но такие культуры имеют совершенно подчиненное значение по отношению к главным (entscheidenden) отраслям сельского хозяйства: производству зернового хлеба и скотоводству. Кроме того, «и в области огородной культуры и культуры винограда имеются уже достаточно успешные крупные производства» (S. 115). Поэтому «если говорить о сельском хозяйстве в общем и целом (in Allgemeinen), то те отрасли его, в которых

мелкое производство имеет превосходство над крупным, не приходится брать в расчет, и вполне можно сказать, что крупное производство имеет решительное превосходство над мелким» (S. 116).

Доказав техническое превосходство крупного производства в земледелии (более подробно аргументы Каутского мы изложим ниже, разбирая возражения г. Булгакова), Каутский задается вопросом: «что может противопоставить мелкое производство преимуществам крупного?» и отвечает: «большее прилежание и большую заботливость работника, который, в отличие от наемника, работает на себя самого, а затем такой низкий уровень потребностей мелкого самостоятельного земледельца, который оказывается даже ниже уровня сельского рабочего» (S. 106),—и целым рядом рельефных данных о положении крестьян во Франции, Англии и Германии Каутский ставит вне всякого сомнения факт «чрезмерного труда и недостаточного потребления в мелком производстве». Наконец, Каутский указывает на то, что превосходство крупного производства выражается также в стремлении сельских хозяев устраивать *товарищества*: «товарищеское производство есть крупное производство». Известно, как носятся с товариществами мелких земледельцев идеологи мещанства вообще и российские народники в частности (назовем хоть цитированную выше книгу г. Каблукова). Тем более значения приобретает поэтому превосходный анализ роли товариществ, данный Каутским. Товарищества мелких сельских хозяев являются, конечно, звеном экономического прогресса, но выражают они *переход к капитализму* (Fortschritt zum Kapitalismus), а *вовсе не к коллективизму*, как часто думают и утверждают (S. 118). Товарищества не ослабляют, а усиливают превосходство (Vorsprung) крупного производства в сельском хозяйстве над мелким, потому что крупные хозяева имеют больше возможности устраивать товарищества и больше пользуются этой возможностью. Что общинное коллективистическое крупное производство выше капиталистического крупного производства, это Каутский признает — само собой разумеется—с полной решительностью. Он останавливается на опытах коллективного ведения земледелия, которые делались в Англии последователями Оуэна *), на аналогичных общинах в Северо-Американских Соединенных Штатах. Все эти эксперименты,—говорит Каутский,—*неопровержимо доказывают*, что коллективное ведение работниками крупного современного земледелия вполне возможно; но, чтобы эта

*) На стр. 124—126 Каутский описывает земледельческую коммуну в Рэлагине (Ralahine), о которой, между прочим, рассказывает русским читателям и г. Дионео ⁶⁾ в № 2 «Русского Богатства» за текущий (1900. *Ред.*) год.

возможность перешла в действительность, для этого необходим «целый ряд известных экономических, политических и интеллектуальных условий». Мелкому производителю (и ремесленнику, и крестьянину) мешает перейти к коллективному производству крайне слабое развитие солидарности, дисциплины, их изолированность, их «фанатизм собственников», констатируемый не только среди западно-европейских крестьян, но—добавим от себя—и среди русских «общинных» крестьян (вспомните А. Н. Энгельгардта и Гл. Успенского⁵). «Нелепо ждать,—категорически заявляет Каутский,—чтобы крестьянин в *современном обществе* перешел в общинному производству» (S. 129).

Таково чрезвычайно богатое содержание VI главы книги Каутского. Г. Булгаков особенно недоволен этой главой. Каутский,—говоря нам,—повинен в «основном грехе» смешения различных понятий, «технические преимущества смешиваются с экономическими». Каутский исходит из неверного предположения, будто более совершенный *технически* способ производства является более совершенным, т.-е. более жизнеспособным и *экономически*. Это решительное суждение г-на Булгакова совершенно неосновательно,—как, мы надеемся, убедился уже читатель из нашего изложения хода рассуждений Каутского. Нисколько не смешивая техники и экономики*), Каутский поступает совершенно правильно, исследуя вопрос о соотношении крупного и мелкого производства в земледелии *при прочих равных условиях* в обстановке капиталистического хозяйства. В *первой же фразе первого параграфа VI главы Каутский точно указывает эту связь между высотой развития капитализма и степенью общепри-*

*) Единственно, на что мог бы опереться г. Булгаков, это то название, которое дал Каутский первому параграфу VI главы: «а) *техническое* превосходство крупного производства», тогда как говорится в этом § и о технических, и об экономических преимуществах последнего. Но разве это доказывает, как Каутский *смешивает* технику и экономику? Да и то еще, собственно говоря, вопрос, есть ли неточность в обозначении Каутского. Дело в том, что Каутский имел целью проглаголовать содержание 1-го и 2-го §§ IV главы: в 1-м (а) говорится о техническом превосходстве крупного производства в капиталистическом сельском хозяйстве, и здесь, наряду с машинами и пр., фигурирует, например, кредит. Г. Булгаков иронизирует: «своеобразное техническое превосходство». Но *rien bien qui rien le dernier!* Загляните в книгу Каутского, и вы увидите, что он имеет в виду главным образом тот прогресс в *технике* кредитного дела (а далее и в технике торговли), который доступен *только* крупному хозяину. Напротив, во 2-м § (b) речь идет о сравнении количества труда и нормы потребления работника в крупном и мелком производстве; следовательно, здесь рассматриваются *чисто экономические различия* между мелким и крупным производством. Экономика кредита и торговли—одинакова для обоих но *техника*—различна.

нимости закона о превосходстве крупного земледелия. «Чем более капиталистическим становится сельское хозяйство, тем в больших размерах развивает оно качественную разницу между техникой мелкого и крупного производства» (S. 92). В докапиталистическом земледелии этой качественной разницы не было. Что же сказать о строгом назидании г-на Булгакова Каутскому: «На самом деле, вопрос должен быть поставлен так: какое значение в конкуренции крупного и мелкого производства, *при данных социально-экономических условиях*, могут иметь те или иные особенности каждой из этих форм производства?». Это—«поправка» совершенно такого же свойства, как и рассмотренная нами выше.

Посмотрим теперь, как опровергает г. Булгаков аргументы Каутского в пользу технического превосходства крупного производства в земледелии. Каутский говорит: «Одно из важнейших отличий сельского хозяйства от индустрии состоит в том, что производство в собственном смысле слова (*Wirtschaftsbetrieb*—хозяйственное предприятие) обыкновенно связано здесь с домашним хозяйством (*Haushalt*), чего в индустрии нет». А что более крупное домашнее хозяйство имеет преимущество над мелким по сбережению труда и материала, это вряд ли требует доказательств... Первое покупает (это заметьте! В. И.) «керосин, цикорий, маргарин—оптом, второе—в розницу, и пр.» (S. 93). Г. Булгаков «поправляет»: «Каутский хотел сказать не то, что это технически выгодней, а что это *стоит* меньше»!.. Не ясно ли, что и в этом случае (как и во всех остальных) попытка г. Булгакова «поправлять» Каутского более, чем неудачна? «Этот аргумент,—продолжает строгий критик,—сам по себе тоже очень сомнителен, потому что в ценность продукта, при известных условиях, ценность разрозненных изб может вовсе не входить, а ценность общей избы войдет, да еще с процентом. Это тоже зависит от социально-экономических условий, которые—а не мнимо технические преимущества крупного производства над мелким—следовало бы исследовать»... Во-1-х, г. Булгаков забывает ту мелочь, что Каутский, исследуя сначала сравнительное значение крупного и мелкого производства *при прочих равных условиях*, в дальнейшем изложении подробно разбирает и эти условия. Г. Булгаков хочет, следовательно, смешать в одну кучу различные вопросы. Во-2-х, каким образом ценность крестьянских изб может не входить в ценность продукта? Только в силу того, что крестьянин «не считает» ценности своего леса или своего труда по постройке и ремонту избы. Поскольку крестьянин ведет еще натуральное хозяйство, он, конечно, может «не считать» своего труда,—и г. Булгаков напрасно забывает сказать читателю, что *Каутский с полной яс-*

ностью и точностью указывает это на стр. 165—167 своей книги (гл. VIII, «Пролетаризация крестьянина»). Но ведь теперь речь идет о «социально-экономических условиях» капитализма, а не натурального и не простого товарного хозяйства. А в капиталистической общественной обстановке «не считать» своего труда—значит отдавать даром свой груд (купцу или другому капиталисту), значит работать за неполную оплату рабочей силы, значит понижать уровень потребностей ниже нормы. Это отличие мелкого производства Каутский, как мы видели, вполне признал и верно оценил. Г. Булгаков в своем возражении Каутскому повторяет обычный прием и обычную ошибку буржуазных и мелко-буржуазных экономистов. Эти экономисты прожужжали все уши, воспевая «жизнеспособность» мелкого крестьянина, который-де может не считать своего труда, не гнаться за прибылью и рентой и пр. Эти добрые люди забывали только, что подобное рассуждение смешивает «социально-экономические условия» натурального хозяйства, простого товарного производства и капитализма. Каутский превосходно разъясняет все эти ошибки, *строго различая* тот или иной строй общественно-экономических отношений. «Если сельско-хозяйственное производство мелкого крестьянина,—говорит он,—вовлечено в область товарного производства, если оно составляет лишь часть домашнего хозяйства, тогда оно остается также вне области централизирующих тенденций современного способа производства. Как бы нерационально ни было его парцелльное хозяйство, к какой бы расстрате сил оно ни вело,—он держится за него прочно, точно так же, как его жена держится за ее убогое домашнее хозяйство, которое точно так же дает при громаднейшей затрате рабочей силы бесконечно жалкие результаты, но которое представляет из себя единственную область, где она не подчинена чужой воле и свободна от эксплуатации» (S. 165). Дело меняется, когда натуральное хозяйство вытесняется товарным. Крестьянину приходится продавать продукты, покупать орудия, *покупать землю*. Покуда крестьянин остается *простым товаропроизводителем*, он может довольствоваться жизненным уровнем наемного рабочего; ему не нужны прибыль и рента, он может заплатить за землю более высокую плату, чем та, которую мог бы дать капиталист-предприниматель (S. 166). Но простое товарное производство вытесняется *капиталистическим производством*. Если, например, крестьянин заложил свою землю, он должен уже добывать и ренту, которая продана кредитору. На этой ступени развития только формально можно считать крестьянина простым товаропроизводителем. De facto он имеет уже обыкновенно дело с *капиталистом*—кредитором, купцом, промышленным предпринимателем, у которого он вы-

нужден искать «подсобных занятий», т. е. продавать ему свою рабочую силу. На этой стадии—а Каутский, повторяем, сопоставляет крупное и мелкое земледелие в капиталистическом обществе—возможность «не считать своего труда» означает для крестьянина лишь одно: надрываться над работой и бесконечно суживать свои потребности.

Так же несостоятельны и другие возражения г. Булгакова. Мелкое производство допускает в более узких пределах употребление машин: мелкому хозяину труднее и дороже достается кредит,—говорит Каутский. Г. Булгаков находит, что эти аргументы неверны, и ссылается на... крестьянские товарищества! Полным молчанием обходятся при этом доказательства Каутского, давшего приведенную нами выше оценку этих товариществ и их значения. По вопросу о машинах г. Булгаков опять делает выговор Каутскому, что он не поставил «более общего экономического вопроса: какова вообще экономическая роль машин в сельском хозяйстве» (г. Булгаков забыл уже о IV главе книги Каутского!) «и является ли она в нем таким же неизбежным орудием, как в обрабатывающей промышленности?». Каутский ясно указал капиталистический характер употребления машин в современном сельском хозяйстве (S. 39, 40 и сл.), отметил особенности земледелия, создающие «технические и экономические затруднения» применению машин в земледелии (S. 38 и сл.), привел данные о растущем употреблении машин (40), об их техническом значении (42 и сл.), о роли пара и электричества. Каутский указал, какие размеры хозяйств необходимы по данным агрономии для полного использования разных машин (94), указал, что по данным германской переписи 1895 года процент хозяйств, употребляющих машины, правильно и быстро повышается от мелких хозяйств к крупным (20% в хозяйствах до 2 гектаров, 13,8% в хоз. 2—5 га.; 45,8% в хоз. 5—20 га.; 78,8% в хоз. 20—100 га.; 94, 2% в хоз. 100 и более гектаров). Г. Булгаков желал бы вместо этих данных видеть «общие рассуждения о непобедимости» или победимости машин!

«Указание на то, что при мелком производстве приходится большее количество рабочего скота на гектар... неубедительно... ввиду того, что при этом не исследуется... степень скотоинтенсивности хозяйства»,—говорит г. Булгаков. Открываем ту страницу книги Каутского, где делается это указание, и читаем: «...Большое число коров в мелком хозяйстве» (по расчету на 1000 гектаров) «в незначительной степени зависит также и от того, что крестьянин более занимается скотоводством и менее производством хлебов, чем крупный хозяин; но различие в содержании лошадей не может быть объяснено этим» (стр. 96, где приведены данные о Саксонии 1860 г., о всей Германии

1883 г. и Англии 1880 года). Напомним, что и в России земская статистика обнаружила тот же закон, выражающий превосходство крупного земледелия над мелким: крупные крестьянские хозяйства обходятся меньшим, на единицу площади, количеством скота и инвентаря *).

Изложение аргументов Каутского о превосходстве крупного производства над мелким в капиталистическом сельском хозяйстве дано г. Булгаковым далеко не полное. Превосходство крупного земледелия состоит не только в меньшей потере культурной площади, в сбережениях на живом и мертвом инвентаре, в более полном использовании инвентаря, в более широкой возможности применять машины, в большей доступности кредита, но также и в коммерческом превосходстве крупного хозяйства, в употреблении этим последним научно-образованных руководителей хозяйства (Kautsky, S. 104). Крупное земледелие в больших размерах пользуется кооперацией рабочих и разделением труда. Особенно важное значение приписывает Каутский научному агрономическому образованию сельского хозяина. «Вполне научно-образованного сельского хозяина может содержать лишь такое производство, которое достаточно велико, чтобы труд руководства и надзора за хозяйством вполне занял рабочую силу лица» (S. 98): «эта величина хозяйства изменяется вместе с видом производства» от 3 гектаров при культуре винограда до 500 гектаров при экстенсивном хозяйстве). Каутский отмечает при этом тот интересный и крайне характерный факт, что распространение низших и средних сельскохозяйственных школ приносит пользу не крестьянину, а крупному хозяйцу, доставляя ему служащих (то же наблюдается и в России). «То высшее образование, которое необходимо для вполне рационального производства, трудно совместимо с современными условиями существования крестьян. Это означает осуждение, разумеется, не высшего образования, а условий жизни крестьян. Это означает лишь то, что крестьянское производство держится наряду с крупным производством не благодаря более высокой производительности, а благодаря более низким потребностям» (99). Крупное производство должно содержать не одни только крестьянские рабочие силы, но и городские рабочие силы, по уровню потребностей стоящие несравненно выше.

Те в высшей степени интересные и важные данные, которые приводит Каутский в доказательство «чрезмерного труда и недостаточного

*) См. В. Е. Постников, «Южно-русское крестьянское хозяйство». Ср. В. Ильин, «Развитие капитализма», гл. II, § I. (См. 42—47 стр. III тома Собр. сочинений. *Ред.*).

потребления в мелком производстве», г. Булгаков называет «несколькими (!) случайными (??) цитатами». Г. Булгаков «берется» привести такое же количество цитат противоположного характера». Он забывает только сказать, не берется ли он также выставить *противоположное утверждение*, которое он стал бы доказывать «цитатами противоположного характера». В этом ведь вся суть дела! Не берется ли г. Булгаков утверждать, что крупное производство в капиталистическом обществе отличается от крестьянского чрезмерной работой и пониженным потреблением работника? Г. Булгаков достаточно осторожен, чтобы выставлять такое комичное утверждение. Факт чрезмерной работы и понижения потребностей крестьян он считает возможным обйти замечанием, что «в одних местах крестьяне живут зажиточно, в других бедно!!». Что сказали бы вы об экономисте, который вместо обобщения данных о положении мелкого и крупного производства принялся бы исследовать разницу в «зажиточности» населения тех или других «мест»? Что сказали бы вы об экономисте, который обошел бы факт чрезмерной работы и пониженного потребления кустарей по сравнению с фабричными рабочими замечанием, что «в одних местах кустари живут зажиточно, в других бедно»? Кстати, о кустарях. «Повидимому,—пишет г. Булгаков,—Каутскому мысленно предносилась параллель Hausindustrie, где перерабатыванье не имеет технических границ (как в земледелии), «но эта параллель сюда не годится». Повидимому,—ответим мы на это,—г. Булгаков поразительно невнимательно отнесся к критикуемой им книге, потому что параллель с Hausindustrie не «мысленно предносилась Каутскому», а *прямо и точно указана им на первой же странице того §*, который посвящен вопросу о перерабатываньи (гл. VI, b, S. 106): «Как и в кустарной промышленности (Hausindustrie), семейная работа детей в мелком крестьянском хозяйстве действует еще губительнее, чем работа по найму у чужих лиц». Как ни решительно декретирует г. Булгаков, что эта параллель сюда не годится, тем не менее его мнение совершенно ошибочно. В промышленности перерабатыванье не имеет технических границ, а для крестьянина «ограничено техническими условиями земледелия»,—рассуждает г. Булгаков. Спрашивается, кто же на самом деле смешивает технику и экономику: Каутский или г. Булгаков? При чем же тут техника земледелия или кустарной промышленности, когда факты говорят, что мелкий производитель и в земледелии, и в промышленности гонит на работу детей с более раннего возраста, работает большее число часов в день, живет «бережливее», урезывает свои потребности до того, что в цивилизованной стране выделяется, как настоящий «варвар» (выражение Маркса)? Неужели можно отри-

цать экономическую однородность подобных явлений в земледелии и в промышленности на том основании, что земледелие имеет массу особенностей (которых Каутский нисколько не забывает). «Мелкий крестьянин, даже при желании, не может работать больше, чем того требует его поле»,—говорит г. Булгаков. Но мелкий крестьянин может работать и работает по 14, а не по 12 часов; может работать и работает с той сверхнормальной напряженностью, которая изматывает его нервы и мускулы гораздо быстрее нормального. И потом, какая это неверная и утрированная абстракция—сводить все работы крестьянина к одному полю! У Каутского вы не найдете ничего подобного. Каутский прекрасно знает, что крестьянин работает также и в домашнем хозяйстве, работает над постройкой и ремонтом избы, хлева, орудий и пр., «не считая» всего этого добавочного труда, за который наемный рабочий в крупном хозяйстве потребует обычной платы. Не ясно ли для всякого непредубежденного человека, что перерабатываешь для крестьянина — мелкого земледельца — поставлено в *несравненно более широкие пределы*, чем для мелкого промышленника, если он *только* промышленник? Перерабатыванье мелкого земледельца, как всеобщий факт, наглядно доказывается тем, что все буржуазные писатели единогласно свидетельствуют о «прилежании» и «бережливости» крестьянина, обвиняя рабочих в «лености» и «мотовстве».

Мелкие крестьяне,—говорит цитируемый Каутским исследователь быта сельского населения в Вестфалии,—непомерно заваливают своих детей работой, так что их физическое развитие задерживается; таких дурных сторон не имеет работа по найму. Парламентской комиссии, исследовавшей аграрный быт Англии (1897 г.), один мелкий крестьянин из Линкольна заявлял: «Я воспитал целую семью и до полусмерти замучил ее работой». Другой говорит: «Мы работаем с детьми по 18 часов, в среднем 10—12 часов». Третий: «Мы работаем тяжелее, чем поденщики, мы работаем как рабы». Г. Рид (Read) следующим образом характеризует перед той же комиссией положение мелких крестьян в тех местностях, в которых преобладает земледелие в тесном смысле: «Единственное средство для него удержаться, это—работать за двоих поденщиков, а расходовать столько же, сколько один поденщик. Его дети более замучены работой и хуже воспитаны, чем дети поденщиков» («Royal Commission of Agriculture», final report, p. p. 34, 357. Цитир. у Каутского, S. 109). Не берется ли г. Булгаков утверждать, что не менее часто поденщики работают за двоих крестьян? Но особенно характерен следующий, приводимый Каутским, факт, показывающий, как «крестьянское искусство голодать (Hungerkunst) может вести к экономическому превосходству мелкого производства»: сравнение

доходности двух крестьянских хозяйств в Бадене показывает в одном, *крупном*, дефицит в 933 марки, в другом, *вдвое более мелком*, избыток в 191 марку. Но первое хозяйство, которое велось исключительно наемными рабочими, должно было, как следует, кормить их, расходуя почти по 1 марке в день на человека (около 45 коп.), тогда как в мелком хозяйстве работали исключительно члены семьи (жена и 6 взрослых детей), содержание которых было *вдвое более скудным*: 48 пфеннигов в день на человека. Если бы семья мелкого крестьянина кормилась так же хорошо, как наемные рабочие крупного хозяина, мелкий получил бы дефицит в 1.250 марок! «Его избыток происходил не из полных закромов, а из пустого желудка». Какая масса подобных примеров была бы открыта, если бы сравнения «доходности» крупных и мелких хозяйств в земледелии сопровождалась учетом потребления и работы крестьян и наемных рабочих*). Вот другой расчет более высокой доходности мелкого хозяйства (4,6 гект.) по сравнению с крупным (26,5 гект.), расчет, делаемый в одном из специальных журналов. Но как получается высший доход?—спрашивает Каутский. Оказывается, мелкому земледельцу помогают дети, помогают с того возраста, как только начинают ходить, крупному же приходится расходоваться на детей (школа, гимназия). В мелком и старики, имеющие более 70 лет, «замевают еще полную рабочую силу». «Обыкновенный поденщик, особенно в крупном производстве, работает и думает: когда же это придет вечерний отдых; а мелкий крестьянин, по крайней мере при всех спешных работах, думает: ах, если бы день был хоть часика на два подольше». Мелкие производители,—поучает нас все тот же автор статьи в агрономическом журнале,—лучше используют время при спешных работах: «раньше встают, позже ложатся, быстрее работают, тогда как у крупного хозяина рабочие не хотят вставать раньше, ложиться позже, работать напряженнее, чем в другие дни». Крестьянин умеет получать чистый доход благодаря своей «простой» жизни: живет в мазанке, построенной главным образом трудом семьи; жена замужем 17 лет и сносила всего одну пару ботинок, больше ходит босиком или в деревянных башмаках, семью она сама же и обшивает. Пища—картофель, молоко, изредка—селедка. Муж только по воскресеньям курит трубку табаку. «Эти люди не сознавали, что они живут особенно просто, и не выражали недовольства своим положением... При таком простом образе жизни они получали почти каждый год маленький избыток от своего хозяйства».

*) Ср. В. Ильин, «Развитие капитализма в России», стр. 112, 175, 201 (см. стр. 126, 189, 215 III тома Собр. сочинений Н. Ленина. *Ред.*).

IV.

Закончив анализ взаимоотношения крупного и мелкого производства в капиталистическом сельском хозяйстве, Каутский переходит к специальному выяснению «границ капиталистического сельского хозяйства» (глава VII). Против теории превосходства крупного земледелия,—говорит Каутский,—восстают главным образом «друзья человечества» (мы чуть не сказали—друзья народа...) в рядах буржуазии, фритредеры чистого типа, аграрии. В последнее время многие экономисты выступают за мелкое земледелие. Ссылаются обыкновенно на статистику, которая показывает, что вытеснения мелких хозяйств крупными не происходит. И Каутский приводит данные статистики: в Германии с 1882 по 1895 г. всего больше возросла площадь средних хозяйств; во Франции с 1882 по 1892 г.—самых мелких и самых крупных; площадь средних уменьшилась. В Англии с 1885 по 1895 г. уменьшилась площадь самых мелких и самых крупных хозяйств; всего больше увеличилась площадь хозяйств в 40—120 ha (100—300 акров), т.-е. хозяйств, которых нельзя отнести к мелким. В Америке средняя величина фермы понижается: 1850—203 акра, 1860—199, 1870—153, 1880—134, 1890—137. Каутский рассматривает ближе данные американской статистики, и его анализ, вопреки мнению г. Булгакова, имеет важное *принципиальное* значение. Главная причина уменьшения среднего размера ферм—раздробление крупных плантаций юга после освобождения негров; в южных штатах средний размер ферм понизился более чем вдвое. «Победы мелкого производства над *современным*» (=капиталистическим) «крупным производством не усмотрит в этих цифрах ни один понимающий дело человек». Вообще разбор данных американской статистики по *отдельным районам* показывает много разнообразных отношений. В североцентральной полосе, в главных «пшеничных штатах», средняя величина фермы *повысилась* с 122 до 133 акров. «Лишь там мелкое производство получает преобладание, где сельское хозяйство находится в упадке или где докапиталистическое крупное производство вступает в конкуренцию с крупным производством» (135). Этот вывод Каутского очень важен, потому что он показывает те условия, без которых употребление статистики может быть лишь *злоупотребительным*: необходимо отличать капиталистическое крупное производство от докапиталистического. Необходимо *детализировать* исследование по отдельным районам, которые отличаются существенными особенностями в формах земледелия и в исторических условиях его развития. Говорят: «цифры доказывают!» Но надо же разобрать, что именно доказывают цифры. Они доказывают только

то, что они прямо говорят. Прямо говорят цифры не о размерах производства, а о площади хозяйств. Между тем, возможно, и на деле так бывает, что «маленькое имение при интенсивном хозяйстве может быть более крупным производством, чем большое при экстенсивном хозяйстве». «Статистика, дающая нам сведения только о площади хозяйства, не говорит ровно ничего по вопросу о том, основывается ли уменьшение площади хозяйства на действительном уменьшении размеров хозяйства или же на интенсификации хозяйства» (146). Лесное и выгонное хозяйство, эти первые формы капиталистического крупного хозяйства, допускают наибольшую площадь имений. Полеводство требует уже меньшей площади хозяйства. Разные системы полеводства опять-таки различны в этом отношении: хищническая, экстенсивная система хозяйства (которая преобладала в Америке до сих пор) допускает громадные фермы (до 10.000 гектаров, как *bonanza farms* Дальримпля, Гленна и др. И в наших степях крестьянские посевы, а тем более купеческие, достигают таких размеров). Переход к удобрению и пр. необходимо ведет к уменьшению площади хозяйств, которые, например, в Европе мельче, чем в Америке. Переход от полеводственной системы хозяйства к скотоводственной опять-таки требует уменьшения площади хозяйства: в Англии в 1880 г. средний размер скотоводственных хозяйств был 52,3 акра, а полеводственных, зерновых хозяйств 74,2 акра. Поэтому совершающийся в Англии переход от земледелия к скотоводству *должен* порождать тенденцию к уменьшению площади хозяйства. «Но это значило бы судить очень поверхностно, если бы отсюда стали заключать об упадке производства» (149). В Ост-Эльбии (исследованием которой г. Булгаков надеется со временем опровергнуть Каутского) происходит именно переход к интенсивному хозяйству: «крупные земледельцы,—говорит цитируемый Каутским Зеринг,—усиливают производительность своей почвы, продавая или сдавая в аренду крестьянам отдаленные части имений», потому что при интенсивном хозяйничаньи эти отдаленные части трудно утилизировать. «Таким образом крупные имения в Ост-Эльбии уменьшаются, рядом с ними создаются мелкие крестьянские хозяйства, и это не потому, что мелкое производство выше крупного, а потому, что прежние размеры имений были приспособлены к нуждам экстенсивного хозяйства» (150). Уменьшение площади хозяйства во всех этих случаях ведет обыкновенно к увеличению (с единицы земли) количества продукта, часто к увеличению числа занятых рабочих, т.-е. фактическому *увеличению* размеров производства.

Понятно из этого, как мало доказательны огульные данные сельскохозяйственной статистики о *площадях* хозяйств, и с какой отго-

рожностью следует пользоваться ими. Ведь в промышленной статистике мы имеем дело с *прямыми* показателями размеров производства (количество товара, сумма производства, число рабочих) и при том легко можем выделить отдельные производства. Этим необходимым условиям доказательности сельско-хозяйственная статистика очень редко удовлетворяет.

Затем монополия земельной собственности полагает пределы земледельческому капитализму; в промышленности капитал растет *накоплением*, обращением сверхстоимости в капитал; *централизация*, т.-е. соединение нескольких мелких капиталов в крупный, играет меньшую роль. Иначе в земледелии. Земля вся занята (в цивилизованных странах), а расширить площадь хозяйства можно только *централизацией* нескольких участков, при том так, чтобы они составляли *общую площадь*. Понятно, что расширение имения скупкой окрестных участков—вещь очень трудная, особенно ввиду того, что мелкие участки отчасти заняты сельскими рабочими (необходимыми для крупного хозяина), отчасти мелкими крестьянами, обладающими искусством держаться путем безмерного и невероятного понижения потребностей. Это констатирование простого и ясного, как день, факта, указывающего пределы сельско-хозяйственного капитализма, почему-то показалось г. Булгакову «фразой» (??!) и дало повод для самых неосновательных ликований: «Итак (!), превосходство крупного производства разбивается (!) перед первым препятствием». Г. Булгаков сначала неверно понял закон превосходства крупного производства, приписав ему непомерную абстрактность, от которой очень далек Каутский, а теперь обращает свое непонимание в довод против Каутского! В высшей степени странно мнение г. Булгакова, будто он может опровергнуть Каутского ссылкой на Ирландию (крупное землевладение, но без крупного производства). Из того, что крупное землевладение есть одно из условий крупного производства, никак не следует, чтобы оно было достаточным условием. Рассматривать же исторические и другие причины особенностей Ирландии или другой страны, конечно, не мог Каутский в сочинении о капитализме в сельском хозяйстве вообще. Ведь никто не вздумал бы требовать от Маркса, чтобы он, анализируя общие законы капитализма в промышленности, разъяснял, почему во Франции дольше держится мелкая промышленность, почему в Италии промышленность развивается слабо и т. п. Точно также несостоятельно указание г. Булгакова на то, что концентрация «могла бы» итти постепенно: расширить имение прикупкой участков соседей далеко не так просто, как пристроить новые помещения к фабрике для добавочного числа станков и т. п.

Ссылаясь на эту чисто фиктивную возможность постепенной концентрации или аренды для образования крупных хозяйств, г. Булгаков обратил мало внимания на действительную особенность земледелия в процессе концентрации,—особенность, указанную Каутским. Это—латифундии, скопление нескольких имений в одних руках. Статистика считает обыкновенно только отдельные имения и не дает никаких сведений о процессе концентрации разных имений в руках крупных землевладельцев. Каутский сообщает относительно Германии и Австрии весьма рельефные примеры такой концентрации, приводящей к особой, высшей форме крупного капиталистического земледелия, когда несколько крупных имений соединяются в одно хозяйственное целое, управляемое одним центральным органом. Такое гигантское сельско-хозяйственное предприятие дает возможность соединять самые различные отрасли сельского хозяйства и в наибольших размерах пользоваться выгодами крупного производства.

Читатель видит, как далек Каутский от абстрактности и шаблонности понимания «теории Маркса», которой он остается верным. Предостерегая от этой шаблонности понимания, Каутский вставил в рассматриваемую главу даже особый § о гибели мелкого производства в промышленности. Он очень верно указывает, что победа крупного производства и в промышленности вовсе не так проста и идет не в таких однообразных формах, как привыкли думать люди, говорящие о неприменимости теории Маркса к земледелию. Достаточно указать на капиталистическую домашнюю работу, достаточно напомнить сделанное уже Марксом замечание о чрезвычайной пестроте переходных и смешанных форм, затемняющих победу фабричной системы. Во сколько раз сложнее обстоит дело в сельском хозяйстве! Развитие богатства и роскоши ведет, например, к тому, что миллионеры скупают громадные поместья, обращают их под леса для своей забавы. В Австрии, в Зальцбурге, количество рогатого скота уменьшается с 1869 г. Причина—продажа Альп богачам, любителям охоты. Очень метко говорит Каутский, что если брать данные сельско-хозяйственной статистики огульно и без критики, тогда ничего не стоит открыть тенденцию капиталистического способа производства к превращению современных народов в охотничьи племена!

Наконец, в числе условий, ставящих границы капиталистическому земледелию, Каутский указывает также то обстоятельство, что недостаток рабочих—вследствие ухода населения из деревень—заставляет крупных хозяев стремиться к наделению рабочих земель, к созданию мелкого крестьянства, которое поставляет рабочие силы помещикам. Совершенно неимущий сельский рабочий—редкость, потому что в зе-

мледелии сельское хозяйство, в строгом смысле, связано с домашним хозяйством. Целые категории сельско-хозяйственных наемных рабочих владеют или пользуются землей. Когда мелкое производство слишком сильно вытесняется,—*крупные хозяева стремятся укрепить или возродить его* посредством продажи или отдачи в аренду земли. «Во всех европейских странах,—говорит цитируемый Каутским Зеринг,—замечается в последнее время движение... сделать сельских рабочих оседлыми посредством наделения их землей». Таким образом в пределах капиталистического способа производства невозможно рассчитывать на полное вытеснение мелкого производства в земледелии, ибо сами капиталисты и аграрии стремятся возродить его, когда разорение крестьянства зашло чересчур далеко. Маркс еще в 1850 г. указал, в «*Neue Rheinische Zeitung*»⁷⁾, на этот круговорот концентрации и раздробления земли в капиталистическом обществе.

Г. Булгаков находит, что в этих рассуждениях Каутского «есть доля истины, а еще больше заблуждений». Подобно всем остальным приговорам г. Булгакова, и этот мотивирован крайне слабо и крайне туманно. Г. Булгаков находит, что Каутский «конструировал теорию пролетарского мелкого производства», что эта теория верна для очень ограниченного района. Мы держимся другого мнения. Сельско-хозяйственная наемная работа мелких земледельцев (или, что то же, тип батрака и поденщика с наделом) есть явление, свойственное, в той или другой степени, всем капиталистическим странам. Ни один писатель, желающий изобразить капитализм в земледелии, не в состоянии будет, не погрешая против истины, оставить в тени это явление*). Что в частности в Германии пролетарское мелкое производство есть всеобщий факт,—это обстоятельно доказал Каутский в VIII гл. своей книги: «Пролетаризация крестьянина». Указание г. Булгакова на то, что о «недостатке рабочих» говорили и другие писатели, в числе их г. Каблуков, *оставляет в тени самое главное*: громадную принципиальную разницу между теорией г. Каблукова и теорией Каутского. Г. Каблуков, вследствие свойственной ему Kleinbürger'sкой точки зрения, «конструирует» из недостатка рабочих несостоятельность крупного производства и жизнеспособность мелкого. Каутский точно характеризует факты и указывает их настоящее значение в современном классовом обществе: классовые интересы землевладельцев заставляют их стремиться к наделению землей рабочих. Классовое положение сельско-хозяйственных

* Ср. «Развитие капитализма в России», гл. II, § XII, стр. 120 (см. стр. 134 III тома Собр. сочинений Н. Ленина. Ред.). Считают, что во Франции около 75% сельских рабочих имеет собств. землю. Там же и другие примеры.

наемных рабочих с наделом ставит их между мелкой буржуазией и пролетариатом, но ближе к последнему. Другими словами: г. Каблуков возводит одну сторону сложного процесса в теорию несостоятельности крупного производства, Каутский же анализирует те особые формы общественно-экономических отношений, которые создаются интересами крупного производства на известной стадии его развития и при известной исторической обстановке.

V.

Переходим к следующей главе книги Каутского, название которой мы сейчас привели. Каутский исследует здесь, во-первых, «тенденцию к раздроблению земли», во-вторых, «формы крестьянских подсобных промыслов». Таким образом, здесь обрисовываются те в высшей степени важные тенденции сельско-хозяйственного капитализма, которые свойственны громадному большинству капиталистических стран. Раздробление земли ведет,—говорит Каутский,—к усиленному спросу на мелкие участки со стороны мелких крестьян, которые платят за землю дороже, чем крупные хозяева. Этот последний факт был приводим некоторыми писателями в подтверждение того, что мелкое земледелие выше крупного. Каутский очень метко отвечает на это сравнением цен на землю сценами на квартиры: известно, что маленькие и дешевые квартиры обходятся *дороже*, по расчету на единицу объема (1 куб. сажень и т. п.), чем большие и дорогие квартиры. Высшая цена мелких участков объясняется не превосходством мелкого земледелия, а особенно угнетенным положением крестьянина. Какую массу карликовых хозяйств вызвал на свет капитализм, это видно из таких цифр: в Германии (1895 г.) из $5\frac{1}{2}$ милл. сельско-хозяйственных предприятий $4\frac{1}{4}$ милл., т.-е. более $\frac{3}{4}$, имеют площадь менее 5 гектаров (58% —менее 2 гект.). В Бельгии 78% ($709\frac{1}{2}$ тыс. из 909)—менее 2 гект. В Англии (1895 г.)—118 тыс. из 520 тыс.—менее 2 гект. Во Франции (1892 г.) 2,2 милл. (из 5,7 милл.)—менее 1 гект.; 4 милл.—менее 5 гект. Г. Булгаков думает опровергнуть утверждение Каутского о крайней нерациональности этих карликовых хозяйств (недостаток скота, инвентаря, денег, рабочих сил, отвлекаемых сторонними заработками) ссылкой на то, что земля «очень часто» (??) возделывается лопатой «с невероятной степенью интенсивности», хотя... при «крайне нерациональной затрате рабочих сил». Само собой разумеется, что это возражение совершенно несостоятельно, что отдельные примеры превосходной обработки земли мелким крестьянином так же мало способны опровергнуть общую характеристику этого типа хозяйств,

данную Каутским, как вышеприведенный пример бóльшей доходности мелкого хозяйства не опровергает положение о превосходстве крупного производства. Что Каутский вполне прав, относя эти хозяйства *в общем и целом* *) к пролетарским, это ясно видно из того, обнаруженного германской переписью 1895 г., факта, что масса мелких хозяйств не обходится без стороннего заработка. Из всего числа 4,7 милл. лиц, самостоятельно живущих сельским хозяйством, 2,7 милл. или 56% имеют еще сторонние заработки. Из 3,2 милл. хозяйств, имеющих менее 2 гектаров земли, только 0,4 милл. или 13% не имеют стороннего заработка! Во всей Германии из 5¹/₂ милл. сельских хозяйств 1¹/₂ миллиона принадлежат сельско-хозяйственным и промышленным наемным рабочим (704 тыс. ремесленникам). И после этого г. Булгаков решается утверждать, что теория пролетарского мелкого землевладения «конструирована» Каутским! **). Формы пролетаризации

*) Мы подчеркиваем «в общем и целом», потому что нельзя отрицать, конечно, что в отдельных случаях и эти хозяйства с ничтожной площадью земли могут давать много продукта и дохода (виноградники, огороды и т. п.). Но что сказали бы вы об экономисте, который стал бы опровергать ссылку на обезлошадение русских крестьян указанием примера, скажем, подмосковных огородников, которые и без лошади могут иногда вести рациональное и прибыльное земледелие?

**) В примечании на стр. 15 г. Булгаков говорит, что Каутский повторяет ошибку авторов книги о хлебных ценах, рассчитывая, что громадное большинство сельского населения не заинтересовано в пошлинах на хлеб. И с этим мне прием мы не можем согласиться. Авторы книги о хлебных ценах наделали массу ошибок (не раз указываемых мной в названной выше книге), но в признании того факта, что масса населения не заинтересована в высоких ценах на хлеб, нет никакой ошибки. Ошибочно лишь *непосредственное* заключение от этого интереса массы к интересу всего общественного развития. Г.г. Туган-Барановский и Струве ⁸⁾ справедливо указали, что *критерий* оценки хлебных цен должен быть тот, вытесняют ли они более или менее быстро отработки капитализмом, толкают ли вперед общественное развитие. Это вопрос факта, и я решаю этот вопрос иначе, чем Струве. Я думаю, что факт замедления развития капитализма в сельском хозяйстве вследствие низких цен отнюдь не доказан. Напротив, особенно быстрый рост сельско-хозяйственного машиностроения и тот толчок специализации земледелия, который дан понижением хлебных цен, показывает, что низкие цены *толкают вперед* развитие капитализма в русском сельском хозяйстве (ср. «Развитие капитализма в России», стр. 147, пр. 2, в гл. III, § V) (см. стр. 160—161 III тома Собр. сочинений Н. Ленина. *Ред.*). Понижение хлебных цен оказывает глубокое преобразовательное действие на все остальные отношения в сельском хозяйстве. Г. Булгаков говорит: «Одним из важных условий интенсификации культуры является поднятие цен на хлеб». (Так же высказывается г. П. Струве во «Внутреннем обозрении», стр. 299 той же книжки «Начала».) Это неточно. Маркс показал в VI отделе III тома «Капитала», что производительность добавочных вложений капитала в землю может понижаться, *но может и повышаться*; при понижении цен хлеба рента может падать, но

крестьянства (формы крестьянских подсобных промыслов) исследованы Каутским в высшей степени обстоятельно (S. 174—193). К сожалению, место не позволяет нам подробно остановиться на характеристике этих форм (сельско-хозяйственная работа по найму, кустарная промышленность—Hausindustrie—«гнуснейшая система капиталистической эксплуатации»; работа на фабриках и рудниках и т. п.). Отметим только, что оценку *отхожих промыслов* Каутский дает именно такую, какую дают и русские ученые. Отхожие рабочие, более неразвитые и имеющие более низкие потребности, чем городские рабочие, нередко оказывают вредное действие на условия жизни этих последних. «Но для тех мест, откуда они выходят и куда они возвращаются, они являются пионерами прогресса... Они перенимают новые потребности, новые идеи» (S. 192), они будят сознание и чувство человеческого достоинства, будят веру в свои силы среди захолустного крестьянства.

В заключение остановимся на последнем, особенно резком, нападении г-на Булгакова на Каутского. Каутский говорит, что в Германии с 1882 по 1895 г. всего сильнее возросли в числе самые мелкие (по площади) и самые крупные хозяйства (так что парцелляция земли идет на счет средних хозяйств). И действительно, хозяйства до 1 ha увеличились в числе на 8,8%, хозяйства от 5 до 20 ha—на 7,8%, а хозяйства выше 1.000 ha—на 11% (промежуточные разряды почти не изменились, а все число сельских хозяйств возросло на 5,3%). Г. Булгаков глубоко возмущается тем, что берутся процентные отношения о крупнейших хозяйствах, число которых ничтожно (515 и 572 за указ годы). Возмущение г-на Булгакова совершенно неосновательно. Он забывает, что эти ничтожные по числу предприятия—самые крупные, что они *занимают почти столько же земли*, сколько и 2,3—2,5 милл. карликовых хозяйств (до 1 ha). Если я скажу, что число крупнейших фабрик, имеющих 1.000 и более рабочих, возросло в стране, скажем, с 51 до 57, на 11%, тогда как все число фабрик возросло на 5,3%,—разве это не будет показывать роста крупного производства, несмотря на то, что *число* крупнейших фабрик может быть ничтожно сравнительно со всем числом фабрик? Тот факт, что по доле занимаемой площади всего больше возросли хозяйства крестьянские, от 5 до 20 ha (г. Булгаков, стр. 18), Каутский прекрасно знает и рассматривает его в следующей главе.

моиет и расти. Следовательно, интенсификация может вызываться— в различные исторические периоды и в разных странах— совершенно различными условиями, независимо от уровня цен на хлеб.

Каутский берет далее изменения в количестве площади и разных разрядов в 1882 и 1895 г.г. Оказывается, наибольшее увеличение (+ 563.477 ha) у крестьянских хозяйств в 5—20 ha, затем у крупнейших, более 1.000 ha (+ 94.014),—тогда как площадь хозяйств в 20—1.000 ha *уменьшилась* на 86.809 ha. Хозяйства до 1 ha увеличили свою площадь на 32.683 ha, а хозяйства 1—5 ha—на 45.604 ha.

И Каутский заключает: уменьшение площади хозяйств от 20 до 1.000 гектаров (более чем уравновешиваемое увеличением площади хозяйств в 1.000 и более гектаров) зависит не от упадка крупного производства, а от интенсификации его. Мы уже видели, что эта интенсификация идет вперед в Германии и что она требует часто уменьшения площади хозяйства. Что происходит интенсификация крупного производства, это видно из растущего употребления паровых машин, а также из громадного роста числа сельско-хозяйственных служащих, которые употребляются в Германии только крупным производством. Число управляющих имениями (инспекторов), надсмотрщиков, бухгалтеров и пр. возросло с 1882 по 1895 г. с 47.465 до 76.978, на 62%; процент женщин среди этих служащих возрос с 12% до 23,4%.

«Все это ясно показывает, насколько более интенсивным и более капиталистическим сделалось крупное сельско-хозяйственное производство с начала 80-х годов. Объяснение того, почему на-ряду с этим так сильно увеличили свою площадь именно средне-крестьянские хозяйства, мы увидим в следующей главе» (S. 174).

Г. Булгаков усматривает в этом изображении «вопиющее противоречие с действительностью», по его доводы и на этот раз нисколько не оправдывают такого решительного и смелого вердикта и ни на иоту не колеблют заключения Каутского. «Прежде всего, интенсификация хозяйства, если бы она произошла, не объясняет еще собою и относительного и абсолютного уменьшения пашни, уменьшения всего удельного веса группы хозяйств в 20—1.000 ha. Размеры пашни могли бы увеличиться одновременно с увеличением числа хозяйств; последнее должно бы лишь (sic!) увеличиться несколько быстрее, так что размеры площади каждого данного хозяйства стали бы менее» *).

Мы нарочно выписали целиком это рассуждение, из которого Г. Булгаков выводит, будто «уменьшение размеров предприятия

*) Г. Булгаков приводит еще более детальные данные, но они ровно ничего не прибавляют к данным Каутского, показывая то же увеличение числа хозяйств в одной группе крупных владельцев и уменьшение площади земли.

под влиянием роста интенсивности есть чистая фантазия» (sic!), потому что это рассуждение рельефно показывает нам ту самую ошибку злоупотребления «данными статистики», от которой так убедительно предостерегал Каутский. Г. Булгаков предъявляет к статистике *площадей* хозяйств требования, до смешного строгие, придает этой статистике такое значение, которого она никогда не может иметь. Почему, в самом деле, площадь пашни должна была «несколько» увеличиться? Почему интенсификация хозяйства (ведущая иногда, как мы видели, к продаже и сдаче в аренду крестьянам удаленных от центра кусков имения) не «должна» была передвинуть известное число хозяйств из высшего разряда в низший? почему она не «должна» была уменьшить площадь пашни хозяйств в 20—1.000 гектаров? *). В промышленной статистике уменьшение *суммы производства* крупнейших фабрик говорило бы об упадке крупного производства. Уменьшение же *площади* крупных имений на 1,2% ровно ничего не говорит и *не может говорить* о размерах производства, нередко растущих с уменьшением площади хозяйства. Мы знаем, что в Европе вообще происходит то вытеснение зерновых хозяйств скотоводственными, которое особенно сильно в Англии. Мы знаем, что этот переход требует иногда уменьшения площади хозяйств, но не странно ли было бы выводить из уменьшения площади хозяйств упадок крупного производства? Поэтому, между прочим, «красноречивая таблица», приводимая г. Булгаковым на стр. 20 и показывающая уменьшение числа крупных и мелких, увеличение числа средних (5—20 гектаров) хозяйств, имеющих скот для полевых работ, ровно ничего еще не доказывает. Это могло зависеть и от перемен в системах хозяйства.

Что крупное сельско-хозяйственное производство в Германии стало более интенсивным и более капиталистическим, это видно, во-первых, из роста числа сельско-хозяйственных *паровых* машин: с 1879 по 1897 г. увеличение в пять раз. Г. Булгаков совершенно напрасно ссылается в своем возражении на то, что абсолютное число *всех вообще* (а не паровых) машин у мелких хозяйств (до 20 гектаров) гораздо больше, чем у крупных, а также на то, что в Америке машины применяются при экстенсивном хозяйстве. Речь идет теперь не об Америке, а о Германии, в которой *bonanza farms* нет. Вот данные о проценте хозяйств в Германии (1895 г.) с паровыми плугами и с паровыми молотилками:

*) Уменьшение с 16.986.101 гектара в этом разряде до 16.802.115, т.-е. на целых... 1,2%! Не правда ли, как это убедительно говорит об усматриваемой . Булгаковым «агонии» крупного производства?

ХОЗЯЙСТВА.		Процент хозяйств с паровыми плугами и молотилками.	
до 2 гектаров		0,00	1,08
в 2— 5 гектаров		0,00	5 20
» 5— 20 »		0,01	10 95
» 20—100 »		0,10	16,60
» 100 и более »		5,29	16,22

И теперь, если все число паровых машин в сельском хозяйстве Германии упятилось,—разве это не доказывает роста интенсивности крупного производства? Не надо только забывать, как это опять-таки делает г. Булгаков на стр. 21, что рост размеров предприятия в сельском хозяйстве не всегда тождествен с ростом площади хозяйства.

Во-вторых, тот факт, что крупное производство стало более капиталистическим, виден из увеличения числа сельско-хозяйственных служащих. Булгаков напрасно называет этот довод Каутского «курьезом»: «рост числа офицеров при уменьшении армии»—при уменьшении числа сельско-хозяйственных наемных рабочих. Мы опять скажем: *grà bien qui grà le dernier!* *). Об уменьшении числа сельско-хозяйственных рабочих Каутский не только не забывает, но подробно показывает это для целого ряда стран: только факт этот здесь решительно не при чем, потому что ведь и все сельское население убывает, а число пролетарских мелких земледельцев растет. Положим, что крупный помещик перешел от производства зерна к производству свекловицы с переработкой ее в сахар (в Германии в 1871—1872 г.г. было переработано 2,2 милл. тонн свекловицы, в 1881—1882 г.г. 6,3 милл., в 1891—1892 г.г. 9,5 милл., в 1896—1897 г.г. 13,7 милл.). Отдаленные части имения он мог бы даже продать или сдать мелким крестьянам, особенно если жены и дети крестьян нужны ему как поденщики на свекловичных плантациях. Положим, что он вводит паровой плуг, вытесняющий прежних плугарей (в саксонских свекловичных хозяйствах—«образцовых хозяйствах интенсивной культуры» **)—паровые плуги вошли теперь в общее употребление). Число наемных рабочих уменьшится. Число высших служащих (бухгалтеры, управляющие, техники и пр.) необходимо возрастет. Станет ли г. Булгаков отрицать, что мы

*) Действительно, курьезно замечание г. Булгакова, что рост числа служащих свидетельствует, может быть, о росте сельско-хозяйственной промышленности, *но только не* (!) о растущей интенсивности крупного производства. Мы думали до сих пор, что одной из важнейших форм роста интенсивности является рост сельско-хозяйственных технических производств (*подробно описанный и оцененный Каутским в X главе*).

**) Kärger, цитир. у Каутского, S. 45.

видим здесь рост интенсивности и капитализма в крупном производстве? Станет ли он утверждать, что ничего подобного в Германии не происходит?

Чтобы закончить изложение VIII главы книги Каутского о пролетаризации крестьян, необходимо привести следующее место: «Что нас интересует здесь,—говорит Каутский вслед за цитированным нами выше и приведенным у г. Булгакова местом,—это тот факт, что пролетаризация сельского населения идет вперед в Германии, как и в других местах, несмотря на то, что тенденция к парцеллированию средних имений перестала действовать в Германии. С 1882 по 1895 г. число всех сельских хозяйств возросло на 281.000. Из этого числа громадное большинство падает на увеличение пролетарских хозяйств до 1 гектара. Эти хозяйства увеличились на 206.000.

«Как мы видим, движение сельского хозяйства—совсем особое, совершенно отличное от движения промышленного и торгового капитала. В предыдущей главе мы указали на то, что в сельском хозяйстве тенденция к централизации хозяйств не ведет к полному уничтожению мелкого производства. Когда эта тенденция заходит слишком далеко, она порождает противоположную тенденцию, так что тенденция к централизации и тенденция к парцелляции взаимно сменяют друг друга. Теперь мы видим, что обе тенденции могут действовать также рядом. Растет число сельских хозяйств, владельцы которых выступают на товарном рынке в качестве пролетариев, продавцов рабочей силы... У этих мелких сельских хозяев, как продавцов товара—рабочая сила, все существенные интересы общи с интересами промышленного пролетариата, а их землевладение не порождает у них антагонизма к этому последнему. Своя земля эмансипирует более или менее парцелльного крестьянина от торговца съестными припасами, но она не эмансипирует его от эксплуатации капиталистическим предпринимателем, все равно—промышленным или сельско-хозяйственным» (S. 174).

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

I.

В девятой главе своей книги («Растущие затруднения торгового земледелия») Каутский переходит к анализу *противоречий*, свойственных капиталистическому земледелию. Из тех возражений, которые делает г. Булгаков против этой главы и которые мы рассмотрим ниже, видно, что критик не вполне верно понял общее значение этих «затруднений». Есть такие «затруднения», которые, составляя «препятствие»

полному развитию рационального сельского хозяйства, в то же время *дают толчок развитию* капиталистического земледелия. Например, в числе «затруднений» Каутский указывает обезлюдение деревни. Несомненно, что выселение из деревни лучших и самых интеллигентных работников есть «препятствие» полному развитию рационального земледелия, но также несомненно, что сельские хозяева борются с этим препятствием *развитием техники*, как-то введением машин.

Каутский исследует следующие «затруднения»: а) поземельную ренту, б) наследственное право, в) ограничения наследственного права, майораты (фиденкомиссы, Anerbenrecht), d) эксплуатацию деревни городом, e) обезлюдение деревни.

Поземельная рента есть та часть прибавочной стоимости, которая остается за вычетом средней прибыли на вложенный в хозяйство капитал. Монополия земельной собственности дает возможность землевладельцу присваивать этот излишек, при чем цена земли (=капитализированная рента) *закрепляет* достигнутую однажды высоту ренты. Понятно, что рента «затрудняет» полную рационализацию земледелия: при арендной системе ослабляется импульс к усовершенствованиям и пр., при гипотечной системе большую долю капитала приходится вкладывать не в производство, а в покупку земли. Г. Булгаков в своем возражении указывает, во-первых, на то, что в росте гипотечной задолженности нет «ничего страшного». Он забывает только, что Каутский не «в другом смысле», а именно в этом смысле указал уже на необходимость роста гипотек и при процветании сельского хозяйства (см. выше, статья первая, II)*. В настоящее же время Каутский ставит вопрос вовсе не о том, «страшен» или нет рост гипотек, а о том, какие затруднения не позволяют капитализму вполне совершить его миссию. Во-вторых, «едва ли правильно—по мнению г. Булгакова—рассматривать рост ренты только как препятствие... Рост ренты, возможность ее повышения является самостоятельным стимулом для сельского хозяйства, побуждающим к техническому и всякому иному прогрессу» (процессу—видимо—опечатка). Стимулом прогресса капиталистического земледелия является рост населения, рост конкуренции, рост индустрии, рента же есть дань, взимаемая землевладением с общественного развития, с роста техники. Поэтому объявлять рост ренты «самостоятельным стимулом» прогресса—неправильно. Теоретически вполне возможно совмещение капиталистического производства с отсутствием частной собственности на землю, с национализацией земли (Kautsky, S. 207), когда абсолютной ренты не было бы вовсе, а

*) См. выше 4—9 стр. этого тома. *Ред.*

дифференциальная рента доставалась бы государству. Стимул к агрономическому прогрессу при этом не ослабел бы, а, напротив, в громадных размерах усилился бы.

«Ничего не может быть ошибочнее,—говорит Каутский,—как думать, что в интересах сельского хозяйства вздуть (in die Höhe treiben) цены на имения или искусственно держать их на высоком уровне. Это—в интересах настоящих (augenblicklichen) землевладельцев, в интересах гипотечных банков и спекулянтов имениями, но отнюдь не в интересах сельского хозяйства и уже всего менее в интересах его будущего, в интересах будущего поколения сельских хозяев» (199). А цена земли есть капитализированная рента.

Второе затруднение торгового земледелия состоит в том, что оно необходимо требует частной собственности на землю, а это ведет к тому, что при переходе по наследству земля либо дробится (и это парцеллирование земли ведет *местами* даже к техническому регрессу), либо отягчается ипотеками (когда наследник, получающий землю, выплачивает остальным сонаследникам денежный капитал, занимая его под залог земли). Г. Булгаков упрекает Каутского в том, что он будто бы «просматривает в своем изображении положительную сторону» мобилизации земли. Этот упрек безусловно неоснователен, ибо Каутский как исторической частью своей книги (в частности III главой I отдела, трактующей о феодальном земледелии и причинах его смены капиталистическим), так и прикладной частью*) ясно показал читателю положительную сторону и историческую необходимость частной собственности на землю, подчинения земледелия конкуренции, а следовательно, и мобилизации земли. Что касается до другого упрека г-на Булгакова Каутскому, именно, что последний не исследует той проблемы, которая «состоит в различной степени роста населения в разных местах», то нам совершенно непонятен этот упрек. Неужели г. Булгаков ожидал встретить в книге Каутского этюды по популяционистике?

Не останавливаясь на вопросе о майоратах, который не представляет из себя (после изложенного выше) ничего нового, переходим к вопросу об эксплуатации деревни городом. Утверждение г-на Булгакова, будто у Каутского «отрицательным сторонам не противопоставлены положительные и прежде всего значение города, как рынка для сельского хозяйства», прямо противоречит действительности. Значение

*) Каутский решительно высказался против всяких средневековых стеснений земельной мобилизации, против майоратов (фиденкомиссов и Anerbenrecht), против поддержки средневековой крестьянской общины (S. 332) и проч.

города, как рынка для сельского хозяйства, вполне определенно указано Каутским *на первой же странице* той главы, которая исследует «современное сельское хозяйство» (S. 30 u ff.). Именно «городской индустрии» (S. 292) приписывает Каутский основную роль в преобразовании земледелия, в его рационализации и т. д. *).

Поэтому мы совершенно отказываемся понять, каким образом мог г. Булгаков повторять в своей статье (стр. 32 в № 3 «Начала») те же самые мысли *как бы против Каутского!* Это особенно наглядный пример того, как неверно излагает критикуемую книгу строгий критик. «Не надо забывать,—поучает Каутского г. Булгаков,—что «часть ценности» (отливающей в города) «возвращается в деревню». Всякий подумает, что Каутский забывает об этой азбучной истине. На самом же деле Каутский различает отлив ценностей (из деревень в города) без эквивалента и за эквивалент, различает гораздо яснее, чем это пытается сделать г. Булгаков. Сначала Каутский рассматривает «отлив товарных ценностей без эквивалента (Segenleistung) из деревень в города» (S. 210) (рента, проживаемая в городах, налоги, проценты по займам в городских банках) и совершенно справедливо видит в этом экономическую эксплуатацию деревни городом. Затем Каутский ставит вопрос об отливе ценностей за эквивалент, т.-е. об обмене сельскохозяйственных продуктов на индустриальные. «С точки зрения закона стоимости,—говорит Каутский,—этот отлив не означает эксплуатации сельского хозяйства**), но на деле он ведет, наряду с упомянутыми выше фактами, к агрономической (stofflichen) эксплуатации его, к обеднению земли питательными веществами» (S. 211).

Что касается до этой агрономической эксплуатации городом деревни, то Каутский разделяет и в этом отношении одно из основных положений теории Маркса и Энгельса, именно, что противоположность между городом и деревней разрушает необходимое соответствие и взаимозависимость между сельским хозяйством и промышленностью, и потому с превращением капитализма в высшую форму эта противоположность должна исчезнуть***). Г. Булгаков находит, что мнение

*) Ср. также S. 214, где Каутский говорит о роли городских капиталов в рационализации земледелия.

**) Пусть читатель сопоставит с приведенным в тексте отчетливым заявлением Каутского следующее «критическое» замечание г. Булгакова: «Если Каутский считает эксплуатацией вообще отдачу хлеба его непосредственными производителями неземледельческому населению» и т. д. Не верится, чтобы критик, сколько-нибудь внимательно ознакомившийся с книгой Каутского, мог написать это «если!»

***) Само собой разумеется, что это мнение о необходимости уничтожения противоположности между городом и деревней в обществе ассоциированных произ-

Каутского об агрономической эксплуатации деревни городом «страшно», что «во всяком случае Каутский вступил здесь на почву совершенной фантазии» (sic!!!). Нас удивляет то обстоятельство, что г. Булгаков игнорирует при этом тождество критикуемых им мнений Каутского с одной из основных идей Маркса и Энгельса. Читатель вправе подумать, что «совершенной фантазией» г. Булгаков считает идею об уничтожении противоположности между городом и деревней. Если таково действительно мнение критика, тогда мы решительно несогласны с ним и становимся на сторону «фантазии» (т.-е. на деле-то не фантазии, а более глубокой критики капитализма). Тот взгляд, что идея об уничтожении противоположности между городом и деревней есть фантазия,— очень не нов. Это—обычный взгляд буржуазных экономистов. Перенимали этот взгляд и некоторые писатели с более глубокими воззрениями. Например, Дюринг находил, что антагонизм между городом и деревней «неизбежен по самой природе дела».

Далее, г. Булгаков «поражен» (!) тем, что Каутский указывает на учащающиеся эпидемии растений и животных, как на одну из трудностей торгового земледелия и капитализма. «При чем же здесь капитализм...?—вопросает г. Булгаков.—Разве необходимость усовершенствовать породы скота могла бы отменить какая-нибудь высшая социальная организация?» Мы в свою очередь поражены тем, как это мог г. Булгаков не понять совершенно ясной мысли Каутского. Старые породы растений и животных, созданные естественным подбором, заменяются «облагороженными» породами, которые созданы искусственным подбором. Растения и животные становятся более нежными, более требовательными; эпидемии при современных путях сообщения распространяются с поразительной быстротой, а между тем хозяйничанье остается индивидуальным, раздробленным, нередко мелким (крестьянское) и лишенным знания и средств. Для развития техники земледелия городской капитализм старается дать все средства современной науки, но социальное положение производителей он оставляет по-прежнему жалким; городской культуры он не переносит систематически и планомерно в деревню. Необходимости усовершенствовать породы скота не отменит никакая высшая социальная организация (подобного абсурда Каутский, разумеется, и не думал говорить), но современная капиталистическая социальная организация тем более страдает от отсутствия общественного контроля и от приниженного

водителей нисколько не противоречит признанию *исторической* прогрессивной роли за отвлечением населения от земледелия к индустрии. Я имел случай говорить об этом в другом месте («Этюдъ», стр. 81, прим. 69: см. 243 стр. II тома Собр. сочинений Н. Ленина. *Ред.*).

состояния крестьян и рабочих, чем более развивается техника, чем нежнее становятся породы скота и растений *)).

Последнее «затруднение» торгового земледелия усматривает Каутский в «обезлюдении деревни», в поглощении городами лучших рабочих сил, наиболее энергичных и наиболее интеллигентных. Г. Булгаков находит, что в общей форме это положение «во всяком случае неверно», что «теперешнее развитие городского населения на счет сельского выражает вовсе не закон развития капиталистического земледелия», а перенесение земледельческого населения промышленных, экспортных стран за океан в колонии. Я думаю, что г. Булгаков ошибается. Рост городского (общее: индустриального) населения *на счет* сельского есть не только теперешнее, а всеобщее явление, выражающее *именно закон* капитализма. Теоретическое обоснование этого закона состоит, как я указывал в другом месте**), во-первых, в том, что рост общественного разделения труда отрывает от первобытного земледелия все больше и больше отраслей промышленности***), во-вторых, в том, что переменный капитал, требуемый для обработки данного участка земли, в общем и целом уменьшается (ср. «Das Kapital», III, 2, S. 177. Русск. пер., стр. 526. Цитировано у меня в «Развитии капитализма в России», стр. 4 и 444; см. 16 и 456 стр. III тома Собр. соч. И. Ленина *Ред.*). Выше мы уже заметим, что в отдельных случаях и в отдельные периоды наблюдается увеличение переменного капитала, требуемого для обработки данного участка земли, но это не колеблет правильности общего закона. Что относительное уменьшение земледельческого населения превращается в абсолютное уменьшение не во всех частных случаях, что размер этого абсолютного уменьшения зависит и от роста капиталистических колоний, этого, конечно, не подумал бы отрицать

*) Поэтому в прикладной части книги Каутский рекомендует санитарную инспекцию за скотом и условиями его содержания (S. 397).

**) «Развитие капитализма в России», гл. I, § 2 и гл. VIII, § 2 (см. стр. 15—16 и 454—473 III тома Собр. сочинений И. Ленина. *Ред.*).

***) Г. Булгаков говорит, указывая на это обстоятельство, что «земледельческое население может *относительно* (курс. его) уменьшаться и при процветающем состоянии земледелия». Не только «может», но и *необходимо должно* в капиталистическом обществе... «Относительное уменьшение (земледельческого населения) показывает здесь только (sic!) рост новых отраслей народного труда», заключает г. Булгаков. Это «только»—весьма странно. Новые отрасли промышленности и отвлекают от земледелия «самые энергичные и самые интеллигентные рабочие силы». Таким образом, достаточно уже этого простого соображения, чтобы признать *вполне верным* общее положение Каутского: для верности этого общего положения (::капитализм отнимает у земледелия самые энергичные и самые интеллигентные рабочие силы) вполне достаточно *относительное* уменьшение сельского населения.

Каутский. В соответствующих местах своей книги Каутский с полной ясностью указал на этот рост капиталистических колоний, наводящих Европу дешевым хлебом. (То самое бегство сельского населения (Landflucht), которое ведет к обезлюдению европейских деревень, приводит постоянно не только в города, но и в колонии новые толпы сильных сельских жителей)... S. 242.) Отнятие промышленностью у земледелия самых сильных, энергичных и интеллигентных рабочих есть всеобщее явление не только промышленных, но и земледельческих стран, не только Западной Европы, но и Америки, и России. Противоречие между культурой городов и варварством деревни, порожденное капитализмом, неизбежно ведет к этому. Г. Булгаков находит «очевидным» то «соображение», «что уменьшение земледельческого населения при общем росте населения немислимо без сильного хлебного импорта». По моему мнению, это соображение не только не очевидно, а прямо неверно. Вполне мыслимо уменьшение земледельческого населения при общем росте населения (растут города) и без ввоза хлеба (увеличивается производительность земледельческого труда, дающая возможность меньшему числу рабочих производить прежнее или даже большее количество продукта). Мыслимо также и общее увеличение населения при уменьшении земледельческого населения и при уменьшении (или непропорциональном увеличении) количества земледельческих продуктов,—«мыслимо», вследствие ухудшения народного питания капитализмом.

Г. Булгаков утверждает, что факт роста средних крестьянских хозяйств в Германии с 1882 по 1895 г.,— факт, устанавливаемый Каутским и приводимый им в связь с тем, что эти хозяйства наименее страдают от недостатка рабочих,—«способен поколебать всю конструкцию» Каутского. Посмотрим поближе на утверждения Каутского.

По данным сельско-хозяйственной статистики всего более возросла с 1882 по 1895 г. площадь хозяйств в 5—20 гектаров. В 1882 г. эта площадь занимала 28,8⁰/₀ всей площади, в 1895 г.—29,9⁰/₀. Это увеличение средне-крестьянских хозяйств сопровождалось уменьшением площади крупно-крестьянских хозяйств (20—100 гект.; 1882: 31,1⁰/₀, 1895: 30,3⁰/₀). «Эти цифры,—говорит Каутский,—радуят сердца всех добрых граждан, видящих в крестьянстве самую прочную опору существующего строя. Итак, оно не движется, это сельское хозяйство, — восклицают они восторженно,—для нему неприменима Марксова догма». Рост средне-крестьянских хозяйств истолковывается, как начало нового процветания крестьянства.

«Но корни этого процветания лежат в болоте»,—отвечает Каутский этим добрым гражданам. «Процветание проистекает не из блазе-

состояния крестьянства, а из угнетения всего сельского хозяйства» (230). Каутский сейчас только перед этим сказал, что, «несмотря на весь технический прогресс, местами (курсив Каутского) наступил,—в этом нельзя сомневаться,—упадок сельского хозяйства» (228). Этот упадок ведет, например, к возрождению феодализма,—к попыткам привязать рабочих к земле и возложить на них известные повинности. Что же удивительного, если на почве этого «угнетения» оживают отсталые формы хозяйства? Если крестьянство, отличающееся вообще от работников крупного производства более низким уровнем потребностей, большим умением голодать и надрываться над работой, дольше держится при кризисе? *). «Аграрный кризис простирается на все производящие товары классы сельского хозяйства; он не оставливается перед средними крестьянами» (S. 231).

*) «Мелкие земледельцы,—говорит Каутский в другом месте,—дольше держатся в безнадежной позиции. Можно с полным правом усомниться в том, чтобы это было преимуществом мелкого производства» (S. 134).

Укажем, кстати, на вполне подтверждающие взгляд Каутского данные Кенига, детально описавшего в своей книге («Die Lage der englischen Landwirtschaft etc.», Jena 1896, von Dr. F. Koenig) положение английского сельского хозяйства в нескольких наиболее типичных графствах. Указаний на чрезмерную работу и недостаточное потребление мелких земледельцев по сравнению с наемными рабочими мы встречаем здесь *массу*, тогда как обратных указаний не встречается. Доходность мелких хозяйств,—читаем мы, например,—создается «громдным (*ungeheuer*) прилежанием и бережливостью» (88); постройки у мелких земледельцев хуже (107); мелкие землевладельцы (*yeoman farmer*) находятся в худших условиях, чем арендаторы (149); положение мелких землевладельцев очень жалкое (в Линкольншире); их жилища хуже, чем жилища рабочих на крупных фермах, а некоторые и совсем плохи. Они работают тяжелее и дольше, чем обыкновенные рабочие, но зарабатывают меньше. Они живут хуже и едят меньше мяса... сыновья и дочери их работают без платы и одеваются плохо» (157). «Мелкие фермеры работают как рабы, летом часто с 3 ч. утра до 9 ч. вечера» (сообщение Chamber of Agrikulture в Бостоне, S. 158). «Без сомнения,—говорит один крупный фермер,—маленький человек (*der kleine Mann*), имеющий мало капитала и всю работу исполняющий руками членов семьи, легче всего может сократить домашние расходы, тогда как крупный фермер должен кормить своих баграков так же хорошо и в хорошие, и в дурные годы» (218). Мелкие фермеры (в Айршире) «необычайно (*ungeheuer*) прилежны; их жены и дети работают не меньше, часто больше, чем поденщики; говорят, что двое из них в один день сработают столько, сколько три наемных работника» (231). «Жизнь мелкого арендатора, который должен работать своей семьей,—чистая жизнь раба» (253). «В общем и целом... мелкие фермеры лучше перенесли, повидимому, кризис, чем крупные, но это не говорит о большей доходности мелких ферм. Причина, по нашему мнению, та, что мелкий хозяин (*der kleine Mann*) получает даровую помощь от своей семьи... Обыкновенно... вся семья мелкого фермера работает в его хозяйстве... Дети получают содержание и лишь редко определенную поденную плату» (277 — 278) и т. д., и т. д.

Казалось бы, все эти положения Каутского так ясны, что нельзя не понять их. И тем не менее критик, очевидно, не понял их. Г. Булгаков не сообщает своего мнения: так или иначе он объясняет этот рост средне-крестьянских хозяйств, но Каутскому он приписывает то мнение, будто «развитие капиталистического способа производства ведет к гибели земледелия». И г. Булгаков раздражается: «утверждение Каутского о разрушении сельского хозяйства неверно, произвольно, не доказано, противоречит самым основным фактам действительности» и пр., и пр.

Мы заметим на это, что г. Булгаков *совершенно неверно передает мысли Каутского*. Каутский отнюдь не утверждает, что развитие капитализма ведет к гибели сельского хозяйства, а утверждает обратное. Выводить из слов Каутского об угнетении (=кризисе) сельского хозяйства, о наступающем *местами* (nota bene) техническом регрессе, что Каутский говорит о «разрушении», «гибели» сельского хозяйства, можно только при самом невнимательном отношении к сочинению Каутского. В главе X, специально посвященной вопросу о заморской конкуренции (т.-е. об основном условии аграрного кризиса), Каутский говорит: «Грядущий кризис, разумеется (natürlich), вовсе не обязательно должен (braucht nicht) разрушить пораженную им индустрию. Он делает это лишь в самых редких случаях. По общему правилу, кризис ведет лишь к преобразованию существующих отношений собственности в смысле капитализма» (273—274). Это замечание, сказанное по поводу кризиса сельско-хозяйственных технических производств, ясно показывает общий взгляд Каутского на значение кризиса. В той же главе Каутский повторяет этот взгляд и по отношению ко всему сельскому хозяйству: «изложенное выше нисколько еще не дает права говорить о гибели сельского хозяйства (Man braucht deswegen noch lange nicht von einem Untergang der Landwirtschaft zu sprechen). Но его консервативный характер исчез безвозвратно там, где прочной ногой встал современный способ производства. Удерживание старой рутины (Das Verharren beim Alten) угрожает сельскому хозяину верной гибелью; он должен непрерывно следить за развитием техники, непрерывно должен приспособлять свое производство к новым условиям... И в деревне экономическая жизнь, которая до сих пор с суровым однообразием двигалась в вечно неизменной колее, попала в состояние постоянного революционирования, состояние, характерное для капиталистического способа производства» (289).

Г. Булгаков «не понимает», каким образом совмещаются тенденции к развитию производительных сил земледелия и тенденции к усилению затруднений торгового земледелия. Что же тут непонятного?

Капитализм и в земледелии, и в промышленности дает гигантский толчок развитию производительных сил, но именно это развитие чем дальше, тем сильнее обостряет противоречия капитализма, ставит ему новые «затруднения». Каутский развивает одну из основных идей Маркса, который категорически подчеркивал прогрессивную историческую роль земледельческого капитализма (рационализирование земледелия, отделение земли от сельского хозяина, освобождение сельского населения от отношений господства и рабства и т. д.), указывая в то же время не менее категорически на обнищание и угнетение непосредственных производителей, на несовместимость капитализма с требованиями рационального земледелия. В высшей степени странно, что г. Булгаков, признающий, что его «общее социально-философское миросозерцание то же, что и у Каутского» *), не замечает того, что Каутский развивает здесь основную мысль Маркса. Читатели «Начала» неизбежно должны остаться в недоумении относительно того, как относится г. Булгаков к этим основным идеям, как может он, при тождестве общего миросозерцания, говорить: «De principiis non est disputandum»!!? Мы позволяем себе не поверить этому заявлению г-на Булгакова; мы считаем спор между ним и другим марксистом возможным именно вследствие общности этих «principia». Говоря, что капитализм рационализирует земледелие, что технику для земледелия дает индустрия и пр., г. Булгаков лишь повторяет один из таких «principia». Напрасно только говорит он при этом «совсем напротив». Читатели могут подумать, что Каутский держится иного мнения, тогда как Каутский с полной решительностью и определенностью развивает в своей книге именно эти основные идеи Маркса. «Именно индустрия,—говорит Каутский,—создала технические и научные условия нового, рационального земледелия, именно она революционизировала земледелие посредством машин и искусственных удобрений, посредством микроскопа и химической лаборатории, породив таким образом техническое превосходство крупного капиталистического производства над мелким крестьянским производством» (S. 292). Каутский не впадает таким образом в то противоречие, которое мы встречаем у г. Булгакова: с одной стороны, г. Булгаков признает, что «капитализм» (т.-е. производство посредством наемного труда, т.-е. не крестьянское, а крупное производство?) «рационализирует земледелие», а, с другой стороны, «носителем этого технического прогресса вовсе не является здесь крупное производство»!

*) Относительно философского миросозерцания мы не знаем, верны ли эти слова г. Булгакова. Каутский, кажется, не сторонник критической философии, как г. Булгаков.

II.

Десятая глава книги Каутского посвящена вопросу о заморской конкуренции и об индустриализации сельского хозяйства. Г. Булгаков крайне пренебрежительно отзывается об этой главе: «Ничего особенно нового или оригинального, более или менее известные основные факты» и пр., оставляя в тени основной вопрос о понимании аграрного кризиса, его сущности и значения. А между тем этот вопрос имеет громадную теоретическую важность.

Из того общего понимания земледельческой эволюции, которое дал Маркс и подробно развил Каутский, вытекает неизбежно и понимание аграрного кризиса. Суть аграрного кризиса Каутский видит в том, что сельское хозяйство Европы потеряло, вследствие конкуренции стран, производящих хлеб крайне дешево, возможность сваливать на массу потребителей те тяжести, которые частная собственность на землю и капиталистическое товарное производство возлагают на сельское хозяйство. Отныне сельское хозяйство Европы *«само должно нести их (эти тяжести), и в этом состоит современный аграрный кризис»* (S. 239, курсив Каутского). Главная из этих тяжестей—поземельная рента. В Европе она взвинчена предшествующим историческим развитием до громадных пределов (и дифференциальная и абсолютная рента) и закреплена в ценах на землю*). В колониях (Америке, Аргентине и пр.), поскольку они остаются колониями, мы видим, наоборот, свободные земли, занимаемые новыми поселенцами либо совсем даром, либо за ничтожную цену, и притом земли, девственное плодородие которых низводит издержки производства до minimum'a. Вполне естественно, что до сих пор капиталистическое земледелие Европы сваливало на потребителей непомерно вздутую ренту (в виде высоких хлебных цен), теперь же тяжесть этой ренты падает на самих сельских хозяев и землевладельцев, разоряя их**). Таким образом аграрный кризис нарушил и продолжает нарушать прежнее благополучие капиталистического землевладения и капиталистического сельского хозяйства. Капиталистическое землевла-

*) См. об этом процессе вздувания ренты и закрепления ее меткие замечания Парвуса⁹⁾: «Миро ой рынок и сельско-хозяйственный кризис». Парвус солидарен с Каутским в основных взглядах на кризис и на аграрный вопрос вообще.

***) Парвус, н. с., стр. 141. Цит. в «Начале», № 3, стр. 117, рецензия на книгу Парвуса. Добавим, что и другие «затруднения» торгового земледелия, тяготеющие на Европе, обременяют колонии в несравненно менее сильной степени.

дение до сих пор брало все большую и большую дань с общественного развития и закрепляло высоту этой дани в земельных ценах. Теперь ему приходится поступаться этой данью *). Капиталистическое сельское хозяйство брошено теперь в то же состояние неустойчивости, которое свойственно капиталистической промышленности, и вынуждено приспособляться к новым условиям рынка. Аграрный кризис, как и всякий кризис, разоряет массы хозяев, производит крупную ломку установившихся отношений собственности, *местами* ведет к техническому регрессу, к оживанию средневековых отношений и форм хозяйства, но в общем и целом он *ускоряет* общественную эволюцию, вытесняет патриархальный застой из его последних прибежищ, вынуждает дальнейшую специализацию земледелия (один из основных факторов сельско-хозяйственного прогресса в капиталистическом обществе), дальнейшее применение машин и т. д. В общем и целом,— это показал Каутский в IV главе своей книги по данным о нескольких странах,—*даже* в Западной Европе мы не видим застоя земледелия в 1880—1890 годы, а видим технический прогресс. Мы говорим—*даже* в Западной Европе потому, что в Америке, папр., этот прогресс еще яснее.

Одним словом, нет основания видеть в аграрном кризисе явление, задерживающее капитализм и капиталистическое развитие.

*) Абсолютная рента есть результат монополии. «К счастью, возвышение абсолютной ренты имеет свои пределы... До недавнего времени она неуклонно возрастала в Европе так же, как и дифференциальная рента. Но заморская конкуренция в высокой степени подорвала эту монополию. Мы не имеем никаких оснований думать, что от заморской конкуренции пострадала в Европе дифференциальная рента, за исключением некоторых округов Англии... Но абсолютная рента понизилась, и это принесло пользу (zu gute gekommen) прежде всего рабочим классам» (S. 80. Ср. также S. 328),

Г.Г. „КРИТИКИ“ В АГРАРНОМ ВОПРОСЕ

*Гл. 1—IX написаны в 1901 г.;
напечатаны: I—IV гл. в 1901 г.
в журнале «Заря»; V—IX гл. в
1906 г. в журнале «Образование».*

*Главы X—XII написаны в 1907 г.;
напечатаны: X—XI гл. в 1908 г.
в сборнике: В. Ильин, «Аграрный
вопрос», часть I; XII гл. в 1908 г.
в сборнике: «Текущая Жизнь».*

«...Доказывать,... что догматический марксизм в области аграрных вопросов сбит с позиции,—значило бы стучаться в открытую дверь...» Так заявило в прошлом году «Русское Богатство» устами г. В. Чернова ¹⁰⁾ (1900 г., № 8, стр. 204). Странным свойством обладает этот «догматический марксизм»! Вот уже много лет ученые и учепейшие люди Европы важно заявляют (а газетчики и журналисты повторяют и пересказывают), что марксизм уже сбит с позиций «критикой»,—и тем не менее каждый новый критик опять с начала начинает трудиться над обстреливанием этой, якобы уже разрушенной, позиции. Г. В. Чернов, например, и в журнале «Русское Богатство» ¹¹⁾ и в сборнике «На славном посту» ¹²⁾ на протяжении *целых 240 страниц* «стучится в открытую дверь», «беседуя» с читателем по поводу книги Герца ¹³⁾. Столь обстоятельно пересказанное сочинение Герца, который, в свою очередь, беседует о книге Каутского, переведено уже на русский язык. Г. Булгаков, исполняя свое обещание опровергнуть того же Каутского, выпустил целое двухтомное исследование. Теперь уже, наверно, никто не дощется и остатков «догматического марксизма», раздавленного на-смерть этими горами критической печатной бумаги.

I *).

„Закон“ убывающего плодородия почвы.

Присмотримся сначала к общей теоретической физиономии критиков. Г. Булгаков выступил еще в журнале «Начало» со статьей против «Аграрного вопроса» Каутского и обнаружил сразу все свои «критические» приемы. С необычайной хлесткостью и развязностью

* I—IV главы были напечатаны в № 2—3 журнала «Заря» за 1901 г., перепечатаны отдельной брошюрой в 1905 г. издательством «Буревестник», в 1908 г. в Сборнике: В. Ильин, «Аграрный вопрос», часть I, стр. 164—201. *Ред.*

истинного наездника «разносил» он Каутского, подсовывая ему то, чего он не говорил, обвиняя его, Каутского, в игнорировании обстоятельств и соображений, точно изложенных им же, Каутским, преподнося читателю под видом *своих собственных* критических выводов—выводы, сделанные Каутским. С видом знатока г. Булгаков обвинял Каутского в смешении техники и экономики,—и сам при этом тут же обнаруживал не только невероятную путаницу, но и свое нежелание дочитывать до конца цитируемые им страницы у своего противника. Само собою разумеется, что статья будущего профессора кипела избитыми выходками против социалистов, против «теории краха», утопизма, веры в чудеса и проч. *). Теперь в своей докторской диссертации («Капитализм и земледелие», Спб 1900 г.) г. Булгаков покончил все счеты с марксизмом и довел свою «критическую» эволюцию до ее логического конца.

Во главу угла своей «теории аграрного развития» г. Булгаков ставит «закон убывающего плодородия почвы». Нам приводят выдержки из сочинений классиков, установивших этот «закон» (в силу которого каждое добавочное вложение труда и капитала в землю сопровождается не соответственным, а уменьшающимся количеством добываемого продукта), нам сообщают список английских экономистов, признающих этот закон, нас уверяют, что он «имеет универсальное значение», что это—«вполне очевидная истина, которую совершенно невозможно отрицать», «которую достаточно лишь ясно констатировать», и пр., и т. д. Чем решительнее выражается г. Булгаков, тем яснее видно, что он *пятится назад*, к буржуазной политической экономии, заслонявшей общественные отношения вымышленными «вечными законами». В самом деле, к чему сводится «очевидность» пресловутого «закона убывающего плодородия почвы»? К тому, что если бы последующие приложения труда и капитала к земле давали не уменьшающееся, а одинаковое количество продукта, то тогда незачем было бы вообще расширять запашки, тогда добавочное количество хлеба можно было бы производить на прежнем количестве земли, как бы мало это количество ни было, тогда «земледелие всего земного шара можно было бы уместить на одной десятине». Таков обычный (и *единственный*) довод в пользу «универсального» закона. И самое небольшое размышление покажет всякому, что этот довод представляет из себя бессодержательнейшую абстракцию, которая оставляет в стороне самое глав-

*) На статью г. Булгакова в «Начале» я ответил тогда же статьей: «Капитализм в сельском хозяйстве». Вследствие закрытия «Начала» статья эта была помещена в «Жизни» 1900 г., №№ 1 и 2 (см. выше 1—42 стр. этого тома. *Ред.*).

ное: уровень техники, состояние производительных сил. В сущности ведь самое понятие: «добавочные (или: последовательные) вложения труда и капитала» *предполагает* изменение способов производства, преобразование техники. Чтобы увеличить в значительных размерах количество вкладываемого в землю капитала, надо *изобрести* новые машины, новые системы полеводства, новые способы содержания скота, перевозки продукта и пр., и пр. Конечно, в сравнительно небольших размерах «добавочные вложения труда и капитала» могут происходить (и происходят) и на базисе данного, неизменного уровня техники: в этом случае применим *до некоторой степени* и «закон убывающего плодородия почвы», применим в том смысле, что неизменное состояние техники ставит очень узкие, сравнительно, пределы добавочным вложениям труда и капитала. Вместо универсального закона мы получаем, следовательно, в высшей степени относительный «закон»,—настолько относительный, что ни о каком «законе» и даже ни о какой кардинальной особенности земледелия не может быть и речи. Возьмем за данное: трехполье, посевы традиционных зерновых хлебов, навозное скотоводство, отсутствие улучшенных лугов и усовершенствованных орудий. Очевидно, что при условии неизменности этих данных пределы добавочных вложений труда и капитала в землю крайне узки. Но и в тех узких пределах, в которых все-таки добавочные вложения труда и капитала возможны, *отнюдь не всегда и не безусловно* будет наблюдаться уменьшение производительности каждого такого добавочного вложения. Возьмем промышленность. Представим себе мукомольное или железоперелочное производство в эпоху, предшествовавшую всемирной торговле и изобретению паровых машин. При этом состоянии техники пределы добавочных вложений труда и капитала в ручные кузницы, ветряные и водяные мельницы были крайне узки; неизбежно должно было наблюдаться громадное распределение мелких кузниц и мельниц, пока радикальное преобразование способов производства не создало базиса для новых форм промышленности.

Итак: «закон убывающего плодородия почвы» вовсе неприменим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной. Вот почему ни Маркс, ни марксисты и не говорят об этом «законе», а кричат о нем только представители буржуазной науки, вроде Врепано ¹⁴), которые никак не могут отделаться от предрассудков старой политической экономии с ее абстрактными вечными и естественными законами.

Г. Булгаков защищает «универсальный закон» такими доводами, над которыми стоит посмеяться.

«То, что являлось свободным подарком природы, теперь должно быть сделано человеком: ветер и дождь разрыхляли почву, полную питательных элементов, достаточно было небольшого усилия со стороны человека, чтобы добыть необходимое. С течением времени все бóльшая и бóльшая часть производительной работы отходит па долю человека; как и везде, искусственные процессы все больше становятся на место естественных. Но если в индустрии в этом выражается победа человека над природой, то в земледелии это указывает на растущую трудность существования, для которого природа сокращает свои дары».

«В данном случае безразлично, выражается ли в увеличении человеческого труда или же его продуктов, например, орудий производства или удобрения и т. п., увеличивающаяся трудность производства пищи» (г. Булгаков хочет сказать: безразлично, выражается ли увеличивающаяся трудность производства пищи в увеличении человеческого труда или же в увеличении его продуктов); «важно только то, что она обходится человеку все дороже и дороже. В этом замещении сил природы человеческим трудом, естественных факторов производства—искусственными и заключается закон убывающего плодородия почвы» (16).

Очевидно, г-ну Булгакову не дают спать лавры г.г. Струве и Туган-Барановского, додумавшихся до того, что не человек работает при помощи машины, а машина—при помощи человека. Подобно этим критикам и он падает до уровня вульгарной экономии, толкуя о *замещении* сил природы человеческим трудом и т. п. Заместить сил природы человеческим трудом, вообще говоря, так же невозможно, как нельзя заместить аршинов пудами. И в индустрии, и в земледелии человек может только пользоваться действием сил природы, если он познал их действие, и *облегчать* себе это пользование посредством машин, орудий и т. п. Что первобытный человек получал необходимое как свободный подарок природы,—это глупая побасенка, за которую г. Булгакова могут освистать даже начинающие студенты. Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой. Введение машин и улучшенных способов производства неизмеримо облегчило человеку эту борьбу вообще и производство пищи в частности. Увеличилась не трудность производства пищи, а трудность получения пищи для рабочего,—увеличилась потому, что капиталистическое развитие вздуло земель-

ную ренту и земельную цену, концентрировало сельские хозяйства в руках крупных и мелких капиталистов, концентрировало еще больше машины, орудия, деньги, без которых невозможно успешное производство. Объяснять эту растущую трудность существования рабочих тем, что природа сокращает свои дары,—значит становиться буржуазным апологетом.

«Принимая этот закон,—продолжает г. Булгаков,—мы вовсе не утверждаем непрерывного увеличения трудности производства пищи или не отрицаем сельско-хозяйственного прогресса: утверждать первое и отрицать второе значило бы идти против очевидности. Несомненно, что трудность эта растет не непрерывно, развитие движется зигзагами. Агрономические открытия, технические усовершенствования превращают бесплодные земли в плодородные, временно упраздняют тенденцию, отмеченную в законе убывающего плодородия почвы» (Ibid.).

Неправда ли, как это глубокомысленно? Технический прогресс—«временная» тенденция, а закон убывающего плодородия почвы, т.е. уменьшающейся (да и то не всегда) производительности добавочных вложений капитала на базисе неизменной техники, «имеет универсальное значение»! Это совершенно все равно, что сказать: остановки поездов на станциях представляют из себя универсальный закон парового транспорта, а движение поездов между станциями—временная тенденция, парализующая действие универсального закона стояния.

Наконец, есть и массовые данные, опровергающие наглядно универсальность закона убывающего плодородия: данные о земледельческом и неземледельческом населении. Г. Булгаков сам признает, что «добывание пищи требовало бы постоянно увеличивающегося относительно» (это заметьте!) «количества труда и, следовательно, земледельческого населения, если бы каждая страна была ограничена своими естественными ресурсами» (19). Если в Западной Европе земледельческое население уменьшается, то это объясняется тем, что посредством привоза хлеба удалось отклонить от себя действие закона убывающего плодородия.—Нечего сказать, хорошо объяснение! Наш ученый забыл о той мелочи, что относительное уменьшение земледельческого населения наблюдается во всех капиталистических странах, в том числе и в земледельческих, и в вывозящих хлеб. Земледельческое население относительно уменьшается в Америке и в России, оно уменьшается во Франции с конца XVIII века (см. цифры в том же сочинении г. Булгакова, II, стр. 168), при чем это относительное уменьшение переходит даже иногда в абсолютное, между тем как перевес ввоза хлеба над вывозом был еще в 30-х и 40-х годах совер-

шепно ничтожен, и только с 1878 года не встречается уже совершенно годов с перевесом вывоза над ввозом *). В Пруссии сельское население уменьшалось относительно с 73,5% в 1816 г. до 71,7% в 1849 г. и 67,5% в 1871 г., а ввоз ржи начался лишь с начала 60-х, пшеницы— с начала 70-х годов (там же, 11, 70 и 88). Наконец, если мы возьмем европейские страны, ввозящие хлеб,—например, Францию и Германию последнего десятилетия,—то мы увидим несомненный прогресс сельского хозяйства на-ряду с абсолютным уменьшением числа занятых им рабочих: во Франции это число уменьшилось с 1882 по 1892 г.— с 6.913.504 до 6.663.135 («Stat. agr.», ч. II, стр. 248—251), в Германии с 1882 по 1895 г.—с 8.064 тыс. до 8.045 тыс. **). Таким образом, можно сказать, вся история XIX века массовыми данными по отношению к самым различным странам неопровержимо доказывает, что «универсальный» закон убывающего плодородия совершенно парализован «временной» тенденцией технического прогресса, который дает возможность уменьшающемуся относительно (а иногда даже абсолютно) сельскому населению производить увеличивающееся количество земледельческих продуктов на увеличивающуюся массу населения.

Кстати сказать, эти массовые статистические данные вполне опровергают также два следующих центральных пункта «теории» г. Булгакова, именно: во-первых, его утверждение, что «к земледелию совершенно неприложима» теория более быстрого роста постоянного капитала (орудий и материалов производства) сравнительно с переменным (рабочая сила). Г. Булгаков преважно заявляет, что это теория неверна, ссылаясь в подтверждение своего мнения а) на «проф. А. Скворцова» (знаменитого всего более тем, что теорию средней нормы прибыли Маркса он приписывал агитаторскому злоумышлению)

*) «Statistique agricole de la France (Enquête de 1892)», P. 1897, p. 113.

**) «Statistik des Deutschen Reichs», Neue Folge, Bd. 112. Die Landwirtschaft im Deutschen Reich. Berlin 1898. S. 6*. Г-ну Булгакову, разумеется, неприятен этот, разрушающий все его мальтузианство, факт технического прогресса при уменьшающемся сельском населении. Наш «строгий ученый» прибегает поэтому к такой уловке: вместо того, чтобы взять сельское хозяйство в собственном смысле слова (земледелие, скотоводство и т. п.), он берет (вслед за данными об увеличивающемся количестве земледельческих продуктов с 1 гектара!) «сельское хозяйство в широком смысле», куда немецкая статистика включает и орangerейное и торговое огородничество, и лесоводство, и рыболовство! Получается увеличение общей суммы лиц, действительно занятых «земледелием»!! (Булгаков, II, 133.) Приведенные в тексте цифры относятся к лицам, для коих земледелие составляло главное занятие. Число лиц, занимающихся земледелием побочно, возросло с 3.144 тыс. до 3.578 тыс. Складывать эти цифры с предыдущими не вполне правильно, но и при сложении мы получаем лишь весьма небольшое увеличение: с 11.208 до 11.623 тысяч

и б) на тот факт, что при интенсификации хозяйства увеличивается количество рабочих на единицу площади. Это—одно из тех умышленных непониманий Маркса, которые постоянно выказывают представители модной критики. Подумайте только: теория более быстрого роста постоянного капитала сравнительно с переменным опровергается фактом увеличения *переменного капитала* на единицу площади! И г. Булгаков *не замечает*, что приводимые им самим в таком обилии статистические данные подтверждают теорию Маркса. Если во всем германском земледелии число рабочих с 1882 по 1895 г. уменьшилось с 8.064 до 8.045 (а при добавлении лиц, занятых земледелием побочно, увеличилось с 11.208 до 11.623, т.-е. всего на 3,7⁰/₀), тогда как количество скота за это время возросло с 23,0 миллионов до 25,4 миллионов (переводя весь скот на крупный), т.-е. более чем на 10⁰/₀, число случаев употребления пяти главнейших машин возросло с 458 тыс. до 922 тыс., т.-е. более чем вдвое, количество ввозных удобрений с 636 тыс. тонн (1883 г.) до 1.961 тыс. тонн (1892 г.) и количество калийных солей с 304 тыс. двойных центнеров до 2.400 тыс. *),—то не ясно ли, что отношение постоянного капитала к переменному увеличивается? Мы уже не говорим о том, что эти огульные данные в громадной степени скрадывают прогресс крупного производства. Об этом ниже.

Во-вторых, прогресс сельского хозяйства при уменьшении или ничтожном абсолютном увеличении сельского населения вполне опровергает нелепую попытку г. Булгакова воскресить мальтузианство. Из русских «бывших марксистов» эту попытку сделал едва ли не впервые г. Струве в своих «Критических заметках»¹⁵⁾, но он, как и всегда, не пошел далее робких, недоговоренных и двусмысленных замечаний, не додуманных до конца и не сведенных к одной системе воззрений. Г. Булгаков смелее и последовательнее: «закон убывающего плодородия» он, ничтоже сумняхуся, превращает в «один из важнейших законов истории цивилизации» (sic! стр. 18). «Вся история XIX века... с его проблемами богатства и бедности была бы не понятна без этого закона». «Для меня совершенно несомненно, что социальный вопрос в теперешней его постановке существенно связан с этим законом» (это наш строгий ученый заявляет уже на 18-й странице своего «исследования»!)... «Несомненно,—заявляет он в конце сочинения,—что, при наличности перенаселения, известная часть бедности должна быть отнесена на счет *абсолютной бедности*, бедности производства, а не распределения» (II 221). «Проблема народонасе-

*) «Stat. d. D. R.», V. 112, S. 36. Булгаков, II, 135.

ления в той особенной ее постановке, какую создают условия сельскохозяйственного производства, составляет в моих глазах главную трудность, которая лежит на пути—в настоящее, по крайней мере, время—сколько-нибудь широкому проведению принципов коллективизма или кооперации в сельско-хозяйственном предприятии» (II, 265). «Прошлое оставляет в наследие будущему хлебный вопрос, более страшный и более трудный, чем вопрос социальный,—вопрос производства, а не распределения» (II, 455) и пр., пр., и пр. Нам нет надобности говорить о научном значении этой «теории», неразрывно связанной с универсальным законом убывающего плодородия почвы,—после того, как мы разобрали этот закон. А что критическое заигрывание с мальтузианством привело в своем неизбежном логическом развитии к самому вульгарному буржуазному апологетизму,—это засвидетельствовано в приведенных нами выводах г. Булгакова с неоставляющей ничего желать откровенностью.

В следующем очерке мы разберем данные некоторых новых источников, указываемых нашими критиками (которые все уши прожужжали о том, что ортодоксы чураются детализации), и покажем, что г. Булгаков вообще превращает словечко «перенаселение» в трафарет, прикладывая к которому избавляет его от всякого анализа и в особенности от анализа классовых противоречий внутри «крестьянства». Теперь же, ограничиваясь общетеоретической стороной аграрного вопроса, мы должны еще коснуться теории ренты. «Что касается Маркса,—пишет г. Булгаков,—то в III т. «Капитала»—в том виде, как мы сейчас его имеем, он не прибавляет ничего, заслуживающего внимания, к теории дифференциальной ренты Рикардо» (87). Напомним это: «ничего заслуживающего внимания», и сопоставим с приговором критика следующее, сделанное им раньше, заявление: «Несмотря на очевидно отрицательное отношение к этому закону (закону убывающего плодородия почвы), Маркс усваивает в основных принципах теорию ренты Рикардо, которая построена на этом законе» (13). Выходит ведь, по г. Булгакову, что Маркс не заметил связи теории ренты Рикардо с законом убывающего плодородия и потому не свел концов с концами! Мы можем одно сказать по поводу такого изложения: никто так не извращает Маркса, как бывшие марксисты, никто не проявляет такой невероятной бес... бес... бесцеремонности в подсовывании критикуемому писателю тысячи и одного смертного греха.

Утверждение г. Булгакова есть вопиющее извращение истины. На самом деле Маркс не только заметил эту связь теории ренты Рикардо с его ошибочным учением об убывающем плодородии почвы, но

и с полнейшей определенностью разоблачил ошибку Рикардо. Кто хоть с капелькой «внимания» читал III том «Капитала», тот не мог не заметить того в высшей степени «заслуживающего внимания» обстоятельства, что именно Маркс *освободил* теорию дифференциальной ренты от *всякой* связи с пресловутым «законом убывающего плодородия почвы». Маркс показал, что для образования дифференциальной ренты необходим и достаточен факт различной производительности различных приложений капитала к земле. Совершенно не существенно при этом, совершается ли переход от лучшей земли к худшей или, наоборот, понижается ли производительность добавочных вложений капитала в землю или повышается. В действительности имеют место всевозможные комбинации этих различных случаев, и ни под какое единое общее правило этих комбинаций подвести нельзя. Так, например, Маркс описывает сначала дифференциальную ренту первого вида, происходящую от различной производительности приложений капитала на различных участках земли, и поясняет свое изложение таблицами (по поводу которых г. Б. делает строгое внушение за «чрезмерное пристрастие Маркса к облачению своих — нередко очень простых—мыслей в сложную математическую одежду». Эта сложная математическая одежда ограничивается четырьмя действиями арифметики, а очень простые мысли оказались, как мы видим, совершенно непонятными ученым профессором). Разобрав эти таблицы, Маркс заключает: «Таким образом падает та первая неверная предпосылка дифференциальной ренты, которая еще господствует у Вэста (West), Мальгуса, Рикардо, именно, что дифференциальная рента необходимо предполагает переход к худшей и худшей почве или же постоянно уменьшающуюся производительность земледелия. Дифференциальная рента, как мы видели, может иметь место, при переходе к лучшей и лучшей земле; дифференциальная рента может иметь место, если низшую ступень занимает лучшая почва вместо прежней худшей; она может быть связана с растущим прогрессом земледелия. Ее условием является исключительно неравенство видов почвы». (Маркс не говорит здесь о различной производительности последовательных вложений капитала в землю, ибо это порождает дифференциальную ренту *второго* вида, а в данной главе речь идет о дифференциальной ренте *1* вида.) «Поскольку дело касается развития производительности,—постольку дифференциальная рента предполагает, что повышение абсолютного плодородия всей сельско-хозяйственной площади не уничтожает этого неравенства, а либо усиливает его, либо оставляет неизменным, либо же только уменьшает» («Das Kapital», III, 2, S. 199). Г. Булгаков *не заметил* этого коренного отличия теории дифференциальной ренты

Маркса от теории ренты Рикардо. Зато он предпочел разыскать в третьем томе «Капитала» отрывок, позволяющий скорее думать, что Маркс относился к закону убывающего плодородия почвы далеко не отрицательно» (стр. 13, примеч.). Мы извиняемся пред читателем, что нам придется уделить очень много места совершенно несущественному (по отношению к интересующему нас с г. Булгаковым вопросу) отрывку. Но что прикажете делать, если герои современной критики (которые еще смеют обвинять ортодоксов в рабулистике) извращают совершенно ясный смысл враждебного им учения посредством выхваченных из контекста цитат и посредством перевернутых переводов? Г. Булгаков цитирует найденный им отрывок так: «С точки зрения капиталистического способа производства всегда происходит относительное удорожание (*земледельческих*) продуктов, *так как*» (мы просим читателя обратить особое внимание на подчеркиваемые нами слова) «для получения продукта делается известная затрата, должно оплачиваться нечто такое, что прежде не оплачивалось». И Маркс говорит дальше, что элементы природы, входящие в производство, как агенты его, ничего не стоя, являются даровой естественной производительной силой труда, а если для производства добавочного продукта приходится работать без помощи этой естественной силы, то необходимо затратить новый капитал, что ведет к удорожанию производства.

По поводу такого способа «цитировать» мы должны сделать три замечания. Во-первых, словечко «так как», придающее тираде абсолютный смысл установления какого-то «закона», *вставлено г. Булгаковым от себя. В оригинале («Das Kapital», III, 2, S. 277—278) стоит не «так как», а «если». Если должно оплачиваться нечто такое, что раньше не оплачивалось, то происходит всегда относительное удорожание продуктов: не правда ли, как это положение похоже на признание «закона» убывающего плодородия? Во-вторых, словечко «земледельческих» вставлено вместе со скобками г. Булгаковым. В оригинале его вовсе нет. Г. Булгаков решил, вероятно, со свойственным г. г. критикам легкомыслием, что Маркс может говорить здесь только о земледельческих продуктах, и поспешил дать читателю «пояснение» совершенно превратного свойства. На самом деле Маркс говорит здесь о всех продуктах вообще; отрывку, цитированному г. Булгаковым, предшествуют слова Маркса: «вообще должно заметить следующее». Даровые силы природы могут входить и в промышленное производство — таков приведенный Марксом в том же отделе о ренте пример водопада, заменяющего для одной из фабрик силу пара, — и если нужно произвести добавочное количество продукта*

без помощи этих даровых сил, то произойдет *всегда* относительное удорожание продуктов. В-третьих, надо рассмотреть, в каком контексте стоит этот отрывок. Маркс говорит в этой главе о дифференциальной ренте с худшей возделываемой земли и разбирает, *как и всегда*, два для него совершенно равноправных, *совершенно одинаково возможных* случая: первый случай—повышающуюся производительность последовательных приложений капитала (S. 274—276) и второй случай—понижающуюся производительность их (S. 276—278). По поводу этого последнего из возможных случаев Маркс говорит: «О понижающейся производительности почвы при последовательных приложениях капитала смотри у Либиха... Но должно *вообще* замéтить следующее» (курсив наш). Следует «переведенный» г. Булгаковым отрывок, гласящий, что если оплачивается то, что раньше не оплачивалось, то *всегда* происходит относительное удорожание продуктов.

Предоставляем самому читателю судить о научной добросовестности критика, который превратил замечание Маркса об одном из возможных случаев в признание Марксом этого случая за какой-то общий «закон».

А вот заключительное мнение г. Булгакова о найденном им отрывке:

«Этот отрывок, конечно, неясен»... Ну, еще бы! После булгаковской замены одного слова другим этот отрывок даже совершенно лишен смысла... «но не может быть понят иначе как косвенное или даже прямое признание» (слушайте!) «закона убывающего плодородия почвы. Мне неизвестно, чтобы Маркс где-либо еще прямо высказывался по поводу последнего» (1, 14). Как бывшему марксисту, г. Булгакову «неизвестно», что Маркс прямо объявил совершенно неверным предположение Вэста, Мальтуса, Рикардо, будто дифференциальная рента предполагает переход к худшим землям или падающее плодородие почвы *). Ему «неизвестно», что Маркс на протяжении всего своего объемистого анализа ренты *десять раз* показывает, что понижающуюся и повышающуюся производительность добавочных затрат капитала он рассматривает как совершенно одинаково возможные случаи!

*) Это опровергнутое Марксом неверное предположение классической экономии перенял, разумеется, без критики и «критик» г. Булгаков вслед за своим учителем Брентаио. «Условием возникновения ренты,—пишет г. Булгаков,—является закон убывающего плодородия почвы...» (1, 90). ...«Английская рента... фактически различает последовательные затраты капитала разной, в общем убывающей производительности» (1, 130).

II.

Теория ренты.

Теории ренты Маркса г. Булгаков вообще не понял. Он уверен, что разбивает эту теорию двумя следующими возражениями: 1) По Марксу, земельный капитал входит в выравнивание нормы прибыли, так что ренту создает добавочная прибыль, превышающая среднюю норму прибыли. Это неверно, по мнению г. Булгакова, ибо монополия землевладения устраняет свободу конкуренции, необходимую для процесса выравнивания нормы прибыли. Земельный капитал не входит в процесс выравнивания нормы прибыли. 2) Абсолютная рента есть лишь особый случай дифференциальной ренты, и различие ее от этой последней неправильно; это различие основывается на совершенно произвольном двойном толковании одного и того же факта—монопольного владения одним из факторов производства. Г. Булгаков так уверен в сокружительности своих доводов, что не может воздержаться от целого потока сильных слов против Маркса: *petitio principii*, не марксизм, логический фетишизм, утрата Марксом свободы умственного полета и пр. А между тем оба его довода основаны на довольно грубой ошибке. То же самое одностороннее упрощение предмета, которое побудило г. Булгакова возвести один из возможных случаев (понижение производительности добавочных затрат капитала) в универсальный закон убывающего плодородия,—приводит его в данном вопросе к тому, что он без критики оперирует с понятием «монополия», возводя это понятие в нечто в своем роде тоже универсальное, и смешивает при этом те последствия, которые вытекают, при капиталистической организации земледелия, из *ограниченности земли*, с одной стороны, и из *частной собственности на землю*, с другой. Это ведь две вещи различные. Объяснимся.

«Условием, хотя и не источником возникновения земельной ренты,—пишет г. Булгаков,—является то же самое, что вызвало и возможность монополизации земли,—ограниченность производительных сил земли и безгранично растущая потребность в них человека» (I, 90). Вместо: «ограниченность производительных сил земли» надо было сказать: «ограниченность земли». (Ограниченность производительных сил земли сводится, как мы уже показали, к «ограниченности» данного уровня техники, данного состояния производительных сил.) Ограниченность земли предполагает действительно, при капиталистическом строе общества, монополизацию земли, но *земли как объекта хозяйства*, а не как объекта права собственности. Предположение капиталисти-

ческой организации земледелия необходимо включает в себе то предположение, что вся земля занята отдельными, частными хозяйствами, *но отнюдь не включает предположения*, что вся земля находится в частной собственности этих хозяев или других лиц, или в частной собственности вообще. Монополия владения землей на праве собственности и монополия хозяйства на земле — вещи совершенно различные не только логически, но и исторически. Логически — мы вполне можем представить себе чисто капиталистическую организацию земледелия при полном отсутствии частной собственности на землю, при нахождении земли в собственности государства или общин и т. п. И в действительности мы видим, что во всех развитых капиталистических странах вся земля занята отдельными, частными хозяйствами, но эти хозяйства эксплуатируют не только свои собственные, но и арендуемые ими земли частных собственников, и государственные земли, и земли общин (например, в России, при чем во главе частных хозяйств на крестьянских общинных землях стоят, как известно, капиталистические крестьянские хозяйства). И Маркс недаром делает в самом начале своего анализа ренты замечание, что капиталистический способ производства застаёт (и подчиняет себе) самые различные формы поземельной собственности, начиная от клановой собственности и феодальной собственности и кончая собственностью крестьянских общин.

Итак, ограниченность земли неизбежно предполагает только монополизацию хозяйства на земле (при условии господства капитализма). Спрашивается, каковы необходимые последствия *этой* монополизации по отношению к вопросу о ренте? Ограниченность земли ведет к тому, что цену хлеба определяют условия производства не на среднего качества земле, а на худшей возделываемой земле. Эта цена хлеба даёт фермеру (=капиталистическому предпринимателю в земледелии) покрытие его издержек производства и среднюю прибыль на его капитал. Фермер на лучшей земле получает добавочную прибыль, которая и образует *дифференциальную ренту*. Вопрос о том, существует ли частная собственность на землю, не стоит ровно ни в какой связи с вопросом об образовании дифференциальной ренты, которая неизбежна в капиталистическом земледелии хотя бы на общинных, государственных, бесхозяйных землях. Единственное последствие ограниченности земли при капитализме — образование дифференциальной ренты вследствие различной производительности различных затрат капитала. Г. Булгаков усматривает второе последствие в устранении свободы конкуренции в земледелии, говоря, что отсутствие этой свободы препятствует земледельческому капиталу участвовать в образовании средней прибыли. Это — явное смешение вопроса о хозяйстве

на земле с вопросом о праве собственности на землю. Из факта ограниченности земли (независимо от частной собственности на землю) вытекает логически только то, что вся земля будет занята капиталистами-фермерами, но отнюдь не вытекает необходимость каких бы то ни было ограничений свободы конкуренции между этими фермерами. Ограниченность земли есть явление общее, неизбежно кладущее свою печать на всякое капиталистическое земледелие. Логическая несостоятельность смешения этих различных вещей наглядно подтверждается и историей. Не говорим уже об Англии: в ней отделение землевладения от земледельческого хозяйства очевидно, свобода конкуренции между фермерами—почти полная, обращение образованного в торговле и промышленности капитала на сельское хозяйство имело и имеет место в самых широких размерах. Но и во всех остальных капиталистических странах происходит (вопреки мнению г. Булгакова, тщетно пытающегося, вслед за г. Струве, выделить «английскую» ренту в нечто совершенно своеобразное) *тот же самый процесс* отделения землевладения от земледельческого хозяйства—только в самых различных формах (аренда, ипотека). Не замечая этого процесса (усиленно подчеркиваемого Марксом), г. Булгаков, можно сказать, слона не замечает. Во всех европейских странах наблюдаем мы, после падения крепостного права, разрушение сословности землевладения, мобилизацию земельной собственности, обращение торгово-промышленного капитала на сельское хозяйство, рост аренды и ипотечной задолженности. И в России, несмотря на наибольшие остатки крепостного права, мы видим после реформы усиленную покупку земли крестьянами, разночинцами и купцами, развитие аренды частновладельческих, государственных и *общинных* земель и проч., и проч. О чем свидетельствуют все эти явления? О создании свободной конкуренции *в земледелии вопреки* монополии *земельной собственности* и несмотря на бесконечно разнообразные формы этой собственности. В настоящее время во всех капиталистических странах всякий владелец капитала может так же легко или почти так же легко вложить этот капитал в сельское хозяйство (посредством покупки или аренды земли), как и в любую отрасль торговли или промышленности.

Г. Булгаков в возражении против Марксовой теории дифференциальной ренты указывает на то, что «все эти различия (различия в условиях производства земледельческих продуктов) противоречивы и *могут*» (курсив наш) «взаимно уничтожать друг друга,—расстояние, как это указывал уже Родбертус, может парализоваться плодородием, различное же плодородие может выравниваться более усиленным производством на участках большего плодородия» (I, 81). Напрасно только

забывает наш строгий ученый о том, что Маркс отметил этот факт и сумел дать ему не такую однобокую оценку. «Ясно,—пишет Маркс,— что эти два различные основания дифференциальной ренты, плодородие и положение» (земельных участков) «могут действовать в противоположном направлении. Земельный участок может быть хорошо расположен и очень мало плодороден, и наоборот. Это обстоятельство важно, ибо оно объясняет нам, почему при распашке земли в данной стране переход может совершаться точно так же от лучшей земли к худшей, как и наоборот. Наконец, ясно, что процесс социального производства вообще действует, с одной стороны, нивелирующим образом на положение» (земельных участков) «как на основание дифференциальной ренты, создавая местные рынки, создавая положение посредством проведения путей сообщения; а с другой стороны, усиливает различия в местном положении земельных участков как посредством отделения земледелия от промышленности, так и посредством образования крупных центров производства, наряду с обратной стороной этого явления: усилением относительного одиночества деревни» (*relative Vereinsamung des Landes*) («Das Kapital», III, 2, S. 190). Таким образом, в то время как г. Булгаков с победоносным видом повторяет давно известное указание на *возможность* взаимного уничтожения различий, Маркс ставит *дальнейший* вопрос о превращении этой возможности в действительность и показывает, что рядом с нивелирующими влияниями наблюдаются и дифференцирующие. Конечный итог этих взаимно-противоречивых влияний состоит, как всякий знает, в том, что во всех странах и повсюду *существуют* громадные различия между земельными участками по плодородию и положению их. Возражение г. Булгакова свидетельствует только о полной непродуманности его замечаний.

«Понятие последней, наименее производительной, затраты труда и капитала,—продолжает возражать г. Булгаков,—одинаково без критики употребляется и Рикардо, и Марксом. Нетрудно видеть, какой элемент произвола вносится этим понятием: пусть на землю затрачивается $10a$ капитала, при чем каждое последующее a отличается убывающей производительностью; общий продукт почвы будет A . Очевидно, средняя производительность каждого a будет равна $A/10$, и, если весь капитал рассматривать как одно целое, то цена будет определяться именно этой средней его производительностью» (I, 82). Очевидно,—скажем мы на это, что г. Булгаков за своими пышными фразами об «ограниченности производительных сил земли» просмотрел *мелочь*: ограниченность земли. Эта ограниченность—совершенно независимо от какой бы то ни было *собственности* на землю—создает

известного рода монополию, именно: так как земля вся занята фермерами, так как спрос предъявляется на весь хлеб, производимый на всей земле, в том числе и на самых худших, и на самых удаленных от рынка участках, то понятно, что цену хлеба определяет цена производства на худшей земле (или цена производства при последней, наименее производительной затрате капитала). «Средняя производительность» г. Булгакова есть пустое арифметическое упражнение, ибо действительному образованию этой средней препятствует ограниченность земли. Чтобы образовалась эта «средняя производительность» и определила собой цены, для этого необходимо, чтобы каждый капиталист не только мог вообще приложить капитал к земледелию (настолько в земледелии есть, как мы уже говорили, свобода конкуренции), но также, чтобы каждый капиталист мог всегда сверх наличного числа земледельческих предприятий основать *новое* земледельческое предприятие. Будь это так, тогда между земледелием и промышленностью никакой разницы не было бы, тогда никакой ренты не могло бы возникнуть. Но именно ограниченность земли делает то, что это не так.

Пойдем далее. Мы рассуждали до сих пор, совершенно оставляя в стороне вопрос о собственности на землю; мы видели, что такой прием обязателен и ввиду логических соображений, и ввиду исторических данных, свидетельствующих о возникновении и развитии капиталистического земледелия при всяких формах землевладения. Введем теперь это новое условие. Предположим, что вся земля находится в частной собственности. Как отразится это на ренте? Дифференциальная рента будет отобрана землевладельцем на основании его права собственности у фермера: так как дифференциальная рента есть избыток прибыли сверх нормальной, средней, прибыли на капитал, и так как свобода конкуренции в смысле свободы вложения капитала в сельское хозяйство в земледелии есть (respective создается капиталистическим развитием), то землевладелец всегда найдет фермера, удовлетворяющегося средней прибылью и отдающего ему, землевладельцу, сверх-прибыль. Частная собственность на землю не создает дифференциальной ренты, а только перемещает ее из рук фермера в руки землевладельца. Ограничивается ли этим влияние частной поземельной собственности? Можно ли предположить, что землевладелец *даром* позволит фермеру эксплуатировать ту худшую и хуже всех расположенную землю, которая дает только среднюю прибыль на капитал? Конечно, нет. Землевладение есть монополия, и на основании этой монополии землевладелец потребует платы с фермера и за эту землю. Эта плата будет *абсолютной рентой*, не стоящей на в какой связи с

различной производительностью различных затрат капитала и *вытекающей из частной собственности на землю*. Обвиняя Маркса в произвольном двояком толковании одной и той же монополии, г. Булгаков не дал себе труда подумать, что мы имеем дело действительно с двоякой монополией; во-первых, мы имеем монополию хозяйства (капиталистического) на земле. Эта монополия вытекает из ограниченности земли, являясь поэтому необходимой во всяком капиталистическом обществе. Ведет *эта* монополия к тому, что цену хлеба определяют условия производства на худшей земле, а избыточная, прибавочная прибыль, приносимая затратой капитала на лучшей земле или более производительной затратой капитала, образует дифференциальную ренту. Рента эта возникает совершенно независимо от частной поземельной собственности, которая только дает возможность землевладельцу отобрать ее у фермера. Во-вторых, мы имеем монополию частной собственности на землю. Ни логически, ни исторически эта монополия с предыдущей неразрывно *) не связана. Ничего *необходимого* для капиталистического общества и для капиталистической организации земледелия эта монополия из себя не представляет. С одной стороны, мы вполне можем мыслить капиталистическое земледелие без частной собственности на землю, и многие последовательные буржуазные экономисты требовали национализации земли. С другой стороны, мы в действительности встречаем капиталистическую организацию земледелия при отсутствии частной поземельной собственности, например, на землях государственных и общинных. Поэтому различать эти двоякого рода монополии безусловно необходимо, а, следовательно, необходимо на-ряду с дифференциальной рентой признать и существование абсолютной ренты, которую *порождает* частная собственность на землю.

Возможность происхождения абсолютной ренты из прибавочной стоимости земледельческого капитала Маркс объясняет тем, что в земледелии доля переменного капитала в общем составе капитала выше среднего (предположение вполне естественное при несомненной отсталости земледельческой техники сравнительно с промышленной). Раз это так—следовательно, стоимость земледельческих продуктов вообще выше их цены производства, а прибавочная стоимость—выше прибыли. Между тем, монополия частной поземельной собственности пре-

*) Вряд ли есть надобность напоминать читателю, что, имея здесь дело с общей теорией ренты и капиталистической организации земледелия, мы не касаемся таких фактов, как давность и распространенность частной поземельной собственности, как подрыв заокеанской конкуренцией последнего указанного нами вида монополии, а отчасти и обоих ее видов и т. п.

пятствует этому излишку войти целиком в процесс выравнивания прибыли, и абсолютная рента берется из этого излишка *).

Г. Булгаков очень недоволен этим объяснением и восклицает: «Что же за вещь такая — эта прибавочная ценность, что ее как сукна или хлопка, или другого какого-либо товара может хватать или нехватать для покрытия возможного спроса! Прежде всего, это не материальная вещь, это — понятие, служащее для выражения определенного общественного отношения производства» (I, 105). Это противоположение «материальной вещи» «понятию» представляет из себя наглядный образчик той схоластики, которую так любят в настоящее время преподносить под видом «критики». Какое значение могло бы иметь «понятие» о доле общественного продукта, если бы этому понятию не соответствовали определенные «материальные вещи»? Прибавочная ценность есть денежный эквивалент прибавочного продукта, который состоит из определенной доли сукна, хлопка, хлеба и всех прочих товаров. («Определенность» надо понимать, конечно, не в том смысле, что наука может конкретно определить эту долю, а в том смысле, что известны условия, определяющие в общих чертах размер этой доли.) В земледелии прибавочной продукт больше (в пропорции к капиталу), чем в других отраслях промышленности, и этого излишка (не входящего в выравнивание прибыли вследствие монополии поземельной собственности) может, естественно, «хватать или нехватать на покрытие спроса» со стороны монополиста-землевладельца.

Мы можем избавить читателя от подробного изложения той теории ренты, которую создал г. Булгаков, по собственному скромному замечанию, «собственными силами», «идя своим путем» (I, 112). До-

*) Между прочим. Мы считали необходимым особенно подробно остановиться на теории ренты Маркса ввиду того, что ошибочное понимание ее мы встретили также у г. П. Маслова¹⁶) («Жизнь», 1901, №№ 3 и 4, «К аграрному вопросу»), который признает убывающую производительность добавочных затрат капитала если не законом, то «обыкновенным» и как бы нормальным явлением, связывает с этим явлением дифференциальную ренту и отвергает теорию абсолютной ренты. Интересная статья г. П. Маслова содержит много верных замечаний по адресу критиков, но она сильно страдает как от указанной сейчас ошибочности теории автора (который, защищая марксизм, не потрудился точно определить отличие «своей» теории от теории Маркса), так и от ряда неосторожных и совершенно несправедливых утверждений вроде, например, того, что г. Бердяев «совершенно освобождается от влияния буржуазных писателей» и отличается «выдержанностью классовой точки зрения не в ущерб объективности», что «во многих отношениях анализ, сделанный Каутским, является местами... тенденциозным», что Каутский «совершенно не определил, в каком направлении идет развитие производительных сил в земледелии», и т. п.

статочно нескольких замечаний, чтобы охарактеризовать этот продукт «последней, наименее производительной, затраты профессорского «труда». «Новая» теория ренты построена по старинному рецепту: «назвался груздем, полезай в кузов». Раз свобода конкуренции, тогда уже не должно быть абсолютно никаких ограничений ее (хотя такой абсолютной свободы конкуренции нигде никогда и не существовало). Раз монополия,—конечно дело. Значит, рента берется вовсе не из прибавочной ценности, вовсе даже не из земледельческого продукта; она берется из продукта неземледельческого труда, это просто—дань, налог, вычет из всего общественного производства, вексель землевладельца. «Земледельческий капитал с своей прибылью и земледельческий труд, вообще земледелие как объект приложения труда и капитала, составляют таким образом *status in statu* в капиталистическом царстве... все (*sic!*) определения капитала, прибавочной ценности, заработной платы и ценности вообще в применении к земледелию оказываются величинами мнимыми» (I, 99).

Так. Так. Отныне все ясно: и капиталисты, и наемные рабочие в земледелии—все это величины мнимые. Но если г. Булгакову случается так зарпортоваться, то он иногда рассуждает и не совсем неразумно. Через четырнадцать страниц мы читаем: «Производство земледельческих продуктов стоит обществу известного количества труда; это—их ценность». Отлично. Значит, уже по крайней мере «определения» ценности—величины не совсем мнимые. Дальше: «Раз производство организовано капиталистически, и во главе производства стоит капитал, то цена хлеба определится по ценам производства, значит, будет произведен учет производительности данного приложения труда и капитала сравнительно с среднеобщественною». Прекрасно. Значит, и «определения» капитала, прибавочной ценности и заработной платы—величины не совсем мнимые. Значит, и свобода конкуренции (хотя и не абсолютная) имеется на-лицо, ибо без перехода капитала из земледелия в промышленность и обратно невозможен был бы «учет производительности сравнительно с среднеобщественною». Дальше: «Благодаря же земельной монополии цена поднимается выше ценности, до тех границ, до которых позволяют условия рынка». Превосходно. Но только где же это видывал г. Булгаков, чтобы дань, налог, вексель и проч. зависели от условий рынка? Если благодаря монополии цена поднимается до границ, допускаемых условиями рынка, то все отличие «новой» теории ренты от «старой» состоит в том, что педший «своим путем» автор не понял, с одной стороны, разницы между влиянием ограниченности земли и влиянием частной собственности на землю, а с другой стороны,—связи между понятием «монополия» и понятием

«последняя, наименее производительная, затрата труда и капитала». Удивляться ли после этого, что еще через семь страниц (I, 120) г. Булгаков совсем забыл уже о «своей» теории и рассуждает о «способе дедежа этого (земледельческого) продукта между землевладельцем, капиталистическим фермером и сельско-хозяйственными рабочими»? Блестящий финал блестящей критики! Замечательный результат новой, обогатившей отныне науку, политической экономии, *Булгаковской теории ренты!*

III.

Машины в сельском хозяйстве.

Перейдем теперь к «замечательной», по отзыву г. Булгакова, работе Герца «Die agrarischen Fragen im Verhältniss zum Sozialismus», Wien 1899. (Русский перевод А. Ильинского, С.-Петербург 1900.) Нам придется, впрочем, некоторое время разбирать одинаковые доводы обоих этих писателей совместно.

Вопрос о машинах в сельском хозяйстве и в тесной связи с ним вопрос о крупном и мелком производстве в земледелии служат для «критиков» особенно часто поводом к «опровержению» марксизма. Ниже мы подробно разберем некоторые приводимые ими детальные данные, а теперь рассмотрим относящиеся сюда общие соображения. Критики посвящают целые страницы подробнейшим рассуждениям насчет того, что машины в земледелии встречают больше трудностей применения, чем в промышленности, и потому применяются меньше и имеют меньше значения. Все это бесспорно и совершенно определенно было указано, например, и тем самым Каутским, одно имя которого приводит г.г. Булгакова, Герца и Чернова в состояние, близкое к невменяемости. Но этот бесспорный факт нимало не опровергает того, что применение машин быстро развивается и в земледелии, оказывая на него могучее преобразующее действие. Критики могут только «отговариваться» от этого неизбежного вывода посредством таких, например, глубокомысленных рассуждений: «...Земледелие характеризуется господством природы в процессе производства, не свободой человеческой воли» (Булгаков, I, 43) ...«вместо неуверенной и неточной работы человека она» (машина в промышленности) «с математической правильностью выполняет как микрометрические, так и колоссальные работы. Машина не может сделать ничего подобного (?) относительно производства земледельческих продуктов, ибо до сих пор рабочий инструмент этот находится в руках не у человека, а у матери-природы. Это не метафора» (там же). Это действительно не метафора,

а просто пустая фраза, ибо всякий знает, что паровой плуг, рядовая сеялка, молотилка и т. п. *делают* работу *более* «уверенной и точной», а следовательно, сказать «ничего подобного» значит сказать пустяки,—точно так же, как сказать, что машина в земледелии «не может ни в какой мере (sic!) революционизировать *производство*» (Булгаков, I, 43/44, при чем цитируются специалисты по сельско-хозяйственному машиностроению, которые, однако, говорят только о сравнительном отличии машин сельско-хозяйственных и промышленных), или сказать: «машина не только не может здесь превратить работника в свой придаток (?), но этому работнику остается по-прежнему роль руководителя процесса» (44)—например, подавальщику при молотилке? Превосходство парового плуга г. Булгаков старается ослабить ссылками на Штумпфе и Кутцлеба (писавших о способности мелкого хозяйства конкурировать с крупным) в противоположность выводам специалистов по сельско-хозяйственному машиностроению и сельско-хозяйственной экономии (Фюлинга, Перельса), при чем фигурируют доводы вроде того, что возможность паровой вспашки требует особой почвы *) и «чрезвычайно обширных размеров имений» (по мнению г. Булгакова, это довод не против мелкого хозяйства, а против парового плуга!), что при глубине борозды в 12 дюймов работа скота *дешевле*, чем пара, и т. п. Подобными доводами можно исписать целые томы, нисколько не опровергнув этим ни того, что паровой плуг дал возможность чрезвычайно глубокой вспашки (и глубже, чем на 12 дюймов), ни того, что применение его быстро развивалось: в Англии в 1867 г. его применяли только 135 имений, в 1871 г. было уже в употреблении больше 2.000 паровых плугов (Каутский); в Германии число хозяйств, употреблявших паровые плуги, поднялось с 1882 по 1895 г. с 836 до 1.696.

По вопросу о сельско-хозяйственных машинах г. Булгаков цитирует неоднократно Фр. Бензинга, «автора специальной монографии о сельско-хозяйственных машинах», как он его аттестует (I, 44). Было бы большой несправедливостью, если бы мы не отметили и в данном случае, как цитирует г. Булгаков и *как* побивают его им же вызываемые свидетели.

Утверждая, что «конструкция» Маркса о более быстром росте постоянного капитала по сравнению с переменным неприложима к земледелию, г. Булгаков ссылается на необходимость все большей

*) Герц с особенно «победоносным» видом настаивает на этом, доказывая неверность «абсолютного» суждения (S. 65, р. пер. 156), что паровой плуг «при всяких обстоятельствах» выше упряжного. Это вот именно называется ломиться в открытую дверь!

затраты рабочей силы по мере увеличения производительности земледелия и цитирует, между прочим, расчет Бензинга. «Общая потребность в человеческом труде выражается при разных системах хозяйства так: при трехпольном хозяйстве—712 рабочих дней; при норфолькском плодопеременном хозяйстве—1.615 рабочих дней; при плодопеременном хозяйстве с значительным производством свеклы—2.608 рабочих дней» (на 60 гектаров. Franz Bensing: «Der Einfluss der landwirtschaftlichen Maschinen anf Volks-und Privatwirtschaft», Breslau 1897, S. 42, Булгаков, I, 32). Веда только в том, что Бензинг этим расчетом хочет доказать именно растущую роль машин: применяя эти цифры ко всему сельскому хозяйству Германии, Бензинг вычисляет, что наличных сельско-хозяйственных рабочих хватило бы только для обработки земли по трехпольной системе, и что, следовательно, введение плодоперемена было бы вообще *невозможно*, если бы не применялись машины. Так как известно, что при господстве старого трехполья машины почти совсем не употреблялись, то расчет Бензинга доказывает *обратное* тому, что хочет доказать г. Булгаков; именно: этот расчет доказывает, что рост производительности земледелия необходимо должен был идти в связи с более быстрым ростом постоянного капитала по отношению к переменному.

Другой раз, утверждая, что «существует коренная (sic!) разница между ролью машины в обрабатывающей промышленности и в земледелии», г. Булгаков цитирует слова Бензинга: «сельско-хозяйственные машины не способны к такому безграничному повышению производства, как промышленные...» (I, 44). И опять не везет г. Булгакову. Бензинг отмечает эту, вовсе не «коренную» разницу между земледельческими и промышленными машинами в начале VI главы, которая озаглавлена: «Влияние сельско-хозяйственных машин на валовой доход». Разобрав подробно по отношению к каждому отдельному виду машин данные специальной сельско-хозяйственной литературы и особо произведенной им анкеты, Бензинг получает такой общий вывод: увеличение валовой выручки получается при употреблении парового плуга — на 10 процентов, рядовой сеялки — на 10%, молотилки—на 15 процентов; кроме того рядовая сеялка сберегает 20 процентов семян, и только при употреблении машины для сбора картофеля замечается понижение валовой выручки на 5 процентов. Утверждение г. Булгакова: «во всяком случае, паровой плуг есть единственная из сельско-хозяйственных машин, в пользу которой могут быть приведены известные технические соображения» (I, 48), *во всяком случае* опровергнуто тем самым Бензингом, на которого неосторожный г. Булгаков тут же ссылается.

Чтобы дать возможно более точное и цельное представление о значении машин в сельском хозяйстве, Бензинг дает ряд подробнейших расчетов о результатах хозяйничанья без машин, с одной, двумя и т. д. и, наконец, со всеми важнейшими машинами, включая и паровой плуг, и сельско-хозяйственные подвозные железные дороги (Feldbahnen). Оказывается, что при отсутствии машин валовая выручка = 69.040 маркам, расход = 68.615 м., чистый доход = 425 м. или по 1,37 марки с гектара, а при употреблении всех важнейших машин валовой доход = 81.078 мар., расход = 62.551,5 м., чистый доход = 18.526,5 м., т.-е. по 59,76 м. с гектара, т.-е. *более чем в сорок раз выше*. И это влияние одних только машин, ибо система хозяйства предположена неизменной! Что применение машин сопровождается, как показывают те же расчеты Бензинга, громадным ростом постоянного капитала и *уменьшением* переменного (т.-е. капитала, расходуемого на рабочую силу, и самого числа рабочих), это разумеется само собою. Одним словом, работа Бензинга всецело опровергает г. Булгакова и доказывает как превосходство крупного хозяйства в земледелии, так и применимость к последнему закона о росте постоянного капитала на счет переменного

Одно только сближает г. Булгакова и Бензинга: это то, что последний стоит на чисто буржуазной точке зрения, совершенно не понимает присущих капитализму противоречий и пренебрежительно закрывает глаза на вытеснение рабочих машинами и т. п. О Марксе этот умеренный и аккуратный ученик немецких профессоров говорит с такой же ненавистью, как и г. Булгаков. Только Бензинг последовательнее: он называет Маркса «противником машин» вообще, и в земледелии и в промышленности, так как, дескать, Маркс «извращает факты», толкуя о вредном влиянии машин на рабочих и вообще приписывая машинам всякие беды (Bensing, l. c., S. 4, 5, 11). Отношение г. Булгакова к Бензингу паки и паки показывает нам, что перенимают у буржуазных ученых г.г. «критики» и на что они смотрят сквозь пальцы.

Какого сорта «критика» Герца, это достаточно видно из такого примера: на стр. 149 (р. пер.) он обвиняет Каутского в «фельетонных приемах» и на стр. 150 «опровергает» утверждение о превосходстве крупного производства по употреблению машин такими доводами: 1) посредством товариществ покупка машин *доступна* и мелким хозяевам. Это, извольте видеть, опровергает *факт* большей распространенности машин в крупных хозяйствах! Кому более *доступны* блага товарищеского соединения,—об этом мы во втором очерке особо побеседуем с Герцем. 2) Давид показал в «Sozialistische Monatshefte» (V, 2),

что употребление машин в мелких хозяйствах «широко распространено и сильно возрастает... что и рядовая сеялка часто (sic!) встречается даже в очень мелких хозяйствах. То же самое с сенокосилками и другими машинами» (S. 63, стр. 151 рус. пер.). А если читатель обратиться к статейке Давида, то увидит, что он берет *абсолютные цифры* о числе хозяйств, употреблявших машины, а не процентное отношение этих хозяйств ко всему числу хозяйств данной группы (как делает, разумеется, Каутский).

Сопоставим эти цифры, относящиеся ко всей Германии за 1895 г. *).

Группы хозяйств.	Всего хозяйств.	В том числе употреблявших машины:					
		Сеялки.	%	Рядовые сеялки.	%	Косилки и жатки.	%
До 2 ha. .	3.236.367	214	0,01	14.735	0,46	245	0,01
2 — 5 ha. .	1.016.318	551	0,05	13.088	1,29	600	0,06
5 — 20 ha. .	998.804	3.252	0,33	48.751	4,88	6.746	0,68
20—100 ha. .	281.767	12.091	4,29	49.852	17,69	19.535	6,93
100 и больше ha	25.061	12.565	50,14	14.366	57,32	7.958	31,75
Всего . .	5.558.317	28.673	0,52	140.792	2,54	35.084	0,63

Не правда ли, как подтверждаются этим слова Давида и Герца, что сеялки и косилки «часто» встречаются «даже в очень мелких хозяйствах»? И если Герц делает «вывод», что «со стороны статистики утверждение Каутского совершенно не выдерживает критики», то на чьей стороне наблюдаем мы в самом деле поистине фельстонные приемы?

Как курьез, надо отметить, что, отрицая превосходство крупного хозяйства по употреблению машин, отрицая вызываемый этим факт чрезмерного труда и недостаточного потребления в мелком хозяйстве, «критики» сами, однако, когда им приходится касаться фактического положения дел (и когда они забывают о своей «главной задаче» — опровержении «ортодоксального» марксизма), беспощадно себя побивают.* «Круиное хозяйство, — говорит, напр., г. Булгаков во II томе своей книги (стр. 115), — работает всегда капиталоминтенсивнее, чем мелкое, и потому, естественно, отдает предпочтение механическим

*) «Stat. d. D. R.», 112. Bd., S. 36 *.

факторам производства, сравнительно с живою рабочей силой». Что г. Булгаков, в качестве «критика», склоняется, вслед за г.г. Струве и Туган-Барановским, к вульгарной экономии, противопоставляя механические «факторы производства» живым,— это действительно вполне «естественно». Но естественно ли было, что он так неосторожно отрицал превосходство крупного хозяйства?

О концентрации в сельско-хозяйственном производстве г. Булгаков выражается не иначе, как «мистический закон концентрации» и т. п. Но вот приходится ему иметь дело с английскими данными, и оказывается, что тенденция к концентрации ферм имела место с 50-х годов вплоть до конца 70-х. «Мелкие потребительские хозяйства,— пишет г. Булгаков,—соединялись в более крупные. Эта консолидация земельных участков представляется отнюдь не результатом борьбы крупного и мелкого производства (?), а сознательного (!?) стремления лэндлордов к повышению своей ренты соединением нескольких мелких хозяйств, плативших весьма низкую ренту, в крупное, могущее платить большую ренту» (I, 239). Вы понимаете, читатель: не борьба крупного с мелким, а вытеснение второго, как малоходного, первым? «Раз хозяйство поставлено на капиталистическую ногу, то бесспорно, что, в известных границах, крупное капиталистическое хозяйство имеет несомненные преимущества над мелким капиталистическим» (I, 239—240). Если это бесспорно, то зачем же так шумит г. Булгаков и шумел (в «Начале») против Каутского, который *начинает* свою главу о крупном и мелком производстве (в «Аграрном вопросе») заявлением: «Чем более капиталистическим становится сельское хозяйство, тем более развивает оно качественное различие в технике между крупным и мелким производством»?

Но не только период процветания земледелия в Англии, а и период кризиса приводит к неблагоприятным для мелкого хозяйства выводам. Отчеты комиссий за последние годы «с удивительной настойчивостью утверждают, что наиболее тяжело кризис лег именно на мелких хозяев» (I, 311). «Дома их,—говорит один отчет про мелких собственников,—хуже средних коттеджей рабочих... Работа всех их удивительно тяжела и значительно продолжительнее, чем рабочих, при чем многие из них говорят, что они не находятся в столь выгодном материальном положении, как последние, что они живут не так хорошо и редко едят свежее мясо»... «Иомены, обремененные ипотеками, погибли первые» (I, 316)... «Они экономят во всем так, как это делают лишь немногие рабочие»... «Мелкие фермеры еще справляются до тех пор, пока пользуются неоплаченным трудом членов семьи»... «Что жизнь мелкого фермера бесконечно тяжелее, чем работника,

едва ли нужно и добавлять» (I, 321). Мы привели эти выписки, чтобы читатель мог судить о правильности следующего вывода г. Булгакова: «Жестокое разорение хозяйств, сохранившихся до эпохи аграрного кризиса, говорит только (!) о том, что мелкие производители в подобных случаях погибают скорее, чем крупные,—не более (sic!). Сделать отсюда какое-либо общее заключение об их общей экономической жизнеспособности совершенно невозможно, ибо в эту эпоху оказалось несостоятельно все английское земледелие» (I, 333). Не правда ли, хорошо? И г. Булгаков в главе об общих условиях развития крестьянского хозяйства даже обобщает этот замечательный способ рассуждения: «Внезапное падение цен тяжело отзывается на все формы (всех формах?) производства, но крестьянское, как наиболее слабое капиталом, естественно, менее устойчиво, чем крупное (что нимало не затрагивает вопроса об его общей жизнеспособности)» (II, 247). Итак, в капиталистическом обществе слабые капиталом хозяйства менее устойчивы, но это не затрагивает их «общей» жизнеспособности!

Не лучше обстоит дело в отношении последовательности рассуждения и у Герца. Он «опровергает» (охарактеризованными выше приемами) Каутского, но когда речь заходит об Америке, он признает преимущество ее более крупных хозяйств, допускающих «в гораздо большей степени применение машин, чего не допускает наше parcelльное хозяйство» (S. 36, р. пер. 93); он признает, что «европейский крестьянин хозяйничает, часто придерживаясь устарелых, рутинных способов производства, надрываясь (roboténd) над куском хлеба, как рабочий, не стремясь к лучшему» (там же.) Герц признает и вообще, что «мелкое производство применяет сравнительно больше труда, чем крупное» (S. 74, р. пер. 175), он мог бы с успехом поделиться с г. Булгаковым данными о повышении урожая вследствие введения парового плуга (S. 67/68, р. пер. 162/163) и т. п.

Естественным спутником неустойчивости теоретических воззрений наших критиков на значение сельско-хозяйственных машин является беспомощное повторение ими чисто-реакционных выводов аграриев, настроенных против машин. Герц еще очень нерешителен, правда, в этом щекотливом пункте; говоря о «затруднениях», которые ставит сельское хозяйство введению машин, он замечает: «высказывается мнение, что зимой остается столько свободного времени, что ручная молотба бывает выгоднее» (S. 65, русс. пер. 156/157). Герц склонен, видимо, заключать отсюда со свойственной ему логичностью, что этот факт говорит не против мелкого производства, не против капиталистических препятствий введению машин, а против машин! Зато г. Булгаков не даром выговаривает Герцу, что он «слишком связан

мнениями своей партии» (II, 287). Российский профессор, конечно, выше таких унижительных «связей» и гордо заявляет: «Я достаточно свободен от столь распространенного особенно в марксистской литературе предрассудка, согласно которому нужно видеть прогресс во всякой машине» (I, 48). К сожалению, полету мысли в этом великолепном рассуждении совершенно не соответствуют конкретные выводы. «Паровая молотилка,—пишет г. Булгаков,—лишив многих и многих рабочих зимних занятий, была, несомненно, значительным злом для рабочих, которое не окупалось техническими выгодами *). На это указывает, между прочим, Гольц, который выставляет даже утопическое пожелание» (II, 103), именно, пожелание *ограничить* употребление молотилки, особенно паровой, «для улучшения положения сельско-хозяйственных рабочих,—добавляет Гольц,—а также для уменьшения эмиграции—и миграции» (под миграцией, вероятно, Гольц имеет в виду, добавим от себя, переселение в города).

Напомним читателю, что именно эту идею Гольца отметил в своем «Аграрном вопросе» и Каутский. Небезынтересно поэтому сравнить отношение к конкретному вопросу экономии (значение машин) и политики (но ограничить ли?) узкого ортодокса, погрязающего в марксистских предрассудках, и современного критика, прекрасно воспринявшего весь дух «критицизма».

Каутский говорит («Agrarfrage», S. 41), что Гольц приписывает молотилке особенно «вредное влияние»: она отнимает у сельских рабочих их главное зимнее занятие, гонит их в города, усиливает обезлюдение деревни. И Гольц предлагает ограничить употребление молотилки, предлагает, — добавляет Каутский, — «повидимому», в интересах сельских рабочих, а на самом деле в интересах помещиков, для которых, как говорит сам Гольц, «проистекающий от такого ограничения убыток будет с избытком возмещен—если и не тотчас, то в будущем—увеличением числа рабочих сил на летнее время». К счастью продолжает Каутский,—это консервативное дружелюбие по отношению к рабочим есть не что иное, как реакционная утопия. Молотилка слишком выгодна «тотчас», чтобы помещики могли отказаться от ее употребления ради прибыли «в будущем». И потому, молотилка будет продолжать свою революционную работу; она будет гнать сельских рабочих в города, она станет вследствие этого могучим орудием, с одной стороны, повышения заработных плат в деревне,

*) Ср. т. I, стр. 51:... «паровая молотилка... выполняет главную работу и без того бедного работами зимнего периода (полезность этой машины для всего (sic!!) сельского хозяйства поэтому более чем сомнительна; мы еще встретимся с этим фактом)».

с другой стороны, дальнейшего развития сельско-хозяйственного машиностроения».

Отношение г. Булгакова к такой постановке вопроса социал-демократом и аграрием в высшей степени характерно: это маленький образчик той позиции, которую заняла вообще вся современная «критика» между партией пролетариата и партией буржуазии. Критик, разумеется, не так узок и не так шаблонен, чтобы встать на точку зрения классовой борьбы и революционирования всех общественных отношений капитализмом. Но, с другой стороны, хотя наш критик и «поумнел»,—все же воспоминания о том времени, когда он был «молод, и глуп», разделяя предрассудки марксизма,—не позволяют ему целиком принять программу его нового товарища, агрария, совершенно резонно и последовательно заключающего от вреда машины «для *всего* сельского хозяйства» к пожеланию: запретить! И наш добрый критик оказывается в положении буриданова осла между двумя вариантами сена: с одной стороны, он утратил уже всякое понимание классовой борьбы и способен теперь говорить о вреде машин для «*всего* сельского хозяйства», забывая, что *всем* современным сельским хозяйством руководят на первом плане предприниматели, думающие только о своей прибыли,—он настолько забыл те «годы юности», когда он был марксистом, что ставит уже нелепейший вопрос, «окупают» ли технические выгоды машины ее вредное действие на рабочих (а это вредное действие оказывает не одна паровая молотилка, а и паровой плуг, и косилка, и зерноочистительная машина и проч.), он не замечает даже, что аграрий хочет в сущности только более глубокого порабощения рабочего и зимой и летом. Но, с другой стороны, он смутно вспоминает тот устарелый «догматический» предрассудок, что запрещение машин есть утопия. Бедный г. Булгаков, выпутается ли он из этого неприятного положения?

Интересно отметить, что наши критики, старалсь всячески ослабить значение сельско-хозяйственных машин, выставя даже «закон убывающего плодородия почвы», забыли (или умышленно не пожелали) упомянуть о том новом техническом перевороте земледелия, который подготавливает электротехника. Напротив, Каутский,—который, по более чем несправедливому суждению г. П. Маслова, «сделал существенную ошибку, совершенно не определивши, в каком направлении идет развитие производительных сил в земледелии» («Жизнь» 1901, № 3, стр. 171),—Каутский указал на значение электричества в земледелии еще в 1899 году («Agrarfrage»). В настоящее время признаки грядущего технического переворота намечаются уже яснее. Делаются попытки осветить теоретически значение электротехники в зе-

мледелии (см. Dr. Otto Pringsheim: «Landwirtschaftliche Manufaktur und elektrische Landwirtschaft», Brauns Archiv, XV, 1900, S. 406—418, и статью К. Каутского в «Neue Zeit», XIX, I, 1900—1901, № 18, «Die Elektrizität in der Landwirtschaft»), раздаются голоса практиков-помещиков, описывающих свои опыты по применению электричества (Прингсгейм цитирует книгу Адольфа Зейффергельда, рассказывающего об опыте в своем хозяйстве), видящих в электричестве средство сделать снова земледелие доходным, призывающих правительство и помещиков к устройству центральных силовых станций и массовому производству электрической силы для сельских хозяев (в Кенигсберге вышла в прошлом году книга помещика из Восточной Пруссии П. Мака—Р. Mack: «Der Aufschwung unseres Landwirtschaftsbetriebes durch Verbilligung der Produktionskosten. Eine Untersuchung über den Dienst, den Maschinentchnik und Elektrizität der Landwirtschaft bieten»).

Прингсгейм делает очень верное, на наш взгляд, замечание, что современное земледелие—по общему уровню его техники, да пожалуй, и экономики—ближе подходит к той стадии развития промышленности, которую Маркс назвал «мануфактурой». Преобладание ручного труда и простой кооперации, спорадическое применение машин, мелкие сравнительно размеры производства (если считать, например, по сумме ежегодно продаваемых одним предприятием продуктов), сравнительно мелкие, в большинстве случаев, размеры рынка, связь крупного производства с мелким, при чем последнее, подобно кустарям в их отношении к крупному хозяину мануфактуры, доставляет рабочую силу первому,—или первое скупает «полуфабрикат» у второго (например, крупные хозяева скупают свеклу, скот и т. п. у мелких),—все эти признаки, действительно, говорят за то, что земледелие еще не достигло ступени настоящей «крупной машинной индустрии», в смысле Маркса. В земледелии еще нет «системы машин», связанных в один производительный механизм.

Не надо, конечно, утрировать этого сравнения: с одной стороны, есть особенности земледелия, которые абсолютно неустранны (если оставить в стороне слишком отдаленную и слишком проблематическую возможность лабораторного приготовления белка и пищи). Вследствие этих особенностей крупная машинная индустрия в земледелии никогда не будет отличаться *всеми* теми чертами, которые она имеет в промышленности. С другой стороны, и в мануфактуре крупное производство в промышленности достигло уже преобладания и значительного технического превосходства над мелким. Это превосходство мелкий промышленник пытался долгое еще время парализовать тем удлинением рабочего дня и сокращением потребностей, которое так

характерно и для кустаря, и для современного мелкого крестьянина. Преобладание ручного труда в мануфактуре давало еще некоторую возможность мелкому производству держаться посредством подобных «героических» средств,—но те люди, которые обольщались этим и говорили о жизнеспособности кустаря (подобно тому, как нынешние критики говорят о жизнеспособности крестьянина), оказывались очень быстро опровергнутыми той «временной тенденцией», которая парализует «универсальный закон» технического застоя. Напомним, для примера, русских исследователей кустарного ткачества в Московской губернии в 70-х годах. По отношению к хлопчатобумажному ткачеству,—говорили они,—дело ручного ткача проиграно: машина взяла верх, но вот зато в области шелкового ткачества кустари еще могут держаться, машины еще далеко не так усовершенствованы. Прошло два десятилетия—и техника отняла у мелкого производства еще одно из его последних убежищ, как бы говоря—тем, кто имеет уши, чтобы слушать, и глаза, чтобы видеть,—что экономист всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим, ибо кто не хочет смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом: середины тут нет и быть не может.

«Писатели, которые, подобно Герцу, трактовали о конкуренции мелкого и крупного производства в земледелии, игнорируя при этом роль электротехники, должны будут сызнова начать свое исследование»,—метко заметил Прингсгейм, и его замечание с еще большей силой падает на двухтомный труд г. Булгакова.

Электрическая энергия дешевле паровой силы, она отличается большей делимостью, ее гораздо легче передавать на очень большие расстояния, ход машин при этом правильнее и спокойнее,—она гораздо удобнее поэтому применяется и к молотье, и к паханию, и к доению, и к резке корма скоту *) и пр. Каутский описывает одну из венгерских латифундий **), в которой электрическая энергия проведена с центральной станции по всем направлениям в отдаленные части имения, служа для приведения в действие сельско-хозяйственных машин, для резки свеклы, для подъема воды, для освещения и пр., и пр. «Для доставки 300 гектолитров воды ежедневно из колодца, глубиной в 29 метров, в резервуар, высокой в 10 метров, и для приготовления корма для 240 коров, 200 телят и 60 рабочих волов и лошадей, т.-е. для резки,

*) К сведению смелого г. Булгакова, который смело и неосновательно говорит о «таких отраслях сельско-хозяйственного производства, которые совсем недоступны машинам, напр., скотоводство» (I, 49).

**) Еще раз к сведению г. Булгакова, толкующего о «латифундиарном возрождении крупного хозяйства»!

рубки свеклы и т. п., требовалось зимой две пары лошадей, летом одна пара, что стоило 1.500 гульденов. Вместо лошадей работает теперь 2-х и 3-хильный мотор, работа которых обходится, считая покрытие всех расходов, в 700 гульденов, т.-е. на 800 гульденов меньше» (Kaufsky, I. с.). Мак рассчитывает стоимость конного рабочего дня в три марки, а при замене его электричеством—та же работа обходится в 40—75 пфеннигов, т.-е. на 400—700⁰/₀ дешевле. Если бы лет через 50 или больше,—говорит он,—1³/₄ миллиона лошадей в германском земледелии были заменены электрической силой (в 1895 году в германском земледелии употреблялось для полевых работ 2,6 миллиона лошадей + 1,0 миллиона волов + 2,3 миллиона коров, в том числе у хозяйств выше 20 га—1,4 миллиона лошадей и 0,4 миллиона волов),—то это уменьшило бы расходы с 1.003 миллионов марок до 261 миллиона, т.-е. на 742 миллиона марок. Громадная площадь, дающая корм для скота, могла бы быть обращена на производство пищи людям, на улучшение питания рабочих, которых г-н Булгаков так пугает «сокращением даров природы», «хлебным вопросом» и т. п. Мак настойчиво рекомендует соединение земледелия с промышленностью для постоянного эксплуатирования электрической энергии, рекомендует прорытие мазурского канала, который мог бы питать электрической силой 5 центральных станций, раздающих энергию на 20—25 километров вокруг сельским хозяевам, рекомендует утилизацию торфа для той же цели, требует объединения сельских хозяев: «Только в товарищеском объединении с индустрией и крупным капиталом возможно сделать снова прибыльной нашу отрасль промышленности» (Мак, S. 48). Разумеется, применение новых способов производства встретит массу затруднений и пойдет не гладким, а зигзагообразным путем, но что оно пойдет, что революционизирование земледелия неизбежно,—в этом вряд ли можно сомневаться. «Замена большей части упряжек электромоторами означает,—справедливо говорит Прингсгейм,—возможность системы машин в земледелии... Чего не могла сделать сила пара, того наверно достигнет электротехника—именно: превращения сельского хозяйства из старой мануфактуры в современное крупное производство» (I. с., p. 414).

Мы не будем распространяться о том, какую гигантскую победу крупного производства будет означать (отчасти означает уже) введение электротехники в земледелие,—это обстоятельство слишком очевидно, чтобы на нем настаивать. Посмотрим лучше, в каких современных хозяйствах имеются на-лицо зародыши той «системы машин», которую пустит в ход центральная силовая станция. Ведь для системы машин нужно сначала употребление различных машин на опыте,

нужны примеры совместного употребления многих машин. Ответ на этот вопрос дают сведения германской переписи земледельческих хозяйств 14 июня 1895 года. Мы имеем данные о числе хозяйств каждой группы, употреблявших свои или чужие машины (г. Булгаков ошибается, приведя на стр. 114 второго тома часть этих данных и думая, что они относятся к числу машин. Кстати: сведения о числе хозяйств, употреблявших машины свои или чужие, представляют, разумеется, превосходство крупного производства более слабым, чем оно есть в действительности. Крупные хозяева чаще имеют собственные машины, чем мелкие, переплачивающие за пользование ими). Данные эти относятся к употреблению или машин вообще, или каждого рода машин в отдельности, так что мы не можем определить, по сколько машин употребляли хозяйства разных групп. Но если мы сложим для каждой группы число всех хозяйств, употреблявших каждый отдельный вид машин, то получим число случаев употребления всяких сельско-хозяйственных машин. Приводим обработанные таким образом данные, показывающие, как подготавливается «система машин» в земледелии:

Размеры хозяйств.	На 100 хозяйств приходится:	
	Хоз., употреб- лявших с.-х. машины вообще (1895).	Случаев употреб- ления той или другой с.-х. ма- шины (1895).
До 2 га	2,03	2,30
2 — 5 га	13,81	15,46
5 — 20 »	45,80	56,04
20 — 100 »	78,79	128,46
100 и более »	94,16	352,34
Всего	16,36	22,36

Итак, в мелких хозяйствах, до 5 гектаров (таких хозяйств более трех четвертей всего числа, 4,1 милл. из 5,5 милл., т.-е. 75,5⁰/₁₀₀; но у них только 5 милл. гектаров земли из 32¹/₂ милл., т.-е. 15,6⁰/₁₀₀)—число случаев употребления каких бы то ни было сельско-хозяйственных машин (мы сосчитали вместе и машины для молочного хозяйства) совершенно ничтожно. В средних хозяйствах (5—20 га) меньше половины хозяйств употребляют вообще машины, и на 100 хозяйств приходится только 56 случаев употребления сельско-хозяйственных ма-

пин. Только в крупном капиталистическом производстве *) мы видим, что *большинство* хозяйств ($\frac{3}{4}$ — $\frac{9}{10}$) употребляют машины, и *начинает складываться система машин*: на каждое хозяйство приходится более одного случая употребления машин. Употребляется, следовательно, по несколько машин в одном хозяйстве: например, хозяйства выше 100 га употребляли каждое *около 4-х машин* (352% на 94% употребивших вообще). Из 572 латифундий (хозяйств с 1.000 и более га) 555 употребляли машины, и число случаев употребления машин равняется 2.800, т.-е. каждое хозяйство употребляло *по пяти машин*. Понятно отсюда, какие хозяйства готовят «электрическую» революцию и какие больше всего ей воспользуются.

IV.

Уничтожение противоположности между городом и деревней. Частные вопросы, поднятые „критиками“.

От Герца перейдем к г. Чернову. Так как последний только «беседует» по поводу первого, то мы ограничимся здесь краткой характеристикой приемов рассуждения Герца (и приемов перефразировки его г. Черновым), чтобы перейти (в следующем очерке) к разбору некоторых новых, выдвигаемых «критиками», фактических данных.

Что представляет из себя Герц в качестве теоретика, это достаточно показать на *одном* примере. В самом начале его книги мы встречаем параграф, носящий претенциозное заглавие: «Понятие национального капитализма». Герц хочет не больше и не меньше как дать определение капитализму. «Мы можем, конечно,—пишет он,—охарактеризовать его, как такую народно-хозяйственную систему, которая *юридически* основывается на вполне проведенных принципах свободы личности и собственности, *технически*—на производстве в широких», (крупных?) «размерах **», *социально*—на отделении средств производства от непосредственных производителей, *политически*—на обладании капиталистами **центральной политической властью** (концентрированной политической силой государства?) «в силу одного экономического основания распределения собственности» (р. пер., стр. 37).

*) Выше 20 га только 0,3 милл. хозяйств из 5,5 милл., т.-е. только 5,5% всего числа, но у них 17,7 миллионов гектаров земли из 32,5, т.-е. 54,4% всей сельско-хозяйственной площади.

**) Г. В. Чернов переводит «Русское Богатство» № 4, 132): «на производстве, достигшем высокой степени развития». Это он ухитрился «понять» таким образом немецкое выражение «auf grosser Stufenleiter»!!

Эти определения неполны, требуют ограничений,—говорит Герц,—напр., домашняя работа и мелкая аренда держатся еще везде на-ряду с крупным производством. «Не вполне подходящим является также *реальное* (sic!) определение капитализма, как системы, при которой производство находится под контролем» (господством и контролем) «капиталистов» (капиталовладельцев). Не правда ли, как великолепно это «реальное» определение капитализма как господства капиталистов? И как характерна эта, столь модная в настоящее время, quasi-реалистическая, а на самом деле эклектическая погоня за полным перечнем всех отдельных признаков и отдельных «факторов». В результате, конечно, эта бессмысленная попытка внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений, или, наоборот, «избегнуть столкновения с крайним разнообразием явлений»,—попытка, свидетельствующая просто об элементарном непонимании того, что такое наука,—приводит «теоретика» к тому, что за деревьями он не видит леса. Герц, например, забыл о такой мелочи, как товарное производство и превращение рабочей силы в товар! Зато он сочинил следующее *генетическое* определение, которое—в наказание сочинителю—следует привести целиком: капитализм—«такое состояние народного хозяйства, в котором осуществление принципов свободного оборота, свободы личности и собственности достигло высшего (относительно) пункта, определяемого экономическим развитием и эмпирическими условиями каждого отдельного народного хозяйства» (S. 10, русск. пер., стр. 38/39, не вполне точен). Г. В. Чернов, разумеется, с восторженным благоговением переписывает и расписывает эти мыльные пузыри, угощая кроме того читателей «Русского Богатства» на протяжении целых тридцати страниц «анализом» типов национального капитализма. Из этого высокопоучительного анализа можно извлечь ряд чрезвычайно ценных и нисколько не шаблонных указаний, например, указание на «независимый, гордый и энергический характер британца», на «солидность» английской буржуазии и «несимпатичность» ее внешней политики,—на «страстный, увлекающийся темперамент романской расы» и на «немецкую аккуратность» (стр. 152 в № 4 «Русского Богатства»). «Догматический» марксизм, разумеется, окончательно уничтожен этим анализом.

Не менее сокрушителен произведенный Герцем анализ данных о гипотеках. По крайней мере, г. Чернов в восторге от него. «Факт тот,—пишет он,—что... данные Герца еще никем не опровергнуты. Каутский в своем ответе на книгу Герца, распространяясь чрезвычайно много по поводу некоторых частных» (вроде доказательства *передержек* Герца! Хороши «частности»!), «на аргументацию Герца в вопросе о

гипотеках *не отвечает ни единым словом*» («Русское Богатство», № 10, стр. 217, курсив г. Черпова). Как видно из ссылки на стр. 238 той же книжки «Русского Богатства», г. Чернов знаком с ответной статьей Каутского («Zwei Kritiker meiner Agrarfrage» в «Neue Zeit», 18, 1 1899—1900); г. Чернов не мог не знать также, что журнал, в котором эта статья помещена, запрещен в России цензурой. Тем знаменательнее для характеристики всего облика современной «критики» тот факт, что подчеркнутые самим г. Черновым слова заключают в себе *прямую неправду*, ибо Каутский *ответил* по вопросу о гипотеках «Герцу, Давиду, Бернштейну ¹⁷⁾, Шиппелю, Булгакову e tutti quanti *) на стр. 472—477 той самой статьи, которую г. Чернов указывает. Скучная это обязанность—восстанавливать извращенную истину,—но, раз имеешь дело с г. г. Черновыми, от этой обязанности никак не уклониться.

Каутский ответил Герцу, разумеется, насмешкой, ибо Герц и в этом вопросе обнаружил свое неумение или нежелание понять, что к чему, и склонность повторять избитые доводы буржуазных экономистов. В «Agrarfrage» Каутского речь шла (S. 88—89) о концентрации гипотек. «Многочисленные мелкие деревенские ростовщики,—писал Каутский,—все более и более отгесняются на второй план, уступая место крупным централизованным капиталистическим или общественным учреждениям, монополизирующим гипотечный кредит». Каутский перечисляет некоторые капиталистические и общественные учреждения этого рода, говорит об обществах взаимного поземельного кредита (genossenschaftliche Bodenkreditinstitute), указывает на то, что и *сберегательные кассы*, и страховые общества, и многие корпорации (S. 89) вкладывают свои фонды в гипотеки и т. п. Например, в Пруссии 17 обществ взаимного кредита выпустили к 1887 г. на 1.650 милл. марок закладных листов. «Эти цифры указывают уже на громадную концентрацию поземельной ренты в *немногих центральных учреждениях*» (курсив наш); но концентрация быстро растет. В 1875 г. немецкие гипотечные банки выпустили закладных листов на 900 миллионов марок, в 1888—на 2¹/₂ миллиарда, в 1895 году эта сумма составляла уже 3.400 миллионов, сконцентрированных в 31 (в 1875 г. в 27) банке» (S. 89). Эта концентрация поземельной ренты указывает ясно на концентрацию *поземельной собственности*

Нет,—отвечают Герц, Булгаков, Чернов и К-о,—«мы встречаем самую решительную тенденцию к децентрализации, к раздроблению собственности» («Русское Богатство» № 10, 216), ибо «более четверти гипотечного кредита сосредоточено в руках демократических (sicl)

*) Выражение Каутского, стр. 472, «N. Z.»

кредитных учреждений, с массою мелких вкладчиков» (там же). Герц, с необычайным усердием приводя ряд таблиц, доказывает, что *мелкие вкладчики* составляют массу вкладчиков в сберегательные кассы и т. п. Спрашивается только, к чему все это? Ведь на общества взаимного кредита и сберегательные кассы указал сам Каутский (не воображая, конечно, как воображает г. Чернов, что это особо «демократические» учреждения). Каутский говорит о централизации ренты в немногих центральных учреждениях,—а ему указывают на массу мелких вкладчиков в сберегательные кассы!! И называют это «раздроблением собственности»! Да какое же отношение к сельскому хозяйству (речь идет о концентрации ренты) имеет число вкладчиков в ипотечный банк? Разве крупная фабрика перестает означать централизацию производства на том основании, что акции ее распределены среди массы мелких капиталистов? «До тех пор, пока Герц и Давид не осведомили меня,— писал Каутский в ответе Герцу,—я и понятия не имел о том, откуда берут сберегательные кассы свои деньги. Я думал, что они орудуют с сбережениями Ротшильдов и Вандербильтов»

По поводу передачи гипотек в собственность государства Герц говорит: «Это было бы очень плохое средство борьбы против крупного капитала и, конечно, прекрасное средство, чтобы восстановить против виновников такой реформы громадную, все увеличивающуюся армию мелких собственников, и в их числе особенно сельских батраков» (S. 29, рус. пер. 78. Г. Чернов повторяет это с удовольствием на стр. 217—218 «Русского Богатства»).

Так вот кто эти «собственники», об увеличении числа которых кричит Бернштейн и К-о!—отвечает Каутский.—Это служанки с 20 марками в сберегательной кассе! И как стар и избит этот довод против социалистов, что «экспроприацией» своей они ограбят громадную армию трудящихся. Никто иной, как Евгений Рихтер ¹⁸⁾ с особенным усердием выдвигал этот довод в своей брошюре, которую он выпустил после отмены исключительного закона против социалистов ¹⁹⁾ (и которую фабриканты скупали тысячами для даровой раздачи рабочим). В этой брошюре Евг. Рихтер выдвинул свою знаменитую «бережливую Агнесу»: бедную швею, которая имела несколько десятков марок в сберегательной кассе, и которая была ограблена злыми социалистами, захватившими государственную власть и превратившими банки в государственную собственность. Вот из какого источника черпают свои «критические» доводы Булгаковы *), Герцы и Черновы!

*) Г. Булгаков выдвигал против Каутского те же доводы насчет гипотек в «Начале», а по-немецки и в «Архиве» Брауна.

«В то время,—говорит Каутский о «знаменитой» брошюре Евг. Рихтера,—Евг. Рихтер был за это единодушно осмеян всеми социал-демократами. А теперь находятся среди последних люди, которые в нашем центральном органе» (имеются в виду статьи, кажется, Давида в «Vorwärts») «поют хвалебную песнь сочинению, повторяющему те же мысли: Герц, мы превозносим твои подвиги!

«Для бедного Евгения на склоне его лет это—настоящий триумф, и я не могу не привести еще, к его удовольствию, следующего места, находящегося на той же странице у Герца: «Мы видим, что мелкого крестьянина, городского домовладельца и особенно крупного земледельца экспроприируют именно низшие и средние классы, и главный контингент их поставляется, несомненно, сельским населением» (Герц, S. 29, р. перев. 77,—пересказано с упоением в «Русском Богатстве», № 10, стр. 216—217). «Теория Давида об «опорожнении» (Aushöhlung) капитализма посредством коллективных договоров о заработной плате (Tarifgemeinschaften) и потребительных обществ теперь превзойдена. Она бледнеет перед Герцевской экспроприацией экспроприаторов посредством сберегательных касс. Бережливая Агнеса, которую считали уже умершей, воскресает к новой жизни» (Kautsky, 1. с., S. 475)—и русские «критики» вместе с публицистами «Русского Богатства» спешат пересадить эту воскресшую «бережливую Агнесу» на русскую почву для посрамления «ортодоксальной» социал-демократии.

И вот этот-то г. В. Чернов, захлебывающийся от восторга по поводу повторяемых Герцем доводов Евгения Рихтера, «разносит» Каутского на все корки на страницах «Русского Богатства» и сборника в честь г. Н. Михайловского: «На славном посту». Было бы несправедливостью, если бы мы не отметили некоторые перлы этого разноса. «Каутский признает опять-таки вслед за Марксом,—пишет г. Чернов в № 8 «Русского Богатства», стр. 229,—что прогресс капиталистического земледелия ведет к обеднению почвы питательными веществами: в виде различных продуктов у земли постоянно нечто отнимается, направляется в город и не возвращается обратно земле... Как видите, в вопросе о законах плодородия почвы Каутский беспомощно (sic!) повторяет слова Маркса, основывавшегося на теории Либиха. Но когда Маркс писал свой первый том, либиховский «закон восстановления» был последним словом агрономии: со времени этого открытия прошло уже более полувека. В наших знаниях о законах плодородия почвы произошла целая революция. И что же? Весь после-либиховский период, все последующие открытия Пастера, Вилле, опыты Солари с введением азота, открытия Вертелло, Гелльригеля, Вильфарта и Виноградского в области бактериологии почвы—все это для Каутского

прошло бесследно»... Милый г. Чернов! Как он удивительно похож на Тургеневского Ворошилова: помните—в «Дыме»—молодого русского приват-доцента, который совершал променады по загранице, отличался вообще большой молчаливостью, но от времени до времени его прорывало, и он начинал сыпать десятками и сотнями ученых и ученийших, редких и редчайших имен? Точь в точь наш ученый г. Чернов, который совсем уничтожил этого невежественного Каутского. Только... только не справится ли нам все же с книгой Каутского? Не заглянуть ли нам хоть в оглавление ее? Находим главу IV: «Современное сельское хозяйство», параграф d) «удобрения, бактерии». Открываем параграф d) и читаем:

«Во второй половине прошлого десятилетия было сделано открытие, что стручковые растения в отличие от остальных культурных растений получают почти весь свой запас азота не из почвы, а из воздуха, что они делают почву не только не беднее азотом, а еще богаче. Но этим свойством обладают они лишь в том случае, если в почве имеются известные микроорганизмы, пристающие к их корням. Там, где нет этих микроорганизмов,—можно посредством соответствующей прививки придать стручковым растениям способность превращать бедную азотом почву в богатую азотом и таким образом удобрять до известной степени эту почву для других культурных растений. Прививка бактерий стручковым растениям дает, по общему правилу, возможность, в соединении с соответствующими минеральными удобрениями (фосфорнокислыми солями и калийными удобрениями), получать с земли постоянно самые высокие урожаи и без навоза. Лишь благодаря этому открытию «свободное хозяйство» приобрело вполне прочный базис» (Kautsky, S. 51—52). Кто же обосновал научно это замечательное открытие собирающих азот бактерий?—Гелльригель.

Вина Каутского в том, что он имеет скверную привычку (которая наблюдается также у многих узких ортодоксов)—не забывать никогда о том, что члены боевой социалистической партии должны и в ученых своих трудах не упускать из виду читателя-рабочего, должны стараться писать *просто*, без тех ненужных ухищрений слога, без тех внешних признаков «учености», которые так пленяют декадентов и титулованных представителей официальной науки. Каутский и здесь предпочел рассказать толково и ясно, в чем состоят новейшие агрономические открытия, и опустив ничего не говорящие для девяти десятых публики ученые имена. Ворошиловы поступают наоборот: они предпочитают высыпать целый мешок ученых имен из области агрономии, политической экономии, критической философии и т. п., загромождая ученым сором суть дела.

Например, Ворошилов-Чернов своим облыжным обвинением Каутского в незнании ученых имен и научных открытий загрозил и замаял крайне интересный и поучительный эпизод модной критики, именно: атаку буржуазной экономики на социалистическую идею об уничтожении противоположности между городом и деревней. Профессор Луйо Brentano уверяет, например, что переселение из деревень в города вызывается не данными социальными условиями, а *естественной необходимостью*, законом убывающего плодородия почвы *). Г. Булгаков, вслед за своим учителем, объявлял еще в «Начале» (1899, март, стр. 29) идею об уничтожении противоположности между городом и деревней «совершенной фантазией», которая «вызовет улыбку у агронома». Герц пишет в своей книге: «Уничтожение различия между городом и деревней является, правда, основным стремлением старых утопистов (и даже Манифеста),—но нам все же не верится, чтобы общественный строй, заключающий в себе все условия для направления человеческой культуры к высшим достижимым целям, действительно уничтожил те великие центры энергии и культуры, какими являются большие города, и, в угоду оскорбленному эстетическому чувству,

*) См. статью Каутского в «Neue Zeit», XIX, 2, 1900—1901, № 27: «Tolstoi und Brentano». Каутский сопоставляет с современным научным социализмом учение Л. Толстого, остающегося глубоким наблюдателем и критиком буржуазного строя, несмотря на реакционную наивность своей теории,—и буржуазную экономию, «звезда» которой Brentano (как известно, учитель г.г. Струве, Булгакова, Герца и tutti quanti), обнаруживает самую невероятную путаницу, смешивая явления природы и явления общественные, смешивая понятия продуктивности и прибыльности, стоимости и цены и т. п. «Это не столь характерно для Brentano лично, — справедливо говорит Каутский, — как для той школы, которой он принадлежит. Историческая школа буржуазной экономики в ее современном виде считает стремление к целостному пониманию общественного механизма превзойденной ступенью (überwundener Standpunkt). Экономическая наука должна, по этому воззрению, не исследовать социальные законы и сводить их в цельную систему, а ограничиваться протокольным описанием отдельных социальных фактов прошлого и настоящего. Так она и привыкает к тому, чтобы касаться только поверхностной стороны явлений. А когда тот или другой представитель этой школы поддается тем не менее искушению рассмотреть более глубокие основания явлений,—тогда он оказывается совершенно не в состоянии ориентироваться и блуждает беспомощно кругом да около. И в нашей партии с некоторого времени проявляется стремление заменить Марксову теорию не какой-либо другой теорией, а тем отсутствием всякой теории (Theielosigkeit), которое отличает историческую ш олу, — стремление принизить теоретика до роли репортера. Кому нужно не простое бездельное перепрыгивание (Fortwurschteln) от случая к случаю, а целостное энергичное движение вперед к великой цели, тому да послужит обнаруженная нами Brentановская путаница предостережением от теперешних методов исторической школы» (S. 25).

отказался от этих обильных сокровищниц искусства и науки, без которых невозможен прогресс» (S. 76. Русский переводчик, стр. 182, ухитрился слово «potenzirt» перевести «потенциальный». Беда с этими русскими переводами! На стр. 270 тот же переводчик переводит: «Wer isst zuletzt das Schwein?»—«Кто же в конце концов свинья?»). Как видите, Герц защищает буржуазный порядок от социалистических «фантазий» фразами, в которых не меньше «борьбы за идеализм», чем у г.г. Струве и Бердяева! Но самая защита от этого напыщенного идеалистического фразерства нисколько не выигрывает.

Что социал-демократы умеют ценить историческую заслугу великих центров энергии и культуры, это они доказывают своей непримиримой борьбой против всего, что прикрепляет к месту население вообще крестьян и сельских рабочих в частности. И поэтому их, в отличие от критиков, не поймает на удочку ни один аграрий, стремящийся доставить «мужичку» зимние «зарботки». По решительное признание прогрессивности больших городов в капиталистическом обществе нисколько не мешает нам включать в свой идеал (и в свою программу действия, ибо неосуществимые идеалы мы предоставляем г.г. Струве и Бердяевым) уничтожение противоположности между городом и деревней. Неправда, что это равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо для того, чтобы сделать эти сокровища *доступными всему народу*, чтобы уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко назвал «идиотизмом деревенской жизни». И в настоящее время, когда возможна передача электрической энергии на расстояние, когда техника транспорта повысилась настолько, что можно при меньших (против теперешних) издержках перевозить пассажиров с быстротой свыше 200 верст в час*),—нет ровно никаких технических препятствий тому, чтобы сокровищами науки и искусства, веками скопленными в немногих центрах, пользовалось все население размещенное более или менее равномерно по всей стране.

И если ничто не мешает уничтожению противоположности между городом и деревней (при чем следует, конечно, представлять себе это уничтожение не в форме одного акта, а в форме целого ряда мер), то требует его отнюдь не одно только «эстетическое чувство». В больших городах люди задыхаются, по выражению Энгельса, в своем собственном навозе, и периодически все, кто могут, бегут из города в по-

*) Проект такой дороги между Манчестером и Ливерпулем не получил утверждения парламента только вследствие корыстного противодействия железнодорожных тузов, боящихся раворения старых компаний.

исках за свежим воздухом и чистой водой. Промышленность тоже расселяется по стране, ибо и ей нужна чистая вода. Эксплоатация водопадов, каналов и рек для получения электрической энергии даст новый толчек этому «рассеянию промышленности». Наконец, last but not least—рациональная утилизация столь важных для земледелия городских нечистот вообще и человеческих экскрементов в частности тоже требует уничтожения противоположности между городом и деревней. И вот на этот-то пункт теории Маркса и Энгельса вздумали направить г.г. критики свои агрономические возражения (от полного разбора теории, которая по этому вопросу особенно подробно изложена Энгельсом в «Anti-Duhring'e», г.г. критики предпочли воздержаться, ограничиваясь, как и всегда, простой перефразировкой обрывков мысли какого-нибудь Бреитано). Ход их рассуждения такой: Либих доказал необходимость отдавать почве столько же, сколько у нее берется. Он считал поэтому выбрасыванье городских нечистот в моря и реки бессмысленным и варварским расхищением веществ, необходимых для земледелия. Каутский разделяет теорию Либиха. Но новейшая агрономия показала полную возможность восстановления производительных сил земли без стойлового навоза, посредством искусственных удобрений, прививки известных бактерий собирающим азот стручковым растениям и т. п. *Следовательно*, Каутский и все эти «ортодоксы»—просто отсталые люди.

Следовательно,—ответим мы,—г.г. критики и здесь совершают одну из своих бесчисленных и бесконечных *передеержек*. Изложивши теорию Либиха, Каутский *тотчас же* указал, что современная агрономия доказала полную возможность «обходиться совершенно без стойлового навоза» (S. 50, «Agrarfrage»; ср. вышеприведенное место), но добавил при этом, что это—*паллиатив* сравнительно с вызываемым системой очистки городов расхищением человеческих экскрементов. Вот этот пункт должны были бы опровергнуть критики, если бы они были способны спорить по существу,—показать, что это не паллиатив. Об этом они и не подумали. Понятно само собой, что возможность замены естественных удобрений искусственными и факт этой (*частичной*) замены ни на иоту не опровергает того, что нерационально выбрасывать естественные удобрения понапрасну, отравляя притом нечистотами реки и воздух в пригородных и прифабричных местностях. Около больших городов и сейчас существуют поля орошения, утилизирующие городские нечистоты с громадной пользой для земледелия,—но утилизируется таким образом только ничтожная доля нечистот. Искусственные удобрения,—говорит Каутский, отвечая на стр. 211 своей книги на то самое возражение, будто новейшая агрономия опровергает

факт агрономической эксплуатации деревни городом, которое г. г. критики преподносят ему за нечто новое,—искусственные удобрения «дают возможность предотвратить понижение плодородия почвы, но необходимость применять эти искусственные удобрения все в большем и большем размере означает лишь еще одно из тех многочисленных отягощений сельского хозяйства, которые *отнюдь не являются естественной необходимостью, а проистекают из существующих социальных отношений*» *).

В подчеркнутых нами словах заключается весь «гвоздь» вопроса, так усердно запутываемого критиками. Писатели, которые, подобно г. Булгакову, пугают пролетариат «хлебным вопросом», более страшным и важным, чем социальный вопрос, которые восторгаются искусственным ограничением деторождения, говоря, что «регулирование прироста населения» становится «основным (sic!) экономическим условием» благополучия крестьянства (II, 261), что это регулирование заслуживает «уважения», и что «много лицемерного негодования» (только лицемерного? а не законного негодования против современных общественных порядков?) «возбуждает крестьянский прирост населения у сентиментальных (!?) моралистов, как будто безудержная похотливость (sic!) сама по себе является добродетелью» (там же),—подобные писатели естественно и неизбежно должны стремиться к тому, чтобы оставить в тени *капиталистические* препятствия земледельческому прогрессу, чтобы свалить все на естественный «закон убывающего плодородия почвы», чтобы выставить уничтожение противоположности между городом и деревней «совершенной фантазией». Но каким безграничным легкомыслием должны отличаться г. г. Черповы, чтобы вторить подобным рассуждениям и в то же время упрекать критиков марксизма в «отсутствии принципиальности, эклектизме и оппортунизме» («Русское Богатство» № 11, стр. 246)?! Г. Чернов, упрекающий других в отсутствии принципиальности и оппортунизме,—что может быть комичнее этого зрелища?

Все остальные критические подвиги нашего Ворошилова совершенно такие же, как сейчас нами разобранный.

Если Ворошилов уверяет вас, что Каутский не понимает разницы между капиталистическим кредитом и ростовщичеством, что он обнаруживает полное неумение или нежелание понять Маркса, когда говорит о крестьянине, исполняющем функции предпринимателя и в каче-

* Разумеется, искусственные удобрения,—говорит Каутский далее,—не исчезнут с падением капитализма, но они будут обогащать почву особыми веществами, а не исполнять *всю* задачу восстановления плодородия почвы.

стве такового занимающем относительно пролетариата место, подобное фабриканту, если Ворошилов бьет при этом себя в грудь и восклицает: «говорю это смело, ибо чувствую (sic!) под собою твердую почву» («На славном посту», стр. 169),—то вы можете быть спокойны: Ворошилов опять безбожно путает и так же безбожно хвастает. Он «не заметил» в книге Каутского мест, посвященных ростовщичеству как таковому («Agrarfrage», S. 11, 102—104, особенно 118, 290—292), и ломится изо всех сил в открытую дверь, крича при этом, как водится, о «доктринерском формализме», «нравственной черствости» Каутского, «издевательствах над человеческими страданиями» и пр. Что же касается до исполнения крестьянином функций предпринимателя, то эта удивительно мудреная вещь, повидимому, превосходит меру понимания Ворошилова. В следующем очерке мы попробуем однако разъяснить ему ее на самых конкретных примерах.

Если Ворошилов желает доказать, что он настоящий представитель «интересов труда» и громит Каутского за «изгнание из рядов пролетариата множества самого доподлинного рабочего люда» (там же, стр. 167), вроде Lumpenproletariat'a, прислуги, кустаря и т. п.,—то знайте, что Ворошилов путает. Каутский разбирает здесь признаки, выделяющие тот «современный пролетариат», который создал современное «социал-демократическое пролетарское движение» («Agrarfrage», S. 306), и Ворошиловы не сделали еще до сих пор такого открытия, чтобы босяки, кустари или прислуга создали социал-демократическое движение. Упрек же, что Каутский способен «изгонять» прислугу (начинающую теперь в Германии примыкать к движению), кустарей и пр. из рядов пролетариата,—показывает только в полном виде всю беззастенчивость Ворошиловых, которые тем охотнее проявляют свое дружелюбие к «доподлинному рабочему люду», чем меньше практического значения имеют такие фразы и чем безопаснее разносить *вторую часть* «Аграрного вопроса», непропущенную российской цензурой. Впрочем, по части беззастенчивости есть и еще перлы: восхваляя г.г. Н.—она²⁰⁾ и Каблукова с полным умолчанием о направленной против них марксистской критике, г. Чернов в то же время с напускной наивностью спрашивает: кого это разумеют немецкие социал-демократы под своими русскими «товарищами»? Не верите, что в «Русском Богатстве» ставятся такие вопросы, так справьтесь с № 7, стр. 166.

Если Ворошилов уверяет, что «предсказания» Энгельса о безрезультатности бельгийского рабочего движения, благодаря влиянию прудонизма, «потерпели крушение»,—то знайте, что Ворошилов опять извращает дело, слишком уверенный в своей, так сказать, «безответственности». Вот его слова: «Недаром Бельгия никогда не была орто-

доксально-марксистской, и недаром недовольный ею за это Энгельс предрекал, что бельгийское движение, благодаря влиянию «прудонистских принципов», пойдет «von nichts durch nichts zu nichts». Увы! его предсказания потерпели крушение, а широта и всесторонность бельгийского движения сделали его в настоящее время образцом, по которому многому научаются многие «нравовверные страны» («Русское Богатство», № 10, стр. 234). Дело было так: в 1872 (семьдесят втором!) году Энгельс полемизировал в социал-демократической газете «Volksstaat» с немецким прудонистом Мюльбергером и, возражая против преувеличения значения прудонизма, писал: «Единственная страна, в которой рабочее движение находится непосредственно под влиянием прудоновских «принципов», это — Бельгия, и именно поэтому бельгийское рабочее движение и идет, по выражению Гегеля, «от ничего через ничто к ничему» *). Итак, это *прямая неправда*, будто Энгельс что-либо «предрекал» или «предсказывал». Он говорил только *про то, что есть*, т.-е. про то, что было в 1872 году. А это несомненный исторический факт, что в *то время* бельгийское движение топталось на одном месте именно благодаря господству прудонизма, вожаки которого высказывались против коллективизма и отвергали самостоятельную политическую деятельность пролетариата. Только в 1879 году образована была «бельгийская социалистическая партия», и только с этого времени начинается та агитация за всеобщее избирательное право, которая ознаменовала победу марксизма над прудонизмом (признание политической борьбы пролетариата, организованного в самостоятельную классовую партию) и начало выдающихся успехов движения.

Современная программа «бельгийской рабочей партии» восприняла (не говоря об отдельных, менее важных, пунктах) *все* основные идеи марксизма. И вот в 1887 году, в предисловии ко второму изданию своих статей о жилищном вопросе, Энгельс особенно подчеркивает «гигантский прогресс международного рабочего движения за последние 14 лет». Прогресс этот тесно связан, — говорит он, — с вытеснением прудонизма, который *тогда* господствовал, а *теперь* почти забыт. «В Бельгии, — замечает Энгельс, — фламандцы оттеснили валлонов от руководства движением, сместили (abgesetzt) прудонизм и сильно подняли движение» (стр. 4 той же брошюры, предисловие). Неправда ли как верно изображено дело в «Русском Богатстве»?

*) См. брошюру «Zur Wohnungsfrage», Zürich 1887, содержащую в себе перепечатку статей Энгельса против Мюльбергера 1872 года и его введение, помеченное 10-м января 1887 года. Цитир. место на стр. 56

Если Ворошилов... но довольно! За легальным журналом, который может ежемесячно врать на «ортодоксальный» марксизм, как на мертвого,—нам, разумеется, не угоняться.

V *).

„Процветание передовых современных мелких хозяйств“. Монография Гехта **).

— Детализация, детализация!—воскликнул г. Булгаков в журнале «Начало» (№ 1, стр. 7 и 13), и этот лозунг повторяется сотни раз и на сотни ладов всеми «критиками».

Хорошо, господа, возьмемся за детализацию.

Когда вы направляли такой лозунг против Каутского, это было совершенно бессмысленно, потому что главная задача научного исследования аграрного вопроса, загроможденного бесконечным количеством бессвязных деталей, состояла именно в создании общей картины всего современного аграрного строя в его развитии. Ваш лозунг прикрывал только вашу научную беспринципность, вашу оппортунистическую боязнь всякого целостного и продуманного мировоззрения. И если бы вы отнеслись к книге Каутского не по-Ворошиловски, вы могли бы извлечь из нее массу указаний о том, как следует пользоваться детальными данными, как их надо обрабатывать. А что вы этими детальными данными пользоваться не умеете, это мы докажем сейчас на целом ряде *вами же самими выбранных* примеров.

В своей статье: «Крестьянские варвары», направленной против Каутского и помещенной в журнале господ Ворошиловых: «Sozialistische (??) Monatshefte» (III Jahrg. 1899, Heft 2), Э. Давид с особенным торжеством сослался на «одну из *основательнейших и интереснейших монографий*» о крестьянском хозяйстве, появившихся в последнее время, именно на Морица Гехта (Hecht): «Drei Dörfer der badischen Hard» (Lpz. 1895). Герц подхватил эту ссылку, повторил вслед за Давидом несколько цифр из этого «прекрасного труда» (S. 68, русск. пер. 164) и «настоятельно рекомендовал» (S. 69, русск. пер. 188) ознакомление с ним либо в подлиннике, либо в извлечении Давида. Г. Чернов в «Русском Богатстве» поспешил пересказать и Давида, и Герца,

*) Главы V—IX были напечатаны в журнале «Образование» за февраль 1906 г., перепечатаны в сборнике: В. Ильин. «Аграрный вопрос», часть I, стр. 202—246. *Ред.*

***) В первом изд. вместо: «Монография Гехта»—«Пример Бадена». *Ред.*

противопоставляя Каутскому нарисованные Гехтом «яркие картины процветания передовых современных мелких хозяйств» (№ 8, 206—209).

Обратимся же к Гехту.

Гехт описывает три баденские деревни, находящиеся в 4—14 километрах от Карлсруэ: Гагсфельд, Вланкенлох и Фридрихсталь. Несмотря на мелкие размеры участков, — 1 — 3 гектара (ha) на хозяйина, — крестьяне живут очень зажиточно и культурно, собирая с земли чрезвычайно высокие урожаи. Давид (а за ним и Чернов) сравнивает эти урожаи со средними для Германии (в допельцентнерах с 1 ha: картофеля 150—160 и 87,8, ржи и пшеницы—20—23 и 10—13, сепа—50—60 и 28,6) и восклицает: каково? Вот вам «отсталые мелкие крестьяне!» Во-первых, ответим мы, поскольку здесь не дано никакого сравнения мелкого и крупного хозяйств, находящихся в равных условиях, смешно считать это доводом против Каутского. Еще более смешно, когда тот самый г. Чернов, который на стр. 229 № 8 «Русского Богатства» утверждает, что в «рудиментарном воззрении Каутского» (относительно агрономической эксплуатации деревни городом) «темные стороны капитализма даже преувеличиваются», — приводит на стр. 209 *против* Каутского как раз такой пример, где это капиталистическое препятствие прогрессу земледелия *устранено* в силу подгородного расположения выбранных им деревень. В то время как громадное большинство сельского населения теряет массу естественных удобрений от порождаемого капитализмом обезлюдения деревни и концентрации населения в городах, — ничтожное меньшинство подгородных крестьян извлекает из своего положения особые выгоды и обогащается на счет обездоления массы. Неудивительно, что урожаи в описываемых деревнях так высоки, когда они приобретают на 41.000 марок в год навоза из военных копошен трех соседних городов с гарнизонами (Карлсруэ, Брукзаль и Дурлах) и навозной жижи из городских ассенизационных учреждений (Hecht, S. 65); искусственные удобрения прикупаются только на 7.000 марок *). Опровергать техническое пре-

*) Кстати, г. Чернов уверяет читателей «Русского Богатства», что в этих селах «сколько-нибудь заметной дифференциации в размерах землевладения не существует. Но если бы требование детализации не было в его устах пустой фразой, то он не мог бы забыть, что для этих подгородных крестьян количество земли имеет гораздо меньше значения, чем количество удобрения. А в этом отношении дифференциация очень заметна. Всего выше урожаи и всего богаче крестьяне в деревне Фридрихсталь, хотя она самая малоземельная; но из 48.000 марок расхода на удобрение падает на ее долю 28.000 м., что при 258 гект. земли дает 108 марок на 1 гектар. Гагсфельд расходует только по 30 марок на гектар (17.000 : 397 гектаров), а Вланкенлох всего по 11 (8.000 : 736 гектаров).

восходство крупного хозяйства примером мелких хозяйств, поставленных в подобные условия, значит только доказывать свое бессилие. Во-вторых, насколько в действительности имеем мы в этом примере «настоящих мелких крестьян», *echte und rechte Kleinbauern*, как говорит Давид и повторяют за ним Герц и Чернов? Ссылаются они при этом *только* на размеры землевладения, обнаруживая как раз неумение пользоваться детальными данными. Для подгородного крестьянина, как всякому известно, десятина земли значит то же, что десять десятин для крестьянина в захолустье, да и *тип* хозяйства от соседства города радикально изменяется. Например, цена земли в самой малоземельной и самой богатой из этих подстоличных деревень, в Фридрихстале, равна 9—10 тыс. марок, *впятеро* больше средней баденской цены (1.938 м.) и *раз в двадцать* больше цены земли в отдельных местностях Восточной Пруссии. Следовательно, по размеру производств (единственно точному показателю размеров хозяйства) это вовсе не «мелкие» крестьяне. Что же касается *типа* их хозяйства, то мы видим здесь замечательно высокую степень развития *денежного* хозяйства и *специализации* земледелия, особенно подчеркиваемой Гехтом. Сеют табак (45 проц. площади в Фридрихстале), высоко-сортный картофель (идущий отчасти на семена, отчасти к столу «знатных господ» (Hecht, 17—в Карлсруэ), продают в столице молоко и масло, поросят и свиней, сами покупают себе и хлеб, и сено. Земледелие вполне приняло здесь торговый характер, и подстоличный крестьянин — чистейшего типа *мелкий буржуа*, так что если бы г. Чернов действительно ознакомился с теми детальными данными, на которые он с чужих слов ссылается, то он, может быть, приблизился бы несколько к пониманию такой мудреной для него категории, как «мелко-буржуазность» (ср. № 7 «Русского Богатства», стр. 163) крестьянина. Прекурьюзно, что Герц и г. Чернов, объявляя себя неспособными понять, как это крестьянин исполняет функции предпринимателя, как это он в состоянии фигурировать то как рабочий, то как предприниматель, ссылаются на детальное исследование, автор которого прямо говорит: «Крестьянин XVIII века с его 8—10 гектарами земли был крестьянином» («*был* крестьянином», г. Чернов!) «и физическим работником; карликовый крестьянин XIX века с его 1—2 гектарами есть интеллектуальный *) работник, предприниматель, торговец» (Hecht, S. 69, ср. стр. 12: «сельский хозяин сделался *купцом и предпринимателем*». Курсив Гехта). Ну, разве не по-Ворошиловски «разносили» Каутского Герц и г. Чернов за смешение крестьянина с предпринимателем?

*) В первом изд.—«умственный». Ред.

Самым рельефным признаком «предпринимательства» является употребление наемного труда. И в высшей степени характерно, что ни один из тех quasi социалистов, которые ссылались на работу Гехта, не проронил ни словечка об этом факте. Сам Гехт — типичнейший Kleinbürger благонамереннейшего направления, восторгающийся религиозностью крестьян и «отеческой попечительностью» о них великогерцогского начальства вообще, и такой «важной» мерой, как устройство кулинарных курсов, в частности, — старается, естественно, замаять эти факты, доказать, что никакой «социальной пропасти» ни между богатыми и бедными, ни между крестьянином и батраком, ни между крестьянином и фабричным рабочим не существует. «Сословия сельскохозяйственных *поденщиков* не существует, — пишет Гехт. — Большинство крестьян в состоянии сами при помощи семьи обрабатывать свой участок; лишь немногие в этих трех деревнях испытывают нужду в чужих рабочих силах во время жатвы или для молотбы; такие семьи «зовут на помощь» («bitten»), по местному выражению, известных мужчин или женщин (которые и не думают называть себя «поденщиками») (31). Что из всего числа хозяев в трех деревнях лишь немногие палимают поденщиков, это неудивительно, ибо очень многие «хозяева» представляют из себя, как увидим, фабричных рабочих. А какая доля чистых земледельцев в частности прибегает к найму, Гехт не сообщает, предпочитая свою кандидатскую (докторскую, по-немецки) диссертацию, посвященную только трем деревням (из одной из этих деревень Гехт и сам родом), наполнять не точными статистическими данными о разных разрядах крестьян, а рассуждениями о высоконравственном значении прилежания и бережливости. (Несмотря на это, а может быть, именно благодаря этому, Герц и Давид так превозносят труд Гехта.) Мы узнаем только, что заработная плата поденщиков всего ниже в самой богатой и чисто-земледельческой деревне — Фридрихстале, которая всего дальше отстоит от Карлсруэ (в 14 килом.). В Фридрихстале поденщик получает в день 2 марки на своем содержании, в Гагсфельде (4 килом. от Карлсруэ, населенном фабричными рабочими) — 3 марки. Таково одно из условий «процветания» столь восхищающих критиков «настоящих мелких крестьян». «Между господами и *прислугой* (Gesinde = и прислуга и батраки), — сообщает нам Гехт, — существуют еще совершенно патриархальные отношения в этих трех деревнях. «Господин», т.-е. крестьянин с 3—4 гектарами, «тыкает» батрака и батрачку, называет их просто по имени, а они называют крестьянина «дядей» (Vetter), а крестьянку «теткой» (Base) и говорят им «вы»... Батраки едят вместе с семьей и считаются как бы ее членами» (S. 93). О значении наемного труда в табаководстве, которое так широко раз-

вито в этом районе и которое требует особенно много рабочих рук, «основательнейший» Гехт хранит молчание, но так как он все-таки сказал хоть пару слов о наемном труде, то даже и этого благонамеренного буржуйчика приходится поставить выше по уменью «детализировать» исследование, чем Ворошиловых «критического» социализма.

В-третьих. На исследование Гехта ссылались в опровержение факта чрезмерной работы и недоедания в крестьянстве. И тут, однако, оказывается, что критики предпочли *умолчать* о фактах этого рода, *отмеченных* у Гехта. Им пришлось на помощь то понятие «среднего крестьянина», посредством которого так распространено прикрашивание «крестьянства» и у русских народников, и у западно-европейских буржуазных экономистов. «Вообще» крестьянство этих трех деревень очень зажиточно, но даже из самой неосновательной монографии Гехта ясно видно, что в этом отношении обязательно различать три крупные группы. Около четверти (или 30 проц.) хозяев (большинство в Фридрихстале и многие из Вланкенлоха) — зажиточные мелкие буржуа, разбогатевшие благодаря близости столицы, ведущие доходное молочное хозяйство (продают 10—20 литров молока в день) и табачководство (один пример: валовая выручка 1.825 марок с 1,05 гектара под табаком), откармливающие свиней на продажу (в Фридрихстале 1.140 жителей, свиней держат 497, в Вланкенлохе на 1.684 жит. — 445, в Гагсфельде на 1.273—220) и т. п. Среди этого меньшинства (к которому, в сущности, единственно и применимы целиком восхищающие критиков признаки «процветания») употребление наемного труда несомненно встречается довольно часто. В следующей группе, к которой принадлежит большинство хозяев из Вланкенлоха, благосостояние уже значительно ниже; удобрения употребляется меньше, урожаи менее высоки, скота меньше (в Фридрихстале всего скота, в переводе на крупный, 599 штук на 258 га, в Вланкенлохе—842 на 736 га, в Гагсфельде—324 на 397 га), «чистые комнаты» в домах реже, мясо едят уже далеко не каждый день, наблюдается у многих семей такое (знакомое очень нам, русским) явление, что они из нужды в деньгах продают осенью хлеб, а весной опять покупают *). Центр тяжести передвигается постоянно для этой группы *от земледелия к промышленности*

* Между прочим хозяйственную отсталость Вланкенлоха Гехт объясняет преобладанием натурального хозяйства и *существованием общины*, благодаря которой кусочек земли (36 аров—Allmendgut) обеспечен, по достижении 32 лет. каждому, «ленив ли он или прилежен, делает ли сбережения или нет» (S. 30). Но Гехт все же против раздела общинных земель: это, говорит, своего рода учреждение общественного призрения (Altersversorgung) для престарелых фабричных рабочих, число которых растет в Вланкенлохе.

ности, и уже 103 бланкенлохских крестьянина работают в Карлсруэ, как фабричные рабочие. Эти последние вместе со всем почти населением Гагсфельда образуют третью группу (40—50 проц. всего числа дворов). Земледелие здесь уже подсобное занятие, которому посвящают свое время главным образом женщины. Уровень жизни хотя и выше, чем в Вланкенлохе (благодаря влиянию столицы), но нужда уже сильно дает себя знать! Молоко продают, а себе уже покупают отчасти «более дешевый маргарин» (24). Увеличивается быстро число коз: с 9 в 1855 г. до 93 в 1893 г. «Это увеличение,—пишет Гехт,—может быть объяснено только исчезновением собственно крестьянских хозяйств и разложением (Auflösung) крестьянского сословия в сословие сельских фабричных рабочих с сильно парцелированным землевладением» (27). В скобках будь сказано, и во всей Германии число коз с 1882 по 1895 г. возросло в громадных размерах: с 2,4 милл. до 3,1 милл., что ясно указывает на обратную сторону того прогресса «крепкого крестьянства», который так воспевают г.г. Булгаковы и мелко-буржуазные социалисты-«критики». Большинство рабочих пешком ходит за 3¹/₂ килом. на фабрику в город, боясь перерасходовать даже и марку (48 коп.) в неделю на железнодорожный билет. Около 150 рабочих из 300 гагсфельдцев находят даже дорогу для себя обед в «народной столовой» за 40—50 пфеннигов и получают обед из дому. «Бедные женщины,—сообщает Гехт,—ровно в 11 часов кладут обед в судки и относят на фабрику (79). Что касается работниц, то они заняты на фабрике тоже по 10 часов и получают за это всего 1,10—1,50 марки (мужчины—2,50—2,70 марки), и при поштучной плате—1,70—2 марки. Некоторые работницы стараются повысить свою скудную плату посредством подсобных занятий; в Бланкенлохе 4 девушки работают в Карлсруэ на бумажной фабрике и берут бумагу на дом, чтобы по вечерам изготовить из нее бумажные воронки; в вечер с 8 до 11 часов (sic!) делают до 300 мешков, получая за это 45—50 пф.,—добавка к малому дневному заработку, служащая для покрытия расходов на поездки по железной дороге. В Гагсфельде некоторые женщины, которые девушками работали на фабриках, имеют маленький подсобный заработок, полируя в зимние вечера серебряные товары (36). Гагсфельдский рабочий,—умиляется Гехт,—имеет свою оседлость не в силу имперского закона, а благодаря своей собственной энергии, имеет домик, который он не должен делить с чужими людьми, имеет маленький кусочек земли; но что гораздо важнее, чем это действительно владение, это—сознание, что все это приобретено собственным прилежанием. Гагсфельдский рабочий—и фабричный рабочий и кре-

стьянин в одно и то же время. У кого нет земли, тот арендует хоть несколько парцелл, чтобы увеличить свой доход посредством *утилизации свободных часов*. Если летом работа начинается на фабрике только («только!») в 7 часов, рабочий встает в 4, чтобы окопать на своем поле картофель или принести корму скоту. Или если вечером он приходит домой в 7 часов, то что же ему делать, особенно летом? Вот он и поработает еще час—полтора на своем поле; ему ведь не нужна высокая рента с земли,—он хочет только вполне (sic!) использовать свою рабочую силу»... И много еще таких елейностей говорит Гехт, заканчивающий свою книгу словами: «Карликовый крестьянин и фабричный рабочий — оба (sic!) поднялись до среднего сословия, и это не благодаря искусственным, принудительным мерам, а благодаря собственному прилежанию, собственной энергии, выработке в себе высшей нравственности» *).

«Три деревни баденского Гарда представляют теперь из себя одно *великое, широкое среднее сословие*» (курсив Гехта).

Что Гехт так пишет, это неудивительно, ибо он—самый дюжинный буржуазный апологет. Но какого имени заслуживают те люди, которые морочат других, называя себя социалистами, и которые прикрашивают действительность еще усерднее всякого Гехта, выдавая процветание буржуазного меньшинства за общий прогресс и замазывая пролетаризацию большинства посредством старого жупела: «соединение земледелия с индустрией»?

VI.

Производительность мелкого и крупного хозяйств. Пример из Восточной Пруссии.

Перенесемся, для разнообразия, из далекой южной Германии поближе к России, в Восточную Пруссию. Мы имеем здесь одно в высшей степени поучительное *детальное* исследование, которым совершен-

*) Гехт еще очень и очень много говорит об этой «высшей нравственности», восторгаясь не хуже г. Булгакова «трезвой брачной политикой», «железным прилежанием», «бережливостью» и «умеренностью», приводя даже «известную крестьянскую поговорку»: «Man sieht nicht auf die Groschen (d. h. Mund), sondern auf die Groschen», в итальянском русском переводе: «не так норовим, чтобы в рот, как чтобы в карман». Предлагаем читателю сопоставить эту поговорку с «учением» киевского профессора г. Булгакова, что крестьянское хозяйство (как не нуждающееся ни в ренте, ни в прибыли)—есть «самая выгодная для общества (sic!) организация земледелия» (Булг., I, 154).

но не сумел воспользоваться требовавший детализации г. Булгаков. «Сравнение данных о действительной производительности крупного и мелкого хозяйств,—пишет г. Булгаков,—не может решить вопроса об их технических преимуществах, потому что сравниваемые хозяйства могут находиться при разных экономических условиях. Самое большее, что могут дать такие данные, это фактическое подтверждение того отрицательного вывода, что крупное производство не имеет технических преимуществ пред мелким не только в теории, но при известных условиях и в действительности. Таких сравнений делалось в экономической литературе немало, во всяком случае достаточно для того, чтобы подорвать в непредубежденном и свободном от предрассудков читателе веру в преимущество крупного производства вообще» (I, 58). И в примечании приводятся два примера. Первый—та самая работа Аугагена, —сравнивавшего всего два хозяйства в 4,6 и 26,5 ha в Ганновере,—которую цитировал и Каутский в «Agrarfrage» (S. 111) и Герц (S. 69, русск. пер. 168). Мелкое хозяйство в этом случае показывает более высокие урожаи, и Аугаген определил в нем высшую доходность против крупного, но Каутский показал уже, что эта высшая доходность проистекает из *недопотребления*. Герц пробовал свергнуть это, но с обычным своим успехом, и так как Герц теперь переведен на русский язык, а ответ Каутского Герцу неизвестен в России, то мы укажем в двух словах на содержание этого ответа (в цитированной выше статье в «Neue Zeit»)... Герц, по обыкновению, извратил довод Каутского, ссылавшегося будто бы только на содержание крупным хозяином сына в гимназии. На деле же Каутский только иллюстрировал этим уровень жизни, и если бы Герц привел *весь бюджет* сравниваемых семей (обе состоят из 5 человек), то получил бы цифры: для мелкого—1.158,40 марки, для крупного—2.739,25. При *одинаковом* уровне жизни с крупным хозяйством мелкое оказалось бы *менее* доходным по расчету Аугагена, доход мелкого = 1.806 м., т.-е. 5,45% на капитал (33,651 м.), а крупного—2,720 м.—1,82% на капитал (144.559 м.). Вычтите не потребляемое мелким, и его доход окажется равным 258 м.—0,80%! И это при количестве труда непропорционально высоком: в мелком 3 работника на 4,6 гектара, т.-е. по одному работнику на 1,5 гект., в крупном—11 (ср. Герц, S. 75, русск. пер. 179) на 26,5 гект., т.-е. по 1 работнику на 2,4 гектара. Мы уже не говорим о том справедливо осмеянном Каутским обстоятельстве, что якобы социалист Герц сравнивает труд детей современного крестьянина со сбором колосьев Руфью! Что касается г. Булгакова, то он ограничился только сообщением данных об урожайности и не *закнулся* об уровне жизни мелкого и крупного хозяйств.

«Другой пример,—продолжает наш сторонник детализации,— находим в новейшем исследовании *Karl Klawki* «Ueber Konkurrenzfähigkeit des landwirtschaftlichen Kleinbetriebs» (в «Thiel's Landwirtschaftliche Jahrbücher», 1899, Heft. 3—4). Его сравнение относится к Восточной Пруссии. Автор сравнивает по 4 хозяйства— крупных, средних и мелких размеров. Особенностью его сравнения является то, что, во-первых, доходы и расходы выражены в деньгах, а затем, что автор переводит на деньги и ставит в расход стоимость рабочей силы в мелком хозяйстве, где она не покупается; для нашей цели такой прием едва ли правилен» (sic! Г. Булгаков забывает добавить, что Klawki переводит на деньги стоимость труда во *всех* хозяйствах, оценивая труд мелкого заранее дешевле!); «тем не менее мы имеем»... Следует таблица, из которой мы теперь приведем лишь вывод: средняя чистая прибыль с одного моргена (= 1/4 гектара) в крупном хозяйстве— 10 марок, в среднем—18, в мелком—12. «Наибольшей доходностью,— заключает г. Булгаков,—отличается здесь среднее хозяйство, за ним следует мелкое и за ним крупное, которое оказывается таким образом позади всех».

Мы нарочно выписали *целиком* все, что говорит г. Булгаков о сравнении крупных и мелких хозяйств. Теперь рассмотрим, что доказывает интересная работа Klawki, описывающая 12 типичных и в одинаковых условиях стоящих хозяйств на протяжении целых 120 страниц. Приведем сначала общие данные о хозяйствах, при чем ограничимся, для экономии места и наглядности выводов, *средними* данными о крупном, среднем и мелком хозяйствах (средний размер=358,50 и 5 гектаров).

Приходится на 1 морген (1/4 гектара) в марках.												Расход на прод. ценной в 100 марок *).		На 100 моргенов		
Хозяйства.	Всего дохода.			Дохода от продажи продуктов.			Потреб. в соб. хоз. продук.			ВСЕГО.						Марок.
	От земель.	От скотовод.	Всего.	Земледел.	Скотовод.	Всего.	Земледел.	Скотовод.	Всего.	Дохода.	Расхода.	Чист. приб.	а	b		
															а	б
Крупное . .	17	16	33	11	14	25	6	2	8	33	23	10	65	70	887	887
Среднее . .	18	27	45	12	17	29	6	10	16	45	27	18	35	60	744	924
Мелкое . .	23	41	64	9	27	36	14	14	28	64	52	12	8	80	—	—

*) а=если не переводить на деньги стоимость рабочей силы хозяина и его семьи; б=если переводить.

Как будто бы *все* выводы г. Булгакова всецело подтверждаются работой Klawki: с уменьшением размеров хозяйства увеличивается и валовой доход и даже доход от продажи по расчету на один морген! Мы думаем, что при тех приемах, которые употребляет Klawki,—а эти приемы весьма распространенные и в основных своих чертах общие всем буржуазным и мелко-буржуазным экономистам,— во всех или почти во всех случаях получится превосходство мелкого земледелия. Поэтому *вся суть вопроса*, совершенно не замечаемая Ворошиловыми, состоит в *разборе этих приемов*, и поэтому-то частичное исследование Klawki представляет громадный общий интерес.

Начнем с урожаев. Оказывается, урожаи громадного большинства злаков правильно и очень значительно *понижаются* от крупных хозяйств к мелким. Собирается (в центнерах с моргена) пшеницы: 8,7—7,3—6,4; ржи: 9,9—8,7—7,7; ячменя: 9,4—7,1—6,5; овса: 8,5—8,7—8,0; гороха: 8,0—7,7—9,2 *); картофеля: 63—55—42; кормовой свеклы: 190—156—117. Только льна, которого крупные хозяйства не сеют вовсе, мелкие хозяйства (3 из 4) собирают больше, чем средние (2 из 4), именно 6,2 «Stein» (=18½ фунтов) против 5,5.

Отчего же зависит более высокая урожайность в крупных хозяйствах? Klawki придает решающее значение четырем следующим причинам: 1) дренажа почти не существует у мелких хозяев, а когда он имеется, то трубы кладут хозяева сами и кладут плохо; 2) мелкие хозяева пахут недостаточно глубоко — слабы лошади; 3) рогатый скот у мелких хозяев имеет большей частью недостаточно корма; 4) производство навоза у мелких хозяев хуже: солома у их хлебов короче, большая часть соломы идет на корм скоту (значит, опять-таки, ухудшение качества корма) и на подстилку скоту употребляется меньше соломы.

Итак, скот у мелких хозяев слабее, хуже качеством и хуже содержится. Это обстоятельство объясняет нам то странное и больше всего бросающееся в глаза явление, что при более высокой урожайности в крупных хозяйствах доход от земледелия оказывается в них, по расчету Klawki, меньше на 1 морген, чем в средних и мелких. Дело в том, что Klawki *исключает корм скота*, не считая его ни в доходах, ни в расходах. Таким образом искусственно и фальшиво приравнено то, что на самом деле создает существенную разницу между крупными и мелкими хозяйствами — и разницу не в пользу последних. Крупное хозяйство оказывается, при таком способе вычисления, менее доход-

*) Сеется только в двух хозяйствах из 4-х: в крупном и среднем—по три хозяйства из 4-х сеют горох.

ным *потому*, что оно большую долю сельско-хозяйственной площади занимает производством корма для скота (хотя на единицу площади оно держит гораздо меньше скота, чем мелкое), тогда как мелкое хозяйство «обходится» соломой в виде корма. «Присимущество» мелкого земледелия состоит, следовательно, в том, что оно *экономически обр-цается* и с землей (хуже удобрение), и *со скотом* (хуже корм). Разумеется само собой, что подобное сравнение доходности различных хозяйств лишено всякого научного значения *).

Далее, из числа причин высшей урожайности земли в крупных хозяйствах надо указать то, что они чаще (и, повидимому, даже почти исключительно) применяют мергелевание почвы, больше употребляют искусственных удобрений (расход на 1 морген 0,81 марки—0,38—0,43) и Kraftfuttermittel (в крупных—2 марки на морген, в остальных—ноль). «Наши крестьянские хозяйства,—говорит Klawki, относящийся к крупно-крестьянским и средние хозяйства,—не расходуют ничего на Kraftfuttermittel. Они туго поддаются прогрессу и особенно скупаются на расходы чистыми деньгами» (461). Крупные хозяйства стоят выше и по системе полеводства: улучшенный плодоперемеи мы видим во всех 4-х крупных хозяйствах, в 3-х средних (в 1—старое трехполье) и только в одном мелком (в 3-х—трехполье). Наконец, и машин крупные хозяева имеют гораздо больше. Правда, сам Klawki держится того мнения, что машины особенно большого значения не имеют. Но мы не ограничимся его «мнением», а возьмем выборки из данных. Машины следующих восьми родов — паровые молотилки, конные молотилки, зерноочистительные машины, триеры, рядовые сеялки, машины для разбрасывания навоза, конные грабли и крутые катки—распределяются между описываемыми хозяйствами так: у 4-х крупных—29 (в том числе 1 паровая молотилка), у 4-х средних—11 (ни одной паровой), у 4-х мелких—1 машина (конная молотилка). Конечно, никакое «мнение» никакого поклонника крестьянского хозяйства не может нас заставить думать, что зерноочистительные машины, рядовые сеялки, катки и пр. могут не оказывать влияния на урожайность.

*). Следует отметить, что подобное фальшивое приравнение заведомо нерав-ных величин в мелком и крупном хозяйствах имеет место не только в отдельных монографиях, но и в массовых данных современной аграрной статистики. И французская, и немецкая статистика оперирует с «средним» живым весом, с «средней» ценой штуки скота во всех и всяческих хозяйствах. Немецкая статистика определяет даже к этому приему общую стоимость всего количества скота в разных группах хозяев (по величине площадей), при чем однакоже делается оговорка, что предположение одинаковой ценности штуки скота в разных группах хозяйств «не соответствует действительности» (S. 35).

Кстати, мы имеем здесь данные о числе машин, находящихся во владении таких-то хозяев, в отличие от массовых данных германской статистики, регистрировавшей только случаи употребления машин,— и своих, и чужих безразлично. Очевидно, что такая регистрация тоже уменьшает преобладание крупного хозяйства и затушевывает следующие, описываемые Klawki, формы «позаимствования» машин: «Крупный хозяин охотно ссужает мелкому свой каток, свои конные грабли и зерноочистительную машину, если последний обещает ему за это поставить косца в горячее время» (443). Следовательно, известное чсло—и без того, как мы показали, крайне редких—случаев употребления машин в мелком хозяйстве представляет из себя превращенную форму приобретения рабочей силы.

Пойдем далее. Другой случай фальшивого приравнивания заведомо неравных величин представляет прием Klawki считать цену продукта при продаже одинаковой во всех разрядах хозяйств. Вместо действительных случаев продажи, автор берет в основание своих расчетов предположение, на неверность которого он сам указывает. Крестьяне сбывают хлеб большей частью на месте, и торговцы в маленьких городах сильно понижают цены. «Крупные имения лучше поставлены в этом отношении, так как они могут сразу отправлять крупные партии в главный город провинции. Они получают при этом обыкновенно 20—30% на центнер больше, чем при продаже в маленьких городах» (373). Крупные хозяева лучше умеют оценивать свой хлеб (451) и продают его по весу, а не мерами, как продают крестьяне к невыгоде для себя. Точно так же по весу продают крупные хозяева и скот, тогда как у крестьян покупают просто на основании внешнего осмотра. Сбыт молочных продуктов тоже поставлен у крупных хозяев лучше, ибо они могут отправлять молоко в город и получать высшие цены, чем средние хозяева, которые переделывают молоко в масло и сбывают торговцам. В свою очередь, у средних масло лучше, чем у мелких (применение сепараторов, ежедневное изготовление и т. п.), которым и платят на 5—10 пф. меньше за фунт. Откармливаемый на продажу скот мелкие хозяева должны продавать раньше (менее зрелым), чем средние, ибо у них не хватает корма (444). Все эти—в общей сложности очень и очень немаловажные—преимущества крупного хозяйства, как продавца на рынке, Klawki сбрасывает со счета в своей монографии,—подобного тому, как поклонники мелкого хозяйства из числа теоретиков отбрасывают этот *факт*, ссылаясь на *возможность* помочь делу кооперацией. Мы не желаем смешивать действительность капитализма с возможностями мещански-кооперативного парадиза:

ниже мы приведем *факты* о том, кому достаются в действительности наибольшие выгоды от кооперации.

Отметим, что Klawki «не считает» в мелком и среднем хозяйствах труда самих хозяев по дренированию почвы, по ремонту всякого рода («крестьяне сами работают») и т. п. Это «преимущество» мелкого хозяина социалист называет *Ueberarbeit*, чрезмерным трудом, перерабатываемым, а буржуазный экономист — одной из выгодных («для общества!») сторон крестьянского хозяйства. Отметим, что в средних хозяйствах, по указанию Klawki, наемные рабочие получают лучшую плату и харчи, чем в крупных, но и работают интенсивнее: «пример» хозяина побуждает к «большому прилежанию и тщательности» (465). Кто же из этих двух капиталистических хозяев — помещик или «свой брат» крестьянин — выжимает из рабочего больше труда за данную плату, Klawki не пытается определить. Мы ограничимся поэтому указанием на то, что расход на страхование рабочих от увечий и на случай старости составляет для крупного хозяина 0,29 марки на морген, для среднего—0,13 марки (мелкий земледелец и здесь пользуется тем преимуществом, что вовсе себя не страхует, — разумеется, к немалой «выгоде общества» капиталистов и помещиков), — и затем еще ссылкой на пример русского земледельческого капитализма. Читатель, знакомый с книгою Шаховского «Отхожие земледельческие промыслы», помнит, может быть, такое характерное наблюдение: мужики-хуторяне и немцы-колонисты (на юге) отбирают себе рабочих «на выбор», платят им на 15—20% дороже, чем крупные наниматели, и выжимают из них на 50% больше работы. Это сообщал г. Шаховской в 1896 году, а в нынешнем году мы читаем, напр., в «Торгово-Промышленной Газете» такое сообщение из Каховки: «... Крестьяне и хуторяне, по обычаю, платили дороже (чем экономии платили наемным рабочим), так как требуют лучших рабочих и более выносливых» (№ 109, 1901 года, от 6 мая). Вряд ли есть основания думать, что подобное явление свойственно одной только России.

В приведенной выше таблице читатель заметил два приема расчета: включая и не включая денежную оценку рабочей силы хозяина. Г. Булгаков считает прием включения оценки «едва ли правильным». Разумеется, точный бюджет натуральных и денежных расходов и хозяев и батраков был бы гораздо правильнее, но раз таких данных нет, то приходится неизбежно определять денежные расходы семьи *приблизительно*. И вот чрезвычайно интересно, как Klawki делает этот приблизительный расчет. Крупные хозяева сами, конечно, не работают: они имеют даже особых управляющих, исполняющих за плату весь труд по руководству и надзору (из четырех имений три — с управляющи-

ми, одно — без управляющего; это последнее имение в 125 ha Klawki считал бы более правильным называть крупно-крестьянским имением). Хозяевам двух крупных имений Klawki «кладет» по 2.000 марок в год «за труды» (состоящие, напр., в имении первом в том, что хозяин приезжает из своего главного имения раз в месяц на несколько дней, чтобы присмотреть за управляющим). Владельцу 125 ha (у первого 513 ha) он уже «кладет» только 1.900 марок за работу самого хозяина и трех его сыновей. Разве не «естественно», что при меньшем количестве земли должен «обходиться» меньшим бюджетом? Средним хозяевам Klawki кладет уже 1.200—1.716 марок за всю работу мужа и жены, а в трех случаях — также и детей. Мелким хозяевам — по 800—1.000 марок за работу 4—5 (sic!) человек, т.-е. немногим больше (если больше), чем получает батрак, инстман, зарабатывающий с семьей всего на 800—900 марок. Итак, здесь уже делается еще крупный шаг вперед: сначала приравнивалось заведомо неравное, теперь объявляется, что уровень жизни *должен* понижаться от крупного хозяйства к мелкому. Ведь это значит заранее признать тот факт принижения капитализмом мелкого крестьянина, который якобы опровергается выкладками о размерах «чистой прибыли»!

И если денежный доход понижается с уменьшением размеров хозяйства по *предположению* автора, то сокращение потребления доказывается прямыми данными. Количество потребляемых в хозяйстве продуктов земледелия составляет на одного человека (считая двоих детей за одного взрослого): у крупного хозяина—227 марок (среднее из двух цифр), у среднего—218 марок (среднее из четырех цифр), у мелкого—135 (sic!) марок (среднее из 4-х цифр). И притом, чем крупнее хозяйство, тем больше прикупается предметов питания (S. 453). Klawki и сам заметил, что тут приходится поставить вопрос о той *Unterkonsumtion* (недопотребление), которое г. Булгаков отрицал и о котором он здесь предпочел *умолчать*, оказываясь еще большим апологетом, чем Klawki. А Klawki старается ослабить этот факт. «Имеет ли место известное недопотребление у мелких хозяев,—говорит он,—этого мы не можем утверждать, но считаем это вероятным по отношению к мелкому хозяйству IV» (97 марок на душу). «Факт тот, что мелкие крестьяне живут очень бережливо (!) и продают многое такое, что они сберегают у себя, так сказать, ото рта» (*sich sozusagen vom Munde absparen*) *). Делается попытка доказать, что высшей «производитель-

*) Интересно, например, что доход от продажи молока и масла в крупном хозяйстве равняется 7 маркам на морген, в среднем—3, в *мелком*—7. Дело в том, что мелкие крестьяне в своем хозяйстве «очень мало употребляют масла и цельного молока... а мелкое хозяйство IV (расход производимых в хозяйстве

ности» мелкого хозяйства этот факт не устраняет: если под-зять потребление до 170 марок—сумма вполне достаточная (для «меньшого брата», но не для капиталиста-земледельца, как мы видим),—то получим, что на 1 морген надо бы увеличить потребление и уменьшить доход от продажи на 6—7 марок. За вычетом их получим (см. выше табличку) 29—30 марок, т.-е. все же выше, чем в крупном хозяйстве (S. 453). Но если мы поднимем потребление не до этой на-глаз взятой цифры (и притом взятой пониже, ибо «ён достанет»), а до 218 марок (=действительность в среднем хозяйстве), то увидим, что доход от продажи продуктов упадет в мелком хозяйстве до 20 марок на моргеи против 29 при среднем и 25 при крупном хозяйстве. То-есть: исправление *одной этой* (из многочисленных указанных выше) неправильности в сопоставлениях Klawki разрушает уже *всякое* «преимущество» мелкого крестьянина.

Но в изысканиях преимуществ Klawki неистощим. Мелкие кре-стьяне «соединяют земледелие с промыслами»: трое мелких крестьян (из 4-х) «прилежно ходят на поденщину, получая, кроме платы, и харчи» (435). Но особенно велики преимущества мелкого земледелия во время кризиса (как русским читателям давно уже известно из мно-гочисленных народнических упражнении на эту тему, подогреваемых теперь г.г. Черновыми): «Во время сельско-хозяйственного кризиса, да также и в другое время, именно мелкое хозяйство будет обладать наибольшей прочностью, будет в состоянии сбывать сравнительно больше продуктов, чем другие разряды хозяйств, посредством крайнего сокращения домашних расходов, каковое сокращение должно, правда, вести к некоторому недопотреблению» (481—последние выводы Klawki, ср. стр. 464). «Многие мелкие хозяйства принуждаются, к сожалению, к этому высоким размером процентов по долгам. Но таким образом—хотя и с большим трудом—они получают возможность держаться и перебиваться. Вероятно, именно сильным сокращением потребления объясняется, главным образом, то увеличение мелко-крестьянских хозяйств в нашей местности, которое констатирует имперская стати-стика». И Klawki приводит данные о кенигсбергском регирунгсбецирке, в котором с 1882 по 1895 г. число хозяйств до 2 ha возросло с 56 до

продуктов на потребление равен лишь 97 маркам на человека) и вовсе не упо-требляет» (450). Пусть читатель сопоставит с этим (впрочем, всем, кроме «крити-ков», давно известным) фактом великолетные рассуждения Герца (S. 113, русск. пер. 270): «Да разве крестьянин ничего не получает за молоко?», «Не кре-стьян. ли ест свинью?» (откармливаемую молоком). Эти изречения надо почаще напоминать, как непревзойденный образец самого вульгарного приукра-шивания нищеты.

79 тыс., в 2—5 га—с 12 до 14 тыс., в 5—20 га—с 16 до 19 тыс. Это—та самая Восточная Пруссия, в которой г.г. Булгаковы усматривают «вытеснение» крупного производства мелким. И подобные господа, которые так по-суздальски толкуют цифры голой статистики площадей, кричат еще о «детализации»! Вполне естественно, что Кlawki считает «важнейшей задачей современной аграрной политики для разрешения вопроса о сельских рабочих на востоке — поощрить наиболее дельных рабочих к оседлости посредством доставления им возможности если не в первом, то хотя бы во втором (sic!) поколении приобрести кусочек земли в собственность» (476). Не беда, что инстманы, которые покупают себе кусочек земли из своих сбережений, «оказываются большей частью в худшем положении в денежном отношении; они это и сами знают, по их приманивает более свободное положение» — и вся задача буржуазной экономии (а в настоящее время, новидимому, также и «критиков») поддерживать в самой отсталой части пролетариата эти иллюзии.

Таким образом исследование Кlawki по всем пунктам опровергает ссылавшегося на него г. Булгакова. Оно доказывает техническое превосходство крупного хозяйства в земледелии, чрезмерный труд и поедание мелкого крестьянства, превращение его в батрака и подопытника для помещика, доказывает связь роста числа мелких крестьянских хозяйств с ростом нужды и пролетаризации. Два вывода из этого исследования имеют особенно важное принципиальное значение. Во-первых, мы видим наглядно препятствия к введению машин в земледелие: это — бесконечное принижение мелкого земледельца, готового «не считать» своего труда, делающего для капиталиста ручной труд более дешевым, чем машинный. Вопреки утверждениям г. Булгакова, факты вполне доказывают *полную аналогию* между положением мелкого крестьянина в земледелии и кустаря в промышленности при капиталистических порядках. Вопреки утверждениям г. Булгакова, мы видим в земледелии еще более широкое принижение потребностей и усиление интенсивности труда, как орудие в конкуренции с крупным производством. Во-вторых, по отношению ко всем и всяким сравнениям доходности мелких и крупных хозяйств в земледелии мы должны раз навсегда признать абсолютно негодными и вульгарно-аполлетическими выводы, игнорирующие три обстоятельства: 1) как питается, как живет и как работает *земледелец*? 2) как содержится и как работает *скот*? 3) как удобряется и рационально ли эксплуатируется *земля*? Мелкое земледелие держится всяческим хищничеством: расхищением труда и жизненных сил земледельца, расхищением сил и качеств скота, расхищением производительных сил земли, а потому

всякое исследование, не принимающее всесторонне во внимание все эти обстоятельства, представляет из себя просто ряд буржуазных софизмов *)).

Неудивительно, поэтому, что именно «теория» чрезмерного труда и недостаточного потребления мелких крестьян в современном обществе вызвала особенно ожесточенные нападки г.г. критиков. Г. Булгаков еще в журнале «Начало» «брался» (№ 1, стр. 10) привести сколько угодно «цитат», доказывающих противоположное тому, что утверждал Каутский. Из исследования Союза социальной политики «Bäuerliche Zustände» («Положение крестьян»),—повторяет г. Булгаков в своей книге,—«Каутский, в своей попытке гальванизировать труп (sic!) устарелой догмы, выбрал несколько фактов, свидетельствующих о вполне понятной для данного момента угнетенности крестьянского хозяйства; пусть убедится, что там можно найти свидетельства и несколько иного характера» (II, 282). Попробуем же «убедиться» и проверить «цитаты» строгого ученого, который отчасти просто повторяет цитаты Герца (S. 77, русск. пер. 183).

«Из Эйзенаха свидетельствуют об улучшении скотоводства, удобрения, употреблении машин и вообще прогрессе сельско-хозяйственного производства»... Открываем статью об Эйзенахе («Bäuerl. Zust.», I B.). Положение владельцев менее 5 ha (таковых в описываемом районе 887 из 1.116) «в общем мало благоприятно» (66). «Поскольку они имеют заработки у крупных хозяев в качестве жнецов, поденщиков и пр., их положение сравнительно благоприятное» (67)... В общем

*) Leo Huschke в своей работе: «Landwirtschaftliche Reinertrags-Berechnungen bei Klein-, Mittel- und Grossbetrieb dargelegt an typischen Beispielen Mittelthüringens» (Jena 1902, Gustav Fischer) указывает справедливо, что «можно посредством одного только уменьшения» оценки рабочей силы мелкого земледельца получать такое вычисление, которое докажет его превосходство по отношению к среднему и крупному хозяйству и его способность конкурировать с ними (S. 126). К сожалению, автор не додумал до конца этой мысли и потому не привел в своей книге систематических данных о содержании скота, об удобрении земли, о содержании земледельцев в разных хозяйствах. Мы надеемся вернуться еще к интересной книге г. Гуске. Пока же отметим лишь его указания на то, что мелкое хозяйство выручает низкие цены на продукты по сравнению с крупными (S. S. 146, 155), и его вывод: «мелкое и среднее хозяйство стремилось преодолеть кризис, наступивший после 1892 г. (понижение цен на с.-х. продукты) посредством возможно большего сокращения денежных расходов, а крупное хозяйство — посредством повышения урожая путем повышения издержек на хозяйство» (S. 144). Расходы на семена, корм, удобрение уменьшились с 1887—1891 по 1893—1897 г.г. в мелком и среднем хозяйстве, увеличились—в крупном. В мелком эти расходы составляют 17 марок на 1 ha, в крупном — 44 марки. (Примеч. к изд. 1008 г.).

за 20-летие — существенный технический прогресс, но «еще многого остается желать, в особенности по отношению к более мелким хозяйствам» (72)... «более мелкие хозяева употребляют отчасти для полевых работ слабосильных коров»... Подсобные заработки: лесные работы, возка дров; последняя «отвлекает от земледелия», ведет к «понижению благосостояния» (69)... Лесные работы тоже не дают достаточного заработка. В некоторых районах мелкие землевладельцы (Grundstückbesitzer) занимаются ткачеством, которое плохо (leidlich) оплачивается. В единичных случаях — кустарная выделка сигар. В общем существует недостаток в подсобных заработках (73)... И автор Oeconomie-Commissar Dittenberger кончает замечанием, что крестьяне при их «простой жизни» и «скромных потребностях» сильны и здоровы, что даже «удивительно при мало-питательной пище беднейшего класса, у которого картофель составляет главную составную часть пищи»... (74).

Вот как опровергают «ученые» Ворошиловы «застарелый марксистский предрассудок, будто бы крестьянское хозяйство неспособно к техническому прогрессу»!

«...О королевстве Саксонии генеральный секретарь Лангедорф говорит, что в целых округах, в особенности же в более плодородных местностях, между крупными и мелкими имениями вряд ли уж существует разница по интенсивности хозяйства». Так опровергает Каутского Ворошилов австрийский (Герц, S. 77, р. пер. 183) и вслед за ним повторяет Ворошилов русский (Булгаков, II, 282 со ссылкой на «Bäu erl. Zust.», I, 222). Открываем 222-ю страницу приводимого критиками источника и читаем непосредственно вслед за приведенными Герцом словами: «Такая разница более заметна в горных местностях, где более крупные имения хозяйничают с большим сравнительно оборотным капиталом; однако и здесь крестьянское хозяйство часто стоит не ниже по размерам чистой прибыли, так как менее высокий доход уравнивается бóльшей бережливостью, которая при данном очень низком уровне потребностей (bei der vorhandenen grossen Bedürfnisslosigkeit) часто доходит до того, что крестьянин-хозяин живет хуже промышленного рабочего, ознакомившегося с более широкими потребностями» («Bäuerl. Zust.», I, 222). И дальше сообщается, что «преобладающая система хозяйства — плодoperемнная, которая преобладает уже у средних хозяев, а трехполье встречается почти только еще у мелких владельцев крестьянских имений». По отношению к скотоводству тоже повсюду наблюдается прогресс. «Только по отношению к разведению рогатого скота и утилизации молочных продуктов крестьянин обыкновенно стоит позади крупного помещика» (223).

«Проф. Ранке,—продолжает г. Булгаков,—свидетельствует технический прогресс в крестьянском хозяйстве в окрестностях Мюнхена, типичных, по его словам, для всей верхней Баварии». Открываем статью Ранке: три общины *гроссбауэров*, хозяйничающих при помощи наемных рабочих; 69 крестьян из 119 имеют более 20 гектаров — у них $\frac{3}{4}$ всей земли, при чем 38 «крестьян» имеют каждый более 40 гектаров, в среднем каждый по 59 гектаров, и всего у них около 60% всей земли...

Кажется, этого достаточно для характеристики «цитат» г.г. Булгакова и Герца.

VII.

Баденская анкета о крестьянском хозяйстве.

«Мы не можем за недостатком места,—пишет Герц,—привести подробные и интересные отзывы из баденской анкеты о 37 общинах. По большей части отзывы эти аналогичны приведенным выше: наряду с благоприятными встречаются неблагоприятные и безразличные, *но нигде на всем протяжении трех томов анкеты подробные бюджеты расходов не дают права делать выводы о «недоедании» (Unterkonsumtion), о «грязной, унижайнейшей нужде» и т. п. (S. 79, р. пер. 188).* Подчеркнутые нами слова Герца заключают в себе, по обыкновению, *прямую неправду*: именно баденская анкета, на которую он ссылается, документальнейшим образом *доказала «недопотребление» именно мелкого крестьянства.* Извращение дела Герцем тесно связано здесь с тем приемом, который особенно культивировали русские народники, а теперь подхватывают все и всяческие «критики» в аграрном вопросе,—с огульными отзывами о «крестьянстве». А так как на Западе понятие «крестьянства» еще более неопределенно, чем у нас (нет резкого словесного признака), и так как «средние» отзывы и выводы прикрывают сравнительное «благосостояние» (или хотя бы неголодание) меньшинства и обездоливание большинства, то поприще здесь для всяких апологетов открывается необъятное. Баденская же анкета дает как раз возможность различить отдельные группы крестьянства, чего Герц в качестве сторонника «детализации» предпочел не заметить. В 37 типичных общинах были выбраны типичные хозяйства крупных крестьян (*Grossbauer*), средних и мелких, а также поденщиков, всего 70 крестьянских (31 крупное, 21 среднее и 18 мелких) и 17 поденщичьих хозяйств, и эти хозяйства подверглись детальнейшему бюджетному исследованию. Обработать *все* эти данные мы не имели возможно.

сти, но достаточно и нижеприводимых *главных результатов*, чтобы получить весьма определенные выводы.

Приведем сначала данные об общем хозяйственном типе крупных (а), средних (b) и мелких (с) крестьянских хозяйств (из Anlage VI: «Uebersichtliche Darstellung der Ergebnisse der in den Erhebungsgemeinden angestellten Ertragsberechnungen», при чем мы свели данные этой таблицы по отношению к Grossbauer'ам, Mittelbauer'ам и Kleinbauer'ам в отдельности). Размеры землевладения,—средние по группам: (а) 33,34 гектара, (b) 13,5 и (с) 6,96—сравнительно высоки для такой страны мелкого землевладения, как Баден, но если исключить 10 хозяйств в общинах №№ 20, 22 и 30, отличающихся исключительно высокими размерами землевладения (до 43 гектаров у Kleinbauer'a и до 170 у Grossbauer'a!), то получим более нормальные для Бадена цифры: а) 17,8 гектара, b) 10 гектаров и с) 4,25 гектара. Размеры семей: а) 6,4 человек, b) 5,8 и с) 5,9 (эти данные, как и все следующие, если нет оговорок, относятся ко всем 70 хозяйствам). Следовательно, у крупных крестьян семьи значительно выше, но, тем не менее, наемный труд играет у них несравненно большую роль. Вообще к найму прибегают 54 крестьянина из 70, т.-е. более трех четвертей всего числа, именно 29 крупных крестьян (из 31), 15 средних (из 21) и 10 мелких (из 18). Таким образом, из крупных крестьян 93% не обходится без найма рабочих, из мелких—55%. Эти цифры очень поучительны для проверки ходячего (и без критики перенятого «критиками») мнения о несущественном значении наемного труда в современном крестьянском хозяйстве. У крупных крестьян (размер землевладения которых, 18 гект., входит в рубрику 5—20 ha, причисляемую при всяких огульных отзывах к настоящему крестьянскому хозяйству) мы видим чистокапиталистические хозяйства: 24 хозяйства с 71 батраком, почти по три батрака на хозяйство, и 27 хозяев, нанимающих поденщиков в общей сложности на 4.347 дней (по 161 рабочему дню на 1 хозяина). Сопоставьте с этим размеры землевладения у тех крупных крестьян в окрестности Мюнхена, «прогрессом» которых бравый г. Булгаков опровергал «марксистский предрассудок» о принижении крестьян капитализмом!

Для средних крестьян мы имеем: у 8—12 батраков, у 14—956 поденных рабочих дней; для мелких: у 2—2 батрака, у 9—543 поденных рабочих дня. Половина *мелких* крестьян в течение двух месяцев (543 : 9 = 60 дней), т.-е. в самый важный для земледельца период, не обходится без наемного труда (а эти мелкие крестьяне, несмотря на более крупные размеры землевладения, имеют несравненно меньшие размеры

производства, чем те ффридрихсгалыцы, которыми так умилялись г.г. Черновы, Давиды, Герцы).

Результаты хозяйства таковы: у 31 крупного крестьянина 21.329 марок чистой прибыли и 2.113 марок дефицита, т.-е. всего 19.216 марок прибыли, или на одно хозяйство 619,9 марок (а при вычете пяти хозяйств в общинах №№ 20 и 30—523,5 марок), для среднего хозяйства соответствующая сумма будет 243,3 марки (272,2 при вычете трех общин), для мелкого—35,3 марки (37,1 при вычете трех общин). Мелкий крестьянин, следовательно, в буквальном смысле слова *едва-едва сводит концы с концами, и это только благодаря сокращению потребления*. Анкета сообщает («Ergebnisse etc.» в IV томе, Erhebungen, S. 138) данные о количестве потребляемых в каждом хозяйстве важнейших продуктов. Приводим эти данные, вычислив средние для каждой из вышеуказанных групп крестьянства:

Разряды крестьян.	Потребление на 1 человека в один день.				Расход на 1 человека.	
	Хлеба и плодов.	Картофеля.	Мяса.	Молока.	В один день на колоннальные товары, отоплен., освещение т. п.	В год на одежду.
	Фунтов.	Грамм.	Литр.	Пфеннигов.	Марк	
Крупные крестьяне.	1,84	1,82	138	1,05	72	66
Средние »	1,59	1,90	111	0,95	62	17
Мелкие »	1,49	1,94	72	1,11	57	38
Поденщики.	1,69	2 14	56	0,85	51	32

Вот какого рода данных бравый Герц «не заметил»—ни недоедания, ни нужды! Мы видим, что мелкий крестьянин сокращает свое потребление против среднего и крупного на весьма значительную величину, питаясь и одеваясь почти не лучше, чем поденщик. Мяса, например, он потребляет в полтора раза меньше среднего и почти в два раза меньше крупного крестьянина. Эти данные еще и еще раз подтверждают, как негодны огульные отзывы и как фальшивы все вычисления доходности, игнорирующие различия в уровне жизни. Если мы возьмем, например, *только* две последние графы нашей таблицы (чтобы не предпринимать сложных вычислений по переводу продуктов питания на деньги), то увидим, что «чистая прибыль» не только мелкого, но даже и среднего крестьянина есть *чистейшая фикция*, с которой мо-

гут возиться только чистейшие буржуа, вроде Гехта и Кlawki, или чистейшие Ворошиловы, вроде наших критиков. В самом деле, если мы примем, что мелкий крестьянин расходует на денежные продукты столько, сколько средний, то его расход поднимается на *сотню* марок, и мы получим громадный *дефицит*. Если бы средний расходовал столько же, сколько крупный, его расход поднялся бы на 220 марок, и если бы он не «притеснял» себя в пище, то тоже имел бы дефицит *). Разве это ухудшение потребления мелким крестьянином, неразрывно связанное, как это само собою понятно, с ухудшением питания скота и с недостаточным восстановлением (а то и прямым расхищением) производительных сил земли, — не подтверждает всецело тех слов Маркса, по поводу которых с таким высокомерием пожимают плечами современные критики: «Бесконечное раздробление средств производства и одичание самого производства. Безмерное расхищение человеческой силы. Прогрессивное ухудшение условий производства и удорожание средств производства — необходимый закон мелкой земельной собственности» («Das Kapital», III, 2, 342).

По поводу этой же баденской анкеты отметим еще одно извращение г. Булгакова (критики взаимно пополняют друг друга, и если один исказит в известном источнике одну сторону дела, то другой — другую). Г. Булгаков неоднократно цитирует баденскую анкету, — значит *как будто* знаком с ней. И тем не менее он продельывает такую штуку: «Исключительная и роковая будто бы задолженность крестьянина, — так гласит увертюра, II, 271, — составила один из непреложнейших догматов мифологии, создавшейся относительно крестьянского хозяйства в литературе»... «В имеющихся у нас исследованиях отмечается высокая задолженность лишь самого мелкого, еще не окрепнув-

*) Г. Чернов «возражает»: а разве крупный хозяин не притесняет еще более в пище и других расходах своего поденщика? («Русское Богатство», 1900 г., № 8, стр. 212). Возражение это повторяет старый, Кривенковско-Воронцовский ²¹⁾, если можно так выразиться, прием *подсовывания* марксисту либерально-буржуазной аргументации. Возражение имеет смысл по отношению к тому, кто сказал бы, что крупное производство выше не только технически, но и потому, что улучшает (или хотя бы даже делает хорошим вообще) положение работника. Марксисты говорят не то. Они только разоблачают фальшивые приемы *прикрашивания* положения мелкого земледельца посредством ли огульных отзывов о процветании (г. Чернов о Гехте) или посредством вычислений «доходности» с *умолчанием* о сокращении потребления. Буржуазия не может не стремиться к этому *прикрашиванию*, к поддержке иллюзий о возможности для рабочего стать «хозяином», для мелкого «хозяина» получать высокую доходность. Дело социалистов — разоблачение этой лжи и разъяснение мелким крестьянам, что им тоже нет спасения вне присоединения к революционному движению пролетариата.

шего владения (Tagelohnerstellen). Так, общее впечатление относительно данных обширной баденской анкеты (в примечании ссылка на анкету) Шпренгер выражает следующим образом: «...лишь задолженность участков поденщиков и мелко-крестьянских владений в значительном числе исследованных местностей является относительно значительной, но и здесь в большинстве случаев она не достигает возбуждающей опасности высоты...» (272). Странная это вещь! С одной стороны, *ссылка на самую анкету, с другой стороны*, приведение одного только «общего впечатления» какого-то Шпренгера, писавшего об анкете. И как ни грех Шпренгер говорит неправду (по крайней мере, в цитированном г. Булгаковым месте, ибо мы с сочинением Шпренгера не знакомы). Авторы анкеты утверждают, что в большинстве случаев задолженность именно мелко-крестьянского землевладения *достигает* внушающей опасности высоты. Это раз. А второе — они утверждают, что в отношении задолженности положение мелких крестьян хуже не только положения средних и крупных крестьян (что Шпренгер отметил), *но и положения поденщиков*.

Вообще надо заметить, что авторы баденской анкеты устанавливают тот чрезвычайно важный факт, что в крупных хозяйствах *граница допустимой задолженности* (т.-е. допустимой без опасности разорения) *выше, чем в мелком*. После приведенных нами выше статистических данных о результатах хозяйства у крупных, средних и мелких крестьян это обстоятельство не требует особых пояснений. По отношению к крупному хозяйству, а равно и среднему, авторы анкеты считают допустимой и безопасной (unbedenklich) задолженность в 40—70% стоимости земли, — в среднем в 55%. По отношению к мелкому хозяйству (размер которого они определяют в 4—7 га при земледелии, в 2—4 га при виноградарстве и посеве торговых растений) они находят, что «граница задолженности... не должна превышать 30% оценки имения, если предполагать *полное* обеспечение *правильной* уплаты процентов и погашения долга» (S. 66, B. IV). В исследованных общинах (за исключением тех, где действует Anerbenrecht, например, Unadingen'a и Neukirch'a) процентуальная (к оценочной стоимости имения) задолженность правильно понижается от мелких хозяйств к крупным. Например, в общине Dittwar в хозяйствах до $\frac{1}{4}$ гектара процент задолженности = 180,65%; с 1—2 га—73,07%; с 2—5 га—45,73%; с 5—10 га—25,34%; с 10—20 га—3,02% (S. 89—90 *ibid.*). Но одни цифры о высоте задолженности еще не все говорят, и авторы анкеты делают такое заключение:

«Предыдущие цифровые данные подтвердили таким образом очень распространенное мнение, что те владельцы крестьянских имений,

которые стоят на границе (посредине) между поденщиками и средними крестьянами (в деревнях называют обыкновенно относящихся сюда сельских хозяев «средним сословием»—Mittelstand) находятся часто в более тяжелом положении, чем высшие и чем низшие (sic!) по размеру владения группы,—постольку, поскольку они, хорошо справляясь с умеренной задолженностью, при известной и не очень высокой границе задолженности, лишь с трудом могут исполнять свои обязательства, вследствие невозможности иметь *регулярные* сторонние заработки (поденщина и т. п.) и повышать посредством них свой доход... Поденщики, «поскольку они имеют хоть сколько-нибудь регулярные сторонние заработки, находятся часто в существенно лучшем положении, чем принадлежащие к «среднему сословию», ибо, как показал расчет в очень многих случаях, сторонние заработки дают часто такие высокие чистые (т. е. денежные) доходы, чтобы дать возможность погашать даже *высокие* долги (стр. 67 I. с.) *). И, в конце концов, авторы еще раз повторяют, что задолженность мелких крестьянских хозяйств по отношению к допустимой границе задолженности «отчасти небезопасна», и потому «особенно большая хозяйственная осторожность при покупке земли... необходима прежде всего именно *мелко-крестьянскому* и стоящему рядом с ним поденщицкому населению» (98).

Вот он каков буржуазный советчик мелкого крестьянина! С одной стороны, он поддерживает в пролетариях и полупролетариях надежду— «если не в первом, то во втором поколении» купить землицы и получать с нее, при усердии и умеренности, громадный процент «чистой доходности»; с другой стороны, именно бедноте он рекомендует «особенно большую осторожность» при покупке земли, если нет «регулярных заработков», то-есть если у господ капиталистов нет нужды в оседлых рабочих. И находятся «критические» простофили, которые принимают эту корыстную ложь и эти избитые пошлости за приговоры самой что ни на есть новейшей науки!

Приведенные нами детальные данные о крупных, средних и мелких крестьянах могли бы, казалось, даже г. В. Чернову сделать понятным, в чем именно состоит содержание той категории «мелко-буржуазности» в применении к крестьянину, которая внушает ему такой ужас. Капиталистическая эволюция настолько сблизила уже *общий*

* Мелкий крестьянин,—справедливо говорят авторы анкеты,—сравнительно мало продает на наличные деньги, а между тем нужда в деньгах у него особенно велика, и недостаток капитала делает для него всякий падеж, град и т. п. особенно чувствительными.

экономический строй не только западно-европейских государств по сравнению друг с другом, но и России по сравнению с Западом, что *основные черты* экономики крестьянского хозяйства в Германии оказываются те же, что и в России. Только тот процесс разложения крестьянства, который был подробно доказан русской марксистской литературой, в России находится на одной из начальных стадий развития,—там он не отлился еще в более или менее законченные формы, не выделил, например, особый и для всех сразу видный и ясный тип крупных крестьян (Grossbauer'ов), там массовая экспроприация и вымирание громадной части крестьянства слишком еще заслоняют «первые шаги» нашей крестьянской буржуазии. На Западе этот процесс, начавшийся еще до отмены крепостного права (ср. Kautsky, «Agrarfrage», S. 27), привел уже давно, с одной стороны, к уничтожению' условной грани между крестьянским и «частновладельческим» (по-нашему) хозяйством, а с другой стороны, к образованию довольно уже оформившегося класса сельско-хозяйственных наемных рабочих *). Но было бы глубокой ошибкой думать, что этот процесс—раз были выработаны более или менее определенные формы новых типов сельского населения—приостановился. Напротив, процесс этот неуклонно идет вперед, идет, разумеется, то более, то менее быстро в зависимости от массы различных обстоятельств, принимая самые разнообразные формы, смотря по различию агрономических условий и т. д. Пролетаризация крестьянства продолжается,—это мы покажем ниже на массовых данных немецкой и французской статистики, да это ясно видно из приведенных выше данных о мелком крестьянстве. Один уже факт растущего бегства не только сельских рабочих, но и крестьян из деревень в города наглядно свидетельствует о росте пролетаризации. Но бегству крестьянина в город неизбежно предшествует его разорение. А разорению предшествует отчаянная борьба за свою экономическую самостоятельность. И вот эту-то борьбу рельефно показывают данные об употреблении наемного труда, о размерах «чистых доходов», о величине потребления у крестьян различных типов. Главное средство борьбы—«железное прилежание» и бережливость, бережливость: «не так норювим, чтобы в рот, как чтобы в карман». Неизбежный результат борьбы: выделение меньшинства зажиточных, состоятельных хозяев (и большей частью ничтожного меньшинства,—именно во всех случаях, когда нет каких-нибудь особо благоприятных условий вроде

*) «Крестьянство,—пишет г. Булгаков про Францию XIX века,—распалось на две, уже резко различные между собою, части: пролетариат и мелких собственников» (II, 176). Напрасно только воображает автор, что «распадение» на этом закончилось: оно представляет из себя безостановочно идущий процесс.

близости столицы, проведения железной дороги, открытия какой-нибудь новой доходной отрасли торгового земледелия и т. п.)—и все большее нищание большинства, губящего хроническим голоданием и непомерным трудом силы работника, ухудшающего качество и земли, и скота. Неизбежный результат борьбы: образование меньшинства *капиталистических*, основанных на наемном труде, хозяйств и растущая необходимость для большинства искать «сторонних заработков», т.-е. превращаться в промышленных и земледельческих наемных рабочих. Данные о наемном труде яснее ясного показывают внутреннюю, неотвратимую при современном общественном строе, импепитную тенденцию всякого мелкого производителя превратиться в мелкого капиталиста.

Мы вполне понимаем, почему буржуазные экономисты, с одной стороны, и всякого рода оппортунисты, с другой,—чураются и не могут не чураться этой стороны дела. Разложение крестьянства показывает нам *самые глубокие* противоречия капитализма в самом процессе их *возникновения* и дальнейшего роста; полная оценка этих противоречий неизбежно ведет к признанию безысходности и безнадежности положения мелкого крестьянства (безнадежности—вне революционной борьбы пролетариата против всего капиталистического строя). Неудивительно, что именно эти, самые глубокие и самые неразвитые, противоречия замалчиваются: пытаются обойти тот факт непосильного труда и недостаточного потребления мелких крестьян, отрицать который могут только недобросовестные или невежественные люди; оставляют в тени вопрос о наемных рабочих у крестьянской буржуазии, о наемной работе крестьянской бедноты. Например, г. Булгаков представил целый «опыт теории аграрного развития», обойдя красноречивым молчанием *) оба последние вопроса! «Крестьянским хозяйством,—гово-

*) Или не менее красноречивыми увертками, вроде следующей: «... те многочисленные случаи соединения промышленности с земледелием, когда наемные промышленные рабочие обладают клочком земли»... представляют из себя «не более, как деталь (!?) в народно-хозяйственном строе: видеть в этом новое проявление индустриализации земледелия, потери им самостоятельности развития, пока нет (??) никаких оснований,— явление это имеет слишком незначительные размеры (в Германии, например, на долю промышленников приходится всего 4,09% сельско-хозяйственной площади)» (sic!—II, 254—255). Во-первых, ничтожная *доля* земли у сотен тысяч рабочих указывает не на то, что это «явление имеет незначительные размеры», а на принижение и пролетаризацию мелкого земледельца капитализмом. Ведь все земледельцы с количеством земли менее 2 га (хотя число их громадно: 3,2 миллиона из 5,5 м., т.-е. 58,2%, почти *три пятых* всего числа) владеют «всего» 8,6% сельско-хозяйственной площади! Не выведет ли отсюда остроумный г. Булгаков, что все «явление» мелкого землевла-

рит он,—можно считать такое хозяйство, которое вполне или по преимуществу обходится трудом собственной крестьянской семьи; без чужого труда—соседской помощи или кратковременного найма—обходится редкое даже крестьянское хозяйство, но это не изменяет (ну, конечно!) его экономической физиономии» (I, 141). Герц—тот понаивнее, и в самом начале своей книги оговаривается: «Под мелким или крестьянским хозяйством в дальнейшем изложении я буду все время понимать такое хозяйство, в котором работает лишь хозяин, его семья и не более 1—2 рабочих» (S. 6, p. п. 29). Когда дело касается найма «рабочничка», тогда наши Kleinbürger'ы (т.-е. мелкие буржуа) быстро забывают те самые «особенности» земледелия, с которыми они кстати и некстати носятся. В земледелии 1—2 рабочих,—даже если бы они работали только летом,—вовсе не мало. А главное не то, много это или мало, а то, что к найму рабочих прибегают именно наиболее зажиточные, состоятельные хозяева, «прогрессы» и «процветание» которых рыцари мещанства любят выставлять процветанием массы населения. А для придания более благовидного обоснования такой передержке эти рыцари величественно заявляют: «Крестьянин—такой же рабочий человек, как и пролетарий» (Булгаков, II, 288). И автор выражает удовольствие по поводу того, что «рабочие партии все более теряют свойственный им пржде (свойственный прежде!) крестьянофобствующий характер» (289). При этом «прежнем» воззрении, видите ли, «упускалось из виду, что крестьянская собственность не есть орудие эксплуатации, а условие приложения труда». Вот как пишется история! Мы, право, не можем воздержаться, чтобы не сказать: извращайте, господа, да знайте же меру! Ведь, этот самый г. Булгаков написал двухтомное «исследование» в восемьсот страниц, переполненное «цитатами» (точность которых мы не раз уже показывали) из всех и всяческих анкет, описаний, монографий и т. п., по ни разу, *буквально ни единого раза*, он и не попытался даже рассмотреть, в каком отноше-

дения и земледелия есть вообще «деталь» и «имеет слишком незначительные размеры»? Из 5,5 миллионов германских земледельцев—791 тыс., т.-е. 14,2%,—наемные промышленные рабочие, при чем громадное большинство их владеет менее, чем 2 гектарами земли, именно 743 тыс., что составляет 22,9% ко всему числу земледельцев, имеющих менее 2 га. Во-вторых, г. Булгаков опять, по своему обыкновению, *искажил цитируемую им статистику*. По недосмотру, он взял с цитируемой им страницы германской анкеты («Stat. d. D. R.», 112 B., S. 49*) цифру земельной площади у *самостоятельных* промышленников-земледельцев. Несамостоятельные же промышленники-земледельцы (т.-е. промышленные наемные рабочие) имеют *всего* 1,84% сельско-хозяйственной площади. У 791 тыс наемных рабочих—1,84% площади, у 5 тысяч помещиков—24% площади. Не правда ли, какая это незначительная «деталь»?

нии находятся крестьяне, собственность которых есть орудие эксплуатации, к крестьянам, собственность которых есть «просто» условие приложения труда. Ни единого раза он не привел систематических данных (имеющихся, как мы видели, и в цитированных им самим источниках) о том, каков тип хозяйства, уровень жизни и пр. у крестьян, нанимающих рабочих, у крестьян, нанимающих и пенанимающихся, у крестьян, нанимающихся в рабочие. Мало того. Мы видели, как он ссылался в подтверждение «прогресса крестьянского хозяйства» (вообще крестьянского хозяйства!) на такие факты, которые относятся к гроссбуэрам, на такие отзывы, которые констатируют и прогресс одних, и обнищание, пролетаризацию других. Он видит даже вообще «социальное оздоровление» (sic!) в образовании «крепких крестьянских хозяйств» (II, 138; ср. общий вывод на стр. 456), как будто бы крепкое крестьянское хозяйство не было синонимом буржуазного, предпринимательского крестьянского хозяйства! Его единственная попытка выпутаться из этой сети противоречий состоит в следующем, еще более запутанном, рассуждении: «Крестьянство, конечно, не представляет однородной массы; это было показано выше (вероятно, в рассуждении о такой незначительной детали, как промышленная наемная работа земледельцев?); здесь происходит постоянная борьба течений дифференцирующих и нивелирующих; но разве эти различия и даже противоположность отдельных интересов больше, чем между отдельными слоями рабочего класса, между городскими и сельскими рабочими, между обученным и необученным трудом, трэд-юнионистами и стоящими вне профессиональной организации? Ведь только полное игнорирование этих различий в среде рабочего сословия (которые побуждают иных исследователей отличать от четвертого уже пятое сословие) и позволяло противопоставлять мнимо-однородный рабочий класс разнородному крестьянству» (288). Какая замечательная глубина анализа! Различия между профессиями смешать с различиями между классами; различия бытовые смешать с различным положением классов во всем строе общественного производства,—как это наглядно иллюстрирует полную научную беспринципность модной «критики» *) и ее практи-

*) Напомним, что ссылка на мнимую однородность рабочего класса—ходячий довод Эд. Бернштейна и всех его сторонников. А насчет «дифференциации» еще г. Струве в «Критических заметках» глубокомысленно рассуждал: есть дифференциация, есть и нивелировка, для объективного исследователя это — процессы равной важности (как для щедринского объективного историка было все равно—Изяслав Ярослав побил или Ярослав Изяслава). Есть развитие денежного хозяйства, но есть и повороты к натуральному хозяйству. Есть развитие крупного фабричного производства, но есть и развитие капиталистической работы на дому (Булг., II, 88: «Hausindustrie... еще не думает погибать в Гер-

ческую тенденцию стереть самое понятие «класса», устранить самую идею классовой борьбы. Сельский рабочий зарабатывает 50 коп. в день; хозяйственный мужичок, держащий поденщиков,—1 рубль в день; заводский рабочий в столице—2 рубля в день; мелкий хозяин провинциальной мастерской—1½ рубля в день. Всякий сколько-нибудь сознательный рабочий без малейшего труда разберется в том, к каким классам принадлежат представители этих различных «слоев», каким направлением должна отличаться общественная деятельность этих «слоев». А для представителя университетской науки или для современного «критика» это—такая премудрость, которой они никак вместить не в состоянии.

VII.

Общие данные немецкой сельско-хозяйственной статистики за 1882 и 1895 г.г. Вопрос о средних хозяйствах.

Рассмотрев детальные данные о крестьянском хозяйстве,—особенно важные для нас потому, что именно в вопросах крестьянского хозяйства лежит центр тяжести современного аграрного вопроса,—мы перейдем теперь к общим данным немецкой сельско-хозяйственной статистики и проверим связанные с этими данными выводы «критиков». Приводим вкратце главные результаты переписей 1882 и 1895 годов:

Группы хозяйств.	Число хозяйств (тысяч).		Сель.-хоз. площадь (тысяч га).		Относительные числа.				Абсолютные увеличения или уменьшения числа.	
					Хозяйств.		Площади.			
	1882	1895	1882	1895	1882	1895	1882	1895	Хоз	Площ.
До 2 га.	3.062	3.236	1.826	1.808	58,0	58,2	5,7	5,6	+174	— 18
2— 5 »	981	1.016	3.190	3.286	18,6	18,3	10,0	10,1	+ 35	+ 96
5— 20 »	927	999	9.158	9.722	17,6	18,0	28,7	29,9	+ 72	+564
20—100 »	281	282	9.908	9.870	5,3	5,1	31,1	30,3	+ 1	— 38
100 и более.	25	25	8.787	7.832	0,5	0,4	24,5	24,1	+ 0	+ 45
Всего.	5.276	5.558	31.869	32.518	100	100	100	100	+282	+649

мании). «Объективный» ученый должен старательно собирать фактики, отмечать «с одной стороны» и «с другой стороны», «переходить (подобно гетевскому Вагнеру) от книги к книге, от листа к листу», отнюдь не посягая на то, чтобы составить себе последовательные взгляды, выработать общее представление о всем процессе в его целом.

Три обстоятельства должны быть разобраны в связи с этой картиной изменений, различно толкуемой марксистами и «критиками»: рост числа самых мелких хозяйств, рост латифундий, т.-е. хозяйств, имеющих 1.000 и более гектаров и слитых в нашей краткой табличке со всеми хозяйствами, имеющими выше 100 гект., и, наконец, вызывающий всего более споров и всего более бросающийся в глаза факт роста средне-крестьянских (5—20 га) хозяйств.

Рост числа самых мелких хозяйств указывает на громадный рост пицеты и пролетаризации, ибо подавляющее большинство владельцев менее, чем 2-х гектаров, не может просуществовать одним земледелием и живет заработками, т.-е. работой по найму. Исключения есть, конечно; при специальных культурах, виноградарстве, огородном хозяйстве, посеве торгово-промышленных растений, подгородном хозяйстве вообще и т. п. возможен самостоятельный (иногда даже не мелкий) земледелец и при 1½ гектарах. Но в общей сумме 3-х миллионов хозяйств — это исключения совершенно незначительные. Что масса этих мелких «земледельцев» (составляющих почти $\frac{3}{5}$ всего числа хозяев) — *наемные рабочие*, это наглядно показывают данные германской статистики о главных профессиях земледельцев разных групп. Вот эти данные в сокращенном виде:

Группы земледельцев.	Сельские хозяева по своему <i>главному</i> занятию (в %).				Всего.	Из самостоятельных сельских хозяев имеют под- собное занятие (%).
	Самостоятельное.		Несамостоя- тельный труд.	Прочие занятия.		
	Земледе- лие.	Торго- вля и пр.				
До 2 га .	17,4	22,5	50,3	9,8	100	26,1
2— 5 га . .	72,2	16,3	8,6	2,9	100	25,5
5— 20 » . .	90,8	7,0	1,1	1,1	100	15,5
20—100 » . .	96,2	2,5	0,2	1,1	100	8,8
100 и более . .	93,9	1,5	0,4	4,2	100	23,5
Всего . .	45,0	17,5	31,1	6,4	100	20,1

Мы видим отсюда, что из всего числа германских земледельцев только 45%, т.-е. *меньше половины*, представляют из себя самостоятельных земледельцев и по своему *главному* занятию. Да и из этих самостоя-

тельных земледельцев *пятая часть* (20,1⁰/₀) имеет еще подсобные занятия. 17,5⁰/₀ земледельцев по своему главному занятию — торговцы, промышленники, огородники и пр. («самостоятельные», т.-е. занимающие положение хозяина, а не рабочего в соответствующем промысле). *Почти треть* (31,3⁰/₀) — наемные рабочие («несамостоятельные» во всяких отраслях земледелия и промышленности). 6,4⁰/₀ земледельцев заняты главным образом службой (военные, чиновники и пр.), свободными профессиями и т. д. Из числа же земледельцев, имеющих до 2 га, *половина* — наемные рабочие; «самостоятельных» земледельцев среди этих 3,2 миллиона «хозяев» — небольшое меньшинство, *всего* 17,4⁰/₀ всего числа. Да и из этих 17-ти процентов *четвертая часть* (26,1⁰/₀) имеет *подсобные* занятия, т.-е. является наемными же рабочими по своему главному (как вышеуказанные 50,3⁰/₀), а подсобному занятию. Даже из числа земледельцев с 2—5 га только немногим больше половины (546 тыс. из 1.016 тыс.) представляют из себя самостоятельных земледельцев без всякого подсобного занятия.

Отсюда видно, до какой степени поразительно неверно изображает дело г. Булгаков, когда он, утверждая (и притом, как было уже показано, ошибочно) увеличение общей суммы лиц, действительно занятых земледелием, объясняет это «ростом самостоятельных хозяйств, — как мы уже знаем, прежде всего средне-крестьянских за счет крупных» (II, 133). Если доля числа средне-крестьянских хозяйств в общем числе хозяйств увеличилась всего более (с 17,6⁰/₀ до 18⁰/₀, т.-е. +0,4⁰/₀), то это еще несколько не значит, чтобы рост сельского населения объяснялся прежде всего ростом средне-крестьянских хозяйств. Для ответа на вопрос о том, какие разряды внесли наибольшую прибавку в общую прибавку числа хозяев, мы имеем прямые и недопускающие двух толкований данные: все число хозяйств увеличилось на 282 тысячи, в том числе число хозяйств, имеющих до 2 га, увеличилось на 174 тысячи. Следовательно, рост сельского населения (если он наблюдается и поскольку он наблюдается) объясняется ростом именно *несамостоятельных* хозяйств (ибо хозяйства с землей до 2 га в массе своей не самостоятельны). Увеличение падает больше всего на *парцелльные* хозяйства, рост которых означает рост *пролетаризации*. Даже увеличение (на 35 тысяч) числа хозяйств — с 2—5 га — мы не имеем права всецело поставить в счет росту *самостоятельных* хозяйств, ибо и из этих хозяев только 546 тыс. из 1.016 тыс. — самостоятельные земледельцы без подсобного заработка.

Переходя к вопросу о крупных хозяйствах, мы должны отметить прежде всего следующий характерный (и очень важный для опровержения всякой апологетики) факт: соединение земледелия с другими

занятиями имеет различное и противоположное значение в разных группах земледельцев. Для мелких оно означает пролетаризацию, уменьшение самостоятельности земледельца, ибо здесь соединяются с земледелием такие занятия, как наемная работа, мелкое ремесло и торговля и т. п. Для крупных оно означает либо усиление политического значения крупного землевладения посредством государственной, военной службы и т. п., либо соединение с земледелием лесного хозяйства и сельско-хозяйственных технических производств. А это последнее явление, как известно,—один из характернейших признаков *капиталистического* прогресса земледелия. Вот почему мы видим, что процент тех земледельцев, которые считают «самостоятельное» сельское хозяйство своим главным занятием (т.-е. ведут его в качестве хозяина, а не рабочего), быстро повышается с увеличением площади хозяйства (17—72—90—96%), но падает до 93% в группе хозяйств с 100 и более гектаров: в этой группе 4,2% хозяев считают своим главным занятием службу (разряд «прочих занятий»), 0,4% хозяев считают своим главным занятием «несамостоятельный» труд (это не наемные рабочие, а управляющие, инспектора и т. п.; ср. «Stat. d. D. R.», 112 B., S. 49*). Точно так же мы видим, что процент тех самостоятельных земледельцев, которые имеют еще сторонние занятия, быстро понижается с увеличением площади хозяйства (26—25—15—9%), но сильно возрастает у хозяев с 100 и более га (23%).

Что касается числа крупных хозяйств (100 и > га) и их площади, то вышеприведенные данные показывают *уменьшение* их доли как в общем числе хозяйств, так и в общей площади. Спрашивается, можно ли отсюда заключать о вытеснении крупного хозяйства мелким и среднекрестьянским, как это торопится делать г. Булгаков? Мы думаем, что нет, и что г. Булгаков своими сердитыми выходками против Каутского по этому пункту доказал только свою неспособность опровергнуть мнение Каутского по существу. Во-первых, уменьшение доли крупных хозяйств весьма незначительно*) (по числу хозяйств с 0,47% до 0,45, т.-е. на две сотых процента, а по доле площади с 24,43% до 24,088%, т.-е. на 35 сотых процента). Что при интенсификации хозяйства иногда *приходится* несколько уменьшать площадь, что крупные хозяева сдают по мелочам отдаленную от центра имения землю, чтобы приобрести себе рабочих,— это явление общеизвестное. Мы показали выше, как автор детального описания крупных и мелких хозяйств на востоке Пруссии прямо признает служебную роль мелкого землевладения по отношению к крупному и усердно советует со-

*) В первом изд.—«мало». Ред.

здание оседлых рабочих. Во-вторых, о вытеснении крупных хозяйств мелкими не может быть речи уже потому, что одни данные о *площади* хозяйства недостаточны еще для суждения о *размерах производства*. А что в этом отношении крупные хозяйства сделали очень большой шаг вперед, это неопровержимо доказывают данные об употреблении машин (см. выше) и о сельско-хозяйственных технических производствах (эти данные мы разберем особо ниже, ввиду поразительно неверного толкования г. Булгаковым соответствующих данных германской статистики). В-третьих, в группе хозяйств с 100 и более *ha* особенно выделяются *латифундии*, хозяйства с 1000 и $>$ *ha*, число которых возросло даже на больший процент, чем число средне-крестьянских хозяйств, именно с 515 до 572, т.-е. на 11⁰/₁₀₀ при увеличении числа средне-крестьянских хозяйств с 926 тыс. до 998 тыс., т.-е. на 7,8⁰/₁₀₀. Площадь латифунций *возросла* с 708 тыс. *ha* до 802 тыс., т.-е. на 94 *ha*: в 1882 г. она составляла 2,22⁰/₁₀₀ всей с.-х. площади, в 1895 г. уже 2,46. Свои неосновательные возражения Каутскому по этому пункту в «Начале» г. Булгаков дополняет теперь в своей книге следующим, еще более неосновательным, обобщением: «Признаком, — пишет он, — свидетельствующим об упадке крупных хозяйств, является... увеличение латифундий, хотя прогресс сельского хозяйства, рост его интенсивности должен сопровождаться раздроблением» (II, 126) и г. Булгаков, ничтоже сумняшеся, толкует уже прямо о «латифундиарном II вырождении» крупного хозяйства (II, 190, 363). Видите, как замечательно логично рассуждает наш «ученый»: *так как* уменьшение площади хозяйства означает *иногда*, при интенсификации, рост производства, *поэтому* увеличение числа и площади латифундий должно *вообще* означать упадок! Но если так плоха логика, отчего бы не обратиться за помощью к статистике? Ведь мы имеем в том источнике, из которого черпает г. Булгаков, целый ряд данных о хозяйстве этих латифундий. Приведем некоторые из этих данных: 572 крупнейших хозяйства имели в 1895 г. площадь 1.159.674 гектара, в том числе 802 тыс. сельско-хозяйственной, 298 тыс. лесной (часть этих владельцев латифундий главным образом лесопромышленники, а не сельские хозяева). Скот держит вообще 97,9⁰/₁₀₀ из них; рабочий скот—97,7⁰/₁₀₀; машины употребляют 555 хозяев и на одно хозяйство приходится, как мы видели, *максимальное число* случаев употребления разных машин; паровой плуг употребляло 81 хозяйство, т.-е. 14⁰/₁₀₀ всех латифундий. Скота у них—рогатого 148.678 голов, лошадей—55.591, овец—703.813, свиней—53.543. Соединены из этих хозяйств с сахароваренными заводами 16, с винокуренными—228, пивоваренными—6, крахмальными—16, мельницами—64.

Об интенсификации можно судить по тому, что 211 выделяют свеклу (под пей 26 тыс. га) и 302—картофель для технической переработки. 21 сбывают молоко в городах (от 1.882 коров, т.-е. по 87 коров на 1 хозяйство) и 204 участвуют в молочных товариществах (с 18.273 коровами—по 89 на хозяйство). Не правда ли, как это похоже на «латифундиарное вырождение»?

Переходим к вопросу о средне-крестьянских хозяйствах (5—20 га). Их доля в общем числе хозяйств увеличилась с 17,6% до 18,0% (+ 0,4%), а в общей площади с 28,7% до 29,9% (+ 1,2%). И эти-то данные, вполне естественно, считают своим главным козырем все и всякие «истребители марксизма». Г. Булгаков выводит отсюда и «вытеснение крупного хозяйства мелким», и «тенденцию к децентрализации», и пр., и пр. Мы показали выше, что именно по отношению «к крестьянству» огульные данные особенно непригодны, особенно способны вводить в заблуждение: именно здесь процессы образования мелких предпринимательских хозяйств и «прогрессы» крестьянской буржуазии всего более способны прикрыть пролетаризацию и обнищание большинства. И если мы вообще по отношению ко всему сельскому хозяйству Германии наблюдаем, с одной стороны, несомненное развитие крупного капиталистического хозяйства (рост латифундий, развитие употребления машин и с.-х. технических производств), а с другой стороны, еще более несомненное усиление пролетаризации и обнищания (бегство в города, усиление дробления земли, рост числа parcelльных хозяйств, рост подсобной наемной работы, ухудшение питания мелких крестьян и пр.),—то было бы прямо невероятно и невозможно, чтобы те же процессы не имели места среди «крестьянства». Да и детальные данные указывают на эти процессы с полной определенностью, подтверждая ту мысль, что одной статистики площадей в данном случае совершенно недостаточно. Поэтому Каутский был вполне прав, когда на основании общей картины капиталистического развития германского сельского хозяйства заключил, что выводить из этих данных победу мелкого производства над крупным неосновательно

Имеются, однако, и прямые и притом массовые данные, доказывающие, что рост «средне-крестьянских хозяйств» означает *рост нищеты*, а не рост довольства и благосостояния. Это—те самые данные о рабочем скоте, к которым г. Булгаков так неудачно подошел и в «Начале», и в своей книге. «Если бы надо было это еще доказывать,—писал г. Булгаков про свое утверждение о прогрессе среднего и упадке крупного хозяйства,—то к признаку количества рабочей силы можно

добавить еще признак наличия рабочего скота. Вот красноречивая таблица *)).

	Число предприятий, которые имели скот для полевых работ.		Разница.
	1882	1895	
0— 2 ha	325.005	306.340	— 18.665
2— 5 »	733.967	725.584	— 8.383
5— 20 »	894.696	925.103	+ 30.407
20—100 »	279.284	275.220	— 4.064
100 и более	24.845	24.485	— 360
Итого	2.257.797	2.256.732	— 1.065

«Количество хозяйств, имеющих рабочий скот, одинаково уменьшилось и в крупном, и в мелком хозяйстве и увеличилось только в среднем» (журнал «Начало», № 1, стр. 20).

Было бы еще простительно, если бы г. Булгаков в бегло написанной журнальной статье просмотрел ту ошибку, которая побудила его вывести из данных о рабочем скоте *как раз обратное* тому, что эти данные говорят,—по наш «строгий ученый» и в «исследовании» своем повторяет ту же ошибку (т. II, стр. 127, где, кроме того, цифры + 30.407 и — 360 отнесены к числу штук скота, тогда как они относятся к числу хозяйств, употреблявших рабочий скот; но это конечно, мелочь).

Мы спросим нашего «строгого ученого», который так храбро говорит о «прогессе крупного хозяйства» (II, 127): какое значение имеет увеличение числа средне-крестьянских, держащих рабочий скот, хозяйств на 30 тысяч, когда *все число* средне-крестьянских хозяйств увеличилось на 72 тысячи (II, 124)? Не ясно ли отсюда, что *процент* средне-крестьянских хозяйств, имеющих рабочий скот, *понижился*? А раз это так, то не следовало ли взглянуть, *какой процент* хозяйств разных групп держал рабочий скот в 1882 и 1895 г.г.,—тем более, что данные эти приведены на той же самой странице и в той же самой таблице, из которой брал г. Булгаков абсолютные цифры («Stat. d. D. R.», 112 B., S. 31*).

*) Мы воспроизводим целиком приводимую г. Булгаковым таблицу, добавив только отсутствующие у него итоговые цифры.

Вот эти данные:

	Процент хозяйств, имеющих рабочий скот.		
	1882	1895	Разница.
0— 2 ha	10,61	9,46	— 1,15
2— 5 »	74,79	71,39	— 3,40
5— 20 »	96,56	92,62	— 3,64
20—100 »	99,21	97,68	— 1,53
100— и более	99,42	97,70	— 1,72
Всего	42,79	40,60	— 2,19

Итак, процент хозяйств с рабочим скотом *вообще* понизился на два слишком процента, при чем *выше среднего* это понижение в мелко-крестьянских и средне-крестьянских хозяйствах, *ниже среднего* — в крупных хозяйствах *). Кроме того, не надо забывать, что «именно в крупных хозяйствах часто вместо животной силы употребляется механическая в виде всякого рода машин вообще и паровых в частности (паровые плуги и пр.)» («Stat. d. D. R.», 112 B., S. 32 *). Поэтому, если среди крупных хозяйств (100 и более ha) число хозяйств с рабочим скотом уменьшилось на 360, а в то же время число хозяйств, употреблявших паровые плуги, *возросло на 615* (710 в 1882 г. и 1.825 в 1895 г.), то ясно, что в общем и целом крупные хозяйства не только не проиграли, а даже выиграли. Следовательно, мы получаем тот вывод, что единственная группа германских земледельцев, несомненно *улучшившая* условия хозяйства (в отношении употребления скота для полевых работ или замены скота паром), это—*крупные* хозяева, с 100 и > ha. Во всех остальных группах условия хозяйства

*) Всего меньше понижение в самых мелких хозяйствах, из которых сравнительно ничтожная доля держит рабочий скот: мы увидим дальше, что именно в этих хозяйствах (и *только* в них) улучшился и состав рабочего скота, т.-е. стали держать сравнительно больше лошадей и волов, сравнительно меньше коров. Это ясно указывает, как и заметили справедливо авторы немецкой анкеты (S. 32*), что хозяева самых мелких участков держат рабочий скот не для земледелия только, а и для «сторонних работ по найму». Поэтому по вопросу о рабочем скоте было бы вообще неправильно принимать в расчет *карцелльные* хозяйства, поставленные в совершенно исключительные условия.

ухудшились, и всего более ухудшились они именно в группе средне-крестьянских хозяйств, где понижение процента хозяйств с рабочим скотом *наивысшее*. Разница между крупными (100 и > ha) и средними (5—20 ha) хозяйствами по высоте процента хозяйств с рабочим скотом прежде была менее трех процентов (99,42—96,56), а теперь стала более пяти процентов (97,70—92,62).

Этот вывод еще очень значительно усиливается данными о составе рабочего скота. Чем мельче хозяйство, тем хуже состав рабочего скота: тем меньше сравнительно употребляется для полевых работ волов и лошадей и тем больше употребляется гораздо более слабых коров. Вот данные о том, как обстояло дело в рассматриваемом отношении в 1882 и 1895 годах:

На сто хозяйств, имевших скот для полевых работ, употребляли.

	Только коров.			Коров, а также лошадей или волов.		
	1882	1895		1882	1895	
0— 2 ha	83,74	82,10	— 1,64	85,21	83,95	— 1,26
2— 5 »	68,29	69,42	+ 1,13	72,95	74,93	+ 1,98
5— 20 »	18,49	20,30	+ 1,81	29,71	34,75	+ 5,04
20—100 »	0,25	0,28	+ 0,03	3,42	6,02	+ 2,60
100 и более »	0 00	0 03	+ 0,03	0,25	1,40	+ 1 15
Всего	41,61	41,82	+ 0,21	48,18	50,48	+ 2,30

Мы видим общее ухудшение состава рабочего скота (парцелльные хозяйства, по указанной уже причине, в счет не идут) и *наибольшее* ухудшение именно в группе средне-крестьянских хозяйств. В этой группе из числа имеющих рабочий скот хозяйств *всего больше* увеличился процент таких, которые вынуждены употреблять для полевых работ и коров,— а также таких, которые могут употреблять для полевых работ *только коров*. В настоящее время уже более трети имеющих рабочий скот средне-крестьянских хозяйств вынуждены употреблять для полевых работ коров (что ведет, конечно, и к ухудшению пахоты а следовательно, к уменьшению урожаев и к уменьшению удоиливости коров),— и уже более пятой части могут употреблять для полевых работ только коров.

Если мы возьмем количество употреблявшегося для полевых работ скота, то увидим во всех группах (за исключением parcelльных хозяйств) увеличение числа коров. Число же лошадей и волов изменилось так:

Количество (в тысячах) употреблявшихся для полевых работ лошадей и волов.

	1882	1895	Разница.
0— 2 ha	62,9	69,4	+ 6,5
2— 5 »	308,3	302,3	— 6,0
5— 20 »	1.437,4	1.430,5	— 6,9
20—100 »	1.168,5	1.155,4	— 13,1
100 и более »	650,5	695,2	+ 44,7
В с е г о . . .	3.627,6	3.652,8	+ 25,2

За исключением parcelльных хозяйств, увеличение собственно рабочего скота наблюдается *только* у крупных хозяев

Общий вывод, следовательно, об изменении условий хозяйства по отношению к животной и механической силе для полевых работ такой: *улучшение* только у крупных хозяев, ухудшение у остальных и *наибольшее* ухудшение в *средне-крестьянских хозяйствах*.

Данные за 1895 г. позволяют нам; далее, разделить всю группу средне-крестьянских хозяйств на две подгруппы: с 5—10 ha и с 10—20 ha. Как и следовало ожидать, в первой (гораздо более многочисленной по числу хозяйств) подгруппе условия хозяйства по отношению к употреблению рабочего скота несравненно хуже. Из 606 тыс. владельцев 5—10 ha имеют рабочий скот 90,5% (из 393 тыс. с 10—20 ha—95,8%), а из этих последних употребляют для полевых работ коров—46,3% (17,9% в гр. с 10—20 ha); употребляют только коров 41,3% (4,2% в гр. с 10—20 ha). И вот оказывается, что именно эта группа с 5—10 ha, особенно плохо обставленная по отношению к употреблению рабочего скота, и *увеличилась* всего более как по числу хозяйств, так и по площади с 1882 г. по 1895 год. Вот соответствующие данные (см. след. стр.):

В группе с 10—20 ha увеличение числа хозяйств совершенно ничтожно: доля всей площади даже уменьшилась, а доля сельскохозяйственной площади увеличилась гораздо меньше, чем у хозяйств

Процентное отношение ко всему количеству.

	Хозяйств.			Всей площади.			С.-х. площади.		
	1882	1895		1882	1895		1882	1895	
5—10 га . . .	10,50	10,90	+0,40	11,90	12,37	+0,47	12,26	13,02	+0,76
10—20 » . . .	7,06	7,07	+0,01	16,70	16,59	-0,11	16,48	16,88	+0,40

с 5—10 га. Следовательно, рост средне-крестьянских хозяйств падает главным образом (отчасти даже исключительно) на группу с 5—10 га, т.-е. на ту группу, в которой условия хозяйства по отношению к употреблению рабочего скота особенно плохи.

Мы видим таким образом, что статистика неопровержимо устанавливает истинное значение пресловутого роста средних крестьянских хозяйств: это не рост довольства, а *рост нужды*, не прогресс мелкого земледелия, а *его принижение*. Если средне-крестьянские хозяйства *всего более* ухудшили условия своего хозяйства, всего более должны были расширить употребление коров для полевых работ, то мы по одной этой стороне хозяйства (и одной из самых важных сторон хозяйства вообще) не только вправе, но и обязаны сделать вывод о всех остальных сторонах хозяйства. Если увеличилось число безлошадных (употребляя знакомый русскому читателю и вполне применимый к данному случаю термин), если ухудшился состав рабочего скота; то не может подлежать никакому сомнению, что ухудшилось и содержание скота вообще, ухудшилось обращение с землей, ухудшилось питание и обстановка жизни земледельца, ибо в крестьянском хозяйстве, как всем и каждому известно, чем хуже содержится и чем тяжелее работает скот, тем хуже живет и тяжелее работает также и человек, и обратно. Выводы, сделанные нами выше из детального исследования Кlawki, вполне подтверждаются массовыми данными о всех мелких крестьянских хозяйствах Германии.

IX.

Молочное хозяйство и сельско-хозяйственные товарищества в Германии. Сельское население Германии по положению в хозяйстве.

Мы остановились так подробно на данных о рабочем скоте, потому что это—единственные данные (кроме разобранных нами выше о машинах), которые позволяют заглянуть, так сказать, во внутрь хозяйства, в его оборудование, его постановку. Все остальные данные — о количестве земли (которые мы уже приводили), о количестве скота (которые мы сейчас приведем)—описывают хозяйство только внешним образом, приравнивая то, что заведомо неравно, ибо обращение с землей, а следовательно, и урожайность ее, качество скота и производительность его различны в различных хозяйствах. Как ни общеизвестен факт этой разницы, в общих статистических выкладках о ней обыкновенно забывают, и только данные о машинах и о рабочем скоте дают хоть некоторую возможность учесть эту разницу, показывают, в чью пользу (в общем и целом) эта разница. Если крупные хозяйства больше употребляют тех особенно сложных и дорогих машин, которые одни только учитываются статистикой, то ясно, что и все остальные орудия, о которых статистика умалчивает (плуги, бороны, телеги и пр.), в крупных хозяйствах лучшего качества, полнее в каждом отдельном хозяйстве представлены и полнее (вследствие большого размера хозяйства) утилизируются. То же относится и к живому инвентарю. Мелкому хозяину неизбежно приходится противопоставлять этим преимуществам прилежание и экономию (других орудий в борьбе за существование у него нет), и потому эти качества не случайно, а всегда и неизбежно отличают мелкого крестьянина в капиталистическом обществе. Буржуазный экономист (и современный «критик», который и в этом вопросе, как и во всех остальных, волочится у него в хвосте) называет это добродетелью бережливости, выдержки и проч. (ср. Гехт и Булгаков) и ставит в заслугу крестьянину. Социалист называет это чрезмерным трудом (Ueberarbeit) и недостаточным потреблением (Unterkonsumption) и ставит это в вину капитализму, стараясь раскрыть глаза крестьянину па всю лживость маниловских речей, возводящих в добродетель социальное принижение и тем самым старающихся увековечить это принижение.

Перейдем к данным о распределении скота между разными группами германских земледельцев в 1882 и 1895 г.г. Вот главные результаты этих данных:

	Относительные числа.								
	Всего скота (по стоимости).			Рогатого скота.			Свиной.		
	1882	1895	+ —	1882	1895	+ —	1882	1895	+ —
0— 2 ha . .	9,3	9,4	+ 0,1	10,5	8,3	— 2,2	24,7	25,6	+ 0,9
2— 5 » . .	13,1	13,5	+ 0,4	16,9	16,4	+ 0,5	17,6	17,2	— 0,4
5— 20 » . .	33,3	34,2	+ 0,9	35,7	36,5	+ 0,8	31,4	31,1	— 0,3
20—100 » . .	29,5	28,8	— 0,7	27,0	27,3	+ 0,3	20,6	19,6	— 1,0
100 и более » . .	14,8	14,1	— 0,7	9,9	11,5	+ 1,6	5,7	6,5	+ 0,8
Всего . .	100	100	—	100	100	—	100	100	—

Таким образом доля крупного хозяйства в общем количестве скота уменьшилась, для средне-крестьянских хозяйств возросла всего больше. Мы говорим о количестве всего скота, хотя данные относятся к стоимости, по той причине, что предположение статистиков о равной стоимости каждой штуки скота в разных группах заведомо неверно. Данные о стоимости, давая возможность складывать разные виды скота (результатов этого можно бы достигнуть и переводом скота на крупный, но это потребовало бы от нас новой счетной работы, выводов же сколько-нибудь существенно изменить не могло бы), показывают именно распределение всего живого инвентаря по количеству, а не по действительной стоимости. Так как скот у крупных хозяев лучше, чем у мелких, и, вероятно, улучшается больше, чем у них (судя по улучшению мертвого инвентаря), то эти данные в весьма значительной степени преуменьшают действительное превосходство крупного хозяйства.

Что касается отдельных видов скота, то надо заметить, что уменьшение доли крупного хозяйства всецело зависит от упадка торгового овцеводства: число овец уменьшилось с 1882 по 1895 год с 21,1 миллиона до 12,6 миллионов, т.е. на 8,5 миллионов, при чем из всей суммы этой убыли 7 миллионов падает на хозяйство с 20 и более ha. К развивающимся отраслям торгового скотоводства в Германии принадлежит, как известно, в особенности молочное и мясное скотовод-

ство. Мы взяли поэтому данные о рогатом скоте и свиньях, при чем оказалось, что крупное хозяйство (100 и $>$ ha) в обеих этих отраслях скотоводства сделало наибольший шаг вперед: увеличение его доли в общем количестве рогатого скота и свиней наибольшее. Этот факт тем более обращает на себя внимание, что размер скотоводческих хозяйств обыкновенно бывает ниже размера хозяйств земледельческих, и поэтому можно было бы ожидать более быстрого развития не крупных капиталистических, а средних капиталистических хозяйств. Общий вывод (по отношению к количеству, но не качеству скота) должен быть такой: крупные хозяева потеряли всех больше от сильного упадка торгового овцеводства, и этот минус они не уничтожили, а только ослабили более значительным (по сравнению с мелкими и средними хозяйствами) увеличением разведения рогатого скота и свиней.

Говоря о молочном скотоводстве, мы не можем пройти мимо чрезвычайно поучительных и неиспользованных, насколько нам известно, данных по этому вопросу, имеющих в германской статистике. Но это относится уже к общему вопросу о соединении с земледелием технических производств, и нам надо остановиться на этом вопросе ввиду нового поразительного извращения фактов г. Булгаковым. Как известно, соединение с земледелием технической переработки продуктов сельского хозяйства представляет из себя один из наиболее рельефных признаков специфически-капиталистического прогресса в земледелии. Г. Булгаков еще в «Начале» заявлял: «На мой взгляд, значение этого соединения раздуто Каутским до последней степени: если взять данные статистики, то количество земли, связанной таким образом с промышленностью, совершенно ничтожно» (№ 3, стр. 32). Довод очень слабый, ибо технической прогрессивности этого соединения г. Булгаков отрицать не решается, а самый главный вопрос — крупное или мелкое производство есть носитель этого прогресса — он просто обходит. А так как статистика дает совершенно точный ответ на этот вопрос, то г. Булгаков в книге своей пускается... *sit venia verbo!*.. на хитрости. Он приводит процент хозяйств (всех вообще, а не по группам!), соединенных с теми или другими техническими производствами, и замечает: «Не нужно думать, что они соединены главным образом с крупными хозяйствами» (II, 116). Как раз наоборот, почтеннейший г. профессор: именно это и нужно думать, и ваша табличка (не дающая процента соединенных с техническими производствами хозяйств ко всему числу хозяйств данной группы) только отводит глаза несведущему или невнимательному читателю. Приводим (чтобы не пестрить страниц цифрами) вместе число хозяйств,

соединенных с сахароваренными, винокуренными, крахмальными, пивоваренными заводами и мельницами (сумма дает, следовательно, число случаев соединения земледельческих хозяйств с техническими производствами), и получаем такую картину:

	Все число хозяйств.	Число случаев соединения с технич. произв.	
			%
0— 2 га	3.236.367	11.364	0,01
2— 5 »	1.016.318	13.542	1,09
5— 20 »	998.804	25.879	2,30
20—100 »	281.767	8.273	2,52
100 и более	25.067	4.006	15,72
Всего	5.558.323	63.064	1,14
Хозяйства с 1.000 и б. га	572	330	57,69

Таким образом процент соединенных с техническими производствами хозяйств ничтожен в мелком хозяйстве и достигает заметной величины только в крупном (и громадной величины в латифундиях, из которых *больше половины* пользуются выгодами этого соединения). Если мы сопоставим с этим фактом приведенные выше данные о машинах и рабочем скоте, то читатель поймет всю претенциозную вздорность изречений г. Булгакова об «иллюзии консервативных» марксистов, «что крупное хозяйство является носителем хозяйственного прогресса, а мелкое — регресса» (II, 260).

«Подавляющее количество (сахарной свеклы и картофеля для винокурения) производилось,—продолжает г. Булгаков,—в мелких хозяйствах».

Как раз наоборот,—*именно в крупных* (см. табл. па стр. 132).

То-есть, опять-таки, процент хозяйств, сеющих свеклу и картофель для технической переработки, совершенно ничтожен в мелких хозяйствах, значителен в крупных и очень высок в латифундиях. Подавляющее количество свеклы—83,7%, судя по площади под свеклой, производится в крупных хозяйствах *).

*) Решительная... неудача утверждений г. Булгакова насчет технических производств так странна, что у нас невольно является вопрос: не зависит ли

	Число хоз. сеящ. сах. свеклу.	% ко всему числу хоз. зяйств.	Площ. под свеклой в гектар.	%	Число хоз. сеяв. карт. для техн. перераб.	% ко всему числу хоз. зяйств.
0— 2 ha . . .	10.781	0,33	3.781	1,0	565	0,01
2— 5 » . . .	21.413	2,10	12.693	3,2	947	0,09
5— 20 » . . .	47.145	4,79	48.213	12,1	3.023	0,30
20—100 » . . .	26.643	9,45	97.782	24,7	4.293	1,52
100 и бол. » . . .	7.262	28,98	233.820	59,0	5.195	20,72
Всего . . .	113.244	2,03	396.289	100	14.023	0,25
Хоз. с 1.000 и б. ha	211	36,71	26.127	—	302	52,79

Точно так же совершенно не выяснил себе г. Булгаков и «долю крупного хозяйства» в молочном хозяйстве (II, 117), а эта отрасль торгового скотоводства принадлежит к особенно быстро развивающимся во всей Европе и является равным образом одним из признаков сельско-хозяйственного прогресса. Вот данные о хозяйствах, продающих молоко и молочные продукты в городах (см. табл. на стр. 133).

Таким образом крупные хозяйства и здесь стоят впереди: процент участвующих в молочной торговле сельских хозяев тем выше, чем крупнее хозяйство, и в латифундиях он выше всего («латифундиарное вырождение»).

Например, по сравнению с средне-крестьянскими (5—20 ha) хозяйствами крупные (100 и > ha) более, чем в два раза, чаще (3,4% и 1,5%) сбывают молоко в города.

Что крупные (по площади земли) хозяйства ведут также крупное молочное хозяйство, это видно из данных о числе коров на 1 хозяина, достигающем 36 у хозяев с 100 и > ha и даже 87 в латифун-

эта неудача от того, что г. Булгаков выписал приведенные в немецкой анкете таблички, *не заметив*, что в этих табличках дается процентное отношение числа соединенных с технич. производствами хозяйств *вовсе не ко всему числу хозяйств данной группы?* С одной стороны, трудно допустить в «исследовании» строгого ученого такой ряд оплошностей (с рядом горделивых выводов). С другой стороны, тождественность табличек г. Булгакова с табличками анкеты (S. 40* и 41*) — несомненна... Ох, эти «строгие ученые»!

	Число таких хозяйств	% к итогу*)	% ко всему числу хоз. в гр.	Число коров у них.	% к итогу.	На 1 хоз. коров.
0— 2 га . .	8.998	21,46	0,3	25.028	11,59	2,8
2— 5 » . .	11.049	26,35	1,1	30.275	14,03	2,7
5— 20 » . .	15.344	36,59	1,5	70.916	32,85	4,6
20—100 » . .	5.676	13,54	2,0	58.439	27,07	10,3
100 и более » . .	863	2,06	3,4	31.213	14,46	36,1
Всего . .	41.930	100	0,8	215.871	100	5,1
Хозяйства с 1.000 и более га . .	21	—	3,7	1.822	—	87,0

днях. Вообще у явно-капиталистических хозяйств (20 и > га) сосредоточено 41,5% всего числа коров, молоко от которых сбывается в города, хотя эти хозяева составляют ничтожную долю общего числа хозяев (5,52%) и весьма небольшую долю в числе хозяйств, сбывающих молоко в городах (15,6%). Прогресс именно капиталистического хозяйства и капиталистическая концентрация данной отрасли торгового скотоводства не подлежат, следовательно, сомнению.

Но концентрация молочного хозяйства далеко не полно характеризуется данными о группах хозяйств по величине площадей. Понятно уже и а priori, что могут и должны быть хозяйства с равной площадью, но неравным количеством скота вообще и молочного скота в частности. Сопоставим прежде всего распределение между хозяйствами *всего* рогатого скота и всего числа коров, молоко от которых сбывается в города (см. табл. на стр. 134).

Мы видим таким образом еще раз, что *всего хуже* оказывается положение именно *средне-крестьянских* хозяйств: из всего количества своего рогатого скота эта группа утилизирует наименьшую долю для сбыта молока в города (т.-е. для наиболее выгодной отрасли молочного хозяйства). Наоборот, крупные хозяйства поставлены очень выгодно, утилизируя для сбыта в города молока сравнительно боль-

*) Мы приводим этот столбец, чтобы читатель составил себе ясное представление о приемах г. Булгакова, который только на этот столбец (взятый из анкеты) ссылается в подтверждение своих выводов.

	Процентные доли всего рогатого скота.	Число коров, от которых молоко сбыв. в город.	Разница.
0— 2 га . .	8,3	11,6	+ 3,3
2— 5 » . .	16,4	14,0	— 2,4
5— 20 » . .	86,5	32,8	— 3,7
20—100 » . .	27,3	27,1	— 0,2
100 и более » . .	11,5	14,5	+ 3,0
Всего . .	100	100	—

шую долю всего своего рогатого скота *). Но еще выгоднее положение самых мелких хозяев, утилизирующих *наибольшую* долю своего рогатого скота для сбыта молока в городах. Следовательно, в этих хозяйствах развиваются уже специально «молочные» фермы, для которых земледелие отодвигается на второй план или даже вовсе отсутствует (из 8.998 хозяйств этой группы, сбывающих молоко в городах, 471 хозяйство вовсе не имеет земельной площади, и у этих хозяев 5.344 коровы, т.-е. по 11,3 коровы на 1 хозяина). Мы получаем интересные данные о концентрации молочного хозяйства в пределах одной и той же по размеру земельной площади группы, если выделим, при помощи данных германской статистики, хозяйства с 1 и 2 коровами (см. табл. на стр. 135)

Среди хозяйств с совершенно ничтожной земельной площадью (0— $\frac{1}{2}$ га) мы видим громадную концентрацию молочного хозяйства: меньше половины этих хозяев (850 из 1.944) сосредоточивают почти $\frac{9}{10}$ всего числа коров в этой группе (9.789 из 11.255), имея в среднем по 11,5 коров. Это уже вовсе не «мелкие» хозяева,—это хозяева с оборотом, достигающим, вероятно (в особенности около больших городов), нескольких тысяч марок в год, и вряд ли обходящиеся без наемных рабочих. Быстрый рост городов неуклонно увеличивает число таких «молочных фермеров», и всегда будут находиться, ко-

*) Эта разница не может быть объяснена тем, что в состав рогатого скота входят в неравном размере вола, ибо в крупном хозяйстве процент волов (по крайней мере, употребляемых для полевых работ) ко всему количеству рогатого скота выше, чем в средне-крестьянском хозяйстве.

Хозяйства, сбывающие молочные продукты в городах.

	Число хозяйств.	В том числе.		С 3 и более коров.	У этих последних коров.	Или на 1 х.з.	Всего коров.
		с 1 кор.	с 2 кор.				
0—50 ар. .	1.944	722	372	850	9.789	11,5	11.255
50 ар—2 ha.	7.054	3.302	2.552	1.200	5.367	4,5	13.773
0—2 ha. .	8.998	4.024	2.924	2.050	15.156	7,4	25.028
2—5 » .	11.049	1.862	4.497	4.690	19.419	4,3	30.275

нечно, Гехты, Давиды, Герцы и Черновы *), которые будут утешать задавленного нуждой массового мелкого крестьянина примером его единичного собрата, «вышедшего в люди» благодаря молочному хозяйству, табаководству и проч.

В группе хозяйств с $1\frac{1}{2}$ —2 ha мы видим, что менее пятой доли хозяев (1.200 из 7.054) концентрируют свыше двух пятых всего числа коров (5.367 из 13.773); в группе с 2—5 ha меньше половины хозяев (4.690 из 11.049)—свыше трех пятых всего числа коров (19.419 из 30.275) и т. д. К сожалению, немецкая статистика не дает возможности выделить группы с более значительным числом коров**). Но и

*) В первом изд. дальше читалось: «(а также—чтобы и не обидеть и Францию,—Морисы, о котором ниже)». *Ред.*

**) Вернее, *обработка* данных немецкой статистики не дает этой возможности, ибо сведения имелись у авторов анкеты о каждом хозяйстве отдельно (по ответам сельских хозяев на разосланные им листки). Кстати заметить: это собирание сведений о каждом хозяйстве отдельно выгодно отличает немецкую сельско-хозяйственную статистику от французской, а, повидимому, также и от английской и других. Такая система дает возможность выделить хозяйства разных типов не только по величине площади, но и по размерам, напр., молочного хозяйства, по употреблению машин, по степени развития технических производств и т. д. Для этого необходима только более обстоятельная обработка данных статистики, именно: во-первых, группировка хозяйств не по одному признаку (величина площади), а по нескольким признакам (количество машин, скота, площади под специальными культурами и пр.), а во-вторых, комбинирование различных группировок, т.-е. разделение каждой группы, напр., по величине площади, на подгруппы по количеству скота и т. д. Образцом в этом отношении могла бы послужить и должна была бы послужить русская земская статистика крестьянского хозяйства. Насколько правительственная немецкая статистика выше *правительственной* русской по широте и полноте, единообразию и точности сведений, быстроте их обработки и опубликования, — настолько

приведенные данные вполне подтверждают тот общий вывод, что *концентрация капиталистического земледелия в действительности гораздо сильнее*, чем это можно бы думать по данным одной только статистики площадей. Такая статистика соединяет вместе хозяйства с крупными хозяйствами по размеру молочного или мясного скотоводства, виноградарства, табаководства, огородничества и пр. Конечно, все эти отрасли сравнительно с производством хлеба отступают далеко на второй план, и известные *массовые* выводы сохраняют свое полное значение и по данным о площадях. Но, во-первых, некоторые из специальных отраслей торгового земледелия растут особенно быстро именно в Европе и особенно характерны для процесса его *капиталистической* эволюции, а, во-вторых, указанное обстоятельство сплошь и рядом забывается и при ссылах на отдельные приемы или районы, и здесь открывается широчайшее поприще для той мещанской апологетики, образцы которой нам дали Гехт, Давид, Герц, Чернов. Они ссылались на табаководов, которые, по общей площади хозяйства, «*echte und rechte Kleinbauern*»; но по размеру табаководства они вовсе не «мелкие» хозяева, и если взять данные о табаководстве специально, то мы и в нем увидим капиталистическую концентрацию. Например, во всей Германии считалось в 1898 г. 139 тыс. табаководов с 17,6 тыс. га под табаком, но из этих 139 тыс. — 88 тыс., т.-е. 63% имеют вместе не более 3,3 тыс. га, т.-е. всего пятую долю общей суммы табачных посевов; остальные четыре пятых находятся в руках 37% хозяев *)

наша *земская* статистика выше европейских частичных анкет и исследований по замечательной полноте отдельных данных и детализации их обработки. Русская земская статистика давно уже ввела и подворное обследование, и разнообразные групповые таблицы, и те комбинационные таблицы, о которых мы говорили. Ближайшее ознакомление европейцев с нашей земской статистикой, вероятно, дало бы сильный толчок прогрессу социальной статистики вообще.

*) «*Die deutsche Volkswirtschaft am Schlusse des 19 Jhrhd.*», Brl. 1900, S. 60; это по очень грубым данным фискальной статистики. Для России мы имеем такие сведения о распределении табаководства по трем уездам Полтавской губернии: из всего числа 25.089 крестьянских хозяйств с посевом табака 3.015 хозяйств (т.-е. менее 1/8) имеют 74.565 дес. хлебных посевов из 146.744 дес., т.-е. более половины, и 3.239 дес. табачных посевов из 6.844 дес., т.-е. около половины. Группировка же этих хозяйств по размерам табачных плантаций показывает, что 324 хозяйства (из 25.089) имеют по 2 и более десятин под табаком, а всего 2.360 дес. из 6.844. Это те крупные табаководы-капиталисты, о безобразной эксплуатации которыми рабочих так часто появляются известия. Свыше полудесятины под табаком имели всего 2.773 хозяйства (наемного более 1/10), у них было 4.145 дес. под табаком из 6.844. См. «Обзор табаководства в России», вып. II и III, Спб. 1894.

То же самое и с виноградарством. Вообще площадь «среднего» виноградника, напр., в Германии очень мала: 0,36 гектара (344.850 хозяйев и 126.109 ha под виноградом). Но распределение виноградарей таково, что у 49⁰/₀ (до 20 ar виноградника) только 13⁰/₀ всех виноградников, у «средних» 30⁰/₀ хозяйев (20—50 ar)—26⁰/₀ и у крупных 29⁰/₀ (1/2 ha и свыше)—61⁰/₀ виноградников, т.-е. более трех пятых *). Еще несравненно сильнее концентрация торгового огородничества (Kunst- und Handelsgärtnerei), которое так быстро растет во всех капиталистических странах в непосредственной зависимости от роста больших городов, крупных железнодорожных станций, индустриальных поселков и пр. В Германии считалось в 1895 г. 32.540 хозяйств с торговыми огородами и с 23.570 гектарами площади под ними, — в среднем менее одного гектара. Но ббльшая половина этой площади (51,39⁰/₀) сосредоточена в руках 1.932 хозяйев, т.-е. 5,94⁰/₀ всех огородников. Как велики площади огородов и остальной служащей для сельского хозяйства земли у этих крупных хозяйев видно из таких цифр: 1.441 огородник с огородом в 2—5 ha имеют в среднем огородной земли по 2,76 ha и вообще земли по 109,6 ha; 491 огородник с 5 ha и более огородной земли имеют в среднем по 16,54 ha огорода и всего земли по 134,7 гектара.

Возвратимся к молочному хозяйству, данные о котором помогают нам ответить на вопрос о значении коопераций, превращаемых Герцем в панацею от капитализма. Герц видит «главную задачу социализма» в их поддержке (S. 21, русс. пер. 62; S. 89, русс. пер. 214), а Чернов, разбивающий себе, как водится, лоб от усердного поклонения новым божкам, сочинил уже «некапиталистическую эволюцию земледелия» при помощи кооперации**). Поклонники коопераций любят ссылаться на то, чего «возможно» достигнуть при их помощи (см. пример выше). А мы покажем лучше, что действительно достигается при помощи коопераций в современном капиталистическом строе. Немецкая статистика зарегистрировала при переписи хозяйств и занятий в 1895 году все земледельческие хозяйства, участвующие

*) Интересно отметить, что во Франции, где виноградарство развито несравненно сильнее (1.800, 5 тыс. гектаров), и концентрация виноградников гораздо более значительна. Но для суждения о ней приходится ограничиться данными общей статистики площадей, ибо во Франции не собирают сведений по отдельным хозяйствам и неизвестно число владельцев виноградников. В руках хозяйев, имеющих всей земли 10 и более гектаров, находится в Германии—12,83⁰/₀ всех виноградников, во Франции же—57,02⁰/₀.

***) В первом изд. дальше читалось: «О теоретическом значении подобного замечательного открытия нам придется вообще сказать несколько слов ниже. Теперь мы отметим, что...». *Ред.*

в товариществах для сбыта молочных продуктов (Molkereigenossenschaften und Sammelmolkereien), а равно и число коров, от которых каждый такой хозяин сбывает молочные продукты. Это, насколько мы знаем, едва ли не единственные *массовые* данные, точно определяющие не только степень участия хозяев разных разрядов в товариществах, но и—что особенно важно—хозяйственный, так сказать, размер этого участия, т.-е. величину той именно отрасли хозяйства, которою каждый входит в товарищество (число коров, дающих продукт, сбыт которого товариществами организован). Приводим эти данные, распределенные на пять главных групп по величине земли у хозяев

Хозяйства, участвующие в товариществах для сбыта молочных продуктов.

	Число таких хозяйств.	% ко всему числу хозяйств.	% к итогу.	Число коров у них.	% к итогу.	На 1 хозяина коров.
0— 2 га . .	10.300	0,3	6,95	18.556	1,71	1,8
2— 5 » . .	31.819	3,1	21,49	73.156	6,76	2,3
5— 20 » . .	53.597	5,4	36,19	211.236	19,51	3,9
20—100 » . .	43.561	15,4	29,42	418.563	38,65	} 72,02
100 и более » . .	8.805	35,1	5,95	361.435	33,37	
Всего . .	148.082	2,7	100	1.082.946	100	7,3
Хозяйства с 1.000 и более га . .	204	35,6	—	18.273	—	89,0

Итак, из мелких земледельцев в товариществах участвует совершенно ничтожное меньшинство, 3—5%, т.-е. такая доля, которая, вероятно, даже меньше доли капиталистических хозяйств в низших группах. Напротив, из крупных, заведомо капиталистических хозяйств в товариществах участвует в три—семь раз больший процент, чем даже в средне-крестьянских хозяйствах. А латифундии участвуют в товариществах чаще всего. Мы можем судить теперь о всей безграничной наивности австрийского Ворошилова, Герца, который, возражая Каутскому тем, что в «германском сельско-хозяйственном союзе для закупок (Bezugsvereinigung), в который входят самые крупные товарищества, представлено 1.050.000 *сельских хозяев*» (S. 112,

русс. пер. 267, курсив Герца),—заключает, что *), *значит*, не только крупные хозяева (выше 20 га всего 306 тыс. хозяев), но и крестьяне участвуют в товариществах. Стоило Герцу немного подумать над своим же собственным предположением (участие *всех* крупных хозяев в товариществах**), и он увидел бы, что если крупные все входят в число членов товариществ, то *значит* из остальных входит *меньшая доля*,— *значит* вполне подтверждается вывод Каутского о *превосходстве крупного хозяйства над мелким и в отношении кооперативной организованности*.

Но еще интереснее данные о числе коров, сбыт продукта от которых организован товариществами: *подавляющее большинство* этих коров, *почти три четверти* (72⁰/о) принадлежит крупным хозяевам, ведущим *капиталистическое молочное хозяйство* и имеющим по десяти, сорока, даже восьмидесяти (в латифундиях) коров на одно хозяйство. И теперь послушайте Герца: «Мы утверждаем, что *товарищества приносят наибольшую***)* пользу именно *мелким и самым мелким владельцам*... (S. 112, русс. пер. стр. 269, курсив Герца)! Ворошиловы везде одинаковы: и в России, и в Австрии, когда Ворошилов, бия себя в грудь, говорит и подчеркивает: «Мы утверждаем»,— можно быть уверенным, что он утверждает как раз то, чего нет.

В заключение нашего обзора данных немецкой аграрной статистики бросим взгляд на общую картину распределения занятого сельским хозяйством населения по положению в хозяйстве. Мы берем, конечно, только сельское хозяйство в собственном смысле (А 1, а не А 1—6, по немецкому обозначению, т.-е. не считываем вместе с земледельцами рыболовов, лесопромышленников и охотников), а затем берем данные о лицах, для которых земледелие было *главным занятием*. Немецкая статистика делит это население на три главные группы: а) самостоятельные (т.-е. хозяева-собственники, арендаторы и пр.); б) служащие (управляющие, старосты, надсмотрщики, конторщики и пр.) и с) рабочие, при чем эта последняя группа разделяется на следующие четыре подгруппы: с¹) «члены семьи, работающие в хозяйстве главы семьи; отца, брата и т. п.». Другими словами, это — семейные рабочие в отличие от наемных рабочих, к каковым относятся остальные подгруппы группы с. Ясно поэтому, что для изучения социального состава населения (и капиталистической эво-

*) Слова: «закключает, что» добавлены во 2 изд. *Ред.*

**) Г. Булгаков заявил: «Доля крупного хозяйства здесь будет ясна из следующих цифр» (II, 117) и привел *только* эти, которые «долю крупного хозяйства» не выясняют, а скорее (без сравнения с другими цифрами) *затемняют*.

***) В первом изд. — «большую». *Ред.*

люции его) этих семейных работников надо соединить в одну группу не с наёмными рабочими, как это обыкновенно делают, а с хозяевами (а), ибо эти семейные работники, в сущности, тоже совладельцы, члены хозяйских семей, имеющие право наследования и т. п. Далее, подгруппа с²) сельско-хозяйственные батраки и батрачки (Knechte und Mägde); с³) «сельско-хозяйственные поденщики и прочие рабочие овчары, пастухи) с собственной или арендованной землей». Следовательно, это — группа лиц, в одно и то же время и хозяев, и наемных рабочих, т.-е. промежуточная, переходная группа, которую следует поставить особо. Наконец, с⁴) «тоже — без собственной и без арендованной земли». Мы получаем, таким образом, три основные группы: I — хозяева-владельцы земли и члены хозяйских семей; II — хозяева-владельцы земли и в то же время наемные рабочие; III — не владеющие землей наемные рабочие (служащие, батраки и поденщики). Вот как распределялось сельское население *) Германии между этими группами в 1882 и 1895 годах (см. след. стр.).

Итак, все активное население уменьшилось, хотя и незначительно. Внутри его мы видим уменьшение населения, владеющего землей (I + II), и увеличение безземельного населения (III). Это ясно показывает, что *идет вперед экспроприация сельского населения* и притом именно мелких землевладельцев, ибо мы знаем уже, что наемные рабочие с кусочком земли принадлежат к числу наиболее мелких хозяев. Далее, из числа владеющих землей лиц убывают хозяева-рабочие, возрастают в числе хозяева. Мы видим, следовательно, *исчезновение средних групп и усиление крайних*: промежуточная группа исчезает, происходит *обострение капиталистических противоречий*. Из наемных рабочих увеличиваются в числе те, которые уже совер-

*) Мы говорим только о населении «активном» (по французскому обозначению; «erwerbstätige» — по немецкому), т.-е. действительно занимающемся земледелием, не считая прислугу и тех членов семей, которые не принимают правильного и постоянного участия в земледельческих работах. Русская социальная статистика так неразвита, что не выработан даже особый термин для этого понятия «активе», «erwerbstätige», «occupiend». Янсои ²²) в своей обработке данных о занятиях петербургского населения («С.-Петербург по переписи 1890 года») употребляет термин «самостоятельные», но этот термин неудобен, ибо под «самостоятельными» принято разуметь хозяев, и таким образом деление по участию или неучастию в промысловой (в широком смысле слова) деятельности смешивается с делением по положению лица в промысле (хозяин-рабочий одиночка). Возможен термин: «производительное население», но и он неточен, ибо, напр., военные, рантье и т. п. классы уже совсем не «производительные». Может быть, удобнее был бы термин: «промысловое» население, т.-е. участвующее во всякого рода «промысловой» (дающей доход) деятельности в отличие от тех, кто живет на счет «промычляющих».

	Активное (промысловое) население, видящее в земледелии свое главное занятие (в тысячах).			
	1882	1895		
а) хозяева—владельцы земли	2.253	2.522	+269	
с ¹) члены хозяйских семей	1.935	1.899	— 36	
I	4.188	4.421	+233	+ 5,60/0
с ²) рабочие с землей (II)	866	383	—483	—55,80/0
I+II	5.054	4.804	—250	
в) служащие	47	77	+ 30	
с ³) батраки	1.589	1.719	+130	
с ⁴) рабочие без земли	1.374	1.445	+ 71	
III	3.010	3.241	+231	+7,70/0
Всего	8.064	8.045	— 19	— 0,20/0

шенно экспропрированы, уменьшаются в числе владельцы земли; из хозяев увеличиваются в числе непосредственные владельцы предприятий и уменьшаются в числе те, кто работает в предприятии главы семьи. (Это последнее обстоятельство, вероятно, находится в связи с тем, что работающие члены крестьянских семей не получают большей частью никакой платы от глав семьи, а потому особенно склонны к бегству в города.)

Если взять данные о населении, для которого земледелие является *побочным* занятием, то мы увидим, что все это население (активное или промысловое) увеличилось с 3.144 тыс. до 3.578, т.-е. на 434 тыс., при чем увеличение это почти целиком падает на группу работающих членов хозяйских семей, увеличивающуюся на 397 тыс. (с 664 тыс. до 1.061 тыс.). Число хозяев увеличилось на 40 тыс., с 2.120 до 2.160; число рабочих с землей увеличилось на 51 тыс., с 9 до 60 тыс.; число рабочих без земли уменьшилось на 54 тыс. (с 351 до 297). Это гигантское увеличение — за 13 лет с 664 тыс. до 1.061 тыс., т.-е. на 59,80/0 — свидетельствует опять-таки о росте пролетаризации; рост

числа *крестьян*, членов крестьянских семей, считающих уже земледелие своим только *побочным* занятием. Мы знаем, что главным занятием в этих случаях является прежде всего работа по найму (а затем уже мелкая торговля, ремесло и проч.). Если соединить вместе всех работающих членов крестьянских семей, как тех, для кого земледелие главное занятие, так и тех, для кого оно только подсобное, — то получим: 1882 — 2.559 тыс.; 1895 — 2.960 тыс. Это увеличение легко может подать повод к ошибочному толкованию и апологетическим выводам, особенно при сопоставлении с уменьшающимся, в общем и целом, числом наемных рабочих. На самом же деле это общее увеличение складывается из уменьшения числа членов крестьянских семей, для которых земледелие — главное занятие, и *увеличения* числа тех, для кого оно подсобное, так что эти последние в 1882 году составляли лишь 21,7⁰/₀ всего числа работающих членов крестьянских семей, а в 1895 уже 35,8⁰/₀. Таким образом статистика *всего* земледельческого населения показывает нам с полной наглядностью именно те два процесса пролетаризации, на которые всегда указывал ортодоксальный марксизм и от которых такими шаблонными фразами стараются отговориться оппортунистические критики, — с одной стороны, растущее обезземеление крестьянства, экспроприация сельского населения, бегущего в города или превращающегося из рабочих с землей в рабочих без земли; — с другой стороны, развитие «подсобных заработков» крестьянства, т. е. того соединения земледелия с промышленностью, которое означает первую ступень пролетаризации и ведет всегда к усиленному росту нужды (удлинение рабочего дня, ухудшение питания и пр.). До известной степени оба эти процесса, если их рассматривать с внешней только стороны, даже противоположны: увеличение числа безземельных рабочих — и увеличение числа работающих членов семей крестьян-землевладельцев. Поэтому, смешивая эти процессы или игнорируя один из них, легко впасть в самые грубые ошибки, образчики которых рассыпаны во множестве в книге Булгакова *). Наконец, статистика занятий показывает нам еще выдающийся рост числа служащих**): с 47 тыс. до 77, т. е. на 63,8⁰/₀. На-ряду с ростом пролетаризации — рост крупного капиталистического производства, которое нуждается в служащих и при-

*) В первом изд. читалось: «Образчик которых мы увидим ниже при разборе выводов г. Булгакова из французских данных». *Ред.*

**) По поводу этого факта очень плохо острит г. Булгаков в «Начале»: «рост числа офицеров при уменьшении армии». Упрощенный взгляд на организацию труда в крупном производстве!

том тем в большей степени, чем более употребляют машины и развиваются технические производства.

Итак, в данных немецкой статистики г. Булгаков, при всей своей похвальбе «детализацией», совершенно не сумел разобратся. В статистике занятий он отметил только увеличение числа безземельных и уменьшение числа владеющих землей рабочих, как показатель «перемен, происшедших в организации сельско-хозяйственного труда» (II, 106). Но это изменение организации труда во всем германском земледелии осталось для него совершенно случайным и непонятным фактом, несвязанным с общим строем и общей эволюцией земледельческого капитализма. На самом же деле это только одна из сторон в процессе развития капитализма. Технический прогресс германского земледелия есть, вопреки мнению г. Булгакова, главным образом прогресс крупного производства, как это неопровержимо доказывают данные об употреблении машин, о проценте предприятий с рабочим скотом и о составе рабочего скота, о развитии сельско-хозяйственных технических производств, о росте молочного хозяйства и пр. Неразрывно связан с этим прогрессом крупного производства рост пролетаризации и экспроприации сельского населения, увеличение числа parcelльных хозяйств и числа крестьян, главным источником существования для которых становятся подсобные заработки, усиление нужды в средне-крестьянском населении, которое всего более ухудшило условия своего хозяйства (наибольшее увеличение процента безлошадных и процента употребляющих для полевых работ коров), а, следовательно, также и условия всей своей жизни и качество ухода за землей.

X.

„Труд“ немецкого Булгакова, Э. Давида *).

Книга Эд. Давида «Социализм и сельское хозяйство» представляет из себя особенно неуклюжую и громоздкую сводку тех ошибочных приемов и рассуждений, которые мы видели у г.г. Булгакова, Герца, Чернова. Мы могли бы, поэтому, совершенно обойти молчанием Давида. Но так как его «труд» в настоящее время, несомненно, является главным трудом ревизионизма в аграрном вопросе, то мы считаем необходимым охарактеризовать еще раз, как пишут ученые работы господина ревизионисты.

*) Главы X и XI написаны в 1907 году; напечатаны в сборнике: В. Ильин, «Аграрный вопрос», вып. I, стр. 246—263. *Ред.*

Вопросу о машинах в сельском хозяйстве Давид уделяет целиком IV главу своей книги (стр. 115—193 русск. перевода), помимо многочисленных частных указаний на ту же тему в других главах. Автор подробнейшим образом рассматривает сотни *технических* потребностей и топит в них политико-экономическую суть дела. В земледелии машины не играют такой роли, как в промышленности; в земледелии нет центрального мотора; большинство машин находится в деле только временно; часть машин не дает сбережения в издержках производства и т. д., и т. д. Подобные выводы (ср. стр. 190—193, резюме по вопросу о машинах) Давид считает опровергающими марксистскую теорию! Но ведь это одно засорение, а не выяснение вопроса. Отсталость земледелия по сравнению с обрабатывающей промышленностью не подлежит ни малейшему сомнению. Эту отсталость нечего и доказывать. Перечисляя по пунктам, в чем проявляется эта отсталость, громоздя примеры на примеры и казусы на казусы, Давид только отодвигает настоящий предмет исследования: капиталистический ли характер имеет употребление машин? Связан ли рост употребления машины с ростом капиталистического земледелия?

Давид совершенно не понимает самой постановки вопроса, необходимой для марксиста. В сущности, точка зрения Давида есть точка зрения мелкого буржуа, который утешает себя медленным сравнительно прогрессом капитализма, боясь взглянуть на всю общественную эволюцию в ее целом. Например, Давид цитирует по вопросу о с.-х. машинах Бензинга, цитирует бесконечное число раз (стр. 125, 135, 180, 182, 184, 186, 189, 506 и др. русск. перев.). Читателя прямо, можно сказать, изводит наш Давид, переходя от частности к частности, без обработки материала, без связи, без осмысленной постановки вопроса, без цели. Поэтому, никакого *итога* выводам Бензинга Давид не подводит. То, что было мной сказано в 1901 г. против г. Булгакова, целиком относится и к Давиду. Во-первых, итог выводов Бензинга показывает *) неоспоримое преимущество употребляющих машины хозяйств над неупотребляющими. Никакие «поправки» к Бензингу в мелочах, которыми напичкал Давид свою книгу, не меняют вывода. *Давид умалчивает об этом общем выводе совершенно так же, как и г. Булгаков!* Во-вторых, цитируя Бензинга без конца, без смысла, без связи, Давид тоже, подобно г. Булгакову, *не заметил* буржуазных взглядов Бензинга на машины и в индустрии, и в земледелии. Одним словом, общественно-экономической стороны вопроса Давид даже не понимает. Фактические данные, свидетельствующие о превосходстве

*) См. стр. 67 этого тома. *Ред.*

крупного хозяйства над мелким, он не умеет обобщить и связать. В результате не остается ничего, кроме реакционной ламентации мещанина, возлагающего свои надежды на отсталость техники, на медленность развития капитализма. Правый кадет и «христианский» репегат г. Булгаков теоретически вполне равен оппортунисту с.-д. Давиду.

Общественно-экономической стороны дела Давид не понимает и в других вопросах, не понимает безнадежно. Возьмите его основное положение, его любимую мысль, «твосьдь» всего труда: жизне-способность *мелкого производства* в земледелии и превосходство над крупным. Спросите Давида, что такое мелкое производство?

На стр. 29, примеч., вы находите аккуратный ответ: «Во всех тех случаях, где мы говорим о мелком производстве, мы разумеем хозяйственную категорию, функционирующую без постоянной чужой помощи и без побочного промысла». Это неуклюже выражено и безграмотно переведено г. Гроссманом, но это все же сколько-нибудь ясно. Вы вправе ожидать после этого, что Давид проследит условия мелкого (*по величине площади*) земледелия с точки зрения употребления наемного труда или продажи его земледельцем.

Ничего подобного.

Ни в чем так рельефно не обнаруживается буржуазность Давида, как в полнейшем игнорировании вопроса об употреблении наемного труда «мелкими» земледельцами и о превращении этих последних в наемных рабочих. Полнейшее игнорирование, это — буквально верно. Статистические данные об этом есть в немецкой статистике; их приводит вкратце Каутский в своем «Аграрном вопросе» (у меня эти данные приведены подробно *). Давид знает эту статистику и не анализирует этих данных. Давид приводит кучу ссылок на отдельные монографии и *игнорирует всецело* их данные по этому вопросу. Одним словом, это сплошное *замалчивание* мелким буржуа вопроса о «рабочничках» у хозяйственного мужика.

Вот примеры.

На стр. 109 читаем: «В общем, в огородничестве точно так же, как и в сельском хозяйстве, процветает мелкое производство».

Вы ждете доказательств. Вам дают следующее и *только* следующее:

«По данным промышленной **) статистики 1895 г. из 32.540 садоводств и огородничеств 13.247 = 40% были величиной менее 20 аров;

*) См. стр. 117—118 этого тома. *Ред.*

**) Это, очевидно, г. Гроссман, редактор перевода, перевел так: Betriebsstatistik. Беда с русскими переводами! Надо сказать: «статистики сельскохозяйственных предприятий».

8.257=25⁰/₀ были от 20 до 50 аров; 5.707=14⁰/₀ от 50 аров до 1 гектара; 3.397=10⁰/₀ были величиной от 1 до 2 гект. и только у 1.932=6⁰/₀ площадь запятой земли была в 2 гект. и выше».

Это все. Это должно доказывать процветание мелкого производства в огородничестве. Это должно быть рассматриваемо, как ученая работа начитанного в агрономии Давида. Если так, то мы отказываемся понимать, что называется шарлатанством в науке.

Только 6⁰/₀ имеют по 2 и более га, говорит Давид. Рядом, в той же статистике, из которой он берет эти цифры, стоят данные о *количестве земли* у этих 6⁰/₀. Давид эти данные замалчивает. А замалчивает он их потому, что они разрушают его теорию. «В руках 1.932 хозяев, т.-е. 5,94⁰/₀ всех огородников», писал я по поводу именно этих данных *), «сосредоточено больше половины, 51,39⁰/₀» всей земли, находящейся под торговыми огородами. Из этих 1.932 огородников 1.441 имеют 2—5 га огородов; у них в среднем приходится по 2,76 га огородной земли и по 109,6 га *всей земли*. Пять и более гектаров огорода имеет 491 хозяин, владея в среднем 16,54 га огорода и 134,7 га *всей земли* (там же).

Итак, *только* 6⁰/₀ огородников концентрируют 51,39⁰/₀ всей огородной земли. Это — крупные капиталисты, у которых огороды являются *дополнением* капиталистического земледелия (хозяйства в 100—135 гектаров). Торговое огородничество, следовательно, громадно сконцентрировано капиталистически. А Давид имеет... смелость утверждать, что «процветает мелкое производство», т.-е. производство без наемного труда. О том, какие размеры хозяйства в торговом огородничестве требуют помощи наемных рабочих, *он не дает сведений*.

Так обращается ученый Давид со статистикой. Пример его обращения с монографиями — тот же пресловутый Гехт, на которого ссылались г.г. Булгаков, Герц, Чернов **). В своем «труде» Давид пересказывает Гехта на двух страницах (стр. 394—395). И *как* пересказывает? *Ни звука о наемном труде*. Ни звука о том, что Гехт прикрашивает «оседлость» фабричного рабочего с клочком земли, смешивая рабочих вместе с зажиточным крестьянством. Ни звука о том, что при «процветании» небольшого числа зажиточных крестьян, масса находится в таком положении, что приходится даже, продавая молоко, заменять его более дешевым маргарином.

*) См. стр. 137 этого тома. *Ред.*

**) См. стр. 90—95 этого тома. *Ред.*

Давид не только молчит об этом, но заявляет даже, что «Гехт приводит чрезвычайно интересные данные о высоких жизненных потребностях этих крестьян» (стр. 395). Более грубый буржуазный апологетизм трудно себе представить.

Кстати, по поводу этого указания Гехта на продажу молока крестьянами для покупки более дешевого маргарина. Казалось бы, это — самый общеизвестный факт для экономиста. Маркс еще в 1847 году в «Нищете философии» указывал на это ухудшение народного питания капитализмом. В России еще со времен Энгельгардта (70-ые годы) много, много раз отмечали это явление все сколько-нибудь добросовестно изучавшие прогресс капитализма в молочном хозяйстве. «Учущий» Давид этого не заметил. Он даже хихикает над такими указаниями социалистов.

На стр. 427—428 книги Давида мы читаем насмешки над Каутским, который говорит, что сборные молочные, развивая продажу молока крестьянами, ухудшают их питание. Чтобы читатель мог оценить по достоинству немецкого народника Давида, мы приведем его подлинные слова:

...«Все прочие люди имеют привычку в случае, если получают больший доход, употребить из него кое-что и в пользу своего желудка. Такова уж, так сказать, природа человека, что он очень охотно ест что-нибудь лучшее, если только он имеет для этого небольшие деньги. И вот, в высшей степени странно, что один лишь крестьянин, получавший, благодаря товариществу, по общему признанию, больше денег, нежели раньше, за свое молоко и своих свиней, поступает совсем не так, как остальные смертные» и т. д., и т. д., и т. д.

На это шутовство реакционного мещанина отвечать не стоит, конечно. Достаточно показать его читающей публике, достаточно вытащить его на свет божий из-под груды бессвязных агрономических цитат, разбросанных по 550 страницам. Достаточно отметить, что *цитируемый Давидом* буржуазный апологет Гехт и тот признает ухудшение питания как факт вследствие замены продаваемого молока дешевым маргарином. Это относится к южной Германии, к области преобладающего мелко-крестьянского хозяйства. Из другой области — Восточной Пруссии — мы имеем совершенно аналогичное указание Кlawki *), что мелкие крестьяне «очень мало употребляют масла и цельного молока».

Буржуазный апологетизм Давида можно проследить решительно по всем затрагиваемым им вопросам. Он воспекает, например, мо-

*) См. стр. 101—103 этого тома. *Ред.*

лочные товарищества Германии и Дании на десятках страниц (413 — 435 и др.). Он приводит и статистику... только по вопросу о возрастании числа товариществ! Данные немецкой статистики о концентрации «товарищеского» молочного производства в руках капиталистических крупных хозяйств *) *он не приводит*. Давиды не замечают таких данных в той статистике, которой они пользуются!

«Организованные в товарищества датские крестьяне,—говорит Давид,—превзошли даже частновладельческие фермы крупных земельных собственников». Следует пример: цитата из 46-го доклада испытательной лаборатории о том, что масло товариществ лучшего качества, чем помещика. И Давид продолжает:

«Таких результатов достигли крестьяне, некогда в своих маленьких хозяйствах приготовлявшие лишь низшего качества масло, за которое они выручали едва половину цены, получаемой крупными владельцами. Притом *здесь, в сущности, идет речь о средних и мелких крестьянах* (курсив Давида). В 1898 г. в Дании было 179.740 коровников; из этого числа только 7.544, т.-е. 4⁰/₁₀₀ имели по 30 и более коров; 49.371, т.-е. 27,82⁰/₁₀₀ имели каждый от 10 до 29 коров. Меньше 10 голов скота имели 122.589, т.-е. 68,97⁰/₁₀₀ коровников. Большая половина последних, а именно 70.218 коровников — что составляет 39,85⁰/₁₀₀ всего числа — заключали лишь 1—3 головы, т.-е. принадлежали мелким хозяйствам. Что из числа мелких крестьянских хозяйств значительное большинство участвует в товарищеских организациях, доказывается тем фактом, что в 1900 году, при общем числе около 1.110.000 молочных коров в Дании, молоко 900.000 коров приблизительно сдавалось в «товарищеские молочные» (стр. 424).

Так аргументирует ученый Давид. Точных данных о распределении числа коров в хозяйствах разных групп он избегает, ему неприятно приводить их. Но уже из тех отрывочных цифр, которые он привел, видно полное извращение им действительности. Сравнивая общее число коров с распределением коровников по числу штук скота в них, мы получаем такую—*правда приблизительно**)*, по

*) См. стр. 138 этого тома. *Ред.*

***) Приблизительны эти цифры, во-первых, потому, что число коров дано за 1900 г., а число хозяйств — за 1898; во-вторых, потому, что число коров по группам хозяйств пришлось определить приблизительно, ибо точных цифр нет у Давида. Долю крупного хозяйства мы взяли меньше действительности: 7.544 хозяйства имеют по 30 и более коров каждое. Это дает — даже если взять minimum, т.-е. по 30 коров на хозяйство,—7544 × 30 = 226.320 коров. Мы взяли *меньшую* цифру, ибо иначе размеры мелких хозяйств чересчур приближаются к минимальным, а не максимальным пределам групп.

песомненно, в общем и целом, соответствующую действительности — картину:

Д А Н И Я.	Число хозяйств в тысяч.	Число коров у них в тысяч.	На 1 хозяйство коров.
Хоз. с 1— 3 коров	70	100	1,43
» » 4— 9 »	52	250	4,81
» » 10—29 »	49	550	11,22
» » 30 и бол. »	8	200	25,00
Всего	179	1.100	6,14

Из этих цифр видно, во-первых, что концентрация молочного скотоводства в Дании *очень велика*. 750 тысяч коров из 1.100, т.-е. *свыше двух третей общего числа*, принадлежат *крупным хозяйствам*, 57 тысячам из 179, т.-е. *менее чем трети общего числа хозяев*. Такие хозяйства не обходятся, наверное, без наемного труда, раз они имеют по 10 и более коров. Следовательно, Давид «не заметил», что размер скотоводческого хозяйства здесь вовсе не мелкий; по количеству земли нельзя судить о датских хозяевах. Давид «не заметил», что громадное число мелких хозяйств имеет здесь, как везде и всегда в капиталистическом земледелии, ничтожную долю общего производства. Мелких хозяев 70 тыс., т.-е. почти 40%, а у них $\frac{1}{11}$ общего числа коров.

Во-вторых, приведенные цифры показывают, что *благами товариществ* и в Дании, как в Германии, пользуются *главным образом капиталисты*. Если из 1.100 тыс. коров молоко от 900 тыс. сдается в молочные, значит 200 тыс. коров остаются *вне «блага» товарищеского сбыта*. Это по преимуществу коровы самых мелких хозяев, ибо мы видели по данным относительно Германии, что в хозяйствах до 2 ha только 0,3% всех хозяйств участвуют в молочных товариществах, а в хозяйствах с 100 и более ha—35,1%. Следовательно, все заставляет предположить, что мелкие хозяева (70 тысяч хозяев с 100 тысяч коров) *наименее пользуются выгодами товарищеского сбыта*.

Пример Дании побивает Давида всецело, доказывая преобладание именно не мелких и не средних, а крупных хозяйств в производстве молочных продуктов.

Чтобы несколько оживить эти мертвые цифры и таблицы, чтобы показать классовый характер буржуазного земледелия (совершенно

игнорируемый тупым мещанином Давидом), приведем выдающийся факт из истории рабочего движения в Дании. В 1902 году датские судовладельцы понизили плату кочегарам. Те ответили стачкой. Союз всех портовых рабочих поддержал их, тоже прекратив работы. Но... стачку не удалось сделать всеобщей, распространить на все порты Дании. «Порт Эсбьерг (на западном берегу Дании, важен в торговле с Англией), имеющий такое громадное значение в вывозе датских сельско-хозяйственных продуктов, не удалось вовлечь в стачку, так как датские сельско-хозяйственные товарищества заявили, что они немедленно пошлют потребное количество своих членов для работы по нагрузке судов; датские крестьяне не позволят приостанавливать вывоз своих продуктов *)».

Итак, датские товарищества встали на сторону хозяев-судовладельцев против рабочих и погубили стачку. Вполне понятно, конечно, что капиталисты-фермеры, имеющие по 10 и более коров, поддерживали капиталистов же против рабочих. Непонятно только, что называют себя социалистами писатели, вроде Давида, затушевывающие классовую борьбу.

По вопросу о соединении сельских хозяйств с техническими производствами (сахароварение, винокурение и т. д.), Давид делает совершенно ту же ошибку, что и г. Булгаков. Подобно российскому профессору, немецкий «ученый» оппортунист *просто списал* таблички из немецкой анкеты, не подумав, к чему эти таблички относятся! Каутский утверждает, что сахарное производство есть образец сельско-хозяйственной *крупной* индустрии. Давид в опровержение этого приводит, подобно Булгакову, цифры, показывающие, что мелких хозяйств, соединенных с техническими производствами, больше, чем крупных (стр. 406, 407, 410 у Давида). О том, что вообще мелких хозяйств больше, чем крупных, ученый статистик забыл. Вместо определения процента соединенных с техническими производствами хозяйств ко всему числу хозяйств данной группы, он списал табличку дающую процент таких хозяйств по группам к общему их итогу *И* уже подробно показал эту ошибку г. Булгакова выше**). Остается только заметить, что столь же научно-добросовестный Э. Давид не потрудился равным образом взглянуть на данные о доле земли под свекловичными посевами, находящейся в руках капиталистов.

До каких комичных пределов доходит тождество душ немецкого оппортуниста и русского либерального профессора, видно из того,

*) Emil Helms, «Die sozialdemokratische und gewerkschaftliche Bewegung in Dänemark». Lpz. 1907. S. 138.

***) См. 131—132 стр. этого тома. *Ред.*

что они не только одинаково небрежно и неумело пользуются статистикой, но и одинаково небрежно цитируют Маркса. Давид, подобно Булгакову, признает «закон убывающего плодородия почвы». Правда, он пытается изложить его с особыми ограничениями, обставить особыми условиями, но дело от этого несколько не становится лучше. Например, на стр. 476 Давид говорит, что «закон этот вообще не касается вопроса о колебании продуктивности при переходе с одной научно-технической ступени на другую. Закон занят исключительно колебанием продуктивности на одной и той же научно-технической ступени». Это как раз то *ограничение* пресловутого закона, которое я указал против г. Булгакова *), при чем я добавил тогда же, что это будет «закон» «настолько относительный, что ни о каком законе и даже ни о какой кардинальной особенности земледелия не может быть и речи».

Между тем Давид продолжает возводить этот закон в особенность земледелия. Получается невообразимая путаница, ибо при неизменности «научно-технических» условий и в промышленности крайне ограничены добавочные вложения капитала.

«Отсталость сельского хозяйства,—говорит Давид в заключительной главе,—объясняется, во-первых, *консервативностью органических сил природы*, что выражается в законе понижающихся урожаев» (501). В этом выводе уже выброшено за борт только что выставленное положение, что «закон» не относится к переходам на высшую техническую ступень! «Консервативность сил природы» есть просто словесная увертка реакционного мешанства, неспособного понять *общественные* условия, тормозящие особенно развитие сельского хозяйства. Давид обнаруживает непонимание того, что к этим *общественным* условиям принадлежат: во-первых, остатки феодализма в земледелии, неравноправность батраков и т. д. и т. п., а во-вторых, *поземельная рента*, которая вздувает цены и *закрепляет* высокие ренты *в цене земли*.

«Мы думаем,—пишет Давид,—что в настоящее время германское земледелие не могло бы производить необходимого количества хлеба с тою продуктивностью, которая, благодаря заокеаническому производству, считается нормальной с точки зрения мирового хозяйства. Закон понижающихся урожаев не позволяет без понижения продуктивности неограниченно увеличивать количество продуктов на ограниченной площади земли» (519 — последняя фраза у Давида подчеркнута).

*) См. 46—47 стр. этого тома. *Ред.*

Не угодно ли посмотреть на этого экономиста! Он заявляет, что «закон» понижающихся урожаев занят *исключительно* колебанием продуктивности па одной и той же научно-технической ступени (476). А вывод гласит: «закон не позволяет» «неограниченно» увеличивать количество продуктов» (519)! Откуда же следует, что германское земледелие *не могло бы быть поднят* на следующую «научно-техническую ступень», если бы не мешала частная собственность на землю, если бы не мешала вздутая рента, если бы не мешало бесправие, забитость и приниженность батрака, если бы не мешали дикие средневековые привилегии юнкерства??

Буржуазный апологет естественно стремится игнорировать общественные и исторические причины отсталости земледелия, сваливая вину на «консервативность сил природы» и на «закон убывающего плодородия». Ничего кроме апологетики и тупоумия не содержится в этом пресловутом законе

А чтобы прикрыть свое позорное отступление к старым пред-рассудкам буржуазной экономии, Давид совершенно так же, как и Булгаков, преподносит нам облыжную ссылку на Маркса. Давид цитирует *ту же страницу* III тома «Капитала» (III B., II Theil, S. 277), которую приводил и г. Булгаков! (См. стр. 481 у Давида и выше разбор г. Булгакова.) *).

То, что сказано мной о *научной добросовестности* г. Булгакова, *всецело* относится и к Давиду. Г. Булгаков искажил цитату из Маркса. Давид ограничился приведением первых слов той же цитаты: «О понижающейся производительности почвы при последовательных приложениях капитала смотри у Либиха» («Das Kapital», III B., II Theil, S. 277). Подобно Булгакову, Давид извратил Маркса, представив читателю дело так, будто это — единственное указание Маркса. На деле, повторяем, всякий, читавший III том «Капитала» (и вторую часть второго тома «Theorien über den Mehrwert»), знает обратное. Маркс *десять раз* показывает, что случай *понижения* производительности добавочных вложений капитала он считает вполне равноправным, одинаково возможным, как и случай *повышения* производительности добавочных вложений капитала.

В примечании на стр. 481 Давид обещает в будущем рассмотреть связь этого закона с рентой, а также «критически рассмотреть попытку Маркса развить и расширить теорию ренты, отвергнув основания, данные Мальтусом и Рикардо».

*) См. стр. 54—55 этого тома. *Ред.*

Беремся предсказать, что критическое рассмотрение Давида будет повторением буржуазных предрассудков à la г. Булгаков или à la товарищ Маслов.

Перейдем к разбору еще одного в корне неверного положения Давида. Опровергать его апологетику или извращения статистики очень уж неблагоприятная работа. По тому вопросу, к которому мы переходим, мы имеем некоторые новые данные, позволяющие противопоставить *фактическую* картину действительности теориям современного мещанства.

XI.

Скотоводство в мелком и крупном хозяйстве.

«Критики» или берпштейншпаны в аграрном вопросе, защищая мелкое производство, ссылаются особенно часто на следующее обстоятельство. Мелкие земледельцы на данную единицу земельной площади держат несравненно больше скота, чем крупные. Следовательно,—говорят,—мелкие земледельцы лучше удобряют почву. Их хозяйство стоит выше в техническом отношении, ибо удобрение играет решающую роль в современном земледелии, а удобрение, получаемое от скота, содержащегося в хозяйстве, во много раз перевешивает все и всякие искусственные удобрения.

Эд. Давид в своей книге: «Социализм и сельское хозяйство» придает этому доводу решающее значение (стр. 326, 526, 527 русс. перев.). Он пишет курсивом: «навоз — душа земледелия» (стр. 308) и делает из этой истины главную основу своей защиты мелкого земледелия. Он приводит немецкую статистику, которая показывает, что в мелких хозяйствах на единицу площади содержится гораздо больше скота, чем в крупных. Давид убежден, что эти данные окончательно решают в его пользу вопрос о преимуществах крупного и мелкого производства в земледелии.

Присмотримся поближе к этой теории и навозной душе сельского хозяйства.

Главный довод Давида и его многочисленных сторонников из буржуазных экономистов — статистический. Сравняется количество скота (на единицу площади) в хозяйствах различного размера. При этом молчаливо предполагается, что сравниваются величины однородные, т.-е. что одинаковое количество скота одного определенного вида представляет из себя и в крупных и в мелких хозяйствах равную, так сказать, сельско-хозяйственную ценность. Предполагается, что

равное количество скота дает равное количество навоза, что скот отличается более или менее одинаковыми качествами в хозяйствах крупных и мелких и т. п.

Очевидно, что от правильности этого обычного молчаливого предположения зависит всецело доказательное значение разбираемого довода. Правильно ли это положение? Если от голой и грубой огульной статистики перейти к анализу общественно-хозяйственных условий мелкого и крупного земледельческого производства в целом, то мы увидим сразу, что как раз подлежащее доказательству принимается этим положением за доказанное. Марксизм утверждает, что в мелком производстве условия содержания скота (а также, как мы видели, условия ухода за землей и содержания работника-земледельца) *хуже* этих условий в крупном хозяйстве. Буржуазная политическая экономия, а за ней бернштейнианцы утверждают обратное: в силу *прилипания* мелкого земледельца условия содержания скота гораздо лучше в мелком хозяйстве, чем в крупном. Чтобы найти статистические данные, проливающие свет на *этот* вопрос, нужна совсем не та статистика, с которой оперирует Давид. Нужно статистическое исследование не о количестве скота в хозяйствах разных размеров, а о качестве его. В немецкой экономической литературе есть такое исследование, может быть, даже не одно. И в высшей степени характерно, что Давид, который заполнил свою книгу бездной неидущих к делу цитат из всевозможных агрономических сочинений, обошел как раз полным молчанием имеющиеся в литературе попытки вскрыть внутренние условия хозяйства мелкого и крупного, на основании детальных обследований. С одной из этих незаслуженно обойденных Давидом работ мы и познакомим читателя.

Известный немецкий писатель по вопросам сельского хозяйства, Дрекслер, напечатал результаты одного монографического «сельскохозяйственного статистического обследования», про которое он справедливо выразился, что «по точности результатов он едва ли имеет себе равное». В провинции Ганновер были обследованы 25 поселений (22 деревни и три помещичьих экономии), при чем по каждому хозяйству отдельно собирались данные не только о количестве земли и количестве скота, *но и о качестве скота*. Для определения качества скота был употреблен особенно точный прием: устанавливался *основной вес* *) каждой штуки скота в килограммах «на основании возможно

*) Давид прекрасно знает этот прием агрономов определять живой вес отдельных штук скота. На стр. 367 он подробно рассказывает, какой живой вес *разных пород* мясного, молочного, рабочего рогатого скота и т. д. Он списывает эти данные у агрономов. Ему и в голову не приходит, что экономисту вообще,

точной оценки отдельных штук скота,—оценки, производившейся сведущими людьми». Получались данные о живом весе каждого сорта животных в хозяйствах различного размера. При этом обследование было повторное: первое в 1875 году, второе в 1884. Данные напечатаны Дрекслером *) в сыром виде, по каждому из трех имений и по трем группам деревень, при чем крестьянские хозяйства в деревнях разделены на семь групп по количеству земли (свыше 50 гектаров, 25—50, 12,5—25, 7,5—12,5, 2,5—7,5, 1,25—2,5 и до 1,25 гектара). Если принять во внимание, что данные Дрекслера относятся к 11 различным видам скота, то читателю ясна станет сложность всех этих таблиц. Чтобы получить сводные данные, позволяющие обозреть общие и основные выводы, мы разделим все хозяйства на пять главных групп: а) крупные имения; б) крестьянские хозяйства, имеющие свыше 25 ha (гектаров) земли; в) от 7,5 до 25 ha; г) 2,5—7,5 ha и д) менее 2,5 ha.

Число хозяйств в этих группах и количество земли у них было в 1875 и 1884 годах следующее:

	В 1875 году.			В 1884 году.		
	Число хозяйств.	Земли у них.	Земли на 1 хоз.	Число хозяйств.	Земли у них.	Земли на 1 хоз.
(В гектарах = ha).						
а) Имения	3	689	229	3	766	255
б) Хоз. с 25 и более ha	51	1.949	38	58	2.449	42
в) » » 7,5—25 ha	274	3.540	13	248	3.135	12
г) » » 2,5—7,5 »	442	1.895	4,3	407	1.774	4,3
д) » » до 2,5 »	1.449	1.279	0,88	1.109	1.027	0,92
Всего . . .	2.219	9.352	4,2	1.825	9.151	5,0

Чтобы пояснить эти цифры, остановимся прежде всего на экономическом типе хозяйств различных размеров. Дрекслер считает, что

социалисту в особенности, важно не различие пород скота, а различие условий его содержания в мелком и крупном, в «крестьянском» и капиталистическом хозяйстве.

*) За 1875 г. в «Schriften des Vereins für Sozialpolitik», Band XXIV, S. 112 («Bäuerliche Zustände», В. III), а за 1885 год в «Thiel's landwirtschaftliche Jahrbücher». Band XV (1886).

все хозяйства с $7\frac{1}{2}$ и более гектаров земли не обходятся без наемного труда. Получается (в 1874 г.) 325 крестьянских хозяйств, нанимающих рабочих. Все хозяйства, имеющие до $2\frac{1}{2}$ га, должны наниматься сами. Из хозяйств, имеющих от 2,5 до 7,5 га (средний размер = 4,3 га), половина, по расчету Дрекслера, обходится без работы по найму, другая же половина должна отпускать наемных рабочих. Следовательно, всего из крестьянских хозяйств 325 капиталистических, 221 мелкое «трудовое» (как сказали бы наши народники), не нанимающее и не нанимающееся, и 1.670 полупролетарских, нанимающихся.

К сожалению, группировка Дрекслера расходится с группировкой общей германской статистики, которая средним крестьянством считает хозяев с 5—20 га. Но все же остается несомненным факт, что большинство этих средних крестьян не обходится без найма рабочих. «Средние» крестьяне в Германии — мелкие капиталисты. Крестьяне же, не нанимающие и не нанимающиеся, составляют ничтожное меньшинство: 221 из 2.216, т.-е. одну десятую часть.

Итак, взятые у нас группы хозяйств по их экономическому типу характеризуются следующим образом: а) крупные капиталистические хозяйства; б) средние капиталистические («гроссбуаэры»); в) мелкие капиталистические; г) мелко-крестьянские и д) полупролетарские.

Общее число хозяйств и общее количество земли у них уменьшилось с 1875 по 1884 год. Уменьшение это приходится главным образом на мелкие хозяйства: имеющие до $2\frac{1}{2}$ га сократились в числе с 1.449 до 1.109, т.-е. на 340 хозяйств, почти на четверть. Наоборот, число крупнейших хозяйств (свыше 25 га) возросло с 54 до 61, а количество земли у них с 2.638 га до 3.215 га, т.-е. на 577 гектаров. Следовательно, общее улучшение хозяйства и повышение культуры в данной местности, которыми восторгается Дрекслер, означает сосредоточение сельского хозяйства в руках *уменьшающегося* числа собственников. «Прогресс» вытолкнул из земледелия почти 400 хозяев из 2.219 (к 1884 г. осталось 1.825) и у оставшихся повысил среднее количество земли на хозяйство с 4,2 гектара до 5. В одной местности капитализм концентрирует данную отрасль земледелия и выталкивает в пролетариат ряд мелких хозяев. В другой местности рост торгового земледелия создает ряд новых мелких хозяйств (например, молочное хозяйство в пригородных деревнях и в целых странах, поставляющих продукты за границу, вроде Дании). В третьих местностях дробление средних хозяйств увеличивает число мелких. Огульная статистика прикрывает все эти процессы, для изучения которых необходимы детальные исследования.

Прогресс сельского хозяйства в описываемой местности выразился особенно в улучшении скотоводства. При этом общее число штук скота уменьшилось. В 1875 году было 7.208 штук скота (в переводе на крупный), в 1884—6.993. Для огульной статистики это уменьшение количества скота служило бы признаком упадка скотоводства. На деле улучшилось качество скота, так что если взять не число штук скота, а общий «живой вес» их, то получим 2.556.872 килограмма в 1875 г. и 2.696.107 кг. в 1884 году.

Капиталистический прогресс скотоводства сказывается не только, иногда даже не столько, в увеличении числа, сколько в улучшении качества, в замене худшего скота лучшим, в увеличении корма и т. д.

Среднее число штук скота на одно хозяйство составляло:

	В 1875 году.			В 1884 году.		
	Крупного скота.	Мелкого.	Всего.	Крупного скота.	Мелкого.	Всего.
	В пер. на крупн.					
а) Именья	105	69	174	110	41	151
б) Хоз. с 25 и бол. ha.	13,2	11,0	24,2	13,7	10,5	24,2
в) » » 7,5—25 ha.	5,4	3,8	9,2	4,9	4,2	9,1
г) » » 2,5—7,5 »	2,8	1,4	3,6	2,2	1,8	4,0
д) » » до 2,5 »	0,3	0,6	0,9	0,4	0,7	1,1
Всего	1,7	1,5	3,2	2,0	1,8	3,8

В крупнейших хозяйствах количество скота уменьшилось. В самых мелких возросло и возросло тем быстрее, чем мельче хозяйство. Казалось бы, прогресс мелкого производства и регресс крупного? То-есть подтверждение теории Давида?

Но стоит взять данные о *среднем весе* скота, и иллюзия рассеивается. (См. табл. на след. стр.)

Первый вывод из этих данных состоит в том, что качество скота тем лучше, чем крупнее размеры хозяйства. Разница в этом отношении между хозяйствами капиталистическими и мелко-крестьянскими или полупролетарскими оказывается громадной. Напр., в 1884 году эта разница между хозяйствами наибольшего и наименьшего размера превышает *сто процентов*: средний вес средней штуки скота в крупно-

	Средний вес (в кг.) штуки скота.					
	В 1875 году.			В 1884 году.		
	Круп-ного.	Мелко-го *).	Всего.	Круп-ного.	Мелко-го.	Всего
а) Именья	562	499	537	617	624	619
б) Хоз. с 25 и бол. ha	439	300	376	486	349	427
в) » » 7,5—25 ha	409	281	356	432	322	382
г) » » 2,5—7,5 »	379	270	337	404	287	352
д) » » до 2,5 »	350	243	280	373	261	301
Среднее	412	256	354	446	316	385

капиталистических хозяйствах 619 килограммов, а в полупролетарских — 301, т.-е. более чем в два раза меньше! Можно судить поэтому, как поверхностно рассуждает Давид и его единомышленники, когда они предполагают одинаковость качества скота в крупном и мелком хозяйстве.

Выше мы уже указывали, что содержание скота вообще хуже в мелком хозяйстве. Теперь мы имеем фактическое подтверждение этого. Данные о живом весе скота дают самое точное представление обо *всех* условиях содержания скота: корм, помещение, работа, уход — все это суммируется, так сказать, в результатах, которые в монографии Дреклера получили статистическое выражение. Оказывается, что все «прилежание» мелкого крестьянина в уходе за скотом — прилежание, воспетое нашим г. В. В. и немецким Давидом — не в состоянии даже приблизительно уравновесить выгоды крупного производства, дающего продукт вдвое лучшего качества. Капитализм осуждает мелкого крестьянина на вечную маету, на бесполезное расхищение труда, — ибо тщательнейший уход за скотом при недостатке средств, при недостатке корма, при худом качестве скота, при худом помещении и проч. равносильен бесполезному расхищению труда. Буржуазная политическая экономия в своей оценке выдвигает на первый план не это разорение и угнетение крестьянина капитализмом, а «прилежание»

*) Различный мелкий скот переведен на крупный по обычным нормам. За один год по одному из 11 видов скота число штук определено приблизительно, данные есть только о весе, а не о числе штук.

трудящегося (трудящегося на *капитал* при самых худших условиях эксплуатации).

Второй вывод из приведенных данных состоит в том, что качество скота за указанное десятилетие улучшилось в среднем, улучшилось также во всех разрядах хозяйства. Но в результате этого общего улучшения различие условий скотоводства в крупном и мелком хозяйстве стало не менее, а *более* значительным. Общее улучшение не сравнивало крупные и мелкие хозяйства, а углубило пропасть между ними, — ибо крупное хозяйство обгоняет мелкое в этом процессе улучшения. Вот сравнение среднего веса средней штуки скота по группам в 1875 и 1884 годах:

	Средний вес средней штуки скота в килограммах.		Увеличение на:	Увеличение в процентах.
	1875 г.	1884 г.		
а) Имена	537	619	+82	+15,2
б) Хов. с 25 и бол. ha.	376	427	+51	+13,6
в) » » 7,5—25 ha.	356	382	+26	+ 7,3
г) » » 2,5—7,5 »	337	352	+15	+ 4,4
д) » » до 2,5 »	280	301	+21	+ 7,5
Среднее	354	385	+29	+ 8,2

Улучшение наибольшее в крупно-капиталистических, затем средне-капиталистических хозяйствах, совсем ничтожное в мелко-крестьянских и очень незначительное в остальных. Дрекслер, как и подавляющее большинство агрономов, пишущих по вопросам сельско-хозяйственной экономики, заметил одну только техническую сторону дела. В своем пятом выводе из сравнения 1875 и 1884 годов он говорит: «Наблюдается весьма значительный прогресс в скотоводстве*): уменьшение числа голов скота и улучшение качества; средний живой вес штуки скота значительно повысился в каждой из трех групп деревень **). Это

*) Дрекслер говорит здесь обо всем скоте, кроме рабочего (так наз. Nutzvieh). Мы приведем ниже данные о рабочем скоте отдельно. Общий вывод остается тот же, какие бы виды скота или какие бы группы видов скота мы ни брали.

***) Дрекслер делит 22 деревни на три группы по географическому положению и др. условиям хозяйства. Мы брали только сводные данные, чтобы не

означает, что *более или менее повсюду* (ziemlich allgemein) произошло существенное улучшение в выращивании скота, в корме и в уходе за скотом».

Подчеркнутые нами слова: «более или менее повсюду» свидетельствуют как раз об игнорировании автором общественно-экономической стороны вопроса: «более» относится к крупным хозяйствам, «менее» к мелким. Дрекслер не заметил этого, ибо обратил внимание только на данные о группах деревень, а не о группах хозяйств разного типа.

Перейдем теперь к данным о рабочем скоте, которые проливают свет на условия хозяйства в тесном смысле слова земледельческого. По количеству рабочего скота рассматриваемые нами хозяйства характеризуются такими цифрами:

	Штук рабочего скота в среднем на 1 хоз.	
	1875	1884
а) Имена	27	44
б) Хоз. с 25 и бол. га	4,7	5,5
в) » » 7,5—25 га	2,1	2,4
г) » » 2,5—7,5 »	1,3	1,5
д) » » до 2,5 »	0,07	0,16
Среднее . . .	0,7	1,0

Следовательно, хозяйства полупролетарские (до 2,5 га — таких хозяйств в 1884 г. было 1.109 из 1.825) в громадном большинстве своем совершенно лишены рабочего скота. Эти хозяйства нельзя и считать земледельческими хозяйствами в настоящем значении слова. Во всяком случае, по условиям применения рабочего скота нельзя сравнивать с крупными хозяйствами такие, которые в 93% или в 84% вовсе не употребляют рабочего скота. Если же мы сравним в этом отношении крупные капиталистические хозяйства и мелко-крестьянские, то увидим, что в первых (группа а) 132 штуки рабочего скота приходится на 766 га земли, в последних (группа г) 632 штуки на 1.774 га

загромождают статьи цифрами. Выводы не изменяются, какие бы группы деревень мы ни брали.

(1884 г.), т.-е. в первых 1 штука раб. скота приходится на *шесть* приблизительно гектаров, в последних — на *три* приблизительно гектара. Ясно, что мелкие хозяйства несут *вдвое* больший расход на содержание рабочего скота. Мелкое производство означает раздробление технических средств хозяйства и расхищение труда в силу этого раздробления.

Отчасти причиной этого раздробления является то, что мелким хозяйствам приходится прибегать к употреблению рабочего скота *худшего качества*, именно к употреблению коров в качестве рабочего скота. В общем числе штук *рабочего* скота был следующий процент коров:

	В 1875 г.	В 1884 г.
а) Именья	—	—
б) Хоз. с 25 и бол. га	—	2,5%
в) » » 7,5—25 га	6,3%	11,4%
г) » » 2,5—7,5 »	60,7%	64,9%
д) » до 2,5 »	67,7%	77,9%
Среднее	27,0%	33,4%

Отсюда ясно видно, что употребление коров для полевых работ возрастает и что в полупролетарских и мелко-крестьянских хозяйствах главным рабочим скотом являются коровы. Давид склонен считать это прогрессом,—совершенно так же, как стоящий всецело на буржуазной точке зрения Дрекслер, который пишет в своих выводах: «Большое число мелких хозяйств перешло к *более целесообразному* для них употреблению коров в виде рабочего скота». «Целесообразнее» это для мелких хозяев потому, что *дешевле*. А дешевле потому, что лучший рабочий скот заменяется худшим. Восхищающий Дрекслеров и Давидов прогресс мелких крестьян всецело равняется прогрессу исчезающих ручных ткачей, которые переходят к все более и более худшим материалам, к отбросам фабричного производства.

Средний вес рабочих коров составлял в 1884 г. 381 килограмм*), тогда как рабочих лошадей—482 кг., а рабочих волов—553 кг. Этот

*) Средний вес коров, не употребляемых для полевых работ,—421 кг.

последний вид рабочего скота, наиболее сильный, составлял в 1884 г. более половины во всем составе рабочего скота крупных капиталистических хозяйств; — около одной четверти у средних и мелких капиталистов; — менее одной пятой у мелких крестьян и менее десятой доли у полупролетарских хозяйств. Следовательно, чем крупнее хозяйство, тем выше качество рабочего скота. Средний вес средней штуки рабочего скота таков:

	В 1875 г.	В 1884 г.
а) Имени	554	598
б) Хоз. с 25 и бол. ha	542	537
в) » » 7,5—25 ha	488	482
г) » » 2,5—7,5 »	404	409
д) » до 2,5 »	377	378
Среднее	464	460

В общем и целом, следовательно, рабочий скот *ухудшился*. На деле, в крупных капиталистических хозяйствах мы видим значительное улучшение, во всех остальных застой или ухудшение. По качеству рабочего скота разница между крупным и мелким производством тоже *возросла* с 1875 по 1884 год. Переход мелких хозяйств к употреблению коров в качестве рабочего скота есть общее явление в Германии *). И наши данные доказывают с документальной точностью, что этот переход означает ухудшение условий с.-х. производства, означает увеличение нужды крестьянства.

Чтобы закончить обзор данных монографии Дрекслера, приведем еще расчет количества и веса всего скота на единицу земельной площади, т.-е. тот расчет, который Давид делает по данным германской с.-х. статистики вообще (см. табл. на след. стр.).

Данные о числе штук скота на 1 гектар земли, это — те данные, которыми ограничивается Давид. В нашем примере, как и в германском сельском хозяйстве в его целом, эти данные показывают *уменьшение* количества скота на единицу площади в крупных хозяйствах. В 1884 г., напр., в полупролетарских хозяйствах приходится ровно

*) См. об этом выше, главу VIII: «Общие данные немецкой с.-х. статистики».

	На 1 га земли приходится:			
	Штук скота всего (в иерев. на крупн.)		Веса всего скота в килограммах.	
	1875	1884	1875	1884
а) Имена	0,77	0,59	408	367
б) Хоз. с 25 и бол. га	0,63	0,57	238	244
в) » » 7,5—25 га	0,71	0,72	254	277
г) » » 2,5—7,5 »	0,85	0,94	288	328
д) » до 2,5 »	1,02	1,18	286	355
Среднее	0,77	0,76	273	294

вдвое больше скота на 1 га, чем в крупно-капиталистических (1,18 против 0,59). Но мы знаем уже теперь, что в таком расчете сравниваются несравнимые вещи. Данные о весе скота показывают действительное соотношение хозяйств: крупное производство оказывается лучше поставленным и в этом отношении, имея максимум скота по весу на единицу площади, а следовательно, и максимум удобрения. Таким образом вывод Давида, что удобрением лучше обеспечены, в общем и целом, мелкие хозяйства, прямо противоположен действительности. И при этом надо иметь в виду, что наши данные, во-первых, не касаются искусственных удобрений, покупка которых под силу только состоятельным хозяевам, а во-вторых, сравнение количества скота по весу приравнивает крупный мелкий скот — приравнивает, напр., 45.625 кг. — вес 68 голов в крупном хозяйстве — и 45.097 кг. — вес 1.786 коз в мелких хозяйствах (1884 г.). На деле перевес крупных хозяйств в обеспечении навозным удобрением значительнее, чем показывают наши цифры *).

Итог: посредством фразы «навоз — душа сельского хозяйства» Давид обошел общественно-экономические отношения в специально скотоводческом хозяйстве и представил дело в совершенно извращенном виде.

*) Напомним вышеприведенные (гл. VI) указания Klawki: «производство навоза у мелких хозяев хуже: солома у их хлебов короче, бльшая часть соломы идет на корм скоту (значит, опять-таки ухудшение качества корма), и на подстилку скоту употребляется меньше соломы».

Крупное производство в капиталистическом земледелии имеет громадный перевес над мелким по качеству скота вообще, по качеству рабочего скота в частности, по условиям содержания скота, улучшения его и утилизации для удобрения.

ХII.

„Идеальная страна“ с точки зрения противников марксизма в аграрном вопросе *).

Земледельческие отношения и порядки в Дании представляют особенно много интереса для экономиста. Мы видели уже **), как главный представитель ревизионизма в современной литературе по аграрному вопросу, Эд. Давид, усиленно использует пример датских сельско-хозяйственных союзов и датской «мелкой крестьянской» (якобы) культуры. Генрих Пудор, работой которого пользуется Э. Давид, называет Данию «идеальной страной с.-х. товариществ»***). И у нас в России представители либерально-народнических взглядов не менее часто «kozyряют» Данией против марксизма, в пользу теорий о жизнеспособности мелкого хозяйства в земледелии, — укажем, хотя бы, речь либерала Герценштейпа в I Думе ²³⁾ и народника Караваева во II Думе ²⁴⁾.

Сравнительно с другими европейскими странами, в Дании мы видим действительно наибольшую распространенность «мелкого крестьянского» хозяйства и наибольшее процветание земледелия, сумевшего приспособиться к новым требованиям и условиям рынка. Если возможно «процветание» мелкого земледелия в странах с товарным производством, то, конечно, Дания из всех европейских стран находится в наилучшем положении в этом отношении. Поэтому подробное ознакомление с аграрным строем Дании представляет двоякий интерес. Мы увидим на примере целой страны, каковы приемы ревизионизма в аграрном вопросе и каковы действительные основные черты капиталистических аграрных порядков в «идеальной» капиталистической стране.

*) XII глава напечатана в сборнике «Текущая жизнь». Спб. 1908, стр. 10—27:

**) Вл. Ильин, «Аграрный вопрос», ч. I, ст. «Аграрный вопрос и критики Маркса», гл. X и XI (см. выше стр. 143—164 этого тома. *Ред.*).

***) Dr. Heinrich Pudor: «Das landwirtschaftliche Genossenschaftswesen im Auslande». I B., S. V. Lpz. 1904. Пудор — ярый враг марксизма.

Сельско-хозяйственная статистика Дании организована по образцу других европейских стран. Но в некоторых отношениях она дает более подробные сведения и лучше разработанные цифры, позволяющие учесть такие стороны вопроса, которые обычно остаются в тени. Начнем с общих данных о распределении хозяйств на группы по размерам площади. Обычную в Дании меру земли «гарткорн» мы будем переводить на гектары (га), считая—на основании указаний датской с.-х. статистики—по 10 гектаров на 1 гарткорн *).

Датская с.-х. статистика дает сведения о распределении хозяйств за 1873, 1885 и 1895 годы, при чем все хозяйства делятся на 11 групп: без земли, до 0,03 га (точнее: до $\frac{1}{32}$ гарткорна), 0,03—2,5 га, 2,5—10 га, 10—20, 20—40, 40—80, 80—120, 120—200, 200—300, 300 и сверх того. Чтобы не слишком раздроблять внимание читателя, мы соединим эти группы в 6 более крупных групп. (См. табл. на стр. 166.)

Прежде всего из этих данных вытекает тот основной вывод, который упускает постоянно из виду буржуазная политическая экономия и идущие по ее стопам ревизионисты. Это — тот вывод, что громадное большинство земель в Дании находится в руках капиталистически хозяйничающих земледельцев. Не может подлежать сомнению, что не только хозяева, имеющие по 120 и более того гектаров земли, ведут хозяйство при помощи наемного труда, но также и хозяева с 40 и более гектарами земли. Эти две высшие группы составляли в 1895 году всего 11% общего числа хозяйств, но в их руках сосредоточено 62% всего количества земли, т.-е. более трех пятых. В основе датского сельского хозяйства лежит крупное и среднее капиталистическое земледелие. Разговоры о «крестьянской стране» и о «мелкой культуре»—сплошная буржуазная апологетика, извращение фактов разными титулованными и не-титулованными идеологами капитала.

Необходимо заметить при этом, что в Дании, как и в других европейских странах с вполне установившимся капиталистическим строем сельского хозяйства, доля высших, капиталистических групп в общей сумме национального хозяйства изменяется во времени довольно слабо. В 1873 г. у 13,2% капиталистических ферм было 63,9% всей земли; в 1885 г. у 11,5% ферм—62,3% земли. Эту устойчивость крупного земледелия надо всегда иметь в виду, когда заходит речь о сравнении данных за разные годы, ибо в литературе очень часто можно наблюдать, как посредством таких сравнений, касающихся изменений

*) Danemarks Statistik. Statistik Aarbog 8-de Jargang. 1903. P. 31, примечание. Все нижеприводимые данные относятся к Дании в собственном смысле слова, т.-е. без Борнхольма,

	1873.				1885.				1895.			
	Число хо- зяйств.	%	Земли на.	%	Число хо- зяйств.	%	Земли на.	%	Число хо- зяйств.	%	Земли на.	%
Без земли	31.253	13,3	—	—	35.329	13,6	—	—	32.946	12,4	—	—
До 2,5 га	65.490	27,9	54.340	1,5	82.487	31,8	62.260	1,7	92.656	34,8	63.490	1,8
2,5—10 »	65.672	27,9	333.760	9,1	67.773	26,2	345.060	9,5	66.491	25,0	341.020	9,4
10—40 »	41.671	17,7	928.310	25,5	43.740	16,9	966.850	26,5	44.557	16,8	981.070	26,8
40—120 »	29.288	12,5	1.809.590	49,6	27.938	10,8	1.722.820	47,1	27.301	10,3	1.691.950	46,4
120—и свыше	1.856	0,7	22.410	14,3	1.953	0,7	551.530	15,2	2.031	0,7	568.220	15,6
Всего	235.230	100,0	3.648.410	100,0	259.220	100,0	3.648.520	100,0	265.982	100,0	3.645.750	100,0

в *деталлях*, затушевывают *основные* черты данного общественно-экономического уклада.

Масса мелких хозяйств в Дании, как и в других европейских странах, играет ничтожную роль в общей сумме сельско-хозяйственного производства. Общее число хозяйств с количеством земли до 10 га составляло в 1895 г. 72,2⁰/₀ всего числа хозяйств; земли же у них только 11,2⁰/₀. Это соотношение остается тоже постоянным в своей основе и в 1885 и в 1873 г.г. Мелкие хозяйства принадлежат зачастую полупролетариям,—немецкая статистика доказала это, как мы видели, по отношению к хозяйствам до 2 га безусловно, а отчасти и по отношению к хозяйствам до 5 га. Ниже, приводя данные о количестве скота в хозяйствах разных групп, мы увидим, что о действительно самостоятельном и сколько-нибудь прочном земледелии не может быть и речи по отношению к массе этих пресловутых представителей «мелкой культуры». 47,2⁰/₀ хозяйств, т.-е. почти половина—пролетарии и полупролетарии (без земли и до 2,5 га); 25⁰/₀, т.-е. еще четверть хозяйств (2,5—10 га) нуждающихся мелких крестьян,—такова *основа* «процветания» сельско-хозяйственного капитализма в Дании. Конечно, по данным, относящимся к количеству земли, можно только в самых общих чертах, в валовых итогах судить о стране с сильно развитым торговым скотоводством. Но данные о скотоводстве, подробно разбираемые нами ниже, только *усиливают*, как увидит читатель, сделанные выводы.

Теперь посмотрим, как изменялось с 1873 по 1895 год распределение земли в Дании между крупными и мелкими хозяйствами. Здесь нам сразу бросится в глаза типично-капиталистическое усиление крайностей и ослабление средних хозяйств. Процентная доля числа земледельческих хозяйств (т.-е. не считая хозяйств без земли) *увеличивается* у мельчайших хозяйств до 2,5 га: 27,9⁰/₀ в 1873 г., 31,8⁰/₀ в 1885 г. и 34,8⁰/₀ в 1895 г. Эта доля *уменьшается* далее во всех средних группах и остается неизменной (0,7⁰/₀) *только* у самой высшей группы, с 120 и более га. Процентная доля всей земли *увеличивается* в крупнейшем хозяйстве, 120 и более га: 14,3⁰/₀—15,2⁰/₀—15,6⁰/₀ за три указанные года, затем *увеличивается* менее значительно в среднем крестьянском хозяйстве (от 10 до 40 га: 25,5⁰/₀—26,5⁰/₀—26,8⁰/₀), при уменьшении доли всего числа хозяйства в этой группе; затем *неправильно возрастает* в хозяйстве с 2,5—10 га (9,1⁰/₀—9,4⁰/₀) и *непрерывно увеличивается* в мельчайшем хозяйстве (1,5—1,7—1,8). В результате—самая явственная тенденция к росту крупнейших и мельчайших хозяйств. Чтобы яснее представить это явление, надо взять средние размеры хозяйств по группам за разные годы. Вот данные этого рода:

	Средние размеры хоз. (в гектарах).		
	1873	1885	1895
Хозяйства до 2,5 ha	0,83	0,75	0,68
» 2,5— 10 »	5,08	5,09	5,13
» 10— 40 »	22,28	22,08	22,01
» 40—120 »	61,00	61,66	61,97
» 120 и > »	281,40	282,30	279,80
В среднем	15,50	14,07	13,70

Из этих данных мы видим, что размеры хозяйств в большинстве групп чрезвычайно устойчивы. Колебания ничтожны: 1—2⁰/₀ (например, 279,8—282,3 ha или 22,01—22,28 ha и т. д.). Исключением являются *только* мельчайшие хозяйства, которые, несомненно, *дробятся*: уменьшение среднего размера таких хозяйств (до 2,5 ha) с 1873 по 1885 г. на 10⁰/₀ (с 0,83 до 0,75 ha), то же с 1885 по 1895 г. Общий прирост всего числа хозяйств идет в Дании при почти неизменном количестве всей земли (с 1885 по 1895 г. даже небольшое уменьшение общего количества земли). При этом большая часть прироста падает на мельчайшие хозяйства. Так, с 1873 по 1895 год все число хозяйств возросло на 30.752 хозяйства; число же хозяйств до 2,5 ha возросло на 27.166 хозяйств. Понятно, что при таком условии уменьшение среднего размера всех вообще хозяйств в Дании (15,5 ha в 1873 г., 14,1 в 1885 г. и 13,7 ha в 1895 г.) означает на деле *исключительно дробление мельчайших* хозяйств.

Еще более наглядным становится отмеченное нами явление, если взять более мелкое разделение групп. В предисловии к земледельческой статистике Дании за 1895 год (Danemarks Statistik etc. Danemarks Jordbrug. 4-de Raekke, Nr 9, litra C) составители дают такой расчет изменения в числе хозяйств по группам (см. табл. на след. стр.).

Увеличиваются, следовательно, такие карликовые хозяйства, которые либо посвящены специальным культурам, либо означают «хозяйства» *наемных рабочих*.

Этот вывод стоит отметить, потому что апологетическая профессорская «наука» склонна заключать из уменьшения среднего размера всех хозяйств вообще о побивании крупного производства мелким в земледелии. На деле мы видим прогресс самого крупного земледе-

	% увеличения или уменьшения	
	с 1873 по 1885 г.	с 1885 по 1895 г.
Хозяйства с 300 и более ha	+ 4,2	+ 5,0
» 200 — 300 »	0	+ 6,1
» 120 — 200 »	+ 5,2	+ 5,1
» 80 — 120 »	— 1,5	— 2,1
» 40 — 80 »	— 2,4	— 5,0
» 20 — 40 »	+ 1,0	+ 3,6
» 10 — 20 »	+ 2,8	+ 6,5
» 2,5 — 10 »	— 1,9	+ 3,2
» 0,03 — 2,5 »	+ 2,1	+ 17,8
» 0 — 0,03 »	+ 25,1	+ 37,9

лия, устойчивость размеров хозяйства во всех группах, кроме самой мелкой, и *дробление* хозяйств в этой последней. Это дробление приходится приписать упадку и обнищанию мелкого земледелия: другое возможное объяснение, переход от агрикультуры в тесном смысле к скотоводству, — не может быть принято относительно всех мельчайших хозяйств, ибо переход этот происходит во *всех* группах, как сейчас увидим. В такой стране, как Дания, для суждения о размерах хозяйства земледельцев гораздо важнее данные о скотоводстве, чем о площади земли, ибо на одной и той же площади возможны хозяйства разных размеров, когда скотоводство и молочное хозяйство развиваются особенно быстро.

Именно это явление и наблюдается, как известно, в Дании. «Прцветание» датского сельского хозяйства зависит главным образом от быстрых успехов торгового скотоводства с вывозом молочных продуктов, мяса, яиц и т. д. в Англию. Здесь мы встречаемся с торжественным заявлением Пудора, что Дания *«обязана колоссальным подъемом своего молочного хозяйства именно децентрализации своего скотоводства и скотоводческого хозяйства»* (1. с., стр. 48, курсив Пудора). Неудивительно, что такое искажение фактов позволяет себе Пудор, чистейший торгош по всей системе своих взглядов, абсолютно чуждый всякого понимания капиталистических противоречий. Но в высшей

степени характерно, что за Пудором без критики плетется и мещанин Давид, по недоразумению числящийся в социалистах!

На деле именно Дания показывает нам особенно наглядно *концентрацию* скотоводства в капиталистической стране. Пудор мог прийти к обратному выводу, только благодаря своему крайнему невежеству и извращению тех *обрывков* статистики, которые он приводит в своей книжонке. Пудор приводит — а Давид рабски повторяет — цифры, показывающие распределение всего числа скотоводческих хозяйств Дании по количеству скота. Выходит по Пудору, что 39,85% всего числа *имеющих скот* хозяйств имеют только по 1—3 штуки, затем 29,12% по 4—9 штук. и т. д. Следовательно, заключает Пудор, большинство хозяйств — «мелкие», «децентрализация» и т. д.

Во-первых, Пудор приводит *неверные* цифры. Это приходится отметить, ибо сей Пудор хвастливо заявляет, что в его труде можно пайти все «новейшие» статистические данные, а ревизионисты «опровергают марксизм», ссылаясь на невежественных буржуазных кропателей. Во-вторых, и это главное, — *прием* аргументации Пудоров и Давидов слишком часто повторяется нашими кадетами и цародниками, чтобы не остановиться на нем. По *такому* приему рассуждений неизбежно придется заключить о «децентрализации» *промышленности* в самых передовых капиталистических странах, ибо *везде и всегда* процент мельчайших и мелких заведений наибольший, а процент крупных — ничтожный. Пудоры и Давиды забывают «мелочь»: сосредоточение преобладающей части всего производства в небольшой доле крупных предприятий.

Действительное распределение всего рогатого скота в Дании по последней переписи 15 июля 1898 г. было таково *) (см. табл. на стр. 171).

Отсюда мы видим, какую роль в общем скотоводческом хозяйстве Дании играют многочисленные мелкие и немногочисленные крупные хозяйства, какова пресловутая «децентрализация» производства в «идеальной стране». Мелких хозяйств, с 1—3 штуками рогатого скота, 68.292, т.-е. 37,9% общего числа; у них 140.730 штук рогатого скота, т.-е. всего 8,6% общей суммы. Почти столько же, 133.802 штуки, т.-е. 7,7%, имеют 783 крупнейших хозяина — 0,4% общего числа хозяев. Первые имеют в среднем по 2 с небольшим штуки рогатого скота, т.-е. явно недостаточное количество, при котором вести торговое скотоводство, сбывать молочные и мясные продукты мож-

*) Danemarks Statistik. Statistik Tabelvaerk. Femte Raekke, litra C, № 2. Peaturholdet d. 15 juli 1898. Kobenhavn 1901.

		Хозяйств.	%	Голов рог. скота.	%
Г	1 шт. рогат. скота . . .	18.376	10,2	18.376	1,0
»	2 » » » . . .	27.394	15,2	54.788	3,1
»	3 » » » . . .	22.522	12,5	67.566	3,9
»	4— 5 » » » . . .	27.561	15,2	121.721	7,0
»	6— 9 » » » . . .	26.022	14,4	188.533	10,8
»	10— 14 » » » . . .	20.375	11,3	242.690	13,9
»	15— 29 » » » . . .	30.460	16,9	615.507	35,3
»	30— 49 » » » . . .	5.650	3,1	202.683	11,6
»	50— 99 » » » . . .	1.498	0,8	99.131	5,7
»	100—199 » » » . . .	588	0,3	81.417	4,7
»	200 и больше » . . .	195	0,1	52 385	3,0
В с е г о		180.641	100,0	1.744.797	100,0

но только в ущерб собственному питанию (вспомним известные факты: масло продают, а себе покупают более дешевый маргарин и т. п.). Вторые имеют в среднем по 171 штучке рогатого скота. Это — крупнейшие капиталистические фермеры, «фабриканты» молока и мяса, «водители» технического прогресса и всевозможных сельско-хозяйственных союзов, которыми восторгаются мещанские поклонники «социального мира».

Если мы соединим вместе мелких и средних хозяев, то получим общее число владельцев до 9 штук рогатого скота — 121.875 хозяев, т.-е. две трети общего числа хозяев (67,5%). У них 450.984 штуки рогатого скота, т.-е. четверть общей суммы (25,8%). Почти столько же, именно 435.616 штук (25%), имеют хозяева, владеющие 30 и более штуками, при чем число этих хозяев 7.931, т.-е. 4,3% всего числа хозяев. Хороша «децентрализация»!

Сводя вышеприведенные мелкие деления датской статистики в три крупные группы, получаем (см. табл. на стр. 172).

Итак, *три четверти* всего скотоводческого хозяйства Дании сосредоточено в руках 58.766 хозяев, т.-е. менее чем *трети* общего

	Число хозяйств.	%	Голов рог. скота.	%	Среднее на 1 хоз.
Хозяйства с 1—3 гол. рог. ск.	68.292	37,9	140.730	8,0	2,1
» » 4—9 » » »	53.583	29,6	310.254	17,8	5,8
» » 10 и более » » »	58.766	32,5	1.293.813	74,2	22,0
Всего	180.641	100,0	1.744.797	100,0	9,7

числа хозяев. Эта третья часть хозяев и извлекает львиную долю выгод из всего «процветания» капитализма в сельском хозяйстве Дании. При этом необходимо иметь в виду, что такой высокий процент зажиточных крестьян и богатых капиталистов (32,5⁰/₀, т.-е. почти треть) получается благодаря искусственному приему расчета, удаляющему *всех бескотных хозяев*. На деле этот процент гораздо ниже. Все число сельских хозяев Дании перепись 1895 года определила, как мы видели, в 265.982, а перепись скота 15 июля 1898 года считает общее число хозяев в 278.673. По отношению к этому действительному итогу всего числа сельских хозяев 58.766 зажиточных и богатых составят всего 21,1⁰/₀, т.-е. *всего пятую часть*. Если безземельные «хозяева» составляют 12,4⁰/₀ всего числа сельских хозяев Дании (1895 г.—32.946 из 265.982), то бескотные *) хозяева составляют 35,1⁰/₀ *всего числа сельских хозяев Дании*, т.-е. *более трети* (1898 г.—98.032 из 278. 673). Можно судить поэтому, какого сорта «социализм» господ Давидов, не замечающих, что капиталистическое процветание датского сельского хозяйства базируется на *массовой пролетаризации* сельского населения, на лишении средств производства *массы «сельских хозяев»*.

Перейдем теперь к данным, рисующим в целом и земледельческое и все скотоводческое хозяйство Дании. Перепись 15 июля 1898 года дает подробные сведения о количестве скота в разных группах сельских хозяев, владеющих тем или иным количеством земли. Число этих групп в датской статистике особенно велико (14 групп: без земли,

*) Точнее, хозяева без рогатого скота, ибо датская статистика не дает, к сожалению, числа хозяев, не имеющих *никакого* скота. Мы узнаем из этой статистики только число владельцев каждого отдельного вида скота. Но рогатый скот является, несомненно, главной основой всего скотоводческого хозяйства Дании.

до $\frac{1}{32}$ гарткорпа, $\frac{1}{32}$ — $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{16}$ — $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{2}$ —1, 1—2, 2—4, 4—8, 8—12, 12—20, 20—30, 30 и выше), и мы сводим данные в шесть принятых уже нами крупных групп. (См. табл. на стр. 174.)

Из этих данных мы видим прежде всего, как велика концентрация *всего* скотоводства в Дании. Крупные капиталистические хозяйства, имеющие свыше 40 га земли, составляют всего *десятую* долю общего числа хозяйств (10,7%), концентрируя в то же время *свыше трех пятых* всей земли (62,6%) и *почти половину* всего скота: 45,6% всего числа лошадей, 48,4% всего количества рогатого скота, 32,7% всего числа овец, 44,6% всего числа свиней.

Если прибавить к этим капиталистическим хозяйствам зажиточное крестьянство, т.-е. владельцев 10—40 гектаров земли, то получим немного более четверти общего числа хозяйств (27,0%), сосредоточивающих девять десятых всей земли, три четверти всего числа лошадей, четыре пятых всей суммы рогатого скота, семь десятых всего числа свиней, почти половину всего количества домашней птицы. Громадная масса «сельских хозяйств», почти три четверти (73%), владеет менее чем по 10 гектаров земли, составляет в общем и целом пролетаризированную и полупролетаризированную массу, играет ничтожную роль в общей сумме земледельческого и скотоводческого хозяйства всей страны.

Затем, что касается распределения разных видов скота, то в этом отношении особенно заслуживают внимания овцеводство и свиноводство. Первое принадлежит к падающим отраслям скотоводства, невыгодным в данное время для большинства европейских стран вследствие рыночных условий, конкуренции заокеанских стран. Условия международного рынка требуют замены овцеводства другими видами скотоводства. Наоборот, разведение свиней принадлежит к особенно выгодным и быстро развивающимся отраслям мясного скотоводства в Европе. Статистика показывает нам, что и в Дании овцеводство падает, разведение свиней особенно быстро увеличивается. С 1861 по 1898 год число овец в Дании уменьшилось с 1,7 миллиона штук до 1,1 миллиона. Число голов рогатого скота возросло с 1,1 миллиона до 1,7 милл. Число свиней возросло с 0,3 милл. до 1,2 милл., т.-е. увеличилось в четыре раза.

И вот, сравнивая распределение овец и свиней в мелких и крупных хозяйствах, мы ясно видим наибольшую рутинность первого, наименьшую приспособляемость его к требованиям рынка, медленность переустройства хозяйства соответственно новым условиям. Крупные капиталистические хозяйства (40—120 га, 120 и более га) сократили невыгодное овцеводство всего значительно (28,9% и 3,8% овец

**Земледелие и скотоводство в Дании по переписи
15 июля 1898 года.**

Группы хозяйств.	Число хозяйств.		Земли ha.	Лошадей.		Коров.	Всего скота.		Овец.	Свиней.	Площадь.		
	Число	%		%	Лош.		%	Всего скота.			%	Площ.	%
Без земли . .	13.435	4,8	—	1.970	0,5	3.707	0,3	4.633	0,3	8.943	0,8	220.147	2,5
С неизвестным колич. земли	45.896	16,5	?	28.909	6,4	28.072	2,6	42.150	2,4	42.987	4,0	780.585	8,9
До 2,5 ha . .	80.582	28,9	55.272	24.540	5,5	66.171	6,2	88.720	5,1	99.705	9,3	1.649.452	18,8
2,5—10 » . .	63.420	22,8	323.430	54.900	12,2	175.182	16,4	247.618	14,2	187.460	17,5	1.871.242	21,4
10—40 » . .	45.519	16,3	984.983	133.793	29,8	303.244	28,5	515.832	29,6	383.950	35,7	1.957.726	22,3
40—120 » . .	27.620	9,9	1.692.285	168.410	37,5	361.669	33,9	639.563	36,6	310.686	28,9	1.998.595	22,8
120 и свыше .	2.201	0,8	588.318	36.807	8,1	129.220	12,1	206.281	11,8	40.682	3,8	289.155	3,3
Всего . .	278.673	100	3.644.288	449.329	100	1.067.265	100	1.744.797	100	1.074.413	100	8.766.902	100

Примечание. Данные 1898 года расходятся с данными 1895 года относительно распределения хозяйств по количеству земли. Это может зависеть и от изменений во времени и от несколько различных приемов собирания сведений. Но общие соотношения между группами остаются те же самые. Перепись 1895 года считает, кроме 3.645.750 ha распределенной земли, еще 45.860 ha нераспределенных. Группа хозяйств «с неизвестным количеством земли» (1898 г.) относится в массе своей к низшим группам, о чем свидетельствует количество скота.

против 33—37⁰/₀ и 8—12⁰/₀ других видов скота). Мелкие хозяйства менее приспособились: они держат все еще больше овец; напр., хозяйства до 2,5 га имеют 9,3⁰/₀ всего числа овец против 6—5⁰/₀ других видов скота. Свиной у них—8,1⁰/₀—*меньшая* доля, чем овец. У капиталистов—35⁰/₀ и 9,6⁰/₀, т.-е. *большая* доля, чем овец. Капиталистическое земледелие гораздо лучше может приспособиться к требованиям международного рынка. Про крестьянина же и теперь придется сказать словами Маркса: крестьянин становится купцом и промышленником без тех условий, при которых можно стать настоящим купцом и промышленником. Рынок *требует от всякого* хозяина, как безусловной необходимости, подчинения новым условиям и быстрого приспособления к ним. Но без *капитала* это быстрое приспособление невозможно. Мелкое хозяйство неизбежно осуждено, таким образом, при капитализме на наибольшую рутинность, отсталость, наименьшую приспособленность к рынку.

Чтобы конкретнее представить себе настоящий хозяйственный облик этой нуждающейся массы и небольшого состоятельного меньшинства, приведем данные о среднем количестве земли и скота в хозяйствах разных групп. Для буржуазной политической экономии (и для господ ревизионистов) естественно затушевывать капиталистические противоречия; социалистическая политическая экономия должна выяснит различие *типов* хозяйства и уровня жизни у процветающих капиталистических и у нуждающихся мелких хозяев.

ГРУППЫ ХОЗЯЙСТВ.	Приходится на 1 хозяйство в среднем.						
	Земли га.	Лошадей.	Коров.	Всего рогатого скота.	Овец.	Свиной.	Домашней птицы.
Без земли	—	0,1	0,3	0,3	0,7	0,7	16,4
С неизвестным колич. земли .	?	0,6	0,6	0,9	0,9	0,9	17,0
До 2,5 га	0,6	0,3	0,8	0,1	1,2	1,2	20,4
2,5—10 »	5,1	0,9	2,7	3,9	2,9	3,0	29,5
10—40 »	21,6	2,9	6,6	11,3	8,4	6,8	43,0
40—120 »	61,3	6,1	13,8	23,1	11,2	14,9	72,4
120 и больше га	267,3	16,7	58,7	93,7	18,5	51,2	131,3
В среднем . . .	13,1	1,6	3,8	6,3	3,9	4,2	31,5

Эти данные с очевидностью показывают, что все три низшие группы, составляющие половину всего числа хозяйств — *беднота*. Преобладают безлошадные и бескоровные «хозяева». Только в группе с землей до 2,5 га приходится по одной *целой* штуке рогатого скота, овец и свиней. Ясно, что об извлечении выгод из молочного и мясного скотоводства у этой *половины* всего числа хозяйств не может быть и речи. Процветание датского сельского хозяйства означает для этой половины зависимость от крупных хозяев, необходимость искать «побочных заработков», т.-е. так или иначе продавать свою рабочую силу, вечную нужду и полуразоренное хозяйство.

Разумеется, этот вывод правилен только относительно всей *массы* этих беднейших хозяйств. Мы уже указывали по данным германской, французской, русской сельско-хозяйственной статистики, что и среди мелких по количеству земли хозяйств есть крупные скотовладельцы, табаководы и т. п. Дифференциация идет глубже, чем мы можем представить по данным датской статистики. Но эта дифференциация, выделяя в каждой группе ничтожное меньшинство хозяйств со специальными культурами, только *усиливает* нищету и нужду *большинства* хозяев в беднейших группах.

Далее, из приведенных данных видно также, что и группа мелких крестьян, имеющих от 2¹/₂ до 10 гектаров, не может считаться сколько-нибудь обеспеченной и прочно в экономическом отношении обставленной. Напомним, что в этой группе — 63 тыс. хозяйств, т.-е. 22,8⁰/₀ общего числа. И в этой группе приходится в среднем на хозяйство 0,9 лошади. Безлошадные, вероятно, употребляют для упряжки коров, ухудшая этим условия и земледельческого хозяйства (менее глубокая вспашка), и скотоводческого (ослабление рогатого скота). Коров приходится в среднем на хозяйство 2,7. Если же сокращать потребление молочных и мясных продуктов в собственной семье, а такое сокращение есть уже прямой признак самой горькой нужды, то от такого количества коров можно сбывать на продажу только самые незначительные суммы продуктов. Участие подобных хозяйств, с 2,7 коровы и 3 свиньями в среднем на двор, в «процветании» «национального» сбыта молока и мяса в Англию *не может не быть* самым ничтожным. Торговое земледелие и скотоводство, при таких размерах хозяйства, означают частью отчуждение необходимого для семьи, ухудшение питания, обострение нужды, частью отчуждение по мелочам, т.-е. при самых невыгодных условиях, и невозможность иметь денежный фонд на случай неизбежных экстренных расходов. А натуральное хозяйство мелкого крестьянина, в обстановке современных капиталистических стран, может только прозябать и уми-

рать мучительной смертью, никак уже не процветать. Весь «фокус» буржуазной и ревизионистской политической экономии состоит в том, что не исследуются особо условия именно такого типа мелких хозяйств, стоящих ниже «среднего» (у «среднего» датского хозяина — 1,6 лошади и 3,8 коровы) и составляющих *огромное большинство* всего числа хозяев. Не только не исследуется особо этот тип хозяйства, а затушевывается посредством ссылок исключительно на «средние» данные, на общий рост «производства» и «сбыта», с умалчением о том, что выгодно сбывать *могут* только зажиточные хозяйства, составляющие небольшое меньшинство.

Только у хозяев с 10—40 ha мы видим такие количества скота, которые означают *возможность* «процветания». Но таких хозяйств всего 16% общего числа. И обходятся ли они вполне без наемного труда, имея в среднем по 21,6 гектаров земли, это еще вопрос. При высокой интенсивности земледелия в Дании, предприятие подобных размеров, вероятно, невозможно без участия батраков или поденщиков. К сожалению, и датская статистика и большинство пишущих о датском земледелии писателей стоят всецело на буржуазной точке зрения, не исследуя вопроса о наемном труде, о размерах хозяйства, требующих его применения и т. д. Из переписи занятий в Дании 1901 г. мы узнаем только, что в группе «поденщиков» и проч. числится 60 тысяч мужчин и 36 тыс. женщин, т. е. 116 тысяч из 972 тыс. распределенных по положению в производстве сельских жителей. Заняты ли эти десятки тысяч наемных рабочих (а кроме них работают по найму в виде «подсобной работы» и мелкие крестьяне) исключительно 30-ю тысячами капиталистических крупных хозяев (27.620 от 40 до 120 ha и 2.201 свыше 120 ha), или также отчасти зажиточным крестьянством, владеющим от 10 до 40 гектаров, — об этом мы не имеем сведений.

О двух высших группах, о верхних «30-ти тысячах» датского сельского хозяйства, не приходится много говорить: капиталистический характер их земледелия и скотоводства обрисован вначале наглядно приведенными цифрами.

Наконец, последние, представляющие общий интерес, данные, которые затронуты и частью разработаны в датской сельско-хозяйственной статистике, относятся к вопросу о том, происходит ли децентрализация или концентрация скотоводства по мере развития этой главной основы «процветания» нашей «идеальной страны». Цитированная уже нами статистика 1898 года дает чрезвычайно интересные данные сравнительно с 1893 годом, а для одного вида скота, правда, самого главного, именно всего рогатого скота, мы можем также произвести сравнение данных 1876 и 1898 годов.

В период времени с 1893 по 1898 год всего сильнее прогресси- ровало в Дании из всех отраслей скотоводства свиноводство. Коли- чество свиней возросло за это время с 829 тыс. до 1.168 тыс., т.-е. на 40 проц., тогда как число лошадей увеличилось всего с 410 т. до 449 тыс., число голов рогатого скота с 1.696 тыс. до 1.744 т., а число овец даже уменьшилось. Кто же воспользовался главным образом этим колоссальным прогрессом датских, объединенных в бесчислен- ные товарищества, хозяев? Составители статистики 1898 года дают ответ на это, сравнивая данные 1893 и 1898 годов. Все владельцы свиней делятся на четыре группы: крупные владения с 50 и более штуками; средне-крупные с 15—49; средне-мелкие с 4—14 шт. и мелкие с 1—3 штуками. По этим четырем группам составители ста- тистики дают такие сведения:

Группы хозяйств.	1893.		1898.		Увелич. или уменьшение в % числа.		Процент распре- д. числа сви- ней.	
	Число.		Число.					
	Хозяйств	Свиней	Хозяйств	Свиней	Хов.	Свин.	1893	1898
							1893	1898
С 50 и бол. шт. . .	844	79.230	1.487	135.999	76,2	71,7	9,6	11,6
» 15—49 шт. . . .	20.602	350.277	30.852	554.979	48,2	58,4	42,3	47,5
» 4—14 »	38.357	211.868	50.668	282.642	32,1	33,4	25,5	24,2
» 1— 3 »	108.820	187.756	108.544	194.873	0,3	3,8	22,6	16,7
Всего	168.623	829.131	191.551	1.168.493	13,6	40,9	100,0	100,0

Эти данные ясно показывают нам, что происходит быстрая *концентрация* скотоводства. Чем крупнее хозяйства, тем больше выиграли они от «прогресса» скотоводства. Крупные хозяйства уве- личили количество скота на 71,7 проц., средне-крупные на 58,4 проц., средне-мелкие на 33,4 проц., а мелкие всего на 3,8 проц. Увеличение богатства приходится главным образом на небольшое меньшинство «верхов». Весь прирост числа свиней за пять лет составляет 339 тыс.; из них 261 тыс., т.-е. *более трех четвертей*, приходится на крупные и средне-крупные хозяйства, числом 32 тысячи (из всего числа 266—277 тысяч хозяйств!). Мелкое производство в скотоводстве дан- ного вида *вытесняется* крупным: за пять лет *возросла* доля крупного хозяйства (с 9,6 проц. до 11,6 проц.) и средне-крупного (с 42,3 проц.

до 47,5 проц.), *уменьшилась* доля средне-мелкого (с 25,5 проц. до 24,2 проц.) и еще более мелкого (с 22,6 проц. до 16,7 проц.).

Если бы вместо грубой статистики *площадей* можно было получить статистику *земледельческого хозяйства*, так же точно выражающую размеры самого производства, как число голов скота выражает *) размеры скотоводческого хозяйства, то нет сомнения, что мы и здесь увидели бы процесс *концентрации*, отрицаемый буржуазными профессорами и оппортунистами.

Еще интереснее соответственные данные относительно всего количества рогатого скота, при чем сравнение 1893 и 1898 годов, производимое составителями статистики 1898 года, мы можем дополнить сравнением с данными переписи 17 июля 1876 г. Danemarks Statistik, Statistik Tabelvaerk, 4-de Raekke, litra C, Nr. 1. Kreaturboldet d. 17 juli 1876, Kobenhavn 1878). Вот соответствующие данные за эти три года. (См. табл. на стр. 180.)

Эти данные на протяжении более обширного периода времени и по отношению к более важному виду скота показывают нам столь же наглядно, как и вышеприведенные, процесс *капиталистической концентрации*. Рост скотоводческого хозяйства Дании, рост скотоводства есть прогресс *почти исключительно* крупного капиталистического хозяйства. Весь прирост скота с 1876 по 1898 год составляет 424 тыс. голов. Из этого прироста 76 тысяч приходится на хозяйства с 50 и более шт. и 303 тысячи на хозяйства с 15—49 шт., т.-е. всего на эти верхние 38 тысяч хозяйств приходится 379 тыс. прироста, *почти* $\frac{9}{10}$ *всего прироста*. Более рельефной картины капиталистической концентрации нельзя себе и представить.

Все число владеющих рогатым скотом хозяйств увеличилось с 1876 по 1898 год на 12.645 хозяйств (167.996—180—641), т.-е. на $\frac{7}{10}$. Все же население Дании возросло с 1880 по 1901 год (т.-е. за несколько меньший даже период времени) с 1.969.039 до 2.449.540 чел.**), т.-е. на 22,2 $\frac{0}{10}$. Ясно, что относительное количество «имущих», т.-е. владеющих скотом, *сократилось*. *Меньшая* доля населения принадлежит к числу собственников. Число самых мелких владельцев (1—3 штуки) все время абсолютно уменьшается. Число средне-мелких (1—14 штук) в высшей степени медленно возрастает (+ 12,5 $\frac{0}{10}$ с 1876 по 1893 год, + 2,5 $\frac{0}{10}$ с 1893 по 1898 год), отставая от роста населения. Действительный и быстрый рост наблюдается только

*) Мы показали выше, по данным Дрекслера, что в крупных хозяйствах скот крупнее. Значит, и здесь валовая статистика преуменьшает концентрацию.

**) Процент городского населения был в 1880 г.—28 $\frac{0}{10}$, в 1901 г.—38 $\frac{0}{10}$.

ГРУППЫ ХОЗЯЙСТВ.	1876		1893		1898		Увеличение в % или уменьшение.		Процентное рас- пределение числа голов рог. скота.				
	Ч и с л о .		Ч и с л о .		Ч и с л о .		с 76 по 93 г.	с 93 по 98 г.	1876.	1893.	1898.		
	Хозяиств.	Голов рогат. скота.	Хозяиств.	Голов рогат. скота.	Хозяиств.	Голов рогат. скота.	Числа.	Числа.					
							Хозяиств.	Голов рогат. скота.	Хозяиств.	Голов рогат. скота.			
С 50 и более шт.	1.634	156.728	2.209	221.667	2.281	232.933	35,2	41,4	3,3	5,1	11,8	13,0	13,4
» 15—49	24.096	514.678	35.200	793.474	36.110	818.190	46,1	54,1	2,6	3,1	39,0	46,8	46,8
» 4—14	64.110	504.193	72.173	539.301	73.958	552.944	12,5	6,9	2,5	2,5	38,2	31,8	31,7
» 1—3	78.156	144.930	70.218	141.748	68.292	140.730	10,2	2,2	2,7	0,7	11,0	8,4	8,1
ВСЕГО . .	167.996	1.320.529	179.800	1.696.190	180.641	1.744.797	7,0	28,4	0,5	2,9	100,0	100,0	100,0

в крупном капиталистическом скотоводстве, при чем с 1876 по 1893 год средне-крупные хозяйства возрастают быстрее крупных, а с 1893 по 1898 год самые крупные хозяйства возрастают всего быстрее

Если мы возьмем, по данным 1876 и 1898 годов, крупнейший разряд хозяйств, владельцев 200 и более штук рогатого скота, то увидим, что в 1876 г. их было 79 (0,05% всего числа скотовладельцев) с 18.970 гол. рог. скота (1,4% всего количества рог. скота), а в 1898 г. — более чем вдвое больше—195 (0,1% итога) с 52.385 шт. рог. скота (3,0% всей суммы). Самые крупные хозяева более чем удвоились в числе и почти утроили свое производство.

Вытеснение мелкого производства крупным с 1876 по 1898 год идет непрерывно. Доля мелкого хозяйства в общей сумме уменьшается непрерывно: с 11,0% в 1876 г. до 8,4% в 1893 г. и до 8,1% в 1898 г. Доля среднего хозяйства также непрерывно уменьшается, хотя несколько более медленно (38,2%—31,8%—31,7%). Средне-крупное хозяйство увеличило свою долю с 1876 по 1893 год с 39,0% до 46,8%, а с 1893 по 1898 год осталось на том же уровне. Только самое крупное хозяйство возросло непрерывно, отесняя все остальные разряды (11,8%—13,0%—13,4%)

Чем благоприятнее складываются условия для скотоводческого хозяйства, чем быстрее развитие торгового скотоводства и прогресс его, тем сильнее также процесс капиталистической концентрации. Например, в округе Копенгагена, насчитывавшего 234 тыс. жителей в 1880 г. и 378 тыс. в 1901 г., сбыт для молочных и мясных продуктов был, разумеется, самый обеспеченный. Сельские хозяева этого округа были богаче рогатым скотом, чем остальные хозяева Дании и в 1876, и 1898 году, имея в среднем по 8,5 голов и по 11,6 голов против 7,9 и 9,7 для всей страны. И в этом округе, с наиболее благоприятными условиями для развития скотоводства, мы видим наиболее сильный процесс концентрации.

Вот данные за 1876 и 1898 годы об этом округе по принятым выше группам (см. табл. на стр. 182).

Здесь уменьшилось даже абсолютное число собственников за 22 года! Богатство скотом сосредоточилось у меньшего количества хозяев. И мелкие и средние хозяева оказались через 22 года в *меньшем* числе и с *меньшим* количеством скота. Средне-крупные увеличили свое владение в полтора раза (22 тыс. и 35 тыс.). Крупные — *более чем вдвое*. Крупнейших хозяев с 200 и более штук рогатого скота в 1876 году было *двое* с 437 шт. рогатого скота, а в 1898 году — 10 с 2.896 шт. рогатого скота.

	1876.		1898.	
	Ч и с л о.		Ч и с л о.	
	Хозяйств.	Голов рог. скота.	Хозяйств.	Голов рог. скота.
С 50 и бол. шт.	44	4.488	86	9.059
» 15—49 шт.	1.045	22.119	1.545	35.579
» 4—14 »	2.011	16.896	1.900	14.559
» 1—3 »	2.514	4.468	1.890	3.767
Всего . . .	5.614	47.971	5.421	62.964

Хлопоты всяческих Пудоров, Давидов и прочих, вольных и невольных, слуг капитала об улучшении условий сбыта, о развитии союзного объединения хозяев и о техническом прогрессе скотоводства и земледелия, могут иметь только одно значение: приближать во всей стране и во всех отраслях сельского хозяйства наступление таких же порядков, как и в округе Копенгагена, т.-е. особенно быструю концентрацию производства в руках капиталистов и экспроприацию, пролетаризацию населения, уменьшение доли собственников в общей сумме населения, увеличение доли тех, кого капитализм выталкивает из деревни в город, и т. д.

Итог: «идеальная страна» с точки зрения противников марксизма в аграрном вопросе показывает нам (несмотря на низкий еще уровень и неразработанность социально-экономической статистики) с полной ясностью капиталистический аграрный строй, резко выраженные капиталистические противоречия в земледелии и скотоводстве, растущую концентрацию сельско-хозяйственного производства, вытеснение мелкого производства крупным, пролетаризацию и нужду громадного большинства сельского населения.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЗАКОНАХ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В ЗЕМЛЕДЕЛИИ

ВЫПУСК I

Капитализм и земледелие в Соед. Штатах Америки

Написано в октябре 1913 года.

*Напечатано брошюрой в 1917 году.
Книгоизд. „Жизнь и Знание“.*

Передовая страна новейшего капитализма представляет особенный интерес для изучения общественно-экономического строя современного сельского хозяйства и его эволюции. Соед. Штаты не имеют равного себе соперника ни по скорости развития капитализма в конце XIX и начале XX века, ни по достигнутой уже ими наибольшей высоте его развития, ни по громадности площади, на которой применяется по последнему слову науки оборудованная техника, учитывающая замечательное разнообразие естественно-исторических условий, ни по политической свободе и культурному уровню массы населения. Эта страна — во многих отношениях образец и идеал нашей буржуазной цивилизации.

Изучение форм и законов эволюции сельского хозяйства представляет здесь тем большие удобства, что в Соед. Штатах каждые десять лет производятся переписи населения («цензы»), соединенные с замечательно подробными переписями всех промышленных и земледельческих хозяйств. Получается такой точный и богатый материал, какого нет ни в одной стране мира, и который позволяет проверить целый ряд ходячих утверждений, формулируемых большей частью теоретически небрежно, повторяемых без критики, проводящих обыкновенно буржуазные взгляды и предрассудки.

Г. Гиммер ²⁵⁾ в июньской книжке «Заветов» ²⁶⁾ за 1913 год привел некоторые данные последнего, тринадцатого, ценза 1910 года и на основании их еще и еще раз повторил самое ходячее и глубоко буржуазное — как по его теоретической основе, так и по его политическому значению — утверждение, что в «Соед. Штатах громадное большинство ферм суть *трудоыые* хозяйства», что «в более развитых районах земледельческий капитализм разлагается», что в «огромном большинстве местностей страны» «мелко-трудоое земледелие расширяет поле своего господства», что именно «в районах более старой

культуры и более высокого экономического развития» «капиталистическое земледелие разрушается, производство дробится и мельчает», что «нет таких районов, где бы процесса колонизации уже не происходило, а крупно-капиталистическое земледелие не разлагалось бы и не вытеснялось бы трудовым» и т. д. и т. п.

Все эти утверждения чудовищно неверны. Они прямо противоположны действительности. Они представляют из себя сплошную издевку над истиной. И на разъяснении их ошибочности тем более стóбит подробно остановиться, что г. Гиммер — не первый встречный, не случайный автор случайной журнальной статейки, а один из самых видных экономистов, представляющих наиболее демократическое, крайнее левое *буржуазное* направление русской и европейской общественной мысли. Именно поэтому взгляды г. Гиммера способны иметь — а среди не-пролетарских слоев населения уже отчасти имеют — особенно широкое распространение и влияние. Ибо это не его личные взгляды, не его индивидуальные ошибки, а лишь особенно демократизированное, особенно подкрашенное якобы социалистической фразеологией, выражение *обще-буржуазных* взглядов, к которым легче всего приходит в обстановке капиталистического общества и казенный профессор, идущий по проторенной дорожке, и мелкий земледелец, выделяющийся своей сознательностью из миллионов ему подобных.

Теория не-капиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе, защищаемая г. Гиммером, есть в сущности теория громадного большинства буржуазных профессоров, буржуазных демократов и оппортунистов — в рабочем движении всего мира, — т.-е. новейшей разновидности тех же буржуазных демократов. Не будет преувеличением сказать, что эта теория есть иллюзия, мечта, самообман всего буржуазного общества. Посвящая дальнейшее изложение опровержению этой теории, я буду стараться давать картину капитализма в американском земледелии в ее целом, ибо одна из главных ошибок буржуазных экономистов состоит в вырывании отдельных фактов, цифр и цифирек из общей связи политико-экономических отношений. Все данные берутся из официальных изданий статистики С.-Ам. Соед. Штатов; сюда относятся в первую голову посвященные земледелию *пятые* томы 12 ценза 1900 г. и 13 ценза 1910 года *), затем «Статистический Сборник» «Statistical Abstract

*) Census Reports. Twelfth Census 1900. Vol. V: Agriculture. Wash. 1902—Thirteenth Census of the United States, taken in the year 1910. Vol. V: Agriculture. Wash. 1913.

of the United States» за 1911 год. Указав эти источники, я не буду приводить ссылки на страницы и номера таблиц по поводу каждой отдельной цифры: это обременило бы читателей и загромоздило текст без всякой надобности, ибо интересующиеся без труда найдут соответственные данные по оглавлению названных изданий.

1. Общая характеристика трех главных районов. Колонизируемый запад и гомстэды.

Гигантская площадь Соед. Штатов, немногим уступающая целой Европе, и громадное разнообразие условий хозяйства в различных концах страны, — все это вызывает безусловную необходимость отдельного рассмотрения главных районов, существенно неоднородных по своему экономическому положению. Американские статистики разделяли страну в 1910 г. на девять районов: 1) Новая Англия — шесть штатов на северо-востоке, на берегу Атлантического океана (Мэн, Нью-Гампшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут); 2) Средние Атлантические (Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильвания), эти два района вместе составляли «северо-атлантический» район в 1900 году; 3) Центральные северо-восточные (Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган и Висконсин); 4) Центральные северо-западные (Миннесота, Айова, Миссури, Сев. и Ю. Дакоты, Небраска и Кансас); эти два района вместе составляли «северо-центральный» район в 1900 г.; 5) Южно-Атлантические (Делаваре, Мэрилэнд, дистрикт Колумбия, Виргиния и Зап. Виргиния, Сев. и Ю. Каролины, Георгия и Флорида) — тот же район и в 1900 г.; 6) Центральные юго-восточные (Кентукки, Тенесси, Алабама и Миссисипи); 7) Центральные юго-западные (Арканзас, Оклахома, Луизиана и Техас); эти два района составляли один юго-центральный район в 1900 г.; 8) Горные (Монтана, Идахо, Вайоминг, Колорадо, Нов. Мексика, Аризона, Утах и Невада) и 9) Тихо-океанские (Вашингтон, Орегон и Калифорния); эти два района составляли один «западный» в 1900 г.

Чрезмерная пестрота этих делений побудила американских статистиков сжать их в 1910 г. в три крупные района: север (1—4), юг (5—7) и запад (8—9). Мы сейчас увидим, что это деление на три главные района является, действительно, самым важным и существенно-необходимым, хотя, конечно, и здесь, как и во всем, есть переходные типы, и Новую Англию с Средне-Атлантическими Штатами придется выделять особо по некоторым коренным вопросам.

Чтобы определить самое основное в различии трех главных р. йонов, мы можем назвать их: *промышленный север, бывший рабоче-владельческий юг и колонизируемый запад.*

Вот данные о размерах площади, о проценте обработанной земли и о населении:

Р а й о н ы:	Вся площадь земли в милл. акров.	Из нее обработано.	Население (1910) милл.
Север	588	49%	56
Юг	562	27%	29
Запад	753	5%	7
Все Соед. Штаты.	1.903	25%	92

По размерам площади север и юг приблизительно одинаковы, а запад почти в полтора раза больше того и другого. Но населения на севере в 8 раз больше, чем на западе. Запад, можно сказать, почти не населен. С какой быстротой идет его заселение, видно из того, что за 10 лет, с 1900 по 1910 г., население возросло на севере на 18⁰/₀, на юге на 20⁰/₀, а на западе на 67⁰/₀! Число ферм на севере почти совсем не увеличивается: 2.874 тыс. в 1900 г. и 2.891 тыс. в 1910 г. (+0,6⁰/₀); на юге оно возросло на 18⁰/₀, с 2,6 до 3 миллионов, а на западе на 54⁰/₀, т.-е. увеличилось более чем в полтора раза, с 243 до 373 тысяч.

В какой ф.рме идет занятие земель на западе, видно из данных *о гомстэдах*, — участках земли, большей частью по 160 акров, т.-е. около 65 десятин, раздаваемых правительством даром или за номинальную плату. За 10 лет, с 1901 по 1910 г., число занятых гомстэдов составляло на севере 55,3 милл. акров (в том числе 54,3 милл., т.-е. более 98⁰/₀, в одном только р.йоне, именно в центральном северо-западном); на юге 20 милл. (в том числе 17,3 м. приходится на один район: центральный юго-западный) и на западе—55,3 милл. акров, падающие на оба района запада. Это значит, что запад — сплошной район гомстэдов; т.-е. даровой раздачи незанятых земель — нечто вроде захватного землепользования на далеких окраинах России, только урегулированного не крепостническим государством, а демократически (я чуть не сказал: народнически; американская республика осуществила на капиталистический манер «народническую» идею раздачи незанятых земель каждому желающему). На севере же и на юге мы имеем только по *одному* району гомстэдов, являющемуся как бы переходным типом от незаселенного запада к заселенным северу и югу. Отметим кстати, что совершенно нет розданных за последнее десятилетие гомстэдов только в двух районах севера: Новой Англии

и Средне-Атлантическом. На этих двух, наиболее промышленных, районах, где совсем уже не происходит процесса колонизации, нам придется останавливаться ниже.

Приведенные данные о занятых гомстэдах относятся к первоначальным заявкам на гомстэды, а не к окончательно занятым участкам; данных последнего рода, распределенных по районам, в нашем распоряжении не имеется. Но если, как абсолютные величины, приведенные данные и преувеличены, то они, во всяком случае, точно изображают отношение между районами. На севере всего земли под фермами было в 1910 г.—414 милл. акров, так что заявленные за последние 10 лет гомстэды составляли ок. $\frac{1}{8}$, на юге ок. $\frac{1}{17}$ (20 из 354), на западе *половину* (55 из 111)! Понятно, что смешивать в одну кучку данные о районах, где фактически почти еще нет поземельной собственности, и о районах, где все земли заняты, было бы насмешкой над приемами научного исследования

Америка особенно наглядно подтверждает ту истину, которую подчеркнул Маркс в III томе «Капитала», именно, что капитализм в земледелии не зависит от *формы* землевладения и землепользования. Капитал застаёт средневековое и патриархальное землевладение самых различных видов: и феодальное, и «надельно-крестьянское» (т.-е. зависимо-крестьянское), и классовое, и общинное, и государственное и т. д. Все эти виды землевладения капитал подчиняет себе, но в различной форме, различными способами. Сельско-хозяйственная статистика, если бы она была поставлена осмысленно, разумно, должна бы была видоизменять свои методы исследования, приемы группировок и т. д. в соответствии с *формами* проникновения капитализма в земледелие, например, особо выделять гомстэдные участки и проследивать их хозяйственную судьбу. К сожалению, в статистике слишком часто царит рутинная, бессмысленная, шаблонная повторения однообразных приемов.

Насколько экстенсивно земледелие на западе по сравнению с другими районами, видно между прочим из данных о величине расходов на искусственные удобрения. По расчету на 1 акр обработанной земли эти расходы составляли в 1909 году на севере 13 центов (0,13 доллара), на юге 50, на западе всего 6. Превосходство юга объясняется тем, что культура хлопка требует много удобрений, а эта культура занимает на юге самое видное место: хлопок вместе с табаком дают здесь 46,8% стоимости всех земледельческих продуктов, зерновые хлеба — только 29,3%, сено и трава — 5%; напротив, на севере первое место занимают зерновые хлеба — 62,6%, затем сено и травы — 18,9%, при чем преобладают посевные травы. На западе зер-

новые хлеба дают 33⁰/₁₀₀ стоимости всех земледельческих продуктов; — 31,7⁰/₁₀₀ дают сено и травы, при чем посевные травы уступают первенство луговым. 15,5⁰/₁₀₀ стоимости дают фрукты — особая отрасль торгового земледелия, быстро развивающаяся на тихо-океанском побережье

2. Промышленный север.

На севере процент городского населения достигал в 1910 г 58,6⁰/₁₀₀ против 22,5⁰/₁₀₀ на юге и 48,8⁰/₁₀₀ на западе. Роль промышленности видна из следующих данных:

РАЙОНЫ.	Стоимость продуктов (в миллиардах долл.).			Промышленности, за вычетом стоимости сырья.	Число рабочих в промышленности (милл.).
	Земледелие.	Скотоводство.	Сумма.		
Север	3,1	2,1	5,2	6,9	5,2
Юг	1,9	0,7	2,6	1,1	1,1
Запад	0,5	0,3	0,8	0,5	0,6
Все Соед. Штаты .	5,5	3,1	8,6	8,5	6,9

Общая сумма стоимости продуктов сельского хозяйства получается здесь преувеличенной, ибо часть продуктов земледелия повторяется в стоимости продуктов скотоводства, напр., корм скота. Но во всяком случае получается несомненный вывод о концентрации ок. ⁵/₆ всей американской промышленности севером и о преобладании в этом районе промышленности над сельским хозяйством. Юг и запад, наоборот, носят преимущественно земледельческий характер.

Как видно из приведенных данных, север отличается от юга и запада сравнительно гораздо более высоким развитием промышленности, создающим рынок для сельского хозяйства, обуславливающим его интенсификацию. Но «промышленный» — в таком смысле — север продолжает оставаться тем не менее главным производством сельско-хозяйственных продуктов. Больше половины всего сельско-хозяйственного производства, около трех пятых его, сосредоточено на севере. Насколько интенсивнее земледелие на севере по сравнению с остальными районами, можно видеть из следующих данных о стоимости всего сельско-хозяйственного имущества — земли, строений, орудий и машин, скота — по расчету на 1 акр земли: на севере эта стоимость составляла в 1910 г. 66 долларов против 25 на юге и 41 на

западе. В частности стоимость орудий и машин на 1 акр земли составляла 2,07 долл. на севере, 0,83 на юге и 1,04 на западе.

При этом особо выделяются районы Новая Англия и Средне-Атлантический. Колонизации здесь, как мы уже указывали, нет. Число ферм абсолютно уменьшилось с 1900 по 1910 г., количество обработанной земли, как и всей земли в фермах, тоже. По статистике занятий, здесь занято сельским хозяйством только 10% населения против 33% в среднем для всех С. Штатов, 25—41% в остальных районах севера, 51—63% на юге. Под зерновыми хлебами здесь занято всего 6—25% обработанной земли (среднее для С. Шт.—40%, для севера—46%), под травами (большей частью посевными)—52—29% (против 15% и 18%), под овощами—4,6—3,8% (против 1,5% и 1,5%). Это самый интенсивный земледельческий район. Средний расход на удобрения на 1 акр обработанной земли составлял в 1909 г. 1,30 и 0,62 долл.; первая цифра максимальная, вторая уступает только одному району юга. Средняя стоимость орудий и машин на 1 акр обработанной земли—2,58 и 3,88 долл.—цифры максимальные в С. Штатах. Мы увидим в дальнейшем изложении, что эти наиболее промышленные районы промышленного севера, отличающиеся наиболее интенсивным земледелием, отличаются также наиболее капиталистическим характером сельского хозяйства.

3. Бывший рабовладельческий юг.

С. Штаты Америки,—пишет г. Гиммер,—это—«страна, никогда не ведавшая феодализма и чуждая его экономическим пережиткам» (стр. 41 назв. статьи). Это—утверждение прямо противоположное истине, ибо экономические пережитки *рабства* решительно ничем не отличаются от таковых же пережитков феодализма, а в бывшем рабовладельческом юге С. Штатов эти пережитки *очень сильны до сих пор*. На ошибке г. Гиммера не стоило бы останавливаться, если бы можно было счесть это только ошибкой в спешно-написанной журнальной статье. Но вся либеральная и вся народническая литература России доказывает, что по отношению к русской *отработочной* системе—нашему пережитку феодализма—совершенно одинаковая «ошибка» делается систематически и с необыкновенным упорством.

Юг Соед. Штатов был рабовладельческим, пока гражданская война 1861—1865 г.г. не смела рабства. До сих пор количество негров, не превышающее 0,7—2,2% в населении северных и западных районов, составляет на юге от 22,6 до 33,7% всего населения. Среднее для всех С. Штатов—10,7% негров в населении. О приниженном

положении негров нечего и говорить: американская буржуазия в этом отношении ничем не лучше буржуазии других стран. «Освободив» негров, она постаралась на почве «свободного» и республикански-демократического капитализма восстановить все возможное, сделать все возможное и невозможное для самого бесстыдного и подлого угнетения негров. Для характеристики культурного уровня достаточно указать один маленький статистический факт. В то время, как число неграмотных среди белого населения С. Штатов составляло в 1900 году 6,2% населения (считая население 10 и более лет от роду), для негров этот % был 44,5%!! Более чем в 7 раз выше!! На севере и западе неграмотных 4—6% (1900 год), на юге 22,9—23,9%!! Нетрудно представить себе, какая совокупность фактов из области правовых и бытовых отношений соответствует этому позорнейшему факту из области народной грамотности.

На какой же экономической основе выросла и держится эта милая «надстройка»?

На основе типично-русской, «истинно-русской» *отработочной системы*, именно: *издольщины*.

Число ферм, принадлежащих неграм, составляло в 1910 году 920.883, т.-е. 14,5% всего числа ферм. Из общего числа фермеров арендаторов было 37,0%, собственников—62,1%, остальные 0,9% ферм были в заведывании управляющих. Но у белых % арендаторов составляет 39,2%, а у негров—75,3%! Типичный белый фермер в Америке есть собственник своей земли, типичный фермер негр—арендатор. На западе % арендаторов равняется всего 14,0%—колонизуемый район, новые, свободные земли, эльдорадо (кратковременное и непрочное эльдорадо) мелкого «самостоятельного земледельца». На севере % арендаторов составляет 26,5%, а на юге 49,6%! Половина южных фермеров—арендаторы.

Но этого мало. Перед нами вовсе не арендаторы в европейском, культурном, современно-капиталистическом смысле. Перед нами преимущественно полу-феодалные, или—что то же в экономическом отношении—полу-рабские *издольщики*. На «вольном» западе среди арендаторов меньшинство издольщиков (25 тыс. из 53 т.). На старом, давно заселенном севере из 766 тыс. арендаторов—483 т. издольщиков, т.-е. 63%. На юге из 1.537 тыс. арендаторов 1.021 тыс. *издольщиков*, т.-е. 66%.

В свободной, республикански-демократической Америке в 1910 г. было 1½ миллиона арендаторов-издольщиков, из них *свыше 1 миллиона негров*. И число издольщиков в отношении к общему числу фермеров не уменьшается, а неуклонно и довольно быстро возрастает.

В 1880 г. процент издольщиков к общему числу всех фермеров в С. Штатах равнялся 17,5⁰/₀, в 1890 г.—18,4⁰/₀, в 1900 г.—22,2⁰/₀, в 1910 г.—24,0⁰/₀.

«На юге,—читаем в заключениях американских статистиков по поводу переписи 1910 года,—на юге условия всегда были несколько отличны от севера, и многие из арендаторских ферм являются частями плантаций, обладающих значительным размером и происходящих от эпохи, предшествующей гражданской войне». На юге «система хозяйничанья посредством арендаторов, главным образом негров, заменила систему хозяйничанья посредством рабского труда». «Развитие арендной системы всего более бросается в глаза на юге, где большие плантации, в прежнее время обрабатывавшиеся рабским трудом, во многих случаях были разбиты на маленькие участки (парцеллы), сдаваемые арендаторам.

...Эти плантации во многих случаях до сих пор еще обрабатываются в сущности как сельско-хозяйственные единицы, так как арендаторы подчинены до известной степени надзору, более или менее аналогичному с тем, которому на севере подчинены наемные рабочие на фермах» (изв. соч., V, 102, 104).

Для характеристики юга необходимо добавить еще, что население бежит из него в другие капиталистические районы и в города, как бежит в России крестьянство из наиболее отсталых, наиболее сохранивших пережитки крепостничества центрально-земледельческих губерний, из-под власти Валяй-Марковых, в более капиталистические районы России, в столицы, в промышленные губернии и на юг (см. «Развитие капитализма в России» *). Район издольщины и в Америке, и в России есть район наибольшего застоя, наибольшего принижения и угнетения трудящихся масс. Иммигранты в Америке, которые играют такую выдающуюся роль в хозяйстве страны и всей ее общественной жизни, избегают юга. В 1910 году процент населения, родившегося вне Америки, был 14,5⁰/₀. На юге этот процент составляет всего 1,0—4,0⁰/₀ по отдельным районам, тогда как в остальных районах страны пришельцев не меньше 13,9⁰/₀ и до 27,7⁰/₀ (Новая Англия). Замкнутость, заскорузлость, отсутствие свежего воздуха, какая-то тюрьма для «освобожденных» негров—вот что такое американский юг. Наибольшая оседлость населения, наибольшая «привязанность к земле»: за исключением того района юга, где есть значительная колонизация (центральный юго-западный район), в обоих остальных районах юга 91—92⁰/₀ населения родились в том

* См. III том Собр. соч., стр. 182—194. *Ред.*

самом районе, где они живут, тогда как вообще в Америке этот процент составляет 72,6%, т.-е. подвижность населения гораздо больше. На западе, который представляет из себя сплошной район колонизации, только 35—41% населения родились в том районе, в котором они живут.

Из двух, не знающих колонизации, районов юга негры бегут: за 10 лет, прошедших между двумя последними цензами, эти два района отдали другим местностям страны почти 600.000 «черного» населения. Негры бегут, главным образом, в города: на юге 77—80% всех негров живут в деревнях, в остальных же районах всего 8—32%. Экономическая однородность положения негров в Америке и «бывших помещичьих» крестьян в центре земледельческой России оказывается поразительной.

4. Средний размер ферм. „Разложение капитализма“ на юге.

Рассмотрев основные отличительные черты трех главных районов Соед. Штатов и общий характер хозяйственных условий, мы можем перейти к разбору тех данных, которыми обыкновенно оперируют. Сюда относятся, прежде всего, данные о среднем размере ферм. На основании этих данных весьма многие экономисты, в том числе и г. Гиммер, делают самые решительные выводы:

Г О Д Ы.	Средний размер ферм в Соед. Штатах.	
	Все количе- ство земли.	Количество обрабатыв. земли.
	(В акрах.)	
1850	202,6	78,0
1860	199,2	79,8
1870	153,3	71,0
1880	133,7	71,0
1890	136,5	78,3
1900	146,2	72,2
1910	138,1	75,2

В общем, получается на первый взгляд уменьшение среднего количества всей земли и неопределенные изменения—то уменьшение, то увеличение—среднего количества обрабатываемой земли. Но ясной гранью служит период 1860—1870 г.г., который мы и отметили

поэтому чертой. Именно за этот период наблюдается громадное *уменьшение* среднего количества всей земли—на 46 акров (199,2—153,3) и наибольшее изменение (79,8—71,0), тоже в сторону уменьшения, среднего количества обрабатываемой земли.

В чем дело? Очевидно, в гражданской войне 1861—1865 г.г. и в отмене рабства. Рабовладельческим латифундиям был нанесен решительный удар. Мы увидим ниже неоднократные подтверждения этому факту, который, впрочем, так общеизвестен, что надо удивляться необходимости подтверждать его. Выделим особо данные о юге и о севере.

Г о д ы.	Средний размер земли в акрах.			
	На юге.		На севере.	
	Ср. колич. всей земли.	Ср. колич. обр. земли.	Ср. колич. всей земли.	Ср. колич. обр. земли.
1850	332,1	101,1	127,1	65,4
1860	335,4	101,3	126,4	68,3
1870	214,2	69,2	117,0	69,2
1880	153,4	56,2	114,9	76,6
1890	139,7	58,8	123,7	87,8
1900	138,2	48,1	132,2	90,9
1910	114,4	48,6	143,0	100,3

Мы видим, что количество обрабатываемой земли, в среднем на одну ферму, в громадных размерах *уменьшилось* за 1860—1870 г.г. на юге (101,3—69,2) и немного изменилось в сторону *увеличения* на севере (68,3—69,2). Дело, значит, именно в условиях эволюции юга. Там и после отмены рабства мы наблюдаем, хотя медленное и не непрерывное, все же уменьшение среднего размера ферм.

«Мелко-трудовое земледелие здесь расширяет поле своего господства,—умозаключает г. Гиммер;—а капитал оставляет сельское хозяйство для иных областей своего приложения»... «Стремительное разложение землевладельческого капитализма в южно-атлантических штатах»...

Вот курьез, которому, кажется, можно найти параллель только в рассуждениях наших народников о «разложении капитализма» в России после 1861 года, вследствие перехода помещиков от барщинной к отработочной (т.-е. полубарщинной!) системе хозяйства. Раздробление рабовладельческих латифундий называется «разложением капитализма». Превращение необрабатываемой земли рабовладельцев вчерашнего дня в мелкие фермы негров, на половину издольщиков (вспомним, что процент издольщиков *возрастает* неуклонно

от ценза к цензу!) называется «разложением капитализма». Дальше некуда идти в извращении основных понятий экономической науки!

В 12 главе объяснительного текста к переписи 1910 года американские статистики привели данные о типичных «плантациях» юга—в наши дни, а не во времена рабства. В 39.073 плантациях мы имеем 39.073 «господских фермы» (landlord farms) и 398.905 арендаторских ферм. В среднем, значит, по 10 арендаторов на одного «господина», «помещика», «лэндлорда». Средний размер плантации 724 акра. Из них обработанной земли только 405 акров: свыше 300 акров на плантацию приходится необрабатываемой земли. Недурной запасец для будущих эксплуататорских планов господ вчерашних рабовладельцев...

Распределение земли средней плантации таково: «господская ферма» 331 акр земли, из них обрабатывается 87. «Арендаторские» фермы, т.-е. участки земли негров-издольщиков, работающих по-прежнему на «господина» и под его присмотром, имеют в среднем по 38 акров земли, из коих обрабатывается 31 акр.

Вчерашние рабовладельцы на юге, обладая громадными латифундиями, в которых свыше $\frac{9}{10}$ земли и посейчас остаются необработанными, постепенно переходят, по мере роста населения и спроса на хлопок, к продаже этих земель неграм, а еще чаще к раздаче им мелких участков исполу. (С 1900 по 1910 год на юге число фермеров, являющихся полными собственниками всей своей земли, увеличилось с 1.237 тыс. до 1.329 тыс., т.-е. на 7,5%, тогда как число фермеров-издольщиков увеличилось с 772 тыс. до 1.021 тыс., т.-е. на 32,2%.) И вот, является экономист, называющий это явление «разложением капитализма»...

К латифундиям мы относим фермы, имеющие 1.000 и более акров земли. Всего в Сев. Штатах в 1910 г. таких ферм было 0,8% (50.135 ферм), а земли у них 167,1 миллиона акров, 19,0% всего числа. Это дает по 3.332 акра в среднем на латифундию. Процент обработанной земли в латифундиях всего 18,7%, вообще же для всех ферм—54,4%. При этом *меньше* всего латифундий на капиталистическом севере: 0,5% всего числа ферм с 6,9% всей земли, при чем доля обработанной земли в латифундиях составляет 41,0%. Больше всего латифундий на западе: 3,9% всего числа ферм с 48,3% всей земли; 32,3% земли в латифундиях обработано. *Больше всего* процент необработанных земель в латифундиях в бывшем рабовладельческом юге: 0,7% ферм—латифундии; у них 23,9% земли; обработано *всего* 8,5% земли в латифундиях!! Эти подробные данные наглядно показывают, между прочим как неосновательно бывает столь распространенное отнесение

латифундий—без особого разбора конкретных данных каждой отдельной страны и каждого отдельного района—к капиталистическому хозяйству.

За 10 лет, 1900—1910, именно в латифундиях и только в латифундиях *уменьшилось* все количество земли. Уменьшение это очень значительное: с 197,8 м. до 167,1 милл. акров, т.-е. на 30,1 милл. акров. На юге это уменьшение составляет 31,8 милл. акров (на севере увеличение на 2,3 милл., на западе уменьшение на 1,2 милл.). Следовательно, как раз юг и только рабовладельческий юг характеризуется процессом раздробления латифундий в громадных размерах, при ничтожном процессе (8,5%) обработанной земли в этих латифундиях.

Из всего этого с неизбежностью следует, что единственно точным определением происходящего экономического процесса будет такое: переход от рабовладельческих латифундий, на девять десятых вовсе не обрабатываемых, к мелкому *торговому* земледелию. Не «трудовому», как любят говорить г. Гиммер и народники вместе со всеми буржуазными экономистами, поющими дешевые гимны «труду», а торговому. Слово «трудовой» не имеет никакого политико-экономического смысла и косвенно вводит в заблуждение. Оно лишено смысла, ибо при всех и всяких общественных укладах хозяйства мелкий земледелец «трудится», и при рабстве, и при крепостничестве, и при капитализме. Слово «трудовой» есть пустая фраза, бессодержательная декламация, прикрывающая выгодное для одной только буржуазии *смещение* самых различных общественных укладов хозяйства. Слово «трудовой» вводит в заблуждение, обманывает публику, ибо оно намекает на отсутствие *наемного* труда.

Г. Гиммер, как и все буржуазные экономисты, обходят как раз данные о наемном труде, хотя это—самые важные данные по вопросу о капитализме в земледелии и хотя они имеются не только в переписи 1900 года, но и в том «бюллетене» переписи 1910 года (Abstract—Farm crops, by states), который цитирует г. Гиммер (49 стр. его статьи, примечание).

Что рост мелкого земледелия на юге есть именно рост торгового земледелия, видно из характера главного сельско-хозяйственного продукта юга. Этот продукт—хлопок. Все зерновые хлеба дают 29,3% стоимости всего сбора хлебов и злаков на юге, сено и кормовые травы—5,1%, а хлопок—42,7%. С 1870 по 1910 год производство шерсти возросло в С. Штатах с 162 милл. фунтов до 321 м.—вдвое;—пшеницы с 236 милл. бушелей до 635 м., менее чем втрое;—кукурузы с 1.094 милл. бушелей до 2.886 м., тоже менее чем втрое, а хлопка с 4 милл. кип (по 500 фунтов) до 12 милл., т.-е. втрое. Рост торгового

по преимуществу сельскохозяйственного продукта обгонял рост других, менее торговых, продуктов. Кроме того, в главном районе юга, «южно-атлантическом», развилось довольно значительно производство табака (12,1% стоимости урожая в штате Виргиния), овощей (20,1% стоимости всего урожая в штате Делаваре, 23,2% в штате Флорида), фруктов (21,3% стоимости всего урожая в штате Флорида) и т. д. Все это—земледельческие культуры такого рода, которые означают интенсификацию земледелия, увеличение размеров хозяйства при уменьшении площади земли под ним и увеличение в пользовании наемным трудом.

Мы перейдем сейчас к подробному рассмотрению данных о наемном труде; отметим лишь, что хотя юг отстал в этом отношении от других районов—здесь *слабее* употребление наемного труда, ибо *сильнее* полурабская издольщина,—но и на юге употребление наемного труда возрастает.

5. Капиталистический характер земледелия.

Обыкновенно о капитализме в земледелии судят на основании данных о величине ферм или о числе и значении крупных—по площади земли—ферм. Мы частью рассмотрели, частью рассмотрим еще данные этого рода, но должны заметить, что все это—данные косвенные, ибо размер площади далеко не всегда и далеко не непосредственно указывает на действительно крупный размер *хозяйства* и на его капиталистический характер.

Данные о наемном труде несравненно доказательнее и показательнее в этом отношении. Сельско-хозяйственные переписи последних лет, напр., австрийская 1902 г. и германская 1907 г., на разборе которых мы остановимся в другом месте, показали, что употребление наемного труда в современном сельском хозяйстве—и особенно в мелком земледельческом хозяйстве—гораздо значительнее, чем принято думать. Ничто не опровергает столь безусловно и столь наглядно мещанскую побасенку о «трудовом» мелком земледелии, как эти данные.

Американская статистика собрала очень обширный материал по этому вопросу, так как в опросной карточке о каждом отдельном фермере значится, расходует ли он что-либо на наем рабочих и, если да, какую именно сумму. В отличие от европейской статистики—напр., двух только что названных стран—американская не регистрирует числа наличных в данное время у каждого хозяина наемных рабочих, хотя это было бы очень легко установить, и научное значение этих

данных, в дополнение к данным об общей сумме расходов на наемный труд, было бы очень велико. Но что всего хуже, так это никуда негодная разработка этих данных в переписи 1910 года, вообще разработанной неизмеримо хуже, чем перепись 1900 года. Все фермы по переписи 1910 г. разделены на группы по размерам площади земли (как и в 1900 г.), но, в отличие от 1900 года, данные об употреблении наемного труда не проведены по этим группам. Мы лишены возможности сравнить мелкие и крупные, по количеству земли, хозяйства в отношении употребления ими наемного труда. В нашем распоряжении оказываются только средние данные по штатам и по районам, т.-е. данные, сливающие вместе капиталистические хозяйства с некапиталистическими.

Мы рассмотрим ниже, особо, данные за 1900 год, разработанные лучше, а теперь приведем данные за 1910 год. Данные относятся собственно к 1899 и 1909 г.г.

Р а й о н ы.	Процент ферм, нанмавших рабочих (1909 г.).	Увеличение расходов на наем. труд. с 1899 по 1909 г. в %.	Расход на наемный труд по расчету на 1 акр обработ. земли (в долл.).	
			1909	1899
Север	55,1	+ 70,8	1,26	0,82
Юг	36,6	+ 87,1	1,07	0,69
Запад	52,5	+ 119,0	3,25	2,07
Все С. Шт.	45,9	+ 82,3	1,36	0,86

Из этих данных вытекает прежде всего с несомненностью, что наиболее капиталистический характер носит земледелие на севере (55,1% ферм, употребляющих наемный труд), затем на западе (52,5%) и менее всего на юге (36,6%). Так и должно быть при соотношении района заселенного и промышленного с районом колонизируемым и с районом издольщины. Данные о проценте ферм, употреблявших наемный труд, разумеется, ближе пригодны для точного сравнения между районами, чем данные о высоте расходов на наемный труд по расчету на 1 акр обрабатываемой земли. Для сравнимости данных последнего рода требовалось бы, чтобы высота заработной платы в различных районах была одинакова. Мы не имеем данных о заработной плате в сельском хозяйстве С. Штатов, но одинаковость заработной платы при известных нам коренных различиях между районами невероятна.

Итак, на севере и на западе, в двух районах, сосредоточивающих $\frac{2}{3}$ всей обработанной земли и $\frac{2}{3}$ всего скота, *больше половины*

фермеров не обходится без употребления наемного труда. На юге эта доля меньше только потому, что там сильна еще полуфеодальная (полурабская тож) эксплуатация в виде издольщины. Нет сомнения, что часть наихудше поставленных фермеров и в Америке, как и во всех остальных капиталистических странах мира, прибегает к продаже своей рабочей силы. Данных об этом американская статистика, к сожалению, не дает вовсе—в отличие, напр., от германской статистики 1907 г., где эти данные собраны и разработаны обстоятельно. По германским данным из 5.736.082 владельцев сельскохозяйственных предприятий (общая сумма, включающая и мельчайших «хозяев») — 1.940.867, т.-е. свыше 30%, являются по своему *главному* занятию наемными рабочими. Конечно, масса этих батраков и поденщиков с куском земли приходится на низшие группы земледельцев.

Допустим, что в Сев. Штатах, где мельчайшие фермы (до 3 акров) по общему правилу не регистрировались вовсе, только 10% фермеров прибегают к продаже своей рабочей силы. И в этом случае мы получаем тот результат, что фермеров, *непосредственно* эксплуатируемых помещиками и капиталистами, более *третьи* общего числа (24,0% издольщиков, т.-е. эксплуатируемых бывшими рабовладельцами по феодальному или полуфеодальному, и 10%, эксплуатируемых капиталистами, составляют 34%). Из общей суммы фермеров, значит, *меньшинство*, едва ли *более одной пятой или одной четвертой части*, не нанимают рабочих и не нанимаются или не кабалятся сами.

Таково фактическое положение дела в стране «образцового и передового» капитализма, в стране с даровой раздачей миллионов десятин земли. Пресловутое «трудовое», не-капиталистическое, мелкое земледелие и здесь есть миф.

Как велико число наемных рабочих в сельском хозяйстве Америки? увеличивается или уменьшается это число по сравнению с числом фермеров и со всем сельским населением?

На эти важнейшие вопросы, к сожалению, прямого ответа американская статистика не дает. Поищем приблизительного ответа.

Во-1-х, приблизительный ответ могут дать цифры статистики занятий (том IV работ «Ценза»). Американцам «не удалась» эта статистика. Она разработана до того по-казенному, рутинно, нелепо, что нет данных о положении лица в промысле, т.-е. о различии хозяина. семейного рабочего и наемного рабочего. Вместо точного экономического деления довольствовались «ходячим, обыденным» словопотреблением, бессмысленно соединяя под рубрикой «сельских рабочих» и членов семей фермеров и наемных рабочих. Как известно,

не в одной американской статистике царит по этому вопросу полный хаос.

Перепись 1910 года делает попытку немножечко разобраться в этом хаосе, исправить очевидные ошибки и выделить хоть часть наемных рабочих (working out) от семейных (working on the home farm). Производя ряд вычислений, статистики вносят поправку к общему числу занятых в земледелии лиц, уменьшая это число на 468.100 чел. (т. IV, стр. 27). Затем, число *женщин*, наемных работниц, определяется в 220.048 в 1900 году и 337.522 в 1910 г. (увеличение на 53%). Число мужчин наемных рабочих в 1910 году было 2.299.444. Если допустить, что в 1900 году был такой же процент сельских наемных рабочих в общем числе сельских рабочих, как в 1910 г., то число мужчин наемных рабочих в 1900 г. определится в 1.798.165 чел. Тогда мы получим такую картину:

	1900 г.	1910 г.	Увелич. в %.
Всего занятых в земледелии			
лиц	10.381.765	12.099.825	+ 16%
Число фермеров	5.674.875	5.981.522	+ 5%
Число наемных рабочих . .	2.018.213	2.566.966	+ 27%

То-есть процент увеличения числа наемных рабочих более чем впятеро больше (27% против 5%) по сравнению с процентом увеличения числа фермеров. Доля фермеров в сельском населении *уменьшилась*, доля наемных рабочих *возросла*. Число самостоятельных хозяев в пропорции ко всему сельскому населению уменьшилось; число зависимых эксплуатируемых возросло.

В Германии в 1907 году наемных рабочих в сельском хозяйстве сосчитано 4¹/₂ миллиона из всего числа 15 милл. и семейных и наемных рабочих. Значит, 30% наемных рабочих. В Америке, по приведенному приблизительному расчету, 2¹/₂ милл. из 12, т.-е. 21%. Возможно, что наличность свободных земель, раздаваемых даром, и громадный процент фермеров-издольщиков должны понижать % наемных рабочих в Америке.

Во-2-х, приблизительный ответ могут дать цифры о величине расходов на наем рабочих в 1899 и 1909 г.г. За тот же самый период времени число наемных рабочих в промышленности увеличилось с 4,7 милл. до 6,6 милл., т.-е. на 40%, а их заработная плата с 2.008 милл. долл. до 3.427 милл. долл., т.-е. на 70%. (Не надо забывать, что повышение цен на продукты и проч. свело на-нет это номинальное увеличение платы.)

Судя по этим данным, можно предположить, что увеличению расходов на наем рабочих в земледелии на 82% соответствует увели-

чение числа наемных рабочих приблизительно на 48⁰/₀. Делая аналогичное предположение для трех главных районов, получим такую картину:

Р а й о н ы.	Увеличение в % с 1900 по 1910 год.		
	Всего сел. населения.	Числа ферм.	Числа наемных рабочих.
Север	+ 3,9%	+ 0,6%	+ 40%
Юг	+ 14,8%	+ 18,2%	+ 50%
Запад	+ 49,7%	+ 53,7%	+ 66%
Все Сев. Шт.	+ 11,2%	+ 10,9%	+ 48%

И эти данные показывают нам, что увеличение числа хозяйств отстает для всей страны в целом от увеличения сельского населения, а увеличение числа наемных рабочих обгоняет увеличение числа сельского населения. Другими словами: уменьшается пропорциональное число самостоятельных, растет пропорциональное число зависимых.

Заметим, что громадная разница между увеличением числа наемных рабочих по первому подсчету (+27⁰/₀) и по второму (+48⁰/₀) вполне возможна, ибо в первом случае считались только *профессиональные* наемные рабочие, а во втором—*всякий случай* употребления наемной рабочей силы. В сельском хозяйстве эпизодическое употребление наемной рабочей силы имеет огромное значение, и поэтому следовало бы всегда принять за правило не довольствоваться определением числа наемных рабочих, постоянных и временных, а определять по мере возможности кроме того и общую сумму расходов на наемный труд.

Во всяком случае, оба расчета показывают нам с несомненностью *рост* капитализма в земледелии Сев. Штатов, *рост* употребления наемного труда, обгоняющий рост сельского населения и числа фермеров

6. Районы самого интенсивного земледелия.

Рассмотрев общие данные о наемном труде, как самом прямом показателе капитализма в земледелии, мы можем перейти теперь к более детальному разбору того, в каких особых *формах* проявляется капитализм в данной отрасли народного хозяйства.

Мы ознакомились с одним районом уменьшения среднего размера ферм, именно с югом, где этот процесс означает переход от рабовладельческих латифундий к мелкому торговому земледелию. Есть другой район уменьшения среднего размера ферм, именно, часть севера:

Новая Англия и Средне-Атлантические Штаты. Вот данные об этих районах:

Г О Д Ы.	Средний размер фермы (обрабатываемой земли) в акрах.	
	Новая Англия.	Ср. Атл. Штаты.
1850	66,5	70,8
1860	66,4	70,3
1870	66,4	69,2
1880	63,4	68,0
1890	56,5	67,4
1900	42,4	63,4
1910	38,4	62,6

Средний размер фермы в Новой Англии—самый мелкий из всех районов С. Штатов. На юге этот размер в двух районах равняется 42—43 акрам, а в третьем, где есть еще колонизация, центральном юго-западном,—61,8 акр., т.е. почти столько же, сколько в Средне-Атлантических Штатах. Уменьшение среднего размера ферм в Новой Англии и Средне-Атлантических Штатах, «в районах более старой культуры и более высокого экономического развития» (стр. 60 у г. Гиммера), в районах, где нет колонизации, и побудило нашего автора, как и очень многих других буржуазных экономистов, прийти к выводу, что «капиталистическое земледелие разрушается», что «производство дробится и мельчает», что «нет таких районов, где бы процесса колонизации уже не происходило, а крупно-капиталистическое земледелие не разлагалось бы и не вытеснялось бы трудовым».

Г. Гиммер пришел к этим, прямо противоположным истине, выводам, потому что он забыл... «мелочь»: процесс интенсификации земледелия! Это невероятно, но это факт. И так как целый ряд буржуазных экономистов, почти все, ухитряются тоже забывать эту «мелочь», когда речь заходит о мелком и крупном производстве в земледелии, хотя «в теории» все они превосходно «знают» и признают процесс интенсификации земледелия, то остановиться на этом вопросе надо особенно обстоятельно. Именно здесь один из коренных источников всех зловключений буржуазной (в том числе народнической и оппортунистической) экономики по вопросу о мелком «трудовом» земледелии. Забывают ту «мелочь», что в силу механических особенностей земледелия процесс интенсификации его очень часто ведет к увеличению размеров хозяйства, к росту производства и капитализма при уменьшении среднего количества обрабатываемой земли в хозяйстве.

Рассмотрим прежде всего, есть ли коренные различия в технике земледелия, в общем характере и интенсивности его между Новой

Англией и Средне-Атлантическими Штатами, с одной стороны, остальным севером и всеми остальными районами страны, с другой.

Различия в земледельческой культуре характеризуются следующими данными:

Р а й о н ы.	Процент, составляемый в общей стоимости всего урожая (1910),—		
	зерновыми хлебами.	сеном и травами.	овоцами, фруктами и т. п. специальн. культур.
Новая Англия	7,6	41,9	33,5
Средне-Атлантические	29,6	31,4	31,8
Центр. С.-Вост.	65,4	11,5	16,0
Центр. С.-Зап.	75,4	14,6	5,9

Разница в условиях земледельческой культуры коренная. Два первые района показывают нам высоко-интенсивное земледелие, два вторых—экстенсивное.

В последних зерновые хлеба дают подавляющую часть общей стоимости урожая, в первых—не только меньшую часть, но иногда совсем ничтожную (7,6%), при чем специальные «торговые» культуры (овощи, фрукты и т. п.) дают *большую* часть стоимости урожая, чем зерновые хлеба. Экстенсивное земледелие уступило место интенсивному. Широко распространилось травосеяние. В Новой Англии из 3,8 милл. акров, дающих сено и кормовые травы, 3,3 милл. акров заняты *посевными* травами. В Средне-Атлантических Штатах соответственные цифры: 8,5 и 7,9 милл. Наоборот, в Центральных Сев.-Западных Штатах (район колонизации и экстенсивного земледелия) из 27,4 милл. акров, дающих сено и травы, 14,5 милл., т. е. большая половина, заняты «дикими» лугами и т. п.

Урожай в «интенсивных» штатах значительно выше:

Р а й о н ы.	Сбор с одного акра в бушелях:			
	кукурузы.		пшеницы.	
	1909	1899	1909	1899
Н. Англия	45,2	39,4	23,5	18,0
Ср.-Атл.	32,2	34,0	18,6	14,9
Центр. С.-Вост.	38,6	38,3	17,2	12,9
Центр. С.-Зап.	27,7	31,4	14,8	12,2

То же самое явление наблюдается по отношению к торговому скотоводству и молочному хозяйству, особенно развитому в этих районах:

Р а й о н ы.	Среднее число мо- лочных коров на 1 ферму (1909).	Среднее производство молока (галлонов) на 1 корову.	
		1909	1899
Н. Англия	5,8	476	548
Ср.-Атлант.	6,1	490	514
Центр. Сев.-Вост.	4,0	410	487
Центр. Сев.-Зап.	4,9	325	371
Юг (3 района).	1,9—3,1	232—286	290—395
Запад (2 района).	4,7—5,1	339—475	334—470
Среднее для С. Шт.	3,8	362	424

Отсюда видно, что в «интенсивных» штатах мы наблюдаем значительно более *крупное* молочное хозяйство, чем во всех остальных. Районы самых *мелких*—по количеству обрабатываемой земли—ферм суть районы самых *крупных* молочных хозяйств. Этот факт имеет громадное значение, ибо молочное хозяйство, как известно, развивается всего быстрее в подгородных местностях и в странах (или районах) особенно высоко развитой промышленности. Статистика Дании, Германии, Швейцарии, на которой мы останавливаемся в другом месте, показывает нам тоже *растущую концентрацию* молочного скота.

В «интенсивных» штатах, как мы видели, значительно бóльшую долю в общей стоимости всего урожая дают сено и травы, чем зерновые хлеба. И развитие скотоводства идет здесь в значительной мере насчет *покупных кормов*. Вот данные об этом за 1909 год:

Р а й о н ы.	Сумма (в милл. долл.):		Превыше- ние доход. над расхо- дами (+) или обрат- но (-).
	доходов от прод. кормов.	расходов на покупку кормов.	
Новая Англия	+ 4,3	— 34,6	— 30,3
Ср.-Атлант.	+ 21,6	— 54,7	— 33,1
Центр. Сев.-Вост.	+ 195,6	— 40,6	+ 155,0
Центр. Сев.-Зап.	+ 174,4	— 76,2	+ 98,2

Экстенсивные штаты севера продают корма. Интенсивные покупают их. Понятно, что при покупке кормов возможно хозяйство *крупных* размеров и высоко-капиталистического характера на *мелком* участке земли.

Сравним два интересных района севера, Новую Англию и Средне-Атлантические Штаты, с самым экстенсивным районом севера, Центральным Северо-Западным.

Р а й о н ы.	Колич. акров. обработ. земли (милл.)	Стоимость всего скота (миллион. долл.).	Доход от продажи кормов (миллион. долл.).	Расход на покупку кормов (миллион. долл.).
Нов. Англия+Ср.-Атлант.				
Штаты	36,5	447	26	89
Центр. Сев.-Зап. Штаты .	164,3	1.552	174	76

Мы видим, что в интенсивных штатах приходится больше скота на 1 акр обработанной земли (447 : 36=12 долларов на 1 акр), чем в экстенсивных (1552 : 164=9 долл.). В единицу земельной площади вкладывается больше капитала в форме скота. И общий оборот торговли кормами (купля+продажа) несравненно выше, по расчету на единицу площади, в интенсивных штатах (26+89=115 милл. долл. на 36 милл. акров), чем в экстенсивных (174+76=250 милл. долл. на 164 милл. акров). Ясно, что земледелие имеет более *торговый* характер в интенсивных штатах, чем в экстенсивных.

Данные о расходах на удобрение и о стоимости орудий и машин служат самым точным статистическим выражением степени интенсификации земледелия. Вот эти данные:

Р а й о н ы.	Процент ферм с расх. на удобр.	Средний расх. на 1 ферму (долл.).	Средн. расход на 1 акр обработанной земли (долл.).	Сред. число акров обр. земли на 1 ферму.		
			1909	1899	1909	
Се-вер	Повая Англия	60,9	82	1,30	0,53	38,4
	Средне-Атл.	57,1	68	0,62	0,37	62,6
Юг	Центр. Сев.-Вост.	19,6	37	0,09	0,07	79,2
	Центр. Сев.-Зап.	2,1	41	0,01	0,01	148,0
За-пад	Ю.-Атлант.	69,2	77	1,23	0,49	43,6
	Центр. Ю.-Вост.	33,8	37	0,29	0,13	42,2
	Центр. Ю.-Зап.	6,4	53	0,06	0,03	61,8
Сев. Штаты	Горные	1,3	67	0,01	0,01	86,8
	Тихоок.	6,4	189	0,10	0,05	116,1
		28,7	63	0,24	0,13	75,2

Здесь вполне отчетливо выступает разница между экстенсивными районами севера с ничтожным % ферм, употреблявших покупные удобрения (2—19%), и с ничтожным расходом на удобрение по расчету на 1 акр обрабатываемой земли (0,01—0,09 долл.), и интенсивными штатами, где *большинство* ферм (57—60%) употребляет покупные удобрения, и расход на них достигает значительной суммы.

Напр., в Новой Англии этот расход достигает 1,30 долл. на акр—цифра *максимальная* для всех районов (опять самый мелкий размер фермы по площади земли и самый крупный расход на удобрения!) и превышающая цифру для одного района юга (Ю.-Атлант. Штаты). Надо заметить, что на юге культура хлопка, где всего сильнее применяется, как мы знаем, труд издольщиков-негров, требует особенно много искусственных удобрений.

В тихоокеанских штатах мы видим очень невысокий процент ферм, употреблявших удобрения (6,4%) и максимально высокий расход—по расчету на 1 ферму в среднем (189 долл.), считая, конечно, только фермы, применявшие удобрения. Здесь мы наблюдаем другой пример: роста *крупного* и капиталистического земледелия при *уменьшении* площади земли под хозяйством. Из трех тихоокеанских штатов в двух, Вашингтоне и Орегоне, употребление удобрений вообще ничтожно, всего по 0,10 доллара на 1 акр. Только в третьем штате, Калифорнии, эта цифра сравнительно высока: 0,08 в 1899 г. и 0,19 в 1909 г. В этом штате особенную роль играет производство фруктов, которое возрастает чрезвычайно быстро в чисто капиталистической форме и которое к 1909 году давало здесь 33% стоимости всего урожая против 18,3% от зерновых хлебов, против 27,6% от сена и трав. В производстве фруктов типична ферма с площадью земли *ниже среднего* и с употреблением удобрений и наемного труда *гораздо выше среднего*. Мы еще будем иметь случай останавливаться на такого рода отношениях, типичных для капиталистических стран с интенсивным земледелием и всего более игнорируемых статистиками и экономистами

Но вернемся к «интенсивным» штатам севера. В Новой Англии не только выше всего применение удобрений—1,30 долл. на акр при наиболее низком размере земельной площади под фермой (38,4 акра), но и возрастание расходов на удобрение идет особенно быстро. За 10 лет с 1899 по 1909 г. эти расходы поднялись с 0,53 долл. на акр до 1,30, т.-е. увеличились в два с половиной раза. Интенсификация земледелия, технический прогресс его, повышение культуры идут здесь, следовательно, чрезвычайно быстро. Чтобы нагляднее представить значение этого факта, сравним самый интенсивный район севера, Новую Англию, с самым экстенсивным, Центр. Сев.-Западным. Этот последний район почти не знает искусственных удобрений (2% ферм и 0,01 долл. на акр); размер ферм здесь наиболее крупный из всех районов Америки (148,0 акров) и возрастает он всего быстрее. Обычно берут именно этот район—и г. Гиммер делает это, как—образчик капитализма в земледелии С. Штатов. Это обычное мнение неправильно,

как мы подробнее покажем ниже. Оно основано на смешении самой грубой, примитивной формы экстенсивного земледелия с технически прогрессивной интенсивной. В Центр. Сев. Западном районе размер фермы почти вчетверо больше, чем в Новой Англии (148,0 акров против 38,4), а размер расходов на удобрение, по расчету на одну применявшую удобрения ферму в среднем, вдвое меньше: 41 долл. против 82.

В живой действительности, следовательно, бывают случаи, когда громадное *уменьшение* количества земли под фермой связано с громадным *увеличением* расходов на искусственные удобрения, так что «мелкое» производство—если продолжать, по рутине, считать его мелким, по размеру земельной площади—оказывается «крупным» по количеству капитала, вкладываемого в землю. Такие случаи не единичны, а типичны для всякой страны, в которой происходит смена экстенсивного земледелия интенсивным. А сюда относятся *все* капиталистические страны, и игнорирование этой типичной, существенной, коренной особенности земледелия порождает ходячие ошибки поклонников мелкого земледелия, судящих только по величине земельной площади.

7. Машины и наемный труд в земледелии.

Возьмем другой, технически отличающийся от предыдущего, вид вложения капитала в землю, именно: применение орудий и машин. Вся европейская сельско-хозяйственная статистика неопровержимо свидетельствует, что чем крупнее, по количеству земли, хозяйство, тем больший процент хозяйств употребляет машины всех видов и тем большее число машин употребляется. Превосходство крупных хозяйств в этом, весьма важном, отношении вполне и безусловно установлено. Америкапская статистика и по этому пункту несколько оригинальна: ни орудия, ни с.-х. машины не регистрируются отдельно, а определяются лишь общая стоимость их. Возможно, конечно, что такого рода данные менее точны в каждом отдельном случае, но зато в общем и целом они позволяют производить известные сравнения между районами и между группами хозяйств, сравнения, которые невозможны при данных другого рода.

Вот порайонные данные о сельско-хозяйственных орудиях и машинах (см. табл. на стр. 209).

Бывший рабовладельческий юг, район издольщины, оказывается, занимает самое низкое место по употреблению машин. На 1 акр земли здесь приходится втрое, вчетверо, вятер.—по разным районам—меньшая стоимость орудий и машин, чем в интенсивных штатах се-

Р а й о н ы .	Стоимость орудий и машин (1909) в долл.:		
	в среднем на 1 ферму.	в среднем на 1 акр всей земли в ферм.	
Север {	Нов. Англия	269	2,58
	Ср. Атлант.	358	3,88
	Центр. Сев.-Вост.	239	2,28
	Центр. С.-Запад.	332	1,59
Юг (три района)	72 — 88 — 127	0,71 — 0,92 — 0,95	
Запад (два района)	269 — 350	0,83 — 1,29	
<hr/>			
С. Штаты	199	1,44	

вера. Эти штаты занимают первое место среди всех остальных и, в частности, далеко оставляют позади самый земледельческий район, житницу Америки,—Центральные Северо-Западные Штаты, которые поверхностными наблюдателями все еще рассматриваются сплошь да рядом, как образцовый район употребления машин и капитализма.

Заметим, что прием американских статистиков—определять стоимость машин, как и земли, скота, строений и пр.—на 1 акр *всей* земли в фермах, а не только обрабатываемой земли, преуменьшает превосходство «интенсивных» штатов севера и вообще не может быть признан правильным. Различие между районами по проценту обработанной земли очень велико: на западе этот процент понижается для горных штатов до 26,7⁰/₀, на севере он доходит для Центр. Сев.-Восточ. Штатов до 75,4⁰/₀. Для экономической статистики важнее, несомненно, обрабатываемая земля, а не все количество земли. В Новой Англии количество обрабатываемой земли в фермах и процент ее сильно понижаются особенно с 1880 года, вероятно, под влиянием конкуренции свободных (свободных от поземельной ренты, от дани господам землевладельцам) земель запада. А вместе с тем в этом районе особенно развито употребление машин, особенно высока стоимость машин на 1 акр *обрабатываемой* земли. В 1910 г. она составила здесь 7 долларов на акр, в Ср.-Атлант. Штатах около 5½ долл., в остальных районах не более 2—3 долларов.

Район самых *мелких*, по количеству земли, ферм опять-таки оказывается районом самых *крупных* применений капитала к земле в виде машин

Если мы сопоставим из «интенсивных» районов севера Средне-Атлантические Штаты с самым экстенсивным районом севера, Центральным Северо-Западным, то увидим, что по количеству обработанной земли на 1 ферму первый район характеризуется *более чем вдвое* «мелким» производством—62,6 акра против 148,0,—а по стоимости

употребляемых машин он *превосходит* второй район—358 долларов на ферму против 332. Мелкие фермы оказываются более крупными по размеру употребления машин.

Нам остается еще сопоставить данные об интенсивном характере земледелия с данными об употреблении наемного труда. Выше, в § 5, мы приводили уже эти последние данные в сокращенной форме. Теперь мы должны рассмотреть их детальнее по районам.

РАЙОНЫ		Проц. ферм, на- нимающих раб. в 1909 г.	Средний расход одной (наймав- шей) фермы на наем рабочих (долл.).	Расход на на- емный труд по расчету на 1 акр обработ. земли.		Увеличение этого расхода с 1899 по 1909 г. в %.
				1899	1909	
Север	Нов. Англия	66,0	277	2,55	4,76	+ 86%
	Ср. Атлант.	65,8	253	1,64	2,66	+ 62%
	Центр. С.-Вост.	52,7	199	0,78	1,33	+ 71%
	Центр. С.-Зап.	51,0	240	0,56	0,83	+ 48%
Юг	Ю.-Атлант.	42,0	142	0,80	1,37	+ 71%
	Центр. Ю.-Вост.	31,6	107	0,49	0,80	+ 63%
	Центр. Ю.-Зап.	35,6	178	0,75	1,03	+ 37%
Запад	Горные	46,8	547	2,42	2,95	+ 22%
	Тихоок.	58,0	694	1 92	3,47	+ 80%
Все С. Штаты		45,9	223	0,86	1,36	+ 58%

Отсюда видно, во-1-х, что интенсивные штаты севера отличаются безусловно и во всех отношениях более высоким развитием капитализма в земледелии, чем экстенсивные; во-2-х, что капитализм в первых районах развивается быстрее, чем в экстенсивных; в-3-х, что район самых мелких ферм, Новая Англия, стоит выше всех остальных районов страны и по наибольшей степени развития капитализма в земледелии, и по наибольшей скорости его развития. Возрастание расходов на наемный труд, по расчету на 1 акр обрабатываемой земли, составляет здесь 86%, и тихоокеанские штаты занимают в этом отношении второе место. Среди тихоокеанских штатов выделяется и в этом отношении Калифорния, в которой, как мы уже говорили, быстро растет «мелкая» капиталистическая культура фруктов.

Обыкновенно считают «образцовым» капиталистическим районом американского земледелия Центральные Северо-Западные Штаты, где всего крупнее размер ферм (148,0 акров в среднем в 1910 г., считая только обработанную землю) и где этот размер всего быстрее и всего более неуклонно вырастает с 1850 года. Мы видим теперь, что это мнение глубоко ошибочно. Высота употребления наемного

труда, конечно, является самым бесспорным и самым прямым показателем развития капитализма. И этот показатель говорит нам, что «житница» Америки, район пресловутых «пшеничных» фабрик, которые особенно бросаются в глаза, *менее* капиталистичны, чем промышленный и интенсивно-земледельческий район, где агрикультурный прогресс выражается не в увеличении обрабатываемой площади земли, а в *увеличении* вложений капитала в землю при *уменьшении* этой площади.

Вполне можно представить себе, как расширение обработки «чернозема», или нераспаханных девственных земель вообще, может идти вперед, при употреблении машин, очень быстро, несмотря на не очень большое возрастание наемного труда. В Центральных Северо-Западных Штатах расход на наемный труд, по расчету на 1 акр обрабатываемой земли, составлял 0,56 долл. в 1899 г. и 0,83 долл. в 1909 г. Увеличение только на 48%. В Новой Англии,—где уменьшается, а не увеличивается количество обрабатываемой земли, уменьшается, а не увеличивается средний размер фермы,—расход на наемный труд не только был гораздо выше и в 1899 г. (2,55 долл. на акр) и в 1909 (4,76 долл.), но и возрос за это время несравненно сильнее (+ 86%).

Средняя ферма в Новой Англии *четверо* мельче, чем в Центр. Северо-Западных Штатах (38,4 против 148,0 акров), а средний расход на наемный труд здесь *больше*, чем там: 277 долл. против 240. Уменьшение размеров фермы означает, следовательно, в подобных случаях увеличение размеров капитала, применяемого к земледелию, и усиление его капиталистического характера, рост капитализма и капиталистического производства.

Если Центральные Северо-Западные Штаты, дающие 34,3% всей площади обрабатываемой земли в Соединенных Штатах, особенно характерны, как типичнейший район «экстенсивного» капиталистического земледелия, то *горные* штаты показывают нам образчик аналогичного экстенсивного хозяйства в условиях наиболее быстрой колонизации. Употребление наемного труда здесь слабее по проценту нанимающих ферм, но гораздо сильнее по средней величине расходов на труд, чем в Центр. Сев.-Зап. районе. Но возрастание наемного труда здесь отличается наибольшей медленностью (всего + 22%) из всех районов Америки. Вероятно, следующие обстоятельства обусловили эволюцию такого типа. В этом районе чрезвычайно сильна колонизация и раздача гомстэдов. Количество обрабатываемой земли возросло больше, чем в каком бы то ни было другом районе: на 89% с 1900 по 1910 г. Колонисты, владельцы гомстэдов, естественно, употребляют—в начале своего хозяйства, по крайней мере—мало наем-

ного труда. С другой стороны, очень крупными размерами употребления наемного труда должны отличаться здесь, во-первых, некоторые латифундии; их особенно много в этом районе, как и на западе вообще;—во-вторых, хозяйства с специальными и высоко-капиталистическими культурами. Напр., в некоторых штатах этого района очень высок процент стоимости всего урожая, составляемый фруктами (Аризона—6⁰/₀, Колорадо—10⁰/₀), овощами (Колорадо—11,9⁰/₀, Невада—11,2⁰/₀) и т. п.

Подводя итог, мы должны сказать: утверждение г-на Гиммера, что «нет таких районов, где бы прогресса колонизации уже не происходило, а крупно-капиталистическое земледелие не разлагалось бы и не вытеснялось бы трудовым», представляет из себя насмешку над истиной, прямую противоположность действительности. Район Новой Англии, где нет никакой колонизации, где мельче всего фермы, где интенсивнее всего земледелие, показывает нам наибольшую высоту капитализма в земледелии и наибольшую быстроту развития капитализма. Этот вывод имеет самое существенное и коренное значение для понимания процесса развития капитализма в земледелии вообще, ибо интенсификация земледелия и связанное с нею уменьшение среднего количества земли в фермах есть не случайность, не местное, не эпизодическое, а *общее* явление всех цивилизованных стран. Тьма ошибок, которые делаются всеми и всякими буржуазными экономистами по поводу данных об эволюции земледелия, напр., в Великобритании, Дании, Германии, объясняются тем, что недостаточно знакомо, понято, усвоено и продумано это общее явление.

8. Вытеснение мелких хозяйств крупными.

Количество обработанной земли.

Мы рассмотрели главные формы, которые принимает процесс развития капитализма в земледелии, и убедились в чрезвычайном разнообразии их. Распадение рабовладельческих латифундий на юге, рост крупного экстенсивного хозяйства на экстенсивном севере, наибольшая быстрота развития капитализма при наиболее мелких, в среднем, фермах на интенсивном севере—таковы наиболее существенные из этих форм. Факты неопровержимо показывают, что иногда увеличение размера ферм, иногда увеличение числа их означает рост капитализма. Общие для всей страны данные о среднем размере ферм ничего не говорят, в силу такого положения дел.

Каков же общий итог различных местных и агрикультурных особенностей? Данные о наемном труде показали нам этот общий итог. Растущее употребление наемного труда идет, как общий процесс, через *все* эти особенности. Но в громадном большинстве цивилизованных стран сельско-хозяйственная статистика, отдавая вольную и невольную дань господствующим буржуазным воззрениям и предрассудкам, не дает вовсе систематических сведений о наемном труде или дает их лишь в самое последнее время (германская сельско-хозяйственная перепись 1907 года), так что сравнение с прошлым невозможно. В американской статистике, как мы подробнее скажем в своем месте, с 1900 по 1910 год произошло громадное ухудшение в сводке и разработке данных о наемном труде.

Обычным, самым распространенным приемом итоговых данных остается и в Америке и в большинстве других стран сравнение мелких и крупных хозяйств по величине площади земли. К ознакомлению с этими данными мы и перейдем

Американская статистика при делении ферм на группы по количеству земли берет количество всей земли, а не только обработанной, что было бы, конечно, правильнее, и что делает германская статистика. Рациональных оснований составления принятых в Соед. Штатах при обработке переписи 1910 года *семи* групп (до 20 акров, 20—49, 50—99, 100—174, 175—499, 500—999, 1.000 и более) не указывается. Видимо, здесь наибольшую роль играет статистическая рутина. Мы будем называть группы в 100—174 акра средними, так как сюда относятся большею частью гомстэды (казенная норма их = 160 акров) и так как большей частью именно такие размеры землевладения обеспечивают наибольшую «самостоятельность» земледельца при наименьшем употреблении наемного труда. Более высокие группы мы будем называть крупными или капиталистическими, так как без наемного труда дело здесь, по общему правилу, не обходится. Фермы, имеющие 1.000 и более акров земли, — из которых $\frac{3}{5}$ на севере, $\frac{9}{10}$ на юге и $\frac{2}{3}$ на западе принадлежит к необработанной земле, — мы называем латифундиями. Фермы, имеющие менее 100 акров, мы называем мелкими; о хозяйственной самостоятельности позволяет судить до известной степени тот факт, что процент безлошадных составляет здесь в трех группах, начиная снизу, 51—43—23%. Само собою разумеется, что такую характеристику следует понимать не в абсолютном смысле и не распространять, без особого анализа, на каждый район или на отличающиеся особыми условиями местности в отдельности,

Приводить данные обо всех семи группах по всем главным районам С. Штатов мы не имеем здесь возможности, ибо это непомерно обременило бы изложение громадным количеством цифр. Поэтому мы ограничимся краткими указаниями на существенные отличия между севером, югом и западом, а полные данные приведем только о Соед. Штатах в целом. Напомним, что на севере находится $\frac{3}{5}$ всей обработанной земли (60,6%), на юге меньше трети (31,5%), а на западе меньше $\frac{1}{12}$ (7,9%).

Больше всего бросается в глаза то отличие между тремя главными районами, что на капиталистическом севере всего *меньше* латифундий, при чем возрастает и число их, и все количество земли в них, и количество обработанной земли. В 1910 г. было на севере 0,5% ферм с 1.000 акров и более; у них 6,9% всей земли и 4,1% обработанной земли. На юге 0,7% таких ферм, у них 23,9% всей земли, 4,8% обработанной земли. На западе 3,5% таких ферм, у них 48,3% всей земли, 32,3% обработанной земли. Это знакомая уже нам картина: рабовладельческие латифундии юга и еще более обширные латифундии запада, представляющие из себя частью основу экстенсивнейшего скотоводства, частью захваченные «колонизаторами» области, запасные пространства земли, перепродаваемые или (реже) сдаваемые в аренду настоящим земледельцам, обрабатывающим «далекий запад».

Пример Америки наглядно говорит нам, как неосторожно было бы смешивать латифундии с крупно-капиталистическим земледелием, как часто латифундии являются пережитком до-капиталистических отношений — рабских, феодальных или патриархальных. И на юге и на западе происходит раздробление, распадение латифундий. На севере все количество земли в фермах увеличилось на 30,7 миллионов акров; из этой суммы на латифундии приходится всего 2,3 миллиона, а на крупные, капиталистические фермы (175—999 акров) — 22 миллиона. На юге все количество земли в фермах уменьшилось на $7\frac{1}{2}$ миллионов. В латифундиях оно *уменьшилось* на 31,8 миллиона. В мелких фермах увеличение на 13 миллионов, в средних — на 5 миллионов. На западе все количество земли в фермах увеличилось на 17 милл.; в латифундиях уменьшение на 1,2 милл.; в мелких фермах увеличение на 2 милл., в средних — на 5 милл., в крупных — на 11 милл.

Количество *обработанной* земли увеличилось в латифундиях во всех трех районах: сильно на севере (+ 3,7 милл. акров = + 47,0%), очень слабо на юге (+ 0,3 милл. = + 5,5%), сильнее на западе (+ 2,8 милл. = + 29,6%). Но на севере максимум увеличения обработанной земли приходится на *крупные* фермы (175—999 акров); на юге

на *мелкие и средние*; на западе на *крупные и средние*. В результате, на севере увеличивают свою *долю* обработанной земли крупные фермы, на юге и на западе — мелкие и частью средние. Картина эта вполне соответствует тому, что мы знаем о различии условий в этих районах. На юге растет мелкое торговое земледелие на счет разлагающихся рабовладельческих латифундий; на западе тот же процесс при более слабом распадении более обширных латифундий не рабовладельческого, а экстенсивно-скотоводнического и «захватного» характера. Кроме того, о тихоокеанских штатах запада американские статистики замечают:

«Большое развитие мелких фруктовых и др. ферм на берегу Тихого океана есть результат, по крайней мере отчасти, произведенного в последние годы орошения. Это привело к увеличению мелких ферм меньше 50 акров в тихоокеанских штатах» (страница 264, т. V).

На севере нет ни рабовладельческих, ни «примитивных» латифундий, нет их распадения, нет усиления мелких ферм за счет крупных.

В общем и целом, для всех Соед. Штатов процесс принимает следующий вид:

Группы ферм.	Число ферм (в тысячах).		То же в %.		Увеличение или уменьшение.
	1900.	1910.	1900.	1910.	
До 20 акров	674	839	11,7	13,2	+1,5
От 20 до 49 акров	1.258	1.415	21,9	22,2	+0,3
» 50 » 99 »	1.366	1.438	23,8	22,6	-1,2
» 100 » 174 »	1.423	1.516	24,8	23,8	-1,0
» 175 » 499 »	868	978	15,1	15,4	+0,3
» 500 » 999 »	103	125	1,8	2,0	+0,2
» 1.000 и более	47	50	0,8	0,8	—
Всего	5.738	6.361	100,0	100,0	—

Итак, число латифундий в пропорции ко всему числу ферм осталось неизменным. Изменения в соотношении остальных групп характеризуются *вымыванием средних* и усилением крайних. Средняя группа (100 — 174 акра) и наиболее близкая к средней из мелких групп отеснены назад. Возросли больше всего самые мелкие и мелкие, затем крупно-капиталистические (175 — 999 акров).

Посмотрим на количество всей земли (см. табл. на стр. 216).

Здесь мы видим, прежде всего, очень значительное уменьшение доли земли у латифундий. Напомним, что абсолютное уменьшение ограничивается югом и западом, где в латифундиях процент *необработанной* земли составлял в 1910 году 91,5% и 77,1%. Затем ничтож-

Группы ферм.	Количество всей земли в фермах (тысячи акров).		То же в %.		Увеличение или уменьшение.
	1900	1910.	1900.	1910.	
До 20 акров	7.181	8.794	0,9	1,0	+0,1
От 20 до 49 акров	41.536	45.378	5,0	5,2	+0,2
« 50 » 99 »	98.592	103.121	11,8	11,7	-0,1
« 100 » 174 »	192.680	205.481	23,0	23,4	+0,4
« 175 » 499 »	232.955	265.289	27,8	30,2	+2,4
« 500 » 999 »	67.864	83.653	8,1	9,5	+1,4
« 1.000 и более	197.784	167.082	23,5	19,0	-4,6
Всего	838.592	878.798	100,0	100,0	—

ное уменьшение доли всей земли наблюдается у верхней из мелких групп (— 0,1⁰/₀ в группе от 50 до 99 акров). Наибольшее увеличение падает на долю крупно-капиталистических групп от 175 до 499 и от 500 до 999 акров. Увеличение доли всего количества земли у самых мелких групп сравнительно невелико. В средней группе (100—174 акра) почти застой (+ 0,4⁰/₀).

Перейдем к данным о количестве обработанной земли:

Группы ферм.	Количество обра- ботанной земли в ферм. (в тысяч. акр.).		То же в %.		Увелич. или уменьш.
	1900.	1910.	1900.	1910.	
До 20 акров	6.440	7.992	1,6	1,7	+0,1
От 20 до 49 акр.	33.001	36.596	8,0	7,6	-0,4
« 50 » 99 »	67.345	71.155	16,2	14,9	-1,3
« 100 » 174 »	118.391	128.854	28,6	26,9	-1,7
« 175 » 499 »	135.530	161.775	32,7	33,8	+1,1
« 500 » 999 »	29.473	40.817	7,1	8,5	+1,4
« 1.000 и более	24.317	31.263	5,9	6,5	+0,6
Всего	414.498	478.452	100,0	100,0	—

На размеры хозяйства указывает, с известной степенью приближения и с рядом исключений, о которых мы говорили и еще будем говорить, только количество обработанной земли. И здесь мы видим, что доля латифундий, значительно уменьшившаяся по отношению к сумме всей земли, увеличилась по отношению к сумме обработанной земли. Увеличились вообще все капиталистические группы, из них больше всего группа с 500 — 999 акрами. Уменьшилась больше всего средняя группа (—1,7⁰/₀) и затем все мелкие, кроме самой мелкой, до 20 акров, которая незначительно увеличилась (+ 0,1⁰/₀).

Забегая вперед, заметим, что в разряд мельчайших ферм (до 20 акров) входят и фермы до 3 акров, а американская статистика регистрирует не все такие фермы, а лишь те из них, которые производят продуктов на сумму не менее 250 долларов в год. Поэтому эти мельчайшие фермы (до 3 акров) отличаются более высоким размером производства и более сильно развитым капиталистическим характером, чем соседняя группа с более значительной площадью земли. Вот для иллюстрации данные за 1900 г. — За 1910 год, к сожалению, соответственных данных не имеется:

Приходится в среднем на ферму:

Группы ферм. (1900 г.)	обработ. земли акров.	стоим. всех продукт. (долл.).	расхода на наемн. труд (долл.).	стоим. орудий и машин. (долл.).	стоим. всего скота (долл.).
До 3 акров	1,7	592	77	53	867
От 3 до 10 акр.	5,6	203	18	42	101
» 10 » 20 »	12,6	236	16	41	116
» 20 » 50 »	26,2	324	18	54	172

Не говоря уже о фермах до 3 акров земли, даже фермы с 3—10 акрами оказываются в некоторых отношениях более «крупными» (расход на наем рабочих, стоимость орудий и машин), чем фермы с 10—20 акрами *). Поэтому увеличение доли обрабатываемой земли в общей сумме такой земли у ферм, имеющих до 20 акров, мы имеем все основания отнести на счет высоко-капиталистических хозяйств мельчайшего (по площади земли) размера.

В общем и целом, по поводу относящихся ко всем Соед. Шт. данных о распределении обработанной земли между мелкими и крупными фермами в 1900 и в 1910 г.г. получается совершенно определенный и не допускающий сомнений вывод: *усиление крупных, ослабление средних и мелких ферм.* Следовательно, *поскольку* можно судить о капиталистическом или не-капиталистическом характере земледелия на основании данных о группах хозяйств по площади земли,

*) За 1900 год мы имеем данные о числе высокодоходных ферм, т.-е. ферм со стоимостью продукта свыше 2.500 долларов, среди различных групп хозяйств по количеству земли. Вот эти данные: процент высокодоходных ферм составлял среди ферм до 3 акров—5,2%; от 3 до 10—0,6%; от 10 до 20—0,4%; от 20 до 50—0,3%; от 50 до 100—0,6%; от 100 до 175—1,4%; от 175 до 260—5,2%; от 260 до 500—12,7%; от 500 до 1.000—24,3%; от 1.000 и более—39,5%. Мы видим, что во всех разрядах ферм до 20 акров процент высокодоходных ферм *выше*, чем в разряде 20—50 акров.

постольку Соед. Штаты показывают нам за последнее десятилетие рост крупных капиталистических хозяйств и вытеснение мелких, как общее правило.

Данные о том, насколько возросло число ферм и количество обработанной земли в каждой группе, сделают этот вывод еще более наглядным:

Группы ферм.	Процент увеличения за 1900—1910 г.г.	
	числа ферм.	количества обработанн. земли.
До 20 акров	+24,5%	+24,1%
От 20 до 49 акров. . .	+12,5%	+10,9%
» 50 » 99 » . . .	+ 5,3%	+ 5,7%
» 100 » 174 » . . .	+ 6,6%	+ 8,8%
» 175 » 499 » . . .	+12,7%	+19,4%
» 500 » 999 » . . .	+22,2%	+38,5%
» 1.000 и более	+ 6,3%	+28,6%
<hr/>		
Всего	+10,9%	+15,4%

Наибольший процент увеличения обработанной земли приходится на две последние из самых высших групп. Наименьший на среднюю группу и ближайшую к ней из мелких (50 — 99 акров). В обеих низших группах процент увеличения обработанной земли меньше процента увеличения числа ферм.

9. Продолжение. Данные о стоимости ферм.

Американская статистика, в отличие от европейской, определяет стоимость отдельных элементов хозяйства, земли, строений, орудий, скота и всего хозяйства по отношению к каждой ферме и к каждой группе ферм. Вероятно, эти данные менее точны, чем данные о количестве земли, но в общем и целом они не менее достоверны, учитывая, кроме того (до -известной степени), общую капиталистическую обстановку земледелия.

Чтобы дополнить предыдущее изложение, мы возьмем данные о всей стоимости ферм со всем сельско-хозяйственным имуществом, а также данные о стоимости орудий и машин. Мы выбираем из отдельных элементов хозяйства орудия и машины, потому что они непосредственно указывают на то, что земледельческое хозяйство ведется, и на то, как оно ведется — более или менее интенсивно с ббльшим

или меньшим применением технических усовершенствований. Вот данные о всех Соед. Штатах:

Процентное распределение стоимости
всего имущества:

Группы ферм.	на фермах.		увелич. или уменьш.	орудий и машин.		увелич или уменьш.
	1900.	1910.		1900.	1910.	
До 20 акров.	3,8	3,7	— 0,1	3,8	3,7	— 0,1
От 20 до 49 акров. .	7,9	7,3	— 0,6	9,1	8,5	— 0,6
» 50 » 99 » . .	16,7	14,6	— 2,1	19,3	17,7	— 1,6
» 100 » 174 » . .	28,0	27,1	— 0,9	29,3	28,9	— 0,4
» 175 » 499 » . .	30,5	33,3	+ 2,8	27,1	30,2	+ 3,1
» 500 » 999 » . .	5,9	7,1	+ 1,2	5,1	6,3	+ 1,2
» 1 000 и более	7,3	6,9	— 0,4	6,2	4,7	— 1,5
Всего . . .	100,0	100,0	—	100,0	100,0	—

Абсолютные цифры показывают нам более чем удвоение всей стоимости всего имущества на фермах за 1900 — 1910 годы, именно увеличение с 20.440 миллионов долларов до 40.901 милл., т. е. на 100,5%. Вздорожание продуктов сельского хозяйства и повышение ренты положили миллионы и миллиарды долларов в карман всех землевладельцев на счет рабочего класса. Насколько больше или меньше выиграли при этом мелкие или крупные хозяйства? Ответ дают приведенные цифры. Они показывают упадок латифундий (напомним, что все количество земли в них упало с 23,6% до 19,0%, на 4,6%), — затем *вытеснение мелких и средних хозяйств крупными*, капиталистическими (175 — 999 акров). Соединяя все мелкие и средние хозяйства, получаем, что их доля в общем имуществе *понижилась* с 56,4% до 52,7%. Соединяя все крупные хозяйства с латифундиями, получаем, что их доля *повысилась* с 43,7% до 47,3%. Совершенно однородны изменения в отношении между мелкими и крупными хозяйствами при распределении общей стоимости орудий и машин.

Что касается латифундий, то мы наблюдаем и на этих данных явление, отмеченное нами выше. Упадок латифундий ограничивается двумя районами: югом и западом. Это есть упадок, с одной стороны, рабовладельческих, с другой, примитивно-захватных и примитивно-экстенсивных латифундий. На заселенном и промышленно-развитом севере мы видим *возрастание* латифундий: и число ферм этого рода, и количество всей земли у них, и количество обработанной земли, и доли в общей стоимости всего имущества (1900 — 2,5%; 1910 — 2,8%), и доли в общей стоимости всех орудий и машин.

При этом увеличение роли латифундий наблюдается не только на севере вообще, но и в частности в интенсивных, совершенно не знающих колонизации, районах севера: в Новой Англии и в Средне-Атлантических Штатах. На этих районах необходимо остановиться подробнее, ибо они, с одной стороны, вводят в заблуждение г. Гиммера и многих других, особенно малым средним размером ферм и уменьшением этого размера, а с другой стороны, именно эти наиболее интенсивные районы всего типичнее для старых, давно заселенных и цивилизованных стран *Европы*.

В обоих названных районах уменьшилось с 1900 по 1910 г. и число ферм, и количество всей земли, и количество обработанной земли. В Новой Англии увеличилось только число мельчайших ферм, до 20 акров,—на 22,4⁰/₀ (об. аботанной земли у них на 15,5⁰/₀), и число латифундий — на 16,3⁰/₀, обработанной земли у них на 26,8⁰/₀. В Средне-Атлантических Штатах увеличились *мельчайшие* фермы (+ 7,7⁰/₀ по числу ферм, + 2,5⁰/₀ по количеству обработанной земли) и затем фермы, от 175 до 499 акров по числу ферм (+ 1,0⁰/₀) и фермы в 500 — 999 акров по количеству обработанной земли (+ 3, 8⁰/₀). В обоих районах *возросла* и доля мельчайших ферм, и доля латифундий в общей стоимости всего имущества ферм, а также орудий и машин. Вот более наглядные и более полные данные о каждом из этих районов

Процентное возрастание с 1900 по 1910 год:

Группы ферм.	В Новой Англии.		В Средне-Атлант. Шт.	
	Стоимости всего имущества ферм.	Стоимости орудий и машин.	Стоимости всего имущества ферм.	Стоимости орудий и машин.
До 20 акр.	60,9	48,9	45,8	42,9
От 20 до 49	31,4	30,3	28,3	37,0
» 50 » 99	27,5	31,2	23,8	39,9
» 100 » 174	30,3	38,5	24,9	43,8
» 175 » 499	33,0	44,6	29,4	54,7
» 500 » 999	53,7	53,7	31,5	50,8
» 1.000 и более	102,7	60,5	74,4	65,2
Всего	35,6	39,0	28,1	44,1

Отсюда видно, что в обоих районах больше всего усилились, больше всего выиграли экономически, более всего двинулись вперед технически именно латифундии. Крупнейшие капиталистические хозяйства *вытесняют* здесь остальные, более мелкие. Минимальное

Прирастание стоимости всего имущества, а также орудий и машин наблюдается либо в средней группе, либо в мелкой, но не в мельчайшей. Отстают, значит, всех сильнее средние и мелкие хозяйства.

Мельчайшие же фермы (до 20 акров) усилились в обоих районах *выше среднего*, уступая первенство только латифундиям. Причину этого явления мы уже знаем: в обоих интенсивных районах 31 — 33% стоимости урожая дают высоко-капиталистические культуры (овощи, затем фрукты, цветы и т. п.), отличающиеся чрезвычайно большой суммой производства при чрезвычайно малой площади земли под хозяйством. Зерновые хлеба дают в этих районах всего 8 — 30% стоимости урожая, а сено и травы 31 — 42%: развивается молочное хозяйство, которое тоже отличается размером ферм *ниже* среднего, а стоимостью продукта и расходом капитала на наем рабочих в количестве *выше* среднего.

В самых интенсивных районах получается уменьшение среднего количества обработанной земли в фермах, потому что эта средняя получается из сложения латифундий и мельчайших ферм, которые увеличиваются в числе быстрее средних. И мельчайшие фермы по числу растут быстрее латифундий. Но капитализм растет в двоякой форме; и увеличивая размеры хозяйств на старой технической базе и создавая новые, особенно мелкие и мельчайшие по площади земли, хозяйства специально-торговых культур, отличающихся при ничтожной площади земли чрезвычайно высоким развитием размеров производства и *наемного* труда.

В итоге наибольшее усиление латифундий и крупнейших хозяйств, оттеснение средних и мелких, рост мельчайших высоко-капиталистических.

Мы сейчас увидим, как может быть статистически выражен общий итог столь противоречивых — по внешности противоречивых — проявлений капитализма в земледелии.

10. Недостатки обычных приемов экономического исследования.

Маркс об особенностях земледелия.

Группировка земледельческих хозяйств по величине площади земли, занимаемой или обрабатываемой ими, есть единственная группировка, примененная в американской статистике 1910 года и применяемая в громадном большинстве европейских стран. Вообще говоря, неоспоримо, что, кроме соображений фискальных и крупно-

административных, есть известные научные соображения за необходимость и правильность такой группировки. Но она явно недостаточна, ибо не учитывает совершенно процесса интенсификации земледелия, роста затрат капитала на единицу земельной площади в виде скота, машин, улучшенных семян, улучшенных приемов культуры и т. д. А между тем этот процесс повсюду — за исключением весьма немногих районов и стран примитивного и чисто-экстенсивного земледелия — является как раз наиболее характерным для капиталистических стран. Поэтому группировка хозяйств по количеству земли в громадном большинстве случаев вносит чрезмерное упрощение и угрубление в представления о развитии земледелия вообще и развитии капитализма в нем особенно.

Когда читаешь у экономистов и статистиков, выражающих наиболее распространенные буржуазные взгляды, длинные рассуждения на тему о неоднородности условий в сельском хозяйстве и в промышленности, о своеобразии первого и т. д. и т. п., то постоянно хочется заметить: господа! вы сами больше всего виноваты в поддержке и распространении упрощенных и угрубленных взглядов на эволюцию земледелия! Вспомните «Капитал» Маркса. Вы найдете там указание на чрезвычайное разнообразие форм землевладения — феодальное, клановое, общинное (добавим: примитивно-захватное), государственное и проч., — которые застаёт капитал при своем появлении на историческую сцену. Капитал подчиняет себе и преобразует по-своему все эти различные формы землевладения, но именно для того, чтобы понять, оценить, статистически выразить этот процесс, необходимо уметь видоизменять постановку вопроса и приемы исследования применительно к различиям вопроса и приемы исследования применительно к различиям *формы* процесса. Капитализм подчиняет себе и общинно-надельное землевладение в России, и захватное или регулируемое свободной и даровой раздачей земли землевладение в демократическом или крепостническом государстве Сибири или «дальнего запада», Америки, и рабовладельческое землевладение американского юга, и полуфеодальное землевладение «истинно-русских» губерний. Процесс роста и победы капитализма во всех этих случаях однороден, но не одинаков по форме. Чтобы понять и точно изучить этот процесс, нельзя ограничиваться шаблонно-мещанскими фразами о «трудовом» земледелии или рутинными приемами сопоставления одних только количеств земли.

Вы найдете, далее у Маркса анализ происхождения поземельной ренты капиталистического типа и ее отношения к исторически предшествующим формам ренты, напр., натуральной отработочной

(барщины и ее пережитков), денежной (оброка и т. п.). А кто из буржуазных или мелко-буржуазных, народнических, экономистов или статистиков подумал сколько-нибудь серьезно над применением этих теоретических указаний Маркса к изучению возникновения капитализма из рабовладельческого хозяйства на юге Америки или из барщинного в центре России?

Вы найдете, наконец, у Маркса систематические, проведенные через весь анализ поземельной ренты, указания на разнообразие условий земледелия, порождаемое не только различиями в качестве и местоположении участков, но и различиями в *размерах вложения капитала в землю*. А что это значит: применение капитала к земле? Это означает технические изменения в земледелии, интенсификацию его, переход к высшим системам полеводства, усиленное употребление искусственных удобрений, улучшение орудий и машин, рост употребления их, рост употребления наемного труда и т. д. Одним учетом количества земли всех этих, сложных и разнообразных, процессов нельзя выразить, а именно из этих процессов и складывается общий процесс развития капитализма в земледелии.

Русские земские статистики, особенно «доброе старое», дореволюционного времени, снискали себе право на уважение тем, что относились к предмету своих занятий не рутинно, не с одним фискальным или казенно-административным, а с известным научным интересом. Они едва ли не раньше других статистиков заметили недостаточность одной группировки хозяйств по количеству земли и ввели другие приемы группировки: по посеву, по количеству рабочего скота, по употреблению наемного труда и т. п. К сожалению, раздробленный и несистематичный характер работ нашей земской статистики, которая всегда бывала, так сказать, оазисом в пустыне крепостнической темноты, бюрократической рутинности и всяческой тупой канцелярщины, обусловил то, что прочных результатов ни для русской, ни для европейской экономической науки создать не удалось.

Заметим, что вопрос о группировке материала, собираемого современными сельско-хозяйственными переписями, вовсе не является таким узко-техническим, узко-специальным вопросом, каким он может показаться на первый взгляд. Материал этот отличается громадным богатством и полнотой сведений о каждом отдельном хозяйстве. Но в силу неумелой, непродуманной, рутинной сводки и группировки этот богатейший материал совершенно теряется, пропадает, обесцвечивается и становится часто никуда негодным для изучения законов эволюции сельского хозяйства. О каждом отдельном хозяйстве можно безошибочно сказать, на основании собранного

материала, капиталистическое ли это хозяйство и насколько, интенсивное ли и в какой степени и т. п., а при сводке данных о миллионах хозяйств как раз самые существенные отличия, черты, признаки, которые больше всего и надо было *суметь выдвинуть*, определить и учесть, исчезают, и экономист получает в свое распоряжение рутинные, бессмысленные столбцы цифр, статистическую «игру в цифирки» вместо осмысленной статистической обработки материала.

Занимающая нас в настоящее время американская перепись 1910 года представляет из себя нагляднейший образец того, как великолепный по богатству и полноте материал обесценен, испорчен рутинной и научным невежеством тех, кто его обрабатывал. По сравнению с переписью 1900 года обработка неизмеримо хуже, и даже традиционная группировка хозяйств по количеству земли не проведена полностью, так что мы лишены возможности сравнить хозяйства разных групп, напр., по употреблению наемного труда, по различию систем полеводства, по применению удобрений и т. п.

Приходится обратиться к переписи 1900 года. Она дала единственный в мире — насколько нам известно — образец применения не одного, а *триех* различных приемов группировки или «классификации» (как выражаются американцы) к богатейшему материалу, собранному в одной стране, в одно время, по одной программе и охватывающему свыше пяти с половиной миллионов хозяйств.

Правда, и здесь ни одна из группировок не проведена полностью относительно всех существенных признаков типа и величины хозяйства. Но тем не менее картина капиталистического земледелия и капиталистической эволюции земледелия получается, как мы надеемся показать, неизмеримо более полная, неизмеримо вернее отражающая действительность, чем при обычном, одностороннем и недостаточном, одном приеме группировки. Самые глубокие ошибки и предрассудки буржуазной и мелко-буржуазной народнической политической экономии вскрываются и разоблачаются, раз дана возможность более полного изучения фактов и тенденций, которые вполне можно назвать всеобщими для всех капиталистических стран мира.

Ввиду столь важного значения данных, о которых идет речь, мы должны будем особенно подробно остановиться на них и чаще, чем до сих пор, прибегать к таблицам. Вполне понимая, насколько таблицы загромождают текст и затрудняют чтение, мы старались в предыдущем изложении сводить их к самому необходимому минимуму. Мы надеемся, что читатель не посетует на нас, если мы вынуждены будем теперь повысить этот минимум, ибо от анализа разбираемых здесь вопросов зависит не только общий вывод по главному

вопросу — о направлении, типе, характере, законе эволюции современного земледелия, но и оценка всех вообще, столь часто приводимых и столь часто извращаемых, данных современной сельско-хозяйственной статистики.

Первая группировка — «по земле» — дает следующую картину американского земледелия в 1900 году:

Группы ферм.	Приходится в среднем на 1 ферму:					
	Число ферм в % к общ. числу их.	Количество всей земли (тоже в % к итогу).	Обработанной земли акров.	Расхода на наемный труд (доллар.).	Стоимости продукта** (в доллар.).	Стоимости орудий и машин (доллар.).
До 3 акров	0,7	-*)	1,7	77	592	53
От 3 до 10 акр	4,0	0,2	5,6	18	203	42
» 10 » 20 »	7,1	0,7	12,6	16	236	41
» 20 » 50 »	21,9	4,9	26,2	18	324	54
» 50 » 100 »	23,8	11,7	49,3	33	503	106
» 100 » 175 »	24,8	22,9	83,2	60	721	155
» 175 » 260 »	8,5	12,3	129,0	109	1.054	211
» 260 » 500 »	6,6	15,4	191,4	166	1.354	263
» 500 » 1.000 »	1,8	8,1	287,5	342	1.913	377
» 1.000 и более	0,8	23,8	520,0	1.059	5.334	1.222
• Всего	100,0	100,0	72,3	—	656	133

Можно с уверенностью сказать, что статистика любой капиталистической страны дает совершенно однородную картину. Различие может быть лишь в несущественных частностях. Германия, Австрия, Венгрия, Швейцария, Дания, по их последним переписям, подтверждают сказанное. По мере повышения количества всей земли в фермах от группы к группе повышается среднее количество обработанной земли, средняя стоимость продукта, стоимость орудий и машин, стоимость скота (мы опустили эти цифры) и величина расходов на наемный труд. (О значении небольшого исключения, каким являются фермы до 3 акров и отчасти от 3 до 10 акров, мы уже говорили выше.)

Казалось бы, иначе и быть не может. Увеличение расходов на наемный труд, повидимому, безусловно подтверждает, что деление хозяйств на мелкие и крупные по количеству земли вполне соответствует их делению на не-капиталистические и капиталистические.

*) Менее $\frac{1}{10}$ процента.

**) В стоимость продукта не входят те продукты, которые идут на корм скоту.

Девять десятых обычных рассуждений о «мелком» земледелии основаны на таком отождествлении и на подобных данных.

Возьмем теперь средние величины не на 1 ферму, а на 1 акр всей земли:

Приходится на 1 акр всей земли в долл.

Группы ферм.	Расх. на наемный труд.	Расх. на удобрения.	Стоим. всего скота.	Стоим. орудий и машин.
До 3 акров	40,30	2,36	456,76	27,57
От 3 до 10 акр	2,95	0,60	16,32	6,71
» 10 » 20 »	1,12	0,33	8,30	2,95
» 20 » 50 »	0,55	0,20	5,21	1,65
» 50 » 100 »	0,46	0,12	4,51	1,47
» 100 » 175 »	0,45	0,07	4,09	1,14
» 175 » 260 »	0,52	0,07	3,96	1,00
» 260 » 500 »	0,48	0,04	3,61	0,77
» 500 » 1.000 »	0,47	0,03	3,16	0,57
» 1.000 и более	0,25	0,02	2,15	0,29

За совершенно ничтожными исключениями мы видим правильное понижение признаков интенсивности хозяйства от низших групп к высшим.

Повидимому, получается совершенно бесспорный вывод, что «мелкое» производство в земледелии интенсивнее крупного, что с уменьшением «размеров» производства увеличивается интенсивность и производительность земледелия, что, «следовательно», капиталистическое производство в земледелии держится только экстенсивным, примитивным характером хозяйства и т. д. и т. п.

Так как любая капиталистическая страна при группировке хозяйств по количеству земли (а это не только обычная, но почти единственная группировка) может представить картину совершенно аналогичную, показать то же уменьшение признаков интенсивности земледелия от низших групп к высшим, то именно такие выводы постоянно, на каждом шагу, во всей буржуазной и мелко-буржуазной (оппортунистически «марксистской» и народнической) литературе и делаются. Вспомните, напр., известный труд известного Эдуарда Давида, этот свод буржуазных предрассудков и буржуазной лжи под прикрытием «тоже-социалистических» словечек — «Социализм и сельское хозяйство». Там именно подобными данными доказывается «превосходство», «жизнеспособность» и т. п. «мелкого» производства.

Одно обстоятельство особенно облегчает подобные умозаключения: обыкновенно данные, аналогичные приведенным, имеются отно-

ительно количества скота, о наемном же труде — особенно в такой обобщенной форме, как сумма расходов на наемный труд, — данных почти нигде не собирается. Между тем как раз данные о наемном труде и выдают неправильность всех таких умозаключений. В самом деле, если, напр., увеличение стоимости скота (или, что то же, количества всего скота) на единицу площади, по мере уменьшения размеров хозяйства, свидетельствует о «превосходстве» «мелкого» земельного, то ведь это «превосходство» оказывается *связанным с увеличением* расходов на наемный труд по мере уменьшения размеров хозяйства!! А такое увеличение расходов на наемный труд — заметьте, речь идет все время о величинах, отнесенных к единице площади, к 1 акру, 1 гектару, 1 десятине — означает увеличение *капиталистического* характера хозяйства! А капиталистический характер хозяйства противоречит обычному, наиболее распространенному понятию «мелкого» производства, ибо под мелким производством разумеют такое, которое основано *не* на наемном труде.

Получается как будто клубок противоречий. Общие данные о группах хозяйств по количеству земли показывают, что «мелкие» хозяйства некапиталистичны, крупные — капиталистичны. И те же данные свидетельствуют, что чем «мельче» хозяйство, тем выше не только интенсивность его, но и сумма расходов на наемный труд по расчету на единицу земельной площади!

Для разъяснения дела обратимся к другой группировке.

II. Более точное сравнение мелких и крупных хозяйств.

Как мы уже указывали, американская статистика берет в этом случае сумму стоимости продуктов хозяйства за вычетом тех, которые идут на корм скоту. Взятые в отдельности, такого рода данные, имеющиеся едва ли не в одной только американской статистике, конечно, менее точны, чем данные о количестве земли или скота и т. п. Но взятые в целом, по отношению к нескольким миллионам хозяйств, и особенно применяемые для определения *взаимоотношений* между разными группами хозяйств во всей стране, эти данные, несомненно, не могут считаться менее пригодными, чем остальные. Во всяком случае о размерах *производства* — и особенно торгового производства, т.-е. суммы продуктов, идущих на продажу, — эти данные говорят гораздо более непосредственно, чем всякие иные. А ведь во всех рассуждениях на тему об эволюции земледелия и ее законах речь идет именно о мелком и крупном *производстве*.

Мало того. Речь идет всегда в подобных случаях об эволюции земледелия в капитализме или в связи с капитализмом, под его влиянием и т. п. Для учета этого влияния надо прежде всего и больше всего стараться отделить натуральное хозяйство в земледелии от торгового. Общеизвестно, что натуральное хозяйство, т. е. производство не на рынок, а на собственное потребление хозяйничающей семьи, именно в земледелии играет сравнительно очень большую роль и особенно медленно уступает место торговому земледелию. И, если принять установленные теоретические положения политической экономии не шаблонно, не механически, а осмысленно, то, напр., закон о вытеснении мелкого производства крупным можно относить *только* к торговому земледелию. Едва ли кто станет оспаривать это положение теоретически. А между тем в высшей степени редко экономисты и статистики сознательно обращают внимание на то, чтобы особо выделить, проследить и, по мере возможности, учесть именно те признаки, которые свидетельствуют о превращении земледелия из натурального в торговое. Группировка хозяйств по величине денежной стоимости продуктов, не идущих на корм скоту, делает большой шаг навстречу этому важнейшему теоретическому требованию.

Заметим, что когда говорят о бесспорном факте вытеснения мелкого производства крупным в промышленности, то берут всегда группировку промышленных предприятий по сумме производства или по числу наемных рабочих. В промышленности, в силу ее технических особенностей, дело обстоит гораздо проще. В земледелии гораздо труднее, благодаря несравненно большей сложности и переплетенности отношений, определить размеры производства и денежную стоимость продуктов, а также размеры применения наемного труда. В этом последнем случае необходимо учитывать все годовое количество наемного труда, а не наличное в день переписи, ибо земледелие носит характер особенно «сезонного» производства, а затем необходимо учитывать не только постоянных наемных рабочих, но и поденщиков, играющих в сельском хозяйстве в высшей степени важную роль. Но трудность не есть невозможность. Применение рациональных, приспособленных к техническим особенностям земледелия, приемов исследования, в том числе применение группировок по величине производства, по сумме денежной стоимости продуктов, по частоте и размеру употребления наемного труда, должно будет возрастать, пробивая себе дорогу через густую сеть буржуазных, и мелко-буржуазных предрассудков и стремлений прикрасить буржуазную действительность. И можно смело ручаться, что всякий шаг

вперед в применении рациональных приемов исследования будет шагом вперед в подтверждении той истины, что в капиталистическом обществе не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве мелкое производство вытесняется крупным.

Вот данные о группах хозяйств в Америке 1900 года, распределенных по величине стоимости продукта:

Группы ферм по стоимости продукта в доллар.	Число ферм. (в процент. к итогу).	Кол-ч. всей земли.	Приходится в средн. на 1 ферму.		
			Обработ. земли акров.	Расход на наемн. труд (долл.).	Стоим. орудий и машин.
0	0,9	1,8	33,4	24	54
1— 50 долл. .	2,9	1,2	18,2	4	24
50 — 100 »	5,3	2,1	20,0	4	28
100— 250 »	21,8	10,1	29,2	7	42
250— 500 »	27,9	18,1	48,2	18	78
500—1.000 »	24,0	23,6	84,0	52	154
1.000—2 500 »	14,5	23,2	150,5	158	283
2.500 и более. . .	2,7	19,9	322,3	785	781
Всего . . .	100,0	100,0	72,3	—	133

К бездоходным фермам, показавшим 0 (нуль) стоимости продукта, принадлежат, вероятно, в первую голову только что занятые гом-стэды, на которых владелец не успел еще возвести построек, завести скот, посеяться, собрать урожай. В стране с такой громадной колонизацией, как в Америке, вопрос о том, как долго хозяин владеет фермой, имеет особое значение.

Оставляя в стороне бездоходные фермы, мы получаем картину, однородную с той, которую дала приведенная выше группировка тех же самых данных по количеству всей земли в фермах. По мере увеличения стоимости продуктов фермы, увеличивается и среднее количество обработанной земли в фермах, и средний расход на наем рабочих, и средняя стоимость орудий и машин. В общем и целом, более доходные фермы — имея в виду валовой доход, т.-е. стоимость всех продуктов, — оказываются и более крупными по количеству земли. Повидимому, новая группировка не дает решительно ничего нового.

Но возьмем теперь средние величины (стоимости скота и орудий, расходов на наем труда и на удобрение) не на одну ферму, а на 1 акр земли:

Группы ферм. по стоимости продукта.	Приходится на 1 акр всей земли (доллар.).			
	Расх. на наемн. труд.	Расход на удо- брение.	Стоим. всего скота.	Стоим. орудий и машин.
0	0,08	0,01	2,97	0,19
1— 50 долл.	0,06	0,01	1,78	0,38
50— 100 »	0,08	0,03	2,01	0,48
100— 250 »	0,11	0,05	2,46	0,62
250— 500 »	0,19	0,07	3,00	0,82
500—1.000 »	0,36	0,07	3,75	1,07
1.000—2.500 »	0,67	0,08	4,63	1,21
2.500 и более . . .	0,72	0,06	3,98	0,72

Исключением являются в некоторых отношениях бездоходные фермы, которые вообще занимают совершенно особое положение, и самые высоко-доходные, которые по трем из взятых у нас четырех признаков оказываются менее интенсивными, чем соседняя группа. Вообще же говоря, мы наблюдаем правильное *повышение* интенсивности земледелия *по мере увеличения* стоимости продуктов, производимых фермой.

Картина прямо противоположная той, которую мы видели при группировке хозяйств по площади земли.

Один и тот же материал дает диаметрально противоположные выводы при различных приемах группировки.

С увеличением размеров хозяйства интенсивность земледелия *понижается* — если судить о размерах хозяйства по величине площади земли; *повышается*, если судить о размерах хозяйства по стоимости продуктов хозяйства.

Какой же из этих двух выводов правильный?

Ясно, что о размерах хозяйства количество земли не дает *никакого* представления, если земля не обрабатывается (не забудем, что в Америке в основу группировки берут не одну лишь обрабатываемую землю, а всю площадь земли, и что в этой стране процент обрабатываемой земли колеблется по группам хозяйств от 19 до 91%, по районам от 27 до 75%); не дает *никакого верного* представления если между отдельными хозяйствами имеются в значительном числе случаев и существенные различия в приемах обработки земли, в интенсивности земледелия, в системах полеводства, в размерах удобрения, в применении машин, в характере скотоводства и т. д.

Именно этот случай заведомо относится ко *всем* капиталистическим странам и даже ко *всем*, земледелие которых затронуто капитализмом.

Мы видим теперь одну из самых глубоких и общих причин того, почему ошибочные мнения о «превосходстве» мелкого земледелия так прочно держатся, почему буржуазные и мелко-буржуазные пред-рассудки этого типа так легко уживаются на-ряду с большим про-грессом социальной и, в частности, сельско-хозяйственной статистики за последние десятилетия. Конечно, прочность этих ошибок и пред-рассудков поддерживается еще *интересами* буржуазии, стремящейся затушевать глубину классовых противоречий современного бур-жуазного общества, а когда дело касается интересов, тогда самые бесспорные истины, как известно, начинают оспариваться.

Но мы ограничиваемся здесь разбором теоретических источников ошибочного взгляда на «превосходство» мелкого земледелия. И не может быть сомнения, что среди этих источников виднейшее место занимает некритическое, рутинное отношение к избитым приемам — сравнивать хозяйства только по количеству всей земли или обраба-тываемой земли в них.

Сев. Штаты Америки представляют из себя исключение среди всех капиталистических стран в том отношении, что здесь имеется еще масса незанятых, свободных, раздаваемых даром земель. Сель-ское хозяйство может еще развиваться здесь и, действительно, раз-вивается посредством захвата незанятых земель, никогда не подвер-гавшихся обработке, — развивается в форме самого примитивного и экстенсивного скотоводства и земледелия. Ничего подобного в ста-рых, цивилизованных странах капиталистической Европы нет. Сель-ское хозяйство развивается здесь *главным образом* интенсивно, не посредством увеличения *количества* обрабатываемой земли, а посред-ством улучшения *качества* обработки, посредством увеличения размеров капитала, вкладываемого в прежнее количество земли. И именно эту, главную, линию развития капиталистического земледелия — которая и для Америки постепенно становится главной — и упу-скают из виду те, кто ограничивается сравнением хозяйств только по количеству земли.

Главная линия развития капиталистического земледелия состоит именно в том, что *мелкое* хозяйство, *оставаясь мелким* по площади земли, *превращается в крупное* по размерам производства, по развитию скотоводства, по размерам удобрения, по развитию применения ма-шин и т. п.

Поэтому безусловно неправилен тот вывод, который получается при сравнении разных групп хозяйств по количеству земли и который гласит, что с увеличением хозяйства уменьшается интенсивность земледелия. Единственно правильным, наоборот, является тот вывод,

который получается при сравнении разных хозяйств по величине стоимости продуктов и который гласит, что с увеличением размеров хозяйства увеличивается интенсивность земледелия.

Ибо о размерах хозяйства количество земли свидетельствует лишь косвенно, и это «свидетельство» тем менее достоверно, чем шире и быстрее идет интенсификация земледелия. Стоимость же продуктов хозяйства свидетельствует о его размерах не косвенно, а прямо и притом во всех случаях. Когда говорят о мелком земледелии, всегда имеют в виду такое, которое держится *не* на наемном труде. Но переход к эксплуатации наемных рабочих обуславливается не только расширением площади хозяйства при старой технической основе его, — так бывает только при экстенсивном, примитивном хозяйстве, — но и повышением данной техники, превращением ее из старой в новую, приложением к той же площади земли добавочного капитала в виде, напр., новых машин, или искусственных удобрений, или увеличения и улучшения скота и т. д.

Группировка по величине стоимости продуктов фермы соединяет вместе хозяйства, действительно отличающиеся *одинаковым размером производства* независимо от количества земли в них. Высокоинтенсивное хозяйство на мелком участке земли попадает при этом в одну группу с сравнительно экстенсивным хозяйством на большой площади земли; и оба хозяйства будут действительно крупными и по размерам производства, и по степени употребления наемного труда.

Наоборот, группировка по площади земли соединяет вместе крупные и мелкие хозяйства, раз они похожи по размерам землевладения, соединяет вместе хозяйства с совершенно различными размерами производства, такие, в которых преобладает семейный труд, с такими, в которых преобладает наемный. От этого получается в корне неправильная, совершенно извращающая действительное положение дела — по очень нравящаяся буржуазии — картина *притуплений классовых противоречий* в капитализме. От этого получается не менее фальшивое и не менее нравящееся буржуазии *прикрашивание положения мелких земледельцев*, получается апологетика капитализма.

В самом деле. Основная и главная тенденция капитализма состоит в вытеснении мелкого производства крупным — и в промышленности, и в земледелии. Но это вытеснение нельзя понимать *только* в смысле немедленной экспроприации. К вытеснению относится также могущее тянуться годами и десятилетиями разорение, ухудшение условий хозяйства мелких земледельцев. Это ухудшение проявляется и в чрезмерном труде или ухудшенном питании мелкого земледельца, и в обременении его долгами, и в ухудшении корма и вообще содер-

жания скота, и в ухудшении условий ухода за землей, обработки, удобрения ее и т. п., и в застое техники хозяйства и т. д. Задача научного исследователя, если он хочет быть свободен от обвинения в вольном или невольном угождении буржуазии путем подкрашивания положения разоряемых и придавляемых мелких земледельцев, состоит прежде всего и больше всего в том, чтобы точно определить признаки разорения, которые вовсе не отличаются простотой и однообразием, — затем в том, чтобы вскрыть эти признаки, проследить и, по возможности, учесть широту их распространения, изменение их во времени. На эту, особенно важную, сторону дела меньше всего обращают внимания современные экономисты и статистики.

Представьте себе, что к 90 мелким земледельцам, не имеющим капитала для улучшения своего хозяйства, отстающим от своего времени и постепенно разоряющимся, статистик прибавит 10 хозяев, которые имеют достаточно капитала и на столь же мелких участках заводят крупное по размерам производство и основанное на наемном труде предприятие: В общем и среднем получится подкрашенная картина положения всей сотни мелких земледельцев

Именно такую подкрашенную картинку — и притом, объективно, в угоду буржуазии подкрашенную — дала американская перепись 1910 года в силу, прежде всего, того обстоятельства, что она отбросила прочь примененное в 1900 году сравнение группировки по земле с группировкой по стоимости продукта. Мы узнаем, напр., только, что расходы на удобрения чрезвычайно возросли, именно на 115%, т.-е. более чем удвоились, тогда как расходы на наемный труд возросли лишь на 82%, а вся стоимость возросла на 83%. Прогресс громадный. Прогресс народного земледелия. И, пожалуй, какой-нибудь экономист сделает, если уже не сделал, вывод: прогресс мелкого «трудового» земледелия, ибо, вообще говоря, данные о группах хозяйств по земле показывают, что «мелкое» земледелие стоит гораздо выше по величине расходов на удобрение, приходящихся на 1 акр земли.

Но мы знаем теперь, что такой вывод был бы фальшивым, ибо группировка хозяйств по земле как раз объединяет разоряющихся или, по крайней мере, придавленных нуждой мелких земледельцев, не имеющих возможности приобрести покупные удобрения, и капиталистов, хотя бы мелких, но капиталистов, которые заводят улучшенное, интенсивное, крупное хозяйство, с наемными рабочими, на мелком участке земли.

Если мелкое земледелие вообще вытесняется крупным, как показывают данные о стоимости всего имущества ферм в 1900 и в 1910 г.г.; — если особенно быстро развились за это время, как мы сейчас увидим,

высоко-капиталистические культуры на мелких участках земли; --- если, по общим данным, относящимся к мелким и крупным хозяйствам по величине стоимости продуктов, расходы на удобрение повышаются по мере увеличения размеров хозяйства, — то отсюда с неизбежностью вытекает вывод, что «прогресс» в деле применения удобрений с 1900 по 1910 год еще более усилил перевес капиталистического земледелия над мелким, еще более оттеснил и придавил это последнее.

12. Различные типы хозяйств в земледелии.

Сказанное нами выше об интенсивных, крупных, капиталистических хозяйствах на мелких участках земли вызывает такой вопрос: есть ли основания думать, что интенсификация земледелия должна вести к уменьшению количества земли в хозяйстве? Другими словами, есть ли такие условия, касающиеся самой техники современного земледелия, которые требуют понижения размеров площади земли в хозяйстве для повышения интенсивности земледелия?

Ответа на этот вопрос не могут дать ни общие теоретические соображения, ни примеры. Речь идет о конкретной высоте техники при данных условиях земледелия и о конкретной величине капитала, необходимой для такой-то системы хозяйства. В теории мыслимо любое приложение капитала любых размеров к любому количеству земли, но само собою разумеется, что «это зависит» от имеющихся налицо условий экономических, технических, культурных и т. д., и все дело именно в том, какие условия в данный момент в данной стране налицо имеются. Примеры негодны, потому что в области таких сложных, разнообразных, переплетенных и противоречивых тенденций, как экономика современного земледелия, можно всегда найти примеры для подтверждения противоположных взглядов. Здесь требуется в первую голову и больше, чем где бы то ни было, изображение процесса *в целом*, учет всех тенденций и определение их равнодействующей или их суммы, их результата.

Третья система группировки, примененная американскими статистиками в 1900 году, помогает ответить на поставленный вопрос. Это — группировка *по главному источнику дохода*. Все фермы разделены по этому признаку на следующие категории: 1) сено и хлеба, как главные источники дохода; 2) смешанные; 3) скотоводство; 4) хлопок; 5) овощи; 6) фрукты; 7) молочные продукты; 8) табак; 9) рис; 10) сахар; 11) цветы; 12) тепличные продукты; 13) таро; 14) кофе. Последние семь категорий (8 — 14) все вместе дают только 2,2% общего числа ферм, т.-е. такую ничтожную долю, что мы не будем останавливаться на них отдельно. По своему экономическому характеру

и значению эти категории (8 — 14) вполне однородны с предшествующими тремя (5 — 7), составляя вместе один тип.

Вот данные для характеристики ферм различного типа:

Группы ферм по главному источнику дохода.	Процент к общему числу ферм.	Среднее количество земли на 1 ферму:		Приходится в среднем на 1 акр всей земли (долл.):				
		всей.	обраб.	расхода на наемный труд.	расхода на удобрение	стоимости орудий и машин.	стоимости всего скота.	
Сено и хлеба	23,0	159,1	111,5	0,47	0,04	1,04	3,17	
Смешанные	18,5	106,8	46,5	0,35	0,08	0,94	2,73	
Скотоводство	27,3	226,9	86,1	0,29	0,02	0,66	4,45	
Хлопок	18,7	83,6	42,5	0,30	0,14	0,53	2,11	
Овощи	2,7	65,1	33,8	1,62	0,59	2,12	3,74	
Фрукты	1,4	74,8	41,6	2,46	0,30	2,34	3,35	
Молочн. прод.	6,2	121,9	63,2	0,86	0,09	1,66	5,58	
Все фермы вообще	100,0	146,6	72	0,43	0,07	0,90	3,66	

Мы видим, что первые две категории (сено и хлеба, смешанные) могут быть названы средними и по степени развития капиталистического характера хозяйства (расход на наемный труд ближе всего к среднему: 0,35 — 0,47 при средней для всех Сев. Штатов 0,43) и по интенсивности земледелия. Все признаки интенсивности хозяйства — расход на удобрения, стоимость машин и скота на 1 акр земли — ближе всего к общей средней для всех Сев. Штатов.

Нет сомнения, что обе эти группы особенно типичны для большинства земледельческих хозяйств вообще. Сено и хлеба, затем соединение различных продуктов земледелия — («смешанные» источники дохода) — таковы главные типы земледельческих хозяйств во всех странах. Выло бы крайне интересно иметь более детализированные данные об этих группах, напр., подразделить их на менее и более торговые и т. п. Но американская статистика, как мы видим, сделав один шаг в этом направлении, пошла затем не вперед, а назад.

Две следующие категории, скотоводство и хлопок, показывают нам образец ферм наименее капиталистических (расход на наемный труд 0,29 — 0,30 при среднем 0,43) и с наименее интенсивным земледелием. Величина стоимости орудий и машин здесь наименьшая и значительно ниже среднего (0,66 и 0,53 против 0,90). Фермы, главный доход которых составляет скотоводство, показывают, разумеется, большее количество скота на 1 акр земли, чем среднее для Сев. Штатов (4,45 против 3,66), но это, очевидно, экстенсивное скотоводство; расход

па удобрения минимальный, средний размер ферм самый большой (226,9 акров), доля обработанной земли (86 и 226,9) самая маленькая. Хлопковые фермы показывают размеры удобрения выше среднего, но остальные признаки интенсивности земледелия (стоимость скота и машин на 1 акр земли) здесь минимально низка.

Наконец последние три разряда — овощи, фрукты, молочные продукты — суть фермы, во-первых, наиболее мелкие (33 — 63 акра обработанной земли против 42 — 86, 46 — 111 в других категориях); во-вторых, наиболее капиталистические: расход па наемный труд паивысший, в 2 — 6 раз выше среднего; в-третьих, самые интенсивные. Почти все признаки интенсивности земледелия стоят здесь выше среднего, и расход на удобрение, и стоимость машин, и стоимость скота (небольшое исключение — фруктовые фермы, уступающие в этом отношении средним, но стоящие выше ферм, получающих доход, главным образом, от сена и хлебов).

Мы перейдем сейчас к вопросу о том, какую именно долю в общем хозяйстве страны занимают эти высоко-капиталистические фермы. Но сначала мы должны остановиться несколько подробнее на их более интенсивном характере.

Возьмем фермы, главный доход которых получается от овощей. Известно, что во всех капиталистических странах развитие городов, фабрик, промышленных поселков, железнодорожных станций, портов и проч. вызывает усиленный спрос на продукты этого рода, повышает их цену, увеличивает число сельско-хозяйственных предприятий, производящих их на продажу. Средняя «овощная» ферма *более чем втрое меньше* по количеству обработанной земли, чем «обычная» ферма, получающая доход главным образом от сена и хлебов: первая имеет 33,8 акров, вторая 111,1. Значит, данная техника, при дапном накопления капитала в земледелии, требует меньших размеров «овощной» фермы; другими словами, чтобы помещать капитал в земледелие и получать прибыль не менее среднего, надо при современном состоянии техники организовать хозяйство для производства овощей *на меньшей площади земли*, чем для производства сена и хлебов.

Мало того. Рост капитализма в земледелии состоит прежде всего в переходе от натурального земледелия к торговому. Это постоянно забывают и на этом приходится снова и снова настаивать. Развитие же торгового земледелия идет вовсе не тем «простым» путем, который рисуется воображению буржуазных экономистов или предполагается ими, — путем увеличения производства *тех же* продуктов. Нет. Развитие торгового земледелия состоит очень часто в переходе от одних продуктов к другим. Переход от производства сена и хлебов

к производству овощей принадлежит именно к числу таких обычных переходов. А что означает такой переход в отношении интересующего нас вопроса о величине площади земли под хозяйством и роста капитализма в земледелии?

Этот переход означает *раздробление* «крупной» фермы в 111,1 акров более чем на три «мелких» фермы по 33,8 акра. Производство старой фермы было 760 долларов — средняя стоимость продуктов, за вычетом скармливаемых скоту, на ферме, главный доход которой доставляют сено и хлеба. Производство каждой новой фермы равняется 665 долларам. В сумме, значит, $665 \times 3 = 1.995$ долларов, т.-е. более чем вдвое выше прежнего.

Мелкое производство вытесняется крупным при *уменьшении* количества земли в хозяйстве.

Средний расход на наем рабочих равнялся в старой ферме 76 долларам, в новой 106 долларам — почти в полтора раза больше при уменьшении площади земли втрое и более. Расход на удобрения с 0,04 долларов на акр поднимается до 0,59 доллара, почти в 15 раз, стоимость орудий и машин вдвое, с 1,04 долл. до 2,12 и т. д.

Нам возразят, как возражают обыкновенно, что число таких высоко-капиталистических ферм с специальными, «торговыми» культурами ничтожно по отношению к общему числу ферм. Но мы ответим, что, во-первых, число и роль подобных ферм, их хозяйственная роль, гораздо выше, чем принято думать; а во-вторых, — и это главное, — *именно такие культуры* возрастают *быстрее* остальных в капиталистических странах. Поэтому-то уменьшение количества земли в хозяйстве при наличности процесса интенсификации земледелия и означает очень часто увеличение, а не уменьшение размеров производства; увеличение, а не уменьшение эксплуатации наемного труда.

Вот точные данные об этом американской статистики, охватывающие всю страну в целом. Берем *все* специальные или «торговые» культуры, перечисленные выше под рубриками 5 — 14: овощи, фрукты, молочные продукты, табак, рис, сахар, цветы, тепличные продукты, таро и кофе. Все число ферм в С. Штатах 1900 года, — ферм, для которых *главным* источником дохода были эти продукты, составляло 12,5% общего числа ферм. Значит, небольшое меньшинство, одна восьмая. Всей земли у них было 8,6% общего количества земли — всего $\frac{1}{12}$. Но пойдем дальше. Возьмем всю стоимость продуктов всего американского земледелия, за вычетом скармливаемых скоту. Из этой стоимости на долю названных ферм приходится уже 16,0%, т.-е. доля, почти вдвое превышающая долю земли.

Значит, производительность труда и земли в этих фермах почти вдвое выше среднего.

Возьмем сумму всех расходов на наемный труд в американском земледелии. Из этой суммы на долю названных ферм приходится 26,6%, т.-е. более четверти; эта доля более чем втрое превышает долю земли, более чем втрое выше среднего. Значит, капиталистический характер этих ферм несравненно выше среднего.

Их доля в общей стоимости орудий и машин равняется 20,1%, а в общей сумме расходов на удобрение — 31,7%, т.-е. немногим менее *трети* общей суммы, немногим менее чем *вчетверо* выше среднего.

В итоге, следовательно, мы получаем тот несомненный и установленный для всей страны в целом факт, что особенно интенсивные фермы отличаются особенно малым количеством земли в ферме и особенно высоким употреблением наемного труда, особенно высокой производительностью труда; — что хозяйственная роль этих ферм во всем земледелии данной страны вдвое — втрое и более превышает их долю в общей сумме ферм, не говоря уж об общем количестве земли.

Уменьшается или растет во времени роль этих высоко-капиталистических и высоко-интенсивных культур и ферм среди прочих культур и ферм в сельском хозяйстве?

Ответ дает сравнение двух последних переписей безусловно в смысле *увеличения* этой роли. Возьмем площадь земли под разными культурами. С 1900 по 1910 г. площадь земли под зерновыми хлебами всех видов возросла в Соед. Штатах всего на 3,5%; — под бобами, горохом и т. п. на 26,6%; — под сеном и кормовыми травами на 17,2%; — под хлопком на 32,0%; — под овощами на 25,5%; — под сахарной свеклой, тростником и пр. на 62,6%.

Возьмем данные о производстве сельско-хозяйственных продуктов. Сумма сбора всех зерновых хлебов с 1900 по 1910 год возросла, всего на 1,7%; — бобов на 122,2%; — сена и кормовых трав на 23,0%; — сахарной свеклы на 395,7%; — сахарного тростника на 48,5%; — картофеля на 42,4%; — винограда на 97,6%; неурожай ягод, яблок и т. п. в 1910 г. идет рядом, напр., с утроением сбора апельсинов, лимонов и т. п.

Итак, доказанным по отношению ко всему американскому земледелию является тот, кажущийся парадоксальным и тем не менее несомненный факт, что не только происходит, вообще говоря, вытеснение мелкого производства крупным, но что это вытеснение идет также в следующей форме:

мелкое производство вытесняется крупным путем вытеснения более «крупных» по площади земли, но менее производительных, менее интенсивных и менее капиталистических ферм более «мелкими» по площади земли, но более производительными, более интенсивными и более капиталистическими фермами.

13. Как преуменьшается вытеснение мелкого производства крупным в земледелии.

Нам могут возразить: если вытеснение мелкого *производства* идет «также» в форме интенсификации (и «капитализации») хозяйства в более мелких *фермах*, то можно ли считать вообще пригодной к чему-нибудь группировку по количеству земли? Не получается ли тогда наличность двух противоположных тенденций и невозможность сделать какой-либо общий вывод?

Чтобы ответить на это возражение, надо представить *в целом* всю картину американского земледелия и его эволюции. Для этого надо попытаться сравнить и сопоставить вместе все три группировки, представляющие из себя, так сказать, максимум того, что дала социальная статистика в области сельского хозяйства за последние годы.

Такое сравнение и сопоставление возможно. Оно требует лишь составления таблицы, которая на первый взгляд может показаться чересчур абстрактной и сложной и тем «отпугнуть» читателя. Однако при сравнительно небольшом внимании «чтение», усвоение и анализ этой таблицы не представляет никаких трудностей.

Для сравнения трех различных группировок надо брать исключительно *процентные отношения* между разными группами. Соответственные вычисления даны все в американской переписи 1900 года. Каждую группировку мы сводим в *три* главные группы. По количеству земли мы берем: 1) фермы мелкие (до 100 акров), 2) средние (100 — 175 акров) и 3) крупные (175 и свыше акров). По стоимости продукта, мы берем: 1) фермы не-капиталистические (до 500 долларов), 2) средние (500 — 1.000 долларов) и 3) капиталистические (1.000 долларов и свыше). По главному источнику дохода, мы берем: 1) фермы слабо-капиталистические (скот, хлопок), 2) средние (сено и хлеба, смешанные) и 3) высоко-капиталистические (те специальные, «торговые» культуры, которые перечислены выше, в § 12, под рубриками 5 — 14).

Для каждой группы мы берем прежде всего процент ферм, т.-е. процентное отношение числа ферм в данной группе ко всему числу

ферм в Соед. Штатах вообще. Затем, процент всей земли, т.-е. процентное отношение количества всей земли в данной группе ко всему количеству земли во всех фермах Соед. Штатов. Количество земли может служить показателем экстенсивных размеров хозяйства (к сожалению, в нашем распоряжении есть данные только о *всей* земле, а не об одной обработанной земле, что было бы точнее). Если процентная доля всей земли *выше* процентной доли числа ферм, наприм., на 17,2⁰/₀ ферм приходится 43,1⁰/₀ земли, то, значит, мы имеем дело с фермами крупными, крупнее среднего и притом более чем вдвое крупнее среднего. Если процент земли *ниже* процента ферм, значит — вывод обратный.

Далее, берутся показатели *интенсивности* хозяйства, стоимость орудий и машин и общая сумма расходов на удобрение. И здесь берется процентная доля приходящейся на данную группу стоимости и суммы расходов к общей величине для всей страны. И здесь, если этот процент *больше* процента земли, то получается вывод об интенсивности *выше* среднего и т. д.

Наконец, для точного определения капиталистического характера хозяйства, тот же самый прием употребляется по отношению к общей сумме расходов на заработную плату, а для определения размеров производства — по отношению ко всей величине стоимости продуктов земледелия всей страны.

Таким образом составлена следующая таблица, к пояснению и разбору которой мы и переходим (см. табл. на стр. 241).

Возьмем первую группировку: по главному источнику дохода. Фермы распределены здесь, так сказать, по специальности сельского хозяйства — до некоторой степени аналогично тому, как промышленные предприятия распределяются по отраслям промышленности. Дело обстоит только в земледелии неизмеримо сложнее.

Первый столбец показывает нам группу слабо-капиталистических ферм. Эта группа обнимает почти половину всего числа ферм — 46,0⁰/₀. Земли у них 52,9⁰/₀, т.-е. хозяйства крупнее среднего (здесь соединены особенно крупные, экстенсивные, скотоводческие хозяйства и хлопковые фермы, размером ниже среднего). Процентные доли стоимости машин (37,2⁰/₀) и суммы расходов на удобрение (36,5⁰/₀) меньше процентной доли земли: значит, интенсивность ниже среднего. То же — капиталистический характер хозяйства (35,2⁰/₀) и стоимость продукта (35,0⁰/₀). Производительность труда ниже среднего.

Второй столбец — средние фермы. Именно потому, что в среднюю группу, по *всем* трем группировкам, попадают хозяйства во *всех* отно-

Сопоставление трех группировок:

(ц фры означают проценты к итогу, сумма трех горизонтальных граф=100):

	По главному источнику дохода фермы.			По количеству земли фермы.			По стоимости продукта фермы.			
	Слабо-капиталистические.	Средние.	Высоко-капиталистические.	Мелкие.	Средние.	Крупные.	Не-капиталистические.	Средние.	Капиталистические.	
Число ферм . . .	46,0	41,5	12,5	57,5	24,8	17,7	58,8	24,0	17,2	
Количество акров всей земли . . .	52,9	38,5	8,6	17,5	22,9	59,6	33,3	23,6	43,1	
Постоянный капитал:	Показатель экстенсивных размеров хозяйства.									
	Стоимость орудий и машин . . .	37,2	42,7	20,1	31,7	28,9	39,4	25,3	28,0	46,7
Переменный капитал:	Показатели интенсивности хозяйства.									
	Расход на удобрение . . .	36,5	31,8	31,7	41,9	25,7	32,4	29,1	26,1	44,8
Размеры производства.	Показатель капиталистического характера хозяйства.									
	Расходы на наем рабочих . . .	35,2	38,2	26,6	22,3	23,5	54,2	11,3	19,6	69,1
	Стоимость продукта . . .	35,0	39,0	16,0	33,5	27,3	39,2	22,1	25,6	52,3

шениях «средние», здесь мы видим наибольшую близость *всех* процентных отношений друг к другу. Колебания сравнительно невелики.

Третий столбец — высоко-капиталистические фермы. Мы уже разобрали подробно выше значение цифр этого столбца. Заметим, что *только* по отношению к этого типа фермам мы имеем точные и сравнимые данные и за 1900 и за 1910 г.г., данные, свидетельствующие о том, что эти высоко-капиталистические культуры растут быстрее среднего.

Каким образом этот более быстрый рост отражается на обычной, в большинстве стран, группировке? Это показывает следующий столбец: группа мелких ферм в группировке по количеству земли.

Эта группа очень велика по числу ферм (57,5% общего числа). Земли у нее всего 17,5% общего числа, т.-е. более чем втрое ниже

среднего. След., это — наиболее «малоземельная», наиболее бедная группа. Но дальше мы видим, что и интенсивность земледелия (стоимость машин и расходы на удобрение), и капиталистический характер его (расходы на наем рабочих), и производительность труда (стоимость продукта) здесь *выше* среднего: 22,3 — 41,9% при 17,5% земли.

В чем дело — ясно: в том, что особенно много *высоко-капиталистических* ферм — смотри предыдущий вертикальный столбец — попадает именно в эту «мелкую», по количеству земли, группу. К большинству действительно мелких земледельцев, имеющих и мало земли и мало капитала, прибавлено здесь *меньшинство* богатых, сильных капиталом хозяев, которые на мелких участках земли организовали крупное по размерам производства и капиталистическое по своему характеру хозяйство. Таких хозяев во всей Америке всего 12,5% (=процент высоко-капиталистических ферм); значит, если бы даже все они вошли в одну только группу мелких, по количеству земли, ферм, — в этой группе осталось бы (57,5—12,5=) 45% хозяев и без достаточного количества земли, и без капитала. На самом деле, разумеется, часть, хотя и небольшая, высоко-капиталистических ферм принадлежит к средним и крупным, по количеству земли, фермам, так что цифра 45% еще *преуменьшает* действительное число бескапитальных и малоземельных фермеров.

Нетрудно видеть, насколько *прикрашивается* положение этих сорока пяти процентов — minimum 45% — наиболее обездоленных и земель и капиталом фермеров от включения в одну группу с ними каких-нибудь 12, 10 и т. п. процентов хозяев, снабженных в размерах выше среднего капиталом, орудиями, машинами, суммами денег на покупку удобрений, на наем рабочих и пр.

Не будем останавливаться отдельно и на средних и на крупных фермах данной группировки. Это значило бы повторять, в чуточку измененных выражениях, сказанное по поводу мелких ферм. Напр., если данные о мелких, по количеству земли, фермах *прикрашивают* придавленное положение мелкого *производства*, то данные о крупных, по тому же признаку, фермах, *преуменьшают*, очевидно, действительную *концентрацию* сельского хозяйства крупным производством. Мы сейчас увидим точное статистическое выражение этого преуменьшения концентрации.

Получается следующее общее положение, которое можно формулировать как закон, относящийся к группировке хозяйств по количеству земли, во всякой капиталистической стране:

чем шире и быстрее развивается интенсификация земледелия, тем более группировка по земле *прикрашивает* придавленное поло-

жение мелкого производства в земледелии, мелкого земледельца, обездоленного и земель и капиталом; — притупляет действительную остроту классового противоречия между преуспевающим крупным и разоряющимся мелким производством; — преуменьшает концентрацию капитала в руках крупного производства и вытеснение им мелкого.

Наглядно подтверждает это положение последняя, третья, группировка: по стоимости продуктов. Процент не-капиталистических (или мало доходных, если иметь в виду валовой доход) хозяйств равен 58,8⁰/₀, т.-е. несколько даже больше процента «мелких» хозяйств (57,5⁰/₀). Земли у них гораздо больше — 33,3⁰/₀ (против 17,5⁰/₀ в группе «мелких» фермеров). Но доля в общей стоимости продуктов, принадлежащая им, в полтора раза меньше: 22,1⁰/₀ против 33,5⁰/₀!

В чем дело? Именно в том, что в эту группу не вошли высококапиталистические хозяйства на мелких участках земли, искусственно и фальшиво поднявшие вверх принадлежащую мелким земледельцам долю капитала, в виде машин, удобрений и пр.

Обездоление, придавленность — и, след., разорение — мелкого производства в земледелии оказывается таким образом гораздо сильнее, чем можно бы думать по данным о мелких фермах.

Данные о мелких и крупных фермах, по количеству земли, не учитывают вовсе роли капитала, — понятно, что неучет такой «мелочи» в капиталистическом хозяйстве извращает положение мелкого производства, фальшиво подкрашивает его, ибо оно «могло бы» быть спосным, «если бы» не было капитала, т.-е. власти денег и отношений наемника к капиталисту, фермера к купцу и кредитору и т. д.!

Концентрация земледельца крупными фермами гораздо ниже поэтому, чем концентрация его крупным, т.-е. капиталистическим, производством: 17,7⁰/₀ «крупных» ферм сосредоточивают 39,2⁰/₀ стоимости продукта (немногим более, чем вдвое выше среднего). Между тем, 17,2⁰/₀ капиталистических ферм сосредоточивают 52,3⁰/₀ всей стоимости продукта, т.-е. более чем втрое выше среднего.

Больше половины всего земледельческого производства страны, в которой существует даровая раздача громадных количеств незанятых земель и которую Маниловы называют страной «трудовых» хозяйств, оказывается сосредоточено в руках около $\frac{1}{6}$ доли капиталистических хозяйств, которые расходуют на наем рабочих вчетверо больше среднего по расчету на 1 среднюю ферму (69,1⁰/₀ при 17,2⁰/₀ ферм) и в полтора раза больше среднего, по расчету на 1 акр всей земли (69,1⁰/₀ расхода на наемный труд из 43,1⁰/₀ всей земли)

На другом полюсе больше половины, почти $\frac{3}{5}$ всего числа, ферм (58,8%) принадлежат к числу не-капиталистических. У них треть всей земли (33,3%), по эта земля оборудована машинами хуже среднего (25,3% стоимости машин), удобряется хуже среднего (29,1% расходов на удобрение), и потому производительность ее в полтора раза ниже среднего. Имея треть всей земли, эта громадная масса наиболее придавленных общим гнетом капитала ферм имеет менее четверти (22,1%) общей суммы производства, общей стоимости продукта.

По вопросу о значении группировки по земле мы получаем, след., тот общий вывод, что эту группировку нельзя считать совершенно непригодной. Не надо лишь никогда забывать, что она преуменьшает вытеснение мелкого производства крупным и преуменьшает тем сильнее, чем шире и быстрее развивается интенсификация земледелия, чем значительнее различие между хозяйствами по величине вкладываемого в одну и ту же единицу земельной площади капитала. При современных методах исследования, дающих очень хороший, очень богатый запас сведений о каждом отдельном хозяйстве, было бы, напр., достаточно соединить два метода группировки, — скажем, каждую из пяти групп по количеству всей земли подразделять на три, на две подгруппы по размеру употребления наемного труда. Если этого не делают, то в значительной мере именно потому, что боятся слишком неприкрыто изображенной действительности, слишком яркой картины придавленности, нищеты, разорения, экспроприации массы мелких земледельцев, положение которых так «удобно» и «незаметно» и прикрашивают «образцовые» капиталистические хозяйства, тоже «мелкие» по количеству земли и составляющие небольшое меньшинство среди массы обездоленных. С точки зрения науки, ни один человек не решится возразить против того, что не только земля, но и капитал играют роль в современном земледелии. С точки зрения статистической техники или количества статистического труда, общее число 10—15 групп вовсе не чрезмерно по сравнению, напр., с 18+7 группами по земле в германской статистике 1907 года. Эта статистика, группирующая богатейший материал о 5.736.082 хозяйствах на такое количество групп по земле, есть образец чиновничьей рутинности, научного хлама, бессмысленной игры в цифирки, ибо *ни теми* разумных рациональных, наукой и жизнью оправдываемых оснований для признания типичными такого количества таких групп не имеется.

14. Экспроприация мелких земледельцев.

Вопрос об экспроприации мелких земледельцев имеет громадную важность для понимания и оценки капитализма в земледелии вообще. И крайне характерно для современной, насквозь пропитанной буржуазными взглядами и предрассудками, политической экономии и статистики, что именно этот вопрос не разрабатывается почти совсем или разрабатывается наименее тщательно.

Общие данные во всех капиталистических странах показывают процесс роста городского населения насчет сельского, бегства населения из деревень. В Соед. Штатах этот процесс идет вперед неуклонно. Процент городского населения поднимался с 29,5% в 1880 г. до 36,1% в 1890 г., до 40,5% в 1900 г. и до 46,3% в 1910 г. Городское население растет быстрее сельского во всех районах страны: с 1900 по 1910 год в промышленном севере сельское население возросло на 3,9%, городское — на 29,8%; в бывшем рабовладельческом юге первое — на 14,8%, второе — на 41,4%, в колонизируемом западе первое — на 49,7%, второе — на 89,6%.

Казалось бы, столь всеобщий процесс обязательно было бы изучать и при производстве сельско-хозяйственных переписей. Сам собою напрашивается важнейший в научном отношении вопрос, из каких разрядов, слоев групп сельского населения, при каких условиях берутся беглецы из деревни. Раз собираются каждые десять лет подробнейшие сведения о каждом сельско-хозяйственном предприятии, о каждой штуке скота в нем, было бы совсем не трудно ставить вопрос, сколько и каких ферм продано или сдано в аренду для переселения в город, сколько членов семьи и при каких условиях бросает земледелие на время или навсегда. Но подобных вопросов не ставится, дальше казенно-шаблонной цифры: «сельское население понизилось с 1900 по 1910 г. с 59,5% до 53,7%» исследование не идет. Исследователи как будто даже не подозревают того, какое количество нужды, гнета, разорения скрывается за этими шаблонными цифрами. И сплошь да рядом буржуазные и мелко-буржуазные экономисты не хотят даже замечать очевидной связи между бегством населения из деревень и разорением мелких производителей.

Нам ничего не остается, как попытаться собрать воедино сравнительно крайне скудные и совсем плохо разработанные данные об экспроприации мелких земледельцев, которые имеются в переписи 1910 года.

Мы имеем данные о формах владения фермами: о числе собственников, подразделяемых на тех, кому принадлежит в собственность

вся его ферма, и на таких, кому принадлежит в собственность лишь часть его фермы, затем о числе арендаторов из доли продукта и арендаторов, снимающих землю за денежную плату. Данные эти распределены по районам, но по группам хозяйств не распределены.

Берем общие итоги для 1900 и 1910 г.г. и получаем прежде всего такую картину:

Все сельское население возросло	на 11,2%
Все число ферм возросло	на 10,9%
Все число собственников возросло	на 8,1%
Все число собствен. всей фермы возросло	на 4,8%

Ясно, что эта картина означает растущую экспроприацию мелкого земледелия. Число сельского населения растет медленнее, чем городского. Число фермеров — медленнее, чем сельское население, число собственников — медленнее, чем число фермеров; число собственников *всей* фермы — медленнее, чем число собственников вообще.

Процент собственников в общем числе фермеров уменьшается неуклонно уже в течение ряда десятилетий. Этот процент составляет:

В 1880 г.	74,0%
» 1890 »	71,6%
» 1900 »	64,7%
» 1910 »	63,0%

Соответственно растет процент арендаторов, при чем число издольщиков растет быстрее, чем число арендаторов за деньги. Процент издольщиков составлял в 1880 г. — 17,5%, затем 18,4% и 22,2%, а в 1910 году уже 24,0%.

Что уменьшение доли собственников и увеличение доли арендаторов означает, в общем и целом, разорение и вытеснение мелких земледельцев, видно из следующих данных:

Разряды ферм	Процент ферм, имевших					
	домашний скот			лошадей		
	1900	1910	±	1900	1910	±
Собственники	96,7	96,1	-0,6	85,0	81,5	-3,5
Арендаторы	94,2	92,9	-1,3	67,9	60,7	-7,2

Собственники, по всем данным, за оба года стоят экономически выше. Ухудшение положения арендаторов идет *сильнее*, чем ухудшение положения собственников.

Посмотрим на данные об отдельных районах.

Всего больше число арендаторов, как мы уже указывали раньше, на юге, и здесь оно вырастает всего быстрее: с 47,0% в 1900 г. до 49,6%

в 1910 г. Капитал разбил рабовладение полвека тому назад, чтобы теперь *восстановлять* его в обновленной форме, именно в виде издольной аренды.

На севере число арендаторов значительно меньше и возрастает гораздо медленнее: всего с 26,2⁰/₀ в 1900 г. до 26,5⁰/₀ в 1910 г. На западе число арендаторов всего меньше и *только* в этом районе оно не увеличивается, а уменьшается: с 16,6⁰/₀ в 1900 г. до 14,0⁰/₀ в 1910 г. «Чрезвычайно низкий процент арендаторских ферм, — читаем в итогах переписи за 1910 г., — наблюдается в горном и тихоокеанском районах» (эти два района и составляют вместе «запад»); «несомненно, что такое обстоятельство вызывается здесь главным образом тем, что оба эти района лишь недавно заселены и что многие фермеры являются здесь гомстэдерами» (т. е. получившими даром или за ничтожную плату свободные участки незанятой земли), «получившими свою землю от правительства» (т. V, стр. 104).

Мы видим здесь чрезвычайно наглядно не раз уже отмечавшуюся нами особенность Соед. Штатов, состоящую в наличии незанятых, свободных земель. Эта особенность, с одной стороны, объясняет чрезвычайно широкое и быстрое развитие капитализма в Америке. Отсутствие частной собственности на землю в известных районах громадной страны не устраняет капитализма, — к сведению наших народников! — а, наоборот, расширяет базу для него, ускоряет его развитие. С другой стороны, эта особенность, совершенно неизвестная старым, давно заселенным, капиталистическим странам Европы, служит в Америке *прикрытием* процесса экспроприации мелких земледельцев, идущего в уже заселенных и наиболее промышленных районах страны.

Возьмем север. мы получаем такую картину:

	1900	1910	Увелич. или уменьш.
Все сельское население (милл.)	22,2	23,1	+ 3,9 ⁰ / ₀
Все число ферм (тысячи)	2,874	2,891	+ 0,6 ⁰ / ₀
Все число собственников (тысячи).	2,088	2,091	+ 0,1 ⁰ / ₀
Число собственников всей фермы (тысячи).	1,794	1,749	— 2,5 ⁰ / ₀

Мы видим здесь не только относительное уменьшение числа собственников, не только отеснение их по сравнению с общим числом фермеров и т. д., а прямо уже *абсолютное уменьшение* числа собственников наряду с ростом производства в главной части Соед. Штатов, дающей 60⁰/₀ всего количества обработанной земли в стране!

И притом не надо еще забывать, что в *одном* из четырех районов, составляющих «север», именно в центральном северо-западном районе, *до сих пор есть раздача гомстэдов*, достигшая за 10 лет, 1901—1910 г.г., общей суммы в 54 миллиона акров земли.

Тенденция капитализма к экспроприации мелкого земледелия действует с такой силой, что «север» Америки дает *абсолютное* уменьшение числа собственников земли, *несмотря* на раздачу десятков миллионов акров незанятых, свободных земель.

Только два обстоятельства и парализуют еще эту тенденцию в Соед. Штатах: 1) наличие нераздробленных еще рабовладельческих плантаций на юге, где имеется забитое и приниженное население негров, и 2) незаселенность запада. Ясно, что оба эти обстоятельства служат вместе расширением завтрашней базы для капитализма, подготовкой условий для еще более быстрого и еще более широкого его развития. Обострение противоречий и вытеснение мелкого производства не устраняется, а переносится на более широкую арену. Капиталистический пожар как бы «замедляется» — ценой подготовки для него нового, громадного, еще более горючего, материала.

Далее. По вопросу об экспроприации мелкого земледелия мы располагаем данными о числе ферм, владевших скотом. Вот общие итоги для С. Штатов:

	1900	1910	Увел. или уменьш.
Процент ферм, имевших вообще			
домашний скот	95,8	94,9	— 0,9
молочных коров	78,7	80,8	+ 2,1
лошадей	79,0	73,8	— 5,2

Эти данные показывают, в общем и целом, уменьшение числа собственников в пропорции к общему числу фермеров. Процент владельцев молочных коров увеличился, но менее сильно, чем уменьшился процент владельцев лошадей.

Рассмотрим данные по группам хозяйств по отношению к двум главным видам скота (см. табл. на стр. 249).

Мы видим, что всего более увеличились в числе *мелких* фермы, держащие молочных коров, затем латифундии, далее средние фермы. Уменьшился процент ферм с молочным скотом у крупных хозяев с 500 — 999 акрами земли.

В общем, здесь получается, повидимому, выигрыш мелкого земледелия. Напомним однако, что владение молочным скотом имеет двойное значение в сельском хозяйстве: с одной стороны, оно может

Группы ферм.	Процент ферм, имевших молочных коров.		Увел. или уменьш.
	1900	1910	
До 20 акров	49,5	52,9	+3,4
20— 49 »	65,9	71,2	+5,3
50— 99 »	84,1	87,1	+3,0
100—174 »	88,9	90,8	+0,9
175—499 »	92,6	93,5	+0,9
500—999 »	90,3	89,6	-0,7
1.000 и более »	82,9	86,0	+3,1
<hr/>			
Все С. Шт.	78,7	80,8	+2,1

означать общее повышение благосостояния и улучшение условий питания. С другой стороны — и чаще — оно означает развитие одной из отраслей торгового земледелия и скотоводства: производство молока на продажу в города и промышленные центры. Мы видели выше, что фермы этого рода, — «молочные» фермы — выделены американскими статистиками в особую группу по главному источнику дохода. Эта группа отличается количеством обработанной и всей земли *ниже* среднего при сумме производства *выше* среднего, при употреблении наемного труда *вдвое выше среднего* по расчету на 1 акр земли. Увеличение роли мелких ферм в молочном хозяйстве очень легко может означать — и, наверное, означает — рост *капиталистических* молочных ферм описанного типа на мелких участках земли. Вот, для параллели, данные о *концентрации* молочного скота в Америке:

Р а й о н ы .	Среднее колич. молочн. коров на 1 ферму.		Увеличение на:
	1900	1910	
Север	4,8	5,3	+0,5
Юг	2,3	2,4	+0,1
Запад	5,0	5,2	+0,2
<hr/>			
Всего	3,8	4,0	+0,2

Мы видим, что север, всего более богатый молочным скотом, больше всего увеличил свое богатство. Вот как распределилось это увеличение между группами (см. табл. на стр. 250).

Более быстрый рост *числа* мелких ферм с молочным скотом не помешал более быстрой *концентрации* его в крупных хозяйствах.

Посмотрим теперь на данные о числе ферм, имевших лошадей. Здесь мы имеем перед собой сведения о рабочем скоте, *указывающие*

С е в е р. Группы ферм.	Процентное увелич. или уменьш. числа молочн. коров с 1900 г. по 1910 г.		
	До 20 акров.	— 4 ⁰ / ₁₀₀	(+10 ⁰ / ₁₀₀)
От 20 до 49 акр.	— 3 ⁰ / ₁₀₀	(—12,6 ⁰ / ₁₀₀)	» » »)
» 50 » 99 »	+ 9 ⁰ / ₁₀₀	(— 7,3 ⁰ / ₁₀₀)	» » »)
» 100 » 174 »	+14 ⁰ / ₁₀₀	(+ 2,2 ⁰ / ₁₀₀)	» » »)
» 175 » 499 »	+18 ⁰ / ₁₀₀	(+12,7 ⁰ / ₁₀₀)	» » »)
» 500 » 999 »	+29 ⁰ / ₁₀₀	(+40,4 ⁰ / ₁₀₀)	» » »)
» 1.000 и более »	+18 ⁰ / ₁₀₀	(+16,4 ⁰ / ₁₀₀)	» » »)
Всего.	+14⁰/₁₀₀	(+ 0,6⁰/₁₀₀)	увелич. числа ферм).

на общий строй хозяйства а не на особую отрасль торгового земледелия.

Г р у п п ы ф е р м.	Процент хозяйств, имевших лошадей.		Уменьшение на:
	1900	1910	
До 20 акров.	52,4	48,9	—3,5
От 20 до 49 акров.	66,3	57,4	—8,9
» 50 » 99 »	82,2	77,6	—4,6
» 100 » 174 »	88,6	86,5	—2,1
» 175 » 499 »	92,0	91,0	—1,0
» 500 » 999 »	93,7	93,2	—0,5
» 1.000 и более »	94,2	94,1	—0,1
Все Сев. Штаты.	79,0	73,8	—5,2

Здесь мы видим, что безлошадность усилилась тем в бóльших размерах, чем мельче хозяйства. За исключением мельчайших хозяйств (до 20 акров), включающих, как мы знаем, сравнительно больше капиталистических ферм, чем соседние группы, — мы наблюдаем быстрое уменьшение безлошадности и гораздо более слабое возрастание ее. Возможно, что в богатых фермах употребление паровых плугов и другого рода механических двигателей отчасти возмещает уменьшение рабочего скота, но по отношению к массе беднейших хозяйств такое допущение исключено.

Наконец, рост экспроприации виден также из данных о числе заложенных ферм:

Р а й о н ы.	Процент заложенных ферм.		
	1890	1900	1910
Север.	40,3	40,9	41,9
Юг.	5,7	17,2	23,5
Запад	23,1	21,7	28,6
Все Сев. Штаты.	28,2	31,0	33,6

Процент заложенных ферм возрастает неуклонно во всех районах страны, при чем в наиболее заселенном, промышленном и капиталистическом севере этот процент наибольший. Американские статистики отмечают (стр. 159, т. V), что на юге рост числа заложенных ферм объясняется, вероятно, «раздроблением» плантаций, продаваемых участками неграм и белым фермерам, при чем уплачивается только часть покупной цены, а остальная превращается в ипотеку. Получается, след., своеобразная *выкупная операция* на рабовладельческом юге. Заметим, что неграм принадлежало всего в Сев. Штатах в 1910 г. 920.883 фермы, т.-е. 14,5⁰/₀ общего числа, при чем с 1900 по 1910 г. число ферм у белых выросло на 9,5⁰/₀, а у негров вдвое быстрее — на 19,6⁰/₀. Стремление негров к освобождению от «плантаторов» полвека спустя после «победы» над рабовладельцами отличается все еще особенной энергией

Вообще говоря, залог ферм не всегда означает пужды,—пишут там же американские статистики,—а иногда и добывание капитала на мелиорации и т. п. Это бесспорное замечание не должно заслонять—как слишком часто бывает у буржуазных экономистов—того факта, что лишь меньшинство состоятельных в состоянии добывать таким образом капитал на мелиорации и т. п. и употреблять его производительно,—большинство же еще более разоряется, попадая в лапы финансового капитала в этой его форме.

Зависимость фермеров от финансового капитала могла бы—и должна бы была—обратить на себя несравненно большее внимание исследователей. Но эта сторона вопроса, несмотря на ее громадную важность, осталась в тени.

А рост числа заложенных ферм, во всяком случае, означает фактический переход власти над ними в руки капитала. Разумеется, кроме официально и нотариально заложенных ферм, есть немалое число ферм, опутанных сетями частной, неоформленной столь строго или неучитываемой переписью задолженности.

15. Сравнительная картина эволюции промышленности и земледелия.

Материал, который дает американская статистика, несмотря на все его недостатки, отличается выгодно от материала, имеющегося для других стран, своей полнотой и однообразием приемов его соби- рания. Благодаря этому является возможность сравнить данные о промышленности и о земледелии за 1900 и 1910 годы, сопоставить общую картину экономического уклада в обеих частях народного хозяйства

и эволюции этого уклада. Наиболее ходячей идеей буржуазной экономики—идеей, повторяемой, между прочим, и г. Гиммером—является *противоположение* промышленности и земледелия. Посмотрим, на основании точных и массовых данных, насколько верно это противоположение.

Начнем с числа предприятий в промышленности и в сельском хозяйстве.

	Число предприятий в тысячах.	Увел. в %.	Увеличение населения (гор. и сельск.) в %.
	1900	1910	
Промышленность	207,5	268,5	+29,4 ⁰ / ₀
Сельское хозяйство	5.737	6.361	+10,9 ⁰ / ₀

В сельском хозяйстве предприятия гораздо более многочисленны и мелки. В этом выражается его отсталость, раздробленность, распыленность.

Возрастание общего числа предприятий в сельском хозяйстве гораздо более медленно, чем в промышленности. В Соед. Штатах есть два обстоятельства, которых в других передовых странах нет и которые чрезвычайно усиливают и ускоряют рост числа предприятий в земледелии. Это, во-первых, до сих пор происходящее раздробление рабовладельческих латифундий на юге и «выкуп» неграми, а также белыми фермерами, мелких участков у «плантаторов»; во-вторых, наличность громадного количества незанятых, свободных земель, раздаваемых правительством всякому желающему. И тем не менее число предприятий в земледелии растет гораздо медленнее, чем в промышленности.

Причина этого двоякая. С одной стороны, сельское хозяйство еще в довольно сильной степени сохраняет натуральный характер, и от земледелия продолжают откалываться различные операции, которые прежде входили в круг работ крестьянской семьи,—напр., производство и починка разных орудий, утвари и т. п.,—а теперь составляют особые отрасли промышленности. С другой стороны, сельскому хозяйству свойственна монополия, которой промышленность не знает и которая неустранима при капитализме; это—монополия землевладения. Даже если частной собственности на землю нет—в Соед. Штатах до сих пор ее фактически нет в очень больших районах страны—владение землей, занятие ее отдельными, частными хозяевами создает монополию. В главных районах страны вся земля занята, увеличение числа сельско-хозяйственных предприятий возможно лишь при раздроблении имеющихся уже предприятий; свобод-

ное создание новых предприятий на-ряду со старыми невозможно. Монополия землевладения создает тормоз развитию земледелия, который, в отличие от промышленности, задерживает развитие капитализма в сельском хозяйстве.

Размеры капитала, вложенного в промышленные и в сельскохозяйственные предприятия, мы не можем сравнить в точности, потому, что в стоимость земли входит и земельная рента. Приходится сравнить вложенный в промышленность капитал и цену промышленных продуктов с общей стоимостью всего имущества ферм и с ценой главного сельскохозяйственного продукта. Вполне сравнимы будут при этом лишь процентные отношения, показывающие вырастание тех и других сумм стоимости.

		Милл. доллар.		Увелич.
		1900	1910	в ‰.
Промыш- ленность.	{ Капитал всех предпр.	8.975	18.428	+105,3‰
	{ Цена их продуктов	11.406	20.671	+ 81,2‰
Земледелие.	{ Цена всей собственности			
	{ ферм.	20.440	40.991	+100,5‰
	{ Цена сбора всех зерновых			
	{ хлебов.	1.483	2.665	+ 79,8‰
	{ Количество сбора в мил- лионах бушелей.	4.439	4.513	+ 1,7‰

Мы видим удвоение стоимости и капитала, вложенного в промышленность, и всей собственности на фермах за 10 лет, с 1900 по 1910 год. Громадное и коренное различие состоит в том, что в земледелии производство главного продукта, зерновых хлебов, возросло на ничтожный процент,—на 1,7‰,—и это при увеличении всего населения на 21,0‰.

Земледелие отстает в своем развитии от промышленности—явление, свойственное *всем* капиталистическим странам, и составляющее одну из наиболее глубоких причин нарушения пропорциональности между разными отраслями народного хозяйства, кризисов и дороговизны.

Капитал освободил земледелие от феодализма, втянул его в торговый оборот, а вместе с ним в мировое экономическое развитие, вырвал его из застоя и заскорузлости средневековья и патриархальности. Но капитал не только не устранил задушенности, эксплуатации, нищеты масс, а, напротив, он создает эти бедствия в новом виде и восстанавливает на «современной» базе их старые формы. Противоречие между промышленностью и земледелием не только не устранено капитализмом, а, напротив, расширяется и обостряется им все более. Над земледелием все сильнее и сильнее тяготеет гнет капитала,

который образуется главным образом в сфере торговли и промышленности.

Ничтожное увеличение количества сельскохозяйственного продукта (+1,7%) и громадное увеличение его цены (+79,8%) наглядно показывают нам с одной стороны роль поземельной ренты, данн, которую берут с общества землевладельцы. Отсталость земледелия, не поспевающего за развитием промышленности, используется землевладельцами, благодаря их монопольному положению, для того, чтобы класть себе в карман миллионы и миллиарды. Вся собственность на фермах возросла за десять лет на 20¹/₂ миллиардов долларов. В этой сумме увеличение цены строений, живого и мертвого инвентаря составляет только 5 миллиардов. На 15 миллиардов (+118,1%) возросла за 10 лет цена земли, капитализированная земельная рента.

С другой стороны, мы видим здесь особенно рельефно различие в классовом положении мелких земледельцев и наемных рабочих. Конечно «трудятся» те и другие; конечно, подвергаются эксплуатации со стороны капитала, хотя и совершенно в различных формах, те и другие. Но только вульгарные буржуазные демократы могут на этом основании объединять эти различные классы, говорить о мелком «трудовом» земледелии. Это значит именно прикрывать и затушевывать общественный строй хозяйства, его буржуазный уклад, выдвигая на первый план признак, свойственный всем предшествующим укладам: необходимость труда, личного труда, физического труда для существования мелкого земледельца.

Мелкий земледelec при капитализме становится — хочет он этого или нет, замечает ли он это или нет — товаропроизводителем. И в этом изменении вся суть дела. Одно это изменение, даже когда он еще не эксплуатирует наемных рабочих, все равно делает его алтагонистом пролетариата, делает его мелким буржуа. Он продает свой продукт, пролетарий продает свою рабочую силу. Мелкие земледельцы, как класс, не могут не стремиться к повышению цен на сельскохозяйственные продукты, а это равносильно их участию, совместно с крупными землевладельцами, в дележе поземельной ренты, их солидаризации с помещиками против остального общества. Мелкий земледelec, по своему классовому положению, становится неизбежно, по мере развития товарного производства, мелким аграрием.

И среди наемных рабочих бывают случаи, когда частичка их соединяется со своими хозяевами против всего класса наемных рабочих. Но это есть именно объединение частички класса с его противником против всего класса. Нельзя представить себе улучшение положения наемных рабочих, как класса, без повышения благосостояния

массы и без обострения ее антагонизма с царящим в современном обществе капиталом, со всем классом капиталистов. Напротив, вполне можно представить себе такое явление, — и оно даже типично для капитализма, — когда улучшение положения мелких земледельцев как класса есть результат их объединения с помещиками, их участия во взимании повышенной земельной ренты со всего общества, их антагонизма с массой пролетариев и полу-пролетариев, зависящих целиком или главным образом от продажи рабочей силы.

Вот сопоставление данных американской статистики о положении и числе наемных рабочих сравнительно с мелкими земледельцами:

	1900	1910	Увел. в %.	
Промышленность	Число наемных рабочих (тысяч)	4.713	6.615	+40,4 ⁰ / ₀
	Их заработная плата (милл. долл.)	2.008	3.427	+70,6 ⁰ / ₀
Земледельцы	Число наемных рабочих	?	? ок.	+47,1 ⁰ / ₀
	Их заработная плата (милл. долл.)	357	652	+82,3 ⁰ / ₀
	Число фермеров (тысяч)	5.737	6.361	+10,9 ⁰ / ₀
	Цена их главного продукта, зерновых хлебов (милл. долл.)	1.483	2.665	+79,8 ⁰ / ₀

Рабочие в промышленности *проиграли*, ибо их заработок увеличился только на 70,6⁰/₀ («только», ибо почти прежнее количество зерновых хлебов, 101,7⁰/₀ прежнего количества, стоят теперь 179,8⁰/₀ прежней цены!) при увеличении числа рабочих на целых 40⁰/₀.

Мелкие земледельцы *выиграли*, как мелкие аграрии на счет пролетариата. Число мелких земледельцев возросло всего на 10,9⁰/₀ (если даже выделить одних мелких фермеров, все же увеличение только на 11,9⁰/₀), — количество продукта у них почти не возросло (+1,7⁰/₀), а цена продукта возросла на 79,8⁰/₀.

Конечно, торговый и финансовый капиталы взяли себе львиную долю этой поземельной ренты, но все же классовое положение мелких земледельцев и наемных рабочих всецело подходит, в их взаимоотношении, к положению мелкого буржуа и пролетария.

Возрастание наемных рабочих *обгоняет* рост населения (+40⁰/₀ первых против +21⁰/₀ второго). Растет экспроприация мелких производителей и мелких земледельцев. Растет пролетаризация населения *).

*) Число наемных рабочих в земледелии, вернее их возрастание, определено из пропорции: 82,3 : 70,6 = x : 40,4, откуда x = 47,1.

Возрастание числа фермеров—а еще более, как мы знаем, числа собственников из них—*отстает* от роста населения (10,9% против 21%). Мелкие земледельцы все более становятся монополистами, мелкими аграриями.

Взглянем теперь на взаимоотношение мелкого и крупного производства в промышленности и в земледелии. По отношению к промышленности данные относятся не к 1900 и 1910, а к 1904 и к 1910 г.г.

Промышленные предприятия мы делим на три главные группы по размерам производства, относя к мелким имеющие сумму производства до 20.000 долларов, к средним — от 20 до 100 тыс. долл., к крупным—в 100.000 долл. и свыше. Сельско-хозяйственные предприятия мы лишены возможности группировать иначе как по количеству земли. Мы относим к мелким фермы до 100 акров, к средним—от 100 до 175, к крупным—в 175 и выше акров.

	Группы предприятий.	Число предприятий в тысячах.				Увелич. в %.
		1900	%	1910	%	
Промышленность.	Мелкие	144	66,6	180	67,2	+25,0%
	Средние	48	22,2	57	21,3	+18,7%
	Крупные	24	11,2	31	11,5	+29,1%
	Всего	216	100,0	268	100,0	+24,2%
Сельское хозяйство.	Мелкие	3.297	56,5	3.691	58,0	+11,9%
	Средние	1.422	24,3	1.516	23,8	+ 6,6%
	Крупные	1.018	17,7	1.154	18,2	+13,3%
	Всего	5.737	100,0	6.361	100,0	+10,9%

Оказывается замечательная однородность эволюции.

И в промышленности, и в земледелии уменьшается доля именно средних предприятий, которые увеличиваются в числе медленнее и мелких, и крупных.

И в промышленности, и в земледелии мелкие предприятия растут в числе медленнее, чем крупные.

Каковы изменения хозяйственной силы или хозяйственной роли различных типов предприятий? О промышленных мы имеем данные о цене продукта, о сельско-хозяйственных—о цене всей собственности ферм (см. табл. на стр. 257).

И здесь замечательная однородность эволюции.

И в промышленности, и в земледелии уменьшается доля как мелких, так и средних предприятий, растет доля только крупных.

Группы предприятий.		Миллионы долларов.				Увелич. в %.
		1900	%	1910	%	
Промышленность.	Мелкие	927	6,3	1.127	5,5	+21,5%
	Средние	2.129	14,4	2.544	12,3	+19,5%
	Крупные	11.737	79,3	17.000	82,2	+44,8%
	Всего	14.793	100,0	20.671	100,0	+ 39,7%
Сельское хозяйство.	Мелкие	5.790	28,4	10.499	25,6	+ 81,3%
	Средние	5.721	28,0	11.089	27,1	+ 93,8%
	Крупные	8.929	43,6	19.403	47,3	+117,3%
	Всего	20.440	100,0	40.991	100,0	+100,5%

И в промышленности, и в земледелии происходит, иначе говоря, вытеснение мелкого производства крупным.

Различие между промышленностью и земледелием состоит на этот раз в том, что в промышленности доля мелких предприятий возросла несколько сильнее, чем доля средних (+ 21,5% против + 19,5%), а в земледелии наоборот. Конечно, различие это невелико, и никаких обобщенных выводов на нем строить нельзя. Но факт все же остается фактом,—что в передовой капиталистической стране мира за последнее десятилетие мелкое производство в промышленности усилилось больше, чем среднее, а в земледелии наоборот. Этот факт показывает, как несерьезны ходячие утверждения буржуазных экономистов, будто промышленность безусловно и без исключений подтверждает закон вытеснения мелкого производства крупным, а земледелие его опровергает.

В земледелии Соед. Штатов не только происходит вытеснение мелкого производства крупным, но оно происходит с большей закономерностью или правильностью, чем в промышленности.

Не надо забывать при этом обстоятельства, доказанного нами выше, именно, что группировка сельских хозяйств по земле *преуменьшает* процесс вытеснения мелкого производства крупным.

Что касается до достигнутой уже *степени* концентрации, то в этом отношении земледелие отстало очень сильно. В промышленности 11% крупных предприятий держат в руках свыше восьми десятых всего производства. Роль мелких предприятий ничтожна: 5,5% производства у $\frac{2}{3}$ общего числа предприятий! В земледелии, сравнительно с этим, царит еще распыление: 58% мелких предприятий дают четверть общей стоимости всего имущества ферм; 18% крупных предприятий — менее половины (47%). Все число предприятий

в земледелии более чем в 20 раз превышает число предприятий в промышленности.

Это подтверждает давно уже сделанное заключение, что капитализм в земледелии находится в стадии ближе к мануфактурной, если сравнить его эволюцию с эволюцией промышленности, чем к крупной машинной индустрии. Ручной труд преобладает еще в земледелии, и применение машин, сравнительно, чрезвычайно слабо. Но приведенные данные вовсе не доказывают невозможности обобществления земледельческого производства и на данной ступени его развития. Кто держит в руках банки, тот *непосредственно* держит в руках треть всех ферм Америки, а *посредственно* господствует над всей массой их. Организация производства по одному общему плану в миллионе хозяйств, дающих более половины общей суммы всего производства,— вещь, при современном развитии союзов всякого рода и техники сношений и транспорта, безусловно осуществимая.

16. Итоги и выводы.

Сельско-хозяйственные переписи в Соед. Штатах в 1900 и 1910 г.г. представляют из себя последнее слово социальной статистики в данной области народного хозяйства. Это—лучший из имеющихся в передовых странах материал, охватывающий миллионы хозяйств и позволяющий делать точные фактические выводы и заключения об эволюции сельского хозяйства при капитализме. Законы этой эволюции могут быть изучены на этом материале в особенности еще потому, что Соед. Штаты Америки представляют из себя страну наиболее обширных размеров и наибольшего разнообразия отношений, наибольшего богатства оттенков и форм капиталистического земледелия.

Мы наблюдаем здесь, с одной стороны, переход от рабовладельческого—или, что в данном случае то же, феодального—уклада земледелия к торговому и капиталистическому, с другой стороны, особенную широту и быстроту развития капитализма в наиболее свободной, передовой буржуазной стране, а рядом с этим замечательно широкую колонизацию, поставленную на демократически-капиталистические рельсы.

Мы наблюдаем здесь и районы давно заселенные, весьма промышленные, высоко интенсивные, аналогичные большинству местностей цивилизованной, старо-капиталистической, западной Европы;— и районы примитивно-экстенсивного земледелия и скотоводства вроде некоторых окраин России или частей Сибири. Мы видим самых разнообразных типов и крупные и мелкие фермы: крупные литифундии,

плантации бывшего рабовладельческого юга и колонизируемого запада, и высоко-капиталистического северного побережья Атлантического океана;—и мелкие фермы издольщиков-негров, и мелкие капиталистические фермы, производящие молоко или овощи на рынок в промышленном севере или фрукты на берегу Тихого океана;—и «пшеничные фабрики» с наемными рабочими и *гомстэды* «самостоятельных» мелких земледельцев, полных еще наивных иллюзий о жизни «трудами рук своих».

Разнообразие отношений замечательное, охватывающее и прошлое и будущее, и Европу и Россию. Сравнение с Россией особенно поучительно, между прочим, по вопросу о последствиях возможного перехода всех земель без выкупа к крестьянам, перехода прогрессивного, но безусловно капиталистического.

Общие законы развития капитализма в земледелии и разнообразие форм проявления этих законов всего удобнее изучать на примере Соед. Штатов. И такое изучение приводит к выводам, которые можно подытожить в следующих кратких положениях.

Ручной труд неизмеримо более преобладает в земледелии над машиной, по сравнению с промышленностью. Но машина неуклонно идет вперед, поднимая технику хозяйства, делая его более крупным, более капиталистическим. Машины употребляются в современном земледелии капиталистически.

Главный признак и показатель капитализма в земледелии — наемный труд. Развитие наемного труда, как и рост употребления машин, мы видим во *всех* районах страны, во всех отраслях сельского хозяйства. Рост числа наемных рабочих обгоняет рост сельского и всего населения страны. Рост числа фермеров отстает от роста сельского населения. Усиливаются и обостряются классовые противоречия.

Идет вперед вытеснение мелкого производства крупным в земледелии. Сравнение данных 1900 и 1910 г.г. о всем имуществе ферм вполне доказывает это.

Но это вытеснение преуменьшается, положение мелких земледельцев прикрашивается в силу того, что исследователи ограничились в 1910 г. в Америке—как ограничиваются почти везде в Европе—классификацией хозяйств по количеству земли. Чем шире и быстрее идет интенсификация земледелия, тем больше получается указанное преуменьшение и прикрашивание.

Капитализм растет не только путем ускорения развития крупных по площади хозяйств в экстенсивных районах, но и путем создания более крупных по размеру производства, более капиталисти-

ческих хозяйств на более мелких участках земли в интенсивных районах.

В итоге концентрация производства в крупных хозяйствах на деле сильнее,—вытеснение мелкого производства па деле идет дальше и глубже, чем представляют обычные данные о формах различного размера по площади земли. Данные переписи 1900 г., разработанной тщательнее, детальнее, научнее, не оставляют на этот счет ни тени сомнения.

Идет вперед экспроприация мелкого земледелия. Неуклонно уменьшается в течение последних десятилетий процент собственников среди общего числа фермеров, которое, в свою очередь, отстает в своем росте от роста населения. В самом главном районе, дающем наибольшую массу земледельческих продуктов и не знающем ни остатков рабовладения, ни громадной колонизации, на севере абсолютно уменьшается число собственников всей фермы. За последнее десятилетие уменьшился процент фермеров, владеющих скотом вообще; в противовес увеличению процента хозяев, имеющих молочный скот, увеличился, и гораздо сильнее, процент безлошадных, особенно среди мелких фермеров.

В общем и целом сравнение однородных данных за одно и то же время относительно промышленности и земледелия показывает нам, при несравненно большей отсталости второго, замечательную одинаковость законов эволюции, вытеснение мелкого производства и тут и там.

ЧАСТЬ II
АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Рабочая партия и крестьянство.

Минуло сорок лет со времени освобождения крестьян. Вполне естественно, что наше общество с особенным одушевлением празднует день 19 февраля, — день падения старой, крепостной России, начало эпохи, которая сулила народу свободу и благосостояние. Но не надо забывать, что в хвалебных речах празднующих наряду с искренней враждой к крепостничеству и всем его проявлениям есть масса лицемерия. Насквозь лицемерна и лжива та оценка «великой» реформы, которая стала у нас ходячей: «освобождение крестьян с землей при помощи государственного выкупа». А на самом деле это было освобождение крестьян от земли, потому что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены — посажены на четвертной или нищенский надел. На самом деле крестьяне были ограблены вдвойне: мало того, что у них отрезали землю, — их заставили еще платить «выкуп» за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее цены. Сами помещики десять лет спустя после освобождения признавались перед правительственными чиновниками, исследовавшими положение сельского хозяйства, что крестьян заставили платить не только за свою землю, но и за свою свободу. И, взявши выкуп за личное освобождение, крестьян все же не сделали свободными людьми: их оставили на двадцать лет временно-обязанными, их оставили — и они по сию пору остаются — низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно выйти из полукрепостной общины, свободно распорядиться своей землей, свободно поселиться в любой местности государства. Не о великодушии правительства свидетельствует наша крестьянская реформа; напротив, она является величайшим историческим примером того, до какой степени изгаженным выходит всякое дело из рук самодержавного правительства. Под давлением военного поражения,

страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян правительство прямо-таки *вынуждено* было освободить их. Сам царь признался, что надо освобождать сверху, пока не стали освобождаться снизу. Но, взявшись за освобождение, правительство сделало все возможное и невозможное, чтобы удовлетворить алчность «обижаемых» крепостников; правительство не остановилось даже перед такой гнусностью, как подтасовка людей, призванных осуществить реформу, — хотя эти люди были призваны из числа дворян же! Мировые посредники первого призыва были распущены и заменены людьми, неспособными отказать крепостникам в объегоривании крестьян и при самом размежевании земли. И великая реформа не могла быть приведена в исполнение без помощи военных экзекуций и расстреливания крестьян, отказавшихся принимать уставные грамоты. Не удивительно, что лучшие люди того времени, сдавленные цензурным намордником, встретили эту великую реформу проклятием молчания.

«Освобожденный от барщины крестьянин вышел из рук реформатора таким забитым, обобраным, припиженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как «добровольно» итти на барщину. И мужик стал обрабатывать землю своего прежнего барина, «арендуя» у него свои же отрезные земли, подряжаясь зимой — за ссуду хлеба голодающей семье — на летнюю работу. Отработки и кабала — вот чем оказался на деле тот «свободный труд», призвать на который «божие благословение» приглашал крестьянина манифест, составленный попом-иезуитом.

А к этому помещичьему гнету, сохраненному благодаря великодушию создавших и осуществлявших реформу чиновников, прибавился еще гнет капитала. Власть денег, придавившая даже, например, французского крестьянина, освобожденного от помещичьей власти не жалкой, половинчатой реформой, а могучей народной революцией, — эта власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика. Доставать деньги нужно было во что бы то ни стало и на уплату податей, увеличенных благодетельной реформой, и на наем земли, и на покупку тех нищенских продуктов фабричной промышленности, которые стали вытеснять домашние продукты крестьянина, и на покупку хлеба и пр. Власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев, меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибиравших к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составлявших кадры нарождающейся сельской буржуазии. Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого рас-

крестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже *откупался* от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемии во время неурожая, которые возвращались все чаще и чаще.

Так стоит дело в нашей деревне и сейчас. Спрашивается: в чем искать выхода и какими средствами добиваться улучшения участи крестьянина? От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и других средств производства (фабрик, заводов, машин и пр.), в общественную собственность. Пытаться спасти крестьянство защитой мелкого хозяйства и мелкой собственности от натиска капитализма — значило бы бесполезно задерживать общественное развитие, обманывать крестьянина иллюзией возможного и при капитализме благосостояния, разъединять трудящиеся классы, создавая меньшинству привилегированное положение на счет большинства. Вот почему социал-демократы всегда будут бороться против таких бессмысленных и вредных учреждений, как неотчуждаемость крестьянских наделов, круговая порука, запрещение свободного выхода из крестьянской общины и свободного приема в нее лиц каких угодно сословий! Но наш крестьянин страдает, как мы видим, не только и даже не столько от гнета капитала, сколько от гнета помещиков и от остатков крепостничества. Беспощадная борьба против этих пут, неизмеримо ухудшающих положение крестьянства и связывающих его по рукам и ногам, не только возможна, но и необходима в интересах всего общественного развития страны, ибо безысходная нищета, темнота, бесправие и приниженность мужика кладут на все порядки нашего отечества отпечаток азиатчины. И социал-демократия не исполнила бы своего долга, если бы не оказала всей и всяческой поддержки этой борьбе. Такая поддержка должна выразиться, коротко говоря, *во внесении классовой борьбы в деревню.*

Мы видели, что в современной русской деревне совмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая — постепенно ослабевает. Первая — вся еще в будущем, вторая — в значительной степени

уже в прошлом. И, несмотря на это, для современных русских социал-демократов именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практическое важное значение. Что мы должны пользоваться всеми представляющимися нам поводами для развития классового самосознания в сельско-хозяйственных наемных рабочих, что мы должны обратить внимание поэтому на переселение в деревню городских рабочих (напр., механиков, занимаемых при паровых молотилках и т. п.), на рынки найма сельско-хозяйственных рабочих, — это понятно само собой, это — аксиома для всякого социал-демократа.

Но наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством, над ними слишком еще тяготеют обще-крестьянские от его гнета, завоевания политической свободы должны добиваться рабочих никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем. Наоборот, вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неравноправности и принижения десятков миллионов «простонародья», — этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса.

Признание бедствий крестьянина сделалось теперь (в более или менее общей форме) почти всеобщим, фраза о «недостатках» реформы 1861 г. и о необходимости государственной помощи стала ходячей истиной. Наш долг указывать на то, что эти бедствия происходят именно от классового угнетения крестьянства, что правительство — верный защитник классов угнетателей, что не помощи от него, а избавления от его гнета, завоевания политической свободы должны добиваться те, кто искренне и серьезно хочет коренного улучшения положения крестьян. Говорят о чрезмерной высоте выкупных платежей, о благодетельной мере понижения и пересрочки их правительством. Мы скажем на это, что все эти выкупные платежи — не что иное, как прикрытое законными формами и чиновническими фразами ограбление крестьян помещиками и правительством, не что иное, как дань крепостникам за освобождение их рабов. Мы выдвинем требование немедленной и полной отмены выкупных платежей и оброчных сборов, требование вернуть народу те сотни миллионов, которые годами выколачивало царское правительство для удовлетворения appetитов рабовладельцев. Говорят о малоземельи крестьян, о необходимости государственной помощи для расширения крестьянского землевладения. Мы скажем на это, что именно *благодаря* государственной помощи — помощи помещикам, разумеется, — крестьяне лишились

в такой массе случаев необходимейшей для них земли. Мы выдвинем требование вернуть крестьянам те отрезки, посредством которых продолжает держаться подневольный, кабальный, барщинный, т.-е. на деле тот же крепостной, труд. Мы выдвинем требование учредить крестьянские комитеты для исправления тех вопиющих несправедливостей, которые наделали по отношению к освобождаемым рабам учрежденные царскою властью дворянские комитеты. Мы потребуем учреждения судов, которые бы имели право понижать безмерно высокую плату за землю, взимаемую помещиками, благодаря безвыходности положения крестьян, — судов, перед которыми крестьянин имел бы право преследовать за ростовщичество тех, кто заключает кабальные сделки, пользуясь крайней нуждой другого. Мы будем стараться всегда и по всяким поводам разъяснять крестьянам, что люди, говорящие им об опеке или помощи от современного государства, — либо дурачки, либо шарлатаны и худшие враги их, что крестьянству нужно прежде всего избавление от произвола и гнета власти чиновников, нужно прежде всего признание их полной и безусловной равноправности во всех отношениях со всеми другими условиями, полной свободы передвижения и переселения, свободы распоряжения землей, свободы распоряжения всеми мирскими делами и мирскими доходами. Самые обыденные факты из жизни любой русской деревни могут дать всегда тысячи поводов для агитации во имя указанных требований. Эта агитация должна исходить из местных, конкретных, наиболее назревших нужд крестьян, но не останавливаться на этих нуждах, а неустанно расширять кругозор крестьян, неустанно развивать их политическое сознание, указывать на особое место, занимаемое в государстве помещиками и крестьянами, указывать на единственное средство избавления деревни от висящего над ней гнета произвола и угнетения — созыв народных представителей, низвержение самовластья чиновников. Нелепо и вздорно утверждение, будто это требование политической свободы недоступно сознанию рабочих. Не только рабочие, пережившие годы прямой борьбы с фабрикантами и полицией, постоянно видящие произвольные аресты и преследование лучших из их рядов, не только эти зараженные уже социализмом рабочие, но и всякий толковый крестьянин, хоть сколько-нибудь задумывающийся над тем, что он видит вокруг себя, в состоянии будет понять и усвоить, за что борются рабочие, усвоить идею земского собора, освобождающего всю страну от всевластья ненавистных чиновников. И агитация на почве непосредственных и наиболее насущных нужд крестьянства только тогда будет в состоянии исполнить свою задачу: — внести классовую борьбу в де-

ревню, — когда с каждым разоблачением того или другого «экономического» зла она сумеет связать определенные политические требования.

Но спрашивается, может ли Социал-Демократическая Рабочая Партия внести в свою программу требования, подобные вышеуказанным? Может ли она взять на себя агитацию в крестьянстве? Не поведет ли это к тому, что мы разбросаемся и направим в сторону от главного и единственно надежного русла движения наши революционные силы, и без того столь немногочисленные?

Такие возражения основаны на недоразумении. Да, мы непременно должны внести в свою программу требования об освобождении нашей деревни от всех пережитков рабства, требования, способные вызвать в лучшей части крестьянства если не самостоятельную политическую борьбу, то сознательную поддержку освободительной борьбы рабочего класса. Мы сделали бы ошибку, если бы стали отстаивать меры, способные задержать общественное развитие или искусственно оградить мелкое крестьянство от роста капитализма, от развития крупного производства, но еще более губельна была бы ошибка, если бы мы не сумели воспользоваться рабочим движением для распространения в крестьянстве тех демократических требований, которых не исполнила реформа 19 февраля 1861 г., благодаря ее искажению помещиками и чиновниками. Включить такие требования необходимо для нашей партии, если она хочет встать во главе всего народа на борьбу с самодержавием *). Но такое включение вовсе не предполагает, чтобы мы стали звать активные революционные силы из города в деревню. Об этом не может быть и речи. Не подлежит никакому сомнению, что все боевые элементы партии должны стремиться к городам и фабрично-заводским центрам, что только промышленный пролетариат способен на бесповоротную и массовую борьбу против самодержавия, что только этот пролетариат способен вынести на своих плечах такие средства борьбы, как устройство открытой демонстрации или постановка правильно выходящей и широко распространяемой *народной* политической газеты. Не для того, чтобы отозвать из города в деревню убежденных социал-демократов, не для того, чтобы приковать их к деревне, должны мы внести в свою программу крестьянские требования, — нет, а для того, чтобы дать руководство для дея-

*) Проект с.-д. программы со включением вышеуказанных требований составлен уже нами. Мы надеемся после обсуждения и переработки этого проекта при содействии Группы «Освобождение Труда» опубликовать в одном из ближайших номеров проект программы нашей партии. (Этот проект программы был напечатан в № 21 «Искры» весной 1902 г. *Ред.*)

тельности тем силам, которые *не могут* найти себе приложения иначе, как в деревне, для того, чтобы использовать для дела демократии и политической борьбы за свободу те связи с деревней, которые в силу обстоятельств имеются у немалого числа преданных социал-демократии интеллигентов и рабочих и которые по необходимости расширяются и растут вместе с ростом движения. Мы давно уже переросли ту стадию, когда мы были маленьким отрядом добровольцев, когда весь запас социал-демократических сил исчерпывался кружками молодежи, поголовно «ходившей к рабочим». Наше движение располагает теперь целой армией, армией рабочих, затронутых борьбой за социализм и за свободу, — армией интеллигентов, принимавших и принимающих участие в движении и разбросанных уже в настоящее время по всем концам России, — армией сочувствующих, с верой и надеждой взирющих на рабочее движение и готовых оказать ему тысячи услуг. И перед нами стоит великая задача: организовать все эти армии, организовать так, чтоб мы способны были не только устраивать мимолетные вспышки, не только наносить врагу случайные, разрозненные (и потому неопасные) удары, а преследовать врага неуклонной, упорной и выдержанной борьбой по всей линии, травить самодержавное правительство везде, где оно сеет угнетение и пожинает ненависть. А разве возможно достигнуть этой цели, не занеся в многомиллионную массу крестьянства семена классовой борьбы и политического сознания? И не говорите, что такое занесение невозможно: оно не только возможно, оно уже происходит, оно идет тысячами путей, ускользающих от нашего внимания и нашего воздействия. Оно пойдет неизмеримо шире и быстрее, когда мы сумеем дать лозунг для такого воздействия и выкинем знамя освобождения русского крестьянства от всех остатков позорного крепостного права. Приходящий в города деревенский люд и теперь уже с любопытством и интересом присматривается к непонятной для него борьбе рабочих и разносит весть о ней по всяким захолустьям. Мы можем и должны добиться того, что это любопытство сторонних зрителей будем сменяться, если не полным пониманием, то хотя смутным сознанием того, что рабочие борются за интересы всего народа, будет сменяться все большим и большим сочувствием к их борьбе. А тогда — день победы революционной рабочей партии над полицейским правительством будет приближаться с нежданной-негаданной для нас самих быстротой.

Аграрная программа русской социал-демократии.

I.

Вряд ли есть надобность подробно доказывать необходимость «аграрной программы» для русской социал-демократической партии. Под аграрной программой мы разумеем определение руководящих начал социал-демократической политики в аграрном вопросе, т.-е. по отношению к сельскому хозяйству, к различным классам, слоям, группам сельского населения. В такой «крестьянской» стране, как Россия, аграрная программа социалистов естественно является главным, если не исключительным, образом, «крестьянской программой», программой, определяющей отношение к крестьянскому вопросу. Крупные землевладельцы, сельско-хозяйственные наемные рабочие и «крестьяне»—таковы три главные составные части сельского населения во всякой капиталистической стране, в том числе и в России. И насколько определенно и ясно уже само собою отношение социал-демократов к первым двум из указанных трех составных частей (землевладельцам и рабочим), настолько неопределенно самое даже понятие «крестьянства», а тем более наша политика по отношению к коренным вопросам его быта и его эволюции. Если на Западе весь гвоздь аграрной программы социал-демократов составляет именно «крестьянский вопрос», то в России это должно быть в еще гораздо большей степени. Самое недвусмысленное определение своей политики в крестьянском вопросе тем более необходимо для нас, русских социал-демократов, что наше направление еще совсем молодо в России, что весь старый русский социализм был, в последнем счете, «крестьянским» социализмом. Правда, у той массы русских «радикалов», которая мнит себя хранительницей наследства, оставленного нашими социалистами-народниками всяческих оттенков, социалистического почти что совсем ничего уже не осталось. Но все они тем охотнее выдвигают па первый план свои разногласия с нами по «крестьянскому»

вопросу, чем приятнее для них затушевать тот факт, что на авансцену общественно-политической жизни России выдвинулся уже «рабочий» вопрос, что по этому вопросу они не имеют никаких прочных устоев, а девять десятых из них являются здесь, в сущности, самыми дюжинными буржуазными социал-реформаторами. Наконец, многочисленные «критики марксизма», почти совсем слившиеся в этом последнем отношении с русскими радикалами (или либералами?), тоже стараются напирать именно на крестьянский вопрос, по которому будто бы «ортодоксальный марксизм» всего более посрамлен «новейшими трудами» Вернштейнов, Булгаковых, Давидов, Герцев и даже... Черновых!

Далее, помимо теоретических недоумений и войны «передовых» направлений, чисто-практические запросы самого движения выдвигают в последнее время задачу пропаганды и агитации в деревне. А сколько-нибудь серьезная и широкая постановка этого дела невозможна без принципиально выдержанной и политически целесообразной программы. И русские социал-демократы признавали всю важность «крестьянского вопроса» с самого уже своего появления на свет в качестве особого направления. Напомним, что в проекте программы русских социал-демократов, составленном группой «Освобождение Труда» ²⁷⁾ и изданном в 1885 году, стоит требование «радикального пересмотра аграрных отношений (условий выкупа и наделения крестьян землей) *). В брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» (1892 г.) Г. В. Плеханов тоже говорил о социал-демократической политике в крестьянском вопросе **).

Вполне естественно поэтому, что и «Искра» в одном из первых своих номеров (апрель 1901 г., № 3) выступила с наброском аграрной программы, определяя в статье «Рабочая партия и крестьянство» свое отношение к основам аграрной политики русских социал-демократов ***). Статья эта вызвала недоумение у весьма многих русских социал-демократов; мы получили ряд замечаний и писем в редакцию по поводу нее. Главные возражения вызвал пункт о возвращении отрезков, и мы предполагали уже открыть дискуссию в «Заре» по этому поводу, когда появился № 10 «Раб. Дела» ²⁸⁾ со статьей Мартынова ²⁹⁾, разбиравшей, между прочим, и аграрную программу «Искры». Ввиду того, что «Раб. Дело» сделало свод многим из ходячих возра-

*) См. приложение к брошюре П. Б. Аксельрода: «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов», Женева 1898. (См. II том Собрания сочинений Г. В. Плеханова под ред. Д. Рязанова. *Ред.*)

***) См. III том Собр. соч. Г. В. Плеханова под ред. Д. Рязанова. *Ред.*

***) См. выше, стр. 263—269 этого тома. *Ред.*

жепий,—мы надеемся, что наши корреспонденты не посетуют на нас за то, что мы ограничимся *пока* ответом одному Мартынову

Я подчеркиваю *пока* ввиду вот каких обстоятельств. Статья в «Искре» писана была одним из членов редакции, и остальные члены ее, будучи солидарны с автором относительно общей постановки вопроса, могли быть, разумеется, различных мнений относительно частных, относительно отдельных пунктов. Между тем вся наша редакционная коллегия (т.-е. и Группа «Освобождение Труда» в том числе) была занята выработкой коллективного, редакционного проекта программы нашей партии. Выработка эта затянулась (отчасти вследствие разных партийных дел и некоторых конспиративных обстоятельств, отчасти вследствие необходимости особого съезда для всестороннего обсуждения программы) и закончена только в самое последнее время. Покуда пункт насчет возвращения отрезков оставался моим личным мнением, я не спешил защищать его, ибо для меня гораздо важнее была общая постановка вопроса о нашей аграрной политике, чем этот отдельный пункт, который мог еще быть отвергнутым или существенно видоизмененным в нашем общем проекте. В настоящее время я буду защищать уже этот общий проект. А «читателя-друга», который не поленился поделиться с нами критикой нашей аграрной программы, мы попросим теперь заняться критикой нашего общего проекта.

II.

Приведем полностью «аграрную» часть этого проекта.

«В целях устранения остатков старого крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянстве, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия будет добиваться:

«1. Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие.

«2. Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель.

«3. Возвращения народу денежных сумм, взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей; конфискации с этой целью монастырских имуществ и удельных имений, а равно обложения особым налогом земель крупных землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ.

«4. Учреждения крестьянских комитетов:

«а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа и т. п.) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления;

«б) для устранения остатков крепостного права, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства.

«5. Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер».

Читатель удивится, может быть, отсутствию в «аграрной программе» каких бы то ни было требований в пользу сельских наемных рабочих. Мы заметим по поводу этого, что такие требования вошли в предыдущий отдел программы, содержащий требования, предъявляемые нашей партией «в интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также в интересах повышения его способности к борьбе за свое освобождение». Подчеркнутые нами слова объемяют *всех* наемных рабочих, в том числе и сельских, и *все 17 пунктов* этого отдела программы относятся и к сельским рабочим.

Это объединение промышленных и сельских рабочих в один отдел с оставлением в «аграрной» части программы только «крестьянских» требований имеет, правда, то неудобство, что требования в пользу сельских рабочих не бросаются в глаза, незаметны с первого взгляда. При поверхностном ознакомлении с программой может получиться даже совершенно неправильное представление, что мы намеренно затеяли требования в пользу наемных сельских рабочих. Нечего и говорить, что это представление было бы в корне ошибочно. Указанное же неудобство, — в сущности, чисто-внешнего характера. Оно легко устранимо и более внимательным ознакомлением с программой и комментарием к ней (а наша партийная программа «пойдет в народ», разумеется, не иначе, как в сопровождении не только печатных, но и — что гораздо важнее — устных комментариев). Если какая-нибудь группа захочет обратиться специально к сельским рабочим, она должна будет только выделить из всех требований в пользу рабочих именно те, которые наиболее важны для батраков, поденщиков и т. д., изложить их в особой брошюре, листке или ряде устных сообщений.

В принципиальном отношении *единственно правильным* редактированием разбираемых отделов программы является именно такое, которое бы соединяло вместе все требования в пользу наемных ра-

бочих во всех отраслях народного хозяйства и строго выделяло в особый отдел требования в пользу «крестьян», ибо основной критерий того, что мы можем и должны требовать в первом и во втором случае, совершенно не одинаков. Принципиальное отличие двух рассматриваемых отделов программы выражено, по проекту, во вступительных словах к каждому отделу.

В пользу наемных рабочих от современного общества мы требуем таких реформ, которые «ограждают их от физического и нравственного вырождения и повышают их способность к борьбе»; в пользу же крестьян мы добиваемся таких требований, которые содействуют «устранению остатков старого крепостного порядка и свободному развитию классовой борьбы в деревне». Отсюда видно, что наши требования в пользу крестьян носят совершенно иной характер, что в рабочем отделе мы стоим на почве современного буржуазного общества, а в «крестьянском» — требуем введения деревни в такие условия жизни, какие свойственны буржуазному обществу. По отношению к наемным рабочим мы берем на себя защиту их интересов, как класса в современном обществе, мы делаем это, ибо считаем их классовое движение единственным действительно революционным движением и стремимся именно это движение организовать, направлять и просвещать светом социалистического сознания. Между тем по отношению к крестьянству мы вовсе не берем на себя защиты его интересов как класса мелких землевладельцев и земледельцев в современном обществе. Ничего подобного. «Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса», и потому социал-демократия — непосредственно и всецело — представляет интересы только одного пролетариата, только с его классовым движением стремится слиться в одно неразрывное целое. Все же остальные классы современного общества стоят за сохранение основ существующего экономического строя, и потому защиту интересов этих классов социал-демократия может брать на себя лишь при известных обстоятельствах и на известных, точно определенных условиях. Например, класс мелких производителей, и мелких земледельцев в том числе, в своей борьбе против буржуазии является реакционным классом, и потому пытаться спасти крестьянство защитой мелкого хозяйства и мелкой собственности от натиска капитализма значило бы бесполезно задерживать общественное развитие, обманывать крестьянина иллюзией возможного и при капитализме благосостояния, разъединять трудящиеся классы, создавая меньшинству привилегированное положение насчет большинства» («Искра», № 3). Вот почему выставление «крестьянских требований» в нашем проекте программы обставлено двумя усло-

виями. Мы подчиняем законность «крестьянских требований» в социал-демократической программе, во-первых, тому условию, чтобы они вели к устранению остатков крепостного порядка, а во-вторых, чтобы они содействовали свободному развитию классовой борьбы в деревне.

Остановимся подробнее на разборе каждого из этих условий, которые были вкратце очерчены уже в № 3 «Искры».

«Остатки старого крепостного порядка» страшно еще велики в нашей деревне. Это факт общеизвестный. Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчинение вооруженному розгой привилегированному землевладельцу, бытовая приниженность, делающая крестьянина настоящим варваром,—все это не исключение, а правило в русской деревне, и все это является, в последнем счете, прямым переживанием крепостного порядка. В тех случаях и отношениях, где еще царит этот порядок, и поскольку он еще царит,—врагом его является *все крестьянство* как целое. Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства, крестьянство продолжает еще оставаться *классом*, именно классом не капиталистического, а крепостного общества, т.-е. классом-сословием *). И поскольку сохраняется еще в нашей деревне этот свойственный крепостному обществу классовый антагонизм «крестьянства» и привилегированных землевладельцев, *постольку* рабочая партия, несомненно, должна быть на стороне «крестьянства», должна поддерживать его борьбу и *подталкивать его на борьбу* против всех остатков крепостничества.

Мы ставим в кovyчки слово крестьянство, чтобы отметить наличность в этом случае не подлежащего никакому сомнению противоречия: в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это — противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой русской жизни. Это — не сочиненное, а живое диалектическое противоречие. *Поскольку* в нашей деревне крепостное общество вытес-

*) Известно, что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в сословном делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями. Напротив, в капиталистическом, буржуазном обществе юридически все граждане равноправны, сословные деления уничтожены (по крайней мере в принципе), и потому классы перестали быть сословиями. Деление общества на классы обще и феодальному и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем—классы бессословные.

няется «современным» (буржуазным) обществом, *постольку* крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). *Поскольку* сохраняются еще крепостные отношения, *постольку* «крестьянство» продолжает еще быть классом, т.-е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества. Это «поскольку — постольку» существует в действительности в виде *крайне сложного* сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной русской деревне. Говоря терминами Маркса, отработочная, натуральная, денежная и капиталистическая ренты переплетаются у нас самым причудливым образом. Мы подчеркиваем это, всеми экономическими исследованиями России установленное, обстоятельство в особенности потому, что оно по необходимости неизбежно является источником той сложности, запутанности, если хотите искусственности, некоторых наших «аграрных» требований, которая сильно поражает многих с первого взгляда. Кто ограничивается в своих возражениях *общим* недовольством по поводу этой сложности и «хитрости» предлагаемых решений, тот забывает, что простого решения столь запутанных вопросов и *быть не может*. Мы обязаны бороться против всех остатков крепостнических отношений,—это не может подлежать для социал-демократа никакому сомнению, а так как эти отношения самым сложным образом переплетаются с буржуазными, то нам *приходится* забраться в самую, с позволения сказать, сердцевину этой путаницы, не пугаясь сложностью задачи. «Простое» решение ее могло бы быть *лишь одно*: отстраниться, пройти мимо, предоставить «стихийному элементу» всю эту кашу расхлебывать. Но такая «простота», излюбленная всеми и всяческими, буржуазными и «экономическими», поклонниками стихийности, недостойна социал-демократа. Партия пролетариата должна не только поддерживать, но и подталкивать вперед крестьянство в его борьбе со всеми остатками крепостничества, а чтобы подталкивать вперед, недостаточно ограничиваться общим пожеланием,—надо дать определенную революционную директиву, надо суметь *помочь разобратся* в путанице аграрных отношений.

III.

Чтобы читатель нагляднее представил себе неизбежность сложного решения аграрного вопроса, мы попросим его сравнить в этом отношении рабочий и крестьянский отделы программы. В первом из них все решения чрезвычайно просты, понятны даже совсем мало посвященному и совсем мало думавшему человеку, «естественны»,

близки, легко осуществимы. Во втором, наоборот, большинство решений чрезвычайно сложны, «непонятны» с первого взгляда, искусственны, маловероятны, трудно осуществимы. Чем объяснить это различие? Не тем ли, что составители программы в первом случае трезвенно и деловито размышляли, а во втором сбились и запутались, впали в романтизм и фразеологию? Такое объяснение, надо правду сказать, было бы чрезвычайно «просто», детски просто, и мы не удивляемся, что Мартынов за него ухватился. Он не подумал, что практическое решение мелких рабочих вопросов облегчено и упрощено до последней степени самим экономическим развитием. Общественно-экономические отношения в области крупного капиталистического производства стали (и все более становятся) до такой степени прозрачными, ясными, упрощенными, что ближайшие шаги вперед намечаются сами собой, напрашиваются сразу и с первого взгляда. Наоборот, вытеснение крепостничества капитализмом в деревне до такой степени запутало и усложнило общественно-экономические отношения, что над решением ближайших практических вопросов (в духе революционной социал-демократии) надо очень подумать, и «простого» решения — можно заранее с полной уверенностью сказать — выдумать не удастся.

Кстати. Раз уже мы начали сравнивать рабочий и крестьянский отделы программы, то отметим еще одно принципиальное различие между ними. Коротко говоря, это различие можно бы формулировать следующим образом: в рабочем отделе мы не в праве выходить за пределы социально-реформаторских требований, в крестьянском отделе мы не должны останавливаться и перед социально-революционными требованиями. Или иначе: в рабочем отделе мы безусловно ограничены рамками программы-минимум, в крестьянском отделе мы можем и должны дать программу-максимум *). Объяснимся.

В обоих отделах мы излагаем не нашу конечную цель, а наши ближайшие требования. В обоих мы должны поэтому оставаться на почве современного (=буржуазного) общества. В этом состоит сходство обоих отделов. Но их коренное отличие состоит в том, что рабочий отдел содержит требования, направленные против *буржуазии*, а крестьянский — требования, направленные против *крепостников-помещиков* (против феодалов, сказал бы я, если бы вопрос о применимости этого термина к нашему помещному дворянству не был таким спорным

*) То возражение, что требование вернуть отрезки далеко не есть еще максимум наших ближайших требований в пользу крестьянства (госр. наших аграрных требований вообще) и что оно поэтому не последовательно, будет разобрано ниже.

вопросом)*). В рабочем отделе мы должны ограничиться *частными* улучшениями данного, буржуазного, порядка. В крестьянском — мы должны стремиться к *полному* очищению этого данного порядка от всех остатков крепостничества. В рабочем отделе мы не можем ставить таких требований, значение которых было бы равносильно тому, чтобы окончательно сломить господство буржуазии: когда мы достигнем этой нашей конечной цели, достаточно подчеркнутой в другом месте программы и «ни на минуту» не упускаемой нами из виду при борьбе за ближайшие требования, тогда мы, партия пролетариата, не ограничимся уже вопросами о какой-нибудь ответственности предпринимателей или о каких-нибудь фабричных квартирах, а возьмем в свои руки *все* заведывание и распоряжение всем общественным производством, а следовательно, и распределением. Наоборот, в крестьянском отделе мы можем и должны выставить такие требования, значение которых было бы равносильно тому, чтобы окончательно сломить господство крепостников-помещиков, чтобы совершенно очистить нашу деревню от всех следов крепостничества. В рабочем отделе ближайших требований мы не можем ставить социально-революционных требований, ибо социальная революция, ниспровергающая господство буржуазии, есть уже революция пролетариата, осуществляющая нашу *конечную* цель. В крестьянском отделе мы ставим и социально-революционные требования, ибо социальная революция, ниспровергающая господство крепостников-помещиков (т.-е. такая же социальная революция буржуазии, каковой была Великая Французская Революция), возможна и на базисе данного буржуазного порядка. В рабочем отделе мы остаемся (пока и условно, со своими самостоятельными видами и намерениями, но все же таки остаемся) на почве социальной реформы, ибо мы требуем здесь только того, что буржуазия может (в принципе) отдать нам, не теряя еще своего господства (и что поэтому наперед советуют ей благоразумно и честь-честью отдать г.г. Зомбарты, Булгаковы, Струве, Прокоповичи ³⁰) и К-о). В крестьянском же отделе мы должны, в отличие от социал-реформаторов, требовать и того, что никогда нам (им, крестьянам) не дадут и не могут дать крепостники-помещики, — требовать и того, что в состоянии только силою взять себе революционное движение крестьянства.

*) Я лично склонен решать этот вопрос в утвердительном смысле, но в данном случае, разумеется, не место и не время обосновывать и даже выдвигать это решение, ибо речь идет теперь о защите коллективного, общередакционного проекта аграрной программы.

IV.

Вот почему недостаточен и негоден тот «простой» критерий «осуществимости», посредством которого Мартынов так «легко» «разносил» нашу аграрную программу. Этот критерий непосредственной и ближайшей осуществимости приложим «вообще» только к заведомо реформаторским отделам и пунктам нашей программы, отнюдь не к программе революционной партии вообще. Другими словами, этот критерий приложим к нашей программе только в виде исключения, отнюдь не в виде общего правила. Наша программа должна быть осуществима только в том широком, философском смысле этого слова, чтобы ни единая буква ее не противоречила направлению всей общественно-экономической эволюции. А раз мы верно определили (в общем и в частности) это направление, мы должны—во имя своих революционных принципов и своего революционного долга должны—бороться *всеми силами*, всегда и непременно, за *максимум* наших требований. Остановить же себя, до окончания исхода борьбы, во время самого хода борьбы, тем соображением, что *всего* максимума мы, пожалуй и не добьемся,—значит впадать в чистейшее филистерство. Соображения подобного рода всегда ведут к оппортунизму, хотя бы даже этого и не желали виновники таких соображений

В самом деле, разве не филистерством является рассуждение Мартынова, усмотревшего в аграрной программе «Искры» «романтизм» — «потому, что *приобщение крестьянской массы к нашему движению* при настоящих условиях *является весьма проблематичным*» («Раб. Дело», № 10, стр. 58. Курсив мой)? Это — хороший образчик тех очень «благовидных» и очень дешевых рассуждений, посредством которых русский социал-демократизм упрощался до экономизма. А вникните хорошенько в это «благовидное» рассуждение,—и оно окажется мыльным пузырем. «Наше движение» есть социал-демократическое рабочее движение. К нему «приобщиться» крестьянская масса прямо-таки не может: это не проблематично, а *невозможно*, и об этом никогда и речи не было. А к «движению» против всех остатков крепостничества (и против самодержавия в том числе) крестьянская масса *не может не приобщиться*. Мартынов запутал дело посредством выражения «наше движение», не вдумавшись в различный по существу характер движения против буржуазии и против крепостничества*).

*) Что Мартынов недостаточно вдумался в разбираемый им вопрос, видно также из следующей фразы его статьи: «Ввиду того, что аграрная часть нашей программы *еще очень долго будет иметь сравнительно малое практическое значение*, она открывает широкое поприще для революционной фразеологии»

Проблематичным можно назвать отнюдь не приобщение крестьянской массы к движению против остатков крепостничества, а только разве *степень* этого приобщения: крепостнические отношения в деревне страшно переплетены с буржуазными, а в качестве класса буржуазного общества крестьяне (мелкие земледельцы) являются гораздо более консервативным, чем революционным элементом (особенно ввиду того, что буржуазная эволюция сельско-хозяйственных отношений находится у нас только еще в начале). Поэтому правительству в эпоху политических преобразований гораздо легче будет разделить крестьян (чем, напр., рабочих), гораздо легче будет ослабить (или даже, в худшем случае, парализовать) их революционность посредством мелких и неважных уступок небольшому сравнительно числу мелких собственников.

Все это так. Но что же отсюда следует? Чем легче правительству спеться с консервативными элементами крестьянства, тем больше усилий и тем скорее должны мы направить на то, чтобы спеться с его революционными элементами. Наш долг — определить, с возможной степенью научной точности, в каком именно *направлении* должны мы поддерживать эти элементы, а затем *подталкивать* их на решительную и безусловную борьбу со всеми остатками крепостничества, подталкивать всегда и при всяких обстоятельствах, всеми доступными средствами. И разве не филистерской является попытка наперед «предписать» *степень* *удачи* нашего подталкивания? Да там уже потом жизнь это решит и история это запишет, а наше дело теперь, во всяком слу-

Подчеркнутые слова содержат именно ту путаницу, на которую указано в тексте. Мартынов слышал, что на Западе с аграрной программой выступают лишь при очень развитом рабочем движении. У нас это движение только начинается. Следовательно, — «еще очень долго»! — спешит умозаключить наш публицист. Он не заметил мелочи: на Западе аграрные программы пишутся для привлечения *полу-крестьян, полу-рабочих к социал-демократическому движению против буржуазии*, у нас — для привлечения крестьянской *массы к демократическому движению против остатков крепостничества*. Поэтому на Западе аграрная программа будет приобретать тем *большее* значение, чем дальше идет развитие сельско-хозяйственного капитализма. Наша же аграрная программа в преобладающей части ее требований будет, наоборот, иметь тем *меньшее* практическое значение, чем *дальше* идет развитие сельско-хозяйственного капитализма, — ибо остатки крепостного права, против которых эта программа направлена, вымирают и сами собой, и под влиянием политики правительства. Наша аграрная программа рассчитана поэтому практически главным образом на непосредственно ближайшее будущее, на период *до* падения самодержавия. Политический переворот в России во всяком случае и неизбежно поведет за собою такие коренные преобразования отсталых наших аграрных порядков, что нам тогда непременно придется пересмотреть нашу аграрную программу.

чае, бороться и бороться до конца. Разве смеет солдат, который уже двинулся в атаку, рассуждать о том, что мы, может быть, не весь неприятельский корпус, а три пятых его уничтожим? Разве не является «проблематичным», в мартиновском смысле, и такое, напр., требование, как требование *республики*? Да правительству еще легче будет отделаться частичкой платежа по *этому* векселю, чем по векселю крестьянских требований уничтожить все следы крепостничества. Но нам-то какое до этого дело? Частичку платежа мы, конечно, положим себе в карман, нисколько не прекращая тем не менее отчаянной борьбы за *весь* платеж. Нам нужно шире распространять идею, что только в республике может произойти решительная битва между пролетариатом и буржуазией, нам нужно *создать* *) и упрочить республиканскую традицию среди всех русских революционеров и среди возможно более широких масс рабочих, нам нужно выразить этим лозунгом: «республика», что в борьбе за демократизацию государственного строя мы пойдем до конца, без оглядки назад,—а там уже сама борьба решит, какую часть этого платежа, когда именно и как именно удастся нам отвоевать. Глупо было бы пытаться учесть эту часть, раньше чем мы не дали врагу почувствовать всей силы наших ударов и не испытали на себе всей силы его ударов. Так и в крестьянских требованиях наше дело — определить, на основании научных данных, *максимум* этих требований и помочь товарищам бороться за этот максимум, а там уже пускай смеются над его «проблематичностью» трезвенные легальные критики и влюбленные в осязательность результатов нелегальные «хвостисты»**)!

*) Мы говорим: «создать», ибо старые русские революционеры никогда не обращали серьезного внимания на вопрос о республике, никогда не считали его «практическим» вопросом,—народники, бунтари и пр. потому, что с пренебрежением анархистов относились к политике; народовольцы потому, что хотели прыгнуть прямо от самодержавия к социалистической революции. На нашу долю (если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов), на долю социал-демократов, выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров.

***) Может быть, бесполезно будет напомнить к вопросу об «осуществимости» требований социал-демократической программы полемику К. Каутского против Р. Люксембург ³¹⁾ в 1896 году. Р. Люксембург писала, что требование восстановления Польши неуместно в практической программе польских социал-демократов, ибо это требование неосуществимо в современном обществе. К. Каутский возражал ей, говоря, что этот довод «основан на странном непонимании сущности социалистической программы. Наши практические требования, выражены ли они прямо в программе или представляют из себя молчаливо принимаемые «постулаты», должны быть сообразованы не с тем, *достижимы* ли

V.

Переходим ко второму общему положению, определяющему характер всех наших крестьянских требований и выраженному в словах: *«в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне...»*

Эти слова чрезвычайно важны и для принципиальной постановки аграрного вопроса вообще и для оценки отдельных аграрных требований в частности. Требование уничтожить остатки крепостного порядка обще нам со всеми последовательными либералами, народниками, социал-реформаторами, критиками марксизма в аграрном вопросе и т. д., и т. д. От всех этих господ мы, выставляя такое требование, отличаемся не принципиально, а только по степени: они и в этом пункте неизбежно останутся всегда в пределах реформы, мы же не остановимся (в указанном выше смысле) и перед социально-революционными требованиями. Наоборот, требуя обеспечить «свободное развитие классовой борьбы в деревне», мы становимся в *принципиальное* противоречие ко всем этим господам и *даже* ко всем революционерам и социалистам не-социал-демократам. Эти последние тоже

они при данном соотношении сил, а с тем, *совместимы* ли они с существующим общественным строем, и способно ли проведение их облегчить классовую борьбу пролетариата, дать толчок ее развитию и расчистить пролетариату путь к политическому господству. С данным же соотношением сил мы при этом несколько не считаемся. Социал-демократическая программа пишется не для данного момента,—она должна, по возможности, дать директиву при всех и всяческих конъюнктурах в современном обществе. Она должна служить не только практическому действию, но и пропаганде, она должна в форме конкретных требований указать с большей наглядностью, чем это могут сделать абстрактные рассуждения, то направление, в котором мы хотим идти вперед. Чем более отдаленные практические цели можем мы при этом себе ставить, не теряясь в утопических спекуляциях,—тем лучше. Тем яснее будет для масс—даже и для тех масс, которые не в состоянии понять наши теоретические рассуждения,—то направление, которому мы следуем. Программа должна показать, чего мы *требуем* от современного общества или современного государства, а не то, чего мы *ожидаем* от него. Возьмем, напр., программу немецкой социал-демократии. Она требует выбора чиновников народом. Это требование, если мерить его по масштабу Р. Люксембург, так же утопично, как и требование создать польское национальное государство. Никто не впадет в такую иллюзию, чтобы считать осуществимым при современных политических соотношениях требование выбирать государственных чиновников в Германской империи. С тем же правом, с каким можно принять, что польское национальное государство осуществимо лишь по завоевании пролетариатом политической власти,—с таким же правом можно это утверждать и о данном требовании. Но разве это достаточное основание, чтобы не принимать его в нашу практическую программу?» («Neue Zeit», XIV, 2, S. 513 u. 514. Курсив К. Каутского).

не остановятся перед социально-революционными требованиями в аграрном вопросе, но они не захотят подчинить этих требований такому условию, как свободное развитие классовой борьбы в деревне. Это условие — основной и центральный пункт теории революционного марксизма в области аграрного вопроса *). Признать это условие — значит признать, что и эволюция сельского хозяйства, несмотря на всю ее запутанность и сложность, несмотря на все разнообразие ее видов, есть тоже капиталистическая эволюция, что она порождает тоже (как и эволюция промышленности) классовую борьбу пролетариата с буржуазией, что именно *эта* классовая борьба должна быть нашей первой и коренной заботой, должна быть тем оселком, на котором мы будем испытывать и принципиальные вопросы, и политические задачи, и приемы пропаганды, агитации и организации. Признать это условие — значит обязаться и в особенно большом вопросе об участии мелкого крестьянства в социал-демократическом движении стоять на неуклонно классовой точке зрения, не поступаться ни в чем точкой зрения пролетариата в пользу интересов мелкой буржуазии, а, наоборот, прилагать все усилия к тому, чтобы мелкий крестьянин, разоряемый и угнетаемый всем современным капитализмом, покинул *свою* классовую точку зрения и встал на точку зрения пролетариата.

Выставляя это условие, мы тем самым решительно и бесповоротно отгородим себя не только от *своих врагов* (т.-е. прямых или косвенных, сознательных или бессознательных сторонников буржуазии, являющихся нашими временными и частичными союзниками в борьбе против остатков крепостного строя), но и от тех *ненадежных друзей*, которые своей половинчатой постановкой аграрного вопроса способны принести (и приносят на деле) много вреда революционному движению пролетариата.

Выставляя это условие, мы проводим этим руководящую нить, держась которой социал-демократ, даже заброшенный в любое деревенское захолустье, даже поставленный лицом к лицу перед наиболее запутанными аграрными отношениями, выдвигающими на первый план *общедемократические* задачи, может провести и подчеркнуть, при решении этих задач, свою пролетарскую точку зрения, — точно

*) В сущности, к непониманию именно этого пункта сводятся все заблуждения и блуждания «критиков» марксизма в аграрном вопросе, и самый смелый, самый последовательный (а постольку и самый честный) из них, г. Булгаков, прямо заявляет в своем «исследовании», что «здесь (в деревне) есть индивидуальная эксплуатация, но нет места классовой борьбе, как общественному явлению» («Капитализм и земледелие», т. II, стр. 289).

так же, как мы остаемся социал-демократами и при решении *общедемократических* политических задач.

Выставляя это условие, мы тем самым отвечаем на то возражение, которое является у многих после беглого ознакомления с конкретными требованиями нашей аграрной программы... «Вернуть выкупные платежи и отрезки *сельским обществам!*?» — да где же тут наша пролетарская особность и наша пролетарская самостоятельность? да разве не будет это, в сущности, подарком сельской буржуазии?

Конечно, да — по в том только смысле, в каком и самое падение крепостного права было «подарком буржуазии», т.-е. освобождением от крепостнических пут и стеснений именно буржуазного, а не какого-либо иного развития. Пролетариат именно тем и отличается от других угнетенных буржуазией и противостоящих ей классов, что он возлагает свои надежды не на задержку буржуазного развития, не на приглушение или смягчение классовой борьбы, а, напротив, на наиболее полное и свободное развитие ее, на ускорение буржуазного прогресса*). В развивающемся капиталистическом обществе *нельзя* уничтожить остатки стесняющего его развитие крепостничества таким образом, чтобы не усилить и не упрочить этим буржуазии. «Смущаться» этим — значит повторять ошибку тех социалистов, которые говорят, что политическая свобода нам ни к чему, ибо она усилит и упрочит господство буржуазии.

VI.

Рассмотрев «общую часть» нашей аграрной программы, перейдем к разбору отдельных ее требований. Мы позволим себе при этом начать не с первого, а с четвертого пункта (об отрезках), ибо именно он является наиболее важным, центральным, придающим особый характер аграрной программе пунктом и в то же время наиболее уязвимым (по крайней мере, по мнению большинства высказавшихся о статье в № 3 «Искры»). Напомним, что содержание этого пункта складывается из следующих составных частей: 1. Он требует учреждения крестьянских комитетов с полномочием заново урегулировать те аграрные отношения, которые являются прямым пережитком крепостничества. Выражение «*крестьянские комитеты*» выбрано для ясного указания на то, что — в противоположность «реформе» 1861 года с ее дворян-

*) Разумеется, не всякие меры, ускоряющие буржуазный прогресс, *защищает* и пролетариат, а только те из них, которые *непосредственно* влияют на усиление способности рабочего класса к борьбе за его освобождение. А «отработки» и кабала падают на неимущую и близкую к пролетариату часть крестьянства еще гораздо сильнее, чем на зажиточную.

скими комитетами — новое регулирование должно находиться в руках крестьян, а не в руках помещиков. Иначе говоря, окончательная ликвидация крепостнических отношений предоставляется не угнетателям, а угнетенной этими отношениями части населения, предоставляется не меньшинству, а большинству заинтересованных лиц. В сущности это есть не что иное, как *демократический пересмотр крестьянской реформы* (т.-е. именно то, чего требовал первый проект программы, составленный Группой «Освобождение Труда»). И если мы не выбрали этого последнего выражения, то лишь потому, что оно менее определено, что оно менее выразительно указывает истинный характер и конкретное содержание этого пересмотра*).

Далее, 2. крестьянским комитетам дается право экспроприировать и выкупать помещичью землю, производить обмен земли и проч. (п. 4, б), при чем (з) право экспроприации и выкупа дается именно по отношению к тем землям, которые «отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права» (эти земли искони служили, след., необходимой принадлежностью крестьянского хозяйства, входили как часть в целое этого хозяйства и были искусственно от него отняты тем узаконенным грабежом, каковым была великая крестьянская реформа) — и «служат в руках помещиков орудием для их закабаления».

Наконец, 4. пункт 4, б, предоставляет крестьянским комитетам полномочие устранять остатки крепостного права, уцелевшие в отдельных местностях государства (сервитуты, незаконченные выделы земли и размежевание и проч. и т. п.).

Таким образом, все содержание 4 пункта можно, простоты ради, выразить в двух словах: «вернуть отрезки». Спрашивается: как воз-

* Отметим непоследовательность (или недомолвку?) Надеждина**), который в своем наброске аграрной программы воспринял, видимо, идею «Искры» насчет крестьянских комитетов, но формулировал эту идею крайне неудачно, сказав: «создание особого суда из народных представителей для разбора крестьянских жалоб и заявлений относительно всех тех операций, которые сопровождали «освобождение» («Канун революции», стр. 55, курсив мой). *Жаловаться* можно только на *нарушение* закона. «Освобождение» 19 февраля со всеми его «операциями» само является *законом*. Создание особых судов для разбора жалоб на неправильность известного закона не имеет никакого смысла, пока не отменен этот закон, пока не даны в замену (или в частичную отмену) его новые законодательные нормы. Надо дать «суду» не только право принимать жалобу на отрезку выпаса, но и право вернуть (resp. выкупить и т. п.) этот выпас, — а тогда, во-первых, «суд» с полномочием творить закон уже не будет судом, а во-вторых, надо точно указать, какие именно права экспроприации, выкупа и т. п. имеет такой «суд». Но как ни неудачна формулировка Надеждина, а необходимость демократического пересмотра крестьянской реформы понял он гораздо вернее Мартынова.

ника идея такого требования? — Как прямой вывод из того общего и основного положения, что мы должны помочь крестьянам и подтолкнуть крестьян на возможно полное уничтожение всех остатков крепостничества. С этим «все согласны», не правда ли? Ну, а если согласны встать на эту дорогу, так потрудитесь уже самостоятельно двигаться по ней вперед, не заставляйте тащить вас, не робейте по поводу «необычного» вида этой дороги, не смущайтесь тем, что во многих местах вы и вовсе никакой проторенной дороги не найдете, а должны будете и по краю обрыва проползти, и через чащу пробираться, и через ямы перескочить. Не жалуйтесь на бездорожье: эти жалобы будут бесполезным пытьем, ибо вы наперед должны были знать, что становитесь не на столбовую дорогу, выпрямленную и выравненную всеми силами общественного прогресса, а на тропинки закоулков и захолустий, из которых выход есть, но прямого, простого и легкого выхода ни вы, ни мы, ни другой кто никогда не отыщет, — «никогда», т. е. до тех пор, пока будут существовать эти отмирающие — и мучительно-долго отмирающие — захолустья и закоулки.

А не хотите соваться в эти закоулки, — так говорите прямо, что не хочу, и не отделяйтесь фразами*).

Вы согласны бороться за уничтожение остатков крепостничества? — Хорошо. Так помните же, что никакого единого юридического учреждения, которое бы выражало или обуславливало эти остатки, *не существует* — я говорю, конечно, об остатках крепостничества исключительно в области занимающих нас теперь аграрных отношений, а не в области законодательства сословного, финансового и проч. Прямые переживания барщинного хозяйства, бесчисленное множество раз констатированные всеми экономическими исследованиями России, держатся не каким-либо, особо их ограждающим, законом, а силой

*) Напр., Мартынов обвиняет в «фразеологии» «Искру», которая дала ему и общие основания своей аграрной политики («внесение классовой борьбы в деревню»), и практическое решение вопроса о конкретных программных требованиях. Не заменив этих общих оснований никакими другими, не попытавшись поработать над составлением определенной программы, Мартынов отделался следующей фразой: «...Мы должны требовать ограждения их (крестьян, как мелких собственников)... от разных отсталых форм экономической кабалы...». Не дешевенько ли будет? Не попробовали ли бы вы указать нам прямо *тогда на одно* ограждение, *хоть от одной* (а не от «разных»!) отсталой формы кабалы? (вероятно, есть еще и неотсталые «формы кабалы»!). А то ведь и мелкий кредит, и сборные молочные, и ссудосберегательные товарищества, и союзы мелких хозяйчиков, и крестьянский банк, и земские агрономы, — все ведь это есть тоже «ограждение от разных форм отсталой экономической кабалы». Значит, вы полагаете, что всего этого «мы должны требовать»??

фактически существующих поземельных отношений. Это до такой степени так, что в 70-х годах знающие люди прямо говорили: крепостное право возродилось бы, несомненно, снова, если бы оно не было запрещено прямым законом. Значит, одно из двух: либо не касаться вовсе поземельных отношений между крестьянами и помещиками, — тогда все остальные вопросы решаются очень «просто», но тогда вы не коснетесь и главного источника всяких переживаний крепостного хозяйства в деревне, тогда вы «просто» отстранитесь от очень жгучего вопроса, затрагивающего самые глубокие интересы крепостников и закабаленного крестьянства, — от вопроса, который может завтра или послезавтра стать одним из самых злободневных социально-политических вопросов России. Либо вы хотите коснуться и того источника «отсталых форм экономической кабалы», какими являются поземельные отношения, — и тогда вы должны считаться с такой сложностью и запутанностью этих отношений, которая легкого и прямого решения прямо-таки не допускает. Тогда вы, будучи недовольны предложенным нами конкретным решением запутанного вопроса, *не вправе* уже отрываться общей «жалобой» на запутанность, а *должны* сделать попытку самостоятельно разобраться в нем, предложить другое конкретное решение.

Какое значение имеют отрезки в современном крестьянском хозяйстве — это вопрос факта. И знаменательно, что, как ни глубока пропасть между народничеством (в широком смысле слова) и марксизмом в оценке экономических порядков и экономической эволюции России, — по *данному* вопросу между этими доктринами нет расхождения. Представители обоих направлений согласны в том, что в русской деревне тьма остатков крепостничества и (нота-бене) что господствующий в центральных губерниях России способ частновладельческого хозяйства («отработочная система хозяйства») есть прямое переживание крепостничества. Согласны они, далее, и в том, что отрезки крестьянских земель в пользу помещиков, — т.-е. и отрезки в прямом, непосредственном смысле, и лишение крестьян права выпаса, пользования лесом, водопоем, выгоном и проч., и т. п. — являются одним из главнейших (*если не главнейшим*) базисов отработочной системы. Достаточно напомнить, что, по новейшим данным, отработочная система помещичьего хозяйства считается *преобладающей не менее как в 17 губерниях Европейской России*. Пусть попробуют оспорить этот факт те, кто видит в пункте об отрезках чисто-искусственную, «вымученную», хитрую выдумку!

Отработочная система хозяйства означает вот что. Фактически, т.-е. не по праву владения, а по хозяйственному пользованию, земли

и угодья помещиков и крестьян не разделены окончательно, а продолжают оставаться слитыми: часть крестьянской земли служит, напр., для содержания скота, необходимого для обработки не крестьянской, а помещичьей земли; часть помещичьей земли безусловно необходима для соседнего крестьянского хозяйства в данной его системе (водопой, выгоны и т. п.). И это фактическое сплетение землепользования неизбежно порождает (вернее: сохраняет порожденные тысячелетней историей) такие же отношения мужика к барину, какие были и при крепостном праве. Мужик *de facto* остается крепостным, работая по-прежнему своим исконным инвентарем, по исконной рутине трехпольного хозяйства, на исконного своего «государя-вотчинника». Чего же уже вам больше надо, когда сами крестьяне называют эти отработки сплошь да рядом панципой и «барщиной» — когда сами помещики, описывая свое хозяйство, говорят: обрабатывают мне землю «мои бывшие» (значит, не только бывшие, но и настоящие!) «крестьяне» своим инвентарем за снимаемый ими у меня выпас?

Когда решается какой-нибудь сложный и запутанный общественно-экономический вопрос, то азбучное правило требует, чтобы сначала был взят самый типичный, наиболее свободный от всяких посторонних, усложняющих влияний и обстоятельств, случай и уже затем от его решения восходили далее, принимая одно за другим во внимание эти посторонние и усложняющие обстоятельства. Возьмите уже и тут наиболее «типичный» случай: дети бывших крепостных работают на сыновей бывшего барина за снимаемый у него выпас. Отработки обуславливают собой застой техники и застой *всех* общественно-экономических отношений в деревне, ибо эти отработки препятствуют развитию денежного хозяйства и разложению крестьянства, избавляют (сравнительно) помещика от подтягивающего влияния конкуренции (вместо повышения техники он понижает долю исполщика; кстати, это понижение констатировано в целом ряде местностей за многие годы пореформенного периода), прикрепляют крестьянина к земле, задерживают тем развитие переселений и отхожих промыслов и т. д.

Спрашивается: усомнится ли какой-нибудь социал-демократ, что в этом «чистом» случае вполне естественна, желательна и осуществима экспроприация соответствующей части помещичьей земли в пользу крестьян? Эта экспроприация встряхнет Обломова и заставит его перейти на более малом количестве своей земли к более усовершенствованному хозяйству, эта экспроприация подорвет (не скажу уничтожит, а именно подорвет) отработочную систему, поднимет самостоятельность и демократический дух в крестьянстве, поднимет его

жизненный уровень, даст могучий толчок дальнейшему развитию денежного хозяйства к дальнейшему капиталистическому прогрессу земледелия.

Да и вообще: раз общепризнано, что отрезки есть один из главных источников отработочной системы, а эта система есть прямое переживание крепостничества, задерживающее развитие капитализма, то как можно сомневаться в том, что возвращение отрезков подорвет отработки и ускорит общественно-экономическое развитие?

VII.

Однакоже усомнились в этом очень многие, и мы перейдем теперь к разбору тех доводов, которые выдвинули усомнившиеся. Доводы эти можно все подвести под следующие рубрики: а) Соответствует ли требование вернуть отрезки теоретическим основаначалам марксизма и программным принципам социал-демократии? б) Разумно ли, с точки зрения политической целесообразности, выдвигать требование об исправлении исторической несправедливости, значение которой ослабляется с каждым шагом экономического развития? в) Осуществимо ли это требование практически? г) Если признать, что мы можем и должны выставить требование в таком роде и дать в нашей аграрной программе не минимум, а максимум, то последовательно ли требование вернуть отрезки с этой точки зрения? Является ли такое требование на самом деле максимальным?

Насколько я могу судить, *все* возражения «против отрезков» подходят под тот или другой из этих четырех пунктов, при чем большинство возражавших (и Мартынов в том числе) отвечало на все четыре вопроса отрицательно, признавая требование вернуть отрезки и принципиально неправильным, и политически нецелесообразным, и практически неосуществимым, и логически непоследовательным.

Рассмотрим же в порядке важности все эти вопросы.

а) Принципиально неправильным требование вернуть отрезки считают по двум основаниям. Во-первых, говорят, что это «затронет» капиталистическое сельское хозяйство, т.-е. приостановит или задержит развитие капитализма; во-вторых, говорят, что оно не только усилит, но и прямо приумножит мелкую собственность. Первый из этих доводов (особенно подчеркнутый Мартыновым) совершенно неоснователен, ибо типичные отрезки, наоборот, задерживают развитие капитализма, и возвращение их усилит это развитие; нетипичные же случаи не могут быть предусмотрены никаким единым общим зако-

пом, и разрешение их необходимо предоставить усмотрению местных комитетов (которые могут применить и выкуп и обмен земли и пр.).

Второй довод (особенно подробно развитый в некоторых частных письмах) гораздо серьезнее и вообще является самым сильным доводом против защищаемой программы. Вообще говоря, развивать, поддерживать, укреплять, а кольми паче умножать мелкое хозяйство и мелкую собственность вовсе уже не задача социал-демократии. Это совершенно справедливо. Но дело в том, что здесь перед нами как раз не «общий», а именно *исключительный* пример мелкого хозяйства, и эта исключительность *явно выражена* в вступлении к нашей аграрной программе: «уничтожение остатков крепостного порядка и свободное развитие классовой борьбы в деревне». *Вообще* говоря, поддержка мелкой собственности реакционна, *ибо* она направляется против крупного *капиталистического* хозяйства, задерживая, следовательно, общественное развитие, затемняя и сглаживая классовую борьбу. В данном же случае мы хотим поддержать мелкую собственность именно не против капитализма, а против крепостничества,—в данном случае мы поддержкой мелкого крестьянства даем громадный толчок развитию классовой борьбы. В самом деле, с одной стороны, мы делаем этим *последнюю* попытку разжечь остатки классовой (сословной) вражды крестьян к крепостникам-помещикам. С другой стороны, мы расчищаем дорогу для развития буржуазного классового антагонизма в деревне, ибо этот антагонизм *прикрыт* ныне общей и одинаковой, якобы, угнетенностью всех крестьян остатками крепостничества.

Все на свете имеет две стороны. Крестьянин-собственник на Западе сыграл уже свою роль в демократическом движении и отстаивает свое привилегированное положение по сравнению с пролетариатом. Крестьянин-собственник в России стоит еще накануне решительного и общенародного демократического движения, которому он не может не сочувствовать. Он еще смотрит больше вперед, чем назад. Он еще гораздо больше борется против столь сильных еще в России сословно крепостнических привилегий, чем отстаивает свое привилегированное положение. В *такой* исторический момент мы прямо обязаны поддержать крестьянство и пытаться направить его, туманное и темное еще, недовольство против его настоящего врага. И мы нисколько не будем противоречить себе, если в следующий исторический период, когда минуют особенности данной политической «конъюнктуры», когда крестьянство, допустим, удовлетворится ничтожными подачками ничтожной части собственников и даже «зарычит» решительно против пролетариата, — если мы тогда выкинем из своей программы борьбу с остатками крепостничества. Тогда-то, вероятно, придется нам выкинуть

из программы и борьбу с самодержавием, ибо никак нельзя полагать, чтобы до политической свободы крестьянство избавилось от самого отвратительного и тяжелого крепостнического гнета.

При господстве капиталистического хозяйства мелкая собственность задерживает развитие производительных сил, прикрепляя работника к мелкому кусочку земли, узаконяя рутинную технику, затрудняя вовлечение земли в торговый оборот. При господстве отработочного хозяйства мелкая поземельная собственность, освобождаясь от отработков, тем самым толкает вперед развитие производительных сил, освобождает крестьянство от прикреплявшей его к месту кабалы, освобождает помещика от «дарового» слуги, отнимает возможность заменять технические улучшения безграничным усилением «патриархальной» эксплуатации, облегчая вовлечение земли в торговый оборот. Одним словом, противоречивое положение мелкого крестьянства на рубеже крепостнического и капиталистического хозяйства вполне оправдывает эту исключительную и временную поддержку мелкой собственности социал-демократией. Повторяем еще раз: это не противоречие в редактировании или формулировке нашей программы, а противоречие живой жизни.

Нам возразят: «как ни туго поддается отработочное хозяйство натиску капитализма, все же оно поддается ему, — больше того: оно осуждено на полное исчезновение; крупное отработочное хозяйство уступает и уступит место непосредственно крупному капиталистическому хозяйству. Вы же хотите ускорить процесс ликвидации крепостничества мерою, которая является, в сущности, дроблением (хотя бы частичным, но все же таки дроблением) крупного хозяйства. Не приносите ли вы этим интересы будущего в жертву интересам настоящего? Ради проблематической возможности восстания крестьян в ближайшем будущем против крепостничества вы затрудняете в более или менее далеком будущем восстание сельского пролетариата против капитализма!».

Такое рассуждение, как ни убедительно оно с первого взгляда, грешит большой односторонностью: во-первых, и мелкое крестьянство тоже поддается, хотя и туго, а поддается натиску капитализма, оно тоже осуждено, в конечном счете, на неизбежное вытеснение; во-вторых, и крупное отработочное хозяйство уступает место крупному капиталистическому, не всегда «непосредственно», а сплошь и рядом, создавая слой полу-зависимых, полу-батраков, полу-собственников, — между тем такая революционная мера, как возвращение отрезков, сослужила бы гигантскую службу именно тем, что хоть раз заменила бы «метод» постепенного и незаметного превращения крепостниче-

ской зависимости в буржуазную «методом» открытого революционного превращения: это *не могло бы* остаться без самого глубокого влияния на дух протеста и самостоятельной борьбы во всем трудящемся сельском населении. В-третьих, мы, русские социал-демократы, постараемся воспользоваться опытом Европы и гораздо раньше, гораздо усерднее займемся привлечением «деревенщины» к социал-демократическому рабочему движению, чем это удалось нашим западным товарищам, которые после завоевания политической свободы долго еще «ощупью» искали путей для движения промышленных рабочих: в этой области мы многое возьмем готовым «у немцев», а вот в аграрной области, может быть, выработаем и нечто новое. И для того, чтобы облегчить впоследствии нашим батракам и полу-батракам переход к социализму, крайне важно, чтобы социалистическая партия *сейчас же* начала «вступаться» за мелкое крестьянство, делая для него «все возможное» с ее стороны, не отказываясь от участия в решении наболевших и запутанных «чужих» (не-пролетарских) вопросов, приучая всю трудящуюся и эксплуатируемую массу видеть в себе своего вождя и представителя.

Пойдем далее. б) Требование вернуть отрезки считают политически нецелесообразным: нерассчетливо отвлекать внимание партии на исправление всяких, теряющих уже современное значение, исторических несправедливостей,—отвлекать внимание от основного и все более надвигающегося вопроса о борьбе пролетариата и буржуазии. Задумали «с запозданием на 40 лет переосвободить крестьян» — иронизирует Мартынов.

И это рассуждение сразу выдает поразительную близорукость «экономиста». Разные ведь бывают исторические несправедливости. Есть такие, которые остаются, так сказать, в стороне от главного исторического потока, не задерживая его, не мешая его течению, не препятствуя углублению и расширению пролетарской классовой борьбы. Такие исторические несправедливости, действительно, неумно было бы браться исправлять. Как пример, укажем на присоединение Эльзас-Лотарингии Германией. Ни одна социал-демократическая партия не вздумает ставить в свою программу исправление такой несправедливости, хотя ни одна в то же время не уклонится от своего долга протестовать против этой несправедливости и клеймить за нее все господствующие классы. И если бы мы мотивировали требование вернуть отрезки только тем, что вот-де была совершена несправедливость, — давайте, исправим это, — тогда это было бы пустозвонной демократической фразой. Но мы мотивируем наше требование не нытьем по поводу исторической несправедли-

ности, а необходимостью отменить остатки крепостничества и расчи-
стить дорогу для классовой борьбы в деревне, т.-е. очень «практи-
ческой» и очень настоятельной необходимостью для пролетариата.

Мы видим здесь пример *другой* исторической несправедливости, именно такой, которая *непосредственно* продолжает *задерживать* общественное развитие и классовую борьбу. Отказываться *от попытки* исправить такие *исторические* несправедливости — значило бы «защищать кнут на том основании, что это кнут исторический». Вопрос об освобождении нашей деревни от гнета «старого режима» — один из самых злободневных вопросов современности, выдвигаемый всеми направлениями и партиями (кроме крепостнической), так что ссылка на запоздание вообще неуместна, а в устах Мартынова просто забавна. «Запоздала» русская буржуазия с *своей*, собственно, задачей смести все остатки старого режима, — и исправлять этот недочет мы должны и будем до тех пор, пока он не будет исправлен, пока не будет у нас политической свободы, пока положение крестьянства будет питать недовольство во всей почти массе образованного буржуазного общества (как это мы видим в России), а не питать в этой массе чувство консервативного самодовольства по поводу «неразрушимости» самого мощного, якобы, оплота против социализма (как это мы видим на Западе, где указанное самодовольство замечается у всех партий порядка, начиная с аграриев и консерваторов *pur sang*, продолжая либеральными и кончая даже... не во гнев будь сказано «Вестнику Русской Революции»!.. кончая даже модными «критиками марксизма» в аграрном вопросе). Ну а затем еще «запоздали», конечно, те русские социал-демократы, которые по принципу тащатся в хвосте движения и занимаются только вопросами, «сулящими осязательные результаты»: не будучи в состоянии выдвинуть определенную директиву, и в аграрном вопросе эти «хвостисты» дают только сильнейшее и вернейшее оружие в руки революционных не-социал-демократических направлений.

Что касается (в) до «неосуществимости» в практическом смысле требования вернуть отрезки, то это возражение (особенно подчеркнутое Мартыновым) — одно из самых слабых. С вопросом о том, в каких именно случаях и как именно произвести экспроприацию, выкуп, обмен, размежевание и т. п., крестьянские комитеты справились бы, при политической свободе, вдесятеро легче, чем составленные из представителей меньшинства и действовавшие в интересах меньшинства дворянские комитеты. Придавать значение этому возражению могут только люди, которые привыкли к слишком низкой оценке революционной активности масс.

Тут выдвигается четвертое и последнее возражение. Если уже рассчитывать на революционную активность крестьянства и выдвигать для него не программу-минимум, а программу-максимум, тогда надо быть последовательным и требовать крестьянского «черного передела»! «Если бы мы захотели,— пишет Мартынов,— найти настоящий (sic!) классовый лозунг для массы малоземельного крестьянства, мы должны были бы выставить требование черного передела, но тогда нам пришлось бы распроститься с социал-демократической программой».

Это рассуждение основано на смешении последовательности с чересчур односторонней прямолинейностью.

Вы высказались за *одно* из требований, осуществляющих *известные* интересы известного слоя мелких производителей: *значит*, вы должны покинуть свою точку зрения и перейти на точку зрения этого слоя!!—Вовсе это не значит; так рассуждают только «хвостисты», смешивающие выработку программы, соответствующей широко понятым интересам класса, с прислужничеством этому классу. Будучи представителями пролетариата, мы тем не менее прямо осудим тот предрассудок неразвитых пролетариев, будто бороться надо только за требования, «сулящие осязательные результаты». Поддерживая прогрессивные интересы и требования крестьянства, мы решительно отклоним его реакционные требования. А «черный передел», этот один из самых рельефных лозунгов старого народничества, содержит в себе именно сплетение революционного и реакционных моментов. И социал-демократы десятки раз твердили, что они вовсе не выкидывают за борт все народничество с прямолинейностью одной неумной птицы, а выделяют из него и признают своими его революционные, его общедемократические элементы. В требовании черного передела реакционна утопия обобщить и увековечить мелкое крестьянское производство, но в нем есть (кроме утопии, будто «крестьянство» может быть носителем *социалистического* переворота) и революционная сторона, именно: желание смести посредством крестьянского восстания все остатки крепостного строя. По нашему мнению, требование вернуть отрезки выделяет из всех противоречивых требований крестьянина именно то, что может действовать революционно только в направлении всего общественного развития и что заслуживает поэтому поддержки пролетариата. Приглашение Мартынова «итти дальше» на самом деле ведет только к той бессмыслице, чтобы «*настоящий*» классовый лозунг крестьянства мы определяли с точки зрения *настоящих* предрассудков крестьянства, а не *настоящим* образом *понятых* интересов пролетариата

Итак, разбор возражений против требования возвращения отрезков убеждает нас в несостоятельности этих возражений. Мы должны выступить с требованием демократического пересмотра крестьянской реформы и именно ее аграрных преобразований. А чтобы точно определить и характер, и пределы, и способ произведения этого пересмотра, мы должны выдвинуть учреждение крестьянских комитетов с правом экспроприации, выкупа, обмена и пр. «отрезков», посредством которых держатся переживания крепостного хозяйства.

VIII.

В тесной связи с четвертым пунктом проекта нашей аграрной программы находится пятый пункт, который требует «предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер». Подобно четвертому пункту, и этот направлен против кабалы; в отличие от 4 пункта он требует не единовременного пересмотра и преобразования аграрных порядков, а постоянного пересмотра гражданских правоотношений. Предоставляется *этот* пересмотр «судам», при чем имеется в виду, разумеется, не та жалкая пародия на суд, какой является «институт» земских начальников (или хотя бы даже мировых судей, выбираемых имущими классами из имущих лиц), а те суды, о которых говорит § 16 предыдущего отдела нашего проекта программы. Этот § 16 требует «учреждения промысловых судов во всех отраслях народного хозяйства...» (значит, и в земледелии) «...из представителей от рабочих и предпринимателей поровну». Такой состав суда обеспечивал бы и демократизм его, и свободное выражение различным классовым интересам различных слоев сельского населения. Классовый антагонизм не прикрывался бы фиговыми листочками гнилого бюрократизма — этого крашеного гроба для остатков народной свободы, — а выступал бы открыто и ясно перед лицом всех и каждого, встряхивая тем самым деревенских жителей из их патриархального прозябания. Полное знакомство с аграрным бытом вообще и местными его особенностями в частности было бы вполне обеспечено выборностью судей из местных же жителей. Для массы крестьян, которых невозможно было бы отнести в разряд только «рабочих» или только «предпринимателей», были бы установлены, естественно, особые правила для обеспечения равномерного представительства всех элементов сельского населения, при чем мы, социал-демократы, безусловно настаивали бы при всяких обстоятельствах, во-первых, на *особом* представительстве сельско-хозяйственных наемных рабо-

чих, как бы их мало ни было, и, во-вторых, на том, чтобы по возможности отдельно было представлено маломощное и зажиточное крестьянство (ибо смешение этих разрядов не только в статистике приводит к фальши, но и во всех областях жизни приводит к угнетению и стеснению первого разряда вторым).

Компетенция этих судов предположена двоякая: во-первых, они имели бы право *понижать* арендные платы, если они «непомерно высоки». Уже самые эти слова программы выражают косвенное признание широкой распространенности этого явления. Гласное и состязательное разбирательство на судах вопроса о высоте аренды приносило бы громадную пользу даже независимо от решения судов. Понижения арендной платы (хотя бы эти понижения были и не часты) сыграли бы свою роль в деле устранения остатков крепостничества: известно, что в нашей деревне аренда носит чаще крепостнический, чем буржуазный характер, и арендная плата является гораздо более «денежной» (т.-е. преобразованной феодальной), чем капиталистической рентой (т.-е. избытком над прибылью предпринимателя). Понижение арендной платы, следовательно, непосредственно содействовало бы замене крепостнических форм хозяйства капиталистическими.

Далее, во-вторых, суды имели бы право «объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер». Понятие «кабалы» здесь не определяется, ибо стеснять выборных судей в применении такого пункта было бы вовсе нежелательно. Что такое кабала, — русский мужик слишком хорошо знает! С научной же точки зрения это понятие объемлет все те сделки, в которых есть элемент *ростовщичества* (зимняя наемка и т. п.) или *крепостничества* (отработки за потравы и проч.).

Несколько иной характер носит 3 пункт о возвращении народу выкупных платежей. Здесь не возбуждается тех сомнений насчет мелкой собственности, которые вызывает 4 пункт, но зато возражатели указывают и на практическую неосуществимость этого требования и на отсутствие логической связи между ним и общей частью пашей аграрной программы («устранение остатков крепостного права и свободного развития классовой борьбы в деревне»). Однако никто же не станет отрицать, что именно остатки крепостного права, во всей их совокупности, обуславливают те постоянные голодовки миллионов крестьян, которые сразу выделяют Россию из числа всех цивилизованных наций. Даже самодержавие вынуждено поэтому создавать особый (совершенно жалкий, разумеется, и более расхищаемый казнокрадами и бюрократами, чем идущий на пользу голодающих) «фонд для благотворительных нужд сельских обществ». Не можем и мы не

потребовать, в числе прочих демократических преобразований, создания такого фонда. Против этого вряд ли можно спорить.

Теперь спрашивается, из какого источника взять суммы для образования этого фонда? Насколько мы можем судить, здесь могли бы указать нам на прогрессивно-подходный налог: повысить специально те ставки, которые надают на доходы богатых людей, и употребить эти суммы на указанный фонд. Было бы вполне справедливо, чтобы наиболее имущие члены государства больше всего участвовали в содержании голодающих и в расходах на возможное исправление бедствий, причиненных голодовками. — Мы ничего не имели бы против такой меры, о которой нет надобности особо говорить в программе, ибо она всецело подходит под требование прогрессивно-подходного налога, упомянутого в программе особо. Но зачем же ограничиваться этим источником? Почему не попробовать, помимо него, возвратить народу хотя бы часть той дани, которую взимали и продолжают взимать вчерашние рабовладельцы с крестьян при помощи полицейского государства? Разве эта дань не стоит в самой тесной связи с современными голодовками? И разве требование вернуть эту дань не сослужит нам самой полезной службы в деле расширения и приближения революционного возмущения крестьян против всех крепостников и всяческого крепостничества?

Но ведь этой дани *нельзя* вернуть целиком, — возражают нам. — Справедливо. Но если нельзя уже вытребовать весь долг, — отчего бы не взять и части его? Что можно возразить против особого налога на земли тех крупных дворян-землевладельцев, которые воспользовались выкупной ссудой? Число таких владельцев латифундий (иногда превращенных даже в заповедные имения) очень значительно в России, и их справедливо было бы привлечь к специальной ответственности за крестьянские голодовки. Еще более справедлива будет полная конфискация монастырских имуществ и удельных имений, как такой собственности, которая всего более пропитана традициями крепостничества, которая служит обогащению самых реакционных и самых вредных для общества туеядцев, изъемя в то же время немалое количество земли из гражданского и торгового оборота. Конфискация таких имений лежала бы, следовательно, всецело в интересах всего общественного развития; она имела бы непосредственное и громадное политическое значение для укрепления демократических учреждений *новой* России; а вместе с тем она дала бы также и добавочные средства на помощь голодающим.

IX.

Что касается, наконец, до первых двух пунктов нашей аграрной программы, то на них долго останавливаться не приходится. «Отмена выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие» (п. 1)—есть нечто, подразумевающееся само собою для всякого социал-демократа. Никаких недоумений относительно практического осуществления этой меры тоже не возникает,—насколько мы можем судить. Второй пункт требует «отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина...» (заметьте: «крестьянина», а не «крестьян») «...в распоряжении его «землей». Здесь надо сказать несколько слов по поводу пресловутой и приснопамятной «*общины*». Фактически, разумеется, отмена круговой поруки (эту-то реформу г. Витте ³³) успеет, пожалуй, осуществить еще до революции), уничтожение сословных делений, свобода передвижения и свобода распоряжения землей для каждого отдельного крестьянина поведут к неизбежному и быстрому уничтожению той фискально-крепостнической обузы, каковой является, на три четверти, современная поземельная община. Но такой результат докажет только правильность наших взглядов на общину, докажет несовместимость ее со всем общественно-экономическим развитием капитализма. Этот результат отнюдь не будет вызван какой-нибудь мерой «против общины», рекомендованной нами, ибо *ни единой меры*, направленной непосредственно против той или иной системы крестьянских поземельных распоряжений, мы никогда не защищали и не будем защищать. Более того: общину, как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз, мы безусловно будем защищать от всякого посягательства бюрократов — посягательства, столь излюбленного врагами общины из лагеря «Моск. Ведомостей» ³⁴). Никому и никогда не будем мы помогать «разрушать общину», но отмены всех учреждений, противоречащих демократизму, мы будем добиваться безусловно, *какое бы влияние эта отмена ни оказала на коренные и частные переделы земли* и т. п.: в этом наше коренное отличие от явных и тайных, последовательных и непоследовательных, робких и смелых народников, которые, с одной стороны, являются, «конечно», демократами, а с другой стороны, боятся определить решительно и недвусмысленно свое отношение к таким элементарно-демократическим требованиям, как *полная* свобода передвижения, *полное* уничтожение сословности крестьянской общины, а *следова-*

тельно, и полная отмена круговой поруки, отмена всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей *).

Нам возражат: именно последняя мера, освещающая индивидуальную волю каждого отдельного крестьянина, и разрушает общину не только как систему переделов и т. п., а прямо даже как товарищеский соседский союз. Каждый отдельный крестьянин, вопреки воле большинства, вправе будет потребовать выдела его земли в особый участок. Не противоречит ли это общей тенденции всех социалистов действовать расширению, а не сужению прав коллективности по отношению к индивидууму?

Такое возражение было бы неосновательно. Наши требования не разрушают товарищеского союза, а, напротив, создают на место архаической (*de facto* полукрепостной) власти общины над мужиком — власть *современного* товарищеского союза над свободно вступающими в него членами. Отмена круговой поруки должна превратить всех наличных членов крестьянской общины в свободных совладельцев известного участка земли, а там, как уже они будут распоряжаться этим участком,—это их дело, это будет зависеть от общих гражданских законов и от их специальных договоров между собою. Что же касается до расширения прав коллективности по отношению к индивидууму, то социалисты защищают его только тогда, когда это расширение лежит в интересах технического и социального прогресса**). В такой форме, разумеется, и мы защищали бы всякий соответствующий закон, лишь бы он относился не к одним только мелким собственникам, не к одним только крестьянам, а ко *всем* землевладельцам вообще.

Х.

В заключение, резюмируем те основные положения, которые легли в основание нашей аграрной программы. Всякий, кому случалось работать над составлением программы или знакомиться с деталями ее составления в других странах, знает, что одну и ту же

*) На этом именно оселке следует испытывать тех многочисленных в России радикалов (и даже революционеров из «Вестника Русской Революции»³⁵), которые склонны сидеть в данном вопросе между двух стульев.

**) Напр., Каутский признает справедливым требовать «ограничения прав частной поземельной собственности в интересах: 1) размежевания, уничтожения чересполосицы; 2) повышения сельско-хозяйственной культуры; 3) предупреждения «эпидемии» («Die Agrarfrage», S. 437). Подобного рода, совершенно основательные, требования отнюдь не связаны и не должны быть связываемы с крестьянской общиной.

мысль можно формулировать самыми различными способами, — нам важно, чтобы все товарищи, на суд которых мы отдаем теперь наш проект, вполне спелись прежде всего и больше всего относительно основных принципов. А там уже те или иные частные особенности формулировки не имеют решающего значения.

Центральным фактом и в области аграрных порядков России мы признаем классовую борьбу. Мы строим всю свою аграрную политику (а следовательно, и аграрную программу) на неуклонном признании этого факта, со всеми последствиями, вытекающими из него. Наша главная ближайшая цель — расчистить дорогу для свободного развития классовой борьбы в деревне, классовой борьбы пролетариата, направленной к осуществлению конечной цели всемирной социал-демократии, к завоеванию политической власти пролетариатом и к созданию основ социалистического общества. Объявляя классовую борьбу своей руководящей нитью во всех «аграрных вопросах», мы тем самым решительно и бесповоротно отделяем себя от столь многочисленных в России сторонников половинчатых и расплывчатых теорий: «народнической», «этикосоциологической», «критической», социал-реформаторской и как их там еще звать!

Чтобы расчистить дорогу для свободного развития классовой борьбы в России вообще и в русской деревне в частности, необходимо устранить все остатки крепостного порядка, которые теперь *прикрывают* зачатки капиталистических антагонизмов внутри сельского населения, не дают им развиваться. И мы делаем *последнюю* попытку помочь крестьянству смести одним решительным ударом все эти остатки, — «последнюю» потому, что и сам развивающийся русский капитализм стихийно творит ту же работу, ведет к той же цели, но ведет свойственным ему путем насилия и гнета, разорения и голодной смерти. Переход крепостнической эксплуатации в капиталистическую неизбежен, и было бы вредной, реакционной иллюзией пытаться задержать или «обойти» его. Но этот переход мыслим также и в форме насильственного свержения тех крепостников-последышей, которые, опираясь не на «власть денег», а на традиции прежней власти рабовладения, высасывают теперь последние соки из патриархального крестьянства. Это патриархальное крестьянство, живущее трудами рук своих при системе натурального хозяйства, осуждено на исчезновение, но вовсе не «обязательно», не «имманентным» законом общественно-экономической эволюции осуждено на попытки «выколачивания податей» и розги, на муки вымирания голодной смертью.

И вот, не делая себе иллюзий насчет возможности процветания или даже сносного существования мелких производителей в капита-

листическом обществе (каковым все более и более становится Россия), мы требуем полной и безусловной, не реформаторской, а революционной отмены и уничтожения пережитков крепостничества, мы признаем крестьянскими те земли, которые отрезало у них дворянское правительство и которые по сию пору продолжают держать их в фактическом рабстве. Мы становимся таким образом — в виде исключения и в силу особых исторических обстоятельств — защитниками мелкой собственности, но мы защищаем ее лишь в ее борьбе против того, что уцелело от «старого режима», и лишь под условием отмены тех учреждений, которые задерживают преобразование патриархальной, застывшей в своей неподвижности, забитости и заброшенности Обломовки: под условием создания полной свободы передвижения, свободы обращения земли, полного уничтожения сословных делений. Демократический пересмотр государственных и гражданских законов России мы хотим дополнить демократическим, революционным пересмотром пресловутой «крестьянской реформы».

Руководимый такими принципами аграрной политики, русский социал-демократ, попадая в деревню, сумеет разобраться в сложной сети тамошних отношений, сумеет «приспособить» к ним свою строго выдержанную революционную пропаганду и агитацию. Его не застанет тогда врасплох возможное движение крестьянства (кое-где как будто и начинающееся). Он не ограничится теми требованиями в защиту сельско-хозяйственных наемных рабочих, которые подробно изложены в отделе ближайших «рабочих» требований нашей программы и которые, разумеется, он будет выдвигать всегда и повсюду. Он всегда будет в состоянии также и в крестьянстве подтолкнуть то общедемократическое движение, которое (если суждено ему будет в нашей деревне выйти за пределы зародышевого состояния) начнется борьбой с деревенскими крепостниками, а кончится — восстанием против того могущественнейшего и гнуснейшего остатка крепостничества, который зовется царским самодержавием.

* * *

Р. С. Предлагаемая статья была написана до начала крестьянских восстаний на юге России весной текущего года. Принципиальные положения статьи вполне подтвердились этими событиями. А о тех тактических задачах, которые с особенной силой выдвигаются теперь перед нашей партией в ее «деревенской» работе, мы надеемся поговорить в следующий раз.

К ДЕРЕВЕНСКОЙ БЕДНОТЕ

Объяснение для крестьян, чего
хотят социал-демократы

Написано в 1903 г.

*Напечатано брошюрой
в мае 1903 г.*

1. Борьба городских рабочих.

Многие крестьяне уже слышали, вероятно, о рабочих волнениях в городах. Некоторые сами бывали в столицах и на фабриках и видели тамошние бунты, как их называет полиция. Другие знают рабочих, которые участвовали в волнениях и были высланы начальством в деревни. Третьим попадали в руки рабочие листки и книжки о рабочей борьбе. Четвертые просто слышали рассказы бывалых людей о том, что делается в городах.

Прежде бунтовали одни студенты, а теперь поднялись во всех больших городах тысячи и десятки тысяч рабочих. Они борются, чаще всего, со своими хозяевами, с фабрикантами, с капиталистами. Рабочие устраивают стачки, прекращают все сразу работу на фабрике и требуют прибавки заработка, требуют, чтобы их заставляли работать не по одиннадцати, не по десяти часов в день, а только по восьми. Рабочие требуют также всяких других облегчений в жизни рабочего человека. Они хотят, чтобы мастерские были устроены лучше, чтобы машины защищались особыми приспособлениями и не увечили работающих, чтобы дети их могли ходить в школы, чтобы больным оказывали как следует помощь в больницах, чтобы жилища рабочих были человеческими домами, а не собачьими конурами.

Полиция вмешивается в рабочую борьбу. Полиция хватает рабочих, бросает их в тюрьму, высылает без суда на родину и даже в Сибирь. Правительство запрещает законом стачки и собрания рабочих. Но рабочие ведут борьбу и с полицией, и с правительством. Рабочие говорят: довольно уже гнули спины мы, миллионы рабочего народа! довольно мы работали на богачей, оставаясь сами нищими! довольно мы позволяли себя грабить! мы хотим соединиться в союзы, соединить всех рабочих в один большой рабочий союз (рабочую *партию*) и сообща добиваться лучшей жизни. Мы хотим добиться нового, лучшего устройства общества: в этом новом, лучшем обществе не должно быть ни богатых, ни бедных, все должны прини-

мать участие в работе. Не кучка богатеев, а все трудящиеся должны пользоваться плодами общей работы. Машины и другие усовершенствования должны облегчать работу всех, а не обогащать немногих насчет миллионов и десятков миллионов народа. Это новое, лучшее общество называется *социалистическим обществом*. Учение о нем называется *социализмом*. Союзы рабочих для борьбы за это лучшее устройство общества называются партиями *социал-демократов*. Такие партии открыто существуют почти во всех странах (кроме России и Турции), и наши рабочие вместе с социалистами из образованных людей тоже устроили такую партию: *Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию*.

Правительство преследует ее, но партия существует тайно, несмотря на все запрещения, издавая свои газеты и книжки, устраивая тайные союзы. И рабочие не только собираются в тайные собрания, а выходят и на улицу толпами, развертывают знамена с надписью: «Да здравствует 8-часовой рабочий день, да здравствует свобода, да здравствует социализм!». Правительство преследует за это рабочих с яростью. Оно посылает даже войско стрелять в рабочих. Русские солдаты убивали русских рабочих в Ярославле и Петербурге, в Риге, в Ростове-на-Дону, в Златоусте.

Но рабочие не сдаются. Они продолжают борьбу. Они говорят: никакие преследования, ни тюрьмы, ни ссылка, ни каторга, ни смерть не устрашат нас. Наше дело правое. Мы боремся за свободу и счастье всех, кто трудится. Мы боремся за избавление от насилия, от угнетения, от нищеты десятков и сотен миллионов народа. Рабочие становятся все более и более сознательными. Число социал-демократов быстро увеличивается во всех странах. Мы победим, несмотря ни на какие преследования.

Деревенской бедноте надо ясно понять, кто такие эти социал-демократы, чего они хотят, и как следует действовать по деревням, чтобы помочь им завоевать для народа счастье.

2. Чего хотят социал-демократы?

Русские социал-демократы добиваются прежде всего *политической свободы*. А свобода нужна им для широкого, открытого соединения всех русских рабочих в борьбе за новое, лучшее социалистическое устройство общества.

Что такое политическая свобода?

Чтобы понять это, крестьянину следует сначала сравнить теперешнюю его свободу с крепостным правом. При крепостном праве

крестьянин не смел жениться без разрешения помещика. Теперь крестьянин свободен жениться без всяких разрешений. При крепостном праве крестьянин должен был работать непременно на своего барина в такие дни, когда бурмистр укажет. Теперь крестьянин свободен выбирать, на какого хозяина и в какие дни, за какую плату ему работать. При крепостном праве крестьянин не смел никуда отлучиться из деревни без разрешения барина. Теперь крестьянин свободен идти, куда хочет, если его отпускает мир, если у него нет недоимок, если ему дадут паспорт, если губернатор или исправник не запретит переселяться. Значит, полной свободы идти, куда хочешь, полной свободы передвижения, у крестьянина и сейчас нет, крестьянин остается еще полукрепостным. Мы дальше будем подробно говорить о том, почему русский крестьянин остается полукрепостным и как ему выйти из этого положения.

При крепостном праве крестьянин не смел приобретать имущества без разрешения барина, не смел покупать земли. Теперь крестьянин свободен приобретать всякое имущество (полной свободы уйти из мира, полной свободы распорядиться как угодно своей землей крестьянин и теперь не имеет). При крепостном праве крестьянин мог быть телесно наказан помещиком. Теперь крестьянин не может быть наказываем своим помещиком, хотя крестьянин до сих пор не освобожден от телесного наказания.

Вот эта свобода называется *гражданской* свободой—свобода в делах семейных, в делах личных, в делах имущественных. Крестьянин и рабочий свободны (хотя и не вполне) устраивать свою семейную жизнь, свои личные дела, распоряжаться своим трудом (выбирать себе хозяина), распоряжаться своим имуществом.

Но ни русские рабочие, ни весь русский народ не имеют до сих пор свободы распоряжаться своими *общенародными* делами. Народ весь, целиком, остается таким же крепостным у чиновников, как крестьяне были крепостными у помещиков. Русский народ не имеет права выбирать чиновников, не имеет права избирать выборных людей, которые бы составляли законы для всего государства. Русский народ не имеет даже права устраивать сходки для обсуждения *государственных* дел. Без разрешения чиновников, поставленных над нами без нашего согласия, — как барин в старое время назначал бурмистра без согласия крестьян, — мы не смеем даже печатать газеты и книги, мы не смеем говорить перед всеми и для всех о делах всего государства!

Как крестьяне были рабами помещиков, так русский народ остается до сих пор рабом чиновников. Как крестьяне при крепостном праве

не имели гражданской свободы, так русский народ не имеет до сих пор *политической* свободы. Политическая свобода означает свободу народа распоряжаться своими общенародными, государственными делами. Политическая свобода означает право народа выбирать своих гласных (депутатов) в Государственную Думу (парламент). Все законы должны обсуждаться и издаваться, все налоги и подати назначаться только этой выбранной самим народом Государственной Думой (парламентом). Политическая свобода означает право народа самому выбирать себе всех чиновников, устраивать всякие сходки для обсуждения всех государственных дел, издавать, без всяких разрешений, какие угодно книги и газеты.

Все остальные европейские народы давно уже завоевали себе политическую свободу. Только в Турции да в России народ остаётся в политическом рабстве у правительства султана и у царского самодержавного правительства. Царское самодержавие означает неограниченную власть царя. Народ не принимает никакого участия в устройстве государства и в управлении государством. Все законы издаёт, всех чиновников назначает царь один, по своей единоличной, неограниченной, самодержавной власти. Но царь, разумеется, *не может даже знать* все русские законы и всех русских чиновников. Царь не может даже знать того, что делается в государстве. Царь просто утверждает волю нескольких десятков самых крупных и самых знатных чиновников. Один человек при всем своем желании не мог бы управлять таким огромным государством, как Россия. Управляет Россией не царь,—это только говорить можно о самодержавии одного человека!—управляет Россией кучка самых богатых и знатных чиновников. Царь узнает только то, что угодно бывает этой кучке сообщить ему. Царь не имеет никакой возможности идти против воли этой кучки сановитых дворян: царь сам помещик и дворянин; с самого детства он только среди таких знатных людей и жил; они же его воспитывали и обучали; обо всем русском народе он знает только то, что знают и эти знатные дворяне, богатые помещики и немногие из самых богатых купцов, имеющих доступ к царскому двору.

В каждом волостном правлении вы можете найти такую картину: на картине представлен царь (отец нынешнего, Александр III). Царь говорит речь волостным старшинам, прибывшим на его коронацию. Царь приказывает им: *«слушайтесь ваших предводителей дворянства!»*. И нынешний царь, Николай II, повторял то же самое. Значит, цари и сами признают, что управлять государством они не могут иначе, как при помощи дворян, через посредство дворян. Надо твердо помнить эти царские речи о повиновении крестьян дворянам. Надо ясно по-

нять, какую ложь говорят народу те люди, которые стараются выставить царское правление самым лучшим правлением. В других странах, — говорят эти люди, — правление выборное; там выбирают богатых, а богатые правят несправедливо, притесняют бедных. В России же правление не выборное; правит всем самодержавный царь. Царь выше всех, и бедных и богатых. Царь справедлив, дескать, ко всем и бедным и богатым одинаково.

Такие речи — одно лицемерие. Всякий русский человек знает, какова справедливость нашего правления. Всякий знает, может ли у нас простой рабочий или крестьянин-батрак попасть в государственный совет. А во всех других европейских странах в государственные думы (парламенты) попадали и рабочие с фабрики и батраки от сохи: и они свободно говорили перед всем народом о бедственной жизни рабочих, призывали рабочих к объединению и к борьбе за лучшую жизнь. И никто не смел остановить такие речи народных выборов, ни один полицейский не смел тронуть их пальцем.

В России нет выборного правления, а правят не только одни богатые и знатные, но самые худшие из них. Правят те, кто лучше паушничает при царском дворе, кто искуснее подставляет ножку, кто лжет и клеветает царю, льстит и заискивает. Правят тайком, народ не знает и не может знать, какие законы готовятся, какие войны собираются вести, какие новые налоги вводятся, каких чиновников и за что награждают, каких смещают. Ни в одной стране нет такого множества чиновников, как в России. И чиновники эти стоят над безгласным народом, как темный лес, — простому рабочему человеку никогда не продрасться через этот лес, никогда не добиться правды. Ни одна жалоба на чиновников за взятки, грабежи и насилия не доходит до света: всякую жалобу сводит на-пет казенная волокита. Голос одинокого человека никогда не доходит до всего народа, а теряется в этой темной чаще, душится в полицейском застенке. Армия чиновников, которые народом не выбраны и не обязаны давать ответ народу, соткала густую паутину, и в этой паутине люди бьются, как мухи.

Царское самодержавие есть самодержавие чиновников. Царское самодержавие есть крепостная зависимость народа от чиновников и больше всего от полиции. Царское самодержавие есть самодержавие полиции.

Вот почему рабочие выходят на улицу и пишут на своих знаменах: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!». Вот почему и десятки миллионов деревенской бедноты должны поддержать, подхватить этот боевой клич городских рабочих. По-

добно им, деревенские рабочие и неимущие крестьяне должны, не боясь преследований, не страшась никаких угроз и насилий врага, не смущаясь первыми неудачами, выступить на решительную борьбу за свободу всего русского народа и потребовать прежде всего *созыва народных представителей*. Пусть народ сам выберет по всей России своих гласных (депутатов). Пусть эти гласные составят верховное собрание, которое учредит выборное правление на Руси, освободит народ от крепостной зависимости перед чиновниками и полицией, обеспечит народу право свободных сходок, свободной речи и свободной печати.

Вот чего хотят прежде всего социал-демократы. Вот что означает их первое требование: *требование политической свободы*.

Мы знаем, что политическая свобода, свобода выборов в Государственную Думу (парламент), свобода сходок, свобода печати еще не избавит сразу трудящийся народ от нищеты и угнетения. Такого средства и на свете нет, чтобы сразу избавить городскую и деревенскую бедноту от работы на богатых. Рабочему народу не на кого надеяться, не на кого рассчитывать, *кроме как на самого себя*. Рабочего человека никто не освободит от нищеты, *если он сам себя не освободит*. А чтобы освободить себя, рабочие должны объединиться по всей стране, во всей России, в один союз, в одну партию. Но миллионы рабочих не могут объединиться вместе, если самодержавное полицейское правительство запрещает всякие сходки, всякие рабочие газеты, всякие выборы рабочих депутатов. Чтобы объединиться, надо иметь право устраивать всякие союзы, надо иметь свободу союзов, надо иметь политическую свободу.

Политическая свобода не избавит рабочий народ сразу от нищеты, *но она даст рабочим оружие для борьбы с нищетой*. Нет другого средства и не может быть другого средства для борьбы с нищетой, *кроме соединения самих рабочих*. Нет возможности соединиться миллионам народа, если нет *политической свободы*.

Во всех европейских странах, где народ завоевал себе политическую свободу, рабочие и начали уже давно соединяться. Таких рабочих, которые не имеют ни земли, ни мастерских, которые всю жизнь работают по пайму в чужих людях,—таких рабочих во всей Европе называют *пролетариями*. Больше пятидесяти лет тому назад раздался призыв к объединению рабочего народа. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — эти слова обошли за последние пятьдесят лет весь мир, эти слова повторяются на десятках и сотнях тысяч рабочих собраний, эти слова вы прочтете в миллионах социал-демократических книжек и газет на всех и всяких языках.

Разумеется, соединить в один союз, в одну партию миллионы рабочих — дело очень и очень нелегкое, требующее времени, настойчивости, упорства и мужества. Рабочие задавлены нуждой и нищетой, притуплены вечной каторжной работой на капиталистов и помещиков, рабочие часто не имеют времени и подумать о том, почему они вечно остаются нищими, как им от этого избавиться. Рабочим всячески мешают соединиться: либо прямым и зверским насилием в таких странах, как Россия, где нет политической свободы, — либо отказами брать на работу таких рабочих, которые проповедают учение социализма, — либо, наконец, обманом и подкупом. Но никакие насилия, никакие преследования не останавливают рабочих-пролетариев, борющихся за великое дело освобождения всего рабочего народа от нищеты и угнетения. Число рабочих социал-демократов постоянно возрастает. Вот в соседнем государстве, Германии, есть выборное правление. Прежде в Германии тоже было неограниченное самодержавное королевское правление. Но германский народ уже давно, больше пятидесяти лет тому назад, разрушил самодержавие и взял себе силою политическую свободу. Законы издаются в Германии не кучкой чиновников, как в России, а *собранием народных выборовных*, парламентом, или *имперским сеймом*, как называют его немцы. Выбирают депутатов в этот сейм все взрослые мужчины. Поэтому можно сосчитать, сколько голосов подано за социал-демократов. В 1887 году *одна десятая часть* всех голосов была подана за социал-демократов. В 1898 году (когда были последний раз выборы в немецкий имперский сейм) число голосов социал-демократических *увеличилось почти втрое*. Уже *более четвертой части* всех голосов было подано за социал-демократов. *Более двух миллионов* взрослых мужчин выбрали *социал-демократических депутатов* в парламент. Среди деревенских рабочих социализм распространен в Германии еще мало, но теперь он особенно быстро шагает там вперед. И когда масса батраков, поденщиков и неимущего, обнищавшего крестьянства присоединится к своим городским братьям, — немецкие рабочие победят и устроят такие порядки, при которых не будет нищеты и угнетения трудящихся.

Каким же образом хотят рабочие-социал-демократы избавить народ от нищеты?

Чтобы знать это, надо ясно понять, отчего происходит нищета громадных масс народа при теперешних общественных порядках. Растут богатые города, строятся роскошные магазины и дома, проводятся железные дороги, вводятся всякие машины и улучшения и в промышленности и в земледелии, — а миллионы народа все не выхо-

дят из нищеты, все продолжают работать за одно только содержание семьи всю свою жизнь. Да мало того: все больше становится безработных. Все больше становится и по деревням и по городам людей, которые совсем не могут найти никакой работы. В деревнях они голодают, в городах они наполняют босые команды и золотые роты, ютятся, как звери, в землянках городских предместий или в таких ужасных трущобах и подвалах, как на Хитровом рынке в Москве.

Как же это может быть? Богатства и роскоши становится все больше, а те миллионы и миллионы, которые своим трудом создают все богатства, остаются все-таки в бедности и нищете? Крестьяне вымирают от голода, рабочие бродят без работы, — а из России торговцы вывозят за границу миллионы пудов хлеба, фабрики и заводы стоят, потому что некуда девать товары, негде сбывать их?

Происходит это прежде всего оттого, что громадная масса земли, а также фабрики, заводы, мастерские, машины, здания, пароходы — принадлежат в собственность небольшому числу богачей. На этих землях, в этих фабриках и мастерских работают десятки миллионов народа, — а принадлежат они нескольким тысячам или нескольким десяткам тысяч богачей, помещиков, купцов и фабрикантов. На этих богачей народ работает по найму, за плату, за кусок хлеба. Все, что вырабатывается сверх нищенского содержания рабочих, все это идет в руки богачей, все это составляет их прибыль, их «доходы». Все выгоды от машин, от улучшений в работе идут на пользу землевладельцам и капиталистам: они накапливают миллионы богатства; а работникам достаются из этого богатства жалкие крохи. Работники соединяются вместе для работы: в крупных имениях и на больших фабриках работает по нескольку сот, иногда даже по нескольку тысяч рабочих. От такого соединения труда, при употреблении самых различных машин, работа становится более успешной: один рабочий вырабатывает гораздо больше, чем прежде десятки рабочих, трудившихся в одиночку и без всяких машин. Но пользуются этой успешностью, производительностью труда не все трудящиеся, а только ничтожное число крупных землевладельцев, купцов и фабрикантов.

Часто можно слышать, что помещики и купцы «дают работу» народу, «дают» заработок бедным людям. Говорят, например, что местных крестьян «кормит» соседняя фабрика или соседняя экономия. На самом же деле рабочие своим трудом *кормят* и самих себя и всех тех, кто сам не работает. Но за позволение работать на помещичьей земле, на фабрике или на железной дороге рабочий *отдает даром* собственнику все, что вырабатывается, получая сам только на скудное содержание. Значит, на самом деле, не помещики и не

кушцы дают работу рабочим, а рабочие своей работой содержат всех, отдавая даром ббольшую часть своего труда.

Далее. Нищета народа происходит во всех современных государствах оттого, что работники изготовляют всякие предметы на продажу, на рынок. Фабрикант и мастеровой, помещик и зажиточный крестьянин производят те или иные изделия, выращивают скот, сеют и собирают хлеб *для продажи*, для *выручки денег*. Деньги везде стали теперь главной силой. На деньги вымениваются все и всякие продукты человеческого труда. На деньги можно купить все, что хочешь. На деньги можно даже купить человека, т.-е. заставить человека неимущего работать на того, у кого есть деньги. Прежде главной силой была земля, — так было при крепостном праве; у кого была земля, у того была и сила и власть. А теперь главной силой стали деньги, капитал. На деньги можно купить сколько угодно земли. Без денег не много сделаешь и с землей: не на что будет купить плуга или других орудий, купить скота, одежды и всяких других городских товаров, не говоря об уплате податей. Из-за денег чуть не все помещики позакладывали свои имения в банке. Чтобы достать денег, правительство делает займы у богатых людей и у банкиров во всем свете и платит процентов по этим займам сотни миллионов рублей в год

Из-за денег все ведут теперь свирепую войну друг против друга. Каждый старается дешевле купить, дороже продать, каждый старается обогнать другого, продать как можно больше товара, сбить цену, скрыть от другого выгодное место сбыта или выгодную поставку. Маленьким людям, мелкому ремесленнику и мелкому крестьянину, тяжеле всех достается в этой общей свалке из-за денег: они всегда остаются позади богатого купца или богатого крестьянина. У них никогда нет никакого запаса, они живут со дня на день, им приходится при каждом затруднении, при каждом несчастном случае закладывать последние пожитки или продавать за бесценок рабочий скот. Попав раз в лапы какого-нибудь кулака или ростовщика, они уже редко-редко в силах выбиться из пут, а большей частью разоряются вконец. Каждый год десятки и сотни тысяч мелких крестьян и ремесленников запирают свои хаты, отдают надел обществу задаром и становятся наемными рабочими, батраками, чернорабочими, пролетариями. А богатые люди все более и более наживаются в этой борьбе из-за денег. Богатые люди собирают деньги в банки миллионами и сотнями миллионов рублей и наживаются не только на свои собственные деньги, но и на чужие, которые вкладываются в банк. За свои десятки или сотни рублей, которые маленькие люди кладут

в банки или сберегательные кассы, они получают процента три или четыре копейки на рубль, а богачи составляют из этих десятков — миллионы, расширяют на эти миллионы свой оборот и наживаются по десяти и двадцати копеек на рубль.

Вот почему рабочие-социал-демократы говорят, что единственное средство положить конец народной нищете, это — изменить снизу доверху теперешние порядки во всем государстве и установить *порядки социалистические*, то-есть: отнять у крупных землевладельцев их имения, у фабрикантов их фабрики и заводы, у банкиров их денежные капиталы, уничтожить их *частную собственность* и передать ее в руки всего рабочего народа во всем государстве. Тогда распорядиться трудом рабочих будут не богатые люди, живущие чужим трудом, а сами же рабочие и их выборные. Тогда плоды общего труда и выгоды от всех улучшений и машин будут идти на пользу всем трудящимся, всем рабочим. Тогда богатство будет расти еще быстрее, потому что рабочие на самих себя будут работать лучше, чем на капиталистов, и рабочий день будет короче, содержание рабочих будет лучше, вся жизнь их совсем переменится.

Но изменить все порядки во всем государстве—дело нелегкое. Для этого нужно много труда, много длинной и упорной борьбы. Все богатые люди, все собственники, вся *буржуазия* *) будет отстаивать свои богатства всеми силами. На защиту всего *богатого класса* встанут чиновники и войско, потому что самое правительство находится в руках богатого класса. Рабочие должны сомкнуться как один человек для борьбы против всех, кто живет чужим трудом; рабочие должны объединиться сами и объединить всех неимущих в один *рабочий класс*, в один *класс пролетариата*. Борьба будет нелегка для рабочего класса, но эта борьба непременно кончится победой рабочих, потому что буржуазия, или люди, живущие чужим трудом, составляет ничтожную долю народа. А рабочий класс — громадное большинство в народе. Рабочие против собственников — это значит миллионы против тысяч.

И рабочие в России начинают уже объединяться для этой великой борьбы в одну рабочую социал-демократическую партию. Как ни трудно объединяться тайком, хоронясь от полиции, а все же объединение крепнет и растет. Когда же русский народ завоюет себе

*) Буржуа — значит собственник. Буржуазия — все собственники вместе. Крупный буржуа значит крупный собственник. Мелкий буржуа — мелкий собственник. Буржуазия и пролетариат это все равно, что собственники и рабочие, богатые и неимущие, люди, живущие чужим трудом, и люди, работающие на других из-за платы.

политическую свободу, тогда дело объединения рабочего класса, дело социализма пойдет вперед несравненно быстрее, еще быстрее, чем идет оно вперед у немецких рабочих.

3. Богатство и нищета, собственники и рабочие в деревне.

Мы знаем теперь, чего хотят социал-демократы. Они хотят бороться со всем богатым классом за освобождение народа от нищеты. А в деревне у нас нищеты не меньше, а пожалуй даже и больше, чем в городах. Как велика деревенская нищета, об этом мы здесь говорить не будем: всякий рабочий, бывавший в деревне, и всякий крестьянин очень хорошо знают о деревенской нужде, голоде, холоде и разорении.

Но крестьянин не знает, *отчего* он бедствует, голодает и разоряется и *как* ему от этой нужды избавиться. Чтобы узнать это, надо прежде всего понять, отчего всякая нужда и нищета происходит и в городе и в деревне. Мы об этом уже коротенько говорили и видели, что неимущие крестьяне и деревенские рабочие должны соединяться с городскими рабочими. Но этого мало. Надо дальше узнать, какой народ в деревне пойдет за богатых, за собственников, и какой — за рабочих, за социал-демократов. Надо узнать, много ли таких крестьян, которые не хуже помещиков умеют наживать капитал и жить чужим трудом. Если этого досконально не разобрать, — так тогда никакие толки о нищете ни к чему не приведут, и деревенская беднота не будет понимать, *кому* в деревне надо между собой и с городскими рабочими объединиться и *как* сделать так, чтобы это был *верный* союз, чтобы крестьянина не надул, кроме помещика, и свой брат — богатый мужик.

Чтобы разобрать это, мы и посмотрим теперь, какова сила помещиков в деревне и какова сила богатых крестьян.

Начнем с помещиков. Об их силе можно судить прежде всего по количеству земли, которая находится в их частной собственности. Всех земель в Европейской России, и крестьянских наделных, и земель в частной собственности, считалось около 240 миллионов десятин *) (кроме казенных земель, о которых мы скажем особо). Из этих

*) Все эти и следующие цифры о количестве земли сильно уже устарели. Они относятся к 1877—1878 годам. Но более новых цифр не имеется. Русское правительство может держаться только в потемках, и поэтому у нас так редко собираются полные и правдивые сведения о народной жизни по всему государству.

240 миллионов десятин в руках крестьян, т.-е. в руках *более чем десяти миллионов дворов*, находится 131 миллион надельных земель. А в руках частных собственников, т.-е. в руках *менее полумиллиона семей*, находится 109 миллионов десятин. Значит, если бы даже сосчитать на-круг, то на одну крестьянскую семью пришлось бы по 13 десятин, а на одну семью частного собственника по 218 десятин! Но неравенство в распределении земли еще гораздо сильнее, как мы сейчас увидим.

Из 109 миллионов десятин земли у частных владельцев *семь миллионов* находится в руках *удела*, т.-е. в частной собственности членов царской фамилии. Царь со своей семьей — первый из помещиков, самый крупный помещик на Руси. У *одной* фамилии *больше* земли, чем у *полумиллиона* крестьянских семей! Далее, у церквей и монастырей — около *шести миллионов* десятин земли. Наши попы проповедают крестьянам *пестяжание* да *воздержание*, а сами набрали себе *правдой* и *неправдой* громадное количество земли.

Затем около двух миллионов десятин считают у городов и посадов и столько же у разных торговых и промышленных обществ и компаний. 92 миллиона десятин земли (точная цифра—91.605.845, но мы будем приводить, для простоты, круглые цифры) принадлежит *менее чем полумиллиону* (481.358) семей частных собственников. Половина этого числа семей — совсем мелкие собственники; у каждого из них меньше десяти десятин земли. И у всех их вместе меньше миллиона десятин. А *шестнадцать тысяч* семей имеют каждая *больше тысячи* десятин земли; всего у них *шестьдесят пять миллионов* десятин. Какие необъятные количества земли собраны в руках крупных землевладельцев, это видно еще из того, что *немногим менее тысячи семей* (924) владеют каждая *больше чем десятью тысячами* десятин земли, и у всех их *двадцать семь миллионов* десятин! Одна тысяча семей имеет столько же, сколько два миллиона крестьянских семей.

Понятно, что миллионы и десятки миллионов народа *должны* бедствовать и голодать и *всегда будут* бедствовать и голодать, покуда в руках у нескольких тысяч богатеев будут такие необъятные количества земли. Понятно, что и государственная власть, само правительство (хотя бы и царское правительство) будет до тех пор плясать под дудку этих крупных землевладельцев. Понятно, что деревенской бедноте не от кого и неоткуда ждать помощи, пока она сама не соединится, не сомкнется в один класс для упорной, отчаянной борьбы с этим помещичьим классом.

Здесь надо заметить, что у нас очень многие люди (и даже многие из образованных людей) имеют совершенно неправильный взгляд

на силу помещичьего класса, говоря, что еще гораздо больше земли у «государства». «Уже теперь, — говорят такие плохие советчики крестьянина, — большая доля территории (т.-е. всей земли) России принадлежит государству» (эти слова взяты из газеты «Революционная Россия» ³⁶), № 8, стр. 8). Ошибка этих людей произошла вот отчего. Они слышали, что *казне* принадлежит у нас в Европейской России 150 миллионов десятин. Это действительно так. Но они забыли, что эти полтора ста миллионов десятин — почти целиком *неудобные земли и леса на дальнем севере*, в губерниях Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Вятской, Пермской. За казной, значит, остались только такие земли, которые до сих пор совершенно не годились для хозяйства. Удобных же земель у казны *менее четырех миллионов десятин*. И эти удобные казенные земли (например, в Самарской губернии, где их особенно много) снимаются в аренду за дешево, за бесценок богачами. Богачи берут по тысячам и по десяткам тысяч десятин этих земель, а потом раздают их крестьянству втридорога.

Нет, совсем это плохие советчики крестьянина, которые говорят: у казны земель много. Действительно, много хороших земель у крупных частных землевладельцев (и у царя лично в том числе), и эти крупные помещики самую казну держат в своих руках. И пока деревенская беднота не сумеет объединиться и сделаться чрез свое объединение грозной силой, до тех пор «государство» всегда останется покорным слугой помещичьего класса. И надо не забывать еще вот чего: прежде помещиками почти только одни дворяне и были. У дворян и теперь масса земли (у 115 тысяч дворян считалось в 1877—1878 г.г. 73 миллиона десятин). Но главной силой стали теперь деньги, капитал. Очень и очень много земли накупили себе купцы и зажиточные крестьяне. Считают, что за тридцать лет (с 1863 по 1892 год) дворяне потеряли земель (т.-е. продали больше, чем купили) на шестьсот с лишним миллионов рублей. А купцы и почетные граждане приобрели земель на 250 миллионов рублей. Крестьяне, казаки и «другие сельские обыватели» (как называет наше правительство людей простого звания в отличие от «благородной» и «чистой публики») приобрели земли на 300 миллионов рублей. Значит, каждый год средним числом крестьяне по всей России прикупают себе земли в частную собственность на 10 миллионов рублей.

Стало быть, крестьяне есть разные: одни бедствуют и голодают, другие богатеют. Стало быть, все больше становится таких богатых крестьян, которые тянут к помещикам, которые будут держать сторону богатых против рабочих. И деревенской бедноте, которая хочет объединиться с городскими рабочими, надо хорошо подумать об этом,

надо разобрать, много ли таких богатых крестьян, какова их сила и какой союз нужен нам для борьбы с этой силой. Мы сейчас упоминали о плохих советчиках крестьянина. Эти плохие советчики любят говорить: у крестьян есть уже союз. Этот союз — мир, общество. Мир — большая сила. Мирское соединение тесно сплачивает крестьян; организация (т.-е. объединение, союз) мирского крестьянства колоссальна (т.-е. огромна, необъятна).

Это неверно. Это — сказка. Хотя и добрыми людьми выдуманная, а все-таки сказка. Если мы сказки слушать будем, мы только испортим свое дело, дело союза деревенской бедноты с городскими рабочими. Пусть каждый деревенский житель посмотрит хорошенько кругом себя: похоже ли мирское соединение, похоже ли крестьянское общество на союз бедноты для борьбы со *всеми* богатеями, со *всеми*, кто живет чужим трудом? Нет, не похоже и не может быть похоже. В каждой деревне, в каждом обществе есть много батраков, много обнищавших крестьян, и есть богатеи, которые сами держат батраков и покупают себе землю «на-вечно». Эти богатеи тоже общественники и они верховодят в обществе, потому что они сила. А разве нам такой союз нужен, в который входят богатеи, в котором верховодят богатеи? Совсем нет. Нам нужен союз *для борьбы* с богатеями. Значит, мирской союз совсем для нас не годится.

Нам нужен добровольный союз, союз только таких людей, которые поняли, что им надо соединиться с городскими рабочими. А общество — не добровольный союз, а казенный союз. В общество не те люди входят, которые работают на богатеев, которые хотят вместе бороться с богатеями. В общество входят всякие люди не по своей воле, а потому, что их родители на этой земле жили, на этого помещика работали, потому что их начальство к этому обществу приписало. Из общества бедные крестьяне не могут свободно выйти; в общество они не могут свободно человека принять, который приписан полицией к другой волости, а нам, для нашего союза, требуется, может быть, именно здесь. Нет, нам совсем другой союз нужен, добровольный союз одних только работников и бедных крестьян для борьбы со всеми, кто живет чужим трудом.

Давно прошли уже те времена, когда мир был силою. И не вернутся эти времена никогда. Мир был силою, когда среди крестьян почти не было батраков и рабочих, бродящих по всей России за заработком, когда не было почти и богатеев, когда всех давил одинаково барин-крепостник. А теперь главной силой стали деньги. Из-за денег и однообщественники между собою не хуже лютых зверей борются. Денежные мужики своих собственных однообщественников теснят

и грабят почище иного помещика. Теперь нужен нам не мирской союз, а союз против *власти денег*, против власти капитала, союз всех деревенских работников и неимущих крестьян разных обществ, союз всей деревенской бедноты с городскими рабочими для борьбы против помещиков и богатых крестьян одинаково.

Какова сила помещиков, мы видели. Надо посмотреть теперь, много ли богатых крестьян и какова их сила.

О силе помещиков мы судили по величине их имений, по количеству земли у них. Помещики свободно распоряжаются своей землей, свободно покупают и продают ее. Поэтому об их силе можно очень точно судить по количеству земли у них. Крестьяне же до сих пор не имеют у нас права свободно распоряжаться своей землей, до сих пор они остаются полукрепостными, привязанными к своему обществу. Поэтому о силе богатых крестьян нельзя судить по количеству наделной земли у них. Богатые крестьяне не на своих наделах разживаются: они *покупают* помногу земли, покупают и «па-вечпо» (т.-е. в свою частную собственность) и «на-года» (т.-е. снимают в аренду), покупают и у помещиков, и у своего брата-крестьянина, у того, кто бросает землю, кто из нужды сдает наделы. Всего вернее будет, поэтому, отделить богатых, средних и неимущих крестьян по количеству лошадей у них. Многолошадный крестьянин почти всегда—богатый крестьянин; если он держит много рабочего скота—значит, у него посева много и земля есть, кроме одной наделной, и* деньги в запасе есть. Притом же у нас есть возможность узнать, сколько по всей России (Европейской России, не считая ни Сибири, ни Кавказа) есть многолошадных крестьян. Разумеется, не надо забывать, что обо всей России можно говорить только на-круг: в отдельных уездах и губерниях очень много различия. Например, около городов часто бывают такие богатые крестьяне-земледельцы, у которых вовсе немного лошадей. Одни занимаются выгодным огородным промыслом, другие держат мало лошадей, да много коров и торгуют молоком. Есть везде по России и такие крестьяне, которые наживаются не на земле, а на торговом деле: заводят маслобойки, круподерки и другие заводы. Всякий, кто живет в деревне, очень хорошо знает богатых крестьян в своем селе или округе. Но нам надо узнать, сколько их по всей России, какова их сила, чтобы бедный крестьянин не на авось шел, не с завязанными глазами, а чтобы он точно знал, каковы его друзья и каковы его враги.

Так вот мы и посмотрим, много ли крестьян богатых и бедных лошадыми. Мы уже говорили, что всего крестьянских дворов считают в России около *десяти миллионов*. Всего лошадей у них теперь, ве-

роятно, около *пятнадцати миллионов* (лет четырнадцать тому назад было семнадцать миллионов, но теперь стало меньше). Значит, на-круг приходится на каждые *десять дворов по пятнадцати* лошадей. Но все дело в том, что у одних, у немногих, — по многу лошадей, а у других, и притом у очень многих, либо совсем нет, либо мало. Безлошадных крестьян *не меньше трех миллионов* да около трех с половиною миллионов *однолошадных*. Это все либо совсем разоренные, либо неимущие крестьяне. Мы называем их деревенской беднотой. Их *шесть с половиной* миллионов из десяти, т.-е. *почти две трети!* Потом идут средние крестьяне, у которых по одной паре рабочего скота. Таких крестьян *около двух миллионов дворов* и у них *около четырех* миллионов лошадей. За ними идут богатые крестьяне, которые имеют больше, чем по паре рабочего скота. Таких крестьян *полтора миллиона дворов*, но у них *семь с половиной миллионов лошадей* *). Это значит: у одной, примерно, шестой доли дворов находится в руках половина всего числа лошадей.

Зная это, мы можем довольно точно судить о силе богатых крестьян. Числом их очень немного: в разных обществах, в разных волостях их наберется один-два десятка на каждую сотню дворов. Но эти немногие дворы — самые богатые. Поэтому у них оказывается, по всей России, почти столько же лошадей, сколько у всех остальных крестьян, вместе взятых. Значит, и посевов у них — почти половина всех крестьянских посевов. Такие крестьяне собирают хлеба гораздо больше, чем нужно их семьям. Они продают по многу хлеба. Им хлеб не только для прокормления служит, а больше всего — для продажи, для наживы денег. Такие крестьяне могут копить деньги. Они кладут их в сберегательные кассы и в банки. Они покупают себе земли в собственность. Мы уже говорили, как много земли по всей России покупается каждый год крестьянами; почти все эти земли достаются вот этим немногим богатым крестьянам. Деревенской бед-

*) Повторяем еще раз, что мы берем здесь цифру на-круг, приблизительно. Может быть, богатых крестьян не ровно полтора миллиона, а миллион с четвертью или миллион три четверти, или даже два миллиона. Это уже разница небольшая. Не в том тут дело, чтобы каждую тысячу или сотню тысяч усчитать, а в том, чтобы ясно понять, какова сила богатых крестьян, каково их положение, чтобы уметь определить своих врагов и своих друзей, чтобы не обманываться всякими рассказными или пустыми словами, а узнать точно и положение бедноты и, особо, положение богатых.

Пусть каждый деревенский работник приглядится хорошенько к своей волости и к соседним волостям. Он увидит, что наш расчет правильный, что на-круг везде так и выйдет: из каждой сотни дворов один, много два десятка богачей, десятка два средних крестьян, а все остальные — беднота.

поте не о покупке земли приходится думать, а о том, как бы прокормиться. Им и на хлеб-то часто не хватает денег, а не то что на покупку земли. Поэтому всякие банки вообще и крестьянский банк в особенности помогают добывать землю вовсе не всем крестьянам (как уверяют иногда люди, обманывающие мужика или очень уже большие простачки), а только ничтожному числу крестьян, только богатеям. Поэтому и те плохие советчики мужика, о которых мы упоминали, говорят неправду про крестьянскую покупку земель, будто эта земля перетекает от капитала к труду. К труду, т.-е. к неимущему рабочему человеку, земля никогда не может перетекать, потому что за землю платят деньги. А у бедноты лишних денег и в заводе никогда не бывает. Земля перетекает только к богатым денежным крестьянам, к капиталу, только к таким людям, с которыми деревенской бедноте надо вести *борьбу* в союзе с городскими рабочими.

Богатые крестьяне не только покупают землю на-вечпо, но они же больше всего нанимают земли и на-года, арендуют землю. Они отбивают землю у деревенской бедноты, снимая большие участки. Вот, напр., по одному уезду Полтавской губернии (Жопстантиноградскому) было сосчитано, сколько земли арендовали богатые крестьяне. И что же оказалось? Таких, которые арендовали по 30 и более десятин на двор, было совсем мало, всего по два двора из каждых 15 дворов. Но эти богатеи забрали в свои руки *половину* всей снятой земли, и на каждого богатея приходилось по *75 десятин* съемной земли! Или вот в Таврической губернии сосчитали, сколько захватили богатеи из той земли, которую крестьяне сияли *миром*, обществами, у казны. Оказалось, что богатеи, числом всего *одна пятая* доля дворов, захватили себе *три четверти* всей съемной земли. Землю везде по деньгам делят, а деньги только у немногих богатеев и водятся.

Далее, много земли сдают теперь и сами крестьяне. Бросают наделы, потому что нет скота, нет семян, нечем вести хозяйство. Без денег ныне и с землей ничего не поделаешь. Например, в Новоузенском уезде Самарской губернии у богатых крестьян из каждых трех дворов один, а то и два, *снимают наделную землю* в своем же собственном или в чужом обществе. А сдают наделы безлошадные и однолошадные. В Таврической губернии целая *треть* крестьянских дворов сдает паделы. Сдается *четвертая* часть всех крестьянских наделов, четверть миллиона десятин. И из этой четверти миллиона — полтора ста тысяч десятин (три пятых доли) попадает в руки богатых крестьян! Мы опять тут видим, годится ли для бедноты мирской союз,

общество. В обществе деревенском у кого деньги, у того и сила. А нам нужен союз бедноты из всяких обществ.

Так же, как насчет покупки земли, обманывают крестьянина и разговоры о дешевой покупке плугов, жаток и всяких других усовершенствованных орудий. Устраивают земские склады, артели и говорят: усовершенствованные орудия улучшат положение крестьянства.—Это один обман. Достаются все эти лучшие орудия одним только богатым, а бедноте не достаются почти вовсе. Ей не до плугов и не до жаток, а быть бы только живу! Вся такая «помощь крестьянству» есть помощь богатым и больше ничего. А массе бедноты, у которой ни земли, ни скота, ни запаса нет,—не сможешь тем, что лучшие орудия дешевле будут. Вот, например, в одном уезде Самарской губернии сосчитали все улучшенные орудия у крестьян богатых и у бедных. Оказалось, что у *одной пятой* доли дворов, т.-е. у самых зажиточных, почти *три четверти* всех улучшенных орудий, у бедноты же, у *половины* дворов, всего-навсего *одна тридцатая* доля. Безлошадных и однолошадных в этом уезде 10 тысяч дворов из всего числа 28 тысяч; и у этих 10 тысяч всего-навсего *семь* улучшенных орудий из всего числа 5.724 улучшенных орудий у всех крестьянских дворов во всем уезде. Семь орудий из 5.724 — вот каково участие деревенской бедноты во всех этих улучшениях хозяйства, распространениях плугов и жаток, которые помогают будто бы «всему крестьянству»! Вот чего должна ждать деревенская беднота от людей, толкующих об «улучшении крестьянского хозяйства»!

Наконец, одна из самых главных особенностей богатого крестьянства состоит в том, что оно *нанимает батраков и поденщиков*. Подобно помещикам богатые крестьяне тоже живут чужим трудом. Подобно помещикам они богатеют потому, что разоряется и нищает масса крестьянства. Подобно помещикам, они стараются выжать как можно больше работы из своих батраков и заплатить им как можно меньше. Если бы миллионы крестьян не были вконец разорены и вынуждены идти на работу в чужие люди, идти в наймиты, продавать свою рабочую силу, — тогда богатые крестьяне не могли бы существовать, не могли бы вести хозяйства. Тогда им негде было бы подбирать «упалые» наделы, негде было бы находить себе рабочих. А по всей России все полтора миллиона богатых крестьян нанимают, наверно, не меньше *миллиона* батраков и поденщиков. Понятно, что в великой борьбе между классом собственников и классом неимущих, между хозяевами и рабочими, между буржуазией и пролетариатом, — богатые крестьяне станут на сторону собственников против рабочего класса.

Теперь мы знаем положение и силу богатого крестьянства. Посмотрим, каково живется деревенской бедноте.

Мы уже говорили, что к деревенской бедноте принадлежит громадное большинство, почти две трети всех крестьянских дворов по всей России. Прежде всего, безлошадных дворов никак не менее *трех миллионов*, — вероятно, даже более, до трех с половиной миллионов в настоящее время. Каждый голодный год, каждый неурожай разоряет десятки тысяч хозяйств. Население увеличивается, жить становится все теснее, а вся лучшая земля уже прибрана к рукам помещиками и богатыми крестьянами. И вот каждый год все больше и больше народа разоряется, уходит в города и на фабрики, поступает в батраки, становится чернорабочими. Безлошадный крестьянин, это — такой, который стал уже совсем неимущим. Это — пролетарий. Живет он (покуда живет, и вернее сказать, что перебивается, а не живет) не землей, не хозяйством, а *работой по найму*. Это — родной брат городского рабочего. Безлошадному крестьянину и земля ни к чему: половина безлошадных дворов *сдают свои наделы*, иногда даже даром отдают их в общество (а то так и платят еще сами верхи!), потому что им не под силу обрабатывать землю. Безлошадный крестьянин сеет какую-нибудь десятину, много — две. Ему всегда приходится прикупать хлеб (если есть на что купить), — своим хлебом никогда не прокормиться. Немногим дальше ушли и однолошадные крестьяне, которых по всей России около $3\frac{1}{2}$ миллионов дворов. Конечно, бывают исключения, и мы уже сказали, что кое-где есть средне-живущие и даже богатые однолошадные. Но мы говорим не об исключениях, не об отдельных местностях, а обо всей России. Если взять всю массу однолошадных, то несомненно, что это масса бедноты и нищеты. Однолошадный крестьянин сеет даже в земледельческих губерниях десятины три-четыре, редко пять; своим хлебом тоже не обходится. Кормится он даже и в хороший год не лучше безлошадного, — стало быть, постоянно не доедает, постоянно голодает. Хозяйство совсем в упадке, скот плохой, корму ему мало, землю охаживать как следует — сил нет. На все свое хозяйство (кроме корма скота) однолошадный крестьянин может расходовать — например, в Воронежской губернии — не больше *двадцати рублей в год!* (Богатый мужик расходует *вдесятеро больше.*) Двадцать рублей в год — и на аренду земли, и на покупку скота, и на починку сохи и других орудий, и на пастуха, и на все прочее! Разве это хозяйство? Это — одна склока, одна каторга, вечная маята. Очень понятно, что у однолошадных крестьян тоже есть такие, и не мало таких, которые *сдают свои наделы*. Нищему и с землей немного пользы. Денег нет, и от земли не только денег, а и прокормления не получишь.

А деньги нужны на все: и на пищу, и на одежду, и на хозяйство, и на подати. В Воронежской губернии с однолошадного крестьянина одних податей сходит в год обыкновенно *рублей восемнадцать*, а ему всего-на-всего, на *все* расходы не достать в год больше 75 рублей. Тут только в насмешку можно говорить о покупке земли, об улучшенных орудиях, о сельских банках: совсем это не для бедноты придумано.

Откуда же взять денег? Приходится искать «заработков». Однолошадный крестьянин, как и безлошадный, тоже только «заработками» и перебивается. А что это значит — «заработки»? Это значит работа в чужих людях, работа по найму. Это значит, что однолошадный крестьянин наполовину перестал быть хозяином, а стал наймитом, пролетарием. Вот почему таких крестьян и называют *полупролетариями*. Они тоже родные братья городского рабочего, потому что их тоже обирают на все лады всякие хозяева. Им тоже нет иного выхода, нет иного спасения, кроме как соединиться сообща с социал-демократами для борьбы против всех богатеев, против всех собственников. Кто работает на постройке железных дорог? кого грабят подрядчики? кто ходит на рубку и сплав леса? кто служит в батраках? кто занимается поденщиной? кто исполняет черные работы в городах и на пристанях? Это все — деревенская беднота. Это все — безлошадные и однолошадные крестьяне. Это все — деревенские пролетарии и полупролетарии. И какая масса такого народа на Руси! Сосчитали, что каждый год выбирается по всей России (кроме Кавказа и Сибири) восемь, а иногда и девять *миллионов* паспортов. Это все — отхожие рабочие. Это — крестьяне только по названию, а на самом деле наймиты, рабочие. Они все должны объединиться в один союз с городскими рабочими, и каждый луч света и знания, попадающий в деревню, будет усиливать и укреплять этот союз.

Надо еще не забывать одной вещи насчет «заработков». Всякие чиновники и люди, думающие по-чиновничьи, любят потолковать о том, что крестьянину, мужичку «нужны» две вещи: земля (только не очень много, — да много и взять неоткуда, потому что богатые уже прибрали!) и «заработки». Поэтому, дескать, чтобы помочь народу, надо заводить в деревне побольше промыслов, надо «давать» больше «заработку». Такие речи — одно лицемерие. Для бедноты заработки, это — наемная работа. «Давать заработок» крестьянину — значит превращать крестьянина в наемного рабочего. Хороша помощь, нечего сказать! Для богатых крестьян есть другие «заработки», требующие капитала, — например, устройство мельницы или другого заведения, покупка молотилки, торговля и тому подобное. Смешивать эти заработки денежных людей с *наемной работой* бедноты, значит обманы-

вать бедноту. Богатым, конечно, выгоден такой обман, им выгодно представить дело так, как будто все «заработки» по-плечу и по-карману *всем* крестьянам. А кто хочет действительно добра для бедноты, тот говорит ей *всю правду и только правду*.

Нам остается теперь сказать о среднем крестьянстве. Мы уже видели, что средним крестьянином можно считать на-круг по всей России такого, у кого есть пара рабочего скота, и что таких крестьянских дворов из десяти миллионов около двух миллионов. Средний крестьянин стоит посередине между богатым и пролетарием, — поэтому он и называется средним. И живет он средне: в хороший год сводит концы с концами на своем хозяйстве, но нужда у него всегда за спиною стоит. Сбережений у него либо никаких нет, либо совсем мало. Поэтому хозяйство его шаткое. Деньги доставать трудно: со своего хозяйства редко-редко соберет он столько денег, сколько нужно, да и то в обрез. А на заработки итти — значит хозяйство бросать, в хозяйстве упущения пойдут. Многим средним крестьянам все же без заработка никак не обойтись: приходится в наймиты итти, нужда заставляет помещикам закабаляться, в долги входить. А с долгами среднему крестьянину развязаться почти никогда не удастся: доходов у него прочных нет, как у богатого мужика. Поэтому раз вошел в долги — все равно, что накинул на себя петлю. Так и не выходит из долгов, покуда совсем не разорится. Средний крестьянин всего больше в кабалу помещику идет, потому что помещику для сдельных работ нужен мужик неразоренный, чтобы у него и лошадей была пара и снаряды были все по хозяйству. На сторону итти среднему крестьянину трудно, — вот он и кабалит себя помещикам и за хлеб, и за выпас, и за съемку отрезных земель, и за зимний долг деньгами. Кроме помещика и кулака, теснит среднего крестьянина и богатый сосед: он у него всегда землю перебьет и никогда не упустит случая притеснить его чем сможет. Так и живет средний крестьянин: не то рыба, не то птица. Ни ему хозяином настоящим, заправским быть, — ни рабочим. Все средние крестьяне за хозяевами тянутся, собственниками хотят быть, но удастся это очень и очень немногим. Очень мало таких, которые даже и батраков или поденщиков нанимают, сами стараются на чужом труде нажиться, на чужой спине пролезть в богатей. А большинству средних крестьян не то что нанимать, — самим наниматься приходится.

Везде, где начинается борьба между богатыми и беднотой, между собственниками и рабочими, — средний крестьянин посередке оказывается и не знает куда итти. Богатые на свою сторону зовут: ты, мол, тоже хозяин, собственник, тебе нечего с голышами-рабочими

делать. А рабочие говорят: богатые тебя надуют и тебя же оберут, и нет тебе иного спасенья, кроме как нам помогать в борьбе со всеми богатыми. Этот спор из-за среднего мужика везде идет, во всех странах, где рабочие-социал-демократы борются за освобождение рабочего народа. В России этот спор теперь как раз начинается. Поэтому нам надо особенно хорошо рассмотреть это дело и ясно понять, какими обманами увлекают среднего мужика богатые, как нам эти обманы вывести на чистую воду, как нам помочь среднему крестьянину найти его настоящих друзей. Если русские рабочие социал-демократы сразу станут на верный путь, то нам удастся гораздо скорее, чем немецким товарищам-рабочим, устроить прочный союз деревенского рабочего парода с городскими рабочими и быстро притти к победе над всеми врагами трудящихся.

4. Куда итти среднему крестьянину? На сторону собственников и богатых или на сторону рабочих и нищих?

Все собственники, вся буржуазия старается привлечь среднего крестьянина на свою сторону тем, что обещает ему всякие меры для улучшения хозяйства (дешевые плуги, сельские банки, введение посева трав, дешевую продажу скота и удобрений и тому подобное), а также тем, что делает крестьянина участником всяких сельскохозяйственных союзов (коопераций, как их называют в книжках), союзов между всякими хозяевами с целью улучшения хозяйства. Таким путем буржуазия старается отвлечь от союза с рабочими среднего и даже мелкого крестьянина, даже полупролетария, старается побудить их стоять за богатых, за буржуазию, в ее борьбе с рабочими, с пролетариатом.

Рабочие социал-демократы отвечают на это: улучшение хозяйства—вещь хорошая. Ничего в том дурного нет, чтобы дешевле покупать плуги; теперь даже всякий неглупый купец старается дешевле продавать, чтобы покупателей привлечь. Но когда бедному и среднему крестьянину говорят, что улучшение хозяйства и удешевление плугов поможет им всем из нужды выбиться и на ноги встать, не трогая вовсе богатых людей,— то *это обман*. От всех этих улучшений, удешевлений и коопераций (союзов для продажи и закупки товаров) *гораздо больше выигрывают богатые*. Богатые становятся все сильнее, все больше теснят и бедноту, и средних крестьян. Покуда богатые остаются богатыми, покуда они держат в своих руках большую часть и земли, и скота, и орудий, и денег,— до тех пор не только бед-

поте, но и средним крестьянам *никогда* из нужды не выбиться. Один-другой средний мужик пролезет в богатые при помощи этих улучшений да коопераций, а весь народ и все средние мужики еще глубже в нужде застрянут. Чтобы *всем* средним мужикам в богатые пролезть,— для этого надо самих богатых убрать, а убрать их может только союз городских рабочих с деревенской беднотой.

Буржуазия говорит среднему (и даже мелкому) крестьянину: мы тебе продадим дешевую землю, дешевые плуги, а ты нам продай свою душу, ты за это откажись от борьбы против всех богатых.

Рабочий социал-демократ говорит: ежели действительно дешево продают, то отчего же при деньгах не купить: дело торговое. Ну, а души своей никогда продавать не следует. Отказаться от борьбы вместе с городским рабочим против всей буржуазии, это значит вечно остаться в нищете и нужде. От удешевления товаров богатый еще больше выигрывает, еще больше наживется. А у кого денег в заводе не бывает, тому никакие дешевки не помогут, покуда он этих денег не отберет у буржуазии.

Возьмем пример. Странники буржуазии носятся, как с иисапой торбой, со всякими кооперациями (союзами для дешевой закупки и выгодной продажи). Находятся даже люди, которые называют себя «социалистами-революционерами» и тоже кричат, вслед за буржуазией, что всего нужнее крестьянину кооперации. Начинают заводить всякие кооперации и у нас в России, но у нас еще очень мало их, и до тех пор будет мало, покуда не будет политической свободы. А вот в Германии есть очень много всяких коопераций среди крестьян. И посмотрите, кому больше всего помогают эти кооперации. Во всей Германии 140 тысяч сельских хозяев участвует в товариществах для сбыта молока и молочных продуктов, и у этих 140 тысяч хозяев (мы берем опять круглые цифры, для простоты) 1.100 тысяч коров. Бедных крестьян считают во всей Германии *четыре миллиона*. Из них только 40 тысяч участвует в товариществах: значит, из каждой сотни бедняков *только один* пользуется этими кооперациями. Коров у этих 40 тысяч бедняков всего только 100 тысяч. Далее, средних хозяев, средних крестьян — *один миллион*; из них 50 тысяч участвует в кооперации (значит, пять человек из сотни) и коров у них 200 тысяч. Наконец, богатых хозяев (т.-е. и помещиков и богатых крестьян вместе) *одна треть миллиона*; из них участвует в кооперации 50 тысяч (значит, *семнадцать* человек из каждой сотни!) и коров у них 800 тысяч!

Вот кому помогают прежде всего и больше всего кооперации. Вот как водят за нос мужика люди, которые кричат о спасении сред-

него крестьянина всякими подобными союзами для дешевой покупки и выгодной продажи. Уж очень дешево хочет буржуазия «откупить» мужика от социал-демократов, которые зовут и бедноту и среднего крестьянина на свою сторону.

У нас тоже заводят разные сыроваренные артели да сборные молочные. У нас тоже сколько угодно имеется людей, которые кричат: артели да мирской союз, да товарищества — вот что мужику надобно. А посмотрите-ка, кому эти артели да товарищества, да мирские аренды идут па-руку. У нас из каждой сотни дворов не меньше двух десятков вовсе не имеют коров; три десятка имеют по одной корове: эти продают молоко из горькой нужды, дети остаются без молока, голодают и мрут, как мухи. Богатые же мужики имеют по 3, по 4 коровы и больше, и у этих богатых мужиков половина всех крестьянских коров. Кому же на пользу идут сыроваренные артели? Ясное дело, что прежде всего помещикам и крестьянской буржуазии. Ясное дело, что *им выгодно*, чтобы средние крестьяне и беднота тянулись за ними, чтобы средством избавления от нужды считали не борьбу всех рабочих со всей буржуазией, а стремление отдельных хозяйчиков выкарабкаться из своего положения и пролезть в богатеи

Это стремление поддерживают и поощряют па все лады все сторонники буржуазии, прикидываясь сторонниками и друзьями мелкого крестьянина. И многие наивные люди не узнают волка в овечьей шкуре и повторяют буржуазный обман, думая принести пользу мелкому и среднему крестьянину. Например, доказывают в книжках и в речах, что мелкое хозяйство самое выгодное, самое доходное, что мелкое хозяйство процветает; поэтому, дескать, так много повсюду мелких хозяев в земледелии, поэтому-де они так крепко за землю держатся (а не потому, что все лучшие земли заняты буржуазией, все деньги тоже у нее в руках, а беднота теснится и мается всю жизнь на клочках земли!). Мелкому крестьянину много денег не нужно, говорят эти сладкоречивые люди; мелкий и средний крестьянин бережливее и старательнее крупного и притом умеет жить попроще: вместо того, чтобы сена прикупить скоту, он солодкой обойдется; вместо того, чтобы дорогую машину покупать, он пораньше встанет да подольше потрудится и за машиной угонится; вместо того, чтобы за всякую починку денежки чужим людям отдавать, он в праздник сам топор возьмет, поплотничает — выйдет много дешевле, чем у крупного хозяина; вместо того, чтобы дорогую лошадь или вола кормить, эи и коровой обойдется для пахоты — у пемцев все бедные крестьяне коровами пашут, да и у нас народ так разорен, что не только на коровах, и на людях пахать начинают! И как же это выгодно! как это

дешево! Как это похвально, что средний и мелкий крестьянин такой прилежный, такой усердный, так просто живет, баловством не занимается, о социализме не думает, а думает только о своем хозяйстве! Не за рабочими тянется, которые против буржуазии стачки устраивают, а за богатыми идет, в хорошие люди выйти норовит! Вот кабы все были такие же усердные, прилежные, жили бы просто, не пьянствовали, побольше бы денег сберегали, поменьше на всякие ситцы тратили, поменьше бы детей рожали, — тогда все бы хорошо жили, и никакой нищеты и нужды не было бы.

Такие сладкие речи напеваает среднему крестьянину буржуазия, и находятся простачки, которые в эти песни верят и сами их повторяют! *). На самом деле, эти сладкие речи — один обман, одна издевка над крестьянином. Дешевым и выгодным хозяйством эти сладкоречивые люди называют нужду, горькую нужду, которая заставляет среднего и мелкого крестьянина работать с утра до ночи, урезывать себя на каждом куске хлеба, отказывать себе в каждом грошовом расходе деньгами. Конечно, чего уже «дешевле» и «выгоднее», как по три года одни портки носить, летом без сапогов ходить, соху веревочкой подвязывать, а корову гнилой соломой с крыши кормить! Посадить бы на такое «дешевое» и «выгодное» хозяйство любого буржуа или богатого крестьянина, — небось, скоро бы свои сладкие речи забыли!

Люди, которые расхваливают мелкое хозяйство, хотят иногда принести пользу крестьянину, а на самом деле приносят ему один только вред. Сладкими речами они так же обманывают мужика, как обманывает народ *лотерея*. Я сейчас расскажу, что такое лотерея. Есть у меня, например, корова, стоит 50 рублей. Я хочу разыграть эту корову в лотерею и предлагаю всем билеты по одному рублю. За один рубль может корова достаться! Народ льститесь, целковые так и сыплются. Когда набирается сто рублей, тогда я устраиваю розыгрыш: чей билет вынется, тому корова за один рубль досталась, а остальные ни с чем уходят. «Дешево» ли народу обошлась эта корова? Нет, очень дорого, потому что заплачено вдвое против цены,

*) У нас в России те простачки, которые желают добра мужику и все-таки нет-нет да и собьются на эти сладкие речи, называются «народниками» или также «сторонниками мелкого хозяйства». За ними, по неразумию, плетутся также «социалисты-революционеры». У немцев тоже сладкоречивых людей немало. Один из них, Эдуард Давид, написал недавно толстую книгу. В этой книге он говорит, что мелкое хозяйство несравненно выгоднее крупного, потому что мелкий крестьянин лишних расходов не делает, для пахоты лошадей не держит, а той же самой коровой обходится, которая и молоко дает.

потому что два человека (кто лотерею устраивал и кому корова досталась) нажились без всякого труда и притом нажились насчет девяносто девяти человек, которые потеряли свои деньги. Значит, тот, кто говорит, что лотереи выгодны для народа, просто обманывает народ. Точно так же обманывает крестьян тот, кто обещает избавление от нищеты и нужды посредством всяких коопераций (союзов для выгодной продажи и дешевой закупки), всяких улучшений хозяйства, всяких банков и тому подобного. Как в лотерее один выиграл, а остальные в накладе, так и тут: один средний крестьянин изловчился, вышел в богатеи, а девяносто его товарищей всю жизнь гнули спину, не выходя из нужды и даже разоряясь все больше. Пусть каждый деревенский житель присмотрится хорошенько к своему обществу и ко всей своей округе: много ли средних крестьян выходят в богатеи и забывают о нужде? А сколько таких, что всю жизнь от нужды избавиться не могут? Сколько таких, что разоряются и уходят из деревень? У нас по всей России считают, как мы видели, не больше двух миллионов средних крестьянских хозяйств. Предположим, что всяких союзов для дешевой покупки и выгодной продажи стало вдесятеро больше, чем теперь. К чему это приведет? Много-много, если сто тысяч средних крестьян поднимутся до богатых. А это что значит? Это значит: пять человек из сотни середняков разбогатели. А остальные девяносто пять? Им все так же трудно, а многим еще гораздо труднее жить стало! А беднота еще больше разорилась!

Буржуазии, понятное дело, только того и надо, чтобы как можно больше средних и мелких крестьян тянулось за богатыми, чтобы они *верили* в возможность избавиться от нужды без борьбы с буржуазией, чтобы они *надеялись* на свое усердие, на свою прижимистость, на свое обогащение, а не на союз с деревенскими и городскими рабочими. Буржуазия всеми силами старается поддерживать эту обманчивую веру и надежду в мужике, старается убаюкать его всякими сладкими речами.

Чтобы разоблачить обман всех таких сладкоречивых людей, достаточно задать им три вопроса.

Первый вопрос. Может ли рабочий народ избавиться от нужды и нищеты, когда в России из двухсот сорока миллионов десятин удобной земли сто миллионов десятин принадлежит частным землевладельцам? Когда у шестнадцати тысяч крупнейших землевладельцев находится в руках шестьдесят пять миллионов десятин?

Второй вопрос. Может ли рабочий народ избавиться от нужды и нищеты, когда полтора миллиона богатых крестьянских дворов (из всего числа десяти миллионов) забрали в свои руки половину

всех крестьянских посевов, всех крестьянских лошадей, всего крестьянского скота и гораздо больше половины всех крестьянских запасов и денежных сбережений? Когда эта крестьянская буржуазия продолжает все больше и больше богатеть, притесняя бедноту и среднее крестьянство, наживаясь чужим трудом батраков и поденщиков? Когда шесть с половиной миллионов крестьянских дворов — разоренная беднота, всегда голодная, добывающая жалкий кусок хлеба всяческой работой по найму?

Третий вопрос. Может ли рабочий народ избавиться от нужды и нищеты, когда главной силой стали деньги, когда на деньги можно все купить: и фабрику, и землю, и даже людей купить в наемные работники, в наемные рабы? Когда без денег нельзя ни жить, ни вести хозяйства? Когда мелкий хозяин, бедняк, должен вести борьбу с крупным хозяином из-за добывания денег? Когда несколько тысяч помещиков, купцов, фабрикантов и банкиров забрали в свои руки сотни миллионов рублей и, кроме того, распоряжаются всеми банками, в которых собираются тысячи миллионов рублей?

От этих вопросов никакими сладкими речами о выгодах мелкого хозяйства или коопераций не отвертишься. На эти вопросы ответ может быть один: настоящая «кооперация», которая может спасти рабочий народ, это—*союз* деревенской бедноты с городскими рабочими социал-демократами для борьбы против всей буржуазии. Чем скорее будет расширяться и крепнуть такой союз, тем скорее средний крестьянин поймет всю ложь буржуазных обещаний, тем скорее средний крестьянин станет на нашу сторону.

Буржуазия знает это и потому, кроме сладких речей, она распространяет всякую ложь о социал-демократах. Она говорит, что социал-демократы хотят отнять собственность у среднего и мелкого крестьянина. *Это ложь*. Социал-демократы хотят отнять собственность только у крупных хозяев, *только у того, кто живет чужим трудом*. Социал-демократы *никогда не отнимут собственности у мелких и средних хозяев, не нанимающих рабочих*. Социал-демократы защищают и отстаивают интересы всего рабочего народа, не только городских рабочих, которые всех более сознательны и всех более объединены, но и сельских рабочих, а также и мелких ремесленников и крестьян, если они не нанимают рабочих и не тянутся за богатыми, не переходят на сторону буржуазии. *Социал-демократы борются за все улучшения в жизни рабочих и крестьян*, какие только можно предпринять сейчас же, пока мы не разрушили еще господство буржуазии, и какие облегчат эту борьбу с буржуазией. Но социал-демократы не обманывают крестьянина: они говорят ему *всю правду*, они заранее

и прямо говорят, что никакими улучшениями нельзя избавить народ от нужды и нищеты, покуда господствует буржуазия. Чтобы *весь народ* знал, что такое социал-демократы и чего они хотят, социал-демократы составили свою *программу*. Программа, это значит — краткое, ясное и точное заявление *всего, чего партия добивается и за что она борется*. Социал-демократическая партия есть единственная партия, которая выставляет ясную и точную программу, чтобы весь народ знал и видел ее, чтобы в партии могли быть только люди, действительно желающие бороться за освобождение от гнета буржуазии всего рабочего народа, притом люди, понимающие правильно, кому надо соединиться для такой борьбы и как надо вести эту борьбу. Кроме того, социал-демократы считают, что надо прямо, открыто и точно *объяснить* в программе, *отчего происходит нужда и нищета рабочего народа* и почему союз рабочих становится все шире и все сильнее. Мало этого — сказать, что плохо живется и призывать к бунту; это и всякий крикун сумеет сделать, да толку от этого немного. Надо, чтобы рабочий народ ясно понял, *отчего он бедствует, и с кем ему соединиться* надо для борьбы за освобождение от нужды.

Мы уже сказали, чего хотят социал-демократы; сказали, отчего происходят нужда и нищета рабочего народа; сказали, с кем надо бороться деревенской бедноте и с кем соединиться для такой борьбы.

Теперь мы скажем, *какие улучшения* мы можем *сейчас же* отвоевать своей борьбой,—улучшения и в жизни рабочих, и в жизни крестьян.

5. Каких улучшений добиваются социал-демократы для всего народа и для рабочих.

Социал-демократы борются за освобождение всего рабочего народа от всякого грабежа, от всякого угнетения, от всякой несправедливости. Чтобы освободиться, рабочий класс должен прежде всего объединиться. А чтобы объединиться, надо иметь свободу соединяться, право соединяться, надо иметь *политическую свободу*. Мы уже говорили, что самодержавное правление есть закрепощение народа чиновникам и полиции. Политическая свобода нужна поэтому всему народу, кроме кучки придворных и имеющих доступ ко двору тузов и сановников. Но всего более нужна политическая свобода рабочим и крестьянам. Богатые люди могут откупаться от произвола, от самодурства чиновников и полиции. Богатые люди могут высоко дойти со своей жалобой. Поэтому полиция и чиновники гораздо реже позволяют себе придрататься к богатым людям, чем к бедноте. Рабочим и крестьянам откупиться от полиции и чиновников нечем, жаловаться не

кому, судиться не под силу. Рабочим и крестьянам никогда не избавиться от поборов, самоуправства и надругательства полиции и чиновников, пока пет в государстве *выборного правления*, пока пет *народного собрания депутатов*. Только такое народное собрание депутатов может освободить народ от закрепощения чиновникам. Всякий сознательный крестьянин должен стоять за социал-демократов, которые требуют от царского правительства прежде всего и главное всего *созыва народного собрания депутатов*. Депутатов должны выбирать все, без различия сословий, без различия богатых и бедных. Выбор должен быть свободный, без всякой помехи чиновников; за порядком выборов должны смотреть доверенные люди, а не урядники и не земские начальники. Тогда депутаты от всего народа сумеют обсудить все народные нужды, сумеют установить лучшие порядки на Руси.

Социал-демократы требуют, чтобы без суда полиция не смела никого сажать в тюрьму. За произвольный арест чиновники должны быть строго наказываемы. Чтобы прекратить самоуправство чиновников, надо сделать так, чтобы народ сам выбирал чиновников, чтобы каждый имел право подать жалобу прямо в суд на каждого чиновника. А то какой толк жаловаться на урядника земскому или на земского губернатору? Конечно, земский только покроет урядника, а губернатор покроет земского, да еще жалобщику же достанется. Засадят его в тюрьму или сошлют в Сибирь. Только тогда чиновникам острастка будет, когда у нас в России (как во всех других государствах) всякий будет иметь право подавать жалобу и в народное собрание, и в выборный суд, и говорить свободно о своих нуждах или печатать в газетах.

Русский народ по сию пору находится в крепостной зависимости у чиновников. Без разрешения чиновников народ не смеет ни сходки устроить, ни книжки или газеты напечатать! Разве это не крепостная зависимость?

Если нельзя свободной сходки устроить, свободной книжки напечатать, то как же на чиновников и на богатых управу найти? Разумеется, чиновники и запрещают всякую правдивую книжку, запрещают всякое правдивое слово о народной нужде. Вот и эту книжку социал-демократическая партия должна печатать тайно и распространять тайно: всякого, у кого эту книжку найдут, пойдут по судам да по тюрьмам таскать. Но рабочие-социал-демократы не боятся этого: они все больше печатают, все больше раздают читать народу правдивые книжки. И никакие тюрьмы, никакие преследования не остановят борьбы за народную свободу!

Социал-демократы требуют, чтобы были уничтожены сословия, чтобы все граждане государства были совершенно равноправны. Теперь у нас есть неподатные и податные сословия, есть привилегированные и непривилегированные, есть белая кость и черная кость; для черного народа даже и розга еще оставлена. Ни в одной стране нет такого принижения рабочих и крестьян. Ни в одной стране нет разных законов для разных сословий, кроме России. Пора и русскому народу потребовать, чтобы каждый мужик имел *все те права*, которые есть и у дворянина. Не позор ли это, что сорок с лишним лет спустя после отмены крепостного права все еще держится розга, все еще есть *податное* сословие?

Социал-демократы требуют для народа полной свободы передвижения и промыслов. Что это значит: *свобода передвижения*? Это значит, чтобы крестьянин имел право идти куда хочет, переселяться куда угодно, выбирать любую деревню или любой город, не спрашивая ни у кого разрешения. Это значит, чтобы и в России были уничтожены паспорта (в других государствах давно уже нет паспортов), чтобы ни один урядник, ни один земский не смел мешать никакому крестьянину селиться и работать, где ему угодно. Русский мужик настолько закрепощен еще чиновникам, что не может свободно переехать в город, не может свободно уйти на новые земли. Министр распоряжается, чтобы губернаторы не допускали *самовольных* переселений! Губернатор лучше мужика знает, куда мужику идти! Мужик — дитя малое, без начальства и двинуться не смеет! Разве это не крепостная зависимость? Разве это не надругательство над народом, когда всякий промотавшийся дворянчик командует взрослыми хозяевами-земледельцами?

Есть книжка «*Неурожай и народное бедствие*» (голод), написанная теперешним «министром земледелия», господином Ермоловым. В этой книжке прямо говорится: не следует мужику переселяться, когда на месте господам помещикам рабочие руки нужны. Министр открыто говорит, не стесняется, думает, что мужик не услышит таких речей и не поймет их. Зачем отпускать народ, когда господам помещикам дешевые работники надобны? Чем теснее живет народ, тем выгоднее для помещиков, тем больше нужды, тем дешевле наниматься будут, тем смирнее будут сносить всякие прижимки. Прежде бурмистры за барской выгодой смотрели, а теперь смотрят земские да губернаторы. Прежде бурмистры распоряжались на конюшне наказывать; а теперь земские распоряжаются в волостном правлении по-роль.

Социал-демократы требуют, чтобы постоянное войско было уничтожено, а вместо него чтобы введено было народное ополчение, чтобы весь народ был вооружен. Постоянное войско, это — войско, отделенное от народа и подготовляемое для того, чтобы в народ стрелять. Если бы солдата не запирали на несколько лет в казарму и не муштровали его там бесчеловечно, разве бы мог солдат стрелять в своих братьев, в рабочих и крестьян? Разве бы мог солдат идти против голодных мужиков? Для защиты государства от нападения неприятеля вовсе не нужно постоянное войско; для этого достаточно народное ополчение. Если каждый гражданин государства будет вооружен, тогда никакой неприятель не может быть страшен России. А народ избавлен бы был от гнета военщины: на военщину уходят *сотни миллионов рублей в год*, все эти деньги собираются с народа; от этого и подати так велики и жить становится все труднее. Военщина еще более усиливает власть чиновников и полиции над народом. Военщина нужна, чтобы грабить чужие народы, например, чтобы отнимать землю у китайцев. Народу от этого не легче, а еще тяжелее по случаю новых налогов. Замена постоянного войска вооружением всего народа принесла бы огромное облегчение всем рабочим и всем крестьянам

Точно так же огромным облегчением для них была бы *отмена косвенных налогов*, которой добиваются социал-демократы. Косвенными налогами называются такие налоги, которые не прямо берутся с земли или с хозяйства, а выплачиваются народом *косвенно*, в виде более высокой платы за товары. Казна облагает налогом сахар, водку, керосин, спички и всякие другие предметы потребления; налог этот платит в казну торговец или фабрикант, но платит, разумеется, не из своих денег, а из тех денег, которые ему платят покупатели. Цена на водку, сахар, керосин, спички повышается, и каждый покупатель бутылки водки или фунта сахара платит не только цену товара, но и налог на него. Например, если вы платите, скажем, четырнадцать копеек за фунт сахара, то четыре (примерно) копейки составляют налог: сахарозаводчик уже заплатил этот налог в казначейство и теперь выбирает заплаченную сумму с каждого покупателя. Таким образом, косвенные налоги, это — налоги на предметы потребления, налоги, которые уплачивает покупатель в виде повышенной цены товара. Говорят иногда, что косвенные налоги — самые справедливые: кто сколько покупает, тот столько и платит. Но это неправда. Косвенные налоги — самые несправедливые налоги, потому что бедным гораздо тяжелее платить их, чем богатым. Богатый получает дохода вдесятеро больше, чем крестьянин или рабочий, а то даже и во сто раз

больше. Но разве богатому нужно во сто раз больше сахара? Десятеро больше водки или спичек? или керосина? Конечно, нет. Богатая семья купит керосину, водки, сахара вдвое или, самое большее, втрое против бедной. А это значит, что богатый заплатит из своего дохода *меньшую долю* в виде налога, чем бедный. Положим, доход бедного крестьянина — двести рублей в год; положим, он купит на шестьдесят рублей таких товаров, которые обложены пошлиной и которые вздорожали поэтому (на сахар, спички, керосин — наложен *акциз*, т.-е. пошлину платит еще раньше выпуска товара на рынок фабрикант; на казенную водку казна прямо подняла цену; на ситцы, железо и другие товары цена вздорожала, потому что дешевые заграничные товары не пропускаются в Россию без высокой пошлины). Из этих шестидесяти рублей — *двадцать рублей* будет составлять налог. Значит, из каждого рубля своих доходов бедняк отдаст *десять копеек* в виде косвенных налогов (не считая прямых налогов, выкупных, оброчных, поземельных, земских, волостных, мирских). А у богатого крестьянина доход — тысяча рублей; товаров, обложенных пошлиной, он купит на полтораста рублей; налогу заплатит (в числе этих полтораста) — *пятьдесят рублей*. Значит, богатый из каждого рубля своих доходов отдаст в виде косвенных налогов только *пять копеек*. Чем богаче человек, тем *меньше* он платит из своих доходов косвенного налога. Поэтому косвенные налоги — *самые несправедливые*. Косвенные налоги, это — налоги на бедных. Крестьяне и рабочие вместе составляют 95% всего населения и платят $\frac{9}{10}$ или $\frac{8}{10}$ всех косвенных налогов. А из всех доходов крестьяне и рабочие получают, наверно, не больше $\frac{4}{10}$! И вот, социал-демократы требуют отмены косвенных налогов и установления *прогрессивного* налога на доходы и наследства. Это значит: чем больше дохода, тем выше должен быть налог. У кого тысяча рублей дохода, пусть платит по копейке с рубля; у кого 2.000, — по две копейки и так далее. Самые маленькие доходы (например, доходы не свыше четырехсот рублей) совсем ничего не платят. Самые крупные богачи платят самые крупные налоги. Такой налог, *подходящий* или, вернее, *прогрессивно-подходящий* налог, был бы гораздо справедливее косвенных налогов. Социал-демократы и добиваются поэтому отмены косвенных налогов и учреждения прогрессивно-подходящего налога. Но понятное дело, что все собственники, вся буржуазия не хочет этого и противодействует этому. Только крепкий союз деревенской бедноты с городскими рабочими может *отвоевать* у буржуазии это улучшение.

Наконец, очень важное улучшение для всего народа, а для деревенской бедноты особенно, состоит в *даровом обучении* детей, кото-

рого требуют социал-демократы. В настоящее время в деревне гораздо меньше школ, чем в городах, и притом везде только богатые классы, только буржуазия имеет возможность давать детям хорошее образование. Только даровое и обязательное обучение *всех детей* может избавить народ хотя бы отчасти от теперешней темноты. А деревенская беднота особенно страдает от темноты и особенно нуждается в образовании. Но, конечно, нам нужно настоящее, свободное образование, а не такое, какого хотят чиновники и попы.

Социал-демократы требуют далее, чтобы каждый имел полное право исповедывать какую угодно веру совершенно свободно. Только в России да в Турции из европейских государств остались еще позорные закопы против людей иной, неправославной веры, против раскольников, сектантов, евреев. Эти законы либо прямо запрещают известную веру, либо запрещают распространять ее, либо лишают людей известной веры некоторых прав. Все эти законы — самые несправедливые, самые насильственные, самые позорные. Каждый должен иметь полную свободу не только держаться какой угодно веры, *но и распространять любую веру и менять веру*. Ни один чиновник не должен даже иметь права спрашивать кого ни-на-есть о вере: это дело совести, и никто тут не смеет вмешиваться. Не должно быть никакой «*господствующей*» веры или церкви. Все веры, все церкви должны быть равны перед законом. Священникам разных вер могут давать содержание те, которые принадлежат к их верам, а государство из казенных денег не должно поддерживать ни одной веры, не должно давать содержание никаким священникам, ни православным, ни раскольничьим, ни сектантским, никаким другим. Вот за что борются социал-демократы, и пока эти меры не будут проведены без всяких оговорок и без всяких лазеек, до тех пор народ не освободится от позорных полицейских преследований за веру и от не менее позорных полицейских подачек одной какой-либо вере.

* * *

Мы рассмотрели, каких улучшений добиваются социал-демократы для всего народа и в особенности для бедноты. Теперь посмотрим, каких улучшений добиваются они для рабочих, не только фабричных и городских, но и сельских рабочих. Фабричные и заводские рабочие живут теснее, скученнее; работают они в крупных мастерских; им легче пользоваться помощью социал-демократов из образованных людей. По всем этим причинам городские рабочие гораздо раньше всех других начали борьбу с хозяевами и добились более значительных улуч-

пений, добились также издания фабричных законов. Но социал-демократы ведут борьбу за такие же улучшения для всех рабочих: и для кустарей, работающих на хозяев по домам как в городах, так и в селах,—и для наемных рабочих у мелких мастеров и ремесленников,—и для строительных рабочих (плотников, каменщиков и прочих),—и для лесных рабочих, и для чернорабочих, — и для *сельских рабочих точно так же*. Все эти рабочие начинают теперь по всей России объединяться, вслед за фабричными и при помощи фабричных, объединяться для борьбы за лучшие условия жизни, за более короткий рабочий день, за более высокую плату. И социал-демократическая партия ставит своей задачей поддерживать *всех* рабочих в их борьбе за лучшую жизнь, помогать всем им организовать (объединить) в крепкие союзы самых твердых и надежных рабочих, помогать им распространением книжек и листов, посылкой опытных рабочих к иовичкам и вообще помогать всем, чем только можно. Когда мы добьемся политической свободы, тогда у нас будут и в народном собрании депутатов свои люди, депутаты-рабочие, социал-демократы, и они будут, подобно своим товарищам в других странах, требовать издания законов в пользу рабочих.

Мы не будем здесь перечислять *всех* тех улучшений, которых добивается социал-демократическая партия для рабочих: эти улучшения перечислены в программе и объяснены подробно в книжке «Рабочее дело в России». Здесь нам достаточно будет назвать главные из этих улучшений. Рабочий день должен быть не более восьми часов в сутки. Один день в неделю должен быть всегда свободен от работы для отдыха. Сверхурочные работы должны быть совершенно запрещены, а также и ночная работа. Дети должны получать даровое образование до 16 лет и потому не должны быть допускаемы на работу по найму до этого возраста. Во вредных производствах женщины не должны работать. За всякие увечья при работе наниматель должен вознаграждать рабочих, — например, за увечья, причиняемые работающим при молотилках, веялках и тому подобное. Расплата должна быть всем паемным рабочим и всегда *еженедельная*, а не раз в два месяца или в четверть года, как часто бывает при найме на сельские работы. Рабочим очень важно получать плату аккуратно каждую неделю и притом непременно чистыми деньгами, а не товарами. Наниматели очень любят навязывать рабочим в счет платы всякие дрянные товары втридорога; чтобы прекратить это безобразие, надо безусловно запретить законом выдачу заработной платы товарами. Затем, престарелые рабочие должны получать пенсию от государства. Рабочие содержат своим трудом все богатые классы и все государство, а потому они не менее имеют права на пенсию, чем чиновники, получающие ее. Чтобы хо-

зыева не смели злоупотреблять своим положением и нарушать правила, постановленные в пользу рабочих, — должны быть назначены инспектора для надзора не только над фабриками, но и за крупными помещичьими хозяйствами, вообще за всеми предприятиями, употребляющими наемных рабочих. Но эти инспектора должны быть не чиновниками, должны назначаться не министрами или губернаторами, не на службе у полиции быть. Инспекторами должны быть *рабочие выборные*; казна должна давать жалованье тем доверенным людям от рабочих, которых рабочие сами свободно выберут. И такие выборные рабочие депутаты должны смотреть и за тем, чтобы рабочие квартиры были хорошо содержимы, чтобы хозяева не смели заставлять рабочих жить в каких-то собачьих конурах и в землянках (как это часто бывает при сельских работах), чтобы соблюдались правила о рабочем отдыхе, и так далее. При этом не надо забывать, что никакие выборные депутаты от рабочих не принесут никакой пользы, пока нет политической свободы, пока полиция всевластна и перед народом неответственна. Всякий знает, что полиция арестует теперь без суда не только рабочих депутатов, но и всякого рабочего, который посмеет говорить за всех, раскрывать нарушения закона и призывать рабочих к объединению. Но когда у нас будет политическая свобода, тогда депутаты от рабочих будут приносить очень много пользы.

Всем нанимателям (фабрикантам, помещикам, подрядчикам, богатым крестьянам) следует *совершенно запретить* самовольно делать какие бы то ни было вычеты из заработной платы рабочих, например, вычеты за бракованный товар, вычеты в виде штрафа и т. д. Это — беззаконие и насилие, что наниматели *самовольно* делают вычеты из заработной платы. Уменьшать плату рабочему ни под каким видом и никакими вычетами хозяин не должен. Хозяин должен не сам чинить суд и расправу (хорош судья, который себе в карман кладет вычеты с рабочего!), а обращаться в *суд настоящий* и этот суд должен быть выбран из депутатов от рабочих и от хозяев поровну. Только такие суды могут по справедливости разбирать всякие недовольства хозяев на рабочих и рабочих на хозяев.

Вот каких улучшений для всего рабочего класса добиваются социал-демократы. Рабочие в каждом имении, в каждой экономии, у каждого подрядчика должны стараться сообща обсудить с надежными людьми, каких улучшений им надо добиваться, какие требования им выставить (на разных заводах, в разных экономиях, у разных подрядчиков требования рабочих будут, конечно, разные).

Социал-демократические комитеты помогают рабочим по всей России точно и ясно определить свои требования, а также выпускать

печатные листки с изложением этих требований, чтобы их знали все рабочие, и хозяева, и начальство. Когда рабочие дружно, как один человек, стоят за свои требования, то хозяевам приходится уступать и соглашаться. В городах рабочие уже многих улучшений добились таким путем, а теперь и кустари, и ремесленные рабочие, и сельские рабочие тоже начинают объединяться (организоваться) и бороться за свои требования. Пока у нас нет политической свободы, мы ведем эту борьбу тайком, прячась от полиции, которая запрещает всякие листки и всякие соединения рабочих. А когда мы завсюем политическую свободу, тогда мы поведем эту борьбу еще шире и открыто перед всеми, чтобы весь рабочий народ по всей России соединился и дружнее отстаивал себя от притеснений. Чем больше рабочих объединится в *Рабочую Социал-Демократическую Партию*, тем больше будет их сила, тем скорее они добьются и полного освобождения рабочего класса от всякого угнетения, от всякой работы по найму, от всякой работы на буржуазию.

* * *

Мы уже сказали, что Социал-Демократическая Рабочая Партия добивается улучшений не только для рабочих, но и для *всех крестьян*. Посмотрим теперь, каких улучшений для всех крестьян она добивается.

6. Каких улучшений добиваются социал-демократы для всех крестьян.

Для полного освобождения всех трудящихся деревенская беднота должна, в союзе с городскими рабочими, вести борьбу против всей буржуазии, а в том числе и против богатых крестьян. Богатые крестьяне будут стараться заплатить своим батракам подешевле и заставить их работать дольше и тяжелее, а городские и деревенские рабочие будут добиваться, чтобы батраки и у богатого крестьянина получали лучшую плату и работали легче, с отдыхом. Значит, деревенская беднота должна составлять свои особые союзы, без богатых крестьян, — мы об этом уже говорили и всегда будем повторять это.

Н) в России крестьяне все вместе, и богатые и бедные, остаются еще во многом по-прежнему крепостными: все они составляют *низшее, черное, податное сословие*, все они закрепощены полицейским чиновникам и земским начальникам; все они очень часто работают по-прежнему на барина за отрезные земли, за водопой, за выпас, за дуг — точь в точь, как работали на барина и при крепостном праве.

Все крестьяне хотят освободиться от этого нового крепостного состояния, все хотят быть полноправны, все ненавидят помещиков, которые до сих пор заставляют их на *барщину ходить* — «отрабатывать» господам дворянам и землю, и выпас, и водонос, и луга, и «за потравы» работать, и «за честь» посылать баб жать. Беднота от всяких этих отработков еще более страдает, чем богатый мужик. Богатый мужик иногда откупается от своей работы на барина, но все же и богатого мужика большей частью сильно притесняют помещики. Значит, деревенская беднота должна бороться против своего бесправия, против всякой барщины, против всяких отработков вместе с богатыми крестьянами. От *всей* кабалы, от *всякой* нищеты мы избавимся только тогда, когда осилим *всю* буржуазию (и богатых крестьян в том числе). Но есть такая кабала, от которой мы *раньше* избавимся, потому что и богатому мужику эта кабала солоно приходится. Есть еще много у нас на Руси таких мест и таких округов, где крестьяне все вместе до сих пор остаются сплошь да рядом совсем как крепостные. Поэтому всем русским рабочим и всей деревенской бедноте надо *обеими руками на две стороны борьбу вести*: одной рукой — *борьбу против всех буржуа*, в союзе со всеми рабочими; другой рукой — *борьбу с чиновниками в деревнях, с помещиками-крепостниками*, в союзе со всеми крестьянами. Если деревенская беднота не составит своего особого союза, отдельно от богатых крестьян, тогда богатые крестьяне ее надуют, ее обойдут, сами в помещики выйдут, а бобыля не только бобылем оставят, но и не дадут ему свободы соединения. Если деревенская беднота не будет бороться вместе с богатыми крестьянами против крепостной кабалы, тогда она будет оставаться связанной, прикрепленной к месту, тогда у нее тоже не будет полной свободы для соединения с городскими рабочими.

Деревенской бедноте сначала надо на помещиков ударить и хотя бы только самую злую, самую вредную барскую кабалу с себя сшибить; в этом многие богатые крестьяне и сторонники буржуазии тоже за бедноту будут, потому что помещичья спесь всем оскомину набила. Но как только мы помещичью власть посократим, — так богатый крестьянин сейчас себя покажет и свои лапы ко всему протянет, а лапы у него загребущие, и сейчас уже много загребли. Значит, надо держать ухо остро и заключить крепкий, ненарушимый союз с городским рабочим человеком. Городские рабочие и помещика сшибить со старой барской повадки помогут, да и богатого крестьянина поуспокоят (как они поуспокоили уже немного и своих хозяев фабрикантов). Без союза с городскими рабочими *никогда* не избавится деревенская беднота от всякой кабалы, от всякой нужды и нищеты; кроме них, *никто*

сей в этом не поможет, и ни на кого, кроме как на самих себя, рассчитывать нельзя. Но есть такие улучшения, которых мы раньше добьемся, которые мы можем сейчас же получить, в самом начале этой великой борьбы. Есть в России много такой кабалы, которой в других странах давно уже нет, и вот от этой чиновной кабалы, от этой барской, крепостной кабалы *все русское крестьянство* может *сейчас же* избавиться.

Мы рассмотрим теперь, каких улучшений добивается прежде всего, в первую голову, Рабочая Социал-Демократическая Партия, чтобы избавить все русское крестьянство хотя бы от самой злой крепостной кабалы и чтобы развязать руки деревенской бедноте в борьбе со всей русской буржуазией.

Первое требование Рабочей Социал-Демократической Партии: сейчас же отменить все выкупные платежи, все оброчные подати, все повинности, которые лежат на «податном» крестьянстве. Когда дворянские комитеты и дворянское правительство русского царя освобождали крестьян от крепостной зависимости, то крестьян заставили *выкупать из собственные* земли, выкупать земли, которые крестьяне искони пахали! Это был *грабеж*. Дворянские комитеты прямо *грабили* крестьян, при помощи царского правительства. Царское правительство во многих местах посылало войска для введения уставных грамот *силою* для военной экзекуции над крестьянами, которые не хотели принимать «нищенских» обреченных наделов. Без помощи войска, без истязаний и расстреливаний никогда не могли бы дворянские комитеты так нагло ограбить крестьян, как они сделали это во время освобождения от крепостной зависимости. Крестьянам следует всегда помнить, как надували и грабили их помещичьи, дворянские комитеты, — потому что и теперь еще царское правительство тоже назначает всегда дворянские или чиновничьи комитеты, когда дело идет о новых законах для крестьян. Недавно царь выпустил манифест (от 26 февраля 1903 года)³⁷: там обещает он пересмотреть и улучшить законы о крестьянах. Кто будет пересматривать? кто будет улучшать? — Опять дворяне, опять чиновники! Крестьяне всегда будут обманываемы, пока не добьются, чтобы были учреждены *крестьянские комитеты* для улучшения крестьянской жизни. Довольно командовали помещики, земские начальники и всякие чиновники *над* крестьянами! Довольно этой крепостной зависимости от всякого урядника, от всякого пропившегося дворянского сынка, которого называют земским начальником, исправником или губернатором! Крестьяне должны требовать, чтобы им дали свободу *самим* устраивать свои дела, *самим* обдумать, указать и провести новые законы. Крестьяне должны

потребовать свободных, выборных *крестьянских комитетов*, — покуда они не добьются этого, их всегда будут обманывать и грабить дворяне и чиновники. Никто не освободит мужиков от чиновных пивок, если мужики сами себя не освободят, если они не объединятся, чтобы взять свою судьбу в *свои собственные* руки.

Социал-демократы требуют не только полной и немедленной отмены выкупных платежей, оброчных платежей и всяких повинностей, но кроме того они требуют еще *возвращения народу* взятых с него выкупных денег. Сотни миллионов рублей переплатили мужики по всей России со времени освобождения их дворянскими комитетами от крепостного права. Эти деньги крестьяне должны потребовать назад. Пусть правительство наложит особый налог на крупных дворян-землевладельцев, пусть отберут земли у монастырей и у удельного ведомства (т.-е. у царской фамилии), пусть народное собрание депутатов распорядится этими деньгами на пользу крестьян. Нигде на свете нет такого принижения, такого обнищания крестьянина, такого ужасного вымирания голодной смертью миллионов крестьян, как в России. Крестьянина довели у нас до голодной смерти, потому что его ограбили еще дворянские комитеты, потому что его грабят с тех пор каждый год, выколачивая старую дань старым крепостникам-последышам, выколачивая выкупные и оброчные. Пусть те, кто грабит, и ответят за это. Пусть с дворян, крупных помещиков и будут взяты деньги, чтобы оказать серьезную помощь голодающим. Голодающему мужику не надо милостыни, не надо грошевых подачек. Пусть он потребует возвращения ему тех денег, которые он годами и годами платил помещикам и государству. Тогда народное собрание депутатов и крестьянские комитеты сумеют оказать настоящую, серьезную помощь голодающим.

Далее. Социал-Демократическая Рабочая Партия требует тотчас же полной отмены круговой поруки и *всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей*. Царский манифест от 26 февраля 1903 года обещает отмену круговой поруки. Теперь вышел уже закон об ее отмене. Но этого мало. Надо кроме того немедленно отменить *все законы*, которые стесняют крестьянина в распоряжении его землей. Иначе крестьянин и без круговой поруки останется не вполне свободным, останется полукрепостным. Крестьянин должен получить *полную свободу* распоряжаться своей землей: отдавать ее и продавать кому хочет, никого не спрашивая. Вот этого царский указ не позволил: все дворяне, кушцы и мещане могут свободно распоряжаться землей, а крестьянин не может. Мужик — дитя малое. К нему надо земского приставить, чтобы за ним смотрел, вроде няньки. Мужику

надо запретить продавать свой надел, а то мужик деньги промотает! — Вот как рассуждают крепостники, и находятся простачки, которые им верят и, желая добра мужику, говорят, что надо запретить ему продавать землю. Даже народники (о которых мы говорили раньше) и люди, называющие себя «социалисты-революционеры», тоже на это сдаются и находят, что лучше пускай немножечко крепостным остается наш мужик, а земли пускай не продает.

Социал-демократы говорят: это одно лицемерие, одно барство, одни только сладкие слова! Когда мы добьемся социализма, когда рабочий класс победит буржуазию, — тогда вся земля будет общей, тогда *никто* не будет иметь права продавать землю. Ну, а до тех пор как? Дворянин и купец может продавать, а крестьянин не может!? Дворянин и купец свободны, а крестьянин все еще полукрепостным будет!? Крестьянин все еще у начальства будет разрешения выпрашивать!?

Это — один обман, хоть и прикрытый сладкими речами, а все же обман.

Пока дворянину и купцу позволяют продавать землю, до тех пор и крестьянин должен иметь *полное право* свою землю продавать и распоряжаться ею *совершенно свободно*, совершенно так же, как дворянин и купец.

Когда рабочий класс победит всю буржуазию, тогда он отнимет землю у крупных хозяев, тогда он устроит на крупных экономиях *товарищеское хозяйство*, чтобы землю обрабатывали рабочие вместе, сообща, выбирая свободно доверенных людей в распорядители, имея всякие машины для облегчения труда, работая посменно не больше восьми (а то и шести) часов в день каждый. Тогда и мелкий крестьянин, который захочет еще по-старому в одиночку хозяйничать, будет хозяйничать не на рынок, не на продажу первому встречному, а на товарищества рабочих: мелкий крестьянин будет доставлять товариществу рабочих хлеб, мясо, овощи, а рабочие будут без денег давать ему машины, скот, удобрения, одежду и все, что ему нужно. Тогда не будет борьбы между крупным и мелким хозяином из-за денег, тогда не будет работы по найму, на чужих людей, а все работники будут работать на себя, все улучшения в работе и машины пойдут на пользу самим рабочим, для облегчения их труда, для улучшения их жизни.

Но всякий разумный человек понимает, что сразу нельзя добиться социализма: для этого надо вести отчаянную борьбу со всей буржуазией, со всеми и со всякими правительствами, для этого надо соединить в прочный, ненарушимый союз всех городских рабочих по всей России и деревенскую бедноту вместе с ними. Это — великое

дело, и на такое дело не жалко и всю жизнь отдать. А покуда мы еще не добились социализма, до тех пор крупный хозяин всегда будет вести борьбу с мелким из-за денег: неужели же крупный будет свободен и землю продавать, а мелкий крестьянин нет? Повторяем: крестьяне не дети малые и никому не позволят над собой командовать; крестьяне должны получить *все те права*, без всякого ограничения, все права, какие есть у дворян и купцов.

Говорят еще: у крестьянина земля не своя, а общественная. Нельзя разрешить каждому общественную землю продавать. И это — тоже один обман. Разве у дворян и купцов не бывает также обществ? Разве дворяне и купцы не соединяются тоже в компании, не покупают вместе земли и фабрик и чего угодно? Почему же для дворянских обществ не выдумывают никаких стеснений, а для мужика всякая полицейская сволочь норовит придумать ограничение да запрещение? Никогда крестьяне ничего доброго не видали от чиновников, а видали только битье, поборы да обиды. Никогда крестьяне не дождутся добра, пока сами все свои дела не возьмут в свои руки, пока не добьются полной равноправности и полной свободы. Хотят крестьяне, чтобы земля их была общественная, — никто не смеет им мешать, и они по добровольному соглашению составят себе общество из кого хотят и как хотят, напишут себе общественный договор, какой хотят, совершенно свободно. И чтобы никакой чиновник не смел в крестьянские общественные дела совать свой нос. И чтобы никто не смел над крестьянином мудрить и выдумывать для мужика стеснения да запрещения.

* * *

Наконец, еще одного и важного улучшения добиваются для крестьян социал-демократы. Они хотят сейчас же, немедленно, ограничить барскую кабалу, крепостную кабалу мужика. Всей кабалы нам, конечно, не избыть, пока есть нужда на свете, а нужды не избыть, пока земля и фабрики находятся в руках буржуазии, пока главная сила на свете — деньги, пока не введено *социалистическое общество*. Но в России по деревням осталось много еще особенно злой кабалы, которой нет в других странах, хотя там и не введен еще социализм. В России много еще *крепостнической кабалы*, которая полезна всем помещикам, которая давит всех крестьян, которую можно и должно уничтожить сейчас же, немедленно, в первую голову.

Объясним, какую кабалу мы называем крепостнической кабалой.

Всякий деревенский житель знает такие случаи. Помещичья земля находится рядом с крестьянской. У крестьян при освобожде-

нии их отрезали необходимые для них земли, отрезали выпас, выгон, отрезали лес, отрезали водопой. Крестьянам некуда деться без этой отрезной земли, без выпаса, без водопоя. Хочешь не хочешь, а приходится к помещику итти, просить дать пропуск скоту к воде или дать выпас и тому подобное. А помещик своего хозяйства не ведет и денег, может быть, никаких не имеет, а только тем и живет, что кабалит крестьян. Крестьяне на него за отрезные земли работают без денег, пашут своими лошадьми его землю, убирают его хлеб и его луга, молотят на него, даже в некоторых местах возят на барскую землю свой, крестьянский, навоз, носят па барский двор и полотна, и яйца, и живность всякую. Совсем как при крепостном праве! Тогда крестьяне в чьей вотчине жили, на того даром работали, и теперь очень часто на барина даром работают, за ту же самую землю, которая отошла от крестьян при освобождении их дворянскими комитетами. Это — та же самая барщина. Крестьяне сами называют эту работу в некоторых губерниях барщиной или панщиной. Вот это мы и называем крепостнической кабалой. Помещичьи, дворянские комитеты нарочно устраивали так, во время освобождения от крепостного права, чтобы им можно было кабалить крестьян по-старому, нарочно обрезывали мужицкие наделы, вгоняли помещичью землю клином, чтобы мужику было некуда курицы выпустить, нарочно переселяли крестьян на худшую землю, нарочно загораживали помещичьей землей дорогу к водопою, — одним словом, подстраивали так, чтобы крестьяне в западне очутились, чтобы крестьян по-прежнему голыми руками можно было в плен взять. И сколько у нас еще таких деревень, числа им нет, где крестьяне в плену у соседних помещиков, в таком же плену, как были и при крепостном праве. В таких деревнях и богатый и бедный мужик вместе связаны по рукам и по ногам и помещику с головой выданы. Бедному еще гораздо тяжелее от этого приходится, чем богатому мужику. Богатый мужик и свою землю иногда имеет, и батрака вместо себя посылает на барщину, а бедному деться совсем некуда, и помещик из него веревки вьет. Бедному крестьянину при такой кабале часто и вздохнуть некогда, и на сторону уйти нельзя из-за работы на барина, и подумать нельзя о том, чтобы свободно соединиться в один союз, в одну партию со всей деревенской беднотой и с городскими рабочими.

Так вот, нет ли какого-нибудь средства, чтобы теперь же, сейчас, сразу такую кабалу уничтожить? Социал-Демократическая Рабочая Партия предлагает крестьянам *два* средства для этой цели. Но мы еще раз повторим, что от всей и всякой кабалы один только социализм избавит всю бедноту, ибо покуда богатые силу имеют, они все-

гда так или иначе притеснят бедных. Совершенно уничтожить всю кабалу сразу нельзя, но можно сильно стеснить самую злую, самую гнусную, крепостническую кабалу, которая и бедных, и средних, и даже богатых крестьян давит, можно сейчас добиться облегчения для крестьянства.

Средств для этого два.

Первое средство — свободно выбранные суды из доверенных людей от сельских батраков и от беднейших крестьян, а также от богатых крестьян и помещиков.

Второе средство — свободно выбранные *крестьянские комитеты*. Эти крестьянские комитеты должны иметь право не только обсудить и принять всякие меры для уничтожения барщины, для уничтожения остатков крепостного права, но они должны также иметь право *отобрать отрезанные земли и вернуть их крестьянам*.

Рассмотрим немножко подробнее оба эти средства. Свободно выбранные суды из доверенных людей будут рассматривать все дела по жалобам крестьян на кабалу. Такие суды будут иметь право понижать арендную плату за землю, если помещики назначили ее слишком высоко, пользуясь нуждой крестьян. Такие суды будут иметь право избавлять крестьян от чрезмерных платежей, — например, если мужика нанял помещик зимой на летнюю работу за полцены, то суд рассмотрит дело и положит справедливую плату. Такой суд должен состоять, конечно, не из чиновников, а из свободно выбранных доверенных людей, и чтобы от сельских батраков и от деревенской бедноты были непременно свои выборные и не меньше числом, чем от богатых крестьян и от помещиков. Такие суды будут разбирать также все дела между рабочими и хозяевами. Рабочим и всей деревенской бедноте легче будет отстаивать свои права при таких судах, легче будет соединиться между собой и вызнать точно, какие люди могут надежно и верно стоять за бедноту и за рабочих.

Другое средство еще более важное. Это — свободные *крестьянские комитеты*, выбранные из доверенных людей от батраков, от бедных, средних и богатых крестьян по каждому уезду (или по нескольким комитетов на уезд, если крестьяне найдут нужным; может быть, даже они устроят крестьянские комитеты в каждой волости и в каждом большом селе). Никто лучше самих крестьян не знает, какая кабала их давит. Никто лучше самих крестьян не сумеет изобличить помещиков, живущих и по сию пору крепостнической кабалой. Крестьянские комитеты разберут, какие отрезные земли, или луга, или выпасы и тому подобное отошли от крестьян несправедливо, разберут, следует ли даром отобрать эти земли или дать, на счет

крупных дворян, вознаграждение тем, кто купил такие земли. Крестьянские комитеты высвободят крестьян, по крайней мере, хоть от тех ловушек, в которые загнали их очень многие дворянские помещицкие комитеты. Крестьянские комитеты избавят крестьян от вмешательства чиновников, покажут, что крестьяне сами хотят и могут устроить свои дела, помогут крестьянам сговориться о своих нуждах и разузнать хорошо людей, способных стоять верпо за деревенскую бедноту и за союз с городскими рабочими. Крестьянские комитеты — *первый шаг* к тому, чтобы и по зачолустным деревням крестьяне встали на свои собственные ноги и взяли свою судьбу в свои собственные руки.

Вот почему рабочие-социал-демократы предупреждают крестьян:

Не верьте никаким дворянским комитетам, никаким чиновничьим комиссиям.

Требуйте всенародного собрания депутатов.

Требуйте учреждения крестьянских комитетов.

Требуйте полной свободы печатать всякие книжки и газеты.

Когда все и каждый будут иметь право свободно, никого не боясь, высказывать свои мнения и свои желания и во всенародном собрании депутатов, и в крестьянских комитетах, и в газетах, — тогда очень скоро будет видно, кто идет на сторону рабочего класса, кто идет на сторону буржуазии. Теперь громадное большинство людей вовсе не думает об этом, некоторые скрывают свое настоящее мнение, некоторые сами еще не знают, некоторые нарочно обманывают. А тогда все об этом думать станут, скрываться не зачем будет, и все дело скоро выяснится. Мы уже говорили, что буржуазия привлечет на свою сторону богатых крестьян. Чем скорее и чем больше удастся уничтожить крепостную кабалу, чем больше настоящей свободы добьются себе крестьяне, тем скорее объединится между собой деревенская беднота, тем скорее объединится со всей буржуазией и богатое крестьянство. И пускай их объединяются: мы этого не боимся, хотя мы отлично знаем, что богатое крестьянство станет сильнее от этого объединения. Мы ведь тоже объединимся, и *наш союз* — союз деревенской бедноты с городскими рабочими — будет неизмеримо многочисленнее, будет союзом десятков миллионов против союза сотен тысяч. Мы знаем также, что буржуазия будет стараться (она и теперь уже старается!) привлечь на свою сторону и средних, и даже мелких крестьян, стараться обмануть их, стараться завлечь их, разъединить их, пообещать каждому из них вытянуть его тоже в богатые. Мы уже видели, какими средствами и какими обманами увлекает буржуазия

среднего крестьянина. Мы должны поэтому наперед раскрывать глаза деревенской бедноте, наперед укреплять ее особый союз с городскими рабочими против всей буржуазии.

Пусть каждый деревенский житель посмотрит хорошенько вокруг себя. Как часто мужики-богатеи говорят против господ, против помещиков! Как они жалуются на притеснение народа, на то, что у господ земля зря пустует! Как они любят покалякать (с глаза на глаз), что надо бы дескать прибрать землю к мужицким рукам!

Можно ли верить тому, что говорят богатеи? Нет. Они не для парода хотят земли, а для себя. Они и теперь уже набрали себе и купчей земли, и сьёмной, да им еще мало. *Значит, деревенской бедноте недолго придется идти вместе с богатеями против помещиков.* Только первый шаг мы можем вместе с ними сделать, а там придется врозь идти.

Вот почему надо ясно отделить этот первый шаг от других шагов и от нашего последнего, главного шага. Первый шаг в деревне — полное освобождение крестьянина, полные права ему, устройство крестьянских комитетов для возвращения отрезков. А последний наш шаг и в городе и в деревне один будет: *отберем все земли, все фабрики у помещиков и у буржуазии и устроим социалистическое общество.* Между первым и последним шагом нам еще немало борьбы пережить придется, и *кто смешивает первый шаг с последним, тот вредит этой борьбе, тот, сам того не ведая, засоряет глаза деревенской бедноте.*

Первый шаг деревенская беднота сделает со всеми крестьянами вместе: разве некоторые кулаки отстанут, разве одному из сотни мужиков никакая кабала не претит. А вся громада тут еще за одно пойдет: равные права всему крестьянству нужны. Помещичья кабала всех по рукам и по ногам вяжет. Ну, а последнего шага никогда не сделают все крестьяне вместе: тут уже все богатое крестьянство против батраков встанет. Тут уже нам нужен крепкий союз деревенской бедноты с *городскими рабочими-социал-демократами.* Кто говорит крестьянам, что они сразу могут и первый и последний шаг сделать, тот обманывает мужика. Тот забывает о великой борьбе между самими крестьянами, о великой борьбе между деревенской бедной и крестьянами-богатеями.

Вот почему социал-демократы не сулят крестьянину сразу молочных рек и кисельных берегов. Вот почему социал-демократы прежде всего требуют полной свободы для борьбы, для великой, широкой, всенародной борьбы всего рабочего класса против всей буржуазии. Вот почему социал-демократы указывают *первый шаг маленький, но верный.*

Некоторые люди думают, что наше требование учредить крестьянские комитеты для ограничения кабалы и возвращения отрезков есть какой-то забор, какая-то загородка. Стой, дескать, тут и дальше не ходи. Такие люди очень плохо вдумались в то, чего хотят социал-демократы. Требование учредить крестьянские комитеты для ограничения кабалы и для возвращения отрезков не есть загородка. Оно есть *дверь*. В эту дверь прежде всего надо выйти *для того, чтобы итти дальше*, для того, чтобы по открытой, по широкой дороге итти *до самого конца*, до полного освобождения всего трудящегося рабочего народа на Руси. Пока крестьянство из этой двери не вышло, оно остается в темноте, в кабале, без полных прав, без полной, настоящей свободы, оно не может даже между себя окончательно разобрать, кто друг рабочего человека и кто его враг. Поэтому социал-демократы указывают на эту дверь и говорят, что прежде всего всем миром, всем пародом на эту дверь напирать надо и выломать ее дочиستا. А то вот есть люди, называющие себя народниками и социалистами-революционерами, которые тоже добра хотят мужику, шумят, кричат, руками махают, помочь хотят, *а двери этой не видят!* Настолько даже слепы эти люди, что говорят: не надо вовсе давать мужику право свободно распоряжаться своей землей! Хотят добра мужику, а рассуждают иногда все равно, как крепостники! От таких друзей помощи мало будет. Что из того, что ты желаешь мужику всего лучшего, коли ты не видишь ясно самой первой двери, которую выломать надо? Что из того, что ты тоже стремишься к социализму, коли ты не видишь, как выйти на дорогу свободной народной борьбы за социализм не только в городе, но и в деревне, не только с помещиками, но и с *богатеями внутри общества, внутри мира?*

Вот почему социал-демократы указывают так настойчиво на эту ближнюю и первую дверь. Не в том трудность теперь, чтобы всяких хороших пожеланий наговорить, а в том, чтобы верно дорогу указать, чтобы ясно понять, *как надо сделать самый первый шаг*. Что русский мужик задавлен кабалой, что русский мужик наполовину крепостным остался, — об этом уже сорок лет говорят и пишут все друзья мужика. Как безобразно грабят и кабелят мужика помещики посредством всяких отрезных земель, — об этом много книг написано всеми друзьями мужика задолго еще до того, как появились на Руси социал-демократы. Что мужику надо помочь сейчас же, немедленно, что из кабалы надо его хоть сколько-нибудь освободить, — это теперь уже все честные люди видят, об этом даже чиновники нашего полицейского правительства говорить начинают. Весь вопрос: *как взяться за дело, как первый шаг* сделать, в какую дверь прежде всего ломиться.

На этот вопрос дают разные люди (из тех, что хотят добра мужику) два разные ответа. Всякий деревенский пролетарий должен постараться яснее понять оба ответа и составить себе определенное и твердое мнение. Один ответ дают народники и социалисты-революционеры. Прежде всего надо, — говорят они, — развивать в крестьянстве всякие товарищества (кооперации). Мирской союз надо укрепить. Каждому крестьянину не надо давать права свободно распоряжаться своей землей. Пусть мирское общество больше права имеет, и постепенно пусть вся земля в России мирской землей будет. Крестьянам надо всякие облегчения сделать насчет покупки земли, чтобы земля легче перетекала от капитала к труду.

Другой ответ дают социал-демократы. Крестьянин должен прежде всего добиться себе всех, без изъятия, тех прав, какие есть у дворянина и купца. Крестьянин должен иметь полное право свободно распоряжаться своей землей. Для уничтожения самой гнусной кабалы должны быть учреждены крестьянские комитеты для возвращения отрезков. Не мирской союз нужен нам, а союз деревенской бедноты из разных сельских обществ по всей России, союз деревенских пролетариев с городскими пролетариями. Всякие товарищества (кооперации) и мирская покупка земли всегда будут приносить больше пользы крестьянским богатым да обманывать среднего крестьянина.

Правительство русское видит, что надо дать облегчение крестьянам, но оно хочет отделаться пустяками, оно хочет всех чиновниками сделать. Крестьяне должны быть начеку, потому что чиновничьи комиссии так же обманут их, как обманули дворянские комитеты. Крестьяне должны требовать выбора свободных крестьянских комитетов. Не в том дело, чтобы от чиновников ждать облегчения, а чтобы самим крестьянам взять в руки свою судьбу. Пусть сначала только один шаг сделаем, пусть сначала только от злейшей кабалы освободимся, — лишь бы крестьяне почувляли свою силу, лишь бы они свободно сговорились и объединились. Ни один добросовестный человек не может отрицать, что отрезные земли служат часто к самой безобразной, крепостной кабале. Ни один добросовестный человек не может отрицать, что наше требование самое первое и самое справедливое требование: пусть крестьяне свободно выберут *свои* комитеты, без чиновников, для уничтожения всякой крепостной кабалы

В свободных крестьянских комитетах (и точно так же в свободном всероссийском собрании депутатов) социал-демократы сейчас же и всеми силами будут закреплять особый союз деревенских пролетариев с городскими пролетариями. Социал-демократы будут отстаивать все меры в пользу деревенских пролетариев и помогать им вслед

за первым шагом делать как можно скорее и как можно дружнее второй шаг и третий, и так далее, до самого конца, до полной *победы пролетариата*. Но можно ли теперь уже, сразу, сказать, какое требование встанет на очередь завтра, для второго шага? Нет, этого сказать нельзя, потому что мы не знаем, как будут себя держать завтра богатые крестьяне и многие образованные люди, занятые всякими кооперациями и всяким перетеканием земли от капитала к труду.

Может быть, они еще не успеют завтра же сойтись с помещиками и захотят добить помещичью власть до конца. Отлично. Социал-демократам это очень желательно, и социал-демократы будут советовать деревенским и городским пролетариям требовать отнятия всей земли у помещиков и отдачи ее свободному народному государству. Социал-демократы будут зорко смотреть, чтобы деревенские пролетарии не оказались при этом обманутыми, чтобы они укрепились еще лучше для окончательной борьбы за полное освобождение пролетариата.

Но, может быть, будет совсем иначе. И даже вероятнее, что будет иначе. Богатые крестьяне и многие образованные люди могут завтра же, как только худшая кабала будет ограничена и урезана, завтра же соединиться с помещиками, и тогда против всего деревенского пролетариата встанет вся деревенская буржуазия. Тогда нам смешно было бы бороться с одними помещиками. Тогда мы должны бороться со всей буржуазией и требовать прежде всего как можно больше свободы и простора для такой борьбы, требовать облегчения жизни рабочему для облегчения его борьбы.

Во всяком случае, будет ли так или иначе, наше первое, наше главное и неперемное дело: *укрепить союз деревенских пролетариев и полупролетариев с городскими пролетариями*. Для этого союза нам нужна сейчас и немедленно *полная политическая свобода народу, полная равноправность крестьянина и уничтожение крепостной кабалы*. А когда этот союз создастся и укрепится, — тогда мы легко разоблачим всякие обманы, которыми завлекает буржуазия среднего крестьянина, тогда мы легко и скоро сделаем против всей буржуазии, против всех сил правительства, и второй, и третий, и последний шаг, тогда мы неуклонно пойдем к победе и быстро завоюем *полное освобождение всего рабочего народа*.

7. Классовая борьба в деревне.

Что такое *классовая борьба*? Это — борьба одной части народа против другой, борьба массы бесправных, угнетенных и трудящихся против привилегированных, угнетателей и тунеядцев, борьба наемных

рабочих или пролетариев против собственников или буржуазии. И в русской деревне всегда происходила и теперь происходит эта великая борьба, хотя не все видят ее, не все понимают значение ее. Когда было крепостное право — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли. Крестьяне не боялись зверских преследований правительства, не боялись экзекуций и пуль, крестьяне не верили попам, которые из кожи лезли, доказывая, что крепостное право одобрено священным писанием и узаконено богом (прямо так и говорил тогда митрополит Филарет!), крестьяне поднимались то здесь, то там, и правительство, наконец, уступило, боясь общего восстания всех крестьян.

Крепостное право отменили, но не совсем. Крестьяне остались без прав, остались низшим, податным, черным сословием, остались в когтях у крепостной кабалы. И крестьяне продолжают волноваться, продолжают искать полной, настоящей воли. А между тем, после отмены крепостного права успела вырасти новая классовая борьба, *борьба пролетариата с буржуазией*. Богатства стало больше, построили железных дорог и крупных фабрик, города стали еще многолюднее и еще роскошнее, но все эти богатства забирало в свои руки совсем небольшое число людей, а народ все беднел, разорялся, голодал, уходил на работы по найму в чужих людях. Городские рабочие начали новую, великую борьбу всех бедных против всех богатых. Городские рабочие объединились в *социал-демократическую партию* и ведут свою борьбу упорно, стойко и дружно, подвигаясь шаг за шагом, готовясь к великой, окончательной борьбе, требуя политической свободы для всего народа.

Наконец, не стерпели и крестьяне. Весной прошлого 1902 года поднялись крестьяне Полтавской, Харьковской и других губерний и пошли на помещиков, отпирали их амбары, делили между собою их добро, давали голодным хлеб, посеянный и собранный мужиком, но захваченный в собственность помещиком, требовали нового раздела земли. Крестьяне не вынесли безмерного угнетения и стали искать лучшей доли. Крестьяне решили, — и решили совершенно правильно, — что лучше умирать в борьбе с угнетателями, чем умирать без борьбы голодною смертью. Но крестьяне не добились лучшей доли. Царское правительство объявило их простыми бунтовщиками и грабителями (за то, что они отбирали у грабителей-помещиков крестьянами же

посеянный и убранный хлеб!), царское правительство послало против них войско, как против неприятелей, и крестьяне были разбиты, в крестьян стреляли, многих убили, крестьян пересекли зверски; засекали до-смерти,—истязали так, как никогда турки не истязают своих врагов—христиан. Царские посланцы, губернаторы, истязали больше всех, как настоящие палачи. Солдаты насиловали крестьянских жен и дочерей. А после всего крестьян же судили судом чиновников, крестьян же заставили уплатить в пользу помещиков восемьсот тысяч рублей, и на суде, на этом позорном, тайном, застеночном суде, не позволили даже защитникам рассказать, как истязали и мучили крестьян царские посланцы, губернатор Оболенский и другие царские слуги.

Крестьяне боролись за правое дело. Русский рабочий класс всегда будет чтить память мучеников, застреленных и засеченных царскими слугами. Эти мученики были борцами за свободу и счастье рабочего народа. Крестьяне были разбиты, но они поднимутся еще и еще, они не падут духом от первого поражения. Сознательные рабочие приложат все усилия, чтобы как можно больше рабочего народа в городах и в деревнях знало о крестьянской борьбе и готовилось к новой, более успешной борьбе. Сознательные рабочие всеми силами постараются помочь крестьянам *ясно понять, почему было подавлено первое крестьянское восстание (1902 г.) и как надо сделать, чтобы победа осталась за крестьянами и рабочими, а не за царскими слугами.*

Крестьянское восстание было подавлено, потому что это было восстание темной, несознательной массы, восстание без определенных, ясных *политических* требований, т.-е. без требования изменить *государственные* порядки. Крестьянское восстание было подавлено, потому что оно было *не подготовлено*. Крестьянское восстание было подавлено, потому что у деревенских пролетариев не было еще союза с городскими пролетариями. Вот три причины первой крестьянской неудачи. Чтобы восстание было успешно, надо, чтобы оно было сознательное и подготовленное, надо, чтобы оно охватило всю Россию и в союзе с городскими рабочими. И каждый шаг рабочей борьбы в городах, каждая социал-демократическая книжка или газета, каждая речь сознательного рабочего к деревенским пролетариям приближает к нам то время, когда восстание повторится, когда оно кончится победой.

Крестьяне поднялись несознательно, просто потому, что им стало невтерпёж, что они не хотели умирать бессловесно и без сопротивления. Крестьяне так исстрадались от всякого грабежа, угнетения и мучительства, что они не могли хоть на минуту не поверить темным слухам о царской милости, не могли не поверить, что всякий разумный человек признает справедливым раздел хлеба между голодными, между

теми, кто всю свою жизнь работал на других, сеял и убирал хлеб, а теперь умирает от голода подле амбара «господского» хлеба. Крестьяне как будто забыли, что лучшие земли, все фабрики и заводы захвачены богатыми, захвачены помещиками и буржуазией именно для того, чтобы голодный народ шел работать на них. Крестьяне забыли, что в защиту богатого класса не только говорят поповские проповеди, а поднимается также все царское правительство со всей тьмой чиновников и солдат. Царское правительство напомнило крестьянам об этом. Царское правительство зверски жестоко показало крестьянам, что такое государственная власть, кому она служит, кого она защищает. Нам надо только почаще напоминать крестьянам об этом уроке, и они легко поймут, почему необходимо *изменение государственных порядков*, почему необходима *политическая свобода*. Крестьянские восстания перестанут быть бессознательными, когда большее и большее количество народа поймет это, когда всякий грамотный и думающий мужик узнает *три главных требования*, за которые надо бороться прежде всего. Первое требование — *созыв все-народного собрания депутатов для устройства на Руси народного выборного, а не самодержавного правления*. Второе требование — *свобода всем и каждому печатать всякие книжки и газеты*. Третье требование — *признание законом полной равноправности крестьян с другими сословиями и созыв выборных крестьянских комитетов для уничтожения прежде всего всякой крепостной кабалы*. Это — главные, коренные требования социал-демократов, и крестьянам будет теперь очень нетрудно понять эти требования, понять, *с чего надо начать борьбу за народную свободу*. А когда крестьяне поймут эти требования, тогда они поймут также, что надо заранее, долго, упорно и стойко *готовиться к борьбе* и готовиться не в одиночку, а вместе с городскими рабочими — социал-демократами.

Пусть каждый сознательный рабочий и крестьянин собирает подле себя самых разумных, надежных и смелых товарищей. Пусть старается объяснить им, чего хотят социал-демократы, чтобы все поняли, какую борьбу надо вести и чего надо требовать. Пусть сознательные социал-демократы начнут исподволь, осмотрительно, но неуклонно обучать крестьян своему учению, давать читать социал-демократические книжки, разъяснять эти книжки на маленьких сходках верных людей.

Но разъяснять социал-демократическое учение надо не только по книгам, но и на каждом примере, на каждом случае угнетения и несправедливости, какой мы видим подле себя. Социал-демократическое учение есть учение о борьбе против всякого гнета, против всякого грабежа, против всякой несправедливости. Только такой чело

век есть настоящий социал-демократ, который знает причины угнетения и во всей своей жизни борется с каждым случаем угнетения. Как это делать? Сознательные социал-демократы, собравшись вместе в своем городе, в своей деревне, должны сами решить, как это надо делать, чтобы принести больше пользы всему рабочему классу. Для примера, приведу один или два случая. Положим, что рабочий-социал-демократ пришел на побывку в свою деревню, или не в свою деревню попал какой-ни-на-есть городской рабочий-социал-демократ. Деревня вся целиком, как муха в паутине, в лапах у соседа-помещика, не выходит из кабалы всю жизнь и некуда деться ей от этой кабалы. Надо сейчас выбрать самых толковых, разумных и надежных крестьян, которые ищут правды и не убоятся первой полицейской собаки, и разъяснить этим крестьянам, отчего происходит их безысходная кабала, рассказать, как помещики надували крестьян и обирали их в дворянских комитетах, рассказать про силу богатых и поддержку их царским правительством, рассказать о требованиях рабочих-социал-демократов. Когда крестьяне поймут всю эту нехитрую механику, тогда надо хорошенько обдумать сообща, нельзя ли дать дружный отпор этому помещику, нельзя ли крестьянам заявить свои первые и главные требования (подобно тому, как в городах рабочие заявляют свои требования фабрикантам). Если закабалено этим помещиком большое село или несколько деревень, то лучше бы всего было достать от ближнего социал-демократического комитета через доверенных людей *листовку*: в листовке социал-демократический комитет напишет, как следует, с самого начала, от какой кабалы страдают крестьяне, и чего они в первую голову требуют (чтобы плата за сьёмную землю была дешевле или чтобы при зимней наемке рассчитывали по настоящим ценам, а не за полцены, или чтобы за потравы так не преследовали, не теснили, или разные другие требования). Из такой листовки все грамотные крестьяне узнают хорошо, в чем дело, да и неграмотным объяснят. Тогда крестьяне увидят ясно, что социал-демократы стоят за них, что социал-демократы всякий грабеж осуждают. Тогда крестьяне понимать начнут, каких облегчений, хоть самых небольших, а все же облегчений, можно добиться сейчас, сразу, если дружно стоять,— и каких больших улучшений во всем государстве надо добиваться великой борьбой вместе с городскими рабочими-социал-демократами. Тогда крестьяне все больше да больше станут готовиться к этой борьбе, станут учиться, как надо надежных людей находить, как надо сообща за свои требования стоять. Может быть, иногда удастся стачку устроить, как городские рабочие делают. Правда, в деревне это труднее, а все же иногда возможно, и в других странах бывали удачные

стачки, например, в рабочую пору, когда помещики и богатые посевщики дозарезу нуждаются в рабочих. Если деревенская беднота подготовлена к стачке, если все давно уже согласилось насчет общих требований, если эти требования в листовках объяснены или просто на сходках хорошо растолкованы, — тогда все дружно будут стоять, и помещику уступить придется или хоть немного посдержаться себя в грабеже. Если стачка дружна и в горячее время устроена, то помещику и даже начальству с войском трудно что-нибудь выдумать, — время идет, помещику разорение, он тогда скоро сговорчивым станет. Конечно, это дело новое. Новое дело часто сначала не спорится. Рабочие в городах тоже сначала не умели вести дружной борьбы, не знали, какие им требования сообщать, а просто шли машины ломать да фабрику разносить. Ну, а теперь вот рабочие обучились дружной борьбе. Всякому новому делу надо сначала обучиться. Теперь рабочие понимают, что сразу можно только облегчений добиться, если дружно встать, — а между тем народ привыкает к дружному отпору и все больше готовится к великой, решительной борьбе. Так и крестьяне научатся разбирать, как давать отпор самым жестоким грабителям, как требовать дружно облегчения и как надо готовиться исподволь, стойко и повсюду, к великой битве за свободу. Число сознательных рабочих и крестьян будет становиться все больше, союзы деревенских социал-демократов все крепче, и каждый случай помещичьей кабалы, поповских поборов, полицейского зверства и притеснений начальства будет все больше и больше раскрывать глаза народу, приучать его к дружному отпору и к мысли о необходимости силой добиться изменения государственных порядков.

Мы говорили уже в самом начале этой книжки, что городской рабочий народ выходит теперь па улицы и площади и открыто, перед всеми, требует *свободы*, пишет на знаменах и кричит: «долгой самодержавие!». Скоро настанет день, когда рабочий народ в городах поднимется не для того только, чтобы пройтись по улицам с криками, а поднимется для великой, окончательной борьбы, когда рабочие, как один человек, скажут: «Мы умрем в борьбе или добьемся свободы!», когда на место сотен убитых и павших в борьбе встанут тысячи новых, еще более решительных борцов. И крестьяне поднимутся тогда, поднимутся по всей России и пойдут на помощь городским рабочим, пойдут биться до конца за крестьянскую и рабочую свободу. Никакие царские полчища не устоят тогда. Победа будет за рабочим народом, и рабочий класс пойдет по просторной, широкой дороге к избавлению всех трудящихся от всякого гнета, рабочий класс воспользуется свободой для борьбы за социализм!

Ответ тов. Иксу ³⁸⁾ на критику нашего проекта аграрной программы ³⁹⁾.¹

Товарищ Икс отвергает третий и четвертый пункты аграрной части нашего проекта *) и предлагает свой проект с видоизменением всех пунктов, а равно и общего введения к аграрной программе. Рассмотрим сначала возражения т. Икса против нашего проекта, а потом его собственный проект.

Против третьего пункта тов. Икс возражает, что предлагаемая нами конфискация монастырских (мы охотно добавили бы: и церковных) и удельных имений означала бы расхищение земель за бесценок капиталистами. Именно грабители крестьян на награбленные деньги и скупили бы эти земли, говорит он. Мы заметим на это, что, говоря о продаже конфискованных имений, т. Икс делает произвольное заключение, которое еще не содержится в нашей программе. Конфискация означает отчуждение собственности без вознаграждения. Только о таком отчуждении и говорится у нас. О том, продавать ли эти земли, кому и как, в каком порядке и на каких условиях продавать, — наш проект программы не говорит ни слова. Мы не связываем себе рук, предоставляем себе определить наиболее целесообразную форму распоряжения конфискованными имуществами тогда, когда они будут конфискованы, когда будут ясны все социальные и политические условия такой конфискации. Проект товарища Икса отличается в этом отношении от нашего, требуя не только конфискации, но и передачи конфискованных земель «во владение демократического государства для наиболее удобного пользования ими населением». Следовательно, т. Икс исключает одну из форм распоряжения конфискованным (распродажу) и не определяет точно какой-либо определенной формы (ибо остается неясным, в чем именно состоит или состоять будет, или должно состоять «наиболее удобное» пользование и какие именно

*) См. выше 272 и 273 стр. этого тома. *Ред.*

классы «населения» и на каких условиях получают право пользования). Таким образом, полной определенности в вопросе о способе распоряжения конфискованными землями т. Икс все равно не вносит (да и нельзя определить этого заранее), а распродажу, как один из способов, он исключает напрасно. Неправильно было бы сказать, что при всяких условиях и всегда социал-демократия будет против распродажи. В полицейско-классовом, хотя бы и конституционном, государстве класс собственников может быть нередко гораздо более прочным оплотом демократии, чем класс арендаторов, зависящих от этого государства. Это — с одной стороны. А с другой стороны, превращение конфискации в «подарок капиталистам» предусматривается (поскольку может вообще идти речь о предусматривании этого в формулировке программы) гораздо больше нашим проектом, чем проектом т. Икса. В самом деле, допустим самое худшее: допустим, что рабочая партия, несмотря на все свои усилия, не могла обуздать своеволия и корысти капиталистов *). В этом случае формулировка т. Икса представляет полный простор «наиболее удобному» пользованию конфискованными землями со стороны капиталистического класса «населения». Наоборот, наша формулировка, не связывая основного требования с формой его реализации, предусматривает, однако, одно строго определенное назначение сумм, полученных от такой реализации. Когда т. Икс говорит, что «с.-д. партия не может взять на себя задачу вперед предпринять, в какой конкретной форме народное представительство использует земельный фонд, находящийся в его руках», то он смешивает две различные вещи: *способ* реализации (иначе: «форму использования») фонда и *назначение* полученных от реализации сумм. Оставляя совершенно неопределенным вопрос о назначении этих сумм и связывая себе хотя отчасти руки в вопросе о способе реализации, т. Икс вносит двоякое ухудшение в наш проект.

Равным образом неправ, по нашему мнению, тов. Икс, когда возражает нам: «Получить выкупные платежи обратно от дворян также нельзя, так как многие из них все промотали». Это, собственно говоря, вовсе не возражение, ибо мы и не предлагаем просто «получить обратно», а предлагаем особый налог. Тов. Икс сам приводит в своей статье данные, что крупные землевладельцы особенно большую долю крестьянской земли «отрезывали» в свою пользу, захватывая иногда до *трех четвертей* крестьянской земли. Совершенно естественно поэтому требование именно крупных землевладельцев-дворян обложить

*) А если мы сможем обуздать, то и распродажа не превратится в расхищение и в подарок капиталистам.

особым налогом. Совершенно естественно также дать добытым этим путем суммам именно то особое назначение, которого мы требуем, ибо *сверх* общей задачи возвращения народу всех доходов, получаемых государством (задачи, осуществимой вполне лишь при социализме), перед освобожденной Россией неминуемо встанет еще специальная и особенно настоятельная задача поднятия жизненного уровня крестьян, задача, серьезной помощи той массе нищих и голодных, которая так непомерно быстро растет при нашем самодержавном строе.

Перейдем к четвертому пункту, который г. Икс отвергает целиком, хотя рассматривает исключительно первую его часть — об отрезках, и ни слова не говорит о второй части, предусматривающей устранение остатков крепостного права, различных в различных местностях государства. Начнем с одного формального замечания автора: он видит противоречие в том, что мы требуем уничтожения сословий и учреждения крестьянских, т.-е. сословных, комитетов. На самом деле, тут противоречие только кажущееся: для уничтожения сословий требуется «диктатура» низшего, угнетенного сословия, — точно так же, как для уничтожения классов вообще и класса пролетариев в том числе требуется диктатура пролетариата. Вся наша аграрная программа имеет целью уничтожение крепостнических и сословных традиций в области аграрных отношений, а для такого уничтожения возможно апеллировать единственно к низшему сословию, к угнетенным этими остатками крепостного порядка.

По существу дела, главным возражением автора является следующее: «едва ли доказуемо», что отрезки являются главнейшим базисом отработочной системы, ибо величина этих отрезков зависела от того, были ли крестьяне при крепостном праве оброчными и, следовательно, многозёмельными, или барщинными и, следовательно, мало-зёмельными. «Размеры отрезков и их значение обуславливается комбинацией исторических условий», и, например, в Вольском уезде в небольших имениях процент отрезков ничтожен, а в крупных имениях — громаден. Так рассуждает автор, не замечая, что он уходит в сторону от вопроса. Несомненно, что отрезки распределены крайне неравномерно и в зависимости от комбинации самых различных условий, (в том числе и от такого условия, как существование барщины или оброка при крепостном праве). Но что же это доказывает? Разве отработочная система не распределена тоже крайне неравномерно? Разве ее существование не определяется тоже комбинацией самых различных исторических условий? Автор берется опровергнуть *связь* между отрезками и отработочной системой, а рассуждает только о причинах отрезков и различий в их величине, ровно ничего не говоря об этой связи.

Только однажды автор выставляет утверждение, подходящее вплотную к сути его тезиса, и именно в этом утверждении он *совершенно неправ*. «Следовательно,—говорит он, подводя итог своим рассуждениям о влиянии оброка или барщины,—там, где крестьяне были барщинными (*главным образом в центральном земледельческом районе*) эти отрезки будут ничтожными, а там, где были оброчными,—вся помещичья земля может составлять «отрезки». Подчеркнутые нами слова заключают в себе крупную ошибку, разрушающую всю аргументацию автора. Именно в центральном земледельческом районе, этом главном центре отработков и всяких остатков крепостничества, отрезки не «ничтожны», а громадны, отрезки гораздо выше, чем в нечерноземной полосе с ее преобладанием оброка над барщиной. Вот данные по этому вопросу, доставленные мне одним товарищем, статистиком по специальности. Он сравнил данные Военно-Статистического Сборника о землевладении помещичьих крестьян до реформы с данными статистики поземельной собственности 1878 года и определил таким образом величину отрезков по каждой губернии. Оказалось, что в девяти нечерноземных губерниях *) у помещичьих крестьян было до реформы 10.421 тысяча десятин, а осталось в 1878 г.—9.746 т. десятин, т.-е. отрезано 675 т. дес., или 6,5% земли, отрезано по 72,8 т. дес. в среднем на губернию. Напротив, в 14 черноземных губерниях **) у крестьян было 12.795 т. дес., а осталось 9.996 т. дес., т.-е. отрезано 2.799 т. дес., или 21,9%, отрезано в среднем на губернию по 199,1 т. дес. Исключением является только третий район, степной, где в пяти губерниях ***) у крестьян было 2.203 т. дес., а осталось 1.580 т. дес., т.-е. отрезано 623 т. дес., или 28,3%, отрезано в среднем на губернию по 124,6 тысяч дес. ****). Этот район является исключе-

*) Псковская, Новгородская, Тверская, Московская, Владимирская, Смоленская, Калужская, Ярославская и Костромская.

**) Орловская, Тульская, Рязанская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Нижегородская, Симбирская, Казанская, Пензенская, Саратовская, Черниговская, Харьковская и Полтавская (37% земли отрезано).

***) Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Донская (приблизительный расчет) и Самарская.

****) Сопоставляя эти данные об отрезках в трех районах с данными о проценте барщинных крестьян к общему числу крестьян (по материалам редакционных комиссий: см. том 32, стр. 686 Энциклоп. словаря Брокгауза-Ефрона статью «Крестьяне»), получаем такое соотношение. Нечерноземный район (9 губ.): отрезки—6,5%; барщинных крестьян—43,9% (среднее из 9 погубернских данных). Средний черноземный район (14 губ.): отрезки—21,9%; барщинных крестьян—76,0%. Степной район (5 губ.): отрезки—28,3%; барщинных крестьян—95,3%. Следовательно, соотношение получается обратное тому, которое может установить т. Икс

нием, ибо здесь преобладает капиталистическая система над отработочной, тогда как процентный размер отрезков здесь наибольший. Но это исключение скорее подтверждает общее правило, ибо здесь влияние отрезков было парализовано такими крупными обстоятельствами, как наибольшие наделы у крестьян, несмотря на отрезки, и наибольшее количество свободного земельного фонда для аренды земли. Таким образом, попытка автора усомниться в существовании связи между отрезками и отработочной системой совершенно неудачна. *В общем и целом*, не подлежит сомнению, что центр отработочной системы в России (среднечерноземный район) есть в то же время и центр отрезков. Мы подчеркиваем «в общем и целом» для ответа на следующее недоумение автора. К словам нашей программы о возвращении тех земель, которые отрезаны и служат орудием кабальничества, автор ставит в скобках вопрос: «а которые не служат?». Мы ответим ему, что программа — не проект закона о возвращении отрезков. Мы определяем и объясняем общее значение отрезков, а не говорим об отдельных случаях. И неужели можно еще, после всей народнической литературы о положении пореформенного крестьянства, сомневаться в том, что отрезки, в общем и целом, служат орудием крепостнической кабалы? Неужели можно еще, — спросим мы дальше, — отрицать связь отрезков с отработочной системой, когда эта связь вытекает из самых основных понятий о пореформенной экономике России? Отработочная система есть соединение барщины с капитализмом, «старого режима» и «современного» хозяйства, системы эксплуатации посредством наделения землей и системы эксплуатации посредством отделения от земли. А какой же может быть более рельефный пример современной барщины, как не система хозяйства за отрезные земли (система, описанная, как таковая, как особая система, а не случайность, народнической литературой еще в то доброе старое время, когда о шаблонных и узких марксистах и слуху не было)? Неужели можно думать, что современное прикрепление крестьян к земле держится *только* отсутствием закона о свободе передвижения, а не существованием, кроме того (*и отчасти в основе того*), кабального хозяйства за отрезные земли?

Не доказавши совершенно ничем основательности своего сомнения в наличности связи между отрезками и кабалой, автор рассуждает дальше следующим образом. Возвращение отрезков есть наделение мелкими участками земли, основанное не столько на потребностях крестьянского хозяйства, сколько на историческом «предании». Как и всякое наделение недостаточным количеством земли (о достаточном и речи быть не может), оно не уничтожит, а создаст кабалу, ибо *вызовет* аренду недостающих земель, аренду из

нужды, аренду продовольственную, будет, следовательно, реакционной мерой.

Рассуждение, опять-таки бьющее мимо цели, ибо наша программа вовсе не «обещает» в своей аграрной части устранение всякой нужды вообще (это обещает она лишь в своей обще-социалистической части), а только устранение (некоторых хотя бы) остатков крепостного права. Наша программа говорит именно не о наделении вообще всякими мелкими участками, а об устранении хоть одного из видов кабалы, уже сложившегося. Автор уклонился от того хода мысли, который положен в основу нашей программы, и произвольно, неправильно придал ей иное значение. В самом деле, посмотрите на его аргументацию. Он отодвигает (и в этом отношении он, конечно, прав) толкование отрезков в смысле одной лишь чересполосности и говорит: «если отрезки являются добавочным наделением земель, то нужно рассмотреть, достаточно ли отрезков для уничтожения кабальных отношений, так как с этой точки зрения кабальные отношения есть результат малоземелья». Решительно нигде не утверждает наша программа, что отрезков достаточно для уничтожения кабалы. Вся и всяческая кабала может быть уничтожена только социалистической революцией, мы же в аграрной программе стоим на почве буржуазных отношений и требуем некоторых мер «в целях устранения» (не говорим даже, чтобы это могло быть полным устранением) остатков крепостного права. Вся суть нашей аграрной программы состоит в том, что сельский пролетариат должен вместе с богатым крестьянством бороться за уничтожение остатков крепостничества, за отрезки. Кто внимательно всмотрится в это положение, тот поймет неправильность, *неуместность* и нелогичность возражений вроде того: почему *только* отрезков, раз этого недостаточно? Потому, что *вместе с богатым крестьянством* пролетариат *не сможет и не должен* идти дальше уничтожения крепостничества, дальше отрезков и т. п. *Дальше этого* пролетариат вообще и сельский в особенности *пойдет один*, не вместе с «крестьянством», не вместе с богатым мужиком, а *против него*. Не потому мы не идем дальше отрезков, что не хотим добра мужику или боимся запугать буржуазию, а потому, что не хотим, чтобы сельский пролетарий помогал богатому мужику *свыше необходимого*, свыше необходимого для пролетария. От крепостнической кабалы страдают и пролетарий и богатый мужик; против *этой* кабалы они могут и должны идти вместе, а против *остальной* кабалы пролетариат пойдет один. Поэтому выделение крепостнической кабалы от всякой другой является в нашей программе необходимым результатом *строгого соблюдения классовых интересов пролетариата*. Мы бы нарушили эти интересы, мы

бы покинули классовую точку зрения пролетариата, если бы допустили в нашей программе, что «крестьянство» (т.-е. богатей плюс беднота) пойдет вместе дальше уничтожения остатков крепостного права; мы *затормозили бы* этим безусловно необходимый и самый важный с точки зрения социал-демократа процесс окончательного *обособления сельского пролетариата* от хозяйственного крестьянства, процесс роста пролетарского классового сознания в деревне. Когда люди старой веры, народники, и люди без всякой веры и без всяких убеждений, социалисты-революционеры, разводят руками по поводу нашей аграрной программы, то происходит это от того, что они (напр., г. Рудин и К^о) понятия не имеют о действительном экономическом строе нашей деревни и его эволюции, понятия не имеют о складывающихся и почти сложившихся буржуазных отношениях внутри общины, о силе буржуазного крестьянства. Со старыми народническими предрассудками или, чаще, с обрывками этих предрассудков подходят они к нашей аграрной программе и начинают критиковать отдельные пункты или их формулировку, не понимая даже, какую цель преследует наша аграрная программа, на какие общественно-экономические отношения она рассчитана. Когда им говорят, что в нашей аграрной программе речь идет не о борьбе с буржуазным строем, а о введении деревни в условия буржуазного строя, то они только протирают глаза, не сознавая (по своейственной им теоретической беззаботности), что их недоумение есть простой отзвук борьбы между народническим и марксистским мирозерцанием.

Для марксиста, приступающего к составлению аграрной программы, вопрос об остатках крепостничества в буржуазной и капиталистически развивающейся русской деревне есть уже решенный вопрос, и только полная беспринципность социалистов-революционеров мешает им видеть, что для критики *по существу* они должны противопоставить хоть что-нибудь связанное и цельное нашему решению этого вопроса. Для марксиста задача состоит лишь в том, чтобы избежать двух крайностей: с одной стороны, не впасть в ошибку тех людей, которые говорят, что с точки зрения пролетариата нам дела нет ни до каких ближайших и временных непролетарских задач, а с другой стороны, не допустить, чтобы участие пролетариата в решении ближайших демократических задач могло вести к затемнению его классового сознания и его классовой особенности. В области собственно поземельных отношений эта задача сводится к следующей: дать определенный лозунг такого аграрного преобразования на почве существующего общества, которое бы всего полнее смело остатки крепостного права

и всего скорее высвободило сельский пролетариат из сплошной массы сплошного крестьянства.

Думается, что наша программа решила эту задачу. И нас нисколько не смущает вопрос товарища Икса: как быть, если крестьянские комитеты потребуют не отрезков, а всей земли? Мы сами требуем всей земли, только, конечно, не «в целях устранения остатков крепостного порядка» (каковыми целями ограничивается аграрная *часть* нашей программы), а в целях социалистического переворота. И мы всегда и при всяких обстоятельствах неустанно указываем и будем указывать «деревенской бедноте» именно эту цель. Нет более грубой ошибки, как думать, что социал-демократ может идти в деревню только с аграрной частью своей программы, что социал-демократ может хотя бы на минуту свернуть свое социалистическое знамя. Если же требование всей земли будет требованием национализации или перехода земли к современному хозяйственному крестьянству, то мы оценим это требование с точки зрения интересов пролетариата, приняв во внимание все обстоятельства дела; мы не можем наперед сказать, напр., выступит ли наше хозяйственное крестьянство, когда революция пробудит его к политической жизни, в качестве демократически-революционной партии или в качестве партии порядка. Мы должны так составить свою программу, чтобы быть готовыми к самому худшему, а осуществление лучших комбинаций только облегчит нашу работу и даст ей новый толчок.

Нам остается еще, по данному вопросу, остановиться на следующем рассуждении товарища Икса. «На это, — пишет он по поводу своего положения, что наделение отрезками упрочит продовольственную аренду, — на это может быть возражение, что наделение отрезками имеет значение, как средство уничтожить кабальные формы аренды *этих* отрезков, а не увеличение и упрочение мелкого продовольственного хозяйства. Однако нетрудно заметить, что в этом возражении есть логическое противоречие. Наделение клочками земли есть *наделение земель в недостаточном количестве* для ведения прогрессирующего хозяйства и достаточное для упрочения продовольственного арендуемого хозяйства. Следовательно, наделением недостаточным количеством земли продовольственное хозяйство делается прочнее. Но уничтожаются ли этим кабальные формы аренды, — это нужно еще доказать. Мы доказывали, что они упрочиваются, так как увеличивают число мелких собственников — конкурентов при аренде помещичьей земли».

Мы выписали целиком все это рассуждение т. Икса, чтобы читателю легче было судить, *где* заключается действительное «логическое

противоречие». По общему правилу, крестьяне сейчас пользуются отрезками на условиях крепостнической кабалы. По возвращении отрезков они будут пользоваться ими как свободные собственники. Неужели «нужно еще доказать», что это возвращение *уничтожит* крепостническую кабалу посредством этих отрезков? Речь идет об особых участках земли, создавших уже особую форму кабалы, а автор ставит на место этого частного понятия общую категорию «недостаточного количества земли!» Это значит перепрыгнуть через вопрос. Это значит предположить, что отрезки в настоящее время не порождают никакой особой кабалы: тогда действительно возвращение их было бы *просто* «наделением недостаточным количеством земли», тогда действительно мы не могли бы стоять за эту меру. Но всякий прекрасно видит, что это не так.

Далее. Автор напрасно смешивает крепостническую кабалу (отрабоченную *систему* хозяйства), порождаемую отрезками, с продовольственной арендой, с арендой из нужды вообще. Эта последняя аренда существует во всех европейских странах: при капиталистическом хозяйстве *везде и всегда* конкуренция мелких собственников и мелких арендаторов вздувает продажные и арендные цены на землю до «кабальных» размеров. *Этого рода* кабалы нам не избыть никак *), покуда мы не избавимся от капитализма. Но разве же это — возражение против особых мер борьбы с особыми, чисто-русскими, видами кабалы? Тов. Икс рассуждает так, как если бы он возражал против сокращения рабочего дня ссылкой на увеличение интенсивности труда вследствие такого сокращения. Сокращение рабочего дня есть частичная реформа, уничтожающая только один из видов кабалы, именно кабалу посредством удлинения работы. Другие виды кабалы, напр., кабала посредством «подгоняния» рабочих *этой* реформой не устраняется, а все вообще виды кабалы никакими реформами на почве капитализма не могут быть устранены.

Когда автор говорит: «Наделение отрезками является мерой реакционной, закрепляющей кабалу», то он выставляет положение, находящееся в таком вопиющем противоречии со всеми данными о пореформенном крестьянском хозяйстве, что он сам не удерживается на этой позиции. Он сам противоречит себе, говоря несколько выше: «...Насаждать капитализм, разумеется, не дело соц.-дем. партии. Это помимо желанья какой бы то ни было партии случится, если крестьянское землепользование расширится...». Но если расширение кре-

*) Ограничение, обуздание этой кабалы возможно посредством предоставления судам права понижать арендные цены, — чего мы и требуем в своей программе.

(*тьянского землепользования*) вообще поведет к развитию капитализма, то *тем более* неизбежен этот результат при расширении землевладения крестьян на счет специальных участков, порождающих специально-крепостническую кабалу. Возвращение отрезков поднимет жизненный уровень крестьянства, увеличит внутренний рынок, усилит спрос на наемных рабочих в городах, а равно и на наемных рабочих у богатых крестьян и у помещиков, теряющих некоторую опору отработочного хозяйства. Что же касается до «насаждения капитализма», то это уже совсем странное возражение. Насаждением капитализма возвращение отрезков было бы лишь тогда, если бы оно нужно и полезно было *исключительно* буржуазии. Но это не так. Оно нужно и полезно не менее, если не более, деревенской бедноте, страдающей от кабалы и отработков. Сельский пролетарий *вместе* с сельским буржуа угнетен крепостнической кабалой, основанной в значительной степени именно на отрезках. Поэтому сельский пролетарий не может освободить себя от этой кабалы, не освобождая *тем самым* и сельского буржуа. Усматривать тут «насаждение» капитализма могут только г.г. Рудины и подобные социалисты-революционеры, не помнящие родства с народниками.

Еще менее убедительны соображения т. Икса по вопросу об осуществимости возвращения отрезков. Его данные по Вольскому уезду говорят против него: почти пятая часть имений (18 из 99) осталась в руках старых владельцев, т.-е. — отрезки могли бы перейти прямо и без всяких выкупов в руки крестьян. Еще треть имений перешла целиком в другие руки, т.-е. здесь пришлось бы выкупить отрезки на счет крупного дворянского землевладения. И только в 16 случаях из 99 пришлось бы выкупить у крестьян же и других владельцев, купивших землю по частям. Мы решительно отказываемся понять «неисполнимость» возвращения отрезков при такого рода условиях. Возьмем данные по той же самой Саратовской губернии. Перед нами лежат новейшие «Материалы к вопросу о нуждах сельско-хозяйственной промышленности в Саратовской губ.» (Саратов 1903 г.). Размер всех отрезков у бывших помещичьих крестьян определяется в 600 тысяч десятин, или 42,7%⁰ *). Если земские статистики в 1896 г. могли

*) Заметим, что эти новейшие земско-статистические данные вполне подтверждают мнение вышеупомянутого товарища-статистика, что сообщенные им данные об отрезках *преуменьшены*. По *тем* данным отрезки составляют в Саратовской губернии всего 512 т. десятин (= 38%⁰). Между тем и сумма 600 т. десятин *ниже действительной величины отрезков*, ибо охватывает, во-первых, *не все* общины бывших помещичьих крестьян, а, во-вторых, *только удобные земли*

определить величину отрезков по извлечениям из уставных грамот и других документов, то почему бы не определить этой величины еще точнее крестьянским комитетам в каком-нибудь, скажем, 1906 г.? И если бы взять норму Вольского уезда, то оказалось бы, что около 120 т. дес. можно бы было вернуть крестьянам сразу и без всякого выкупа, затем около 200 тысяч дес. выкупить (за счет дворянских земель) сразу из состава имений, перешедших в другие руки полностью, и только относительно остальных земель процедура выкупа (за счет дворянского землевладения), обмена и т. п. была бы несколько сложнее, но во всяком случае не представила бы ничего «неисполнимого». Какое значение имело бы для крестьян возвращение своих 600 т. дес., видно, напр., из того что вся сумма аренды частновладельческой земли в Саратовской губернии составляла в конце 90-х годов около 900 тысяч десятин. Мы не думаем, само собою разумеется, утверждать, чтобы все отрезные земли арендовывались в настоящее время, — мы хотим только наглядно показать отношение количества земли, подлежащей возвращению в собственность, к земле, снимаемой теперь *сплошь да рядом* на кабальных и на крепостнически-кабальных условиях. Это сравнение свидетельствует весьма внушительно о том, какой чувствительный удар нанесло бы возвращение отрезков крепостнически-кабальным отношениям, какой толчок дало бы оно революционной энергии «крестьянства» и — что всего важнее с точки зрения социал-демократа — в каких громадных размерах ускорило бы оно идейный и политический разрыв между сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией. Ибо ближайшим и неизбежным результатом экспроприационной работы крестьянских комитетов был бы именно этот решительный и бесповоротный разрыв, а отнюдь не объединение всего «крестьянства» на «полу-социалистических», «уравнительных» требованиях всей земли, как мерещится современным эпигонам народничества. Чем революционнее выступит «крестьянство» против помещиков, тем скорее и глубже будет этот разрыв, который выступит тогда не из статистических выкладок марксистского исследования, а из политических действий крестьянской буржуазии, из борьбы партий и классов внутри крестьянских комитетов.

И заметьте: выставя требование вернуть отрезки, мы намеренно ограничиваем свою задачу рамками существующего строя: мы *обязаны* это делать, если мы говорим о программе-*minimum* и если мы не хотим впасть в то беспардонное прожектерство, стоящее на границе шарлатанства, когда «на первый план» выдвигаются, с одной стороны, кооперации, с другой стороны, социализация. Мы даем от-

вет на вопрос, который поставлен не нами *), на вопрос о реформах завтрашнего дня, обсуждаемых и нелегальной печатью, и «обществом», и земством, и, пожалуй, даже правительством. Мы были бы анархистами или простыми болтунами, если бы отстранились от этого настоятельного, но вовсе не социалистического вопроса, выдвинутого всей пореформенной историей России. Мы должны дать *правильное*, с социал-демократической точки зрения, решение этого, не нами поставленного, вопроса, мы должны определить свою позицию по отношению к тем аграрным реформам, которых все либеральное общество уже потребовало и без которых ни один разумный человек не представляет себе политического освобождения России. И мы определяем *свою* позицию в этой либеральной (в научном, т.-е. марксистском смысле слова либеральной) реформе, оставаясь безусловно верными своему принципу поддержки действительно демократического движения, на-ряду с неустанным и неуклонным развитием классового сознания пролетариата. Мы даем практическую линию поведения в такой реформе, которую не сегодня-завтра должны предпринять правительство или либералы. Мы даем такой лозунг, который толкает

*) До какой степени «не нами» поставлен вопрос об аграрной реформе на почве существующего строя, это видно, например, из следующей цитаты, которую мы заимствуем у одного из *самых выдающихся* теоретиков народничества, г. В. В., и притом из статьи, относящейся к лучшей эпохе его деятельности («Отеч. Записки», 1882, № 8 и 9). «Рассматриваемые порядки, — писал тогда г. В. В. о строе нашего земледелия, — унаследованы нами от крепостного права... Крепостное право рухнуло, но пока лишь с юридической и некоторых других сторон, сельско-хозяйственные же порядки остались прежние, дореформенные... Крестьяне не могли продолжать вести промысел исключительно на ^{своем} обрешанном наделе; им нужно было непременно пользоваться отошедшими угодьями... Дабы обеспечить правильный ход мелкого земледельческого промысла, нужно гарантировать крестьянину пользование, по крайней мере, теми угодьями, которые... так или иначе находились в его распоряжении во времена крепостного права... Это *minimum* желаний, какие можно предъявлять во имя мелкой культуры». Вот постановка вопроса, данная людьми, которые верили в народничество и открыто исповедывали его, а не играли в прятки недостойным образом, как г.г. соц.-рев., и социал-демократия оценила народническую постановку по существу, как всегда оценивает она буржуазные и мелко-буржуазные требования. Положительную и прогрессивную часть требований (борьба с всеми остатками крепостного права) она переняла целиком, выбросив за борт мещанские иллюзии, показав, что уничтожение остатков крепостничества очистит и ускорит именно капиталистическое, а не иное какое развитие. Именно в интересах общественного развития и развязывания рук пролетарию, а не во имя мелкой культуры выставляем мы свое требование вернуть отрезки, отнюдь не обязываясь помогать «мелкой» *крестьянской буржуазии* не только против крепостного права, но и против крупной буржуазии.

к революционной развязке реформу, действительно выдвинутую жизнью, а не сочиненную фантазией расплывчатого, гуманного *allergewelts*-социализма.

Именно этим последним грехом грешит проект программы т. Икса. На вопрос о том, как держать себя в предстоящих либеральных преобразованиях аграрных отношений, нет никакого ответа. Зато нам дают (в п.п. 5 и 7) ухудшенную и противоречивую формулировку требования национализации земли. Противоречивую, ибо уничтожение ренты проектируется то путем налога, то путем передачи земли обществу. Ухудшенную, ибо налогом ренты не уничтожишь, а передача земли (вообще говоря) желательна в руки демократического государства, а не *мелких* общественных организаций (вроде современного или будущего земства). Доводы против принятия в нашу программу требования национализации земли приводились уже не раз, и мы не станем повторять их.

Пункт восьмой вовсе не относится к практической части программы, а п. 6 т. Икс формулировал так, что в нем не осталось ничего «аграрного». Почему он устраняет суды и понижение арендной платы, остается неизвестным.

Пункт первый автор формулирует менее ясно, чем это сделано в нашем проекте, а добавление: «в интересах защиты мелких собственников (а не развития мелкой собственности)» является опять-таки не «аграрным», неточным (нанимающих рабочего мелких собственников нечего и защищать) и излишним, ибо поскольку мы защищаем *личность*, а не собственность мелкого буржуа, мы делаем это посредством требования точно определенных социальных, финансовых и проч. реформ.

*Напечатано
в июне 1903 г.*

Из резолюций конференции „большинства“ в Таммерфорсе ⁴⁰⁾

Аграрная резолюция *)

1) Конференция признает, что развитие крестьянского движения вполне подтверждает основные принципиальные воззрения революционного марксизма как на революционный характер, так и на истинную общественно-экономическую сущность этого движения, разрушающего остатки крепостного права и создающего свободные буржуазные отношения в деревне; конференция полагает, что аграрную программу нашей партии желательно изменить таким образом: пункт об отрезках устранить; вместо него поставить, что партия поддерживает революционные мероприятия крестьянства вплоть до конфискации всей государственной, церковной, монастырской, удельной, кабинетской и частновладельческой земли, ставя своей главной и постоянной задачей самостоятельную организацию сельского пролетариата, разъяснение ему непримиримой противоположности его интересов и интересов сельской буржуазии, указание конечной цели социализма, единственно способного уничтожить деление общества на части и всякую эксплуатацию человека человеком. 2) Конференция выражает пожелание, чтобы из аграрной программы было выкинуто требование возвращения выкупных платежей и образования из полученных таким образом сумм особого фонда. Требование же конфискации государственных, монастырских и т. п. земель перенести в другой пункт.

Декабрь 1905 г.

*) К первой половине 1905 г. относятся перепечатанные в VI томе Собр. соч. статьи В. И.: «О нашей аграрной программе (письмо III съезду)» из № 12 «Вперед», «Маркс об американском черном переделе» из № 15 «Вперед» и аграрная резолюция III съезда Р. С.-Д. Р. П. См. все это в «Дополнении» к этому тому. *Ред.*

ПЕРЕСМОТР АГРАРНОЙ
ПРОГРАММЫ
РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

*Написано
в феврале 1906 г.*

*Напечатано
брошюрой, СПб. 1906 г.*

Необходимость пересмотра аграрной программы рабочей партии признана в настоящее время всеми. Последняя Конференция «большинства» (декабрь 1905 г.) формально выдвинула этот назревший вопрос, который и поставлен уже в порядок дня Объединительного съезда.

Мы намерены дать сначала самый краткий очерк постановки аграрного вопроса в истории русской социал-демократии, затем обзор различных проектов программы, предлагаемых ныне социал-демократами, и, наконец, набросок защищаемого нами проекта.

I. Беглый очерк исторического развития взглядов русской социал-демократии на аграрный вопрос.

Русская социал-демократия, с самого своего возникновения, признавала громадную важность аграрного и специального крестьянского вопроса в России, включая самостоятельный анализ этого вопроса во все свои программные построения.

Обратное мнение, нередко распространяемое народниками и социалистами-революционерами, основывается на круглом невежестве или намеренном извращении дела.

Уже в первом проекте программы русских социал-демократов, опубликованном Группой «Освобождение Труда» в 1883 году, стоит требование «радикального пересмотра аграрных отношений» и ликвидации всех крепостнических отношений в деревне (не имея под руками старой социал-демократической литературы, выходящей за границы, мы вынуждены цитировать на память, ручаясь за общий смысл, а не за самый текст цитат).

Затем Плеханов и в сборнике «Социал-Демократ» (конец 80-х годов), и в брошюрах: «Всероссийское разорение» и «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России» (1891 — 1892 г.г.) *) неоднократно

*) См. III том Сочинений Г. В. Плеханова под ред. Д. Рязанова. Ред.

и в самых *решительных* выражениях подчеркивал громадную важность крестьянского вопроса в России, указывал даже на то, что возможен и «черный передел» при предстоящем демократическом перевороте и что социал-демократия отнюдь не страшится и не чурается этой перспективы. Не будучи вовсе социалистической мерой, «черный передел» дал бы громадный толчок развитию капитализма, росту внутреннего рынка, поднятию благосостояния крестьянства, разложению общины, развитию классовых противоречий в деревне, ликвидации всех следов старой, крепостнически-кабальной России.

Это указание Плеханова на «черный передел» имеет для нас особую историческую важность. Оно показывает наглядно, что социал-демократы сразу дали именно ту теоретическую постановку аграрного вопроса в России, на которой они неуклонно стоят и по сей час.

Три следующие положения всегда защищались русскими социал-демократами, с самого возникновения их партии, вплоть до настоящего времени. *Первое.* Аграрный переворот неизбежно составит часть демократического переворота в России. Избавление деревни от крепостническо-кабальных отношений будет содержанием этого переворота. *Второе.* Предстоящий аграрный переворот, по своему общественно-экономическому значению, будет буржуазно-демократическим переворотом; он не ослабит, а усилит развитие капитализма и капиталистических классовых противоречий. *Третье.* Социал-демократия имеет все основания самым решительным образом поддерживать этот переворот, намечая при этом те или иные ближайшие задачи, но не связывая себе рук и не отказываясь несколько от поддержки даже и «черного передела».

Кто не знает этих трех положений, кто не вычитал их во *всей* социал-демократической литературе по аграрному вопросу в России, тот либо не знает дела, либо обходит существо дела (как постоянно поступают социалисты-революционеры).

Возвращаясь к истории развития взглядов социал-демократии на крестьянский вопрос, отметим еще из литературы конца 90-х годов «Задачи русских социал-демократов» (1897), где решительно опровергается мнение о «безучастном» отношении социал-демократов к крестьянству и повторяются общие взгляды социал-демократии, затем газету «Искра». В 3-м номере ее, вышедшем весной (март и апрель) 1901 года, т.-е. за год до первого крупного крестьянского восстания в России, была помещена редакционная статья «Рабочая партия и крестьянство»*), подчеркивавшая еще раз важность крестьянского

*) См. выше 263—269 стр. этого тома. *Ред.*

вопроса и выдвигавшая, между прочим, в числе других требований и требование возвращения отрезков.

Эта статья может быть рассматриваема, как первый набросок той аграрной программы Р.С.-Д.Р.П., которая от имени редакции «Искры» и «Зари» была опубликована летом 1902 года, и на II съезде нашей партии (август 1903 г.) стала официальной программой партии.

В этой программе *вся* борьба с самодержавием рассматривается как борьба буржуазного строя против крепостничества, и принципиальная точка зрения марксизма запечатлена самым отчетливым образом в основном положении аграрной части: «в целях устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия требует...»

Критики социал-демократической программы почти все *обходят* молчанием это основное положение: они не замечают слона.

Отдельные пункты аграрной программы, принятой на II съезде, кроме бесспорных требований (отмена сословных податей, понижение аренды, свобода распоряжения землей), содержали еще требование возврата выкупных платежей и учреждения крестьянских комитетов для возвращения отрезков и устранения остатков крепостных отношений.

Последний пункт, об отрезках, вызывал всего больше критики в рядах социал-демократов. Этот пункт критиковала и социал-демократическая группа «Борьба»⁴¹⁾, предлагавшая (если память мне не изменяет) экспроприацию всей помещичьей земли, критиковал и т. Икс (его критика вместе с моим ответом *) вышла особой брошюрой в Женеве в 1903 году летом, перед самым II съездом, делегаты которого имели ее перед собой). Тов. Икс предлагал вместо отрезков и возвращения выкупных платежей: 1) конфискацию церковных, монастырских и удельных земель передачей их «во владение демократического государства», 2) «обложение прогрессивным налогом земельной ренты крупных землевладельцев, чтобы эта форма дохода перешла в руки демократического государства на нужды народа», и 3) «переход части частновладельческих земель (крупного землевладения), а если возможно, и всех земель, во владение самоуправляющихся крупных общественных организаций (земств)».

Я критиковал эту программу, называя ее «ухудшенной и противоречивой формулировкой требования национализации земли», и подчеркивал, что крестьянские комитеты имеют значение как боевой

*) См. выше 358—370 стр. этого тома. *Ред.*

лозунг, поднимающий угнетенное сословие; — что социал-демократия не должна связывать себе рук, зарекаясь хотя бы от «распродажи» конфискованных земель; — что возвращение отрезков отнюдь *не ограничивает стремлений* социал-демократии, а ограничивает лишь возможность выставления общих задач и сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией. Я подчеркивал, что «если требование всей земли будет требованием национализации или передачи земли современному хозяйственному крестьянству, то мы оценим это требование с точки зрения интересов пролетариата, *приняв во внимание все обстоятельства дела* (курсив наш); мы не можем наперед сказать, например, выступит ли наше хозяйственное крестьянство, когда революция пробудит его к политической жизни, в качестве демократически-революционной партии или в качестве партии порядка» *).

Ту же самую мысль, что отрезки не ограничивают ни размаха крестьянского движения, ни нашей поддержки ему, если оно пойдет дальше, развивал я и в «Деревенской Бедноте» (вышла в 1903 г., перед II съездом), где «отрезки» называются не «загородкой», а «дверью» **), и мысль о переходе *всей земли* к крестьянству отнюдь не отвергается; а даже приветствуется при известной политической обстановке.

Относительно черного передела я писал в августе 1902 года («Заря», № 4, стр. 176), защищая проект аграрной программы:

«В требовании черного передела реакционна утопия обобщить и увековечить мелкое крестьянское производство, но в нем есть (кроме утопии, будто «крестьянство» может быть носителем *социалистического* переворота) и революционная сторона, именно: желание смести посредством крестьянского восстания все остатки крепостного строя» ***).

Итак, справки с литературой 1902 — 1903 г.г. доказывают неопровержимо, что требование отрезков никогда не понималось авторами этого пункта в смысле ограничения размаха крестьянского движения и нашей поддержки ему. Но тем не менее ход событий показывал, что этот пункт программы неудовлетворителен, ибо движение крестьянства растет вширь и вглубь с громадной быстротой, и наша программа в широких массах порождает недоумения, а партия рабочего класса должна считаться с широкими массами и не может ссылаться на одни комментарии, разъясняющие необязательными для партии доводами общеобязательную программу.

*) См. выше 365 стр. этого тома. *Ред.*

**) См. выше 350 стр. этого тома. *Ред.*

***) См. выше 293—294 стр. этого тома. *Ред.*

Необходимость пересмотра аграрной программы назревала. В начале 1905 года в одном из номеров «большевистской» социал-демократической газеты «Вперед» (выходившей с января по май 1905 года еженедельно в Женеве) был изложен проект изменения аграрной программы с удалением пункта об отрезках и с заменой его «поддержкой крестьянских требований вплоть до конфискации всей помещичьей земли».

Но на III съезде Р.С.-Д.Р.П. (май 1905 г.) и на одновременной «конференции» «меньшинства» вопрос о пересмотре самой программы не был поставлен. Дело ограничилось выработкой *тактической* резолюции. Обе половины партии сошлись при этом ~~на~~ поддержке крестьянского движения *вплоть до конфискации всей помещичьей земли* *).

Собственно говоря, эти резолюции предрешили вопрос о пересмотре аграрной программы Р.С.-Д.Р.П. На последней Конференции «большинства» (декабрь 1905 года) было принято мое предложение выразить пожелание об удалении пунктов об отрезках и о возвращении выкупных платежей и о замене их указанием на поддержку крестьянского движения, *вплоть до конфискации всей помещичьей земли* **).

Этим мы и закончим беглый очерк исторического развития взглядов Р.С.-Д.Р.П. на аграрный вопрос.

II. Четыре течения внутри социал-демократии по вопросу об аграрной программе.

В настоящее время мы имеем по данному вопросу, кроме указанной резолюции «большевистской» конференции, два готовых проекта аграрной программы — т. Маслова и Рожкова ⁴²⁾ и незаконченные, т.-е. не дающие готового проекта программы, замечания и соображения т.т. Финна, Плеханова и Каутского.

Изложим вкратце этих писателей.

Т. Маслов предлагает несколько видоизмененный проект т. Икса. Именно, из проекта Икса он удаляет обложение прогрессивным налогом земельной ренты и исправляет требование передачи частновладельческих земель в руки земства. Исправление Маслова состоит, во-первых, в том, что он выкидывает слова Икса: «если возможно и все земли» (т.-е. чтобы все земли перешли во владение земств); во-вторых, Маслов совершенно выкидывает имеющееся у Икса упоминание «земств», говоря вместо «крупных общественных организаций — земств» —

*) Резолюция напечатана была в «Руси», «Нашей Жизни» и «Правде».

***) См. выше 371 стр. этого тома. *Ред.*

«крупных областных организаций». Весь соответствующий пункт гласит у Маслова так:

«Передача частновладельческих земель (крупное землевладение) во владение самоуправляющихся крупных областных организаций. Минимальный размер подлежащих отчуждению земельных участков определяется областным народным представительством». Следовательно, Маслов решительно отказывается от условно допускаемой Иксом полной национализации и требует «муниципализации» или, точнее, «провинциализации». Против национализации Маслов выдвигает три довода: 1) национализация была бы посягательством на самоопределение национальностей; 2) на национализацию своих земель не согласятся крестьяне, особенно крестьяне-подворники; 3) национализация усилит бюрократию, неизбежную в классовом, буржуазно-демократическом государстве.

Раздел помещичьих земель («дележ») Маслов критикует лишь как псевдо-социалистическую утопию социалистов-революционеров, не оценивая этой меры по сравнению с «национализацией».

Что касается до Рожкова, то он не хочет ни раздела, ни национализации, требуя лишь замены пункта об отрезках пунктом такого рода: «Передача крестьянам без выкупа всех тех земель, которые служат орудием для их хозяйственного закабаления» (см. сборник «Текущий момент», стр. 6, статьи т. И. Рожкова). Конфискации церковных и других земель т. Рожков требует без указания на «передачу их во владение демократического государства» (как этого хочет т. Маслов).

Далее, т. Финн в своей неоконченной статье («Мир Божий», 1906) отвергает национализацию и склоняется, видимо, к разделу помещичьих земель в частную собственность крестьян.

Т. Плеханов в № 5 «Дневника» тоже не касается ни единым словом вопроса об определенных изменениях в нашей аграрной программе. Критикуя Маслова, он защищает лишь «гибкую тактику» вообще, отвергает «национализацию» (ссылаясь на старые доводы «Зари») и склоняется, как будто, к разделу помещичьих земель между крестьянами.

Наконец, К. Каутский в своей превосходной работе «Аграрный вопрос в России» *) излагает общие основы социал-демократических взглядов на вопрос, выражая свое полное сочувствие разделу помещичьих земель, допуская, как будто, при известных условиях

*) Войдет в VI том Сочинений *К. Каутского* под ред. Рязанова и Степанова. *Ред.*

и национализацию, но вообще не касаясь совершенно ни единым словом ни старой аграрной программы Р.С.-Д.Р.П., ни проектов ее изменения.

Сводя вместе наметившиеся в нашей партии мнения по вопросу об аграрной программе Р.С.-Д.Р.П., мы получаем следующие *четыре* основных типа этих мнений:

1) аграрная программа Р.С.-Д.Р.П. не должна требовать ни национализации, ни конфискации помещичьих земель (сюда относятся защитники теперешней программы или небольших исправлений ее, вроде предлагаемых т. Н. Рожковым);

2) аграрная программа Р.С.-Д.Р.П. должна требовать конфискации помещичьих земель, не требуя национализации земли ни в какой форме (сюда относятся, повидимому, т. Финн и, может быть, т. Плеханов, хотя мнение его неясно);

3) отчуждение помещичьих земель на-ряду с своеобразной и ограниченной национализацией («земствализация» и «провинциализация» Икса, Маслова, Громана ⁴³) и других);

4) конфискация помещичьих земель и, *при определенных политических условиях*, национализация земли (программа, предлагаемая большинством комиссии, назначенной Объединенным Центральным Комитетом нашей партии; эта программа, которую защищает пишущий эти строки, напечатана ниже).

Рассмотрим все эти мнения.

Сторонники теперешней программы или программы вроде предлагаемой т. Рожковым исходят либо из того взгляда, что конфискация крупных имений, ведущая к разделу их на мелкие, вообще не может быть защищаема с социал-демократической точки зрения, либо из того взгляда, что в программе никак не может быть места конфискации, место же ей лишь в тактической резолюции.

Начнем с первого взгляда. Нам говорят, что крупные имения, это—передовой капиталистический тип. Конфискация их, раздел их есть реакционная мера, шаг назад к мелкому хозяйству. Социал-демократы не могут быть за такую меру.

Такой взгляд нам кажется неправильным.

Мы должны учитывать общий и конечный результат современного крестьянского движения, а не топить его в отдельных случаях и частностях. В общем и целом современное помещичье хозяйство в России больше держится крепостнически-кабальной, чем капиталистической системы хозяйства. Кто отрицает это, тот не сможет объяснить теперешнего широкого и глубокого революционного крестьянского движения в России. Наша ошибка при выставлении требования

вернуть отрезки состояла в недостаточной оценке ширины и глубины демократического, именно буржуазно-демократического движения в крестьянстве. На этой ошибке неразумно настаивать теперь, когда нас многому научила революция. Для развития капитализма конфискация всей помещичьей земли даст несравненно больший плюс, чем тот минус, который получился бы от раздела крупного капиталистического хозяйства. Раздел не уничтожит капитализма и не оттянет его назад, а в громадной степени очистит, обобщит, расширит и укрепит почву для его (капитализма) нового развития. Мы всегда говорили, что ограничивать размах крестьянского движения отнюдь не дело социал-демократов, а в настоящее время отказ от требования конфискации всей помещичьей земли был бы явным ограничением размаха определившегося общественного движения.

Поэтому те товарищи, которые в настоящее время борются против требования конфискации все помещичьих земель, так же ошибаются, как ошибаются английские углекопы, имеющие менее, чем 8-часовой рабочий день, и воюющие против законодательного введения 8-часового рабочего дня во всей стране.

Другие товарищи делают уступку «духу времени». В программе — отрезки или отчуждение земель, служащих для закабаления, — говорят они. В тактической резолюции — конфискация. Не надо, дескать, смешивать программу с тактикой.

Мы ответим на это, что попытка проведения абсолютной грани между программой и тактикой ведет только к схоластике и педантизму. Программа определяет общие, основные отношения рабочего класса к другим классам. Тактика — частные и временные отношения. Это, конечно, справедливо. Но нельзя забывать, что вся наша борьба с остатками крепостничества в деревне есть частная и временная задача по сравнению с обще-социалистическими задачами пролетариата. Если «конституционный режим» в шиповском вкусе продержится в России 10 — 15 лет, то эти остатки исчезнут, причинив неисчислимые страдания населению, но все же исчезнут, вымрут сами собой. Сколько-нибудь сильное демократическое крестьянское движение станет тогда невозможным; никакой аграрной программы «в целях устранения остатков крепостного порядка» нельзя будет защищать. Значит, различие между программой и тактикой лишь относительное. А невыгода для массовой партии, выступающей именно теперь более открыто, чем прежде, весьма велика, если в программе стоит частное, ограниченное и узкое, а в тактической резолюции — общее, широкое и всеобъемлющее требование. Аграрную программу нашей партии все равно придется довольно скоро опять пересматривать заново:

и в том случае, если упрочится дубасовско-шиповская «конституция», и в том случае, если победит крестьянское и рабочее восстание. Значит, особенно уже гоняться за тем, чтобы строить дом на вечные времена, не доводится.

Переходим ко второму типу взглядов. Конфискация помещичьих земель, раздел их — да, но никак не национализация, говорят нам. Ссылаются на Каутского в защиту раздела, повторяют прежние доводы всех социал-демократов (сравни «Заря», № 4) против национализации. Мы вполне и безусловно согласны с тем, что раздел помещичьих земель был бы в настоящее время, в общем и целом, решительно прогрессивной мерой и в экономическом, и в политическом смысле. Мы согласны, далее, и с тем, что в буржуазном обществе класс мелких собственников, *при известных условиях*, является «более прочным оплотом демократии, чем класс арендаторов, зависящих от полицейски-классового, хотя бы и конституционного государства» (Ленин, «Ответ Иксу», стр. 27)*).

Но мы думаем, что *ограничиваться* этими соображениями в настоящий момент демократической революции в России, ограничиваться отстаиванием старой позиции 1902 г. — значило бы безусловно не учитывать существенно изменившейся социально-классовой и политической конъюнктуры. «Заря» указывала в августе 1902 года (кн. 4, ст. Плеханова, стр. 36), что у нас «Московские Ведомости» защищают национализацию, и проводила ту бесспорно правильную мысль, что требование национализации земли далеко не везде и вовсе не всегда революционно. Это последнее, конечно, справедливо, но в той же статье Плеханова (стр. 37) указывается, что *«в революционную эпоху»* (курсив Плеханова) экспроприация крупных землевладельцев может явиться у нас необходимостью и что при известных обстоятельствах вопрос о ней необходимо будет поставить.

Несомненно, что теперь положение дел существенно изменилось сравнительно с 1902 годом. Революция поднялась высоко в 1905 году и готовит теперь силы к новому подъему. О защите национализации земли (в сколько-нибудь серьезном смысле) «Московскими Ведомостями» не может быть и речи. Напротив, отстаивание неприкосновенности частной собственности на землю сделалось основным мотивом и речей Николая II, и воплей Грингмута ⁴⁴) и К^о. Крестьянское восстание уже встряхнуло крепостническую Русь, и все надежды умирающего самодержавия покоятся теперь исключительно на сделке с помещичьим классом, до-смерти

*) См. выше стр. 358 этого тома. *Ред*

напуганным крестьянским движением. Не только «Московские Ведомости», но и «Слово», орган шиповцев, травит Витте и «социалистический» проект Кутлера ⁴⁵⁾, предлагавший не национализацию, а лишь обязательный *выкуп* части земель. Бешеные расправы правительства с «Крестьянским Союзом» ⁴⁶⁾ и бешеные «драгонады» против волнующихся крестьян показывают яснее ясного, что революционно-демократический характер крестьянского движения обрисовался уже вполне.

Это движение, как всякое глубокое народное движение, вызвало уже и продолжает вызывать громадный революционный энтузиазм и революционную энергию крестьянства. В своей борьбе против помещичьей собственности на землю, против помещичьего землевладения, крестьяне с необходимостью доходят и дошли уже, в лице передовых своих представителей, до требования отмены всей частной собственности на землю вообще *).

Что идея общенародной собственности на землю чрезвычайно широко бродит теперь в крестьянстве, это не может подлежать ни малейшему сомнению. И несомненно также, что, несмотря на всю темноту крестьянства, несмотря на все реакционно-утопические элементы его пожеланий, эта идея, в общем и целом, носит революционно-демократический характер **).

*) См. «Постановления Съездов Крестьянского Союза 1 августа и 6 ноября 1905 г.», СПб. 1905 г., стр. 6, и «Протоколы учредительного Съезда Всероссийского Крестьянского Союза» (СПб. 1905 г.) *passim*.

**) Товарищ Плеханов в № 5 «Дневника» предостерегает Россию от повторения опытов Ван-ган-че (китайский преобразователь XI века, неудачно введший национализацию земли) и старается доказать, что крестьянская идея национализации земли реакционна по своему происхождению. Натянутость этой аргументации бьет в глаза. Поистине, *qui prouve trop, ne prouve rien* (кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает). Если бы Россию XX века можно было сравнивать с Китаем XI века, тогда мы с Плехановым, наверное, не говорили бы ни о революционно-демократическом характере крестьянского движения, ни о капитализме в России. Что же касается до реакционного происхождения (или характера) крестьянской идеи национализации земли, то ведь и в идее черного передела есть несомненнейшие черты не только реакционного происхождения, но и реакционного характера ее в настоящее время. Реакционные элементы есть во всем крестьянском движении и во всей крестьянской идеологии, но это нисколько не опровергает общего революционно-демократического характера всего этого движения в целом. Поэтому свое положение (о невозможности для социал-демократов выдвигать требование национализации земли при определенных политических условиях) Плеханов не только ничем не доказал, но даже особенно ослабил своей утрированно-натянутой аргументацией.

Социал-демократы должны очищать эту идею от реакционных и мещански социалистических извращений ее — об этом нет спора. Но социал-демократы поступили бы глубоко ошибочно, если бы выкинули за борт все это требование, не сумев выделить его революционно-демократической стороны. Мы должны со всей откровенностью и решительностью сказать крестьянину, что национализация земли есть мера буржуазная, что она полезна *лишь* при определенных политических условиях, но выступать с *голым* отрицанием этой меры вообще нам, социалистам, перед крестьянской массой было бы близорукой политикой. И не только близорукой политикой, но и теоретическим искажением марксизма, который установил с полной определенностью, что национализация земли возможна, мыслима и в буржуазном обществе, что она не задержит, а усилит развитие капитализма, что она есть *максимум* буржуазно-демократических реформ в области аграрных отношений.

А неужели может кто-либо отрицать, что *в настоящее время* мы должны выступить перед крестьянством именно с максимумом буржуазно-демократических преобразований? Неужели можно еще до сих пор не видеть связи между радикализмом аграрных требований крестьянина (отмена частной собственности на землю) и радикализмом его политических требований (республика и т. д.)?

Нет, позиция социал-демократов в аграрном вопросе может быть в настоящее время, когда дело идет о доведении демократического переворота до конца, лишь следующая: против помещичьей собственности за крестьянскую собственность при существовании частной собственности на землю вообще. Против частной собственности на землю за национализацию земли *при определенных политических условиях*.

Тут мы подходим к 3-му типу взглядов: к «земствозации» или «провинциализации» Икса, Маслова и других. Против Маслова приходится здесь повторить отчасти то же, что говорил я в 1903 г. против Икса, именно: что он дает «ухудшенную и противоречивую формулировку требования национализации земли» (*Ленин*, «Ответ Иксу», стр. 42 *). «Передача земли,—писал я там же,—(вообще говоря) желательна в руки демократического государства, а не *мелких* общественных организаций (вроде современного или будущего земства)».

Что предлагает Маслов? Он предлагает мешанину из национализации *плюс* земствозации, *плюс* частной собственности на землю *без всякого указания* на различные политические условия, при которых

*) См. стр. 370 этого тома. *Ред.*

пролетариату выгодна (сравнительно) та или иная система земельного устройства. В самом деле, в п. 3 своего проекта Маслов требует «конфискации» церковных и других земель с «передачей их во владение демократического государства». Это чистая форма национализации. Спрашивается, почему не оговорены политические условия, обезвреживающие национализацию в буржуазном обществе? Почему *здесь* вместо национализации не предложена земствозилизация? Почему выбрана такая формулировка, которая *исключает* распродажу конфискованных земель? *). На все эти вопросы у Маслова нет ответа.

Предлагая национализацию церковных, монастырских и удельных земель и в то же время споря против национализации вообще, Маслов побивает сам себя. Его доводы против национализации частью неполны и неточны, частью совсем слабы. Первый довод: национализация посягает на самоопределение национальностей. Нельзя из Питера распоряжаться территорией Закавказья.—Это не довод, а сплошное недоразумение. Во-первых, право национальностей на самоопределение признано нашей программой, и, следовательно, Закавказье «вправе» самоопределиваться, отделившись от Питера. Не возражает же Маслов против 4-хвостки на том основании, что «Закавказье» может не согласиться! Во-вторых, и местное и областное *широкое* самоуправление признаны *вообще* нашей программой, и, следовательно, говорить о том, чтобы «петербургская бюрократия распоряжалась землей горцев» (Маслов, стр. 22), прямо смешно! В-третьих, закон о «земствозилизации» *закавказских* земель все равно придется издать *питерскому* Учредительному Собранию, потому что Маслов не хочет ведь представлять любой окраине свободы сохранять помещичье землевладение! Значит, весь довод Маслова падает.

Второй довод: «Национализация земли предполагает передачу *всех* земель в руки государства. Но разве крестьяне согласятся передать свои земли кому-либо добровольно, особенно крестьяне-подворники?». (Маслов, стр. 20.)

Во-первых, Маслов играет словами или путает понятия. Национализация означает передачу права собственности на землю, права получать ренту, а вовсе не самой земли. Национализация ничуть не означает недобровольной передачи всеми крестьянами земель кому бы то ни было. Поясним это Маслову примером. Социалисти-

*) Ср. Ленин, «Ответ Иксу», стр. 27: «Неправильно было бы сказать, что при всяких условиях и всегда социал-демократия будет против распродажи». (См. выше 358—359 стр. этого тома. *Ред.*) Предполагать неотменной частную собственность на землю и зарекаться от распродажи и нелогично, и неразумно.

ческий переворот означает передачу не только собственности на землю, но и самой земли, как объекта хозяйства, в руки всего общества. Значит ли это, что социалисты хотят отнять у мелких крестьян их земли против их воли? Нет, ни один разумный социалист никогда не предлагал такой глупости.

Считает ли кто-либо необходимым оговаривать это особо в социалистической программе, где говорится о замене частной собственности на землю общественной? Нет, ни одна партия социал-демократов не делает такой оговорки. Тем менее есть у нас основания сочинять вымышленные ужасы насчет национализации. Национализация есть передача ренты государству. Крестьяне в большинстве случаев никакой ренты с земли не получают. Значит, при национализации им платить ничего не придется, а крестьянски-демократическое государство (молчаливо предполагаемое Масловым с его земствализацией и не определяемое им точно) введет еще прогрессивно-подходящий налог и убавит платежи мелких хозяев. Национализация облегчит мобилизацию земель, но никакого отобрания земли у мелких крестьян против их воли она ничуть не означает.

Во-вторых, если аргументировать против национализации с точки зрения «добровольного согласия» крестьян-подворников, то мы спросим Маслова: «согласятся ли добровольно» мужики-собственники на то, чтобы лучшие, именно помещичьи, церковные и удельные земли давало им *только в аренду* то «демократическое государство», в котором крестьяне будут силой? Ведь это что значит: плохие, надельные земли—на тебе в собственность, а хорошие, помещичьи—арендуй. Черный хлеб возьми даром, а за белый заплати денежки. Никогда на это крестьяне не согласятся. «Одно из двух, тов. Маслов: либо экономические отношения вызывают необходимость в частной собственности и таковая выгодна,—тогда надо говорить о разделе помещичьих земель или о конфискации вообще. Либо возможна и выгодна национализация всей земли,—и тогда нет надобности делать непременно особое изъятие для крестьян. Соединение национализации с провинциализацией, а провинциализации с частной собственностью есть просто путаница. Можно ручаться за то, что *при самой полной победе демократической революции* такая мера никогда не могла бы быть осуществлена».

III. Главная ошибка тов. Маслова.

Здесь необходимо остановиться еще на одном соображении, вытекающем из предыдущего, но требующем более подробного рассмотрения. Мы сказали сейчас, что можно ручаться за неосуществимость

масловской программы даже при самой полной победе демократической революции. Вообще говоря, — «неосуществимость» известных требований программы в смысле невероятности их выполнения при данном положении дел или в ближайшем будущем не может считаться аргументом против этих требований. К. Каутский чрезвычайно рельефно отметил это в своей статье против Розы Люксембург по вопросу о независимости Польши *). Р. Люксембург говорила о «неосуществимости» этой независимости, а К. Каутский возражал, что дело не в «осуществимости» в указанном смысле, а в соответствии известного требования общему направлению развития общества или общей экономической и политической ситуации во всем цивилизованном мире. Возьмите, например, требование германской социал-демократической программы о выборе всех чиновников народом, говорил Каутский. Конечно, это требование «неосуществимо» с точки зрения теперешнего положения дел в Германии. Но тем не менее это требование вполне правильное и необходимое, ибо оно является неразрывной составной частью последнего демократического переворота, к которому идет все общественное развитие и которого добивается социал-демократия, как условия социализма и как необходимого составного элемента политической надстройки социализма.

Поэтому, говоря о неосуществимости масловской программы, мы и подчеркиваем слова: при самой полной победе демократической революции. Мы говорим совсем не о том, что масловская программа неосуществима с точки зрения теперешних политических отношений и условий. Нет. Мы утверждаем, что именно при полном и последовательном до конца демократическом перевороте, т.-е. именно при таких политических условиях, которые будут наиболее далеки от настоящих и которые будут наиболее благоприятны коренным аграрным реформам, именно при таких условиях программа Маслова является неосуществимой не потому, чтобы она была слишком, так сказать, велика, а потому, что она слишком мала с точки зрения этих условий. Иными словами: если дело не дойдет до полной победы демократической революции, то ни о каком разрушении помещичьего землевладения, ни о какой конфискации удельных и т. п. земель, ни о какой муниципализации и т. п. нельзя будет и говорить серьезно. Наоборот, если дело дойдет до полной победы демократической революции, то переворот *не может* ограничиться одной муниципализацией части земель. Переворот, сметающий все помещичье землевладение (а импе-

*) Выписка из этой статьи приведена в № 4 «Зари», в моей статье о проекте аграрной программы (см. стр. 281—282 этого тома. *Ред.*).

но такой переворот предполагается и Масловым и всеми, стоящими за раздел или за конфискацию помещичьих имений), — такой переворот требует революционной энергии и революционного размаха, достигающего степени, невиданной еще в истории. Предположить возможность такого переворота без конфискации помещичьего землевладения (Маслов говорит в своем проекте программы только об «отчуждении», а не о конфискации), без самого широкого распространения в «народе» идеи национализации всей земли, без создания политически наиболее передовых форм демократизма, значит предположить бессмыслицу. Все стороны общественной жизни тесно связаны между собой и всецело подчинены в последнем счете отношениям производства. Коренная мера уничтожения помещичьего землевладения немыслима без коренного изменения государственных форм (а изменение это при данной экономической реформе возможно лишь в направлении демократизма), немыслима без того, чтобы «народная» и крестьянская мысль, требующая уничтожения крупнейшей разновидности частной поземельной собственности, не восставала против частной собственности на землю вообще. Другими словами: такой решительный переворот, как уничтожение помещичьего землевладения, сам по себе неминуемо дает самый могучий толчок вперед всему общественному, экономическому и политическому развитию. Социалист, выдвигающий вопрос о таком перевороте на очередь дня, необходимо должен обдумать и новые, вытекающие из него, вопросы, должен рассмотреть этот переворот не только с точки зрения его прошлого, но и с точки зрения его будущего.

Вот именно с этой стороны и является особенно неудовлетворительным проект тов. Маслова. Этот проект неправильно формулирует, во-первых, те лозунги, которые теперь, сейчас и немедленно должны разжечь, усилить, распространить и «организовать» аграрную революцию: такими лозунгами могут быть только *конфискация* всех помещичьих земель и учреждение для этой цели непременно *крестьянских комитетов*, как единственно целесообразной формы органов местной, близкой народу, сильной революционной власти. Этот проект, во-вторых, неправилен тем, что не указывает точно тех политических условий, без которых «муниципализация» является мерой не только необязательно полезной, но даже наверное вредной для пролетариата и крестьянства, именно не дает никакого точного и недвусмысленного определения понятия: «демократическое государство». Этот проект, в-третьих, — и это один из самых существенных и наиболее редко замечаемых недостатков его, — не рассматривает теперешнего аграрного переворота с точки зрения его будущего, не указывает

задач, непосредственно вытекающих из этого переворота, страдает несоответствием между экономическими и политическими предпосылками, на которых этот проект построен.

В самом деле, всмотритесь внимательнее в самый сильный (третий) довод, которым можно защищать масловский проект. Этот довод гласит: национализация усилит власть буржуазного государства, тогда как муниципальные и вообще местные органы такого государства бывают более демократичны, не обременены расходами на армию, не выполняют непосредственно задач полицейского угнетения пролетариата и проч. и т. п. Легко видеть, что этот довод предполагает *не вполне демократическое* государство, именно такое, где как раз самый важный пункт, центральная власть, сохраняет наибольшую близость к старым военно-бюрократическим порядкам, где местные учреждения, будучи второстепенными и подчиненными, лучше, демократичнее центральных учреждений, т.-е. этот довод предполагает *недоведенный до конца демократический переворот*. Этот довод *молчаливо* предполагает нечто среднее между Россией эпохи Александра III, когда земства были лучше центральных учреждений, и Францией эпохи «республики без республиканцев», когда *реакционная* буржуазия, напуганная усилением пролетариата, создала антидемократическую, «монархическую республику», с центральными учреждениями, которые гораздо хуже местных, менее демократичны, более пропитаны духом военщины, бюрократизма, полицейщины. Проект Маслова, в сущности, молчаливо предполагает то, что требования нашей политической программы-минимум не осуществлены полностью, что самодержавие народа не обеспечено, постоянная армия не уничтожена, выборность чиновника не введена и т. д.,—другими словами: что наша демократическая революция так же не дошла до своего конца, как большая часть европейских демократических революций, так же урезана, извращена, «возвращена вспять», как все эти последние. Проект Маслова специально приспособлен к половинчатому, непоследовательному, неполному или урезанному и «обезвреженному» реакцией демократическому перевороту *).

Именно это обстоятельство и делает проект Маслова совершенно искусственным, механическим, неосуществимым в указанном выше значении этого слова, внутренне-противоречивым и шатким, наконец, односторонним (ибо переход от демократического переворота

*) Каутский, на которого ссылается Маслов, особо оговаривает в своей книге «Agrarfrage», что национализация, нелепая в условиях Мекленбурга, имела бы иное значение в демократической Англии или Австралии.

мыслится только к антидемократической буржуазной реакции, а не к обостренной борьбе пролетариата за социализм).

Совершенно непозволительно *молчаливо* предполагать, что не доведен до конца демократический переворот, что не осуществлены коренные требования нашей политической программы-минимум. Такую вещь обязательно не замалчивать, а указать со всей точностью. Если бы Маслов хотел быть верным себе, если бы он хотел устранить всякий элемент недоговоренности, внутренней фальши в своем проекте, тогда он должен бы был сказать: так как государство, которое выйдет у нас из теперешнего переворота, будет, «вероятно», очень мало демократическим, то лучше не усиливать его власти национализацией, а ограничиться земствозацией, ибо земства будут, *«надо думать»*, лучше и демократичнее, чем центральные государственные учреждения. Такова и только такова молчаливая предпосылка проекта Маслова. Поэтому, когда он употребляет в своем проекте выражение «демократическое государство» (п. 3) и притом без всяких оговорок, то он говорит величайшую неправду, вводит себя самого и пролетариат и весь народ в заблуждение, ибо на самом деле он «пригоняет» свой проект именно к недемократическому государству, к реакционному государству, которое возникло из недоведенного до конца или «отобранного» реакцией демократизма.

Раз это так, — а это несомненно так, — то ясна становится вся искусственность и «сочиненность» проекта Маслова. В самом деле, если предположить государство с центральной властью, более реакционною, чем местные власти, государство вроде третьей французской республики без республиканцев, то прямо смешно становится допущение мысли о возможности уничтожить помещичье землевладение при таком государстве или хотя бы удержать при нем осуществленное революционным натиском уничтожение помещичьего землевладения. Всякое *такое* государство в части света, которая называется Европою, в столетие, которое именуется XX, неминуемо должно было бы в силу объективной логики классовой борьбы, *начать с охраны* помещичьего землевладения или *с восстановления* его, ежели оно частью уже разрушено. Ведь весь смысл, объективный смысл, всякого такого полудемократического, а на деле реакционного, государства состоит в том, чтобы отстоять *коренные* устои буржуазно-помещичьей и чиновничьей власти, пожертвовав лишь наименее существенными прерогативами. Ведь сосуществование в таких государствах реакционной центральной власти и сравнительно «демократических» местных учреждений, земств, муниципальных правлений и т. п. объясняется единственно исключительно тем, что эти местные учреждения

занимаются *безвредным для буржуазного государства* «лужением умывальников», водоснабжением, электрическими трамваями и т. п. мероприятиями, неспособными подорвать *основ* того, что называется «существующим общественным порядком». Было бы ребяческой наивностью распространять наблюдения, произведенные над деятельностью земств по водоснабжению и освещению, на возможную «деятельность» их по уничтожению помещичьего землевладения. Это было бы все равно, как если бы выбранная сплошь из социал-демократов городская дума какого-нибудь французского пошехонья вознамерилась «муниципализировать» по всей Франции частную собственность на застроенную частными зданиями землю. В том-то и дело, что мера, уничтожающая помещичье землевладение, отличается немножечко по характеру своему от мер по улучшению водоснабжения, освещения, ассенизации и т. п. В том-то и дело, что первая «мера» «затрогивает» самым дерзким образом коренные основы *всего* «существующего общественного порядка», колеблет и подрывает эти основы с гигантской силой, облегчает натиск пролетариату на весь буржуазный строй в невиданных в истории размерах. Да тут всякое буржуазное государство прежде всего и больше всего должно будет позаботиться о сохранении основ буржуазного господства: все права и привилегии по части автономного лужения умывальников будут в один миг уничтожены, вся муниципализация полетит сразу к чорту, всякая тень демократизма в местных учреждениях будет вытравлена «карательными экспедициями», раз затронуты будут коренные интересы буржуазно-помещичьего государства. Предполагать с невинным видом муниципально-демократическую автономию при реакционной центральной власти и распространять эту «автономию» на уничтожение помещичьего землевладения—значит давать неподражаемые образчики наглядных несообразностей или бесконечной политической наивности.

2

IV. Задачи нашей аграрной программы.

Вопрос об аграрной программе Р.С.-Д.Р.П. значительно выяснился бы, если бы мы попробовали изложить эту программу в виде простых и ясных советов, которые должна дать социал-демократия пролетариату и крестьянству в эпоху демократической революции.

Первый совет неизбежно будет такой: направить все усилия к полной победе крестьянского восстания. Вез такой победы ни об «отобрании земли» у помещиков, ни о создании действительно демократического государства нельзя даже и говорить серьезно. А лозунг, зовущий крестьян к восстанию, может быть лишь один: конфискация всех

помещичьих земель (отнюдь не отчуждения вообще или экспроприации вообще, оставляющие в тени вопрос о выкупе) и непременно конфискация крестьянскими комитетами впредь до Учредительного Собрания.

Всякий другой совет (в том числе и лозунг «отчуждения», выдвигаемый Масловым, и вся его муниципализация) есть призыв к решению вопроса не восстанием, а сделкой с помещиками, сделкой с реакционной центральной властью, есть призыв к решению вопроса не путем революционным, а путем бюрократическим, ибо самые демократические областные и земские организации не могут не быть бюрократическими по сравнению с революционными крестьянскими комитетами, которые тут же, на месте, сейчас должны расправиться с помещиками и захватить права, подлежащие санкции Всенародного Учредительного Собрания.

Второй совет неизбежно будет такой: без полностью проведенной демократизации политического строя, без республики и обеспечения на деле самодержавия народа нечего и думать ни об удержании завоеваний крестьянского восстания, ни о том, чтобы делать хоть какой-нибудь шаг дальше. Этот наш совет рабочим и крестьянам мы должны особенно отчетливо и точно формулировать, чтобы невозможны были никакие сомнения, никакие двусмысленности, никакие кривотолкования, никакие молчаливые допущения такой бессмыслицы, как возможность уничтожить помещичье землевладение при реакционной центральной власти. И потому, выдвигая усиленно вперед наши политические советы, мы должны сказать крестьянину: взявши землю, ты должен идти вперед, иначе ты неминуемо будешь разбит и отброшен назад помещиками и крупной буржуазией. Нельзя взять землю и удержать ее за собой без новых политических завоеваний, без нанесения нового и еще более решительного удара всей частной собственности на землю вообще. В политике, как и во всей общественной жизни, не идти вперед—значит быть отброшенным назад. Либо буржуазия, окрепнув после демократического переворота (который естественно укрепляет буржуазию), отнимет все завоевания и рабочих и крестьянской массы,—либо пролетариат и крестьянская масса пробьют себе путь вперед. А это значит—республика и полное самодержавие народа. Это значит: при условии завоевания республики национализация всей земли, как возможный максимум буржуазно-демократического переворота, как естественный и необходимый шаг вперед от победы буржуазного демократизма к началу настоящей борьбы за социализм.

Третий и последний совет: организуйтесь особо, пролетарии и полупролетарии города и деревни. Не доверяйте никаким хозяйчи-

кам, хотя бы и мелким, хотя бы и «трудовым». Не обольщайтесь мелким хозяйством при сохранении товарного производства. Чем ближе подходит дело к победе крестьянского восстания, тем ближе поворот крестьян-хозяев против пролетариата, тем пужнее самостоятельная пролетарская организация, тем энергичнее, настойчивее, решительнее и громче должны мы звать к полному социалистическому перевороту. Мы поддерживаем крестьянское движение до конца, но мы должны помнить, что это движение другого класса, *не того*, который может совершить и совершит социалистический переворот. Поэтому мы оставляем в стороне вопрос, что делать с землей в смысле ее распределения, как объекта хозяйства, — этот вопрос могут решать в буржуазном обществе и будут решать только хозяева и хозяйчики. Нас же интересует всецело (а после победы крестьянского восстания почти исключительно) вопрос: что делать сельскому пролетариату? Мы занимаемся и займемся, главным образом, этим вопросом, предоставив идеологам мелкого буржуа сочинять уравнилельность землепользования и все тому подобное. Мы ответим на этот вопрос, коренной вопрос новой, буржуазно-демократической России: пролетариат сельский должен самостоятельно организоваться вместе с городским для борьбы за полный социалистический переворот.

Следовательно, наша аграрная программа должна состоять из трех основных частей: во-первых, из формулировки самого решительного призыва к революционному крестьянскому натиску на помещичье землевладение; во-вторых, из точного указания дальнейшего шага, который может и должно сделать движение для закрепления крестьянских завоеваний и для перехода от победы демократии к пролетарской непосредственной борьбе за социализм; в-третьих, из указания классовых пролетарских задач партии, которые тем настоятельнее надвигаются на нас и тем настойчивее требуют ясной постановки их, чем ближе победа крестьянского восстания.

Программа Маслова не решает ни одной из тех основных задач, которые должны быть разрешены теперь Р.С.-Д.Р. Партией: эта программа не дает такого лозунга, который теперь же, немедленно, в эпоху самого антидемократического государства направляет крестьянское движение к победе, — эта программа не дает точного определения политических преобразований, необходимых для завершения и закрепления преобразований аграрных, — она не дает указания на меры, необходимые в области земельной реформы при условии самого полного и последовательного демократизма, она не дает характеристики пролетарской позиции нашей партии по отношению ко всем буржуазно-демократическим преобразованиям. Эта программа не определяет ни

условий «первого шага», ни задач «второго шага», а смешивает все в одну кучу, начиная с передачи удельных земель в руки несуществующего «демократического государства» и продолжая передачей помещичьих земель в руки демократических муниципалитетов из опасения недемократического характера центральной власти! Нереволуционная по своему практическому значению, в данный момент, построенная на предположении совершенно искусственной и совершенно невероятной сделки с полуреакционной центральной властью, эта программа не может дать руководства рабочей партии ни при одном из возможных и мыслимых путей развития демократического переворота в России.

Резюмируем: единственной правильной программой при условии демократического переворота будет такая: конфискации помещичьих земель и учреждения крестьянских комитетов *) мы должны немедленно требовать и не обставляя этого требования никакими ограничительными оговорками. Такое требование революционно и выгодно с точки зрения и пролетариата, и крестьянства при всяких, даже наилучших, условиях. Такое требование неизбежно влечет за собой крах полицейского государства и усиление демократизма.

Но ограничиться конфискацией нельзя. В эпоху демократической революции и крестьянского восстания мы ни в каком случае не можем отвергать безусловно национализации земли. Необходимо лишь это требование обусловить вполне точным указанием на известные политические порядки, без которых национализация могла бы повредить пролетариату и крестьянству.

Такая программа будет полна и цельна. Она даст безусловный максимум того, что вообще мыслимо при всяком буржуазно-демократическом перевороте. Она не свяжет рук социал-демократии, допуская и раздел и национализацию при различных политических конъюнктурах. Она не внесет ни в каком случае розни между крестьянством и

*) Подобно Иксу, Маслов «видит противоречие в том, что мы требуем уничтожения сословий и учреждения крестьянских, т.-е. сословных, комитетов. На самом деле, тут противоречие только кажущееся: для уничтожения сословий требуется «диктатура» низшего, угнетенного сословия,—точно так же, как для уничтожения классов вообще и класса пролетариев в том числе требуется диктатура пролетариата. Вся наша аграрная программа имеет целью уничтожение крепостнических и сословных традиций в области аграрных отношений, а для такого уничтожения возможно апеллировать единственно к низшему сословию, к угнетенным этими остатками крепостного порядка». Ленин, «Ответ Иксу», стр. 29 (см. стр. 360 этого тома. *Ред.*).

пролетариатом, как борцами за демократизм *). Она выдвинет теперь и тотчас, при полицейско-самодержавных политических порядках, безусловно революционные и революционизирующие эти порядки лозунги, выставляя также и дальнейшие требования при условии полной победы демократической революции, т.-е. при условии такого положения дел, когда завершение демократического переворота открывает новые перспективы и новые задачи.

Точное указание особой пролетарской позиции нашей во всем демократическом аграрном перевороте безусловно необходимо в программе. Нечего стесняться тем, что такому указанию место в тактической резолюции, или тем, что это — повторение общей части программы.

Ради ясности нашей позиции и выяснения ее перед массой стоит пожертвовать стройной схемой деления тем на программные и тактические.

Соответствующий проект аграрной программы, выработанной большинством «аграрной комиссии» («аграрная комиссия» была назначена Объединенным Центральным Комитетом Р.С.-Д.Р.П. для составления проекта новой аграрной программы), мы и предлагаем.

У. Проект аграрной программы

В целях устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия требует:

- 1) конфискации всех церковных, монастырских, удельных, государственных, кабинетских и помещичьих земель;
- 2) учреждения крестьянских комитетов для немедленного уничтожения всех следов помещичьей власти и помещичьих привилегий и для фактического распоряжения конфискованными землями впредь до установления Всенародным Учредительным Собранием нового земельного устройства;
- 3) отмены всех податей и повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие;

*) Чтобы устранить всякую мысль о том, будто рабочая партия хочет навязывать крестьянству какие бы то ни было проекты реформ независимо от воли крестьянства, независимо от самостоятельного движения внутри крестьянства, к проекту программы приложен вариант А, в котором, вместо прямого требования национализации, говорится сначала о поддержке партией стремления революционного крестьянства к отмене частной собственности на землю.

4) отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель;

5) предоставления выборным народным судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Если же решительная победа современной революции в России обеспечит полностью самодержавие народа, т.-е. создаст республику и вполне демократический государственный строй, то партия будет *) добиваться отмены частной собственности на землю и передачи всех земель в общую собственность всего народа.

При этом Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия во всех случаях и при всяком положении демократических аграрных преобразований ставит своей задачей неуклонно стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, предостерегать его от обольщения системой мелкого хозяйства, которая никогда, при существовании товарного производства, не в состоянии уничтожить нищеты масс, и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота, как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию ⁴⁷).

*) Вариант А.

... то партия будет поддерживать стремление революционного крестьянства к отмене частной собственности на землю и добиваться передачи всех земель в собственность государства

Заключительное слово по аграрному вопросу на IV „Объединительном“ съезде Р. С.-Д. Р. П. ⁴⁸⁾.

Я выставляю два основных тезиса: 1) муниципализации никогда не захотят крестьяне; 2) муниципализация без демократической республики, без обеспеченного полностью самодержавия народа, без выборности чиновников вредна. Развивая эти тезисы, я остановлюсь сначала на более серьезных возражениях против национализации. Несомненно, таким наиболее серьезным возражением является возражение, сделанное тов. Плехановым ⁴⁹⁾. Тов. Плеханов говорил буквально, я записал его слова: «Мы ни в коем случае не можем стоять за национализацию». Это ошибка. Я берусь утверждать, что, если у нас осуществится на самом деле крестьянская революция и если политический переворот, сопровождающий ее, дойдет до создания действительно демократической республики, то т. Плеханов сочтет возможным стоять за национализацию, и если бы действительно осуществилась у нас в России в предстоящем перевороте демократическая республика, то вся, не только русская, но и международная обстановка движения толкнула бы к национализации. Если же не осуществится это условие, то и тогда муниципализация окажется фикцией; тогда она может осуществиться разве лишь как новый вид выкупа. У т. Джона ⁵⁰⁾ стоит термин: отчуждение, а не конфискация, и, как видно было из его речи, этот термин выбран был им не случайно, а между тем термин этот просто кадетский, он предполагает что угодно, и с ним вполне мирится проектируемый кадетами выкуп. Пойдем дальше. Где гарантия от реставрации, спрашивал т. Плеханов. Я не думаю, чтобы постановка этого вопроса находилась в тесной и неразрывной связи с разбираемой нами программой, но раз этот вопрос поставлен, на него надо дать вполне определенный и недвусмысленный ответ. Если говорить о настоящей, вполне действительной экономической гарантии от реставрации, т.-е. такой гарантии, которая бы создавала экономические условия, исключаящие реставрацию, то тогда придется сказать:

единственная гарантия от реставрации — социалистический переворот на Западе; никакой другой гарантии, в настоящем и полном смысле этого слова, быть не может. Вне этого условия, при всяком другом решении вопроса (муниципализация, раздел и т. п.), реставрация не только возможна, но прямо неизбежна. Я формулировал бы это положение в таких словах: русская революция может своими собственными силами победить, но она ни в коем случае не может своими собственными руками удержать и закрепить своих завоеваний. Она не может достигнуть этого, если на Западе не будет социалистического переворота; без этого условия реставрация неизбежна и при муниципализации, и при национализации, и при разделе, ибо мелкий хозяйчик, при всех и всяческих формах владения и собственности, будет опорой реставрации. После полной победы демократической революции, мелкий хозяйчик неизбежно повернет против пролетариата и тем скорее, чем скорее будут сброшены все общие враги пролетариата и хозяйчика, как-то: капиталисты, помещики, финансовая буржуазия и т. п. У нашей демократической республики нет никакого резерва, кроме социалистического пролетариата на Западе, и в этом отношении не надо упускать из виду, что классическая буржуазная революция в Европе, именно Великая французская революция XVIII века, происходила совсем не при такой международной обстановке, при какой происходит русская революция. Франция конца XVIII века была окружена феодальными и полуфеодальными государствами. Россия XX века, совершающая буржуазную революцию, окружена странами, в которых социалистический пролетариат стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией. Если такие сравнительно ничтожные явления, как обещания свободы в России царем 17 октября, дали уже большой толчок движению пролетариата в Западной Европе,—если достаточно было австрийским рабочим получить телеграмму из Петербурга о пресловутом конституционном манифесте, чтобы заставить их сразу выйти на улицу, чтобы привести к ряду демонстраций и военных столкновений в крупнейших промышленных городах Австрии, то можно представить себе, как поведет себя социалистический международный пролетариат, если вести из России принесут ему не обещание свободы, а действительное осуществление ее и полную победу революционного крестьянства. Если же поставить вопрос о гарантии от реставрации на иную почву, т. е. если говорить об относительной и условной гарантии от реставрации, то тогда придется сказать следующее: условной и относительной гарантией от реставрации является только то, чтобы революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была проведена непосред-

по революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяческих примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца, и мой проект дает максимум относительно гарантий против реставрации. Как непосредственный рычаг революционного крестьянского движения, как наиболее желательная форма его, выставлены в моем проекте крестьянские комитеты. Крестьянские комитеты, в переводе на простой язык, значит — призыв к тому, чтобы крестьяне сами немедленно и непосредственно расправились с чиновниками и помещиками самым решительным образом. Крестьянские комитеты, это значит — призыв к тому, чтобы угнетенный остатками крепостничества и полицейскими порядками народ расправился бы с этими остатками, как говорил Маркс, «по-плебейски». Тов. Плеханову эта предпосылка доведенной до конца революции, осуществляющей выбор чиновников народом, напомнила столь неприятный для него, как и для всех нас, конечно, анархизм, но в высшей степени странно, что выборы чиновников народом могут напомнить об анархизме; в высшей степени странно, что в такой момент, как настоящий, вопрос о выборе чиновников народом может или мог вызвать улыбку у какого бы то ни было соц.-дем., кроме разве Бернштейна. Именно теперь мы переживаем как раз такое время, когда этот лозунг — выбор чиновников народом — получает самое непосредственное, громадное практическое значение. Вся наша деятельность, пропаганда и агитация в крестьянских массах должны состоять в значительной степени в пропаганде, в распространении и разъяснении именно этого лозунга. Проповедывать крестьянскую революцию, говорить сколько-нибудь в серьезном смысле слова об аграрной революции и не говорить вместе с тем о необходимости настоящего демократизма, т.-е., между прочим, и выбора чиновников народом, это — вопиющее противоречие. Упрек за анархизм по этому поводу напоминает мне лишь немецких бернштейниацев, которые недавно, полемизируя с Каутским, упрекнули его в анархизме.

Мы должны прямо и определенно сказать крестьянину: если ты хочешь довести аграрную революцию до конца, то ты должен также довести и политическую революцию до конца; без доведения до конца политической революции не будет вовсе или не будет сколько-нибудь прочной аграрной революции. Без полного демократического переворота, без выбора чиновников народом у нас будут либо аграрные бунты, либо кадетские аграрные реформы. У нас не будет того, что заслуживало бы употребленного Плехановым большого слова: крестьянская революция. Пойдем дальше. Муниципализация отводит широкую арену классовой борьбе, говорил Плеханов; я постарался воспроиз-

вести это утверждение его возможно более буквально, и я должен решительно заявить, что это утверждение прямо-таки *неверно*; оно неверно ни в политическом, ни в экономическом смысле. При прочих равных условиях муниципалитет и муниципальное землевладение являются, несомненно, более узкой ареной классовой борьбы, чем вся нация, чем национализация земли. Национализация земли при демократической республике создает безусловно самое широкое поприще для классовой борьбы — самое широкое, какое только возможно и какое только мыслимо вообще при существовании капитализма. Национализация означает уничтожение абсолютной ренты, понижение цен на хлеб, обеспечение максимальной свободы конкуренции и свободы проникновения капитала в земледелие. Муниципализация, наоборот, суживает общенациональную классовую борьбу, не очищая всех производственных отношений в земледелии от абсолютной ренты, разменивая наше общее требование на частные; муниципализация во всяком случае заглушеывает классовую борьбу. С этой точки зрения поставленный Плехановым вопрос может быть решен только в одном смысле. С этой точки зрения муниципализация безусловно не выдерживает критики. Муниципализация есть сужение и заглушевание классовой борьбы. Следующее возражение Плеханова касается вопроса о захвате власти. Плеханов усмотрел у меня в проекте моей аграрной программы захват власти, и я должен сказать, что идея захвата власти революционным крестьянством действительно имеется в моем проекте аграрной программы, но сводить эту идею к народовольческой идее захвата власти есть величайшая ошибка. В 70-х и 80-х годах, когда идея захвата власти культивировалась народовольцами, они представляли из себя группу интеллигентов, а на деле сколько-нибудь широкого, действительно массового революционного движения не было. Захват власти был пожеланием или фразой горсточки интеллигентов, а не неизбежным дальнейшим шагом развивающегося уже массового движения. Теперь, после октября, ноября и декабря 1905 года, после того, как широкие массы рабочих классов, полупролетарских элементов и крестьянства показали миру невиданные давно уже формы революционного движения, — теперь после того, как борьба революционного народа за власть вспыхнула и в Москве, и на юге, и в Прибалтийском крае, — теперь сводить мысль о завоевании политической власти революционным народом к народовольчеству, значит запаздывать на целых 25 лет, значит вычеркивать из истории России целый громадный период. Плеханов говорил: не нужно бояться аграрной революции. Именно эта боязнь завоевания власти революционным крестьянством и есть боязнь аграрной революции. Аграрная революция есть

пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом. Без этого последнего условия это будет не аграрная революция, а крестьянский бунт или кадетские аграрные реформы. Я напомню лишь, чтобы закончить рассмотрение этого пункта, что даже резолюция товарищей из меньшинства, напечатанная во 2 номере «Партийных Известий», говорит, что перед нами выдвигается теперь уже задача вырвать власть из рук правительства.

Слова: «народное творчество», которых, кажется, нет в наших резолюциях, но которые употребил я, если верить памяти т. Плеханова, в моей речи, кажутся ему напоминанием о старых знакомых из народовольцев и эс-эров. Это воспоминание т. Плеханова мне представляется опять-таки опаздыванием на 25 лет. Припомните то, что было в России в последней четверти 1905 г.: стачки, Советы Раб. Депутатов, восстания, крестьянские комитеты, жел.-дор. комитеты и пр., — все это свидетельствует именно о переходе народного движения в форму восстания, все это показывает несомненные зачатки органов революционной власти, и мои слова о народном творчестве имели совершенно определенное и конкретное содержание; они относились именно к этим историческим дням русской революции, они характеризовали именно этот прием борьбы не только против старой власти, а борьбы посредством революционной власти, прием, впервые примененный широкими массами русских рабочих и крестьян в знаменитые октябрьские и декабрьские дни. Если наша революция похоронена, тогда похоронены и эти зачаточные формы революционной власти крестьян и рабочих; если же не фраза наши слова о крестьянской революции, если у нас будет действительно аграрная революция в настоящем значении этого слова, тогда мы увидим, несомненно, повторение октябрьских и декабрьских событий в неизмеримо более широких размерах. Революционная власть не интеллигентов, не группы заговорщиков, а рабочих и крестьян уже имела место в России, уже осуществилась на деле в ходе нашей революции. Она была раздавлена, благодаря победе реакции, но если мы имеем действительно основание быть убежденными в подъеме революции, то мы неизбежно также должны ждать и подъема, развития и успеха новых, еще более решительных, еще более связанных с крестьянством и пролетариатом органов революционной власти. Следовательно, Плеханов посредством избитого и смешного жупела «народовольчество» ⁵¹⁾ только увильнул от анализа октябрьско-декабрьских форм движения.

Наконец, рассмотрим еще вопрос о гибкости и подкованности па 4 ноги моей программы. Я думаю, что и в этом отношении моя аграр-

ная программа является наиболее удовлетворительной по сравнению со всеми остальными. Как быть, если дела революции пойдут плохо? Как быть, если без осуществления всех поставленных в моем проекте «если» нельзя будет говорить о доведении до конца нашей демократической революции? Тогда, несомненно, придется считаться с теми условиями крестьянского хозяйства и крестьянского землепользования, которые имеются уже теперь. В этом отношении я сошлюсь на такое крупнейшей важности явление, как аренда. Ведь, если говорить о том, что дело революции может пойти плохо, что она может и не дойти до конца, то в этом случае, несомненно, надо считаться с наличием и неустранимостью такого явления, и у меня на этот худой случай, на этот случай отсутствия всех якобы утопических «если», задачи партии предусмотрены полнее, точнее и гораздо трезвее, чем у т. Маслова. Таким образом моя программа дает практические лозунги и при теперешних условиях крестьянского хозяйства и крестьянского землепользования и при наилучших перспективах дальнейшего развития капитализма. Тов. Джон покушался сострить, что у меня в программе слишком много программ, что у меня есть и конфискация, и аренда, исключаящие друг друга; острофы тут не вышло, потому что конфискация помещичьих земель не исключает аренды, которая имеет место и на крестьянских землях. Следовательно, т. Плеханов был особенно не прав, когда он выдвигал свой особенно эффектный довод против меня. Не трудно, дескать, написать программу на случай, если все обойдется самым наилучшим образом. Такую-то программу всякий напишет, а ты вот напиши программу на тот случай, когда как раз не будет налицо наилучших условий. И я утверждаю в ответ на этот довод, что именно в случае наихудшего возможного хода или исхода нашей революции моя программа, говорящая о конфискации помещичьих земель и предусматривающая такие вопросы, как вопрос об аренде, является особенно трезвой и особенно хорошо подкованной, а вот что касается т. Джона, то его проект, ничего не говоря об этих наихудших условиях, т.-е. об условиях отсутствия действительно проведенного политического демократизма, дает нам лишь муниципализацию, а между тем муниципализация без выборности чиновников народом, без уничтожения постоянной армии и т. д. представляет такую же опасность и даже еще большую опасность, как и национализация. Вот почему я и настаиваю на постановке тех «если», которые так несправедливо осуждал Плеханов.

Итак, крестьяне не примут муниципализации. Тов. Картвелов ⁵²⁾ говорил, что на Кавказе крестьяне вполне соглашаются с эс-эрами, но спрашивают при этом: вправе ли они будут продавать доставшуюся

им при разделе или при социализации землю. Верно, т. Карвелов! Ваше наблюдение вполне соответствует крестьянским интересам вообще и крестьянскому пониманию своих интересов, но именно потому, что крестьяне всякие аграрные преобразования рассматривают с точки зрения того, вправе ли они будут продавать доставшуюся им добавочную землю, именно поэтому крестьяне и будут безусловно против муниципализации, против земствозилизации. Крестьяне и до сих пор еще смешивают земство с земским начальником, и они имеют к этому гораздо более глубокие основания, чем предполагают величественные кадетские профессора права, смеющиеся над крестьянским невежеством. Поэтому, прежде чем говорить о муниципализации, необходимо, безусловно необходимо, говорить о выборности чиновников народом. Теперь же, пока это демократическое требование не осуществлено, уместно лишь говорить о конфискации вообще, либо о разделе. Вот почему в целях упрощения основного вопроса для съезда я поступаю следующим образом: так как программа т. Борисова⁵³) имеет ряд общих черт с моей программой и построена именно на разделе, а не на национализации, то я снимаю свою программу и предоставляю съезду высказаться по вопросу: раздел или муниципализация. Если вы отвергнете раздел, — или, может быть, вернее будет сказать, «когда» вы отвергнете раздел — тогда мне, конечно, придется снять свой проект, как безнадежный, окончательно, если же вы примете раздел, то я внесу свою программу целиком, как поправку к проекту т. Борисова. Напомню еще в ответ на упреки, будто я навязываю крестьянам национализацию, что в моей программе есть «вариант А», в котором специально говорится об устранении всякой мысли о навязывании чего бы то ни было крестьянам против их воли. Следовательно, замена моего проекта проектом Борисова при первоначальном голосовании ровно ничего не изменит в сущности дела и только облегчит и упростит выяснение нам действительной воли съезда. По моему мнению, муниципализация ошибочна и вредна — раздел ошибочен, но не вреден. Остановлюсь вкратце на этом различии: «разделисты» правильно истолковывают факты, но они не помнят изречения Маркса о старом материализме: «Материалисты объясняли мир, а дело не только в том, чтобы объяснять его, но и в том, чтобы изменять мир». Крестьянин говорит: «Земля божья, земля народная, земля ничья». «Разделисты» объясняют нам, что он говорит это незнательно, что он говорит одно, а думает другое. Действительные стремления крестьян, говорят они, состоят всецело и исключительно в прибавке земли крестьянам, в увеличении мелкого хозяйства и ни в чем больше. Все это совершенно верно. Но наше разногласие с «раз-

делистами» и тут не кончается, а только начинается. Именно этими словами крестьян, несмотря на всю их экономическую несостоятельность или бессодержательность, мы должны пользоваться, как зацепками для пропаганды. Ты говоришь, что землей должны пользоваться все? Ты хочешь отдать землю народу? Прекрасно, но что значит дать землю народу? Кто распоряжается народным достоянием и народным имуществом? Чиновники. Треповы ⁵⁴). Хочешь ли ты отдать землю Трепову и чиновникам? Нет. Всякий крестьянин скажет, что им он отдать земли не хочет. Хочешь ли отдать землю Петрункевичам ⁵⁵) и Родичевым ⁵⁶), которые, может быть, будут заседать в муниципальном самоуправлении? Нет. Крестьянин, наверно не захочет отдать землю этим господам. Следовательно,— разясним мы крестьянам,— для того, чтобы земля могла быть отдана всему народу с пользой для крестьян, необходимо, чтобы была обеспечена выборность всех чиновников, без исключения, народом. Следовательно, выставляемый мною проект национализации, обусловленной полным обеспечением демократической республики, дает как раз правильную линию поведения нашим пропагандистам и агитаторам, показывая им ясно и наглядно, что разбор земельных требований крестьян должен служить почвой для политической и в частности именно республиканской пропаганды. Крестьянин Мишин, напр., который выбран депутатом в Думу от ставропольских крестьян, привез наказ от выборщиков, напечатанный полностью в «Русском Государстве» ⁵⁷). В этом наказе требуется и отмена земских чиновников, и устройство элеваторов, и передача всех земель в казну. Требование такой передачи есть, несомненно, реакционный предрассудок, ибо казна настоящей и завтрашней конституционной России есть казна полицейского, военного деспотизма, по это требование мы должны не просто отбросить, как вредный предрассудок, мы должны «зацепиться» за него, чтобы истолковать Мишину и ему подобным, как стоит дело по существу. Мы должны сказать Мишину и ему подобным, что требование передачи земли в казну выражает, хоть и очень плохо, чрезвычайно важную и полезную для крестьян идею. Передача земли в казну может быть очень полезна крестьянам и будет очень полезна им исключительно тогда, когда государство станет вполне демократической республикой, когда будет полностью проведена выборность чиновников, уничтожена постоянная армия и т. д. Вот по всем этим причинам я и думаю, что если вы отвергнете национализацию, то вызовете этим неизбежно такие же ошибки наших практиков, пропагандистов и агитаторов, какие вызвали мы своей ошибочной отрезочной программой 1903 г. Как тогда наши отрезки толковали более узко, чем понимали их авторы этого

пункта, так и теперь отрицание национализации и замена этого хребования разделом, не говоря уже о совсем путаной муниципализации, приведет неизбежно к такому ряду ошибок наших практиков, пропагандистов и агитаторов, что нам очень скоро придется пожалеть о принятой нами «раздельнической» или муниципализаторской программе.

Закончу повторением еще раз двух своих основных тезисов: во-первых, муниципализации никогда не захотят крестьяне; во-вторых, муниципализация без демократической республики, без выборности чиновников народом—вредна.

Апрель, 1906 год.

*Напечатано в «Протоколах
(тольяттинского съезда)».*

Аграрный вопрос на Стокгольмском Объединительном съезде.

(Из доклада об Объединительном съезде Р.С.-Д.Р.П.)

Аграрный вопрос или, вернее, вопрос об аграрной программе был поставлен съездом в первую очередь. Прения были большие. Выдвинулась масса интереснейших принципиальных вопросов. Докладчиков было пятеро: я защищал проект аграрной комиссии (напечатанный в брошюре: «Пересмотр аграрной программы рабочей партии») *) и нападал на муниципализацию Маслова. Т. Джон защищал эту последнюю. Третий докладчик, Плеханов, защищал Маслова и пытался уверить съезд, что ленинская национализация — эсэровщина и народовольчество. Четвертый докладчик, Шмидт ⁵⁸⁾, защищал проект аграрной комиссии с поправками в духе «варианта А» **). Пятый докладчик, Борисов, защищал раздел. Его программа была оригинальна по построению, но по существу примыкала всего ближе к нашей с заменой национализации, обусловленной созданием республики, разделом земель в собственность крестьян.

Само собою разумеется, что изложение всех подробностей обширнейших прений непосильно для меня в этом отчете. Постараюсь обрисовать лишь главное, т.-е. сущность «муниципализации» и доводы против обусловленной учреждением республики и прочее национализации. Замечу при этом, что в центре всех прений встала плехановская постановка вопроса, благодаря ее полемической резкости, всегда выгодной и желательной с точки зрения отчетливого разделения коренных тенденций того или иного направления мысли.

В чем состоит сущность «муниципализации»? В передаче помещичьих земель (или, точнее: всех земель крупного частновладения)

*) См. выше 396—397 стр. этого тома. *Ред.*

***) См. выше 397 стр. этого тома. *Ред.*

в руки земств или вообще органов местного самоуправления. Крестьянские наделные земли и земли мелких собственников должны остаться в их собственности. Крупные имения «отчуждаются» и поступают во владение демократически организованных органов местного самоуправления. Попросту можно это выразить так: крестьянские земли пусть будут крестьянской собственностью, а помещичьи земли пусть крестьяне снимают в аренду у земств, только демократических земств.

В качестве первого докладчика, я высказывался решительно против этого проекта. Он не революционен. На него не пойдут крестьяне. Он вреден, ежели нет вполне последовательного демократического государственного строя, вплоть до республики, выборности чиновников народом, уничтожения постоянной армии и т. д. Таковы были три моих главных довода.

Я считаю этот проект не революционным, во-первых, потому, что в нем вместо конфискации (отчуждение без выкупа) говорилось об отчуждении вообще; во-вторых, и это главное, потому, что в этом проекте нет призыва к *революционному способу* осуществления аграрного переворота. Фразы о демократизме еще ровно ничего не говорят в такое время, когда лицемерные соглашатели самодержавия с народом, кадеты, называют себя демократами. Всякие способы аграрного переворота сведутся к либерально-чиновничьей *реформе*, к кадетской реформе, а не к крестьянской революции, если не поставит лозунгом *немедленный* захват земель самими крестьянами сейчас же на месте, т.-е. именно революционными крестьянскими комитетами, с тем, чтобы крестьяне же сами и *распоряжались* этими захваченными *) землями впредь до созыва Всенародного Учредительного Собрания. Вез этого лозунга у нас будет программа кадетской или полукадетской аграрной реформы, а не крестьянской революции.

Далее. На муниципализацию не пойдут крестьяне. Муниципализация означает: наделные земли возьми себе даром, а за помещичьи плати аренду земству. Революционные крестьяне не пойдут на это. Они скажут либо: поделим все земли между собой, либо: сделаем все земли собственностью всего народа. Лозунг муниципализации никогда

*) В моем проекте сказано «конфискованными». Тов. Борисов верно заметил, что это ошибочная формулировка. Надо сказать: «захваченными». Конфискация есть юридическое признание захвата, утверждение его законом. Мы должны ставить лозунг конфискации. Для осуществления его мы должны звать крестьян к *захвату*. Этот крестьянский захват должен быть признан, узаконен Всенародным Учредительным Собранием, которое, как высший орган самодержавия народа, делает из захвата *конфискацию* на основании закона, изданного Учредительным Собранием.

не станет лозунгом революционного крестьянства. Если революция победит, тогда она *ни в каком случае* не может остановиться на муниципализации. Если революция не победит, тогда из «муниципализации» выйдет лишь новое обьегоривание крестьян по типу реформы 1861 года.

Третий мой основной довод. Муниципализация вредна, если обусловить ее «демократизмом» вообще, а не специально республикой и выборностью чиновников народом. Муниципализация есть отдача земли органам местной власти, органам самоуправления. Если центральная власть не будет *вполне* демократической (республика и пр.), тогда местные власти смогут остаться лишь в мелочах «автономны», лишь в вопросе о лужении умывальников самостоятельны, лишь настолько «демократичны», насколько были «демократичны», скажем, наши земства при Александре III. В вопросах же важных и особенно в таком коренном вопросе, как помещичье землевладение, демократизм местных властей против недемократической центральной власти есть игрушка. Если нет республики и выбора чиновников народом, то муниципализация значит: отдать помещичьи земли местным выборным властям, хотя бы даже центральная власть оставалась у Трепова и Дубасова⁵⁹). Такая реформа будет игрушкой и вредной игрушкой, ибо Треповы и Дубасовы оставят за выборными местными властями право устраивать водопроводы, электрички и пр., но никогда *не смогут* оставить за ними отобранных у помещиков земель. Треповы и Дубасовы *перечислят* тогда эти земли из «ведомства» земств в «ведомство» министерства внутр. дел, и крестьяне окажутся трижды одураченными. Надо звать к свержению Треповых и Дубасовых, к выборам всех чиновников народом, а не рисовать, вместо этого и до этого, игрушечных моделей какой-то либеральной местной реформы.

Каковы же были плехановские доводы в защиту муниципализации? Больше всего выдвигал он в своих обеих речах вопрос *о гарантии от реставрации*. Этот оригинальный довод состоял в следующем. Национализация земли была экономической основой московской Руси до-петровской эпохи. Наша теперешняя революция, как и всякая другая революция, не содержит в себе гарантий от реставрации. Поэтому в интересах избежания реставрации (т.-е. восстановления старого, дореволюционного порядка) следует особенно остерегаться именно национализации.

Этот довод Плеханова показался меньшевикам чрезвычайно убедительным, и они восторженно хлопали Плеханову, особенно за «крепкие словечки» по адресу национализации (эс-эровщина и т. п.). А между тем, если немножечко подумать, легко убедиться, что довод этот сводится к чистой софистике.

В самом деле, взгляните сначала на эту «национализацию в московской, до-петровской Руси». Не будем уже говорить о том, что исторические воззрения Плеханова состоят в утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь. Говорить о национализации земли в до-петровской России серьезно не доводится,— сошлемся хотя бы на Ключевского, Ефименко ⁶⁰) и др. Но оставим эти исторические изыскания. Допустим на минуту, что в московской, до-петровской Руси, в XVII веке, существовала действительно национализация земли. Что отсюда следует? По логике Плеханова, отсюда следует, что ввести национализацию — значит облегчить реставрацию московской Руси. Но такая логика есть именно софизм, а не логика, или игра в слова, без анализа экономической основы явлений или экономического содержания понятий. Поскольку в московской Руси была (или: если в московской Руси была) национализация земли, постольку экономической основой ее был *азиатский способ производства*. Между тем, в России со второй половины XIX века укрепился, а в XX веке стал уже безусловно преобладающим *капиталистический способ производства*. Что же остается от довода Плеханова? Национализацию, основанную на азиатском способе производства, он смешал с национализацией, основанной на капиталистическом способе производства. Из-за тождества слов он просмотрел коренное различие экономических, именно производственных, отношений. Строя свою аргументацию на реставрации московской Руси (т.-е. якобы реставрации азиатских способов производства), он на самом деле говорил о реставрации политической, вроде реставрации Бурбонов (на которую он ссылаясь), т.-е. о реставрации антиреспубликанской формы правления на почве капиталистических отношений производства.

Было ли на съезде указано Плеханову, что он запутался? Было. Товарищ, называвшийся на съезде Демьяном ⁶¹), сказал в своей речи, что не вышло у Плеханова ровно ничего из той «реставрации», которой он вздумал нас пугать. Из посылок его аргументации вытекает реставрация московской Руси, т.-е. реставрация азиатского способа производства, т.-е. чистейшая бессмыслица в эпоху капитализма. Из выводов же его и примеров вытекает реставрация Наполеоном империи или реставрация Бурбонов после Великой французской буржуазной революции. Но такая реставрация не имела ничего общего с докапиталистическими способами производства. Это во-первых. А во-вторых, *такая* реставрация последовала как раз не за национализацией земли, а за распродажей помещичьих земель, т.-е. за мерой архи-буржуазной, чистобуржуазной и безусловно укрепляющей буржуазные, т.-е. капиталистические, отношения производства. Значит, к вопросу

о национализации *ни одна* реставрация, припутанная Плехановым, абсолютно к делу не относится, ни реставрация азиатского способа производства (реставрация московской Руси), ни реставрация XIX века во Франции.

Что же ответил т. Плеханов на эти совершенно неопровержимые доводы т. Демьяна? Он ответил необыкновенно ловко. Ленин — эс-эр,—воскликнул он,—а товарищ Демьян кормит меня какой-то Демьяновой ухой.

Меньшевики были вне себя от удовольствия. Они хохотали до упада над блестящей остроотой Плеханова. Громы аплодисментов потрясали зал заседания. Вопрос о том, сумел ли Плеханов свести концы с концами со своей реставрацией, был снят раз-навсегда с меньшевистского съезда.

Я далек, разумеется, от мысли отрицать, что ответ Плеханова был перлом не только блестящего остроумия, но, если хотите и марксистского глубокомыслия. Но я все же позволю себе думать, что т. Плеханов беспомощно запутался между реставрацией московской Руси и реставрацией XIX века во Франции. Я позволяю себе думать, что «Демьянова уха» станет «историческим выражением» не по отношению к т. Демьяну (как думают упоенные блеском плехановского остроумия меньшевики), а *по отношению к т. Плеханову*. По крайней мере, на объединительном съезде некоторые делегаты говорили по поводу речей Плеханова о «сборной селянке по-московски» и о «колбасных острогах», когда товарищ Плеханов по вопросу о захвате власти в современной русской революции потешал своих меньшевиков анекдотом про коммунара в каком-то провинциальном городке Франции, закусывавшего колбасой после неудачного «захвата власти».

На съезде я был, как уже замечено выше, первым докладчиком по аграрному вопросу. Заключительное слово дали мне не последнему, а тоже первому из всех пяти докладчиков. Поэтому я говорил *после* т. Демьяна и *до* т. Плеханова. Следовательно, предвидеть гениальной защиты Плеханова против доводов Демьяна я не мог. Я вкратце лишь повторил эти доводы и центр тяжести перенес не на указание полной бессодержательности рассуждения о реставрации, как аргументе за муниципализацию, а на разбор по существу вопроса о реставрации. О каких гарантиях от реставрации идет речь?— спрашивал я тов. Плеханова. Об абсолютной ли гарантии, в смысле устранения той экономической основы, которая порождает реставрацию? Или об относительной и временной гарантии, т.-е. о создании политических условий, не устраняющих самой возможности реставрации,

а лишь делающих такую менее вероятной, лишь затрудняющих реставрацию? Если о первой, то я отвечаю: полной гарантией от реставрации в России (после победоносной революции в России) может быть *исключительно* социалистический переворот на Западе. Другой гарантии нет и быть не может. Значит, с этой стороны вопрос сводится к тому, как именно и чем именно может буржуазно-демократическая революция в России облегчить или ускорить социалистическую революцию на Западе. Ответ на этот вопрос мыслим лишь один: если жалкое 17-ое октября вызвало сильный подъем рабочего движения в Европе, то *полная* победа буржуазной революции в России вызовет почти неминуемо (или, по крайней мере, по всей вероятности) ряд таких политических потрясений в Европе, которые будут сильнейшим толчком к социалистической революции.

Теперь посмотрим на «вторую», т.-е. относительную, гарантию от реставрации. В чем состоит экономическая основа реставрации на базисе капиталистического способа производства, т.-е. не юристической «реставрации московской Руси», а реставрации по типу французской начала XIX века? В положении мелкого товаропроизводителя во всяком капиталистическом обществе. Мелкий товаропроизводитель колеблется между трудом и капиталом. Вместе с рабочим классом он борется против крепостничества и полицейского самодержавия. Но в то же время он тяготеет к укреплению своей собственности в буржуазном обществе, и поэтому, если условия развития *этого* общества складываются сколько-нибудь благоприятно (напр., промышленное процветание, расширение внутреннего рынка вследствие аграрного переворота и т. п.), то мелкий товаропроизводитель *неизбежно* поворачивает против пролетария, который борется за социализм. Следовательно, говорил я, реставрация на основе мелкого товарного производства, мелкой крестьянской собственности в капиталистическом обществе не только возможна в России, но даже *неизбежна*, ибо Россия — страна по преимуществу мелко-буржуазная. Положение русской революции, с точки зрения реставрации, можно выразить, говорил я дальше, таким положением: русская революция имеет достаточно своих собственных сил, чтобы победить. Но у нее недостаточно сил, чтобы удержать плоды победы. Победить она может, ибо пролетариат вместе с революционным крестьянством может составить непреборимую силу. Удержать за собой победу она не может, ибо в стране с громадным развитием мелкого хозяйства мелкие товаропроизводители (крестьяне в том числе) неизбежно повернут против пролетария, когда он *от* свободы пойдет к социализму. Чтобы удержать за собой победу, чтобы не допустить реставрации,

русской революции нужен перусский *резерв*, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе.

Кто говорит о реставрации, забывая об этом, тот обнаруживает крайнюю узость своих воззрений на русскую революцию. Тот забывает, что Франция конца XVIII века в эпоху буржуазно-демократической революции была окружена гораздо более отсталыми полуфеодальными странами, которые служили резервом реставрации, а Россия начала XX века, в эпоху своей буржуазно-демократической революции, окружена гораздо более передовыми странами, в которых есть на-лицо социальная сила, способная стать резервом революции.

Итог: выдвинув вопрос о гарантии от реставрации, Плеханов затронул ряд интереснейших тем, но ровно ничего не объяснил по существу дела и только отошел в сторону (отвел слушателей-меньшевиков в сторону) от вопроса о муниципализации. В самом деле, если опорой капиталистической реставрации (назовем так для краткости реставрацию на основе не азиатского, а капиталистического способа производства) является класс мелких товаропроизводителей, как класс, то при чем же тут муниципализация? Муниципализация есть один из видов *землевладения*, но не ясно ли, что основные и существенные черты *класса* не меняются от формы землевладения? Мелкий буржуа неминуемо и неизбежно является оплотом реставрации против пролетария и при национализации, и при муниципализации, и при разделе земли. Если мыслимо провести в этом отношении резкую грань между формами землевладения, то разве только в пользу раздела, как более тесной связи хозяйчика с землей,— более тесной и потому труднее разрываемой связи *). Муниципализацию же защищать аргументом насчет реставрации просто смешно.

В ходе прений на съезде т.т. Джон и Плеханов, говорившие свои заключительные слова после меня, пытались еще раз незаметно перескочить с этого неудачного аргумента насчет реставрации на другой, как будто бы похожий с виду, но совершенно отличный по содержанию. Они стали защищать муниципализацию не с точки зрения гарантии от реставрации монархии после создания республики, т.-е. не как меру обеспечения республики, не как учреждение постоянное, а как базу *в процессе борьбы* против монархии за республику,

*) Мы говорим «разве только», ибо остается еще открытым вопрос, не является ли именно теснейшая связь хозяйчика с своей «парцеллой» лучшим оплотом бонапартизма. Входить здесь в детали этого конкретного вопроса неуместно.

т.-е. как меру, облегчающую дальнейшие завоевания, как учрежде-ние временное и переходное. Плеханов дошел при этом до того, что назвал крупные органы местного самоуправления, муниципализи-ровавшие землю, местными «республиками», которые и послужат опорой в войне с монархией.

По поводу этого аргумента следует заметить:

Во-первых, первоначальная программа Маслова и принятая на съезде программа Джона-Плеханова-Кострова ⁶²⁾ *ни единым словом* не указывает на то, что муниципализация рассматривается, как временная, переходная мера *в ходе* революции, т.-е. как *орудие борьбы за дальнейшее*. Следовательно, такое толкование есть «вольное измыш-ление», не подтверждаемое, а опровергаемое текстом программы. Например, выдвигая в своей программе революционные крестьян-ские комитеты, как орудие революции, как базу борьбы за дальней-шее, я прямо так и говорю в самой программе: партия советует кре-стьянским комитетам захватывать земли и распоряжаться ими *впредь до Учредительного Собранин*. В программе Маслова-Джона-Плеха-нова-Кострова не только не сказано этого *), а, напротив, излагается, несомненно, план постоянного устройства землепользования.

Во-вторых, главный и коренной довод против разбираемого аргумента состоит в том, что под видом гарантии от реставрации или от реакции у Плеханова выходит из его программы *сделка с реакцией*. Подумайте в самом деле: разве мы не пишем программы и особенно аграрной (крестьянской) программы для широких масс, которыми мы хотим руководить? И что же это выходит? Отдельные члены, хотя бы даже вожди партии, будут говорить, что муниципализировавшие землю земства явятся республиками против монархии в центре. А в программе аграрный переворот прямо и точно связывается с демо-кратизмом в местном управлении, но *ни единым словом* не связывается с *полным* демократизмом центрального управления и устройства государства! Я спрашиваю вас: чем будет руководиться в повседне-вой нашей агитации и пропаганде масса партийных работников:

*) Именно потому, что в программе Плеханова этого не сказано, на съезде мы имели полное право сравнить новое толкование муниципализации с «ре-волюционным самоуправлением» меньшевиков. А не кто иной, как Плеханов, вынужден был, после долгих разъяснений вопроса большевиками, признать, что лозунг «революционное самоуправление» ничего никому не выяснил и мно-гих сбил с толку (смотри «Дневник», № 5). Большевики говорили еще в «Вперед» и «Пролетарии», что лозунг «революционное самоуправление» недостаточен, неполон, не выражает условий полной победы революции. Для такой победы нужно не революционное самоуправление, а революционная власть, и не только местные революционные власти, но и центральная революционная власть.

словами Плеханова о местных «республиках», борющихся против центральной монархии, или самым текстом нашей новой партийной программы, в котором требование земли для крестьян точно связано только с демократизмом местного управления и вовсе не связано с демократизмом центральной власти и устройства государства? Слова Плеханова, путанные и сами по себе, сыграют неизбежно роль такого же «сбивающего с толку» лозунга, как «знаменитое» (по мнению Плеханова, «знаменитое») «революционное самоуправление». На деле наша партийная программа остается программой сделки с реакцией. Это не социал-демократическая, а кадетская программа, если брать ее реальное политическое значение в обстановке современной России, а не те мотивы, которые упомянуты в отдельных речах наших ораторов. Мотивы-то у них есть самые лучшие, намерения самые социал-демократические, а программа вышла на деле кадетская, проникнутая духом «сделки», а не духом «крестьянской» революции. (Плеханов сказал, между прочим, что раньше была у нас боязнь крестьянской революции, а теперь-де надо выкинуть эту боязнь.)

Я разобрал выше научное значение довода «гарантия от реставрации». Я подошел теперь к его политическому значению в эпоху дубасовского конституционализма и кадетской гос. Думы. Научное значение этого довода равно нулю или минус единице. Политически, это — орудие из арсенала кадетов и вода на мельницу кадетов. Посмотрите вокруг себя: какое течение в политике сделало почти своей мопополией указания на опасность реставрации? Течение кадетское. В чем состоит тот ответ, который миллионы раз давали кадеты нашим товарищам по партии, указывавшим на противоречие между «демократизмом» кадетов и их монархической и проч. программой? В том, что тронуть монархию — значит вызвать опасность реставрации. Не трогайте монархии, — кричали тысячами голосов кадеты по адресу с.-д., — не трогайте монархии, ибо у вас нет гарантии от реставрации. Чем навлекать на себя опасность реставрации, опасность реакции, лучше войти в сделку с реакцией, — в этом вся суть политической мудрости кадетов, вся их программа, вся их тактика, вытекающая неизбежно из классовой позиции мелкого буржуа, из опасности для буржуазии доведенной до конца демократической революции.

Ограничусь двумя примерами в подтверждение сказанного. «Народная Свобода», орган Милюкова и Гессена, писала в декабре 1905 г., что возможность вооруженного восстания доказала Москва, но что восстание все-таки губительно и не потому, чтобы оно было безнадежно, а потому, что всеравно завоевания восстания сметет реакция (цитировано в моей брошюре: «Гос. Дума и Социал-демократия») ⁶³.

Другой пример. Еще в «Пролетарии» в 1905 году я приводил выписки из статьи Виноградова в «Русск. Вед.»⁶⁴). Виноградов выражал пожелание, чтобы русская революция пошла не по типу 1789—1793 г.г., а по типу 1848—1849 г.г., т.-е чтобы у нас не было *победоносных* восстаний, чтобы наша революция не дошла до конца, чтобы она была урезана пораньше предательством либеральной буржуазии, соглашением ее с монархией. Виноградов пугал нас реставрацией в лице прусского вахтера, ни слова не говоря, конечно, о такой «гарантии революции», как немецкий пролетариат.

Ссылка на отсутствие гарантий от реставрации есть идея чисто-кадетская, есть *политическое оружие буржуазии против пролетариата*. Интересы буржуазии заставляют ее бороться против того, чтобы пролетариат вместе с революционным крестьянством довел буржуазно-демократическую революцию до конца. В этой борьбе философы и политики буржуазии неизбежно хватаются за исторические доводы, за примеры из прошлого. В прошлом было всегда так, что надували рабочих, что даже после победы революции являлась реставрация, — значит, и у нас не может быть иначе, говорит буржуазия, естественно стремясь ослабить веру русского пролетариата в свои силы и в силы европейского социализма. Обострение политических противоречий и политической борьбы ведет к реакции — поучают рабочих буржуа, — значит, нужно *притуплять* эти противоречия: чем рисковать реакцией после победы, лучше не драться за победу, а войти в сделку с реакцией.

Случайно ли вышло так, что Плеханов стал хвататься за идейное оружие буржуазии против пролетариата? Нет, это было неизбежно после того, как Плеханов неверно оценил декабрьское восстание («не нужно было браться за оружие») и стал, не называя вещи своими именами, проповедывать в «Дневниках» поддержку кадетов рабочей партией. На съезде этот вопрос был затронут во время прений по другому пункту порядка дня, когда спор зашел о том, за что хвалит Плеханова буржуазия. Я расскажу в своем месте об этом споре *), здесь же замечу, что вышеизложенные мною доводы я не развил, а лишь в самых общих чертах наметил на съезде. Наша «гарантия от реставрации», — сказал я, — доведение революции до конца, а не сделка с реакцией. И только это и говорит моя аграрная программа, всецело являющаяся программой крестьянского восстания и полного завершения буржуазно-демократической революции. Например, «кре-

*) См. *Н. Ленин: «Доклад о Стокгольмском съезде», 1906 (перепечатан в VII томе Собр. сочинений. Ред.)*.

стьянские революционные комитеты» есть единственный путь, которым только и может идти крестьянское восстание (при чем я вовсе не противопоставляю крестьянские комитеты революционной власти, как меньшевики противопоставляли ей революционное самоуправление, — а вижу в этих комитетах один из органов такой власти, один из органов, требующих себе дополнения в других, центральных органах — во Временном Революционном Правительстве и во Всенародном Учредительном Собрании). Буржуазно-чиновничье разрешение аграрного вопроса, разрешение его Петрункевичами, Родичевыми, Кауфманами и Кутлерами исключается *только* при такой формулировке аграрной программы.

Плеханов не мог не заметить этой основной черты моей программы. Он заметил и признал ее на съезде. Но свое признание он выразил (такова уже его натура) в той же форме Демьяновой ухи или Плехановой трухи. Да, да, у Ленина есть в программе идея захвата власти. Ленин сам признает это. Но это-то и плохо. Это — народовольчество. Ленин реставрирует народовольчество. Ратуйте, товарищи, против восстановления народовольчества. Ленин говорит даже о каком-то «народном творчестве». Это ли не народовольчество? И т. д., и т. п.

За эти рассуждения мы, большевики, и я, и Воинов ⁶⁵⁾, от всей души поблагодарили Плеханова. Нам такие доводы только полезны и желательны. Подумайте-ка, в самом деле, товарищи, об этом рассуждении: «так как у Ленина есть в программе идея захвата власти, то Ленин — народоволец». О какой программе идет речь? Об аграрной. Кто предполагается в этой программе захватывающим власть? Революционное крестьянство. Смешивает ли Ленин пролетариат с этим крестьянством? Не только не смешивает, а особо выделяет его в той третьей части своей программы, которую (3-ю часть) целиком переписал меньшевистский съезд в своей тактической резолюции!

Не правда ли, хорошо? Плеханов сам говорил, что негоже нам, марксистам, *бояться крестьянской революции*. И в то же время ему померещилось народовольчество *в захвате власти революционным крестьянством!* Да как же возможна победоносная крестьянская революция без захвата власти революционным крестьянством?? Ведь Плеханов прямо договорился до абсурда. Попав раз на наклонную плоскость, он катится вниз неудержимо. Сначала он отрицал возможность захвата власти пролетариатом в современной революции. Теперь он стал отрицать возможность захвата власти революционным крестьянством в современной революции. Но если *ни* пролетариат, *ни* революционное крестьянство не могут захватить власти, то значит, что власть *должна остаться у царя и у Дубасова*. Или власть должны

взять кадеты? Но кадеты сами не хотят захватывать власть оставляя монархию, постоянную армию, Верхнюю палату и прочие прелести.

Не прав ли я был на съезде, сказав, что *Плехановская болезнь захвата власти есть болезнь крестьянской революции?* Не прав ли был Воинов, говоря, что Плеханова до того в молодости напугали народо-вольцы, что они ему мерещатся даже тогда, когда он сам признает неизбежность крестьянской революции и когда иллюзий насчет крестьянского социализма нет ни у кого среди с.-д.? Не прав ли был Воинов, когда острил на съезде по поводу меньшевистской резолюции о вооруженном восстании (в этой резолюции первый пункт начинается с признания задачи «вырвать власть у самодержавного правительства»), что «захват власти» есть народо-вольчество, а «вырывание власти» — истинный и глубокомысленный марксизм? Ведь вышло, право же, так, что, во имя борьбы с народо-вольчеством в социал-демократии, меньшевики наградили нашу партию программой «*вырывания власти*»... *кадетами.*

Меня не удивили, конечно, ни капли вопли о народо-вольчестве. Я слишком хорошо помню, что оппортунисты социал-демократии всегда (еще в 1898—1900 г.г.) хватались за это пугало против революционных социал-демократов. И т. Акимов ⁶⁶⁾, который говорил на нашем Объединительном съезде блестящую защитительную речь в пользу Аксельрода и кадетов, напомнил об этом как раз кстати. Я надеюсь вернуться еще к этому вопросу в литературе.

О «народном творчестве» два слова. В каком смысле говорил я о нем на съезде? В том же самом, в каком я говорю о нем в своей брошюре: «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (брошюра эта была роздана делегатам съезда) ⁶⁷⁾. Я противопоставляю октябрь—декабрь 1905 г. теперешнему кадетскому периоду и говорю, что в революционный период творчество народа (революционных крестьян плюс пролетариев) богаче и продуктивнее, чем в кадетский период. Плеханову это кажется народо-вольчеством. Мне это кажется, с научной точки зрения, уверткой от важнейшего вопроса об оценке периода октября—декабря 1905 г. (Плеханов и не подумал об анализе *форм движения* этой эпохи в своих «Дневниках», ограничившись морализированием!) С политической стороны это лишь новое доказательство того, как близок Плеханов в тактике к г. Бланку ⁶⁸⁾ и кадетам вообще.

Чтобы закончить аграрный вопрос, коснусь еще последнего из серьезных доводов. Ленин — мечтатель, — говорил Плеханов, — он фантазирует насчет выбора чиновников народом и т. п. Для такого хорошего исхода нетрудно написать программу. Нет, ты вот па-

пиши-ка для худого исхода. Ты сделай так, чтобы твоя программа была «подкована на все четыре ноги».

В этом доводе есть, несомненно, соображение, которое всякий марксист обязан строжайше принимать во внимание. Действительно, негодна была бы та программа, которая считалась бы *только* с лучшим исходом. Но именно с этой стороны,—ответил я Плеханову на съезде,—моя программа, очевидно, стоит выше масловской. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о существовании *аренды*. Чем отличается капиталистический (и полукапиталистический) способ производства в земледелии? Везде и повсюду — развитием аренды. Относится ли это к России? Относится в громадных размерах. И неправ был т. Джон, который возражал мне, будто у меня в программе есть бессмыслица: аренда остается после конфискации помещичьих земель. По этому пункту т. Джон трижды неправ: во-первых, в моей программе *вся* первая часть говорит о первых шагах крестьянской революции (захват земель *впредь до* Всенародного Учредительного Собрания); значит, аренда «не остается» у меня «после» конфискации, а берется за факт, ибо она есть факт. Во-вторых, конфискация есть переход в другие руки собственности на землю, а переход собственности сам по себе нисколько не затрагивает аренды; в-третьих, аренда имеет место, как известно всем, и на крестьянских, и на надельных землях.

Посмотрите же, что выходит у нас по части «подкованности на четыре ноги», по части принятия во внимание не только лучших, но и худших условий. Маслов величественно вычеркивает аренду вовсе. Он предполагает прямо и сразу такой переворот, который бы уничтожил аренду. Это предположение, как я показал, совершенно вздорное, с точки зрения «худой действительности» и необходимости с нею считаться. Наоборот, вся первая часть моей программы построена *целиком* на базисе «худой действительности», против которой восстают революционные крестьяне. Поэтому аренда у меня не исчезает в царство теней (уничтожение аренды в капиталистическом обществе есть преобразование не менее, если не более, «фантастическое», с точки зрения плехановского «здравого смысла», чем уничтожение постоянной армии и т. п.). Выходит, что с «худой действительностью» я считаюсь гораздо серьезнее Маслова, а *хорошую* действительность я проповедую крестьянам не с точки зрения кадетской сделки (местные республики против центральной монархии), а с точки зрения полной победы революции и завоевания действительно демократической республики.

Этот элемент политической пропаганды специально в аграрной программе я особо подчеркивал на съезде, и мне придется, вероятно,

не раз останавливаться еще на этом вопросе в литературе. На съезде пам, большевикам, возражали: у нас есть политическая программа, там и место говорить о республике. Возражение это свидетельствует о полной непродуманности вопроса. У нас есть, действительно, общая принципиальная программа (первая часть программы партии) и специальные программы: политическая, рабочая, крестьянская. В рабочей части программы (8-час. раб. день и т. д.) *никто* не предлагает оговаривать особо и специально политических условий того или иного преобразования. Почему? Потому, что 8-час. раб. день и тому подобные реформы при *всяких* политических условиях *неизбежно* станут орудием движения вперед. А в крестьянской программе надо ли *оговаривать особо и специально* политические условия? Надо, потому что самое лучшее перераспределение земли *может* стать орудием движения назад при господстве Треповых и Дубасовых. Возьмите хотя бы даже программу Маслова; в ней говорится о передаче земель *демократическому* государству и *демократическим* органам местного самоуправления, т.-е. в ней, несмотря на существование политической программы партии, особо и специально оговариваются политические условия современных аграрных преобразований. Значит, о необходимости оговорить аграрные требования особыми политическими условиями не может быть и спора. Вопрос весь в том, позволительно ли, и с точки зрения научной, и с точки зрения последовательного пролетарского демократизма, связывать коренной аграрный переворот не с выборностью чиновников пародом, не с республикой, а с «демократизмом» вообще, т.-е., следовательно, и с кадетским демократизмом, который является ныне, независимо от нашей воли, главным и самым распространенным, самым влиятельным в печати и в «обществе» видом лжедемократизма. Я думаю, что это непозволительно. Я предсказываю, что ошибку нашей аграрной программы сейчас же должна будет исправлять и будет исправлять практика, т.-е. политическая обстановка *заставит* наших пропагандистов и агитаторов в борьбе с кадетами подчеркивать именно не кадетский демократизм, а выборность чиновников пародом и республику.

Что касается до программы раздела земли, то я выразил свое отношение к ней на съезде словами: муниципализация ошибочна и вредна, раздел, как программа, ошибочен, но не вреден. Поэтому я, конечно, ближе к разделу и готов вотировать за Борисова против Маслова. Раздел не может быть вреден, ибо на него согласятся крестьяне, это — раз; его не надо оговаривать последовательным переустройством государства, это — два. Почему он ошибочен? Потому, что он односторонне рассматривает крестьянское движение

только с точки зрения прошлого и настоящего, не принимая во внимание точку зрения будущего. «Разделисты» говорят мне, споря против национализации: крестьянин не того хочет, что он говорит, когда вы слышите от него о национализации. Смотрите не на слово, а па суть дела. Крестьянин хочет частной собственности, права продавать землю, а слова о «божьей земле» и т. п., это — лишь идеологическое облачение желания взять землю у помещика.

Я отвечал «разделистам»: все это верно; но наше разногласие с вами только начинается там, где вы считаете уже вопрос исчерпанным. Вы повторяете ошибку старого материализма, о котором Маркс сказал: старые материалисты умели объяснять мир, а нам надо изменять его. Вот точно так же и сторонники раздела *правильно* понимают крестьянские слова о национализации, *правильно* объясняют их, по, — в этом вся суть, — не умеют это правильное объяснение сделать *рычагом изменения мира*, орудием дальнейшего движения вперед. Не о том идет речь, чтобы навязать крестьянам национализацию вместо раздела (вариант А в моей программе отнимает всякую почву у таких нелепых мыслей, если они возникают у кого-либо). Речь идет о том, что социалист, беспощадно разоблачая мелко-буржуазные иллюзии крестьянина насчет божьей земли, должен уметь показать крестьянину путь вперед. Я сказал уже на съезде Плеханову, и я повторяю это тысячу раз: практики так же будут вульгаризировать теперешнюю программу, как вульгаризировали они отрезки, — они сделают из маленькой ошибки большую. Они будут крестьянской толпе, кричащей, что земля — ничья, божья, казенная, доказывать преимущества раздела, они будут этим позорить и опошлять марксизм. Не то мы должны говорить крестьянам. Мы должны сказать: в этих речах о божьей, ничьей или казенной земле есть большая правда, только надо хорошенько разобрать ее. Если земля казенная, а у казны сидит Трепов, — значит, земля будет Трепова. Хотите ли вы этого? Хотите ли вы, чтобы земля попала в руки Родичевых и Петрунkevичей, если бы им, согласно их желанию, довелось получить в руки власть, а следовательно, и казну? И крестьяне, разумеется, ответят: нет, не хотим. Ни Треповым, ни Родичевым не отдадим мы отобранных у помещиков земель. Если так, то необходима выборность всех чиновников народом, уничтожение постоянной армии, республика, — *только* тогда передача земли «в казну», передача земли «народу» будет мерой не вредной, а полезной. И с точки зрения строго-научной, с точки зрения условий развития капитализма вообще, мы безусловно должны сказать, если мы не хотим разойтись с III томом «Капитала», что национализация земель возможна в буржуазном обществе, что

она содействует экономическому развитию, облегчает конкуренцию и прилив капитала в земледелие, понижает цену на хлеб и т. д. Мы ни в каком случае *не можем*, следовательно, в эпоху настоящей крестьянской революции при довольно высоко развитом капитализме относиться с голым и общим отрицанием к национализации. Это было бы узко, односторонне, грубо, близоруко. Мы должны лишь разъяснить крестьянину необходимые политические предпосылки национализации, как меры полезной, а затем должны показывать ее буржуазный характер (это и делает 3-я часть моей программы, вошедшая теперь в резолюцию Объединительного съезда).

Кончая свой рассказ о спорах по аграрному вопросу на съезде, отмечу еще, какие поправки вносились к проекту программы Маслова. Когда ставился на голоса вопрос о принятии за основу того или иного проекта программы, то за Маслова высказалось сначала всего 52 голоса, т.-е. *меньше половины*. За раздел высказалось около 40 (я присоединился к «разделистам», чтобы не разбивать голосов против муниципализации). Только при перебаллотировке масловский проект собрал 60 с чем-то голосов, когда все колеблющиеся вотировали за, чтобы не оставить партию вовсе без аграрной программы.

Из поправок меньшевики провалили одну, относящуюся к более точному определению понятия: демократическое государство. Мы предложили сказать: «демократическая республика, обеспечивающая полностью самодержавие народа». Эта поправка исходила из выше-очерченной мысли, что муниципализация без *полного* демократизма центральной государственной власти прямо вредна и может выродиться в кадетскую аграрную реформу. Поправка вызвала бурю. Я не был как раз в эту минуту в зале заседания. Помню, что, когда я возвращался и проходил через соседнюю комнату, меня поразил необычайный шум в «кулуарах» и масса шутливых возгласов: «Товарищ Джон провозгласил республику!», «У него не нашлось гарантий от реставрации», «Товарищ Плеханов реставрировал монархию».

Дело было, как мне рассказывали, так. Меньшевики, по свойственной меньшевистской натуре обидчивости, обиделись на поправку, усмотрев в ней желание изобличить в оппортунизме: вот-де, меньшевики против республики. Раздались негодующие речи и крики. Большевики тоже раззадорились, как водится. Потребовали именного голосования. Тогда страсти окончательно разгорелись. Т. Джио смутился и, не желая вносить раздора, не имея, разумеется, решительно ничего «против республики», встал и заявил, что он сам снимает свою формулировку и присоединяется к поправке. Большевики аплодируют «провозглашению республики». Но товарищ Плеханов или кто-

то другой из меньшевиков вмешиваются, спорят, требуют нового голосования, и «монархия восстанавливается» — по дошедшим до меня рассказам—всего какими-то 38 голосами против 34 (многие, видимо, отсутствовали из зала заседания или воздерживались).

Из принятых поправок надо отметить замену слова: «отчуждение» словом «конфискация». Затем «муниципалисты» должны были все-таки сделать уступку «разделистам», и т. Костров внес поправку, допускающую условно и раздел. Вместо первоначальной масловской программы получилась, как острили на съезде, «кастрированная» программа. В ней смешаны, в сущности, и национализация (известные земли поступают в *общенародную* собственность), и муниципализация (часть земель — в распоряжение крупных органов местного самоуправления), и, наконец, раздел. При этом вполне точного определения того, когда стоять за муниципализацию и когда за раздел, ни в программе, ни в тактической резолюции нет. Программа получилась, в конце концов, не подкованная на все четыре ноги, а со всеми четырьмя хлюпающими подковами *).

*) Самую резкую критику «кастрированной» масловской программы дал на съезде один товарищ-меньшевик, сторонник частичного раздела. Он прочитал письменное заявление, в котором замечательно метко и беспощадно указывал— может быть даже вернее сказать: бичевал—внутреннюю противоречивость получившейся программы. К сожалению, я не сделал себе отметок с выдержками из его прочитанной речи (см. «Протоколы Стожг, съезда», стр. 150—151),

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ
В РУССКОЙ РЕВОЛЮ-
ЦИИ 1905—1907 ГОДОВ

Написано в конце 1907 г.

Напечатано книгой в 1917 г.

Два года революции, с осени 1905 г. до осени 1907 года, дали громадный исторический опыт относительно крестьянского движения в России, характера и значения крестьянской борьбы за землю. Десятилетие так называемой «мирной» эволюции (т.-е. такой, когда миллионы людей мирно позволяют себя стричь верхним десяти тысячам) никогда не могут дать столь богатого материала для освещения внутреннего механизма нашего общественного строя, какой дали эти два года и в смысле непосредственной борьбы крестьянских масс против помещиков, и в смысле хоть сколько-нибудь свободного выражения крестьянских требований в собраниях народных представителей. Поэтому пересмотр аграрной программы русских с.-д. с точки зрения этого двухлетнего опыта представляется безусловно необходимым, особенно ввиду того, что теперешняя аграрная программа Р. С.-Д. Р. П. принята на Стокгольмском съезде в апреле 1906 года, т.-е. накануне первого открытого выступления представителей крестьянства всей России с крестьянской аграрной программой в противовес программе правительства и программе либеральной буржуазии.

В основу пересмотра с.-д. аграрной программы необходимо положить новейшие данные о землевладении в России, чтобы возможно точнее установить, какова собственно экономическая подкладка всех аграрных программ нашей эпохи, из-за чего собственно идет великая историческая борьба. С этой экономической основой действительной борьбы надо сопоставить идейно-политическое отражение ее в программах, заявлениях, требованиях, теориях представителей разных классов. Таким, и только таким, путем должен идти марксист в отличие от мелко-буржуазного социалиста, который исходит из «абстрактной» справедливости, из теории «трудового начала» и т. п., а также в отличие от либерального бюрократа, который прикрывает рассуждениями о практической осуществимости реформы и о «государственной» точке зрения защиту интересов эксплуататоров при всяком преобразовании.

Г Л А В А I.

Экономические основы и сущность аграрного переворота в России.

I. Землевладение в Европейской России.

Изданный центр. стат. комитетом в 1907 году «Статистика землевладения 1905 года» дает возможность по отношению к 50 губ. Европ. России точно представить величину крестьянского и помещичьего землевладения. Но сначала приведем общие данные. Все пространство Европ. России (50 губ.) определяется (см. перепись 27 янв. 1897 г.) в 4.230,5 тыс. квадратных верст, т.-е. в 448,8 миллионов десятин. Статистика землевладения 1905 года учитывает 395,2 милл. десятин, распадающиеся на три следующие крупные рубрики:

	Миллионов десятин.
А) земли в частной собственности.	101,7
Б) падельной земли.	138,8
В) земли казенн., церковной и учрежд.	154,7
<hr/>	
Всего земли в Европ. России.	395,2

Из этой общ. цифры надо выкинуть прежде всего казенные земли, лежащие на дальнем севере и состоящие частью из тундр, частью из таких лесов, рассчитывать на сельско-хозяйственную утилизацию которых в ближайшем будущем нельзя. Таких земель в «северном районе» (губернии Архангельская, Олонецкая и Вологодская)—107,9 милл. дес. Разумеется, выкидывая все эти земли, мы значительно преувеличиваем количество неудобных для земледелия земель. Достаточно указать, что такой осторожный статистик, как г. А. А. Кауфман, считает в Вологодской и Олонецкой губ. 25,7 милл. десятин леса, которые могли бы пойти (как избыток сверх

25⁰/₀ лесистости) в дополнительное наделение крестьянам *). Но так как мы берем общие данные о количестве земли, не выделяя данных о лесе, то правильнее будет пригодный для сельского хозяйства земельный фонд определить осторожнее. За вычетом 107,9 милл. дес. остается 287,3 милл. дес., и для округления мы возьмем цифру 280 милл. дес., отбрасывая часть городских земель (всего их 2,0 м. д.) и часть казенных земель Вятской и Пермской губерний (всего в обеих этих губерниях казенных земель 16,3 милл. дес.).

Получается такое *валовое* распределение пригодного для земледелия количества земли в Европ. России:

А) частновладельческой	101,7 м. д.
Б) надельной	138,8 » »
В) казенной и учреждений	39,5 » »

Всего в Европ. России 280,0 м. д.

Теперь необходимо выделить данные о мелком и крупном (и особенно самом крупном) землевладении, чтобы конкретно представить обстановку крестьянской борьбы за землю в русской революции. Но данные этого рода неполны. Из 138,8 милл. дес. надельной земли распределены по размерам землевладения 136,9 милл. дес. Из 101,7 милл. дес. частновладельческой земли—85,9 милл. десятин; остальные 15,8 милл. десятин принадлежат «обществам и товариществам». Присматриваясь к составу этих последних земель, мы видим, что 11,8 милл. десятин из них принадлежат крестьянским обществам и товариществам; значит, это, в общем и целом, мелкое землевладение, не распределенное, к сожалению, по размерам. Далее, 3,7 милл. десятин принадлежат «торгово-промышленным, фабричным и пр.» товариществам, числом 1.042. Из них 272 товарищества имеют свыше 1.000 дес. каждое, а все 272—3,6 милл. дес. Это, очевидно, помещичьи латифундии. Главная масса таких земель сосредоточена в Пермской губернии: здесь *девяти* таким товариществам принадлежит 1.448.902 десятины! Известно, что уральские заводы имеют десятки тысяч десятин земли,—прямой пережиток крепостнических, сенъериальных латифундий в буржуазной России.

Мы выделяем, следовательно, 3,6 милл. дес. из земли обществ и товариществ, как самое крупное землевладение. Остальное не распределено, но в общем мелкое.

*) «Аграрный вопрос», изд. Долгорукова и Петрункевича. Том II. Сборник статей. М. 1907, стр. 305.

Из 39,5 милл. дес. казенной и пр. земли поддаются выделению по размерам только удельные земли (5,1 милл. дес.). Это тоже полусредневековое, крупнейшее землевладение. Получаем такой итог земель, распределенных и нераспределенных по размерам землевладения:

	Земли, распределенн. по размерам	Земли, не распределенн. землевладения.
А) частновладельческие	89,5 *) м. д.	12,2 м. д.
Б) наделные	136,9 » »	1,9 » »
В) казенн и учрежден.	5,1 » »	34,4 » »
<hr/>		
Всего	231,5 м. д.	48,5 м. д.
<hr/>		
Итого	280,0	

Перейдем к распределению наделных земель по размерам землевладения. Сводя данные нашего источника в несколько более крупные группы, получаем:

Надельная земля:

Группы дворов.	Дворов.	Земли дес.	В среднем на 1 двор десятин.
До 5 дес. включ.	2.857.650	9.030.333 } 21.706.550 }	3,1 } 6,5 }
5—8 »	3.317.611		
<hr/>			<hr/>
всего до 8 дес. включ.	6.175.251	30.736.883	4,9
8—15 » »	3.932.485	42.182.923	10,7
15—30 » »	1.551.904	31.271.922	20,1
свыше 30 » »	617.715	32.695.510	52,9
<hr/>			<hr/>
Всего в Европ. России.	12.277.355	136.887.238	11,1

Из этих данных видно, что больше половины дворов (6,2 милл. из 12,3) имеет до 8 дес. на двор, т.-е. количество земли, в общем и среднем, безусловно недостаточное для содержания семьи. До 15 десятин имеет всего 10,1 милл. дворов (у них 72,9 милл. дес.), т.-е. свыше четырех пятых общего числа дворов стоят, при данной высоте крестьянской земледельческой техники, на границе полугодового существования. Средние и зажиточные—по количеству собственной земли—дворы составляют всего 2,2 милл. из 12,3, при чем у них 63,9 милл. дес. из 136,9 милл. дес. Богатыми можно назвать лишь имеющих свыше 30 дес., таковых всего 0,6 милл. дворов, т.-е. двадцатая часть общего числа дворов. Земли у них почти $\frac{1}{4}$ общего коли-

*) 85,9 милл. дес. частновлад. земли плюс 3,6 милл. дес. латифундий у фабр.-зав. и торг.-промышл. обществ и товариществ.

чества: 32,7 милл. дес. из 136,9. Чтобы судить о том, из каких разрядов крестьян составляется эта богатая землевладением группа дворов, укажем, что на первом месте здесь стоят казаки. В группе имеющих свыше 30 дес. на двор их 266.929 дворов с 14.426.403 дес., т.-е. подавляющее большинство всего числа казаков (по Европ. России—278.650 дворов с 14.689.498 дес. земли, т.-е. в среднем по 52,7 дес. на двор).

Чтобы судить о том, как приблизительно распределяются все крестьянские дворы по размерам хозяйства, а не по надельному землевладению, мы имеем относительно всей России только данные о лошадности. По последним военно-конским переписям 1888—1891 годов распределение крестьянских дворов в 48 губ. Европ. России таково:

Беднота	{	Безлошадных	2.765.970 дворов.
		С 1 лошадью	2.885.192 »
Средние	{	» 2 »	2.240.574 »
		» 3 »	1.070.250 »
Зажиточн.	{	» 4 и более	1.154.674 »
		<hr/>	
		В с е г о	10.116.660 »

В общем и целом это значит: свыше половины бедноты (5,6 милл. из 10,1), около трети средних дворов (3,3 милл. с 2—3 лош.) и немного более десятой части зажиточных (1,1 милл. из 10,1).

Посмотрим теперь на распределение частной личной земельной собственности. Статистика недостаточно ясно выделяет здесь самое мелкое землевладение, но зато дает подробнейшие сведения о крупнейших латифундиях.

Частная личная поземельная собственность
в Европ. России.

Группы владений.	Владений.	Земли дес.	В среднем на 1 владение десятин
1С дес. и менее	409.864	1.625.226	3,9
10—50 дес. вкл.	209.119	4.891.031	23,4
50—500 дес. вкл.	106.065	17.326.495	163,3
500—2.000 дес. вкл.	21.748	20.590.708	947
{ 2.000—10.000 дес. вкл.	{ 5.386	{ 20.602.109	{ 3.825
{ свыше 10.000 дес.	{ 699	{ 20.798.504	{ 29.754
<hr/>			
Всего свыше 500 дес.	27.833	61.991.321	2.227
<hr/>			
Итого в Европ. России	752.881	85.834.073	114

Мы видим здесь, во-первых, громадное преобладание крупного землевладения: 619 тыс. мелких землевладельцев (до 50 дес.) имеют

всего $6\frac{1}{2}$ милл. дес. Во-вторых, мы видим необъятно большие лати-
фундии: 699 собственников имеют почти по 30.000 десятин каждый!
Двадцать восемь тысяч собственников концентрируют 62 милл. дес.,
т.-е. по 2.227 дес. на одного. Подавляющее большинство этих лати-
фундий принадлежит дворянам, именно 18.102 владения (из 27.833)
и 44.471.994 дес. земли, т.-е. свыше 70% всей площади под лати-
фундиями. Средневековое землевладение крепостников-помещиков обри-
совывается этими данными с полной наглядностью.

2. Из-за чего идет борьба?

У десяти миллионов крестьянских дворов 73 милл. дес. земли.
У двадцати восьми тысяч благородных и чумазных лендлордов—62 милл.
десятин. Таков основной фонд того поля, на котором разворачивается
крестьянская борьба за землю. На этом основном фоне неизбежна
поразительная отсталость техники, заброшенное состояние земле-
делия, придавленность и забитость крестьянской массы, бесконечно
разнообразные формы крепостнической, барщинной эксплуатации.
Чтобы не уклоняться в сторону от своей темы, мы должны здесь огра-
ничиться самым кратким указанием на эти общеизвестные факты,
подробнейшим образом описанные в громадной литературе о крестьян-
ском хозяйстве. Размеры земельных владений, очерченные нами,
ни в коем случае не соответствуют размерам хозяйств. Крупное капи-
талистическое земледелие стоит в чисто русских губерниях безусловно
на заднем плане. Преобладает мелкая культура на крупных лати-
фундиях: различные формы крепостнически-кабальной аренды, отра-
боточного (барщинного) хозяйства, «зимней наемки», кабалы за
потравы, кабалы за отрезки и так далее, без конца. Задавленная
крепостнической эксплуатацией крестьянская масса разоряется и
частью сама сдает в аренду свои наделы «исправным» хозяевам. Не-
большое меньшинство зажиточных крестьян вырабатывается в кре-
стьянскую буржуазию, арендует землю для капиталистического хо-
зяйства, эксплуатирует сотни тысяч батраков и поденщиков.

Приняв во внимание эти, вполне установленные русской эконо-
мической наукой, факты, мы должны в вопросе о современной кре-
стьянской борьбе за землю различать *четыре основные группы* зе-
мельных владений: 1) масса крестьянских хозяйств, придавленных
крепостническими латифундиями и непосредственно заинтересован-
ных в их экспроприации, непосредственно и всего более выигрываю-
щих от такой экспроприации. 2) Небольшое меньшинство среднего
крестьянства, обладающего уже теперь приблизительно средним,

допускающим сносное хозяйничанье, количеством земли. 3) Небольшое меньшинство зажиточного крестьянства, превращающегося в крестьянскую буржуазию и рядом постепенных переходов связанного с капиталистически-хозяйничалющим землевладением. 4) Крепостнические латифундии, далеко превышающие своими размерами капиталистические экономии данной эпохи в России и всего более извлекающие доход из кабальной и отработочной эксплуатации крестьянства.

Само собой разумеется, что по данным о землевладении эти основные группы можно выделить лишь очень приблизительно, примерно, схематически. Но мы, во всяком случае, обязаны выделить эти группы, ибо иначе нельзя дать цельной картины борьбы за землю в русской революции. И заранее можно сказать с полной уверенностью, что частичные исправления цифр, частичные передвижения пределов той или иной группы *не могут* изменить сколько-нибудь существенно общей картины. Важны не эти частичные исправления,—важно то, чтобы было ясно сопоставлено мелкое землевладение, добывающееся земли, и крепостнические латифундии, монополизирующие массу земли. Основная фальшь и правительственной (столыпинской) и либеральной (кадетской) экономии состоит в скрывании или затушевывании этого ясного сопоставления.

Предположим следующие размеры землевладения для указанных четырех групп: 1) до 15 дес.; 2) 15—20 дес.; 3) 20—500 десятин и 4) свыше 500 дес. на владение. Чтобы представить борьбу за землю, как нечто цельное, мы, разумеется, должны соединить вместе в каждой из этих групп наделное и частное землевладение. Последнее в нашем источнике разделено на группы: до 10 дес. и от 10 до 20, так что выделить группу до 15 дес. приходится приблизительно. Неточность, которая может получиться от этого приблизительного расчета и от производимого нами округления цифр, совершенно ничтожна (читатель сейчас убедится в этом) и неспособна изменить выводы.

Вот современное распределение земли в Европ. России по взятым нами группам (см. табл. на стр. 434).

Таковы отношения, порождающие крестьянскую борьбу за землю. Таков *исходный* пункт борьбы крестьян (7—15 дес. на двор плюс кабальная аренда и т. д.) против крупнейших помещиков (2.333 дес. на экономию). Какова объективная тенденция *конечного* пункта этой борьбы? Очевидно, что эта тенденция состоит в уничтожении крупно-помещичьего крепостнического землевладения, в переходе его (на тех или иных началах) к крестьянам. Эта объективная тенденция совершенно неизбежно вытекает из факта преобладания мелкой

	Число владений.	Число десятин земли.	Среднее на 1 влад. десятин.
(в миллионах.)			
а) Разоренное крестьянство, за- вленное крепостнической экспло- атацией	10,5	75,0	7,0
б) Среднее крестьянство	1,0	15,0	15,0
в) Крестьянская буржуазия и капп- талистическое землевладение . .	1,5	70,0	46,7
г) Крепостнические латифундии . .	0,0	70,0	2.333,0
<hr/>			
Всего	13,03	230,0	17,6
Не распределено по владениям . .	—	50,0	—
<hr/>			
Всего *)	13,06	280,0	21,4

культуры, закабаляемой крепостническими латифундиями. Чтобы выразить эту тенденцию в такой же наглядной схеме, которую мы привели для изображения исходного пункта борьбы, т.-е. теперешнего положения вещей, следует взять *лучший мыслимый* случай, т.-е. всю землю крепостнических латифундий и все нераспределенные по владениям земли предположить перешедшими в руки разоренного крестьянства. Это—тот лучший случай, который более или менее отчетливо рисуется *всем* участникам современной аграрной борьбы: и правительство говорит о «наделении» «нуждающихся», и либеральный чиновник (кадет тож) говорит о дополнительном наделении мало-земельных, и трудовик-крестьянин толкует об увеличении землевладения до «потребительной» или «трудоной» нормы, и социал-демократ, расходясь в вопросе о формах землепользования, принимает в общем народнические предположения о наделении беднейших крестьян (Церетели ⁶⁹) во II Думе в 47-м засед., 26 мая 1907 г., принял цифры народника Караваева о 57 милл. отчуждаемых земель за 6½ миллиардов, из них на долю беднейших, имеющих до 5 дес., 2½ миллиарда,

*) Цифры этой таблицы, как уже сказано, округлены. Вот точные цифры. Надельная земля: а) 10,1 милл. вл. и 79,9 м. дес.; б) 874 т. влад. и 15,0 милл. дес. Частное землевладение до 10 дес.—410 тыс. влад. и 1,6 милл. дес.; 10—20 дес.—106 тыс. влад. и 1,6 милл. дес. Сумма а+б обоих видов: 11,5 милл. влад. и 91,2 милл. дес. Для группы в) точная цифра: 1,5 милл. влад. и 96,5 милл. дес. земли. Для группы г)—27.833 владения и 6.199 милл. дес. земли. К последним добавлено, как указано выше, 5,1 милл. дес. удельной земли и 3,6 милл. дес. у крупнейших ф.-з. и торг.-пром. товариществ. Точная цифра нераспределенных по владениям земель приведена выше—48,5 милл. дес. Читатель может идти отсюда, что все наши округления и приблизительные расчеты касаются совершенно ничтожных численных изменений и не могут и на волос поколебать выводов.

(см. стр. 1221 стеногр. отчета). Одним словом, как бы различно ни смотрели помещики, чиновники, буржуазия, крестьянство и пролетариат на задачи и условия преобразования, все намечают ту же тенденцию: переход крупно-помещичьих земель наиболее нуждающемуся крестьянству. О том, каковы коренные различия между классами во взглядах на размеры и условия такого перехода, мы будем говорить в своём месте особо. Теперь же дополним нашу схему исходного пункта борьбы такой же схемой возможного конечного ее пункта. Мы показали выше, что есть *теперь*. Покажем, что может быть *тогда*. Предположим, что 0,03 милл. помещиков сохраняют по 100 дес., т.-е. 3 милл. дес., остальные 67 милл. и 50 милл. нераспределенных земель переходят 10,5 милл. дворов бедноты. Получаем:

	Т Е П Е Р Ь.			Т О Г Д А.		
	Владен. в милл.	Десят. земли. десять.	Среднее на 1 вл. десять.	Владен. в милл.	Десят. земли. десять.	Среднее на 1 вл. десять.
а) Мелкое разоренное крестьянство	10,5	75	7,0	—	—	—
б) Среднее крестьян- ство	1,0	15	15,0	11,5	207	18,0
в) Богатое крестьян- ство и буржуазия.	1,5	70	46,7	1,53	73	47,7
г) Крепостн.-помещ.	0,03	70	2.333,0	—	—	—
Всего	13,03	230	17,6	13,03	280	21,4
Нераспред. земли	—	50	—	—	—	—
Всего	13,03	280	21,4	—	—	—

Такова экономическая основа борьбы за землю в русской революции. Таков исходный путь этой борьбы и ее тенденция, т.-е. ее конечный пункт, ее результат в лучшем, с точки зрения борющихся, случае.

Прежде чем переходить к рассмотрению этой основы и ее идейного (и идейно-политического) облачения, остановимся еще на возможных недоразумениях и возражениях.

Могут сказать, что в моей картине предположен *раздел* земель, тогда как вопроса о муниципализации, разделе, национализации, социализации я еще не рассматривал.

Это было бы недоразумением. В моей картине *условия* землевладения совершенно оставлены в стороне, *условия* перехода земли к крестьянам совершенно незатронуты (в собственность ли. в поль-

зование ли того или иного типа). У меня взят только *переход земли вообще* к мелкому крестьянству, а в такой тенденции нашей аграрной борьбы сомневаться непозволительно. Борется мелкое крестьянство, борется за переход земли *к нему*. Борется мелкая (буржуазная) культура против крупного (крепостнического) землевладения *). Иного результата переворота в лучшем случае, чем нарисованного у меня, быть не может.

Второе. Могут сказать, что я не имел права предположить переход всех конфискованных земель (или экспроприированных, ибо пока еще нет речи в моем изложении об условиях экспроприации) к наиболее малоземельному крестьянству. Могут сказать, что земли *должны* перейти в силу экономической необходимости к более богатым крестьянам.—Но такое возражение было бы недоразумением. Чтобы доказать буржуазный характер переворота, я должен взять *лучший* случай с точки зрения народничества, я должен *допустить* достижение той цели, которую ставят себе борющиеся. Я должен взять момент, наиболее близкий к так называемому «черному переделу», а не дальнейшие последствия аграрного переворота. Если масса победит в борьбе, то себе же она и возьмет плоды победы. Иной вопрос, кому эти плоды достанутся впоследствии.

Третье. Могут сказать, что необыкновенно благоприятный результат для бедного крестьянства (превращение всей массы его в средних крестьян с землей до 18 дес. на двор) получился у меня вследствие *преувеличения* свободного земельного фонда. Могут сказать, что падо было вычесть *леса*, которые не могут де итти в надел крестьянам. Такие возражения возможны и даже неизбежны со стороны экономистов правительственного и кадетского лагеря, но они неверны. Во-первых, я исключил *весь* северный район (Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии), а также часть губерний Вятской и Пермской, т.-е. такие местности, в которых трудно представить себе в ближайшем будущем сельско-хозяйственную эксплуатацию покрытых лесом площадей. Во-вторых, особый учет лесных площадей, необыкновенно усложнив расчет, мало изменил бы результаты. Напр., г. Кауфман, кадет, следовательно, достаточно *осторожно* относящийся к помещичьим землям, считает, что избыток сверх 25% лесистости может итти на покрытие недостатка в земле, и таким образом получает фонд в 101,7 милл. дес. по 44 губерниям. У меня по 47 губерниям фонд определен приблизительно в 101 милл. дес., именно

*) То, что сказано мною в скобках, не сознается или отрицается мелкобуржуазной идеологией народничества. Об этом речь будет после.

67 милл. дес. из 70 милл. крепостнических латифундий и 34 милл. дес. земли казенной и разных учреждений. Если предположить экспроприацию всех земель свыше 100 десятин, то этот фонд увеличится еще на 9—10 миллионов десятин *).

3. Затумашивание сущности борьбы кадетскими писателями.

Приведенные данные о роли крупнейших помещичьих хозяйств в борьбе за землю в России должны быть дополнены в одном отношении. Характерным признаком аграрных программ нашей буржуазии и мелкой буржуазии является засорение соображениями о «нормах» вопроса о том, какой класс является самым могучим противником крестьянства, какие владения составляют главную массу подлежащего экспроприации фонда. Говорят (и кадеты и трудовики) преимущественно о том, сколько земли требуется для крестьян по той или иной «норме»,—вместо того, чтобы говорить о гораздо более конкретном и живом деле: сколько есть земель, которые могут быть экспропрированы. Первая постановка вопроса затумашивает классовую борьбу, заслоняет суть дела пустой претензией на «государственную» точку зрения. Вторая постановка весь центр тяжести вопроса переносит на классовую борьбу, на классовые интересы определенного землевладельческого слоя, всего более представляющего крепостнические тенденции.

Мы в другом месте остановимся еще на этом вопросе о «нормах». Здесь же отметим одно «счастливое» исключение из трудовиков и одного типично-кадетского писателя.

Во Второй Думе народный социалист Деларов затронул вопрос о том, какой процент владельцев затронут будет отчуждением (47 зас.,

*) Предел отчуждения—500 дес.—взят у меня в тексте чисто предположительно. Если мы возьмем этот предел в 100 дес.—тоже чисто предположительно, то картина переворота будет такова:

теперь		тогда	
а) 10,5 м. хоз.....	75 милл. дес.	а) — —	
б) 1,0 » »	15 » »	б) 11,5 217 м. д. по 18,8 д. на двор	
в) 1,4 » »	50 » »	в) 1,53 63 » » » 41,1 » » »	
г) 0,13 » »	90 » »	г) — —	—
<u>13,03</u>	<u>230</u>	<u>13,03</u> <u>280</u>	<u>21,4</u> » » »
	+50		

Основные выводы о характере и сущности переворота одинаковы в обоих случаях,

26 мая 1907 г.). Оратор говорил именно об отчуждении (принудительном), не ставя вопроса о конфискации, и принял, повидимому, ту самую норму отчуждения, которую я предположительно взял в своей таблице, именно: 500 дес. К сожалению, в стенографическом отчете II Думы соответственное место речи Деларова (стр. 1217) искажено, — или сам г. Деларов сделал ошибку. В отчете значится, что принудительное отчуждение затронет 32⁰/₁₀₀ частных владений и 96⁰/₁₀₀ всей их земельной площади; у остальных же, дескать, 68⁰/₁₀₀ владельцев—только 4⁰/₁₀₀ земли частной собственности. На деле вместо 32⁰/₁₀₀ должно быть 3,2⁰/₁₀₀, ибо 27.833 владельца из 752.881 составляют 3,2⁰/₁₀₀, а земли у них 62 милл. из 85,8 милл., т.-е. 72,3⁰/₁₀₀. Остается неизвестным, обмолвился ли г. Деларов или взял неверные цифры. Во всяком случае он один, если мы не ошибаемся, из многочисленных думских ораторов подошел к вопросу о том, из-за чего идет борьба, в самом непосредственном, конкретном смысле

Кадетский писатель, «труды» которого нельзя не упомянуть при изложении данного вопроса,—г. С. Прокопович. Правда, оп, собственно говоря, «беззаглавец»⁷⁰⁾, выступающий—подобно большинству писателей буржуазной газеты «Товарищ»—то в качестве кадета, то в качестве меньшевика социал-демократа. Это типичный представитель той кучки последовательных бершштейнианцев в среде русской буржуазной интеллигенции, которая качается между к.-д. и с.-д., не входит (большой частью) ни в какую партию и систематически тянет в либеральной прессе ноту чуточку правее Плеханова. Г. Прокопович должен быть отмечен здесь, потому что он один из первых привел в печати цифры из статистики землевладения 1905 года, при чем встал фактически на почву кадетской аграрной реформы. В двух статьях в газете «Товарищ» (1907 г., № 214 от 13 марта и № 238 от 10 апреля) г. Прокопович полемизирует с составителем официальной статистики, генералом Золотаревым, который доказывает, что правительство вполне может без всякого принудительного отчуждения сладить с земельной реформой и что для ведения хозяйства крестьянину вполне достаточно 5 десятин на двор! Г. Прокопович—либеральнее: он берет по 8 дес. на двор. Он оговаривается, и не один раз, что такое обеспечение «совершенно недостаточно», что такой расчет «самый скромный» и т. д., но все же для определения «размеров земельной пужды» (заглавие первой из вышеназванных статей г. Прокоповича) он берет именно эту цифру. Он объясняет, что берет ее, «чтобы избежать излишних споров»... должно быть, «излишних споров» с г.г. Золотаревыми? Исчисляя таким образом число «явно мало-земельных» крестьянских дворов в половину общего числа, г. Проко-

пович правильно рассчитывает, что для допадения их до 8 дес. требуется 18,6 милл. дес., а так как у правительства есть фонд всего, будто бы, в 9 милл. дес., то «без принудительного отчуждения не обойдешься».

И своими расчетами, и своими рассуждениями г. меньшевистствующий кадет или кадетствующий меньшевик прекрасно выразил дух и смысл либеральной аграрной программы. Вопрос собственно о крепостнических латифундиях и латифундиях вообще совершенно смазан. Г. Прокопович привел данные только о всем частном землевладении выше 50 десятин. Таким образом то, из-за чего настоящим образом идет борьба, оказалось затушеванным. Классовые интересы горстки, буквально горстки, лендлордов закрыты флером. Вместо их разоблачения перед нами «государственная точка зрения»: не обойдешься с казенными землями. Если бы можно было обойтись с ними, то г. Прокопович—так выходит из его рассуждения—ничего не имел бы против крепостнических латифундий.

Размер крестьянского надела (8 дес.) берется голодный. Размер «принудительного отчуждения» у помещиков берется ничтожный (18—9=9 милл. десятин из 62 милл. свыше 500 дес.)! Чтобы произвести такое «принудительное отчуждение», надо, чтобы помещики принудили крестьян, как это было в 1861 году!

Вольно или невольно, сознательно или бессознательно, но г. Прокопович верно выразил помещичью суть кадетской аграрной программы. Кадеты только осторожны и хитры: они предпочитают вовсе умалчивать о том, сколько именно земель у помещиков склонны они экспроприровать.

4. Экономическая сущность аграрного переворота и его идеальные облачения.

Мы видели, что сущность происходящего переворота сводится к уничтожению крепостнических латифундий и к созданию свободного и (насколько возможно при данных условиях) зажиточного земледельческого крестьянства, способного не прозябать, не маяться на земле, а развивать производительные силы, двигать вперед сельско-хозяйственную культуру. Мелкого хозяйничанья в земледелии, господства рынка над производителем, а следовательно, и господства товарного производства этот переворот совершенно не затрагивает и не может затрагивать, ибо борьба за перераспределение земли не в состоянии изменить производственные отношения в хозяйстве на этой земле. А мы видели, что особенность данной борьбы—сильное развитие мелкой культуры на землях крепостнических латифундий,

Идеологическим облачением происходящей борьбы являются теории народничества. Открытое выступление крестьянских представителей всей России в I и II Думах с аграрными программами окончательно подтвердило, что народнические теории и программы являются действительно идейными облачением крестьянской борьбы за землю.

Мы показали, что основной, главной составной частью того земельного фонда, из-за которого крестьяне борются, являются крупные крепостнические поместья. Норму экспроприации мы приняли очень высокую—500 дес. Но легко убедиться, что сделанный нами вывод остается в полной силе и при любом понижении этой нормы,—скажем, до 100 или до 50 десятин. Разделим группу в 20—500 дес. на три подразделения: аа) 20—50 дес., бб) 50—100 и вв) 100—500, и посмотрим каковы размеры наделного и частного землевладения по этим подразделениям:

НАДЕЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ.					
Подразделе- ния.	Число вла- дений.	Количество земли.	Среднее на 1 владение		
			десятин.		
20— 50 д.	1.062.504	30.898.147	29,4		
50—100 »	191.898	12.259.171	63,3		
100—500 »	40.658	5.726.276	117,1		
Число владений.	Частная земля.		Всего в Европ. России.		
	Колич. земли.	Среднее на 1 влад.	Число владений.	Колич. земли.	Среднее на 1 влад.
	десятин.			десятин.	
102.237	3.301.004	32,8	1.165.741	34.199.151	29,3
44.877	3.229.858	71,9	236.775	15.489.029	65,4
61.188	14.096.637	230,4	101.846	19.858.913	194,9

Отсюда видно, во-первых, что конфискация земель свыше 100 дес. увеличит земельный фонд, как уже отмечено выше, на 9—10 милл дес., а конфискация земель свыше 50 десятин, предположенная депутатом I Гос. Думы, Чижевским, увеличит земельный фонд на 18¹/₂ милл. десятин. Следовательно, основой земельного фонда и в этом случае останутся крепостнические латифундии. В них «гвоздь» современного аграрного вопроса. Известна также связь этого крупного землевладения с высшей бюрократией: Г. А. Алексинский ⁷¹⁾ приводил во II Думе данные г. Рубакина относительно того, как велики имения высших чиновников на Руси. Во-вторых, из этих данных видно, что и за вычетом наделов и имений свыше 100 дес. остаются крупные различия ме-

жду высшими наделами (и мелкими имениями). Переворот застает крестьянство уже дифференцированным и по величине землевладения, и, еще более, по величине капитала, количеству скота, количеству и качеству мертвого инвентаря и т. д. Что дифференциация в области внеадельного, так сказать, имущества крестьян гораздо значительнее, чем в области надельного землевладения, это достаточно доказано в нашей экономической литературе.

Какое же значение имеют народнические теории, отражающие более или менее точно взгляды крестьян на их борьбу за землю? Два «принципа» составляют сущность этих народнических теорий: «трудо-вое начало» и «уравнительность». Мелко-буржуазный характер этих принципов настолько ясен и так часто, так обстоятельно был доказываем в марксистской литературе, что об этом не зачем еще говорить здесь. Важно отметить эту черту этих «принципов», которую не оценили до сих пор по достоинству русские с.-д. В туманной форме эти принципы действительно выражают нечто реальное и прогрессивное в данный исторический момент. Именно: они выражают истребительную борьбу против крепостнических латифундий.

Взгляните на вышеприведенную схему эволюции нашего аграрного строя от теперешнего положения к «конечной цели» современного буржуазного переворота. Вы увидите ясно, что будущее «тогда» отличается от настоящего «теперь» несравненно большей «уравнительностью» землевладения, несравненно большим соответствием нового распределения земли «трудо-вому началу». И это не случайно. Это не может быть иначе в крестьянской стране, буржуазное развитие которой высвобождает ее из крепостничества. Уничтожение крепостнических латифундий безусловно является в такой стране требованием капиталистического развития. А это уничтожение, при господстве мелкой культуры, неминуемо означает большую «уравнительность» землевладения. Разбивая средневековые латифундии, капитализм начинает с более «уравнительного» землевладения, создавая уже из него новое крупное земледелие,—создавая его на базе наемного труда, машин и высокой агрикультурной техники, а не на базе отработков и кабалы.

Ошибка всех народников состоит в том, что, ограничиваясь узким кругозором мелкого хозяина, они не видят буржуазности тех общественных отношений, в которые вступает крестьянин из оков крепостничества. Они превращают «трудо-вое начало» мелко-буржуазного земледелия и «уравнительность», как лозунг разгрома крепостнических латифундий, в нечто абсолютное, самодовлеющее, означающее особый, не-буржуазный, строй.

Ошибка некоторых марксистов состоит в том, что, критикуя теорию народников, просматривают ее исторически-реальное и исторически-правомерное содержание в борьбе с крепостничеством. Критикуют, и справедливо критикуют, «трудовое начало» и «уравнительность», как отсталый, реакционный, мелко-буржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают передовой, революционный, мелко-буржуазный демократизм, что эти теории служат знаменем решительной борьбы против старой, крепостнической России. Идея равенства — самая революционная идея в борьбе со старым порядком абсолютизма вообще и со старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности. Идея равенства законна и прогрессивна у мелкого буржуа-крестьянина, поскольку она выражает борьбу с неравенством феодальным, крепостническим. Идея «уравнительности» землевладения законна и прогрессивна, поскольку она выражает стремления 10 миллионов сидящих на семидесятинном наделе и разоренных помещиками крестьян к разделу *) крепостнических латифундий по 2.300 десятин. А в данный исторический момент идея эта действительно выражает такое стремление, она толкает к последовательной буржуазной революции, ошибочно облакая это туманной, квазисоциалистической фразеологией. И плох был бы тот марксист, который, критикуя фальшь социалистического прикрытия буржуазных лозунгов, не сумел бы оценить исторически-прогрессивного значения их, как самых решительных буржуазных лозунгов в борьбе против крепостничества. Реальное содержание того переворота, который кажется народнику «социализацией», будет состоять из самого последовательного расчищения пути для капитализма, из самого решительного искоренения крепостничества. Та схема, которая приведена мною выше, показывает именно максимум в устранении крепостничества и максимум достигаемой при этой «уравнительности». Народник воображает, что эта «уравнительность» **устраняет буржуазность**, тогда как на деле она выражает стремления наиболее радикальной буржуазии. А все, что есть в «уравнительности» сверх сего, есть идеологический дым, иллюзия мелкого буржуа.

Близорукое и неисторичное суждение некоторых русских марксистов о значении народнических теорий в русской буржуазной революции объясняется тем, что они не вдумались в значение защищаемой ими «конфискации» помещичьего землевладения. Стоит ясно

*) Речь идет здесь не о разделе в собственности, а о разделе в хозяйственное пользование. Такой раздел возможен — а при господстве мелкой культуры неизбежен на известное время — и при муниципализации, и при национализации.

представить себе экономическую основу такого переворота в данных условиях нашего землевладения—и мы поймем не только иллюзорность теорий народничества, но и ограниченную определенной исторической задачей правду борьбы, правду борьбы с крепостничеством, составляющую реальное содержание этих иллюзорных теорий.

5. Два типа буржуазной аграрной эволюции.

Пойдем дальше. Мы показали, что народнические теории, будучи нелепы и реакционны с точки зрения борьбы за социализм против буржуазии, оказываются «разумными» (в смысле особой исторической задачи) и прогрессивными в буржуазной борьбе против крепостничества. Спрашивается теперь, следует ли понимать неизбежность отмирания крепостничества в русском землевладении и во всем общественном строе России, неизбежность буржуазно-демократического аграрного переворота в том смысле, что он может произойти только в одной определенной форме? или он возможен в различных формах?

Этот вопрос имеет кардинальное значение для выработки правильных взглядов на нашу революцию и на с.-д. аграрную программу. И решить этот вопрос мы должны, исходя из тех данных об экономической основе революции, которые приведены выше.

Гвоздем борьбы являются крепостнические латифундии, как самое выдающееся воплощение и самая крепкая опора остатков крепостничества в России. Развитие товарного хозяйства и капитализма с абсолютной неизбежностью кладет конец этим остаткам. В этом отношении перед Россией только один путь буржуазного развития.

Но формы этого развития могут быть двояки. Остатки крепостничества могут отпадать и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих латифундий, т.-е. путем реформы и путем революции. Буржуазное развитие может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплуатации буржуазными; оно может идти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма «нарост» крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства.

Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа. В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой

мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбуэров» («крупных крестьян»). Во втором случае помещичьего хозяйства нет или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья. Крестьянин преобладает в таком случае, становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера. В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов — помещиков — юнкеров. Во втором случае основной фон — перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера.

В экономической истории России совершенно явственно обнаруживаются оба эти типа эволюции. Возьмите эпоху падения крепостного права. Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые—такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые—интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения. Само собой разумеется, что при втором исходе развитие капитализма и развитие производительных сил было бы шире и быстрее, чем при помещичьем исходе крестьянской реформы *). Только карикатурные марксисты, как их старались размалевать борющиеся с марксизмом народники, могли бы считать обезземеление крестьян

*) В журнале «Научное Обозрение» (1900 год, май—июнь) я писал по этому поводу: «...чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире и свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем выше был бы жизненный уровень населения, тем быстрее шло бы применение машин к производству, тем больше, одним словом, походило бы экономическое развитие России на экономическое развитие Америки. Ограничусь указанием двух обстоятельств, подтверждающих, на мой взгляд, правильность этого последнего мнения: 1) на почве малоземелья и тяжести податей у нас в очень значительном районе развилась отработочная система частновладельческого хозяйства, т.-е. прямое переживание крепостничества, а вовсе не капитализм; 2) именно на наших окраинах, где крепостное право либо вовсе не было известно, либо было всего слабее, где крестьяне всего менее страдают от малоземелья, отработков, тяжести податей, там всего больше развился капитализм в земледелии». (См. 517 стр. III тома Собр. соч. Ред.)

в 1861 году залогом капиталистического развития. Напротив, оно было бы залогом—и оно оказалось па деле залогом кабальной, т.-е. полукрепостнической, аренды и отработочного, т.-е. барщинного хозяйства, необыкновенно задержавшего развитие капитализма и рост производительных сил в русском земледелии. Борьба крестьянских и помещичьих интересов не была борьбой «народного производства» и «трудового начала» против буржуазии (как воображали и воображают наши пародники),—она была борьбой за американский тип буржуазного развития против прусского типа буржуазного же развития.

И в тех местностях России, где не было крепостного права, где за земледелие брался всецело или главным образом свободный крестьянин (напр., в заселявшихся после реформы степях Заволжья, Новороссии, Северного Кавказа), развитие производительных сил и развитие капитализма шло несравненно быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре *).

Но если земледельческий центр России и ее земледельческие окраины показывают нам, так сказать, пространственное или географическое распределение местностей, в которых преобладает аграрная эволюция того или иного типа, то основные черты той и другой эволюции явственно видны также во всех местностях, где существует рядом помещичье и крестьянское хозяйство. Одна из коренных ошибок народнической экономики состояла в том, что источником аграрного капитализма считали исключительно помещичье хозяйство, крестьянское же рассматривали под углом «народного производства» и «трудового начала» (так поступают и теперь трудовики, «народные социалисты» и социалисты-революционеры). Мы знаем, что это не верно. Помещичье хозяйство эволюционирует капиталистически, заменяя постепенно отработки «вольнорабочим трудом», трехполье—интенсивной культурой и крестьянский стародадедовский инвентарь—усовершенствованными орудиями владельческой экономики. Крестьянское хозяйство тоже эволюционирует капиталистически, выделяя сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Чем лучше положение «общины», чем выше благосостояние крестьянства вообще, тем быстрее идет это разложение крестьянства на антагонистические классы капиталистического сельского хозяйства. Две струи аграрной эволюции имеются, следовательно, на-лицо повсюду. Борьба крестьянских и помещичьих

*) О значении окраин в России, как колониального фонда при развитии капитализма, я говорю подробно в «Развитии капитализма» (Спб. 1899, стр. 185 и мн. др. См. 200—201, 272 и 482 стр. III тома Собр. соч. Н. Ленина. *Ред.*) Об их значении в вопросе о с.-д. аграрной программе будет речь ниже особо.

интересов, которая проходит красной нитью через всю пореформенную историю России и составляет важнейшую экономическую основу нашей революции, есть борьба за тот или другой тип буржуазной аграрной эволюции.

Только поняв ясно различие этих типов и буржуазный характер обоих, мы можем правильно объяснить земельный вопрос в русской революции и понять классовое значение различных аграрных программ, выставленных разными партиями *). Повторяем, гвоздь борьбы—крепостнические латифундии. Капиталистическая эволюция их стоит вне всякого спора, но она возможна в двойном виде: в виде революционного устранения, уничтожения их крестьянами-фермерами, и в виде постепенного перехода их в юнкерские хозяйства (с соответствующим превращением закабаленного мужика в закабаленного кнехта).

6. Два линии аграрных программ в революции.

Если мы теперь с вышеочерченной экономической основой сопоставим аграрные программы, выдвинутые различными классами в революции, то мы сразу увидим две линии этих программ, сообразно двум указанным типам аграрной эволюции.

Возьмем программу Столыпина, разделяемую правыми помещиками и октябристами. Это—откровенно помещичья программа. Но можно ли сказать, что она реакционна в экономическом смысле, т.-е.

*) Какая путаница господствует подчас в головах русских с.-д. по вопросу о двух путях буржуазной аграрной эволюции в России, показывает пример П. Маслова. В «Образовании» (1907, № 3) он намечает два пути: 1) «развивающийся капитализм»; 2) «бесполезная борьба с экономическим развитием». Первый путь,—видите ли,—ведет рабочий класс и все общество к социализму; второй путь толкает (!) рабочий класс в руки (!) буржуазии, в борьбу между крупными и мелкими собственниками, в борьбу, из которой рабочий класс ничего не вынесет, кроме поражений» (стр. 92). Во-1-х, «второй путь» есть пустая фраза, мечта, а не путь; это—фальшивая идеология, а не действительная возможность развития. Во-2-х, Маслов не замечает, что Столыпин и буржуазия ведут крестьянство тоже по капиталистическому пути,—значит, реальная борьба идет не из-за капитализма, а из-за типа капиталистического развития. Во-3-х, это чистый вздор, будто возможен в России какой-нибудь путь, не «толкающий» рабочий класс под господство буржуазии... Во-4-х, такой же вздор, будто на каком-нибудь «пути» может не быть борьбы между мелкими и крупными собственниками. Во-5-х, Маслов затушевывает посредством общеевропейских категорий (мелкие и крупные собственники) историческую особенность России, играющую крупнейшее значение в данную революцию: борьбу мелких буржуазных и крупных феодальных собственников.

что она исключает или стремится исключить развитие капитализма? не допустить буржуазной аграрной эволюции? Ни в каком случае. Напротив, знаменитое аграрное законодательство Столыпина по 87-й статье ⁷²⁾ насквозь проникнуто чисто буржуазным духом. Оно, вне всякого сомнения, идет по линии капиталистической эволюции, облегчает, толкает вперед эту эволюцию, ускоряет экспроприацию крестьянства, распадение общины, создание крестьянской буржуазии. Это законодательство, несомненно, прогрессивно в научно-экономическом смысле.

Значит ли это, что с.-д. должны «поддерживать» его? Нет. Так мог бы рассуждать только вульгарный марксизм, семена которого так усиленно сеют Плеханов и меньшевики, поющие, вопиющие, взывающие и глаголющие: надо поддерживать буржуазию в ее борьбе со старым порядком. Нет. Во имя интересов развития производительных сил (этого высшего критерия общественного прогресса) мы должны поддерживать не буржуазную эволюцию помещичьего типа, а буржуазную эволюцию крестьянского типа. Первая означает наибольшее сохранение кабалы и крепостничества (переделываемого на буржуазный лад), наименее быстрое развитие производительных сил и замедленное развитие капитализма, означает неизмеримо большие бедствия и мучения, эксплуатацию и угнетение широких масс крестьянства, а следовательно, и пролетариата. Вторая означает наиболее быстрое развитие производительных сил и наилучшие (какие только возможны вообще в обстановке товарного производства) условия существования крестьянской массы. Тактика социал-демократии в русской буржуазной революции определяется не задачей поддержки либеральной буржуазии, как думают оппортунисты, а задачей поддержки борющегося крестьянства.

Возьмем программу либеральной буржуазии, т.-е. кадетскую. Верные девизу: «чего изволите?» (т.-е. чего изволят господа помещики), они в Первой Думе выдвинули одну, во Второй—другую программу. Смена программ для них—такое же легкое и незаметное дело, как для всех европейских беспринципных карьеристов буржуазии. В Первой Думе казалась сильной революция,—либеральная программа существовала у нее кусочек национализации («общегосударственный земельный фонд»). Во Второй Думе казалась сильной контр-революция, либеральная программа выбросила за борт государственный земельный фонд, повернула к столыпинской идее прочной крестьянской собственности, усилила и расширила случаи изъятия из общего правила принудительного отчуждения помещичьей земли. Но это двуличие либералов мы отмечаем здесь мимоходом. Важно отметить здесь другое:

ту принципиальную основу, которая обща обоим «ликам» либеральной аграрной программы. Эта принципиальная общая их основа—1) выкуп; 2) сохранение помещичьих хозяйств; 3) сохранение помещичьих привилегий при проведении реформы.

Выкуп есть дань, возлагаемая на общественное развитие, дань владельцам крепостнических латифундий. Выкуп есть бюрократически, полицейски обеспеченная реализация крепостнических приемов эксплуатации в виде буржуазного «всеобщего эквивалента». Далее, сохранение помещичьих хозяйств в той или иной мере видно в обеих программах к.-д., как ни стараются буржуазные политиканы скрыть от народа этот факт. Третье—помещичьи привилегии при проведении реформы—выражено с полной определенностью в кадетском отношении к выбору местных земельных комитетов на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Мы не можем здесь входить в подробности *), относящиеся к другому месту нашего изложения. Здесь нам надо определить лишь линию аграрной программы кадетов. И в этом отношении необходимо отметить, что вопрос о составе местных земельных комитетов имеет кардинальное значение. Только политические младенцы могли бы обольщать себя звуком кадетского лозунга «принудительное отчуждение». Вопрос в том, кто кого принудит: помещики крестьян (платить втридорога за песочки) или крестьяне помещиков. Кадетские речи «о равномерном представительстве сталкивающихся интересов» и о нежелательности «одностороннего насилия»

*) См. протоколы I Думы, 14 засед., 24 мая 1906 г., где кадеты Кокоскин и Котляревский рука об руку с октябристом (тогдашним) Гейденом самыми подлыми софизмами опровергают идею местных земельных комитетов. Во II Думе: влиятельный кадет Савельев (16 засед., 26 марта 1907 г.) и откровенная борьба с идеей местных комитетов кадета Татаринова (24 зас., 9 апр. 1907 г., стр. 1783 ст. отчета). В газете «Речь» замечательная передовица № 82 за 1906 г., 25 мая, перепечатанная у Милюкова («Год борьбы», № 117, стр. 457—459). Вот решающее место у этого переодетого октябриста: «Мы полагаем, что составит эти комитеты путем всеобщего голосования значило бы готовить их не для мирного разрешения на местах земельного вопроса, для чего-то совершенно другого. Руководство общим направлением реформы должно быть оставлено в руках государства... В местных комиссиях должны быть представлены, по возможности равномерно (sic!), те сталкивающиеся интересы сторон, которые могут быть примирены без нарушения государственного значения предпринимаемой реформы и без обращения ее в акт одностороннего насилия...» (стр. 459). Во втором томе кадетского «Аграрного вопроса» г. Кутлер печатает свой законопроект, обеспечивающий помещикам плюс чиновники преобладание над крестьянами во всех земельных комиссиях и комитетах, главных, губернских и уездных (стр. 640—641), а г. А. Чупров—«либерал»—принципиально защищает тот же подлый помещичий план обьегоривания крестьян (стр. 33).

яснее ясного показывают суть дела, именно, что в кадетском принудительном отчуждении помещики принуждают крестьян!

Кадетская аграрная программа идет по линии столыпинского, т.-е. помещичьего, буржуазного прогресса. Это факт. Непонимание этого факта есть коренная ошибка тех с.-д., которые, подобно некоторым меньшевикам, способны считать кадетскую аграрную политику более прогрессивною, чем народническую.

У представителей крестьянства, т.-е. у трудовиков, социал-народников и частью у эсеров, мы видим в обеих Думах, несмотря на многочисленные колебания и шатания, совершенно ясную линию защиты интересов крестьянства против помещиков. Есть, напр., колебания по вопросу о выкупе, допускаемом в программе трудовиков, но, во-1-х, его толкуют нередко в смысле общественного призрения неработоспособных помещиков *); во-2-х, вы можете встретить в протоколах II Думы целый ряд крайне характерных крестьянских речей, отвергающих выкуп и провозглашающих лозунг: вся земля всему народу **). По вопросу о местных земельных комитетах, этому важнейшему вопросу о том, кто кого принудит, крестьянские депутаты являются родоначальниками и сторонниками идеи выбора их всеобщим голосованием.

Мы не касаемся пока вопроса о содержании аграрной программы трудовиков и социалистов-революционеров, с одной стороны, социал-демократов,—с другой. Мы должны констатировать прежде всего тот неоспоримый факт, что аграрные программы всех партий и классов, открыто выступивших в русской революции, явственно делятся на два основных типа, соответственно двум типам буржуазной аграрной эволюции. Разделительная линия «правых» и «левых» аграрных программ идет не между октябристами и кадетами, как часто предполагают совершенно ошибочно меньшевики (давая оглушить себя звоном «конституционно-демократических» слов и заменяя анализ названия партий классовый анализ). Разделительная линия проходит между кадетами и трудовиками. Определяют эту линию интересы двух основных

*) Сравним «Сборник Известий Крестьянских Депутатов» и «Трудовой России». Спб. 1906—собрание газетных статей переводумских трудовиков, напр., статья: «Вознаграждение, а не выкуп» (стр. 44—49) и мн. др.

**) Ср. во II Думе речь правого крестьянина Петrochenko (22 зас., 5 апреля 1907): Кутлер предлагал, де, хорошие условия... «конечно, он, как человек богатый, дорого сказал, и мы, крестьяне бедные, столько не можем заплатить» (стр. 1616). Правый крестьянин левее буржуазного политикана, играющего в либерализм. Сравни также речь беспартийного крестьянина Семенова (12 апреля 1907), дышащую духом стихийно-революционной крестьянской борьбы, и мн. др.

классов русского общества, борющихся из-за земли: помещиков и крестьянства. Кадеты сохраняют помещичье землевладение и отстаивают культурную, европейскую, но помещичью буржуазную эволюцию земледелия.

Надо строго отличать идейные облачения аграрных программ, различные политические детали их и т. п. от экономической основы этих программ. Не в том трудность теперь, чтобы понять буржуазный характер и помещичьих и крестьянских земельных требований и программ: эта работа сделана уже марксистами до революции, и революция подтвердила ее. Трудность в том, чтобы дать себе полный отчет в основе борьбы двух классов на почве буржуазного общества и буржуазной эволюции. Эту борьбу нельзя понять, как закономерное общественное явление, если не свести ее к объективным тенденциям экономического развития капиталистической России.

Теперь, показав связь двух типов аграрных программ в русской революции с двумя типами буржуазной аграрной эволюции, мы должны перейти к рассмотрению новой, крайне важной, стороны вопроса.

7. Земельная площадь России. Вопрос о колонизации.

Выше мы отметили, что экономический анализ заставляет различать в вопросе о капитализме в России земледельческий центр, с обильными остатками крепостничества,—и окраины, с отсутствием или слабостью этих остатков, с чертами свободно-крестьянской капиталистической эволюции.

Что же следует понимать под окраинами?—Очевидно, незаселенные, или не вполне заселенные, не вполне вовлеченные в земледельческую культуру земли. И мы должны теперь перейти от Европейской России ко всей Российской империи, чтобы точно представить себе, каковы эти «окраины» и каково их экономическое значение.

В брошюре г. г. Прокоповича и Мертваго «Сколько в России земли, как мы ею пользуемся» (М. 1907) последний из названных авторов делает попытку свести все имеющиеся в литературе статистические данные о количестве земли во всей России и о хозяйственном употреблении известного нам количества земель. Приводим сопоставления г. Мертваго для наглядности в табличной форме, присоединяя данные о населении по переписи 1897 года (см. табл. на стр. 452).

Эти цифры наглядно показывают, какое необъятное количество земель имеется в России, и как мало мы еще знаем об окраинных землях и об их хозяйственном значении. Разумеется, было бы в корне

Ошибочно считать эти земли в настоящее время и в настоящем их виде пригодными для удовлетворения земельной нужды русского крестьянства. Все расчеты подобного рода, нередко делаемые реакционными писателями *), не имеют никакой научной ценности. В этом отношении вполне прав г. А. А. Кауфман, который высмеивает поиски свободных земель для переселения на основании данных о числе квадратных верст. Вполне прав также он, несомненно, когда указывает, как мало годных для переселения земель имеется в настоящее время на окраинах России, как неправильно мнение, будто переселениями можно вылечить малоземелье русского крестьянства **).

Но эти верные рассуждения либерального г-на Кауфмана заключают в себе тем не менее одну крайне существенную ошибку. Г. Кауфман рассуждает так: «При данном подборе переселенцев, при данной степени их благосостояния, при данном их культурном уровне» (назв. соч., стр. 129) земель для удовлетворения нужды русских крестьян переселением безусловно недостаточно. Следовательно,—заключает он в защиту кадетской аграрной программы,—необходимо принудительное отчуждение частновладельческих земель в Европейской России.

Это обычное либеральное и либерально-народническое рассуждение наших экономистов. Строится оно так, что из него получается вывод: будь достаточное количество пригодных для переселения земель, можно бы было и не трогать крепостнических латифундий! У г. г. кадетов и им подобных политиков, насквозь проникнутых точкой зрения благожелательного чиновника, есть претензии встать над классами, подняться выше классовой борьбы. Не потому надо уничтожить крепостнические латифундии, что они означают крепостническую эксплуатацию миллионов местного населения, кабалу его и задержку в развитии производительных сил, а потому, что нельзя сейчас сплавить миллионы семей куда-нибудь в Сибирь или Туркестан! Не на крепостнически классовый характер русских латифундий переносится центр тяжести, а на возможность примирения

*) И реакционными депутатами. Во II Думе октябрист Тетеревенков приводил цифры из обследований Щербины о 65 милл. дес. земли в Степном крае и данные о количестве земли в Алтае—39 милл. дес.—в доказательство ненужности принудительного отчуждения в Европ. России. Образчик буржуа, приспособляющегося к крепостнику-помещику для совместного «прогресса» в стольшинском духе (стеногр. отчеты II Думы, засед. 39. 16 мая 1907 г., стр. 658—661).

***) «Аграрный вопрос», издание Долгорукова и Петрункевича, т. II, статья г. Кауфмана: «Переселение и его роль в аграрной программе». Ср. также книгу того же автора: «Переселение и колонизация», Спб. 1905.

	Земельная площадь воей России (без Финляндии).						Население по переписи 1897 г.				
	Всего земли.			В том числе.			Всего (тысяч).	На 1 квадрат версту.			
	Квадр. верст.	Десятин.	Миллионов.	Земли, о кот. нет никаких сведений.	Земли на учете.						
					Пашни.	Леса.	Итого.				
			Милл. десят.								
10 губерний Царства Польского	444,6	44,6	—	—	41,6	7,4	0,9	2,5	10,3	9.402,2	84,3
38 губерний на запад от Волги	1.755,6	183,0	—	—	183,0	93,6	18,7	34,0	146,4	—	—
12 губ. на север и восток от Волги	2.474,9	258,0	—	—	268,0	22,3	7,1	132,0	161,4	—	—
Итого 50 губ. Европ. России	4.230,5	444,0	—	—	444,0	123,3	26,7	168,5	318,5	9.344,2	22,1
Кавказ	441,7	42,9	22,1	20,8	20,8	6,5	2,2	2,5	41,2	9.289,4	22,6
Сибирь	10.966,1	1.142,6	639,7	502,9	502,9	4,3	3,9	121,0	129,2	5.758,8	0,5
Средняя Азия	3.144,6	327,3	157,4	169,9	169,9	0,9	1,6	8,0	10,5	7.746,7	2,5
Итого Азиатской России	14.519,4	1.512,8	49,2	693,6	693,6	11,7	7,7	131,5	150,9	—	—
Всего Российская империя	18.861,5	1.965,4	819,2	1.146,2	1.146,2	135,0	34,4	300,0	469,4	125.640,0	6,7

классов, удовлетворения мужика без обиды помещика, одним словом, на возможность пресловутого «социального мира».

Рассуждение г-на Кауфмана и его бесчисленных единомышленников среди российской интеллигенции надо перевернуть, чтобы оно стало правильным. Так как русский крестьянин придавлен крепостническими латифундиями, поэтому неизмеримо тормозится и свободное расселение населения по территории России и рациональная хозяйственная утилизация массы окраинных земель России. Так как крепостнические латифундии держат русское крестьянство в забитом состоянии и увековечивают посредством отработков и кабалы самые отсталые приемы и методы хозяйства на земле,—поэтому затрудняется и технический прогресс и умственный подъем крестьянской массы, подъем ее самостоятельности, образованности, инициативы, необходимый для хозяйственного использования несравненно большей массы земель из российского запаса, чем используется нами сейчас. Ибо крепостнические латифундии и господство кабалы в земледелии означают и соответствующую политическую надстройку, господство черносотенного помещика в государстве, бесправие населения, распространенность Гурко-Лидвалевских ⁷³⁾ методов в администрации и т. д., и прочее, и тому подобное.

Что крепостнические латифундии в земледельческом центре России оказывают самое губительное влияние на весь социальный строй, на все общественное развитие, на все состояние земледелия и на весь уровень жизни крестьянских масс, это общеизвестно. Я могу ограничиться здесь ссылкой на ту громадную русскую экономическую литературу, которая доказала господство отработков, кабалы, кабальной аренды, «зимней наемки» и прочих средневековых прелестей в центральной России *).

Падение крепостного права создало такие условия, при которых (как я показал подробно в «Развитии капитализма в России») население бежало во все стороны из этого насиженного местечка крепостников-последней. Из центральной земледельческой полосы население бежало и в промышленные губернии, и в столицы, и на южные и восточные окраины Европ. России, заселяя дотоле необитаемые земли. Г. Мертваго в названной мной брошюре замечает, между прочим, очень верно, что понятия о непригодных для земледелия землях способны быстро изменяться:

*) Сравни «Развитие капитализма», гл. III, о переходе от барщинного к капиталистическому хозяйству и о распространенности отработочной системы, (См. 144—158 стр. III тома Собр. соч. Н. Ленина. *Ред.*)

«Таврические степи,—пишет он,—по своему климату и недостатку в воде всегда будут принадлежать к самым беднейшим и неудобовоспелым местностям. Так говорили в 1845 году такие авторитетные наблюдатели природы, как академики Бер и Гельмерсен. В то время население Таврич. губернии, вдвое меньшее, чем теперь, производило 1,8 милл. четв. всяких хлебов... Прошло 60 лет, и удвоившееся население производит в 1903 г. 17,6 милл. четв., т.-е. почти в 10 раз более» (стр. 24).

Это верно не только про Таврическую губернию, но и про целый ряд губерний южной и восточной окраин Европ. России. Южные степные, а также заволжские губернии, которые в 60-х и 70-х годах отставали от среднечерноземных по размерам хлебного производства, в 80-х годах обогнали эти губернии («Развитие капитализма в России», стр. 186)*). Население всей Европ. России с 1863 г. увеличилось по 1897 г. на 53⁰/₁₀₀, в том числе сельское на 48⁰/₁₀₀, городское на 97⁰/₁₀₀, тогда как в новороссийских, нижневолжских и восточных губерниях население возросло за то же время на 92⁰/₁₀₀, в том числе сельское на 87⁰/₁₀₀, городское на 134⁰/₁₀₀ (там же, стр. 446)**).

«Мы не сомневаемся,—продолжает г. Мертваго,—что и современная чиновничья оценка хозяйственного значения нашего земельного запаса не менее ошибочна, чем Бера и Гельмерсена Таврической губернии в 1845 году» (там же).

Это справедливо. Но г. Мертваго не замечает источника ошибок Бера, ошибок всех чиновничьих оценок. Источник этих ошибок тот, что, принимая во внимание данный уровень техники и культуры, не считаются с прогрессом этого уровня. Бер и Гельмерсен не предвидели изменений в технике, которые стали возможны после падения крепостного права. И в настоящее время не может подлежать никакому сомнению, что громадный подъем производительных сил, громадное повышение уровня техники и культуры произойдет неизбежно вслед за падением крепостнических латифундий в Европ. России.

Эту сторону дела ошибочно упускают из виду многие, судящие об аграрном вопросе в России. Условием широкой утилизации громадного колонизационного фонда России является создание действительно свободного, вполне освобожденного от гнета крепостнических отношений, крестьянства в Европейской России. Непригодным в значительной своей части этот фонд является в настоящее время не столько в силу природных свойств тех или иных окраинных земель, сколько

*) См. 200 стр. III тома Собр. соч. П. Ленина. *Ред.*

***) См. 458 стр. III тома. *Ред.*

вследствие общественных свойств хозяйства в коренной России,— свойств, обрекающих технику на застой, население — на несправие, забитость, невежество, беспомощность.

Вот эту, крайне важную, сторону дела упускает из виду г. Кауфман, когда он заявляет: «Заранее говорю: я не знаю, можно ли переселить миллион, три или десять миллионов» (стр. 128 назв. соч.). Он указывает на относительность понятия негодности земли. «Солонцы не только не безусловно безнадежны, но при употреблении известных технических приемов могут быть сделаны очень плодородными» (129). В Туркестане, населенном по 3,0 человека на 1 кв. версту, «необъятные пространства остаются ненаселенными» (137). «Почва многих из «голодных пустынь» Туркестана—знаменитый средне-азиатский лёсс, отличающийся при достаточном орошении высоким плодородием... Вопроса о наличии земель, годных для орошения, не стоит даже ставить: достаточно пересечь край в любом направлении, чтобы видеть развалины множества заброшенных сотни лет тому назад селений и городов, окруженных нередко на десятки квадратных верст сетями когда-то действовавших оросительных каналов и канавок, и общая площадь лёссовых пустынь, ожидающих искусственного орошения, исчисляется, несомненно, многими миллионами десятин» (стр. 137 назв. соч.).

Эти многие миллионы десятин и в Туркестане и во многих других местах России «ожидают» не только орошения и всякого рода мелиораций: они «ожидают» также освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве.

Гадать о том, какое именно количество земель могло бы быть превращено в России из «негодных» в годные, бесполезно. Но необходимо отчетливо сознать тот факт, который доказывается всей хозяйственной историей России и который составляет крупную особенность русского буржуазного переворота. Россия обладает гигантским колониальным фондом, который будет становиться доступным населению и доступным культуре не только с каждым шагом вперед земледельческой техники вообще, но и с каждым шагом вперед в деле освобождения русского крестьянства от крепостнического гнета.

Это обстоятельство представляет из себя экономическую основу буржуазной эволюции российского земледелия по американскому образцу. В государствах Западной Европы, которые так часто привлекаются нашими марксистами для неосмысленных шаблонных сравнений, в эпоху буржуазно-демократического переворота вся территория была уже занята. Каждый шаг вперед земледельческой тех-

ники создавал только то новое, что являлась возможность вкладывать новые количества труда и капитала в землю. В России буржуазно-демократический переворот происходит при таких условиях, когда каждый шаг вперед в земледельческой технике и каждый шаг в развитии действительной свободы населения создает не только возможность добавочных вложений труда и капитала в старые земли, но и возможность утилизации «необъятных» количеств рядом лежащих новых земель.

8. Резюме экономических выводов I главы.

Резюмируем те экономические выводы, которые должны послужить нам введением в пересмотр вопроса об аграрной программе с.-д.

Мы видели, что «гвоздем» аграрной борьбы в нашей революции являются крепостнические латифундии. Крестьянская борьба за землю есть прежде всего и больше всего борьба за уничтожение этих латифундий. Уничтожение их и полный переход в руки крестьянства лежит, несомненно, по линии капиталистической эволюции русского сельского хозяйства. Такой путь этой эволюции означал бы наиболее быстрое развитие капитализма при превращении свободного крестьянства в фермерство. Но возможен и другой путь буржуазной эволюции земледелия: сохранение помещичьих хозяйств и латифундий при медленном перерастании их из крепостнически-кабальных в юнкерские хозяйства. В основе двух типов аграрных программ, с которыми выступили разные классы в русской революции, лежат именно эти два типа возможной буржуазной эволюции. При этом особенность России, являющаяся одной из экономических основ возможности «американской» эволюции, состоит в наличии громадного колонизационного фонда. Будучи совершенно непригоден для избавления русского крестьянина от крепостнического гнета в Европейской России, этот фонд будет становиться тем шире и тем доступнее, чем свободнее будет крестьянство в коренной России и чем больший простор получит развитие производимых сил

Г Л А В А II.

Аграрные программы Р. С.-Д. Р. П. и их проверка революцией.

Перейдем к рассмотрению социал-демократической аграрной программы. Главные исторические моменты в развитии взглядов русских с.-д. на аграрный вопрос отмечены выше (параграф 1-й брошюры: «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» *). Несколько подробнее мы должны остановиться на выяснении того, в чем состояла ошибка прежних аграрных программ русской социал-демократии, т.-е. программ 1885 и 1903 годов.

1. В чем ошибка прежних программ русской с.-д.

В том проекте Группы «Освобождение Труда», который вышел в свет в 1885 году, аграрная программа изложена следующим образом: «Радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общин тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.» **).

Это все. Ошибка этой программы состоит не в том, чтобы в ней были ошибочные принципы или ошибочные частные требования. Нет. Принципы ее верны, а единственное частное требование, выставленное ею (право отказа от надела), настолько бесспорно, что оно оказалось в настоящее время выполненным своеобразным столыпинским законодательством. Ошибочность этой программы—ее абстрактность, отсутствие всякого конкретного взгляда на предмет. Это, собственно, не программа, а самое общее марксистское заявление. Разумеется, было бы нелепо ставить эту ошибку в вину составителям программы, впер-

*) См. выше 375—379 стр. этого тома. *Ред.*

**) См. II том Сочинений Г. Плеханова под ред. Д. Рязанова. *Ред.*

вые излагавшим известные принципы задолго до образования рабочей партии. Напротив, надо особенно подчеркнуть, что в этой программе за двадцать лет до русской революции признана неизбежность «радикального пересмотра» дела крестьянской реформы.

Развитие этой программы должно было заключаться теоретически в выяснении того, каковы экономические основы нашей аграрной программы, на что может и должно опираться требование радикального пересмотра в отличие от не-радикального, реформаторского и, наконец, в конкретном определении содержания этого пересмотра с точки зрения пролетариата (отличной по самому существу ее от точки зрения радикальной вообще). Практически развитие программы должно было учесть опыт крестьянского движения. Без опыта массового, даже более того: общенационального крестьянского движения, программа Социал-Демократической Рабочей Партии не могла стать конкретной, ибо вопрос о том, насколько разложилось уже капиталистически наше крестьянство, насколько способно оно к революционно-демократическому перевороту, слишком трудно или невозможно было бы решить на основании одних теоретических соображений.

В 1903 году, когда II съезд нашей партии принял первую аграрную программу Р. С.-Д. Р. П., такого опыта относительно характера, размера и глубины крестьянского движения у нас тоже не было. Весенние крестьянские восстания на юге России в 1902 году остались отдельным взрывом. Понятна поэтому сдержанность социал-демократов при выработке аграрной программы: «сочинять» таковую для буржуазного общества совсем не дело пролетариата, а насколько именно способно развиваться движение крестьянства против остатков крепостничества, движение, заслуживающее поддержки пролетариата, — это осталось неизвестным.

Программа 1903 года делает попытку конкретного определения содержания и условий того «пересмотра», о котором в 1885 году социал-демократы говорили в общей форме. Эта попытка—в главном пункте программы: об «отрезках»—основывалась на примерном отделении земель, служащих для крепостническо-кабальной эксплуатации («отрезанные у крестьян в 1861 году»), и земель, эксплуатируемых капиталистически. Такое примерное отделение было совершенно ошибочно, ибо на практике движение крестьянских масс не могло направляться против особых разрядов помещичьих земель, а только против помещичьего землевладения вообще. Программа 1903 года ставит вопрос, не поставленный еще в 1885 году, именно: вопрос о борьбе крестьянских и помещичьих интересов в момент того пересмотра аграрных отношений, который всеми социал-демократами признавался за неиз-

бежный. Но решает этот вопрос программа 1903 года неверно, ибо вместо того, чтобы противопоставить последовательно-крестьянский и последовательно-юнкерский способ осуществления буржуазного переворота, программа искусственно конструирует нечто среднее. Правда, и здесь надо принять во внимание, что отсутствие открытого массового движения не позволяло тогда решить вопроса на основании точных данных, а не на основе фраз или невинных пожеланий или мещанских утопий, как решали его эс-эры. Никто не мог с уверенностью сказать наперед, насколько расслоилось крестьянство под влиянием частичного перехода помещиков от отработков к наемному труду. Никто не мог учесть, как велик слой сельско-хозяйственных рабочих, создавшийся после реформы 1861 года, насколько обособились их интересы от интересов разоренной крестьянской массы.

Основной ошибкой аграрной программы 1903 года было во всяком случае отсутствие точного представления о том, из-за чего может и должна развернуться аграрная борьба в процессе буржуазной российской революции, каковы те типы капиталистической аграрной эволюции, которые объективно возможны при победе тех или иных общественных сил в этой борьбе.

2. Теперешняя аграрная программа Р. С.-Д. Р. П.

Принятая на Стокгольмском съезде теперешняя аграрная программа с.-д. партии в одном важном вопросе делает крупный шаг вперед по сравнению с предшествующей. Именно: признавая конфискацию помещичьих *) земель, с.-д. партия встала таким образом решительно на путь признания крестьянской аграрной революции. Слова программы: «поддерживая революционные выступления крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель»... вполне определенно выражают эту мысль. В прениях на Стокгольмском съезде один из докладчиков, Плеханов, проводивший вместе с Джоном настоящую программу, прямо говорил о необходимости перестать бояться крестьянской аграрной революции (см. доклад Плеханова в «Протоколах Стокг. съезда», М. 1907, стр. 42) **).

Это признание того, что наша буржуазная революция в области земельных отношений должна быть рассматриваема, как «крестьянская аграрная революция», казалось бы, должно положить конец

*) В тексте программы (п. 4) говорится о частновладельческих землях. В приложенной к программе резолюции (2-ая часть аграрной программы) говорится о конфискации помещичьих земель.

**) См. прим. 49 к этому тому. *Ред.*

крупнейшим разногласиям среди с.-д. по вопросу об аграрной программе. На деле, однако, разногласия всплыли по вопросу о том, должны ли с.-д. поддерживать раздел помещичьих земель в собственность крестьян, муниципализацию ли помещичьих земель или национализацию всех земель. И мы должны, следовательно, прежде всего установить то, необыкновенно часто забываемое социал-демократами, положение, что эти вопросы могут быть правильно решены исключительно с точки зрения крестьянской аграрной революции в России. Не в том дело, конечно, чтобы социал-демократия отказалась от самостоятельного определения интересов пролетариата, как особого класса, в этой крестьянской революции. Нет. Дело в том, чтобы отчетливо представить себе характер и значение именно крестьянской аграрной революции, как одного из видов буржуазной революции вообще. Мы не можем «выдумать» какой-нибудь особый «проект» реформы. Мы должны изучить объективные условия крестьянского аграрного переворота в капиталистически развивающейся России, отделить на основании этого объективного анализа ошибочную идеологию тех или иных классов от реального содержания экономических перемен,—и определить, чего требуют на почве этих реальных экономических перемен интересы развития производительных сил и интересы классовой борьбы пролетариата.

В теперешней аграрной программе Р. С.-Д. Р. II. признана (в особой форме) общественная собственность на конфискуемые земли (национализация лесов, вод и переселенческого фонда, муниципализация частновладельческих земель), по крайней мере, на случай «победоносного развития революции». На случай «неблагоприятных условий» признан раздел помещичьих земель в собственность крестьян. Во всех случаях признана собственность крестьян и мелких землевладельцев вообще на их теперешние земли. Следовательно, в программе проводится двойное земельное устройство в обновленной буржуазной России: частная собственность на землю и (по крайней мере, на случай победоносного развития революции) общественная собственность в форме муниципализации и национализации.

Чем объясняли авторы программы эту двойственность? Прежде всего и больше всего интересами и требованиями крестьянства, боязнь разойтись с крестьянством, восстановить крестьянство против пролетариата и против революции. Выставляя такой повод, авторы и сторонники программы становились тем самым на почву признания крестьянской аграрной революции, на почву поддержки пролетариатом определенных крестьянских требований. И выставляли этот довод самые влиятельные сторонники программы, с тов. Джоном во главе!

Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на протоколы Стокгольмского съезда.

Тов. Джон в своем докладе прямо и решительно выдвинул этот довод. «Если бы революция, — говорит он, — привела к попытке национализировать крестьянские надельные земли или национализировать конфискованные помещичьи земли, как предлагает т. Ленин, то такая мера повела бы к контр-революционному движению не только на окраинах, но и в центре. Мы имели бы не одну Вандею, а всеобщее восстание крестьянства против попытки вмешательства государства в распоряжение *собственными* (курсив Джона) крестьянскими надельными землями, против попытки их «национализировать» (стр. 40 «Протоколов Стокг. съезда»).

Кажется, это ясно? Национализация собственных крестьянских земель повела бы к всеобщему восстанию крестьянства! Вот где причина того, почему первоначальный муниципализаторский проект Икса, предлагавший передать земствам не только частновладельческие, но, «если возможно», все земли (цитировано выше в брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» *) был заменен муниципализаторским проектом Маслова, исключавшего крестьянские земли. Действительно, как же не считаться с этим, открытым после 1903 года, фактом о неизбежности крестьянского восстания против попыток полной национализации! Как не встать тогда на точку зрения другого видного меньшевика, т. Кострова, восклицавшего в Стокгольме:

«Итти к крестьянам с нею (национализацией) значит оттолкнуть их от себя. Крестьянское движение пойдет помимо или против нас, и мы очутимся за бортом революции. Национализация обессиливает социал-демократию, отрезывает ее от крестьянства и обессиливает таким образом и революцию» (стр. 88).

Невозможно отказать этой аргументации в убедительности. В крестьянской аграрной революции пытаться национализировать против воли крестьянства собственные его земли! Неудивительно, что Стокгольмский съезд отверг эту идею, раз он поверил Джону и Кострову.

Но не напрасно ли он поверил им?

Об этом, ввиду важности вопроса о всероссийской Вандее против национализации, не мешает привести маленькую историческую справку.

*) См. выше 379 стр. этого тома. *Ред.*

3. Проверка жизнью главного довода муниципалистов.

Приведенные мною решительные заявления Джона и Кострова относятся к апрелю 1906 года, т.-е. к кануну Первой Думы. Я доказывал (см. выше брошюру о «Пересмотре»), что крестьянство стоит за национализацию *). Мне возражали, что постановления съездов Крестьянского Союза недоказательны, что они павезы идеологами эс-эровщины, что крестьянская масса никогда не пойдет за такими требованиями.

С тех пор Первая и Вторая Думы документально решили этот вопрос. Представители крестьянства со всех концов России выступали в Первой и особенно во Второй Думе. Только разве публицисты «России» и «Нового Времени» могли бы отрицать, что политические и экономические требования крестьянских масс нашли себе выражение в обеих наших Думах. Казалось бы, идея национализации крестьянских земель должна быть окончательно похоронена теперь, после самостоятельных выступлений крестьянских депутатов перед другими партиями? Казалось бы, сторонникам Джона и Кострова ничего не стоило поднять в Думе вопль крестьянских депутатов о недопустимости национализации? Казалось бы, социал-демократия, руководимая меньшевиками, должна бы была, действительно, «отрезать» от революции сторонников национализации, поднимающих контр-революционную всероссийскую Вандею?

На деле оказалось нечто иное. В Первой Думе заботу о *собственных* (курсив Джона) крестьянских землях проявили Стишинский и Гурко. В обеих Думах крайние правые защищали частную собственность на землю, вместе с представителями правительства, отвергая всякую форму общественной собственности на землю, муниципализацию и национализацию и социализацию одинаково. В обеих Думах крестьянские депутаты со всех концов России высказались за национализацию.

Тов. Маслов в 1905 году писал: «Национализацию земли, как средство для решения (?) аграрного вопроса, в настоящее время в России нельзя признать прежде всего (заметьте это «прежде всего») потому, что она ²безнадежно утопична. Национализация земли предполагает передачу всех земель в руки государства. Но разве крестьяне согласятся передать свои земли кому-нибудь добровольно, особенно крестьяне-подворники (П. Маслов, «Критика аграрных программ», М. 1905, стр. 20).

*) См. выше 386—387 стр. этого тома. *Ред.*

Итак, в 1905 году национализация «прежде всего» безнадежно утопична, потому что не согласятся крестьяне.

В 1907 году, в марте, тот же Маслов писал: «Все народнические группы (трудовики, народные социалисты и социалисты-революционеры) высказываются за национализацию земли в той или другой форме» («Образование», 1907, № 3, стр. 100).

Вот вам и новая Вандея! Вот вам и всероссийское восстание крестьян против национализации!

Но вместо того, чтобы подумать о том смешном положении, в какое попали люди, говорившие и писавшие о крестьянской Вандее против национализации, после опыта двух Дум,—вместо того, чтобы поискать объяснения своей ошибки, сделанной в 1905 году, П. Маслов поступил, как Иван Непомнящий. Он предпочел забыть и цитированные мной слова, и речи на Стокгольмском съезде! Мало того. С такой же легкостью, с которой он в 1905 году утверждал, что крестьяне не согласятся, теперь он стал утверждать обратное. Слушайте:

«Народники, отражающие интересы и надежды мелких собственников (слушайте!), должны были высказаться за национализацию» («Образование», там же).

Вот вам образчик научной добросовестности наших муниципализаторов! Решая трудный вопрос перед политическими выступлениями выборных от крестьянства по всей России, они утверждали за мелких собственников одно, а после этого выступления в двух Думах утверждают за тех же «мелких собственников» прямо противоположное.

Как особый курьез, надо упомянуть о том, что эту склонность русских крестьян к национализации Маслов объясняет не особыми условиями крестьянской аграрной революции, а общими свойствами мелкого собственника в капиталистическом обществе. Это невероятно, но это факт:

«Мелкий собственник,—решает Маслов,—больше всего боится конкуренции и господства крупного собственника, господства капитала». Путаете, т. Маслов! Ставить рядом крупного крепостнического собственника на землю и собственника капитала—значит повторять предрассудки мещанства. Крестьянин потому и борется так энергично против крепостнических латифундий, что он является в настоящий исторический момент представителем свободной капиталистической эволюции земледелия.

«Не будучи в состоянии бороться с капиталом на экономической почве, мелкий собственник полагает надежды на правительственную власть, которая должна притти на помощь мелкому собственнику против крупного... Если русский крестьянин в течение веков надеялся

на защиту центральной власти против помещиков и чиновников, если во Франции Наполеон, опираясь на крестьян, задушил республику, то сделал это благодаря надеждам крестьянства на поддержку центральной власти» («Образование», стр. 100).

Великолепно рассуждает Петр Маслов! Во-первых, если русский крестьянин в данный исторический момент проявляет те же свойства, что французский крестьянин при Наполеоне, то при чем же тут национализация земли? Французский крестьянин никогда не стоял при Наполеоне за национализацию и не мог стоять. Бессвязно ведь у вас выходит, г. Маслов!

Во вторых, при чем тут борьба с капиталом? Речь идет о сравнении крестьянской собственности на землю с национализацией всей земли, крестьянской в том числе. Французский крестьянин фанатически держался при Наполеоне за мелкую собственность, видя в ней ограду против капитала, а русский... Еще раз, где же у вас связь между началом и концом, почтеннейший?

В-третьих, говоря о надежде на правительственную власть, Маслов представляет дело так, будто крестьяне не понимают вреда бюрократии, не понимают значения самоуправления, а вот он, передовой Петр Маслов, ценит это. Уж очень это упрощенная критика народников! Достаточно справиться с известным земельным проектом трудовиков (проект 104-х)⁷¹), внесенным и в Первую и во Вторую Думы, чтобы увидеть фальшь рассуждения (или намек?) Маслова. Напротив, факты говорят, что в проекте трудовиков начала самоуправления и вражда к бюрократическому решению земельного вопроса выражены яснее, чем в программе с.-д., написанной по Маслову! Именно в нашей программе говорится только о «демократических началах» выбора местных органов, а в проекте трудовиков (§ 16) говорится точно и прямо о выборе местных самоуправлений «всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием». Мало того. В самом же проекте выдвинуты поддержанные, как известно, социал-демократами местные земельные комитеты, которые должны быть таким же голосованием выбраны и которые должны (§§ 17—20) организовать обсуждение земельной реформы и подготовить ее. Бюрократический способ проведения аграрной реформы защищали кадеты, а не трудовики, либеральные буржуа, а не крестьяне. Зачем могло понадобиться Маслову исказить эти общеизвестные факты?

В-четвертых, в своем замечательном «объяснении» того, почему мелкие собственники «должны были высказаться за национализацию», Маслов подчеркивает надежду мужика на защиту центральной власти. Это—пункт отличия муниципализации от национализации; здесь—

местные власти, там—центральная власть. Это—излюбленная идея Маслова, которую мы по существу ее экономического и политического значения разберем подробно ниже. Здесь же отметим, что Маслов увертывается от вопроса, который задан ему историей нашей революции, именно от вопроса о том, почему крестьяне не боятся национализации своих земель. В этом гвоздь вопроса!

Но это еще не все. Особенно пикантно в этой масловской попытке объяснить классовые корни трудовической национализации следующее обстоятельство. Маслов скрывает от читателя, что вопрос о непосредственном распоряжении землями народники решили тоже в пользу местных самоуправлений! Рассуждения Маслова на тему о «надежде» мужика на центральную власть—просто-напросто интеллигентская сплетня о мужике. Прочтите § 16 земельного проекта трудовиков, внесенного в обе Думы. Вот текст этого параграфа.

«Заведывание общенародным земельным фондом должно быть возложено на местные самоуправления, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, которые в пределах, установленных законом, действуют самостоятельно».

Сравните с этим соответствующее требование нашей программы: «...Р. С.-Д. Р. П. требует: ...4) конфискации частновладельческих земель, кроме мелкого землевладения, и передачи их в распоряжение выбранных на демократических началах крупных органов местного самоуправления (объединяющих — п. 3 — городские и сельские округа)»...

Какая тут разница с точки зрения прав центральной и местной власти? Чем отличается «заведывание» от «распоряжения»?

Почему Маслову пришлось, говоря об отношении трудовиков к национализации, скрыть от читателей,—а может быть, и от самого себя?—содержание этого § 16? Потому, что он разбивает целиком его нелепую «муниципализацию».

Посмотрите на доводы Маслова в пользу этой муниципализации перед Стокгольмским съездом, прочитайте протоколы этого съезда,—вы встретите бездну ссылок на невозможность подавлять национальности, угнетать окраины, обходить различие местных интересов и проч. и т. п. Я еще до Стокгольмского съезда указывал Маслову (см. выше «Пересмотр», стр. 18) *, что все доводы подобного рода—«сплошное недоразумение», ибо нашей программой признано уже и право национальностей на самоопределение и широкое местное и областное самоуправление. Следовательно, с этой стороны никаких добавочных

*) См. выше, 386 стр. этого тома. *Ред.*

«обеспечений» против излишней централизации, бюрократизации и регламентации придумывать не к чему и нельзя, ибо это будет либо бессодержательно, либо истолковываемо в антипролетарском, федералистском духе.

Трудовики доказали муниципалистам, что я был прав.

Маслов должен признать теперь, что все группы, выражающие интересы и точку зрения крестьянства, высказались за национализацию в такой форме, что права и полномочия местных самоуправлений ограждены у них не менее, чем у Маслова! Закон о пределах прав местных самоуправлений должен быть издан центральным парламентом.—Маслов этого не говорит, но никакое прятанье головы под крыло здесь не поможет, ибо иного порядка нельзя себе и представить.

Слова: «передать в распоряжение» вносят сугубую путаницу. Неизвестно, кто же собственник *) конфискованных помещичьих земель! А при неизвестности этого собственником может быть только государство. В чем должно состоять «распоряжение», каковы его пределы, формы и условия—опять-таки должен определить центральный парламент. Это ясно само собой, а в программе нашей партии, кроме того, выделяются особо и «леса, имеющие общегосударственное значение», и «переселенческий фонд». Понятно, что только центральная государственная власть в состоянии выделить из общей массы лесов «леса, имеющие общегосуд. значение», и из общей массы земель «переселенческий фонд».

Одним словом, масловская программа, ставшая теперь в особо искаженном виде программой нашей партии, совершенно нелепа при сравнении ее с программой трудовиков. Неудивительно, что Маслову пришлось заговорить по поводу национализации даже о наполеоновском крестьянине, лишь бы скрыть от публики, в какое нелепое положение поставили мы себя путаной «муниципализацией» перед представителями буржуазной демократии.

Единственное отличие, вполне реальное и безусловное—отношение к крестьянским надельным землям. Эти земли Маслов выделял только потому, что боялся «Вандей». И оказалось, что крестьянские депутаты, посланные и в I и во II Думы, насмеялись над страхами хвостистов — социал-демократов, высказавшись за национализацию своих земель!

*) Меньшевики отклонили на Стокгольмском съезде поправку, предлагавшую слова: «в распоряжение» заменить словами: «в собственность» (стр. 152 Протоколов). Только в тактической революции сказано: «во владение», на случай «победоносного развития революции», совершенно не определенного более точным образом.

Муниципалнсты должны теперь идти против трудовиков-крестьян, доказывая им, что они не должны национализировать своих земель. Ирония истории обрушила доводы Маслова, Джона, Кострова и К^о на их собственную голову

4. Аграрная программа крестьянства.

Попытаемся разобраться в том вопросе (почему все политические группы, отражающие интересы и надежды мелких собственников, должны были высказаться за национализацию), перед которым так беспомощно барахтался П. Маслов.

Прежде всего разберем, насколько действительно выражает земельный проект 104-х ⁷⁴), т.-е. перводумских и втородумских трудовиков, требования всероссийского крестьянства. Об этом свидетельствует характер представительства в обеих Думах и характер политической борьбы, развернувшейся на «парламентской» арене по земельному вопросу между выразителями интересов разных классов. Идея поземельной собственности вообще, крестьянской собственности особенно, не только не была оттеснена на задний план в Думе, а, напротив, постоянно выдвигается была известными партиями на первый план. И правительство, в лице г. г. Стишинского, Гурко, всех министров и всей казенной печати, отстаивало эту идею, специально обращаясь к крестьянским депутатам. И правые политические партии (вспомните хотя бы «знаменитого» Святополк-Мирского ⁷⁵) во II Думе) постоянно твердили крестьянам о благах крестьянской собственности на землю. Фактическое распределение сил по этому вопросу обрисовалось на таких широких данных, что сомневаться в его правильности (с точки зрения классовых интересов) нет никакой возможности. Партия к.-д. в I Думе, когда либералы считали революционный народ силой и заигрывали с ним, двинута была всеобщим потоком тоже в сторону национализации земли. Как известно, в перводумском земельном проекте кадетов фигурирует «государственный земельный запас», в который поступают все отчуждаемые земли и из которого они передаются в долгосрочное пользование. Конечно, не из принципа какого-либо выставили кадеты в I Думе это требование—смешно говорить о принципиальности кадетской партии,—нет, это требование появилось у либералов, как слабый отголосок требований крестьянской массы. Крестьянские депутаты уже в Первой Думе стали сразу отделяться в особую политическую группу, и земельный проект 104-х явился главной и основной платформой всего российского крестьянства, выступающего как сознательная общественная сила.

Речи крестьянских депутатов в I и II Думах, статьи «трудовических» газет («Известия Крестьянских Депутатов», «Трудовая Россия») показали, что проект 104-х верно выражает крестьянские интересы и надежды. На этом проекте следует поэтому остановиться несколько подробнее.

Интересно, между прочим, посмотреть на состав депутатов, подписавших его. В I Думе мы видим здесь 70 трудовиков, 17 беспартийных, 8 крестьян, не давших никаких сведений о своем политическом направлении, пятерых кадетов *), трех социал-демократов **) и одного литовца-автономиста. Во II Думе под проектом 104-х есть 99 подписей, а за вычетом повторений—91; из них 79 трудовиков, 4 н.-с., 2 с.-р., 2 из казачьей группы, 2 беспартийных, 1 левее к.-д. (Петерсон) и 1 кадет (Однокозов, крестьянин). Крестьяне преобладают в числе подписавшихся (не менее 54 из 91 во II Думе, не менее 52 из 104—в I). Интересно при этом, что особенные ожидания П. Маслова насчет крестьян-подворников (цитировано выше), которые не могут согласиться на национализацию, тоже всецело опровергнуты крестьянским представительством в обеих Думах. Напр., в Подольской губернии почти все крестьяне—земледельцы-подворники (в 1905 г. дворов крестьян-подворников 457.134, общинников всего 1.630). Под земельным проектом 104-х подписалось 13 подолян (большей частью крестьяне-земледельцы) в I Думе и 10 во Второй! Из других губерний с подворным землевладением отметим Виленскую, Ковенскую, Киевскую, Полтавскую, Бессарабскую, Волынскую, депутаты от которых подписались под проектом 104-х. Различие между общинниками и подворниками с точки зрения национализации земли может казаться важным и существенным только сторонникам народнических предрассудков, а эти предрассудки, кстати сказать, вообще получили сильнейший удар от первого выступления крестьянских депутатов всей России с земельной программой. На деле требование национализации земли вызывается вовсе не особой формой землевладения, не «общинными навыками и инстинктами» крестьян, а общими условиями всего мелкого крестьянского землевладения (и общинного, и подворного), задавленного крепостническими латифундиями.

В числе депутатов I и II Дум, выступивших с национализаторским проектом 104-х, мы видим представителей всех местностей России, не только земледельческого центра и промышленных, нечер-

*) Гавр. Зубченко, Т. Волков, И. Герасимов, все трое—крестьяне; врач С. Ложкин и свящ. Афанасьев.

**) Антонов, рабочий Перм. губ., Ершов, рабоч. Каз. губ., и В. Чуриков, рабочий Моск. губ.

поземных, губерний, не только северных (Архангельской, Вологодской—во II Думе), восточных и южных окраин (Астраханск., Бесарабск., Донск., Екатеринославск., Кубанск., Тавричesk., Ставропольской губерний и областей), но также и губерний малороссийских, юго-западных, северо-западных, Польши (Сувалкская губ.) и Сибири (Тобольская губ.). Очевидно, придавленность мелкого крестьянина крепостническим помещичьим землевладением, выраженная всего сильнее и непосредственнее в чисто русском земледельческом центре, дает себя знать по всей России, вызывая у мелких землевладельцев повсюду поддержку борьбы за национализацию земли.

Характер этой борьбы носит явные черты мелко-буржуазного индивидуализма. В этом отношении необходимо особенно подчеркнуть тот факт, который слишком часто игнорируют в нашей социалистической печати, именно: что «социализм» социалистов-революционеров потерпел самый сильный удар при первом же выступлении крестьян на открытую всероссийскую политическую арену с самостоятельной земельной программой. За эс-эровский проект социализации земли (проект 33-х в I Думе) ⁷⁶ высказалось меньшинство передовых крестьянских депутатов. Громадное большинство оказалось на стороне 104-х, проекта эс-эров, о программе которых эс-эры сами говорят, как об индивидуалистической.

В эс-эровском «Сборнике статей» (книгоиздательство «Наша Мысль», СПб. 1907, № 1) находим, напр., статью г. П. Вихляева: «Народно-социалистическая партия и аграрный вопрос». Автор критикует эп-эса Пешехонова и сам приводит его слова, что «в проекте 104-х отразилась наша (эн-эсов) точка зрения на то, каким путем можно взять землю» (стр. 81 назв. «Сборника»). Социалисты-революционеры прямо говорят, что проект 104-х «приходит к отрицанию коренного начала общинного землепользования»,—«одинаково» (sic!) с аграрным законодательством Столыпина, с законом 9 ноября 1906 года ⁷⁷ (стр. 86, там же; мы покажем в дальнейшем изложении, как предрассудки эс-эров помешали им оценить реальное экономическое различие того и другого пути: столыпинского и трудовического). Социалисты-революционеры усматривают в программных взглядах Пешехонова «проявление своекорыстного индивидуализма» (стр. 89), «загрязнение широкого идейного потока индивидуалистическою мутью» (91 стр.), «поощрение индивидуалистических и эгоистических течений в народных массах» (93 стр., там же).

Все это справедливо. Напрасно только думают эс-эры «сильными» словами затушевать тот факт, что суть дела вовсе не в оппортунизме господ Пешехоновых и К^о, а в индивидуализме мелкого земледельца.

Не в том дело, что Пешехоновы загрязняют идейный поток эс-эртства, а в том, что большинство передовых крестьянских депутатов обнаружило истинное экономическое содержание народничества, истинные стремления мелких землевладельцев. Крах эс-эртства при выступлении перед широким, действительно всероссийским, представительством крестьянских масс,— вот что показали нам земельные проекты 104-х в I и во II Думах *).

Высказываясь за национализацию земли, трудовики в своем проекте обнаруживают очень ясно «эгоистические и индивидуалистические» стремления мелких землевладельцев. Надельные и мелкие частновладельческие земли они оставляют в руках тепершних владельцев (§ 3 земельного проекта 104-х), с тем лишь, чтобы были приняты законодательные меры, обеспечивающие постепенный переход их в «общенародную собственность». Это значит, в переводе на язык действительных экономических отношений, вот что: мы исходим из интересов действительных хозяев, действительных, а не номинальных только, земледельцев, но мы хотим, чтобы их хозяйственная деятельность вполне свободно развернулась на национализированной **) земле. Параграф 9 проекта, говорящий, что в «очереди отдается преимущество местному населению перед пришлым и земледельческому перед неземледельческим», показывает еще раз, что интересы мелких

*) Из стенографических отчетов Второй Думы видно, что с.-р. Мушенко внес земельный проект за подписью 105-ти депутатов. К сожалению, мне не удалось достать этого проекта. Из думских материалов в моем распоряжении был только внесенный и во Вторую Думу трудовический проект 104-х. Эс-эровский проект 105-ти, при наличии этих двух (I и II Думы) трудовических проектов 104-х, в лучшем случае показывает, след., лишь колебание некоторых крестьян между и.-с. и с.-р., но не опровергает сказанного мной в тексте.

**) Между прочим, тов. А. Финн-Енотаевский, оспаривая серьезность и сознательность национализаторских стремлений Крестьянского Союза и крестьянства вообще, цитировал показания г. В. Громана, что делегаты крестьянских съездов «не предвидят никакой платы за землю и не представляют себе, что дифференциальная рента должна поступить коллективному целому» («Аграрный вопрос и соц.-демократия», А. Финна, стр. 69). Параграфы 7 и 14 проекта 104-х показывают, что этот взгляд ошибочен. В этих §§ предусмотрены трудовиками и плата за землю (налог на землю, повышающийся с размером надела) и переход к государству дифференциальной ренты («ограничение права на прирост ценности» земли, «поскольку он зависит не от их владельцев, труда и капитала,—это NB! трудовики не против капитала!—а от общественных условий»). Правда, относительно городских и прочих земель сказано в § 13: «до перехода этих имуществ в общенародную собственность» права владельцев и т. д. должны быть ограничены. Но это, вероятно, обмолвка: иначе выходит, что трудовики отбирают ренту у собственников, но возвращают ренту арендаторам общенародной земли.

хозяйчиков стоят на первом плане у трудовиков. «Равное право на землю», это—фраза; государственные ссуды и пособия «лицам, не имеющим достаточных средств для обзаведения всем необходимым для хозяйства» (§ 15 земельного проекта 104-х),—это невинные пожелания, а на деле неизбежно и неминуемо выигрывают те, кто сейчас может стать крепким хозяином, может превратиться из земледельца закабаленного в земледельца свободного и зажиточного. Разумеется, интересы пролетариата требуют поддержки таких мер, которые бы всего более содействовали переходу земледелия в России из рук крепостников-помещиков и закабаленных, задавленных темнотой, нуждой и рутиной земледельцев в руки фермеров. И проект 104-х есть не что иное как платформа борьбы за превращение состоятельной части закабаленного крестьянства в свободное фермерство.

5. Средневековое землевладение и буржуазная революция.

Спрашивается теперь,—есть ли в экономических условиях русского аграрного буржуазно-демократического переворота материальные основания, заставляющие мелких собственников требовать национализации земли, или это требование—тоже только фраза, только невинное пожелание серого мужика, пустое мечтание патриархального земледельца?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны сначала конкретнее представить себе условия всякого буржуазно-демократического переворота в земледелии, а затем сопоставить с этими условиями те два пути капиталистической аграрной эволюции, которые возможны для России, как мы указали выше.

Об условиях буржуазного переворота в земледелии, с точки зрения отношений землевладения, говорит очень рельефно Маркс в последнем томе «Теорий прибавочной стоимости» («Theorien über den Mehrwerth», II Band, 2 Teil, Stuttgart 1905).

Разобрав взгляды Родбертуса, показав всю ограниченность теории этого померанского помещика (II, 1 Teil, S. 256—258), Маркс переходит к теории ренты Рикардо (II, 2 Teil, § 3 в «Исторические условия теории Рикардо»).

«Оба,—говорит Маркс про Рикардо и Андерсона,—оба исходят из воззрения, кажущегося очень странным на континенте, именно, 1) что не существует вовсе поземельной собственности, как помехи любому применению капитала к земле; 2) что земледельцы переходят от лучших земель к худшим. У Рикардо эта предпосылка имеет абсолютное значение, если не считать перерывов в развитии, проистекающих

от вмешательства науки и индустрии; у Андерсона эта предпосылка—относительна, ибо худшая почва снова превращается в лучшую; 3) что всегда в наличности есть достаточная масса капитала, чтобы быть примененной к земледелию.

«Что касается 1 и 2 пунктов, то жителям континента неизбежно должно казаться крайне странным, что в такой стране, в которой, по их представлению, всего сильнее сохранилась феодальная поземельная собственность, экономисты—и Рикардо и Андерсон—исходят из предположения о несуществовании собственности на землю. Это обстоятельство объясняется:

«во-первых, из особенности английского «Law of enclosures» (закона об оградах, т.е. об оградах общинной земли), не имеющего решительно ничего общего с континентальным разделом общих земель;

«во-вторых, нигде на свете капиталистическое производство, начиная с эпохи Генриха VII, не расправлялось так беспощадно с традиционными земледельческими порядками, нигде оно не создавало для себя таких совершенных (адекватных—идеально соответствующих) условий, нигде не подчиняло себе этих условий до такой степени. Англия в этом отношении—самая революционная страна в мире. Все исторически унаследованные распорядки, там, где они противоречили условиям капиталистического производства в земледелии или не соответствовали этим условиям, были беспощадно сметены: не только изменено расположение сельских поселений, но сметены сами эти поселения; не только сметены жилища и места поселения сельско-хозяйственного населения, но и само это население; не только сметены исконные центры хозяйства, но и само это хозяйство. У немцев, например, экономические распорядки оказались определены традиционными отношениями общинных земель (Feldmarken), расположением хозяйственных центров, известными местами скопления населения. У англичан исторические распорядки земледелия оказались постепенно созданными капиталом, начиная с XV века. Обычное в Соединенном Королевстве техническое выражение «clearing of estates» (буквально—чистка поместий или чистка земель) не встречается ни в одной континентальной стране. А что означает это «clearing of estates»? Оно означает, что не считались совершенно ни с оседлым населением—его выгоняли,—ни с существующими деревнями—их сравнивали с землей,—ни с хозяйственными постройками—их отдавали на слом,—ни с данными видами сельского хозяйства—их меняли одним ударом, превращая, например, пахотные поля в выгон для скота,—одним словом, не принимали всех условий производства в том виде, как они существовали по традиции, а исторически создавали эти условия в такой

форме, чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного применения капитала. Постольку, следовательно, действительно не существует собственности на землю, ибо эта собственность предоставляет капиталу—фермеру—хозяйничать свободно, интересуясь исключительно получением денежного дохода. Какой-нибудь померанский помещик, у которого в голове только и есть, что стародедовские (angestammten) общинные земли, центры хозяйства, коллегия земледелия и т. п., может поэтому в ужасе всплескивать руками по поводу «неисторического» воззрения Рикардо на развитие земледельческих распорядков. Но этим он показывает только, что он наивно смешивает померанские и английские условия. С другой стороны, отпюдь нельзя сказать, что Рикардо, исходящий в данном случае из английских условий, столь же ограничен, как и померанский помещик, мыслящий в пределах померанских отношений. Ибо английские условия—единственные условия, в которых адекватно (с идеальным совершенством) развилась современная собственность на землю, т.-е. собственность на землю, видоизмененная капиталистическим производством. Английская теория является в этом пункте классической для современного, т.-е. капиталистического способа производства. Померанская же теория, наоборот, обсуждает развитые условия с точки зрения исторически более низкой, еще не вполне сложившейся (не адекватной) формы отношений (S. 6—7).

Это—замечательно глубокое рассуждение Маркса. Размышляли ли над ним когда-нибудь паши «муниципалисты»?

Маркс еще в III томе «Капитала» (2 Teil, S. 156) указывал, что та форма поземельной собственности, которую застает в истории начинающий развиваться капиталистический способ производства, не соответствует капитализму. Капитализм сам создает себе соответствующие формы земельных отношений из старых форм—из феодально-помещичьего, из крестьянски-общинного, кланового землевладения и т. д. В приведенном месте Маркс сопоставляет разные способы создания капиталом соответствующих ему форм землевладения. В Германии пересоздание средневековых форм землевладения шло, так сказать, реформаторски, приспособляясь к рутине, к традиции, к крепостническим поместьям, медленно превращающимся в юнкерские хозяйства, к рутинным участкам крестьян-лежебок*), переживающих трудный переход от барщины к кнехту и гроссбуауэру. В Англии это

*) Сравни «Theorien über den Mehrwert», II Band, I Teil, Seite 280: условие капиталистического способа производства в земледелии—«замена лежебоки-крестьянина промышленником» (Geschäftsmann).

пересоздание шло революционно, насильственно, но насилия производились над крестьянскими массами, которые изнурялись поборами, выгонялись из деревень, выселялись, вымирали и эмигрировали. В Америке это пересоздание шло насильственно по отношению к рабочладельческим экономиям Южных Штатов. Здесь насилие было применено против крепостников-помещиков. Их земли были разбиты, поземельная собственность из крупной феодальной стала превращаться в мелкую буржуазную *). А по отношению к массе «свободных» американских земель эту роль создания новых земельных распоряжков для нового способа производства (т.-е. для капитализма) сыграл «американский черный передел», движение 40-х годов против ренты (Anti-Rent-Bewegung), законодательство о гомстедах и т. д. Когда немецкий коммунист Герман Крйг в 1846 году проповеживал уравнигельный земельный передел в Америке, Маркс высмеял эс-эровские предрассуждки и мещанскую теорию этого quasi-социализма, но оценил историческое значение американского движения против поземельной собственности **), как движения, прогрессивно выражающего интересы развития производительных сил, интересы капитализма, в Америке.

6. Почему мелкие собственники в России должны были высказаться за национализацию?

Взгляните с указанной точки зрения на аграрную эволюцию России со второй половины XIX века.

Что такое наша «великая» крестьянская реформа, отрезка земли у крестьян, переселения крестьян на «песочки», введение при помощи военной силы, расстрелов и экзекуций новых земельных распоряжков?

*) См «Аграрный вопрос» *Наутского* (стр. 132 и след. нем. оригинала) о росте мелких ферм на юге Америки вследствие падения рабства.

**) «Мы вполне признаем,—писал Маркс в 1846 году,—движение американских национал-реформистов в его исторической правомерности. Мы знаем, что это движение стремится к достижению такого результата, который, правда, в данную минуту дал бы толчок развитию индустриализма современного буржуазного общества, но который, будучи плодом пролетарского движения, неизбежно должен в качестве нападения на земельную собственность вообще и в особенности при существующих в настоящее время в Америке условиях повести дальше, благодаря его собственным последствиям, к коммунизму. Крйг, примкнувший вместе с немецкими коммунистами в Нью-Йорке к движению против ренты (Anti-Rent-Bewegung), облакает этот простой факт в напыщенные фразы, не вдаваясь в рассмотрение самого содержания движения» (второй том Меринговского собр. сочин. Маркса и Энгельса).

(«Вперед», 1905, № 15, Женева, 7—21 апреля, статья: «Маркс об американском черном переделе», см. стр. 141—146 тома VI Собр. сочинений Н. Ленина. *Ред*)

Это—первое массовое насилие над крестьянством в интересах рождающегося капитализма в земледелии. Это—помещичья «чистка земель» для капитализма.

Что такое столыпинское аграрное законодательство по 87 статье, это поощрение грабежа общин кулаками, эта ломка старых поземельных отношений в пользу горстки зажиточных хозяев ценою быстрого разорения массы? Это—второй крупный шаг массового насилия над крестьянством в интересах капитализма. Это—вторая помещичья «чистка земель» для капитализма.

А что такое трудовическая национализация земли в русской революции?

Это—крестьянская «чистка земель» для капитализма.

В том-то и состоит основной источник всех благоглупостей у наших муниципалистов, что они не понимают хозяйственной основы буржуазного аграрного переворота в России в двух возможных видах этого переворота,—помещичье-буржуазного и крестьянски-буржуазного. Без «чистки» средневековых поземельных отношений и распоряжков, частью феодальных, азиатских, не может произойти буржуазный переворот в земледелии, ибо капитал должен,—в смысле экономической необходимости должен,—создать себе новые поземельные распоряжки, приспособленные к новым условиям свободного торгового земледелия. Эта «чистка» средневекового хлама в области аграрных отношений вообще и старого землевладения в первую голову должна коснуться главным образом земель помещичьих и надельных крестьянских, ибо то и другое землевладение теперь, в данном своем виде, приноровлено к отработкам, к наследию барщины, к кабале, а не к свободному, капиталистически развивающемуся хозяйству. Столыпинская «чистка» лежит, несомненно, по линии прогрессивного капиталистического развития России, но только приспособлена эта чистка всецело к интересам помещиков: пусть богатые крестьяне втридорога заплатят «крестьянскому» (читай: помещичьему) банку,—мы за то дадим им свободу грабить общину, насильственно экспроприировать массу, округлять свои участки, выселять крестьянскую бедноту, погрызывать самые основы жизни целых сел, создавать во что бы то ни стало, несмотря ни на что, пренебрегая хозяйством и жизнью какого угодно числа «исконных» надельных земледельцев, создавать новые отрубные участки, основу нового капиталистического земледелия. В этой линии есть безусловный хозяйственный смысл, она верно выражает действительный ход развития, каким он должен быть при господстве помещиков, превращающихся в юнкеров.

Какова же другая, крестьянская, линия? Либо она экономически невозможна,—и тогда все разговоры о конфискации крестьянами помещичьей земли, о крестьянской аграрной революции и прочее—одно шарлатанство или пустое мечтание. Либо она экономически возможна, при условии победы одного элемента буржуазного общества над другим элементом буржуазного общества,—и тогда мы должны ясно представить себе и ясно показать народу конкретные условия этого развития, условия крестьянского пересоздания старых земельных отношений по-новому, по-капиталистическому.

Тут естественно является мысль: эта крестьянская линия и есть раздел помещичьих земель в собственность крестьянства. Отлично. Но чтобы этот раздел в собственность соответствовал действительно новым, капиталистическим условиям земледелия, нужно, чтобы раздел произошел по-новому, а не по-старому. Основой раздела должна быть не старая наделная земля, распределенная между крестьянами сотню лет тому назад по воле помещичьих бурмистров или чиновников азиатской деспотии: основой должны быть требования свободного, торгового земледелия. Раздел, чтобы удовлетворять требованиям капитализма, должен быть разделом между фермерами, а не разделом между крестьянами-«лежебоками», из которых подавляющее большинство хозяйничает по рутине, по традиции, применительно к условиям патриархальным, а не капиталистическим. Раздел по старым нормам, т.-е. применительно к старому, наделному землевладению, будет не чисткой старого землевладения, а увековечением его, не освобождением пути для капитализма, а обременением его массой неприспособленных и неприспособляемых «лежебок», которые не могут стать фермерами. Раздел, чтобы стать прогрессивным, должен основываться на новой разборке между крестьянами-земледельцами, на разборке, отделяющей фермеров от негодного хлама. А эта новая разборка и есть национализация земли, т.-е. полное уничтожение частной собственности на землю, полная свобода хозяйства на земле, свобода образования фермеров из старого крестьянства.

Представьте себе современное крестьянское хозяйство и характер наделного, т.-е. крестьянского землевладения. «Будучи объединены общиной в крохотные административно-фискальные и землевладельческие союзы, крестьяне раздроблены массой разнообразных делений их на разряды, на категории по величине надела, по размерам платежей и пр. Берем хоть земско-статистический сборник по Саратовской губернии; крестьянство делится здесь на следующие разряды: дарственники, собственники, полные собственники, государственные, государственные с общинным владением, государственные с четверт-

ным владением, государственные из помещичьих, удельные, арендаторы казенных участков, безземельные, собственники бывшие помещицы, на выкупной усадьбе, собственники бывшие удельные, поселяне-собственники, переселенцы, дарственные бывшие помещицы, собственники бывшие государственные, вольноотпущенники, безбродные, свободные хлебопашцы, временнообязанные, бывшие фабричные и т. д., а затем еще крестьяне приписные, пришлые и пр. Все эти разряды отличаются историей аграрных отношений, величиной наделов и платежей и пр., и пр. И внутри разрядов подобных же различий масса; иногда даже крестьяне одной и той же деревни разделены на две совершенно отличные категории: «бывших господина N. N.» и «бывших госпожи M. M.». Вся эта пестрота была естественна и необходима в средние века *). Если бы новый раздел помещичьих земель произошел применительно к этому феодальному землевладению—все равно, в смысле ли дополнения до единой нормы, т.-е. раздел поровну, или в смысле какой-нибудь пропорциональности между новым и старым, или как-нибудь иначе,—этот раздел не только не гарантировал бы соответствия разделенных участков требованиям капиталистической агрокультуры, а, напротив, закрепил бы заведомое несоответствие. Такой раздел затруднил бы общественную эволюцию, привязал бы новое к старому, вместо того, чтобы освободить новое от старого. Действительным освобождением является только национализация земли, позволяющая вырабатываться фермерам, складываться фермерскому хозяйству вне связи со старым, без всякого отношения к средневековому наделному землевладению.

Капиталистическая эволюция на средневековых наделных землях крестьянства шла в пореформенной России таким образом, что прогрессивные хозяйственные элементы высвобождались из определяющего влияния надела. С одной стороны, высвобождались пролетарии, сдавая наделы, бросая их, запуская земли. С другой стороны, высвобождались хозяева, высвобождались посредством покупки и аренды земли, строя новое хозяйство из разных кусочков старого, средневекового землевладения. Земля, на которой хозяйничает современный русский сколько-нибудь состоятельный крестьянин, т.-е. такой, который действительно способен превратиться при благоприятном исходе революции в свободного фермера,—эта земля состоит частью из его собственного надела, частью из арендованного надела соседа-

*) «Развитие капитализма», гл. V, IX: «Несколько замечаний о до-капиталистической экономике нашей деревни», стр. 293 1-го изд. (См. III том Собр. сочинений Н. Ленина, стр. 309. *Ред.*)

общинника, частью, может быть, из долгосрочной аренды у казны, из погодной аренды у помещика, из земли, купленной у банка, и т. д. Капитализм требует того, чтобы все эти различия разрядов отпали, чтобы всякое хозяйство на земле построено было исключительно соответственно новым условиям и требованиям рынка, требованиям агрикультуры. Национализация земли выполняет это требование революционно-крестьянским методом, стряхивая с народа сразу и целиком всю гнилую ветошь всех форм средневекового землевладения. Не должно быть ни помещичьего, ни наделного землевладения, должно быть только новое, свободное землевладение,—таков лозунг радикального крестьянина. И этот лозунг выражает самым верным, самым последовательным и решительным образом интересы капитализма (от которого радикальный крестьянин ограждает себя по наивности крестным знаменем), интересы наибольшего развития производительных сил земли при товарном производстве.

Можно судить поэтому о тупоумии Петра Маслова, у которого все отличие аграрной программы от трудовической крестьянской сводилось к закреплению старого, средневекового, наделного землевладения! Крестьянская наделная земля, это—гетто, в котором задыхается и из которого рвется крестьянство к свободной *) земле. А Петр Маслов, вопреки крестьянским требованиям свободной, т.-е. национализированной, земли увековечивает это гетто, закрепляет старое, подчиняет лучшие земли, конфискуемые у помещиков и передаваемые в общественное пользование, условиям старого землевладения и старого хозяйства. Крестьянин-трудовик—на деле самый решительный буржуазный революционер, на словах—мещанский утопист, воображающий, что «черный передел» есть исходный пункт гармонии и братства **), а не капиталистического фермерства. Петр Маслов на деле—реакционер, закрепляющий из страха перед Вандеей будущей контр-революции теперешние антиреволюционные элементы старого землевладения, увековечивающий крестьянское гетто, на словах же у него непродуманные, бессмысленно заученные словечки о буржуаз-

*) «Социалист-революционер» г. Мушенко, всего цельнее излагавший во II Думе взгляды своей партии, провозгласил прямо: «Мы поднимаем знамя освобождения земли» (47 зас., 26 мая 1907 г., стр. 1174). Надо быть слепым, чтобы не видеть не только капиталистического реального характера этого якобы «социалистического» знамени (это видит и Петр Маслов), но и экономической прогрессивности такой аграрной революции по сравнению со столыпинско-кадетской (этого не видит Петр Маслов).

**) Сравни наивное выражение этой буржуазно-революционной точки зрения в речи «народного социалиста» Волк-Карачевского о «равенстве, братстве, свободе» (II Дума, 16 зас., 26 марта 1907 г., стр. 1077—1080).

ном прогрессе. Действительных условий действительно свободно-буржуазного, а не столыпински-буржуазного прогресса русского земледелия Маслов и К^о абсолютно не поняли.

Отличие вульгарного марксизма Петра Маслова и тех приемов исследования, которые действительно применял Маркс, всего яснее можно видеть на отношении к мелко-буржуазным утопиям народников (и эс-эров в том числе). В 1846 году Маркс беспощадно разоблачил мещанство американского эс-эра Германа Кригэ, который предлагал настоящий черный передел для Америки, называя этот передел «коммунизмом». Диалектическая и революционная критика Маркса отметала шелуху мещанской доктрины и выделяла здоровое ядро «нападений на земельную собственность» и «движение против ренты». Наши же вульгарные марксисты, критикуя «уравнительный передел», «социализацию земли», «равное право на землю», ограничиваются опровержением доктрины и сами обнаруживают этим свое тупое доктринерство, не видящее живой жизни крестьянской революции под мертвой доктриной народнической теории. Маслов и меньшевики довели это низкое доктринерство, выраженное в нашей «муниципализаторской» программе закрепления самой отсталой средневековой собственности на землю, до того, что от имени с.-д. партии во Второй Думе могли говориться такие непродуманные слова: «Если в вопросе о способе отчуждения земли мы (социал-демократы) к этим (народническим) фракциям стоим гораздо ближе, чем к фракции народной свободы, то в вопросе о формах землепользования мы от них стоим дальше» (47 засед., 26 мая 1907 г., стр. 1230 стенограф. отчета).

Действительно, в крестьянской аграрной революции меньшевики стоят дальше от революционной крестьянской национализации и ближе к либерально-помещичьему сохранению надельной (да и не одной надельной) собственности. Сохранение надельной собственности есть сохранение забитости, отсталости, кабалы. Естественно, что либеральный помещик, мечтая о выкупе, распинается за надельную собственность *)... рядом с сохранением доброй доли помещичьей

*) Между прочим, меньшевики (и в том числе т. Церетели, речь которого я цитировал) глубоко заблуждаются, думая, что кадеты сколько-нибудь последовательно отстаивают свободную собственность крестьян. Это неправда. От имени партии к.-д. г. Кутлер во Второй Думе высказался за собственность (в отличие от перводумского проекта к.-д. относительно государственного земельного запаса), но в то же время сказал: «партия полагает ограничить их (крестьян) только (!) в праве отчуждения и в праве залога, т.-е. предотвратить в будущем широкое развитие купли-продажи земель» (12 засед., 19 марта 1907 г., стр. 740 стеногр. отчета). Это — архиреакционная программа бюрократа, передетого либералом.

собственности! А социал-демократ, сбивый с толку «муниципализаторами», не понимает того, что звук слов исчезает, а дело остается. Звук слов об уравнительности, социализации и т. п. исчезнет, ибо не может быть уравнительности в товарном производстве. Но дело останется, т.-е. останется наибольший возможный при капитализме разрыв с феодальной стариной, с средневековым надельным землевладением, со всей и всяческой рутинной и традицией. Когда говорят: «из уравнительного передела ничего не выйдет», то марксист должен понимать, что это «ничего» относится исключительно к социалистическим задачам, исключительно к тому, что капитализма это не устранил. Но из попыток такого передела, даже из идеи такого передела очень многое выйдет на пользу буржуазно-демократического переворота.

Ибо этот переворот может произойти либо с преобладанием помещиков над крестьянами,—а это требует сохранения старой собственности и столыпинского реформирования ее, исключительно силою рубля. Либо он произойдет путем победы крестьянства над помещиками,—а это невозможно, в силу объективных условий капиталистической экономики, без уничтожения всей средневековой собственности на землю, и помещичьей и крестьянской. Либо столыпинская аграрная реформа, либо крестьянски-революционная национализация. Только эти решения экономически реальны. Все же среднее, начиная от меньшевистской муниципализации и кончая кадетским выкупом, есть мещанская ограниченность, тупое искажение доктрины, плохая выдумка.

7. Крестьяне и народники о национализации надельных земель.

Что отмена собственности на надельные земли является условием создания свободного, соответствующего новым капиталистическим условиям, крестьянского хозяйства, это сознают вполне отчетливо сами крестьяне. Г. Громан, подробно и точно описывающий прения на крестьянских съездах *), приводит следующее замечательное мнение крестьянина.

При обсуждении вопроса о выкупе один делегат, не встретив возражений по существу, сказал: «говорили, что без выкупа пострадают многие из крестьян, которые купили землю на трудовые деньги.

*) «Материалы к крестьянскому вопросу» (отчет о заседаниях делегатского съезда Всероссийского Крестьянского Союза 6—10 ноября 1905 г. со вступительной статьей В. Громана. Изд-во «Новый Мир», Спб. 1905, стр. 12).

Таких мало, помного и земли у них, они все равно получают землю при разверстке». Вот где источник готовности отказаться от права собственности и на надельную и на купчие земли. И несколько дальше (стр. 20) Громан повторяет это, как общее мнение крестьян.

«Все равно, получают при разверстке!» Разве не ясно, какая хозяйственная необходимость продиктовала этот довод? Новая разверстка всей земли, и помещичьей и надельной, не может уменьшить землевладения девяти десятых (а вернее, девяносто девяти сотых) крестьянства; бояться нечего. А нужна она потому, что дает возможность настоящим, заправским хозяевам составить свое землепользование соответственно новым условиям, соответственно требованиям капитализма («веле-ниям рынка» для отдельных производителей), не подчиняясь тем средневековым отношениям, которые определили величину, расположение, распределение именно надельной собственности.

Г. Пешехопов, практичный и трезвый «народный социалист» (читай: социал-кадет), сумевший, как мы видели, приспособиться к требованиям всероссийской массы мелких хозяев, выражает эту точку зрения еще более определенно.

«Надельные земли,—пишет он,—эта важнейшая в производственном отношении часть территории, закреплены за сословием, хуже того: за мелкими его группами, за отдельными дворами и селениями. Благодаря этому, в пределах даже надельной площади крестьянство, взятое в его массе, свободно расселиться не может... Неправильное, не отвечающее требованиям рынка (это заметьте!) размещение населения... Нужно снять запрет с земель казенных, нужно освободить от пут собственности надельные, нужно разгородить частновладельческие. Нужно вернуть русскому народу его землю, и тогда он разместится на ней, как того требуют его хозяйственные потребности» (А. В. Пешехопов: «Аграрная проблема в связи с крестьянским движением», СПб. 1906, стр. 83, 86, 88—89).

Неужели не ясно, что устами этого «народного социалиста» говорит фермер, желающий встать на свои собственные ноги? Неужели не ясно, что «освобождение надельных земель от пут собственности» действительно необходимо ему для нового размещения, для нового образования земельных участков, «отвечающего требованиям рынка», т.-е. требованиям капиталистического земледелия? Ведь г. Пешехопов—напомним еще раз—настолько трезв, что отвергает всякую социализацию, всякое приспособление к общинному праву—не даром его проклиняют, как индивидуалиста; социалисты-революционеры!—отвергает всякое запрещение наемного труда в крестьянском хозяйстве.

Реакционность поддержки наделной крестьянской собственности при такого рода национализаторских стремлениях крестьянства становится вполне очевидной. А. Финн, приведший в своей брошюре некоторые из приведенных нами рассуждений г. Пешехонова, критикует его, как народника, доказывает ему неизбежность развития капитализма из крестьянского хозяйства и внутри крестьянского хозяйства (стр. 14 и след. в цит. брошюре). Это—критика неудовлетворительная, ибо за общим вопросом о развитии капитализма А. Финн просмотрел конкретный вопрос об условиях более свободного развития капиталистического земледелия на наделных землях! А. Финн ограничивается только постановкой вопроса о капитализме вообще и одерживает легкую победу над давно побежденным народничеством. Но речь идет о более конкретном *) вопросе: о помещичьем и крестьянском типе «разгораживания» (выражение г. Пешехонова), «чистки» земли для капитализма.

Во Второй Думе официальный оратор партии с.-р. г. Мушенко, говоривший заключительную речь по аграрному вопросу, с такой же определенностью, как г. Пешехонов, выразил капиталистическую сущность той национализации земли, которую мещанским социалистам угодно называть «социализацией», установлением равного права на «землю» и т. п.

«Правильное расселение,—сказал г. Мушенко,—возможно лишь тогда, когда земля будет разгорожена, когда будут сняты все перегородки, наложенные на нее принципом частной собственности на землю» (47 засед., 26 мая 1907, стр. 1172 стеногр. отч.). Именно так! «Правильное» расселение есть то, которого требует рынок, капитализм. «Правильному» расселению «правильных» хозяев мешает и помещичье и наделное землевладение.

*) «К чему в конце концов может повести это пешехоновское трудовое хозяйство?»—спрашивает А. Финн и отвечает совершенно справедливо: «к капитализму» (стр. 19 назв. брошюры). От этой несомненной истины, которую действительно необходимо было разъяснить для народника, следовало пойти дальше, к выяснению особых форм проявления требований капитализма в обстановке крестьянской аграрной революции. Вместо этого А. Финн пошел назад: «Спрашивается,—пишет он,—зачем же нам возвращаться назад, кружиться по каким-то самобытным путям, чтобы в конце концов опять выйти на ту дорогу, по которой мы уже идем? Беспольный это труд, г. Пешехонов!» (там же). Нет, не беспольный труд и не «в конце концов» выводящий к капитализму, а всего прямее, свободнее, быстрее идущий по пути капитализма. А. Финн не придумал сравнительных особенностей столыпинской капиталистической эволюции земледелия в России и крестьянски-революционной капиталистической эволюции земледелия в России.

Еще одно наблюдение над заявлениями делегатов Крестьянского Союза заслуживает нашего внимания. Г. Громан пишет в названной брошюре:

«Пресловутый вопрос об общине,—этот краеугольный камень старо- и ново-народничества,—совсем не поднимался и молча решен отрицательно: земля должна быть в пользовании лиц, товариществ,—гласят резолюции и первого и второго съезда» (стр. 12).

Итак, крестьяне ясно и решительно высказались против старой общины за вольные товарищества и за землепользование отдельных лиц. В том, что это действительно голос всего крестьянства, не может быть сомнения, ибо и проект трудовой группы (104-х) тоже не заикается об общине. А община есть союз по владению наделной землей!

Столыпин уничтожает эту общину насильственно в пользу кучки богатеев. Крестьянство хочет уничтожить ее, заменив свободными товариществами и землепользованием «отдельных лиц» на национализированной наделной земле. А Маслов и К^о, во имя буржуазного прогресса, идут наперекор основному требованию этого именно прогресса и отстаивают средневековое землевладение. Избави нас, боже, от такого «марксизма»!

8. Ошибка М. Шанина ⁷⁸⁾ и других сторонников раздела.

Тов. М. Шанин, подошедший к вопросу в новой своей брошюре *) несколько с иной стороны, против своей воли дал еще одно подтверждение столь ненавидимой им национализации. Примером Ирландии, анализом условий буржуазного реформаторства в области земледелия т. М. Шанин доказал только одно: несовместимость начал земельной собственности с общественным или государственным владением землей (но эту несовместимость надо доказать и общим теоретическим анализом, о котором даже не вспомнил Шанин); затем он доказал разве еще необходимость признания собственности для всякой государственно-реформаторской деятельности в области капиталистически развивающегося земледелия. Но все эти доказательства Шанина бьют всецело мимо цели: конечно, в условиях буржуазного реформаторства мыслима только частная собственность на землю; конечно, сохранение частной собственности на главную массу земель Соединенного Королевства не оставляло иного пути для его части, как путь частной собственности. Но какое это имеет отношение к «крестьянской аграрной революции» в России? Правильный путь, если хотите, указал

*) М. Шанин, «Муниципализация или раздел в собственность». Вильна 1907 г.

т. М. Шанин, но он указал правильный путь столыпинской аграрной реформе, а не крестьянской аграрной революции *). У М. Шапина нет ни искорки сознания различия между тем и другим, а без выяснения этого различия смешно и говорить о с.-д. аграрной программе в русской революции. И когда М. Шанин, следуя, разумеется, самым лучшим побуждениям, защищает против выкупа конфискацию, то у него пропадает всякая историческая перспектива. Он забывает, что в буржуазном обществе конфискация, т.-е. экспроприация без выкупа, так же абсолютно несовместима с реформаторством, как и национализация земли. Говорить о конфискации и допускать реформаторское, а не революционное решение аграрного вопроса — это все равно, что подавать прошение Столынину об уничтожении помещичьего землевладения.

Другая сторона брошюры Шапина — усиленное подчеркивание агрикультурного характера нашего земледельческого кризиса, безусловной необходимости перехода к высшим формам хозяйства, к поднятию техники земледелия, невероятно низкой в России, и т. д. Эти верные положения Шанин развил до такой степени невероятно односторонне, он до такой степени обошел молчанием уничтожение крепостнических латифундий и изменение отношений землевладения, как условие этого технического переворота, что перспектива получилась в корне фальшивая. Ибо к техническому подъему земледелия идет также, и правильно с точки зрения помещичьих интересов идет, столыпинская аграрная реформа. Насильственное раздробление общины законами 9 ноября 1906 г. и т. п., насаждение хуторов и субсидирование отрубного хозяйства — это вовсе не мираж, как иногда говорят легкомысленные болтуны демократической журналистики, это — реальность экономического прогресса на почве сохранения помещичьей власти и помещичьих интересов. Это путь невероятно медленный и не-

*) И ссылка Шанина на пример Ирландии, доказывающий перевес частной собственности над арендой (а не над национализацией всей земли), — не нова. «Либеральный» профессор г. А. И. Чупров совершенно так же аргументирует примером Ирландии предпочтительность крестьянской собственности на землю («Агр. вопрос», гл. II, стр. 11). А какова истинная натура этого «либерала» и даже «конституционного демократа», видно из стр. 33 его статьи. Здесь с невероятным бесстыдством, только в России возможным либеральным бесстыдством, г. Чупров предлагает во всех землеустроительных комиссиях подчинить крестьян большинству из помещиков! Пять членов от крестьян и 5 от помещиков, а председатель «назначается земским собранием», т.-е. собранием помещиков. В I Думе на пример Ирландии ссылался правый князь Друцкий-Любецкий в доказательство необходимости частной собственности на землю и против кадетского проекта (засед. 24 мая 1906 г., стр. 626 стеногр. отчета).

роятно мучительный для самых широких масс крестьянства и для пролетариата, но этот путь есть единственно возможный путь для капиталистической России, если не победит крестьянская аграрная революция.

Взгляните на поставленный Шаниным вопрос с точки зрения такой революции. Новая земледельческая техника требует пересоздания всех условий стародавнего, заскорузлого, дикого, невежественного, нищенского крестьянского хозяйства на надельной земле. Должно быть выброшено за борт и трехполье, и первобытные орудия труда, и патриархальное безденежье земледельца, и рутинное скотоводство, и наивное, медвежье незнание условий и требований рынка. Что же? Возможно это революционизирование хозяйства при консервировании землевладения? А раздел между теперешними надельными собственниками есть консервирование наполовину *) средневекового землевладения. Раздел мог бы быть прогрессивен, если бы он закреплял новое хозяйство, новую агрикультуру, выкидывая за борт старое. Но раздел не может выполнить роли импульса к новой агрикультуре, если он базируется на старом надельном землевладении. Тов. Борисов, сторонник раздела, говорил в Стокгольме: «Наша аграрная программа есть программа для периода развивающейся революции, периода ломки старого порядка и организации нового социально-политического строя. В этом ее основная мысль. Соц.-демократия не должна связывать себя решениями, обязывающими ее поддерживать какую-либо форму хозяйства. В этой борьбе новых общественных сил против основ старого строя нужно разрубить запутавшийся узел решительным ударом» (стр. 125 Протоколов). Все это вполне верно и превосходно выражено. И все это говорит за национализацию, ибо только она действительно «ломает» все старое средневековое землевладение, только она действительно разрушает запутавшийся узел, предоставляя новым хозяйствам полную свободу складываться на национализированной земле.

Спрашивается: где же критерий того, сложилось ли уже настолько новое земледелие, чтобы к нему приспособить раздел земли, а не закреплять разделом старые помехи новому хозяйству? Критерий этого может быть один—практика. Никакая статистика в мире не может учесть того, насколько именно «отвердели» элементы крестьянской буржуазии в данной стране, чтобы подогнать землевладение к хозяйству на земле. Это могут учесть только сами хозяева в своей массе. И невозможность такого учета в данный момент доказана выступлением

*) Выше я показал, что из 280 милл. дес. земельного фонда Европ. России половину—138,8 милл. десятин—составляет надельное землевладение.

крестьянской массы в нашей революции с программой национализации земли. Мелкий земледелец до такой степени срастается всегда и во всем мире со своим хозяйством (если это только действительно его хозяйство, а не кусочек отработочного помещичьего хозяйства, как это часто бывает в России), что «фанатическое» отстаивание земельной собственности является у него в известный исторический период и на известное время неизбежным. Если в массе русских крестьян в данную эпоху вместо фанатизма собственников,—фанатизма, насаждаемого всеми правящими классами, всеми либерально-буржуазными политиками,—распространилось и утвердилось требование национализации земли, то было бы ребячеством или тупоумным педантством объяснять это влиянием публицистов «Русского Богатства» или брошюрок г. Чернова. Это объясняется тем, что реальные условия жизни мелкогo земледельца, мелкого хозяина в деревне ставят перед ним экономическую задачу не закрепления сложившейся уже повой агрикультуры разделом земель в собственность, а расчистки почвы для образования (из наличных элементов) новой агрикультуры на «свободной», т.-е. национализированной земле. Фанатизм собственника может и должен в свое время явиться, как требование обеспечить свое хозяйство со стороны вылупившегося уже из яйца фермера. Национализация земли должна была в русской революции стать требованием крестьянских масс, как лозунг фермеров, желающих разбить средневековую скорлупу. Поэтому проповедь раздела социал-демократами, обращенная к национализаторски настроенной крестьянской массе, которая как раз только начинает входить в условия окончательной «разборки», долженствующей выделить фермеров, способных создать капиталистическую агрикультуру, такая проповедь есть историческая бестактность, неуменье учесть конкретный исторический момент.

Наши социал-демократы-«разделисты», т.т. Финн, Борисов, Шанин, свободны от того теоретического дуализма, в который впадают «муниципалисты» вплоть до их пошлой критики теории ренты Маркса (об этом ниже), но они делают ошибку другого рода, ошибку исторической перспективы. Стоя в теоретическом отношении на общей правильной позиции (и отличаясь этим от «муниципалистов»), они повторяют ошибку нашей «отрезочной» программы 1903 года *). Источником этой последней ошибки было то, что, верно определяя направление развития, мы неверно определили момент развития. Мы предположили, что элементы капиталистического земледелия уже вполне сложились в России, сложились и в помещичьем хозяйстве (минус ка-

*) См. выше стр. 273 этого тома. *Ред.*

бальные «отрезки»—отсюда требование отрезков), сложились и в крестьянском хозяйстве, которое казалось выделившим крепкую крестьянскую буржуазию и неспособным поэтому к «крестьянской аграрной революции». Не «боязнь» крестьянской аграрной революции породила ошибочную программу, а переоценка степени капиталистического развития в русском земледелии. Остатки крепостного права казались нам тогда мелкой частностью, капиталистическое хозяйство на наделной и на помещичьей земле — вполне созревшим и окрепшим явлением.

Революция разоблачила эту ошибку. Направление развития, определенное нами, она подтвердила. Марксистский анализ классов русского общества так блестяще подтвержден всем ходом событий вообще и первыми двумя Думами в частности, что немарксистский социализм подорван окончательно. Но остатки крепостничества в деревне оказались гораздо сильнее, чем мы думали: они вызвали общенациональное движение крестьянства, они сделали из этого движения оселок всей буржуазной революции. Роль гегемона, всегда указывавшаяся революционной социал-демократией пролетариату в буржуазном освободительном движении, пришлось определить точнее, как роль вождя, ведущего за собой крестьянство. Ведущего на что? На буржуазную революцию в самом последовательном и решительном виде. Исправление ошибки состояло в том, что вместо частной задачи борьбы с остатками старого в земледельческом строе мы должны были поставить задачи борьбы со всем старым земледельческим строем. Вместо очистки помещичьего хозяйства поставили уничтожение его.

Но это исправление, сделанное под влиянием внушительного хода событий, не заставило многих из нас продумать до конца наше новое определение степени капиталистического развития в русском земледелии. Если требование конфискации всех помещичьих земель оказалось исторически правильным,—а оно, несомненно, оказалось таковым,—то это означало, что широкое развитие капитализма требует новых отношений землевладения, что зачатки капитализма в помещичьем хозяйстве могут и должны быть принесены в жертву широкому и свободному развитию капитализма на почве обновленного мелкого хозяйства. Принять требование конфискации помещичьих земель—значит признать возможность и необходимость обновления мелкого земледельческого хозяйства при капитализме.

Допустимо ли это? Не авантюра ли поддержка мелкого хозяйства при капитализме? Не пустая ли мечта это обновление мелкой культуры? Не демагогическое ли это «уловление крестьян», Вагепfang? Так, несомненно так думали некоторые товарищи. Но они оши-

бались. Обновление мелкого хозяйства возможно и при капитализме, если историческая задача состоит в борьбе с докапиталистическим строем. Так обновила мелкое хозяйство Америка, революционно разбившая рабовладельческие латифундии и создавшая условия наиболее быстрого, наиболее свободного развития капитализма. В русской революции борьба за землю есть не что иное, как борьба за обновленный путь капиталистического развития. Последовательный лозунг такого обновления—национализация земли. Исключать из нее наделные земли—экономически реакционно (мы будем говорить о политической реакционности такого исключения особо). «Разделисты» же перескакивают через историческую задачу данной революции, предполагают решенным то, из-за чего только еще начала идти массовая крестьянская борьба. Вместо того, чтобы толкать вперед процесс обновления, вместо того, чтобы выяснять крестьянству условия последовательного обновления, они уже кроют халат для успокоенного обновившегося фермера *).

«Всякому овощу свое время». От поддержки раздела социал-демократия не может зарекаться. В иной исторический момент, на другой ступени аграрной эволюции раздел может оказаться неизбежным. Но задачи буржуазно-демократической революции в России 1907 года раздел выражает совершенно неправильно.

*) Стронники раздела часто цитируют слова Маркса: «Свободная собственность крестьянина, который сам обрабатывает землю, представляя из себя, очевидно, самую нормальную форму поземельной собственности для мелкого производства... Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства» («Das Kapital», III, 2, 341). Из этого вытекает только то, что полное торжество свободной крестьянской культуры может потребовать частной собственности. Но теперешняя мелкая культура не свободна. Казенное землевладение—«инструмент скорее в руках помещика, чем крестьянина, орудие извлечения отработков более, чем орудие свободного труда для крестьянина». Разгром всех форм феодального землевладения и свободное расхождение необходимы для создания свободной мелкой культуры.

Г Л А В А III

Теоретические основы национализации и муниципализации.

Крупный недостаток почти всей социал-демократической прессы по вопросу об аграрной программе вообще и в частности недостаток прений на Стокгольмском съезде состоит в том, что преобладают практические соображения над теоретическими, политические—над экономическими *). Извинением большинству из нас служат, конечно, те условия напряженной партийной работы, при которых мы обсуждали аграрный вопрос в революции: сначала после 9 января 1905 г., за несколько месяцев до взрыва (весенний «III съезд Р. С.-Д. Р. П.» большевиков в Лондоне 1905 г. и одновременная конференция меньшинства в Женеве), затем на другой день после декабрьского восстания и накануне Первой Думы в Стокгольме. Но этот недостаток во всяком случае должен быть исправлен теперь, и в частности разбор теоретической стороны вопроса о национализации и муниципализации особенно необходим.

*) В моей брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», которую я отстаивал в Стокгольме, есть вполне определенные (только краткие, как кратка и вся брошюра) указания на теоретические посылки марксистской аграрной программы. Я указывал там, что «голое отрицание национализации» было бы «теоретически искажением марксизма» (стр. 16 старого издания, стр. 41 настоящего). Сравни также «Доклад мой о Стокг. съезде, стр. 27—28 старого издания (стр. 63 настоящего): «И с точки зрения строго научной, с точки зрения условий развития капитализма вообще, мы безусловно должны сказать, если мы не хотим разойтись с III томом «Капитала», что национализация земли возможна в буржуазном обществе, что она содействует экономическому развитию, облегчает конкуренцию и прилив капитала в земледелие, понижает цену на хлеб и проч.». Затем тот же доклад, стр. 57: «Оно (правое крыло с.-д.), вопреки своему обещанию, не доводит как раз до «логического» конца буржуазно-демократического переворота в земледелии, ибо таковым «логическим» и экономическим концом при капитализме является только национализация земли, как уничтожение абсолютной ренты».

1. Что такое национализация земли?

Выше мы привели ходячую формулировку общепризнанного теперь положения: «все народнические группы высказываются за национализацию земли». Но на самом деле эта ходячая формулировка очень неточна и «общепризнанного» в ней, если иметь в виду действительную одинаковость представления об этой «национализации» у представителей разных политических направлений, очень немного. Крестьянская масса требует земли стихийно, будучи угнетаема крепостническими латифундиями и не связывая никаких сколько-нибудь точных экономических представлений с переходом земли к народу. У крестьянина есть только вполне назревшее, выстраданное, так сказать, и закаленное долгими годами угнетения, требование обновить, укрепить, упрочить, расширить мелкое земледелие, сделать его господствующим—и только. Крестьянину рисуется только переход помещичьих латифундий в его руки; крестьянин облекает смутную идею единства всех крестьян, как массы, в этой борьбе в слова о народной собственности на землю. Крестьянином руководит инстинкт хозяина, которому мешает бесконечное раздробление современных форм средневекового землевладения и невозможность построить обработку земли вполне соответственно «хозяйским» требованиям, если вся эта средневековая пестрота землевладения сохранится. Экономическая необходимость уничтожить помещичье землевладение, уничтожить также «путы» наделного землевладения,—вот какие отрицательные понятия исчерпывают крестьянскую идею национализации. Какие формы землевладения окажутся необходимыми впоследствии для обновленного мелкого хозяйства, переварившего, так сказать, помещичьи латифундии,—об этом крестьянин не думает.

И в народнической идеологии, выражающей требования и надежды крестьянства, отрицательные стороны в понятии (или в смутной идее) национализации безусловно преобладают. Устранить старые помехи, убрать вон помещика, «разгородить» земли, сорвать путы наделного землевладения, укрепить мелкое хозяйство, заменить «неравенство» (помещичьи латифундии) «равенством, братством и свободой»—вот чем исчерпывается, на девять десятых, народническая идеология. Равное право на землю, уравнительное землепользование, социализация—все это лишь разные формы выражения тех же идей и все это преимущественно отрицательные понятия, ибо новых порядков, как известного уклада общественно-экономических отношений, народник себе не представляет. Для народника переживаемый аграрный переворот есть переход от крепостничества, неравенства, угне-

тения вообще к равенству и свободе—и только. Это—типичная ограниченность буржуазного революционера, не видящего капиталистических свойств создаваемого им нового общества.

Марксизм, в противоположность наивному воззрению народничества, исследует складывающийся новый строй. При самой полной свободе крестьянского хозяйства, при самом полном равенстве мелких хозяев, сидящих на общенародной или ничьей или божьей земле, мы имеем перед собой строй товарного производства. Мелких производителей связывает и подчиняет себе рынок. Из обмена продуктов складывается власть денег, за превращением в деньги земледельческого продукта следует превращение в деньги рабочей силы. Товарное производство становится капиталистическим производством. И эта теория не есть догмат, а простое описание, обобщение того, что происходит и в русском крестьянском хозяйстве. Чем свободнее это хозяйство от земельной тесноты, от помещичьего гнета, от давления средневековых отношений и порядков землевладения, от кабалы и произвола, тем сильнее развиваются капиталистические отношения внутри самого крестьянского хозяйства. Это факт, о котором с полнейшей несомненностью свидетельствует вся пореформенная история России.

Следовательно, понятие национализации земли, сведенное на почву экономической действительности, есть категория товарного и капиталистического общества. Реально в этом понятии не то, что крестьяне думают или народники говорят, а то, что вытекает из экономических отношений данного общества. Национализация земли при капиталистических отношениях есть передача ренты государству, не более и не менее. А что такое рента в капиталистическом обществе? Это вовсе не доход с земли вообще. Это—та часть прибавочной стоимости, которая остается за вычетом средней прибыли на капитал. Значит, рента предполагает наемный труд в земледелии, превращение земледельца в фермера, предпринимателя. Национализация (в чистом виде) предполагает получение ренты государством с предпринимателей в земледелии, выглачивающих заработную плату наемным рабочим и получающих среднюю прибыль на свой капитал,—среднюю по отношению ко всем, и земледельческим и неземледельческим, предприятиям данной страны или комплекса стран.

Таким образом теоретическое понятие о национализации неразрывно связано с теорией ренты, т.-е. именно капиталистической ренты, как особого вида дохода особого класса (земледельческого) в капиталистическом обществе.

Теория Маркса различает ренту двоякого вида: дифференциальную и абсолютную. Первая есть результат ограниченности земли,

занятости ее капиталистическими хозяйствами совершенно независимо от того, существует ли собственность на землю и какова форма земл владения. Между отдельными хозяйствами на земле неизбежны различия, проистекающие от различий в плодородии земли, в местоположении участков по отношению к рынку, в производительности добавочных вложений капитала в землю. Для краткости можно суммировать эти различия (не забывая, однако, неодинаковости источников тех или иных различий), как различие лучших и худших земель. Далее. Цену производства земледельческого продукта определяют условия производства не на средних, а на худших землях, так как продукт одних лучших земель недостаточен для покрытия спроса. Разница между индивидуальной ценой производства и высшей ценой производства и составляет дифференциальную ренту. (Напомним, что ценой производства Маркс называет издержки капитала на производство продукта плюс среднюю прибыль на капитал.)

Дифференциальная рента неизбежно образуется при капиталистическом земледелии, хотя бы при полной отмене частной собственности на землю. При существовании поземельной собственности эту ренту получит землевладелец, ибо конкуренция капиталов заставит фермера (арендатора) удовлетвориться средней прибылью на капитал. При отмене частной собственности на землю эту ренту получит государство. Уничтожение этой ренты невозможно, пока существует капиталистический способ производства.

Абсолютная рента происходит из частной собственности на землю. В этой ренте есть элемент монополии, элемент монопольной цены *). Частная собственность на землю мешает свободной конкуренции, мешает выравниванию прибыли, образованию средней прибыли в земледельческих и неземледельческих предприятиях. А так как в земледелии техника ниже, строение капитала отличается большей долей переменного капитала по сравнению с постоянным, чем в промышленности, то индивидуальная стоимость земледельческого продукта выше средней. Поэтому частная собственность на землю, задерживая свободное выравнивание прибыли в земледельческих предприятиях наравне с неземледельческими, дает возможность продавать земледельческий

*) Во второй части второго тома «Теорий прибавочной стоимости» Маркс открывает «сущность различных теорий ренты»: теорию монопольной цены земледельческого продукта и теорию дифференциальной ренты. Он показывает что есть верного в той и другой теории, поскольку есть элемент монополии в абсолютной ренте. Ср. стр. 125 по поводу теории Адама Смита: «совершенно верно», что рента есть монопольная цена, поскольку частная собственность на землю мешает выравниванию прибыли, закрепляя более высокую прибыль, чем средняя.

продукт и по высшей цене производства, а по еще более высокой индивидуальной стоимости продукта (ибо цена производства определяется средней прибылью на капитал, а абсолютная рента не дана образоваться этой «средней», монополюю закрепляя более высокую, чем средняя, индивидуальную стоимость).

Таким образом дифференциальная рента неизбежно приуща всякому капиталистическому земледелию. Абсолютная—не всякому, а лишь при условии частной собственности на землю, лишь при исторически *) создавшейся отсталости земл делия, — от талости, закрепляемой монополией.

Каутский противопоставляет оба вида ренты, между прочим в их отношении специально к национализации земли, в следующих положениях:

«Поскольку поземельная рента есть дифференциальная рента, она происходит от конкуренции. Поскольку она есть абсолютная рента — из монополии... На практике поземельная рента выступает перед нами не разделенная на части; нельзя узнать, какая часть из нее—дифференциальная рента, какая—абсолютная. Кроме того, к ней приравнивается обыкновенно процент на капитал за сделанные землевладельцем затраты. Там, где землевладелец является в то же время и сельским хозяином, поземельная рента соединяется вместе с сельскохозяйственной прибылью.

«Тем не менее различие обоих видов ренты имеет самое важное значение.

«Дифференциальная рента происходит из капиталистического характера производства, а не из частной собственности на землю. Эта рента сохранилась бы и при национализации земли, требуемой (в Германии) сторонниками земельной реформы, сохраняющими капиталистическое ведение сельского хозяйства. Только доставалась бы тогда эта рента не частным лицам, а государству.

«Абсолютная рента происходит из частной собственности на землю, из противоположности интересов землевладельца и остального общества.

«Национализация земли дала бы возможность уничтожить эту ренту и понизить на сумму этой ренты цены сельскохозяйственных продуктов (курсив наш).

*) Сравни «Теории прибавочной стоимости», II том, 1 часть (нем. оригинал), стр. 259: «В земледелии ручной труд еще преобладает, а буржуазному способу производства свойственно развивать индустрию быстрее, чем земледелие. Это, впрочем, различие историческое, которое может исчезнуть». (Там же, стр. 275 и II том, 2 часть, стр. 15.)

«Далее, второе различие между дифференциальной и абсолютной рентой состоит в том, что первая не влияет, как составная часть, на цену сельскохозяйственных продуктов, а вторая влияет. Первая происходит из цены производства, вторая — из превышения рыночных цен над ценами производства. Первая проистекает из избытка, из сверхприбыли, доставляемой трудом, более производительным, на лучшей земле или при лучшем местоположении. Вторая проистекает не из добавочного дохода некоторых видов сельскохозяйственного труда; она возможна лишь как вычет из наличного количества стоимостей в пользу землевладельца, вычет из массы прибавочной стоимости, следовательно, либо понижение прибыли, либо вычет из заработной платы. Если цены на хлеб повышаются и повышается также заработная плата, то понижается прибыль на капитал. Если хлебные цены повышаются без повышения заработной платы, то ущерб несут рабочие. Наконец, может случиться так, — и это следует даже считать общим правилом, — что ущерб, причиняемый абсолютной рентой, несут и рабочие и капиталисты вместе» *).

Итак, вопрос о национализации земли в капиталистическом обществе распадается на две, существенно различные, части: на вопрос о дифференциальной и об абсолютной ренте. Национализация меняет владельца первой и подрывает самое существование второй. Национализация есть, следовательно, с одной стороны, частная реформа в пределах капитализма (перемена владельца одной части прибавочной стоимости), а, с другой стороны, отмена монополии, стесняющей все развитие капитализма вообще.

Не различая этих двух сторон, т.-е. национализации дифференциальной и абсолютной ренты, нельзя понять экономического значения вопроса о национализации в России. Но тут мы встречаемся с отрицанием теории абсолютной ренты у П. Маслова.

2. Петр Маслов исправляет черновые наброски Карла Маркса **).

В 1901 году в заграничной «Заре» мне случалось уже указывать на неправильное понимание теории ренты Масловым по поводу его статей в журнале «Жизнь» ***).

*) «Аграрный вопрос», немецкий оригинал, стр. 79—80.

**) Эта глава была напечатана в заграничном «Пролетарии», № 33 от 23 июля 1908 г. *Ред.*

***) См. «Аграрный вопрос», часть I, Спб. 1908, статью «Аграрный вопрос и критики Маркса», примечание на стр. 178—179. (См. стр. 61 этого тома. *Ред.*)

Дебаты перед Стокгольмом и в Стокгольме концентрировались, как я уже указал, в совершенно непомерной степени на политической стороне вопроса. Но после Стокгольма М. Оленов в статье «О теоретических основах муниципализации земли» («Образование», 1907, № 1) разобрал книгу Маслова об аграрном вопросе в России, подчеркнул в особенности неправильность экономической теории Маслова, отрицающего вообще абсолютную ренту.

Маслов отвечал Оленову статьей в №№ 2 и 3 «Образования». Он упрекал своего оппонента в «беспардонности», «лихих наездах», «развязности» и т. п. На самом деле, в области марксистской теории именно Петр Маслов является беспардонным и тупым наездником, ибо трудно представить себе нечто более невежественное, чем самодовольная «критика» Маркса Масловым, настаивающим на своих старых ошибках.

«Противоречие теории абсолютной ренты и всей теории распределения, изложенных в III томе, — пишет т. Маслов, — настолько резко бросается в глаза, что его можно объяснить лишь тем, что III том — посмертное издание, куда вошли и черновые наброски автора» («Аграрный вопрос», 3-е изд., стр. 108, примеч.).

Писать такую вещь мог вообще только человек, ничего не понявший в теории ренты Маркса. Но снисходительное пренебрежение великолепного Петра Маслова к автору черновых набросков поистине бесподобно! Этот «марксист» выше того, чтобы считать необходимым для поучения других людей ознакомиться с Марксом, проштудировать хотя бы вышедшие в 1905 году «Теории прибавочной стоимости», где теория ренты разжевана, можно сказать, даже для Масловых!

Вот доводы Маслова против Маркса:

«Абсолютная рента получается будто бы благодаря низкому строению земельного капитала... Так как строение капитала не влияет ни на цену продукта, ни на норму прибыли и вообще на распределение прибавочной ценности *между* предпринимателями, то оно не может создать никакой ренты. Если строение земельного капитала ниже промышленного, то дифференциальная рента получается из прибавочной ценности, получаемой в земледелии же, но это не имеет значения для образования ренты. Следовательно, если бы «строение» капитала изменилось, это ничуть не повлияло бы на ренту. Размер ренты ничуть не определяется характером ее происхождения, а единственно только вышеуказанным различием производительности труда при различных условиях» (стр. 108—109 назв. соч., курсив Маслова).

Интересно бы знать, доходили ли когда-нибудь буржуазные «критики Маркса» до такой легкости опровержения? Ведь наш вели-

колепный Маслов путает сплошь, путает уже тогда, когда излагает Маркса (впрочем, это манера и г. Булгакова и всех буржуазных разносителей марксизма, отличающихся от Маслова большей добросовестностью в том отношении, что они не называют себя марксистами). Неправда, что по Марксу абсолютная рента получается благодаря низкому строению земледельческого капитала. Абсолютная рента получается благодаря частной собственности на землю. Эта частная собственность создает особую монополию, не имеющую ничего общего с капиталистическим способом производства, который может существовать и на общинной и на национализированной земле *). Некапиталистическая монополия частной поземельной собственности мешает выравниванию прибыли в тех отраслях производства, которые заслонены этой монополией. Для того, чтобы «строение капитала не влияло на порму прибыли» (надо добавить: строение индивидуального капитала или капитала отдельной отрасли промышленности; Маслов и здесь путает, излагая Маркса), для того, чтобы образовалась средняя норма прибыли, необходимо выравнивание прибыли всех отдельных предприятий и всех отдельных областей промышленности. Выравнивание производится свободой конкуренции, свободой приложения капитала ко всем отраслям производства безразлично. Может ли быть эта свобода там, где существует некапиталистическая монополия? Нет, не может. Монополия частной собственности на землю мешает свободе приложения капитала, мешает свободе конкуренции, мешает выравниванию — непропорционально высокой (вследствие низкого строения земледельческого капитала) земледельческой прибыли. Возражение Маслова — сплошное недомыслие, и это недомыслие особенно наглядно выступает перед нами, когда мы читаем через две страницы ссылку на производство кирпичей (стр. 111), где техника тоже отсталая, органическое строение капитала тоже ниже среднего, как и в земледелии, а ренты нет!

И не может быть ренты в производстве кирпичей, почтенный «теоретик», ибо абсолютную ренту порождает не низкое строение земледельческого капитала, а монополия частной земельной собственности, мешающей конкуренции выравнивать прибыли с «низкопостроенного» капитала. Отрицать абсолютную ренту — значит отрицать экономическое значение частной собственности на землю.

*) Сравни «Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 1, стр. 208, где Маркс выясняет, что землевладелец — совершенно излишняя фигура для капиталистического производства, что цель этого последнего «вполне достигается», если земля принадлежит государству.

Второй довод Маслова против Маркса:

«Рента с «последнего» затрачиваемого капитала, рента Родбертуса⁷⁹⁾ и абсолютная рента Маркса исчезнет, потому что арендатор всегда может сделать «последний» капитал «предпоследним», если он дает что-нибудь, кроме обычной прибыли» (стр. 112).

Путает, «беспардонно» путает Петр Маслов.

Во-первых, сопоставление Родбертуса и Маркса в вопросе о ренте есть круглое невежество. Теория Родбертуса основана на предположении, что ошибочный расчет померанского помещика («не считать» сырого продукта в земледелии!) обязателен и для капиталиста-фермера. В теории Родбертуса нет ни грана историзма, ни грана исторической реальности, ибо он берет земледелие вообще, вне времени и пространства, земледелие любой страны и любой эпохи. Маркс берет особый исторический период, когда капитализм быстрее развил технику промышленности, чем земледелие, Маркс берет капиталистическое земледелие, стесненное некапиталистической частной собственностью на землю.

Во-вторых, ссылка на арендатора, который «может всегда» сделать последний капитал предпоследним, показывает, что великолепный Петр Маслов не понял не только абсолютной, но и дифференциальной ренты Маркса! Это невероятно, но это факт. Арендатор в течение того срока, на который он арендовал землю, «всегда может» присвоить себе и всегда присваивает себе всякую ренту, раз он «делает последний капитал предпоследним», раз он,—говоря проще и (сейчас это увидим) вернее,—вкладывает новый капитал в землю. В течение срока действия арендного договора частная собственность на землю перестает существовать для арендатора: он уже «откупился», выплатив аренду, от этой монополии, она уже не может мешать ему *). Поэтому, когда новая затрата капитала арендатором на его участок дает ему и новую прибыль, и новую ренту, то эту ренту получает не землевладелец, а арендатор. Землевладелец станет получать эту новую ренту лишь после того, как срок старого арендного контракта кончится, после того, как будет заключен новый арендный контракт. Какой механизм переведет тогда новую ренту из кармана фермера в карман землевладельца? Механизм свободной конкуренции, ибо получение арендатором не только средней прибыли, но и сверхприбыли (=ренты) привлечет капиталы к необычно прибыльному предприятию. Отсюда понятно, с одной стороны, почему арендаторам

*) Если бы Маслов сколько-нибудь внимательно читал «черновые наброски» III тома, он бы не мог не заметить, как часто разжевывает это Маркс.

Выгодна при прочих равных условиях долгосрочная, а землевладельцам—краткосрочная аренда. Отсюда понятно, с другой стороны, почему, напр., английские землевладельцы после отмены хлебных законов в Англии по договору обязывали фермеров затрачивать вместо восьми не менее двенадцати фунтов стерлингов (около 110 руб.) на каждый акр их участка. Землевладельцы учитывали таким образом общественно-необходимую земледельческую технику, прогрессировавшую вследствие отмены хлебных законов.

Теперь спрашивается, какого вида новую ренту присваивает себе арендатор во время срока действия арендного договора? Только ли абсолютную, или дифференциальную? И ту, и другую. Ибо если бы Петр Маслов позаботился понять Маркса, прежде чем забавно «критиковать черновые наброски», то Маслов знал бы, что дифференциальную ренту дают не только различные участки земли, но и различные затраты капитала на одном и том же участке *).

В-третьих (мы извиняемся, что утомляем читателя таким долгим перечнем ошибок Маслова по поводу каждой его фразы, по каже же быть, если перед нами такой «плодовитый» Konfusionsrath, «путаный советник», как говорят немцы),—в-третьих, рассуждение Маслова о последнем и предпоследнем капитале построено на пресловутом «законе убывающего плодородия почвы». Подобно буржуазным экономистам, Маслов признает этот закон (называя даже эту глупую выдумку «для ради важности» фактом). Подобно буржуазным экономистам, Маслов связывает этот закон с теорией ренты, заявляя со смелостью полного невежды в теории: «если бы по было факта уменьшения производительности последних затрат капитала, не было бы поземельной ренты» (114).

Отсылаем читателя за критикой этого пошло-буржуазного «закона убывающего плодородия почвы» к тому, что сказано было мной в 1901 г. против г. Булгакова **). В этом вопросе никакой разницы по существу между Булгаковым и Масловым нет.

В дополнение к сказанному против Булгакова приведем только еще одно место из «черновых набросков» III тома, особенно на-

*) Дифференциальную ренту, получаемую вследствие различия различных земель, Маркс называет дифференциальной рентой I вида, а ту которая получается вследствие различной производительности добавочных затрат на той же земле,—дифференциальной рентой II вида. В «черновых набросках» третьего тома это различие проведено со скрупулезной детальностью (отд. VI, гл. 39—43), и надо быть «критиком Маркса» вроде г.г. Булгаковых, чтобы «не заметить» этого.

**) См. выше 45—55 стр. этого тома. *Ред.*

глядно обнаруживающее великоление масловско - булгаковской критики:

«Вместо того, чтобы рассмотреть действительные естественно-исторические причины истощения земли—эти причины, впрочем, были неизвестны экономистам, писавшим о дифференциальной ренте, вследствие состояния агрикультурной химии в их время,—вместо этого прибегали к тому пошлому соображению, что нельзя затратить любое количество капитала на ограниченном пространственно участке земли; напр., «Westminster Review» («Вестминстерское Обозрение») возражало Ричарду Джонсу (Jones), что нельзя прокормить всю Англию обработкой Сохо-сквера *)».

Это возражение—тот единственный довод, которым аргументирует и Маслов и все прочие сторонники «закона убывающего плодородия»: если бы не было этого закона, если бы последующие затраты капитала могли быть столь же продуктивны, как предыдущие, тогда, дескать, не зачем бы было расширять площадь обработки, тогда можно бы было любое количество земледельческого продукта получить с самой маленькой площади путем увеличения затрат нового капитала в землю, т. е. тогда можно было бы «всю Англию прокормить с одного Сохо-сквера» или «земледелие всего земного шара уместить на одной десяatine» **) и т. п. Маркс берет, следовательно, под свой анализ основной довод в пользу «закона» убывающего плодородия.

«...Если это,—продолжает Маркс,—рассматривается, как особая невыгода земледелия, то верно как раз обратное положение. В земледелии могут быть продуктивно употреблены последовательные затраты капитала, потому что земля сама действует в качестве орудия производства, тогда как на фабрике, где земля служит лишь основой, местом расположения, территориальной операционной базой, на фабрике этого нет или это имеет место в очень узких границах. Правда, можно концентрировать большое производство на маленьком, по сравнению с раздробленным ремеслом, пространстве, и крупная индустрия поступает именно таким образом. Но если дана известная ступень развития производительной силы, тогда требуется о де те н е пространство, а стройка вверх имеет также свои определенные практические границы. За этими границами расширение производства требует также расширения земельной площади. Основной капитал,

*) Маленький сквер в Лондоне.

**) См. выш. «Аграрный вопрос и критики Маркса» о законе убывающего плодородия. Та же глупость у Маслова: «Предприниматель будет затрачивать последовательно все (!) свои капиталы, напр., на одну десятину, если новые затраты дают такую же прибыль» (107) и т. д.

затраченный на машины и т. п., не улучшается вследствие употребления, а, наоборот, изнашивается. Новые изобретения могут и здесь производить отдельные улучшения, но если взять данную ступень развития производительной силы, то машина может только ухудшаться. При быстром развитии производительной силы все старые машины должны быть заменены более выгодными, т.-е. должны быть совсем выброшены. Земля, напротив, постоянно улучшается, если правильно обращаться с нею. То преимущество земли, что последовательные затраты капитала могут давать прибыль без всякой потери предыдущих затрат, это преимущество включает также возможность различной производительности последовательных затрат капитала» («Das Kapital», III Band, 2 Teil, S. 314).

Маслов предпочел повторять заученную побасенку буржуазной экономии насчет закона убывающего плодородия, чем вдуматься в критику Маркса. И Маслов имеет еще смелость тут же, по этим самым вопросам, извращая Маркса, претендовать на изложение марксизма!

До какой степени уродует Маслов, с своей чисто буржуазной точки зрения на естественный закон убывающего плодородия, теорию ренты, видно также из следующей тирады, которую Маслов пишет курсивом: «Если бы последовательные затраты капитала на ту же площадь земли, ведя к интенсификации хозяйства, были также производительны, конкуренция новых земель сразу исчезла бы, так как стоимость провоза ложится, помимо издержек производства, на цепу хлеба» (стр. 107).

Итак, заокеанская конкуренция объяснима только при помощи закона убывающего плодородия! Совсем как у буржуазных экономистов! Но если Маслов не умел читать или не способен был понять III том, то ему надо бы познакомиться хотя бы с «Аграрным вопросом» Каутского или с брошюрой Парвуса о сельско-хозяйственном кризисе. Маслов, может быть, понял бы из популярных разъяснений этих марксистов, что капитализм вздувает ренту, увеличивая индустриальное население. А цена земли (=капитализированная рента) закрепляет непомерно вздутые ренты. Это относится и к дифференциальной ренте, так что мы второй раз видим здесь, что Маслов ничего не понял у Маркса даже по отношению к простейшему виду ренты.

Буржуазная экономия объясняет «конкуренцию новых земель» «законом убывающего плодородия», ибо буржуа вольно и невольно игнорирует общественно-историческую сторону дела. Социалистическая экономия (т.-е. марксизм) объясняет заокеанскую конкуренцию тем, что земли, не платящие ренты, подрывают безмерно высокие цены на хлеб, закрепленные капитализмом старых европейских стран, вздувшим до невероятных размеров земельную ренту. Буржуаз-

пый экономист не понимает (или скрывает от себя и от других), что высота ренты, закрепленной посредством частной собственности на землю, служит препятствием прогрессу земледелия, и сваливает вину на «естественное» препятствие «факта» убывающего плодородия.

3. Необходимо ли для опровержения народничества опровергнуть Маркса?

По мнению Петра Маслова,—необходимо. «Развивая» далее свою глупешкую «теорию», он поучает нас в «Образовании»:

«Если бы не было «факта» падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли, то еще могла бы, может быть, осуществиться та идиллия, которую рисуют с.-р.-ы и социал-народники: каждый крестьянин пользуется причитающимся ему клочком земли и вкладывает в него труда столько, сколько хочет, а земля «воздает» ему за каждый «вклад» соответствующее количество продукта» (№ 2, 1907 г., стр. 123).

Итак, если бы не был опровергнут Маркс Петром Масловым, то правы были бы, может быть, народники! Вот до каких перлов договаривается наш «теоретик». А мы-то думали до сих пор попросту, помарксистски, что идиллия увековечения мелкого производства опровергается вовсе не буржуазно-гумным «законом убывающего плодородия», а фактом товарного производства, господством рынка, преимуществами крупного капиталистического земледелия над мелким и т. д. Маслов переделал все это! Маслов открыл, что если бы не было опровергнутого Марксом буржуазного закона, то были бы правы народники!

Мало того. Были бы правы и ревизионисты. Вот вам еще рассуждение нашего доморощенного экономиста:

«Если не ошибаюсь, мне (Петру Маслову) пришлось первому (вот мы как!) особенно резко подчеркнуть разницу значения культуры земли и технического прогресса для развития хозяйства и в частности для борьбы крупного и мелкого производства. Если интенсификация земледелия, дальнейшие затраты труда и капитала одинаково менее производительны и в крупном, и в мелком хозяйстве, то технический прогресс, увеличивающий производительность земледельческого труда, как и в индустрии, дает огромные и исключительные преимущества крупному хозяйству. Эти преимущества зависят почти исключительно от технических условий». Путааете, любезнейший: преимущества крупного производства в коммерческом отношении имеют важное значение (см. ниже).

«Напротив, культура земли, обыкновенно, одинаково может применяться и в крупном, и в мелком хозяйстве». Культура земли «может» применяться.

Глубокомысленный Маслов знает, очевидно, такое хозяйство, в котором может не применяться культура земли... «Например, смена трехполья многопольем, увеличение количества удобрения, углубление вспашки и проч. одинаково применимы и в крупном, и в мелком хозяйстве и одинаково влияют на производительность труда. Но, например, введение жнейки увеличивает производительность труда только в более крупных хозяйствах, потому что мелкие полосы хлеба с большим удобством можно сжать или скосить»...

Да, Маслову, несомненно, «первому» удалось внести такую бесконечную путаницу в вопрос! Подумайте только: паровой плуг (углубление вспашки),—это—«культура земли», жнейка, это—«техника». Выходит, по учению нашего несравненного Маслова, что паровой плуг—не техника. Выходит, что жнейка не есть дальнейшая затрата труда и капитала. Искусственные удобрения, паровой плуг, травосеяние, это—«интенсификация». Жнейка и вообще «большая часть с.-х. машин», это—«технический прогресс». Придумать такую глупость «пришлось» Маслову потому, что надо же как-нибудь вывертываться с «законом убывающего плодородия», опровергаемым техническим прогрессом. Булгаков вывертывался тем, что говорил: технический прогресс—временное, застой—постоянное. Маслов вывертывается тем, что придумывает забавнейшее деление технического прогресса в земледелии на «интенсификацию» и «технику».

Что такое интенсификация? Дальнейшая затрата труда и капитала. Жнейка, по открытию великого Маслова, не есть затрата капитала. Рядовая сеялка не есть затрата капитала! «Смена трехполья многопольем» одинаково применима и в крупном и в мелком хозяйстве? Неправда. Введение многополья тоже требует добавочных затрат капитала и применимо оно гораздо больше в крупном хозяйстве. Смотри об этом, между прочим, выше в данных о немецком земледелии («Аграрный вопрос и критики Маркса»). И русские данные свидетельствуют о том же. И самое простое размышление покажет вам, что не может быть иначе, не может быть одинаково применимо многополье в мелком и крупном хозяйстве. Не может быть «одинаково применимо» увеличение количества удобрения, ибо крупное хозяйство 1) имеет больше крупного скота, наиболее важного в этом отношении, 2) лучше кормит скот и не так «бережет» солому и пр., 3) имеет лучшие приспособления для хранения удобрения, 4) больше употребляет искусственных удобрений. Маслов поистине «беспардонно» извращает

общеизвестные данные о современном земледелии. Наконец, не может быть одинаково применимо в мелком и крупном хозяйстве и углубление вспашки. Достаточно указать на два факта: во-первых, в крупном хозяйстве растет употребление парового плуга (см. выше данные о Германии; теперь, вероятно, и электрического плуга). Может быть, и Маслов сообразит, что он не «одинаково» применим в крупном и мелком хозяйстве. В этом последнем развивается употребление коров в качестве упряжного скота. Подумайте-ка, великий Маслов, может это означать одинаковую применимость углубления вспашки? Во-вторых, даже при употреблении крупным и мелким хозяйством одинаковых видов рабочего скота последний слабосильнее в мелком хозяйстве, и потому не может быть равенства условий в глубине вспашки.

Одним словом, трудно найти фразу Маслова, заключающую в себе потуги «теоретического» мышления, чтобы не встретить неисчерпаемой массы самой невероятной путаницы и самого удивительного невежества. Но Маслов, не смущаясь, заключает:

«Кто выяснил себе различие указанных двух сторон развития сельского хозяйства (улучшение культуры и улучшение техники), тот легко опрокинет всю аргументацию ревизионизма, а у нас народничества» («Образование», 1907, № 2, стр. 125).

Так. Так. Маслов только потому не народник и не ревизионист, что он сумел возвыситься над черновыми набросками Маркса до «выяснения» себе обветшалых предрассудков обветшавшей буржуазной экономии. Старая погудка на новый лад! Маркс против Маркса,—воскликали Бернштейн и Струве. Нельзя опрокинуть ревизионизма, не опрокинув Маркса,—вещает Маслов.

В заключение—характерная мелочь. Если неправ Маркс, создавший теорию абсолютной ренты, если рента не может быть без «закона убывающего плодородия», если могли бы быть правы народники и ревизионисты в случае несуществования этого закона, то, казалось бы, в «теории» Маслова его «исправления» марксизма должны занимать краеугольное место. Да они таковое и занимают. Но Маслов предпочитает их все же прятать. Недавно вышел немецкий перевод его книги «Аграрный вопрос в России». Я заинтересовался посмотреть, в каком виде преподносит Маслов европейским социал-демократам свои невероятные теоретические пошлости. Оказалось, ни в каком. Перед европейцами Маслов спрятал в карман «всю» свою теорию. Он выкинул все, относящееся к отрицанию абсолютной ренты, закона убывающего плодородия и т. д. Мне невольно вспомнился по этому поводу рассказ об одном незнакомце, который впервые присутствовал

на собеседовании античных философов и все время молчал при этом. Если ты умен,—сказал этому незнакомцу один из философов,—то ты поступаешь глупо. Если ты глуп, то ты поступаешь умно.

4. Связано ли отрицание абсолютной ренты с программой муниципализации?

Как ни полон Маслов сознания важности своих замечательных открытий в области теории политической экономии, тем не менее он, видимо, несколько сомневается насчет того, существует ли такая связь. По крайней мере, в цитированной статье («Образование», № 2, стр. 120) он отрицает связь муниципализации с «фактом» убывающего плодородия. Получается нечто странное: «закон убывающего плодородия» связан с отрицанием абсолютной ренты, связан и с борьбой против народничества, но не связан, будто бы, с масловской аграрной программой! Но в неверности этого мнения об отсутствии связи между общей аграрной теорией и русской аграрной программой Маслова легко убедиться и прямым путем.

Отрицание абсолютной ренты есть отрицание экономического значения частной поземельной собственности при капитализме. Кто признает существование только дифференциальной ренты, тот неизбежно приходит к выводу, что условия капиталистического хозяйства и капиталистического развития совершенно не изменяются в зависимости от того, будет ли земля собственностью государства или собственностью частных лиц. В обоих случаях, с точки зрения теории, отрицающей абсолютную ренту, имеется только одна дифференциальная рента. Понятно, что подобная теория должна вести к отрицанию всякого значения национализации, как меры, влияющей на развитие капитализма в смысле его ускорения, в смысле расчистки пути для него и т. д. Ибо такой взгляд на национализацию вытекает из признания двух видов ренты — капиталистического, т.-е. неустранимого при капитализме хотя бы на национализированной земле (дифференциальная рента), и некапиталистического, связанного с монополией, ненужной для капитализма, мешающей полному развитию капитализма (абсолютная рента).

Поэтому Маслов неизбежно пришел, исходя из своей «теории», к тому выводу, что «все равно, назвать ли ее (земельную ренту) абсолютной или дифференциальной» («Образование», № 3, стр. 103), что вопрос только в том, местным ли учреждениям или центральной власти передать эту ренту. Но такой взгляд—результат теоретического невежества. Совершенно независимо от вопроса о том, в чьи руки передана

будет рента и в каких политических целях ею будут пользоваться, имеется еще несравненно более глубокий вопрос об изменениях в общих условиях капиталистического хозяйства и капиталистического развития, вызываемых уничтожением частной собственности на землю.

Этот чисто-экономический вопрос совсем и не поставлен Масло-вым, не признан им и не мог быть признан при отрицании абсолютной ренты. Отсюда уродливо-одностороннее, «политиканское», мог бы я сказать, сведение вопроса о конфискации помещичьей земли исключительно к тому, кто возьмет ренту. Отсюда уродливый дуализм в программе, рассчитанной на «победоносное развитие революции» (выражение тактической резолюции ⁸⁰), прибавленной на Стокгольмском съезде к масловской программе). Победоносное развитие буржуазной революции предполагает прежде всего основные экономические преобразования, сметающие, действительно, все и всякие остатки феодализма и средневековых монополий. Между тем, в муниципализации мы видим настоящий аграрный биметаллизм: сочетание самой старой, устаревшей и изжившей себя, средневековой, наделной собственности с отсутствием частной собственности на землю, т.-е. с самым передовым, теоретически-идеальным устройством земельных отношений в капиталистическом обществе. Этот аграрный биметаллизм есть теоретически абсурд, нечто невозможное с чисто-экономической точки зрения. Соединение частной собственности на землю с общественной собственностью тут чисто-механическое, «выдуманное» человеком, который не видит никакой разницы в самом укладе капиталистического хозяйства при частной собственности на землю и без частной собственности. Для такого «теоретика» вопрос исключительно в том, как растасовать ренту, «все равно, назвать ли ее абсолютной или дифференциальной».

На самом деле в капиталистической стране оставление половины земли (138 милл. дес. из 280) в частной собственности невозможно. Одно из двух. Или частная собственность на землю действительно требуется данной ступеню экономического развития, действительно соответствует коренным интересам класса капиталистических хозяев на земле. Тогда неизбежна частная собственность на землю везде и повсюду, как основа буржуазного общества, сложившегося по такому-то типу.

Или частная собственность на землю необязательна на данной ступени капиталистического развития, не вытекает с неизбежностью из интересов фермерского класса, противоречит даже этим интересам,—тогда невозможно сохранение этой собственности в ее устарелом виде.

Сохранение монополии на одной половине культурной земельной площади, создание привилегии для одного разряда мелких хозяйств, увековечение в свободно-капиталистическом обществе «черты оседлости», разделяющей собственников и арендаторов общественной земли, есть нелепость, неразрывно связанная с нелепостью экономической теории Маслова.

И мы должны перейти теперь к рассмотрению экономического значения национализации, отодвинутого на задний план Масловым и его сторонниками *).

5. Критика частной собственности на землю с точки зрения развития капитализма.

Ошибочное отрицание абсолютной ренты, этой формы реализации частной поземельной собственности в капиталистических доходах, привело к одному важному недостатку с.-д. литературы и всей с.-д. позиции по аграрному вопросу в русской революции. Вместо того, чтобы взять в свои руки критику частной собственности на землю, вместо того, чтобы поставить эту критику на основу экономического анализа, анализа определенной экономической эволюции,—наши с.-д., идя за Масловым, отдали эту критику в руки народников. Получилось суғубое теоретическое оплошление марксизма и извращение его пропагандистских задач в революции. Критика частной собственности на землю в думских речах, в пропагандистской и агитационной литературе и т. д. велась только с народнической, т.-е. мещанской, quasi-социалистической точки зрения. Выделить реальное ядро из этой мелко-буржуазной идеологии марксисты не умели, не поняв своей задачи внести исторический элемент в рассмотрение вопроса и точку зрения мелких буржуа (отвлеченная идея уравнительности, справедливости и т. п.) заменить точкой зрения пролетариата на истинные корни борьбы против частной собственности на землю в развивающемся капиталистическом обществе. Народник думает, что отрицание частной собственности на землю есть отрицание капитализма. Это неверно. Отрицание частной собственности на землю есть выражение требований самого чистого капиталистического развития. И нам приходится оживлять в сознании марксистов «забытые слова» Маркса, критиковавшего частную поземельную собственность с точки зрения условий капиталистического хозяйства.

* В число этих сторонников попал в Стокгольме и Плеханов. Ирония истории сделала то, что этот якобы строгий хранитель ортодоксий не заметил или не пожелал заметить искажения экономической теории Маркса Масловым.

Такую критику Маркс направлял не только против крупного, но и против мелкого землевладения. Свободная собственность мелкого крестьянина на землю есть необходимый спутник мелкого производства в земледелии при известных исторических условиях. А. Финн был вполне прав против Маслова, подчеркивая это. Но такое признание исторической необходимости, доказываемой опытом, не исключает обязанности марксиста оцепить всесторонне мелкую поземельную собственность. Действительная свобода такой собственности немыслима без свободы купли-продажи земли. Частная собственность на землю означает необходимость затраты капитала на покупку земли. По этому поводу Маркс писал в III томе «Капитала»: «Один из специфических недостатков мелкого земледелия там, где оно связано с свободной собственностью на землю, проистекает из того, что обрабатывающий землю вкладывает капитал на покупку земли» (III, 2, 342). «Затрата капитала на покупку земли отнимает этот капитал от культуры» (ib., 341).

«Затрата денежного капитала на покупку земли вовсе не представляет из себя затрату земледельческого капитала. Напротив, она означает соответственное уменьшение того капитала, которым могут располагать в своей сфере производства мелкие крестьяне. Она уменьшает соответствующим образом размер их средств производства и поэтому суживает экономическую базу воспроизводства. Она подчиняет мелкого крестьянина ростовщичеству, так как в этой области вообще реже встречаются настоящие кредитные отношения. Она представляет из себя помеху агрикультуре также и в том случае, когда происходит покупка крупных помещичьих хозяйств. Она на самом деле противоречит капиталистическому способу производства, для которого в целом безразлична задолженность землевладельца, все равно, унаследовал ли он свой участок земли или купил его» (344—345).

Таким образом и залог земли, и ростовщичество являются, так сказать, формами обхода капиталом тех затруднений, которые создает частная поземельная собственность свободному проникновению капитала в земледелие. Без капитала нельзя вести хозяйство в обществе товарного производства. Этого не может не сознавать и крестьянин, и его идеолог-народник. Значит, вопрос сводится к тому, может ли капитал вполне свободно обращаться на земледелие прямым и непосредственным образом или через посредство ростовщика и кредитного учреждения. Мысль крестьянина и народника, которые частью не признают полного господства капитала в современном обществе, частью надевают себе на глаза шапку иллюзий и мечтаний, чтобы не видеть неприятной действительности,—эта мысль направляется к денежной

помощи извне. «Лицам, получившим землю из общенародного фонда,— гласит § 15 земельного проекта 104-х,—и не имеющим достаточных средств для обзаведения всем необходимым для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счет государства в форме ссуд и пособий». Конечно, не подлежит сомнению, что такая денежная помощь была бы необходима при реорганизации русского земледелия победоносной крестьянской революцией. Каутский в своей работе «Аграрный вопрос в России» вполне справедливо подчеркивает это. Но речь идет у нас сейчас о том, каково незамечаемое народником общественно-экономическое значение всех этих «дешевых ссуд и пособий». Государство может быть только посредником при передаче денег от капиталистов, по самому ему взять деньги можно только у капиталистов. Следовательно, при самой лучшей, какая только возможна, организации государственной помощи господство капитала нисколько не устраняется, и вопрос остается тот же, каковы возможные формы применения капитала к земледелию.

А этот вопрос приводит неизбежно к марксистской критике частной собственности на землю. Эта собственность есть помеха свободному приложению капитала к земле. Либо полная свобода этого приложения,—и тогда отмена частной собственности на землю, т.е. национализация земли. Либо сохранение частной поземельной собственности,—и тогда обходные формы проникновения капитала: залог земли помещиком и крестьянином, порабощение крестьянина ростовщиком, сдача земли владеющему капиталом арендатору.

«При мелком земледелии,—говорит Маркс,—цена земли, эта форма частной собственности на землю и результат такой собственности, выступает сама как ограничение производства. При крупном земледелии и при крупной поземельной собственности, основывающейся на капиталистическом способе хозяйства, собственность тоже является ограничением, так как она стесняет фермера в производительных затратах капитала, приносящих выгоду в последнем счете не ему, а землевладельцу» («Das Kapital», III Band, 2 Teil, S. 345—347).

Следовательно, отмена частной собственности на землю есть максимальное, какое только возможно в буржуазном обществе, устранение всех и всяческих загородок, мешающих свободному применению капитала к земледелию и свободному переходу капитала из одной отрасли производства в другую. Свобода, широта и быстрота развития капитализма, полная свобода классовой борьбы, отпадение всяких лишних посредников, делающих земледелие похожим на «потогонную» промышленность,—вот что такое национализация земли при капиталистическом производстве.

6. Национализация земли и „денежная“ рента.

С интересным экономическим доводом против национализации выступил сторонник раздела А. Финн. И национализация и муниципализация,—говорит он,—есть передача ренты известному общественному коллективу. Но спрашивается, о какой ренте идет здесь речь. Не о капиталистической, ибо «крестьяне обычно со своей земли ренты в капиталистическом смысле не получают» («Аграрный вопрос и социал-демократия», стр. 77, ср. 63 стр.), а о докапиталистической денежной ренте.

Под денежной рентой Маркс понимает выплату крестьянином помещику всего прибавочного продукта в денежной форме. Первоначальной формой экономической зависимости крестьянина от помещика является при докапиталистических способах производства отработочная рента (Arbeitsrente), т.-е. барщина, затем рента продуктами или натуральная рента и, наконец, денежная рента. Эта рента,—говорит А. Финн,—«является наиболее распространенной у нас и теперь» (стр. 63).

Несомненно, что крепостнически-кабальная аренда чрезвычайно широко распространена у нас и что, по теории Маркса, плата крестьян при такой аренде является в значительной своей части денежной рентой. Какая сила дает возможность выжимать из крестьян такую ренту? Сила ли буржуазии и развивающегося капитализма? Совсем нет. Сила крепостнических латифундий. Поскольку последние будут разбиты,—а это исходный пункт и основное условие крестьянской аграрной революции,—постольку говорить о «денежной ренте» в докапиталистическом смысле не приходится. Возражение Финна имеет, след., только то значение, что еще раз подчеркивает нелепость отделения крестьянских наделных земель от остальных земель при революционном аграрном перевороте: так как наделные земли нередко бывают окружены помещичьими, так как из теперешних условий размежевки крестьянских и помещичьих земель вытекает кабала, то сохранение этого размежевания реакционно. А муниципализация сохраняет его в отличие и от раздела и от национализации.

Существование мелкой поземельной собственности или, вернее, мелкого хозяйства вносит, конечно, известные изменения в общие положения теории о капиталистической ренте, но не уничтожает этой теории. Маркс указывает, например, что абсолютная рента, как таковая, обычно не существует при мелком земледелии, работающем главным образом на удовлетворение потребностей самого земледельца (III, 2, 339, 344). Но чем дальше развивается товарное хозяйство, тем

больше становятся применимыми все положения экономической теории и к крестьянскому хозяйству, раз оно встало в условия капиталистического мира. Не надо забывать, что никакая национализация земли, никакая уравнительность землепользования не уничтожат того, вполне сложившегося в России, явления, что зажиточное крестьянство уже хозяйничает капиталистически. Я показал в «Развитии капитализма», что, по данным 80-х и 90-х годов прошлого века, около $\frac{1}{5}$ крестьянских дворов сосредоточивают в своих руках до половины крестьянского земледельческого производства и гораздо большую долю аренды, что хозяйство таких крестьян теперь уже более товарное, чем натуральное, что, наконец, это крестьянство не может существовать без миллионного контингента батраков и поденщиков *). В этом крестьянстве элементы капиталистической ренты даны уже наперед. Это крестьянство выражает свои интересы устами господ Пешехоновых, «трезво» отвергающих и запрещение наемного труда и «социализацию земли», трезво отстаивающих точку зрения пробивающего себе дорогу хозяйственного индивидуализма крестьянина. Если мы будем строго отделять в утопиях народников реальный экономический момент от фальшивой идеологии, то мы увидим сразу, что от уничтожения крепостнических латифундий — и при разделе, и при национализации, и при муниципализации — всего более выиграет именно буржуазное крестьянство. «Суды и пособия» от государства равным образом не могут не пойти на пользу ему же прежде всего. «Крестьянская аграрная революция» есть не что иное, как подчинение всего землевладения условиям прогресса и процветания именно этих фермерских хозяйств.

Денежная рента, это — отмирающее вчера, которое не может не отмирать. Капиталистическая рента, это — нарождающееся завтра, которое не может не развиваться и при столыпинской экспроприации беднейших крестьян («по 87 статье») и при крестьянской экспроприации богатейших помещиков.

7. При каких условиях может осуществиться национализация?

Среди марксистов часто встречается тот взгляд, что национализация осуществима лишь на высокой ступени развития капитализма, когда он уже вполне подготовит условия «отделения землевладельцев от земледелия» (через посредство аренды и ипотеки). Предполагают,

*) См. § XIII, гл. II «Развития капитализма в России» в III томе Собр. соч. Н. Ленина: *Ред.*

что крупное капиталистическое земледелие должно уже сложиться, прежде чем будет осуществима национализация земли, отсекающая ренту и не затрагивающая хозяйственного организма *).

Правилен ли такой взгляд? Теоретически он не может быть обоснован, прямыми ссылками на Маркса не может быть поддержан; данные опыта скорее говорят против него.

Теоретически национализация представляет из себя «идеально» чистое развитие капитализма в земледелии. Другое дело—вопрос о том, часто ли осуществимы в истории такие сочетания условий и такое соотношение сил, которые допускают национализацию в капиталистическом обществе. Но она является не только следствием, а также и условием быстрого развития капитализма. Думать, что национализация возможна только при очень высоком развитии капитализма в земледелии—значит, пожалуй, отрицать национализацию, как меру буржуазного прогресса, ибо высокое развитие земледельческого капитализма везде поставило уже на очередь (и поставит неизбежно в свое время в новых странах) социализацию земледельческого производства, социалистический переворот. Мера буржуазного прогресса, как буржуазная мера, немыслима при сильном обострении классовой борьбы пролетариата и буржуазии. Такая мера правдоподобна скорее в «молодом» буржуазном обществе, еще не развившем свои силы, еще не развернувшем свои противоречия до конца, еще не создавшем такого сильного пролетариата, который стремится непосредственно к социалистическому перевороту. И Маркс допускал, а частью прямо защищал, национализацию не только в эпоху буржуазной революции, в Германии в 1848 г., но в 1846 г. для Америки, относительно которой он тогда же с полной точностью указывал, что она лишь начинает «индустриальное» развитие. Опыт различных капиталистических стран не показывает нам национализации земли в сколько-нибудь чистом виде. Нечто аналогичное мы видим в Новой Зеландии, молодой капиталистической демократии, где нет и речи о высоком развитии земледельческого капитализма. Нечто аналогичное было и в Америке, когда государство издавало закон о гомстедах и раздавало за номинальную ренту участки земли мелким хозяевам.

Нет. Относить национализацию к эпохе высоко-развитого капитализма—значит отрицать ее, как меру буржуазного прогресса. А та-

*) Вот одно из самых точных выражений этого взгляда тов. Борисовым, сторонником раздела: «Впоследствии оно (требование национализации земли) будет поставлено историей, поставлено тогда, когда деградирует мелко-буржуазное хозяйство, капитализм в земледелии завоюет прочные позиции и Россия уже не будет крестьянской страной» (стр. 126 «Протоколов Стокг. съезда»)

кое отрицание прямо противоречит экономической теории. Мне думается, что в следующем рассуждении в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс отметил иные условия осуществления национализации, чем это обыкновенно думают.

Показав, что землевладелец—совершенно излишняя фигура для капиталистического производства, что цель этого последнего «вполне достигается», если земля принадлежит государству, Маркс продолжает:

«Поэтому радикальный буржуа теоретически приходит к отрицанию частной собственности на землю... Однако на практике у него нехватает храбрости, так как нападение на одну форму собственности, форму частной собственности на условия труда, было бы очень опасно и для другой формы. Кроме того, буржуа сам себя территориализировал» («Theorien über den Mehrwerth», II Band, 1 Teil, S. 208).

Маркс не указывает здесь, как препятствие осуществлению национализации, неразвитость капитализма в земледелии. Он указывает два других препятствия, гораздо более говорящих в пользу мысли об осуществимости национализации в эпоху буржуазной революции.

Первое препятствие: у радикального буржуа нехватает храбрости напасть на частную поземельную собственность ввиду опасности социалистического нападения на всякую частную собственность, т.-е. социалистического переворота.

Второе препятствие: «буржуа сам себя территориализировал», Маркс имеет в виду, очевидно, что именно буржуазный способ производства укрепил себя уже в частной собственности на землю, т.-е. что эта частная собственность стала гораздо более буржуазной, чем феодальной. Когда буржуазия, как класс, в широких преобладающих размерах уже связала себя с землевладением уже «сама себя территориализировала», «осела на землю», вполне подчинила себе землевладение, тогда настоящего общественного движения буржуазии в пользу национализации быть не может. Не может по той простой причине, что ни один класс не пойдет против себя.

Оба эти препятствия, вообще говоря, устранимы только в эпоху начинающегося, а не кончающегося капитализма, в эпоху буржуазной революции, а не накануне социалистической. Мнение об осуществимости национализации только при высоко-развитом капитализме не может быть названо марксистским. Оно противоречит и общим посылкам теории Маркса и приведенным словам его. Оно упрощает вопрос об исторически-конкретной обстановке национализации, как меры, проводимой такими-то силами и классами, до схематической и голой абстракции.

«Радикальный буржуа» не может быть храбр в эпоху сильно развитого капитализма. В такую эпоху этот буржуа неизбежно уже контрреволюционен в массе своей. В такую эпоху неизбежна уже почти полная «территориализация» буржуазии. Наоборот, в эпоху буржуазной революции объективные условия заставляют «радикального буржуа» быть храбрым, ибо он, решая историческую задачу данного времени, не может еще, как класс, бояться пролетарской революции. В эпоху буржуазной революции буржуазия еще не территориализировала себя: землевладение слишком еще пропитано феодализмом в такую эпоху. Становится возможным то явление, чтобы масса буржуазных земледельцев, фермеров, боролась против главных форм землевладения, а потому приходила к практическому осуществлению полного буржуазного «освобождения земли», т.-е. национализации.

Во всех этих отношениях русская буржуазная революция находится в особо благоприятных условиях. Рассуждая с чисто-экономической точки зрения, мы безусловно должны признать максимум остатков феодализма в русском землевладении, и помещичьем и крестьянском надельном. При таких условиях противоречие между сравнительно развитым капитализмом в промышленности и чудовищной отсталостью деревни становится вопиющим и толкает, в силу объективных причин, к наибольшей глубине буржуазной революции, к созданию условий наибоыстрейшего агрикультурного прогресса. Национализация земли есть именно условие наибоыстрейшего капиталистического прогресса в нашем земледелии. У нас в России есть такой «радикальный буржуа», который себя еще не «территориализировал», который не может бояться в данное время пролетарского «нападения». Этот радикальный буржуа—русский крестьянин.

С указанной точки зрения вполне понятным становится различное отношение к национализации земли массы русских либеральных буржуа и массы русских крестьян. Либеральный помещик, адвокат, крупный промышленник, купец—все они вполне достаточно «территориализировали» себя. Они не могут не бояться пролетарского нападения. Они не могут не предпочитать столыпинско-кадетского пути. Подумайте только, какая золотая река течет теперь помещикам, чиновникам, адвокатам, купцам в виде миллионов, раздаваемых «крестьянским» банком перепуганным помещикам! При кадетском «выкупе» эта золотая река была бы чуточку иначе направлена, может быть, чуточку менее обильна, но все же и она состояла бы из сотен миллионов, текла бы в те же руки.

От революционного ниспровержения всех старых форм землевладения может не перепасть ни копейки ни чиновнику, ни адвокату.

А купец—в массе своей—не может смотреть так далеко, чтобы предпочесть будущее расширение внутреннего рынка мужиков немедленной возможности урвать у барина. Только крестьянин, вколачиваемый в гроб старой Россией, способен добиваться полного обновления землевладения.

8. Национализация—переход к разделу.

Если смотреть на национализацию, как на меру, всего более осуществимую в эпоху буржуазной революции, то такой взгляд неминуемо ведет к допущению того, что национализация может оказаться простым переходом к разделу. Реальной экономической потребностью, которая заставляет массу крестьянства добиваться национализации, является необходимость коренным образом обновить все старые отношения землевладения, «очистить» все земли, приспособить их запоем для нового, фермерского хозяйства. Раз это так, то ясно, что приспособившиеся фермеры, обновившие все землевладение, могут потребовать закрепления этих новых земельных распоряжений, т.-е. превращения арендованных ими у государства участков в собственность.

Да, это совершенно неоспоримо. Мы выводим национализацию не из отвлеченных соображений, а из конкретного учета конкретных интересов конкретной эпохи. И, разумеется, смешно было бы считать «идеалистами» массу мелких хозяев, смешно было бы думать, что они останутся перед разделом, раз этого потребуют их интересы. Мы должны, следовательно, рассмотреть: 1) могут ли потребовать раздела их интересы, 2) при каких условиях и 3) как это должно отразиться на пролетарской аграрной программе.

На первый вопрос мы уже дали утвердительный ответ. На второй нельзя в настоящее время отвечать с определенностью. Раздел может вызываться, после периода революционной национализации, стремлением упрочить в максимально возможной степени новые, соответствующие требованиям капитализма, отношения землевладения. Он может вызываться стремлением данных владельцев земли увеличить свои доходы на счет остального общества. Наконец, он может вызываться стремлением «успокоить» (или, проще говоря, придушить) пролетариат и полупролетарские слои, для которых национализация земли будет элементом, «разжигającym аппетиты» к социализации всего общественного производства. Все эти три возможности сводятся к одной экономической основе, ибо из укрепления нового капиталистического землевладения новых фермеров само собой вытекает и про-

тивнопролетарское настроение и стремление создать для себя новую привилегию в виде права собственности. Значит, вопрос сводится именно к этому хозяйственному упрочению. Постоянным противодействием ему будет развитие капитализма, усиливающее превосходство крупного земледелия и требующее постоянной легкости «консолидации» мелких фермерских участков в крупные. Временным противодействием будет колонизационный фонд России: упрочить новое хозяйство — значит поднять земледельческую технику. А мы уже показали, что каждый шаг вперед земледельческой техники «открывает» для России новые и новые площади из ее колонизационного фонда.

В итоге разбора второго, поставленного нами, вопроса приходится сделать вывод: предсказать с точностью условия, когда требование раздела повыми фермерами пересилит все противодействующие влияния, нельзя. Считаться с тем, что дальнейшее капиталистическое развитие неминуемо создаст после буржуазной революции такие условия, необходимо.

Зато на последний вопрос, об отношении рабочей партии к возможному требованию раздела повыми фермерами, можно дать вполне определенный ответ. Пролетариат может и обязан поддерживать буржуазию воишествующую, когда она ведет действительно революционную борьбу с феодализмом. Но не дело пролетариата—поддерживать буржуазию успокаивающуюся. Если несомненно, что победоносная буржуазная революция в России невозможна без национализации земли, то еще более несомненно, что последующий поворот к разделу невозможен без некоторой «реставрации», без поворота крестьянства (вернее, с точки зрения предполагаемых отношений, фермерства) на сторону контр-революции. Пролетариат будет отстаивать революционную традицию против всех таких стремлений, а не помогать им.

Было бы во всяком случае глубоко ошибочно думать, что национализация в том случае, если новое фермерство повернет к разделу, останется мимолетным, не имеющим серьезного значения, явлением. Она имела бы во всяком случае гигантское значение, и материальное и моральное. Материальное—в том отношении, что ничто не в состоянии так полно смести остатки средневековья в России, так полно обновить полусгнившую в азиатские деревню, так быстро двинуть вперед агрикультурный прогресс, как национализация. Всякое иное решение аграрного вопроса в революции создает менее благоприятные исходные пункты для дальнейшего экономического развития.

Моральное значение национализации в революционную эпоху состоит в том, что пролетариат помогает нанести такой удар «одной форме частной собственности», отзвуки которого неизбежны во всем мире. Пролетариат отстаивает самый последовательный и самый решительный буржуазный переворот, самые благоприятные условия капиталистического развития, противодействуя таким образом с наибольшим успехом всякой половинчатости, дряблости, бесхарактерности, пассивности,—качествам, которые не может не проявлять буржуазия.

Г Л А В А IV.

Политические и тактические соображения в вопросах аграрной программы.

Именно этого рода соображения, как было уже указано выше, занимают непропорционально большое место в нашей партийной дискуссии об аграрной программе. Наша задача—рассмотреть такие соображения возможно более систематично и кратко, указывая соотношение разных политических мероприятий (и точек зрения) с экономическими основами аграрного переворота.

1. „Гарантия от реставрации“.

В «Докладе» о Стокгольмском съезде я разбирал этот довод, восстанавливая по памяти прения. Теперь перед нами есть точный текст Протоколов.

«Ключ моей позиции,—воскликнул Плеханов на Стокгольмском съезде,—заключается в указании на возможность реставрации» (113). Присмотримся же поближе к этому ключу. Вот первое указание на него в первой речи Плеханова:

«Ленин говорит: «мы обезвредим национализацию», но чтобы обезвредить национализацию, необходимо найти гарантию против реставрации; а такой гарантии нет и быть не может. Припомните историю Франции; припомните историю Англии; в каждой из этих стран за широким революционным размахом последовала реставрация. То же может быть и у нас; и наша программа должна быть такова, чтобы в случае своего осуществления довести до минимума вред, который может принести реставрация. Наша программа должна устранить экономическую основу царизма; национализация же земли в революционный период не устраняет этой основы. Поэтому я считаю требование национализации антиреволюционным требованием» (44). Какова эта «экономическая основа царизма», об этом Плеханов в той же

речи говорит: «У нас дело сложилось так, что земля вместе с земледельцами была закреплена государством, и на основании этого закрепления развился русский деспотизм. Чтобы разбить деспотизм, необходимо устранить его экономическую основу. Поэтому я против национализации теперь» (44).

Взгляните сначала на логику этого рассуждения о реставрации. Первое: «гарантии от реставрации нет и быть не может!» И на следующей 45 странице (та же речь) Плеханов окончательно придумывает гарантию: «В случае реставрации,—прямо говорит он,—она (муниципализация) не отдаст земли (слушайте!) в руки политических представителей старого порядка». Гарантия от реставрации найдена, хотя такой гарантии «быть не может». Фокус блестяще выполнен, и меньшевистская литература полна восторга по поводу ловкости этого фокусника.

Когда Плеханов говорит, он острит, шутит, шумит, трещит, вертится и блещит, как колесо в фэйрверке. Но беда, если такой оратор точно запишет свою речь и ее подвергнут потом логическому разбору.

Что такое реставрация? Переход государственной власти в руки политических представителей старого порядка. Может ли быть гарантия от такой реставрации? Нет, гарантии не может быть. Поэтому мы придумываем такую гарантию: муниципализацию, которая «не отдаст земли»... В чем же состоит, спросим далее, препятствие, воздвигаемое муниципализацией «отдаче земли»? Исключительно в законе, изданном революционным парламентом и объявляющем такие-то (бывшие помещичьи и проч.) земли собственностью областных сеймов. А что такое закон? Выражение воли классов, которые одержали победу и держат в своих руках государственную власть.

Понятно ли вам теперь, что подобный закон «не отдаст земли» «представителям старого порядка», когда к ним перейдет государственная власть?

И эту непроходимую глупость проповедывали после Стокгольма социал-демократы, преподнося ее даже с думской трибуны *).

По существу этого пресловутого вопроса о «гарантии от реставрации» приходится заметить следующее. Так как в наших руках гарантий от реставрации быть не может, то поднимать этот вопрос в связи с аграрной программой значило отводить в сторону внимание слушателей, засорять их мысль, запутывать дискуссию. Мы не в состоянии по своему желанию вызвать социалистический переворот на

*) Речь Церетели 26 мая 1907 г., стр. 1234 стеногр. отчетов Второй Думы.

Западе,—эту единственную абсолютную гарантию от реставрации в России. Относительной же и условной «гарантией», т.-е. возможно бóльшим затруднением реставрации, является возможно более глубокое, последовательное, решительное проведение революционного переворота в России. Чем дальше зайдет революция, тем труднее будет реставрация старого, тем больше останется даже в случае реставрации. Чем глубже будет взрыта старая почва революцией, тем труднее будет реставрация. В области политической более глубоким переворотом является демократическая республика, чем демократическое местное самоуправление, она предполагает (и она разворачивает) большую революционную энергию, сознательность, организованность больших масс народа, она оставляет традиции, искоренить которые гораздо труднее. Поэтому, напр., современные с.-д. ценят великие плоды французской революции, несмотря на все реставрации, отличаясь этим от кадетов (и кадетствующих с.-д.?), предпочитающих демократические земства при монархии, как «гарантию от реставрации».

В экономической области дальше всего идет при буржуазном аграрном перевороте национализация, ибо она ломает все средневековое землевладение. Крестьянин теперь хозяйничает на кусочке собственной наделной земли, на кусочке арендованной помещичьей земли и т. д. Национализация в максимальной степени позволяет все перегородки землевладения сломать и всю землю «расчистить» для нового хозяйства, соответствующего требованиям капитализма. Конечно, и при такой чистке нет гарантии от возвращения старого — обещать такую «гарантию от реставрации» народу значило бы шарлатанить. Но от такой чистки старого землевладения настолько упрощается новое хозяйство, что возврат к старому землевладению в максимальной степени затруднится, ибо развитие капитализма остановить нельзя никакими силами. При муниципализации же возврат к старому землевладению облегчается, ибо она увековечивает «черту оседлости», межу, отделяющую средневековое землевладение от нового, муниципализированного. После национализации реставрация должна разбить миллионы новых, капиталистических (фермерских) хозяйств, чтобы восстановить старое землевладение. После муниципализации реставрации не надо разбивать никаких хозяйств, не надо производить никакой повои размежевки,—достаточно в буквальном смысле подмахнуть бумажку, перечисляющую земли «муниципии» X в собственность благородных помещиков Y, Z и т. д., или передать помещикам ренту с «муниципализированных» земель.

Далее, от логической ошибки Плеханова в вопросе о реставрации, от путаницы политических понятий надо перейти к экономической

сущности реставрации. Протоколы Стокгольмского съезда вполне подтвердили сказанное мной в «Докладе», что Плеханов непозволительно смешивает французскую реставрацию на основе капитализма с реставрацией «нашего старого полуазиатского порядка» (стр. 116 «Прот. Стокгольмского съезда»). Поэтому мне нет надобности добавлять что-либо по этому вопросу к сказанному в «Докладе». Остановимся лишь на «устранении экономической основы деспотизма». Вот самое важное место из речи Плеханова, относящееся сюда:

«Реставрация» (во Франции) «не восстановила остатков феодализма, это верно, но то, что у нас соответствует этим остаткам, есть наше старое закрепощение земли и земледельца государству, паша старая своеобразная национализация земли. Нашей реставрации тем легче будет восстановить эту (sic!) национализацию, что вы сами требуете национализации земли, что вы оставляете неприкосновенным это наследие нашего старого полуазиатского порядка» (116).

Итак, реставрации «легче будет» восстановить эту, т.-е. полуазиатскую, национализацию, ибо Ленин (и крестьянство) теперь требует национализации! Что это? Историко-материалистический анализ, или чисто-рационалистическая «игра словами»*)? Слово ли «национализация» облегчает восстановление полуазиатских порядков или известные экономические изменения? Если бы Плеханов подумал над этим, то он увидал бы, что муниципализация и раздел уничтожают одну основу азиатчины—помещичье средневековое землевладение, но оставляют другую—надельное средневековое землевладение. Следовательно, по существу дела, по экономическому существу переворота (а не по обозначению его тем или иным термином) именно национализация устраняет экономические основы азиатчины гораздо радикальнее. «Фокус» Плеханова состоит в том, что он назвал «своеобразной национализацией» средневековое, зависимое, тягловое, служилое землевладение, перепрыгнув через два вида этого землевладения: надельное и помещичье. Благодаря этому передергиванию слов, оказался смятым реальный исторический вопрос: какие виды средневекового землевладения уничтожает та или иная аграрная мера. Незамысловаты же приемы плехановского фейерверка!

Действительное объяснение всей этой, почти невероятной, путаницы Плеханова в вопросе о реставрации заключается в двух обстоятельствах. Во-первых, Плеханов, говоря о «крестьянской аграрной революции», совершенно не выяснил себе ее своеобразия как капиталистической эволюции. Он смешивает народничество, учение о воз-

*) Т. Шмидт в Стокгольме, стр. 122 «Протоколов».

возможности некапиталистической эволюции, с марксистским взглядом на возможность двух видов капиталистической аграрной эволюции. У Плеханова все время сквозит смутная «боязнь крестьянской революции» (как я уже в Стокгольме сказал ему, стр. 106—107), боязнь того, не может ли она оказаться экономически реакционной, ведущей не к американскому фермерству, а к средневековому закрепощению. На самом деле это экономически невозможно. Доказательство—крестьянская реформа и ход эволюции после нее. В крестьянской реформе оболочка феодализма (и помещичьего феодализма и «государственного феодализма», о котором вслед за Плехановым говорил в Стокгольме Мартынов) очень сильна. Но экономическая эволюция оказалась сильнее и наполнила эту феодальную оболочку капиталистическим содержанием. Несмотря на помеху средневекового землевладения, и крестьянское и помещичье хозяйства развивались, хотя и вероятно медленно, по буржуазному пути. Землевладение государственных крестьян (до 80-х годов) или бывших государственных (после 80-х годов) должно было бы, если бы реальна была плехановская боязнь возврата к азиатчине, оказаться самым чистым типом «государственного феодализма». На деле оно оказалось более свободным, чем помещичье, ибо феодальная эксплуатация уже была невозможна во 2-й половине XIX века. Среди «многоземельных» *) государственных крестьян меньше царила кабала и быстрее развивалась крестьянская буржуазия. В России возможна теперь либо медленная и мучительная буржуазная эволюция по прусскому, юнкерскому типу, либо быстрая и свободная—по американскому. Все остальное—призраки.

Вторая причина, обусловившая «реставрационную кашу» в голове у некоторых товарищей,—неопределенность положения весной 1906 года. Крестьянство, как масса, еще не окончательно показало себя. Еще можно было принимать и крестьянское движение и Крестьянский Союз не окончательным показателем действительных стремлений подавляющего большинства крестьян. Самодержавная бюрократия и Витте еще не потеряли окончательно надежды на то, что «серячок выручит» (классическая фраза виттевского органа «Русское Государство» весной 1906 года), т.-е., что крестьянин встанет направо. Отсюда—такое сильное представительство крестьянства по закону 11 дек. 1905 г.⁸¹). Какая-нибудь авантюра самодержавия на почве крестьянской идеи: «лучше вся земля царская, только не барская», ка-

*) «Многоземельными» наши б. государственные крестьяне являются, разумеется, лишь по сравнению с б. помещичьими. Первые имеют по статистике 1905 года в среднем по 12,5 десятины наделной земли на двор, вторые — по 6,7 дес.

залась еще тогда многим из с.-д. возможной. Но две Думы, закон 3 июня 1907 г.⁸²) и аграрное законодательство Столыпина должны были всем раскрыть глаза. Самодержавию пришлось, чтобы спасти, что можно, встать на путь насильственного разрушения общины в пользу частной собственности на землю, т.-е. базировать контр-революцию не на смутных крестьянских речах о национализации (земля—мирская» и т. п.), а на единственной возможной экономической основе капиталистической эволюции по прусскому образцу.

Теперь положение вполне выяснилось, и смутную боязнь «азиатской» реставрации на почве крестьянского движения против частной собственности на землю пора сдать в архив *).

2. Местное самоуправление, как „оплот против реакции“.

«В органах общественного самоуправления, владеющих землей,—говорил Плеханов в Стокгольме,—она (муниципализация) создаст оплот против реакции. И это будет очень сильный оплот. Возьмите наших казаков» (45)... Мы сейчас «возьмем наших казаков» и посмотрим, какое значение имеет ссылка на них. Но сначала разберем общие основы этого взгляда, будто местное самоуправление способно быть оплотом против реакции. Взгляд этот бесчисленное количество раз приводился нашими муниципалистами и, кроме формулировки Плеханова, достаточно будет еще одной цитаты из речи Джопа: «к чему сводится разница между национализацией и муниципализацией земли, если мы признаем, что то и другое осуществимо и одинаково связано с демократизацией политического строя. Разница сводится к тому, что муниципализация лучше закрепит завоевания революции, демократический строй, и послужит основой его дальнейшего развития, между тем как национализация упрочит лишь государственную власть» (112).

Поистине меньшевики отрицают возможность гарантий от реставрации и затем пекут на глазах у публики «гарантии» и «оплоты», как фокусники, глотающие шпаги. Каким образом местное самоуправление может быть оплотом против реакции или закрепить завоевания революции, подумайте хоть смелого, господ! Оплотом против реакции и закреплением завоеваний может быть только одно: сознательность и организованность масс пролетариата и крестьянства. А эта организованность в капиталистическом государстве, ко-

* Я не говорю здесь о том, что запугивание реставрацией есть политическое оружие буржуазии против пролетариата, ибо все необходимое на эту тему сказано уже в «Докладе».

торое централизовано не по произволу бюрократии, а в силу непроборимых требований экономического развития, должна быть сплочением в единую по всему государству силу. Без централизованного крестьянского движения, без централизованной политической борьбы крестьянства во всем государстве, идущего вслед за централизованным пролетариатом, не может быть никаких серьезных «завоеваний революции», которые стоило бы «закреплять», не может быть никакого «оплота против реакции».

Местное самоуправление, действительно сколько-нибудь демократическое, невозможно без полного свержения помещичьей власти и уничтожения помещичьего землевладения; признавая это на словах, меньшевики с поразительным легкомыслием отказываются поразмыслить, что это значит на деле. На деле это не осуществимо без завоевания политической власти во всем государстве революционными классами, а два года революции должны бы, казалось, даже самых упрямых «человеков в футляре» научить тому, что этими классами в России могут быть лишь пролетариат и крестьянство. «Крестьянская аграрная революция», о которой вы говорите, господа, должна, чтобы победить, стать центральной властью во всем государстве, как таковая, как крестьянская революция.

Только частицами этой центральной власти демократического крестьянства могут быть демократические самоуправления и, только борясь с местной и областной раздробленностью крестьянства, только проповедуя, подготовляя, организуя общегосударственное, всероссийское, централизованное движение, можно действительно служить делу «крестьянской аграрной революции», а не делу поощрения приходской заскорузлости и местно-областного оглупления крестьянства. Именно такому оглуплению служите вы, т. Плеханов и т. Джоп, проповедуя чуждую и архи-реакционную мысль, будто местное самоуправление в состоянии быть «оплотом против реакции» или «закреплением завоеваний революции». Именно опыт двух лет русской революции показал с очевидностью, что как раз местная и областная раздробленность крестьянского движения (солдатское движение есть часть крестьянского) всего более были причиной поражения.

Давать программу «крестьянской аграрной революции» и связывать ее только с демократизацией местного самоуправления, а не центральной власти, выдвигать первое, как настоящий «оплот» и «закрепление»,—это по существу дела не что иное, как кадетская сделка с реакцией *). Кадеты папирают на местное «демократическое»

*) В «Докладе» я подробнее развил это (см. I часть VII тома Собр. соч. *Ред.*) Здесь добавлю замечательно подтверждающую это речь меньшевика Новосед-

самоуправление, не желая затронуть или боясь затронуть более важные вопросы. Большевики не подумали о том, какое большое слово они сказали, признав задачей времени «крестьянскую аграрную революцию», и дали в политических соображениях к своей аграрной программе апофеоз провинциальной заскорузлости.

Вот, не угодно ли такое рассуждение Джона:

«Т. Ленин опасается, что реакция вырвет у местного самоуправления конфискованные земли; если это можно сказать относительно земель, попавших в руки государства, то никак нельзя сказать относительно муниципализированных земель. Даже самодержавное русское правительство не могло отнять земли у армянского самоуправления, так как вызвало резкий отпор со стороны населения» (113).

Не правда ли, бесподобно? Вся история самодержавия есть сплошной грабёж местных, областных, национальных земель, а наши мудрецы успокаивают тупеющий в провинциальной оброшенности народ: даже самодержавие не отняло земель у армянских церквей, хотя начало отнимать и хотя только всероссийская революция на деле помешала отнять... В центре самодержавия, в провинции «армянские земли», «которых, не смеют отнять»... И откуда это столько мещанского тупоумия в нашей соц.-демократии?

Вот вам плехановские казаки.

«Возьмите наших казаков. Они ведут себя, как сущие реакционеры, а между тем, если бы (самодержавное) правительство вздумало наложить руку на их землю, то они восстали бы за нее, как один человек. Значит, муниципализация тем и хороша, что она годится даже в случае реставрации» (45).

Действительно, «значит!» Если бы самодержавие восстало против защитников самодержавия, то защитники самодержавия восстали бы против самодержавия. Экое глубокомыслие! Но казачье землевладение годится не только в случае реставрации, а и для поддержания того, что должно быть свергнуто раньше, чем быть реставрированным. На эту интересную сторону муниципализации обратил внимание возражавший Плеханову Шмидт:

ского, которую я не слышал (см. «Доклад») на съезде. Восставая против поправки сказать «демократическая республика» вместо «демократического государства», Повоседский сказал: «При истинно демократических местных самоуправлениях принятая теперь программа может быть проводима в жизнь и при той степени демократизация центрального правительства, которая не может быть названа высшей степенью его демократизации. Даже при демократизации, так сказать, сравнительной степени, муниципализация будет не вредна, а полезна» (138. Курс. наш). Это яснее ясного. Крестьянская аграрная революция без свержения самодержавия—вот реакционнейшая идея меньшевиков.

«...Напомню, что еще месяц тому назад самодержавие дало казачкам льготы, значит оно не боится муниципализации, потому что казачьи земли и теперь управляются таким способом, который в значительной мере напоминает муниципализацию... Она (муниципализация) сыграет контр-революционную роль» (123—124).

Плеханов так волновался по поводу этой речи, что раз перебил оратора (по совершенно не важному вопросу, об оренбургских ли казачках шла речь) и попытался нарушить регламент, получить вне очереди слово для заявления. Вот текст внесенного им потом письменного заявления:

«Т. Шмидт неправильно изложил мою ссылку на казачество. На оренбургских казаков я вовсе не ссылался. Я сказал: посмотрите на казачество; оно ведет себя архиреакционно, а между тем, если бы правительство захотело наложить руку на его землю, то и оно поголовно восстало бы против него. И то же в большей или меньшей степени сделают, в случае подобной попытки, все те областные учреждения, которым революция передала бы конфискованные помещичьи земли. И такое их поведение было бы одной из гарантий против реакции в случае реставрации» (127).

Это, разумеется, самый гениальный план свалить самодержавие, не трогая самодержавия: отнять у него отдельные области, а там пускай попробует вернуть. Это почти так же гениально, как экспроприация капитализма путем сберегательных касс. Но вопрос сейчас не в этом. Вопрос в том, что областная муниципализация, которая после победоносной революции «должна» сыграть чудесную роль, теперь играет контр-революционную роль. Вот что обошел Плеханов!

Казачьи земли сейчас представляют из себя настоящую муниципализацию. Большие области принадлежат отдельному казачьему войску: Оренбургскому, Донскому и т. д. Казаки в среднем имеют по 52 дес. на двор, крестьяне—по 11 дес. Кроме того, Оренбургскому войску принадлежит 1½ миллиона дес. войсковых земель, Донскому—1,9 милл. дес. и т. д. На почве этой «муниципализации» развиваются чисто феодальные отношения. Эта фактически существующая муниципализация означает сословную и областную замкнутость крестьян, раздробленных различиями в размерах землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д. «Муниципализация» помогает не обще-демократическому движению, а раздроблению его, областному обессиливанию того, что может победить лишь как централизованная сила, отчуждению одной области от другой.

И мы видим во Второй Думе правого казака Караулова, который защищал Столыпина (Столыпин-де тоже допускает в своей декларации принудительное передвижение грапей), разнесил не хуже Плеханова национализацию и прямо высказался за муниципализацию по областям (18 засед., 29 марта 1907 г., стр. 1366 стеногр. отчета).

Правый казак Караулов в тысячу раз вернее схватил суть дела, чем Маслов и Плеханов. Раздробленность областей есть гарантия от революции. Если русское крестьянство (при помощи централизованного, а не «областного» пролетарского движения) не сумеет разорвать рамок своей областной отчужденности, не сумеет организовать все-русского движения, то революцию всегда будут разбивать представители отдельных, хорошо поставленных областей, которых централизованная сила старой власти будет направлять в борьбу, смотря по надобности.

Муниципализация есть реакционный лозунг, идеализирующий средисвековую особенность областей, притупляющий в крестьянстве сознание необходимости централизованной аграрной революции.

3. Центральная власть и укрепление буржуазного государства.

Именно центральная государственная власть и внушает всего больше отвращение муниципалистам. Прежде чем перейти к разбору соответственных рассуждений, надо выяснить, что такое национализация с политико-юридической стороны (мы выяснили выше экономическое содержание ее).

Национализация есть передача всей земли в собственность государства. Собственность означает право на ренту и определение государственной властью общих для всего государства правил владения и пользования землей. К таким общим правилам безусловно относится при национализации запрещение всякого посредничества, т.-е. передачи земли субарендаторам, уступка тому, кто не является сам хозяином, и т. п. Далее. Если государство, о котором идет речь, действительно демократическое (не в меньшевистском смысле, à la Новоседский), то собственность его на землю несколько не исключает, а; напротив, требует передачи распоряжения землей, в рамках общегосударственных законов, местным и областным органам самоуправления. Паша программа-минимум, как я указывал в брошюре «Пересмотр» и т. д., прямо требует этого, говоря и о самоопределении национальностей, о широком областном самоуправлении и т. д. Поэтому остальные правила, сообразующиеся с местными различиями, практи-

ческий отвод земель или распределение участков между отдельными лицами, товариществами и т. д., все это неизбежно отходит в руки местных органов государственной власти, т.-е. местных органов самоуправления.

Насчет всего этого если и могли быть недоразумения, то они вытекали либо из непонимания разницы между понятиями: собственность, владение, распоряжение, пользование, либо из демагогических заигрываний с провинциализмом и федрализмом*). Основа различия между муниципализацией и национализацией не в распределении прав между центром и провинцией и уже всего менее в «бюрократизме» центра—так могут думать и говорить лишь совсем невежественные люди, а в сохранении частной собственности на землю для одного ряда земель при муниципализации, в полной ее отмене при национализации. Основа различия—«аграрный биметаллизм», допускаемый первой программой и устрояемый второй.

Если ж вы подойдете к теперешней программе с точки зрения возможности произвола центральной власти и т. п. (на этой точке зрения пробуют выехать нередко вульгарные защитники муниципализации), то увидите, что теперешняя программа страдает в этом отношении сугубой путаюстью и неясностью. Достаточно указать, что теперешняя программа передает «во владение демократического государства» и «земли, необходимые для переселенческого фонда», и «леса и воды, имеющие общегосударственное значение». Ясно, что понятия эти совершенно неопределенные и что почва для конфликтов тут необъятная. Возьмите, напр., новейшую работу г. Кауфмана во II томе кадетского «Аграрного вопроса» («К вопросу о нормах дополнительного наделения»), где сделан расчет по 44 губерниям о земельном запасе для донаделения крестьян по высшим нормам 1861 года. «Внепадельный земельный фонд» исчисляется сначала без лесов, по-

*) Такое заигрыванье мы видим у Маслова... «Может быть,—пишет он в «Образовании», 1907, № 3, стр. 104,—в некоторых местах крестьяне согласились бы поделиться своими землями, но достаточно отказа крестьян одного большого района (напр., Польши) делиться своими землями, чтобы проект национализации всех земель оказался нелепостью». Образец вульгарного довода, в котором нет и следа мысли, есть только набор слов. «Отказ» и поставленного в особые условия района не может изменить общей программы и не делает ее нелепостью: «отказаться» может иной район и от муниципализации. Важно не это. Важно то, что в капиталистическом едином государстве частная собственность на землю и национализация в широких размерах не уживутся, как две системы. Одна из них должна будет взять верх. Дело рабочей партии—отстаивать более высокую систему, облегчающую быстроту развития производительных сил и свободу классовой борьбы.

том с лесами (сверх 25% лесистости). Кто определяет, какие из этих лесов имеют «обще-государственное значение»? Конечно, только центральная власть государства,—и, след., в руки ей меньшевистская программа дает гигантскую земельную площадь—57 милл. дес. в 44 губ. (по Кауфману). Кто определяет, что такое «переселенческий фонд»? Конечно, только центральная буржуазная власть. Только она решает, являются ли, например, 1½ милл. дес. войсковых земель у оренбургских казаков или 2 милл. дес. у донских казаков «переселенческим фондом» для всей страны (ибо казаки имеют по 52,7 дес па двор), или нет. Ясно, что вопрос вовсе не так стоит, как ставят его Маслов, Плеханов и К°. Не в том дело, чтобы бумажным постановлением защитить местные областные самоуправления от посягательств центра,—это невозможно сделать не только бумагой, но и пушкой, ибо капиталистическое развитие идет к централизации, сосредоточивает в руках центральной буржуазной власти такую силу, которой не могут никогда противостоять «области». Дело в том, чтобы один и тот же класс имел политическую власть и в центре и на местах, чтобы там и здесь была вполне последовательно проведена совершенно одинаковая степень демократизма, обеспечивающая полное господство, к примеру скажем, большинства населения, т.-е. крестьянства. Исключительно в этом состоит реальная гарантия от «чрезмерных» посягательств центра от нарушения «законных» прав областей; все остальные гарантии, измышляемые меньшевиками,—сплошная глупость, защита бумажным колпаком провинциального филистера от сосредоточенной капитализмом силы центральной власти. Именно такую филистерскую глупость и делает Новоседский, как делает ее вся теперешняя программа, допуская полный демократизм местных самоуправлений и «не высшую» степень демократизма в центре. Неполный демократизм значит обеспечение власти в центре не большинству населения, не тем элементам, которые преобладают в местных самоуправлениях, и это означает не только возможность, а неизбежность конфликтов, победителем из которых непременно, в силу законов экономического развития, выйдет не демократическая центральная власть!

«Муниципализация» с этой стороны вопроса, как «обеспечение» за областями чего-то против центральной власти, есть сплошное филистерское недомыслие. Если это «борьба» с централизованной буржуазной властью, то разве только такая «борьба», которую ведут антиземиты с капитализмом: такие же широкообещательные обещания, привлекающие тупые и темные массы, и такая же экономическая и политическая невыполнимость этих обещаний.

Возьмите самый «ходкий» довод муниципалистов против национализации: национализация усилит буржуазное государство (помните у Джона великолепное: «упрочит *лишь* государственную власть»), увеличит доходы антипролетарской буржуазной власти, а... именно так: а муниципализация дает доходы на нужды населения, на нужды пролетариата. Такой довод заставляет стыдиться за социал-демократию, ибо это чисто-антисемитская глупость и антисемитская демагогия. Чтобы не брать кого-либо из «малых сих», сбитых с толку Плехановым и Масловым, возьму «самого» Маслова:

«Социал-демократия,—поучает он читателей «Образования»,— всегда рассчитывает таким образом, чтобы при наихудших обстоятельствах ее планы и задачи оправдались... Мы должны предполагать, что во всех сторонах общественной жизни будет господствовать буржуазный строй со всеми его отрицательными сторонами. Самоуправление будет так же буржуазно, как и весь государственный строй, в нем будет такая же обостренная классовая борьба, как и в западно-европейских муниципалитетах.

«Какая же разница между самоуправлением и государственной властью? Почему социал-демократия стремится передать земли не государству, а местному самоуправлению?

«Чтобы определить задачи государства и местного самоуправления, мы сравним бюджеты того и другого» («Образование», 1907, № 3, стр. 102). Следует сравнение: в одной из самых демократических республик, в Соед. Штатах Америки, на войско и флот расходуется 42% бюджета. То же во Франции, Англии и т. д. «Помещичьи земства в России на медицину—27,5 %, на народное образование—17,4%, дороги—11,9%.

«Из сравнения бюджетов наиболее демократических государств и наименее демократических местных самоуправлений мы видим, что по своим функциям первые обслуживают интересы господствующих классов, что государственные средства затрачиваются на орудия гнета, на орудия подавления демократии; что, напротив, самое недемократическое, самое плохое местное самоуправление принуждено, хотя и плохо, но все-таки служить демократии, удовлетворять местные потребности» (103). «Социал-демократ не должен быть настолько наивен, чтобы примириться с национализацией земли из-за того, напр., что доходы с национализированных земель пойдут на содержание республиканских войск... Чрезвычайно наивен будет тот читатель, который поверит Оленову, что теория Маркса «позволяет» внести в программу только требование национализации земли, т.-е. затраты земельной ренты (все равно — назвать ли ее абсо-

лотной или дифференциальной?) на армию и флот, и что эта же теория не допускает муниципализации земли, т.е. затраты ренты на потребности населения» (103).

Кажется, ясно? Национализация—на армию и флот. Муниципализация—на потребности населения. Еврей — капиталист. Долой евреев — значит долой капиталистов!

Добрый Маслов не соображает, что высокий процент культурных расходов местных самоуправлений есть высокая доля второстепенных расходов. Почему это так? Потому, что пределы ведомства местных самоуправлений и финансовые полномочия их определяет та же центральная государственная власть и определяет так, что на армию и проч. берет куш, на «культуру» дает грош. Обязателен ли такой делаж в буржуазном обществе? Обязателен, ибо в буржуазном обществе буржуазия не могла бы господствовать, если бы она не тратила куша на обеспечение своего господства, как класса, оставляя грош на культурные расходы. И надо быть Масловым, чтобы возыметь гениальную мысль: а что если я новый куш объявлю собственностью земств, всдь я обойду господство буржуазии? Как бы проста была, если бы пролетарии рассуждали по Маслову, их задача: стоит потребовать, чтобы доходы с железных дорог, почт, телеграфов, винной монополии не «национализировались», а «муниципализировались»,—и эти доходы пойдут не на армию и флот, а на культурные цели. Не нужно вовсе свергать центральной власти или в корне ее переделывать, надо просто-на-просто добиться «муниципализации» всех крупных статей дохода, и дело будет в шляпе

Муниципальные доходы в Европе и во всякой буржуазной стране—это такие доходы,—пусть запомнит это добрый Маслов!—которые буржуазная центральная власть согласна пожертвовать на культурные цели, ибо эти доходы второстепенные, ибо сбор таких доходов неудобен в центре, ибо главные, коренные, основные потребности буржуазии и буржуазного господства уже обеспечены кушем. Поэтому совет народу: получи новый куш, сотни миллионов с муниципализированных земель, и обеспечь его культурное назначение передачей куша в собственность земств, а не центральной власти. В буржуазном государстве буржуазии дать действительно на культурные цели нечего, кроме грошей, ибо куши нужны ей на обеспечение господства буржуазии, как класса. Почему центральная власть берет себе девять десятых налогов с земли, с торговых заведений и т. п., а земствам позволяет брать одну десятую, устанавливая закон, что дополнительное земское обложение не может превышать такого-то низкого процента? Потому, что куш нужен на обеспечение господства буржуазии, как

класса, и больше гроша она не может, оставаясь буржуазией, отдать на культуру *).

Европейские социалисты берут это распределение гроша и куша, как данное, прекрасно зная, что иного и не может быть в буржуазном обществе. Веря это распределение, как данное, они говорят: в центральной власти не можем участвовать, ибо это—орудие гнета; в муниципалитетах можем, ибо гроши расходуются здесь на культуру. Но что сказали бы эти социалисты человеку, который посоветовал бы рабочей партии агитировать за то, чтобы европейскому муниципалитету дали в собственность доходы действительно крупные, всю ренту с местных земель, всю прибыль с местных почтовых учреждений, с местных железных дорог и т. д.? Такого человека сочли бы или сумасшедшим, или «христианским социалистом», по ошибке попавшим к с.-д.

Люди, которые говорят, обсуждая задачи современной (т.-е. буржуазной) революции в России: мы не должны укреплять центральную власть буржуазного государства, обнаруживают полную неспособность мыслить. Немцы могут и должны рассуждать так, ибо перед ними есть только юнкерски-буржуазная Германия, никакой другой Германии до социализма быть не может. У нас же все содержание текущей революционной борьбы масс состоит в том, быть ли России юнкерски-буржуазной (как хочет Столыпин и кадеты), или крестьянски-буржуазной (как хотят крестьяне и рабочие). Нельзя участвовать в такой революции, не поддерживая одного слоя буржуазии, одного типа буржуазной эволюции против другого. В силу объективных экономических причин у нас нет и быть не может, в теперешней революции, иного «выбора», как между буржуазной централизованной республикой

* Из обстоятельнейшей работы Кауфмана (Kaufman: «Kommunfinanzen», 2 Bände, Lpz. 1906, II Abth., 5 Band des Hand-und Lehrbuches der Staatswissenschaften, berg. von Frankenstein, fortges. von Heckel) видно, что в Англии распределение местных и центральных государственных расходов выгоднее для местного самоуправления, чем в Пруссии и во Франции. В Англии 3 миллиарда марок расходуют местные учреждения, 3,6 миллиарда—центральная власть государства; во Франции—1,1 миллиарда против 2,9; в Пруссии—1,1 и 3,5. Выделим культурные расходы, например, на образование, в стране, наиболее благоприятно (с точки зрения муниципалистов) поставленной, т.-е. в Англии. Мы увидим, что из местных расходов на образование шло 16,5 миллиона фунтов стерлингов из 151, 6 милл. (1902—1903 г.г.), т.-е. немного более $\frac{1}{10}$. Центральная власть, по бюджету на 1908 г. (см. Almanach de Gotha), на образование расходует 16,9 милл. ф. ст. из 198,6, т.-е. менее $\frac{1}{10}$. Расходы на армию и флот = 59,2 милл. ф. ст., да прибавьте сюда расходы на государственные долги = 28,5 милл. ф. ст., да 3,8 милл. на суд и полицию, 1,9 милл. на иностранные дела, да 19,8 милл. на расходы взимания, и вы увидите, что буржуазия тратит грош на культуру, куш на обеспечение своего господства, как классы

крестьян-фермеров или буржуазной централизованной монархией помещиков-юнкеров. Обойти этот трудный «выбор» посредством обращения внимания масс на то, что «иам бы хоть земства подемократичнее», есть величайшая филистерская пошлость.

4. Размах политического и аграрного переворота.

Труден «выбор»,—сказали мы, имея в виду, конечно, не субъективный выбор (что желательнее), а объективный исход борьбы общественных сил, решающих исторический вопрос. В чем, собственно, «трудность» благоприятного для крестьян исхода, этого совершенно не продумали люди, говорящие об оптимизме моей аграрной программы, связывающей республику с национализацией. Вот плехановское рассуждение на эту тему:

«Ленин обходит трудность вопроса с помощью оптимистических предположений. Это—обычный прием утопического мышления; так, например, анархисты говорят: «не нужно никакой принудительной организации», а когда мы возражаем им, что отсутствие принудительной организации дало бы возможность отдельным членам общества вредить этому обществу, если у них окажется такое желание, то анархисты отвечают иам: «этого быть не может». По-моему, это значит обходить трудность вопроса посредством оптимистических предположений. И это делает Ленин. Он обставляет возможные последствия предлагаемой им меры целым рядом оптимистических «если». В доказательство приведу упрек Ленина Маслову. Он на стр. 23 своей брошюры говорит: «проект Маслова, в сущности, молчаливо предполагает то, что требование нашей политической программы-минимум не осуществлено полностью, что самодержавие народа не обеспечено, постоянная армия не уничтожена, выборность чиновников не введена и т. д. Другими словами, что демократическая революция так же не дошла до своего конца, как большая часть европейских демократических революций, так же урезана, извращена, «возвращена вспять», как все эти последние. Проект Маслова специально приспособлен к половинчатому, непоследовательному, неполному или урезанному и «обезвреженному» реакцией демократическому перевороту». Допустим, что упрек, делаемый им Маслову, основателен, но приведенная цитата показывает, что собственный проект Ленина хорош только в том случае, если осуществляются все указываемые им «если». А если тут не будет на-лицо этих «если», то осуществление его проекта *) бу-

*) Но тогда это не будет моим проектом! Нелогично рассуждает Плеханов!

дет вредно. Но нам не нужно таких проектов. Наш проект должен быть подкован на все четыре ноги, т.-е. на случай неблагоприятных «если» («Прот. Стокг. съезда», стр. 44—45).

Я полностью выписал это рассуждение, ибо оно ясно показывает ошибку Плеханова. Оптимизм, который испугал его, им совершенно не понят. Не в этом заключается «оптимизм», чтобы предполагать выборность чиновников народом и т. п., а в том, чтобы предполагать победу крестьянской аграрной революции. Действительная «трудность» заключается в том, чтобы в стране, развивающейся, но крайней мере, с 1861 года по юнкерски-буржуазному типу, победила крестьянская аграрная революция, а раз вы допускаете эту основную экономическую трудность, то смешно усматривать чуть не анархизм в трудностях политического демократизма. Смешно забывать, что между размахом аграрных и политических преобразований не может не быть соответствия, что экономический переворот предполагает соответственную политическую надстройку. В непонимании того, где корень «оптимизма» нашей общей, и меньшевистской и большевистской, аграрной программы, и заключается основная ошибка Плеханова по данному вопросу.

В самом деле, представьте себе конкретно, что значит в современной России «крестьянская аграрная революция» с конфискацией помещичьего землевладения. Не подлежит сомнению, что в течение полувека капитализм прокладывал себе дорогу через помещичье хозяйство, которое стоит в общем и целом безусловно выше крестьянского в данный момент не только по высоте урожая (что объяснимо отчасти лучшим качеством помещичьих земель), но и по распространенности усовершенствованных орудий и севооборотов (травосеяние)*. Не подлежит сомнению, что помещичье хозяйство тысячами нитей связано не только с бюрократией, но и с буржуазией. Конфискация подрывает массу интересов крупной буржуазии, а крестьянская революция ведет, как справедливо указывал Каутский, и к банкротству государства, т.-е. к нарушению интересов не одной русской, а и всей международной буржуазии. Понятно, что при таких условиях победа крестьянской революции, победа мелких буржуа и над помещиками и над крупными буржуа, требует особенно благоприятного стечения обстоятельств, требует совершенно необычайных, «оптимистических» предположений с точки зрения обывателя или обывательского исто-

*) Сравни сводку новых и массовых данных о превосходстве помещичьего хозяйства над крестьянским по распространенности травосеяния у Кауфмана во II томе «Аграрного вопроса».

рика, требует гигантского размаха крестьянской инициативы, революционной энергии, сознательности, организованности, богатства народного творчества. Это неоспоримо, и обывательские шуточки Плеханова насчет этого последнего слова—дешевенькая увертка от серьезного *) вопроса. А так как товарное производство не объединяет и не централизует крестьянства, а разлагает и разъединяет его, то крестьянская революция в буржуазной стране осуществима только под руководством пролетариата,—обстоятельство, еще более восстанавливающее самую могущественную буржуазию всего мира против такой революции.

Следует ли из этого, что марксисты вовсе должны оставить мысль о крестьянской аграрной революции? Нет, такой вывод был бы достоин только людей, чье мирозерцание представляет из себя либеральную пародию на марксизм. Из сказанного следует только, во-1-х, что марксизм не может связывать судеб социализма в России с исходом буржуазно-демократического переворота; во-2-х, что марксизм должен считаться с обеими возможностями капиталистической эволюции земледелия в России и ясно показать народу условия и значение каждой возможности; в-3-х, что марксизм должен решительно бороться с тем взглядом, будто возможен радикальный аграрный переворот в России без радикального политического переворота.

1) Социалисты-революционеры, как и все сколько-нибудь последовательные народники, не понимают буржуазного характера крестьянской революции и связывают с ней весь свой quasi-социализм. Благоприятный исход крестьянской революции означал бы, по мнению народников, торжество народнического социализма в России. На деле такой исход был бы самым быстрым и самым решительным крахом народнического (крестьянского) социализма. Чем полнее и решительнее была бы победа крестьянской революции, тем быстрее превратится крестьянство в свободных буржуазных фермеров, которые «дадут отставку» народническому «социализму». Наоборот, неблагоприятный исход на некоторое время затянет агонию народнического социализма, даст возможность несколько продержаться той ид-

*) «Народное творчество», это—«народовольчество»,—потешался Плеханов в Стокгольме. Это—того же сорта критика, которая «Похождения Чичикова» критикует насмешкой над фамилией: «Чичиков. Чхи...чхи... ах, как смешно!». Считать серьезно народовольчеством идею о необходимости «народного творчества», новых форм борьбы, новых форм организации крестьянства в русской революции может только тот, кому самое допущение крестьянской революции против буржуазии и помещиков кажется народовольчеством.

люзии, будто критика помещичье-буржуазной разновидности капитализма есть критика капитализма вообще

Социал-демократия, партия пролетариата, никоим образом не связывает судьбы социализма с тем или иным исходом буржуазной революции. Оба исхода означают капиталистическое развитие и угнетение пролетариата и в монархии помещиков с частной собственностью на землю, и в республике фермеров, хотя бы с национализацией земли. Поэтому безусловно самостоятельная и чисто пролетарская партия одна только в состоянии отстоять дело социализма «при всяком положении демократических аграрных преобразований», как сказано в заключительной части моей аграрной программы (эта часть вошла в тактическую резолюцию Стокгольмского съезда).

2) Но буржуазный характер обоих исходов аграрного переворота ни в коем случае не означает того, что с.-д. могут безразлично относиться к борьбе за тот или иной исход. Интересы рабочего класса безусловно требуют самой энергичной поддержки им,—более того: руководящей роли его в крестьянской революции. Борясь за благоприятный исход ее, мы должны распространять в массах самое отчетливое понимание того, что значит сохранение помещичьего пути аграрной эволюции, какие неисчислимые бедствия (вытекающие не из капитализма, а из недостаточного развития капитализма) несет оно всем трудящимся массам. С другой стороны, мы должны также разъяснить мелко-буржуазный характер крестьянской революции и неосновательность «социалистических» упований на нее.

При этом наша программа—раз мы не связываем судьбы социализма с тем или иным исходом буржуазного переворота—не может быть одинаковой и на благоприятный и на «неблагоприятный случай». Если Плеханов сказал, что нам не нужно проектов, особо предусматривающих тот и другой (след., построенных с «если»), то он просто сказал, не подумавши. Ибо именно с его точки зрения, с точки зрения вероятности наихудшего исхода или необходимости считаться с ним, особенно необходимо разделение программы на две части, которые и были у меня. Необходимо сказать, что на данном пути помещичье-буржуазного развития рабочая партия отстаивает какие-то меры, но вместе с тем она помогает всеми силами крестьянству совершенно уничтожить помещичье землевладение и открыть этим возможность более широких и свободных условий развития. Об этой стороне дела у меня подробно сказано в «Докладе» (пункт об аренде, его необходимость в программе «на худший случай», его отсутствие у Маслова). Добавлю только, что именно теперь, когда непосредственные условия деятельности с.-д. всего менее похожи на оптимистические предположения,

ошибка Плеханова выступает еще яснее. Третья Дума ни в каком случае не может побудить нас прекратить борьбу за крестьянскую аграрную революцию, но на известный промежуток времени приходится работать на почве аграрных отношений, обеспечивающих самую дикую эксплуатацию помещиков. Именно Плеханов, особо заботившийся о худшем случае, оказался теперь без программы на худший случай!

3) Раз мы ставим своей задачей содействие крестьянской революции, надо ясно сознать трудность задачи и необходимость соответствия между политическими и аграрными преобразованиями. Иначе соединение «оптимизма» аграрного (конфискация плюс муниципализация или раздел) с «пессимизмом» политическим (Новоседский: демократизация «сравнительной степени» в центре) получается научно-несостоятельное, практически-реакционное.

Меньшевики точно против воли допускают крестьянскую революцию, не желая ясно и определенно поставить пред народом всего облика ее. У них сквозит взгляд, с бесподобной наивностью выраженный меньшевиком Птицыным в Стокгольме: «Пройдут революционные передраги, течение буржуазной жизни вернется в обычную колею, и, если не произойдет рабочей революции на Западе, буржуазия у нас неизбежно станет у власти. Этого не станет и не может отрицать т. Ленин» (91 стр. Протоколов). Вышло так, что непродуманное абстрактное понятие буржуазного переворота, заслонило вопрос о той его разновидности, которой является крестьянская революция. Все это — одни «передраги», а реальна лишь «обычная колея». Трудно рельефнее выразить обывательскую точку зрения и непонимание того, из-за чего собственно идет борьба в нашей буржуазной революции.

Осуществить аграрный переворот крестьянство не может без устранения старой власти, постоянного войска и бюрократии, ибо все это — вернейшие оплоты помещичьего землевладения, связанные с ним тысячами нитей. Поэтому научно несостоятельно представление о крестьянском перевороте при демократизме одних местных учреждений без полной ломки учреждений центральных. Практически-реакционно это представление потому, что оно играет на руку мелко-буржуазной тупости и мелко-буржуазному оппортунизму, «попросту» представляющему себе дело: земля нужна, а там политика, бог ее знает! Землю всю надо взять, а надо ли всю власть, можно ли всю власть взять, как ее взять, об этом не думает крестьянин (или не думал, пока разгон двух Дум не надоумил его). В высшей степени реакционна поэтому точка зрения «крестьянского кадета», г. Пешехонова, который еще в своей «Аграрной проблеме» писал: «несравненно нуж-

нее сейчас определенный ответ по аграрному вопросу, чем по вопросу, например, о республике» (стр. 114). И эта точка зрения политического юродства (наследие реакционных дел мастера, г. В. В.) сказалась, как известно, на всей программе и на всей тактике партии «народных социалистов». Вместо того, чтобы бороться с недомыслием крестьянина, не понимающего связи между радикализмом аграрным и радикализмом политическим, эн-эсы подлаживаются к его недомыслию. Им кажется, что «так практичнее», а на деле именно такая постановка и осуждает на абсолютный неуспех аграрную программу крестьянства. Труден радикальный политический переворот — слов нет, но труден и аграрный; второй невозможен вне связи с первым, и долг социалистов — не скрывать этого от крестьян, не набрасывать флера (посредством достаточно неопределенных, полукадетских фраз о «демократическом государстве», как в нашей аграрной программе), а договаривать до конца, учить крестьян, что, не дойдя до конца в политике, они не могут серьезно думать о конфискации помещичьей земли.

Тут не «если» важны в программе. Важно указание на то, что должно быть соответствие аграрных и политических преобразований. Вместо «если» можно ту же мысль выразить иначе: «партия разъясняет, что лучшим в буржуазном обществе способом владения землей является отмена частной собственности на землю, национализация земли, переход ее в собственность государства, и что такая мера не может быть ни осуществлена, ни принести действительной пользы без полного демократизма не только местных учреждений, но и всего устройства государства вплоть до республики, уничтожения постоянной армии, выборности чиновников народом и т. д.».

Не включив такого разъяснения в нашу аграрную программу, мы внушили народу ложную мысль, будто возможна конфискация помещичьей земли без полного демократизма центральной власти. Мы опустили на уровень оппортунистической мелкой буржуазии, т.-е. «народных социалистов», ибо в обеих Думах вышло так, что и их программа (проект 104-х) и наша оговаривала связь аграрных преобразований с демократизмом только местных учреждений. Такой взгляд — мещанская тупость, от которой 3 июня 1907 г. и III Дума должны были излечить многих, а социал-демократов прежде всего.

5. Крестьянская революция без завоевания власти крестьянством.

Аграрная программа российской социал-демократии есть пролетарская программа в крестьянской революции, направленной про-

тив остатков крепостного права, против всего средневекового в нашем аграрном строе. Теоретически это положение, как мы видели, признается и меньшевиками (речь Плеханова в Стокгольме). Но меньшевики совершенно не продумали этого положения, не заметили неразрывной связи между ним и общими основами социал-демократической тактики в российской буржуазной революции. И именно в произведениях Плеханова всего яснее сказалась эта непродуманность.

Всякая крестьянская революция, направленная против средневековья при капиталистическом характере всего общественного хозяйства, есть буржуазная революция. Но не всякая буржуазная революция есть крестьянская революция. Если бы в стране с земледелием, организованным вполне капиталистически, капиталисты-земледельцы при помощи наемных рабочих совершили аграрную революцию, уничтожив, к примеру скажем, частную собственность на землю, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Если бы в стране, аграрный строй которой настолько сросся уже с капиталистическим хозяйством вообще, что уничтожить этот строй было бы невозможно без уничтожения капитализма, произошла революция, ставящая, скажем, у власти промышленную буржуазию на место самодержавной бюрократии, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Другими словами: возможна буржуазная страна без крестьянства и возможна буржуазная революция в подобной стране без крестьянства. Возможна буржуазная революция в стране с значительным крестьянским населением и, однако, такая революция, которая отнюдь не является крестьянской революцией, т.-е. такая, которая не революционизирует специально касающихся крестьянства поземельных отношений и не выдвигает крестьянства в числе сколько-нибудь активных общественных сил, творящих революцию. Следовательно, общее марксистское понятие: «буржуазная революция», содержит известные положения, обязательно применимые ко всякой крестьянской революции в стране развивающегося капитализма, но это общее понятие ровно ничего еще не говорит о том, должна ли (в смысле объективной необходимости) буржуазная революция данной страны стать крестьянской революцией, чтобы одержать полную победу, или не должна.

Основной источник неверности всей тактической линии Плеханова и шедших за ним меньшевиков в первый период русской революции (т.-е. в 1905—1907 годах) состоит в том, что они совершенно не поняли этого соотношения между буржуазной революцией вообще и крестьянской буржуазной революцией. Обычный в меньшевистской

литературе грозный шум *) по поводу того, что большевики-де не понимают буржуазного характера происходящей революции, есть не что иное, как прикытые этого недомыслия. На деле ни один социал-демократ ни той, ни другой фракции ни до революции, ни во время нее не отступал от марксистских взглядов на буржуазный характер революции; только «упростители», вульгаризаторы фракционных разногласий могли утверждать обратное. Но часть марксистов, именно правое крыло, отделялась все время общим, абстрактным шаблонным понятием буржуазной революции, не сумев понять особенности данной буржуазной революции именно как крестьянской революции. Совершенно естественно и неизбежно, что это крыло социал-демократии не могло понять источника контр-революционности нашей буржуазии в русской революции, не могло определить ясно, какие классы способны одержать в этой революции полную победу, не могло не сбиваться на взгляд: в буржуазной революции пролетариат должен поддерживать буржуазию, в буржуазной революции главным деятелем должна быть буржуазия, размах революции ослабеет, если отшатнется буржуазия и т. д.

Наоборот, большевики с самого начала революции весной и летом 1905 года, когда не могло еще быть и речи о столь распространенном теперь у невежественных или неумных людей смешении большевизма с бойкотизмом, боевизмом и т. п., ясно указали источник наших тактических разногласий, выделив понятие крестьянской революции, как одного из видов буржуазной революции, и определив ее победу: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Крупнейшим идейным завоеванием, которое сделал большевизм с тех пор в международной социал-демократии, было выступление Каутского со статьей о движущих силах русской революции (русский перевод под редакцией и с предисловием Н. Ленина: «Движущие силы и перспективы русской революции», М. 1907, книгоиздательство «Новая Эпоха» **). Как известно, в начале раскола между большевиками и меньшевиками, в 1903 году, Каутский встал на сторону последних. В 1907 году, после наблюдения за русской революцией, о которой Каутский писал неоднократно, он сразу понял ошибку Плеханова, пославшего ему свой известный опросный лист. В этом опросном листе Плеханов спрашивал только о буржуазном характере русской революции, не выделяя понятия крестьянской буржуазной революции, не

*) У Плеханова в «Новых письмах о тактике и бестактности» (изд. Глаголева, СПб.) (XV том Сочинений под ред. Д. Рязанова. *Ред.*) этот шум прямо комичен.

**) Предисловие Н. Ленина—см. 80—85 стр. VIII тома Собр. соч. *Ред.*

идя дальше общих скобок: «буржуазная демократия», «буржуазные оппозиционные партии». Исправляя эту ошибку, Каутский ответил Плеханову, что буржуазия не является движущей силой русской революции, что в этом смысле время буржуазных революций миновало, что «прочная общность интересов во весь период революционной борьбы существует только между пролетариатом и крестьянством» (назв. брошюра, стр. 30—31), что «она-то (эта прочность интересов) и должна лечь в основу всей революционной тактики русской социал-демократии» (там же, стр. 31). Здесь вполне ясно выражены основы большевистской тактики против меньшевистской. Плеханов страшно сердится в «Новых письмах и т. д.» по этому поводу. Но досада его только рельефнее выставляет бессилие аргументации. Кризис мы переживаем «все-таки буржуазный»,—твердит Плеханов, браня большевиков «безграмотными» (стр. 127). Эта брань — сердитое бессилие. Плеханов не понял вопроса об отличии крестьянской буржуазной революции от некрестьянской буржуазной революции. Говоря, что Каутский «преувеличивает быстроту развития нашего крестьянина» (стр. 131), что «разномыслие между нами (Плехановым и Каутским) возможно только в оттенках» (131) и т. п., Плеханов прибегает к самым жалким, трусливым уверткам, ибо всякий чуточку думающий человек видит как раз обратное. Дело не в «оттенках», не в вопросе о скорости развития, не в «захвате» власти, о чем кричит Плеханов, а в основном взгляде на классы, способные быть движущей силой русской революции. Плеханов и меньшевики неизбежно сбиваются, вольно и невольно, на оппортунистическую поддержку буржуазии, ибо они не понимают контр-революционности буржуазии в крестьянской буржуазной революции. Большевики сразу определили общие и основные классовые условия победы этой революции, как демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Каутский по существу дела пришел к тому же взгляду в «Движущих силах» и повторил его во втором издании своей «Социальной революции», где он говорит: «Она (победа русской социал-демократии в близком будущем) может быть лишь делом союза (einer Coalition) пролетариата и крестьянства» («Die soziale Revolution», von K. Kautsky, Zweite Auflage, Berlin 1907, Seite 62. Место не позволяет нам остановиться на другом добавлении Каутского во втором издании, на его оценке уроков декабря 1905 г., — оценке в корне расходящейся с меньшевизмом).

Таким образом мы видим, что Плеханов совершенно спасовал по вопросу об основах всей вообще социал-демократической тактики в такой буржуазной революции, которая может победить лишь как крестьянская революция. Мои слова в Стокгольме (апрель 1906 г.),

что Плеханов довел до абсурда меньшевизм, отвергнув завоевание власти крестьянством в крестьянской революции, нашли себе самое полное подтверждение в последующей литературе. И эта основная ошибка тактической линии не могла не сказаться на меньшевистской аграрной программе. Муниципализация, как я не раз показывал выше, ни в экономической, ни в политической области не выражает полностью условий действительной победы крестьянской революции, действительного завоевания власти пролетариатом и крестьянством. В экономической области такая победа не может быть совмещена с закреплением старого надельного землевладения; в политической области— с одним только областным демократизмом при неполном демократизме центральной власти.

6. Достаточно ли гибкое средство национализация земли?

Т. Джон говорил в Стокгольме (стр. 111 «Протоколов»), что «проект муниципализации земли является более приемлемым, как более гибкий: он учитывает разнообразие хозяйственных условий, он допускает проведение его в самом процессе революции». Коренной недостаток муниципализации в этом отношении мной уже указан: закрепление в собственность надельного землевладения. Национализация неизмеримо более гибка в этом отношении, ибо позволяет гораздо свободнее организовать новые хозяйства на «разгороженной» земле. Здесь надо еще отметить вкратце другие соображения Джона, более мелкие.

«Раздел земли, — говорит Джон, — в некоторых местах вновь создал бы старые земельные отношения. В некоторых областях на каждый двор пришлось бы по 200 десятин, и таким образом, например, на Урале мы создали бы класс новых помещиков». Образец довода, состоящего из обвинения своей собственной системы! И такие доводы решали дело на меньшевистском съезде! Как раз муниципализация, и только она, грешит тем грехом, на который здесь указывается, ибо только она закрепляет землю отдельными областями. Не раздел тут виной, как думает Джон, делающий смешную логическую ошибку, а провинциализм муниципалистов. Муниципализированная уральская земля все равно осталась бы, по программе меньшевиков, «владением» уральцев. Это было бы созданием нового реакционного казачества, реакционного потому, что привилегированные мелкие земледельцы, обеспеченные землей вдесятеро больше всей остальной массы земледельцев, не могли бы не противиться крестьянской революции, не могли бы не защищать привилегии частной собственности на землю. Остается только предположить, что на основании той же програм-

мы «демократическое государство» могло бы объявить десятки миллионов десятин уральских лесов «лесами, имеющими общегосударственное значение», или «переселенческим фондом» (допускает же кадет Кауфман такое назначение уральских лесов в пределах 25% лесистости, что дает 21 миллион десятин в Вятской, Уфимской и Пермской губерниях!), и на этом основании отобрать их в свое «владение». Не гибкостью, а путаницей отличается муниципализация,—только и всего.

Далее, взглянем на проведение муниципализации в самом процессе революции. Здесь мы встречаем нападки на мои «крестьянские революционные комитеты», как на сословное учреждение. Мы-де за бессословность,—либеральничали меньшевики в Стокгольме. Дешевый либерализм! Не подумали только паши меньшевики, что для введения бессословного самоуправления надо уже одержать победу и лишить власти привилегированное сословие, с которым идет борьба. Как раз «в самом процессе революции», как говорит Джон, т.-е. в процессе борьбы за изгнание помещиков, в процессе тех «революционных выступлений крестьянства», о которых говорит и тактическая резолюция меньшевиков, возможны только крестьянские комитеты. Введение бессословного самоуправления обеспечено нашей политической программой, оно неизбежно будет устанавливаться и должно устанавливаться, как организация управления после победы, когда все население вынуждено уже признать новый порядок. Но если не фраза слова нашей программы о «поддержке революционных выступлений крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель», то надо подумать об организации масс для этих «выступлений»! Об этом меньшевистская программа не думает. Она построена так, чтобы удобно было целиком превратить ее в парламентский законопроект наряду с законопроектами буржуазных партий, которые ненавидят всякие «выступления» (как кадеты) или оппортунистически увертываются от задачи систематического содействия этим выступлениям и организации их (как эн-эсы). Но такое построение программы недостойно рабочей партии, говорящей о крестьянской аграрной революции,—партии, которая преследует цель не успокоения крупной буржуазии и бюрократии (как кадеты), не успокоения мелкой буржуазии (как эн-эсы), а исключительно развития сознания и самостоятельности широких масс в ходе их борьбы против крепостнической России.

Припомните хотя бы в общих чертах ту массу крестьянских «революционных выступлений», которые имели место в России весной 1905 года, осенью 1905 г., весной 1906 года. Такие выступления обещаем мы поддерживать или нет? Если нет, то наша программа оказалась бы говорящей неправду. Если да, то ясно, что для этих выступлений

программа не дает указаний об их организации. Организация таких выступлений возможна только непосредственно на месте борьбы, организация может быть создана только непосредственно массой, участвующей в борьбе, т.-е. организация должна быть непременно в типе крестьянских комитетов. Дождаться крупных областных самоуправлений при таких выступлениях прямо смешно. Расширение победивших местных комитетов, их пределов власти и влияния на соседние села, уезды, губернии, города, округа и на все государство, конечно, желательно и необходимо. Против указания в программе на необходимость такого расширения ничего нельзя иметь, но тогда обязательно не ограничиваться областями, а дойти до центральной власти. Это, во-первых. А во-вторых, надо говорить тогда не о самоуправлениях, ибо такой термин показывает зависимость организаций управляющих от организации устройства государства. «Самоуправление» действует по правилам, учреждаемым центральной властью, и в пределах, определяемых ею же. Те же организации борющегося народа, о которых у нас идет речь, должны быть совершенно независимы от всех учреждений старой власти, должны вести борьбу за новое устройство государства, должны быть орудием всевластия народа (или самодержавия народа) и средством обеспечить таковое.

Одним словом, с точки зрения «самого процесса революции» во всех отношениях неудовлетворительна меньшевистская программа, отражающая путаницу меньшевистских идей по вопросу о временной власти и т. д.

7. Муниципализация земли и муниципальный социализм.

Сближение того и другого принадлежит самим меньшевикам, проведшим аграрную программу в Стокгольме. Достаточно назвать двух видных меньшевиков, Кострова и Ларина ⁸³). «Некоторые товарищи,—говорил Костров в Стокгольме,—как будто в первый раз слышат о муниципальной собственности. Напомню им, что в Зап. Европе есть целое направление» (именно!), «муниципальный социализм» (Англия), который состоит в расширении собственности городских и сельских муниципалитетов и за который стоят и наши товарищи. Многие муниципалитеты владеют недвижимым имуществом и это не противоречит нашей программе. Теперь мы имеем возможность достать (!) для муниципалитетов даром (!!)) недвижимое богатство и должны воспользоваться им. Конечно, конфискованные земли должны быть муниципализованы» (стр. 88).

Наивная точка зрения на «возможность даром достать богатство» выражена здесь великолепно. Оратор не подумал только о том, почему это «направлени» муниципального социализма именно как особое направление и прсимущественно в Англии, которую он взял в качестве примера, есть направление крайнего оппортунизма? Почему Энгельс, характеризуя в письмах к Зорге этот крайний интеллигентский оппортунизм английских фэбианцев, отметил мещанское значение их муниципализаторских стремлений?

В унисон с Костровым Ларин говорит в своем комментарии к меньшевистской программе: «Вить может, в некоторых местностях местное народное самоуправление сможет само вести эти крупные хозяйства за свой счет, как имеют, напр., городские думы конки или бойни, и тогда вся (!) прибыль от них будет в распоряжении всего (!) населения» *),—а пе местной буржуазии, любезный Ларин?

Мещанские иллюзии мещанских героев западно-европейского муниципального социализма уже дают себя знать сразу. Забыто и господство буржуазии, забыто и то, что только в городах с крупным процентом пролетарского населения удастся отстаивать для трудящихся кое-что из крох муниципального управления! Но это мимоходом. Главная фальшь «муниципально-социалистической» идеи муниципализации земли заключается в следующем.

Буржуазная интеллигенция на Западе, подобно английским фэбианцам, возводит муниципальный социализм в особое «направление» именно потому, что она мечтает о социальном мире, о примирении классов и желает перенести общественное внимание с коренных вопросов всего экономического строя и всего государственного устройства на мелкие вопросы местного самоуправления. В области вопросов первого рода классовые противоречия всего резче, имеппо эта область, как мы уже указывали, затрагивает самые основы господства буржуазии, как класса. Именно здесь поэтому мещанская реакционная утопия частичного осуществления социализма особенно безнадежна. Внимание переносится на области мелких местных вопросов, не вопроса о господстве буржуазии, как класса, не вопроса об основных орудиях этого господства, а вопроса о расходовании крох, бросаеьых богатой буржуазией на «нужды населения». Понятно, что если выделены такие вопросы о расходовании ничтожных (по сравнению с общей массой прибавочной стоимости и с общей суммой государственных расходов буржуазии) сумм, которые сама буржуазия соглашается отдать на народное здравие (Энгельс указывал в «Жилищ-

*) «Крестьянский вопрос и социал-демократия», стр. 66.

ном вопросе», что заразные эпидемии в городах пугают самое буржуазия), на народное образование (должна же буржуазия иметь обученных рабочих, способных применяться к высокому уровню техники!), и т. д., то в области таких мелких вопросов можно разглагольствовать о «социальном мире», о вреде классовой борьбы и т. п. Какая же тут классовая борьба, если сама буржуазия расходует деньги на «нужды населения», на медицину, на образование? К чему социальная революция, если через местные самоуправления можно понемножку и постепенно расширять «коллективную собственность», «социализировать» производство: конки, бойни, на которые так кстати указывает почтенный Ю. Ларин?

Мещанский оппортунизм этого «направления» состоит в том, что забывают узкие границы так называемого «муниципального социализма» (на деле муниципального капитализма, как справедливо говорят английские с.-д. против фабианцев). Забывают, что пока буржуазия господствует, как класс, она не может позволить затронуть хотя бы даже с «муниципальной» точки зрения настоящих основ ее господства, что если буржуазия позволяет, терпит «муниципальный социализм», то именно потому, что основ ее господства он не трогает, серьезных источников ее богатства не задевает, простирается только на ту местную, узкую область расходов, которую сама буржуазия отдаст в ведение «населения». Достаточно самого небольшого знакомства с «муниципальным социализмом» на Западе, чтобы знать, как всякая попытка социалистических муниципалитетов чуточку выйти из рамок обычного, т.-е. мелкого, мелочного, не дающего существенных облегчений рабочему, хозяйничанья, всякая попытка чуточку затронуть капитал вызывает всегда и безусловно решительное veto центральной власти буржуазного государства.

И вот эту-то основную ошибку, этот мещанский оппортунизм западно-европейских фабианцев, POSSIBИЛИСТОВ и БЕРНШТЕЙНИАНЦЕВ перенимают наши муниципализаторы.

«Муниципальный социализм» есть социализм в вопросах местного управления. То, что выходит за пределы местных интересов, за пределы функций государственного управления, т.-е. все, что касается основных источников дохода правящих классов и основных средств обеспечения их господства, все, что затрагивает не управление государством, а устройство государства, тем самым выходит из области «муниципального социализма». А наши мудрецы обходят остроту общенационального и самым непосредственным образом задевающего коренные интересы правящих классов вопроса о земле посредством зачисления этого вопроса в вопросы местного управления. На Западе

муниципализируют конки и бойни,—почему бы нам не муниципализировать лучшей половины всех земель?—рассуждает русский интеллигентик. Это годится и на случай реставрации, и на случай неполного демократизма центральной власти!

Получается аграрный социализм в буржуазной революции и социализм самый мешапский, рассчитывающий на притупление классовой борьбы по острым вопросам посредством перечисления этих вопросов в разряд мелких, касающихся только местного управления. На деле вопрос о хозяйстве на половине лучших земель не может быть ни вопросом местным, ни вопросом управления. Это вопрос общегосударственный, вопрос устройства не только помещичьего, но и буржуазного государства. И манить народ мыслью, будто возможно, до осуществления социалистического переворота, развитие «муниципального социализма» в земледелии,—значит вести самую непозволительную демагогию. Марксизм позволяет внести в программу буржуазной революции национализацию, потому что абсолютная рента мешает развитию капитализма, частная собственность на землю есть помеха капитализму. Но надо переделать марксизм в фабианский интеллигентский оппортунизм, чтобы в программу буржуазной революции включать муниципализацию крупных имений.

Здесь именно перед нами выступает различие мелко-буржуазных и пролетарских методов в буржуазной революции. Мелкая буржуазия, даже самая радикальная — наша партия с.-р. в том числе — предвидит не классовую борьбу после буржуазной революции, а всеобщее благоденствие и успокоение. Поэтому она заранее «вьет себе гнездышко», вносит планы мелко-буржуазного реформаторства в буржуазную революцию, беседует о разных «нормах», о «регулировании» землевладения, об укреплении трудового начала и трудового мелкого хозяйства и т. д. Мелко-буржуазный метод есть метод строительства отношений возможно большего социального мира. Пролетарский метод есть исключительно расчистка пути от всего средневекового, расчистка пути для классовой борьбы. Поэтому всякие «нормы» землевладения пролетарий может предоставить обсуждать мелким хозяйчикам: пролетария интересует только уничтожение помещичьих латифундий, только уничтожение частной собственности на землю, как последнего препятствия классовой борьбы в земледелии. В буржуазной революции нас интересует не мешанское реформаторство, не будущее «гнездышко» успокоенных мелких хозяев, а условия пролетарской борьбы против всякого мешанского успокоения на буржуазной почве.

Именно этот антипролетарский дух вносит в программу буржуазной аграрной революции муниципализация, ибо она не расширяет

и не обостряет классовой борьбы, вопреки глубоко-ложному мнению меньшевиков, а, наоборот, притупляет ее. Притупляет и тем, что допускает демократизм местный при неполном демократизме центра. Притупляет и идеи «муниципального социализма», ибо таковой мыслим в буржуазном обществе только в сторонке от столбовой дороги борьбы, только в мелких, местных, неважных вопросах, по которым даже буржуазия может уступить, может помириться, не теряя возможности сохранить свое господство, как класса.

Рабочий класс должен дать буржуазному обществу самую чистую, самую последовательную, самую решительную программу буржуазного переворота вплоть до буржуазной национализации земли. От мещанского реформаторства пролетариат с презрением отстраняется в буржуазной революции: нас интересует свобода для борьбы, а не свобода для мещанского счастья.

Оппортунизм интеллигенции в рабочей партии, естественно, тянет иную линию. Вместо широкой революционной программы буржуазного переворота внимание устремляется на мещанскую утопию: отстоять местный демократизм при недемократизме центра, обеспечить для мелкого реформаторства уголок муниципального хозяйства в стороне от крупных «передраг», обойти остроту необычайно острого земельного конфликта по рецепту антисемитов, т.-е. перечислением крупного национального вопроса по ведомству мелких местных вопросов.

8. Некоторые примеры порожденной муниципализацией путаницы.

Какая неясность посеяна «муниципализаторской» программой в головах с.-д., на какое беспомощное положение осуждены ею пропагандисты и агитаторы, об этом свидетельствуют следующие казусы.

Ю. Ларин, несомненно, один из видных и известных в литературе меньшевиков. В Стокгольме он принимал, как видно из Протоколов, живейшее участие в проведении программы. Его брошюра «Крестьянский вопрос и социал-демократия», вошедшая в серию брошюр «Нового Мира», является почти официальным комментарием к меньшевистской программе. И вот что пишет этот комментатор. Заключительные страницы его брошюры посвящены итогам вопроса о земельном преобразовании. Автор предусматривает тройкий исход этих преобразований: 1) дополнительные наделы в частную собственность крестьян за вознаграждение — «наиболее невыгодный исход для рабочего класса, низших слоев крестьянства и всего развития народного

хозяйства» (103). Второй исход — наилучший и 3); хотя невероятный, — «провозглашение на бумаге обязательного уравнительного пользования». Казалось бы, мы вправе ожидать, что второй исход, по мнению сторонника муниципализаторской программы, должен состоять в муниципализации? Нет. Слушайте:

«Быть может, все конфискованные или даже все вообще земли будут объявлены общей государственной собственностью и переданы в распоряжение местного самоуправления для бесплатной (??) раздачи в пользование всем хозяйствующим действительно на них, конечно, без обязательного по всей России введения уравнительного пользования и без запрещения наемного труда. Такое решение вопроса, как мы видели, наиболее обеспечивает как ближайшие интересы пролетариата, так и общие интересы социалистического движения и поднятие производительности труда — основной вопрос жизни России. Поэтому социал-демократы должны отстаивать и проводить аграрную реформу именно такого характера. Она будет иметь место тогда, когда в достигшей высшего развития революции сильны будут сознательные элементы общественного развития» (103).

Если Ю. Ларин или другие меньшевики думают, что здесь изложена программа муниципализации, то это трагикомическое заблуждение. Передача всех земель в собственность государства есть национализация земли, распоряжение которой нельзя себе и представить иначе, как через местные самоуправления, действующие в пределах общегосударственного закона. Под такой программой — не «реформ», конечно, а революции — я всецело подписываюсь, за исключением пункта о «бесплатной» раздаче хозяйничающим даже с наемным трудом. Обещать такую вещь за буржуазное общество — это более приличествует антисемиту, чем социал-демократу. Предполагать возможным такой исход в рамках капиталистического развития марксист не может, — считать желательной передачу ренты фермерам-предпринимателям тоже нет оснований. Но, за исключением этого пункта, который вероятнее всего объяснить обмолвкой автора, остается несомненным, что в популярной меньшевистской брошюре, как лучший исход в связи с высшим развитием революции, проповедуется национализация земли.

Тот же Ларин по вопросу о том, что делать с частновладельческими землями, пишет:

«Что же касается частновладельческих земель, занятых крупными производительными капиталистическими хозяйствами, то их конфискация мыслится социал-демократами отнюдь не для раздела между мелкими хозяевами. В то время, как средняя производительность мел-

кого крестьянского хозяйства на своей или арендованной земле не достигает 30 пудов с десятины, средняя производительность капиталистического сельского хозяйства превышает в России 50 пудов» (64).

Говоря это, Ларин в сущности выбрасывает за борт идею крестьянской аграрной революции, ибо его средние цифры урожайности относятся ко всем помещичьим землям. Если не считать возможным более широкое и более быстрое поднятие производительности труда в освобожденном от крепостничества мелком сельском хозяйстве, тогда вся вообще «поддержка революционных выступлений крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель» не имеет смысла. А затем Ларин забывает, что по вопросу о том, «для чего мыслится социал-демократами конфискация капиталистических хозяйств», есть решение Стокгольмского съезда.

Именно т. Струмилин внес на Стокгольмском съезде поправку — вставить после слов: экономическое развитие (в революции): «настаивая потому на том, чтобы конфискованные крупно-капиталистические экономии эксплуатировались и впредь капиталистически в общенародных интересах и на условиях, лучше всего обеспечивающих нужды сельско-хозяйственного пролетариата» (стр. 157). Поправка эта была отвергнута всеми против одного (там же).

И тем не менее пропаганда в массах идет, не считаясь с решением съезда! Муниципализация — настолько путаная вещь, в силу оставления частной собственности на надельные земли, что невольно комментирование программы расходится с разрешением съезда.

К. Каутский, которого так часто и так несправедливо цитировали в пользу той или иной программы (несправедливо потому, что он решительно отклонял от себя предложения высказаться определенно по этому вопросу, ограничиваясь выяснением некоторых общих истин), Каутский, которого точно для курьеза, притягивали даже в защиту муниципализации, писал, оказывается, М. Шанину в апреле 1906 года:

«Очевидно, я под муниципализацией понимал нечто иное, чем вы и, может быть, Маслов. Я понимал под ней вот что: крупное землевладение будет конфисковано и на нем и впредь будет вестись общинами (!) или более крупными организациями крупное хозяйство или же земля будет сдаваться в аренду производительным товариществам. Я не знаю, возможно ли это в России, не знаю также, пойдут ли крестьяне на это. Я и не говорю, что мы должны этого требовать, но думаю только, что если этого требуют другие, мы свободно могли бы с этим согласиться. Это был бы интересный эксперимент» *).

*) М. Шанин, «Муниципализация или раздел в собственности», Вильна 1907 г., стр. 4. М. Шанин справедливо выражает сомнение по поводу того, можно ли

Кажется, этих цитат достаточно, чтобы показать, как люди, вполне сочувственно относившиеся или относящиеся к Стокгольмской программе, уничтожают ее своими толкованиями. Виною тут—безнадежная путаница в программе, теоретически связанной с отрицанием теории ренты Маркса, практически приспособленной к невозможному «среднему» случаю с местным демократизмом при недемократизме центральной власти, экономически являющейся внесением мелкобуржуазного якобы социалистического реформаторства в программу буржуазной революции.

зачислять Каутского в сторонники муниципализации, и протест против меньшевистской рекламы (в «Правде») на счет Каутского. В письме Каутского, опубликованном Масловым, Каутский прямо говорит: «Мы можем предоставить крестьянам решение вопроса насчет форм, которые должна принять земельная собственность, отнятая у крупных землевладельцев. Я считал бы ошибкой хотеть что-либо навязать им в этом отношении» (*Маслов и Каутский*, «К вопросу об аграрной программе», стр. 16. Изд. «Н. Мира», М. 1906). Это вполне определенное заявление Каутского как раз включает муниципализацию, навязываемую меньшевиками крестьянам.

Г Л А В А V.

Классы и партии по прениям во Второй Думе об аграрном вопросе.

Нам кажется небесполезным подойти еще с несколько иной стороны к вопросу об аграрной программе рабочей партии в русской буржуазной революции. Разбор экономических условий переворота и политических соображений в пользу той или иной программы следует дополнить картиной борьбы разных классов и партий, охватывающей по возможности все интересы в непосредственном противопоставлении их друг к другу. Только такая картина может дать представление о рассматриваемом явлении (борьба за землю в русской революции) в его целом, исключая односторонность и случайность отдельных отзывов, проверяя теоретические выводы практическим чутьем самих заинтересованных лиц. Как отдельные лица, любые представители партий и классов могут заблуждаться, но когда они выступают на публичной арене, перед всем населением, то отдельные ошибки неизбежно выправляются соответственными группами или классами, заинтересованными в борьбе. Классы не ошибаются: в общем и целом они замечают свои интересы и политические задачи соответственно условиям борьбы и условиям общественной эволюции.

Для составления такой картины у нас есть превосходный материал в стенографических отчетах обеих Дум. Мы берем Вторую Думу, ибо она, несомненно, отражает борьбу классов в революции более полно и более зрело. Выборы во II Думу не бойкотировались ни одной влиятельной партией. Политическая группировка депутатов гораздо определеннее во II Думе, думские фракции более сплочены и более тесно связаны с соответственными партиями. Опыт I Думы дал уже немало материала, который помог всем партиям более обдуманно определить свою линию. По всем этим причинам следует предпочесть II Думу. На прения в I Думе мы будем ссылаться лишь в дополнение или пояснение заявлений, сделанных во II Думе.

Чтобы картина борьбы классов и партий по прениям II Думы была полна и точна, надо выделить каждую значительную и своеобразную думскую фракцию и характеризовать ее выдержками из главных речей по главным пунктам аграрного вопроса. Второстепенных ораторов нет возможности и нет надобности цитировать всех, и мы будем отмечать лишь тех, кто внес что-либо новое или дал заслуживающее внимания освещение какой-либо стороны дела.

Основные группы думских депутатов, явственно выделяющиеся в аграрных дебатах, следующие: 1) правые и октябристы, — разница между ними, как увидим, во II Думе сколько-нибудь существенно не проявлялась; 2) кадеты; 3) правые и октябристские крестьяне, стоящие, как увидим, левее кадетов; 4) беспартийные крестьяне; 5) народники или трудовики-интеллигенты, стоящие несколько правее 6) трудовиков-крестьян, затем 7) социалисты-революционеры; 8) «националы», представители нерусских народностей и 9) социал-демократы. Позицию правительства мы отметим в связи с той думской группой, с которой оно по существу сходится.

1. Правые и октябристы.

Позицию правых в аграрном вопросе лучше всех выразил граф Бобринский в речи 29 марта 1907 г. (18 засед. II Думы). Пospорив с левым священником Тихвинским насчет свящ. писания и его заветов повиноваться властям, помянув «самую чистую, самую светлую страницу русской истории» (1289) *)—освобождение крестьян (мы скажем об этом ниже), граф «с открытым забралом» подходит к аграрному вопросу. «Каких-нибудь 100—150 лет тому назад в Зап. Европе почти повсюду крестьяне жили так же бедно, так же принижено и невежественно, как у нас теперь. Была та же община, как и у нас в России, с переделом по душам, этот тиичный пережиток феодального строя» (1293). Теперь,—продолжает оратор,—крестьяне в Зап. Европе живут в достатке. Спрашивается, какое чудо превратило «нищего, приниженого крестьянина в зажиточного, уважающего себя и других, полезного гражданина»? «Тут есть только один ответ: чудо это совершила крестьянская личная собственность, собственность, которую мы, правые, будем отстаивать всеми силами нашего разума, всею мощью нашего искреннего убеждения, ибо мы знаем, что в собственности сила и будущность России» (1294). «Со середины прошлого века агро-

*) Цифры, без дальнейших обозначений, означают везде страницы стенографического отчета.

номическая химия сделала удивительные открытия в области питания растений, и заграничные крестьяне — мелкие собственники наравне (??) с крупными — сумели использовать эти открытия пауки и применением искусственного удобрения достигли еще большего повышения урожаев, а теперь, когда на нашем великолепном черноземе мы получаем 30—35 пудов зерна, а иногда и семян не получаем, за границей из года в год в среднем достигается урожай от 70 до 120 пудов, смотря по стране и климатическим условиям. Вот вам разрешение земельного вопроса. Это не мечта, не фантазия. Это поучительный исторический пример. И не по стопам Пугачева и Стеньки Разина с криком «Сарынь на кичку» пойдет русский крестьянин (ой, граф, не ручайтесь!), «он пойдет по единственному верному пути, по которому пошли все цивилизованные народы, по пути своих соседей Зап. Европы и по пути, наконец, наших польских братьев, по пути западно-русских крестьян, которые сознали всю гибельность чересполосного владения и местами уже стали вводить хуторское хозяйство» (1296). Граф Бобринский говорит далее, и справедливо говорит, что «этот путь указан в 1861 г. при освобождении крестьян от крепостной зависимости». Он советует не пожалеть «десятков миллионов» на то, чтобы «создать зажиточный класс крестьян-собственников». Он заявляет: «вот, господа, в общих чертах аграрная программа. Это не программа предвыборных и агитационных посул. Это не программа ломки существующих социальных и юридических норм» (это программа насильственного выживания со света миллионов крестьянства), «это не программа опасных фантазий, а это программа вполне осуществимая» (это еще вопрос) «и испытанная» (что правда, то правда). «И давно пора бросить мечту о какой-то экономической самобытности русского народа... Но как объяснить себе, что совершенно неосуществимые проекты, как проект трудовой группы и проект партии народной свободы, внесены в серьезное законодательное собрание? Ведь никогда никакой парламент в мире не слыхал об отобрании в казну всей земли или о том, чтобы землю взять у Ивана и отдать Петру... Появление этих проектов есть результат растерянности (объяснил!). Итак, русское крестьянство, перед тобой выбор двух путей: одна дорога широкая и на вид легкая — путь захвата и принудительного отчуждения, к которому тебя отсюда призывали. Путь этот вначале заманчив, он идет под изволок, но кончается обрывом» (для помещиков?) «и гибелью как для крестьянства, так и для всего государства. Другой путь — путь узкий и тернистый — идет в гору, но этот путь ведет тебя к высотам правды, права и прочного благополучия» (1299).

Как видит читатель, это — правительственная программа. Ее именно осуществляет Столыпин своим знаменитым законодательством

по 87 статье. Эту же самую программу формулировал Пуришкевич в своих аграрных тезисах (20 заседание, 2 апреля 1907 г., стр. 1532—1533). Эту же самую программу по частям защищали октябристы, начиная со Святополк-Мирского в первый день прений по аграрному вопросу (19 марта), кончая Капустиным («крестьянам нужна земля в собственность, а не в пользование, как это предлагается» — 24 заседание 9 апреля 1907 г., стр. 1805; речь Капустина встречена аплодисментами правой «и части центра»).

В программе черносотенцев и октябристов нет и намека на защиту докапиталистических форм хозяйства, например, на прославление патриархальности земледелия и т. п. Защита общины, имевшей весьма еще недавно горячих сторонников среди высшей бюрократии и помещиков, окончательно сменилась ярой враждой к общине. Черносотенцы становятся вполне на почву капиталистического развития, рисуют безусловно программу эконоимически-прогрессивную, европейскую; это необходимо особенно подчеркнуть, потому что у нас очень распространен вульгарный и упрощенный взгляд на характер реакционной политики помещиков. Если либералы нередко изображают черносотенцев шутами и глупцами, то надо сказать, что такая характеристика гораздо более применима к кадетам. Реакционеры же наши отличаются чрезвычайной ясностью классового сознания. Они прекрасно знают, чего они хотят, куда они идут, на какие силы они рассчитывают. У них нет ни тени половинчатости и нерешительности (по крайней мере, во II Думе: в Первой была растерянность у г.г. Бобринских). У них ясно чувствуется связь с вполне определенным классом, привыкшим командовать, оценившим верно условия сохранения своего господства в капиталистической обстановке и отстаивающим свои интересы беззастенчиво — хотя бы это стоило ускоренного вымирания, забивания, выселения миллионов крестьян. Реакционность черносотенной программы состоит не в закреплении каких-либо докапиталистических отношений или порядков (в этом отношении все партии в эпоху II Думы стоят уже, в сущности, на почве признания капитализма, как данного), а в развитии капитализма по юнкерскому типу для усиления власти и доходов помещика, для подведения нового, более прочного фундамента, под здание самодержавия. Противоречия между словом и делом у этих господ нет: наши реакционеры тоже «люди дела», как говорил Лассаль про немецких реакционеров в отличие от либералов.

Как относятся эти люди к национализации земли? Например, к той частной национализации с выкупом, которой требовали кадеты в I Думе, оставляя — подобно меньшевикам — собственность на мелкие

участки и создавая государственный земельный запас из остальных земель? Не уловили ли они в идее национализации возможности укрепить бюрократию, упрочить центральную буржуазную власть против пролетариата, восстановить «государственный феодализм» и «китайщину»?

Напротив, их приводит в ярость всякий намек на национализацию земли, и они борются против нее так, как будто бы заимствовали свои доводы у Плеханова. Вот вам правый помещик, дворянин Ветчинин. «Я думаю, — говорил он в 39 заседании, 16 мая 1907 г., — что вопрос о принудительном отчуждении должен быть решен в отрицательном смысле с точки зрения правовой. Сторонники этого мнения забывают, что нарушение прав частных собственников присуще тем государствам, которые стоят на низкой ступени общественности и государственного развития. Стоит только нам вспомнить московский период, когда нередко отбирались земли у частных собственников на царя и передавались затем приближенным царя и монастырям. К чему привело такое отношение правительства? Последствия были ужасны» (619).

Вот на какую замазку пошла плехановская «реставрация московской Руси!» И не один Ветчинин тянет эту ноту. В I Думе помещик Н. Львов, бывший на выборах кадетом, потом ушедший вправо и после разгона Думы беседовавший со Столыпиным о портфеле, — этот субъект совершенно так же ставил вопрос. «В проекте 42-х, — говорит он о кадетском перводумском проекте, — поражает отпечаток все того же старого бюрократического деспотизма, который стремится все уравнивать» (12 засед., 19 мая 1906 г., стр. 479—480). Он «заступался» — совсем в духе Маслова — за нерусские национальности: «как подчинить ей (уравнительности) всю Россию, и Малороссию, и Литву, и Польшу, и Остзейский край?». Он грозил: «в С.-Петербурге вы должны создать огромную земельную канцелярию... в каждом уголке держать целый штат чиновников».

Эти крики о бюрократизме и о закрепощении в связи с идеей национализации — крики наших муниципалистов, некстати списавших с немецкого образца, — составляют положительно основной мотив всех правых речей. Вот октябрист Шидловский — против принудительного отчуждения, обвиняет кадетов в проповеди «прикрепощения» (12 засед. II Думы, 19 марта 1907 г., стр. 752). Вот Шульгин вопиет, что собственность неприкосновенна, что принудительное отчуждение — «ломка культуры и цивилизации» (16 засед., 26 марта 1907 г., стр. 1133). Шульгин ссылается — не говорит только, не по «Дневнику» ли Плеханова — на Китай XII века, на печальный результат китайского эксперимента с национализацией (1137). Вот Скирмунт в I Думе:

собственником будет государство! «опять благодать для бюрократии Эльдорадо» (10 зас., 16 мая 1906 г., стр. 410). Вот октябрист Танцов во II Думе восклицает: «с гораздо бóльшим основанием эти упреки (упреки о крепостничестве) могут быть переброшены на левую сторону и в центр. Что же в самом деле готовят эти проекты для крестьян, как не порабощение их земле; как не то же самое крепостное право, только в ином виде, в котором помещики будут заменены ростовщиками и чиновниками» (39 зас., 16 мая 1907 г., стр. 653).

Конечно, лицемерие этих воплей о бюрократизме бьет в глаза, ибо именно крестьяне, требующие национализации, выдвинули замечательную идею местных земельных комитетов, выбранных всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Но черносотенные помещики вынуждены хвататься за все и всяческие доводы против национализации. Классовое чутье подсказывает им, что национализация в России XX в. неразрывно связана с крестьянской республикой. В других странах, где в силу объективных условий не может быть крестьянской аграрной революции, дело обстоит, разумеется, иначе, — напр., в Германии, где национализаторским планам могут сочувствовать Кауницы, где социалисты и слышать не хотят о национализации, где буржуазное движение за национализацию ограничивается интеллигентским сектантством. Чтобы бороться с крестьянской революцией, правые должны были выступить перед крестьянами в роли защитников крестьянской собственности против национализации. Мы видели один пример у Бобринского. Вот другой у Ветчипина: «Вопрос этот (о национализации земли) должен, кажется, быть разрешен в отрицательном смысле, так как он не находит сочувствия даже в крестьянской сфере: они желают владеть землею на праве собственности, но не на праве арендования» (39 зас., стр. 621). За крестьян так говорить могли только помещики да министры. Я считаю излишним, ввиду общеизвестности этого факта, приводить цитаты из речей г.г. Гурко, Столыпиных и им подобных героев, распинаящихся за собственность.

Единственным исключением из правых является терский казак Караулов, о котором мы уже упоминали выше. Соглашаясь отчасти и с кадэтом Шиигаревым, Караулов говорил, что казачьи войска — «громкая земельная община» (1363), что «скорее подлежит уничтожению частная собственность на землю», чем община, и защищал «широкую муниципализацию земли, обращение в собственность отдельных областей» (1367). В то же время он жаловался на придирки бюрократии, на то, что «мы своему добру не хозяева» (1368). О значении этих казацких симпатий муниципализации мы уже сказали выше.

2. Кадеты.

Как и все партии, кадеты во II Думе всего полнее и цельнее выразили свою истинную природу. Они «нашли себя», заняв место центра, критикуя с «государственной точки зрения» и правых и левых. Контр-революционную свою сущность кадеты обнаружили ясным поворотом вправо. И чем же ознаменовали они этот поворот в аграрном вопросе? Тем, что окончательно выбросили за борт все остатки идеи национализации земли, отказались вовсе от плана «государственного земельного запаса» и встали на сторону передачи земли в собственность крестьян. Да, условия сложились в русской революции именно так, что повернуть вправо—значит повернуть в сторону частной земельной собственности!

Официальный оратор кадетской партии по аграрному вопросу, бывший министр Кутлер, сразу перешел к критике левых (12 зас., 19 марта 1907 г.). «Раз никто не предлагает уничтожения собственности вообще,—воскликнул этот достойный коллега Витте и Дурново,—необходимо во всей силе признать существование собственности на землю» (737). Этот довод целиком совпадает с рассуждениями черносотенцев. Черносотенец Крупенский так же, как кадет Кутлер, кричал: «если делить, то делить все» (784).

Как истый чиновник, Кутлер особенно подробно останавливался на вопросе о разных нормах «наделения» крестьян. Не опираясь ни на какой сплоченный класс, либеральный интеллигент и либеральничаящий чиновник обходит вопрос о том, сколько именно земли у помещиков, сколько можно взять. Он предпочитает говорить о «нормах», чтобы под видом поднятия вопроса на государственную высоту затемнить вопрос, скрыть, что кадеты оставляют помещичье хозяйство. «Даже правительство, говорит г. Кутлер,—вступило на путь расширения крестьянского землепользования» (734),—значит, нет ничего неосуществимого в таком же чиновничьем проекте кадетов. Настаивая на практичности и осуществимости, кадет, разумеется, набрасывает покрывало на то, что критерием является для него возможность уговорить помещиков, т.-е., иначе говоря, подогнать свой проект к их интересам, подслужиться черносотенцам под видом высшего примирения классов. «Мне кажется, господа,—говорит Кутлер,—что можно представить себе те политические условия, при которых законопроект о национализации земли мог бы получить силу закона, но я не могу себе представить в ближайшем будущем тех политических условий, при которых этот закон мог бы действительно быть осуществлен» (733). Говоря попросту, можно представить себе свержение

власти черносотенных помещиков, но я себе не представляю этого и потому подлаживаюсь под данную власть.

Отстаивая предпочтительность крестьянской собственности на землю перед планом трудовиков вообще и «уравнительным пользованием» в особенности, г. Кутлер аргументировал так: «Если для этого (уравнение земли) будут назначены особые чиновники, то ведь будет установлен такой невероятный деспотизм, такое вмешательство в народную жизнь, которого мы до сих пор не знаем. Конечно, предлагается передать это дело местным органам самоуправления, лицам, избранным самим населением; но можно ли считать, что население вполне гарантировано от произвола этих лиц, что эти лица всегда будут действовать согласно с его интересами, что от них население не потерпит никакой тягости? Я думаю, что здесь присутствующие крестьяне знают то, что их собственные выборные лица, выборные старшины и старосты сплошь да рядом являются такими же угнетателями населения, какими являются и чиновники» (740). Можно ли представить себе более гнусное лицемерие? Сами кадеты предлагают земельные комиссии с преобладанием помещиков (поровну от помещиков и от крестьян с председательством чиновника или помещика), а крестьянам преподносят опасность деспотизма и произвола от их выборных! Так возражать против уравнивания земли могут только бесстыдные политические шарлатаны, ибо у них нет ни принципов социализма (как у с.-д., доказывающих невозможность уравнивания, но целиком поддерживающих выборные местные комитеты), ни принципов единоспасающей частной собственности помещиков (как у Вобринских).

В отличие и от правых и от левых план кадетов характеризуется не тем, что они говорят, а тем, о чем они умалчивают: составом земельных комитетов, которые должны принудить крестьян принять «второе освобождение», т.-е. втридорога получить «песочки». Чтобы затушевать эту суть вопроса, кадеты во II Думе (как и в Первой) прибегают к приемам настоящего мошенничества. Вот вам г. Шингарев. Он корчит из себя прогрессиста, повторяет ходячие либеральные фразы против правых, он оплакивает, как водится, насилие и анархию, за которые Франция «заплатила столетием тяжелых потрясений» (1855), но посмотрите, как он вывертывается по вопросу о землеустроительных комитетах:

«Нам возражал, — говорит он, — депутат Евреинов *) о землеустроительных комитетах. Я не знаю (sic!!), на чем он построил свои воз-

*) Социалист-революционер Евреинов сказал в том же заседании (18 зас., 29 марта 1907 г.): «Эти земельные комитеты, по предположению партии народной

ражения, до сих пор мы совершенно об этом не говорили (ложь!); я не знаю, о каком проекте он говорит, почему он говорит о недоверии к народу. Проекта такого в Госуд. Думу еще не представлено, и он основывает свои возражения, повидимому, на недоразумениях. Я целиком примыкаю к тем депутатам слева, Успенскому и Волк-Карачевскому, которые говорили о временных правилах, о необходимости устройства местных органов для землеустройства на местах. Я думаю, что такие органы будут устроены, и, вероятно, на-днях партия народной свободы внесет соответствующий законопроект, и тогда мы будем его обсуждать» (1356).

Ну, разве же это не мошенничество? Разве мог в самом деле этот субъект не знать ни о прениях в I Думе по вопросу о местных комитетах, ни о тогдашней статье в «Речи»? Разве мог он не понять совершенно ясного заявления Евреинова?

Но он обещал «на-днях» внести законопроект, скажете вы. Во-первых, обещание вернуть добытое мошенничеством не уничтожает факта мошенничества. А во-вторых, вот что случилось «на-днях». Г. Шингарев говорил 29 марта 1907 г., 9 апреля 1907 г. говорил кадет Татаринов и сказал: «Затем, господа, теперь я коснусь еще одного вопроса, который, мне кажется» (только «кажется!»), «возбуждает большие споры—именно вопроса, который выдвигается всеми партиями, стоящими влево от нас: вопроса о местных земельных комитетах. Все эти партии выдвигают необходимость образования местных земельных комитетов на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, с целью разрешения земельного вопроса на местах. Мы в этом отношении и в прошлом году высказались совершенно категорически против комитетов, категорически высказываемся и теперь» (1783).

свободы, должны состоять из землевладельцев и крестьян в равном количестве, а в качестве примирителей их будут чиновники, которые уже несомненно дадут перевес в сторону не-крестьян. Почему же партия народной свободы, называясь партией «народной свободы», не доверяет комитетам, избранным не чиновническим способом, а демократическим путем? Вероятно потому, что если комитеты будут избираться таким образом, то, несомненно, в них в громадном большинстве попадут крестьяне, т.-е. представители крестьянских интересов. Спрашиваю я тогда, доверяет ли в таком случае партия народной свободы крестьянам? Ведь мы помним, в 1858 г. правительство при земельной реформе передало этот вопрос на места, в комитеты. Правда, комитеты эти были дворянские, но ведь правительство—не партия народной свободы, и правительство—представитель богатых людей и вообще имущих классов. Оно опирается на дворян и доверяет этим дворянам. Партия же народной свободы хочет опереться на народ и не доверяет этому народу» (1326).

Итак, по важнейшему вопросу о реальных условиях кадетского «принудительного отчуждения» два кадета говорят разное, бросаются из стороны в сторону под ударами левых партий, делающих явным то, что кадеты желали оставить тайным! Г. Шингарев говорит сначала: «не знаю», потом: «согласен с левыми», потом: «на-днях законопроект». Г. Татарянов говорит: «мы и прежде и теперь категорически против». Он добавляет еще рассуждение о том, что нельзя раздроблять Думу на тысячу Дум, что нельзя откладывать аграрный вопрос до проведения политических реформ, до введения всеобщего и т. д. избирательного права. Но ведь это же опять увертки. Вопрос идет совсем не о моменте проведения той или иной меры: на этот счет у левых во II Думе не могло быть никаких сомнений. Вопрос идет о том, каковы истинные планы кадетов: кто кого принуждает в их «принудительном отчуждении» — помещики крестьян или крестьяне помещиков? На это дает ответ только состав земельных комитетов. Состав этот определен кадетами и в милюковской передовице в «Речи», и в проекте Кутлера, и в статье Чупрова (цитировано выше), но в Думе кадеты промолчали об этом составе, не дав ответа на поставленный в упор вопрос Евреинова.

Нельзя достаточно настаивать на том, что такой образ действий представителей партии в парламенте есть именно обман народа либералами. Насчет Бобринских и Столыпиных едва ли кто обманывается, насчет кадетов — очень многие, не желающие разбирать или неспособные понять действительное значение политических лозунгов и фраз.

Итак, кадеты против какой бы то ни было формы общественного пользования землей *), против безвозмездного отчуждения, против местных земельных комитетов с преобладанием крестьян, против революции вообще и особенно против крестьянской аграрной революции. На их позицию лавирования между левыми и правыми (для выдачи крестьян помещикам) проливает свет их отношение к крестьянской

*) Особенно замечательны в этом отношении прения в I Думе по вопросу о на правлении аграрного проекта 33-х (об отмене частной собственности на землю). Кадеты (Петрункевич, Муханов, Шаховской, Френкель, Овчинников, Долго-руков, Кокошкин) бешено нападали на передачу такого проекта в комиссию, встретив полную поддержку Гейдена. Доводы кадетов непристойны со стороны чуточку уважающего себя либерала; это — какие-то полицейские отговорки лакеев реакционного правительства. Передать в комиссию, — говорил, напр., г. Петрункевич, — значит признать, что до известной степени «возможна» точка зрения подобного проекта. Г. Жилкин стыдил кадетов (23 зас., 8 июня 1906 г.), говоря, что он передал бы в комиссию и этот проект и проект крайних правых. Но кадеты и правые 140 голосами против 78 провалили сдачу проекта в комиссию.

«реформе» 1861 года. Левые, как мы увидим ниже, все говорят о ней с отвращением и негодованием, как о петле, надетой на крестьян помещиками. Кадеты солидарны с правыми, в умилении пред такой реформой.

Граф Бобринский говорил: «Тут забрасывали грязью самую чистую, самую светлую страницу русской истории... Дело освобождения крестьян выше всякого упрека... великий и светлый день 19 февраля 1861 г.» (29 марта, стр. 1289, 1299).

Кутлер говорил: «великая реформа 1861 г., правительство, в лице председателя совета министров, отрекается от русской истории, от лучших и самых светлых ее страниц» (26 мая, стр. 1198—1199).

Эта оценка действительно проведенного принудительного отчуждения проливает больше света на кадетскую аграрную программу, чем все их проекты и речи, написанные для того, чтобы скрыть свои мысли. Если люди считают самой светлой страницей обезземеление крестьян помещиками, тройной выкуп за «песочки» и введение уставных грамот военными экзекуциями, то ясно становится, что они добиваются «второго освобождения», второго закабаления крестьян посредством выкупа. Бобринский и Кутлер солидарны в оценке реформы 1861 года. Но оценка Бобринского прямо и верно выражает правильно понятые интересы помещиков,—поэтому она прочищает классовое сознание широких масс. Бобринские хвалят — значит, поживились помещики. Оценка Кутлера, выражая скудоумие чинуши, всю жизнь гнувшего спину перед помещиками, полна лицемерия и затемняет сознание масс.

В связи с этим надо отметить еще одну сторону кадетской политики в аграрном вопросе. Все левые прямо становятся на сторону крестьян, как борющиеся силы, разъясняют необходимость борьбы, указывают на помещичий характер правительства. Кадеты с правыми становятся на «государственную точку зрения» и отвергают классовую борьбу.

Кутлер заявляет, что не надо «перестраивать в корне земельные отношения» (732). Савельев предостерегает против того, чтобы «затронуть массу интересов», говоря: «принцип полного отвержения собственности едва ли был бы удобен, и могут встретиться очень большие и серьезные осложнения в его приложении, в особенности, если мы примем во внимание, что у крупных владельцев, имеющих свыше 50 дес., очень много земель, а именно 79.440.000 десятин» (26 марта 1907, стр. 1088—крестьянин ссылается на латифундии, чтобы доказать необходимость их уничтожения; либерал—чтобы доказать необходимость низкопоклонства). Шингарев «величайшим несчастьем считал бы, если бы народ сам взял землю» (1755). Родичев соловьем поет: «не раз-

живаем мы классовой вражды, нам бы хотелось забыть прошлое» (стр. 632, 16 мая 1907). Капустин то же самое: «наша задача — сеять везде мир и справедливость, а не сеять и раздувать классовую вражду» (стр. 1810, 9 апреля). Крупенский возмущается речью социалиста-революционера Зимина за то, что она «полна ненависти к имущим классам» (стр. 783, 19 марта). Одним словом, в осуждении классовой борьбы кадеты и правые едино суть. Но правые знают, что делают. Тому классу, против которого направляется борьба, не может не быть вредна и опасна проповедь классовой борьбы. Правые верно блюдут интересы крепостников-помещиков. А кадеты? Они ведут борьбу— говорят, что ведут борьбу!—они хотят «принудить» помещиков, в руках которых власть, и они осуждают классовую борьбу. Так ли поступила действительно борющаяся, а не лакействующая перед помещиками буржуазия хотя бы во Франции? Не звала ли она парод на борьбу, не разжигала ли классовой вражды, не создавала ли теорию классовой борьбы?

3. Правые крестьяне.

Во II Думе в виде исключения попадают настоящие правые крестьяне—чуть ли не один Ременчик (Минской губ.), знать не знающий никакой общины и никаких «фондов», горой стоящий за собственность (в I Думе много польских и западно-русских крестьян за собственность). Но и этот Ременчик высказывается за отчуждение «по справедливой оценке» (648), т.-е. оказывается в сущности кадетом. Другие «правые крестьяне» II Думы потому выделяются нами в особую группу, что они, несомненно, левее кадетов. Возьмите Петроченко (Витебск. губ.). Он начинает с того, что «до смерти будет защищать царя и отечество» (1614). Правые аплодируют. Но вот он переходит к вопросу о «малоземелье». «Сколько прений ни ведите,— говорит он,— другого земного шара не создадите. Придется, значит, эту землю нам отдавать. Здесь кто-то из ораторов указывал, что крестьяне паши темны и невежественны и не к чему и бесполезно им давать много земли, так как она все равно пользы не принесет. Конечно, земля нам раньше мало пользы приносила, именно тем, у которых ее не было. А что мы невежественны, так мы ничего иного и не просим, как земли, чтобы по своей глупости в ней же ковыряться. С своей стороны я думаю, что, конечно, дворянину и неприлично возиться с землей. Здесь говорилось о том, что частновладельческих земель нельзя коснуться по закону. Я, конечно, согласен с тем, что закона надо придерживаться, но для того, чтобы устранить малоземелье, нужно написать такой закон, чтобы все это и сделать по закону. А чтобы никому не было

обидно, то для этого депутат Кутлер предлагал хорошие условия. Конечно, он, как человек богатый, дорого сказал, и мы, крестьяне, бедные, столько не можем заплатить, а о том, как нам жить — обществами, подворными владениями или хуторами, то я считаю, с своей стороны, нужным предоставить всем, как кому удобно жить» (1616).

Между этим правым крестьянином и российским либералом целая пропасть. Первый на словах предан старой власти, на деле добывается земли, борется с помещиками и не согласится платить кадетских размеров выкуп. Второй на словах борется за народную свободу, на деле устраивает второе закабаление крестьян помещикам и старой власти. Второй может двигаться только вправо, от I Думы до II, от II до III. Первый, разочаровавшись в том, что землю ему «отдадут», пойдет в другую сторону. Нам больше по дороге окажется, пожалуй, с «правым» крестьянином, чем с «либеральным», «демократическим» кадетом...

Вот крестьянин Шиманский (Минск. губ.). «Я пришел сюда защищать веру, царя и отечество и требовать земли... конечно, не грабежом, а мирным путем, по справедливой оценке... Поэтому я от всех крестьян предлагаю членам Думы, помещикам, чтобы они вышли на эту кафедру и сказали, что они желают уступить крестьянам по справедливой оценке землю, и тогда наши крестьяне их, конечно, поблагодарят, да я думаю, что и царь-батюшка поблагодарит. Тех же помещиков, которые не согласятся так, я предлагаю Г. Думе обложить их земли прогрессивными налогами, несомненно, со временем они нам тоже уступят, потому что познают, что большой кусок горло дерет» (1716).

Этот правый крестьянин понимает под принудительным отчуждением и под справедливой оценкой совсем не то, что имеют в виду кадеты. Кадеты обманывают не только левых крестьян, но и правых. Как отнеслись бы правые крестьяне к кадетским планам составления земельных комитетов (по-кутлеровски или по-чупровски: см. т. II «Аграрного вопроса»), если бы они ознакомились с ними, видно из следующего предложения крестьянина Мельника (октябрист Минск. губ.). «Я считаю долгом,—говорил он,—чтобы в количестве 60% попали в комиссию (аграрную) крестьяне, практически знающие нужду (I) и знакомые с положением крестьянского сословия, а не те крестьяне, которые, может быть, носят только звание крестьян. Это вопрос благосостояния крестьян и вообще бедного народа, а никакого политического значения в нем нет. Надо выбрать тех людей, которые могут решить на благо народа этот вопрос практически, а не политически» (1285). Далеко влево пойдут эти правые крестьяне, когда контр-революция

покажет им политическое значение «вопросов благосостояния бедного народа».

Чтобы показать, как бесконечно далеки друг от друга представители монархического крестьянства и представители монархической буржуазии, приведу выдержки из речи «прогрессиста» свящ. Тихвинского, говорившего местами от имени Крестьянского Союза и Трудовой группы. «Наше крестьянство в массе царелюбиво,—говорил он.— Как бы я хотел быть шапкой-невидимкой и ковром-самолетом, лететь к подножию трона и сказать, засвидетельствовать: государь, первый твой враг, первый враг народа, это — безответственное министерство... Крестьянство трудовое требует только, чтобы строго был проведен принцип: «вся земля — всему народу»... (по вопросу о выкупе)... «Не бойтесь, господа правые, положитесь на наш народ, не обездолит он вас. (Голоса справа: «спасибо! спасибо!»). Теперь я обращусь к словам докладчика от партии народной свободы. Он говорит, что программа партии народной свободы недалеко от программы крестьянства и Трудовой группы. Нет, господа, далека эта программа. Мы слышали от докладчика: «положим, наш проект и менее справедлив, но он более практичен». Господа, справедливостью жертвуют в пользу практических соображений!» (789).

По своему политическому миросозерцанию этот депутат стоит на уровне кадета. Но какая разница между его деревенской наивностью и «дельцами» адвокатуры, чиновничества, либеральной журналистики!

4. Беспартийные крестьяне.

Беспартийные крестьяне представляют особый интерес, как выразители мнений наиболее сознательной и организованной деревенской массы. Мы приведем поэтому выдержки из речей всех беспартийных крестьян *), тем более, что их много: Сахно, Семенов, Мороз, Афанасьев.

«Господа народные представители,—говорил Сахно (Киевской губ.),—трудно крестьянским депутатам всходить на эту трибуну и возражать господам богатым помещикам. В настоящее время крестьяне

*) При определении принадлежности депутатов Второй Думы к той или иной фракции или партии мы пользовались официальным изданием самой Гос. Думы: список депутатов по партиям и группам. Некоторые депутаты переходили из одной партии в другую, но, по газетным известиям, учет этих переходов невозможен. Притом пользоваться разными источниками по этому вопросу — значило бы внести только путаницу.

живут очень бедно оттого, что у них земли... Крестьянин терпит от помещиков, страдает, так как помещик ужасно притесняет его... Почему помещику можно держать много земли, а на долю крестьян остается только одно царствие небесное? Итак, г.г. народные представители, когда меня посылали сюда крестьяне, они наказывали мне, чтобы я отстаивал их нужды, чтобы им была дана земля и воля, чтобы все казенные, кабинетские, удельные, частновладельческие и монастырские земли были принудительно отчуждены безвозмездно... Знайте, господа народные представители, голодный человек не может сидеть спокойно, если он видит, что, несмотря на его горе, власть на стороне господ помещиков. Он не может не желать земли, хотя бы это было и противозаконно; его нужда заставляет. Голодный человек готов на все, потому что его нужда заставляет ни с чем не считаться, так как он голоден и беден» (стр. 1482—1486).

Так же бесхитростна и так же сильна по своей простоте речь беспартийного крестьянина Семенова (Подольской губ., депутат от крестьян):

...«Горькая беда заключается именно в тех интересах крестьян, которые страдают целый век без земли. Двести лет они ждут, не упадет ли с неба для них добро, но оно не падает. Добро находится у господ крупных землевладельцев, которые с нашими дедами и отцами достали эту землю, между тем как земля есть божья, а не помещичья... Я прекрасно понимаю, что земля принадлежит всему трудовому народу, который на ней трудится... Депутат Пуришкевич говорит: «Революция, караул», что такое? Да если у них землю отнять принудительным отчуждением, то они будут революцией, а не мы, мы все будем борцами, любезными людьми... А что у нас есть 150 десятин, как у священника? А в монастырях? А в церквях? На что она им? Нет, господа, довольно собирать сокровища да хранить по карманам, надо жить по существу. Страна разберется, господа, я понимаю все прекрасно, мы—честные граждане, мы политикой не занимаемся, как говорил один из предшествовавших ораторов... Они (помещики) только ходят да пузо себе понажирали с нашей крови, с наших соков. Мы вспомним, мы их не будем так обижать, мы и им земли дадим. Если посчитать, то у нас придется на каждый двор по 16 десятин, а г.г. крупным землевладельцам еще остается по 50 десятин... Тысячи, миллионы народа страдают: а господа пиршествуют... а как военная служба, мы знаем, захворал — «у него земля есть на родине». Да где же его родина? Да родины совсем нет. Родина есть только, что он по спискам стоит, где он родился, и записано, какой он религии, а земли у него нет. Теперь я говорю: меня народ просил, чтобы церковные»

монастырские, казенные, удельные и принудительно-отчужденные помещичьи земли передать в руки трудового народа, который на ней будет трудиться, и на места передать: там они разберутся; я вам скажу, что народ меня послал, чтобы требовать земли и воли и полной гражданской свободы; и мы будем жить и не будем показывать, что те барины, а те крестьяне, а будем все люди и будем каждый на своем месте барином» (стр. 1930—1934).

Когда читаешь такую речь «не занимающегося политикой» крестьянина, то до осязательности ясно становится, что осуществление не только столыпинской, но и кадетской аграрной программы требует десятилетий систематического насилия над крестьянской массой, систематического избиения, истребления пытками, тюрьмой и ссылкой всех думающих и пытающихся свободно действовать крестьян. Столыпин это понимает и сообразно с этим действует. Кадеты этого частью не понимают, по свойственному либеральным чиновникам и профессорам тупоумию, частью лицемерно скрывают, «стыдливо умалчивают», как о военных экзекуциях 1861 и след. годов. Если же это систематическое и ни перед чем не останавливающееся насилие сорвется о какие-нибудь внутренние или внешние препятствия, то беспартийный честный крестьянин, не занимающийся политикой, создаст из России крестьянскую республику.

Крестьянин Мороз в коротенькой речи просто заявил: «Нужно земли отобрать от священников и помещиков» (1955), и затем сослался на Евангелие (не в первый уже раз в истории буржуазные революционеры черпают свои лозунги из Евангелия)... «Как не принесешь священнику хлеба и полштыфа водки, он и крестить ребенка не будет... Они еще говорят о святом Евангелии и читают: «просите — и дастся вам, стучите — и отверзется». Мы просим, просим, а нам не дают, и стучим — не дают; что же, придется двери ломать и отбирать? Господа, не допустите двери ломать, отдайте добровольно, и тогда будет воля, свобода, и вам будет хорошо и нам» (1755).

Вот беспартийный крестьянин Афанасьев, который оценивает казачью «муниципализацию» не с точки зрения казака, а с точки зрения «почти пришельца». «Я должен, господа, первым долгом сказать, что я — представитель от крестьянства Донской области, которого там более 1.000.000 и от которого я попал сюда только один; это уже дает знать, что мы там почти пришельцы... Меня до бесконечности удивляет: неужели Петербург кормит деревню? Нет, напротив. Я когда-то служил в Петербурге 20 с прибавкой лет, и я тогда уже замечал, что не Петербург деревню, а деревня Петербург кормит. Так и в настоящее время я замечаю. Все эти прекраснейшие архи-

гектары, все эти возведения постройки, все эти прекрасные, прелестные дома, все это воздвигается теми же крестьянами, как и 25 лет тому назад воздвигалось... Пуришкевич привел пример, что у казака более 20 десятин земли имеется, и он также голодает... Почему же он не сказал, где эта земля? Есть земля, есть и в России земля, да кто ею владеет? Если он знал, что там столько земли, и не сказал, след., он несправедливый человек, а если он не знал, так не надо было и начинать об этом говорить. А если, в самом деле, быть может, он не знал, так прошу, господа, позвольте ему сказать, где эта земля, и сколько ее, и кто ею владеет. Если ее пересчитать, то окажется, что в области Войска Донского под частным коннозаводством числится 753.546 дес. Теперь я еще упомяну о калмыцком коннозаводстве, о так называемых кочевьях. Там находится всего вообще 165.708 дес. Потом во временном арендовании содержится богатыми людьми 1.055.919 дес. Все эти земли находятся в руках людей — не тех людей, которых пересчитывал Пуришкевич, а у кулаков, богачей, которые давят нас; получают скотину—половину с нас дерут, да один рубль за десятину, да целковый за то животное, на котором мы пашем, а между тем нам надо своих детей кормить да казачек, да казачат. Вот поэтому у нас и голод оказывается». И оратор рассказывает, что по 2.700 дес. получают арендаторы за поставку 8 лошадей «под кавалерию»; крестьяне могли бы больше поставлять. «Я расскажу вам, что я хотел убедить наше правительство, что оно жестоко ошибается, не делая этого. Я писал в редакцию «Сельского Вестника», чтобы они отпечатали. Мне ответили, что не наше дело правительство учить». Таким образом, на «муниципализованной» земле, отданной в собственность области, «центральное не-демократическое правительство» создаст de facto новых помещиков: муниципализация, как открыл т. Плеханов, есть гарантия от реставрации...

«Правительство нам открыло широкие двери через Крестьянский банк приобретать земли,—это тот хомут, что в 1861 г. был надет. Оно нас хочет переселить в сибирские пределы... Не лучше ли сделать так: вывезти туда этого человека, который имеет тысячи десятин, от которого остается земля, и на это сколько будут сыты (аплодисменты слева; голоса справа: «старо, старо»)... В Японскую войну я вел своих мобилизованных солдат через те земли (помещичьи), о которых я здесь упоминал. Нам пришлось до сборного пункта более 2 суток ехать. Солдаты меня спрашивают: «куда ты нас ведешь?». Я говорю: «под Японию».—«Что делать?»—«Защищать родину». Я сам, как военный человек, чувствовал, что нужно защищать родину. Солдаты мне говорят: «какая же это родина—земли Лисецких, Везу-

ловых, Подкопайловых? Где же тут наше? Нашего ничего нет». Они мне говорили то, что я третий год не могу стереть со своего сердца... Следовательно, господа... Я должен в общей сложности сказать, что во всех тех правах, которые в нашей России существуют, начиная от князей и идя по дворянам, казакам, мещанам и не упоминая слова крестьянин, все должны быть русскими гражданами и пользоваться землей — все те, кто на ней трудится, прикладывает к ней свой труд, лелеет и любит ее. Трудись, потей и пользуйся ею. Но если не хочешь на ней жить, не хочешь на ней трудиться, не хочешь прикладывать к ней свой труд, то не имеешь права ею и пользоваться» (1974).

«Не упоминая слова — крестьянин!» — это замечательное изречение вырвалось «из сердца глубины» у крестьянина, который хочет разорвать сословность землевладения («все те права, которые в нашей России существуют»), хочет уничтожить самое имя низшего сословия, крестьянского. «Пусть все будут гражданами». Равное право на землю трудящихся есть не что иное, как до конца последовательное приложение точки зрения хозяина к земле. Никаких других оснований землевладения (вроде землевладения «за службу» у казаков и т. п.), никаких других соображений, никаких других отношений, кроме прав хозяина на землю, соображений «лелеяния» земли, отношений «прикладывающего труд» к земле. Именно так и должен смотреть фермер, который хочет свободного хозяйства на свободной земле, устранения всего постороннего, мешающего, старого, всех прежних форм землевладения. Ну, разве не глупым применением непродуманной доктрины было бы со стороны марксистов отсоветовать такому хозяину национализацию и учить его пользе частной собственности на надельные земли?

В Первой Думе крестьянин Меркулов (Курск. губ.) выразил ту же самую мысль относительно национализации надельных крестьянских земель, которую мы приводили выше из данных о съездах Крестьянского Союза. «Пугают тем, — сказал Меркулов, — что и крестьянин не расстанется с тем клочком, которым сейчас владеет. На это я скажу: кто же у них отнимает? Ведь даже при полной национализации отойдет только та земля, которую хозяин не обрабатывает своими силами, а посредством наемного труда» (118 засед., 30 мая 1906 г., стр. 822).

Это говорит крестьянин, владеющий, по его собственным словам, 60 дес. земли в собственность; конечно, уничтожить наемный труд в капиталистическом обществе или запретить его — мысль детская, но мы должны отсекал неправильные мысли именно там, где начи-

нается неправильность,—начиная с «социализации» и запрещения наемного труда *), а не с национализации.

Тот же крестьянин Меркулов возражал против кадетского проекта 42-х, совпадающего с муниципализацией в том отношении, что наделенные земли остаются в собственность, помещичьи отдаются в пользование. Это — «какая-то переходная ступень от одного строя к другому... вместо одного получается два владения: частная собственность и арендное пользование, т.-е. две не только не склеенные, но прямо противоположные формы землевладения» (стр. 1823).

5. Народники-интеллигенты.

В речах народников-интеллигентов, особенно эн-эсов, т.-е. оппортунистов народничества, надо различать две струи: с одной стороны, искреннюю защиту интересов крестьянской массы—в этом отношении речи их производят, по понятным причинам, несравненно более слабое впечатление, чем речи «не занимающихся политикой» крестьян; с другой стороны, некоторый кадетский душок, нечто интеллигентски-мещанское, покушение на государственную точку зрения. Само собой разумеется, что у них, в отличие от крестьян, видна доктрина: они борются не во имя непосредственно сознаваемых нужд и бедствий, а во имя известного учения, системы взглядов, извращенно представляющих содержание борьбы.

«Земля—трудящимся»,—провозглашает г. Караваев в первой своей речи и характеризует столыпинское аграрное законодательство по 87 статье, как «уничтожение общины», как «политическую цель»: «образование особого класса деревенского буржуа».

«Мы знаем, что действительно эти крестьяне являются первой опорой реакции, являются надежной опорой бюрократии. Но правительство, делая эти расчеты, жестоко ошиблось: на-ряду с этим будет крестьянский пролетариат. Не знаю, что лучше: крестьянский ли пролетариат или малоземельное теперешнее крестьянство, которое при известных мерах могло бы получить достаточное количество земли» (722).

Тут сквозит реакционное народничество в духе В. В. «Лучше»? для кого? для государства? для помещичьего или буржуазного государства? И почему пролетариат не «лучше»? Потому что малоземельное крестьянство «могло бы получить», т.-е. легче могло бы быть

*) Эту неправильную идею нам даже нечего и «отсекать», ибо сами «резвые» трудовики с «резвыми» г.г. Пешехошовыми во главе уже отсекали ее,

успокоено, легче переведено в лагерь порядка, чем пролетариат? Так выходит у г. Караваева; точно он хочет посоветовать Столыпину и К^о более надежную «гарантию» от социальной революции?

Если бы г. Караваев был прав по существу, то марксисты не могли бы поддерживать конфискации помещичьих земель в России. Но г. Караваев неправ, ибо столыпинский «путь» создаст больше пауперов, чем пролетариев, замедлив — по сравнению с крестьянской революцией — развитие капитализма. Сам же Караваев говорил — и говорил справедливо, что столыпинская политика обогащает не новые, буржуазные, элементы, не фермеров-капиталистов, а теперешних помещиков, наполовину по-крепостнически хозяйничающих. В 1895 г. цена земли была при продаже через «Крестьянский» банк 51 руб. за дес., а в 1906 году — 126 руб. (Караваев в 47 засед., 26 мая 1907 г., стр. 1189). А коллеги г. Караваева по партии, г.г. Волк-Карачевский и Деларов, еще рельефнее осветили значение этих цифр. Деларов показал, что «до 1905 г. за 20 слишком лет своего существования Крестьянский банк скупил всего $7\frac{1}{5}$ милл. дес»; с 3-го же ноября 1905 г. по 1 апреля 1907 г. банк скупил $3\frac{3}{8}$ милл. дес. В 1900 г. цена была 80 руб. за 1 дес., в 1902—108; в 1903 до аграрного движения и до русской революции она стоила 109 р. Теперь—126 руб. «В то время, как вся Россия терпела массу убытков от русской революции, в это время русские землевладельцы наживали крупные капиталы. В это время им перешло более 60 милл. руб. народных денег» (стр. 1220—считая «правильной» ценой 109 р.). А г. Волк-Карачевский считает гораздо вернее, не признавая никакой цены «правильною» и просто констатируя, что правительством выплачено помещикам после 3 ноября 1905 г. 52 милл. р. за счет купленных крестьянских земель и 242 милл. р. за свой собственный счет, всего «295 милл. р. народных денег было уплачено дворянам-помещикам» (1080). Это, разумеется, только маленькая частица того, что стоит России юнкерски-буржуазная аграрная эволюция, какова дасть, налагаемая на рост производительных сил в пользу крепостников и бюрократов! Эту дань помещикам за освобождение развития России сохраняют и кадеты (выкуп). Наоборот, буржуазная республика фермеров вынуждена была бы употребить подобные суммы на развитие производительных сил земледелия при новом строе *).

*) Сравни *Каутский*, «Аграрный вопрос в России» о необходимости затраты громадных капиталов на агрикультурный прогресс крестьянства. «Муниципалисты» могут возразить здесь: буржуазная республика затратит на республиканские войска, а вот демократическое земство... у него отнимет деньги, любезнейшие г.г. муниципалисты, недемократическая центральная власть! Да и самое

Наконец, в актив народникам-интеллигентам надо поставить безусловно то, что они в противоположность Бобринским и Кутлеграм понимают обман народа в 1861 г., называют пресловутую реформу не великой, а «проводимой в интересах помещиков» (Караваев, стр. 1193). Действительность,—справедливо говорил г. Караваев о пореформенной эпохе,—«превозмогла самые мрачные предсказания» тех, кто в 1861 г. отстаивал интересы крестьянства.

По вопросу о крестьянской собственности на землю г. Караваев прямо противопоставил правительственным заботам о ней вопрос крестьянам: «Господа крестьяне-депутаты, вы — представители народа. Ваша жизнь есть крестьянская жизнь, ваше сознание есть его сознание. Когда вы уезжали, жаловались ли ваши избиратели на то, что у них нет уверенности в земельном владении? Ставили ли первой вашей задачей в Думе, первым вашим требованием: «Смотрите, укрепите землю в частную собственность, иначе вы не исполните нашего наказа». Нет, вы скажете, этого наказа нам не давали» (1185).

Крестьяне не опровергали этого заявления, а подтвердили его всем содержанием своих речей. И это не потому, конечно, что русский крестьянин есть «общинник», «анти-собственник», а потому, что экономические условия диктуют ему теперь задачу уничтожения всех старых форм землевладения для создания нового хозяйства.

В пассив народникам-интеллигентам надо поставить их широко-вещательные рассуждения о «нормах» крестьянского землевладения. «Я думаю, всякий согласится, что для того, чтобы правильно решить земельный вопрос, — заявляет г. Караваев, — необходимы следующие данные: прежде всего норма земли, необходимая для существования, потребительная, а для исчерпания всего количества труда—трудовая. Необходимо точно знать количество земли, имеющееся у крестьян, — это даст возможность сосчитать, сколько земли недостает. Затем нужно знать, сколько же земли можно дать?» (1186).

Мы решительно не соглашаемся с этим мнением. И мы утверждаем на основании заявлений крестьян в Думе, что тут есть элемент интеллигентного бюрократизма, чуждый крестьянам. Крестьяне не говорят о «нормах». Норма, это — бюрократическое измышление, отрывок проклятой памяти крепостнической реформы 1861 года. Крестьяне, руководимые верным классовым чутьем, центр тяжести

возникновение такого земства при недемократической центральной власти невозможно, это невинное пожелание мещанина. Реально только соотношение буржуазной республики (больше всего по сравнению с другими государствами расходующей на развитие производ. сил,—пример: Сев. Америка) и буржуазной монархии (десять лет платящей дань юнкерам, пример: Германия).

переносят на уничтожение помещичьего землевладения, а не на «нормы». Не в том дело, сколько земли «надо». «Другого земного шара не создадите», как бесподобно выразился вышеупомянутый беспартийный крестьянин. Дело в том, чтобы уничтожить давящие крепостнические латифундии, которые заслуживают уничтожения даже в том случае, если «нормы» окажутся независимо от того достигнутыми. У интеллигента-народника дело сбивается на то, что если «норма» достигнута, то, пожалуй бы, и не трогать помещиков. У крестьян не тот ход мысли: «крестьяне, сбросьте их» (помещиков),—говорил крестьянин Пьяных (с.-р.) во II Думе (16 засед., 26 марта 1907 г., стр. 1101). Не потому надо сбросить помещиков, что «нормы» не выходят, а потому, что не хочет земледелец-хозяин таскать на себе ослов и пивок. То и другое рассуждение — «две большие разницы».

Не говоря о нормах, крестьянин с замечательным практическим чутьем «берет быка за рога». Вопрос в том, кто их будет устанавливать? Священник Поярков в I Думе великолепно выразил это. «Предполагается установить норму земли на человека, — сказал он. — Кто будет устанавливать эту норму? Если сами крестьяне, то, конечно, они себя не обидят, но если вместе с крестьянами будут устанавливать норму и землевладельцы, то еще вопрос, кто одолеет при выработке нормы» (12 засед., 19 мая 1906 г., стр. 488).

Это не в бровь, а в глаз всей болтовне о нормах.

У кадетов это не болтовня, а прямое предательство мужиков помещикам. И добродушный деревенский священник г. Поярков, видевший, очевидно, либеральных помещиков на деле, у себя в деревне, инстинктивно схватил, где тут фальшь.

«Зачем бояться,—говорил тот же Поярков,—что будет много чиновников! Крестьяне сами распределят земли!» (488—489). Вот в чем гвоздь вопроса. «Нормы» действительно отдают чиновничеством. У крестьян иное: распределим сами на местах. Отсюда идея местных земельных комитетов, выражающая правильные интересы крестьянства в революции и законно возбуждающая ненависть либеральных негодяев *). Государству, при таком плане национализации, остается только определение того, какая земля может служить переселенческим фондом, или требовать особого вмешательства («леса и воды, имеющие общегосударственное значение», как говорит теперешняя наша

*) Рабочие правительства в городах, крестьянские комитеты в деревнях (превращающиеся в известный момент в выборные всеобщим и т. д. голосованием),—такова единственно возможная форма организации победоносной революции, т.-е. диктатуры пролетариата и крестьянства. Неудивительно, что либералы ненавидят эти формы организации борющихся за свободу классов!

программа), т.-е. остается только то, что даже «муниципалпсты» считают необходимым передать в ведение «демократического государства» (надо было сказать: республики).

Сопоставляя разговоры о нормах с экономической действительностью, мы сразу увидим, что крестьяне — люди дела, а интеллигенты-народники — люди слова. «Трудовая» норма имела бы серьезное значение при попытке запретить наемный труд. Большинство крестьян выбросило за борт эти попытки, и эн-эсы признали их невозможными. Раз так, вопрос о «норме» падает, и остается раздел между данным числом хозяев. «Потребительная» норма есть норма нищеты, и в капиталистическом обществе крестьянство всегда будет бежать от такой «нормы» в города (об этом особо ниже). Значит, и тут дело совсем не в «норме» (меняющейся притом с каждым изменением культуры, изменением техники), а в разделе между наличным числом хозяев, в «разборке» между хозяевами настоящими, способными «лелеять» землю (и трудом, и капиталом), и хозяевами негодными, которых нельзя удержать в земледелии и реакционно было бы пытаться удерживать.

Как курьез, показывающий, куда ведут народнические теории г.г. народников, приведем ссылку г. Караваева на Данию. Европа, видите ли, «уперлась в частную собственность», а наша община «помогает разрешить задачу кооперации». «Дания в этом отношении блестящий пример». Пример, действительно, блестящий — против народников. В Дании мы видим типичнейшее буржуазное крестьянство, концентрирующее и молочный скот (см. часть I. «Аграрный вопрос и критики Маркса», § X) и землю. Из всего числа датских земледельческих хозяйств 68,3% имеют до 1 гарткорна, т.-е. до 9 дес. приблизительно. У них всего 11,1% всей земли. На другом полюсе 12,6% хозяйств с 4 и более гарткорнами (36 и более десятин), у них—62% всей земли (Н. С. «Аграрная программа», изд. «Нов. Мира», стр. 7). Комментарии излишни.

Интересно отметить, что в I Думе Данией козырял либерал Герценштейн, а правые возражали (в обеих Думах): в Дании — крестьянская собственность. Национализация земли нужна у нас, чтобы дать свободу старым хозяйствам перестроиться на «разгороженной» земле «по-датски», а за превращением аренды в собственность дело не станет, если сами крестьяне этого потребуют, ибо вся буржуазия и бюрократия всегда поддержит в таком деле крестьянство. И кроме того, при национализации развитие капитализма (развитие «по-датски») пойдет быстрее вследствие отмены частной собственности на землю.

6. Крестьяне-трудовики (народники).

По существу, крестьяне-трудовики и крестьяне эсеры не отличаются от беспартийных крестьян. Вы ясно видите из сопоставления речей тех и других те же нужды, те же требования, то же мирозерцание. У партийных крестьян только больше сознательности, яснее способ выражения, цельнее понимание зависимости между разными сторонами вопроса.

Едва ли не лучшая речь — крестьянина Киселева, трудовика, в 26 заседании Второй Думы (12 апреля 1907 г.). В противоположность «государственной точке зрения» либерального чинуши, здесь центр тяжести прямо переносится на то, что «вся внутренняя политика нашего правительства, фактическими руководителями которой являются помещики-землевладельцы, вся направлена к тому, чтобы сохранить землю в руках нынешних владельцев» (1943). Оратор показывает, что именно поэтому держат народ «в непроходимом невежестве», и останавливается на речи октябриста кн. Святополк-Мирского. «Вы не забыли, конечно, его ужасных слов: «оставьте всякую мысль об увеличении площади крестьянского землевладения. Сохраните и поддержите частных владельцев. Наша серая, темная крестьянская масса без помещиков, это — стадо без пастыря». Товарищи-крестьяне, нужно ли добавлять к этому что-нибудь, чтобы вы поняли, что за вождения таятся в душах этих господ, благодетелей наших? Неужели вам не ясно, что они до сих пор тоскуют и вздыхают о крепостном праве? Нет, господа пастыри, довольно... Я хотел бы только одного: чтобы эти слова благородного Рюриковича вся серая крестьянская Русь, вся русская земля крепко запомнила, чтобы эти слова огнем горели в душе каждого крестьянина и ярче солнца освещали ту пропасть, которая стоит между нами и непрошенными благодетелями. Довольно, нам нужны не пастыри, а вожди, которых мы сумеем найти и помимо вас, с ними мы найдем дорогу и к свету, и к правде, найдем дорогу и к обетованной земле» (1947).

Трудовик всецело стоит на точке зрения революционного буржуа, который обольщается, думая, что национализация земли даст «обетованную землю», но который за данную революцию борется беззаветно и с ненавистью встречает мысль об урезании ее размаха: «Партия народной свободы отказывается от справедливого решения аграрного вопроса... Господа народные представители, может ли законодательное учреждение, каким является Г. Дума, в своих действиях поступиться справедливостью в пользу практичности? Можете ли вы издавать законы, наперед зная, что они несправедливы?.. Неужели

вам мало тех несправедливых законов, которыми наградила нас наша бюрократия, чтобы нам самим еще их создавать? Вы отлично знаете, что из практических соображений — успокоить Россию — у нас посылались карательные экспедиции; всю Россию объявили на исключительном положении; из практических соображений введены военно-полевые суды. Но скажите мне на милость, кто из нас восторгается этой практичностью? Не проклинали ли вы ее все? Не задавайте вопроса, как тут некоторые задавали» (оратор намекает, очевидно, на кадетского помещика Татаринова, говорившего в 24 заседании, 9 апреля: «справедливость, господа, — понятие довольно условное», «справедливость — это есть тот идеал, к которому мы все стремимся, но идеал этот остается» (у кадета) «только идеалом, и будет ли возможность фактически его осуществить, — это для меня вопрос», стр. 1779): «что такое справедливость? Человек — вот справедливость. Родился человек, справедливо, чтобы он жил, а для этого справедливо, чтобы он имел возможность трудом добывать себе кусок хлеба»...

Вы видите: этот идеолог крестьянства стоит на типической точке зрения французского просветителя XVIII века. Он не понимает исторической ограниченности, исторически-определенного содержания его справедливости. Но он хочет, и класс, который он представляет, может во имя этой абсолютной справедливости смести до тла все остатки средневековья. Именно это реальное историческое содержание и заключается в постановке вопроса: никаких «практических» соображений в ущерб справедливости. Читай: никаких уступок средневековью, помещикам, старой власти. Это — язык деятеля Конвента. А для либерала Татаринова «идеал» буржуазной свободы «остается только идеалом», за который он не борется серьезно, не жертвует всем для его осуществления, а идет на сделку с помещиком. Киселевы могут вести народ на победоносную буржуазную революцию, Татариновы — только на предательство.

«Во имя практичности партия народной свободы ⁸⁴⁾ предлагает не создавать никакого права на землю. Она опасается, что такое право привлечет в деревню массу людей из города, и в таком случае земли каждому достанется понемногу. Я хотел бы прежде всего спросить, что такое право на землю? Право на землю, это — право на труд, это — право на хлеб, это — право на жизнь, это неотлагаемое право каждого человека. Так как же мы можем лишить кого-нибудь этого права? Партия народной свободы говорит, что если бы дать такое право всем гражданам и разделить между ними землю, то ее достанется всем понемногу. Но ведь право и практическое его осуществление — совершенно не одно и то же. Каждый из вас, здесь сидящих,

имеет право жить в какой-нибудь Чухломе и, однако, живет здесь, и, наоборот, те, кто живут в Чухломе, имеют такое же право жить в Петербурге и, однако, торчат в своей норе. Поэтому опасаться, что предоставление права на землю всем желающим трудиться на ней привлечет из города массу людей, совершенно неосновательно. В деревню пойдут из города только те, кто не порвал еще связи с нею и теперь, в деревню пойдут только те, кто недавно ушел в город... Люди, имеющие в городе действительно прочный, обеспеченный заработок, в деревню не пойдут... Я думаю, что только полная и бесповоротная отмена частной собственности на землю... и т. д., только такое решение мы можем признать удовлетворительным» (1950).

Эта типичная для трудовика тирада ставит перед нами интересный вопрос: есть ли разница между такими речами о праве на труд и речами французских мелко-буржуазных демократов 1848 года ⁸⁵⁾ о праве на труд? И то и другое, несомненно, декламация буржуазного демократа, смутно выражающая действительное историческое содержание борьбы. Но декламация трудовика смутно выражает действительные задачи буржуазной революции, которая по объективным условиям возможна (т.-е. возможна крестьянская аграрная революция в России XX века), — а декламация французского Kleinbütger'a 1848 г. смутно выражает задачи социалистической революции, которая была невозможна во Франции в половине прошлого века. Другими словами: право на труд французского рабочего половины XIX века выражало пожелание обновить все мелкое производство на началах кооперации, социализма и проч., а это было экономически невозможно. Право на труд русского крестьянина XX века выражает пожелание обновить мелкое земледельческое производство на национализированной земле, а это экономически вполне возможно. В «праве на труд» русского крестьянина XX века есть, ⁸⁶⁾ кроме ложной социалистической теории, реальное буржуазное содержание. В «праве на труд» французского мещанина и рабочего половины XIX века нет ничего, кроме ложной социалистической теории. Вот эту разницу просматривают многие наши марксисты.

А трудовик сам показывает реальное содержание своей теории: на землю пойдут не все, хотя все «имеют равное право». Ясно, что пойдут на землю или осядут на земле только хозяева. Отмена частной собственности на землю есть отмена всех препятствий хозяевам устраиваться на земле.

Неудивительно, что, проникнутый беззаветной верой в крестьянскую революцию и желанием служить ей, Киселев с презрением говорит о кадетах, об их желаниях отчуждить не всю землю, а часть, — заста-

вить платить за землю, — сдать дело в «земельные учреждения неизвестного звания» — одним словом, о «синичке, ошипанной партией нар. свободы» (1950—1951). Неудивительно также, что Струве и подобные ему должны были возненавидеть трудовиков особенно после II Думы: пока русский крестьянин будет трудовиком, до тех пор не могут удалиться планы кадетов. А когда русский крестьянин перестанет быть трудовиком, тогда окончательно исчезнет разница между кадетом и октябристом!

Вкратце отметим других ораторов. Вот крестьянин Нечитайло: «Те люди, которые иапитаны кровью, насосались мозгов крестьянских, называют их невежами» (779). Головин обрывает: помещик может оскорблять крестьянина, но мужик... помещика? «Эти земли, которые принадлежат народу, — нам говорят: покупайте их. Разве мы — приезжие иностранцы из Англии, Франции и т. д.? Мы народ здешний, с какой стати мы должны покупать свои земли? Они нами уже десять раз отработаны кровью, потом и деньгами» (780).

Вот крестьянин Кириосов (Сарат. губ.): «Теперь мы более ни о чем не говорим, как о земле; нам опять говорят: священна, неприкосновенна. Я думаю, не может быть, чтобы она была неприкосновенна; раз того желает парод, не может быть ничего неприкосновенного *). (Голос справа: «ого! верно! ого!», аплодисменты слева.) Господа дворяне, вы думаете, мы не знаем, когда вы нас на карту ставили, когда вы нас на собак меняли? Знаем, это была все ваша священная, неприкосновенная собственность... Украли у нас землю... Крестьяне, которые посылали меня, сказали так: земля наша, мы пришли сюда не покупать ее, а взять» (1144) **).

Вот крестьянин Васютин (Харьк. губ.): «Мы видим здесь в лице представителя г. председателя совета министров не министра всей страны, а министра 130.000 помещиков; 90 милл. крестьян для него ничего не составляют. Вы (обращаясь к правым) занимаетесь эксплуатацией, отдаете внаймы свои земли по дорогой цене и дерете последнюю

*) Характерное выражение простым крестьянином революционной идеи самодержавия народа. Другой буржуазии, кроме крестьянства, нет в нашей революции для осуществления этого требования пролетарской программы.

***) Трудовик-крестьянин в I Думе Назаренко (Харьк. губ.) говорил: «Если вы будете рассуждать о том, как крестьяне смотрят на землю, то я вам скажу, что как для детей необходима грудь матери, так для нас, крестьян — земля. С этой точки зрения мы только и рассуждаем о земле. Вы, вероятно, внаете, что в очень недавнее время господа заставляли наших матерей кормить своей грудью щенков. Это самое делается и теперь. Но только дело в том, что теперь щенки господские сосут не ту мать, которая нас родила и кормила, а ту, которая нас кормит — землю» (495).

шкуру с крестьянина... Знайте, что народ, если правительство не удовлетворит нужды... не спросит вашего согласия, он возьмет землю... Я — украинец (рассказывает, как Екатерина подарила Потемкину рощицу: 27 тыс. десятин и 2.000 крестьян)... Раньше земля продавалась за 25—50 р. за десятину, а теперь арендная плата 15—30 р. за десятину, а сенокос 35—50 р. Это дерикожество. (Голос справа: «Что? дерикожество?» Смех.) Ничего, не стесняйтесь, будьте покойны (аплодисменты слева); я называю это сдиранием последней шкуры с крестьян» (стр. 643, 39 зас. 16 мая).

Общей чертой у крестьян-трудовиков и у крестьянской интеллигенции является живость воспоминаний о крепостном праве. Всех их объединяет ключом бьющая ненависть к помещикам и к помещичьему государству. Во всех них бушует революционная страсть. Одни вовсе не думают о будущем, созидаемом ими строе, стихийно напрягая силы, чтобы «сбросить их». Другие утопически размалывают этот строй, по все ненавидят компромисс со старой Россией, все борются за то, чтобы не оставить на проклятом средневековьи камня на камне.

Когда сравниваешь речи революционных крестьян во Второй Думе и речи революционных рабочих, то невольно бросается в глаза следующее различие. У первых неизмеримо больше непосредственной революционности, страсти немедленного разрушения помещичьей власти, немедленного созидания нового строя. Крестьянин горит желанием тут же броситься на врага и душить его. У рабочего революционность отвлеченнее, она как бы отодвинута на более далекие цели. Это различие вполне понятное и законное. Крестьянин делает сейчас, немедленно, свою, буржуазную, революцию, не видя противоречий внутри ее, не допуская мысли о таких противоречиях. Рабочий социал-демократ видит их и, ставя себе всемирно-социалистические цели, не может связать судьбу рабочего движения с исходом буржуазной революции. Из этого не следует только выводить, что рабочий должен в буржуазной революции поддерживать либерала. Из этого следует выводить, что рабочий, не сливая себя ни с каким другим классом, должен со всей энергией помочь крестьянину довести до конца эту буржуазную революцию.

7. Социалисты-революционеры.

Речи интеллигентов-эс-эров (крестьян мы отмечали выше среди трудовиков) полны такой же непримиримой критики кадетов и войны с помещиками. Не повторяя сказанного уже выше, отметим новую

черту этой группы депутатов. В отличие от эн-эсов, вместо идеала социализма склонных рисовать идеал... Дании, в отличие от крестьян, которые чужды всякой доктрине и выражают непосредственное чувство угнетенного человека, столь же непосредственно идеализирующего освобождение от данной формы эксплуатации,—эс-эры вносят в свои речи доктрину своего «социализма». Вот Успенский и Сагателян («дашнакцутюн» — очень близки к эс-эрам, и «молодые» даже входят в партию с.-р.) ставят вопрос об общине. Последний оратор довольно паивно замечает: «к прискорбию нужно заметить, что, развивая широкую теорию национализации земли, не особенно подчеркивают живой уцелевший институт, на основании которого можно только двигаться вперед... От всех этих ужасов (ужасы Европы, разрушение мелкого хозяйства и т. д.) ограждает община» (1122).

«Прискорбие» почтенного рыцаря общины нам будет понятно, если мы примем во внимание, что он говорил 26-м оратором по аграрному вопросу.

Перед ним высказалось не менее 14 левых, трудовиков и т. п., и все они «не особенно подчеркивали живой уцелевший институт!» Есть от чего «заскорбеть», видя такое же равнодушие думских крестьян к общине, какое проявили и съезды Крестьянского Союза. Сагателян и Успенский принялись за общину, как настоящие сектанты среди крестьянской революции, не желающей знать старых земельных союзов. «Я чую некоторую опасность для общины»,— скорбит Сагателян (1123). «Именно теперь следует во что бы то ни стало спасти общину» (1124). «Эта форма (т.-е. община) может развернуться в мировое движение, способное указать решение всех экономических вопросов» (1126). Все эти рассуждения об общине г. Сагателян разводил, видимо, «грустно и некстати». А его коллега Успенский, критикуя столыпинское законодательство против общины, выразил пожелание, «чтобы была сокращена до последних пределов, до последней степени, мобилизация земельной собственности» (1115).

Это пожелание народника, несомненно, реакционно. Но курьезно, что партия с.-р., от имени которой такое пожелание выставилось в Думе, отстаивает отмену частной собственности на землю, не сознавая, что таким путем создается наибольшая мобилизация земли, наиболее свободный и легкий переход ее от хозяина к хозяину, наиболее свободное и легкое проникновение капитала в земледелие! Смешение частной собственности на землю с господством капитала в земледелии есть характерная ошибка буржуазных национализаторов земли (Джорджа ⁸⁶) в том числе и мн. других). В стремлении «сократить мобилизацию» эс-эры совпадают с кадетами, представитель кото-

рых Кутлер прямо заявил в своем докладе: «партия нар. свободы полагает ограничить их (крестьян) только в праве отчуждения и в праве залога, т.-е. предотвратить в будущем широкое развитие купли и продажи земель» (12 зас., 19 марта 1907 г., стр. 740).

Кадеты связывают это реакционное пожелание с такими приемами разрешения аграрного вопроса (господство помещиков и бюрократии), которые обеспечивают возможность нелепых чиновничьих запретов и канцелярской волокиты, помогающей закабалению крестьян. Эс-эры связывают реакционное пожелание с такими мероприятиями, которые исключают возможность чиновничьих стеснений (местные земельные комитеты на основе всеобщего и т. д. голосования). У первых реакционна вся их (бюрократически-помещичья) политика в буржуазной революции. У вторых реакционен мещанский «социализм», ошибочно навязываемый последовательной буржуазной революцией.

Интересно по вопросу об экономических теориях эс-эров отметить рассуждения их думских представителей о влиянии аграрного преобразования на развитие промышленности. Наивная точка зрения буржуазных революционеров, чуть-чуть прикрытая шелухой доктрины народничества, выступает замечательно рельефно. Вот, напр., с.-р. Кабаков (Перм. губ.), известный на Урале организатор Крестьянского Союза, «президент алапаевской республики», он же «Пугачев» *). Он чисто по-крестьянски обосновывает право крестьян на землю, между прочим, тем, что крестьяне никогда не отказывались защищать Россию от врагов (1953). «К чему наделение земель?—воскликает он.— Мы прямо объявляем, что земля должна быть всеобщим достоянием трудового крестьянства, и крестьяне сумеют поделить землю между собой на местах, без всякого вмешательства каких-то чиновников, о которых давно мы уже знаем, что они никакой пользы не принесли крестьянству» (1954). «Целые заводы у нас на Урале остановились, так как листовое железо не получает сбыта, а между тем в России все хаты крыты соломой. Следовало бы все эти дома крестьян покрыть железом уже давно. Рынки есть, но покупателей нет. Кто у нас является покупательной массой? Стомиллионное трудовое крестьянство—это и есть фундамент покупательной массы» (1952).

Да, тут верно выражены условия действительно капиталистического производства на Урале вместо векового полуфеодалного

*) См. «Список членов II Г. Думы», частное издание неизвестного автора. Спб. 1907.

застоя «поссессионного» производства. Ни столыпинская, ни кадетская аграрная политика не могут дать заметного улучшения в условиях жизни массы, а без этого не разовьется действительно «свободная» промышленность на Урале. Только крестьянская революция могла бы быстро заменить Россию деревянную Россией железной. Эс-эр-крестьянин понимает условия развития капитализма вернее и шире, чем присяжные слуги капитала.

Другой эс-эр, крестьянин Хворостухин (Сарат. губ.), говорил: «Да, господа, конечно, много говорили от партии народной свободы, говорили, что обвиняют Трудовую группу, что она хочет передать землю тому, кто хочет на ней трудиться. Они говорят, что тогда многие из городов уйдут и получится еще худшее. Но я думаю, что из городов уйдут только те, кому делать нечего, а которые работают, то те привыкли к работе, и раз у них будет работа, они не уйдут из города. На самом деле, зачем давать землю лицам, которые не хотят землю обрабатывать?»... (774). Разве не ясно, что этот «эс-эр» хочет вовсе не всеобщего уравнительного землепользования, а создания равноправного и свободного фермерства на свободной земле?.. «Во что бы то ни стало пужно развязать экономическую свободу всему народу, в особенности народу, который столько лет страдал и голодал» (777).

Не думайте, что эта правильная формулировка действительного содержания эс-эровщины («развязать экономическую свободу») — результат только крестьянской неловкости выражения. Не только этого. Эс-эровский лидер, интеллигент Мушенко, говоривший заключительное слово от имени партии с.-р. по аграрному вопросу, еще несравненно наивнее в своих экономических взглядах, чем крестьяне Кабаков и Хворостухин.

«Мы говорим, — заявил Мушенко, — что правильное переселение, правильное расселение возможно лишь тогда, когда земля будет разгорожена, когда будут сняты все перегородки, наложенные на нее принципом частной собственности на землю. Далее, министр говорил о приросте населения в нашем государстве... Выходило, что для одного этого (1,6 милл.) прироста населения нужно около 3½ милл. дес. земли. Он говорит таким образом: если вы сделаете уравнение земли, то где вы возьмете земли для такого прироста населения? Но я спрашиваю: где же, в каком государстве (sic!) весь прирост населения поглощается земледелием? Ведь закон, регулирующий распределение населения по сословиям, профессиям, как есть *обратный закон*» (курсив наш). «Если государство, если страна не вырождается, а развивается в промышленном отношении, то это значит, что на фундаменте сельского хозяйства, удовлетворяющего элементарной

потребности в пище и сырье, воздвигаются новые и новые хозяйственные этажи. Потребности растут, появляются новые продукты производства, появляются новые отрасли производства; обрабатывающая промышленность притягивает к себе все большее и большее количество рабочих рук. Городское население растет больше, чем земледельческое, и поглощает большую часть прироста населения. Бывает иногда, господа, что земледельческое население уменьшается не только относительно, но даже абсолютно. Если у нас этот (!) процесс идет медленно, то это потому, что не на чем возводить эти хозяйственные новые этажи. Крестьянское хозяйство — этот фундамент слишком расшатан; рынок для промышленности слишком мал. Создайте на почве передачи земли народу в пользование здоровое, многочисленное, полное жизненных сил земледельческое население, и вы увидите, какой спрос будет на продукты промышленности и какая масса рабочих рук потребуется в городах на фабрики и заводы» (1173).

Ну, разве не прелесть этот «социалист-революционер», который программу развития капитализма называет программой социализации земли? Он и не подозревает, что закон более быстрого роста городского населения есть исключительно закон капиталистического способа производства. Ему и в голову не приходит, что этот «закон» не функционирует и не мог бы функционировать иначе, как через посредство разложения крестьянства на буржуазию и пролетариат, чрез посредство «разборки» между земледельцами, т.е. вытеснения «голытьбы» «настоящим хозяином». Экономическая гармония, которую рисует этот эс-эр на почве капиталистического закона, наивна до умиленности. Но это не гармония вульгарного буржуазного экономиста, желающего заглушить борьбу труда с капиталом. Это гармония бессознательного буржуазного революционера, желающего смести дочиства остатки самодержавия, крепостничества, средневековья.

Победоносная буржуазная революция, о которой мечтает наша теперешняя аграрная программа, не может идти иначе, как через такого буржуазного революционера. И сознательный рабочий должен поддержать его в интересах общественного развития, ни на секунду не давая себя обольстить младенческому лепету народнических «экономистов».

Е. Националы.

Из представителей нерусских народностей в Думе высказывались по аграрному вопросу поляки, белоруссы, латыши и эсты, ли-

товцы, татары, армяне, башкиры, киргизы, украинцы. Вот как излагали они свою точку зрения.

Народовец Дмовский говорил во II Думе «от поляков — представителей Царства Польского и соседней с ним западной части государства» (742): «хотя паши аграрные отношения являются уже переходом к западно-европейским отношениям, тем не менее аграрный вопрос у нас существует, и малоземелье является язвой нашей жизни. Одним из первых пунктов нашей социальной программы является увеличение площади крестьянского землевладения» (743).

«Если у нас в Ц. П. были крупные аграрные беспорядки в виде захвата помещичьих земель, то они были только в восточной части, именно во Влодавском уезде, где крестьянам говорили, что они, как православные, будут наделены помещичьей землей. Эти беспорядки явились только среди православного населения» (745)...

«Здесь (в Ц. П.) земельное дело, как и все другие социальные реформы... может быть устроено, согласно требованиям жизни, только собранием представителей края — только автономным сеймом» (747).

Эта речь народовца-поляка вызвала бешеные нападки правых крестьян-белоруссов (Гаврильчик, Минск. губ., Шиманский, Грудипский) на польских помещиков, и епископ Евлогий, разумеется, подхватил это и сказал иезуитски-полицейскую речь в духе русской политики 1863 года об угнетении русских крестьян поляками-помещиками (26 засед., 12 апр.).

«Как это просто придумано! — отвечал народовец Грабский (32 зас., 3 мая). — Крестьяне получают землю, русские помещики останутся при своих землях; крестьяне будут, как в доброе былое время, поддерживать старый режим, а поляки получают должное наказание за то, что заговорили о польском сейме» (62). И оратор, горячо разоблачив всю бесстыдную демагогию русского правительства, требовал «передачи польскому сейму решения у нас аграрной реформы» (57).

Добавим к этому, что вышеназванные крестьяне требовали дополнительного наделения на правах собственности (например, 1811 стр.). И в I Думе польские и западные крестьяне, требуя 3 млн, высказывались за собственность. «Я — малоземельный крестьянин Люблинской губ., — говорил Наконечный 1 июня 1906 г. — В Польше тоже необходимо принудительное отчуждение. Лучше 1 дес. навсегда, чем 5 на неопределенное время» (881 — 882) То же говорил Попятовский (Волин. губ.) от имени Зап. края (19 мая, стр. 501) и Трасун от Витебск. губ. (стр. 418, 16 мая 1906 г.). Гиршос (Оувалк. губ.) высказался при этом против одного общеимперского земельного

фонда за местные земельные фонды (1 июня 1906 г., стр. 879). Граф Тышкевич заявил тогда же, что мысль об образовании общенародного фонда признает «непрактичной и небезопасной» (874). Так же высказался Стецкий (24 мая 1906 г., стр. 613—614: за личную собственность против аренды).

Из Прибалтийского края выступал во II Думе Юрашевский (Курл. губ.), требовавший отмены феодальных привилегий крупных землевладельцев (16 мая 1907 г., стр. 670) и отчуждения помещичьих земель выше определенной нормы. «Признавая, что в Прибалт. крае теперешняя культура развилась на основании практиковавшегося там принципа частной собственности, или наследственной аренды, однако приходится притти к заключению, что для дальнейшего урегулирования с.-х. отношений необходимо немедленно ввести самоуправление в Прибалт. крае на широко демократических началах, которое могло бы верпо разрешить этот вопрос» (672).

Представитель Эстл. губ. прогрессист Юрикэ внес отдельный проект для Эстляндск. губ. (47 зас., 26 мая 1907 г., стр. 1210). Он высказывается за «компромисс» (1213)—за «наследственную или вечную аренду» (1214). «Тот, который пользуется землею, который лучше ею пользуется, тот и будет иметь землю в своих руках» (там же). Требуя в этом смысле принудительного отчуждения, Юрикэ отвергает конфискацию земли (1215). В I Думе Чаксте (Курл. губ.) требовал передачи крестьянам церковных (пасторских) земель, кроме помещичьих (4 засед., 4 мая 1906 г., стр. 195). Тенисон (Лифл. г.) соглашался вотировать за адрес, т.-е. за принудительное отчуждение, находя, что «все приверженцы индивидуализации земли» (там же, стр. 209) могут это сделать. Крейцберг (Курл. г.) от имени курляндского крестьянства требовал «экспроприации латифундий» и наделения земель безземельных и малоземельных непременно на «праве собственности» (12 зас., 19 мая 1906, стр. 500). Рютли (Лифл. г.) требовал принудительного отчуждения и т. д. «Что касается превращения земли в государственный фонд, — сказал он, — то паши крестьяне хорошо сознают, что это есть новое закрепощение крестьян. Мы должны поэтому защищать мелкое крестьянское хозяйство, производительность труда и охранять их от посягательств капитализма. Таким образом, если мы превратим земли в госуд. фонд, то мы создадим самый крупный капитализм» (497, тогда же). Озолин (Лифл. губ.) от имени крестьян-латышей высказывался за принудительное отчуждение и за собственность; решительно против общегосударственного земельного фонда, допускает только местные областные фонды (13 зас., 23 мая 1906 г., стр. 456).

Леопас, «представитель от Сувалкской губ., а именно от литовской народности» (39 зас., 16 мая 1907 г., стр. 654), выступил за план к.-д. партии, в которую он входит. Другой литовец-автономист от той же губернии, Булат, присоединился к трудовикам, но решение относительно выкупа и проч. откладывал до обсуждения дела местными земельными комитетами (стр. 651, там же). Павилиос (Ковенской губ.) от имени «думской группы социал-демократов Литвы» (там же, стр. 681, приложение) внес точно формулированную аграрную программу этой группы, совпадающую с нашей программой Р.С.-Д.Р.П., с тем различием, что «местный в пределах Литвы земельный фонд» передается в распоряжение «органу автономного самоуправления Литвы» (там же, п. 2).

От имени мусульманской группы говорил во II думе Хан Хойский (Елизаветпольск. губ.): «Мы, мусульмане, составляющие более 20 миллионов общего населения русского государства, с такой же чуткостью прислушиваемся ко всем перипетиям аграрного вопроса и с таким же нетерпением ожидаем его удовлетворительного разрешения» (20 зас., 2 апреля, 1907 г., стр. 1499). От имени мусульманской группы оратор соглашается с Кутлером, высказываясь за принудительное отчуждение на началах справедливой оценки (1502). «Но куда же должны поступать эти отчужденные земли? В этом отношении мусульманская группа находит, что отчужденные земли должны составить не общегосударственный земельный фонд, а областной земельный фонд в пределах каждой данной области» (1503). «Представитель крымских татар», деп. Медиев (Таврич. губ.) в горячей революционной речи высказывается за «землю и волю». «Чем дальше продолжаются прения, тем ярче выплывает перед нами требование народа, что землей должен пользоваться тот, кто на ней трудится» (24 зас., 9 апреля 1907, стр. 1789). Оратор указывает на то, «как на наших окраинах образовалась священная собственность на землю» (1792), как расхищали башкирские земли министры и д. ст. советники, начальники жандармских управлений получали по 2—6 тыс. дес. Он приводит наказ «братьев-татар», жалующихся на расхищение вакуфных земель. Он цитирует ответ туркестанского генерал-губернатора одному татарину, от 15 декабря 1906 г., что переселяться на казенные земли могут только лица христианского вероисповедания. «Не пахнет ли от этих документов чем-то прелым, аракеевичиной прошлого века?» (1794).

От кавказских крестьян, — кроме наших партийных с.-д., о которых речь ниже, — говорил упомянутый выше Сагателян (Эриванской губ.), стоящий на точке зрения эс-эров. Другой представитель

партии «дашпакутюн», Тер-Аветикянц (Елизаветпольск. губ.), высказался в том же духе: «земля на началах общинной собственности должна принадлежать труженикам, т.-е. трудовому народу и никому другому» (39 зас., 16 мая 1907, стр. 644). «Я от имени всего кавказского крестьянства заявляю... в решительный момент все кавказское крестьянство пойдет рука об руку со своим старшим братом — русским крестьянством — и добудет себе землю и волю (646). Эльдарханов «от имени своих избирателей — туземцев Терской области — ходатайствует, чтобы расхищение природных богатств было приостановлено впредь до разрешения аграрного вопроса» (32 зас., 3 мая 1907, стр. 78), а расхищает земли правительство, отбирая лучшую часть нагорной полосы, грабя земли кумыкского народа, заявляя претензию на недра земли (должно быть, это было до Стокгольмской лекции Плеханова и Джона о недосыгаемости муниципализированных земель для недемократической государственной власти⁸⁷)!

От имени башкир депутат Хасанов (Уфим. губ.) напоминает о расхищении правительством 2-х миллионов дес. земли и требует, чтобы эти земли «обратно отобрать» (39 зас., 16 мая 1907 г., стр. 641). Того же требовал уфимский депутат I Думы Сыртланов (20 зас., 2 июня 1906 г., стр. 923). От имени киргиз-кайсацкого народа говорил во II Думе деп. Каратаев (Уральск. обл.): «Мы, киргиз-кайсаки... глубоко понимаем и чувствуем земельный голод братьев наших крестьян, мы готовы с охотой потесниться» (39 зас., стр. 673), но «излишних земель очень мало», а «переселение в настоящее время сопряжено с выселением киргиз-кайсацкого народа»... «выселяют киргизов не с земель, а из жилых домов». «Киргиз-кайсаки всегда сочувствуют всем оппозиционным фракциям» (675).

От имени украинской фракции говорил во II Думе 29 марта 1907 года казак Полтавской губ. Сайко. Он привел песню казаков: «Гей, царица Катерина, що ты наробила? Степь, широкий край веселый панам раздарила. Гей, царица Катерина, змилуйся над нами, виддай землю, край веселый с темными гаями», и присоединился к трудовикам, требуя только в § 2 проекта 104-х изменить слова «общенародный земельный фонд» словами: «краевой национальный (sic!) земельный фонд, долженствующий послужить началом социалистического устройства». Украинская фракция считает «наибольшей несправедливостью в свете частную собственность на землю» (1318).

В Первой Думе полтавский деп. Чижевский заявил: «Я, как горячий сторонник автономной идеи, как горячий сторонник, в частности, автономии Украины, очень бы желал, чтобы аграрный вопрос был разрешен моим народом, чтобы аграрный вопрос разрешили

отдельные автономные единицы, в том автономном строе нашего государства, который представляется для меня идеалом» (14-е засед., 24 мая 1906, стр. 618). Но в то же время этот украинский автономист признает безусловную необходимость государственного земельного фонда, разъясняя при этом вопрос, запутанный нашими «муниципалистами». «Мы должны твердо и положительно установить этот принцип, — говорил Чижевский, — что заведывание землями государственного земельного фонда должно принадлежать исключительно местным самоуправляющимся земским или автономным единицам, когда они возникнут. Правда, какой же смысл тогда может иметь название «государственный земельный фонд», если им во всех частных случаях будут заведывать местные самоуправления? Мне кажется, что смысл огромный. Прежде всего, часть государственного фонда должна находиться в распоряжении центрального правительства... наш общегосударственный колонизационный фонд... Затем, во-вторых, смысл учреждения государственного фонда и смысл такого его названия вытекает из того, что хотя местные учреждения будут и свободны распоряжаться этим фондом у себя на местах, но все-таки в известных пределах» (620). Этот мелко-буржуазный автономист гораздо лучше понимает значение государственной власти в централизованном экономическом развитии общества, чем наши меньшевики социал-демократы.

Кстати. Говоря о речи Чижевского, нельзя пройти мимо его критики «норм». «Трудовая норма — это звук пустой» — прямо говорит он, указывая на разнообразие с.-х. условий и отвергая на том же основании «потребительную» норму. «Мне кажется, что землю нужно наделять крестьян не по какой-нибудь норме, а в размере имеющегося запаса... Надо отдать крестьянам все то, что можно отдать в данной местности», — например, в Полтавской губернии «отчудить у всех землевладельцев землю, оставивши по 50 дес. в среднем, как максимум» (621). Удивительно ли, что кадеты болтают о нормах, чтобы скрыть свои планы действительных размеров отчуждения? Чижевский, критикуя кадетов, еще не сознает этого *).

*) В высшей степени рельефно выставляет также Чижевский уже знакомое нам положение бессознательно-буржуазных трудовиков: рост промышленности, уменьшение прилива к земле при последовательной крестьянской революции. «У нас крестьяне — те же выборщики, которые посылали нас сюда, производили, наприм., такой расчет: «если бы мы были немного богаче и если бы каждая наша семья могла 5—6 руб. в год израсходовать на сахар, — в каждом из тех уездов, где возможно производство свеклы, возникло бы несколько сахарных заводов в добавление к тем, которые существуют теперь». «Совершенно естественно, что

Вывод из нашего обзора думских выступлений «националов» по аграрному вопросу ясен. Эти выступления целиком подтвердили то, что я говорил против Маслова в брошюре «Пересмотр» и т. д. на стр. 18 (первого издания) *) по вопросу о соотношении муниципализации с правами национальностей, именно, что это политический вопрос, исчерпываемый политической частью нашей программы и только из мещанского провинциализма припутываемый к аграрной программе.

Меньшевики в Стокгольме возились с комичным усердием над тем, чтобы «очистить муниципализацию от национализации» (слова меньшевика Новоседского в «Прот. Стокг. съезда», стр. 146). «Некоторые исторические области, как, напр., Польша, Литва,—говорил Новоседский,—совпадают с национальными территориями, и передача этим областям земли может послужить той почвой, на которой будут с успехом развиваться националистически-федералистические тенденции, что снова превратит по существу дела муниципализацию в национализацию по частям». И вот Новоседский с Даном проводили и провели поэтому поправку — вместо слов: «самоуправляющихся крупных областных организаций» в проекте Маслова поставить слова: «крупных органов местного самоуправления, объединяющих городские и сельские округа».

Остроумная «очистка муниципализации от национализации», нечего сказать. Заменить одно слово другим, — разве не ясно, что от этого получается сама собой перетасовка «исторических областей»?

Нет, господа, никакими заменами слов не выкинете вы из муниципализации присущей ей «националистически-федералистической» глупости. Вторая Дума показала, что на деле «муниципализаторская» идея только и послужила националистическим тенденциям разных групп буржуазии. Только эти группы, если не считать правого казака Караулова, и «взяли себе» под охрану разные «краевые» и «областные» фонды. При этом аграрное содержание провинциализации (ибо фактически Маслов «отдаст» земли провинциям, а не «муниципиям», так что слово провинциализация точнее) националы выкинули: ничего не предрешать, все предоставить автономным сеймам или областным и т. п. самоуправлениям, и вопрос о выкупе и вопрос о собственности и т. д. Получилось самое полное подтверждение моих слов: «закон

если бы эти заводы возникли, какая масса рук потребовалась бы для хозяйства при его интенсификации! Увеличилось бы производство сахарных заводов» и т. д. (622). Это именно программа «американского» фермерства и американского развития капитализма в России.

*) См. выше стр. 382 этого тома. *Ред.*

о земстволлизации закавказских земель все равно придется издать питерскому Учредительному Собранию, потому что Маслов не хочет ведь предоставлять любой окраине свободы сохранять помещичье землевладение» («Пересмотр», стр. 18) *).

Итак, события подтвердили, что защита муниципализации соображениями о согласии или несогласии национальностей есть аргумент пошлый. Муниципализация нашей программы оказалась в противоречии с определенно заявленным мнением весьма различных народностей.

События подтвердили, что на деле муниципализация служит не для руководства массовым крестьянским движением общенационального масштаба, а для раздробления этого движения на провинциальные и национальные ручейки. Из идеи масловских областных фондов жизнь впитала в себя только национально-автономистское «областничество».

«Националы» стоят несколько в стороне от нашего аграрного вопроса. У многих нерусских народностей нет самостоятельного крестьянского движения в центре революции, как у нас. Поэтому вполне естественно, что в своих программах «националы» часто держатся несколько в стороне от русского аграрного вопроса. Наша, дескать, хата с краю, мы сами по себе. Со стороны националистической буржуазии и мелкой буржуазии такая точка зрения неизбежна.

Со стороны пролетариата она недопустима, а наша программа именно в этот недопустимый буржуазный национализм на деле и впадает. Как «националы» в лучшем случае только примыкают к движению всероссийскому, не задаваясь целью удесятерить его силы объединением, концентрированием движения, так меньшевики строят программу, примыкающую к крестьянской революции, вместо того, чтобы дать программу, руководящую революцией, сплачивающую ее и толкающую дальше. Муниципализация—не лозунг крестьянской революции, а выдуманный план мещанского реформизма, со стороны прилаживаемой в закоулке революции.

Социал-демократический пролетариат не может менять своей программы в зависимости от того, «согласятся ли» отдельные национальности. Наше дело — сплачивать и концентрировать движение, пропагандируя наилучший путь, наилучшее в буржуазном обществе земельное устройство, борясь с силой традиции, предрассудков, косного провинциализма. «Несогласие» мелких крестьян на социализацию земли не может изменить нашей программы социалистической рево-

*) См. выше 386 стр. этого тома. *Ред.*

люции. Оно может лишь заставить нас предпочесть действие примером. Так и с национализацией земли в буржуазной революции. Никакое «несогласие» с ней народности или народностей таких-то не может заставить нас изменить учение о том, что в интересах всего народа лежит наиболее полное освобождение от средневекового землевладения и отмена частной собственности на землю. «Несогласие» значительных слоев трудящейся массы той или иной народности заставит нас предпочесть воздействие посредством примера всякому иному воздействию. Национализация колониального фонда, национализация лесов, национализация всей земли в центральной России не может сколько-нибудь долго ужиться с частной собственностью на землю в пределах той или иной части государства (раз причиной объединения этого государства является действительно основной поток экономической эволюции). Либо та, либо другая система должна будет взять верх. Опыт решит это. Наше дело — позаботиться о выяснении народу условий, наиболее благоприятных для пролетариата и для трудящихся масс капиталистически развивающейся страны.

9. Социал-демократы.

Из восьми социал-демократических речей, произнесенных во II Думе по аграрному вопросу, только две содержали в себе защиту муниципализации, а не простое упоминание о пей. Это были речи Озоля и вторая речь Церетели. Остальные речи состояли, главным образом, почти исключительно в нападении на помещичье землевладение вообще и в выяснении политической стороны аграрного вопроса. Чрезвычайно характерна бесхитростная речь правого крестьянина Петроченко (22 зас., 1 апреля 1907), излагающая общие впечатления деревенского депутата от речей ораторов разных партий. «Я не буду затруднять вашего внимания перечислением того, что здесь говорилось; позвольте мне сказать об этом простыми словами. Депутат Святополк-Мирский говорил здесь длинную речь. Эта речь нас, повидному, к чему-то подготавливала. Если сказать коротко, то выходит, что землю, которая принадлежит мне или которою я владею, вы не имеете права взять, и я ее не отдам. На это депутат Кутлер сказал: «это время прошло, надо дать, вы и отдайте и получите деньги». Депутат Дмовский говорит так: «с землей как хотите, но автономия непременно нужна». В то же время депутат Караваев говорит так: «и то и другое нужно, по вали все вместе, а потом будем делить». Церетели говорит: «пет, господа, делить нельзя, так как правительство пока старое, и оно этого

не позволит. А мы лучше будем стараться, как бы захватить власть, а потом поделим, как захотим» (стр. 1615).

Крестьянин схватил, след., как единственное отличие речи социал-демократа от трудовика, выяснение необходимости борьбы за власть в государстве, «захват власти». Остальные различия им не уловлены, показались ему несущественными! В первой речи Церетели мы видим, действительно, разоблачение того, что «наша чиновная знать есть и земельная знать» (725). Оратор показал, как «на протяжении нескольких веков государственная власть раздавала в частную собственность земли, принадлежавшие всему государству, земли, составлявшие собственность всего народа» (724). Заявление, внесенное им в конце речи от имени с.-д. фракции и повторяющее нашу аграрную программу, осталось не мотивированным и не противопоставленным программам иных «левых» партий. Мы констатируем это далеко не для того, чтобы обвинить кого-нибудь,—напротив, первую речь Церетели, короткую, ясную, сосредоточенную на выяснении классового характера помещичьего правительства, мы считаем чрезвычайно удачной,—для того, чтобы объяснить, почему для правого крестьянина (вероятно, и для всех крестьян) исчезли специфически социал-демократические черты нашей программы.

Вторую с.-д. речь по аграрному вопросу произнес в следующем «аграрном заседании» Думы (16 зас., 26 марта 1907 г.) рабочий Фомичев (Таврич. губ.), говоривший нередко: «мы, крестьяне». Фомичев дал страстную отповедь Святополк-Мирскому, знаменитые слова которого: крестьяне без помещиков—«стадо без пастыря» сагитировали крестьянских депутатов лучше нескольких других «левых» речей. Депутат Кутлер в обширной речи развивал мысль о принудительном отчуждении, но с выкупом. «Мы, представители крестьян, не можем признать выкупа на том основании, что выкуп—это новая петля на шею крестьянина» (1113). В заключение Фомичев требовал «передачи всех земель в руки трудящихся на тех условиях, которые были предложены депутатом Церетели» (1114).

Следующую речь сказал тоже рабочий Измайлов, прошедший от крестьянской курии по Новгородской губернии (18 зас., 29 марта 1907 г.). Он отвечал своему земляку, крестьянину Богатову, соглашавшемуся на выкуп от имени новгородских мужиков. Измайлов с негодованием отверг выкуп. Он рассказал условия «освобождения» новгородских крестьян, получивших 2 милл. дес. из 10 милл. д. земельных угодий и 1 милл. д. из 6 милл. дес. леса. Он описал нужду крестьян, дошедшую до того, что они не только «десятки лет сжигают в печах свои огородки кругом хат», но «отпиливают углы у собственных

изб», «из больших старинных изб делают малепькие для того только, чтобы при перестройке как-нибудь съэкономить охашку дров для топлива» (1344). «Вот при таком-то положении наших крестьян господа правые заскучали о культуре. Да разве до культуры голодному и холодному мужику? И вот вместо земли они хотели бы предложить ему эту культуру; но я тут не доверяю им, я думаю, что они также согласятся продать свои земли, но только будут рядиться, чтобы мужик заплатил за землю подороже. И вот почему они соглашаются. По-моему—и крестьяне особенно должны это знать—дело вовсе не в земле, господа. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что за землей кроется что-то другое, другая какая-то сила, которую крепостники-дворяне боятся передать народу, боятся потерять вместе с землею, это, господа,—власть. Они передают землю и хотят ее передать, по так, чтобы мы по-старому остались рабами у них. Если мы задолжаем, мы все-таки не выскребем из власти помещиков-крепостников» (1345). Трудно представить себе что-либо более рельефное и меткое, чем это разоблачение сущности кадетских планов рабочим!

С.-д. Серов в 18 зас., 2 апреля 1907 г., критиковал преимущественно взгляды кадетов, как «представителей капитала» (стр. 1492), «представителей капиталистического землевладения». Оратор подробно, с цифрами в руках, показал, чем был выкуп в 1861 г., и отверг «резиновый принцип» справедливой оценки. Серов дал безусловно правильный, с марксистской точки зрения, ответ Куглеру на довод, что нельзя конфисковать землю, не конфискуя капитала. «Мы вовсе не приводим тех аргументов, что земля ничья, что земля не есть создание человеческих рук» (стр. 1497). «Пролетариат, представителем которого является здесь партия социал-демократов, достигнув самосознания, одинаково отвергает всякую эксплуатацию, как феодальную, так и буржуазную. Для него, пролетариата, не существует вопроса, какой из этих двух видов эксплуатации справедливее; для него вопрос постоянно сводится к тому, назрели ли исторические условия для освобождения от эксплуатации» (стр. 1499). «По вычислению статистиков, при конфискации земель в руки народа перейдет до 500 милл. руб. нетрудового дохода помещиков. Этот доход крестьянство употребит, конечно, на улучшение своего хозяйства, на расширение производства, на увеличение своих потребностей» (стр. 1498).

В 22 заседании Думы (5 апреля 1907 г.) были произнесены аграрные речи Аникина и Алексинского. Первый подчеркивал связь «высшей бюрократии и крупного землевладения и доказывал неразделимость борьбы за свободу и за землю. Второй в обширной речи выяснял крепостнический характер отработочного хозяйства, преоблада-

ющего в России. Оратор изложил, таким образом, основу марксистских взглядов на борьбу крестьянства против помещичьего землевладения, затем показывал двоякую роль общины («пережиток старины» и «аппарат для воздействия на помещичьи усадьбы»), значение законов 9 и 15 ноября 1906 г. (на-ряду с помещиком присоединить кулака, как «устой»). Оратор показал с цифрами в руках, что «крестьянское мало-земелье есть дворянское многоземелье», и выяснил, что кадетское «принудительное» отчуждение есть «принуждение народа в пользу помещиков» (1635). Алексинский прямо сослался на «кадетский орган «Речь» (1639), признавший кадетскую правду о помещичьем составе желательных для них земельных комитетов. И кадет Татаринов, говоривший через заседание после Алексинского, был прижат этим к степе, как мы уже видели.

Речь Озоля в 39 засед. (16 мая 1907 г.) дает нам образец того, на какую неприличную для марксистов аргументацию толкнул часть наших с.-д. Маслов своей знаменитой «критикой» теории ренты Маркса и соответствующим искажением понятия национализации земли. Озоль возражал против эс-эров так: «проект» их является, по моему мнению, безнадежным, ибо отменяется частная собственность на средства производства, в данном случае на землю, в то время, когда частная собственность сохраняется на фабричные здания, не только на фабричные здания, но даже на дома и постройки. На 2-й странице проекта мы читаем, что все постройки, которые возведены на земле и которые эксплуатируются капиталистическим способом, остаются частною собственностью, тогда каждый частный собственник скажет: «сделайте милость, платите все расходы за национализированные земли, за мощение улиц и пр., а я буду получать аренду с этих домов. Это не национализация, а прямо облегчение получения капиталистических доходов в самой развитой капиталистической форме» (667).

Вот она, масловщина-то! Во-1-х, повторяется пошлый довод правых и кадетов, будто нельзя уничтожить феодальную эксплуатацию, не трогая буржуазной. Во-2-х, обнаруживается перазгнательное экономическое невежество: «аренда» городских домов и пр. содержит в себе львиную долю земельной ренты. В-3-х, наш «марксист» вслед за Масловым забывает совершенно (или отрицает?) абсолютную ренту. В-4-х, выходит так, что марксист опровергает желательность «самой развитой капиталистической формы», защищаемой эс-эром! Перлы масловской муниципализации...

Церетели в обширной заключительной речи (47 зас., 26 мая 1907 г.) защищал муниципализацию, конечно, обдуманнее, чем Озоль, но

Именно тщательная, взвешенная и ясная защита Церетели особенно рельефно вскрыла всю фальшь основных доходов муниципалистов.

Критика правых, данная Церетели в начале речи, была вполне правильна с политической стороны. Великолепно было его замечание против шарлатанов либерализма, пугавших народ потрясениями вроде французской революции. «Он (Шингарев) забыл, что именно после конфискации и вследствие конфискации земель помещиков Франция возродилась к новой могучей жизни» (1228). вполне правилен также был основной лозунг Церетели «полное уничтожение помещичьих землевладений и полная ликвидация помещичьего бюрократического режима» (1224). Но уже при переходе к кадетам начинает сказываться ошибочная позиция меньшевизма. «Принцип принудительного отчуждения земли,—сказал Церетели,—есть объективно принцип освободительного движения, но не все, стоящие за этот принцип, признают или хотят признать все те выводы, к которым обязывает этот принцип» (1225). Это—основной взгляд меньшевизма, что «водораздел» коренных политических делений в нашей революции идет направо от к.-д., а не влево, как думаем мы. И что это взгляд ошибочен,—особенно ясно видно из отчетливой формулировки Церетели, ибо совершенно неоспорима после опыта 1861 года возможность принудительного отчуждения с преобладанием интересов помещиков, с сохранением их власти, с закреплением новой кабалы. Еще более неверно заявление Церетели: «в вопросе о формах землепользования мы (с.-д.) от них (пародников) стоим дальше» (1230), чем от к.-д. Оратор вслед за этими словами перешел к критике «норм», трудовой и потребительской. В этом он был тысячу раз прав, но именно тут кадеты несколько не лучше трудовиков, ибо «нормами» кадеты злоупотребляют гораздо больше. Мало того. У кадетов возня с глупыми «нормами» есть результат их бюрократизма и их тенденция предать мужика. У мужика «нормы» принесены извне пароднической интеллигенцией, и мы видели выше, на примере депутатов I Думы, Чижевского и Поляркова, как деревенские практики метко критикуют всякие «нормы». Если бы с.-д. разъяснили это крестьянским депутатам, если бы они внесли поправку в трудовой проект, отрицающую нормы, если бы они теоретически показали значение национализации, ничего общего не имеющего с нормами, то с.-д. оказались бы руководителями крестьянской революции против либералов. Позиция же меньшевизма есть подчинение пролетариата либеральному влиянию. Во II Думе особенно странно было говорить, что мы, с.-д., дальше от пародников, ибо кадеты высказались за ограничение продажи и залога земель!

Критикуя, далее, национализацию, Церетели привел три довода: 1) «армия чиновничества», 2) «величайшая несправедливость по отношению к мелким национальностям», 3) «в случае реставрации» «дали бы оружие в руки врага народа» (1232). Это—добросовестное изложение взглядов тех, кто провел нашу партийную программу, и Церетели, как человек партии, должен был изложить эти взгляды. Несостоятельность этих взглядов, поверхностность этой исключительной политической критики мы показали выше.

За муниципализацию Церетели привел шесть доводов: 1) при муниципализации «действительное употребление этих средств (т.-е. ренты) на народские нужды будет обеспечено» (sic!) (стр. 1233)—утверждение оптимистического характера; 2) муниципалитеты будут стремиться улучшить положение безработных, как, напр., в демократической и децентрализованной Америке (?); 3) «муниципалитеты могут завладеть этими (крупными) хозяйствами и организовать образцовые хозяйства», и 4) «в момент аграрного кризиса... будут отдавать безземельным, неимущим крестьянам землю в аренду даром (sic!)» (стр. 1234). Это уже демагогия хуже эс-эровской, программа мешанского социализма в буржуазной революции. 5) «Оплот демократизма»—вроде казачьего самоуправления; 6) «отчуждение падельных земель... может вызвать страшное контр-революционное движение»—вероятно, против воли всех крестьян, высказавшихся за национализацию.

Итог выступлений с.-д. во II Думе: руководящая роль в вопросе о выкупе, о связи помещичьего землевладения с властью современного государства и собственно аграрная программа, сбивающая на кадетизм, доказывающая непонимание экономических и политических условий крестьянской революции.

Итог всех аграрных прений во II Думе: правые помещики обнаружили самое ясное понимание своих классовых интересов, самое отчетливое сознание условий как экономических, так и политических, сохранение своего господства, как класса, в буржуазной России. Либералы по существу примыкали к ним, пытаясь предать мужика в руки помещика посредством самых презренных и лицемерных приемов. Народнические интеллигенты вносили в крестьянские программы привкус бюрократизма и мешанского резонерства. Крестьяне самым бурным и непосредственным образом выразили стихийную революционность своей борьбы против всех остатков средневековья и всех форм средневекового землевладения, не вполне отчетливо сознавая политические условия этой борьбы и наивно идеализируя «обетованную землю» буржуазной свободы. Буржуазные националы

примыкали к крестьянской борьбе более или менее робко, будучи в значительной степени проникнуты узкими взглядами и предрассудками, порожденными обособленностью мелких народностей. Социал-демократы решительно защищали дело крестьянской революции, выясняли классовый характер современной государственной власти, но не были в состоянии последовательно руководить крестьянской революцией, вследствие ошибочности партийной аграрной программы

Заключение.

Аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обуславливает собой национальную особенность этой революции.

Сущность этого вопроса составляет борьба крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества в земледельческом строе России, а следовательно, и во всех социальных и политических учреждениях ее.

Десять с половиной миллионов крестьянских дворов в Европейской России имеют 75 миллионов десятин земли. Тридцать тысяч преимущественно благородных, а частью также чумазых лэндлордов имеют свыше 500 дес. каждый, всего 70 милл. дес. Таков основной фон картины. Таковы основные условия преобладания крепостников-помещиков в земледельческом строе России, а следовательно, в русском государстве вообще и во всей русской жизни. Крепостниками являются владельцы латифундий в экономическом смысле этого слова: основа их землевладения создана историей крепостного права, историей векового грабежа земель благородным дворянством. Основой их современного хозяйничанья является отработочная система, т.е. прямое переживание барщины, хозяйство посредством крестьянского инвентаря, посредством бесконечно разнообразных форм закабаления мелких земледельцев — зимняя наемка, погодная аренда, аренда исполы, аренда за отработки, кабала за долги, кабала за отрезные земли, за лес, за луга, за водопой и так далее, и так далее без конца. Капиталистическое развитие России сделало уже такой шаг вперед за последние полвека, что сохранение крепостничества в земледелии стало абсолютно невозможным, устранение его приняло формы пасивистического кризиса, общенациональной революции. Но устранение крепостничества в буржуазной стране возможно двояким путем.

Возможно устранение крепостничества путем медленного перерастания крепостнически-помещичьих хозяйств в юнкерски-буржуаз

ные хозяйства, превращения массы крестьян в бобылей и клещев, насильственного удержания пищенского уровня жизни массы, выделения небольших горсток гроссбауэров, буржуазных крупных крестьян, создаваемых помимо капитализма в крестьянской среде. Черносотенные помещики и их министр Столыпин встали именно на этот путь. Они поняли, что без насильственной ломки заржавевших средневековых форм землевладения нельзя очистить дороги для развития России. И они смело пошли на эту ломку в интересах помещиков. Они выкинули за борт недавно еще распространенную в бюрократии и среди помещиков симпатию к полуфеодальной общине. Они обошли все «конституционные» законы, чтобы разорвать ее насильственно. Они дали *carte blanche* кулакам грабить крестьянскую массу, ломать старое землевладение, разорять тысячи хозяйств; они отдали средневековую деревню на «поток и разграбление» владельцу рубля. Они не могут поступать иначе в интересах сохранения своего господства, как класса, ибо они сознали необходимость приспособиться к капиталистическому развитию, а не бороться с ним. А для сохранения своего господства им не с кем соединиться, как с «чумазым», с Разуваевым и Колупасевым против крестьянской массы. У них нет иного выхода, как крикнуть клич этим Колупасевым: *enrichissez-vous!*—обогащайтесь! Мы дадим возможность вам пахать сотню рублей на рубль, помогите нам спасти основу нашей власти при новых условиях! Такой путь для развития требует для своего осуществления сплошного, систематического, необузданного насилия над крестьянской массой и над пролетариатом. И помещичья контр-революция спешит по всей линии организовать это насилие.

Другой путь развития мы называли американским путем развития капитализма, в отличие от первого, прусского. Он требует тоже насильственной ломки старого землевладения, — о возможности безболезненного, мирного исхода невероятно обострившегося кризиса в России могут мечтать только тупые мещане русского либерализма.

Но эта необходимая и неизбежная ломка возможна в интересах крестьянской массы, а не помещичьей шайки. Основой развития капитализма может стать свободная масса фермеров без всякого помещичьего хозяйства, ибо это хозяйство в целом экономически реакционно, а элементы фермерства созданы в крестьянстве предшествующей хозяйственной историей страны. При таком пути развития капитализма оно должно идти неизмеримо шире, свободнее, быстрее, вследствие громадного роста внутреннего рынка, подъема жизненного уровня, энергии, инициативы и культуры всего населения. И гигантский колониальный фонд России, утилизация которого бесконечно за-

труднена крепостническим угнетением крестьянской массы в коренной России, а также крепостнически-чиновничьим отношением к земельной политике, — этот фонд обеспечивает экономическую основу для громадного расширения земледелия и повышения производства не только вглубь, но и вширь.

Такой путь развития требует не только уничтожения помещичьего землевладения. Ибо господство крепостников-помещиков наложило свою печать в течение веков на все землевладения страны, и на крестьянские надельные земли, и на землевладение переселенцев на сравнительно свободных окраинах: вся переселенческая политика самодержавия пассивно пропихнута азиатским вмешательством заскоружлого чиновничества, мешавшего свободии устроиться переселенцам, вносящего страшную путаницу в новые земельные отношения, заражавшего ядом крепостнического бюрократизма центральной России окраинную Россию *). Средневековым является в России не только помещичье, но и крестьянское надельное землевладение. Оно невероятно запутано. Оно раздробляет крестьян на тысячи мелких делений, средневековых разрядов, сословных категорий. Оно отражает на себе вековую историю беспардонного вмешательства в крестьянские поземельные отношения и центральной власти, и местных властей. Оно загоняет крестьян, точно в гетто, в мелкие средневековые союзы фискального, тяглого характера, союзы по владению надельной землей, т. е. общины. И экономическое развитие России фактически вырывает крестьянство из этой средневековой обстановки, с одной стороны, порождая сдачу паделов и забрасывание их, с другой стороны, создавая хозяйство будущих свободных фермеров (или будущих грессбауэров юнкерской России) из кусочков самого различного землевладения, надельного собственного, надельного арендованного, купчего собственного, помещичьего арендованного, казенного арендованного и т. д.

Для того, чтобы построить действительно свободное фермерское хозяйство в России, необходимо «разгородить» все земли, и помещичьи, и надельные. Необходимо разбить все средневековое землевладение, сравнять все и всяческие земли перед свободными хозяевами на свободной земле. Необходимо облегчить в максимальной возможной степени обмен земель, расселение, округление участков, создание свободных новых товариществ на место заржавевшей тягловой общины. Необходимо «очистить» всю землю от всего средневекового хлама.

*) В своей книге «Переселение и колонизация» (Спб. 1905 г.) Кауфман дает очерк истории переселенческой политики. Как истый «либерал», автор непомерно почтителен к бюрократии крепостников.

Выражением этой экономической необходимости является национализация земли, отмена частной собственности на землю, передача всех земель в собственность государства, как полный разрыв с крепостническими распорядками в деревне. Именно эта экономическая необходимость и сделала из крестьянской массы в России сторонников национализации земли. Мелкие собственники-земледельцы в массе высказались за национализацию и на съездах Крестьянского Союза в 1905 г., и в Первой Думе в 1906 году, и во Второй Думе в 1907 г., т.-е. на протяжении всего первого периода революции. Они высказались так не потому, что «община» развила в них особые «зачатки», особые, не буржуазные «трудовые начала». Они высказались так потому, наоборот, что жизнь требовала от них освобождения от средневековой общины и от средневекового падельного землевладения. Они высказались так не потому, чтобы они хотели или могли строить социалистическое земледелие, а потому, что они хотели и хотят, могли и могут построить действительно буржуазное, т.-е. в максимальной степени свободное от всех крепостнических традиций мелкое земледелие.

Таким образом, не случайность и не влияние тех или иных доктрин (как думают близорукие люди) вызвали оригинальное отношение борющихся в русской революции классов к вопросу о частной собственности на землю. Эта оригинальность вполне объясняется условиями развития капитализма в России и требованиями капитализма в данный момент этого развития. Все черпосотенные помещики, вся контрреволюционная буржуазия (и октябристы и кадеты в том числе) встали на сторону частной собственности на землю. Все крестьянство и весь пролетариат — против частной собственности на землю. Реформаторский путь создания юнкерски-буржуазной России необходимо предполагает сохранение основ старого землевладения и медленное систематическое, мучительнейшее насилие над массой крестьянства. Революционный путь создания крестьянски-буржуазной России необходимо предполагает ломку всего старого землевладения, отмену частной собственности на землю ⁸⁸).

АГРАРНЫЙ ВОПРОС
В РОССИИ К КОНЦУ
XIX ВЕКА

*Написано после апреля 1908 года⁸⁹),
Напечатано отд. изд. в 1918 году.
Москва.*

Задача настоящей статьи — дать краткий очерк всей совокупности общественно-экономических отношений в русском сельском хозяйстве. Такая работа не может носить характера специального исследования. Она должна подвести итоги марксистскому исследованию, указать место каждой сколько-нибудь крупной черты нашей сельскохозяйственной экономики в общем строе русского народного хозяйства, обрисовать общую линию развития аграрных отношений в России и вскрыть те классовые силы, которые определяют так или иначе это развитие. Мы рассмотрим поэтому с указанной точки зрения земле-владение в России, затем помещичье и крестьянское хозяйство, а в заключение дадим общие выводы о том, к чему привела наша эволюция в течение XIX века и какие задачи завещала она XX веку.

I.

Землевладение в Европейской России к концу XIX века мы можем обрисовать по данным новейшей поземельной статистики 1905 года (издание Центрального Статистического Комитета, Спб. 1907).

Всего земель в Европ. России было на учете по этому исследованию 395,2 миллиона десятин. Распределение их на три основные группы таково:

I группа — частные владения	101,7	млн. дес.
II « » наделън. земли	138,8	» »
III « » земли казны и пр.	154,7	» »
<hr/>		
Всего в Европ. России	395,2	млн. дес.

Надо сказать, что в число казенных земель наша статистика вводит свыше сотни миллионов десятин на дальнем севере, в губерниях Архангельской, Олонецкой и Вологодской. Громадную долю казенных земель надо выбрасывать, раз речь идет о действительном сельскохозяйственном фонде Европ. России. В своей работе об аграрной программе социал-демократов в первой русской революции (работа эта

написана в конце 1907 г., но выход ее в свет задержался по независящим от автора обстоятельствам) я определяю действительный сельско-хозяйственный фонд Европ. России приблизительно в 280 милл. дес. *). Из казенных земель сюда входит не полтора ста миллионов, а всего 39,5 милл. десятин. Следовательно, вне собственности помещиц и крестьянской остается в Европ. России *менее одной седьмой* доли земельной площади. Шесть седьмых находится в руках двух антагонистических классов.

Посмотрим на землевладение этих классов, различающихся между собою и как сословия, ибо большая часть частновладельческих земель дворянские земли, а наделные земли—крестьянские. Из 101,7 милл. дес. частновладельческой земли 15,8 милл. принадлежат обществам и товариществам, а остальные 85,9 милл. дес. находятся в личной собственности. Вот распределение этой последней по сословиям за 1905 и, параллельно, за 1877 годы:

Сословия владельцев:	Принадлежит в 1905 г.		в 1877 г.		В 1905 году увеличилось + уменьшилось —	
	милл. дес.	%.	милл. дес.	%.	милл. дес.	во сколь- ко раз.
Дворянам	53,2	61,9	73,1	79,9	—19,9	—1,40
Духовным лицам	0,3	0,4	0,2	0,2	+ 0,1	+1,74
Купцам и проч. гражд.	12,9	15,0	9,8	10,7	+ 3,1	+1,30
Мещанам	3,8	4,4	1,9	2,1	+ 1,9	+1,85
Крестьянам	13,2	15,4	5,8	6,3	+ 7,4	+2,21
Прочим сословиям	2,2	2,5	0,3	0,3	+ 1,9	+8,07
Иностранн. подданн.	0,3	0,4	0,4	0,5	— 0,1	—1,52
Всего личным собственникам	85,9	100,0	91,5	100,0	— 5,6	—1,09

Итак, главные личные собственники в России дворяне. Им принадлежит громадное количество земель. Но направление развития состоит в том, что дворянское землевладение уменьшается. Растет и чрезвычайно быстро растет бессословность землевладения. Всего быстрее за период 1877—1905 годов увеличилось землевладение «прочих сословий» (в восемь раз за 28 лет) и затем крестьян (более чем вдвое). Крестьяне все более и более выделяют, следовательно, такие социальные элементы, которые превращаются в частных поземельных собственников. Это факт общий. И мы должны будем, при анализе крестьянского хозяйства, вскрыть тот общественно-экономический механизм,

*) См. 430 стр. этого тома. Ред.

который производит такое выделение. Пока необходимо точно установить, что развитие частной поземельной собственности в России состоит в переходе от сословности к бессословности. К концу XIX века феодалная или крепостническая земельная собственность дворянства продолжает обнимать громадное большинство всей частной поземельной собственности, по развитие идет явственно к созданию буржуазной частной собственности на землю. Убывает частное землевладение, приобретаемое по наследству от дружинников, вотчинников, служилых людей и т. п. Возрастает частное землевладение, приобретаемое просто-напросто за деньги. Убывает власть земли, растет власть денег. Земля все больше и больше втягивается в торговый оборот; в дальнейшем изложении мы увидим, что размеры этого втягивания еще во много раз сильнее, чем показывают одни только данные о землевладении.

Но до какой степени сильна еще «власть земли», т.-е. власть средневекового землевладения крепостников-помещиков в России к концу XIX века, это особенно наглядно видно из данных о распределении частной поземельной собственности по размерам владения. Источник, которым мы пользуемся, выделяет особенно подробно данные о крупнейшем частном землевладении. Вот общее распределение по размерам владения:

Группы владений.	Владений.	Земли десятин.	В средн. на 1 владение дес.
10 дес. и менее	409.864	1.625.226	3,9
10— 50 »	209.119	4.891.031	23,4
50— 500 »	106.065	17.326.495	163,3
500— 2.000 »	21.748	20.590.708	947
2.000—10.000 »	5.386	20.602.109	3.825
Свыше 10.000 »	699	20.798.504	29.754
<hr/>			
Всего свыше 500 дес.	27.833	61.991.321	2.227
<hr/>			
Итого в Европ. России	752.881	85.834.073	114

Отсюда видно, что в частном личном землевладении мелкая собственность играет ничтожную роль. Шесть седьмых всего числа землевладельцев, 619 тысяч из 753 тыс., владеют всего 6½ милл. десятин. Наоборот, латифундии имеются необъятные: *семьсот* собственников владеют *в среднем по тридцать тысяч десятин* каждый. У этих семисот человек втрое больше, чем у шестисот тысяч мелких землевладельцев. И латифундии вообще составляют отличительную черту

русского частного землевладения. Выделяя все владения свыше 500 десятин, получаем двадцать восемь тысяч собственников, владеющих 62 миллионами десятин, т.-е. в среднем по 2.227 дес. на каждого. В руках этих 28 тысяч три четверти всего частного землевладения *). По условиям владельцев эти громадные латифундии преимущественно дворянские. Из 27.833 владений 18.102, т.-е. почти две трети, принадлежат дворянам, и земли у них 44½ милл. дес., т.-е. свыше 70% всего количества земли под латифундиями. Ясно, таким образом, что в России к концу XIX века громадное количество земель — и притом, как известно, лучших по качеству земель — сосредоточено по-прежнему (по средневековому) в руках привилегированного дворянского сословия, в руках вчерашних крепостников-помещиков. О том, какие формы хозяйства складываются на таких латифундиях, мы будем подробно говорить ниже. Теперь же добавим лишь краткое указание на тот общезвестный факт, в литературе ярко обрисованный г. Рубакиным, что высшие сановники бюрократии фигурируют один за другим в числе этих владельцев дворянских латифундий.

Перейдем к падельному землевладению. За исключением 1,9 милл. дес., не распределенных по размерам землевладения, остальная масса, 136,9 милл. дес., находится во владении 12¼ миллионов крестьянских дворов. В среднем это дает по 11,1 дес. на двор. Но и падельная земля распределена неравномерно: почти половина ее, 64 милл. дес. из 137, находится в руках 2,1 миллиона богатых земель дворов, т.-е. одной шестой общего числа.

Вот сводные данные о распределении падельной земли в Европ. России:

Группа дворов.		Дворов.	Десятин.	В среднем на 1 двор десятин.
До 5	дес.	2.857.650	9.030.333	3,1
» 5—8	»	3.317.601	21.706.550	6,5
Всего до 8 дес.		6.175.151	30.736.883	4,9
» 8—15	дес.	3.932.485	42.182.923	10,7
» 15—30	»	1.551.904	31.271.922	20,1
Свыше 30	»	617.715	32.695.510	52,9
Итого в Европ. России		12.277.355	136.887.238	11,1

*) Чтобы не пестрить текста цитатами, отметим здесь сразу, что большинство данных взято из вышеуказанной работы и из «Развития капитализма в России», 2-ое изд., Спб. 1908. (См. III том Собр. сочинений. *Ред.*)

Итак, больше половины наделных дворов—6,2 милл. из 12,3—имеют до 8 дес. на двор. В общем и среднем по всей России это — количество, безусловно недостаточное для содержания семьи. Чтобы судить о хозяйственном положении этих дворов, напомним общие данные военно-конских переписей (единственной статистики, охватывающей периодически и регулярно всю Россию). По 48 губерниям Европ. России, т.-е. за исключением Донской области и Архангельской губернии, в 1896—1900 годах насчитано было 11.112.287 крестьянских дворов. Из них безлошадных оказалось 3.242.462, т.-е. 29,2⁰/₁₀₀. Однолошадных 3.361.778 дворов, т.-е. 30,3⁰/₁₀₀. Известно, что такое безлошадный крестьянин в России (разумеется, мы берем здесь валовые итоги, а не какие-нибудь исключительные районы молочного хозяйства в пригородах, табаководства и т. п.). Известна также пужда и нищета крестьянина однолошадного. Шестимиллионная масса дворов—это значит от 24 до 30 миллионов населения. И все это население—пауперы, нищие, наделенные ничтожными клочками земли, с которых нельзя жить, на которых только можно умирать голодной смертью. Если предположить, что для сведения концов с концами в земельном хозяйстве нужно не менее 15 дес., то получим 10 милл. крестьянских дворов, стоящих ниже этого уровня, и у них 72,9 миллиона десятин земли.

Далее. По отношению к наделному землевладению необходимо отметить одну, чрезвычайно важную черту его. Неравномерность распределения падельной земли между крестьянами неизмеримо меньше, чем неравномерность распределения частновладельческой земли. Но зато среди наделных крестьян есть масса другого рода различий, делений, перегородок. Это—различия между разрядами крестьян, исторически сложившимися в течение долгих веков. Чтобы показать наглядно эти перегородки, возьмем сначала огульные данные во всей Европ. России. Статистика 1905 года дает такие основные разряды. Крестьяне бывшие владельческие—в среднем по 6,7 дес. падельной земли на двор. Бывшие государственные—12,5 дес. Бывшие удельные—9,5 дес. Колонисты—20,2 дес. Чишшевики—3,1 дес. Резени—5,3 дес. Башкиры и тептяри—28,3 дес. Прибалтийские крестьяне—36,9 дес. Казаки—52,7 дес. Уже отсюда видно, что наделное землевладение крестьян—чисто средневековое. Крепостное право до сих пор живет в той массе перегородок, которые остались между крестьянами. Разряды отличаются между собой не только количеством земли, но и размерами платежей, условиями выкупа, характером землевладения и т. д. Возьмем вместо огульных данных о всей России данные по одной губернии, и мы увидим тогда, что значат все

эти перегородки. Вот земско-статистический сборник по Саратовской губернии. Кроме обще-русских разрядов, т.-е. упомянутых уже нами выше, мы видим здесь, что местные исследователи отличают разряды крестьян дарственников, полных собственников, государственных с общинным владением, государственных с четвертным владением, государственных из помещичьих, арендаторов казенных участков, поселян-собственников, переселенцев, вольно-отпущенников, безоброчных, свободных хлебопашцев, бывших фабричных и т. д. Эта сеть средневековых перегоронок доходит до того, что иногда крестьяне одной и той же деревни делятся на две совершенно различные категории «бывших г-на N N.» и «бывших г-жи M. M.». Наши писатели либерально-народнического лагеря, не умеющие смотреть на русские хозяйственные отношения с точки зрения развития, как на смену крепостнических порядков буржуазными, обыкновенно игнорируют этот факт. На самом же деле история России XIX века и особенно ее непосредственный результат — события начала XX века в России — совершенно не могут быть поняты, если не оцепить всего значения этого факта. Страна, в которой происходит рост обмена и развитие капитализма, не может не переживать кризисов всякого рода, если в главной отрасли народного хозяйства средневековые отношения являются на каждом шагу тормозом и помехой. Пресловутая община, о значении которой нам еще придется говорить, не оберегая крестьянина от пролетаризации, на деле играет роль средневековой перегородки, разобщающей крестьян, точно прикованных к мелким союзам и к потерявшим всякий «смысл существования» разрядам.

Прежде, чем переходить к заключительным выводам о земле-владении в Европейской России, надо указать еще на одну сторону дела. Ни данные о количестве земли у «верхних 30 тысяч» помещиков и у миллиопов крестьянских дворов, ни данные о средневековых перегоронках в крестьянском землевладении недостаточны еще для учета действительных размеров того, до какой степени «утеснен», прижат и задавлен наш крестьянин живыми остатками крепостничества. Во-первых, земли, оставленные в надел крестьянам после той экспроприации крестьян в пользу помещиков, которая называется великой реформой 1861 года, несравненно хуже качеством, чем земли помещичьи. Об этом свидетельствует вся громадная литература местных описаний и исследований земской статистики. Об этом имеются неопровержимые массовые данные, показывающие меньшую урожайность крестьянских земель по сравнению с помещичьими; общепризнано, что эта разница в первую голову зависит от худшего качества наделных земель и лишь затем от худшей обработки и от прорех

нищенского крестьянского хозяйства. Во-вторых, в массе случаев земли крестьянам при «освобождении» их от земли помещиками в 1861 году отмежеваны таким образом, что крестьяне оказались в западне у «своего» помещика. Русская земско-статистическая литература обогатила науку, политическую экономию, описанием замечательно оригинального, самобытного, едва ли где-нибудь виданного еще на свете, способа ведения помещичьего хозяйства. Это — хозяйство *посредством отрезных земель*. Крестьяне «освобождены» в 1861 году от необходимых для их хозяйства водопоев, выгонов и т. п. Крестьянские земли вкроепы клипом между помещичьими так, чтобы господам помещикам был обеспечен чрезвычайно верный — и чрезвычайно благородный — доход от взысканий за потравы и пр. «Куренка некуда выпустить», — эта горькая крестьянская правда, этот «юмор висельника» лучше всяких длинных цитат повествует о той особенности крестьянского землевладения, которая не поддается статистическому выражению. Нечего и говорить, что эта особенность есть чистейшей воды крепостничество как по своему происхождению, так и по влиянию на способ организации помещичьего хозяйства.

Теперь мы перейдем к заключениям относительно землевладения в Европейской России. Мы показали условия помещичьего и крестьянского землевладения, взятых в отдельности. Мы должны взглянуть теперь на них в их связи. Для этого возьмем приведенную выше приблизительную цифру о величине земельного фонда в Европейской России — 280 милл. дес. — и посмотрим, как вся эта масса распределяется между земельными владениями разного типа. Каковы эти типы, будет показано подробно в дальнейшем изложении, и теперь, забегаю несколько вперед, мы возьмем основные типы предположительно. Земельные владения размером до 15 дес. на двор мы отнесем к первой группе — разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией. Вторую группу составит среднее крестьянство — владение от 15 до 20 дес. Третью — зажиточное крестьянство (крестьянская буржуазия) и капиталистическое землевладение, от 20 до 500 дес. Четвертую — крепостнические латифундии, — свыше 500 дес. Соединяя по этим группам и крестьянское, и помещичье землевладения вместе и производя небольшие округления *) и примерные исчисления (подробно указываемые мною в названной выше работе), мы получим следующую картину русского землевладения к концу XIX века.

*) Напр., к латифундиям добавлено сверх 62 милл. дес. помещичьих земель 5,1 милл. дес. удельных земель и 3,6 милл. дес. у 272 торгово-промышленных товариществ, имеющих каждое свыше 1.000 десятин.

Землевладение в Европейской России к концу XIX века:

	Ч и с л о		На 1 владение дес.
	владений. (в миллионах).	десятин.	
а) Разоренное крестьянство, при- давленное крепостнической эксплуатацией	10,5	75,0	7,0
б) Среднее крестьянство	1,0	15,0	15,0
в) Крестьянская буржуазия и ка- питалистическое землевладе- ние	1,5	70,0	46,0
г) Крепостнические латифундии . .	0,03	70,0	2.333
<hr/>			
Всего	13,03	230,0	17,6
Не распределено по размерам владений	—	50,0	—
<hr/>			
Итого	13,03	280,0	21,4

Повторяем: правильность экономической характеристики взятых здесь групп будет доказана в дальнейшем изложении. И если частности этой картины (которая по существу дела не может не быть приближительной) вызовут критику, то мы попросим читателя внимательно следить за тем, чтобы за критикой частных нельзя было контрабандой провести отрицания *сущности* дела. А эта суть дела состоит в том, что на одном полюсе русского землевладения мы имеем 10^{1/2} миллионов дворов (около 50 милл. населения) с 75 милл. десятин земли, а на другом полюсе *тридцать тысяч семей* (тысяч около полутора ста населения) с 70 милл. десятин земли.

Нам остается теперь, чтобы покончить с вопросом о землевладении, выйти за пределы Европейской собственно России и рассмотреть в общих чертах значение колонизации. Чтобы дать читателю некоторое представление о всем земельном фонде Российской империи (кроме Финляндии), воспользуемся данными г. Мертваго. Для наглядности мы приведем их в табличной форме и добавим цифры населения по переписи 1897 года (см. табл. на стр. 611).

Из этих цифр ясно видно, как мало мы еще знаем об окраинах России. Конечно, думать о «решении» земельного вопроса внутренней России посредством переселения на окраины было бы верхом нелепости. Не подлежит ни малейшему сомнению, что предлагать такое «решение» могут только шарлатаны, что те противоречия старых латифундий в Европейской России новым условиям жизни и хозяй-

	Всего земли		В том числе		В том числе угодия.				Население 1897 г.	
	Кв. верст тысяч.	Десятия милл.	Земли, о которой нет никаких сведений милл. д.	Земли на учете милл. дес.	Пашни.	Докося.	Леса.	Итого.	Всего тыс.	На 1 кв. версту.
					Миллионы десятин.					
10 губ. Царства Польского.....	111,6	11,0	—	11,6	7,4	0,9	2,5	10,8	9.402,2	84,3
38 губ. на запад от Волги.....	1.755,6	183,0	—	183,0	93,6	18,7	34,0	146,3	—	—
12 губ. на сев. и восток от Волги....	2.474,9	258,0	—	258,0	22,3	7,1	132,0	161,4	—	—
Итого 50 губ. Евр. России	4.230,5	441,0	—	441,0	123,3	26,7	168,5	318,5	93.442,9	22,1
Кавказ.....	411,7	42,8	22,1	20,2	6,5	2,2	2,5	11,2	9.289,4	22,6
Сибирь.....	10.966,1	1.142,0	639,7	502,9	4,3	3,9	121,0	129,2	5.758,8	0,5
Средняя Азия.....	3.141,6	327,3	157,4	169,9	0,9	1,6	8,0	10,5	7.746,7	2,5
Итого Азиатская Россия	14.519,4	1.512,8	819,2	693,6	11,7	7,7	131,5	150,9	—	—
Всего Российск. империя	18.861,5	1.965,4	819,2	1.146,2	135,0	34,1	300,0	469,4	125.640,0	6,6

ства в той же Европейской России, которые мы показали выше, должны быть «разрешены» тем или иным переворотом в *Европейской России*, а не вне ее. Не в том дело, чтобы переселением избавлять крестьян от крепостничества. Дело в том, что на-ряду с аграрным вопросом центра стоит аграрный вопрос колонизации. Не в том дело, чтобы газлонять кризис в Европейской России вопросом о колонизации, а в том, чтобы показать губительные результаты крепостнических латифундий *и на центр, и на окраины*. Русскую колонизацию *тормозят* остатки крепостничества в центре России. Иначе как аграрным переворотом

в Европейской России, иначе как освобождением крестьян от гнета крепостнических латифундий *нельзя* освободить и урегулировать русской колонизации. Это урегулирование должно состоять не в бюрократических «заботах» о переселении и не в «организации переселений», о которой любят говорить писатели либерально-народнического лагеря, а в устранении тех условий, которые осуждают русского крестьянина на темноту, забитость и одичание в вечной кабале у владельцев латифундий.

Г. Мертваго в брошюре, написанной им вместе с г. Прокоповичем («Сколько в России земли, и как мы ею пользуемся?», М. 1907), справедливо указывает на то, что рост культуры превращает неудобные земли в удобные. Академики Берг и Гельмерсен, знатоки дела, писали в 1845 году, что таврические степи *«всегда будут принадлежать к беднейшим и неудобовозделываемым по климату и недостатку в воде»!*. Тогда население Таврической губ. производило 1,8 милл. четвертей хлеба. Через 60 лет население удвоилось и производит 17,6 милл. четвертей, т.-е. почти вдесятеро больше.

Это очень верное и важное рассуждение, но только г. Мертваго забыл одно: главным условием, позволившим быструю колонизацию Новороссии, было *падение крепостного права* в центре России. Только переворот в центре дал возможность быстро, широко, по-американски, заселить юг и индустриализировать его (про *американский* рост юга России после 1861 г. говорено ведь очень и очень много). И теперь только переворот в Европейской России, только полное устранение в ней остатков крепостничества, избавление крестьян от средневековых латифундий в состоянии *действительно* открыть новую эру колонизации.

Колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны. Конец XIX века ставит перед нами альтернативу: либо решительная ликвидация крепостничества в «исконных» русских губерниях; тогда быстрое, широкое, американское развитие колонизации наших окраин обеспечено. Либо затыжка аграрного вопроса в центре; тогда неизбежна долгая задержка в развитии производительных сил, сохранение крепостнических традиций и в колонизационном деле. В первом случае земледелие будет вести свободный фермер, во втором кабальный мужик и «хозяйничающий» посредством отрезных земель барин.

II.

Переходим к организации помещичьего хозяйства. Общеизвестно, что основной чертой этой организации является соединение капита-

листической системы («вольный наем») с отработочной. Что же такое эта отработочная система?

Для ответа на этот вопрос необходимо взглянуть на организацию помещичьего хозяйства при крепостном праве. Всем известно, чем было крепостное право с точки зрения юридической, административной, бытовой. Но очень редко задаются вопросом о том, в чем была сущность экономических отношений помещиков и крестьян при крепостном праве. Крестьян наделяли тогда землей помещики. Иногда они сужали крестьянам и другие средства производства, напр., лес, скот и т. п. Какое же значение имело это наделение крепостных крестьян помещичьей землей? Надел был тогда *формой заработной платы*, если говорить применительно к современным отношениям. В капиталистическом производстве заработная плата рабочему выплачивается деньгами. Прибыль капиталиста реализуется в виде денег. Необходимый и прибавочный труд (т.-е. труд, оплачивающий содержание рабочего, и труд, дающий неоплаченную прибавочную стоимость капиталисту) соединены вместе в один процесс труда на фабрике, в один фабричный рабочий день и т. д. Иначе обстоит дело в барщинном хозяйстве. Необходимый и прибавочный труд есть и здесь, как есть он и в рабском хозяйстве. Но эти оба вида труда разделены во времени и в пространстве. Крепостной крестьянин три дня работает на барина, три дня на себя. На барина он работает на помещичьей земле или над помещичьим хлебом. На себя он работает на наделной земле, добывая сам для себя и для своей семьи тот хлеб, который необходим на содержание рабочей силы для помещика.

Следовательно, крепостная или барщинная система хозяйства одинакова с капиталистической в том отношении, что в обоих работник получает лишь продукт необходимого труда, отдавая продукт прибавочного труда без оплаты собственнику средств производства. Отличается же система крепостного хозяйства от капиталистической в трех следующих отношениях. Во-первых, крепостное хозяйство есть натуральное хозяйство, капиталистическое же — денежное. Во-вторых, в крепостном хозяйстве орудием эксплуатации является *прикрепление* работника к земле, наделение его землей, в капиталистическом же — освобождение работника от земли. Для получения дохода (т.-е. прибавочного продукта) крепостник-помещик должен иметь на своей земле крестьянина, обладающего наделом, инвентарем, скотом. Безземельный, безлошадный, бесхозяйный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации. Для получения дохода (прибыли) капиталист должен иметь перед собой именно безземельного, бесхозяйного работника, вынужденного продавать свою рабочую

сплу на свободном рынке труда. В-третьих, наделенный землей крестьянин должен быть *лично зависим* от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе как *под принуждением*. Система хозяйства порождает здесь «вне-экономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д. Напротив, «идеальный» капитализм есть полнейшая свобода договора на свободном рынке — собственником и пролетарием.

Только отчетливо уяснив себе эту экономическую сущность крепостного или, что то же, барщинного хозяйства, мы можем понять историческое место и значение отработков. Отработки, это — прямой и непосредственный пережиток барщины. Отработки, это — переход от барщины к капитализму. Сущность отработков в том, что помещичьи земли обрабатывают крестьяне *своим инвентарем* за плату, частью денежную, частью натурой (за землю, за отрезки, за выпас, за зимнюю ссуду и т. п.). Известная под именем исполщины форма хозяйства есть одна из разновидностей отработков. Для отработочного помещичьего хозяйства *необходим* наделенный землей крестьянин, имеющий хоть самый плохенький живой и мертвый инвентарь; необходимо также, чтобы этот крестьянин был задавлен нуждой и шел в кабалу. Кабала вместо свободного найма есть необходимый спутник отработков. Помещик выступает здесь не как предприниматель-капиталист, владеющий деньгами и всей совокупностью орудий труда. Помещик выступает при отработках в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд втридешева.

Чтобы нагляднее показать это, возьмем данные департамента земледелия, — источник, стоящий выше всяких подозрений в недоброжелательстве к господам землевладельцам. Известное издание «Вольнонаемный труд в хозяйстве» и т. д. (вып. V «С.-х. и стат. свед., получ. от хозяев», Спб. 1892) дает сведения о средней черноземной полосе за 8 лет (1803—1891): средней платой за полную обработку крестьянским инвентарем одной десятины озимого хлеба надо считать 6 руб. Если же рассчитать стоимость тех же работ по вольному найму, то получаем—говорит то же издание—6 р. 19 коп. только за пеший труд, *не считая* работы лошади; эту работу нельзя считать меньше 4 р. 50 коп. (цит. изд., стр. 45; «Развитие капитализма в России», стр. 141). Следовательно, вольнонаемная цена равняется 10 р. 69 к., отработочная же—6 р. Как объяснить это явление, если оно представляет из себя не случайное, не единичное что-либо, а нормальное и обычное? Такие слова, как «кабала», «ростовничество», «лихоимство» и т. п., описы-

вают форму сделки и характер ее, но не объясняют ее хозяйственной сущности. Как может крестьянин в течение ряда лет исполнять за 6 руб. работу, которая стоит 10 руб. 69 коп.? Крестьянин *может* это делать потому, что его надел покрывает часть расходов крестьянской семьи и *позволяет* понижать заработную плату ниже «вольнораемной» нормы. Крестьянин вынужден это делать именно потому, что убогий надел приязывает его к соседнему помещику, не давая возможности жить со своего хозяйства. И понятно, что «нормальным» такое явление может быть лишь как *дн* из звеньев процесса вытеснения барщины капитализмом. Ибо крестьянин неминуемо разорется в силу таких условий и медленно, но верно превратится в пролетария.

Вот еще однородные, по несколько более полные данные по Саратовскому уезду. Средняя цена за обработку одной десятины с уборкой, возкой хлеба и молотью составляет 9,6 рубля при зимнем заподряде с выдачей вперед 80—100% заработной платы. При отработках за аренду пашни цена — 9,4 рубля. При вольном найме — 17½ рублей! Жатва и возка при отработках стоит 3,8 рубля за десятину, при вольном найме — 8½ рублей и т. д. Каждая из этих цифр содержит в себе длинную повесть бесконечной крестьянской нужды, кабалы и разорения. Каждая из этих цифр свидетельствует о том, как *живы* к концу XIX века в России крепостническая эксплуатация и пережитки барщины.

Распространенность отработочной системы очень трудно поддается учету. Дело обстоит обыкновенно так, что в помещичьем хозяйстве соединяются отработочная и капиталистическая системы, применяемые по отношению к различным операциям земледелия. Незначительная часть земли обрабатывается помещичьим инвентарем и наемными рабочими. Большая часть земли сдается в аренду крестьянам, исполно, под отработки. Вот несколько иллюстраций, заимствуемых нами из обстоятельной работы г. Кауфмана, который свел ряд новейших данных о частновладельческом хозяйстве *). Тульская губ. (сведения относятся к 1897—1898 г.г.)—«помещики остались при старом трехполье... дальняя земля разбирается крестьянами»; обработка владельческих земель в высшей степени неудовлетворительная. Курская губерния: ...«подесятинная раздача земли крестьянам, выгодная вследствие высоких цен... привела к истощению почвы». Воронежская губ.: ...средние и мелкие владельцы «в большинстве

*) «Аграрный вопрос», Изд. Долгорукова и Петрункевича. Т. II. М. 1907, стр. 442—628: «К вопросу о культурно-хозяйственном значении частного землевладения».

ведут хозяйство исключительно при помощи крестьянского инвентаря или же сдают свои имения в аренду... в большинстве хозяйств практикуются приемы, отличающиеся отсутствием каких бы то ни было улучшений».

Подобные отзывы показывают нам, что к концу XIX века вполне применима та общая характеристика различных губерний Европ. России по преобладанию отработочной или капиталистической системы, которую дал г. Анненский в книге «Влияние урожая и т. д.». Приводим эту характеристику в виде таблички:

	Число губерний.		Всего.	Всего посевов у частновладельцев (тыс. дес.).
	В черно- земной.	В нечерно- земной.		
I. Губернии с преобладанием капиталистической системы.....	9	10	19	7.407
II. Губ. с преобл. смешан. системы.....	3	4	7	2.222
III. Губ. с преобл. отработочной системы.....	12	5	17	6.281
Всего	24	19	43	15.910

В черноземной полосе, следовательно, отработки безусловно преобладают, отступая на задний план во всех 43 губерниях, включенных в данную таблицу. Важно отметить при этом, что в I группе (капиталистическая система) числятся как раз не характерные для земледельческого центра местности: прибалтийские губернии, юго-западные (свекловичный район), южные, обе столичные.

Какое влияние оказывают отработки на развитие производительных сил земледелия, об этом красноречиво говорят материалы, сведенные в работе г. Кауфмана. «Не может подлежать сомнению, — читаем там, — что мелкая крестьянская аренда и испольщина являются одним из условий, наиболее тормозящих прогресс сельского хозяйства»... в обзорах сельского хозяйства по Полтавской губернии постоянно указывается на то, что «съемщики плохо обрабатывают землю, засевают плохими семенами, засоряют ее».

В Могилевской губ. (1898 г.) «всякое улучшение в хозяйстве тормозится неудобствами испольного хозяйства». Скопщина является одной из главных причин того, что «сельское хозяйство в Днепровском уезде находится в таком положении, что нечего и думать о каких-либо нововведениях и улучшениях». «Наши материалы, — пишет г. Кауфман (стр. 517), — дают нам ряд определенных указаний на то, что даже в пределах одного и того же имения на землях, сдаваемых

в аренду, старые, отжившие свой век способы хозяйства продолжают держаться в то время, когда на землях собственной запашки уже введены новые, более совершенные системы полеводства». Напр., на арендуемых землях держится трехполье иногда даже без навозного удобрения, — на землях экономической запашки многопольные севообороты. Исполщина тормозит травосеяние, мешает распространению удобрения, задерживает применение лучших с.-х. орудий. Результат всего этого наглядно сказывается на данных об урожаях. Вот, наприм., одна латифундия Симбирской губернии: урожай ржи на экономической запашке 90 пуд. с дес., пшеницы 60 пуд., овса 74 пуд., а на исполсных землях 58—28—50 пудов. Вот общие данные по целому уезду (Горбатовский, Нижегородской губернии):

Урожайность ржи в пудах с десятины:

Почвенные разряды :	Надель- ные земли.	Частновладельческие земли		
		Эконом. посевы.	Исполн.	Арендн.
I	62	74	—	44
II	55	63	49	—
III	51	60	50	42
IV	48	69	51	51
Для всех разряд. .	54 *)	66	50	45 *)

Итак, *помещичьи* земли, обрабатываемые крепостнически (исполщина и мелкая аренда), дают *меньшие* урожаи, чем наделные земли! Это — громадной важности факт, ибо он неопровержимо доказывает, что главная и основная причина сельско-хозяйственной отсталости России, застоя всего народного хозяйства и невиданного на свете принижения земледельца есть *отработочная система*, т.-е. прямой пережиток крепостничества. Никакие кредиты, никакие мелиорации, никакая «помощь» крестьянину, никакие излюбленные бюрократами и либералами меры «содействия» не дадут никаких серьезных результатов, пока остается гнет крепостнических латифундий, традиций, систем хозяйства. И наоборот, аграрный переворот, уничтожающий помещичье землевладение и разрывающий старую средневековую общину (национализация земли, например, разрывает ее не полицейским, не чиновничьим путем), непременно послужил бы основой замечательно быстрого и действительно широкого прогресса. Невероятно низкий урожай исполсных и арендных земель обязан системе работ

*) У г. Кауфмана, стр. 521, видимо, опечатка в этих двух цифрах.

«па барина». Не только урожай с этих земель поднялись бы, если бы тот же, теперешний земледелец освободился от работы «на барина», но и урожай наделных земель поднялся бы неизбежно, просто в силу устранения крепостнических помех хозяйству.

При данном же положении вещей капиталистический прогресс частновладельческого хозяйства имеется, конечно, на-лицо, но он чрезвычайно медленен и неизбежно обременяет Россию на долгие времена политическим и социальным господством «дикого помещика». Мы рассмотрим теперь, в чем проявляется этот прогресс, и попытаемся определить некоторые общие результаты его.

Что урожайность «экономических» посевов, т.-е. обрабатываемых капиталистически помещичьих земель, выше крестьянских, это указывает на технический прогресс капитализма в земледелии. Прогресс этот связан с переходом от отработочной системы к вольнонаемной. Разорение крестьянства, обезлошадение, потеря инвентаря, пролетаризация земледельца *заставляют* помещиков переходить к работе своим инвентарем. Растет употребление машин в сельском хозяйстве, повышающих производительность труда и неизбежно ведущих к развитию чисто капиталистических производственных отношений. Сельско-хозяйственных машин ввозилось в Россию из-за границы на 788 тыс. руб. в 1869—1872 годах, на 2,9 милл. руб. в 1873—1880 годах, на 4,2 милл. руб. в 1881—1888 г.г., на 3,7 милл. руб. в 1889—1896 годах, на 15,2—20,6 милл. руб. в 1902—1903 годах. Производство с.-х. машин в России определялось (приблизительно, по довольно грубой статистике фабрик и заводов) в 2,3 милл. руб. в 1876 году, в 9,4 милл. руб. в 1894 году, в 12,1 милл. руб. в 1900—1903 годах. Неоспоримо, что эти цифры свидетельствуют о прогрессе земледелия и именно капиталистическом прогрессе, конечно. Но так же неоспоримо, что прогресс чрезвычайно медленен по сравнению с тем, что возможно в современном капиталистическом государстве: пример—Америка. По переписи 1 июня 1900 года в Соед. Штатах было земли под фермами 838,6 милл. акров, т.-е. около 324 милл. дес. Число ферм—5,7 милл., так что среднее на 1 ферму—146,2 акра (ок. 60 дес.). И вот, производство земледельческих орудий для этих фермеров равнялось 157,7 миллиона долларов в 1900 году (в 1890 г.—145,3 милл. долл.; в 1880 г.—62,1 милл. долл.) *)! Русские цифры до смешного малы по сравнению с этими, и малы они потому, что велики у нас и сильны крепостнические лати-фундии.

*) «Abstract of the Twelfth Cenzus», 1900. Third Edition. Washington 1904. pages 217 and 302 — agriculturel implements.

Сравнительное распространение улучшенных сельско-хозяйственных орудий у владельцев и крестьян было предметом специальной анкеты, произведенной министерством земледелия в середине 90-х годов прошлого века. Сводку данных этой анкеты, изложенных подробно у г. Кауфмана, мы можем привести в следующей таблице:

Р а й о н ы :	Процент показаний о широкой распространности улучшенных с.-х. орудий.	
	У владельцев.	У крестьян.
Центр. земледельч.	20—51	8—20
Средневолжский	18—66	14
Новороссийский	50—91	33—65
Белорусский	54—86	17—41
Приозерный	24—47	1—21
Подмосковный	22—51	10—26
Промышленный	4—8	2

В среднем по всем этим районам получаем 42⁰/₀ у помещиков и 21⁰/₀ у крестьян.

Относительно распространения навозного удобрения все данные статистики равным образом неопровержимо свидетельствуют, «что в этом деле владельческое хозяйство все время шло и до сих пор стоит далеко впереди крестьянского» (Кауфман, стр. 544). Мало того: довольно широко распространено было в пореформенной России такое явление, как покупка навоза помещиками у крестьян. Это уже — результат самой крайней крестьянской нужды. В последнее время явление это идет на убыль.

Наконец, точные и массовые статистические данные по вопросу о высоте земледельческой техники в помещичьем и крестьянском хозяйстве имеются относительно распространения травосеяния (Кауфман, стр. 561). Вот главные выводы:

Г о д ы :	Посев кормов. трав в Европ. России.	
	У крестьян.	У владельцев.
1881	49,8 тыс. дес	491,6 тыс. дес.
1901	499,0 » »	1.046,0 » »

Каков результат всех этих различий между помещичьим и крестьянским хозяйством? Для суждения об этом есть только данные об урожайности. По всей Европ. России в среднем за 18 лет (1883 — 1900) урожайность была следующая (в четвертях):

	Рожь.	Пшеница озимая.	Пшеница яровая.	Овес.
У владельцев	6,0	5,75	5,0	8,5
У крестьян	5,0	5,0	4,25	7,0
Разница	16,7 ⁰ / ₀	13,0 ⁰ / ₀	15,0 ⁰ / ₀	17,6 ⁰ / ₀

Г. Кауфман совершенно прав, когда говорит, что разница эта «очень невелика» (стр. 592). Надо принять при этом во внимание не только то, что крестьянам оставлены были в 1861 г. *худшие земли*, но и то, что общие средние относительно всего крестьянства скрадывают (как мы сейчас увидим) крупные различия.

Общий вывод, который мы должны сделать из рассмотрения помещичьего хозяйства, следующий. Капитализм совершенно явственно пролагает себе дорогу в этой области. Смена идет от барщинного к вольнонаемному хозяйству. Технический прогресс капиталистического земледелия по сравнению с отработочным и мелким крестьянским намечается во всех направлениях вполне определенно. Но прогресс этот необыкновенно медленен для современной капиталистической страны. И конец XIX века застает в России самое острое противоречие между потребностями всего общественного развития и крепостничеством, которое в виде помещичьих дворянских латифундий; в виде отработочной системы хозяйства является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русекой жизни.

III.

Крестьянское хозяйство составляет центральный пункт современного аграрного вопроса в России. Мы показали выше, каковы условия крестьянского землевладения, и теперь должны обратиться к организации крестьянского хозяйства—не в техническом, а в политико-экономическом смысле слова.

На первом месте мы встречаем здесь вопрос о крестьянской общине. Ему посвящена чрезвычайно обширная литература, и народническое направление нашей общественной мысли связывает основные пункты своего мирозерцания с национальными особенностями этого «урavnительного» учреждения. Надо прежде всего заметить по этому поводу, что в литературе о русской поземельной общине постоянно переплетаются и сплошь да рядом смешиваются две различные стороны вопроса: агрикультурная и бытовая, с одной стороны, и политико-экономическая, с другой. В большинстве сочинений по

общине (В. Орлов, Трирогов, Кейслер, В. В.) первой стороне вопроса уделяется так много места и внимания, что вторую сторону совершенно оставляют в тени. Между тем подобный прием глубоко неправилен. Своеобразие русских поземельных отношений по сравнению с отношениями любой иной страны не подлежит сомнению, но не найдется двух чисто капиталистических, общепризнанных капиталистических стран, которые не различались бы между собой столь же значительно аграрным бытом, историей земельных отношений, формами землевладения и землепользования и т. д. То, что придало вопросу о русской поземельной общине его значение и его остроту, то, что разделило, начиная со второй половины XIX века, два основных направления нашей общественной мысли — народническое и марксистское, — это вовсе не агрикультурная и не бытовая сторона вопроса. Возможно, что ей должны были уделять много внимания местные исследователи как для того, чтобы всесторонне учесть именно местные особенности земледельческого быта, так и для того, чтобы отразить невежественные, чисто наглые, покушения бюрократии на мелочную, Проникнутую полицейским духом, регламентацию. Но для экономиста во всяком случае совершенно непозволительно заслонять изучением разновидностей переделов, техники их и т. п. вопрос о том, какие *типы хозяйства* складываются *внутри* общины, как развиваются эти типы, как складываются отношения между нанимающими рабочих и нанимающимися на черную работу, между зажиточными и беднотой, между улучшающими хозяйство и вводящими усовершенствования в технике и разоряющимися, забрасывающими хозяйство, бегущими из деревни. Несомненно, что сознание этой истины и побудило наших земских статистиков — давших неоценимый материал для изучения народного хозяйства России — перейти в 80-х годах прошлого века от *казенной* группировки крестьян по общинам, по наделу, по числу ревизских или наличных душ мужеского пола к единственно-научной группировке по *хозяйственной состоятельности* дворов. Напомним, что в те времена, когда интерес к экономическому изучению России был особенно велик, даже такой «партийный» в этом вопросе писатель, как г. В. В., от всей души приветствовал «новый тип земско-статистического издания» (заглавие статьи г. В. В. в «Северном Вестнике» за 1885 г., № 11) и заявлял: «необходимо цифровые данные приурочивать не к такому агломерату разнообразнейших экономических групп крестьянства, как село или община, а к самим этим группам».

Основная черта нашей общины, придавшая ей особое значение в глазах народников, есть уравнительность землепользования. Мы оставим совершенно в стороне вопрос о том, как достигает община этой уравни-

нительности, а обратимся прямо к экономическим фактам, к результатам этой уравнительности. Распределение всей надельной земли в Европ. России, как мы показали выше на точных данных, далеко не уравнительное. Между разрядами крестьян, между крестьянами разных деревень, даже между крестьянами разных помещиков («бывших») в одной деревне распределение тоже не имеет ничего общего с уравнительным. Только внутри мелких общин аппарат переделов создает уравнительность этих небольших замкнутых союзов. Посмотрим же на данные земской статистики относительно распределения надельной земли между дворами. При этом, разумеется, мы должны взять группировку дворов не по величине семьи, не по числу работников, а непременно по *хозяйственной состоятельности* отдельных дворов (посев, число штук рабочего скота, количество коров и т. п.), ибо вся сущность капиталистической эволюции мелкого земледелия состоит в создании и усилении имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, далее в превращении простого неравенства в капиталистические отношения. Мы затушевали бы, следовательно, все особенности новой хозяйственной эволюции, если бы не задались целью изучить специально различия в хозяйственной состоятельности внутри крестьянства.

Возьмем сначала один типичный уезд (подворные исследования земской статистики с детальными комбинационными таблицами группированы к отдельным уездам) и затем приведем основания, которые заставляют распространить интересующие нас выводы на крестьянство всей России. Материал заимствуем из «Развития капитализма в России», глава II.

В Красноуфимском уезде, Пермской губернии, в которой имеется исключительно общинное крестьянское землевладение, надельная земля распределяется следующим образом:

	На один двор.	
	Душ об. п.	Надельн. земли дес.
Необработыв. земли	3,5	9,8
Обраб. до 5 дес.	4,5	12,9
» 5—10 »	5,4	17,4
» 10—20 »	6,7	21,3
» 20—50 »	7,9	28,8
» бол. 50 »	8,2	44,6
В с е г о	5,5	17,4

Мы видим, что с повышением хозяйственной состоятельности дворов безусловно правильно повышается размер семьи. Ясно, что

многосемейность является одним из факторов крестьянского благосостояния. Это бесспорно. Вопрос только в том, к каким общественно-экономическим отношениям приводит это благосостояние в данной обстановке всего народного хозяйства. Что касается до наделной земли, то мы видим неравномерность ее распределения, хотя и не слишком значительную. Чем состоятельнее крестьянский двор, тем больше наделной земли приходится *на 1 душу населения*. В низшей группе меньше 3 дес. наделной земли на 1 душу об. п.; в дальнейших группах около 3 десятип — три дес. — около 4-х — четыре — и, наконец, в последней высшей группе свыше 5 дес. наделной земли на 1 душу об. п. Следовательно, многосемейность и наибольшая обеспеченность наделной землей служат основой зажиточности *небольшого меньшинства* крестьян. Ибо две высшие группы охватывают всего *одну десятую* долю общего числа дворов. Вот процентные соотношения между числом дворов, количеством населения и распределением наделной земли:

Г р у п п ы д в о р о в .	Проценты к итогу.		
	Дворов.	Населения об. п.	Наделной земли.
Необработ. земли	10,2	6,5	5,7
Обработ. до 5 дес	30,3	24,8	22,6
» » 5—10 »	27,0	26,7	26,0
» » 10—20 »	22,4	27,3	28,2
» » 20—50 »	9,4	13,5	15,5
» более 50 »	0,7	1,2	1,9
В с е г о	100,0	100,0	100,0

Из этих цифр видно ясно, что пропорциональность распределения наделной земли есть налицо, что результат общинной уравнительности учитывается нами. Процентные доли населения по группам и наделной земли по группам довольно близки одна к другой. Но и тут уже начинает сказываться влияние хозяйственной состоятельности отдельных дворов: у низших групп доля земли *меньше* доли населения, у высших групп — *больше*. И это явление не единичное, не одного только уезда касающееся, а общее для всей России. В вышеуказанной работе мною сведены однородные данные по 21 уезду 7 губерний самых различных местностей России. Эти данные, охватывающие полмиллиона крестьянских дворов, показывают везде одинаковые отношения. У 20% зажиточных дворов 26,1%—30,3% населения и 29,0%—36,7% наделной земли. У 50% беднейших дворов 36,6%—44,7% населения и 33,0%—37,7% наделной земли. Пропорциональ-

ность распределения наделной земли есть везде, и в то же время везде сказывается то, что община *подается* в сторону крестьянской буржуазии; отступления от пропорциональности идут повсюду в пользу высших групп крестьянства.

Таким образом было бы глубокой ошибкой думать, что, изучая группировку крестьянства по хозяйственной состоятельности, мы игнорируем «уравнительное» влияние общины. Как раз напротив, мы именно учитываем посредством точных данных действительное хозяйственное значение этой уравнительности. Мы именно показываем, насколько простирается эта уравнительность, к чему приводит, *в конце концов*, вся система переделов. Пусть эта система даст наилучшее распределение земель разного качества и разных угодий, но неоспорим факт, что перевес зажиточных групп крестьянства над беднейшими сказывается и в распределении наделной земли. Распределение других, не наделных, земель, как мы сейчас увидим, неизмеримо более неравномерно.

Известно значение аренды в крестьянском хозяйстве. Нужда в земле вызывает необыкновенно разнообразные формы кабальных отношений на этой почве. Сплошь да рядом, как мы уже говорили выше, аренда земли крестьянами является по сути дела отработочной системой помещичьего хозяйства, — является крепостническим способом приобретения рабочих рук для барина. Таким образом крепостническое значение нашей крестьянской аренды не подлежит сомнению. Но, раз мы имеем перед собой капиталистическую эволюцию данной страны, мы должны специально исследовать, как проявляются и проявляются ли *буржуазные* отношения в крестьянской аренде. Для этого опять-таки необходимы данные о различных хозяйственных группах крестьянства, а не о целых общинах и деревнях. Напр., в «Итогах земской статистики» г. Карышев должен был признать, что натуральные аренды (т.-е. аренды не за деньги, а исполу или за отработки) по общему правилу *везде* дороже денежных, и притом значительно дороже, иногда вдвое; далее, что натуральные аренды развиты *всего сильнее в беднейших группах крестьянства*. Сколько-нибудь состоятельные крестьяне стараются снимать землю за деньги. «Наниматель пользуется малейшей возможностью вносить арендную сумму деньгами и тем удешевить стоимость пользования чужой землей» (Карышев в цит. соч., стр. 265).

Значит, крепостнические черты нашей аренды всей тяжестью ложатся на беднейших крестьян. Зажиточные стараются высвободиться из средневекового ярма, и это удастся им лишь в той мере, в какой они располагают достаточными денежными суммами. Есть

деньги — можешь снять землю за наличные по обыкновенным рыночным ценам. Нет денег — идешь к кабалу, платишь втридорога за землю в виде ли исполщины или в виде отработков. Мы видели выше, во сколько раз отработочные цены за труд ниже вольнонаемных цен. А если условия аренды различны для крестьян разной состоятельности, то ясно, что мы не можем ограничиться (как это постоянно делает Карышев) группировкой крестьян по наделу, ибо такая группировка *искусственно* сливает дворы разной состоятельности, смешивает сельский пролетариат с крестьянской буржуазией.

Возьмем для иллюстрации данные по Камышинскому уезду Саратовской губернии, почти сплошь общинной (из 2.455 общин этой губернии 2.436 имеют землю в общинном владении). Вот каковы здесь отношения между разными группами дворов по аренде земли:

Группы домохозяев:	% Приходится на 1 наделный двор десятин.		
	Дворов.	Надельной пашни.	Арендванной земли.
Без рабоч. скота.	26,4	5,4	0,3
С 1 головы рабочего скота.	20,3	6,5	1,6
» 2 » » »	14,6	8,5	3,5
» 3 » » »	9,3	10,1	5,6
» 4 » » »	8,3	12,5	7,4
» 5 и более » »	21,1	16,1	16,6
В с е г о	100,0	9,3	5,4

Распределение наделной земли уже знакомо нам: состоятельные дворы лучше обеспечены ею по расчету на единицу населения, чем бедные. Распределение аренды оказывается в *десятки раз* более неравномерное. В высшей группе втрое больше наделной земли, чем в низшей (16,1 против 5,4). Арендванной же земли в высшей группе в *пятьдесят раз* больше, чем в низшей (16,6 против 0,3). Аренда, след., не выравнивает различия между крестьянами по хозяйственной состоятельности, а в десятки раз усиливает, обостряет их. Обратный вывод, который неоднократно встречается у экономистов-народников (В. В., Ник.—он, Маресс, Карышев, Вихляев и др.), основан на следующей ошибке. Берут обыкновенно группировку крестьян по наделу и показывают, что малонадельные больше арендуют, чем многонадельные. На этом и останавливаются, что арендуют землю преимущественно зажиточные дворы малонадельных общин, и что поэтому кажущаяся уравнительность общин только прикрывает величайшую неравномерность распределения внутри общин. Карышев, напр.,

сам признает, что «большими арендами пользуются а) менее обеспеченные землей разряды, но б) более обеспеченные и них группы» (стр. 139 указ. соч.), но, тем не менее, не исследует систематически распределения аренды по группам.

Чтобы яснее была эта ошибка экономистов-народников, приведем один пример — г. Маресса (в книге «Влияние урожаев и хлебных цен», т. I, стр. 34). Он выводит из данных по Мелитопольскому уезду «приблизительно равномерное подушное распределение аренды». В чем дело? В том, что если распределить дворы по числу работников муж. пола, то окажется, что дворы без работников арендуют «в среднем» по 1,6 дес. на арендующий двор, дворы с 1 работником — по 4,4 дес.; с двумя — по 8,3 дес., с тремя — по 14,0 дес. В том-то и соль, что эти «средние» объединяют дворы совершенно различной хозяйственной состоятельности, что среди, напр., дворов с работником есть дворы, арендующие по 4 дес. и сеющие 5 — 10 дес. при 2 — 3 головах рабочего скота, и дворы, арендующие по 38 дес., сеющие более 50 дес. при 4 и более головах рабочего скота. Таким образом выведенная г. Марессом уравнительность *фактивна*. На деле в Мелитопольском уезде 20% богатейших дворов, несмотря на наибольшую обеспеченность их и надельной и купчей землей, концентрируют 66,3%, т.-е. две трети всей арендованной земли, оставляя всего 5,6% ее на долю *половины* беднейших дворов.

Далее. Если мы видим, с одной стороны, аренду одной десятины или даже части ее в дворах безлошадных и однолошадных, а с другой стороны, аренду 7 — 16 десятин у дворов четырех и более лошадиных, то ясно, что здесь количество переходит в качество. Первая аренда есть аренда из нужды, аренда кабальная. «Арендатор», стоящий в подобных условиях, не может не превращаться в орудие эксплуатации посредством отработков, зимней наемки, ссуды денег и т. п. Наоборот, двор, имеющий 12 — 16 десятин паделльной земли, и арендующий *сверх того* по 7 — 16 десятин, явно арендует не от нужды, а от богатства, не для «продовольствия», а для обогащения, для того, чтобы «заработать деньгу». Мы видим здесь воочию превращение аренды в капиталистическое фермерство, зарождение предпринимательства в земледелии. Подобные дворы, как увидим ниже, не обходятся без найма земледельческих рабочих.

Спрашивается теперь, насколько обще явление — эта явно предпринимательская аренда? Мы приведем ниже указание на то, что в различных районах торгового земледелия рост предпринимательского хозяйства проявляется различно. Теперь же приведем еще несколько примеров и сделаем общие выводы об аренде.

В Днеспровском уезде Таврической губернии дворы, сеющие 25 и более дес., составляют 18,2⁰/₀ общего числа. Они имеют надельной земли по 16 — 17 дес. на двор и арендуют по 17—44 десятины. В Новоузенском уезде Самарской губ. дворы, имеющие 5 и более голов раб. скота, составляют 24,7⁰/₀ общего числа. Они сеют по 25—53—149 дес. на двор, арендуя вненадельной земли по 14—54—342 дес. на двор (первая цифра относится к группе с 5—10 голов. раб. скота, 17,1⁰/₀ дворов; вторая — 10—20 гол., 5,8⁰/₀ дворов; третья — 20 и более голов, 1,8⁰/₀ дворов). Надельной земли они арендуют в других обществах по 12—29—67 дес. и в своем обществе по 9—21—74 дес. В Красноуфимском уезде Пермской губернии обрабатывают 20 дес. и более 10,1⁰/₀ всего числа дворов. Они имеют по 28—44 дес. надельной земли на двор и арендуют по 14—40 дес. пашни и 118—261 дес. покоса. В двух уездах Орловской губ. (Елецкий и Трубчевский) дворы с 4 и более лошадыми составляют 7,2⁰/₀ общего числа. Имея по 15,2 дес. надельной земли, они посредством купчей земли и аренды доводят свое землепользование до 28,4 дес. В Задонском уезде Воронежской губ. соответственные цифры: 3,2⁰/₀ дворов по 17,1 дес. падеальной земли и по 33,2⁰/₀ дес. всего землепользования. В трех уездах Нижегородской губернии (Княгининский, Макарьевский и Васильский) — 9,5⁰/₀ дворов с 3 и более лошадыми. У них по 13—16 дес. надельной земли на двор, а всего землепользования по 21—34 дес.

Отсюда видно, что предпринимательская аренда в крестьянстве не единичное и не случайное явление, а общее и повсеместное. Везде и повсюду выделяются из общины зажиточные дворы, которые всегда составляют незначительное меньшинство и всегда организуют капиталистическое земледелие при помощи предпринимательской аренды. Поэтому общими фразами о продовольственной и капиталистической аренде нельзя ничего выяснить в вопросах нашего крестьянского хозяйства: необходимо изучать *конкретные данные* о развитии крепостнических черт в аренде и об образовании *в ней* же капиталистических отношений.

Мы привели выше данные о том, какую долю населения и надельной земли сконцентрировывают 20⁰/₀ наиболее зажиточных дворов. Мы можем добавить теперь, что они сосредоточивают от 50,8⁰/₀ до 83,7⁰/₀ всей арендуемой крестьянством земли, оставляя на долю 50⁰/₀ дворов низших групп от 5⁰/₀ до 16⁰/₀ всей арендуемой земли. Вывод отсюда ясен: если нас спросят, какая аренда преобладает в России, продовольственная или предпринимательская, аренда из нужды или аренда зажиточных крестьян, аренда крепостническая (отрабочная, кабальная) или буржуазная, то ответ может быть лишь один.

По числу арендующих дворов, несомненно, большинство арендаторов арендует из нужды. Для громадного большинства крестьян аренда есть кабала. По количеству арендуемой земли, несомненно, не менее половины ее находится в руках зажиточного крестьянства, сельской буржуазии, организующей капиталистическое земледелие.

Данные о ценах на арендуемую землю обыкновенно приводятся только «в среднем» для всех арендаторов и за всю землю. До какой степени *прикрашивают* эти средние безмерную нужду и угнетение крестьян, видно из данных земской статистики по Днепровскому уезду Таврической губернии, где даны в виде счастливого исключения цены аренды у разных групп крестьянства:

	Процент арендующих дворов.	Дес. пашни на 1 аренд. двор.	Цена 1 дес. в руб.
У сеющ. до 5 дес. . . .	25	2,4	15,25
» » 5—10 » . . .	42	3,9	12,00
» » 10—25 » . . .	69	8,5	4,75
» » 25—50 » . . .	88	20,0	3,75
» » свыше 50 » . . .	91	48,6	3,55
Всего	56,2	12,4	4,23

Таким образом «средняя» цена аренды — 4 руб. 23 коп. за десятину — прямо искажает действительность, погашая те противоречия, которые составляют самую суть дела. Беднота вынуждена арендовать за разорительную цену более чем втрое выше средней. Богачи выгодно покупают землю «оптом» и, конечно, передают ее при случае нуждающемуся соседу с барышем в 275⁰/₀. Есть аренда и аренда. Есть крепостническая кабала, есть ирландская аренда, и есть торговля землей, капиталистическое фермерство.

Такое явление, как сдача крестьянами надельной земли, еще более наглядно показывает капиталистические отношения внутри общины, разорение бедноты и обогащение меньшинства на счет этой разоряющейся массы. Аренда и сдача земли, это — явления такого рода, которые не стоят ни в какой связи с общиной и ее уравнительностью. Какое значение в действительной жизни будет иметь эта уравнительность распределения надельной земли, если беднота вынуждена *сдавать* богатым уравнительно данную ей землю? И какое более наглядное опровержение «общиннических» взглядов можно себе представить, чем этот факт *обхода* жизнью официальной, ревизской, казенной уравнительности наделов? Бессилие какой угодно уравнительности перед развивающимся капитализмом доказывается

воочию фактом сдачи надельной земли беднотой и концентрации аренды богачами.

Как широко распространено это явление сдачи надельных земель? По тем, устаревшим уже теперь, земско-статистическим исследованиям 80-х годов прошлого века, которыми мы вынуждены пока ограничиваться, число сдающих землю дворов и процент сдаваемой надельной земли кажутся небольшими. Напр., в Днепровском уезде Таврической губернии сдают надельную землю 25,7⁰/₁₀₀ домохозяев; процент сдаваемой надельной земли — 14,9⁰/₁₀₀. В Новоузенском уезде Самарской губернии сдают землю 12⁰/₁₀₀ дворов. В Камышинском уезде Саратовской губ. процент сдаваемой земли = 16⁰/₁₀₀. В Красноуфимском уезде Пермской губ. сдают надельную пашню 8¹/₂ тысяч хозяев из 23¹/₂, т.-е. более трети. Сдается 50¹/₂ тыс. дес. надельной земли из 410 тыс., т.-е. около 12⁰/₁₀₀. В Задонском уезде Воронежской губ. сдается 6¹/₂ тыс. десятин надельной земли из 136¹/₂ тыс., т.-е. менее 5⁰/₁₀₀. В трех уездах Нижегородской губ. 19 тыс. дес. из 433 тыс., т.-е. тоже менее 5⁰/₁₀₀. Но все эти цифры только кажутся незначительными, ибо подобные процентные отношения включают молчаливое предположение, будто сдают землю более или менее равномерно хозяева всех групп. А такое предположение прямо противоположно действительности. Гораздо важнее, чем абсолютные цифры аренды и сдачи, чем средние проценты сдаваемой земли или сдающих землю хозяев, тот факт, что сдает землю главным образом беднота, а арендуют наибольшее количество земли зажиточные. На этот счет данные земско-статистических исследований не оставляют и тени сомнения. На 20⁰/₁₀₀ наиболее зажиточных дворов приходится от 0,3⁰/₁₀₀ до 12,5⁰/₁₀₀ всей сдаваемой земли. Наоборот, на 50⁰/₁₀₀ дворов низших групп падает из итога сдаваемой земли от 63,3⁰/₁₀₀ до 98,0⁰/₁₀₀. И арендуют эти сдаваемые беднотой земли, конечно, те же зажиточные крестьяне. Тут опять-таки ясно, что в разных группах крестьянства сдача земли имеет различное значение: беднота сдает из нужды, не имея возможности обрабатывать землю, не имея семян, скота, инвентаря, нуждаясь до зареза в деньгах. Богатые сдают мало, либо обменивая один кусок земли на другой в интересах хозяйства, либо прямо торгуя землей.

Вот конкретные данные по Днепровскому уезду Таврической губернии (см. табл. на стр. 630).

Разве не ясно из этих данных, что забрасыванье земли и пролетаризация в громадных размерах соединяется здесь с торговлей землею ничтожной кучки богачеев? Разве не характерно, что процент сдаваемой надельной земли повышается как раз у тех крупных посевищников, которые имеют по 17 дес. надельной земли на двор, по

П р о ц е н т ы.

	Домохозяев, сдающих на- дельную землю.	Сдаваемой надельной земли.
Несеющие	80	97,1
Сеющие до 5 дес.	30	38,4
» 5—10 »	23	17,2
» 10—25 »	16	8,1
» 25—50 »	7	2,9
» свыше 50 »	7	13,8
<hr/>		
По уезду	25,7	14,9

30,0 дес. купчей и по 44,0 дес. арендованной земли? В общем и целом вся бедная группа в Днепровском уезде, т.е. 40% дворов, имея 56 тыс. дес. надельной земли, арендует 8 тыс., сдает 21½ тыс. дес. А зажиточная группа, имея 18,4% дворов, при 62 тыс. дес. надельной земли, сдает 3 тыс. дес. надельной земли и арендует 82 тыс. дес. В трех уездах Таврической губ. эта зажиточная группа арендует 150 тыс. дес. надельной земли, т.е. три пятых всей сдаваемой надельной земли! В Новоузенском уезде Самарской губ. 47% безлошадных дворов и 13% однолошадных сдают надельную землю, а владельцы 10 и более голов рабочего скота, т.е. всего 7,6% общего числа дворов, арендуют *надельной* земли по 20—30—60—70 десятин.

Относительно купчей земли нам придется сказать почти то же, что и относительно аренды. Разница здесь та, что в аренде есть крепостнические черты, что аренда бывает в известных условиях отработочной и кабальной, т.е. бывает способом привязывания к помещицкому хозяйству рабочих рук из числа соседних общинавших крестьян. Покупка же земли в частную собственность надельными крестьянами представляет из себя чисто буржуазное явление. На Западе иногда привязывают батраков и поденщиков к земле посредством продажи им мелких участков земли. У нас в России аналогичная операция давно уже произведена казенным образом в виде великой реформы 1861 года, и теперь покупка земли крестьянами выражает исключительно выделение из общины представителей сельской буржуазии. О том, как развивалась после 1861 года покупка земли крестьянами, мы сказали выше, разбирая данные о землевладении. Здесь же надо указать на громадную концентрацию купчей земли в руках меньшинства. У 20% зажиточных дворов сосредоточено от 59,7% до 99% купчей земли; у 50% беднейших дворов — от 0,4% до 15,4% всего количества купленной крестьянами земли. Мы смело можем утверждать поэтому, что из 7½ милл. десятин земли, которую при-

обрели крестьяне в личную собственность с 1877 по 1905 год (см. выше), от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ находится в руках ничтожного меньшинства зажиточных дворов. То же самое относится, конечно, к покупке земель крестьянскими обществами и товариществами. В 1877 году крестьянские общества владели купчей землей в размере 765 тыс. дес., а в 1905 г. уже 3,7 милл. дес., а крестьянские товарищества в 1905 году имели 7,6 милл. десятин земли в частной собственности. Ошибочно было бы думать, что земля, покупаемая или арендуемая обществами, распределяется иначе, чем при индивидуальной покупке или аренде. Факты говорят обратное. Напр., по трем материковым уездам Таврической губ. были собраны данные о распределении земли, арендуемой у казны обществами крестьян, при чем оказалось, что 76% арендованной земли находится в руках зажиточной группы (около 20% дворов), а 40% беднейших дворов имеют лишь 4% всей арендованной земли. Крестьяне делят арендуемые или покупаемые земли не иначе, как «по деньгам».

IV.

Сумма приведенных выше данных о надельной, арендной, купчей и сдаваемой в аренду крестьянской земле приводит к тому выводу, что *действительное землепользование* крестьянства с каждым днем становится все менее и менее соответствующим официальному, казенному, надельному землевладению крестьянства. Конечно, если взять валовые цифры или «средние» величины, то сдача надельной земли погасится арендой, остальная аренда и купчая земля распределится между всей массой дворов как бы поровну, и получится впечатление, что действительное землепользование не очень существенно разнится от казенного, т. е. от надельного. Но такое впечатление будет фикцией, ибо действительное землепользование крестьян наиболее отстает от первоначальной уравнительности надельной земли *именно в крайних группах*, так что при пользовании «средними» дело неминуемо искажается.

На самом деле все землепользование крестьян для низших групп оказывается относительно, — а иногда и абсолютно, — меньшим по сравнению с надельным землевладением (сдача земли; ничтожная доля аренды); для высших же групп все землепользование всегда оказывается и относительно и абсолютно более высоким по сравнению с надельным землевладением в силу концентрации купчей и арендованной земли. У 50% дворов беднейших групп находится в руках, мы видели, от 33 до 37% надельной земли; всего же землепользования только 18,6%—31,9%. Уменьшение оказывается в некоторых слу-

чаях почти вдвое: напр., в Красноуфимском уезде Пермской губ. 37,4⁰/₀ наделной земли и 19,2⁰/₀ всего землепользования. У 20⁰/₀ зажиточных дворов 29—36⁰/₀ наделной земли, всего же землепользования 34—49⁰/₀. Вот некоторые конкретные данные для иллюстрации этих отношений. В Днепровском уезде Таврической губ. 40⁰/₀ беднейших дворов имеют 56 тыс. дес. наделной земли; все же землепользование их 45 тыс. дес., т.-е. *меньше* на 11 тыс. дес. Зажиточная группа (18⁰/₀ дворов) имеет 62 тыс. дес. наделной земли; все же землепользование ее 167 тыс. дес., т.-е. на 105 тыс. дес. больше. Вот данные по трем уездам Нижегородской губернии:

На 1 двор приходится десятин:		
земли наделн. Всего землепольз.		
Безлошадные	5,1	4,4
С 1 лош.	8,1	9,4
» 2 »	10,5	13,8
» 3 »	13,2	21,0
» 4 и бол.	16,4	34,6
Всего	8,3	10,3

И здесь в самой низшей группе в результате аренды и сдачи получилось абсолютное уменьшение землепользования. А эта низшая группа, т.-е. безлошадные, обнимает целых 30⁰/₀ дворов. Почти треть дворов *теряет* абсолютно от аренды и сдачи. Однолошадные (37⁰/₀ дворов) увеличили свое землепользование, но чрезвычайно незначительно, в меньшей пропорции, чем среднее увеличение крестьянского землепользования (от 8,3 дес. до 10,3 дес.). Поэтому *доля* этой группы в общем землепользовании уменьшилась: у нее было 36,6⁰/₀ наделной земли по всем трем уездам, а стало 34,1⁰/₀ общего землепользования. Наоборот, ничтожное меньшинство высших групп увеличило свое землепользование гораздо выше среднего. Трехлошадные (7,3⁰/₀ дворов) увеличили землевладение в полтора раза: с 13 дес. до 21 дес. Многолошадные (2,3⁰/₀ дворов) — более чем вдвое, с 16 дес. до 35 дес.

Мы видим, следовательно, как общее явление, *уменьшение роли наделной земли в крестьянском хозяйстве*. Уменьшение это идет на обоих полюсах деревни различными путями. У бедноты роль наделной земли падает, потому что растущая нужда и разорение *заставляют* сдавать ее, бросать землю, *уменьшать* земельное хозяйство в силу недостатка скота, инвентаря, семян, денежных средств, и переходить либо к какой-нибудь работишке по найму, либо... в царствие небесное. Низшие группы крестьянства вымирают, — голодовки, цынга, тиф делают свое дело. В высших группах крестьянства наделная земля

падает в своем значении, ибо расширяющееся хозяйство вынуждено выходить далеко за ее пределы, вынуждено строиться на землевладении новом, не тягловом, а свободном, не исконно-родовом, а покупаемом на рынке: купля и аренда. Чем богаче землей крестьянство, чем слабее следы крепостного права, чем быстрее хозяйственное развитие, тем сильнее это высвобождение от наделной земли, втягивание всей земли в торговый оборот, построение коммерческого земледелия на арендованной земле. Пример — Новороссия. Мы видели сейчас, как зажиточное крестьянство хозяйничает там более на купчей и арендованной земле, чем на наделной. Это кажется парадоксом, но это факт: в самой многоземельной местности России самое обеспеченное наделной землей зажиточное крестьянство (16 — 17 дес. наделной земли на двор) переносит центр тяжести земельного хозяйства с наделной земли *на вненаделльную!*

Факт уменьшения роли наделной земли на обоих быстро прогрессирующих полюсах крестьянства имеет, между прочим, громадное значение для оценки условий того аграрного переворота, который завещан XIX веком XX и который вызвал борьбу классов в нашей революции. Этот факт показывает наглядно, что *ломка* старого землевладения, и помещичьего и крестьянского, стала *безусловной экономической необходимостью*. Эта ломка абсолютно неизбежна, и никакие силы на земле не помешают ей. Борьба идет из-за формы этой ломки, из-за способов ее: по-стольпински ли, с сохранением помещичьего землевладения и ограблением общины кулаками, по-крестьянски ли, с уничтожением помещичьего землевладения и устранением всех средневековых перегородок на земле посредством национализации земли. Но об этом мы будем говорить подробнее ниже. Здесь же необходимо указать на то важное явление, что уменьшение роли наделной земли ведет к чрезвычайно неравномерному распределению податей и повинностей.

Известно, что подати и повинности с русского крестьянина сохранили на себе громадные следы средневековья. Мы не можем входить здесь в подробности, которые относятся к финансовой истории России. Достаточно указать на выкуп — это прямое продолжение средневекового оброка, эту дань крепостникам-помещикам, взыскиваемую при помощи полицейского государства. Достаточно напомнить неравномерность обложения дворянских и крестьянских земель, натуральные повинности и т. д. Мы приводим только итоговую величину податей и повинностей по данным воронежской статистики *крестьянских бюджетов*. Средний валовой доход крестьянской земли (по данным о 66 типичных бюджетах) определен в 491 р. 44 к., валовой

расход 443 р. Чистый доход 48 р. 44 к. Сумма же податей и повинностей, падающих на «средний» двор, равняется 34 р. 35 коп. Таким образом подати и повинности составляют 70% *чистого дохода*. Конечно, это только по форме подати, а на деле это — прежняя крепостническая эксплуатация «*тяглового сословия*». Денежный чистый доход средней семьи равняется всего 17 р. 83 к., т.-е. «подати» с русского крестьянина *вдвое превышают* его денежный чистый доход, — это по данным 1889, а не 1849 года!

Но средние цифры и здесь прикрашивают крестьянскую нужду и изображают положение крестьянства во много раз лучше, чем оно есть в действительности. Данные о распределении податей и повинностей между группами крестьян различной хозяйственной состоятельности показывают, что у безлошадного и однолошадного крестьянина (т.-е. у *трех пятых* всего числа крестьянских семей в России) подати и повинности во много раз превышают не только чистый денежный, но и чистый валовой доход. Вот эти данные:

Бюджетные данные (на 1 хозяйство руб.).				
	Валовой доход.	Расход.	Подати и повинности.	Тоже в % к расходу.
а) Безлошадные.	418,10	109,03	15,47	14,19
б) с 1 лош.	178,12	174,26	17,77	10,20
в) » 2 »	429,72	379,17	32,02	8,44
г) » 3 »	752,19	632,86	49,55	7,83
д) » 4 »	978,66	937,30	67,90	7,23
е) » 5 и бол.	1.766,79	1.593,77	86,34	5,42
В среднем.	491,44	443,00	34,35	7,75

Безлошадные и однолошадные крестьяне выплачивают под видом податей *седьмую и десятую* часть всего своего *валового* расхода. Едва ли крепостнические оброки были так высоки: помещику невыгодно было бы неизбежное разорение массы принадлежавших ему в собственность крестьян. Что касается до неравномерности податей, то она оказывается огромной: зажиточные платят втрое-вдвое меньше пропорционально своему доходу. От чего зависит эта неравномерность? От того, что главную массу податей крестьяне делят по земле. Доля податей и доля наделной земли сливаются для крестьянина в одно понятие: «душа». И если мы в нашем примере вычислим сумму податей и повинностей, приходящихся в разных группах на 1 десятину наделной земли, то получим такие цифры: а) 2,6 руб.; б) 2,4; в) 2,5; г) 2,6; д) 2,9 и е) 3,7 руб. За исключением самой высшей группы, где есть крупные промышленные заведения, облагаемые особо, мы видим

приблизительно равномерное распределение податей. Доля надельной земли и здесь соответствует, в общем и целом, доле податей. Это явление есть прямой пережиток (и прямое доказательство) тяжелого характера нашей общины. По самым условиям отработочного хозяйства это и не может быть иначе: помещики не могли бы обеспечить себе на полвека после «освобождения» кабальных работников из среды соседних крестьян, если бы эти крестьяне не были привязаны к голодным наделам, не были обязаны втридорога платить за них. Не надо забывать, что *в конце XIX века* в России вовсе нередки случаи, когда крестьянам приходится *откупаться* от надельной земли, платить «верхи» за отказ от надела, т.-е. доплачивать некоторую сумму тому, кто взял на себя надел ушедшего. Напр., г. Жбанков, описывая быт костромских крестьян в книге: «Бабья сторожа» (Кострома 1891 г.), говорит, что из отхожих костромичей «редко хозяева получают за землю известную небольшую часть податей, а обыкновенно ее сдают только за то, чтобы нанявшие городили вокруг нее огороды, а все подати платит сам хозяин». В «Обзоре Ярославской губернии», вышедшем в 1896 году, встречается целый ряд однородных указаний на то, что отхожим рабочим приходится откупаться от надела.

Конечно, в чисто земледельческих губерниях *такой* «власти земли» мы не встретим. Но и для них в другой форме имеет, безусловно, силу то явление, что роль надельной земли на обоих полюсах деревни падает. Это факт всеобщий. А раз так, то распределение податей по надельной земле неизбежно вызывает все большую и большую неравномерность обложения. Экономическое развитие со всех сторон и самыми различными путями ведет к тому, что средневековые формы землевладения рушатся, сословные перегородки (надельные, помещичьи и т. д. земли) идут на слом, новые формы хозяйства складываются безразлично из кусочков того и другого землевладения. XIX век завещает XX, как безусловно обязательную задачу, докончить эту «чистку» средневековых форм землевладения. Борьба идет из-за того, будет ли эта «чистка» произведена в виде крестьянской национализации земли или в виде ускоренного грабежа общины кулаками и превращения помещичьего хозяйства в юнкерское.

Продолжая разбор данных о современном строе крестьянского хозяйства, перейдем от вопроса о земле к вопросу о скотоводстве. И здесь мы должны установить опять-таки, как общее правило, что распределение скота между крестьянскими хозяйствами *гораздо более* неравномерно, чем распределение надельной земли. Вот, например, размер скотоводства у крестьян Днепровского уезда Таврической губернии:

Приходится на один двор:
надельн. земли дес. Всего скота гол.

Несеющие	6,4	1,1
Сеющие до 5 дес.	5,5	2,4
» 5—10 » .	8,7	4,2
» 10—25 » .	2,5	7,3
» 25—50 » .	16,6	13,9
» свыше 50 » .	17,4	30,0
<hr/>		
В среднем. .	11,2	7,6

Различие между крайними группами по количеству скота *вдесятеро* больше, чем по количеству наделной земли. Действительный размер хозяйства оказывается и по данным о скотоводстве очень мало похожим на то, что обыкновенно принимают, когда ограничиваются средними данными и предположениями о всеопределяющей роли надела. Какие бы мы уезды ни взяли, везде и повсюду распределение скота оказывается гораздо более неравномерным, чем распределение наделной земли. У 20% зажиточных дворов при 29—36% наделной земли сосредоточено от 37% до 57% всего количества скота, имеющегося у крестьянства в данном уезде или группе уездов. На долю 50% дворов низших групп остается от 14% до 30% всего количества скота.

Но эти данные еще далеко не оценивают всей глубины действительных различий. Наряду с вопросом о количестве скота не менее, а иногда даже более важное значение имеет вопрос о его *качестве*. Понятно само собою, что полуразоренный крестьянин при нищенском хозяйстве и опутанный со всех сторон кабалой не в состоянии приобрести и держать сколько-нибудь хорошего качества скот. Голодает хозяин (горе-хозяин), голодает и скот, иначе быть не может. Бюджетные данные по Воронежской губернии показывают чрезвычайно наглядно всю мизерность скотоводческого хозяйства безлошадных и однолошадных крестьян, т.-е. *трих пятах* всего числа крестьянских хозяйств в России. Приводим выборку из этих данных для характеристики скотоводческого хозяйства крестьян (см. табл. на стр. 637).

Безлошадных крестьян в Европейской России в 1896—1900 годах было $3\frac{1}{4}$ миллиона дворов. Можно себе представить, каково их земельческое «хозяйство» при расходе *восьми копеек* в год на инвентарь живой и мертвый. Однолошадных крестьян $3\frac{1}{3}$ миллиона дворов. При пяти рублях годового расхода на пополнение инвентаря и скота они могут только вечно маяться в безысходной нужде. Даже у двухлошадных крестьян ($2\frac{1}{2}$ милл. дворов) и трехлошадных (1 милл. дворов) расход на живой и мертвый инвентарь составляет всего 9—10 р.

Средний размер расходов в год (руб.).

	На 1 хозяй- ство всего онога в пе- реводе на крупн. гол.	На пополне- ние и рем. инвентаря и скота.	На корм онога.
а) Безлошадные .	0,8	0,08	8,12
б) С 1 лош. . . .	2,6	5,36	36,70
в) » 2 »	4,9	8,78	71,21
г) » 3 »	9,1	9,70	127,03
д) » 4 »	12,8	30,80	173,24
е) » 5 и б.» . . .	19,3	75,80	510,07
<hr/>			
В среднем . . .	5,8	13,14	98,91

в год. Только в двух высших группах (по всей России таких крестьянских хозяйств 1 милл. из 11 милл. всех крестьянских хозяйств) расход на живой и мертвый инвентарь хоть сколько-нибудь приближается к подобию правильного земледельческого хозяйства.

Совершенно естественно, что при таких условиях качество скота не может быть одинаково в хозяйствах различных групп. Стоимость одной рабочей лошади определяется, напр., у однолошадного крестьянина в 27 руб., у двухлошадного в 37 р., у трехлошадного в 61 р., у четырехлошадного в 52 р. и у многолошадного в 69 руб. Разница между крайними группами выше 100⁰/. И это явление общее для всех капиталистических стран, где есть мелкое и крупное хозяйство. В своей книге «Аграрный вопрос» (часть I, Спб. 1908) я показал, что исследования Дрекслера в области германского земледелия и скотоводства дали совершенно такой же результат. Средний вес средней штуки скота составлял в крупных имениях 619 килограммов (1884 г., цит. соч., стр. 259), в крестьянских хозяйствах, имеющих 25 и более гектаров,—427 клгрм., в хозяйствах с 7¹/₂—25 гект.—382, с 2¹/₂—7¹/₂ гект.—352 и, наконец, в хозяйствах, имеющих до 2¹/₂ гектаров, — 301 килограмм.

В зависимости от количества и качества скота находится также уход за землей, в частности удобрение ее. Мы показали выше, что все данные статистики по всей России свидетельствуют о лучшем удобрении помещичьих земель по сравнению с крестьянскими. Теперь мы видим, что такое деление, бывшее правильным и законным во времена крепостного права, устарело. Между различными крестьянскими хозяйствами оказывается глубокая пропасть, и все исследования, расчеты, заключения, теории, исходящие из представлений о «среднем» крестьянском хозяйстве, ведут к абсолютно неправильным вы-

водам в данном вопросе. Земская статистика, к сожалению, чрезвычайно редко изучает различные группы дворов, ограничиваясь общими данными. Но вот в Пермской губернии (Красноуфимский уезд) в виде исключения собраны были при подворном исследовании точные данные об удобрении земли различными крестьянскими дворами:

	Процент хозяйств, вообще вывозящих навоз.	Вывозилось навоза ввозов на 1 двор (вывозящий).
Обраб. до 5 дес.	33,9	80
» 5—10 »	66,2	116
» 10—20 »	70,3	197
» 20—50 »	76,9	358
» свыше 50 »	84,3	732
<hr/>		
В среднем	51,7	176

Тут мы видим уже различные агрокультурные типы хозяйства в зависимости от размеров хозяйства. И в другой местности исследователи, обратившие внимание на этот вопрос, пришли к аналогичным выводам. Орловские статистики сообщают, что у зажиточных крестьян скоп навоза от одной головы крупного скота почти вдвое больше, чем у несостоятельных. При 7,4 штуках скота на двор этот скоп равняется 391 пуд., а при 2,8 гол. скота на двор — 208 пуд. «Нормальным» считается скоп в 400 пуд., следовательно, норма достигается только у небольшого меньшинства зажиточных крестьян. Беднота вынуждена употреблять солому и навоз на топливо, иногда даже продавать навоз и т. д.

В связи с этим надо рассмотреть вопрос о росте числа безлошадных среди крестьянства. В 1888—1891 годах в 48 губерниях Европ. России было 2,8 миллиона дворов безлошадных из всего числа 10,1 милл., т.-е. 27,3⁰/. Приблизительно через 9—10 лет, в 1896—1900 г.г., из 11,1 милл. дворов было 3,2 милл. безлошадных, т.-е. 29,2⁰/. Рост экспроприации крестьянства, следовательно, несомненен. Но если взглянуть на этот процесс с агрономической точки зрения, то получается парадоксальный на первый взгляд вывод. Этот вывод сделал известный народнический писатель г. В. В. еще в 1884 году («Вестник Европы», 1884 г., № 7), сопоставляя количество десятин пашни, приходящейся на 1 лошадь в нашем крестьянском хозяйстве и в «нормальном» трехпольном хозяйстве — нормальном с точки зрения агрономии. Оказалось, что крестьяне держат *слишком много* лошадей: у них приходится только 5—8 дес. пашни на лошадь вместо требуемых агропо-

мней 7—10 дес. «Следовательно, — умозаключил г. В. В., — на обезлошадение части населения этой области России (центральной черноземной полосы) нужно смотреть до известной степени, как на восстановление нормального отношения между количеством рабочего скота и площадью, подлежащей обработке». На самом деле, парадокс объясняется тем, что обезлошадение сопровождается концентрированием земли в руках зажиточных дворов, у которых получается «нормальное» соотношение числа лошадей с обрабатываемой площадью. Это «нормальное» соотношение не «восстанавливается» (ибо его не было никогда в нашем крестьянском хозяйстве), а достигается только крестьянской буржуазией. «Ненормальность» же сводится к раздроблению средств производства в мелком крестьянском хозяйстве: то количество земли, которое миллион однолошадных крестьян обрабатывает при помощи миллиона лошадей, зажиточные крестьяне обрабатывают лучше и тщательнее при помощи $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ миллиона лошадей.

Относительно мертвого инвентаря в крестьянском хозяйстве надо различать обычный крестьянский инвентарь и усовершенствованные земледельческие орудия. Распределение первого соответствует, в общем и целом, распределению рабочего скота; нового в данных этого рода для характеристики крестьянского хозяйства мы не найдем. Улучшенные же орудия, которые стоят гораздо дороже, окупаются только при более крупном хозяйстве, вводятся только успешно развивающимися хозяйствами, концентрированы несравненно сильнее. Данные об этой концентрации чрезвычайно важны, потому что это единственные данные, позволяющие точно судить о том, в какую сторону, при каких общественных условиях идет *прогресс* крестьянского хозяйства. Не подлежит сомнению, что с 1861 года в этом направлении сделан шаг вперед, но очень часто оспаривается или подвергается сомнению капиталистический характер этого прогресса не только в помещичьем, но и в крестьянском хозяйстве.

Вот данные земской статистики о распределении улучшенных орудий среди крестьян:

На 100 хозяйств приходится улучшенных с.-х. орудий.

	2 уезда Орловской губ.	1 уезд Воронежской губ.
Безлошадные.	0,1	—
С 1 лошадью.	0,2	0,06
» 2—3 »	3,5	1,6
» 4 и бол. »	36,0	23,0
В среднем.	2,2	1,2

В этой местности сравнительно слабо распространены среди крестьян улучшенные орудия. Общий процент дворов, владеющих таковыми, совершенно ничтожен. Но низшие группы почти совершенно не пользуются такими орудиями, а среди высших они входят в употребление систематически. В Новоузенском уезде Самарской губернии всего 13% хозяев имеют улучшенные орудия, при чем этот процент повышается до 40% в группе с 5—20 шт. раб. скота и до 62% в группе с 20 и более голов рабочего скота. В Красноуфимском уезде Пермской губ. (три района уезда) на 100 хозяйств приходится 10 улучшенных орудий; это — общая средняя; на 100 хозяйств, обрабатывающих 20—50 дес., приходится 50 орудий, а на 100 хозяйств, обрабатывающих 50 дес., даже 180 орудий. Если взять те процентные отношения, которые мы брали выше для сравнения данных по различным уездам, то окажется, что 20% зажиточных дворов имеют от 70% до 86% всего числа улучшенных орудий, оставляя на долю 50% дворов бедноты от 1,3% до 3,6%. Не подлежит, следовательно, никакому сомнению, что прогресс в распространении улучшенных орудий среди крестьянства (об этом прогрессе говорит, между прочим, в цитированной выше работе 1907 года г. Кауфман) есть прогресс зажиточного крестьянства. Три пятых всего числа крестьянских дворов, безлошадные и однолошадные, почти совершенно не в состоянии пользоваться этими улучшениями.

V.

Рассматривая крестьянское хозяйство, мы до сих пор брали крестьян преимущественно как хозяев, указывая в то же время, что низшие группы постоянно выталкиваются из числа хозяев. Выталкиваются куда? Очевидно, в ряды пролетариата. Мы должны теперь рассмотреть подробно, как именно идет это образование пролетариата, в особенности сельского, и как складывается рынок на рабочую силу в земледелии. Если для отработочного хозяйства типичными классовыми фигурами являются помещик-крепостник и наделенный землей кабальный крестьянин, то для капиталистического хозяйства типичны наниматель-фермер и нанимающийся батрак или поденщик. Превращение помещика и зажиточного крестьянина в нанимателя мы показали. Теперь посмотрим на превращение крестьянина в нанимающегося. Велико ли употребление наемного труда зажиточными крестьянами? Если взять средний процент дворов с батраками ко всему числу крестьянских дворов (как обыкновенно делают), то получим очень невысокий процент: 12,9% в Днепроузенском уезде Таврической

губ., 9⁰/₀ в Новоузенском уезде Самарской губернии, 12,7⁰/₀ в Камышинском уезде Саратовской губ., 10,6⁰/₀ в Красноуфимском уезде Пермской губ., 3,5⁰/₀ в 2-х уездах Орловской губ., 3,8⁰/₀ в 1 уезде Воронежской губ., 2,6⁰/₀ в 3-х уездах Нижегородской губернии. Но этого рода данные, в сущности, фиктивны, ибо определяется отношение дворов с батраками ко всему числу дворов, в том числе и дворов, отпускающих батраков. Буржуазия во всяком капиталистическом обществе составляет ничтожное меньшинство населения. Дворов с наемными рабочими всегда будет «мало». Вопрос в том, складывается ли здесь особый тип хозяйства, или наем случаен? И на этот вопрос дают совершенно определенный ответ данные земской статистики, повсюду показывающей в группах зажиточного крестьянства процент дворов с батраками, несравненно более высокий, чем в среднем по уезду вообще. Приведем данные по Красноуфимскому уезду Пермской губ., где в виде исключения есть сведения не только о найме батраков, но и о найме поденщиков, т. е. о форме найма, более типичной для земледелия.

	Число работ- ник. муж. п. на 1 двор.	Процент хозяйств, наним. рабочих.			
		Сроковых.	На косьбу.	На жатву.	На мо- лотьбу.
Необработ. земли.	0,6	0,15	0,6	—	—
Обработ. до 5 дес.	1,0	0,7	5,1	4,7	9,2
» 5—10 »	1,2	4,2	14,3	20,1	22,3
» 10—20 »	1,5	17,7	27,2	43,9	25,9
» 20—50 »	1,7	50,0	47,9	69,6	33,7
» свыше 50 »	2,0	83,1	64,5	87,2	44,7
<hr/>					
В среднем.	1,2	10,6	16,4	24,3	18,8

Мы видим, что состоятельные дворы отличаются более высоким семейным составом, имеют больше своих, семейных, работников, чем дворы неимущие. Но тем не менее они употребляют несравненно больше наемного труда. «Семейная кооперация» служит основой для расширения хозяйства и превращается таким образом в капиталистическую кооперацию. В высших группах наем рабочих явно становится системой, условием ведения расширенного хозяйства. При этом наем поденщиков оказывается весьма значительно распространенным даже в средней группе крестьянства: если в двух высших группах (10,3⁰/₀ дворов) большинство дворов занимает рабочих, то в группе, обрабатывающей 10 — 20 дес. (22,4⁰/₀), свыше двух пятых всего числа дворов

нанимает рабочих на жатву. Вывод отсюда тот, что зажиточное крестьянство не могло бы существовать без миллионной армии готовых к их услугам батраков и поденщиков. И если поуездные данные о среднем проценте дворов с батраками представляют, как мы видели, значительные колебания, то безусловно всеобщим является концентрация дворов с батраками в высших группах крестьянства, т.-е. превращение зажиточных дворов в предпринимателей. На 20% зажиточных дворов приходится от 48% до 78% общего количества дворов с батраками.

На другом полюсе деревни статистика не дает нам обыкновенно сведений о числе дворов, отпускающих наемных рабочих всякого рода. В целом ряде вопросов наша земская статистика сделала чрезвычайно крупный шаг вперед по сравнению со старой казенной статистикой губернаторских отчетов и всяческих департаментов. Но в одном вопросе старая казенная точка зрения сохранилась и в земской статистике, именно в вопросе о так называемых «заработках» крестьян. Занятие земледелием на своем наделе считается настоящим занятием крестьянина; всякое же постороннее занятие относится к сторонним «заработкам» или «промыслам», при чем тут смешиваются такие хозяйственные категории, различать которые требует азбука политической экономии. В разряд «сельско-хозяйственных промышленников», например, попадут наряду с массой наемных рабочих и хозяева-предприниматели (папр., бахчевники), рядом с ними тоже в числе «дворов с заработками» будут считаться нищие и торговцы, прислуга и ремесленники-хозяева и т. п. Ясно, что эта вопиющая политико-экономическая путаница есть прямой пережиток крепостничества. Для помещика действительно безразлично было, чем занимается на стороне *его* оброчный крестьянин: торговлей, работой по найму или промышленностью в качестве хозяина; на всех крепостных крестьян одинаково падал общий оброк, все считались во временной и условной отлучке от своего настоящего дела.

После отмены крепостного права эта точка зрения с каждым днем приходила все более и более в резкое противоречие с действительностью. Большинство крестьянских дворов с заработками, несомненно, принадлежат к числу дворов, отпускающих наемных работников, но вполне точной картины мы здесь иметь не можем, потому что меньшинство *хозяев-промышленников* все же попадает в общее число и *прикрашивает* положение нуждающихся. Приведем для иллюстрации один пример. По Новоузенскому уезду Самарской губ. статистики выделили «земледельческие промыслы» из общей массы «промыслов». Конечно, и этот термин не точен, но список профессий дает, по крайней

мере, то указание, что из 14.063 «промышленников» этого рода 13.297 батраков и поденщиков. Здесь, значит, преобладание наемных рабочих очень велико. И распределение земледельческих промыслов оказывается следующее:

		Процент работников муж. пола, занятых землед. про- мыслами.
Без	рабочего скота.	71,4
С 1	гол. » »	48,7
» 2—3	» » »	20,4
» 4	» » »	8,5
» 5—10	» » »	5,0
» 10—20	» » »	3,9
» 20 и бол.	» » »	2,0
По уезду.		25,0

Из безлошадных крестьян, следовательно, семь десятых наемные рабочие, а из однолошадных — почти половина. По Красноуфимскому уезду Пермской губ. средний процент дворов с земледельческими промыслами равен 16,2%, а из числа необрабатывающих земли 52,3% «промышленников», из обрабатывающих до 5 дес. — 26,4%. По другим уездам, где не выделены специально земледельческие промыслы, картина получается менее яркая, но все же остается общим правилом, что «промыслы» и «зарботки», вообще говоря, специальность низших групп. На 50% дворов низших групп приходится от 60% до 93% всего числа дворов с зарботками.

Мы видим отсюда, что низшие группы крестьянства, в частности однолошадные и безлошадные дворы, представляют из себя, по своему положению в общем строе народного хозяйства, *батраков и поденщиков* (шире: наемных рабочих) с *наделом*. Этот вывод подтверждают и данные о росте употребления наемного труда после 1861 года во всей России, и бюджетные исследования об источнике дохода у низших групп, и, наконец, данные о жизненном уровне этих групп. На этом трояком доказательстве мы и остановимся несколько подробнее.

Общие данные о росте числа сельских наемных рабочих во всей России имеются только относительно отхожих рабочих без точного различения земледельческих и неземледельческих. Вопрос о том, преобладают ли в общем числе первые или вторые, решался в народнической литературе в пользу первых, но мы укажем ниже основания обратного взгляда. Факт быстрого увеличения после 1861 года числа отхожих рабочих в крестьянстве не подлежит никакому сомнению. Об этом свидетельствуют все источники. Приблизительное статисти-

ческое выражение явления дают сведения о паспортном доходе и о числе выдаваемых паспортов. В 1868 году паспортный доход составлял 2,1 милл. руб., в 1884 году—3,3 миллиона, в 1894 году—4,5 милл. руб. Это дает увеличение более чем вдвое. Число выдаваемых паспортов и билетов в Европ. России было 4,7 миллиона в 1884 году и 7,8 — 9,3 миллиона в 1897 — 1898 г.г. Здесь за тринадцать лет мы видим удвоение. Все эти данные в общем и целом соответствуют другим расчетам, напр., расчету г. Уварова, который свел данные земской статистики, большей частью устаревшие, по 126 уездам 20 губерний и определил вероятную цифру отхожих рабочих в 5 милл. чел. Г-н С. Короленко по данным о числе местных избыточных рабочих определял эту цифру в 6 милл. чел.

Из всей этой суммы, по мнению г. Николая — она, «громчайшее большинство» — промыслы земледельческие. Я подробно изложил в «Развитии капитализма», что данные и исследования 60-х, 80-х и 90-х годов вполне доказывают неверность этого вывода. Большинство, хотя и не громачайшее, из отхожих рабочих рабочие неземледельческие. Вот наиболее полные и наиболее новые данные о погубернском распределении видов на жительство, выданных в Европ. России в 1898 году:

Группы губерний.	Количество всех видов на жительство, выданных в 1898 г.
1) 17 губерний с преобладанием неземледельческого отхода . . .	3.369.597
2) 12 губерний переходных.	1.674.231
3) 21 губерния с преобладанием земледельческого отхода	2.765.762
<hr/>	
Всего по 50 губерниям	7.809.590

Если в переходных губерниях предположим половину земледельческих рабочих, то *приблизительное*, самое вероятное, распределение будет таково: около 4,2 миллиона неземледельческих наемных рабочих и *около 3,6 миллиона земледельческих наемных рабочих*. В параллель к этой цифре надо поставить цифру г-на Руднева, который в 1894 году свел данные земской статистики по 148 уездам в 19 губерниях и определил приблизительное число сельско-хозяйственных наемных рабочих в $3\frac{1}{2}$ милл. человек. Эта цифра охватывает, по данным 80-х годов, и местных, и отхожих земледельческих рабочих. В конце 90-х годов одних только отхожих с.-х. рабочих было столько.

Рост числа земледельческих наемных рабочих стоит в прямой связи с тем развитием капиталистического предпринимательства в зе-

мледелии, которое мы проследили на помещичьем и крестьянском хозяйстве. Возьмите, напр., употребление машин в сельском хозяйстве. Что у зажиточного крестьянина оно означает переход к предпринимательству, мы показали на точных данных. А в помещичьем хозяйстве употребление машин и вообще улучшенных орудий означает неминуемо вытеснение отработков капитализмом. На место крестьянского иппевтаря ставится помещичий; на место старого трехполья — новые технические приемы, связанные с переменной орудий; кабалный крестьянин не годится для работы с улучшенными орудиями, и его место занимает батрак или поденщик.

В том районе Европейской России, в котором всего более развилось после реформы употребление машин, — всего более распространено и употребление наемной рабочей силы пришлых рабочих. Этот район — южные и восточные окраины Европ. России. Приход земледельческих рабочих в этот район создал чрезвычайно типичные и ярко выраженные капиталистические отношения. На них следует остановиться, чтобы сопоставить старые и преобладающие до сих пор отработки с все более пробивающейся новой струей. Прежде всего следует отметить, что южный район отличается наиболее высокой заработной платой в земледелии. По данным за целое десятилетие (1881 — 1891 г.г.), устраняющим всякие случайные колебания, заработная плата выше всего в России в губерниях: Таврической, Бессарабской и Донской. Годовой работник здесь получает, считая и содержание, 143 р. 50 к., сроковый (на лето) — 55 р. 67 к. Следующее место по высоте заработной платы занимает наиболее промышленный район — губернии Петербургская, Московская, Владимирская и Ярославская. Здесь платят годовому сельскому рабочему 135 р. 80 коп., сроковому — 53 руб. Самый низкий уровень заработной платы встречаем в центральных земледельческих губерниях (Казанская, Пензенская, Тамбовская, Рязанская, Тульская, Орловская и Курская), т.-е. в главной местности отработков, кабалы и всевозможных пережитков крепостничества. Здесь годовой работник в земледелии получает всего 92 р. 95 коп. — в полтора раза меньше, чем в наиболее капиталистических губерниях, а сроковый — 35 р. 64 коп., на 20 р. в лето меньше, чем на юге. Именно из этого центрального района мы наблюдали громадный уход рабочих. Свыше 1¹/₂ миллиона человек каждую весну уходят отсюда частью на земледельческие заработки (главным образом на юг, частью, как увидим ниже, и в промышленные губернии), а также на неземледельческие работы в столицы и в промышленные губернии. Между этим главным районом отхода и двумя главными районами прихода (земледельческий юг и столицы с двумя промыш-

лепными губерниями) лежат полосы губерний со средней заработной платой. Эти губернии привлекают к себе часть рабочих из самого «дешевого» и самого голодного центра, отпуская в свою очередь часть рабочих в более дорогие районы. В книге г. С. Короленко о «Вольнонаемном труде» на основании очень обширного материала подробно изображен этот процесс рабочих странствований и перемещения населения. Капитализм достигает таким образом более равномерного (с точки зрения потребностей капитала, конечно) размещения населения, нивелирует заработную плату по всей стране, создает действительно единый, национальный, рынок труда; вырывает постепенно почву у старых способов производства, «соблазняя» кабального мужика высокой заработной платой. Отсюда—бесконечные жалобы господ помещиков на развращение местных рабочих, на разгул и пьянство, порождаемые отходом, на «порчу» рабочих городом и т. д., и т. д.

В районе наибольшего прихода рабочих сложились к концу XIX века довольно крупные капиталистические предприятия в земледелии. Капиталистическая кооперация сложилась при употреблении, напр., таких машин, как молотилки. Г-н Тезяков, описавший условия жизни и труда сельско-хозяйственных рабочих в Херсонской губернии, указывает, что конная молотилка требует от 14 до 23 и более рабочих, а паровая — от 50 до 70. В некоторых хозяйствах собиралось по 500 — 1.000 рабочих — цифра чрезвычайно высокая для земледелия. Капитализм дал возможность заменять более дорогой мужской труд женским и детским. Напр., в местечке Каховке — одном из главных рабочих рынков Таврической губ., где прежде собиралось до 40.000 рабочих, а в 90-х годах прошлого века 20 — 30 тысяч, — в 1890 г. было зарегистрировано 12,7% женщин, а в 1895 году уже 25,6%. Детей в 1893 г. было 0,7%, а в 1895 году уже 1,69%.

Собирая рабочих со всех концов России, капиталистические экономии сортировали их по своим надобностям, создавая нечто подобное иерархии фабричных рабочих. Различают, напр., полных рабочих, полурбочих, — из них выделяют еще «рабочих большой силы» (16 — 20 лет) и полурбочих «малой помощи» (дети 8 — 14 лет). Никакого следа старых так называемых «патриархальных» отношений помещика к «своему» крестьянину здесь не остается. Рабочая сила становится товаром, подобным всякому другому. Кабала «истинно-русского» типа исчезает, уступая место понедельной денежной расплате, бешеной конкуренции и стачкам рабочих и хозяев. Скопление громадных масс рабочих на рынках найма и невероятно тяжелые, антисанитарные условия труда создали попытки общественного контроля за крупными экономиями. Эти попытки характерны для «крупной индустрии»

в земледелии, но, разумеется, никакой прочности они иметь не могут при отсутствии политической свободы и открытых рабочих организаций. До чего тяжелы условия труда пришлых рабочих, видно из того, что рабочий день продолжается от 12¹/₂ до 15 часов. Травматические повреждения рабочих, занятых при машинах, стали обычным явлением. Развилась профессиональные болезни рабочих (напр., занятых при молотилках) и т. д. Все «прелести» чисто капиталистической эксплуатации в самом развитом, американском, виде можно наблюдать в России конца XIX века на-ряду с чисто средневековыми, давным-давно исчезнувшими в передовых странах, приемами отработочного и барщинного хозяйства. Все громадное разнообразие аграрных отношений в России сводится к переплетению крепостнических и буржуазных приемов эксплуатации.

Чтобы закончить изложение условий наемного труда в русском земледелии, отметим еще бюджетные данные о хозяйстве крестьян низших групп. Наемная работа фигурирует здесь под эвфемистическим наименованием «заработков» или «промыслов». В каком отношении стоит доход от этих заработков к доходу от земледельческого хозяйства? Воронежские бюджеты безлошадных и однолошадных крестьян дают на это точный ответ. Валовой доход от всех источников определяется для безлошадного в 118 руб. 10 коп., в том числе от земледелия 57 руб. 11 коп., от «промыслов» 59 руб. 4 коп. Эта последняя сумма составляется из 36 руб. 75 коп. дохода от «личных промыслов» и 22 руб. 29 коп. разных доходов. К числу последних относится *доход от сдачи земли!* У однолошадного крестьянина валовой доход 178 р. 12 к., в том числе 127 руб. 69 к. от земледелия и 49 руб. 22 к. от промыслов (35 руб. — личные промыслы, 6 руб. извоз, 2 руб. от «торгово-промышленных заведений и предприятий» и 6 руб. разных доходов). Если вычесть расходы на земельное хозяйство, то получим 69 руб. 37 коп. от земледелия против 49 руб. 22 коп. от промыслов. Вот как добывают себе средства к жизни три пятых всего числа крестьянских дворов в России. Понятно, что уровень жизни таких крестьян не выше, а иногда ниже, чем у батраков. По той же Воронежской губернии средняя плата годовому батраку (за десятилетие 1881 — 1891 г.г.) 57 руб., плюс содержание, стоящее 42 руб. Между тем стоимость содержания *всей семьи* у безлошадного 78 руб. в год при семье в 4 души, у однолошадного 98 руб. в год при семье в пять душ. Русский крестьянин сведен обработками, податями и капиталистической эксплуатацией до такого нищенского, голодного уровня жизни, который в Европе кажется невероятным. Там называют подобный социальный тип *паутерами*.

VI.

Для того, чтобы подвести итоги всему сказанному выше о разложении крестьянства, мы приведем сначала единственные имеющиеся в литературе итоговые данные по всей Европейской России, позволяющие судить о различных группах внутри крестьянства за различные периоды. Это — данные военно-конских переписей. Во втором издании своей книги «Развитие капитализма» я свел эти данные по 48 губерниям Европ. России за периоды 1888 — 1891 и 1896 — 1900 годов. Вот извлечение наиболее существенных результатов:

	Число крестьянских дворов (миллионов).			
	В 1888—1891 г.г.		В 1896—1900 г.г.	
	Всего.	%	Всего.	%
Безлошадные.	2,8	27,3	3,2	29,2
С 1 лошадыо.	2,9	28,5	3,4	30,3
» 2 »	2,2	22,2	2,5	22,0
» 3 »	1,1	10,6	1,0	9,4
» 4 и бол. лоша.	1,1	11,4	1,0	9,1
Всего	10,1	100,0	11,1	100,0

Эти данные, как я уже отметил мимоходом выше, свидетельствуют о растущей экспроприации крестьянства. Весь миллионный прирост числа дворов пошел на увеличение двух низших групп. Общее число лошадей уменьшилось за это время с 16,91 милл. голов до 16,87 милл., т.-е. все крестьянство в целом стало несколько беднее лошадьми. Обеднела и высшая группа, в 1888 — 1891 г.г. имевшая по 5,5 лош. на двор, а в 1896 — 1900 г.г. — по 5,4 лош.

Из этих данных легко сделать тот вывод, что «дифференциация» в крестьянстве не происходит: всего больше увеличилась самая бедная группа, всего больше уменьшилась (по числу дворов) самая богатая. Это не дифференциация, а нивелировка нищеты! И такие выводы, основанные на подобных приемах, очень часто можно встретить в литературе. Но если мы поставим вопрос: изменилось ли взаимоотношение группы внутри крестьянства, то мы увидим иное. В 1888 — 1891 г.г. половина дворов низших групп имела 23,7% общего числа лошадей и в 1896 — 1900 г.г. ровно такой же процент. Пятая доля дворов из наиболее зажиточных групп имела в первый период 52,6% всего числа лошадей, во второй — 53,2%. Ясно, что взаимоотношение групп почти не изменилось. Крестьянство обеднело, зажиточные группы обеднели, кризис 1891 года дал себя знать самым

серьезным образом, но отношения сельской буржуазии к разоряющемуся крестьянству от этого не изменились и не могли, по существу дела, измениться.

Это обстоятельство часто упускают из виду люди, берущиеся судить о разложении крестьянства на основании отрывочно взятых статистических данных. Смешно было бы думать, напр., что отдельные данные о распределении лошадей в состоянии разъяснить хоть что-нибудь по вопросу о крестьянском разложении. Это распределение ровно еще ничего не доказывает, если не взять его в связи *со всей совокупностью* данных о крестьянском хозяйстве. Если мы, разобрав эти данные, установили общие между группами по распределению аренды и сдачи земли, улучшенных орудий и удобрения, заработков и купчей земли, наемных рабочих и количества скота, если мы доказали, что все эти различные стороны явления неразрывно связаны между собою и обнаруживают действительно образование противоположных экономических типов — пролетариата и сельской буржуазии, — если мы установили все это, и только в той мере, в какой это установлено, мы можем брать отдельные данные о распределении хотя бы лошадей для *иллюстрации* всего изложенного выше. Наоборот, если нам ссылаются на тот или другой случай уменьшения количества лошадей, положим, в зажиточной группе за такой-то период, то выводите *только отсюда* какие-либо общие выводы о соотношении сельской буржуазии внутри крестьянства и других групп его было бы вопиющей нелепостью. Ни в одной капиталистической стране, ни в одной отрасли хозяйства нет и быть не может (при господстве рынка) равномерного развития: иначе как скачками, зигзагами, то быстро шагая вперед, то временно падая ниже прежнего уровня, *не может* развиваться капитализм. И суть вопроса о русском аграрном кризисе и о предстоящем перевороте состоит вовсе не в том, какова именно степень развития капитализма, или каков темп этого развития, а в том, есть ли это капиталистический кризис и переворот, или нет, происходит ли он при условиях превращения крестьянства в сельскую буржуазию и пролетариат, или нет, являются ли отношения между отдельными дворами внутри общины буржуазными, или нет. Другими словами: первой задачей всякого исследования об аграрном вопросе в России является установление основных данных для характеристики классовой сущности аграрных отношений. И лишь потом, когда выяснено, с какими классами и с каким направлением развития мы имеем дело, может идти речь о частных вопросах, о темпе развития, о тех или иных видоизменениях общего направления и т. д.

Основой марксистских взглядов на пореформенное крестьянское хозяйство в России является признание типа этого хозяйства мелкобуржуазным. И споры экономистов марксистского лагеря с экономистами-народниками прежде всего шли (и должны идти, если имеется в виду выяснение действительной сущности разногласий) именно о том, правильна ли, применима ли такая характеристика. Не выяснив с полной определенностью *этого* вопроса, нельзя сделать ни шагу вперед к каким-нибудь более конкретным или практическим вопросам. Например, рассматривать те или иные пути решения аграрного вопроса, завещанные XIX веком XX, было бы предприятием совершенно безнадежным и путаным, если бы не было выяснено предварительно, в каком направлении вообще идет наша аграрная эволюция, какие классы могут выиграть при том или ином ходе событий и т. д.

Те подробные данные о разложении крестьянства, которые мы приводили выше, выясняют именно ту основу всех остальных вопросов аграрного переворота, без понимания которой нельзя идти дальше. Та сумма взаимоотношений между различными группами крестьянства, которую мы в противоположных концах России детально изучали, показывает нам как раз сущность общественно-экономических отношений внутри общины. Эти взаимоотношения показывают наглядно мелкобуржуазную природу крестьянского хозяйства в данной исторической обстановке. Когда марксисты говорили, что мелкий производитель в земледелии (все равно, на наделной ли земле он хозяйничает или на какой другой) является неизбежно при развитии товарного хозяйства мелким буржуа, — это положение вызывало недоумение; говорили, что оно бездоказательно, шаблонно переносится с чужих образцов на наши оригинальные условия. Но данные о взаимоотношении групп, о перебивании арендованной земли богатыми общинниками у несостоятельных общинников, о найме батраков первыми и о превращении вторых в наемных рабочих и т. д., и т. д., и т. д., — все эти данные подтверждают теоретические выводы марксизма и делают их неоспоримыми. Вопрос о значении общины в деле направления хозяйственного развития России *решается бесповоротно* этими данными, ибо как раз это действительное направление действительной (а не выдуманной) общины наши данные и показывают. Несмотря на всю уравнительность наделной земли, несмотря на переделы и т. п., *оказывается*, что направление действительного хозяйственного развития крестьян-общинников состоит именно в образовании сельской буржуазии и в вытеснении массы беднейших хозяев в ряды пролетариата. И столыпинская аграрная политика, как

мы увидим ниже, и требуемая трудовиками национализация земли лежат по линии этого развития, хотя между этими двумя формами «решения» аграрного вопроса есть громадная разница с точки зрения быстроты общественного развития, роста производительных сил и наибольшего соблюдения интересов массы.

Нам следует теперь рассмотреть еще вопрос о развитии торгового земледелия в России. Предыдущее изложение включало в себя, как предпосылку, тот общеизвестный факт, что вся пореформенная эпоха отличается ростом торговли и обмена. Приводить статистические данные, подтверждающие это, нам кажется совершенно излишним. Но надо показать, во-первых, насколько именно подчинено уже рынку теперешнее крестьянское хозяйство, а во-вторых, какие *особые* формы принимает земледелие по мере подчинения его рынку.

По первому вопросу всего более точные данные имеются в бюджетной статистике воронежского земства. Мы можем выделить здесь денежные расход и доход крестьянской семьи из всего расхода и дохода (валовые итоги дохода и расхода приводились выше). Вот табличка, показывающая роль рынка:

Какой процент составляют денежные расход и доход у крестьянина ко всему расходу и доходу?

	‰	‰
Безлошадные	57,1	54,6
С 1 лошадыо	46,5	41,4
» 2 »	43,6	45,7
» 3 »	41,5	42,3
» 4 »	45,4	40,8
» 5 и более	60,2	59,2
<hr/>		
В среднем	49,1	47,5

Таким образом даже хозяйство *среднего* крестьянина, — не говоря уже о хозяйстве зажиточных и обнищавших, полупролетариев, крестьян, — в чрезвычайно сильной степени подчинено рынку. Поэтому всякое рассуждение о крестьянском хозяйстве, игнорирующее преобладающую и растущую роль рынка, обмена, товарного производства, неправильно в корне. Уничтожение крепостнических латифундий и помещичьего землевладения — эта мера, на которой сосредоточены все помыслы русского крестьянства к концу XIX века, *усилит*, а не ослабит власть рынка, ибо рост торговли и товарного производства *задерживается* отработкой и кабалой.

По второму вопросу необходимо указать, что проникновение капитала в земледелие есть своеобразный процесс, который нельзя понять правильно, если ограничиваться огульными, общерусскими данными. Земледелие становится торговым не вдруг и не одинаково в различных хозяйствах и в различных районах государства. Наоборот, рынок подчиняет себе обыкновенно в одной местности одну, в другой другую сторону сложного земледельческого хозяйства, при чем остальные стороны не исчезают, а приспособляются к «главной», т. е. денежной, стороне. Например, в одной местности складывается по преимуществу торговое зерновое хозяйство; главным продуктом, производимым на продажу, является зерно. Скотоводство играет подчиненную роль в таком хозяйстве и далее — в крайних случаях одностороннего развития посевного хозяйства — почти исчезает. Например, «пшеничные фабрики» дальнего запада в Америке организовывались иногда на одно лето почти без скота. В других местностях складывается по преимуществу торговое скотоводческое хозяйство; главными продуктами, производимыми на продажу, являются мясные или молочные продукты. Чисто земледельческое хозяйство приспособляется к скотоводческому. Понятно, что и размеры хозяйства, и способы организации хозяйства будут различны в том и другом случае. Нельзя судить по величине посева о подгородном молочном хозяйстве. Нельзя брать одинаковую мерку крупного и мелкого хозяйства для стенового посева, для огородника, для табаководы, для «молочного фермера» (если употребить английское выражение) и т. д.

Проникновение обмена и торговли в земледелие вызывает специализацию его, и эта специализация все растет. Одни и те же показатели хозяйства (число лошадей, например) получают разное значение в различных районах торгового земледелия. Среди безлошадных крестьян в подстоличной местности есть, напр., крупные хозяева, имеющие, допустим, молочный скот, делающие большие обороты, держащие наемных рабочих. Конечно, в общей массе безлошадных и однолошадных число подобных фермеров совершенно ничтожное; но если мы будем брать одни валовые данные, охватывающие целую страну, то мы не сможем учесть особого вида капитализма в земледелии.

На это обстоятельство надо обратить особое внимание. Игнорируя его, нельзя составить правильного представления о развитии капитализма в земледелии и легко впасть в ошибку упрощения. Вся сложность процесса можно охватить, лишь считаясь с действительными особенностями земледелия. Когда говорят, что земледелие, в силу его особенностей, не подчиняется законам капиталистического

развития, то это совершенно неверно. Особенности земледелия тормозят подчинение земледелия рынку, это так; но тем не менее везде и во всех странах идет неудержимо процесс *роста торгового земледелия*. Но формы этого образования торгового земледелия, действительно, своеобразны и требуют особых методов изучения.

Чтобы пояснить сказанное, возьмем наглядные примеры из различных районов торгового земледелия в России. В районе торгового зернового хозяйства (Новороссия, Заволжье) мы видим чрезвычайно быстрый рост сбора зерновых хлебов; в 1864 — 1866 годах эти губернии стояли позади центральных черноземных, имея только 2,1 четверти чистого сбора на душу населения; в 1883 — 1887 годах эти губернии были впереди центра, имея чистый сбор по 3,4 четверти на душу. Расширение посевов — вот что всего более характерно для этого района в пореформенную эпоху. Очень часто обработка земли здесь самая примитивная, — все внимание устремлено исключительно на запашку как можно большей площади. Здесь складывалось во второй половине XIX века нечто подобное американским «пшеничным фабрикам». По величине посева (доходившей у крестьян высших групп до 271 дес. на двор) вполне можно судить о размере и типе хозяйства. В другом районе — в промышленном и в частности подстоличном — о подобном расширении посевов не может быть и речи. Не торговое зерновое хозяйство, а торговое скотоводство является здесь особенно характерным. По числу десятин обрабатываемой земли или по числу рабочих лошадей здесь уже нельзя составить правильного представления о хозяйстве. Гораздо более пригодным мерилom является число коров (молочное хозяйство). Изменение севооборота, посев трав, а не расширение посевов составляет здесь характерный признак прогресса крупного хозяйства. Многолошадных дворов здесь меньше; может быть, даже уменьшение числа лошадей означает иногда прогресс хозяйства. Зато коровами здешние крестьяне богаче, чем в остальной России. Г. Благовещенский по итогам земской статистики считал в среднем по 1,2 коровы на двор; в 18 уездах Петербургской, Московской, Тверской и Смоленской губерний имеем по 1,6, а в одной Петербургской — по 1,8 на двор. И торговый капитал, и капитал, вкладываемый в производство, оперируют здесь преимущественно с продуктами скотоводства. Размер дохода зависит всего больше от числа молочных коров. Складываются «молочные фермы». Развивается наем земледельческих рабочих зажиточными крестьянами; мы уже отмечали, что в *промышленные* губернии идут из оскуделого центра на *земледельческие* работы. Одним словом, те же самые общественно-экономические отношения проявляются здесь совершенно в иной

форме, при агрикультурных условиях, непохожих на чисто земледельческие.

А если взять специальные культуры, напр., табаководство, или соединение земледелия с технической обработкой продуктов (винокурение, свекло-сахарное, маслобойное, картофельно-крахмальное и др. производства), то формы проявления предпринимательских отношений здесь окажутся непохожими ни на те, которые существуют при торговом зерновом хозяйстве, ни на те, которые складываются при торговом скотоводстве. За мерило здесь придется взять либо количество специальных посевов, либо размер того предприятия по технической обработке продуктов, которое связано с данным хозяйством.

Валовая статистика земледелия, имеющая дело только с размерами площадей или с количеством скота, далеко не учитывает всего этого разнообразия форм, и поэтому сплошь да рядом заключения, основанные только на справке с подобной статистикой, оказываются неверными. Рост торгового земледелия идет гораздо быстрее, влияние обмена простирается шире, капитал преобразует сельское хозяйство гораздо глубже, чем можно думать по общим валовым цифрам и абстрактным средним.

VII.

Подводим теперь итоги изложенному выше о сущности аграрного вопроса и аграрного кризиса в России к концу XIX века.

В чем сущность этого кризиса? М. Шайн в брошюре: «Муниципализация или раздел в собственность» (Вильна 1907 г.) настаивает на том, что наш земледельческий кризис есть кризис агрикультурный, что самые глубокие корни его — необходимость поднятия техники земледелия; невероятно низкой в России, необходимость перехода к высшим системам полеводства и т. д.

Это мнение неверно, потому что оно слишком абстрактно. Необходимость перехода к высшей технике несомненна, но, во-первых, этот переход и происходил на деле после 1861 года в России. Как ни медленен прогресс, но совершенно бесспорно, что и помещичье, и крестьянское хозяйства в лице зажиточного меньшинства переходили к травосеянию, к употреблению улучшенных орудий, к более систематическому и тщательному удобрению земли и т. д. А раз этот медленный прогресс земледельческой техники есть всеобщий процесс, идущий с 1861 года, то очевидно, что недостаточно еще указать на него для объяснения всеми признаваемого обострения земледельческого кризиса к концу XIX века. Во-вторых, обе формы «решения» аграр-

ного вопроса, наместившиеся в жизни, и столыпинское решение его *сверху*, путем сохранения помещичьего землевладения и окончательного уничтожения общины, разграбления ее кулаками, — и крестьянское (трудолическое) решение *снизу*, путем уничтожения помещичьего землевладения и национализации всей земли, — оба эти решения по своему облегчают переход к высшей технике, идут по линии агрикультурного прогресса. Только одно решение базирует этот прогресс на ускорении процесса выталкивания крестьянской бедноты из земледелия, другое — на ускорении процесса вытеснения отработков путем уничтожения крепостнических латифундий. Что крестьянская беднота «хозяйничает» на своей земле из рук вон плохо, это факт несомненный. Несомненно, значит, что если отдать ее земли на поток и разграбление кучке зажиточного крестьянства, то агрикультура поднимается. Но точно так же несомненный факт и то, что помещичьи земли, эксплуатируемые посредством отработков и кабалы, обрабатываются из рук вон плохо, *хуже наделных земель* (припомните приведенные выше данные: с наделных земель 54 пуда с 1 дес., с экономических — 66, с находящихся в испольной обработке — 50, с арендованных погодно крестьянами — 45). Отработочная система помещичьего хозяйства есть сохранение невероятно отсталых приемов земледелия, есть увековечение варварства и в агрикультуре, и во всей общественной жизни. Несомненно, значит, что если вырвать все отработки с корнем, т.-е. совершенно уничтожить (и притом без выкупа) все помещичье землевладение, то агрикультура поднимется.

Следовательно, сущность аграрного вопроса и аграрного кризиса состоит не в том, чтобы устранить помехи поднятию агрикультуры, а в том, *каким образом* устранить эти помехи, какому классу и какими методами провести это устранение. А устранить помехи развитию производительных сил страны безусловно необходимо, — не только в субъективном смысле слова необходимо, но и в объективном, т.-е. это устранение неизбежно, и никакие силы не в состоянии предотвратить его.

Ошибка М. Шанина, которую делают также очень многие писатели по аграрному вопросу, состоит в том, что он взял верное положение о необходимости поднятия земледельческой техники слишком абстрактно, не учтя своеобразных форм сплетения крепостнических и капиталистических черт в русском земледелии. Главной и основной помехой развитию производительных сил сельского хозяйства России являются пережитки крепостничества, т.-е. отработки и кабала прежде всего, затем крепостнические подати, неравноправность крестьянина, приниженность его перед высшим сословием и т. д., и т. д. Устра-

нение этих пережитков крепостничества давно стало хозяйственной необходимостью, и кризис земледелия к концу XIX века обострился невероятно сильно именно потому, что процесс освобождения России от средневековья слишком затянулся, что отработки и кабала слишком долго «зажились». Они отмирали после 1861 года до того медленно, что новому организму потребовались насильственные способы быстрого очищения от крепостничества.

Каков этот новый хозяйственный организм русского земледелия? Это мы старались показать в предыдущем изложении особенно подробно, ибо на этот счет существуют особенно неправильные представления у экономистов либерально-народнического лагеря. Новый хозяйственный организм, который вылезает у нас из крепостнической скорлупы, есть торговое земледелие и капитализм. Экономика помещичьего хозяйства, поскольку она ведется не отработками, не кабалой надельного крестьянина, показывает с полнейшей ясностью капиталистические черты. Экономика крестьянского хозяйства — поскольку мы умеем заглянуть внутрь общины и посмотреть, что делается в жизни, вопреки официальной уравнительности надельного землевладения — показывает нам опять-таки везде и повсюду чисто капиталистические черты. Рост торгового земледелия идет в России непрерывно, несмотря на все помехи, и это торговое земледелие неизбежно превращается в капиталистическое, хотя формы этого превращения в высшей степени разнообразны и видоизменяются в отдельных районах.

В чем должно состоять то насильственное устранение средневековой скорлупы, которое стало необходимостью для дальнейшего свободного развития нового хозяйственного организма? В уничтожении средневекового землевладения. Средневековым является в России до сих пор и помещичье землевладение, и в значительной части также крестьянское. Мы видели, как новые экономические условия ломают эти средневековые рамки и перегородки землевладения, заставляя бедного крестьянина сдавать свой исконный надел, заставляя зажиточного крестьянина составлять свое, сравнительно крупное, хозяйство из кусочков различных земель: и надельных, и купчих, и арендованных у помещика. И на помещичьей земле разделение земель под отработками, под погодной крестьянской арендой, под экономическим посевом показывает, что новые системы хозяйства строятся вне рамок старого, средневекового, землевладения.

Уничтожить это землевладение можно сразу, решительно разорвав с прошлым. Такой мерой является национализация земли, которой и требовали, более или менее последовательно, все представи-

тели крестьянства в период 1905—1907 годов. Уничтожение частной собственности на землю несколько не изменяет буржуазных основ торгового и капиталистического землевладения. Нет ничего ошибочнее того мнения, будто национализация земли имеет что-либо общее с социализмом или даже с уравнительностью землепользования. Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства. Национализация же есть превращение земли в собственность государства, и такое превращение несколько не затрагивает частного хозяйства на земле. Будет ли земля собственностью или «достоянием» всей страны, всего народа,—от этого не меняется система хозяйства на земле, совершенно точно так же, как не меняется (капиталистическая) система хозяйства у зажиточного мужика, покупает ли он землю «навечно», арендует ли помещичью или казенную землю, «собирает» ли наделы опустившихся несостоятельных крестьян. Раз остается обмен,—о социализме смешно и говорить. А обмен продуктов земледелия и средств производства совершенно не зависит от форм землевладения. (Замечу в скобках, что я излагаю здесь только экономическое значение национализации, а не защищаю ее, как программу; такую защиту я дал в названной выше работе.)

Что касается уравнительности, то мы уже показали выше применение ее на деле при распределении наделной земли. Мы видели, что наделная земля распределяется внутри общины довольно уравнительно, лишь слегка подаваясь в сторону богачей. Но от этой уравнительности остается в результате очень мало вследствие сдачи земли бедной и концентрации аренды в руках богачей. Ясно, что никакая уравнительность землевладения не в силах устранить неравномерности действительного землепользования, раз есть налицо имущественные различия между хозяевами и система обмена, обостряющая эти различия.

Экономическое значение национализации совсем не в том, где его сплошь да рядом ищут. Не в борьбе с буржуазными отношениями состоит оно (национализация—самая последовательная буржуазная мера, как давно показал Маркс), а в борьбе с крепостническими отношениями. Пестрота средневекового землевладения тормозит хозяйственное развитие; сословные рамки мешают торговому обороту; несоответствие старого землевладения и нового хозяйства порождает острые противоречия; помещики благодаря латифундиям затягивают существование отработков; крестьяне заперты точно в гетто, в наделном землевладении, рамки которого жизнь ломает на каждом шагу. Национализация сметает все средневековые отношения в землевладении дочиста, уничтожает все искусственные перегородки на земле,

делает землю действительно свободной — для кого? для всякого гражданина? Ничего подобного. Свобода безлошадного крестьянина (т.-е. $3\frac{1}{4}$ миллиона дворов) состоит, как мы видели, в том, чтобы сдавать надельную землю. Земля становится свободной — для *хозяина*, для того, кто действительно хочет и *может* обрабатывать ее так, как этого требуют современные условия хозяйства вообще и мирового рынка в частности. Национализация ускорила бы смерть крепостничества и развитие чисто буржуазного фермерства на свободной от всяческого средневекового хлама земле. Вот действительно историческое значение национализации в России, как она сложилась к концу XIX века.

Что касается до другого, объективно не невозможного, пути расчистки землевладения для капитализма, то он состоит, как мы видели, в ускоренном ограблении общины богатеями и в укреплении частной земельной собственности у зажиточного крестьянства. Главный источник отработков и кабалы остается при этом незатронутым, помещичьи латифундии остаются. Ясно, что такой способ расчистки пути для капитализма в неизмеримо меньшей степени обеспечивает свободное развитие производительных сил, чем первый. Раз сохраняются латифундии, неизбежно сохранение и кабального крестьянина, испольщины, мелкой погодной аренды, обработки «барских» земель крестьянским инвентарем, т.-е. сохранение самой отсталой культуры и всего того азиатского варварства, которое называется патриархальным деревенским бытом.

Два, указанные мною, способа «решения» аграрного вопроса в развивающейся буржуазной России соответствуют двум путям развития капитализма в земледелии. Я называю эти пути прусским и американским. Первый характеризуется тем, что средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспособляются к капитализму, который надолго сохраняет в силу этого полуфеодалные черты. Прусское помещичье землевладение не разбито буржуазной революцией, а уцелело и стало основой «юнкерского» хозяйства, капиталистического в основе, но не обходящегося без известной зависимости сельского населения вроде *Gesindeordnung* и т. п. От этого социальное и политическое господство юнкеров упрочено на долгие десятилетия после 1848 года, и развитие производительных сил германского земледелия шло несравненно медленнее, чем в Америке. Там, наоборот, основой капиталистического земледелия послужило не старое рабовладельческое хозяйство крупных помещиков (гражданская война разбила рабовладельческие экономики), а свободное хозяйство свободного фермера на свободной земле, свободной от всех

средневековых пут, от крепостничества и феодализма, с одной стороны, а с другой стороны, и от пут частной собственности на землю. Земли раздавались в Америке из ее громадного земельного запаса за номинальную плату, и лишь на новой, вполне капиталистической, основе развилась там теперь частная собственность на землю.

Оба эти пути капиталистического развития вполне ясно обрисовались в России после 1861 года. Несомненен прогресс помещичьего хозяйства, при чем медленность этого прогресса не случайна, а неизбежна, пока сохраняются пережитки крепостничества. Несомненно также, что чем свободнее крестьянство, чем меньше давят на него остатки крепостного права (на юге, напр., есть все эти благоприятные условия), наконец, чем лучше в общем и целом обеспечено крестьянство землей, тем сильнее разложение крестьянства, тем быстрее идет образование класса сельских предпринимателей-фермеров. Весь вопрос дальнейшего развития страны сводится к тому, какой же из этих путей развития возьмет окончательно верх над другим, и, соответственно этому, какой класс проведет необходимое и неизбежное преобразование: старый ли барин-землевладелец или свободный крестьянин-фермер.

У нас думают нередко, что национализация земли означает изъятие земли из торгового оборота. На этой точке зрения безусловно стоит большинство передовых крестьян и идеологов крестьянства. Но такой взгляд в корне ошибочен. Как раз наоборот. Частная собственность на землю является помехой свободному приложению капитала к земле. Поэтому при свободной аренде земли у государства (а к этому сводится сущность национализации в буржуазном обществе) земля *сильнее* втягивается в торговый оборот, чем при господстве частной поземельной собственности. Свобода приложения капитала к земле, свобода конкуренции в земледелии гораздо больше при свободной аренде, чем при частной собственности. Национализация земли, это — так сказать, лэндлордизм без лэндлорда. А что значит лэндлордизм в деле капиталистического развития земледелия, об этом замечательно глубоко рассуждает Маркс в «Теориях прибавочной стоимости». Я привел его рассуждение в названной выше работе об аграрной программе, но позволю себе ввиду важности вопроса повторить его здесь еще раз.

В параграфе об исторических условиях теории ренты Рикардо («Theorien über den Mehrwerth», II Band, 2 Theil, Stuttgart 1905, S. 6 — 7) Маркс говорит, что Рикардо и Андерсон «исходят из воззрения, кажущегося очень странным на континенте». Именно: они предполагают, что «не существует вовсе поземельной собственности, как помехи любому применению капитала к земле». На первый взгляд, это — про-

тиворечие, потому что как раз в Англии феодальная поземельная собственность считается в особенности полно сохранившейся. Но Маркс объясняет, что именно в Англии капитал «расправлялся так беспощадно с традиционными земледельческими порядками, как нигде па свете». В этом отношении Англия — «самая революционная страна в мире». «Все исторически унаследованные распорядки там, где они противоречили условиям капиталистического производства в земледелии или не соответствовали этим условиям, были беспощадно сметены: не только изменено расположение сельских поселений, но сметены самые эти поселения; не только сметены жилища и места поселения сельско-хозяйственного населения, но и само это население; не только сметены исконные центры хозяйства, но и само это хозяйство. У немцев, — продолжает Маркс, — экономические распорядки оказались определены традиционными отношениями общинных земель (Feldmarken), расположением хозяйственных центров, известными местами скопления населения. У англичан исторические распорядки земель оказались постепенно созданы капиталом, начиная с XV века. Английское техническое выражение «clearing of estates («чистка земель») не встречается ни в одной континентальной стране. А что означает это clearing of estates? Оно означает, что не считались совершенно ни с оседлым населением — его выгоняли; ни с существующими деревнями — их сравнивали с землей; ни с хозяйственными постройками — их отдавали на слом; ни с дашными видами сельского хозяйства — их меняли одним ударом, превращая, напр., пахотные поля в выгоны для скота; одним словом, не принимали всех условий производства в том виде, как они существовали по традиции, а исторически *создавали* эти условия в такой форме, чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного приложения капитала. Постольку, следовательно, действительно *не существует собственности на землю*, ибо эта собственность предоставляет капиталу — фермеру — хозяйничать свободно, интересуясь исключительно получением денежного дохода. Какой-нибудь померанский помещик (Маркс имеет в виду Родбергуса, теорию ренты которого он опровергает блестяще и детально в данном сочинении), «у которого в голове только и есть, что староребовские общинные земли, центры хозяйства, коллегия землевладения и т. п., может поэтому в ужасе всплескивать руками по поводу «неисторического» воззрения Рикардо на развитие земледельческих отношений». На самом же деле «английские условия — единственные условия, в которых адекватно (с идеальным совершенством) развилась совершенная собственность на землю, т.-е. собственность на землю, *видоизмененная* капиталистическим производством. Англий-

ская теория (т.-е. теория ренты Рикардо) является в этом пункте классической для современного, т.-е. капиталистического, способа производства».

В Англии эта чистка земли шла в революционных формах с пахильственной ломкой крестьянского землевладения. Ломка старины, отжившей свое время, абсолютно неизбежна и в России, но девятнадцатый век (да и первые 7 лет двадцатого) не решились еще вопроса о том, какой класс и в какой форме произведет необходимую для нас ломку. Мы показали выше, какова основа распределения земли в России в настоящее время. Мы видели, что $10\frac{1}{2}$ миллионам крестьянских дворов с 75 миллионами десятин земли противостоят 30.000 владельцев латифундий с 70 миллионами десятин. Один из возможных исходов борьбы, которая не может не разгораться на такой почве, состоит в том, что землевладение десяти миллионов дворов почти удвоится, а землевладение верхних тридцати тысяч исчезнет. Рассмотрим этот возможный исход чисто теоретически, с точки зрения того, как сложился аграрный вопрос в России к концу XIX века. Каковы должны были бы быть результаты такой перемены? О точки зрения отношений землевладения очевидно, что средневековое надельное и средневековое помещичье землевладения были бы перетасованы заново. Старина была бы сметена дотла. В отношениях землевладения не осталось бы ничего традиционного. Какая же сила определила бы новые отношения землевладения? «Принцип» уравнительности? Так склонен думать передовой крестьянин, затронутый народнической идеологией. Так думает народник. Но это иллюзия. В общине признанный законом и освященный обычаем «принцип» уравнительности ведет на деле к приспособлению землевладения к различиям в имущественной состоятельности. И на основании этого *экономического факта*, тысячекратно подтверждаемого и русскими данными, и западно-европейскими, мы утверждаем, что надежда на уравнительность разлетелась бы как иллюзия, а *перетасовка землевладения осталась бы как единственный прочный результат*. Велико ли значение *такого* результата? Чрезвычайно велико, ибо никакая иная мера, никакая иная реформа, никакое иное преобразование не могли бы дать таких полных гарантий наиболее быстрого, широкого и свободного прогресса земледельческой техники в России и исчезновения из нашей жизни всех следов крепостничества, сословности, азиатчины.

Прогресс техники? — возразят нам, пожалуй. Но не показано ли выше точными данными, что помещичье хозяйство стоит выше крестьянского хозяйства и по травосеянию, и по употреблению машин, и по удобрению, и по качеству скота, конечно, и т. д.? Да, это показано,

и факт этот совершенно несомненен. Но не надо забывать, что *все* эти различия в хозяйственной организации, технике и проч. суммируются в *урожайности*. А мы видели, что урожаи с помещичьих земель, *находящихся в исполной и т. п. обработке у крестьян*, ниже урожаев на надельной земле. Вот какое обстоятельство почти всегда забывают, говоря об агрикультурном уровне помещичьего и крестьянского хозяйства в России! Помещичье хозяйство стоит выше, *поскольку* оно ведется капиталистически. И вся суть в том, что это «*поскольку*» к концу XIX века оставило отработки преобладающей в нашем центре системой хозяйства. *Поскольку* на помещичьих землях хозяйничает и теперь своими староредедовскими орудиями, способами и т. д. кабальный крестьянин, *постольку* помещичье землевладение есть главная причина отсталости и застоя. Перемена в землевладении, обсуждаемая нами, подняла бы урожай с исполных и арендованных земель (теперь этот урожай — см. цифры выше — 50 и 45 пуд. при 54 пуд. на надельной земле и 66 пуд. на владельческих посевах). Если бы даже этот урожай поднялся *только* до уровня урожая с надельных земель, то и тогда шаг вперед был бы громадный. Но понятно само собой, что и урожай с надельных земель поднялся бы как вследствие освобождения крестьянина от гнета крепостнических латифундий, так и в силу того, что надельные земли стали бы тогда, подобно всем остальным землям государства, свободными землями, одинаково доступными (не всем гражданам, а гражданам с земледельческим капиталом, т. е. —) фермерам.

Этот вывод вытекает вовсе не из данных об урожайности, взятых нами. Напротив, эти данные взяты лишь для наглядной иллюстрации вывода, вытекающего из *всей совокупности* данных об эволюции русского помещичьего и крестьянского хозяйства. Чтобы опровергнуть этот вывод, надо опровергнуть тот факт, что история русского земледелия во второй половине XIX века есть история смены крепостнических производственных отношений буржуазными.

Если держаться данных о числе крестьянских хозяйств в настоящее время, то может получиться впечатление, что рассматриваемое нами аграрное преобразование повело бы к чрезвычайному раздроблению земледелия. Помилуйте, тринадцать миллионов хозяйств на 280 миллионах десятин! разве это не чудовищное распыление? Мы ответим на это: ведь это *теперь* мы видим такое безмерное распыление, ибо *теперь* тринадцать миллионов хозяйств *хозяйничают на меньшей* площади, чем 280 милл. дес.! Следовательно, перемена, интересующая нас, ни в каком случае не внесла бы ухудшения в рассматриваемом отношении. Мало того. Мы ставим дальше вопрос, есть ли основание

думать, что общее число хозяйств останется при этой перемене прежним? Обыкновенно смотрят именно так под влиянием народнических теорий и мнений самих крестьян, которые всеми помыслами тянут к земле и способны мечтать даже о превращении промышленных рабочих в мелких земледельцев. Несомненно, некоторое число русских промышленных рабочих в конце XIX века стоят и сами на этой крестьянской точке зрения. Но вопрос в том, *верна* ли эта точка зрения? соответствует ли она *объективным* хозяйственным условиям и ходу экономического развития? Достаточно поставить ясно этот вопрос, чтобы увидеть, что крестьянский взгляд определяется отживающим и безвозвратным прошлым, а не нарастающим будущим. Крестьянский взгляд *неверен*. Он представляет из себя идеологию вчерашнего дня, а экономическое развитие *на деле* ведет не к увеличению, а к уменьшению земледельческого населения.

Перемена в отношениях землевладения, рассматриваемая нами, не уничтожит и не может уничтожить этого процесса уменьшения доли земледельческого населения, — процесса, общего всем странам развивающегося капитализма. Каким образом могла бы эта перемена, спросят меня, пожалуй, повлиять на уменьшение земледельческого населения, раз доступ к земле стал бы свободен для всех? Я отвечаю на это цитатой из одной думской речи крестьянского депутата (Полтавской губернии) г. Чижевского. В заседании 24 мая 1906 года он говорил: «У нас крестьяне, те же выборщики, которые посылали нас сюда, производили, например, такой расчет: «если бы мы были немного богаче, и если бы каждая наша семья могла пять-шесть рублей в год расходовать на сахар, — в каждом из тех уездов, где возможно производство свеклы, возникло бы несколько сахарных заводов, в добавление к тем, которые существуют теперь. Совершенно естественно, что если бы эти заводы возникли, какая масса рук потребовалась бы для хозяйства при его интенсификации! Увеличилось бы производство сахарных заводов и т. д.» (Стенографические отчеты», стр. 622).

Это — чрезвычайно характерное признание местного деятеля. Если бы спросить его мнение о значении аграрного преобразования вообще, он, наверное, высказал бы народнические взгляды. Но раз вопрос встал не о «мнениях», а о *конкретных* последствиях преобразования, *капиталистическая правда* сразу взяла верх над *народнической утопией*. Ибо то, что сказали крестьяне своему депутату г. Чижевскому, есть именно капиталистическая правда, правда капиталистической действительности. Рост числа сахарных заводов и производительности их действительно был бы громаден при всяком сколько-нибудь серьезном улучшении положения массы мелких земледельцев;

и само собою понятно, что не только свеклосахарное производство, но все отрасли обрабатывающей промышленности: текстильная, железодельная, машиностроительная, строительная вообще и проч. и проч., получили бы громадный толчок, потребовали бы «массы рук». И эта экономическая необходимость оказалась бы сильнее всех прекрасных упований и мечтаний об уравнительности. Три с четвертью миллиона безлошадных дворов не станут «хозяевами» ни от какого аграрного преобразования, ни от каких перемен в землевладении, ни от какого «наделения землей». Эти миллионы дворов (да и не малая часть однолошадных) *малются*, как мы видели, на своих кусочках земли, *сдают свои наделы*. Американское развитие промышленности *неминуемо* отвлекло бы большинство таких безнадежных в капиталистическом обществе хозяев от земледелия, и никакое «право на землю» не в силах будет помешать этому отвлечению. Тринадцать миллионов мелких хозяев с самым жалким, нищенским и устарелым инвентарем, ковыряющих и свою надельную и барскую землю, это — действительность сегодняшнего дня; это — *искусственное* перенаселение в земледелии, искусственное в смысле наследственного удержания тех крепостнических отношений, которые давно пережили себя и *не могли бы* продержаться ни одного дня без экзекуций, расстрелов, карательных экспедиций и т. н. Всякое серьезное улучшение в положении массы, всякий серьезный удар крепостническим пережиткам *неминуемо* подорвали бы это перенаселение деревни, усилили бы в громадных размерах (идуший медленно и теперь) процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности, уменьшили бы число хозяйств с 13 миллионов до гораздо более низкой цифры, повели бы Россию вперед по-американски, а не по-китайски, как теперь.

Аграрный вопрос в России к концу XIX века поставил на разрешение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить землевладение, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для свободной и открытой борьбы классов. И эта же борьба классов определит, каким образом будет решена эта задача.

ДОБАВЛЕНИЕ

Речи на II съезде ⁹⁰⁾ Р. С.-Д. Р. П. по аграрному вопросу.

Первая речь при обсуждении аграрной программы ⁹¹⁾.

Укажу прежде всего на одну частность, выльвшуюся в дебатах. Тов. Егоров выражал сожаление по поводу того, что нет доклада, который мог бы значительно облегчить и направить все наши дебаты. В докладчики был предложен я, и по поводу отсутствия доклада мне приходится как бы защищаться. И я скажу в свою защиту, что доклад у меня есть: это мой ответ тов. Иксу *), который отвечает как раз на самые распространенные возражения и недоразумения, вызываемые нашей аграрной программой, и который был роздан всем делегатам съезда. Доклад не перестает быть докладом от того, что он печатается и раздается делегатам, а не читается перед ними.

Перейду к содержанию речей ораторов, которые, к сожалению, не принимали во внимание именно этого моего доклада. Тов. Мартынов, например, не принял во внимание даже более ранней литературы о нашей аграрной программе, когда он опять и опять говорил об исправлении исторической несправедливости, о напрасном возвращении за 40 лет назад, об уничтожении феодализма не современного, а феодализма, бывшего в 60-х годах, и т. д. Приходится повторяться, отвечая на эти доводы. Если бы мы опирались *только* на принцип «исправления исторической несправедливости»,—мы руководились бы одной демократической фразой. Но мы ссылаемся на *существующие* вокруг нас пережитки крепостничества, на современную действительность, на то, что сейчас стесняет и задерживает освободительную борьбу пролетариата. Нас обвиняют в возвращении к седой старине. Это обвинение показывает только незнание самых общеизвестных фактов о деятельности соц.-дем. всех стран. Везде и всюду они выставляют и осу-

*) См. выше во II части этого тома. *Ред.*

ществляют задачу: *завершить то, чего не доделала буржуазия*. Именно это делаем мы. А чтобы делать это, необходимо приходится возвращаться к прошлому, и соц.-дем. каждой страны делают это, возвращаясь всегда *к своему 1789, к своему 1848 году* ⁹²⁾. Русские соц.-дем. точно так же *не могут не возвращаться и к своему 1861 году* и возвращаться тем энергичнее и тем чаще, чем меньшую долю демократических преобразований осуществила наша крестьянская, с позволения сказать, «реформа».

Что касается т. Горина ⁹³⁾, то он равным образом делает обычную ошибку, забывая о реально-существующей крепостнической кабале. Тов. Горин говорит, что «надежда на отрезки насильственно удерживает мелкого крестьянина в антипролетарской идеологии». Но ведь на деле-то не «надежда» на отрезки, а *теперешние* отрезки насильственно удерживают крепостническую кабалу, и нет иного выхода из этой кабалы, из этой крепостнической аренды, кроме превращения якобы-арендаторов в свободных собственников.

Наконец, т. Егоров ⁹⁴⁾ поставил авторам программы вопрос об ее значении. Является ли программа, спрашивал он, выводом из наших основных понятий об экономической эволюции России, научным предвосхищением возможного и неизбежного результата политических преобразований? (В этом случае т. Егоров мог бы согласиться с нами.) Или же наша программа является практически агитационным лозунгом? и тогда нам не побить рекорда перед соц.-рев., тогда эта программа должна быть признана неправильной. Я должен сказать, что не понимаю этого различия, проводимого т. Егоровым. Если бы наша программа не удовлетворяла первому условию, то она была бы неверна и мы не могли бы принять ее. Если же программа верна, то она не может не дать практически пригодного лозунга для агитации. Противоречие между двумя дилеммами т. Егорова лишь кажущееся: его не может быть на деле, ибо верное теоретическое решение *обеспечивает* прочный успех в агитации. А мы стремимся именно к прочному успеху и несколько не смущаемся временными неудачами.

Тов. Либер ⁹⁵⁾ равным образом повторял давно отвергнутые возражения, удивляясь «мизерности» нашей программы и требуя «радикальных реформ» и в аграрной области. Тов. Либер забыл о различии между демократической и социалистической частями программы: он принял за «мизерность» отсутствие чего-либо социалистического в демократической программе. Он не заметил, что социалистическая часть нашей аграрной программы находится в другом месте, именно в рабочем отделе, который относится и к сельскому хозяйству. Только соц.-рев. с характеризующей их беспринципностью могут смещи-

вать и смешивают постоянно демократические и социалистические требования, а партия пролетариата обязана строжайшим образом отделять и различать их.

Вторая речь при обсуждении аграрной программы.

Прежде, чем перейти к деталям, хочу возразить на некоторые общие положения, и прежде всего т. Мартынова. Тов. Мартынов говорит, что мы должны бороться не с тем феодализмом, который был, а с тем, что теперь есть. Это справедливо, но я напомню ответ мой Иксу. Тот сослался на Саратовскую губернию, я взял данные той же Саратовской губернии, и оказалось: размер отрезков равен там 600.000 десятин, т.е. $\frac{2}{5}$ всей земли, находившейся во владении крестьян при крепостном праве, а аренда равна 900.000 десятин; следовательно, $\frac{2}{3}$ арендной земли — отрезки. Значит, мы на $\frac{2}{3}$ восстанавливаем землепользование. Мы, значит, боремся не с привидением, а с реальным злом. Мы пришли бы к тому, что и в Ирландии, где понадобилась современная крестьянская реформа, превращающая фермеров в мелких собственников. На аналогию между Ирландией и Россией уже указывалось в экономической литературе народников. Тов. Горин говорит, что предлагаемая мной мера не лучшая, что лучше перевести в состояние свободных арендаторов. Но он ошибается, думая, что перевод полусвободных арендаторов в свободные лучше. Мы не выдумываем переход, а предлагаем такой, где юридическое землепользование делается соответствующим фактическому, и этим уничтожаем современные кабальные отношения. Мартынов говорит, что мизерны не наши требования, а мизерен тот принцип, из которого они вытекают. Но это похоже на доводы, которые приводят против нас соц.-революционеры. В деревне мы преследуем две качественно различные цели: во-первых, мы хотим создать свободу буржуазных отношений, во-вторых, вести борьбу пролетариата. Задача наша, вопреки пред-рассудкам соц.-рев., — указать крестьянам, где начинается революционно-пролетарская задача крестьянского пролетариата. Поэтому несостоятельны возражения тов. Кострова. Нам говорят, что крестьянство не удовлетворится нашей программой, что оно пойдет дальше; но мы не боимся этого, для этого у нас есть наша социалистическая программа, и потому мы не боимся и передела земли, так пугающего т.т. Махова ⁹⁶) и Кострова.

Заканчиваю. Тов. Егоров назвал химерой нашу надежду на крестьян. Нет! Мы не увлекаемся, мы достаточно скептики, мы поэтому и говорим крестьянскому пролетариату: «Ты сейчас борешься заодно

с крестьянской буржуазией, но ты должен быть всегда готов к борьбе с этой самой буржуазией, и эту борьбу ты поведешь совместно с городскими промышленными пролетариями».

В 1848 году Маркс сказал, что у крестьян есть не только пред-рассудок, но и рассудок. И, указывая теперь крестьянской бедноте на причину ее бедноты, мы можем рассчитывать на успех. Мы верим, что, ввиду того, что соц.-демократия выступила теперь на борьбу за крестьянские интересы, мы в будущем будем считаться с фактом, что крестьянская масса привыкнет смотреть на социал-демократию, как на защитницу ее интересов.

Третья речь при обсуждении аграрной программы.

Тов. Либер напрасно удивляется. Он требует от нас одной общей мерки, но такой мерки не существует. Приходится выдвигать один раз одно, другой раз — иное. У нас нет шаблонов. Либер указывает, что наше требование об уничтожении крепостничества совпадает с требованиями либералов. Но либералы не говорят о том, как это требование будет проведено. Мы же говорим, что оно должно быть проведено не бюрократией, а угнетенными классами, а это есть уже путь революции. В этом — наше коренное отличие от либералов, которые своими рассуждениями о преобразованиях и реформах «испакощивают» народное сознание. Если бы мы стали конкретизировать все требования об уничтожении крепостничества, то у нас получились бы целые томы. Поэтому-то мы указываем только на важнейшие формы и виды закрепощения. А наши комитеты в различных местностях, в развитие общей программы, выставляют и разработают свои частичные требования. Указание Троцкого, что мы не можем касаться местных требований, неверно в том отношении, что вопрос о хизанах и временно-обязанных не только местный вопрос. К тому же о нем известно в аграрной литературе.

Август 1903 г.

О нашей аграрной программе.

(Письмо III съезду.)

Новое крестьянское движение, с каждым днем растущее и усиливающееся, выдвигает опять на первый план вопрос о нашей аграрной программе. Основной принцип этой программы, конечно, не может вызвать разногласий и споров. Партия пролетариата должна поддерживать движение крестьянства. Она никогда не станет защищать современное помещичье землевладение от революционного натиска крестьян, но наряду с этим она всегда будет стремиться к развитию классовой борьбы в деревне и к внесению сознательности в эту борьбу. Эти принципы, мне кажется, разделяются всеми социал-демократами. Разногласие начинается лишь тогда, когда эти принципы приходится прилагать к действительности, когда их приходится формулировать в программе применительно к задачам момента.

Действительность лучше всего разрешает всевозможные теоретические разногласия, и я уверен, что быстрый ход революционных событий устранил и эти разногласия по аграрному вопросу среди социал-демократии. Вряд ли станет отрицать кто-нибудь, что не наше дело прожектерствовать насчет всевозможных земельных реформ, что мы должны укреплять связи с пролетариатом, *поддерживать* крестьянское движение, не упуская при этом из виду собственнические тенденции крестьянина-хозяина, тенденции, враждебность которых пролетариату тем скорее и резче будет проявляться, чем быстрее пойдет вперед революция.

Но с другой стороны ясно, что переживаемый революционный момент требует вполне определенного конкретного лозунга. Таким лозунгом должно стать образование *революционных крестьянских* комитетов, и наша партийная аграрная программа очень правильно выдвинула его. В крестьянском движении масса темноты, бессознательности, и было бы крайне опасно строить себе на этот счет какие-либо

иллюзии. Темнота мужика выражается прежде всего в непонимании *политической* стороны движения, — в непонимании, например, того, что без коренных демократических преобразований во *всем* политическом строе *всего государства* совершенно невозможны никакие прочные шаги по пути расширения землевладения. Крестьянину нужна земля, и его революционное чувство, его инстинктивный, первобытный демократизм *не может* выразиться иначе, как в наложении руки на помещичью землю. Этого, конечно, никто не станет отрицать. Социалисты-революционеры останавливаются на этом положении вместо того, чтобы подойти к этому туманному стремлению крестьянства с классовым анализом. Социал-демократы, на основании такого анализа, утверждают, что все крестьянство вряд ли *может* солидарно идти дальше требования возвращения отрезных земель, так как за пределами такого аграрного преобразования неизбежно выступит ярко антагонизм сельского пролетариата и «хозяйственных мужичков». Социал-демократы, конечно, ничего не могут иметь против того, чтобы восставший мужик «добил до конца помещика», отнял у него *всю* землю, но они не могут вдаваться в авантюризм в пролетарской программе, не могут заслонять классовой борьбы против собственников розовыми перспективами таких перестроек землевладения (хотя бы и демократических перестроек), которые окажутся лишь передвижением классов или разрядов собственников.

До сих пор у нас в программе было выдвинуто требование возвращения отрезков, а в разных комментариях к программе указывалось, что отрезки вовсе не загородка, а «дверь, чтобы идти дальше», что пролетариат охотно поддержит крестьянство на этом дальнейшем пути, но непременно оглядываясь и присматривая за своим временным союзником, крестьянином-хозяином, не выпускает ли он свои хозяйские коготки. Теперь, перед лицом революционных событий, невольно возникает вопрос: не целесообразнее ли перенести *такое* положение нашей тактики из комментариев в самую программу? Ведь как-никак программа является официальным общепартийным выражением взглядов социал-демократии, а всякий комментарий по необходимости представляется более или менее личным воззрением того или другого социал-демократа. Не разумнее ли поэтому внести в программу более общее положение нашей политики по этому вопросу, а в комментариях развивать частные мероприятия, отдельные требования, вроде, например, отрезков?

Чтобы конкретнее выяснить мою мысль, я приведу здесь ту формулировку, которую приняло бы соответствующее место в нашей программе: (Р. С.-Д. Р. П. требует прежде всего)... «4) учреждения

революционных крестьянских комитетов для устранения всех остатков крепостничества, для демократического преобразования всех вообще деревенских отношений и для принятия революционных мер к улучшению положения крестьянства, не останавливающихся перед отнятием земли у помещиков. Социал-демократия будет поддерживать крестьянство во всех его революционно-демократических предприятиях, отстаивая самостоятельные интересы и самостоятельную организацию сельского пролетариата».

В предлагаемой формулировке в программу внесено то, что до сих пор обыкновенно развивалось в комментариях, «отрезки» же из программы переносятся в комментарии. Такое изменение имеет то преимущество, что в программе яснее указывается особенность пролетарской позиции, а ясность в таком важном вопросе перевешивает все редакционные неудобства (таким неудобством является включение в программу вместо определенного требования — разъяснения, обыкновенно относимого в комментарий. Надо заметить впрочем, что в нашей программе уже имеются такие разъяснения: ср., например, пункт о борьбе с реформами, связанными с упрочением полицейско-чиновничьей опеки). Преимуществом является также и то, что программа раз навсегда устраняет нелепую мысль, будто социал-демократия говорит крестьянину, что дальше отрезков он не может и не должен идти. Мысль эту необходимо устранить ясной формулировкой программы, а не ограничиваться разъяснением ее в комментариях. Недостатком предлагаемой мной формулировки может показаться то, что в ней не указывается никаких определенных способов экспроприации земли. Но есть ли это, собственно говоря, недостаток?

Социал-демократы, писавшие по аграрному вопросу, неоднократно показывали, насколько неуместно нам пускаться на этот счет в прожектерство, ибо самая главная мера земельной реформы — национализация земли — в *полицейском государстве* по необходимости будет извращена и послужит для затемнения классового характера движения. А между тем все другие меры к преобразованию земельных отношений будут при капиталистическом строе лишь приближением к национализации, лишь частными мерами, лишь некоторыми из возможных мер, т.-е. такими, которыми *ограничивать себя* социал-демократия вовсе не намерена. В настоящее время социал-демократы против национализации, и даже социалисты-революционеры под влиянием нашей критики стали гораздо осторожнее относиться к этой национализации (сравни проект их программы с их прежним «удальством»).

Но дело в том, что революционное движение ведет нас к демократической республике, представляющей одно из наших ближайших требований, на-ряду с уничтожением постоянной армии и т. п.

При демократической же республике, при вооружении народа, при осуществлении других подобных же республиканских мер социал-демократия не может зарекаться и связывать себе руки по отношению к национализации земли. Итак, недостаток предлагаемой мною формулировки только кажущийся. В действительности же она дает выдержанный классовый лозунг для данной минуты, — притом лозунг вполне конкретный, — оставляя вместе с тем полный простор для тех «революционно-демократических» шагов, которые могут оказаться необходимыми или желательными, в случае благоприятного развития нашей революции. В настоящее время, а также и далее до полной победы крестьянского восстания, революционный лозунг необходимо должен учитывать антагонизм *мушника и помещика*; и пункт об отрезках совершенно верно подчеркивал это обстоятельство; между тем всевозможные «национализации», «передачи ренты», «социализации» и т. п. — и в этом как раз их недостаток — игнорируют и затемняют характерный антагонизм.

Предлагаемая мною формулировка вместе с тем расширяет задачу революционных крестьянских комитетов до «демократического преобразования всех вообще деревенских отношений». В нашей программе крестьянские комитеты выдвинуты, как лозунг, при чем совершенно правильно они характеризованы, как *крестьянские*, т.-е. сословные, ибо сословный гнет может быть уничтожен только всем низшим угнетенным сословием. Но есть ли основание ограничивать задачи этих комитетов одними аграрными реформами? Неужели же для других преобразований, например, административных и т. д., нужно создавать *другие* комитеты? Ведь вся беда крестьян, как я уже указывал, в полном непонимании политической стороны движения. Если бы удалось связать хотя бы в отдельных случаях успешные революционные мероприятия крестьян в деле улучшения их положения (конфискация хлеба, скота, *земли*) с учреждением и деятельностью *крестьянских комитетов* и с полной санкцией этих комитетов революционными партиями (а, при особо благоприятных условиях, — Временным Революционным Правительством), тогда можно было бы считать выигранной борьбу за привлечение крестьян на сторону демократической республики. Без такого же привлечения все революционные шаги крестьянства будут очень непрочно, и все их завоевания будут легко отобраны стоящими у власти общественными классами.

Наконец, говоря о поддержке «революционно-демократических» мероприятий, предлагаемая формулировка ясно проводит грань между обманчивой, якобы социалистической, *внешностью* таких мер, как захват земли крестьянами, и их действительным демократическим содержанием. Чтобы видеть, насколько важно для социал-демократа проведение такой грани, довольно вспомнить отношение Маркса и Энгельса к аграрному движению, например, в Америке (Маркс в 1848 г. о Кригэ, Энгельс в 1885 о Генри Джордже). Теперь, конечно, никто не станет *отрицать* крестьянскую войну из-за земли, погоню за землей (в полукрепостных странах или в колониях). Мы вполне признаем ее законность и прогрессивность, но вместе с тем мы раз-облачаем ее демократическое, т.-е. *в конечном счете* буржуазно-демократическое содержание, а потому, поддерживая это содержание, мы с своей стороны вносим особые «оговорки», указывая на «самостоятельную» роль *пролетарской* демократии, на особые цели социал-демократии, как классовой партии, стремящейся к социалистической революции.

Вот те соображения, вследствие которых я предлагаю товарищам обсудить на предстоящем съезде мое предложение и расширить соответственный пункт программы в указанном мною духе.

«Вперед» № 12,
от 16 марта 1905 года
за подписью «—».

Маркс об американском „черном переделе“.

В № 12 «Вперед» было упомянуто выступление Маркса по аграрному вопросу против Кригэ. Это было не в 1848 году, как ошибочно сказано в статье тов. — т, а в 1846 году. Сотрудник Маркса, Герман Кригэ, бывший тогда еще очень молодым человеком, переселился в 1845 году в Америку и основал там журнал «Volkstribun» («Народный Трибун») для пропаганды коммунизма. Однако он повел эту пропаганду так, что Маркс вынужден был от имени немецких коммунистов решительно восстать против компрометирования коммунистической партии Германом Кригэ. Критика направления Кригэ, напечатанная в 1846 г. в «Westfalisches Dampfboot» и перепечатанная во втором томе Меришговского издания сочинений Маркса, представляет для современных русских социал-демократов громадный интерес.

Дело в том, что аграрный вопрос так же выдвигался тогда на одно из первых мест самым ходом американского социального движения, как теперь в России, при чем речь шла как раз не о развитом капиталистическом обществе, а о создании первоначальных, основных условий для настоящего развития капитализма. Это последнее обстоятельство особенно важно для параллели между отношением Маркса к американским идеям «черного передела» и отношением русских социал-демократов к современному крестьянскому движению.

Кригэ в своем журнале не давал никакого материала для изучения конкретных социальных особенностей американского строя, для выяснения истинного характера тогдашнего движения аграрных реформаторов, стремившихся к уничтожению ренты. Зато Кригэ (совсем как наши «социалисты-революционеры») облекал вопрос об аграрной революции в пышные, широковещательные фразы. «Каждый бедняк, — писал Кригэ, — тотчас же превращается в полезного члена человеческого общества, раз ему обеспечат возможность производительной работы. Таковая возможность будет обеспечена для него навсегда, если общество даст ему кусок земли, на котором он может прокормить себя

и свою семью. Если эта гигантская земельная площадь (именно 1.400 милл. акров северо-американских государственных земель) будет изъята из торгового оборота и в ограниченных количествах обеспечена труду *), тогда нищете в Америке будет положен одним ударом конец»...

Маркс возражает на это: «Можно было бы ждать понимания того, что не во власти законодателей декретами остановить развитие желанного для Кригэ патриархального строя в индустриальный или отбросить промышленные и торговые штаты восточного берега назад в патриархальное варварство».

Итак, перед нами настоящий план американского черного передела: изъятие массы земли из торгового оборота, право на землю, ограничение пределов землевладения или землепользования. И Маркс с самого начала выступает с трезвой критикой утопизма, указывает на неизбежность превращения патриархального строя в индустриальный, т.-е. на неизбежность развития капитализма, если говорить современным языком. Но было бы большой ошибкой думать, что утопические мечты участников движения заставляют Маркса отрицательно отнестись к самому движению вообще. Ничего подобного. Еще тогда, в самом начале своего литературного поприща, Маркс умел выделять реальное прогрессивное содержание движения от его мишурных идеологических облачений. Во втором отделе своей критики, озаглавленном: «Экономия (т.-е. политическая экономия) «Народного Трибуна» и его отношение к молодой Америке», Маркс писал:

«Мы вполне признаем движение американских национал-реформистов в его исторической правомерности. Мы знаем, что это движение стремится к достижению такого результата, который, правда, в данную минуту дал бы толчок развитию индустриализма современного буржуазного общества, но который, будучи плодом пролетарского движения, неизбежно должен в качестве нападения на земельную собственность вообще и в особенности при существующих в настоящее время в Америке условиях повести дальше, благодаря его собственным последствиям, к коммунизму. Кригэ, примкнувший вместе с немецкими коммунистами в Нью-Йорке к движению против ренты (Anti-Rent-Bewegung), облакает этот простой факт в напыщенные фразы, не вдаваясь в рассмотрение самого содержания движения. Он доказывает этим, что ему совершенно неясна связь между молодой Америкой и американскими общественными условиями. Приведем

*) Вспомните, что писала «Революционная Россия», начиная с № 8, о перетекании земли от капитала к труду, о значении государственных земель в России, об уравнительном землепользовании, о буржуазной идее вовлечения земли в торговый оборот и пр. Совсем, как Кригэ.

еще пример его насыщенных фраз о плане аграриев парцеллировать землевладение в американском масштабе.

«В № 10 «Народного Трибуна», в статье «Чего мы хотим?» говорится: «Американские национал-реформисты называют землю общим достоянием всех людей... и требуют принятия народным законодательством таких мер, чтобы 1.400 миллионов акров земли, не попавшие еще в руки грабителей-спекулянтов, были сохранены, как неотчуждаемое общее достояние всего человечества». И вот, чтобы сохранить для всего человечества это неотчуждаемое и общее достояние, он принимает план национал-реформистов: «предоставить каждому крестьянину, из какой бы страны родом он ни был, 160 акров американской земли для его прокормления». В № 14, в статье «Ответ Конзу» (Konze) этот план излагается так: «Из этого нетронутого еще народного достояния никто не должен получить во владение больше 160 акров, да и это количество лишь при том условии, чтобы он сам их обрабатывал». Итак, в целях сохранения земли «неотчуждаемым общим достоянием» и притом «всего человечества» следует немедленно начать с того, что поделить эту землю. Кригэ воображает, что он в силах запретить каким-нибудь законом необходимые последствия этого передела: концентрацию, промышленный прогресс и т. д. 160 акров земли представляются ему, как нечто само себе равное, как будто бы стоимость такой земельной площади не была различна, смотря по ее качеству. «Крестьяне» будут обмениваться между собой и с другими людьми, если не самой землей, то продуктами ее. А раз дойдет до этого, то скоро окажется, что один «крестьянин» и без капитала благодаря своему труду и большой природной плодородности своих 160 акров доведет другого до положения своего батрака. А затем, разве не все равно, земля ли или продукты земли «попадут в руки грабителей-спекулянтов»? Рассмотрим серьезно этот подарок, который Кригэ делает человечеству. 1.400 миллионов акров должны быть сохранены как неотчуждаемое общее достояние всего человечества. При этом каждому крестьянину должно достаться по 160 акров. Мы можем, следовательно, сосчитать, как велико кригэвское «человечество»: ровно $8\frac{3}{4}$ миллионов «крестьян» или, считая по пять голов на семью, 43 миллиона человек. Мы можем равным образом сосчитать, как долго продолжатся эти «вечные времена», на которые должен «овладеть» всей землей пролетариат в качестве представителя «человечества» по крайней мере в Соединенных Штатах. Если население в Соединенных Штатах будет удваиваться так же быстро, как до сих пор, т. е. каждые 25 лет, тогда эти «вечные времена» продлятся неполных 40 лет. В 40 лет будут заняты эти 1.400 миллионов акров, и последующим поколениям нечем будет и овла-

девать. Но так как даровая раздача земли чрезвычайно усилит эмиграцию, то Кригэвские «вечные времена» могут окончиться еще раньше, особенно если принять во внимание, что количество земли на 44 миллиона человек не хватит даже для теперешнего европейского пауперизма, как отводный канал его. В Европе всякий десятый человек паупер: одни британские острова насчитывают их 7 миллионов. Подобную же политико-экономическую наивность встречаем в № 13 в статье «К женщинам», где Кригэ говорит, что если бы город Нью-Йорк отдал свои 52.000 акров земли на Лонг-Айленд, то этого было бы достаточно, чтобы «сразу» освободить Нью-Йорк навсегда от всякого пауперизма, нищеты и преступления.

«Если бы Кригэ взглянул на движение, стремящееся к освобождению земли, как на необходимую при известных условиях первую форму пролетарского движения, если бы он оценил это движение, как такое, которое в силу жизненного положения того класса, от которого оно исходит, необходимо должно развиться дальше в коммунистическое движение, если бы он показал, каким образом коммунистические стремления в Америке должны были первоначально выступать в этой аграрной форме, на первый взгляд противоречащей всякому коммунизму,— тогда против этого ничего нельзя было бы возразить. Кригэ же объявляет эту форму движения известных действительных людей, имеющую лишь подчиненное значение, делом человечества вообще. Кригэ выставляет это дело как последнюю, высшую цель всякого движения вообще, превращая таким образом определенные цели движения в чистейшую напыщенную бессмыслицу. В той же статье 10-го номера он поет такие триумфальные песни: «И вот, таким образом исполнились бы, наконец, исконные мечты европейцев, для них была бы приготовлена по сю сторону океана земля, которую им оставалось бы взять и оплодотворить трудом рук своих, чтобы бросить в лицо всем тиранам мира гордое заявление: это *моя* хижина, которой вы не строили, это *мой* очаг, наполняющий ваши сердца завистью».

«Кригэ мог бы добавить: это *моя* куча навоза, произведенная мною, моей женой и детьми, моим батраком и моим скотом. И какие же это европейцы увидели бы тут осуществление своих мечтаний? Только не коммунистические рабочие! Разве те обанкротившиеся лавочники и цеховые мастера или разорившиеся крестьяне, которые стремятся к счастью снова стать в Америке мелкими буржуа и крестьянами? И в чем состоит мечта, осуществляемая при помощи этих 1.400 миллионов акров? Не в чем другом, как в том, чтобы превратить всех людей в частных собственников. Такая мечта столь же неосуществима и столь

же коммунистична, как мечта превратить всех людей в императоров, королей и пап».

Критика Маркса полна яда и сарказма. Он бичует Кригэ именно за те черты его воззрений, которые мы видим теперь у наших «соц.-революционеров»: господство фразы, мелко-буржуазные утопии, выставляемые в качестве высшего революционного утопизма, непонимание реальных основ современного хозяйственного строя и его развития. С замечательной прозорливостью Маркс, тогда представлявший из себя лишь *будущего* экономиста, указывает на роль обмена, товарного хозяйства. Если не землей, — говорит он, — то продуктами земли крестьяне будут обмениваться, а этим уже все сказано! Вся эта постановка вопроса в очень и очень многом применима к русскому крестьянскому движению и его мелко-буржуазным «социалистическим» идеологам.

Но Маркс далек в то же время от простого «отрицания» этого мелко-буржуазного движения, от доктринерского игнорирования его, от боязни, свойственной многим начетчикам, запачкать себе руки прикосновением к революционной мелко-буржуазной демократии. Беспощадно высмеивая вздорность идеологических облачений движения, Маркс старается материалистически трезво определить его *действительное* историческое содержание, его неизбежные последствия, которые должны наступить в силу объективных условий, независимо от воли и сознаний, мечтаний и теорий тех или иных лиц. Маркс не порицает поэтому, а вполне одобряет поддержку этого движения коммунистами. Стоя на диалектической точке зрения, т.-е. рассматривая движение всесторонне, принимая во внимание и прошлое, и будущее, Маркс отмечает революционную сторону нападения на поземельную собственность. Маркс признает мелко-буржуазное движение за своеобразную первоначальную форму пролетарского, коммунистического движения. Того, чего вы мечтаете достигнуть этим движением, говорит Маркс по адресу Кригэ, вы не достигнете, — вместо братства наступит мелко-буржуазная обособленность, вместо неотчуждаемости крестьянских наделов — вовлечение земли в торговый оборот, вместо удара грабителям-спекулянтам — расширение базы для капиталистического развития. Но то капиталистическое зло, которого вы тщетно мните избежать, является исторически добром, ибо оно страшно ускорит общественное развитие и приблизит во много раз новые, высшие формы коммунистического движения. Удар, нанесенный поземельной собственности, облегчит неизбежные дальнейшие удары собственности вообще; революционное выступление низшего класса с преобразованием, временно дающим узенькое благоденствие далеко не всем, облегчит неизбежное дальнейшее революционное выступление самого

низшего класса с преобразованием, которое действительно обеспечит полное человеческое счастье всем трудящимся.

Для нас, русских социал-демократов, постановка вопроса Марксом против Кригэ должна служить образцом. Действительный мелкобуржуазный характер современного крестьянского движения в России не подлежит сомнению; мы должны разъяснять это всеми силами и беспощадно, непримиримо бороться со всякими иллюзиями всяких «социалистов-революционеров» или примитивных социалистов на этот счет. Особая организация самостоятельной партии пролетариата, стремящейся через все демократические перевороты к полной социалистической революции, должна быть нашей постоянной, ни на минуту не упускаемой из виду целью. Но отворачиваться поэтому от крестьянского движения было бы самым безнадежным филистерством и педантизмом. Нет, революционно-демократический характер этого движения несомненен, и мы должны всеми силами поддерживать его, развивать, делать политически-сознательным и классово-определенным, толкать его дальше, идти вместе с ним, рука об руку до конца, — ибо мы идем гораздо дальше конца всякого крестьянского движения, мы идем до полного конца самого деления общества на классы. Вряд ли найдется другая страна в мире, где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России. Чем беспрощаднее было это угнетение, тем более могучим будет теперь его пробуждение, тем непреборимее будет его революционный натиск. Дело сознательного революционного пролетариата всеми силами поддерживать этот натиск, чтобы он не оставил камня на камне в старой, проклятой, крепостнически-самодержавной рабьей России, чтобы он создал новое поколение свободных и смелых людей, создал новую республиканскую страну, в которой развернется на просторе наша пролетарская борьба за социализм.

*«Вперед» № 15,
от 7 апреля 1905 года,*

Резолюция III съезда ⁹⁷⁾ Р. С.-Д. Р. П. об отношении к крестьянскому движению.

Принимая во внимание:

1) что разрастающееся теперь крестьянское движение, являясь стихийным и политически бессознательным, неминуемо обращается тем не менее против существующего строя и против всех остатков крепостничества вообще;

2) что в задачи социал-демократии входит поддержка всякого революционного движения против существующего общественного и политического строя;

3) что в силу этого социал-демократия должна стремиться очистить революционно-демократическое содержание крестьянского движения от всяких реакционных примесей, развивая революционное самосознание крестьян и доводя до конца их демократические требования;

4) что социал-демократия, как партия пролетариата, должна во всех случаях и при всех обстоятельствах неуклонно стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата и разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, —

III съезд Р. С.-Д. Р. П. поручает всем партийным организациям:

а) пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель;

б) как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в крестьянское движение, выдвигать необходимость немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета;

в) в целях дезорганизации самодержавия и поддержки революционного натиска на него, призывать крестьянство и сельский пролетариат к всевозможным политическим демонстрациям, к коллективному отказу от платежа податей и налогов, от исполнения воинской повинности и постановлений и приказаний правительства и его агентов;

г) стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата, к слиянию его с пролетариатом городским, под знаменем социал-демократической партии, и к проведению представителей его в крестьянские комитеты.

Май 1905 г.,

ПРИЛОЖЕНИЕ

Об аграрной программе.

Приступая к критике проекта аграрной программы, предложенной «Искрой» и «Зарей», и предлагая свой проект, я считаю нужным сделать некоторые оговорки.

Очень часто то или другое несогласие по тому или иному частному вопросу, иногда, правда, чрезвычайно важному, ведет к стремлению «несогласномыслящих» выделиться в особую группу. Такого рода явления служат огромным препятствием для организованной целесообразной работы партии и ведут к раздроблению революционных сил, от которого прежде всего страдает дело революции. Предлагаемый проект аграрной программы является лишь попыткой внести на обсуждение других некоторые поправки, т.-е. устранить, а не вызвать какие-либо разногласия.

Организация «Искры» и «Зари» так много сделала для того, чтобы подготовить различные социал-демократические группы к организации в одну партию, что едва ли можно сомневаться в осуществлении такой организации в самом ближайшем будущем. Поэтому необходимо выработать такую социал-демократическую программу, в которой были бы ясно и твердо намечены ее задачи, в которой бы партия резко отграничилась от других партий. Ввиду важности задачи выработки программы и ввиду важности соглашения в основных ее принципах, необходим пересмотр тех ее пунктов, которые по тем или иным основаниям возбуждают сомнение, чтобы устранить дальнейшие разногласия. Таким образом, вполне соглашаясь со всеми задачами и требованиями «Искры» и «Зари», я предлагаю лишь сделать пересмотр ее аграрной программы и внести те поправки, которые приведены ниже. Попутно, не бесполезно будет анализировать и «программу» социалистов-революционеров. Надеюсь, что новый проект аграрной программы и критика проекта «Искры» и «Зари» лишь облегчат товарищам задачу обсудить и наметить наиболее правильный путь для дальнейшей борьбы за общее дело.

Развитие капитализма в России, внедрение капиталистических отношений во все стороны народной жизни, разлагает старый уклад жизни и побуждает различные классы общества бороться за новые формы общественной жизни, более соответствующие новым потребностям, новым отношениям. Заинтересованными в такой смене старого уклада новым являются три наиболее крупных общественных класса: часть городской буржуазии, крестьянство и пролетариат.

Все эти три класса терпят от абсолютизма и полицейского государства, стесняющего развитие новых общественных отношений и развитие производительных сил страны, терпят от тех остатков крепостных отношений, которые поддерживаются современным политическим строем.

По мере развития сознания этими классами своих интересов, почва у современного абсолютного государства все более и более ускользает, и оно сметется как хлам, мешающий зарождению и развитию новой жизни.

Такое, повидимому, полное единство интересов трех наиболее крупных классов общества не заходит, однако, дальше стремления освободиться от абсолютизма. Даже это стремление вызывается различными и даже противоположными мотивами и интересами. Буржуазия терпит от современного полицейского государственного порядка с самодержавным царем, как орудием бюрократии, лишь постольку, поскольку этот порядок, стесняя личность, стесняет вместе с тем и развитие производительных сил. Она стремится, организуя производство, реорганизовать и политический строй, соответствующий новым условиям производства. Интересы других классов общества — рабочих и крестьян — буржуазия принимает во внимание лишь постольку, поскольку последние сумеют и будут в силах заявить о них, поскольку они представляют самостоятельную организованную силу *). Поэтому буржуазия, землевладельцы и др. группы, не примыкающие к классу рабочих и крестьян как класс, а не отдельные личности, являются крайне неадекватными союзниками в освободительной борьбе против остатков старого феодального строя. Либеральная партия, как представительница передовых слоев буржуазного класса, везде является союзником лишь до тех пор, пока не пошатнется старый порядок, чтобы при первом благоприятном случае обмануть своих союзников и удовлетвориться лишь тем, что необходимо для буржуазии, для свободного развития производительных сил страны.

*) Есть основание предполагать, что либеральная партия под давлением крестьянского движения выдвинет некоторые аграрные требования, например, увеличение надела малоземельных крестьян и т. д.

Крестьянство, как сословие, сохранилось благодаря сохранению пережитков крепостного, сословного строя. По мере развития экономических отношений оно, как экономическая группа, распадается все более и более на два противоположных класса — на крестьянскую буржуазию и на крестьянский пролетариат; но сохранение *сословного* государства и других пережитков крепостного строя не только мешает быстрому расслоению крестьянства на два класса, но и сохраняет среди различных экономических групп крестьянства некоторые общие интересы постольку, поскольку эти группы терпят, как *крестьянские* группы. Поэтому при существовании абсолютного сословного государства *все* крестьянство заинтересовано в разрушении современного политического строя и в создании *демократического* государства. Таким образом демократическая партия может быть выразительницей интересов крестьянства лишь постольку, поскольку она ставит чисто демократические задачи. Но различные группы крестьянства имеют и экономические интересы, соответствующие экономическому положению этих групп. Некоторая часть крестьян имеет прочное хозяйство, пользуется наемным трудом и заинтересована в укреплении и развитии своего хозяйства в более крупное, но ничуть не заинтересована в улучшении положения наемного труда; напротив, экономические требования рабочего, бесхозяйного крестьянина, прямо противоречат интересам этой группы. Группа крестьян, имеющих свое хозяйство и питающих только надежду его укрепить, занимает промежуточное положение между упомянутой группой и пролетариатом: для нее может казаться очень соблазнительной перспектива укрепления своего мелкого хозяйства, но эта группа *может* уже сознать, что такие надежды утопичны, что удовлетворение демократических требований крестьянства не помешает экономически сильным крестьянским хозяйствам развиваться и занять такую же позицию в эксплуатации менее состоятельных крестьян, какую занимает крупное помещичье хозяйство.

Наконец, группа пролетаризирующихся и пролетаризированных крестьян так же, хотя с меньшим успехом, может соблазниться надеждой укрепить и развить свое хозяйство при расширении мелкого землевладения, но, занятая почти постоянно продажей своего труда, она вплотную подходит к положению пролетариата и, поэтому, легче всего может воспринять идеи социализма и рабочую программу. Из изложенной характеристики трех наиболее крупных групп крестьянства видно, что демократическая программа, обещая укрепить мелкое хозяйство, должна пользоваться большим успехом у всех групп крестьянского сословия — поскольку она сумеет их обмануть

или обмануться *): удовлетворение демократических требований, уничтожение сословных цепей вызовет развитие производительных сил и дальнейшее разложение крестьянства. Следовательно, та часть крестьянства, которая, в надежде восстановить свое самостоятельное хозяйство, не озаботилась бы о защите себя как продавца рабочей силы, горько бы обманулась. Тот, кто напрасно надеется сделаться самостоятельным хозяином, мало заботится об ограждении от чрезмерной эксплуатации *наемного* труда и не выиграет, благодаря утопическим надеждам, не только как собственник, но и как продавец своей рабочей силы. Таким образом демократическая программа, поскольку она обещает укрепить мелкую собственность, стремится побудить большую часть крестьянства вытаскивать каштаны из огня для экономически сильной группы крестьянства. Как либеральная партия, исходящая из интересов буржуазии, ничего не дает пролетариату, как таковому, так и демократическая партия, исходящая из интересов мелкой собственности, становится в противоречие с интересами крестьянского пролетариата, поддерживая у него утопическую надежду на сохранение мелкого самостоятельного хозяйства. В самом деле, если пролетаризированный крестьянин проникнется утопической надеждой, что после первого же революционного взрыва, после свержения самодержавия, он, имея всю помещичью землю в *своих* руках, будет иметь *свое* прочное хозяйство, то к чему ему пролетарская программа, имеющая в виду защиту эксплуатируемых: он сам будет «скоро» если не эксплуататором, то, во всяком случае, не эксплуатируемым. Таким образом демократическая программа, *поскольку* она вносит сознательно или бессознательно утопические надежды на укрепление мелкой собственности, является вредной не только для пролетариата, но и для большинства крестьян.

Третий общественный класс, пролетариат, развивающийся с развитием капиталистических отношений, заинтересован не только в разрушении остатков крепостных отношений в современном обществе, но и в разрушении капиталистического строя и замене его социалистическим. Сходясь с перечисленными выше классами в стремлении к разрушению современного полицейского государственного беспорядка и к замене его демократическим строем, Социал-Демократическая Рабочая Партия, как выразительница интересов пролетариата, идет

*) У нас в России демократическая партия пристегивает к себе социализм, не уяснив противоречия между укреплением мелкой собственности и социализмом. Это противоречие замалчивается фразами об артелях, кооперативах и т. п., как будто артели сразу остановят развитие капиталистических отношений.

дальше, чем демократы-революционеры и либералы. Разрушение всех остатков крепостного строя, абсолютизма, сословных перегородок и т. д. дает лишь сильный толчок для развития капиталистических отношений, основанных на эксплуатации же рабочих. Завоевавши политическую свободу, рабочие лишь расчистят себе путь для борьбы с капиталистическим строем, с капиталистической эксплуатацией труда, основанной на существовании частной собственности на орудия и средства производства. Поэтому социал-демократия, имея в виду интересы трудящихся масс, во-первых, стремится к разрушению всех остатков докапиталистического строя и, прежде всего, абсолютизма и к господству демократии. В этом она сходится с демократами и, отчасти, с либералами. Во-вторых, социал-демократия, как социалистическая партия, не может стремиться к укреплению и защите мелкой или крупной собственности. Имея конечной целью организацию общественного производства как условия для уничтожения эксплуатации трудящихся масс, Социал-Демократическая Партия ставит задачей защиту мелких собственников как трудящейся массы, а не защиту мелкой собственности как *формы производства*. Этим она отличается от демократов. В-третьих, Социал-Демократическая Партия, как партия пролетариата, ведет и будет вести классовую борьбу с эксплуатирующими классами, имея в виду упомянутую задачу — социализм. Поэтому ее ближайшие задачи являются лишь первыми шагами классовой борьбы. Этим она отличается и от либералов, и от демократов.

Исходя из этих принципов, рассмотрим программу «Искры» и «Зари» и задачи социалистов-революционеров.

Соглашаясь с мотивировкой и первыми 17 пунктами программы «Искры» и «Зари», я думаю, что было бы полезно к мотивировке программы сделать некоторые добавления из того, что мною изложено выше, чтобы определить отношение к различным общественным классам и партиям. Третий же и четвертый пункты аграрной программы едва ли можно считать соответствующими тем задачам, которые может ставить себе социал-демократическая партия. Рассмотрим эти пункты.

Партия будет добиваться (3-й пункт) «возвращения народу (?) денежных сумм, взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей; конфискации с этой целью монастырских имуществ и удельных имений; а равно обложения особым налогом земель крупных землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ».

Социал-Демократическая Партия *постоянно* должна добиваться «возвращения народу» всех доходов, получаемых государством, возврата — для удовлетворения культурных и других потребностей сельских и нескольких обществ. Допустим, что сверх этого партия будет добиваться возврата особых *денежных* сумм, которые можно получить от продажи конфискованных имуществ. Что же это значит? А это значит, что для получения этих сумм демократическое государство распродает тот земельный фонд, который получен благодаря революции, т. е. предоставит его расхитить за *бесценно* капиталистам, так как распродажа такого земельного фонда лишь обесценивает его. Подарок получит не «народ», а кучка капиталистов, — подарок, полученный ценой революции.

Получить выкупные платежи обратно от дворян также нельзя, так как многие из них все промотали. Притом выкупные платежи платила только часть крестьян, а грабились крестьяне *все*, но в других формах. Как раз те, кто больше грабил (железнодорожники, сахарозаводчики, банкиры и т. д.), лишь выиграют от 3 пункта программы, скупивши на награбленные деньги конфискованные земли, если их продадут. Какое же это «возвращение народу денежных сумм»?

Социал-Демократическая Партия, как сказано, должна ставить задачей, чтобы наибольшая часть государственных налогов падала на наиболее богатые классы и наибольшая часть возвращалась народу для удовлетворения его потребностей, в том числе и потребностей продовольствия *).

Рассмотрим четвертый пункт «учреждение крестьянских **) комитетов а) для возврата сельским обществам (посредством экспроприации или, — в том случае, если земля переходит из рук в руки, — выкупа и т. п.) *тех земель*, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат (а которые не служат? X) в руках помещиков орудием для их закабаления».

Допустим пока, что этот пункт был бы принят Социал-Демократической Партией. Как она отнесется, если «крестьянские комитеты»

*) Расхищение государственных земель в виде распродажи за бесценно практикуется теперь и справедливо возбуждает негодование всех. Возможно, что такую меру после революции предпримет буржуазия, как было во Франции. Социал-Демократическая Партия будет *бороться против этого*.

**) В предыдущих пунктах партия выставляет требование уничтожения условий и полного гражданского равенства, но наряду с этим требуется учреждение «крестьянских комитетов», т. е. сословных. *Дворянские* комитеты были в сословном государстве, а задача Социал-Демократической Партии — снести сословные перегородки.

найдут этот пункт неудовлетворительным и захотят не отрезков только, а всей помещицъей земли?

Допустим далее, что крестьянские комитеты находят, что им достаточно и отрезков. Для чего же Соц.-Дем. Партия требует этих отрезков? В программе говорится, что — для уничтожения кабальных отношений в деревне, потому что «отрезки являются *главнейшим* базисом отработочной системы, преобладающей не менее как в 17 губерниях России»; что наделение отрезками поведет к развитию капиталистических отношений. Это едва ли доказуемо. Наделение отрезками есть *наделение мелкими участками земли*, но основанное не столько на потребностях крестьянского хозяйства, сколько на историческом «предании». «Отрезки» можно рассматривать или как чересполосность помещицъих и крестьянских земель, или как добавочное наделение малоземельных крестьян землею.

Если их рассматривать как чересполосное владение, то значит допустить, что межевые неурядицы являются «главнейшим базисом отработочной системы», что едва ли кто-нибудь будет утверждать. Если отрезки являются добавочным наделением землею, то нужно рассмотреть, достаточно ли отрезков для уничтожения кабальных отношений, так как, с этой точки зрения, кабальные отношения есть результат малоземелья.

Слово «отрезки» употребляется многими в двух смыслах, поэтому мы рассмотрим то и другое их понимание.

Под «отрезками» понимается, обыкновенно, та часть земли, которая была во время крепостного права в пользовании крестьян и которая при отмене крепостного права перешла к помещику. Это понимание наиболее правильное и точное. Размеры этих «отрезков» находятся в зависимости от двух условий: от размеров крестьянского землепользования в крепостную эпоху и размеров надела крестьян после реформы. Отрезки будут разностью между этими величинами. А так как крестьянское землепользование во время крепостного права ограничивалось барщинными запашками, то первая величина находится в зависимости от того, были ли крестьяне барщинными или оброчными. Следовательно, там, где крестьяне были барщинными (главным образом в центральном земледельческом районе) эти отрезки будут ничтожными, а там, где были оброчными, — вся помещицъя земля может составлять «отрезки». Таким образом размеры отрезков и их значение обуславливается комбинацией исторических условий. В Вольском уезде, напр., крестьяне каждой группы имений *потеряли* следующий % земли, бывшей в их пользовании во время крепостного права:

Имена менее	100 дес.	8,2%
от 100 до 500	»	28,8%
» 500 » 1.000	»	30,4%
» 1.000 » 5.000	»	43,4%
» 5.000 » 10.000	»	56,5%
Имена более 10.000	»	74,6%

Очевидно, в мелких имениях или во время крепостного права был большой % земли занят барщинной запашкой, или после отмены крепостного права крестьяне получили большие наделы. В большинстве случаев нужно допустить первое предположение *). Таким образом «отрезки» в том смысле, в каком и следует их понимать, в мелких и средних имениях не играют почти никакой роли, между тем как в крупных имениях они составляют огромную часть помещичьей земли, а в некоторых из них всю землю. Но это не значит, что в последних случаях существуют кабальные формы аренды, а в первых — капиталистическая аренда. Может быть как раз наоборот: там, где вся земля, бывшая в пользовании крестьян во время крепостного права, находится под распашкой и выгон арендуется. Может быть и другая комбинация: свою землю деревня может оставить под выгон, а арендовать пашню. Во всяком случае кабальные формы аренды обуславливаются не чересполосностью **), а недостатком земли для поддержания *всех продовольственных хозяйств*. Мы подчеркиваем слово *всех*, потому что *всей* помещичьей земли не хватит для *всех* хозяйств.

При развитии индустрии, при наличности различных заработков и при повышении потребностей крестьян значительная часть деревни X должна бросить ведение самостоятельного хозяйства, так как деревни Y и Z могут платить высшую продовольственную ренту.

Итак, аграрная программа «Искры» и «Зари» в 3 и 4 пунктах противоречит тем основным принципам, которые ставит и должна ставить социал-демократия. Кабальные крепостнические отношения уничтожаются развитием капиталистических отношений, т.-е. тогда, когда крестьянин, не имея достаточно земли, бросает ее, чтобы пре-

*) В Вольском уезде из 100 дес. в средних и мелких барщинных имениях в пользовании помещиков было 59,7, а в оброчных только 16,6 десятины.

**) Обыкновенно кабальная аренда чересполосных ловушек, клипов служит лишь признаком недостаточности земли. Чересполосными могут быть и земли крестьян между собой. Из текста видно, что деревня X будет в большей кабале при отсутствии чересполосности, если она имеет только участок А, чем деревня Z, которая имеет чересполосно, кроме участка А, еще В, С и Д.

вернуться в наемного рабочего, или тогда, когда он имеет *много* земли и может развивать свое хозяйство, накапливать, приобретать улучшенные орудия, словом, когда хозяйство может превратиться или в мелкое, или в крупное капиталистическое хозяйство. Но насаждать капитализм, разумеется, не дело социал-демократической партии. Это помимо желаний какой бы то ни было партии случится, если крестьянское землепользование расширится так же, как на восточных окраинах России: почти полное отсутствие помещичьей земли и более резкое разложение крестьянства существует *даже теперь* при абсолютизме.

Эксплоатация не уничтожится и не ослабится, если рабочие разделят имущество богачей между собой, если крестьяне получают по добавочному клочку земли. Нужно реорганизовать *производство* на других началах, нужно организоваться эксплуатируемым, чтобы бороться с эксплуатацией во всех ее формах, а не превращать крупную собственность в мелкую и обратно. Может быть крестьяне *все* хотят быть богатыми собственниками, но это не значит, что С.-Д. П. должна поддерживать такую надежду. Такие надежды вольно или невольно сеются демократами-революционерами с их универсальной программой. Но С.-Д. П. в то же время должна разрушать все наиболее тяжелые формы эксплуатации. Когда крестьянин бросает землю, потому что ее нет, или ведет хозяйство при недостаточном ее количестве, тогда нет почвы и для кабалы. Наделение же мелкими участками *создает* эту кабалу.

Наконец, следует посмотреть, насколько технически осуществимо наделение отрезками. Вообще изменения землевладения с 1861 г. мало исследованы, но есть следующие данные по Вольскому уезду Саратовск. губ. «Из 99 населенных дворянских имений восемь полностью поступили в наделы крестьян». Из 99 имений только 18 остались в руках старых владельцев или их наследников, 33 имения целиком перешли в другие руки и 16 — частью. Значительная часть земель перешла в руки крестьян, но *не всегда* в руки тех, от которых отрезаны; напр., *покутали общества государственных* крестьян. Следовательно, *возвращение отрезков* предполагает экспроприацию не только помещиков, но и крестьянских общин, купивших у помещиков земли, бывшие до 1861 года в пользовании других крестьян, т.-е. возвращение отрезков предполагает экспроприацию в несколько раз большего числа собственников, чем экспроприация всего крупного землевладения.

Итак, наделение отрезками является, во-первых, мерой реакционной, закрепляющей кабалу мелких хозяев землевладельцам и лишь

выгодной для последних, во-вторых, мерой неисполнимой во всей ее полноте, так как ведет к экспроприации огромного числа мелких собственников. С.-Д. П., разумеется, не может принять программу, противоречащую ее основным принципам *).

Аграрную программу партии соц.-революционеров гораздо труднее критиковать, потому что в основе ее лежат демагогические задачи и полное отсутствие каких-либо твердых принципов: партия ставит задачей возбуждать крестьянство наиболее заманчивыми для него требованиями, не считаясь с тем, насколько эти требования соответствуют социалистическим задачам и к каким последствиям они приведут.

Поскольку соц.-революционеры выставляют демократические требования, постольку их деятельность, как демократов, является прогрессивной.

Обращаясь к рабочим, соц.-рев. не могут прибегать к тем же демагогическим приемам, к каким прибегают, обращаясь к крестьянству, потому что и рабочие и сами соц.-революционеры сознают, что сжигание фабрик, раздел фабричного имущества между рабочими, убийства фабрикантов и пр. не принесут пользы рабочему движению, а только вред.

Так как для большинства крестьянства наиболее соблазнительной перспективой является возможность укрепить свое мелкое хозяйство, то центральным пунктом «программы» с.-р. п. является поддержание надежды на такую возможность. «Для крестьянства на первую очередь мы ставим социализацию земли **), т.-е. переход ее в собственность всего общества и в пользование трудящихся», ритом «в уравнительное пользование» мелких собственников ***). Демократы вполне

*) По некоторым соображениям, может, пожалуй, показаться, что в данном случае основным принципом можно пожертвовать ради тактических соображений, а именно, чтобы не испугать либеральную буржуазию и землевладельцев более крайними требованиями. Но такое соображение не может быть принято Соц.-Демократической Партией. Буржуазные классы одинаково будут пугаться соц.-демократии как таковой, пока она остается верна своим принципам, и партия не должна при выработке программы ради этого делать компромиссов.

**) Расширение крестьянского землевладения называется «социализацией земли», «полусоциалистической мерой». Может быть, демократы в ближайшем будущем придумают какую-нибудь меру, какую назовут «на три четверти социалистической».—Это еще соблазнительнее будет для тех, кто не имеет никакого понятия о социализме.

***) Буржуазные противники социализма обыкновенно говорят, что социалисты хотят разделить собственность поровну между всеми, и часто высчитывают, по скольку рублей придется на человека. Разумеется, соц.-демократы

резонно рассуждают, что чем больше обещать в ближайшем будущем, тем более можно привлечь, хотя бы на время, малосознательных элементов из всего общества. Так как все крестьяне, имеющие свое хозяйство, стремятся укрепить его, то всем крестьянам покажется наиболее соблазнительным обещание общего экономического благополучия и равенства; такая программа покажется соблазнительной и тем, кто имеет слабость к *слову* социализм. Разумеется, кто знает, что *в настоящее время* в огромной части России существует «социализация земли», такой «социализм» покажется сомнительным. Земля принадлежит *или* общинам, *или* государству в Архангельской, Вологодской, Оренбургской губ. и в Уральской обл. и во всей Сибири. Правда, там крестьяне от социализма, вероятно, дальше, чем в центральной России, но зато крестьянская буржуазия развивается с большим успехом благодаря тому, что ей больше простора *). Как сами революционеры-демократы, так и малосознательное крестьянство не могут предвидеть (это астрология), что право собственности на орудия производства ведет к тем большему развитию капитализма, чем больше развиваются производительные силы населения, чем меньше оно грабится правительством. Демократы, поддерживая у *всего* крестьянства надежду на развитие своего хозяйства, бессознательно обманывают значительную его часть, так как беднейшая его часть будет действовать в руку жакеточной. Этот обман замазывается такой *фразой*: «современное крестьянское движение... теперь выставило полусоциалистическую программу: земля не должна быть частной собственностью; она может лишь находиться в справедливом уравнительном пользовании, и притом непременно в пользовании тех, кто сам лично трудится, живет своим трудом; продукт труда должен принадлежать труду». Итак, не только *все* крестьяне, но и $\frac{9}{10}$ городского населения, которое так или иначе эксплуатируется, могут па второй же день после революции пойти в деревню, где их не будут эксплуатировать, где «продукт труда будет принадлежат самому труду». Правда, половина крестьянства и все городское население не имеют необходимых орудий производства, но «уравнительное пользование землей» предполагает и уравнительное пользование орудиями производства, так как без

ничего подобного не проектируют. Такой смехотворный «социализм» исповедуется только соц.-революционерами, к которым буржуазные критики и могут адресоваться с расчетами, по сколько лошадей, коров и т. п. придется на душу «при уравнительном пользовании» землей. Есть «социалисты» и социалисты.

*) Может быть, и там революционеры-демократы вздумают «уравнять» крестьян?

этого «пользование землей»—одна пустая фраза *). Итак, к чему рабочим 8-час. рабочий день, фабричные законы и прочие «буржуазные» требования, когда можно устроиться таким образом, что *«продукт труда будет принадлежать самому труду»?*! Это программа «*minimum*»: на меньшее демократы-революционеры не согласны. Не удивительно, что с такой «программой» всякий научный анализ экономических явлений должен казаться «астрологией» и свобода от науки должна быть девизом такой партии. Соц.-Дем. Партия не может и не вправе *так* ставить вопрос, потому что это партия не только настоящего, но и партия *будущего*: она не только должна предвидеть результаты своей деятельности для ближайшего будущего, но и должна ставить свои требования так, чтобы те классы общества, которые она ведет, не были обмануты ложной перспективой; она не может подсовывать под флагом социализма полусоциализма, четверти его и т. п., таких требований, которые ничего социалистического не имеют; она не может крестьянскому и городскому пролетариату подсовывать, якобы в его интересах, таких требований, от которых выиграет другой класс. Соц.-Дем. Партия должна примириться с тем фактом, что миражный социализм демократов соблазнительнее для массы крестьянства, чем настоящий социализм, что в ближайшее время, при господстве абсолютизма, замученное, темное крестьянство с большей охотой бросится искать сейчас же «праведной земли», чем систематически бороться за социалистический идеал, осуществимый не в ближайшем будущем. Вообще Соц.-Дем. Партия не должна и не может конкурировать с демократической партией размерами обещаний и приспособляться к тому или иному классу только потому, что он *в настоящее время* является оппозиционным. Оппозиционны в настоящее время и сознательная часть буржуазии и *все* крестьянство, поскольку оно сознает, откуда происходит гнет его, как сословия. Но оппозиционная сегодня, значительная часть крестьянства после революции будет оппозиционна пролетариату. *Это испытала Западная Европа.* Поэтому *теперь же* следует часть крестьянства оторвать от мелко-буржуазной демократии, чтобы эта часть могла дать отпор удовлетворенной теми или иными демократическими завоеваниями (даже национализацией земли) крестьянской буржуазной демократии. Для социал-демократии важнее привлечение небольшой сравнительно части крестьянства, проникнутой социал-демократической идеей, чем временное возбуждение всего крестьянства, которое, обманувшись в фальшивом социализме, бросится с закры-

*) Мы не знаем секрета, как пользоваться землей тем, у кого нет орудий производства.

тými глазами в руки реакции. Правда, пропаганда социал-демократических идей — работа гораздо более трудная, чем рекомендация всеобщего раздела, но партия не должна останавливаться перед этим. Партия не может, в угоду тому или другому классу, только потому, что этот класс является в данную минуту оппозиционным, жертвовать своим социалистическим идеалом или вводить в заблуждение тот или иной класс. Крестьянство может и в настоящее время дать огромные кадры социал-демократов, если Соц.-Дем. Партия сумеет выяснить свои социалистические задачи.

Правда, менее сознательные и буржуазные элементы крестьянства легче схватятся за утопическую, обманчивую программу, но это менее всего желательно для Соц.-Дем. Партии. «Лучше маленький каменный дом, чем большая каменная болезнь». Впрочем, как уже упомянуто, демократическая часть программы Соц.-Дем. Партии точно так же, как и партии революционеров-демократов, может быть воспринята всеми слоями крестьянства. По крайней мере, данные агитационной деятельности, приводимые «Рев. Росс.», подтверждают это. Из процесса петровских крестьян Саратовской губ. о тайном сообществе для поджогов видно, что в этом сообществе принимали участие наиболее зажиточные крестьяне.

«Новых людей» в деревне, по словам корреспондента «Рев. Росс.», «в экономическом отношении можно окрестить названием «хозяйственных крестьян». Наемным трудом они почти (!) не пользуются, если не считать нескольких дней самого страдного времени летом; зимой же они держат по подростку» (это уже не несколько дней!) (см. «Рев. Росс.» № 21. — «Что делается в крестьянстве»). «Безграмотная же или полуграмотная молодежь относится почтительно к ним, как к умственной, а отчасти и экономической силе» (курс. наш). «Трудно себе представить, с какой жадностью набрасывались они на книжки и прокламации... но... «не могу умолчать о том огорчении, которое вынесли наши читатели из отдельных мест брошюр», наивно замечает корреспондент: «рассыпанные в различных местах брошюр предостережения против кулаков они приняли на свой счет». Или: «самым живым и восприимчивым (к идеям соц.-рев.) является зажиточная группа, нанимающая изредка... своих соседей. Обе эти группы выставляют одно и то же требование земли и воли... *)» («Рев. Россия» № 24, стр. 17). Как и всякая демагогическая программа, программа демократов-револю-

*) «Совершенно пока равнодушными... являются пока сельско-хоз. безземельные рабочие-баграки», — добавляет корреспондент. Еще бы, землю нельзя есть: при ней нужно крепкое хозяйство!

ционероv стремится опуститься до логики малосознательной толпы, а не поднять эту толпу до сознательного отношения к действительности. Существует экономическое неравенство, как результат эксплуатации— нужно разделить поровну все, — это социализм. Существует экономический и политический гнет — нужно поджигать, — это политическая и экономическая борьба. Все средства хороши, потому что неясно, которые действительно хороши.

Мы *мимоходом* затронули программу демократов-революционероv потому, что в сущности никакой программы, кроме требования разделить землю поровну, у них нет, да едва ли и может быть. Что еще можно добавить к такому «требованию»? Организации артелей и кооперативов нельзя «требовать», а можно только рекомендовать и только тогда, когда будет свергнут абсолютизм. Артели, конечно, хорошее дело, и можно только одобрить желание демократов бороться в будущем за организацию крупного хозяйства на кооперативных началах, хотя это и не остановит быстрого развития капитализма в демократическом государстве.

Но, в некоторых случаях, выкуп крестьянами отрезков может повести к укреплению мелкого продовольственного хозяйства и к удержанию крестьян около земли. Например, дарственники в настоящее время в значительном количестве переходят к кустарным промыслам или просто уходят на заработки в город и т. п., чтобы найти какой-нибудь заработок, потому что имеют ничтожные клочки земли, не играющей почти никакой роли в их бюджете. При таких условиях продовольственная аренда понижается, и крестьяне пролетаризируются. Чем более благоприятны условия для развития производительных сил, тем легче этой части населения бросить свое хозяйство и найти другие заработки. Эта часть населения, получивши отрезки, т.-е. клочки земли, которые, будучи недостаточны для ведения самостоятельного хозяйства, тем не менее дают некоторое количество необходимых продуктов, будет иметь и возможность повысить продовольственную аренду до *maximum'a*.

Поэтому такого рода наделение земель наиболее малоземельных крестьян рекомендуется и землевладельцами, так как ведет к повышению продовольственной аренды. Для повышения аренды нужно, чтобы крестьянское хозяйство имело не слишком мало земли и не слишком много. В большинстве случаев наделение крестьян «отрезками» и представляет ту золотую середину, повышающую продовольственную аренду до *maximum'a*: при недостатке земли хозяйство пролетаризируется и побивается капиталистической рентой; при обилии земли оно будет платить только капиталистическую ренту, потому

что своей земли достаточно для наиболее настоятельных потребностей. А так как даже *всей* земли центрального черноземного района недостаточно для *всех* продовольственных хозяйств, то увеличение мелкого крестьянского землевладения поведет к наиболее сильной конкуренции между продовольственными хозяйствами из-за помещичьей земли. Поэтому старые народники вполне правы, утверждая, что некоторое повышение благосостояния крестьянских хозяйств (а не потребностей) выгодно и для крупных землевладельцев, но не для капиталистического хозяйства. Для наивысшей продовольственной (кабальной) аренды не только необходима наличность в хозяйствах средств производства, но и участков земли, недостаточных для удовлетворения наиболее настоятельных потребностей. Поэтому наделение отрезками упрочит продовольственную аренду.

На это может быть возражение, что наделение отрезками имеет значение, как средство уничтожить кабальные формы аренды *этих* отрезков, а не увеличение и упрочение мелкого продовольственного хозяйства. Однако нетрудно заметить, что в этом возражении есть логическое противоречие. Наделение клочками земли есть *наделение землей в недостаточном количестве* для ведения прогрессирующего хозяйства и достаточное для упрочения продовольственного арендующего хозяйства. Следовательно, наделением недостаточного количества земли продовольственное хозяйство делается прочнее. Но уничтожаются ли этим кабальные формы аренды—это нужно еще доказать. Мы доказывали, что они упрочиваются, так как увеличивают число мелких собственников-конкурентов при аренде помещичьей земли.

Можно понимать под «отрезками» и нечто другое, а именно те клочки земли, которые вклиниваются или вкраплены в крестьянскую землю, т.-е. являются результатом межевой неурядицы, или те клочки земли, которые наиболее необходимы для крестьян. Правда, такое понимание «отрезков» неправильно, так как вклиниваться в крестьянскую землю могут те участки, которые когда-то были под барщинной запашкой, но допустим такое понимание. Очевидно, что, во-первых, такое глубокое социальное явление, как кабальная аренда, нельзя сводить к межевой неурядице: это было бы упрощенным решением экономических явлений. Во-вторых, из анализа продовольственной аренды легко увидеть, что для земледельческого хозяйства необходим некоторый *minimum* земли. Крестьянин может при отсутствии или недостатке земли заниматься другими промыслами, но раз он занимается земледелием, то для удовлетворения своих потребностей ему нужно земли столько, чтобы можно было удовлетворить свои потребности.

Допустим, что деревня X имеет участок A, недостаточный для запашки под хлеб. Для поддержания продовольственных хозяйств нужна аренда еще участка B для запашки, участка C — для выгона, так как своя земля находится под распашкой, участка D — для покоса и некоторое количество леса. Все эти участки *необходимы* для хозяйства деревни X. Деревня Y имеет участки A и B, т.-е. пашню в достаточном количестве, если распахивается вся земля. Очевидно, необходимы выгон, покосы и лес. Деревня Z имеет участки A, B и C. *Необходимы* покосы и лес. Конечно, существуют различные комбинации распределения угодий, но основное условие существования maximum'a продовольственной аренды, — несоответствие количества земли потребностям хозяйства. Если деревня X арендует выгон за отработки и пр., то потому, что земли мало: она досталась им, и могут после реформы существовать кабальные формы аренды, если крестьянское землепользование таких размеров, что аренда земли, когда-то бывшей под *барщинной* запашкой, является необходимой для поддержания существования продовольственных хозяйств крестьян. Если же при наличии больших отрезков условия крестьянского землевладения благоприятны для развития капиталистической ренты, то будет существовать и капиталистическая рента. Так, в черноземных губерниях на южной и восточной окраинах отрезки значительных размеров, так как раньше эти окраины были меньше населены и крестьянские выгоны и пустоши занимали большой район. Но и теперь в этом районе преобладает капиталистическая аренда, так как продовольственная не может подняться до высоты первой, хотя местами и существует аренда за отработки.

Проект аграрной программы.

В интересах защиты мелких собственников (а не развития мелкой собственности) и уничтожения крепостнических, кабальных отношений, мешающих свободному развитию демократического строя, и для облегчения классовой борьбы в деревне партия будет добиваться:

1. *Отмены всех сословных стеснений крестьян и крестьянской собственности **). Это требование вытекает из общего требования полной равноправности граждан.

2. *Отмены всех платежей, связанных с сословной обособленностью крестьян.* Это требование вытекает из общего требования отмены существующих налогов и замены их прогрессивным подоходным налогом.

3. *Конфискации церковных, монастырских и удельных земель и передачи их во владение демократического государства для наиболее удобного пользования ими населением.*

Это требование вытекает из требования передачи законодательства выборным парода.

4. Соц.-Дем. Партия не может взять на себя задачу вперед пред-решить, в какой конкретной форме народное представительство использует земельный фонд, находящийся в его руках. Это зависит от многих условий. Задачей Соц.-Дем. Партии при каких бы то ни было формах капиталистического строя остается требование от органов правления защиты интересов трудящихся масс, лишенных средств производства, т.-е. земледельческого и промышленного пролетариата.

5. *Обложения прогрессивным налогом земельной ренты крупных землевладельцев, чтобы эта форма дохода перешла в руки демократического государства на нужды парода.*

*) Общинное землевладение является стеснением земельной собственности, поскольку оно является сословным. Городское землевладение является также «общинным», но менее стесненным сословно-бюрократическими путями. Поэтому второй пункт, само собой разумеется, предоставляет право продажи своего земельного надела или общине, или посторонним лицам.

Земельная рента является доходом, основанным на монопольном пользовании землей, и может возрастать не только от развития производительных сил населения, а от его нужды в земле. Поскольку землевладелец является предпринимателем, он получает прибыль от эксплуатации труда, стремясь к наиболее производительной его организации. Поскольку же он является только собственником земли, он получает доход, как монополист. Соц.-Дем. Партия, стремясь к организации социалистического производства и экспроприации орудий и средств производства, в ближайшем будущем не может уничтожить капиталистических отношений, основанных на праве частной собственности, но она может экспроприировать или землю, или доходы, вытекающие из монопольного владения ею, как противоречащего интересам всех других классов, кроме монопольных владельцев. Прогрессивное обложение земельной ренты поведет лишь к организации более производительного земледельческого хозяйства, так как на ренту землевладелец уже рассчитывать не может.

6. *Уничтожения долговых обязательств, носящих кабальный характер.*

7. *Соц.-Дем. Партия стремится, чтобы в ближайшее время часть частновладельческих земель (крупное землевладение), а если возможно и все земли перешли во владение самоуправляющихся крупных общественных организаций (земства).*

Но, ставя конечной целью организацию социалистического строя, она не примет непосредственного участия в борьбе из-за расширения права собственности на землю между различными сословиями. Ее участие в этой борьбе будет лишь постольку, поскольку возможно расширение общественной собственности на счет личной. Кому бы ни принадлежало в капиталистическом государстве право собственности на землю, земледельческий как и промышленный пролетариат не может избавиться от эксплуатации, пока орудия производства находятся в частном владении. Но пролетариат заинтересован в демократизации земельной собственности, так как этим подрывается в корне сословное государство. Замена дворянского землевладения общественным сама по себе не уничтожит эксплуатации земледельческого пролетариата, а лишь обнажит классовую борьбу, скрытую теперь сословными отношениями. Для этого у Соц.-Дем. Партии есть два пути: или экспроприация земли, возможная в момент революции, или (ч. 5) экспроприация земельной ренты в форме налога, т.-е. постепенно.

8. Ставя задачей замену частной собственности на средства производства общественной, Соц.-Дем. Партия может этого достигнуть лишь тогда, когда и земля и капитал будут экспропрированы для

планомерного общественного производства. Такого рода экспроприация не может произойти до возникновения или во время возникновения демократического строя. Лишь демократия, достаточно подготовленная к организации общественного производства, может ставить ближайшей целью осуществление социалистического строя. Поэтому *экспроприация средств производства в настоящее время является максимальным требованием, неосуществимым в ближайшее время, но являющимся исходным пунктом программы Соц.-Дем. Партии.*

Уже по самым своим задачам Соц.-Дем. Партия не может иметь в настоящее время такого успеха среди малосознательного крестьянства, как демократическая партия, которая наряду с демократическими требованиями укрепляет надежду в упрочении мелкой собственности разделом крупной. Лишь внедрение социалистического сознания среди наиболее сознательных передовых элементов крестьянства может пополнить кадры Соц.-Дем. Партии крестьянством. После революции, когда разрушится современный сословный строй, гораздо яснее будет для большинства крестьян, что соц.-демократия составляет единственную партию, которая окончательно поможет ему избавиться от всех форм эксплуатации. Как партия, ставящая задачу бороться *до конца* с эксплуатацией, социал-демократия может смотреть на *демократически* настроенное большинство крестьянства, как на союзников до революции, не поступаясь своими социалистическими задачами. Если не до революции, то после ее большинство демократов-крестьян превратится в *социал-демократов*. Это сделает экономическая необходимость, с одной стороны, Соц.-Дем. Партия — с другой, потому что демократизация земельной собственности обострит лишь классовую борьбу не только внутри демократического государства, но и на почве местного самоуправления. Эту борьбу Социал-Демократическая Партия поведет с тем большим успехом, чем целесообразнее она поставит свои задачи в настоящее время.

Икс.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) *«Начало»*—орган легального марксизма под ред. Струве и Туган-Барановского; выходил в течение 5 месяцев в 1899 г.; разрешение на издание журнала было дано провокатору Гуровичу для слежки за соц.-демократическим движением, но очень скоро департамент полиции убедился, что журнал, сверх ожидания, является центром соц.-демократической пропаганды, и прикрыл его. В журнале была напечатана одна глава из книги В. И. «Развитие капитализма в России»—«Вытеснение барщинного хозяйства капиталистическим».

2) *Булгаков*—представитель т. наз. «легального марксизма» в 90-х г.г. вместе с Струве и Туган-Барановским; он очень скоро перешел в ряды «критиков Маркса» в аграрном вопросе («Капитализм и сельское хозяйство»), а потом покатился по наклонной дорожке «от марксизма к идеализму». Проповедь мистицизма, совершенствование личности в целом ряде статей и книг, участие в знаменитых «Вехах» сделали его одним из вождей общественной реакции, охватившей русское общество после разгрома 1-ой русской революции в Столыпинские дни.

3) *К. Каутский*—крупнейший теоретик марксизма и видный деятель немецкой с.-д-тии. Основал с Дидцем в 1883 г. руководящий орган с.-д. партии «Новое Время», был близким сотрудником газеты Ц. К. партии «Вперед». Его работы: «Эрфуртская программа», где с наибольшей точностью изложена программа с.-д-тии, «Аграрный вопрос», «Экономическое учение К. Маркса», ряд исторических трудов, освещающих крупнейшие эпохи прошлого с точки зрения классово-вой борьбы, приобрели международное значение. Представитель строго ортодоксального марксизма, он вел упорную борьбу с критиками, особенно с «ревизионизмом» Бернштейна. К его авторитету за решением сложных социально-экономических проблем, программных и тактических задач, какие только выдвигает современность, обращались неоднократно представители международного социализма. Когда наступила империалистская война 1914 г., Каутский растерялся, не поднял авторитетного протеста против соглашательской позиции немецкой с.-д-тии и очутился в рядах колеблющихся «независимых». К русской пролетарской революции Каутский отнесся отрицательно, обнаружив свойственные русским меньшевикам качества: оппортунизм и сильное преклонение перед буквой, а не духом Марксова учения (см. брошюру В. И.: «Пролетарская революция и ренегат Каутский» в XV томе Собрания сочинений).

4) *Каблюков*—видный статистик, проф. Московского университета и заведующий статистическим отделом Московского губернского земства; поставил на образцовую высоту статистическое дело в Московской губ.; специалист в области теории сельско-хозяйственной промышленности; его труды: 1) «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве» и 2) «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России».

5) *Гл. Успенский* (1840—1902 г.г.)—писатель-народник, бытописатель провинциального и столичного пролетариата, потом крестьянства в эпоху разложения его патриархального быта под влиянием нарастающего капитализма («Разорение», «Новые времена—новые заботы» и т. д.). Рецепт исцеления социальных зол, по Успенскому, — «власть земли», как основа и хозяйственных, и моральных устоев.

6) *Дионео* (псевдоним Шкловского)—эмигрант-либерал, сотрудник «Русских Ведомостей» и «Русского Богатства»

7) «*Новая Рейнская Газета*»—издавалась в Кельне кружком коммунистов во главе с Марксом и Энгельсом (1/VI-1848—19/V-1849)—в самый разгар немецкой революции. Это ярко революционный орган, поддерживавший в качестве крайнего левого крыла буржуазную демократию. Маркс считался с тогдашней отсталостью германских общественных отношений, а с другой стороны, еще не потерял надежды на революционные способности немецкого бюргерства: отсюда его попытка известного, хотя бы временного, политического контакта с ним. Когда укреплявшаяся реакционная власть стала давить на буржуазное Национальное Собрание, газета призывает народные массы противопоставить реакционным силам тоже силу—вооруженного восстания, организовывать комитеты общественной безопасности, захватывать всюду коммунальные советы. Сочувствие «Н. Р. Г.» майским инсургентам 1849 г. повело к ее закрытию властями. Последним прощальным словом ее сотрудников было: «Освобождение рабочего класса».

8) *Легальный марксизм*—оппортунистическое течение в рядах русской с.-д-тии 90-х г.г.; его главные представители—Струве, Булгаков, Тугай-Барановский—стремились облечь революционные идеи марксизма в легальные рамки ученой, чисто теоретической разработки экономических вопросов, рабочего движения, чтобы иметь возможность высказаться при существовавшем тогда цензурном гнете со стороны самодержавия. Такое приспособленчество невольно понижало силу и ценность боевых лозунгов, постепенно подменяло их мыслями о сотрудничестве классов, о мирной эволюции к социализму и т. д.; представители «легального марксизма» постепенно переходили в стан буржуазных идеологов.

9) *Парвус*—некогда видный работник немецкой, потом русской соц.-демократии, работал вместе с Троцким в «Начале» и в «Русской Газете», где отстаивал идею «перманентной революции»; после разгрома Петербургского С. Р. Д. 3/XII—1905 г. был председателем кратковременного его преемника в декабре 1905 года.

В империалистскую войну—рenegат социализма, ставший защитником Вильгельма II и хищнической немецкой буржуазии.

10) *Чернов В.*—народник; ученик Михайловского, потом лидер партии с.-р. Во время империалистской войны стоял на Циммервальдовской платформе. Когда разразилась 2-ая русская революция, вошел в коалиционное правительство Керенского, где стал лавировать между интернационализмом и оборончеством. Октябрьская революция отбросила Чернова вправо. После неудачного дебюта в качестве председателя Учредительного Собрания, Ч. скоро оказывается в стане контр-революции под защитой забунтовавшихся чехо-словаков. С тех пор продолжает бороться против Советской власти.

11) «*Русское Богатство*»—ежемесячник народников, выходивший в Петербурге с 90-х годов под редакцией Н. Михайловского и В. Короленко. Его сотруд-

ники Мякотин, Петрищев, Пешехонов, Елпатьевский организовали в 1906 г. народно-социалистическую партию.

¹²⁾ *«На славном посту»* — сборник статей в честь П. К. Михайловского. М.—видный теоретик народничества, «властитель дум» второй половины 70-х г.г. Ярко выдвинул в своих работах идею «долга перед народом», который должны уплачивать «кающиеся дворяне». Идеализирует крестьянское «трудовое» хозяйство, как полную противоположность буржуазному. Долго колеблется между старым народническим аполитизмом—народу нужна не конституция, а земля, конституцией воспользуется только дворянство—и требованием представительных учреждений. Примыкает к «народовольцам», не порывая с легальной средой, составляет знаменитое письмо Исполн. Комитета Народной Воли к Александру III после 1/III—1881 г. с требованиями Учредительного Собрания и народоправства. В 80-х г.г. борется с дворянской реакцией. С появлением в 90-х г.г. «легального марксизма», ведет с ним ожесточенную полемику. Из школы Михайловского вышли многие н.-с. (члены редакции «Русского Богатства») и с.-р. (В. Чернов и друг.).

¹³⁾ *Герц*—один из критиков Маркса в аграрном вопросе. Его книга «Аграрные вопросы с точки зрения социализма» доказывает живучесть мелкого землевладения в современном капиталистическом обществе, вопреки теории Маркса.

¹⁴⁾ *Брентано*—представитель современной немецкой буржуазной экономической науки, проф. Мюнхенского университета, тонкий защитник буржуазных интересов под флагом наилучшего, с ученой точки зрения, разрешения социального вопроса. Главные его тезисы: 1) Марксова трудовая теория ценности—неверна; 2) неверно и вредно учение Маркса о прибавочной ценности, ввиду социальных заслуг предпринимателя; 3) только создание планомерной организации из рабочих и предпринимателей, охватывающей все отрасли труда, только «гармония классов» сможет облегчить недуги капиталистического общества.

¹⁵⁾ Книга П. Струве *«Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России»* подробно разбирается В. И. в статье: «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». См. II том Собрания сочинений.

¹⁶⁾ П. П. Маслов—меньшевик, автор ряда исследований по аграрному вопросу в России. В 1903 г. (до II съезда Р. С.-Д. Р. П.) Маслов, подписавший свою брошюру буквой Х, выступил против аграрной части проекта программы Р. С.-Д. Р. П., принятой затем II съездом. Н. Ленин отвечал тогда Маслову специальной статьей, перепечатанной в этом томе.

В 1905 г. Маслов выступил с проектом «муниципализации» земли и защищал его на объединительном съезде в качестве докладчика от фракции меньшевиков. Проект «муниципализации» как с теоретической, так и с тактической точки зрения подробно рассмотрен И. Лениным еще раз в работе: «Аграрный вопрос в русской революции 1905—1907 г.г.», которая входит в этот том Собрания сочинений.

¹⁷⁾ *Давид*—видный деятель немецкой с.-д-тии правого ее крыла, защитник мелко-буржуазных крестьянских интересов. Его книга: «Социализм и сельское хозяйство»—ярко «ревизионистского» характера; в ней отрицается марксовский прогноз относительно гибели мелких землевладений и неизбежной их консолидации в капиталистические латифундии. При современных условиях производства, при заокеанской конкуренции будущее принадлежит мелкому

взмелвладению. Империалистская война застала Д. в лагере социал-патриотов-шейдемановцев: онотирует за военные кредиты, стоит за «гражданский мир» с буржуазией. После ноябрьской революции 1918 г. был членом соглашательского правительства в Германии.

Бернштейн—видный теоретик марксизма и представитель оппортунистического течения в рядах немецкой с.-д-тии, а потом и *международного социализма*. Бернштейн в 80-х г.г. стоял на крайнем левом крыле с.-д-тии; судился за оскорбление величества, жил эмигрантом в Цюрихе; отсюда вынужден был переехать в Лондон, где стал учеником Ф. Энгельса. К концу 90-х г.г. он значительно меняет свою позицию. В нашумевшей книге: «Предпосылки социализма и задачи с.-д-тии» Б. подвергает «пересмотру» философское и экономическое учение Маркса. Исторический процесс ведет не к углублению пропасти между враждебными классами—буржуазией и пролетариатом, а к ее заполнению; ожидание социалистического переворота, «прыжка из царства необходимости в царство свободы», заменяется верой в постепенное достижение социализма через парламентскую борьбу: фабричное законодательство, демократизация местного самоуправления—важнейшие этапы на путях к конечной цели. Неверен тезис, что у пролетария нет отечества, что социализм знаменует торжество интернационализма. Таково «ревизионистское» течение в рядах с.-д-тии в противовес «ортодоксально-марксистскому», которое возглавлял Каутский. Империалистская война 1914 г. сблизила врагов: Бернштейн сделал шаг налево, Каутский—направо, и оба они очутились в стане «независимых с.-д-тов»,—колеблющегося центра между последовательными революционерами—«спартаковцами» и соглашателями с буржуазией—«шейдемановцами».

¹⁸⁾ *Евгений Рихтер*—вождь партии свободомыслящих (либеральной буржуазии) в Германии, непримиримый враг социализма; наиболее известен его памфлет: «Социал-демократические картинки будущего».

¹⁹⁾ *Исключительные законы против социалистов* в Германии были введены всемогущим диктатором Бисмарком ввиду грозного роста рабочей партии при выборах в рейхстаг (парламент); законы воспрещали сочинения, собрания и союзы, направленные к ниспровержению общественного строя, нарушающие согласие между классами населения. Правительство могло вводить, где нужно, исключительное положение, высылать подозрительных лиц.

Исключительные законы не становили роста социал-демократии; они были отменены в 1890 г., с уходом Бисмарка в отставку.

²⁰⁾ *Н.—он* (псевдоним Н. Даниэльсона)—видный теоретик народничества в известном труде: «Очерки нашего общественного пореформенного хозяйства» (1893). Основной тезис книги—«искусственность» русского капитализма; в России господствует «народное производство» и оторванный от него капитализм, охватывающий лишь «горсть» рабочих; при росте капитализма невозможен рост народного богатства, понижается потребительная способность у народа, сокращается внутренний рынок. *Н.—он*—переводчик, не совсем удачный, «Капитала» Маркса.

²¹⁾ *В. В.* (псевдоним В. П. Воронцова)—видный теоретик народничества в 80-х и 90-х г.г. В главном его труде: «Судьбы капитализма в России» развивается идея творческого бессилия русского капитализма, невозможность для России достигнуть высшей ступени промышленного развития путем капитализма. Нельзя утверждать, что «хозяйственное развитие по типу, указанному Зап. Европой, есть процесс *общий и однообразный*, приводящий к *одинаковым*»

результатам всякую страну». Запоздалость нашего капитализма ведет к тому, что промышленность не может развиваться за отсутствием расхвачанных уже иноземных рынков и за слабостью внутреннего рынка. Необходимо совершенное устранение рынка и планомерная организация производства в прямой связи с потреблением. «Антикапиталистическая» теория В. В. вызвала резкую критику со стороны марксистов, особенно Н. Ленина.

22) *Янсон*—известный статистик, проф. Петербургского Унив-та, известен своими трудами по статистике г. Петербурга.

23) *Герценштейн*—проф. Моск. Сельско-Хозяйственного Института, специалист по аграрному вопросу, кадет, член I Гос. Думы от Москвы; был убит в Финляндии 18 июля 1906 г. черносотенцами, которые обвиняли его в разжигании аграрных беспорядков.

24) *Караваяв*—депутат II Думы от Екатеринославской губ., трудовик, погиб жертвой черносотенного террора.

25) *Н. Суханов (Н. Н. Гиммер)*—начал политическую деятельность в качестве народника, но вскоре перешел к марксизму. «Нефракционный» социал-демократ, интернационалист, позднее—меньшевик. Один из редакторов интернационалистского социал-демократического журнала «Летопись» в эпоху войны и редактор Горьковской «Новой Жизни» после февральской революции. Член И. К. Петербургского Совета первого состава, вместе с Ю. М. Стекловым и Н. Д. Соколовым вел переговоры и заключил соглашение с Комитетом Государственной Думы о составе первого Времени. Правительства. Автор «Записок о русской революции».

26) «*Заветы*»—эс-эровский журнал, выходивший в годы реакции при главном участии В. Чернова. В «Заветах» был помещен роман Савинкова-Ропшина: «То, чего не было».

27) *Группа «Освобождение Труда»*—первая русская революционная группа за границей, ставшая на почву научного социализма. В ее состав вошли в 1883 г. бывшие народники-чернопередельцы—Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод и В. Н. Игнатов. Группа занялась изданием «Библиотеки современного социализма», куда вошли в русском переводе важнейшие произведения Маркса и Энгельса. В 80-х г.г. появляются самостоятельные работы Плеханова и Аксельрода, преимущественно по вопросам критики русского народничества, а в 1884 г. группа выпускает «Проект программы русских социал-демократов». В начале 1895 г. по инициативе группы был основан Союз русских социал-демократов, при чем редакция изданий Союза принадлежала группе. В ноябре 1898 г. на I съезде Союза группа отказалась от редактирования его изданий, разойдясь с большинством членов Союза (Кричевский, Акимов, Иваньшин, Прокопович, Кускова и др.) в оценке очередных задач рабочего движения в России. В апреле 1900 г. на II съезде Союза произошел окончательный раскол. Группа все время неуклонно выдерживала строгую тактическую линию революционного социализма и резко восстала против оппортунизма Союза, который подменил революционные задачи мелкой стихийной борьбой за злободневные экономические интересы. Все попытки в 1901 г. привести к тактическому единству действия группы и Союза не увенчались успехом по вине оппортунистов; в конце 1901 года группа слилась вместе с организацией «Заря» и «Искра» в «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии». Группа принимает ближайшее участие в издании «Искры» и «Зари» и ведет деятельную работу по подготовке II партийного съезда (в области программных и тактиче-

ских вопросов). На съезде Р. С.-Д. Р. П. группа заявляет о прекращении своего обособленного существования.

²⁸⁾ «Рабочее Дело»—с.-д. орган (вышло всего 12 №№, с IV-1899 по III-1902), издавался «Союзом русских соц.-демократов» (редакторы Б. Кричевский, А. Мартынов), выразитель оппортунистических течений в рядах русской с.-д-тии. «Р. Д.» пытается сделать шаг вперед сравнительно с «Рабочей Мыслью», но постоянно срывается в плоскость «экономизма». Тезисы «Р. Д.»: 1) пропаганда «экономистов» и «политиков»—различные, но необходимые *стадии* одного и того же процесса; 2) самое важное—*стихийное* движение рабочих масс; идеологам социал-демократии нужно считаться с особенностями русского рабочего движения на данной ступени его развития; 3) переход к «политике» обуславливается лишь прямой невозможностью при условиях самодержавно-полицейского режима вести стачечную борьбу и т. д.

С тенденциями «Рабочего Дела» вели ожесточенную борьбу «Искра» и Н. Ленин (см. его брошюру: «Что делать?», «Наболевшие вопросы нашего движения» в V томе Собрания сочинений).

²⁹⁾ А. Мартынов (псевдоним А. Пиккера)—видный работник Р. С.-Д. Р. П.; в конце 90-х годов и начале 900-х годов—член «Заграничного Союза русских социал-демократов», один из редакторов «Рабочего Дела», склонился к «экономизму». На II партийном съезде выступил в качестве делегата от Союза, примкнул к фракции меньшевиков. На «объединительном» Стокгольмском съезде, где выступал докладчиком по вопросу о «современном моменте и классовых задачах пролетариата», отверг и бойкотистскую тактику по отношению к Государственной Думе, и радикальный разрыв с буржуазным либерализмом. В 1908 г. принимает горячее участие в меньшевистском «Голосе Социал-Демократа» и вместе с Даном, Аксельродом, Мартовым защищает «ликвидаторство». Империалистская война, расколовшая меньшевиков, привела М. вместе с Мартовым в лагерь «интернационалистов»; характерно, между прочим, его участие в Бернском совещании (5—8 февраля 1916 г.). Теперь Мартынов перешел в ряды Р.К.П.

³⁰⁾ В. Зомбарт—профессор, представитель современной немецкой буржуазной науки. Тезисы Зомбарта: 1) обоготворение инициативы и творческой энергии капитала, открывающих необъятные культурные возможности для человеческой личности; 2) отвращение к американской форме капитализма—трестам, тэйлоризму и т. п., порабащившим личность. Взгляды Зомбарта характерны для психологии вырождающегося рантье.

Прокопович—экономист и общественный деятель. Некогда—член с.-д. партии, защитник «экономизма», отсюда делает следующий шаг, переходит к либералам—вступает в «Союз Освобождения», в октябре 1905 г.—член Ц. К. организованной к.-д. партии, которую скоро бросает, заняв своеобразную позицию «левее к.-д.». Либеральный оппортунизм характерен для Прокоповича во 2-ой русской революции, когда он занимает министерский пост в правительстве Керенского; организатор Кооперативного Института в Москве, автор ряда работ по рабочему вопросу с буржуазно-демократической точки зрения.

³¹⁾ Роза Люксембург—см. прим. 64 к XIV тому Собр. соч.

³²⁾ Надеждин (псевдоним Зеленского)—основатель и редактор изданий революционно-социалистической группы «Свобода» (1901—1903 г.г.). Его собственные работы: 1) «На родной стороне», № 1, 2) «Церковные речи о рабочих невзгодах и волнениях» и 3) «Канун революции».

³³⁾ *С. Ю. Витте*—русский государственный деятель конца XIX в. и нач XX в.; много содействовал развитию капитализма в России: развитием железнодорожной сети, укреплением валюты, протекционизмом. Как политик, Витте—яркий оппортунист: то доказывает в союзе с Победоносцевым несовместимость существования земства с самодержавием, то создает «Совещание о нуждах с.-хоз. промышленности», где с удобством разворачивается земская оппозиция; здесь он сталкивается с новым временщиком, Плеве, и побежденный, отступает временно на задний политический план. Неудачная японская война 1904—1905 г.г. выдвинула его, как единственно годного дипломата, для ликвидации дальневосточного позора. В октябрьские дни 1905 г. «граф Портсмутский» является незаменимой опорой шатающегося престола. Витте создает манифест 17 октября и заводит двойную игру: заигрывает с либералами земских съездов, уговаривается с общественными деятелями о вступлении в его «конституционный» кабинет, одновременно его коллега по министерству Дурново организует патристически-черносотенные банды. Перед созывом I Гос. Думы Витте получил отставку и с тех пор не играл уже видной государственной роли.

³⁴⁾ *«Московские Ведомости»*—орган реакционных дворянских кругов, возглавляемый сначала Катковым, потом Грингмутом. С 1905 г.—центр, около которого группируется «черная сотня».

³⁵⁾ *«Вестник Русской Революции»*—теоретический орган партии с.-р. (№ 1 вышел в июле 1901 года под редакцией Русанова).

³⁶⁾ *«Революционная Россия»*—орган партии с.-р., посвященный *глободневным* вопросам (№ 1 вышел в 1901 г. в Финляндии по инициативе вождей «Северного Союза с.-р.»).

³⁷⁾ Оценку этого манифеста дает Н. Ленин в своей статье в «Искре»: «Самодержавие колеблется» (перепечатана на стр. 216—221 тома IV Собр. сочинений).

³⁸⁾ *Икс*—псевдоним П. Маслова (см. выше прим. 16).

³⁹⁾ *Статью Икса об аграрной программе* с приложением текста программы см. в приложении к этому тому, на стр. 685—705.

⁴⁰⁾ Эта конференция, в которой участвовали представители 26 организаций, в том числе 14 рабочих, выбранных более чем 4.000 организованных членов партии, заменила собой намеченный и объявленный Ц. Комитетом IV-й съезд партии. Съезд не мог состояться, вследствие железнодорожной забастовки, московского вооруженного восстания и других событий того времени. Тогда съехавшиеся делегаты организовали конференцию «большинства».

⁴¹⁾ *«Группа Инициаторов»* по созыву примирительного съезда между различными заграничными ветвями русской социал-демократии. Ее члены Н. Рязанов, Ю. Невзоров (Стеклов), Б. Даневич (Гуревич),—после неудачи «объединительного» съезда в октябре 1901 года выступили, как *издательская группа «Борьба»*.

⁴²⁾ *Аграрный проект Розкова*—«необходима передача крестьянам без выкупа всех тех земель, которые служат орудием для их хозяйственного закабаления».

⁴³⁾ *Икс—Маслов*—см. выше прим. 16.

Громан—меньшевик, статистик по профессии.

⁴⁴⁾ *Грингмут*—известный лидер черносотенцев, редактор «Московских Ведомостей».

⁴⁵⁾ *И. Н. Кутлер*—министр земледелия в кабинете Витте, к.-д. правого крыла, специалист по аграрному и финансовому вопросам.

46) *Всероссийский Крестьянский Союз* — интеллигентская организация во главе с адвокатом Стаалем и писателем Таном, слабо связанная с крестьянскими массами — возник в мае 1905 г. («учредительный съезд» — в конце VII—1905), уже в «дни свобод» (в XI—1905) подвергался репрессиям, и с тех пор фактически существовало только Бюро Союза; организация носила распылчато-народнический характер.

47) *Резолюция объединительного съезда об отношении к крестьянскому движению.*

Принимая во внимание:

1) что крестьянство в своей борьбе за землю и против полицейско-бюрократического строя является в настоящее время революционным сословием;

2) что, с одной стороны, осуществление требований крестьян, как в области земельных отношений, так и правовых, возможно только при общем демократическом переустройстве государственной жизни, а с другой стороны, такое переустройство возможно только при активном участии в революции крестьянских масс;

3) что, вместе с тем, крестьянское движение по существу своему мелкобуржуазно, что уже в настоящее время в деревне образовались классы сельского пролетариата и сельской буржуазии, борьба между которыми только затухает общим гнетом крепостничества, лежащим на крестьянстве в целом, как на низшем полусвободном сословии;

4) что буржуазные партии стремятся использовать и подчинить себе крестьянское движение: одни (с.-р.) в целях утопического мещанского социализма, другие (к.-д.) с целью сохранить до известной степени крупное частное землевладение и, в то же время, удовлетворяя частичными уступками собственническими инстинкты крестьянства, ослабить революционное движение, —

Объединительный съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет:

1) путем всестороннего воздействия на крестьянство связывать его экономические требования с политическими задачами переживаемого революционного момента;

2) создавая всюду, где только это окажется возможным, самостоятельные с.-д. организации сельско-хозяйственных рабочих (пролетариев и полупролетариев), входящие в состав Р. С.-Д. Р. П., в то же время содействовать организации всего крестьянства как путем вступления его в крестьянский союз, пока этот союз остается беспартийным, так и путем образования крестьянских комитетов, советов крестьянских депутатов и т. д., связывая их как между собою, так и с городскими пролетарскими организациями, и стремясь повлиять на их программу и тактику в желательном для с.-д. направлении;

3) обострять столкновения крестьянства с правительством и помещиками, доводя крестьянство до сознания, что его земельные и политические требования могут быть удовлетворены только Всенар. Учр. Собр., и для этого выдвигать революционные требования крестьянства в форме наказов, приговоров и посылкой депутатов во все общественные учреждения до Гос. Думы включительно;

4) удерживая крестьян от аграрного террора, поджогов и т. п., регулировать частичные выступления крестьянства, всеми силами стараясь расширять и согласовать эти действия крестьянства с наступательным движением пролетариата против царизма;

5) вместе с революционным выступлением крестьянства против помещиков рекомендовать бойкотирование местных властей и замену их новыми, по возможности, выборными;

6) в связи с этими массовыми выступлениями революционного крестьянства, доводить его до сознания необходимости вооруженного восстания, одновременного и согласованного с восстанием пролетариата и мелкого мещанства в городах, как единственного, при настоящих условиях, средства добиться созыва Всероссийского Учредительного Собрания;

7) в целях планомерной борьбы крестьянства выдвигать следующие лозунги: уборку хлеба арендаторами с арендных участков без платежа аренды, отказ от платежа налогов, бойкот правительственных учреждений, отказ от поставки рекрут и т. п.

По отношению к с.-х. рабочим съезд считает необходимым, помимо организации их на началах привлечения их в ряды Р. С.-Д. Р. П., образование профессиональных союзов этих рабочих для отстаивания их профессиональных интересов. Как средство, организующее и сплачивающее с.-х. рабочих, съезд рекомендует стачку, с целью увеличения заработной платы поденных и срочковых рабочих и уменьшения отработок за землю для отработочных рабочих.

В целях успешной пропаганды и агитации среди крестьянства, съезд находит необходимым создание соответствующей литературы.

Поддерживая революционные выступления крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель, Р. С.-Д. Р. П. всегда и неизменно будет противодействовать всяким попыткам задерживать ход экономического развития. Стремясь при победоносном развитии революции передать конфискованные земли во владение демократических учреждений местного самоуправления, Р. С.-Д. Р. П., в случае неблагоприятных для этого условий, выскажется за раздел между крестьянами тех помещичьих земель, на которых фактически ведется мелкое хозяйство, или которые составляют необходимые для его округа угодия. При этом партия во всех случаях и при всяком положении демократических аграрных преобразований ставит своей задачей неуклонно стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, предостерегать его от обольщения системой мелкого хозяйства, которая никогда при существовании товарного производства не в состоянии уничтожить нищету масс, и, наконец, указывать на необходимость полного социалистического переворота, как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацию.

48) Докладчиками по вопросу об аграрной программе на объединительном съезде выступали: 1) Ленин, 2) Джон-Маслов, 3) Плеханов, 4) Шмидт-Румянцев и Борисов-Суворов. Речь Плеханова приводится ниже. Содержание остальных докладов см. в перепечатанной в VII томе брошюре В. И.: «Доклад об объединительном съезде». В своем докладе по аграрному вопросу В. И. защищал точку зрения, развитую в брошюре: «Пересмотр аграрной программы рабочей партии». Самого доклада *нет* в «Протоколах Стокгольмского съезда», почему здесь и перепечатывается только заключительное слово докладчика.

49) *Выступление Плеханова по аграрному вопросу.*

Задача съезда заключается в том, чтобы исправить ту ошибку, которая закралась в 1903 году в нашу аграрную программу. Ошибка, несомненно, была; это мы должны признать, и можем позволить себе эту роскошь, ибо мы—един-

ственная партия, имеющая стройное воззрение. Мы критикуем каждое отдельное суждение с точки зрения общих положений нашей программы и устраняем недоразумение, закравшееся в нее в 1903 году. Многие из наших товарищей стояли за отрезки, потому что боялись крестьянской аграрной революции. Она остановила бы в России развитие капитализма. Наша ошибка состояла в том, что наша программа, уже в то время, шла не так далеко, как сами крестьяне в своих требованиях. Уже летом в 1903 году, когда происходил второй съезд, Оболенский на юге России истязал крестьян за их радикальную аграрную программу. Теперь нам надо понять, что мы не должны бояться радикализма крестьянских аграрных требований в аграрном вопросе. Осуществление этих требований не остановит развития капитализма, но, в то же время, нам необходимо избегать той двойственности, которая присуща крестьянским требованиям. В них есть тот элемент, который я в своем «Дневнике» назвал—элементом китайщины; таким элементом является национализация земли. Т. Ленин находит мои взгляды неясными, но я думаю, что он просто невнимательно отнесся к моим статьям. В самом деле, посмотрите, например, что он говорит на стр. 11 своей брошюры «Пересмотр аграрной программы»: «Тов. Плеханов в № 5 «Дневника» тоже не касается ни единым словом вопроса об определенных изменениях в нашей аграрной программе. Критикуя Маслова, он защищает лишь «гибкую тактику» вообще, отвергает «национализацию» (ссылаясь на старые доводы «Зари») и склоняется, как будто, к разделу помещичьих земель между крестьянами».

Меня удивляет эта ирония по поводу «гибкой тактики», потому что в глазах с.-д. окаменелость тактики не может быть ее достоинством. На стр. 16 той же брошюры он говорит: «Тов. Плеханов в № 5 «Дневника» предостерегает Россию от повторения опытов Ван-ган-че (китайский преобразователь XI века, неудачно введший национализацию земли) и старается доказать, что крестьянская идея национализации земли реакционна по своему происхождению. Натянутость этой аргументации бьет в глаза. Поистине, qui prouve trop, ne prouve rien (кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает). Если бы Россию XX века можно было сранивать с Китаем XI века, тогда мы с Плехановым, наверное, не говорили бы ни о революционно-демократ. характере крестьянского движения, ни о капитализме в России».

Такие приемы спора мне знакомы еще со времени наших прений в с.-р. Каждая ссылка на историю встречала обыкновенно с их стороны возражение, что наше положение совсем иное, и я прекрасно знаю, что, в данном случае, наше положение совсем не то, что положение Китая в XI веке. Я категорически говорю это в своем «Дневнике»; но, несмотря на различие, есть и некоторые сходные черты, и вот на эти-то черты и нужно обратить внимание. Они заключаются именно в национализации земли, которая составляет характерную особенность нашей аграрной истории. Далее тов. Ленин говорит: «Что же касается до реакционного происхождения (или характера) крестьянской идеи национализации земли, то ведь и в идее черного передела есть неизменнейшие черты не только реакционного происхождения, но и реакционного характера ее в настоящее время». Я и это хорошо знаю. Я именно на это и указываю, и странно бить мне челом моим же добром и преподносить мне это добро в виде возражения. Я говорю, что в крестьянской идее черного передела есть реакционная черта. И именно ввиду этой реакционной черты, отразившейся на всей нашей политической истории, я высказываюсь против национализации земли. Как же ссылаться на эту черту в виде довода против меня же? Ленин смотрит на национализацию гла-

вами с.-р. Он начинает усваивать даже их терминологию,—так, например, он распространяется о пресловутом народном творчестве.

Приятно вспомнить старых знакомых, но неприятно видеть, что с.-д. становятся на народническую точку зрения. Аграрная история России более похожа на историю Индии, Египта, Китая и других восточных деспотий, чем на историю Западной Европы. В этом нет ничего удивительного, потому что экономическое развитие каждого народа совершается в своеобразной исторической обстановке. У нас дело сложилось так, что земля вместе с земледельцами была закреплена государством, и на основании этого закрепощения развился русский деспотизм. Чтобы разбить деспотизм, необходимо устранить его экономическую основу. Поэтому я—против национализации теперь. Когда мы спорили о ней с с.-р.-ми, тогда Ленин находил, что мои возражения были правильны. Ленин говорит: «Мы обезвредим национализацию», но чтобы обезвредить национализацию, необходимо найти гарантию против реставрации, а такой гарантии нет и быть не может. Припомните историю Франции; припомните историю Англии; в каждой из этих стран, за широким революционным размахом, последовала реставрация. То же может быть и у нас; и наша программа должна быть такова, чтобы в случае своего осуществления, довести до минимума вред, который может принести реставрация. Наша программа должна устранить экономическую основу царизма; национализация же земли в революционный период не устраняет этой основы. Поэтому я считаю требование национализации антиреволюционным требованием. Ленин рассуждает так, как будто та республика, к которой он стремится, будучи установлена, сохранится на вечные времена, и в этом-то заключается его ошибка. Он обходит трудность вопроса с помощью оптимистических предположений. Это обычный прием утопического мышления; так, например, анархисты говорят: «не нужно никакой принудительной организации», а когда мы возражаем им, что отсутствие принудительной организации дало бы возможность отдельным членам общества вредить этому обществу, если у них окажется такое желание, то анархисты отвечают нам: «этого быть не может». По-моему, это значит—обходить трудность вопроса посредством оптимистических предположений. И это делает Ленин. Он обставляет возможные последствия предлагаемой им меры целым рядом оптимистических «если». В доказательство приведу упрек Ленину Маслову. Он на странице 23-й своей брошюры говорит: «Проект Маслова, в сущности, молчаливо предполагает то, что требование нашей политической программы-минимум не осуществлено полностью, что самодержавие народа не обеспечено, постоянная армия не уничтожена, выборность чиновников не введена и т. д. Другими словами, что наша демократическая революция так же не дошла до своего конца, как большая часть европейских демократических революций, так же урезана, извращена, «возвращена вспять», как все эти последние. Проект Маслова специально приспособлен к половинчатому, непоследовательному, неполному или урезанному и «обезвреженному» реакцией—демократическому перевороту». Допустим, что упрек, делаемый им Маслову,—основателен, но приведенная цитата показывает, что собственный проект Ленина хорош только в том случае, если осуществляются все указываемые им «если». А если тут не будет на-лицо этих «если», то осуществление его проекта будет вредно. Но нам не нужно таких проектов. Наш проект должен быть подкован на все четыре ноги, т. е. на случай неблагоприятных «если». Полководец, который одержал наибольшее количество побед,—Наполеон—говорил, что плох тот военачальник, который рассчитывает на благоприятное стечение обстоятельств;

Я говорю, что плоха та политическая программа, которая хороша только в случае такого стечения обстоятельств. И вот почему я отвергаю национализацию. Проект Ленина тесно связан с утопией захвата власти революционерами, и вот почему против него должны высказаться те из вас, которые не имеют вкуса к этой утопии. Иное дело муниципализация. В случае реставрации, она не отдает земли в руки политических представителей старого порядка; наоборот, в органах общественного самоуправления, владеющих землею, она создает оплот против реакции. И это будет очень сильный оплот. Возьмите наших казаков. Они ведут себя как сущие реакционеры, а между тем, если бы царское правительство вздумало наложить руку на их землю, то они восстали бы за нее, как один человек. Значит, муниципализация тем и хороша, что она годится даже в случае реставрации. На этом основании меня упрекнут, может быть, в том, что я не верю в торжество революции. Если то, что я сказал, означает неверие в торжество революции, то я, действительно, грешен этим грехом. *Mea culpa, mea maxima culpa!* Я повторяю вслед за Наполеоном: «Плох тот человек, который рассчитывает лишь на благоприятное стечение обстоятельств». Впрочем, я не безусловный сторонник муниципализации. Я думаю, что если бы нам не удалось добиться ее, если бы нам пришлось выбирать между национализацией и разделом, то, в интересах революции, следовало бы предпочесть раздел. Вот в чем заключается разница между моими взглядами, с одной стороны, и взглядами Ленина—с другой. Вы можете склониться к тому или другому из них, но вы должны понимать, что совместить их невозможно.

⁵⁰⁾ *Джсон*—псевдоним меньшевика П. Маслова на объединительном съезде Р. С.-Д. Р. П.

⁵¹⁾ *«Народовольчество»*—по имени народническо-террористической партии конца 70-х и начала 80-х годов «Народная Воля». Здесь «народовольчество» употреблено в смысле тактики захвата власти революционной заговорщической организацией.

⁵²⁾ *Картвелов* (псевдоним Чичинадзе)—делегат от Кутаисской организации меньшевиков, впоследствии, в 1920—1921 г.г., военный министр меньшевистского правительства в Грузии.

⁵³⁾ *Борисов* (псевдоним примыкавшего к большевикам Н. Суворова)—видный участник сборника: «Очерки реалистического мировоззрения», выпущенного в 1904 г. А. А. Богдановым, П. П. Румянцевым, В. А. Базаровым, А. В. Луначарским,—против либерально-идеалистического сборника: «Проблемы идеализма». В 1904—1906 г.г. выступал в легальных большевистских изданиях. На объединительном съезде Борисов защищал программу конфискации земель и раздела их в собственность крестьян.

⁵⁴⁾ *Д. Ф. Трепов*—сын Спб. градоначальника Трепова, в которого стреляла В. Засулич, московский обер-полицеймейстер, ближайший помощник в. кн. Сергея Александровича и сотрудник Зубатова. После 9 января 1905 г. назначен Спб. генерал-губернатором. В октябрьские дни 1905 г. в приказе полиции бросает знаменитую фразу: «патронов не жалеть» и становится во главе высокопоставленных черносотенных погромщиков. Во дни I Думы—«либерал», ведет переговоры с Милюковым о создании кадетского министерства.

⁵⁵⁾ *И. И. Петрункевич*—старый участник земского либерально-конституционного движения (еще в 1879 г. за конституционные выступления в Черниговском земстве был выслан в Костромскую губ.), участник левого крыла земско-городских съездов 1904—1905 г.г., участвовал в депутации 6/VI—1905 г., орга-

низатор и видный член к.-д. партии; в ноябре 1905 г. ведет переговоры с Витте о вхождении в кабинет общественных деятелей, член I Гос. Думы, произносит там первую речь об амнистии.

⁶⁴⁾ *Ф. И. Родичев*—тверской помещик, представитель земского либерализма, участник земско-городских съездов 1904—1905 г.г., организатор к.-д. партии, член всех четырех Государственных Дум; после февральской революции—министр по делам Финляндии.

⁵⁷⁾ *«Русское Государство»*—официоз кабинета Витте, выходил в первые месяцы 1906 года.

⁵⁸⁾ *Шмидт*—под этим псевдонимом выступал на объединительном съезде П. П. Румянцев. Статистик по профессии, Румянцев в 1904—1905 г.г. играл видную роль среди большевиков, был членом Бюро комитета большинства, создавшего III съезд Р. С. - Д. Р. II., и участником этого съезда. В ноябре 1905 г.—ближайший сотрудник газеты «Новая Жизнь». В 1906—1907 г.г. принимал участие в легальной большевистской прессе, редактировал журнал «Вестник Жизни». После подавления 1-ой революции отошел от партии и больше в нее не возвращался, не принимая вообще участия в политической жизни.

⁵⁹⁾ *В. Ф. Дубасов*—адмирал, московск. геи.-губернатор, усмиритель московского вооруженного восстания в декабре 1905 года.

⁶⁰⁾ *В. О. Ключевский*—проф. Московского Университета, выдающийся историк, автор ряда работ по истории крестьянства в России, лучший знаток Московской Руси XVI—XVII в.в.

А. Я. Ефименко—проф. Бестужевских Высших Женских Курсов в Петербурге, специалистка по истории крестьянского землевладения в России.

⁶¹⁾ *Тов. Демьян*—псевдоним И. А. Теодоровича.

⁶²⁾ *Костров*—псевдоним Н. Жордания, известного меньшевика, бывшего главы меньшевистского правительства в Грузии.

⁶³⁾ *Брошюра «Государственная Дума и социал-демократия»* излагает два тактических взгляда, наметившихся в социал-демократии по вопросу о выборах в Виттевскую Гос. Думу. Первый—бойкот Думы—проводит статья В. И.: «Гос. Дума и социал-демократическая тактика» (перепечатана в I части VII тома, стр. 59—66), второй—использовать выборы для агитационных и организационных целей—проводит Ф. Дан в статье: «Гос. Дума и пролетариат».

⁶⁴⁾ Речь идет о «Политических письмах» известного московского историка П. Г. Виноградова в «Русских Ведомостях» от 5 августа 1905 г. «Политические письма» разобраны В. И. в статье: «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа» («Пролетарий» № 16 от 1 сентября 1905 г.), которая перепечатана в VI томе Собрания сочинений.

⁶⁵⁾ *Речь Воинова* (псевдоним А. В. Луначарского).

Товарищи! С особым наслаждением прослушал я вчера речь т. Плеханова. Никто не отделил в такой мере связи отдельных программ с политической оценкой момента, свойственной той или другой части партии. Т. Плеханов установил, что предпосылкой программы Ленина является полная и яркая победа революции. Он нашел, что т. Джон более осторожен, что он берет за исходный пункт более возможный результат, т.-е. более легкий, близкий, более серый, тусклый и половинчатый. Т. Плеханов выяснил таким образом своеобразную органическую связь между половинчатой тактикой вообще и аграрной программой т. Джона. Т. Плеханов осудил программу т. Ленина за ее революционную

яркость, призвав эту яркость за давно знакомую ему, за явно-эс-эровскую. Так ли это, однако? Та ли самая эта яркость, или совершенно другая?

По мнению т. Плеханова, главным грехом Ленина и его программы является исходная идея—«вредная и утопическая идея захвата власти», как выразился т. Плеханов. Очевидно, что он не говорил при этом о *завоевании* власти. Как мог бы т. Плеханов назвать идею завоевания власти революционным путем—вредной и утопической, когда это основная идея нашей программы-максимум? Всякая революция—большая и последовательная революция—стремится и, в случае удачи, приводит к революционному захвату власти новыми, до тех пор не стоявшими у этой власти, классами. Нет, т. Плеханов, очевидно, имел в виду заговорщический захват, тот, который теперь можно видеть разве только в оперетке. Приходят во дворец 50 замаскированных людей с кинжалами и совершают переворот. Но разве победа революции связывается у Ленина с подобным опереточным захватом власти? Ничуть. Разве октябрьское стачечное движение, декабрьское вооруженное восстание были заговорами? Но не стремился ли при этом восстании народ разрушить до конца существующую власть? Не привела ли бы победа в декабре к переходу власти в руки народа?

Т. Плеханов с неподражаемым остроумием повернул против т. Ленина его аргументацию. Т. Ленин упрекал т. Джона в том, что он не предполагает в своей программе республики, милиции, выборности чиновников и т. п. хороших вещей. Т. Плеханов вышучивал т. Ленина именно за то, что Ленин предполагает все эти хорошие вещи, что он берет себе в союзницы фортуны и, опираясь на нее, мечтает

Но, т. т., надо сразу сказать, на какой случай пишем мы нашу аграрную программу? Намечаем ли мы меры, которые социал-демократия будет отстаивать в Учредительном Собрании при полной и совершенной победе не милитаристского квази-демократизма, а истинного народоправства, или мы пишем нашу программу на случай половинчатого кадетского исхода русской революции? или, наконец, на случай ее поражения? Тогда скажите прямо, товарищи: «в случае, ежели, паче чаяния, все хорошие вещи, о которых говорит Ленин, осуществятся, мы, пожалуй, перекрестясь, и национализацию признаем, но, так как мы рассчитываем скорее на кадетский конец революции,—то выдвигаем муниципализацию, а если и того не будет, так и без всякой программы останемся, потому что мы гибки».

Товарищи, когда мы выставляем, при том заметьте, в нашей программе-минимум, требование 8-мичасового дня, не предполагаем ли мы для его осуществления очень много хороших вещей: организованность и сознательность пролетариата, благоприятную экономическую конъюнктуру и пр.? Однако мы все же выставляем именно это требование, а не 9-ти- и 10-тичасовой день, как максимальное в пределах буржуазного строя, как нормальное в данном случае, например, диктуемое научной гигиеной. Точно так же и национализация у Ленина есть требование наилучшего из возможных в законченном буржуазно-демократическом строе земельного распорядка.

Т. Плеханов говорит нам, что он усматривает с.-р-ство в Ленине. Ленин—с.-р.? Я уверен, что все, присутствующие в настоящем собрании, поняли, что т. Плеханов шутит. Серьезно утверждать, что Ленин с.-р., было бы так же дико и странно, как если бы в этом собрании раздалось утверждение, что т. Плеханов—к.-д. Для того и для другого имеются совершенно одинаковые основания. Ленин, по словам т. Плеханова, ссылкой на историю Зап. Европы противопо-

ставляет положение: «Россия находится в особенном положении».—Это эс-эровщина. Но, товарищи, не помните ли вы, кто особенно горячо нападал на русских социал-демократов за их надежду на то, что Великая Русская Революция пойдет новыми, более благоприятными для пролетариата путями? Г.г. Милюков и К^о. Неужели, исходя из этого совпадения, мы скажем, что т. Плеханов—к.-д.? Ленин говорит о захвате власти революционным народом.—Эс-эровщина. А кто с особенной страстностью нападал на эту идею, когда в дни свободы ее высказывала вся Российская С.-Д. Р. Партия? Соглашатели, к.-д.-ты. Так, значит, т. Плеханов—к.-д.? Нет, товарищи, бросим эти шутки! Здесь нет с.-р. и нет к.-д.: здесь есть только с.-д., между которыми существуют частные разногласия.

Т. Плеханов нисколько не огорчился обвинением в гибкости. С каких пор гибкость стала пороком, а окаменелость—достоинством?—спрашивает он. Но есть гибкость и гибкость. Т. Ленин доказал гибкость свою вполне недвусмысленно, когда он, под давлением событий, шагнул от отрезков, главным кумом которых он был,—к национализации. Гибкость требует постоянного пристального учета событий и соответственных изменений в тактике и иногда в программе, но изменения эти всегда должны быть строго определены. В 1849 году Маркс констатировал, что революция кончилась, и сразу изменил свою тактику, резко высказав то, что *есть*. Но не надо принимать за гибкость двусмысленность и нерешительность, выставление лозунгов, которые можно понять и так и сяк, которые годны на всякий случай, а потому не годны, как лозунги, ни для какого определенного случая.

Конечно, т. Ленин, давая свой определенный лозунг—национализация на случай полной победы революции, мог ошибиться. Напрасно т. Плеханов противопоставляет свою неуверенность в неизбежной победе революции—нашей мнимой легкомысленной уверенности в этой победе. Мы также не уверены...— Но что из этого? Пока есть основание надеяться и на победу, и на наиболее благоприятный для пролетариата исход освободительного движения—до тех пор мы должны считаться с этим и выдвигать наши самые решительные и самые широкие лозунги. Т. Плеханов сказал в своей речи, что с.-д. может позволить себе роскошь ошибки. Да, товарищи, в настоящий момент нам лучше позволить себе роскошь Ленинской ошибки, чем убожество излишней осторожности.

⁶⁶⁾ Акимов (Махновец)—был приглашен на объединительный съезд с совещательным голосом—крайний и самый последовательный оппортунист в рядах Р. С.-Д. Р. П., примкнул в конце 90-х г.г. к «экономизму», защищал бернштейнианство; его выступления—предмет постоянных похвал со стороны либералов за «реализм» и «научность» его марксизма.

На съезде Акимов высказался за безусловную поддержку либералов-кадетов.

⁶⁷⁾ Брошюра: «Победа кадетов и задачи рабочей партии» перепечатана в 1 части VII тома Собр. соч., стр. 83—150.

⁶⁸⁾ Р. М. Бланк—публицист-либерал; сотрудничал в «Освобождении» П. Струве, с 1905 г.—член редакции «Нашей Жизни» и «Товарища» (левее к.-д.).

⁶⁹⁾ Церетели—см. прим. 24 к XIV тому Собр. соч.

⁷⁰⁾ «Без заглавия»—еженедельник, выходивший в начале 1906 г. под руководством Прокоповича, Кусковой, Богучарского, Хижнякова. Платформа «беззаглавцев» так формулирована Кусковой: «Мы решительно примыкаем к тому еще неокристаллизовавшемуся у нас течению, которое на Западе связано с именем критического социализма»; на деле «беззаглавцы» тянулись за к.-д.-тами.

⁷¹⁾ Алексинский—см. прим. 168 к XIV тому Собр. соч.

⁷²⁾ Здесь идет речь о двух указах правительства Столыпина: 1) от 12/VIII о продаже части удельных (т.е. принадлежащей царской фамилии) земель и 2) от 27/VIII о распродаже казенных (т.е. государственных) земель через посредство Крестьянского банка сельским обывателям; высота банковских цен делала, однако, эти земли доступными лишь зажиточным слоям крестьянства, которые, по мысли Столыпина, должны были создать новую опору для пошатнувшегося царизма.

⁷³⁾ *В. И. Гурко*—тов. министра внутренних дел Столыпина, защищал в I Гос. Думе интересы реакционеров-агариивов против отчуждения помещичьих земель, после разгона I Думы проворовался в продовольственном деле вместе с Лидвалем: потом—видный член правой, дворянской группы Гос. Совета. Теперь лидер монархистов в блоке с правыми кадетами.

⁷⁴⁾ *Земельный проект 104-х в I Гос. Думе.*

Земельное законодательство должно стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала всему народу, при чем нужная земля для сельского хозяйства могла бы отдаваться в пользование только тем, кто будет обрабатывать ее собственным трудом. Все граждане должны иметь равное право на такое пользование ею.

Для этого должен быть образован «общенародный» земельный фонд, в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные и помещичьи земли, превышающие установленную для каждой местности «трудовую» норму. Надельные и мелкие частновладельческие земли, не превышающие трудовой нормы, остаются за теперешними владельцами, но должны быть приняты законодательные меры, чтобы предотвратить скопление земель выше трудовой нормы в одних руках и обеспечить постепенный переход их в общенародную собственность.

Вознаграждение за отчуждаемые частновладельческие земли должно производиться за счет государства.

Земля, поскольку она служит для сельского хозяйства, отдается в пользование всем желающим обрабатывать ее своим трудом, при чем в очереди местному населению отдается преимущество перед пришлым и земледельческому перед неземледельческим. Во всяком случае, каждый трудящийся имеет право на усадьбу оседлость в местности, где он живет.

Наделение земель из общенародного фонда производится в пределах трудовой нормы. Если земли для наделения всего земледельческого населения данной местности не хватает, то все, имеющие менее продовольственной нормы, получают право на переселение за счет государства в те местности империи, где земли имеется избыток.

Лицам, получившим землю из общенародного фонда и не имеющим достаточных средств для обустройства всем необходимым для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счет государства в форме ссуд и пособий.

Для подготовительных действий к земельной реформе и для упорядочения экономических отношений в течение переходного периода должны быть учреждены местные комитеты: губернские, уездные и волостные, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, для организации всего населения в участии и обсуждении реформы.

⁷⁵⁾ *Святополк-Мирский*—черносотенный помещик, депутат II Гос. Думы, открыто высказавшийся за преимущество старых крепостных порядков.

16) *Земельный проект 33-х в I Гос. Думе.*

Все граждане должны иметь равное право пользования землей.

С этой целью должен быть образован общенародный земельный фонд, в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны быть отчуждены помещичьи и проч. частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышают установленную для данной местности трудовую норму.

Вознаграждение за принудительно отчуждаемые и добровольно уступаемые в общенародный фонд земли частного владения должно производиться за счет государства.

Продажные, залоговые и дарственные сделки на землю должны быть немедленно приостановлены.

Земля, поскольку таковая может служить для сельского хозяйства, отдается в пользование всем желающим обрабатывать ее своим трудом, при чем в очереди местному населению отдается преимущество перед пришлым и земледельческому перед неземледельческим. Каждый трудящийся имеет право на усадьбную оседлость в той местности, в которой он живет, и право на надел в той местности, где имеется свободная земля.

Наделение земель производится в пределах трудовой нормы. Все, имеющие менее продовольственной нормы, получают право на переселение за счет государства в те местности империи, где в земле имеется избыток.

Лицам, не имеющим достаточно средств для обзаведения всем необходимым для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счет государства в форме ссуд и пособий.

17) *Закон 9 ноября 1906 г.*, изданный Столыпиным помимо Гос. Думы и потом ей навязанный, приводил к разрушению общины и выделению на хутора и отруба «хозяйственных мужичков»—кулаков. Столыпин сознательно делал «ставку на сильных», нащупывая новый для самодержавия базис вместо разлагавшегося дворянства.

18) *М. Шанин*—бундовец, делегат Лондонского съезда Р. С.-Д. Р. П. (см. о съезде в VIII томе Собр. соч.).

19) *Родбертус* (1805—1875 г.г.)—экономист, один из крупных теоретиков так наз. «государственного социализма». Анализ его взглядов см. у Г. В. Плеханова (в I томе Сочинений под ред. Рязанова).

20) См. II приложение к VII тому Собр. соч., № 9.

21) *Указ 11/XII—1905 года о выборах в Гос. Думу*, сохраняя куриальную систему, многостепенность выборов, предоставлял избирательные права некоторым разрядам мелкой и средней буржуазии и отчасти рабочим; участие последних в выборах было обставлено большой сложностью процедуры и крайним формализмом.

22) *Государственный переворот 3 июня 1907 г.* был произведен Столыпиным одновременно с разгоном II Гос. Думы; в нарушение «основных законов», акт 3 июня изменял избирательные права в Гос. Думу в пользу помещиков и крупной буржуазии, вводя куриальную систему выборов, лишая избирательных прав окраины России, отнимая у пролетариата даже те скудные права, которыми он пользовался по Виттевскому закону 11 декабря 1905 г.

23) *Ю. Ларин*—см. прим. 258 к XIV тому Собр. соч.

⁸⁴⁾ *Партия Народной свободы*—название, принятое кадетами на II партийном съезде в январе 1906 г., как предвыборный маневр для обмана широких масс населения.

⁸⁵⁾ Здесь идет речь, главным образом, о *Луи Блане*.

⁸⁶⁾ *Генри-Джордж* (1839—1897 г.г.)—американский экономист, автор книги «Прогресс и бедность», защитник *национализации* земли, как главного средства к исцелению всех социальных бедствий; в программе Г.-Джорджа национализация обозначала передачу всей земли, как главного орудия производства, в руки всего народа или государства и раздачу ее участками в аренду лично трудящимся, в качестве средства к установлению национализации предполагалось введение налога на землю, равного ее доходу, что побудило бы нынешних частных собственников продать свои земли или передать их в полное распоряжение государственной власти.

⁸⁷⁾ Речь идет о выступлениях Плеханова и Маслова-Джона на объединительном съезде в Стокгольме в апреле 1906 г. в защиту муниципализации против Ленинской национализации.

⁸⁸⁾ *Послесловие автора к книге*.—Настоящая работа написана в конце 1907 г. В 1908 году она была напечатана в Питере, но царская цензура захватила и уничтожила ее. Уцелел всего один экземпляр, в котором недостает конца, так что этот конец приписан теперь.

В настоящее время революция поставила аграрный вопрос в России неизмеримо шире, глубже и острее, чем в 1905—1907 г.г. Ознакомление с историей нашей партийной программы в первой революции поможет, я надеюсь, правильнее разобраться в задачах теперешней революции.

Особенно надо подчеркнуть следующее. Война причинила такие неслыханные бедствия воюющим странам, а в то же время она так гигантски ускорила развитие капитализма, превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический, что ни пролетариат, ни революционная мелкобуржуазная демократия *не могут* ограничиваться рамками капитализма.

Жизнь уже пошла дальше этих рамок, поставив на очередь для регулирования производства и распределения в общегосударственном масштабе, всеобщую трудовую повинность, принудительное синдицирование (объединение в союзы) и т. д.

При таком положении дела и национализация земли в аграрной программе неизбежно приобретает иную постановку. Именно: национализация земли есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и *шаг к социализму*. Нельзя бороться с бедствиями войны, не делая таких шагов.

Пролетариат, руководя беднейшим крестьянством, вынужден, с одной стороны, переносить центр тяжести с Советов крестьянских Депутатов на Советы Депутатов от сельских рабочих, а с другой стороны, требовать национализации инвентаря помещичьих имений, а равно образования из них образцовых хозяйств под контролем этих последних Советов.

Подробнее останавливаться здесь на этих важнейших вопросах я, конечно, не могу, и должен отослать интересующегося читателя к текущей большевистской литературе и к моим брошюрам: «Письма о тактике» и «Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии)».

⁸⁹⁾ Статья «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» была написана для Энциклопедического словаря Граната, но по цензурным условиям не попала туда и была напечатана отдельной брошюрой только в 1918 г.

⁹⁰⁾ *О II съезде Р. С.-Д. Р. П.* см. брошюру Н. Ленина: «Шаг вперед, два шага назад» в V т. Собр. сочинений.

⁹¹⁾ *Аграрная часть программы Р. С.-Д. Р. П., принятая на II съезде.*

В целях же устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, партия требует прежде всего:

1. Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие.

2. Отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей.

3. Возвращения крестьянам денежных сумм, взятых с них в форме выкупных и оброчных платежей; конфискации с этой целью монастырских и церковных имуществ, а также имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии, а равно обложения особым налогом земель землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ.

4. Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или, — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для передачи в собственность крестьян на Кавказе тех земель, которыми они пользуются, как временно-обязанные (хизаны и проч.); в) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и других областях государства.

5. Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

⁹²⁾ Здесь идет речь о революциях: Великой Французской 1789 г. и революции 1848 г.

⁹³⁾ *Горин* (псевдоним Галкина)—делегат от Саратовского Комитета на II съезде Р. С.-Д. Р. П.

⁹⁴⁾ *Егоров* (псевдоним Е. Левина)—делегат от группы «Южный Рабочий» на II съезде.

⁹⁵⁾ *Либер* (Гольдман)—делегат Бунда на II съезде, известный меньшевик-оборонец.

⁹⁶⁾ *Махов* (псевдоним Калафати)—делегат от Николаевского Комитета на II съезде.

⁹⁷⁾ *Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. (апрель—май 1905 г., Лондон).*

Еще в феврале 1905 года Бюро Комитетов Большинства разослало местным организациям приглашение на III партийный съезд; меньшевистский Совет Партии, которому II съезд присвоил право созыва съезда, заявил протест против действий Бюро. Но вскоре съезд был объявлен и Ц. К. партии, до того поддерживавшим меньшевиков.

Присутствовало на съезде с решающим голосом 42 делегата от 21 местной организации и 4 делегата от Ц. К.

Главная задача была: *выработать тактические директивы, ввиду наступившей революции.*

Директивы, данные съездом, сравнительно с резолюциями одновременно происходившей меньшевистской конференции, разобраны Н. Лениным в работе: «Две тактики с.-д-тии в демократической революции» (перепечатана в VI томе Собрания сочинений).

УКАЗАТЕЛИ

І. Указатель имен.

А.

Аксельрод—271, 418.
Акимов (Махновец)—413.
Алексинский—440, 593.
Андерсон—471, 472, 659.
Анненский—616.
Афанасьев—564, 566.

Б.

Бензинг—65—66, 144
Бер—454.
Бердяев—62, 84.
Бернштейн—79, 80, 116, 271, 519.
Благовещенский—658.
Бланк—418.
Бобринский—552—554, 556, 558, 560—561, 571.
Борисов (Суворов)—404, 407, 420, 485—486, 511.
Брентано—47, 83—85.
Булат—585.
Булгаков—1—42, 45—77, 83, 89, 96—97, 120—123, 130—132, 142, 144, 146, 152, 496, 498.

В.

В. В. (Воронцов)—158, 369, 537, 569, 621, 625, 638.
Васютин—577.
Виноградов—416.
Витте—298, 521, 557.
Вихляев—469, 625.
Воинов (Луначарский)—417.
Волк-Карачевский—478, 559, 570.
Вэст—53, 55.

Г.

Гаврильчик—583.
Гейден—448, 560.
Гельмерсен—454.
Гельме—150.
Герц—45, 64, 67—68, 70, 74, 77—81, 83, 91—92, 96, 103, 105—107, 109, 115, 135—136, 137—139, 146, 271.
Герцеништейн—164, 573.
Гессен—415.
Гехт—90—95.
Гирнюс—583.
Гольц—71.
Горин (Галкин)—668—669.
Грабский—583.
Гиммер—185—252, 191, 194—195, 197, 203.
Грингмут—383.
Громан—381, 470, 480—481, 483.
Гроссман—145.
Грудинский—583.
Гурко—453, 462, 467, 556.
Гушке—105.

Д.

Давид—67—68, 79—81, 89—91, 92, 109, 135—136, 143—154, 157—158, 161—163, 170, 182, 226, 271, 329.
Дан—588.
Деларов—438, 570.
Демьян (Теодорович)—410—411.
Дэжон (Маслов)—398, 403, 407, 413, 419, 422, 460—462, 467, 522—524, 529, 541—542, 586

Джонс—499.
Джордж Г.—579.
Дионео (Шкловский)—11.
Дмовский—583, 590.
Дрекслер—154—156, 158—159, 161—
162, 179, 637.
Дубасов—382, 409, 417, 420.
Дурново—557.

Е.

Евлогий—583.
Евреинов—558—559.
Егоров—667—669.
Ермолов—334.
Ефименко—410.

Ж.

Жбанков—635.
Жилкин—560.

З.

Зейффергельд—73.
Зеринг—24.
Золотарев—438.
Зомбарт—278.
Зорге—544.

И.

Икс (Маслов)—358—370, 377, 379—
381, 383, 385, 395, 461, 667, 669.
Измайлов—591.

И.

Кабаков—580, 581.
Каблуков П.—5, 17, 24—25, 87.
Капустин—554, 562.
Каратаев—586.
Караваев—164, 569—573, 590.
Караулов—526, 556, 588.
Картвелов (Чичинадзе)—403.
Карышев—625.
Каутский—1—42, 45—46, 68—72,
74, 79—83, 85—89, 96, 105,—
106, 113, 120, 121, 122, 138,
145, 147, 281—282, 299, 379—
380, 383, 388, 474, 493, 500,
508, 533, 539—540, 549, 550, 570.
Кауфман—417, 428, 451—453, 455,
527, 528, 531, 533, 542, 599,
616, 619—620.

Кейслер—621.
Кениг—38.
Кергер—30.
Кирносов—577.
Киселев—574, 575—576.
Клавки—97—104, 110, 147, 163.
Ключевский—410.
Кочошкин—448.
Короленко—644, 646.
Костров (Жордания)—414, 423, 461,
462, 467, 543, 669.
Котляревский—448.
Крейцберг—584.
Кригз—474, 479, 671—681.
Крупенский—557, 562.
Кутлер—384, 417, 448, 449, 479,
557, 561, 571, 580, 585, 590,
591.
Кутцлеб—65.

Л.

Лассаль—554.
Ларин—543—544, 547—548.
Леопа—585.
Либер (Гольдман)—668, 670.
Либих—55, 81—85, 152.
Лидваль—453.
Львов—555.
Люксембурге Р.—281—282, 388.

М.

Мак—73, 75.
Мальтус—53, 55, 152.
Маресс—626.
Маркс—1—2, 5, 22—24, 34, 40—
41, 47, 51—62, 67, 73, 81, 85,
147, 152, 189, 221—223, 276,
400, 404, 421, 471, 473—474,
479, 486, 488, 491—503, 506—
507, 508—512, 529, 550, 593,
657, 659—660, 670, 676—681.
Мартьянов (Пиккер)—271—272, 277,
279—281, 286, 289, 392—394,
521, 667, 669.
Маслов П.—62, 72, 153, 379—381,
385—391, 394, 395, 406, 414,
419—422, 446, 461—468, 478—
479, 483, 494—507, 526—529,
530, 532, 535, 549, 555, 588, 593.

Махов—669.
Медведев—585.
Меринг—474.
Меркулов—568, 569.
Мертваго—450, 453, 612.
Милюков—415, 448.
Михайловский—81.
Мишин—405.
Морис—135.
Мороз—564.
Мушенко—470, 478, 482, 581.
Мюльбергер—88.

Н.

Надеждин (Зеленский)—285.
Назаренко—577.
Наконечный—583.
Нечитайло—577.
Новосецкий—523—524, 526, 528, 536, 588.
Н.—он (Даниельсон)—87, 625, 644.

О.

Однокозос—468.
Озолин—584.
Озоль—590, 593.
Оленов—495.
Орлов—621.
Оуэн—11.

П.

Павилос—585.
Парвус—41, 500.
Перельс—65.
Петерсон—468.
Петроченко—449, 590.
Петрункевич—405, 417, 421, 560.
Пешехонов—469—470, 481—482, 510, 536—537, 569.
Плеханов—271, 375, 376, 379—381, 383—384, 399, 400—402, 407—414, 417—421, 422, 457, 459, 506, 517, 518—523, 524, 525, 528—529, 533—536, 538—540, 555, 567, 586.
Понятовский—583.
Постников—16.
Поляков—572, 594.

Принсгейм—73—74.
Прокопович—278, 438—439, 450, 612.
Птицын—536
Пудор—164—170, 182.
Пуришкевич—564, 565, 567.
Пьяных—572.

Р.

Ранке—107.
Рикардо—52—54, 59, 152, 471—473, 650—661.
Рихтер—80—81.
Родбертус—58, 497, 660.
Родичев—405, 417, 421.
Рожков—379—381.
Рубакин—440, 606.
Рудин—364, 367.
Руднев—644.
Рютли—584.

С.

Савельев—448, 561.
Сагателян—579, 585.
Сайко—586.
Сахно—564.
Святополк-Мирский—467, 574, 590.
Семенов—449, 564, 565.
Сисмонди—4.
Скворцов А.—5, 50.
Скирмунт—555.
Смит А.—492.
Стецкий—584.
Стишинский—462, 467.
Столыпин—446, 447, 451, 469, 475, 479, 480, 483, 510, 522, 526, 553, 556, 560, 566, 570, 583, 598.
Струве—26—48, 51, 58, 69, 83, 84, 116, 278, 503, 577.
Струмилин—549.
Сьртланов—586.

Т.

Танцов—556.
Татаринов—448, 559, 575, 593.
Тезяков—646.
Тер-Авертиняц—585.
Тетеревенков—451.

Голстой—83.
Трасун—583.
Трепов—405, 409, 420, 421.
Троцкий—670.
Туған-Барановский—26, 48, 69.
Тышкевич—583—584.
Тэнисон—584.

У.

Уваров—644.
Успенский Г.—12.
Успенский (депутат II Гос. Думы)—559, 579.

Ф.

Финн - Енотаевский А. — 379 — 384,
470, 482, 486, 507, 509.
Фомичев—591.
Френкель—560.
Фюлинг—65.

Х.

Хан-Хойский—585.
Хасанов—586.
Хворостухин—581.

Ц.

Церетели—518, 590—591, 593—595.

Ч.

Чаксте—584.
Чернов В.—45, 64, 77—87, 90—91,
103, 109, 112, 135—136, 146, 271,
486.

Чижевский—440, 586—587, 594, 663.
Чупров—448, 484, 560.

Ш.

Шанин—483—486, 549, 654—655
Шаховской—101, 560.
Шидловский—555.
Шиманский—583.
Шингарев—556, 558, 559, 560, 561,
594.
Шиппель—79.
Шмидт (Румянцев)—525.
Шпренгер—111.
Штумпфе—65.
Шульгин—555

Щ.

Щербина—451.

Э.

Эльдарханов—586.
Энгельгардт А.—12, 147.
Энгельс—34—35, 84—85, 87—88
474, 544—545.

Ю.

Юрашевский—584.
Юрикэ—584.

Я.

Янсон—140.

II. Указатель работ, использованных автором.

А

Аппенский—«Влияние урожая»

Б.

Ф. Бензинг—«Влияние сельско-хоз. машин на народное и частное хозяйство». Бреславль 1897.

С. Булгаков—«К вопросу о капиталистической эволюции земледелия» («Начало», 1899, №№ 1—2).

Его же—«Капитализм и земледелие», I—II. Спб. 1900.

В.

В. В.—«Новый тип земско-статистического издания («Северный Вестник», 1885 г., № 11).

П. Вихляев—«Народно-социалистическая партия и аграрный вопрос» (Сборник статей № 1, Книгоиздательство «Наша Мысль», Спб 1907).

Г. (H).

E. Helms—«Die sozialdemokratische und gewerkschaftliche Bewegung in Danemark». Leipzig 1907.

Герц—«Аграрный вопрос в его отношении к социализму». Вена 1899 Русск. пер. А. Ильинского. Спб. 1900.

M. Hecht—«Drei Dörfer der badischen Hard». Leipzig 1895.

Д.

Э. Давид—«Крессгянские варвары» («Социалистический Ежемесячник». 1899, кн. II).

Его же—«Социализм и сельское хозяйство».

Е.

Ермолов—«Неурожай и народное бедствие».

Ж.

Жбанков—«Бабыя сторона». Кострома 1891.

К.

H. Каблук—«Об условиях развития крестьянского хозяйства в России».

Его же—«Лекции».

Карышев—«Итоги земской статистики».

К. Каутский—«Аграрный вопрос».

Его же—«Электричество в сельском хозяйстве» («Neue Zeit» № 18, 1899—1900).

Его же—«Толстой и Brentano» («Neue Zeit», т. XIX, № 27, 1900—1901).

Его же—«Аграрный вопрос в России».

Кауфман—«Переселение и колонизация». Спб. 1905.

Его же—«Переселение и его роль в аграрной программе» («Аграр-

- ный вопрос». Изд. Долгорукова и Петрункевича, т. II).
- Его же*—«К вопросу о нормах дополнительного наделения» («Аграрный вопрос». Изд. Долгорукова и Петрункевича, т. II).
- Кениг* — «Положение английского сельского хозяйства». Иена 1896.
- К. Klawki*—«Ueber Konkurrenzfähigkeit des Landwirtschaftlichen Kleinbetriebes» («Thiel's Landwirtschaftliche Jahrbücher». 1899. Heft 3—4).
- С. Короленко* — «Вольно - наемный труд».

Л.

- Ю. Ларин*—«Крестьянский вопрос и соц.-демократия».

М.

- Маресс*—«Влияние урожая и хлебных цен». Т. 1-й.
- Маркс*—«Капитал», т. III
- Его же*—«Теории прибавочной ценности».
- П. Маслов*—«К аграрному вопросу» («Жизнь» 1901 г., №№ 3—4).
- Его же*—«Критика аграрных программ». Москва 1905.
- Его же*—«Аграрный вопрос в России».
- Маслов и Каутский*—«К вопросу об аграрной программе». Изд. «Нов. Мир». М. 1906 г.

О.

- М. Оленов*—«О теоретических основах муниципализации земли» («Образование» 1907 г., № 1).

П. (Р).

- Парвус*—«Мировой рынок и сельскохозяй. кризис».
- А. Пешехонов*—«Аграрная проблема в связи с крестьянским движением». Спб. 1906 г.

- Плеханов* — «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», 1892 г.
- Его же*—«Всероссийское разорение». (Брошюра.)
- Его же*—«Новые письма о тактике и бестактности». Изд. Глаголева.
- В. Постников*—«Южно-русское крестьянское хозяйство». Москва 1891.
- О. Pringsheim*—«Landwirtschaftliche Manufaktur und elektrische Landwirtschaft» («Brauns Archiv», XV 1900).

Прокопович—Статьи из газеты «Товарищ» 1907 г. № 214 от 13/III и № 288 от 10/IV.

Прокопович и Мертваго — «Сколько в России земли и как мы ею пользуемся». Москва 1907.

Н. Pudor—«Das landwirtschaftliche Genossenschaftswesen im Auslande». Band I. Leipzig 1904.

С.

- А. Скворцов* — «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство». Варшава 1890.
- Струве*—«Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Спб. 1894.

Ф.

- А. Финн-Енотавский* — «Аграрный вопрос и соц.-демократия».

Ч.

- А. И. Чупров*—«Аграрный вопрос».

Ш.

- М. Шанин* — «Муниципализация или раздел в собственность». Вильна 1907.

Э.

- Энгельс*—«Анти-Дюринг».
- Его же*—«К жилищному вопросу» Цюрих 1887.

Я.

- Янсон* — «С.-Петербург по переписи 1890 года».

III. Указатель материалов, использованных автором.

- «Вольно-наемный труд в хозяйстве». Вып. V-й, «Сельско-хозяйственные и статистические сведения, полученные от хозяев».
- «Материалы к вопросу о нуждах сельско-хоз. промышленности в Саратовской губ.». Саратов 1903 г.
- «Материалы к крестьянскому вопросу». (Отчет о засед. делегатского съезда Всеросс. Кр. Союза 6—10/XI 1905 г. с вступительной статьей В. Громана.) Изд. «Новый Мир». Спб. 1905 г.
- «Сборник Известий Кр. Деп. и Трудовой России». Спб. 1906 г.
- Сборник статей № 1. Книгоизд. «Наша Мысль». Спб. 1907 г.
- «Аграрный вопрос». Сборник ст., т. II. Изд. Долгорукова и Петрункевича. Москва 1907 г.
- «Немецкое народное хозяйство к концу XIX века». Берлин 1900 г.
- «Обзор табаководства в России». Вып. II и III. Спб. 1894 г.
- «Обзор Ярославской губ. за 1896 г.».
- «Сельская статистика Франции». Париж 1897 г.
- «Список чл. II Гос. Думы». Спб. 1907.
- «Статистика Германской империи». Т. 112, «Сельское хозяйство в Германской империи». Берлин 1898.
- «Словарь Брокгауза-Ефрона, т. 32, статья «Крестьяне».
- «Статистика землевладения 1905 г.». Изд. Центр. Стат. Ком. Спб. 1907
- «Стенографический отчет I Гос. Думы».
- «Стенографические отчеты II Гос. Думы».
- «Постановление съездов Крест. союза 1 августа и 6 ноября 1905 г.». Спб. 1905.
- «Протоколы Стокгольмского съезда».
- «Протоколы Учредительного съезда Всеросс. Кр. Союза». Спб. 1905.
- «Statistical Abstract of the United States 1911».
- «Census Reports. Twelfth Census 1900. Vol. V: Agriculture». Wash. 1902.
- «Thirteenth Census of the United States, taken in the year 1910. Vol. V: Agriculture». Wash. 1913.

СО ДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Часть I. Аграрный вопрос и марксизм	III—260
<i>Капитализм в сельском хозяйстве.</i> (О книге Каутского и статье г. Булгакова.) («Жизнь», январь—февраль 1900 г.).	V—42
Статья первая	1
Статья вторая	31
Гл. «критики» в аграрном вопросе	43—82
I. «Закон» убывающего плодородия почвы.	45
II. Теория ренты.	56
III. Машины в сельском хозяйстве.	64
IV. Уничтожение противоположности между городом и деревней. Частные вопросы, поднятые «критиками».	77
V. «Процветание передовых современных мелких хозяйств». Монография Гехта	89
VI. Производительность мелкого и крупного хозяйств. Пример из Восточной Пруссии	95
VII. Баденская анкета о крестьянском хозяйстве	107
VIII. Общие данные немецкой сельско-хозяйственной статистики за 1882 и 1895 г.г. Вопрос о средних хозяйствах	117
IX. Молочное хозяйство и сельско-хозяйственные товарищества в Германии. Сельское население Германии по положению в хозяйстве	128
X. «Труд» немецкого Булгакова, Э. Давида.	143
XI. Скотоводство в мелком и крупном хозяйстве.	153
XII. «Идеальная страна» с точки зрения противников марксизма в аграрном вопросе	164
Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I.	
Капитализм и земледелие в Соед. Штатах Америки.	183—260
1. Общая характеристика трех главных районов. Колонизируемый запад и гомстэды	187
2. Промышленный север	190
3. Бывший рабовладельческий юг	191
4. Средний размер ферм. «Разложение капитализма» на юге.	194
5. Капиталистический характер земледелия.	198
6. Районы самого интенсивного земледелия	202

	<i>Стр.</i>
7. Машины и наемный труд в земледелии	208
8. Вытеснение мелких хозяйств крупными	212
9. Продолжение. Данные о стоимости ферм.	218
10. Недостатки обычных приемов экономического исследования.	221
11. Более точное сравнение мелких и крупных хозяйств	227
12. Различные типы хозяйств в земледелии.	234
13. Как преуменьшается вытеснение мелкого производства крупным в земледелии	239
14. Экспроприация мелких земледельцев	245
15. Сравнительная картина эволюции промышленности и земледелия.	251
16. Итоги и выводы.	258
Часть II. Аграрный вопрос в русской революции.	261—664
Рабочая партия и крестьянство («Искра» № 3, апрель 1901 г.)	263
Аграрная программа русской социал-демократии («Заря» № 4, август 1902 г.)	270
<i>К деревенской бедноте (брошюра).</i>	<i>303—357</i>
1. Борьба городских рабочих	305
2. Чего хотят социал-демократы	306
3. Богатство и нищета, собственники и рабочие в деревне	315
4. Куда идти среднему крестьянину? На сторону собственников и богатых или на сторону рабочих и неимущих	326
5. Каких улучшений добиваются социал-демократы для всего на- рода и для рабочих	332
6. Каких улучшений добиваются социал-демократы для всех крестьян	340
7. Классовая борьба в деревне	352
Ответ тов. Иксу на критику нашего проекта аграрной программы	358
Из резолюций конференции «большинства» в Таммерфорсе	371
<i>Пересмотр аграрной программы рабочей партии.</i>	<i>373—397</i>
I. Беглый очерк историч. развития взглядов русской соц.-демокра- тии на аграрный вопрос	375
II. Четыре течения внутри социал-демократии по вопросу об аграр- ной программе	379
III. Главная ошибка тов. Маслова	387
IV. Задачи нашей аграрной программы	392
V. Проект аграрной программы	396
3. Ключительное слово по аграрному вопросу на IV «Объединительном» съезде Р. С.-Д. Р. П.	398
Аграрный вопрос на Стокгольмском Объединительном съезде. (Из «До- клада об Объединительном съезде Р.С.-Д.Р.П.»).	407
<i>Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905 — 1907 г.г.</i>	<i>425—600</i>
Гл. I. <i>Экономические основы и сущность аграрного переворота в России</i>	<i>428</i>
1. Землевладение в Европейской России	—

	<i>Стр.</i>
2. Из-за чего идет борьба?	432
3. Затумашивание сущности борьбы кадетскими писателями	437
4. Экономическая сущность аграрного переворота и его идеальные облачения	439
5. Два типа буржуазной аграрной эволюции	443
6. Две линии аграрных программ в революции	446
7. Земельная площадь России. Вопрос о колонизации.	450
8. Резюме экономических выводов I главы	456
Гл. II. Аграрные программы Р. С.-Д. Р. П. и их проверка революцией.	457
1. В чем ошибка прежних программ русской соц.-демократии.	—
2. Теперешняя аграрная программа Р. С.-Д. Р. П.	459
3. Проверка жизнью главного довода муниципалистов	462
4. Аграрная программа крестьянства	467
5. Средневековое землевладение и буржуазная революция	471
6. Почему мелкие собственники в России должны были высказаться за национализацию?	474
7. Крестьяне и народники о национализации наделных земель.	480
8. Ошибка М. Шанина и других сторонников раздела	483
Гл. III. Теоретические основы национализации и муниципализации.	489
1. Что такое национализация земли?	490
2. П. Маслов исправляет черновые наброски К. Маркса.	494
3. Необходимо ли для опровержения народничества опровергнуть Маркса?	501
4. Связано ли отрицание абсолютной ренты с программой муниципализации?	504
5. Критика частной собственности на землю с точки зрения развития капитализма.	506
6. Национализация земли и «денежная» рента.	509
7. При каких условиях может осуществиться национализация.	510
8. Национализация—переход к разделу.	514
Гл. IV. Политические и тактические соображения в вопросах аграрной программы.	517
1. «Гарантия от реставрации».	—
2. Местное самоуправление, как «оплот против реакции»	522
3. Центральная власть и укрепление буржуазного государства.	526
4. Размах политического и аграрного переворота.	532
5. Крестьянская революция без завоевания власти крестьянством.	537
6. Достаточно ли гибкое средство национализация земли?	541
7. Муниципализация земли и муниципальный социализм.	543
8. Некоторые примеры порожденной муниципализацией путаницы.	547
Гл. V. Классы и партии по прециям во Второй Думе об аграрном вопросе.	551
1. Правые и октябристы	552
2. Кадеты	557

	<i>Стр.</i>
3. Правые крестьяне	562
4. Беспартийные крестьяне	564
5. Народники-интеллигенты	569
6. Крестьяне-трудовики (народники)	574
7. Социалисты-революционеры	578
8. Националы	582
9. Социал-демократы	590
<i>Заключение</i>	597
<i>Аграрный вопрос в России к концу XIX века</i>	601—664
I.	603
II.	612
III.	620
IV.	631
V.	640
VI.	648
VII.	654
<i>Добавление.</i>	665
Речи на II съезде Р. С.-Д. Р. П. по аграрному вопросу	667
Онашей аграрной программе (письмо III съезду) («Вперед» № 12, от 16 марта 1905 г.).	671
Маркс об американском «черном переделе» («Вперед» № 15, от 7 апреля 1905 г.).	676
Резолюция III съезда Р. С.-Д. Р. П. об отношении к крестьянскому движению	682
<i>Приложение</i>	685
<i>Примечания.</i>	707
<i>Указатели.</i>	729

